

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

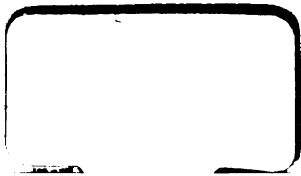
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51ev 3 79.55

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1878
9-12

7038
85-8

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1878.

№ 9.—Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининский каналъ, 168.

1878

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го.

- 1 Очерки древне-римской жизни: **Теодора Симонса** переводъ **М. Лютова.**
- 2 Земскій Ярыжка. (Изъ записокъ земскаго дѣятеля). **Богословскаго.** (Окончаніе).
- 3 Супружества Генриха VIII. **Юлія д'Арми.** (Окончаніе).
- 4 Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ **Н. А. Соколовскаго.** (Окончаніе).
- 5 Библиографическій указатель.

тѣхъ Гг. Под-
ей подписной
части по раз-
нѣ № 10 жур-

1945 г.

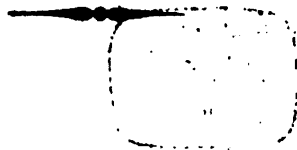
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1878.

№ 9.—Сентябрь.

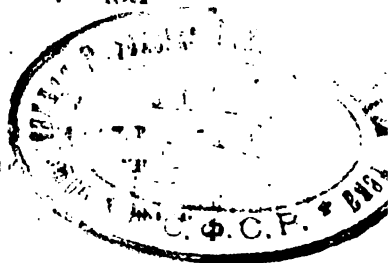

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Императорский каналъ 108.

1878

Δ
PSI av 370.55 ($\frac{1878}{9-12}$)

РАЗДЕРЖОУМ

А И Т О Е Я

1. Очерки древне-римской жизни. Теодора Симмеса переводъ . . . . . 61—90
2. Земскій Ярыжка. (Изъ записокъ земскаго дѣятеля). Богословскаго. (Окончаніе) . . . . . 65—126
3. Супружества Генералъ-Шейдеманъ (Окончаніе) 65—114
4. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація вгосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ Ш. А. Богословскаго. (Окончаніе) 225—266
5. Библиографическій указатель. . . . . 1—22

Издательство

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Августа 1878 г.

Скачки въ Большомъ Римскомъ циркѣ.

10 г. по Р. X.

Motto: «Panem et circenses».

Въ конюшнѣ.

— Въ такой поздній часъ, другъ Цестъ, я вижу тебя, здѣсь въ святилищѣ Эпоны? Какой богинѣ обрванъ я честью твоего посвѣщенія?

— Цезарь Августъ, мой высокій повелитель, послалъ меня къ тебѣ, Эмилиј Гутта, вотъ съ этимъ кошелемъ, заключающимъ въ себѣ двѣсти тысячъ серебряныхъ, которыя будутъ принадлежать тебѣ, если тебѣ угодно на завтрашнихъ скачкахъ встать на сторону Зеленыхъ и помочь имъ одержать побѣду.

— Двѣсти тысячъ сестерціевъ? Да я едва вѣрю своимъ ушамъ. Ф! какая ничтожная сумма для такой важной особы! Если ты не имѣешь предложить мнѣ ничего лучшаго, то больше я не удерживаю тебя и съ такими предложеніями — клянусь Стивсомъ, ты не заслужилъ бы даже соли для своихъ ларовъ.

Юлія, дочь Цезаря, третьяго дня предлагала мнѣ втрое больше, чтобы склонить меня на сторону Голубыхъ и, пусть будетъ Эпона свидетельницей, всадники изъ партіи Бѣлыхъ обѣщали мнѣ еще болѣе, если перейду къ нимъ. Но и у возницы есть свое самолюбіе: Голубые черезъ меня одержать побѣду, Голубые, слышишь-ли ты, Цестъ? Иди сюда! Посмотри, найдется-ли во всемъ римскомъ государствѣ другая такая четверка? вонъ мой Целаторъ, быстрый какъ стрѣла, а вонъ Фортунатъ, нетерпѣливый

и всегда увѣренный въ побѣдѣ. Видѣлъ-ли ты когда нибудь, какъ мой Овеанъ, котораго весь городъ называетъ бѣшеннымъ, вихремъ мчится по аренѣ, вздымая цѣлыя тучи пыли? А слышалъ-ли, какія рукоплесканія раздаются въ честь моего Пассерина, одержавшаго уже десять побѣдъ,—Пассерина, въ жилахъ котораго течетъ благородная андалузская кровь Делія. Сознайся, другъ, что прежде ты не видывалъ такихъ великолѣпныхъ животныхъ.

Мнѣ васъ жаль, Зеленые! Съ тѣхъ поръ, какъ Скорпъ, вашъ возница, сломалъ себѣ шею, и Андромена издохла отъ яду, вы стали прибѣгать къ жалкимъ подкупамъ. Но я не знаю себѣ достойнаго противника, а мой Пассеринъ оставить позади любаго скакуна:

Иди, Цестъ, и передай своему высокому повелителю что слышалъ отъ меня.

— Эмилиј Гутта! я поговѣтывалъ-бы тебѣ не раздражать императора. Не забудь, что есть средства, которыми легко могутъ доставить побѣду надъ Голубыми. Вспомни о жеребцѣ Инцитатѣ, который былъ отравленъ ядомъ и въ бѣшенствѣ прокусилъ руку своему господину. Стоитъ только пустить капельку такого снадобья въ ухо твоему Пассерину, и ты вмѣстѣ съ нимъ отправишься въ праотцамъ. Возми это золотое кольцо, Гутта; заключающагося въ немъ яда достаточно будетъ для того, чтобы выравить всѣ конюшни у подножія Капитолія.

Завтра ты будешь благодарить знатныхъ матронъ изъ партіи Зеленыхъ, когда онѣ на скачкахъ станутъ рукоплескать тебѣ, какъ побѣдителя; я уже теперь вижу, какъ изъ ложи Ливіи летать вѣнки, украшенные драгоценными камнями. Горятъ щеки надменной римлянки, когда ты останавливаешь на ней свой взглядъ! И кто рѣшится тогда запереть для тебя двери своего дома? Или ты предпочтешь остаться Голубымъ, и быть по прежнему въ числѣ обыкновенныхъ возницъ цирка, которые находятъ себѣ похвалы только въ кабакахъ да люпанаріяхъ?

Нѣтъ! Гутта, бери деньги съ вольдомъ и эту бумагу отъ императора на званіе свободнаго римскаго гражданина. Ты влюбляешься, Эмили? Чего же тебѣ больше? — Я... я согласенъ, Цезарь можетъ на меня рассчитывать. Съ этихъ поръ я принадлежу къ партии Зеленыхъ. Прощай!

Что заключается въ этомъ письмѣ, очевидно писанномъ женскою рукою?

«Эмили! На завтрашнемъ состязаніи Сиэльія изъ ложи близъ поворота будетъ незамѣтно наводить маленькимъ ручнымъ зеркаломъ солнечные лучи на глаза воиновъ твоихъ противниковъ. Два богатыхъ землевладельца бьются объ закладъ. Побѣда или смерть!»

«Хорошо, пусть такъ! Курій и вы, мои вѣрные слуги, позаботьтесь, чтобы ничто не потревожило сна лошадей и чтобы лунный свѣтъ даже не проникалъ къ нимъ въ стойла. Приготовьте мнѣ ножи и ремни; завтра въ пять часовъ ждите моихъ привазацій. Теперь я иду на жертвоприношеніе. Если въ моемъ отсутствіи будетъ кто-нибудь васъ спрашивать, то говорите, что Эмили Гутта сегодня нѣтъ съ утра. Рассказывайте во всѣхъ кабакахъ и за прилавками, что вашъ господинъ повредилъ себѣ лѣвую руку и отправился къ лекару. Такіе слухи принесутъ намъ пользу: ставки нашихъ противниковъ будутъ выше».

Въ термахъ Агринны.

Яркій знойный день стоитъ надъ Албанскими горами. Уже съ полночи начались Флорали *). Дымятъ печи, кипятъ котлы большихъ термъ. Истопники стараются, чтобы въ банѣ было побольше пару, такъ какъ сегодня по случаю праздника больше будетъ посѣтителей, и они соберутся раньше обыкновеннаго.

Средняя дверь растворяется при нашемъ приближеніи, и передъ нами открывается рядъ тѣнистыхъ про-

*) Празднество въ честь богини Флоры.

хитрых галлерей съ колоннами, украшенными цвѣтами, вѣнками; журчащими фонтанами; уютными уголками и сидѣньями. Статуи Августа и основателя термъ Агриппы, находящіяся на противоположномъ концѣ галлерей, закрываютъ картину.

На стѣнахъ мы читаемъ объявленіе о сегодняшнемъ бѣгѣ колесницъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Римъ.

Не смотря на ранній часъ, въ колоннадахъ набралось уже много разнаго люда, ищущаго здѣсь спасенія отъ жара и пыли, столь обильной въ лѣтнее время на улицахъ столицы. Цвѣты и роскошныя тропическія растенія распространяютъ благоуханіе, а фонтаны съ ихъ бронзовыми нередами и дельфинами пріятно освѣжаютъ воздухъ.

Уплативъ привратнику вадрантъ за входъ, мы вступаемъ въ вѣседру, куда приходятъ посѣтители, чтобы въ ожиданіи купанья остыть и отдохнуть послѣ прогулки по жаркимъ городскимъ улицамъ.

Сирийскія танцовщицы, одѣтыя въ тонкое полупрозрачное платье, подъ тактъ цимбаловъ и кружатъ развлекаютъ присутствующихъ своимъ искуснымъ танцемъ.

Корридоръ, со звѣздами по голубому своду и всевозможными украшениями по стѣнамъ ведетъ отсюда въ аподитеріумъ, помнату для раздѣванья. По ея карнизамъ разставлены глиняныя лампочки, освѣщающія ее по вечерамъ. Стѣны покрыты желтой краской, потолокъ бѣлый — съ красными полосками по краямъ. Бронзовый лебедь по срединѣ выбрасываетъ цѣлый снопъ воды, съ шумомъ падающей на мраморное дно бассейна.

Какое то невыразимо пріятное чувство возбуждаютъ въ посѣтителяхъ эти свѣжія широколиственныя растенія, это благовоіе, распространяемое бальзамнымъ масломъ, этотъ таинственный полусвѣтъ, и наконецъ это журчанье и плескъ падающей воды. Капсарій *) за небольшую плату беретъ у насъ платье на сохраненіе.

*) Caprarius сторожъ, охранявшій платье въ термахъ.

Между „послѣдителями ми...“ видимъ вознипу Джина Гутта, закутаннаго въ широкій шерстяной плащъ. Купавъ должно расправитъ ему члены и приготовить его сегодня въ исполненію трудныхъ обязанностей.

Стройный и статный, съ рѣдкой пропорціональностью членова тѣла, Гутта походитъ на самого Аполлона, только руки жесткія и мозолистыя обличаютъ ремесло изъ владыльца.

Его красивая, ошмыленная темными короткими локонами голова, благородныя черты лица и блестящіе выразительные глаза, не смотря на то, что онъ принадлежитъ къ несвободнымъ, ясно доказываютъ его знатное происхожденіе.

Двадцать четыре года тому назадъ въ одно изъ заднихъ оконъ замка знатаго ведможи былъ выброшенъ въ Тибръ новорожденный младенецъ. Рыбавъ, заглядывавшій въ это время съѣти, спасъ несчастнаго мальчика, и отнесъ въ свою хижину.

Жена рыбава воспитывала ребенка вмѣстѣ съ своими дѣтьми, какъ роднаго сына. Его назвали «Гутта» т. е. водяная напла. Когда мальчикъ выросъ, то сталъ заниматься ремесломъ своего отца. Но девяти лѣтъ онъ остался сиротой и долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Сперва онъ каналь помпу на рѣкѣ, получая горсть муки и одинъ квадрантъ за день, потомъ пожелалъ поступитъ въ императорскія конюшни, гдѣ его вскорѣ сдѣлали возницей, а черезъ нѣсколько времени ему суждено была стать предметомъ зависти для римлянъ и кумиромъ римляноекъ.

Черезъ маленькую дверь входимъ мы въ тепидаріумъ, роскошно убранную комнату съ умѣреннымъ теплымъ легкимъ воздухомъ.

Потолокъ украшаетъ богатая живопись. На темно-красномъ полѣ стѣнъ изображены парящими въ воздухѣ хоры и грація; варнизъ поддерживаютъ теламоны и атланты, подпирая его своими поднятыми надъ головой руками. На картинахъ ми видимъ Эроса съ его кол-

виномъ и стрѣлами, Ганимеда, "похищаемаго" орломъ, Аполлона, вѣдущаго на грифахъ и Меду съ ея лебедемъ. Рядомъ тропическія растенія въ тепломъ влажномъ воздухѣ термъ растутъ также пышно и привольно, какъ на родной почвѣ Индіи. Узкія и рѣдкія циновки защищаютъ мозаику отъ неосторожности выходящихъ изъ термъ посѣтителей.

Все дальше и дальше идемъ мы, слѣдуя за банщикомъ; онъ подводитъ насъ къ каменному бассейну съ теплой водой, который мы едва можемъ рассмотреть черезъ густой паръ, наполняющій комнату. Еще двѣ ступеньки внизъ, и мы въ теплой ваннѣ среди безпечныхъ сосѣдей всякаго возраста и званія, которые подобно вамъ пришли сюда выкупаться передъ баней.

Вдоль стѣнъ на мраморныхъ скамейкахъ, лежатъ точно египетскія муміи, закутавшись въ свои бѣлые покрывала, только что вышедшіе изъ ванны посѣтители среди толпы хлопочущихъ возлѣ нихъ невольниковъ.

Здѣсь всѣ равны, здѣсь нѣтъ сословныхъ различій. И поденщикъ, и сенаторъ, и господинъ, и рабъ имѣютъ совершенно равныя права и могутъ намѣтаться за свой квадратъ, какъ говорится, въ любую душу.

Новое, посылщикъ таместей, зарабатывая такихъ нибудь три сестерція въ день, все же сбережетъ себя что нибудь на баню.

Сегодня съ нимъ рядомъ расположился сенаторъ Салюдіевъ Руфъ. Этотъ почтенный мужъ проводитъ въ термахъ по девяти часамъ ежедневно, остальное же время онъ посвящаетъ дѣлу.

Песочные часы намъ напоминаютъ, что уже пора идти въ лабрумъ.

Вывулавшись тамъ въ холодной ваннѣ, тщательно вытертые и причесанные мы возвращаемся опять въ тепидаріумъ. Гутта, котораго мы все еще видимъ здѣсь, предоставилъ себя теперь въ распоряженіе циркулярнаго коронаго знатока своего дѣла и большаго охотника до всякаго рода розсвазней и цалѣбствъ. Зави-

вая волось знаменитаго возницы, словохотливый цирюльник передаетъ ему городскія новости, рассказываетъ про дворъ императора и его родню, про украшенный драгоценными камнями зонтикъ Ливіа и о послѣднихъ любовныхъ интрижкахъ Юліа.

Медвѣкъ, дакъ цыль, желтоватымъ пескомъ третъ оны руки, спину и плечи господина и рассказываетъ ему между тѣмъ о танцовщицѣ Цибеллѣ, любовницѣ Тибериа, выгнанной изъ Рима за то, что она во время послѣдняго пожара засѣкла чуть не до смерти нѣсколькихъ мальчиговъ, которые, спасаясь отъ огня, спрятались въ конуры ея собакъ, — потомъ о немилости, въ которую, вдалъ клиентъ Корнелій и о новомъ рыбномъ соусѣ, изготовляемомъ на придворной кухнѣ.

Осторожно выдергиваетъ оны волоски изъ носа и ушей, чиститъ своей маленькой щеткой ногти и зубы.

— Еще немножко масла, господинъ, потерпи нѣсколько, право, ни одинъ цирюльникъ не сумѣетъ такъ намазать, ты станешь гладкимъ, какъ змѣя — безъумолку болтаетъ оны и осторожно проводитъ своей тоненькой косточкой по бровямъ и рѣсницамъ Гутты.

Съ самодовольнымъ видомъ смотритса Гутта въ стоящее передъ нимъ серебряное зеркало и, надѣвъ платье, бросаетъ слугѣ монету.

— Вотъ тебѣ за твои новости, говорить оны ему — ты можешь рассказывать, что сегодня имѣлъ честь намазывать и завивать голову знаменитаго Эмилиа Гутты.

Процессія цирка.

Тяжелая, удушливая атмосфера свинцомъ, дегла на древній городъ.

Въ ложинѣ между холмами Авентинскимъ и Паладинскимъ находится ристалище — Circus Maximus, мѣсто, куда стекается сегодня весь городъ, въ которомъ уже съ полуночи замѣтно какое-то необычайное движеніе.

Казино и увеселительныя заведенія затрываются за отсутствием посѣтителей; опустѣли и дворцы богачей, и хижины бѣдняковъ. Шумными толпами стекаются и знатные и простолюдины къ мѣсту готовящагося сегодня зрѣлища.

Въ честь Флоры всѣ зданія украсились гирляндами, цвѣтами и другими атрибутами богини. Въ храмахъ изображенія боговъ выставлены въ пронеѣ *) подъ охраной многочисленныхъ жрецовъ и жриць.

Женщины и дѣвушки съ розами въ черныхъ волосахъ, мужчины въ своихъ праздничныхъ нарядахъ со свѣжими вѣнками на головахъ, густой толпой остановились на площади въ ожиданіи процессіи, вторая, выйдя изъ Капитолія, чрезъ украшенный по случаю праздника форумъ, велабрумъ и «Поле Быковъ» направится къ цирку. На углахъ и перекресткахъ улицъ устроены возвышенія, откуда желающіе за небольшую плату могутъ любоваться процессіей. Озна, стѣны и крыши домовъ усыпаны любопытными, большинство-же толпится въ безпорядкѣ по улицамъ.

Въ толпѣ мы замѣчаемъ немало учащейся молодежи. По повелѣнію Августа учащіеся были распущены на всѣ праздники.

Многіе шлепники забрались на деревья, колонны, капители и карнизы зданій, а нѣкоторые даже усѣлись верхомъ на плечи статуй, стоящихъ вдоль форума.

Осыпая насмѣшками и шутками нетерпѣливую толпу, они любятъ сверху открывающимся передъ ними зрѣлищемъ, которое пожалуй не менѣе любопытно, чѣмъ то, которое ждетъ насъ въ циркѣ.

Никто не спасется отъ ихъ насмѣшекъ и остротъ. Неудержимымъ смѣхомъ разряжается молодежь, когда удастся ей своими выходками вывести изъ терпѣнія когонибудь изъ проходившихъ.

Тѣснота все увеличивается, изъ страха быть раздавленными толпой мы спасаемся въ простилонъ **) ближай-

*) Передняя часть храма.

**) Передній рядъ колоннъ, которыми окружался храмъ.

шаго храма. Процессія приближается къ форуму, мы уже ясно слышимъ звуки роговъ, шумъ сопровождающей толпы и жалобные стоны придавленныхъ женщинъ и дѣтей.

На улицахъ борьба партій въ полномъ разгарѣ. На четыре большія партіи раздѣлился сегодня весь городъ. Ихъ отличаютъ служить цвѣта красный, бѣлый, голубой и зеленый.

Предсказатели предлагаютъ проходящимъ свои услуги одни, обещая за небольшую плату заговорить лошадей, другіе — предсказать исходъ состязанія. Даже истолкователи сновъ и тѣ находятъ себѣ заработокъ. Въ толпѣ перешептываются о придворной партіи Зеленыхъ и рассказываютъ о чудесахъ искусства, показаннаго нѣкоторыми лошадьми.

Процессія миновала форумъ. Давка въ толпѣ, свучившейся въ узкихъ улицахъ, сдѣлалась невыносимой. Возвышенія, устроенныя для зрителей, осаждаются и берутся съ бою; идетъ борьба за каждый уголокъ, за каждое свободное мѣстечко. Крики и брань затихающихъ и придавленныхъ, шутки и насмѣшки побѣдителей, веселый смѣхъ зрителей завершаютъ эффектъ оригинальныхъ сценъ, разыгрывающихся передъ нашими глазами.

— Процессія, процессія идетъ! кричатъ тысячи голосовъ при приближеніи послѣдней. Предшествующіе толпою молодыхъ дѣвушекъ, во главѣ процессіи идутъ музыканты, играя шумный военный маршъ. Неторопливымъ, мѣрнымъ шагомъ слѣдуютъ за ними закутаные въ свои широкіе плащи жрецы и авгуры съ маслянистыми вѣтвями въ рукахъ. Они ведутъ за собою жертвенныхъ животныхъ, которыхъ головы и спины украшены бѣлыми шерстяными повязками и накрыты роскошными попонами. Завитые въ локоны мальчики несутъ за ними атрибуты жреческаго сана. Въ богатой праздничной колесницѣ, запряженной четверкой великолѣпныхъ коней, ѣдетъ слѣдомъ гурульный эдикъ Цинна. Августали въ числѣ двадцати одного, избранные изъ самыхъ знатныхъ римскихъ фа-

мнѣй, молодые всадники на лошадяхъ, сенаторы по дарно въ одеждѣ, присущей имъ саму и знатные граждане города съ безчисленной свитой и съ своихъ рабовъ и клиентов медленно тянутся за процессіей, съ трудомъ пробираясь сквозь густую толпу народа.

Опять слышатся громкіе крики либующей толпы: придворные трубачи на бѣлыхъ коняхъ и въ отороченныхъ золотомъ зеленыхъ туникахъ возвѣщаютъ о приближеніи императора. Преторіанская гвардія расталкиваетъ народъ, чтобы дать ему дорогу. Цезарь Августъ, только что выздоровѣвшій отъ тяжелой болѣзни, выѣзжаетъ во всемъ великолѣпіи своего двора: восемь черныхъ невольниковъ несутъ его носилки, украшенные золотомъ и пурпуромъ. Шитая золотомъ пурпуровая тога одѣваетъ его прекрасную величественную фигуру. Въ правой рукѣ онъ держитъ орла, символъ своей власти. Золотое кольцо украшаетъ его темныя волосы, а надъ головой его любимый рабъ Цестъ держитъ вѣнокъ изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней. Богатая докрывала, которыми покрыты носилки, засыпаны просьбами; сегодня, какъ и всегда во время празднествъ, Августъ будетъ особенно милостивъ. Все новыя и дровныя просьбы сыплются на его носилки, но многія не достигаютъ цѣли и, верѣю надежда, которую долго дѣлалъ иной бѣднякъ, гибнетъ вмѣстѣ со сверткомъ бумаги, затоптанымъ въ пыли копытами лошадей и ногамъ проходящихъ.

— Цельзъ, Пульхеръ, Кость! слушайте — кричатъ своимъ товарищамъ одинъ изъ шкельниковъ, сидя на плечахъ статуи Минервы. Неправда-ли, вѣдь мы продадимъ сегодня просьбу Цезарю, объ улучшеніи римскихъ шкель. Вѣдь мы уже довольно набрались мудрости, чтобы современемъ стать сенаторами и людьми, способными заботиться о благѣ нашего города. Громкій смѣхъ и шумныя одобренія слышатся въ отвѣтъ на слова молодого оратора со всѣхъ колоннъ, статуй, портиковъ и деревьевъ. Носилки императора окружаютъ его совѣтники: благородный Цильвій Мелленатъ, Мессада Корвинъ, его зять и молодой Тиве-

рай: въ оныхъ слѣдуютъ высше предворные чины; гласуютъ ларь Фабій Максимъ, философъ Веррій Флаккъ, учившій александрецъ Арей, поэтъ и извѣстъ Тителлій и, наконецъ, придворный шутъ Канонъ. Прїѣзжники на призваніи и знатные гости изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ имперіи: посланные отъ парфянскаго цорька, одѣтые въ свои нестрые наряды иудеи, стариннымъ кантабрийскіе и астурскіе, закутанные въ зѣбрища пхеуры норійцы и ретійцы, галлы въ своихъ узкихъ одеждахъ и съ плащомъ черезъ плечо:

Императорскіе кліенты «*togati*» почтительно окружаютъ носилки своего августова повелителя.

— *Togati, togati!* кричатъ швольники, посмотрите какъ старательно зашиты и вышиты ихъ тоги! Поминный Фульъ все зѣваетъ; онъ какъ будто хочетъ проглотить процессію! Охъ, бѣдняжка, должно быть со вчерашняго утра нискогда не ѣлъ! А вонъ Косимъ! какъ крѣпко держитъ онъ свой плащъ! Ба! да онъ надѣлъ его на голое тѣло. Сципіонъ Декула! Смотрите, какъ онъ чешетъ плечомъ себѣ ухо! Косотлапый Вентурій и толстѣйшій Юній Криспъ! Цезарь даетъ имъ подачки со своего стола, чтобы иногда отъ скуки повабавиться надъ ихъ анкетомъ. А вонъ долговязый Попидій Магнъ. «*Magnum, majorem, maxime, vincit Kosses ex suis: in hoc sedens. Poslupai, ai! Popidij, velis oserotiti sebi шею, иначе нища всегда будетъ протривать у шебя, прежде чѣмъ успѣетъ перейти изъ рта въ шелудокъ*». Остротамъ и шуткамъ подобнаго рода нѣтъ конца.

Приближаемся богато украшенная рѣзбой изъ слоновой кости колесница Ливіи, супруги Цезаря, запряженная четверкой бѣлыхъ лошадей. Омаратонный поясъ съ пряжками также изъ драгоценныхъ камней перетягиваетъ стая и императрицы. Различныя ювелирскія надобныя придаютъ ей изящную и роскошную бѣлизну и свѣжесть. Брови и глаза у ней—черныя какъ смоль. Ея рабыня, еврейка Аккоузъ «*Сирон*», держитъ гниль головой своей высшей госпожи прославленный гаднечный зонтъ. Кара и

Подъема, ее домашняя служанка, стоя на колѣняхъ, расправляютъ складки ея одежды. Впереди волеищица невольники несутъ мѣдное блюдо, на которомъ пылаетъ священный огонь, атрибутъ императрицы. Колесницу супруги Цезаря окружаетъ толпа жриць Вести.

— Смотрите, вонъ всталая, вонъ капитолійскіе гуси, слышите съ деревьевъ, — цѣломудренныя прислужницы Вести! Тутція выгоняетъ на пастбище своихъ дочерей, хоромъ кричатъ молодежь.

Медленно двигается длинный кортежъ императорской фамилии среди пестрой толпы слугъ, которые изъ находящихся въ рукахъ у каждаго изъ нихъ мѣдныхъ брусковъ бросаютъ на право и на лѣво малую монету. Съ задностью выбрасывается идущая слѣдомъ толпа на щедрую подачку. Жалобныя стоны придавленныхъ дѣтей и сбитыхъ съ ногъ женщинъ смѣшивается съ радостными криками простолудиновъ, довольныхъ легкой сегодняшней поживой.

Въ воздухѣ распространяется благовонный запахъ шафрана, сожигаемаго на жаровняхъ, которыя несутъ жрецы, оруженные толпою музыкантовъ и трубачей. Имъ открывается второй рядъ длинной процессіи.

Дорогу божествамъ Олимпа! дорогу златорогимъ жертвеннымъ животнымъ, еще не знаемымъ съ ярмомъ! Они несутъ *тенсу*, богато украшенную священную колесницу съ изображеніемъ богини Флоры.

При ея появленіи улица оглашается безконечными радостными криками ликующаго народа. Цвѣты и свѣжія древесныя вѣтви выплотомъ на колесницу, всѣ стараются подойти къ ней какъ можно ближе, чтобы воздать почитаніе богинѣ — виновницѣ сегодняшняго торжества.

Бѣлые голуби, выпущенные изъ корзины и мѣшковъ, направляютъ свой полетъ въ Капитолію; народъ смотритъ на нихъ, какъ на вѣстниковъ предстоющихъ увеселеній.

Насколько позволяетъ густая народная масса, шагъ за шагомъ двигается торжественное шествіе. Нептуго

повачивается на носилкахъ, несомыхъ шестью жрецами. За нимъ слѣдуетъ Венера Гететрикъ съ прислуживающими ей жрецами, Церера, Минерва, Юнона, Фемида, Латона, Просперина, Луцина, нимфы, музы, грации и всѣ прочіе небожители, которые должны были по желанію Цезаря сопровождать процессію. Ихъ изображенія, выточеныя изъ слоновой кости, медленно двигались на торжественнымъ шествіемъ среди громадныхъ изображеній религіознаго чувства.

Сатиры и Силени съ тодію вакханокъ везутъ съ собою Цитерію; ими заканчивается процессія.

— Эй друзья! кричитъ одинъ изъ мальчиковъ съ высоты колонны, — смотрите, вонъ идетъ горбачъ Гибъ. Бромія насмѣши и свистки раздаются со всѣхъ сторонъ.

— Да здравствуетъ Гибъ, царь куриннаго царства!

Въ самыхъ послѣднихъ рядахъ движется вакал то жалкая фигура, — маленький горбатый старичекъ съ кривыми ногами, въ грязной одеждѣ, босоногий и съ ключомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ.

— Смотрите, какъ ковыляетъ, точно съ каждымъ шагомъ хочетъ спуститься въ Адъ.

— Ставию квадрантъ, кричитъ Косъ, что на скачкахъ Гибъ останется побѣдителемъ.

— Идетъ, идетъ! кричитъ вся веселая ватага еостѣвъ и деревьевъ, и цѣлый градъ каменниковъ лѣтитъ въ бѣднаго старика.

— Смотрите! онъ тащеть на плечахъ насѣсть, и выбиваетъ гребешкомъ своего пѣтуха. На носилки; на носилки его! Знаете ли, вѣдь онъ пращѣ самого Аполлона.

Такъ насмѣшиничаетъ надъ проходящими молодежь.

Но скоро шеюльники спрыгиваютъ съ воловьихъ, деревьевъ и статуй, ибо процессія уже миновала ихъ; и вся веселая ватага съ оглушительными криками направляется къ цирку.

Колонны вѣтромъ вздымаются, и ихъ шумъ слышенъ въ отдаленности. Слышны крики, возгласы, шумъ, и въ воздухѣ вращаются пылинки, и въ глазахъ слезы.

Процессія, идущая черезъ каменные ворота, возмущаетъ насъ (въ циркъ *). Передніе ряды съ музыкантами и главноуказавшіе вошли и герольды, возвышаются о приближеніи императора.

Циркъ убранъ по праздничному. Колоны портика обвиты гирляндами, аркады украшены звѣздами. Посреди арены возвышается сѣна; вся заставленная статуями, жертвенниками, саниториями и увѣнчанная солнценоснымъ обелискомъ изъ Галіополя, присланнымъ въ подарокъ отъ Цезаря. Снятая покрывка обнаруживаетъ пылающій алтарь Вонса съ изображеніемъ Эфелы, Цереры, Сем и Осоты, богинь жатвы и посѣва; южнее блестящая на солнцѣ исполинскія мѣдная статуя Геркулеса и свачущей на львахъ Ишды. Въ облакахъ благовожденна дѣма появляются изображенія Феба и Урана. На сѣверной и южной сторонахъ, стѣны заванчиваются высокими цѣлевыми столбами; подобно могучимъ указательнымъ перстамъ возвышаются къ небу ихъ три вершины, какъ будто напоминая объ опасностяхъ скачешь. Какъ ослѣпляютъ глазъ лучи солнца; отражаясь въ блестящемъ пескѣ! Gladво утоптанная арена уже ждетъ грозныхъ ударовъ конскихъ копытъ.

Два яруса выше, вокругъ всего цирка ядутъ ступеньки изъ потѣмнѣвшаго отъ времени мрамора; онѣ служатъ сидѣньемъ для зрителей и высятся съ тѣмъ базисомъ для деревянныхъ подмостковъ, которые вмѣщаютъ еще столько же народа. Сегодняшній праздникъ притягиваетъ съ собою магнита: все мѣста, все уголки громаднаго здавія заняты любопытными; верхнія деревянные скамьи тремать подъ тяжестью сидящихъ. Перила и галлерей

*) Circus maximus, теперь совершенно разрушенный, построенъ Тарквиніемъ Прискомъ. Онъ находился въ долинѣ между холмами Авентинскимъ и Палатинскимъ (тамъ, гдѣ теперь еврейское кладбище и газовый заводъ)—вмѣщала въ себя около 250.000 зрителей.

встаютъ въ хаосъ одеждъ. Даже Орпиды, бывшіе по-
 сѣтителями. На счастливейше, достигшихъ себя въ войнѣ, и
 циркѣ, съ завистью смотритъ толпа солдатъ и
 дѣлаетъ, расхолаживающа на соседней Палатинской
 холмѣ. С. Р. * 1888

Ничто не можетъ сравниться съ выносливостью этихъ
 людей, которые съ удивительнымъ самоотверженіемъ, въ
 пыли и духотѣ, страдали отъ голода и жажды, даже
 неслучайно-длинные часы проводить въ осажденнѣхъ пред-
 ставленіяхъ.

Блѣдныя, почти падающія въ обморокъ женщины съ
 умирающими отъ жажды дѣтми на груди и за вѣстами,
 стѣсненныя и сдавленныя со всѣхъ сторонъ некоего
 шумящей, охватывающей толпой, тщетно умоляютъ дать
 имъ хлѣба и питья, стонуть безпомощныя больныя и
 увѣчныя, задыхаясь отъ пыли и жара. Натяны безстыд-
 ныя женщины, не уступающія въ трубности мужчинамъ,
 воры, ваторашники и всякаго рода люди, неимѣющіе ни-
 какого понятія о нравственности и способные на всякія
 злодѣяства и преступленія наполняютъ верхніи галереи
 цирка. Эти мѣста еще раннимъ утромъ брались съ бою,
 но и теперь туда все прибываютъ и прибываютъ новыя
 толпы.

Пробисходятъ споры и драки, переходящія въ настоящую
 битву, давка и сталливаніе внизъ, переѣзанные другъ черезъ
 друга, рукопашныя схватки, удары кулаками и шпирья
 ножомъ; словомъ ничѣмъ здѣсь не пренебрегаютъ, чтобы
 насладиться давно желаннымъ зрѣлищемъ. Оживленныя
 становятся лица присутствующихъ; быстрее течетъ кровь
 въ ихъ жилахъ, ибо опять гремитъ трубы и рога, воз-
 вѣщающія о прибытіи Цезаря.

И теперь, когда входитъ онъ, окруженный своей бле-
 славней свитой, онъ, земной богъ, покровительствуемый
 божествами Олимпа — все присутствующіе встаютъ съ
 своихъ мѣстъ, размахиваютъ вѣнками и платками и
 встрѣчаютъ его такими шумными привѣтствіями, какихъ
 никогда еще не слыхалъ Римъ.

Внушденные изъ своихъ вѣтвей глубя разносятъ по городу радостную вѣсть, что праздникъ начался.

Августъ бѣдленъ; черезъ силу поднимаетъ оцъ руку и слабымъ движеніемъ ея, благодаритъ за привѣтствіе. Восторгъ толпы кажется бесконечнымъ; народъ называетъ Августа «отцомъ», «счастіямъ и радостью отечества».

Медленно и торжественно вступаетъ въ циркъ процессія, и своимъ скучнымъ видомъ умѣраетъ шумные восторги толпы. Только нѣкоторые любимыя божества удостоиваются мимоходомъ привѣтственныхъ криковъ. Косцы, брады и гадатели приступаютъ къ выполненію своихъ обязанностей съ обычными возліаніями и молитвами. Подъ топоромъ верховнаго жреца, падаютъ бѣлые жертвенные быки къ подножію алтарей «во славу боговъ, людямъ во здравіе и арѣлицу въ ограду».

Мѣста, откуда должны выбѣжать кони, еще заперты, передъ ними еще висятъ слабо натянутыя цѣпи, а зрители уже начинаютъ биться объ закладъ, держа сторону той или другой изъ четырехъ партій, представители которыхъ, уже заняли свои обычные мѣста.

Въ отдѣленіи, гдѣ стоятъ колесницы, идетъ оживленная дѣятельность. Бѣликопѣныхъ бѣговыхъ лошадей тщательно чистятъ, завиваютъ имъ гривы, подвязываютъ хвосты; ударами бичей и ободрительными криками еще больше возбуждаютъ ихъ нетерпѣніе. Бѣговныя колесницы окрашены въ четыре цвѣта соотвѣтственно цвѣтамъ партій (зеленый, голубой, красный и бѣлый), лошади также украшены украшеніями цвѣта ихъ партій. Возняды одѣты въ короткія туники безъ рукавовъ, на головахъ у нихъ гладкіе шлемы; грудь, равно какъ изгибы рукъ и ногъ увиты ремнями, у пояса виситъ острый кривой ножъ.

Мѣста для колесницъ опредѣляются жребіемъ. Бѣлымъ досталось правое крмло, Зеленымъ — лѣвое; а Голубые и Красные встали по срединѣ. Тщательно былъ опредѣленъ и возрастъ лошадей.

Гутта, представитель Зеленыхъ, съ знаменитымъ Пасериномъ на лѣвой приставкѣ, Осеаномъ на правой,

Фортунатомъ и Целаторомъ въ коню, едва въ силахъ удержать бойныхъ коней. Бодро вздымаютъ они пыль своими копытами.

Возлѣ Зеленыхъ стоитъ Лейй Феликсъ, возница Голубыхъ, молодой человекъ вѣриваго тѣлосложенія съ живымъ острымъ взглядомъ. Гордо обловотившись на свою колесницу, вѣривой рукой держитъ онъ возжи, помахивая время отъ времени бичемъ. Его лѣвая приставка четырехгодовалый жеребецъ «Нотатъ» «Разрисованный» накрытый тонкой сѣткой для защиты отъ мухъ, смотритъ, не сводя своихъ горящихъ глазъ, на хорошо знакомую рѣпотку, дожидаясь ея поднятія. Онъ весь блѣднѣе, какъ первый выпавшій свѣтъ; только на лѣвомъ боку у него родное пятнышко въ видѣ двухъ львиныхъ лапъ. Такого быстроногаго скакуна никогда еще не видалъ циркъ. Рядомъ стоятъ его товарищи, однихъ съ нимъ лѣтъ: Флегонъ, Тигръ и Курворъ—все три съ жабривыхъ заводовъ.

Высоко поднимаются на дыбы жогучіе воня Красныхъ подъ ударами тонкаго бича, который, едва касаясь спины животныхъ, только возбуждаетъ ихъ, но не причиняетъ боли. Герокль, афинянинъ, великанъ роста, блѣдный, съ рѣзкими чертами лица, нанятый своей партией за очень большую сумму, ожидаетъ съ спокойной самоуверенностью начала состязанія. Оба его брата сложили голову на аренѣ; у отца онъ остался одинъ изъ троихъ сыновей.

Его лѣвая приставка, Сансо, во время сраченъ въ Антиохіи, послѣ гибели его брата, зная свое дѣло, безъ возницы обвѣдала три раза вокругъ стога и такимъ образомъ одержала побѣду. Поэтому неудивительно, что все знатное общество въ Римѣ мечтало объ этомъ благородномъ животномъ и прозакладывали за него цѣны состоянія.

Всѣмъ на другими бытихъ оставляетъ стойка, сопровождаемый своими вѣрными воинами.

Весь городъ знаетъ его подъ именемъ «Луска» Одно-

глазаго». Однажды во время свачекъ разгоряченный противникъ задѣлъ его бичемъ, и вышибъ ему правый глазъ, однако же Лускъ, несмотря на страшную боль, выигралъ притѣ и пальму. Смѣлы и безстрашны, какъ онъ самъ. его, кони: Пирода, Элатъ, Веловесъ и Спартакъ. Они знаютъ голосъ своего господина и силу его руки.

Между тѣмъ Цезарь Августъ, сопровождаемый двумя служителями, занимаетъ мѣсто въ своей ложѣ подъ роскошнымъ балдахиномъ, отороченнымъ золотомъ по зеленому фону. Въ сосѣднихъ ложахъ помѣщаются его приближенные совѣтники и кліенты; дальше жрицы Весты и Изиды подъ опущенными покрывалами; напротивъ—всадники и важнѣйшіе сановники Рима съ эдиломъ и городскими префектами во главѣ. Въ нихъ почтительно присоединяются шестьсотъ сенаторовъ въ ихъ форменной одеждѣ—туникѣ и черныхъ полусапожкахъ съ изображеніемъ луны. Ближайшимъ къ императорской ложѣ сидитъ Валерій, старецъ съ длинной сѣдой бородой и серебристыми волосами; за нимъ немного подалеже помѣщаются Цинна съ преторомъ Непотомъ; Маркъ Эмилій и Капитонъ; Кременцій Кордъ, Эгнатій Старшій и его братъ Руфъ; наконецъ, Делій Туберонъ и Павелъ Максимъ, — старѣйшій изъ сенаторовъ.

Одобрительный ропотъ слышится при появленіи совѣтниковъ: Цильдія Мацената, Мессала Корвина и Виспанія Агриппы. Съ какою важностію развалился на своихъ голубыхъ подушкахъ Канивій Дентатъ! это человѣкъ очень богатый и съ большимъ вѣсомъ; онъ занимаетъ должность куратора городскихъ водопроводовъ и кладовъ.

Во второмъ ряду, длинной, однообразной цѣнью, расположились представители различныхъ религіозныхъ орденовъ: Эпулоны, Діалы, Марціалы, Квириналы, Куріады, Феціалы, Луперкалы, жрецы Цибелы и Пана и, наконецъ, Сали, въ своихъ пестрыхъ одеждахъ, — всѣ они собрались здѣсь, чтобы своимъ присутствіемъ придать празднику большую торжественность.

Теперь входить, отдавъ почтительный поклонъ импе-

ратору, закутанные въ свои широкія съ безчисленными складками тоги, отцы города, высокій магистратъ съ вурьдными эдлами во главѣ; впереди ихъ идутъ ликторы, за ними многочисленная роскошно одѣтая свита. Шумно занимаютъ они раскрашенные въ цвѣта партій кресла въ своей большой ложѣ.

Вся блестящая знать Вѣчнаго Города собралась теперь въ стѣнахъ этого мраморнаго зданія. Внизу цѣлый цвѣтущій, тамъ храмъ красоты, которая, какъ кажется, можетъ поспорить здѣсь съ тѣми идеалами, которые рѣзецъ художника воплотилъ въ мертвомъ мраморѣ. Нѣжныя красавицы, это лучшее украшеніе Рима, въ бѣлыхъ, зеленыхъ и пурпуровыхъ одеждахъ обмахиваются опахалами и ослѣвляютъ блескомъ своихъ глазъ не менѣе, чѣмъ блескомъ украшающихъ ихъ драгоценностей. Какъ соперничаютъ Плотины, Валеріи и Руфы съ своими сосѣдками роскошью своихъ нарядовъ, богатствомъ и знатностью рода. Всё, что было прекраснаго въ замкахъ Палатина, Авентина и Эсквилина, собралось теперь въ этихъ ложахъ. Точно стрѣлы, пущенныя мѣткимъ лукомъ Купидона, попадаютъ взгляды красавиць въ сердца молодыхъ наѣздниковъ и наносятъ глубокія и неисцѣлимыя раны.

Подобны иліады на темномъ фонѣ, эти сидящіе тамъ шесть дѣвушекъ въ роскошныхъ бѣлыхъ одеждахъ. Въ первый разъ выступивъ сегодня въ свѣтъ, онѣ болязненно принимаютъ другъ къ другу своими чернокудрими головками, опускаютъ глаза и, какъ мелодія сѣрни, вадрагиваютъ при крикѣ толпы. Въ замѣлительствѣ перебираютъ онѣ своими нѣжными пальчиками золотыя висты своихъ одеждъ.

— Ахъ, Ромула, обращается одна изъ нихъ къ своей сосѣдкѣ, какъ противенъ мнѣ этотъ крикъ и шумъ. Я ужасно боюсь. Что это Цезарь Августъ не уймётъ этихъ крикуновъ?

— Фу! я бы не знала что отдала, только бы не-

скорѣе началась сначала. Мнѣ такъ хочется увидѣть красавца Эмилія, вѣдь отъ него въ восторгѣ весь городъ!

— Правда ли, Олимпія, что лошади намъ ничего не могутъ сдѣлать? Онѣ вѣрнѣе привязаны? — спрашиваетъ свою подругу божливая Ирина.

— Какъ вы думаете, — обращается къ подругамъ Парвула — побѣдятъ Зеленые? Зеленый — это цвѣтъ моего сердца.

— Ахъ, милыя подруги, говоритъ Хлоридя, вы увидите, что случится какое-нибудь несчастіе: я сегодня что-то ужъ очень была рада, что наступилъ наконецъ день сватекъ. Но послушайте, вотъ страхи-то! сегодня утромъ въ моей комнатѣ на мою свамейку забрался огромный паукъ, я ужасно испугалась и такъ закричала, что во мнѣ сбѣжались невольницы со всего дома, а и теперь дрожу, когда вспомню объ этомъ паукѣ.

Такъ лепечутъ между собой эти юныя созданія, которыхъ не коснулось еще суровое дыханіе окружающей ихъ бурной жизни.

Рядомъ съ ними въ купеческой ложѣ сидятъ двѣ молодыя женщины, бросающія въ глаза роскошью и богатствомъ своихъ нарядовъ. По костюму ихъ можно было бы принять за дамъ высшаго свѣта.

Но матрона, ихъ спутница, помѣщающаяся за ними, оказывается, навѣяла имъ за деньги на время представленія. А наряды и драгоценныя украшенія принадлежатъ владѣлицѣ Сатурніи, что держитъ лавочку подъ лѣвѣйшею форуа. Если вы хотите узнать происхожденіе этихъ молодыхъ особъ, то идите завтра утромъ на форумъ въ Марцеліумъ, тамъ въ девятой лавочкѣ по лѣвую руку, вы увидите ихъ мать: она торгуетъ рыбой, раками и мидиями.

Забитая и побѣжденная всеми прачется въ тѣни аркады женщина, очень непріятная на видъ. Далеко развѣваются ея волосы, падая на лице и плечи; напрасно ищетъ ея плазъ въ обширныхъ пространствахъ цирка

точки, на которой онъ могъ бы успокоиться. Это сумасшедшая; но когда-то она была хороша собой и богата. Она была замужемъ за Квинтилиемъ Варромъ, тѣмъ самымъ, который погибъ въ битвѣ съ херусками. Въ мрачномъ Тевтобургскомъ лѣсу лежать теперь кости полководца вмѣстѣ съ остатками его боевыхъ товарищей.

Съ тѣхъ поръ его бѣдная помѣшавшаяся вдова бродить, не зная покоя, по улицамъ Рима, всюду осыпаемая насмѣшками; въ шутку ее называютъ «сумасшедшая тевтобургерша».

Между зрителями замѣтно движеніе. Агриппа, зять Цезаря, медленно проѣзжаетъ въ своей колесницѣ по аренѣ, герольды скачутъ во всѣ стороны; серипа поднимаются рѣшетки, но бѣлый снурокъ линейаторовъ и цѣпочка мораторовъ сдерживаютъ еще пылъ коней, съ которыми теперь едва можно справиться. Глаза всѣхъ устремлены на ложу императора, изъ которой долженъ быть поданъ знакъ къ началу зрѣлища. Глубокая тишина воцарилась въ циркѣ, всѣ вытянули шею и встали съ своихъ мѣстъ, чтобы лучше видѣть и наблюдать мѣсто состязанія, и вотъ, наконецъ, подобно вѣстовому голубю взвивается *манна*, хорошо знакомый бѣлый платокъ, надъ пескомъ арены; падаютъ снурокъ и цѣпочка, гремятъ трубы, производя какое-то магическое дѣйствіе на зрителей. Вырвавшійся изъ груди присутствующихъ крикъ, подобный шуму морскихъ волнъ и паденію каменныхъ скалъ, извѣщаетъ весь городъ о выѣздѣ скакуновъ. Шестнадцать великолѣпныхъ коней, запряженныхъ въ ихъ двухколесныя колесницы, тотчасъ вырываются на арену и, какъ вихрь, несутся по ней, вздымая цѣлыя облака пыли; ихъ возницы, подавленные отъ напряженія впередъ всѣмъ тѣломъ, едва въ состояніи удерживать горячихъ коней. Облака взбитого песку несутся надъ мѣстомъ состязанія, колесницы то скрываются въ этомъ песочномъ туманѣ, то опять появля-

ются изъ него, едва позволяя зрителямъ различать цвѣта партій.

Земля дрожить подъ лошадиными копытами; скрипя врѣзываются въ песокъ колеса; поднятыя желѣзомъ подковы песчинки засыпаютъ и колесницы и возничихъ.

Вотъ четверки, всѣ рядомъ, ибо не одна еще не опередила, приближаются въ первый разъ къ цѣлевому столбу.

Эмилиѣ Гутта, опытный наѣздникъ и хорошо знакомый съ опасностями скачекъ, даетъ своимъ противникамъ опередить себя; это отлично рассчитанная военная хитрость, — сильной рукой натагиваетъ онъ возжи, удерживая своихъ воней, и Голубые, Бѣлые и Красные скоро обгоняютъ его. Первая четверка достигаетъ поворота. Быстро подбираетъ возница Голубыхъ лѣвме ремни, и сдѣлавъ крутой поворотъ таѣ, что только колеса стонутъ на осяхъ, облетаетъ столбы.

Почти по пятамъ скачутъ за нимъ Бѣлые и Красные. Но Гутта, который былъ до сихъ поръ позади всѣхъ, какъ клинъ врѣзывается вдругъ между обоими и, отгнѣснивъ Красныхъ въ самому барьеру и прижавши Бѣлыхъ къ стѣнѣ, опережаетъ противниковъ.

— Euge! кричатъ тысячи голосовъ, когда первое препятствіе было такимъ образомъ преодолено.

— Ставимъ пятнадцать тысячъ за Голубыхъ — слышится въ одной кучѣ.

— Мы принимаемъ ставку, отвѣчаютъ Зеленые на вызовъ.

Лелій Феликсъ на длину лошади опережаетъ соперниковъ. Гутта скачетъ за нимъ по пятамъ.

— Лускъ, Лускъ! Каковъ нашъ «Одноглазій»! слышится со всѣхъ сторонъ.

Съ проклятіями нахлестывая своихъ воней таѣ, что кровь смѣшивается у нихъ съ потомъ, догоняетъ и Эвтихъ. Пиронда, лѣвая пристяжка, чувствуетъ взмахи тяжелыхъ ремней, на ея спинѣ остаются отчетливые слѣды бича, которымъ Эвтихъ беспощадно хлещетъ ее.

Теперь четверки, всё вѣстѣ, во второй разъ подлетаютъ къ повороту.

— Впередъ, Эмили! ободрительно кричить ему знать и его прекрасныя покровительницы. Но Гутта, хорошо разсчитавъ время и свои силы, скачетъ вслѣдъ за Голубыми, не перегоняя ихъ. А Голубые и Зеленые между тѣмъ уже во второй разъ объѣзжаютъ цѣлевые столбы. Эвтихъ, возница Бѣлыхъ, влущій вслѣдъ за ними, теряетъ короткую линію, его правая пристяжка вдругъ становится на дыбы и приводитъ въ замѣшательство всю четверку. Возница Красныхъ съ быстротою стрѣлы перехватываетъ у него короткій поворотъ. Ядъ Цеста начинаетъ дѣйствовать.

Всѣ болѣе и болѣе живое участіе принимаютъ зрители въ скачкахъ. Послѣ каждаго круга ставки дѣлаются всё выше и выше. Внизу у богатыхъ ставятъ «дачу» за Зеленыхъ, на верху у бѣднѣйшаго класса — пѣтуха за Голубыхъ. Тамъ — тысячу сестерціевъ за Красныхъ, здѣсь квадрантъ за Бѣлыхъ.

Дамы проспариваютъ даже свои украшенія и драгоценныя камни; невольники, стада скота, лошади, колесницы, словомъ всё сколько-нибудь цѣнное идетъ на удовлетвореніе ярости партій. Цезарь, развалившись на зеленыхъ подушкахъ своей ложи, устремляетъ свой взоръ на оживленную сцену, происходящую у его ногъ.

Его прекрасныя голубые глаза горятъ; его благородныя черты, всегда дышущія спокойствіемъ, теперь обнаруживаютъ бурныя страсти, волнующія его душу.

Императрица Ливія, вожется позабыла въ эту минуту обо всемъ окружающемъ, она видитъ передъ собой одного возницу Зеленыхъ. Отъ волненія она жметъ пальцами шарикъ своихъ амулетовъ и обрываетъ золотую бахрму украшенной смарагдами одежды.

Юлія, дочь Цезаря, не владѣя собой отъ зависти и гнѣва, подзываетъ къ себѣ одного изъ невольниковъ.

— Поди, Доръ, — говоритъ она ему, отнеси этотъ

серебряный сосудъ дамѣ, что сидитъ вонъ въ этой ложѣ, рядомъ съ эдиломъ и сважи, что тебя прислалъ къ ней съ этимъ подаркомъ Эмилий Гутта. Въ сосудѣ благовонныя эссенціи.

Слуга спѣшитъ исполнить приказаніе своей госпожи.

Сильвія, прекрасная вдова претора, дорого заплатится за подарокъ, такъ какъ въ ароматѣ флакончика заключается смертоносный ядъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ ложи, на которую указала Юлія, слышится короткій болѣзненный крикъ и сидѣвшая тамъ молоденькая римлянка, падаетъ безъ дыханія, роняя на полъ открытый флакончикъ.

Однакожъ, оказывается, что не Сильвія была эта несчастная; невольникъ по ошибкѣ подалъ флаконъ другой, и такимъ образомъ жертвой Юліи сдѣлалась совсѣмъ не причастная женщина. Но что за крики поднялись вдругъ? весь циркъ въ смятеніи, что кружится тамъ на нескѣ? тамъ... дѣлный хаосъ изъ лошадей и колесницъ!

У самаго поворота волочится по землѣ, недалеко отъ своей опрокинутой колесницы Эвтихъ. Тщетно старается онъ приподняться. Но вотъ наконецъ удается ему перерѣзать ножомъ возжи, въ которыхъ онъ запутался. Піерокль, возница Красныхъ, не въ состояніи больше справляться съ своей четверткой, на которую на скакиваетъ колесница Бѣлыхъ и опрокидывается въ общей свалкѣ. Облака пыли покрываютъ эту движущуюся груды. Оторвавшееся колесо, вслѣдствіе инерціи, дѣлаетъ еще нѣсколько оборотовъ по песку. Какой-то острякъ кричитъ:

— Ставлю квадрантъ за колесо Луска!

Толпа хохочетъ и издѣвается надъ валяющимися на землѣ, полумертвыми возничими.

Вытягиваясь, подпрыгивая и наирагая послѣднія силы, двѣ изъ упавшихъ лошадей наконецъ освобождаются отъ упряжи и волоча за собой часть оборванной сбруи, устремляются по аренѣ вслѣдъ за Голубыми и Зелеными, которые весьма искусно объѣзжаютъ по правую и по лѣвую

сторону опрокинувшись и валяющаяся на пескѣ колесницы своихъ противниковъ.

Шесть разъ *) уже счастливо объѣхалъ Эмилиј Гутта арену, но ни разу не обогналъ еще Голубыхъ.

— Гутта! объщай мнѣ десять тысячъ сестерцій, и я позволю себя обогнать.

— Молчи, мошенникъ, возражаетъ тотъ, я одного квадранта пожалѣлъ бы для тебя.

— Слушай, Гутта! давай лучше деньги или завтра расскажу по всему городу «исторію одного вольца».

На этотъ разъ Гутта отвѣчаетъ Голубому ударомъ бича по головѣ и заставляя своихъ коней, которыхъ онъ беретъ до этой минуты, напрячь послѣднія силы, опережаетъ противника на длину лошадиной головы. Его партія, напряженно слѣдившая за обѣими четверками, торжествуетъ. Со всѣхъ сторонъ слышится онъ одобрительные крики:—Браво, браво, Эмилиј, плохо Голубые!

Послѣдній бругъ. О! какъ напряжены всѣ жизненные силы, какъ быстро дышетъ грудь. Теперь или никогда! онъ долженъ раздавить противника, но обѣ четверки такъ близко другъ отъ друга и не уступаютъ одна другой ни въ силѣ, ни въ быстротѣ. Дать перевѣсъ здѣсь можетъ только хитрость.

Отъ сильнаго тренія колеса Голубыхъ дымится. Никогда еще циркъ не видалъ такихъ быстрыхъ коней и такихъ искусственныхъ наѣздниковъ.

Зрители, облитые потомъ (жара стоитъ несносная) распахнувшись и сжимая кулаки, кричатъ:

— Десять тысячъ, сто тысячъ, дачу за Зеленыхъ!

— Идетъ, идетъ! отвѣчаютъ Голубые, охотно принимая вызовъ, ибо Лелій Феликсъ до сихъ поръ нисколько не уступаетъ своему противнику.

---

*) Семь разъ должны были колесницы объѣхать вокругъ дѣловыхъ столбовъ, что дѣлалось приблизительно въ полчаса.

Не дождавъ на длину лошади до поворота, Феликсъ кричить:

— Гутта, Гутта! пятнадцать тысячъ сестерціевъ, и я поверну назадъ.

Но прежде чѣмъ достигаетъ до его слуха посланное въ отвѣтъ проклатіе, изъ сосѣдней ложи наводятъ на него отраженный солнечный свѣтъ, и передъ его ослѣпленными глазами искрятся и прыгаютъ голубыя, зеленыя, желтыя звѣзды.

Это Сильвія, всегдашняя покровительница Гутты, овазала ему услугу своимъ зеркаломъ.

— Проклятое зеленое отродье, клянеть Феликсъ своего противника, протирая глаза. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ осмотрѣться, Гутта, уже близкій отъ желанной цѣли, обгоняетъ его на двѣ лошадиныхъ длины.

— Впередъ, Гутта, впередъ! ты уже близокъ къ цѣли. Выносите вы, Пассеринъ, Океанъ, Целаторъ. Со всѣхъ сторонъ машутъ платками, чтобы довести горацкъ воней до бѣшенства.

Партія Голубыхъ начинаетъ падать духомъ.

Какъ свистятъ бичи! какіе жестокіе удары сыплются на спины бѣдныхъ животныхъ. Пассеринъ, весь покрытый потомъ, храпитъ и фыркаетъ такъ, какъ будто хочетъ разорвать свою грудь на двое,—со всей мощной силой мчитъ онъ за собой своихъ усталыхъ товарищей.

Еще немного, еще одинъ прыжокъ и... благодареніе богамъ! мѣловая линія пройдена. Слѣдомъ за нимъ перескакиваетъ и Голубой.

— Engel! Эмилиъ,—наша гордость, наше счастье!

Слышите-ли вы эти крики, видите-ли какое движеніе поднимается и на верху и въ низу? Зеленые въ неописанномъ восторгѣ, а Голубые скрежещутъ зубами,—Бѣлые и Красные, сжимая вулаки, провлипаютъ и боговъ и людей.

Эмили́й Гутта, побѣдитель, съ гордой осанкой стон на своей колесницѣ, медленно проѣзжаетъ вдоль арены, осыпаясь цѣлымъ градомъ бавтиковъ, лентъ, вѣнковъ. Передъ ложей императора онъ останавливается, и Агриппа подаетъ ему на серебрянномъ блюдѣ такъ называемый «iselasticum» кошелекъ, наполненный золотыми монетами, богато украшенная одежда, золотое кольцо—отличительный знакъ свободнаго—и пальмовую вѣтвь.

Среди оглушительныхъ криковъ одобренія ѣдетъ Гутта на своихъ покрытыхъ пѣной и дрожащихъ отъ усталости воняхъ къ триумфальнымъ воротамъ.

Не мало женскихъ сердець бьется сегодня сильнѣе при видѣ красиваго юноши, и каждая дѣвушка старается добиться хоть одного взгляда его огненныхъ глазъ. Его торжеству могъ-бы позавидовать самъ Цезарь.

Нескончаемыя привѣтствія сопровождаютъ побѣдителя до самыхъ воротъ. Зрители готовятся ко второму состязанію.

Но... что это? слышите, какой трескъ раздался вдругъ на южной сторонѣ цирка. Дивный крикъ вырывается изъ тысячи глотковъ, поднимаются тысячи рукъ, всѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ. О, ужасъ! Часть верхней деревянной галереи и скамеекъ, подъ тяжестью неистово шумящей толпы, рушится внизъ, увлекая за собой мужчинъ, женщинъ, дѣтей, и внизу на аренѣ уже высится гора тѣлъ, цѣлая живая куча раненыхъ, оглушенныхъ, раздавленныхъ, истекающихъ кровью. Косыки, балки, скамьи летятъ сверху на ихъ головы; кровь ручьями течетъ по мраморнымъ плитамъ нижнихъ аркъ; съ четвертаго яруса упали несчастные, напрасно старающіеся удержаться за босаки и деревянные пристройки! нижніе, въ страшной борьбѣ со смертью, гибнутъ раздавленными верхними. Какіе крики о помощи, стоны и вопли умирающихъ! Въ ужасѣ бѣжитъ толпа къ выходамъ, передъняя лежащая на пути преграды и скачками спрыгивая внизъ; въ общей

схватятъ тѣснить и давятъ другъ друга, каждый думая только о своемъ собственномъ спасеніи *).

Вырвавшись изъ своихъ стойлъ, испуганные кони мчатся во всѣхъ направленіяхъ по аренѣ, спотыкаясь и падая на кучи раненныхъ и убитыхъ.

Августъ, его дворъ, вся знать и женщины послѣдно удаляются, ибо мѣсто состязанія теперь походить на кладбище.

Погребальныя повозки увозятъ сотни труповъ; толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей слѣдуетъ за ними, каждый имѣя въ числѣ погибшихъ или близкаго роднаго или знакомаго.

Праздникъ Флоры, такъ несчастливо прерванный, одѣвается въ трауръ.

Умолкаетъ на время крикъ толпы: *placet et circenses...*

* * *

На роскошномъ берегу Альмо, среди тѣнистыхъ кипарисовыхъ роцъ пріютился хорошенькій дачный домикъ извѣстнаго богача Марка Либіера. Пусты сегодня, прежде столь оживленные, сады и покои гостепріимной виллы, ибо хозяйка еще до восхода солнца ушла въ церковь на зрѣлище.

Оставленные на попеченіе старой невольницы дѣти коротаютъ въ игрѣ медленно тянущееся время.

Ужь ночь на дворѣ, братецъ, обращается къ брату маленькая Марція, — а отецъ съ матерью еще не

---

*) Описанная здѣсь катастрофа есть дѣйствительный историческій фактъ. Во время этого несчастія, какъ говорятъ, погибло около 13,000 человекъ.

вернулись. Мнѣ что-то такъ страшно; такъ тоскливо у меня на сердцѣ.

— Не тревожься, милая сестрица, я ужъ слышу шаги и голоса возвращающихся изъ города невольниковъ, а отецъ съ матерью прѣдутъ вслѣдъ за ними. Иди, сыграемъ еще разъ въ кости, вотъ моя лошадка, а вотъ твоя кукла. Я бьюсь объ закладъ, что Голубые будутъ побѣдителями. Посмотри, кости сегодня во мнѣ очень благосклонны. Ну, теперь твоя очередь; возьми кубокъ.

— Братъ! слышишь шаги въ атриумѣ?

— Да, сестрица, но это спящая Сатурнія. Она отсыиваетъ ощупью, пробираясь вѣдоль стѣны, свою постель.

— Нѣтъ, братъ, возьми лампу и поди лучше посмотри; слухъ меня не обманываетъ: я слышу мужскіе голоса,—если это воры, я отъ страха, кажется, заруюсь въ землю. Но погоди, пойдѣмъ лучше вмѣстѣ, вдвоемъ намъ будетъ не такъ страшно. Видишь, стоятъ какой-то человѣкъ у двери! Спроси, что ему надо.

— Зачѣмъ въ такой поздній часъ пришелъ ты, незнакомецъ, въ нашъ домъ? Если ты пришелъ къ намъ какъ другъ, привѣтствуемъ твой приходъ, а если, какъ врагъ, то бойся гнѣва боговъ.

— Это домъ Марка Либіера?

— Да, такъ называется нашъ отецъ.

— Я пришелъ изъ цирка...

— Гдѣ же ты оставилъ нашихъ родителей?

— Случилось несчастье съ вами, дѣти, вашу мать убило балкой, когда рухнула въ циркѣ галерея, а вашъ отецъ, проигравъ мнѣ сегодня и домъ и дачу, нырнулъ въ Тибръ, чтобы остудить въ его волнахъ свою разгоряченную кровь. Я пришелъ сюда принять пріобрѣтенное мной сегодня имѣніе. Эти два человѣка были свидѣтелями нашего спора.

Видныя дѣти, еще не отдавая себѣ вполне отчета въ постигшемъ ихъ несчастіи, устали на незнакомцевъ свои оросившіеся слезами глаза.

— Ну, дѣти, что-же вы смотрите на насъ съ такимъ удивленіемъ? Вы утомились вѣроятно? Идите, снимите свои платица, и сегодняшнюю ночь я вамъ позволяю переночевать здѣсь, въ стойлахъ со скотомъ.

Крѣпко обнявшись ручьями, спать на жесткой соломѣ дѣти, вчера еще богатая, сегодня-же немущія сироты. Они улыбаются во снѣ; имъ грезятся прекрасныя одежды, возничіе, кони, колесницы, окрашенныя въ зеленый и голубой цвѣта; они зовутъ отца, мать, которые ушли на праздникъ и... не возвратятся больше...

глазъ. Вотъ она! покуда не началъ тамъ гнать! Берегутъ и дѣсь берегутъ. Зайди бы должно быть и Лучше, свои — родные, а тамъ чужие, а туда больше жалеть! Вотъ ужъ неоскудѣла, шибкомъ бы пошла, да стыдно. Она теперь, я полагаю, меня вспоминать, не пойдетъ одна рыбу ловить. А въдождьло дрянъ. Не вѣнъ же мнѣ у нихъ оставаться; кончу работу и раба боямъ испускать по Морозцу. Ужъ! заднео будетъ разставаться! Не соваться бы мнѣ, куда не слѣдуетъ. А ну! по правдѣй мѣрѣ останется приятное впечатление. Пусть будетъ, что будетъ! думалъ про себя Слѣпневъ, лежа на лужкѣ.

— Видать, какъ вѣнцется, раздался сверху голосъ.

— А, Лавровъ! Иди сюда.

— Безъ доклада не слѣб, чтобъ необезпомянуть барина.

— Полно! Иди, покурить.

— Товарищи закурили: вапирокъ.

— Когда ты привалалъ? спросилъ Слѣпневъ.

— Привалелъ, а не привалалъ! Мы все по образу привалаго хождения. Собошьнуешь ногами отъ стѣсненія въ саноглахъ и ницень еганщи, гдѣ-бы отдохнуть! Вчера въ ночи привалъ отъ юшка Самена въ Терентьчу. Медвѣлку отдохну, и дальше въ динкону Стенану.

— А потомъ?

— У дяди можно мѣсяцъ прожить безъ зазрѣнія совѣсти. Отъ дяди въ теткѣ пресвириѣ въ Богослово, на перенутьи, а потомъ дальше въ Кукуй, либо въ Руюку.

— Тебѣ не надоѣсть шататься?

— Большаго удовольствія не доставляетъ, надо же кормиться; волея ноги кормить. Въ моей скитальческой жизни интереснаго нѣтъ ничего; путешествуемъ словно кругомъ свѣта. Какъ-то ты съ барамъ живешь? разскажи.

— Не что, живется.

— То-есть со всячиной. Важничаютъ, небось, носъ задирають?

— Этого нѣтъ, со мной ласково и радушно обходятся, какъ въ своей семьѣ живешь.

— Правда ли поинд? Они на васъ смотрятъ, какъ на долопей. Иной самъ нуль съ нуземъ, а передъ нашимъ братомъ васъ задираетъ.

— Какъ съ друзьями, а со мной хороше обходился: не только хояева, но и гости.

— Ты парень лавкій, литераторомъ смотришь.

— Долно надсмѣхаться.

— Серьезно тебѣ говорю, — въ семинаріи либераломъ слышь. Какъ ты пристроился?

— Фунеомъ попалъ. Я самъ не знаю какъ.

— Расскажи, какъ было дѣло.

— Разъ въ праздникъ вернувся домой Петръ Алексѣичъ и говоритъ мнѣ: Попався на дорогѣ мнѣ Воложинъ и авалъ сегодня вмѣстѣ съ тобой най пить. Меня то зачѣмъ? Какое-то дѣло до тебя есть. Какое ему до меня дѣло? Ничего не сказать, только очень просилъ, ему съ тобой поговорить хочется. Справились и поѣхали. Всю дорогу меня мучила мысль, какое дѣло до меня Воложину. Приѣхали, выпились чаю, меня въ кабинетъ повелъ Воложинъ, у меня голеницы захлопали, такъ жутко стало. Усадилъ это онъ въ кресло противъ себя и говоритъ: Я намѣренъ вамъ предложить небольшое дѣло. Надобно вамъ сказать, что я готовлю земскому собранію докладъ по народному образованію, вотъ оны, и Воложинъ указалъ цѣлую кипу писанной бумаги на столѣ. Работа почти кончена вчернѣ, остается только подожить по живѣе, развить нѣкоторыя мѣста по эффекту, однимъ словомъ развѣтвить, переписать почище, конечно, съ соблюденіемъ правописанія и знаковъ препинанія. Вы образованный человекъ и обладаете особенными даромъ слова, какъ я слышанъ, надѣюсь не откажете моему предложенію, тѣмъ болѣе, что всѣ матеріалы собраны и будутъ у васъ подъ рукой. Что тутъ было отвѣчать? Въ такое положеніе неставить, хоты въ окно прыгай. Надо, говорю, познакомиться съ дѣломъ, по моимъ-ли силамъ. — Это непремѣнно. Я самъ буду руководить васъ, это много облегчить работу. Теперь обратимся къ болѣе важнымъ

этому вопросу. Не могу, лучше договорить прямо, чѣм
 лгаться въ реальности тѣхъ же. Квартира и содержаніе
 у меня въ домѣ, вмѣстѣ съ мамой, вознагражденія
 двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Вы довольны? Я очень
 чрезвычайно благодаренъ за предложеніе, говорю, луч-
 шаго я и желать не могу, только въ состояніи ли я
 исполнить ту работу, которую вы предлагаете мнѣ веру-
 чить? Безъ всякаго сомнѣнія, отговариваетъ онъ; мы будемъ
 вмѣстѣ, а дѣло у насъ пойдетъ прекрасно. Согласны?
 Онъ протянулъ мнѣ руку, долженъ былъ подать ему свою.
 Благодарю васъ, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку. Завтра
 я жду васъ созоветъ къ себѣ. Комнату для васъ прито-
 чать и все необходимое, все много не хлопните, я
 постараюсь васъ устроить какъ возможно удобнѣе. Слѣду-
 ющаяго не взвѣдалъ я, такъ онъ меня озадачилъ, не
 помню, какъ мы выбрались отъ него. Дорогой разсказалъ
 подробно все Петру Алексѣевичу. Чего ты растерялся? го-
 воритъ онъ мнѣ; дѣло самое простое. Воложинъ добрый
 человекъ, но тупой; дуръ ващя на него писать объ
 уравненіи познаний и е народномъ образованіи, больше
 гду онъ вѣдѣтъ, а дѣло все врозь ващя, самолюбіе
 разиграется. Работы будетъ довольно, все надо слова
 переделывать и переделывать; но словеса; ты съ нимъ не
 спорь, а дѣлай, какъ найдешь лучше, а онъ останется
 доволенъ. Въ тысячу разъ лучше тебѣ у него жить, чѣмъ
 у учителей маляра. На другой день съ вечера переѣхалъ.
 Комнату мнѣ отвели вверху большую, свѣтлую, окнами
 на рѣку, видъ—домъ отъ окна невидно, концы на полу
 разостланы, мебель новая, столъ письменный оренбургій,
 кресла навалено, лавей раздѣлать меня явился. Ну, ко-
 нечно, я его спровадилъ. Всталъ утромъ на другой день
 въ восемь часовъ, прислушался; въ домѣ никто не шевелится,
 пересмотрѣлъ книги,—все журналы земскихъ соб-
 раній, да отчеты, и сѣлъ въ окно любоваться природой.
 Въ десяти часамъ, пригласили чай пить. Съ часъ проси-
 дѣли за чаемъ и пошли въ кабинетъ. Воложинъ кру-

чине ринуться бодаться, сечь, поглаживаться, прижиматься, трепать, а в сѣвѣ заворачиваютъ одна на другую, а заработуши кнѣзья, а это истребиде и квертъ къ себѣ; да какъ и посмотрѣлъ, ну, а вѣдь и руки опустились, провано изъ раба борчивоу безграмотно, вѣднѣ препинація разсталиены воемъ гдѣ. Разъ промѣтивши страннѣ, другой, третій, насилу сообразили. Въ девятнадцать часовъ завтраять, въ четыре часа обѣдать, а въ девятомъ чай пить поспали. Я поспѣ чай, во обиховощію, направился во сволок, а барышки и говорить: вы воль вечеръ-то нѣтъ подарите. Остали, разбалтался и не зашѣвлять, какъ до часу провидѣли. На друге утро составили планъ доклада, баринъ одобрилъ, надо было перечитать и едѣлать свободу постановлений собранія на воль годы. Вотъ, я тебѣ доложу, гдѣ тайный лѣтъ. Каждый годъ все по новому, какъ будто прежнего постановленія и цѣне существовало. Одинъ годъ рѣшили приглашать учителей вѣтстанныхъ гвардейскихъ учителей, офицеравъ, какъ людей вѣдѣржавшихъ и высокообразованныхъ, а въ другой—семидесятистовъ. Мужиковъ облюбили. Школу создали для причетовленія учителей изъ крестьянъ. Что только не было съ аробѣнкой. Постановили промѣ крестьянскія дѣтей ничего не принимать. Обучать естественнымъ наукамъ, географію, астрономію, съ физикой знакомить, обучать прикладнымъ знаніямъ. И всему этому научить надо въ три года. Ну, ладно. Оказалось, что эти мудрецы по русски правильно писать не умѣють. Ошибъ ломка. Школу едѣлать отиртой; допустить дѣтей волью оселерій, собрать по естественнанію уроки, а прибавить по русскому языку, прикладныя знанія со вѣднѣ изгнать. На слѣдующій годъ опять ломка, снова заводять учить прикладнымъ знаніямъ, и такимъ образомъ, что новый годъ, то новая переимѣна. Задумали конкурсъ для народныхъ учебниковъ своей школы.

... Они бы новую азбуку выдумали. Есть азбука церковная, есть азбука гражданская, какъ же не быть земской переимѣна товарищъ.

— Наконецъ одолѣлъ вса, и дѣло теперь въ концу подвигается.

— Ты цѣлый день ищешь, какъ разгладить?

— Творить-то нечего. Цѣлый день провѣдывъ съ женою, рѣбу, идуща съ барышней, прибѣеобразна.

— Одинъ на одинъ.

— Конечно.

— Ты бы ее обманить.

— Тафу, ты всегда эверзеть скажешь.

— Нечего плеваться, многимъ нравятся.

— Вотъ моя история.

— Жарено. Я было то же пристроился. Забрался къ отцу Терентію, вловивъ какъ вдовца, одинокій, и къ тому же добрейшей души. Обрадовался онъ мнѣ. Живя, говорить, у меня я остался живемъ и благодушествомъ, то вечерю любви сотворимъ, то кувшину выдземъ, то разрытие въ вѣна и елей. Должны до зимы, начались по-сѣди на деревѣ, сталъ а пухачивать. Дѣвки пѣсни орутъ, парни либеральничаютъ съ ними. Надѣли. Настой, думаю, удружу вамъ. Сдѣлалъ шутиху, принесъ на посядку, зажегъ и пустилъ. Поднялся гвалтъ, дѣвки на скамейки повскавали, подождь подымать стали, я въ суматохѣ-то и ускользнулъ. Прибѣжалъ домой и рассказываю отцу Терентію. Дѣло шло, говорить: отецъ Терентій, тебе дѣла остаются адва: нальза; парни поймаютъ, да такъ бока памнутъ, что аско живы будешь помяты. Закрыли коня, отвезли реба божія въ ближній: неопасъ; откуда а спати претисся сирновозавать.

Товарищи рассказали, уловившись собиесъ вечеромъ.

Носа: Обѣда. Сидя въ соснуль: немногъ, спустился чай пята. Они были кончалитъ и садумчинъ. Матрива смѣтила вступеремѣту.

— Что это случилось съ парнемъ? обрадовалась матушка въ Машу Алексѣву, когда ушелъ Сидимовъ. — Прежде безъ умождухониль, кадеи колхозъ, атепарни зодиръ ласта парѣла.

— Работы много.

- Какъ те неси забота.
- Дѣло-то нелегкое, за которое онъ взялся.
- Зачѣмъ и Фрауленъ было, когда же посылать.
- Нельзя сказать, чтобъ не по силамъ было; у него быстра способность. Неужели бы въ академію, наистрому кончилъ бы курсъ.
- Зачѣмъ же ты не посоветуешь.
- Приневоливать не стану. Хотите идти, помогу; а посылать не стану. Время еще не ушло, можетъ быть еще и надумаетъ.

На другой день Слѣпневъ все-какъ достигъ до обѣда, и послѣ обѣда старъ просить, чтобы его отвезли. Отецъ Петръ съ матушкой естаклами еще на донезъ, но онъ сдѣлался на непосѣдность работы и неслыханно обрадовался, когда подалъ къ приладу тѣлку.

Давровъ приметъ просителемъ съ товарищемъ.

— Пошлюте обо мнѣ. Не будетъ ли и мнѣ какой работы? Я могу написать прозвѣ, какъ нѣтъ мѣншихъ зарѣки считать.

XI.

Ильи широко празднуютъ, нѣтъ того прихода, гдѣ не справляли бы праздника Ильи въ двухъ-трехъ деревняхъ и болѣе. День этотъ извѣстенъ между крестьянскими людьми названіемъ перваго осенняго праздника. Пророкъ Илья въ большомъ уваженіи у народа, тутъ-же не выше всѣхъ почитается, какъ никто не можетъ опредѣленно указать себѣ, кто въ окномъ дѣлѣ Ильи. Сказано мущину, что Илья пророкъ изъ евреевъ, тѣмъ онъ кончилъ за это и бока намнетъ, а кто онъ и отечда, повѣсти не расказѣтъ.

Въ Ильинскомъ потестѣ, съ этого дѣль крамовой праздника, торжество великое: крестьянскій ходъ въ полѣ къ часовнѣ, версты за три. Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень. Наѣхали торговцы съ красными

зааромы и лавомствами. Крутомъ саркомъ водилой на-
роста; Аного дружка расположенное на Лужий; въ изатривъ
душе жадало. терровка. Завонные на голокохлѣ волосѣ
жолонка, показалея; на церкве престный ходъ; народъ
защитывалея, женщины и мужчины устранилсь въ радъ-
тусиломъ въ изклонномъ положеніи позволю направлению,
туда долленъ иди крестный ходъ, чтобы перенесли че-
резъ нихъ обраа. Крестный ходъ двинулся, и песурин
тонна раскивалась по всему полю.

Васиѣ часу происходила эта церемонія, и далеко за
подеаь кончалась служба.

Въ это время къ Забренну стали набивать гости,
кто изъ церкви, кто прямо изъ дому. Весь дворъ загру-
жили разношерстными женщинами.

Въ залѣ сервированъ были столъ на тридцать пер-
сонъ, въ боковой комнатѣ на большомъ столѣ поста-
лена была закуска. Чего тутъ не было? Селедки, убранныя
салацию, лера, солонныя и маринованные грибы всѣхъ
сортель, вощеная и солонная рыба; рускива помоты и
вощеная дичь, масло, сыръ и яйца; длинный рядъ бу-
тылокъ съ разными водками и наливками довершалъ
украшение стола. Гости сталились у стола, выпивали,
закусывали и подхваляли хозяйку.

Въ комнату вбѣгала, зашпакившись, Бубновъ.

— Опоздалъ, привѣтствовали его гости.

— Благодарно ли свидѣль къ Алабеву? спросилъ
онъ-то.

— Виделась дружный вечерній сѣнь, Бубновъ насупился.

— Мало-ли что бываетъ; вороны прямо лѣтають и
тѣ не попадають, сивала двосто изъ гостей.

Снова раздался смѣхъ; Бубновъ ошорфулся. Гости
продолжали свое зашпакиваніе.

Дамъ было немного, но и для нихъ Авдотья Семен-
новна устроила закуску на особомъ столѣ у Костинной.

Говоръ, шумъ; почти конскому стади отодвинуться
съ столомъ притрѣмт прозваннымъ страшное ошорѣженіе.

Въ четыре часа сѣли обѣдать.

Клубника съ грибами была приятна. Из особенное удовольствие, много было сказано коньяка. Авдотья Семеновна въ гнѣвномъ цѣль относилась съ должнымъ вниманіемъ, съговъ разваренныхъ развалин, цыплятокъ съ соусомъ проглотила; какъ легкую вещь. Жареную темпину превознесла, и была за что: рѣдкостная была котлетина, жирная, бѣлая, пушала, во рту таяла. Президидисъ промбиромъ и закусили бѣманье.

Авдотья Семеновна увела дамъ въ гостиную, гдѣ подана была десертъ, а мужчины остались за столомъ, кто не кончилъ разговора, кто недослушалъ анекдота, а главное, осталось много еще недонести бурглюкъ. Закурили; и пошла оживленная беседа.

Воложинъ всталъ прежде всѣхъ: вѣнча стои, и съ дочерью отправился домой, его вѣнчи провозать Извѣревъ и Бубновъ.

— Хорошо бы выпроводить Бубнова, сказалъ одинъ изъ гостей. Случай очень удобный переговорить о чемъ нибудь, а при немъ нельзя, разнести все, кибиртеръ по полю.

— Его не выживешь, онъ почевать останется.

— Можно выжить, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Любопытно бы знать, какъ его выживете.

— Командировать въ Сердюкову.

— Не пойдетъ.

— Поѣдетъ. Подъ гнѣмъ предложить, чтобы провести Сердюкова. Попросите его съѣздить съ завѣстіемъ; онъ адъсь на обѣдѣ перѣкили выбрать снова Сердюкова въ председатели.

— Вы и распорядитесь сами; вы умѣете его обрабатывать.

— Мнѣ не удобно; онъ вѣдъ бѣлота на забыла.

Гости залились веселымъ смѣхомъ.

Вошелъ Вулканъ.

— Жоржъ, Жоржъ, раздалось съ вѣнча старика.

Снова всѣ разразились смѣхомъ.

Бубновъ смѣлся, онъ стоялъ передъ лампаго, запуча глаза.

— Дале сидишь съ нами, баштанъ протыкаешь тобѣ, широкимъ шпатель...

Бубновъ зонде прѣвращаетъ поднимуть съ нимъ столу.

— Омигити, не прекращался...

— Да иди ты, садись, прѣвращаетъ, упрямый, мы насъ со смѣху, едва протвержила, задвинусь отъ смѣха, почтанный старичекъ.

— Опять раздался хохотъ.

Бубновъ дерзновенно шаритъ по карманамъ и съ блуждающимъ взглядомъ...

Гости переглядывались и поглядывали со смѣха.

Бубновъ встревожился, онъ началъ осмысливаться; подозревая, что не будетъ ни съ ними, никакой прохвѣли.

Долго продолжался смѣхъ. Успокоятся не много, кто-нибудь взглянетъ на Бубнова, насмѣется и всѣ подхватятъ.

Бубновъ не вытерпѣлъ.

— Одурился вы, что ли, чего зубы скалите?

Презрительно новый взрывъ смѣха.

Наконецъ успокоились все-таки.

— Не подумайте чего-нибудь дурного, Егоръ Марьяничъ, мы такъ, просто, отъ дури хохотали. Вотъ— онъ ляпнулъ такое слово, что отъ смѣха не удержаться, прѣвращаетъ старичекъ, улыбаясь на Егорова.

— Надо повалить идола, а безъ вашей помощи не одолѣть.

— Кого выείτε, ничего не понимаю, смѣяться Бубновъ.

— Мы говорили о томъ, какъ бы пронести Сердюкова. Онъ подозреваетъ насъ, вотъ и сюда не повандаемъ. Подбереть, собѣ парню изъ крестьянъ, тогда съ нимъ не справиться. Вотъ мы и придумали, чтобы обезпечить его наслѣдъ, выбора, дѣйствительнаго, что молъ здѣсь на обѣдъ порѣшили оставить его по приглашенію председателя.

— Когда вышло рѣшеніе? спросилъ съ недоумѣніемъ Бубновъ.

— Никогда не рѣшай. Чтобъ только ему глаза завѣситъ, чтобъ онъ не хлопоталъ у крестьянъ. Понимаешь?

— Понимаю, всею отвѣтилъ Бубновъ.

— Надо сейчасъ къ нему ѣхать и сообщить: Выручите Егоръ Марьявичъ, съѣдите.

— Будто прощѣ меня некому.

— Если кто изъ насъ побѣдетъ, отъ усумнится, зачѣмъ съ нароку къ нему прѣѣхалъ! Ви, другое дѣло, скажешь, что по дорогѣ заворнула, ѣду молъ къ такому-то; онъ знаетъ, что у васъ дѣла много, засаживаться въ гостяхъ нѣкогда, а добрую вѣсть сообщить вы всегда готовы хорошему человеку. Ну и обойдетъ гладко.

— Съѣзда Жорикъ, съѣзда, посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Это ни на что не похоже. Что я за мученикъ! Оставить такое пріятное общество. Побойтесь Бога! возмолится Бубновъ.

— Принесите жертву земству; вы посвятили себя ему на служеніе. Отъ этого зависятъ важныя послѣдствія.

— Господи! Сколько я принесъ жертвъ безкорытныхъ, а никто меня не заслужитъ по оцѣнкѣ! воскликнулъ Бубновъ.

— Оцѣнникъ Жорикъ, оцѣнникъ. Будешь доволенъ, раддалось со всѣхъ сторонъ.

— Быть по закону, сказалъ Бубновъ, вынулъ стаканъ вина и ушелъ.

Между гостями поднялся хохоть.

— Извините, добрый Валерьякъ Павловичъ, если мы съ вашего позволенія отроемъ временное отдѣленіе по земскимъ дѣламъ, отвѣтилъ старичекъ, когда гости ушли.

— Минуту доставитъ удовольствіе, и хитъ позаволаюсь съ вами дѣломъ, отвѣтилъ Бубновъ.

— Внимание! господа, внимание! воскликнулъ старичекъ.

— Итакъ мы въ общемъ собраніи единогласно признали за старика дѣлать дѣла, и избрать новаго. Кого же?

— Позвольте господа, выслушаю Гвоздева. Надо со-
здать комиссию из армян.

— То есть?

— Вовсе слушать не собираюсь въ убадь замѣ-
нять всаму.

— Очень строго будетъ; на первый разъ хоть двух-
трехъ, а остальныя пусть служатъ.

— Я осмѣливаюсь предложить вамъ очередную. Со-
вершенно несообразно съ экономическими расчетами
полагаться постоянно одному и тому же лицу субси-
дией. Вслѣдствіе будетъ для всаго, если эта субсидія
будетъ передаваться другому черезъ три года. Составъ
выборныхъ будетъ обновляться, и субсидія будетъ распе-
дяться равномерно.

Послѣ долгихъ преній предложеніе было принято.

— Кого же предсѣдателемъ? спросилъ старичекъ.

— Не удобнѣ ли прежде поднять вопросъ о пред-
водителѣ, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Какъ? и предводителя новаго? спросило нѣсколько
голосовъ.

— Надо бы еще съѣздить, сиречь, дома никогда не
застанешь, не покормить, какъ пріѣдешь въ городъ, —
отозвался одинъ изъ гостей.

— Не тратьте время, возразилъ другой. Бывало по-
койникъ Бомгартенъ нарочно флигель особый для дво-
рца имѣлъ. Обида, если не у него остановимся.

— Къ вопросу, къ вопросу! раздалось нѣсколько го-
лосовъ.

— Кто пойдетъ въ предводители?

— Волосибина просить, Волосибина!

— Волосибина не пойдетъ, въ нему ничего и обра-
щаться, онъ думаетъ добиться предсѣдателя губернской
универсальной комиссии.

— Кто же пойдетъ даромъ служить, нынѣ предводи-
телю дѣла этого?

— Мнѣ бы даромъ и жекетъ одѣтъ табачки получать
жалованья, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Жалованье? Откуда жалованье? —

— Предводителя надо избирать, предводителем быть не
вы, вот и жалованье; ему заодно въ городъ идти.

— За такой умный советъ позволяете, ваше, поднести
маршальскій жезлъ. Выпьемъ господа за здоровье буду-
щаго предводителя Ивана Ивановича.

— Позвольте, господа, позвольте, оспаривать Пре-
дседъ. — За честь и вниманіе я приношу вамъ мою
искреннюю благодарность; но отъ избранія поворота
прошу уволить. Я далъ себѣ слово: ни въ какихъ долж-
ности не вступать, развѣ придадутъ когда, нужна заче-
нуть дышать насущнаго хлѣба, тогда я, господа, обра-
щусь къ вамъ за помощью, а теперь уволите.

— Иванъ Ивановичъ! только на три года.

— Ни на одинъ день. Это неизмѣнное мое рѣшеніе.

— Кого же?

— На двѣ тысячи жалованья всѣмъ пойдетъ.

— Мотовилова, крикнулъ одинъ голосъ.

— Мотовилова, такъ Мотовилова, Хорошій человекъ
и усадьба близъ города.

— Кого же господа? спросилъ старикъ.

— Мотовилова, Мотовилова!

— Быть Мотовилу. Членомъ Управы!

— Валерьяна Павловича, раздалось со всѣхъ сторонъ.
Звѣрекъ всталъ и поклонился.

— Благодарю за честь, господа, но принять, — при-
нять не могу.

— Ну вотъ, всѣ лучшіе люди отказываются.

— Валерьянъ Павловичъ, мы за особенную честь
считаемъ имѣть васъ въ ряду нашихъ дѣлателей.

— Уважьте, господа, Первѣе честному слову, — не
могу принять на себя этой обязанности.

— Макарыча надо завербовать, крикнулъ одинъ
господъ.

— Степанъ Макарычъ, мы васъ просимъ.

— Господа, господа, говорятъ, садитесь, Макарычъ.

— За здоровье! Прощай! Денис, раздайсь! Голоси и
пошлимъ здоровью! ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ ОНЪ

— Въ товарища къ нему сосѣда? спросилъ старикъ.
Выпалъ изъ здоровья? сосѣда.

— Непремѣннымъ членомъ Вильяшева.

— Вильяшева, Вильяшева! подхватили хоромъ.

— Не даю, господа, остановитъ Гвоздевъ. У Вилья
шева семья большая, чего стѣбитъ перетаскивать ее въ
городъ, хозяйство разстроится, а на полторы тысячи
сѣдла невозможно въ городѣ продать. Хотите помочь,
выберите судьей, это составить ему большую субсидію.

— Членомъ престола.

— Не глупѣ Ардаліона.

— Ардаліона куда?

— Въ почетные.

— Почетъ не дастъ хлѣба.

— Не первое трехлѣтіе служить, задрѣялся.

— Быть по сему.

— Непремѣннымъ членомъ Алексѣя Михайловича,
крикнулъ кто-то.

— Алексѣй Михайловичъ, мы васъ просимъ.

— Благодарю, господа!

— За здоровье Алексѣя Михайловича.

— О другихъ судьяхъ рѣшимъ при выборахъ.

— Ушля рѣши приятно и слушать.

— Теперь о Воложбинѣ. Трудно намъ будетъ пре
нести его въ председатели, не переимитъ большинства.

— Вы сами можете составить большинство. Отъ на
шего уѣзда двѣнадцать губернскихъ гласныхъ, четвертая
часть, еще столько и половина. Постарайтесь быть еди
нодушными и привлечь на свою сторону мелкіе уѣзды,
отъ которыхъ по пяти или по четыре гласныхъ; эти бу
дутъ искать себѣ опоры въ большомъ уѣздѣ, непременно
къ вамъ пристанутъ, такимъ образомъ и составится
большинство, возразилъ Гвоздевъ.

— Условія то тяжелыя, часто камовъ предлагаютъ
поддерживать.

— Въдѣ не въ нашу уѣздъ ардева, а въ нѣмъ. Чортъ ихъ возьми, за то вы во всѣхъ вопросахъ ошарались на нихъ будете.

— Въ Стиненскомъ уѣздѣ пять губернскихъ гласныхъ: отецъ, сынъ, зять и два племянника и какъ устроились хорошо! Предводителемъ отецъ, председателемъ зять, членами управы племянники, а сыномъ порекоменданнымъ членомъ. Весь уѣздъ въ руни забрали, что хотите, то и творять.

— Такихъ то и подбирайте, тогда и Валашкина проведете.

— По части выборовъ, кажется, все попоминано? сиротилъ старичекъ.

— Нѣтъ, не все, — возразилъ Гвоздевъ, Земскаго Ярыжку забыли.

— Веселый смѣхъ былъ отвѣтомъ Гвоздеву.

— Позвольте, госнода, напомнить вамъ объ обѣщаніи, данномъ ему.

— Куда же его выбрать?

— Даете честное слово, что выберете.

— Вы скажите куда.

— Дадите честное слово, скажу.

— Даемъ, даемъ, даемъ!

— Смотрите, госнода, отъ даннаго слова не отпираться. Земскаго Ярыжку слѣдуетъ избрать членомъ губернской управы.

Оглушительный смѣхъ былъ отвѣтомъ.

— Шутникъ, вы, Иванъ Ивановичъ. Земскаго Ярыжку членомъ губернской управы! Ха-ха-ха-ха-ха!!

— Я не шута предлагаю, а серьезно.

— Серьезно! ха-ха-ха! Какая можетъ быть польза?

— Вы, госнода, не хотите видѣть собственной выгоды.

— Что дальше, то мудренѣе, извините, мы васъ не можемъ понять.

— Кажется, такъ просто. Неужели онъ никому не надоѣлъ своей болтовней и сплетнями? Онъ всѣхъ насъ можетъ переменить и разсорить. Выберите членомъ.

управы, уйдеть въ губернской городъ, на три года новой намъ дастъ. Кромѣ того, еса такъ вынуждаютъ, въ три то года такъ вынуждать, что вернется на намъ совершенно другимъ человекомъ.

— Браво, браво, браво! закричали всѣ въ голосъ.

— За здоровье Ивана Ивановича!

— Господа, ни связаны честными словомъ, надѣюсь сдержите.

— Вѣрно сдержимъ. Бить Земскому Ярыжку членомъ губернской управы. За Земскаго Ярыжку, господа!

— Еще одна просьба. Ему не сообщайте. Онъ самъ собѣ испортить, прежде времени разболтаетъ.

— Согласны, согласны.

— Теперь, господа, насчетъ земскихъ вопросовъ, заговорить старичекъ.

— Не подумайте вы, Бога ради, новыхъ вопросовъ, а переживайте старое. Такъ прибыльнѣе будетъ.

— Такъ встанеть со всѣмъ земское дѣло.

— И такъ не далеко ушло. Всякій новый вопросъ требуетъ новыхъ расходовъ, а это тяжело отбивается на плательщикахъ.

— Что же послѣ этого дѣлать въ собраніи?

— Урѣзывать смѣту, урѣзывать, какъ можно больше.

— Помилуйте! Это невозможно. Вотъ хоть бы пути сообщенія, надо же ихъ когда нибудь привести въ порядокъ.

— Самы собой приведутся.

— Мудрено что то вы говорите.

— Какъ будете чередоваться въ избраніи управы, такъ каждый новый предсѣдатель и членъ первымъ долгомъ позаботится исправить дорогу въ дому; изъ экономическихъ суммъ или другимъ способомъ, а найдетъ средства. Такимъ образомъ по немногу пути сообщенія и исправятся.

— Что за свѣтлая голова! Надо выпить за его здоровье.

— За здоровье Ивана Ивановича.

— А уравненіе повинностей?

— Предоставьте Воложбину. Третий год надъ землицу
дядомъ бьетъ, что нибудь да увидать...

— Врядъ ли! Сами же онъ пороку не выдунетъ отъ

— Все же поддержать его надо.

— Поддержать-поддержимъ, а обшаръ не надо.

— Надо предоставлять будущему.

— Валерьянъ Павловичъ! обратися старичекъ въ
Звѣреву. Самъ Богъ послалъ намъ въ васъ не только
учнаго и образованнаго, но и гостеприимнаго соседа;
благодаря вашему глѣбосолюту, мы имѣли возмѣшное
обшаръ нашіими насчетъ нашихъ общинъ дѣлъ и
устроить все въ духѣ любви и согласія. До васъ у насъ
свирѣпствовала разногласица и не было у насъ нейтраль-
ной земли, гдѣ мы могли высказаться не подъ вліяніемъ
какой-либо партіи; на васъ мы смотримъ, какъ на со-
седя-примирителя и во всякъ случаѣ будемъ и впе-
редь прибѣгать подъ вашу мирную кровль, чтобъ ту-
шить наши раздоры. Въ знакъ искреннаго нашего рас-
положенія и уваженія въ вамъ, какъ милости, проемъ
васъ принять званіе гласнаго, уѣднаго и губернскаго.

— Валерьянъ Павловичъ! Валерьянъ Павловичъ! рѣ-
далось со всѣхъ сторонъ и Звѣреву пошелъ переходъ
надъ обшаръ въ обшаръ своихъ гостей отъ одного
къ другому.

Гости чопащъ, обшарались и цѣловались съ хозяй-
номъ и другъ съ другомъ. Въ концѣ концовъ многіе
такъ нагрузились, что не могли попасть въ свой обшаръ
безъ посторонней помощи.

XII.

На террасѣ послѣ обѣда сидѣли Воложбинъ, дочь и
Слѣпневъ. Воложбинъ, откинувшись на спинку кресла,
курилъ сигару; Слѣпневъ поодаль отъ Воложбина сидѣлъ
за небольшимъ столикомъ противъ Елены Александровны,
въ рукахъ онъ вертѣлъ книгу.

— Ты пришла не възвѣщать о городѣ? спросила дочь Воложбинъ.

— Нищюдику, мамъ, что мнѣ тамъ дѣлать!

— Конечно, лучше не дѣлать. Только не передумай, рѣшай окончательно сегодня, а завтра будетъ немая.

— Рѣшительно не поѣду.

— Ну, смотри.

— Ахъ, папъ! неужели я такая вѣтреная, что каждая часть готова переменить свое рѣшеніе.

— Съ тобой надо ѣхать въ Каретѣ, а безъ тебя я поѣду въ тарантасѣ, мнѣ такъ удобнѣе.

— Я поѣзжайте съ Богомъ въ тарантасѣ.

Послышался звонъ поддужнаго колокольчика.

— Кто-то ѣдетъ, и навѣрное въ намъ.

— Бубновъ, больше никому, сказала Елена Александровна.

— Звѣревъ, сказалъ Слѣпневъ и пристально поглядѣлъ на Воложбину.

— Я вамъ говорю — Бубновъ. Елена Александровна топнула ножкой.

— Вотъ одолжить, какъ навяжется въ попутчики, сказалъ съ огорченіемъ Воложбинъ.

— Онъ вѣдго те сдѣластъ, возразила дочь.

— Отъ него станется.

— Можно и безъ церемоніи отказать.

Вошелъ въ садъ Бубновъ.

— Что? сказала съ укоромъ Воложбина Слѣпневу.

— Можете себѣ представить, какой случай-то ушущенъ! заговорилъ Бубновъ, умѣстившись въ кресло противъ хозяйки.

— Какой случай?

— Я не понимаю, какъ можно дойти до такой распущенности! Выборы на носу, а объ нихъ никто и не думаетъ. Собрались въ Звѣреву, кутнули, а объ дѣлѣ ни слова!

— Будто ничего не говорили? Я нарочно раньше уѣхалъ, чтобы не стѣснять ихъ.

— А что Гвоздевъ, распустились или, а они уши развѣсятъ. Можете представить себѣ, что было послѣ вась? Я вернулся, а они зумѣряютъ отъ смѣха, притихнуть, да стопа отъ смѣха выговорить слова не могутъ. Я впродолженіе простареего, думаю, не затѣять-ли новую штуку сыграть Гвоздевъ, отъ него всего ожидать можно. Съ полчаса они хохотали, взглянуть другъ на друга и полагаться со смѣха.

— Чему же они смѣялись?

— Дурь наша. Гвоздевъ что-то сморозилъ, они начали заливаться смѣхомъ.

— А потомъ что было? Полагаю, они не скоро разошлись.

— Чуть не до полночи кутили.

— Такъ-таки ничего и не говорили о выборахъ.

— Ничего. Я почти сразу послѣ вась уѣхалъ въ Сердюкову.

— Теперь понятно отъ чего пропустили удобный случай. Отвѣтъ нужно было ѣхать въ Сердюкову. Безъ вась что они могли устроить? не безъ ироніи прожизнесъ хозини.

— Стали послать меня, просить, всѣ приступили ко мнѣ: съѣзди да съѣзди, пожалуйста. Ну, какъ не поѣхать?

— Зачѣмъ же?

— Придумали-то они хорошую штуку. Чтобы успѣть насчетъ выбора Сердюкова, чтобы онъ не сталъ набирать себѣ сторонниковъ изъ крестьянъ, они послали меня сообщить ему, что молъ на обѣдѣ у Звѣрева порѣшили оставить его предсѣдателемъ. Штука удалась. Сердюковъ обрадовался, угощать меня началъ. Бутылку шампанскаго розпили!

— Можетъ быть они безъ вась и потоловали?

— Я уже у всѣхъ перебивалъ, допытывался. Рѣшительно ничего не было. Гвоздевъ каламбурилъ, рассказывалъ анекдоты, а они смѣялись да пошивали; нагрузились порядкомъ и развѣхались. Вы когда ѣдете?

— Завтра въ вечеру въѣду.

— Что вы Александръ Александровичъ? Нолька не вамъ сегодня въ ночь ъезжаться.

— Завтра? Выборы ноготъ сагара.

— Ахъ, Боже мой! Надо же, что-нибудь передать вамъ борами-то сдѣлать. Я, знаете-ли, что хочу сдѣлать. Устрою завтра у себя небольшую шиньку днемъ, въ это время и переговоримъ. Договорите ночью, при васъ все дѣла лучше пойдетъ.

— Не могу, Егоръ Мартыновичъ, никакъ еще распоряженій не сдѣлано.

— Долго-ли? Вамъ спонты приказать; управляющій вашъ исправный человекъ. Можетъ быть Елена Александровна пойдетъ.

— Я не ѣду.

— Отчего вамъ-то ехать не пойдетъ? Я бы предложилъ со мной ѣхать, но боюсь, что мой тарантасъ не понравится.

— Благодарю покорно. Мнѣ надо ѣхать въ своемъ.

— Прощайте, сказалъ грустно Бубновъ.

— Чего вы торопитесь? будемъ чай пить.

— Благодарю васъ. Невогда. Когда доберешься до города, выспаться надо. Завтра хлопотъ-то, хлопоты!

— Слабую штучку устроили, сказалъ Володьбинъ, когда ушелъ Бубновъ.

— Съ Сердюковима? спросила дочь.

— Не съ Сердюковима, а съ Замоскимъ Ярыжкой. Они должно быть нарочно его сировадали, чтобъ безъ него переговорить обо всемъ.

— Легко могло случиться, сказалъ Слѣпневъ.

— Должно быть такъ; Володьбинъ повзвонилъ.

— Вошелъ лакей.

— Позвать управляющаго.

Вошелъ небольшого роста, сухощавый человекъ, въ суконной чуйкѣ по колѣно и въ высокихъ сапогахъ; густые темно-рыжіе волосы завивались въ остроконечную бороду, какъ у барана, усы были нафабрины, борода обрита;

лицо имѣло чистый еврейскій типъ, съ длинными горбатыми носомъ. Она выгнулась на саруку, устремивъ свои большіе каріе глаза на Воложбину.

— Завтра въ двѣнадцать часовъ распорядитесь приговорить доросшии тараканы съ тройку овражи. А завтра їду въ городъ.

— Слушаюсь, ваше высочество, сказала управлѣнціи и повернулся къ нему крутомъ.

На другой день послѣ завтрака Воложбина уѣхала.

— Пойдите рыбу ловить, сказала Воложбина Слѣпневу.

Слѣпневъ собралъ рыболовные снасти, и они отправились на плотъ.

Сильный сѣверный вѣтеръ развелъ большое волненіе на рѣкѣ, плотъ колыбался отъ всплеска волнъ, поднимаясь брызги и некрѣпко крѣпился плетъ.

— Пойдите домой, здѣсь очень невесело, сказала Воложбина.

Слѣпневъ собралъ удочки и молча пошелъ за Воложбиной.

Пришли на террасу. Воложбина сѣла въ кресло, повернула книгу въ рукавъ, пересѣла на стулъ у самой лѣстницы, оперлась подбородкомъ на руки, положенныя на шерша и бездѣльно устремила взоры въ пространство.

Слѣпневъ смотрѣлъ на нее и думалъ. Первый разъ онъ ее видѣлъ въ такомъ тревожномъ настроеніи.

— Пойдемте въ лѣсъ, сказала Воложбина, поднялась со стула, схватила сомнительную шляпку съ широкими полями, на ходу надѣла ее на голову.

Когда вышли въ поле, вѣтеръ немилосердно гнулъ поля пшеницы Воложбиной и срывалъ съ плетъ ея платокъ. Она одной рукой придерживала шляпку, а другою — платокъ и бойко шла впередъ.

Денги почти до опушки лѣска. Елена Александровна останавливалась.

— Вернемтесь домой, сказала она и направилась

съ доку: Ота ушла въ свое покаяну, когда вернулись докой.

Слѣпневъ ушелъ наверхъ и принялся было за работу, но какъ это только не вышло ни изъ чего, обмолвитое въ черной шере, такъ и высоко въ его руки. Въ употребленія въ дѣла: «Что это съ ней стало съ сегодня», думалъ Слѣпневъ и никакъ не могъ объяснить себѣ трехъ возможного настроенія Елены. Такъ онъ и просидѣлъ до обѣда.

Къ обѣду Елена вышла съ веселой улыбкой, но слѣды недавнякъ слезъ были замѣтны, какъ она ни старалась скрыть это отъ Слѣпнева. У него защемило сердце. Елена старалась развеселить Слѣпнева разными вопросами, назвать его обманутомъ болтовней, но онъ былъ мраченъ и почти ничего не ѣлъ.

Слѣпневъ перешелъ къ маленькому столу, раскрылъ первую попавшуюся книгу и сталъ читать вслухъ. Она начала онъ читалъ неспешно, будто спотыкался въ потемкахъ, замѣтно было, что онъ видѣлъ только слова, но не понималъ ихъ смысла. Живая сцена, невольно отгадывала вниманіемъ Слѣпнева; онъ углубился впереводъ словъ и не замѣчалъ, что вокругъ его происходить. Больше интереса къ себѣ читалъ онъ вслухъ.

— Останься! тихо прошептала Елена. Она съ задрожавшими руками стояла противъ него, глаза, устремленные на Слѣпнева, горѣли и искрились.

Онъ посмотрѣлъ на нее и поумиленъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ женщина осуждена на вѣчное рабство? спросила она.

— Если вы разумѣете всѣхъ женщинъ вообще, то онѣ также свободны, какъ и мужчины, но если вашъ вопросъ относится къ исключительнымъ личностямъ, тогда большинство изъ нихъ добровольно становятся рабами. Быть рабомъ, — значитъ отречься отъ собственной воли; отъ всякаго разумнаго и обдуманнаго распоряженія своими дѣйствіями, подчиниться вполнѣ вліянію другаго.

— Развѣ такая женщина не находится въ тарма въ положеніи, какъ вы сейчасъ сказали.

— Нисколько.

— Вотъ прекрасно! Возьмите хоть мое положеніе. Развѣ я свободна, развѣ я не замѣна? Мнѣ хотѣлось бы жить въ Петербургѣ; развѣ я не прикована здѣсь? Мнѣ хотѣлось бы участвовать въ выборѣ гласныхъ, — развѣ жена допуститъ? Вездѣ, куда не повернусь, встрѣчается неизбежное veto. Развѣ это не рабство?

— Не рабство, Елена Александровна. Жить въ Петербургѣ вамъ нельзя, — вы собственникъ средствъ не имѣете, а изъ любви къ отцу не смѣете его тревожить. Выборъ гласныхъ не входитъ въ кругъ вашей дѣятельности. Это неудовлетворенное желаніе невозможнаго, но не рабство.

— Въ чемъ же состоитъ кругъ дѣятельности женщины?

— Онъ такъ обширенъ, что опредѣлить трудно.

— Прекрасно! Вотъ хоть бы мой кругъ дѣятельности! Ловить рабу, собирать грабы, читать книги, бѣть и спать!.. Какой обширный кругъ дѣятельности!

— Положеніе ваше еще не опредѣленно, не выяснилось... Что предстоитъ вамъ впереди, — угадать даже трудно. Можетъ быть вамъ предстоитъ ограничить свою дѣятельность въ кругу семьи, а можетъ быть, что всего вѣроятнѣе, ваше вліяніе въ кругу большаго свѣта, будетъ простираться на политическія дѣла и на судьбу міагода.

— Вы, кажется, намѣрены утѣшать меня, какъ капризнаго ребенка, гонимой въ нещѣ, которой не достать никогда.

— Съ вашимъ образованіемъ, умомъ и красотою въ кругу большаго свѣта вы всегда можете занять первое мѣсто и подчинять своему вліянію сильныхъ людей.

— Наконецъ то и вы рѣшились на компромиссы, перебилъ Елена.

— Я, Елена Александровна, питаю къ вамъ на

сделано утешеніе, что иногда проповою себя до вѣрны
ионы. Если или вродитъ васъ въ заблуденіе. Если и
ворю вамъ, — то гоню, что не рента: обидно. И чужды
и не знаю, что больше меня желать. Была бы: счастія!

— Счастье не зависитъ отъ насъ. Сдѣлать. Вы вон
расусти: мнѣ картину моей будущности; инаго торжества
въ свѣтъ, а опускаете въ виду само: главное. Чтобы
идти влѣніе въ свѣтъ: надо: составить блестящую пар-
тію, отдать руку по расчету; въ одинъ: честолюбивый
видовъ. Развѣ можно: таковой идной повудѣ: призракъ,
или даже значеніе въ свѣтъ?

— Затѣмъ: дѣлавъ по расчету. Въ свѣтъ есть много
достоинствъ и преласныкъ: молодая: людей; восторжъ:
можно любить. Въ лицѣ не встрѣила: избранника своего
сердца.

— А если встрѣила, перебила съ жаромъ: Елену,
и если онъ не въ той блестящей средѣ, но вытѣсачу
разъ достойнѣе: дозированной молодежи; если: съ нимъ
только: моя жизнь можетъ быть полна радостей и счастія,
которыхъ я не промѣняю ни на какой блескъ въ свѣтъ;
но если мнѣ невозможно отдаться ему, потому что этого
не: желаютъ другіе и онъ самъ?

Слѣпневъ быстро всталъ, одно мгновение и: Клема
была бы: въ его объятіяхъ; но въ это мгновение будто
со стороны, чей то голосъ шепнулъ ему: «ты бы: се-
облачилъ». Слѣпневъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, холод-
ный потъ выступилъ на его лбу, онъ склонился въ сто-
рону и: жалась, побрѣлъ въ себя въ комнату.

Клема, пораженная: таковой быстрой переменой, долго
смотрѣла ему въ слѣдъ; не осталась неподвижна на мѣстѣ.

Насилью добравшись до своей комнаты, Слѣпневъ
опустился въ кресло у раствореннаго окна и шепталъ:
«мы спасены, мы спасены!»

«Какъ это, я позволюсь себя забыть?» думалъ Слѣп-
невъ. Одно мгновение и все бы прошло!.. Позоръ, страш-
ный позоръ повралъ бы меня и ея!.. Согнали бы меня,
какъ паршивую собаку, со двора, а ее злые языки опо-

зорины бы: на всю губернію! Добрая товарищъ, какъ она знаешь, какую оказала мнѣ услугу твоей тридцатилетней фразой... Надо бѣжать, надо бѣжать!»...

Слабый, жалостный мотивъ на родѣхъ, словно вѣдомъ, пронесся въ воздухѣ... Стоны и слезы выражали звуки — постоянно возмущались, переходили въ рыдотъ, замирали, снова роботали, наконецъ вдругъ оборвались сильнѣйшимъ замордотомъ, точно всѣ струны порвались вдругъ, и точно раздались короткій вопль отчаянія:

Слѣпневъ бросился кичкомъ на врата, уткнувъ лице въ подушку.

Спустя немного времени снова началась музыка навѣстимыхъ соловьевъ окрестности «Марта», но мотивъ разнообразился различными вариациями, въ звукахъ слышалось, — то кипучая страсть, то шопотъ страстнаго признанія, то жалобы и стоны и снова порывы страсти.

Слѣпневъ метался изъ стороны въ сторону.

— Всю душу она изъ меня вымотаетъ, сказалъ онъ и направился въ окну, чтобы просить Елену прекратить музыку.

Музыка затихла.

Слѣпневъ не много успелъ и сталъ думать, что ему предпринять.

— Бѣжать, бѣжать, говорилъ онъ самъ себѣ. Прислать все—идти въ монахи!

Снова раздалась музыка.

Слѣпневъ замѣтался по комнатамъ. Быстро ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, ломалъ руки, мысли путались въ головѣ. Онъ ходилъ до изнеможенія, пока не упалъ на кровать. Грезилось ли ему, бредилъ ли, онъ не сознавалъ, во не спалъ, а въ ухахъ все раздавались жалобные звуки и стоны.

Часовъ въ десять утра очнулся Слѣпневъ, голова его была тяжела и болѣла нестерпимо. Онъ не въ состояніи былъ спуститься внизъ и остался въ кровати.

Болѣзнь Слѣплева обезумела возвратившагося изъ

городу Володимир. Она забывает улаживать на боль-
ным и проводила цѣлыя часы у его кровати. —

XIII

Ничего не въспротивитъ въ деревнѣ, какъ ранняя
осень. Синеватый цвѣтъ неба, оплошъ задернутого обла-
ками, давить и чистеть; мелкій, частый и непрерывный
дождь непріятной дробью стучитъ въ стекла, вътеръ
гнетъ деревья, срываетъ листья и шумитъ и засыпаетъ.
Все сироповатое принимаетъ мазный и ошпаренный
видъ. Сколько не подходи къ окну и не всматривайся
въ небо, ничего утѣшительнаго не увидишь. Густая
облака, несущаяся по вѣтру, опускаются ниже и ниже,
игла отъ нихъ больше и больше. Если наизумъ случается
появится передъ окномъ собака; то она своимъ видомъ
еще болѣе увеличиваетъ непріятные впечатлѣнія, мокрая,
вѣтероненная, съ опущенными головою хвостомъ, жмется
и ежится, такъ бы и далъ ей добраго пинка, чтобъ она
убралась куда нибудь съ глазъ долой. Наша деревенская
краса — задорный пѣтукъ, опустивши хвостъ и нахохли-
вшись, проточая люди шавясь и совершенно терзаетъ
окноу драгъ свое жаркое горло. Ворона невѣжливая
и та себя чувствуетъ очень вѣтеромъ, сидитъ себѣ на
полѣ, растопыривъ перья, сбываетъ пріемъ, чтобъ на-
вуть, изогнется, раскроетъ ротъ, шалитъ языкомъ и
только... Каково же должно быть положеніе человека!

Володимиръ былъ дома. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ
и чистилъ волты, дочь нетерпѣливо перешедла отъ окна
къ барометру. Небо больше и больше хмурилось, а ба-
рометръ упорно указывалъ «сыро и вѣтеръ». Ее взяло зло,
ей хотѣлось разбить барометръ. Конечно такое зажитіе
кончилось бы тѣмъ, что Елена сунулась бы гдѣ нибудь въ
кресло и заснула; но на этотъ разъ судьба смалнлась
надъ ней, — послышался колокольчикъ. Елена встала.

— Не отъ Николаича-то, сказалъ Бону, это-то-то-то, проговорила она.

— Конечно, кромѣ Бубнова на такой погодѣ ждать некого, но лучше Бубновъ, чѣмъ никого, проговорила она черезъ нѣсколько времени.

Бубновъ не заставилъ себя ждать.

— Вотъ сторонида! заговорилъ Бубновъ, поддѣржавшись съ Еленой. — Августъ, а осень во всемъ блестя и величии пожаловала къ намъ. Теперь вплоть до декабря будетъ сумное небо.. и дождь въ перемежку, то мелкій, то крупный, а потомъ опять мелкій.

— Если бы я знала, что лезть съ такими неприятными новостями, то не пустила бы васъ въ комнату, объявила Елена.

— Позвольте вамъ сказать, Елена Александровна, что вы несправедливы. Чѣмъ я виновата? Отъ меня это сколько не зависитъ. Если бы я имѣла волю, то въ угожденіе вамъ и въ ущербъ собственному хозяйству приказала бы постоянно свѣтить солнцу и чтобъ ни одно облако не смѣло понасмѣяться на небѣ.

— Я ждала, что вы привезете какія нибудь хорошія вѣсти, а вы пророните новость. Оно ужъ надоѣло.

— Вамъ, въ такихъ комнатахъ, съ такимъ комфортомъ, осерчать дурной погодой, Елена Александровна, равнѣ можно? Вотъ у кого хлѣбъ не убралъ да гнѣтъ въ полѣ, тому хоть плачь!

— А вы, кажется, не плачете, сказалъ вешедшій Воложбинъ.

— Здравствуйте Александръ Александровичъ! Вою волкомъ, а горю все не пособишь. Вышла изъ дому. Утромъ и вечеромъ только и слышишь, что намъ дѣлать съ хлѣбомъ? весь погниетъ. Надоѣли. Велѣлъ подать лошадей. Лучше махнуть на дорогѣ подъ дождемъ, чѣмъ слушать жалобы.

— Какая же отъ этого польза?

— Хоть не видишь. Знаете ли, а хочу сейчасъ бросить хозяйство.

— Не будет ли это опротивело съ вашей стороны?

— Положение мое ужасное! Вы не повѣрите, сколько мне это мнѣ стоитъ, а доходовъ почти нѣтъ. Лучше ужъ сидѣть въ аренду. По крайней мѣрѣ, безъ хлопотъ и непріятностей, будешь получать чистый доходъ.

— Великъ ли доходъ. Притомъ же арендаторы очень не надежны.

— Я имѣю въ виду отличнаго господина. Честнѣйшій человекъ!

— Сами те что предпримете?

— Въ этомъ то и суть. Расчитывая на ваше ко мнѣ расположеніе, я осмѣливаюсь жевать вашего покровительства, Александръ Александровичъ.

— Я въ вашихъ услугахъ и всегда готовъ помочь вамъ.

— Вполнѣ увѣренъ, вполнѣ увѣренъ въ вашей, Александръ Александровичъ, великодушной помощи. Поэтому я прямо и обратился къ вамъ. Мнѣ бы желательно было попасть въ управу, тѣмъ болѣе, что вамъ извѣстно, какъ я расположенъ къ земскому дѣлу и какъ сильно ему сочувствую.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ я устроилъ бы дѣло, если бы только отъ меня зависело.

— Вамъ стоитъ только сказать, Александръ Александровичъ, что хотите и дѣло сдѣлано. Васъ въ гласные почти всѣми бѣлыми выбрали.

— Пять черныхъ положено.

— Знаете кто?

— Нѣтъ. Мнѣ это не интересно.

— Положили—Шмидтъ, Чебыревъ, Ивановъ, Холоповъ и Жуликовъ. Я самъ наблюдалъ за ящикомъ. Интереснѣе всего, какъ Фадѣй, Фадѣй то провелъ меня. Я ему говорю: ты смотри Фадѣй,—Сердюкову на лѣво вали. Хорошо, говоритъ, непременно на лѣво. Я смотрю, а онъ въ правую сторону шаръ то и опускаетъ. Чуть вѣдь всего дѣла не испортилъ; только двумя черныками и перевысили, а то Сердюковъ всталъ бы на ноги. Какъ

же онъ и родился на мѣнѣ, путь — путь не кончилигь. Пусть теперь поживаетъ на лаврахъ, хоть отмошеть, а то совсѣмъ замалод на земскомъ дѣлѣ. Бать бы хороша было попасть генеръ въ управу. Предсѣдателя выберутъ новаго, хорошаго чедовѣка, а съ хорошиимъ деловѣимъ и служить пріятно.

— Съ своей стороны все, что могу, сдѣлаю, Егоръ Мартыановичъ; но за успѣхъ не ручаюсь.

— Искренно вамъ благодаренъ, Александръ Александровичъ, сказалъ и съ жаромъ пожалъ руку Воложбину Бубновъ.

— Готовъ все сдѣлать для васъ, только это не отъ одваго меня зависитъ. Вамъ извѣстно, что одинъ царь ничего не сдѣлаетъ, а иногда одинъ все испортитъ.

— Знаю, знаю и постараюсь въ свою пользу мнѣ ваше соавреленіе важно было. Это, такъ сказать, благословеніе.

— А знаете ли, вашъ семинаристъ, — сказалъ послѣ небольшой паузы Бубновъ, — того....

— Что съ нимъ? спросили въ одинъ голосъ отецъ и дочь.

— Чахотка-съ, скоротечная чахотка.

— Вы всегда пугаете, сказала взволнованная Воложбина.

— Быть не можетъ, возразилъ Воложбинъ.

— Смѣю увѣрить; блѣдный, худой, бродитъ, какъ тѣнь. На дняхъ я былъ у отца Петра, жалость смотрѣть.

— Надо его взять къ себѣ.

— Напрасно.

— Вы преувеличиваете. Докторъ сказалъ, что у него нервное расстройство, вслѣдствіе усиленныхъ занятій; ему нуженъ покой, чтобы восстановить силы, потому я и отпустилъ его къ отцу Петру, когда онъ началъ проситься. Теперь я возьму къ себѣ, приглашу доктора, и онъ скоро поправится.

— Семинарская жизнь убійственна; какъ дѣлать тамъ

держалъ, стрѣлы обожьшася на дубокъ и не падюшася. Выйдетъ и году не проживетъ, — задотвалъ много задю тануть.

Елена не выдержала удара; она упала въ свою комнату.

Отецъ такъ только убитъ Вубновъ, велѣлъ подать карету и укатилъ въ село Излиново съ Слѣпневымъ.

Появленіе экипажа не въ обычное время произвело переполохъ въ домѣ. Матушка бросилась въ спальню нарматься, дѣти къ окну любоваться каретой; присутіе встрѣчать и отворять двери, самъ отецъ Петра растесалъ волосы и облекая въ рабу. Слѣпневъ еще издали увидѣлъ знакомый экипажъ, сердце его затрепетало. Не ужаси она? подумала онъ, быть не можетъ!

Онъ привирадилелъ и шастрень былъ спуститься внизъ на встрѣчу. Онъ уже всталъ за скобку дверей и — передушалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, надо подождать; Богъ знаетъ, что можетъ произойти при встрѣчѣ.

Слѣпневъ подошелъ къ окну и изъ щелочки сталъ выглядывать, кто выйдетъ изъ кареты.

Вышелъ только одинъ Вокоббинъ; Слѣпневъ остался наверху.

— Меня встревожилъ Вубновъ, — заговорилъ Вокоббинъ, помѣстившись въ креслѣ въ гостиной, противъ хозяйки, — второму, повсѣно, дѣлать эпосивъ явленъ, насаказалъ такіа страсти на вашего племянника, что я рѣшился немедленно въ васъ ѣхать.

— Что же онъ наболталъ?

— Онъ сказалъ, что у Николая Николаевича развилась чахотка, меня это чрезвычайно встревожило.

— Что племянникъ не поправился еще, это вѣрно; но никакихъ превваковъ чахотки нѣтъ. Онъ потерялъ аппетитъ, валь; задумчивъ; худъ и блѣденъ; но не жалуется, чтобъ чѣмъ нибудь страдалъ. Легко можетъ быть, что неблагоприятная погода вредно на него вліяетъ. При

дней и теплой погодѣ motionъ на вондухъ всегда явот
рѣе. восстанодиль бы его самъ.

— Я вполне увѣренъ, батюшка, что вы, какъ родственникъ, искренно желаете добра вашему племяннику и тѣмъ болѣе, что этотъ молодой человекъ до того симпатиченъ, что невольно приващиваетъ къ нему. Я полюбилъ его, какъ родного и долженъ сознаться, что не охотно отпустилъ его въ вамъ; только настоятельныя его просьбы заставили меня услужить. Кроме того, я рассчитывалъ, что перемѣна мѣста будетъ имѣть благотворное вліяніе на его здоровье.

— Первые дни, какъ пріѣхалъ, онъ былъ бодрѣе, а потомъ сталъ кашуть.

Въ такомъ случаѣ попробуемъ, не произведетъ ли какого нибудь благоприятнаго вліянія на его здоровье новая перемѣна.

— Какая же это перемѣна? съ недоумѣніемъ спросилъ отецъ Пётръ.

— Я пріѣхалъ просить васъ отпустить его ко мнѣ и нарочно пріѣхалъ въ каретѣ, чтобы удобнѣе ему было ѣхать.

— Искренно вамъ благодаренъ, Александръ Александровичъ. Я увѣренъ, что по вашей душевной добротѣ, вы готовы принести какую угодно жертву для страдающаго ближняго; но, если вы позволите мнѣ откровенно высказаться, то я имѣю вѣтъ противъ вашего наставленія.

— Что же это такое, батюшка?

— Неудобство состоитъ въ противорѣчіи со ереде-ствами и положеніемъ племянника; а каюсь, что неступилъ не совсѣмъ осмотрительно въ то время, когда вы ему сдѣлали предложеніе перейти къ вамъ дождь. Онъ могъ бы разобрать такъ же успѣшно ваши бумаги, оставался у меня и быстрая перемѣна отъ простой сельской жизни на вашу комфортъ не произвела бы на него такого сильнаго впечатлѣнія. Я полагаю, что отъ этой то быстрой перемѣны и развилась его болѣзнь.

— Тогда тѣмъ болѣе необходимо обратиться на мое предположеніе: воспріятіе въ болѣе удобной и даже фортной обстановкѣ можетъ поддѣйствовать благотворно.

— Я слышалъ: согласенъ. Не въ послѣдствіи-то что предстоитъ? Нѣтъ, болѣе проживетъ онъ въ вашемъ доми, тѣмъ болѣе ввернется въ него привычка и потребность комфорта. Не вѣкъ же онъ у васъ проживетъ. Бѣдный семинаристъ имѣетъ въ виду только занять мѣсто самаго учителя или многіи много сельскаго священника, что дастъ ему сколько ограниченныя средства къ жизни, — каково же будетъ положеніе его, привыкшаго уже къ комфорту? Не лучше ли теперь положить этому конецъ, хоть и тяжело ему будетъ, но болѣе благотворно!

— Противъ правды важнѣе слова я возражать не могу; но я подумаю и позабочусь устроить его жизни такъ, чтобы онъ вышелъ на дорожку. Я вижу, что долженъ вамъ сообщить мой планъ о будущности Николая Николаевича, который я хотѣлъ сохранить въ тайнѣ до того времени, когда наступитъ пора его исполненія. На всю зиму я ѣду въ губернской городъ и намѣренъ взять съ собою Николая Николаевича. Губернаторъ мой близкій хорошій знакомый и ради случая сдѣлаю мнѣ одолжаніе, если не чѣмъ попрощу его. Я въ этомъ уверенъ. Я хотѣлъ просить Николаю Николаевичу мѣсто чиновника особыхъ порученій. При его дарованіяхъ и образованіи и при моей поддержкѣ онъ всталъ бы твердой ногой на хорошую дорожку и могъ бы сдѣлать блестящую карьеру. Конечно будущее будетъ зависѣть отъ него, но Николай Николаевичъ изъ такихъ людей, что можетъ пойти далеко.

— За себя я не знаю, какъ выразить мою благодарность за такую заботливость о моемъ родственникѣ. Откровенно скажу вамъ, что лучшей карьеры и предвидѣть ему нельзя; но надо вамъ сообщить, что онъ членъ въ твердыя характера и противъ воли его трудно заставить что-нибудь сдѣлать.

— Да, скоро до времени я вѣдь не прощу (не сообщу) ему ничего изъ нашего разговора. Тамъ только позволю, чтобъ у насъ гдѣ-нибудь въ себя отъ Парадизо-го вамъ въ немомъ распоряженіе, лучшего я въ силу лично сдѣлать. Думаю было: я посоветовалъ ему идти въ высшее учебное заведеніе; но его здоровье не позволяеть ему.

— Позвала Ольгива.

— Вы замѣтно поправились, Николай Николаевичъ, пригласовала ее Воложинъ.

— Я чувствую себя гораздо лучше.

— Если бы не эта несчастная погода, вы бы совсѣмъ обрѣялись. Мы не знаемъ, куда дѣтси ночь тоски при такой погодѣ, а въ особености Елена. Бѣдная, есаже жаль, такъ она истомилась отъ скуки. Вы бы — Николай Николаевичъ, сдѣлали намъ великое одоженіе, если бы могли одогостить въ намъ со мной, какъ бы насъ обрадовали!

— Немного удовольствія доставить мое присутствіе; я радъ былъ бы насъ развлечь хоть немного; но мои силы еще такъ слабы, что вромъ скуки ничего не могу обшнать.

— Однако общими силами отца Петра и Воложина удалось узануть Слѣпцова, и онъ уватилъ въ вартѣ.

— Отъ...

— И...

— XIV.

— ...

Увядный городъ очень часто напраску пользуется названіемъ города; ничѣмъ имей не отличается отъ хорошаго села; въ немъ точно также на видномъ мѣстѣ церковь, вблизи: церкви двухъэтажные, деревянные, а иногда и каменные дома, дальше мелкія улицы, много двѣ-три и мелкая постройка. Только развѣ на площади каменный острогъ, земская управа и въ видахъ благоустройства вытанутый рядъ деревянныхъ лавокъ, покожихъ на столбахъ, даютъ право на названіе городомъ.

Вотъ въ такомъ-то городѣ, на углу у лавки, прижавшись въ стѣнѣ съ дождемъ, стоялъ лавочникъ, носматривая по сторонамъ въ ожиданіи покупателя или покупателя, чтобъ поболтать и убить время. Раннее осеннее утро непривѣтливо посетило городъ съ дождемъ и вѣтромъ и съ грязью почти по колѣно.

По мосткамъ своего лавокъ пребрался крестьянинъ, одѣтый по праздничному въ синій новыи кафтанъ, опоясанный нестрыми бушавкомъ.

Лавочникъ еще изъ-дали раскинулся съ нимъ.

— Когда Богъ принесъ? спросилъ лавочникъ крестьянина, подошедшаго къ лавкѣ.

— Вчера къ ночи, Ефимъ Парамоновичъ.

— Какъ навѣститъ, али по дѣламъ какима?

— Да какъ сказать? Не то по дѣлу, а больше по бездѣлю.

— Вотъ такъ оказія.

— Подлинно оказія, Ефимъ Парамоновичъ. Обнесолили меня, выбрали гласнымъ, вотъ и найся, дѣла изъ дѣлай и отъ дѣла не бѣгай.

— Почетъ, значить, оказали.

— Малта одна только. Соберутся дворяне, заводутъ рѣчи длинныя — длинныя, а ты сидишь и слушаешь, ажъ дрема возьметъ, ротъ надсадишь, зѣваючи. Какъ что? Дѣло на досугъ стало, поговорить, поговорить да въ буфетъ шойдутся, промочать горло и снова придутъ говорить, а ты сиди да слушаешь.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, Кондратьичъ.

— Со всячиной, Ефимъ Парамоновичъ, со всячиной.

— Значить такая вація.

— Оно бы не что, отмаляси воторы недѣли и баста, на годъ и правъ. Только все на наши плечи веротать. Вернешся домой, а тебя и ворагъ, чего ты сидѣлъ и слушалъ, не могъ отстоять, за тѣмъ развѣ тебя выбрали, чтобы ротъ до ушей растянуть, зѣваючи?

— Кажется дѣлу не такъ бы слѣдовало быть; правданы равныя, какъ барину, такъ и крестьянину. Ну, ладно:

пусть говорятъ барина: не въ вашу пользу, а какъ мончить, да ему отворы; моего другаго, а тебя, Кондратьичъ, хвалить отсыпаетъ в баринку шкуру съ походомъ.

— Не та статья. Угадаешь имъ въ лады, слушаютъ в еще подзадливаютъ; а какъ заворонилъ противъ шерсти, сейчасъ къ вопросу, шумъ подымутъ!

— А на лѣно, какъ собирать своры станутъ?

— Ни, ни. Если бы еще товарищи те стояли в одно, тогда, что ни говори тамъ, а какъ пришла болтировка, не дали бы; тамъ нѣтъ! тогда всё врозь.

— Ищи ты поди!

— Одинъ отъ барина вымолочить хочетъ что, много нужда давить; десять дней прожить въ городѣ чего-нибудь да стоять, вотъ и трется у барина, а есть, Ефимъ Парамоничъ, и такіе, что за стаканъ вина продадутъ. Такъ и шаромъ-то ничего не возьмешь.

— Дневина.

— Маета только одна. Какъ проведешь это время, всё едино; что съ поля убрали.

— Все грѣхи! Товару-то?

— Вотъ къ концу, когда домой собираться буду.

— Кондратьичъ повелъ дальше, а лавочникъ остался на своемъ наблюдательномъ постѣ.

По главной улицѣ то и дѣло стали проѣзжать тарантасы, а вотъ колокольчиковъ раздавался со всѣхъ сторонъ. Изъ условному, каменному дому подъѣхала шестерякомъ дорожная карета и два крытыхъ тарантаса на тройкахъ. Изъ кареты вышла Воложбинъ съ дочкой, а изъ одного тарантаса Слѣпневъ. Управляющій встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ и проводилъ господъ въ верхній этажъ, а Слѣпневу указалъ комнату на мезонинѣ. Пошла разгружать кареты и тарантасовъ; корзиновъ, чемодановъ таскали безъ счету. Лавочникъ любовался на эту картину.

— Немного твоихъ дворянъ осталось, какъ Воложбинъ; со всѣмъ домою поднялся, проговорилъ лавочникъ и: указалъ въ лавку за покупателемъ.

Едва только успѣли убраться и отдохнуть пріѣзжаніе, какъ навѣстилъ ихъ Бубновъ.

— Золото, а не управляющій у васъ, говорилъ Бубновъ Володѣжину, въ пять дней совсѣмъ вновь перебралъ домъ. Когда губернаторъ пріѣзжаетъ и тому таковой удобной и чистой квартиры не устроитъ.

— Да, квартира сносная, только счетъ будетъ доропытанъ.

— Удобство дороже всего, удобство. Я за недѣлю еще до васъ пріѣхалъ и то на силу нашелъ себѣ удобную квартирку, почти полъ-города было занято. Наши всѣ собрались и въ одномъ домѣ помѣстились, такъ, дома черезъ три отъ васъ.

— Пѣшкомъ по городу ходить грязно?

— Днемъ то еще можно пробраться по кладкамъ и камешкамъ, а вечеромъ не удобно. Вамъ до управы по мосткамъ отлично будетъ ходить.

— Надо будетъ у кого нибудь достать дрожки.

— Это можно. Вамъ управляющій сыщетъ. Звѣревъ пріѣхалъ. Онъ хорошо устроился, рядомъ съ управой.

— Предводитель дома?

— Дома, у него остановились Мотовиловъ и Шамшевъ. Вездѣ понатискались. Теперь, если кто опоздаетъ, врядъ ли найдетъ помѣщеніе.

— Когда откроется собраніе?

— Завтра въ десять часовъ. Протопопъ молебень служить будетъ.

— Зачѣмъ такъ рано? Визитовъ не успѣешь сдѣлать. Надо сегодня сходить къ предводителю и къ исправнику.

— А мнѣ кстаті надо къ своимъ завернуть по дорогѣ съ вами.

На другой день съ раннего утра на крыльцѣ управы толпились крестьяне. Съ десяти часовъ начали собираться дворяне. Въ самой большой комнатѣ у оконъ поставленъ былъ письменный столъ для предводителя, управы и секретарей, противъ стола въ нѣсколько рядовъ разставлены

были кресла и стулья; а въ заднемъ ряду у стѣны скамѣйки, рядомъ, въ комнатѣ по меньше, расположился буфетъ.

Къ десяти часамъ собрались всѣ, отслужили молебенъ и заняли мѣста. Задній рядъ скамѣевъ вплотную набился крестьянами.

Послѣ повѣрки правъ, предсѣдатель предложилъ прочесть перечень докладовъ, подлежащихъ обсужденію собранія, потомъ выбрали членовъ повѣрочной комисіи и секретарей, потолковали кой о чемъ и разошлись. Въ этотъ день былъ назначенъ для гласныхъ, конечно дворянъ и только вупцовъ, обѣдъ у предводителя.

Два дня провели за обсужденіемъ смѣты обязательныхъ расходовъ, наконецъ принялись за раскладку повинностей.

Бубновъ всталъ и попросилъ слова.

— Всякій налогъ только въ такомъ случаѣ справедливъ и необременителенъ, когда взимается съ дѣйствительнаго дохода, а не съ предполагаемаго. Вотъ почему, при раскладкѣ сборовъ, непременно надо принимать въ расчеты дѣйствительный доходъ, а не предполагаемый. Имущество обширное и мало приносящее дохода въ тягость владѣльцу и безъ налога; вслѣдствіе чего навопленіе, недоимки навопляютъ и въ ущербъ земству и къ растрейству хозяйства владѣльца. За кореннымъ преобразованіемъ нашего хозяйства на долю крупныхъ землевладѣльцевъ выпала горькая участь сократить запашки больше, чѣмъ на половину, вслѣдствіе чего поля и сѣновосы остались статьями бездоходными, составляющими одну только тягость для хозяина. Между тѣмъ эти то бездоходныя статьи причислены въ земли втораго разряда и обложены сборомъ. Можетъ ли быть какая возможность отбивать этотъ налогъ, когда земля не приноситъ никакого дохода? конечно плата за бездоходную землю, всею тяжестью падаетъ на земли перваго разряда. Само собой разумѣется, что этимъ увеличивается налогъ на земли тѣхъ владѣльцевъ, у которыхъ есть без-

доходныя земли втораго разряда, противъ тѣхъ, которыя подобныя земли не имѣютъ. Я предложилъ бы собранію отмѣнить налогъ съ земель втораго разряда, сказалъ Бубновъ и сѣлъ.

— А если земли втораго разряда не приносятъ дохода потому только, что владѣлецъ не съумѣетъ ими распорядиться?, азвительно замѣтилъ Сердюковъ.

Гласные переглянулись, шопотъ одобренія пробѣжалъ по собранію.

— Дѣйствительно бываютъ случаи, что люди не умѣютъ распорядиться ни своими, ни чужими дѣлами, которыя имъ довѣряютъ. Такихъ конечно людей и устраняютъ отъ дѣлъ, отвѣтилъ Бубновъ.

Опять раздался шопотъ одобренія.

— Я принимаю сторону, Егора Мартьяныча, конечно, въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, заговорилъ одинъ изъ дворянъ гласныхъ. Противъ основательности положенія, что только одинъ доходъ долженъ быть облагаемъ, надѣюсь, протестовать никто не будетъ, а потому осмѣлился бы предложить собранію облагать только земли втораго разряда приносящія доходъ.

Поднялся ропотъ. Предсѣдатель позвонилъ.

Всталъ новый ораторъ.

— Прошу собраніе обратить вниманіе на тѣ исключительные случаи, которые по необходимости обращаютъ земли втораго разряда въ совершенно бездоходныя. Напримѣръ въ нашей сторонѣ находится немало хозяйствъ, совершенно разобщенныхъ съ селеніями крестьянъ и потому всѣ запущенныя пашни и покосы остаются не производительными, за отсутствіемъ арендаторовъ.

— Въ такомъ случаѣ ихъ можно обращать на пастбища, которыя доставятъ особыя выгоды хозяйству, замѣтилъ кто-то.

— Мы говоримъ про доходность, а не про удобства хозяйства, возразилъ первый.

— Не лучше ли балотировать вопросъ? раздался голосъ

— Какой вопросъ? Надо разъяснить дѣло. Оставилъ

налогъ по старому, раздавалось со всѣхъ сторонъ. Поднялся шумъ, завязались между присутствующими частные споры.

Предсѣдатель звонилъ, но разговоры не прекращались, многіе повставали со своихъ мѣстъ и переходили въ другіе ряды.

На силу успокоилъ предсѣдатель взволнованное собраніе.

— Угодно собранію продолжать пренія или поставить вопросъ на балотировку?

— Продолжать, балотировать, еще ничего не разъяснено, слышалось съ разныхъ сторонъ и снова поднялся говоръ и споръ.

Долго пришлось унимать расходившихся гласныхъ. Наконецъ успокоились.

Бубновъ всвочилъ, приподнялось еще человекъ пять, но, замѣтивши какое они составили меньшинство, сѣли, остался одинъ одишпенекъ Бубновъ. Онъ окинулъ взоромъ собраніе и видѣлъ, какъ зло улыбались его противники. Онъ вышелъ въ буфетъ.

Не успѣлъ еще закурить Бубновъ, какъ чья-то рука поманила его въ залу, онъ вернулся.

— Предлагается вопросъ: угодно ли собранію освободить земли втораго разряда, не приносящія дохода, отъ обложенія сборами?

Несогласные встаютъ.

Почти половина собранія, большинство крестьянъ, встали. Секретари сосчитали вставшихъ.

— Тремя голосами только перевысили и вопросъ прошелъ, сказалъ предсѣдатель.

Поднялся шумъ и говоръ, и большинство гласныхъ отпраивалось въ буфетъ.

Торжествующій Бубновъ подскочилъ въ Воложбину.

— Наша взяла, Александръ Александровичъ! восклицалъ онъ, видите ли, я правду говорилъ.

Въ подобныхъ преніяхъ проходили дни и приближались выборы.

Вечеромъ изъ своей квартиры вышли Бубновъ съ фонаремъ въ рукахъ. Моросилъ дождь, тьма на улицѣ была непроглядная. Изъ подъ воротъ соседняго дома выскочила собака и съ азартнымъ лаемъ бросилась подъ ноги Бубнову. Съ противоположной стороны отъ него дворованка и еще и еще пристадали собаки; не успѣвъ Бубнова двинуть двадцати шаговъ, одна его обступила, стоя собакъ и какъ блявко, что того и смотри — ухватить за ногу.

— Что вы, анафемы! Бубновъ махнулъ палкой, собаки отъ испуга вонного и набросились съ большою яростью.

— Намастъ, бѣда со всѣхъ сторонъ. Днемъ тебя грызутъ гласные, вечеромъ рвутъ собаки. Вотъ такъ городъ! Полиція не вспомяни, освѣщеніе въ собственныя руки къ носу, грязи котъ весь вывалился, отъ собакъ проходу нѣтъ, а скука то! какъ всѣ разьѣдутся — безъсходная. Бѣда, если и въ члены выберутъ, говоритъ Бубновъ, пробирался осторожно съ камешка на камешекъ и отмахиваясь отъ собакъ.

При поворотѣ на большую улицу встрѣтился Бубнову пьяненькій, безъ разбору шлепавшій по грязи. Собаки набросились на него и отстали отъ Бубнова, который благополучно добрался до квартиры Воложбина, ярко освѣщенной.

Поднявшись на верхъ, Бубновъ осмотрѣлся нѣтъ ли на вогалъ грязи и вошелъ въ прихожую.

У Воложбина было большое собраніе. Гости, спившись въ кучу, о чемъ то горячо разсуждали. Въ отороши судили Елену съ Забровымъ и Слышевнымъ, послѣдній совершенно оправился.

Гости обещали Бубнова:

— Завтра выборы, Жоржъ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Какъ завтра? спросилъ сондаченный Бубновъ.

— Завтра, Жоржъ, завтра.

— Не; прощам еще народное здравіе и народное образованіе.

— Отложено. Поелъ выборы.

— Я не понимаю, какъ можно не держаться очереднаго порядка?

— Это то еще куда ни шло, а вотъ странно то, что ты, ты, то ревнитель земскихъ дѣлъ, прозѣвалъ было выборы, замѣтилъ ему одинъ изъ гостей.

— Прозѣваешь, какъ начать ставить безъ очереди вопросы.

— Пусть лучше Егоръ Мартьянычъ уважаетъ кого выбрать въ члены управы, раздался голосъ.

— Прежде надо председателя, а потомъ членовъ, сказалъ Бубновъ.

— О председателѣ рѣшено.

— Какъ рѣшено? спросилъ еще болѣе озадаченный Бубновъ.

— Извините, Егоръ Мартьянычъ, что безъ вашего позволенія мы рѣшили этотъ вопросъ, сказалъ одинъ изъ гостей и поклонился.

Дружный смѣхъ сопровождалъ эту выходку.

— Вы шутите, господа? спросилъ Бубновъ.

— Дѣло рѣшеное, Егоръ Мартьянычъ, повѣрьте моему слову, сказалъ Волобнинъ.

Бубновъ повелъ своими стеклянными глазами по кругу собранія.

— Рѣшено, проговорилъ онъ тихо и вздохнулъ.

— Скажите, по крайній мѣрѣ, на кого упалъ скребицъ, спросилъ Бубновъ.

— Секретъ, Жоржъ, секретъ, раздалось съ различной стороны.

Бубновъ посмотрѣлъ на Волобнина, но на свободномъ лицѣ его нельзя было ничего замѣтить, веселъ ли онъ или огорченъ.

— Развѣ и мнѣ сказать нельзя? спросилъ жалобно Бубновъ.

— Опоздалъ, дано слово никому не говорить до завтра.

— Я самъ дамъ слово, благородное слово сохранить вашу тайну.

— Невозможно, Жоржъ, невозможно.

— Мне это крайне огорчаетъ, будто я недостойный человекъ.

— Напрасно. Мы только что порѣшили о председателѣ и теперь пришла очередь до членовъ. Изъ уваженія къ вамъ мы спрашиваемъ вашего указанія, скажите одну изъ гостей.

— Кого же въ члены, Жоржъ, кого же въ члены? Бубновъ подумалъ съ минутой.

— Замухранскаго, произнесъ съ разстановкой Бубновъ.

— Кого выкопалъ!

— Дѣлецъ, дѣлецъ, заговорили оштрафованно Бубновъ, бумаги писать, какъ бисеромъ нить. Къ губернатору явиться и того колесомъ поведеть!

— Браво! Нѣтъ ли еще кого на примѣть?

— Развѣ его не хотите?

— Можеть быть еще лучше найдется.

— Лучше его не найдете.

— Лучше нѣтъ, давай Замухранскаго.

— Другаго воле?

Бубновъ всулился и съѣхидся.

— Вамъ извѣстна, господа, моя искренняя преданность земскому дѣлу; заговорилъ тихи Бубновъ, мое безкорыстное служеніе ему, но до настоящаго времени и не имѣлъ повода радоваться, что общество оценитъ мои заслуги.

Всѣ молчали.

— Господа! я жду вашего приговора; произнесъ онъ, немного подождавъ отвѣта.

— Мы ваши заслуги уважаемъ и цѣнимъ, а потому вамъ готовимъ лучшую участь; сказалъ одинъ изъ гостей.

— Мои желанія очень скромны, господа, я быль бы вашимъ слугой и на томъ мѣстѣ.

- Нелза; Жорикъ, нелза.
- Бубновъ растерялся.
- Мировому судьяго, крикнувъ кто то.
- Благодарю и не принимаю, отвѣтилъ Бубновъ.
- Почему, извольте узнать?
- Во первыхъ хлопотливо, а во вторыхъ не по моему характеру; я человекъ горячій и непримѣнно люблю, кто мнѣ надобать будетъ.
- Отчего не выбрать его членомъ управы?
- Завѣдь одинъ изъ гостей и подмигнулъ противъ.
- Можно, можно. Поздравленія! раздавалось съ разныхъ сторонъ.
- Бѣдный! Какъ они его дурачутъ, сказала тихо Елена своимъ собесѣдникамъ.
- А Бубновъ торжествовалъ. Наконецъ сбылись его мечты. Собаки, грязь, безъисходная скука городской жизни не могли смутить его веселаго настроенія во весь вечеръ.
- На другой день было очень шумно въ управѣ, гласные разбились на группы, разоуждали, горяче спорили и не садились на свои мѣста.
- Предсѣдатель уже нѣсколько разъ приглашалъ гласныхъ занять свои мѣста; но они не садились. Предсѣдатель принялся звонить въ колокольчикъ, но волненіе не утихло. Наконецъ нѣкоторые изъ гласныхъ сами стали уговаривать и разводить другихъ. Возстановился порядокъ.
- Не угодно-ли собранію приступить къ выбору предсѣдателя, раздалось нѣсколько голосовъ.
- Все собраніе поднялось.
- Мы васъ просимъ, Петръ Петровичъ!
- Мотовиловъ всталъ.
- Господа! сказалъ онъ; честь такъ велика, что я не знаю, какъ выразить всю искреннюю признательность и благодарность; но кость такъ важна, что я не увѣренъ, въ силахъ ли я оправдать ваши ожиданія. Вамъ болать насъ, господа; и прошу уволить.

— Петръ Петровичъ, Петръ Петровичъ, раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Есть, господа, люди достойныя жёнъ.

— Мы васъ просимъ, Петръ Петровичъ!

— Я не готовился, господа, занимать такую почетную должность.

— Петръ Петровичъ, мы васъ просимъ! Петръ Петровичъ.

— Будьте снисходительны, господа, въ моихъ слабыхъ силахъ.

— Можно приступить къ болотировкѣ?, спросилъ предсѣдатель.

— Единственно, безъ болотировки единогласно, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Всѣ гласные стали поздравлять Мотовилова и жать его руку.

Крестьяне стояли и переминались.

— Вы что стоите? Живо прирвинулъ Вубновъ. Крестьяне потянулись тоже къ Мотовиллову.

Гласные снова начали сходиться въ отдѣльныя кучки.

Предсѣдатель поввонилъ.

— Не угодно-ли собранію избрать двухъ членовъ управы?

— По очереди, по списку, раздались голоса.

Болотирова въ членъ управы Акимъ Фомичъ Замухранскій.

Гласные потянулись къ столу, и ширь неслышно падали въ ящики подъ зеленымъ сукномъ, а секретарь по порядку призывалъ гласныхъ.

Настала тишина, нѣрѣдка кое-гдѣ раздавался шопотъ.

— Всѣ, провозгласилъ предсѣдатель.

Секретарь выкинулъ шары въ одну тарелку изъ лѣваго ящика, а изъ праваго въ другую.

— Три избирательныхъ, а прочіе не избирательныя.

— Заболотированъ, раздавалось съ равныхъ сторонъ.

— Болотирова въ членъ Егоръ Мартыновичъ Вубновъ.

... — Одинъ избирательный, а прочие всѣ не избира-
тельные, провозгласилъ председатель.

— Заболотированъ, не избранъ, разошлось съ разныхъ
сторонъ.

— Будьте вы прокляты, сказалъ Бубнокъ и вышелъ
изъ собранія.

Его блудце уже не встрѣчали въ городѣ.

XV.

Въ огромное озеро, которое сливалось своею поверх-
ностью съ горизонтомъ, какъ будто нарочно вдвинулся
высокій, плоскій мысъ, неправильной формы, версты въ
четыре квадратныхъ. На этомъ мысу живописно раски-
нулся небольшой губернской городъ; прямыя широкія
улицы дѣлили его на правильные кварталы, площадь
выходила на самый берегъ, а отъ ней въ ту и другую
сторону тянулся бульваръ, обсаженный въ два ряда, дуб-
ками, ясеню и липой. Площадь замыкалъ соборъ, но-
вѣйшей архитектуры, а по набережной стройными ря-
домъ стояли каменные дома значительныхъ размѣровъ,
конечно, какъ обыкновенно въ губернскомъ городѣ, встрѣ-
чались и небольшіе деревянные домки, какъ бы вти-
снутые между каменными; но постройка содержалась
опратно, развалинъ и обгорѣлыхъ зданій не было видно.

По бульвару цѣлъ мѣрнымъ шагомъ господинъ, одѣ-
тый въ теплое пальто, одушевленное бобрами, и въ бобро-
вой шапкѣ.

На встрѣчу ему почти бѣжалъ человѣкъ въ коротень-
комъ и дырявомъ пальтишкѣ, въ большикъ теплыхъ га-
лошахъ, которыя не могли скрыть, что были надѣты на
босу ногу; нескромныя дальны выглядывали изъ про-
рѣхъ въ галошахъ, засаженная шапка, сплюснутая на
затылокъ, свертывала большой бѣлый лобъ, на который
съ безпорядкѣмъ рассыпались выдланые волосы. На лицѣ,
не смотря на искаженіе его отъ разгульной жизни и

необратности, остались слѣды когда-то бывшей замѣчательной красоты. Оборванецъ былъ высокаго роста, но онъ такъ жался и корчился отъ холода, что казался меньше средняго роста.

Было морозное декабрьское утро, легкій вѣтровокъ съ озера еще болѣе усиливалъ холодъ.

Оборванецъ миновалъ господина, вернулся назадъ, обогналъ снова и сталъ пристально въ него всматриваться. Когда тотъ поровнялся съ нимъ, оборванецъ одной рукой приподнял шапку, а другой старался прижать къ груди расходящиеся пальчики.

— Если я не ошибаюсь, кажется, и живъ счастье видѣть господина Бубнова, проговорилъ онъ противнозвонскимъ голосомъ.

— Да, я Бубновъ. Что вамъ угодно? проговорилъ холодно Бубновъ, стараясь принять и строгій и разъяренный видъ.

— Старый шеольный товарищъ, отвѣтилъ оборванецъ, лукаво прищуривъ глаза.

— Я васъ не знаю.

— Бюрка, шутъ гороховый, неужели ты думаешь, что надѣлъ бобръ, такъ сталъ умнѣе? Какимъ былъ дуракомъ, такимъ и остался.

— Отстаньте.

— Вы можете быть съ губернаторомъ на дружеской ногѣ? Меня это радуетъ. Но старыхъ товарищей забывать не слѣдуетъ.

— Оставьте меня.

— Забавно! Хотѣ бы объявили вашу чинъ. Можетъ быть вы уже генераль. Это меня радуетъ.

— Отстаньте, а пето позову полицію.

— Мнѣ она близкая знакомая, моя квартира въ полиціи. Какъ ни бьюсь, а въ вечеру все напиюсь.

Прохожіе любовались этой сценой и пересмѣивались.

Бубновъ обирался, чтобы позвать городского.

— Напрасно беспокоитесь, всѣ выются у губернского дома.

— Оставьте меня въ покое, прикрикнулъ Бубновъ.
 Онъ — Не успѣли свидѣться, да и расговариваться. Не по-
 товарищески. Позвольте насмотрѣться на ваше превосход-
 дительство. Оборванецъ снялъ шапку и низко поклонился.

— Отойди прочь! Побью! Бубновъ разсваривалъ.

— Съ товарища штрафъ брать и не рука, а впро-
 чемъ, сувениръ на память не мѣшаетъ.

Бубновъ бросилъ на бульваръ двугривенный.

— Это по товарищески. Хоть не совсемъ вѣжливо
 заставлятъ наклоняться благороднаго человѣка, но для та-
 каго капитала можно снину погнуть.

Оборванецъ подхватилъ двугривенный и въ при-
 прыжку скрылся въ боковую улицу.

— Буррь, произнесъ Бубновъ. — Анафема, ну при
 знакомыи онъ такъ привяжется... скандалъ!

Онъ поравнялся съ большимъ домомъ, украшеннымъ
 выѣской съ надписью: Гостинница.

Бубновъ вошелъ въ подъѣздъ дома.

— Вы уже здѣсь, когда пріѣхали? радаяся съ верку
 годость, едва только Бубновъ вступилъ на лестницу.

Бубновъ взглянулъ на веркъ.

— Максимъ Фомичъ! воскликнулъ Бубновъ и, быстро
 поднявшись во второй этажъ, началъ обниматься съ сво-
 имъ дальнимъ родственникомъ.

— Пойдемте ко мнѣ, а только что спросилъ чаю,
 приглашалъ родственниковъ.

Они направились по корридолу.

— Представьте! наши комнаты, какъ нарочно, рядомъ,
 сказалъ Бубновъ.

— И прекрасно! Раздѣвайтесь и садитесь къ столу.

— Марья Михайловна и семья ваша здоровы?

— Здоровы. Ребятяшекъ прибавилось.

— Давно не видались.

— Случая не было въ городъ пріѣхать. Теперь си-
 лой приволокли.

— Отъ чего же! Можно балотироваться.

— Не да, того. У моего масла на завод, и пробарна...
Отъ дому оторваться нельзя.

— Хорошо идетъ у васъ хозяйство?

— Сносно. Работать можно. Парники небольшие,
да и убытковъ нѣтъ.

— Моё дело такое, что хочу въ аренду сдать.

— Что вы?

— Имутимя, да току дѣла.

— Не грѣшно ли вамъ. Какое досталось вамъ хозяйство
еще отъ отца. Видно, что мое имѣние, приведенное
въ порядокъ въ съ заводами и со скотомъ, а сейчасъ про-
меняли бы на ваше, не глядя.

— Кто-то вступался въ дѣла?

— Пожалуйте, пригласить хозяинъ.

— Видеть, писовой брѣвнаты, дѣло сорока.

— Мой родственникъ Бубновъ, сестра Политаровъ,
знакомилъ хозяинъ гостей.

— Занялись лѣномъ.

— Лениво собираются, заговорить Политаровъ.

— Набѣдта; до открытия еще два дня.

— Изъ вашихъ никого не видно, обратился Политаровъ
къ Бубнову.

— Волокноты здѣсь.

— Здѣсь?

— Съ начала зимы. Онъ имѣетъ видъ, а потому
переехалъ въ городъ.

— Это не секретъ?

— По родственному, между нами, можно. Онъ по-
таетъ надежду попасть въ председатели.

— Напрасно.

— Прекрасный человекъ, добройшею души, открыто
живетъ.

— Отъ такихъ-то мнѣ дальше.

— Теперешній, кинемора, на что поехать?

— Намъ такіе съ руки. Свои дѣлаги крупно заботы,
и чужія убереметь.

— Водягобликъ лезанъ съ састоніемъ; ему чужихъ денегъ не надо.

— Добрѣйшей души... и негодится; у него и изъ подъ воду раскисаютъ.

Вошоль слуга.

— Вгорь Марьянычь, Звѣревъ вась вноситъ, сказаль слуга.

— Наконецъ-то прѣехалъ. До свиданія госнода, сказаль Бубновъ и ушелъ.

Широко распахнулъ двери нарядный лакейцарь передъ Звѣревымъ и Бубновымъ, когда они вешая въ домъ Воложбина. По лѣстницѣ, заставленной джоремъ и убранной цвѣтами, поднялись они во второй этажъ. Ихъ приняла Елена.

— Извините, жаль добрые свѣди, что пала съ Николаемъ Николаевичемъ работаетъ въ кабинетѣ. Со мной можете быть вы соскучитесь?

— Не грѣшно ли вамъ, Елена Александровна, обижать старыхъ друзей, сказаль Звѣревъ.

— Садитесь, садитесь, а я вамъ расскажу, какъ весело здѣсь живетъ.

— Конечно. Это не въ деревнѣ.

— Съ деревней я свылась, аѣтомъ я не промѣняю ее на городъ.

— Какъ же сравнить? Здѣсь городъ, сказаль Бубновъ.

— Мы приобрѣли вругъ добрыхъ знакомыхъ, театръ сводный, вечера въ клубъ за-просто. Очень весело. Авдотья Семеновна вась пощиваетъ?

— Благодарю вась. Здорова. Вамъ преусердннй поклонъ! со мной наказывала.

— Добрѣйшая! я всей душой люблю ее.

Гости съ часокъ поболтали кое-о-чемъ и стали прощаться. Елена пригласила ихъ въ обѣду.

Залъ въ дворянскомъ домѣ было широкое размѣровъ. Бѣлое, подъ мраморъ, оно было украшено тонкой позолотой, освѣщалось большими окнами въ два свѣта.

По бокамъ, въ видѣ галлерей, въ верхней половинѣ тянулись хоры. Двѣ входныя дѣври въ залу были отперты. По обѣимъ сторонамъ по двои дѣврей вели, съ одной стороны въ гостинныя, а съ другой въ столовую.

По срединѣ зала квадратнымъ четырехугольникомъ составленны были столы, покрытые зеленымъ сукномъ, вокругъ столовъ поставлено было до шестидесяти легкихъ стульевъ, и на видномъ мѣстѣ красовалось предѣдательское кресло.

Быль двѣнадцатый часъ утра, человекъ пять губернскихъ гласныхъ въ дворянскихъ мундирахъ расположились у огня и разговаривали.

Вошли Звѣревъ съ Бубновымъ во фракахъ.

— Будьте моимъ руководителемъ, говорилъ Звѣревъ Бубнову.

— Хотите, я познакомлю васъ со всѣми гласными.

— Къ чему? сойдемся послѣ. Вы потрудитесь разсказать мнѣ: кто и откуда.

Они помѣстились у дѣври, ведущей въ гостиную.

Съ шумомъ, весело разговаривая, вошла въ залу цѣлая группа молодыхъ еще людей въ форменныхъ мундирахъ.

— Все отставные военные, не больше, какъ поручики, одинъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, вотъ этотъ плотный и плешивый.

Всѣ ушли въ столовую.

Начали являться по одиночѣй.

— Это бывший горный инженеръ, этотъ путеецъ, это бывший предсѣдатель гражданской палаты. Вотъ вамеръ-юнкеръ и князь изъ гвардейцевъ, вотъ отставной генералъ, этотъ студентъ — технологъ.

Долго перечислялъ Бубновъ входившихъ, и, по большинству, были все отставные военные. Звѣреву надобно.

— Поидемте курить, позвалъ онъ Бубнова въ столовую.

— Минуту, одну минутку. Сейчасъ войдутъ самые главные воюводы.

Вошли два рослых господина въ дворянскихъ мундирахъ съ крестами на шеѣ.

Оба предводители, тоже изъ военныхъ и невысокихъ чиновъ. Это называются: «воноводы земства.» Они всѣмъ дѣломъ руководятъ.

Звѣревъ и Бубновъ вошли въ столовую.

Обширная еомната была полна народу и дыму. Съ боку протянулся буфетъ, уставленный бутылками и закусками.

Говоръ, шумъ, смѣхъ. Кто пилъ водку, кто закусывалъ, кто пилъ кофе или чай; но курили почти всѣ.

Бубновъ съ Звѣревымъ отошли къ окну и закурили тоже. Къ нимъ присоединилось человѣка три гласныхъ изъ своего уѣзда, завязался общій разговоръ.

— Губернаторъ, губернаторъ! раздалось въ столовой, и она въ минуту опустѣла, все устрѣмилось въ зало.

Послѣ короткой рѣчи, губернаторъ объявилъ собраніе открытымъ, выслушалъ молебень и уѣхалъ.

Гласные размѣстились за столами по порядку уѣздовъ; каждый уѣздъ особо. Воложбину съ его уѣздомъ пришлось мѣсто противъ предсѣдателя, за нимъ у стѣны умѣстился Слѣпневъ. На хоры набралось дамъ.

По повѣркѣ правъ гласныхъ оказалось шестьдесятъ три человѣка: одинъ крестьянинъ, два купца, а прочіе все дворяне.

Публики набралось довольно, она размѣстилась у стѣнъ зала.

Началось избраніе секретарей съ обычной церемоніей, одни вѣжливо уклонялись, другіе упрашивали. Послѣ долгихъ переговоровъ выбрали четырехъ, всѣ они помѣстились по правую руку предсѣдателя. По лѣвую сидѣла управа въ полномъ составѣ.

Пошли выборы различныхъ комиссій и продолжались болѣе часа. Крѣпко принимали въ Воложбину, но онъ отбоарился.

Послѣ выборовъ отправились завтракать въ столовую.

Послѣ завтрака опять заняли мѣста.

Предсѣдатель предложилъ прочитать перечень докладовъ и назначить очередь для предложенія собранію.

— Прежде всего смѣту, сказалъ одинъ изъ коноводовъ.

— Смѣту, смѣту, смѣту! раздалось со всѣхъ сторонъ.

На этомъ и порѣшили разойтись.

Зало вдругъ опустѣло.

Гласные пустились на извозчикахъ дѣлать визиты, по всѣмъ улицамъ развозили извозчики гласныхъ, которые десятки разъ встрѣчали другъ друга въ теченіи одного часа.

Бубновъ и Звѣревъ отправились въ Воложинку.

На другой день въ двѣнадцатомъ часу собрались и заняли свои мѣста гласные. Начался докладъ смѣты. Докладывали по статьямъ, каждый членъ по своему отдѣленію. Начались иренія, охотниковъ говорить было много.

Одинъ изъ коноводовъ тихою выскользнулъ въ столовую, сталъ въ углубленіи у окна и закурилъ.

Немного погода вышелъ въ нему и другой.

— Фу, какъ надоѣдаетъ этотъ болтунъ. Къ каждому вопросу встаетъ и говоритъ, говоритъ, говоритъ...

— Толковать то не объ чемъ. Обязательно, по необходимости надо дать.

— Слѣдовало бы его серутить.

— Не удержишь, дали съ начала большую поблажку, а теперь, пожалуй, дерзостей наговоритъ, отъ него ожидать можно.

— Много мѣшаетъ своей болтовней. Другой бы вопросъ прошелъ очень скоро, а онъ слутаетъ и всѣхъ съ толку собьетъ.

— Вотъ ужъ замутить, когда пойдетъ дѣло объ уравненіи повинностей.

— Вы замѣтили, какъ ловко поставлено. Передъ выборами.

— Принаровлено ловко. Когда разгорятся страсти, то удобнѣе всего будетъ разбить слѣгившіеся ярыжки.

— Имъ это только и нужно.

Поднялся шумъ въ залѣ, раздался звонокъ председателя.

Человѣка четыре вышли изъ зала и подошли къ разговаривающимъ.

— Ни на что не похоже, заговорилъ одинъ изъ пришедшихъ. Онъ непременно добьется протеста, придется просить отсрочки.

— Кто тамъ таковой?

— Будто не знаете.

— Экой болтунъ! сказалъ одинъ изъ коноводовъ и пошелъ въ зало.

Черезъ нѣсколько времени почти выскочилъ изъ зала пожилой господинъ, весь раскраснѣвшійся, и быстро заходилъ по столовой.

— Вѣрно смазали и смазали хорошо, что ушелъ, проговорилъ въ полголоса одинъ изъ курившихъ.

— Безъ него дѣло ходомъ пойдетъ. Спасибо Александру Ивановичу, надо полагать онъ его смазалъ, сказалъ другой.

Почти часъ проходилъ по столовой одиноко пожилой господинъ и вернулся въ зало.

Черезъ нѣсколько времени гласные вышли въ столовую завтракать.

Поднялся говоръ и шумъ.

По окончаніи собранія Бубновъ съ Звѣревымъ прошли на бульваръ, гдѣ встрѣтили Елену съ большой компаніей; они пристали къ нимъ.

Вдругъ Бубновъ засуетился. На встрѣчу неся оборванецъ. Бубновъ не зналъ, куда дѣваться.

— Честной компаніи, проговорилъ оборванецъ, снявъ шапку и низко кланяясь. Тѣ будто его не замѣчали.

— Было и у насъ погуляно и какъ гуляно! съ шикомъ,— продолжаетъ говорить оборванецъ.

— А! школьный товарищ! воскликнулъ оборванецъ и направился было къ Бубнову. Но тотъ предупредилъ его, бросивъ на дорогу два двугривенныхъ.

— Мерси за вниманіе. Бонжуръ за апетитъ, произнесъ бродяга, похобралъ деньги и скрылся.

Бубновъ вдохнулъ свободнѣе; но онъ не предвидѣлъ сколько предстояло ему неприяностей за его же деньги. Бродяга сталъ преслѣдовать его и искать случая получить двугривенный. Это дѣйствительно былъ товарищъ Бубнова по гимназіи; но, выйдя изъ четвертаго класса гимназіи, Бубновъ потерялъ его изъ виду и, если бы не случайная встрѣча, то онъ совсѣмъ бы забылъ его. Пока шло собраніе, бродяга мало надоѣдалъ Бубнову, который съ третьяго дня собранія вошелъ въ свою колею и завертѣлся съ гласными. Онъ даже оставилъ и Звѣрева, который, впрочемъ, этимъ не огорчился.

На третій и четвертый дни въ собраніи шли смѣта и пренія велись ровно и спокойно, за исключеніемъ очень маловажныхъ случаевъ; но внѣ собранія гласные волновались. Собирались они кружками другъ у друга и толковали о выборахъ, спорили, расходились въ мнѣніяхъ, отставали отъ одного яружка и примывали къ другимъ или переманивали къ себѣ отъ другихъ кружковъ, чтобъ набрать большинство.

Воложбинъ тоже хлопоталъ о большинствѣ и дѣло уладилось само собой, благодаря совѣту Гвоздева; увидѣ успѣлъ притануть къ себѣ четыре слабыхъ уѣзда; но самъ же Воложбинъ и дѣло испортилъ. Въ Ниволинъ день Воложбинъ давалъ обѣдъ, ввартира не представляла средствъ принять всѣхъ гласныхъ, въ тому же оказалось необходимо пригласить и высшихъ лицъ мѣстной администраціи. На долю гласныхъ не много оставалось мѣста, пришлось приглашать по выбору, а выборъ былъ сдѣланъ не удачный, обойденъ были тѣ именно изъ гласныхъ, которые танули къ его уѣзду, и свои-то не всѣ еще были приглашены. Это совсѣмъ испортило дѣло Воложбина; онъ не подозревалъ, сколько нажилъ враговъ. Обѣдъ былъ на славу, всѣ присутствующіе принли въ восторгъ, какъ отъ внимательнаго и деликатнаго обра-

щенія хозяевъ, таъ и отъ роскоши и исысканности праздника, что еще болѣе увеличило злобу недовольныхъ.

Звѣревъ утромъ сидѣлъ еще за чаемъ и думалъ. «Надо было изъ таковой дали притащиться за пустыями. Насказали Богъ знаетъ что, насулили и борьбу партій и горячія схватки въ собраніи и кутерьму между гласными, ничего не бывало; все идетъ ровно, спокойно. Конечно, живни въ городѣ больше, это развлекаетъ меня и можетъ освѣжить, но не того я ожидалъ.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, пригласилъ Звѣревъ.

Къ немалому удивленію Звѣрева явился почтенный старичекъ, руководившій преніями на его обѣдѣ.

Первое слово, конечно, было о томъ, что занимало весь городъ, объ обѣдѣ Воложбина.

— Лучше было бы, если бы онъ не давалъ этого обѣда, сказалъ старичекъ.

— Вы меня удивляете.

— Дурное впечатлѣніе произвелъ этотъ обѣдъ.

— Помилуйте! кого не встрѣчу, всё въ восторгѣ! сказалъ Звѣревъ и таъ посмотрѣлъ на гостя, какъ будто спрашивалъ: въ своемъ ли ты умѣ почтенный.

— То-есть тѣ, кто были. А кто не былъ?

— Невозможно было всѣхъ пригласить.

— Въ этомъ-то вся и суть. Нажилъ онъ себѣ этимъ обѣдомъ столько враговъ, что дѣло его прогорѣло совсѣмъ.

— Неужели оно приняло такое дурное направленіе?

— Въ тысячу разъ лучше было бы, если бы не давалъ этого несчастнаго обѣда. Имъ-то все дѣло испортилъ.

— Я ничего не замѣчаю особеннаго; все идетъ ровно, спокойно.

— Вы смотрите на официальную сторону дѣла, въ частности загляните, вникните, тогда всю и увидите суть.

— Что же особеннаго?

— Всякій, кто хочетъ что-нибудь сдѣлать, хлопочетъ о большинствѣ, или привлекаетъ на свою сторону другихъ.

или самъ пристаеъ къ большинству. Конечно, вы не преслѣдуете никакого интереса, таѣъ и не замѣчаете всѣхъ тонкостей. Все дѣло ведется подѣ покровомъ темной ночи. Днемъ вы ничего не увидите, даже и тѣ, которые уже сошлись совсѣмъ и тѣ виду не покажутъ, что они за одно; ихъ не встрѣтите виѣстѣ ни въ собраніи, ни въ столовой, будто и знать не хотятъ другъ друга. Вечеромъ, смотришь, и собрались, будто кутнуть, отъ нечего дѣлать, а сами, въ тихомолку и порѣшаютъ дѣло.

— Меня раза два приглашали.

— Отчего не пошли? Любопытно, очень любопытно. Кромѣ того, это показываетъ, что къ вамъ питаютъ уваженіе и довѣріе.

— Надо вамъ сознаться, что я струсилъ немного. Кутить я не охотникъ, а полагалъ, что кутежъ будетъ большой, чего я стараюсь избѣгать по возможности.

— Случается, что и черезъ край хватать; впрочемъ, все зависитъ,—какая соберется компанія. Мы устроились было очень хорошо. Пристали къ намъ четыре уѣзда, совсѣмъ было сошлись, маленькія недоразумѣнія еще были: но сгладились бы временемъ. А тутъ обѣдъ и, какъ нарочно, ни одного не пригласилъ изъ тѣхъ уѣздовъ, которые применили къ нашему, и разомъ разбилъ всѣхъ. Надо начинать снова, можетъ быть и не удастся.

— Все теперь пропало?

— Отчаяваться еще нельзя, есть средство поправить.

— Не будетъ съ моей стороны нескромностью, если я спрошу васъ, какое еще есть средство.

— Надо вамъ сознаться, я собственно за этимъ къ вамъ и пришолъ; намъ нужна нейтральная почва.

— Я къ вашимъ услугамъ, располагайте мною, а весь къ вашимъ услугамъ.

Гость крѣпко пожалъ руку хозяину.

— Извините, Валерьянъ Павловичъ, что я таѣъ нахально пользуюсь вашимъ расположеніемъ, но безъ вашей помощи никакого средства не представлялось поправить дѣло.

— Что-же теперь дѣлать?

— Позвольте мнѣ на сегодняшній день завладѣть вашей особой.

— Я отдаюсь въ полное ваше распоряженіе.

— Прекрасно. Сегодня я познакомлю васъ съ тѣми гласными, которыхъ намъ притянуть надо, а потомъ вечеромъ и соберемся у васъ.

— И только?

— Больше ничего.

— Вы этимъ мнѣ доставляете большое удовольствіе, я только горѣвалъ о томъ, что не вижу ни борьбы, ни волненія гласныхъ, а теперь мое желаніе исполняется, какъ бы волшебствомъ.

— Очень радъ, очень радъ! Ахъ! да, еще одно условіе.

— Какое?

— Не приглашать ни Воложбина, ни Бубнова.

— Обидятся.

— Бубнова я беру на собственную отвѣтственность.

— А Воложбина?

— Онъ и не узнаетъ. Будетъ всему приданъ видъ неожиданной случайности.

— Идетъ.

— Пойдемъ и мы, пора уже въ собраніе.

Не смотря на то, что у Звѣрева было занято двѣ большіихъ комнаты, гостей набралось къ нему вечеромъ до тѣсноты. На двухъ столахъ усѣлись за преферансъ, прочіе или смотрѣли на игру или вели обыденные разговоры.

Хлопнула первая пробка, другая, третія,—бесѣда пошла живѣе, стали затрогивать мало-по-малу земскіе вопросы, разговоръ началъ принимать общее направленіе. Почтенный старичекъ очень ловко подбирался къ дѣламъ, въ которыхъ заключалась выгода его уѣзда; не безъ споровъ было, но дѣло ладилось. Много откупоренныхъ и пустыхъ бутылокъ снято было со стола и замѣнено новыми, преферансъ кончился и разговоръ пошелъ ожив-

леннѣе и сближеніе кружка становилось тѣснѣе и прочнѣе. Завели рѣчь о непремѣнномъ членѣ, прошло благополучно. Почтенный старичекъ очень осторожно повелъ дѣло о Бубновѣ. Все сначала шло хорошо, но какъ только произнесено было слово Бубновъ, со всѣхъ сторонъ посыпалось: гдѣ Земскій Ярыжка? То надоѣдаетъ, какъ муха передъ носомъ, а теперь и скрылся съ глазъ долой. Пошли насчетъ бѣднаго разныя остроты, отъ которыхъ ему крѣпко не поздоровилось бы.

Почтенный старичекъ ловко отвернулъ въ сторону, онъ направилъ ударъ расходящейся компаніи на другаго кандидата въ члены управы, который больше не нравился обществу. Изливъ избытокъ своихъ непріязненныхъ чувствъ, общество сдѣлалось снисходительнѣе, и Бубновъ прошелъ, послѣ горячихъ споровъ и ѣдкихъ насмѣшекъ, такъ ради шутки, ради того, чтобъ дать отпоръ воноводамъ. Оставался Воложинъ; но участь его была рѣшена; ясно выказалось такое овлобленіе, что настаивать въ пользу Воложина не представлялось никакой возможности, можно было разстроить только-что скрѣпившійся кружокъ и окончательно испортить дѣло.

Пренія о смѣтѣ были закончены въ собраніи. Поставили вопросъ о народномъ образованіи.

Воложинъ, имѣя въ рукахъ толстую тетрадь, предложилъ собранію выслушать его докладъ о народномъ образованіи.

— Въ комиссію, въ комиссію! посыпалось со всѣхъ сторонъ и поднялся шумъ.

Воложинъ поблѣднѣлъ и опустился на стулъ.

— Можетъ быть угодно собранію выслушать будетъ краткое содержаніе доклада, сказалъ одинъ изъ воноводовъ.

— Назначеніе комиссіи въ томъ и состоитъ, чтобы разсматривать въ подробности сложныя доклады, а собранію представлять только краткіе экстракты съ своимъ заключеніемъ, слѣдовательно устное изложеніе доклада

будетъ повтореніемъ того, что представитъ комиссія, сказалъ одинъ изъ гласныхъ.

— Въ комиссію, въ комиссію! снова раздалось со всѣхъ сторонъ.

Предсѣдатель позвонилъ.

— Угожно-ли собранію выслушать предлагаемый докладъ? Несогласные встаютъ.

Почти всѣ гласные поднялись.

— Не принято, произнесъ предсѣдатель.

— Принимая во вниманіе, что собраніе обсужденіе сложныхъ докладовъ допускаетъ только по разсмотрѣніи ихъ комиссіей, въ видахъ сбереженія времени отъ напрасной траты на повтореніе того, что будетъ доложено комиссіею, я осмѣлился предложить бы собранію отложить пренія по вопросамъ о народномъ образованіи, здравіи, о богоугодныхъ заведеніяхъ, объ уравнианіи повинностей и другихъ, которые передавы комиссіи, пока не представитъ комиссія въ докладу, сказалъ одинъ изъ гласныхъ.

— Согласны, согласны, согласны, отозвались со всѣхъ сторонъ.

Предложеніе было принято большинствомъ.

Вожаки переглянулись.

— Объ участіи въ съѣздѣ льноводовъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Стали читать докладъ. Коноводы земства вышли въ столовую.

— Ловко? сказалъ одинъ изъ коноводовъ, когда они прохаживались по столовой.

— Да, съ разу все повалилъ, отвѣтилъ другой.

— Все уѣздъ Воложбина работаетъ.

— Силу забралъ.

— Большинство, громадное большинство.

— Надо сойтись.

— Одно мнѣ не нравится, какого-то Бубнова въ управу проводить.

— Тотъ, что, какъ муха, лѣзетъ во всѣмъ.

- Да и дрянь моряточная.
- Неудобно.
- Придется согласиться. Представьте! Никогда не ожидалъ такихъ тонкостей! Звѣрева знаете?
- Очень приличный господинъ.
- Дипломатъ. Кажется воды не замутишь, а кабую штуку устроилъ! Онъ собралъ ихъ всѣхъ.
- Неужели?, вотъ никогда бы не подумалъ!
- Раньше успѣли они немного сойтись, а это по-нялъ; но Воложинъ своимъ обѣдомъ всѣхъ разбилъ, а этотъ молодецъ къ себѣ зазвалъ, навелъ шампанскимъ и такъ обошолъ, что теперь ихъ не разведешь.
- Не его ли это штуки, что сейчасъ выкинули.
- Конечно его, изъ ихъ кружка дѣлалъ предложеніе. Одно только не понимаю, чего добивается Звѣревъ?
- Вліянія.
- Конечно. Но за чѣмъ? Изъ какихъ видовъ?
- Онъ съ Воложинимъ хорошій знакомый, можетъ быть хочетъ ему помочь.
- Нѣтъ. Воложина дѣло прогорѣло. Видѣли сейчасъ.
- Круто обошлись.
- Самъ виноватъ. Большой промахъ далъ.
- Было дѣло на мази!
- А ну его! Меня заботитъ больше Бубновъ.
- Неужели онъ пройдетъ?
- Большинствомъ. Придется и намъ сблизиться съ Звѣревымъ. Силу забралъ.
- Неужели Бубновъ дрянъ?
- Какой дрянъ то! Сплетникъ. Ерыга какой то!
- Это неудобно.
- Придется уступить. Они намъ много могутъ нагадить.
- Надо постараться разбить.
- Никакими средствами не разобьешь. Дѣло проведено такъ тонко, что не оставлено ни одного кончика, не захватить.

— Тонкая штука Звѣревъ.

— Образованный человѣкъ, былъ за границей и уменъ.

Гласные вошли завтракать въ столовую.

Коноводы разошлись въ разные стороны, будто и не были вмѣстѣ.

Настало время выборовъ.

— Предлагается въ предсѣдатели управы господинъ Воложинъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Гласные по порядку начали опускать шары въ ящикъ. Воложинъ ушелъ въ столовую и сѣлъ въ кресло.

— Четырнадцать избирательныхъ и сорокъ пять не избирательныхъ, воскликнулъ предсѣдатель.

— Съ Воложиннымъ сдѣлалось дурно. Слѣпневъ съ Звѣревымъ увели его домой.

Предсѣдателемъ избрали стараго.

— Предлагается въ члены управы господинъ Бубновъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Бубновъ въ сильномъ волненіи сталъ ходить по столовой.

— Сорокъ два избирательныхъ и семнадцать не избирательныхъ, провозгласилъ предсѣдатель.

— Bravo! bravo! раздалось много голосовъ.

Пошли поздравленія.

Бубновъ съ радости началъ обнимать и цѣловать всѣхъ; не выдержавъ сердечный, потребовалъ шампанскаго и сталъ угощать, что сильно не понравилось людямъ солиднымъ.

«Добился таки своего, теперь я у пристали», думалъ про себя Бубновъ, прохладяясь шампанскимъ.

Дѣло кончилось очень печально. Воложинъ въ тотъ же день умеръ отъ разрыва сердца.

Темнымъ покровомъ налега эта смерть на собраніе, думалось всякому, что не безъ его участія совершился таковой трагическій оборотъ дѣла. Всѣ какъ то по притихли, кончились веселыя пирушки, коты иногда и заводились жаркія схватки при обсужденіи жгучихъ вопро-

совъ, но они вдругъ стихали. Много гласныхъ разъ-
ѣхалось сряду послѣ выборовъ.

Воложбина отпѣли съ торжественной церемоніей и
тѣло повезли въ деревню.

Слѣпневъ и Звѣревъ вмѣстѣ съ Еленой провожали
гробъ Воложбина до самой усадьбы.

Заключеніе.

Бубновъ торжествовалъ, онъ устроился отлично въ
городѣ, усадьбу очень выгодно сдалъ въ аренду и зажилъ
припѣваючи. Онъ былъ вполне счастливъ, если бы не
смущалъ его бродяга товарищъ. Нивакими средствами,
вромѣ подачки денегъ, Бубновъ не могъ отдѣлаться; про-
бовалъ прибѣгать и къ администраціи, но это не по-
могло; оказалось, что онъ мѣстный мѣщанинъ и потому
его нельзя было выслать въ другое мѣсто на жительство.
Пришлось прибѣгнуть къ личной сдѣлкѣ. Послѣ длин-
ныхъ переговоровъ было заключено условіе, что Бубновъ
будетъ каждомѣсячно платить по три рубля, а тотъ обя-
зался даже и не встрѣчаться на улицѣ.

Такимъ образомъ прошелъ годъ благополучія Бубнова.

Однажды опъ сильно разстроенный пришелъ въ управу.

— Воложбина вышла замужъ за семинариста, тра-
гически произнесъ Бубновъ.

— Такъ чтожь? съ Богомъ, отвѣтили товарищи.

— Скандаль! восълинуль Бубновъ.—Это ужъ не первый примѣръ и скоро придетъ то время, когда разночинцы сотрутъ дворянство.

— Много сказано. Потеря эта чувствительна можетъ быть только для васъ, замѣтилъ предсѣдатель.

— Полнаго счастья нѣтъ на землѣ, отвѣтилъ Бубновъ.

отличавшимъ ихъ во всѣхъ случаяхъ жизни: они умерли мучениками любви.

Въ бреду она произносила имена Бреттона и Вестона, и вспоминала различные эпизоды, приведшіе ихъ къ общей гибели. Но имя Норриса чаще всего произносилось ею, она разговаривала съ нимъ, какъ бы видя его передъ своими глазами; а шпионы передавали все, что она въ одинъ изъ подобныхъ параксиямовъ высказывала, обращаясь къ нему съ словами: „Зачѣмъ, возлюбленный мой, ревнуешь ты меня къ Смелтону? Развѣ этотъ фигляръ можетъ сравняться съ тобою“.

Когда приговоръ суда былъ составленъ, королева спросила имена своихъ судей; ихъ было 26 изъ палаты лордовъ. Графъ Уилтсгирскій не могъ избавиться отъ обязанности, возложенной на него званіемъ; его вердиктъ никому неизвѣстенъ, всѣ они, безъ исключенія, (какъ напр. Маркизъ Эксетеръ и графъ Арундель) своимъ назначеніемъ были обязаны извѣстной враждѣ къ обвиненнымъ. Герцогъ Норфольскій, какъ говорилъ король, предсѣдательствовалъ, имѣя по правую руку канцлера Одея, а по лѣвую герцога Суффолка; но для этого безсердечнаго, тщеславнаго человѣка, кровное родство ничего не значило. Ревностный католикъ, онъ ненавидѣлъ свою племянницу.

Соучастники были первые судимы. Одинъ Смелтонъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія, но эта извѣстность его не спасла; его не посмѣли свести на очную ставку съ королевой. Всѣ прочіе упорствовали въ своемъ невѣденіи.

Лордъ Рошфордъ былъ приговоренъ къ обезглавленію. Другіе къ повѣшенію, къ разрубленію на части и къ выставленію на показъ.

Послѣ этой гегатомбы, приведена была королева. Въ ту минуту, какъ она вошла съ величественнымъ спокойствіемъ, ея глаза искали одного изъ судей. Взглядъ, съ которымъ она желала встрѣтиться, былъ взглядъ графа Нортумберландскаго, де-Перси, ея перваго жениха, скрамывшаго къ ней ту же живую привязанность, какъ въ то время, когда они въ первой молодости поклонились другъ другу въ любви. Романическая легенда Анны Бoleynъ должна была завершиться аягельской

любвию. Съ тѣхъ поръ, какъ разошлась ихъ свадьба, между ними никогда не было никакихъ сношеній. Но въ самомъ апогее величія Анны и въ самомъ разгарѣ удовольствій, когда ей случалось заглядывать въ глубину своей души, всегда тамъ находила великодушнаго Перси, строившаго съ ней въ лазури небесъ великолѣпные замки ихъ свѣтлой будущности, какъ и всѣ почти молодые люди въ двадцать лѣтъ. Изрѣдка они мѣнялись взглядомъ, оживлявшимъ никогда не потухавшее пламя. — Это было воспоминаніе падшаго ангела о истрянномъ небѣ.

Король радовался, что можетъ привести сердце графа въ столкновеніе съ долгомъ, и воспоминаніемъ о прошедшемъ растерзать сердце обвиненной и увеличить ея несчастіе. Графъ, храбрость котораго разъ двадцать была испытана на полѣ битвы, почувствовалъ, что силы его оставляютъ при видѣ громаднаго несчастія той, которую онъ зналъ съ колыбели окруженной нѣжными заботами, женщины любимой имъ, низвергнутой королевы и въ его глазахъ невинной. Онъ упалъ въ обморокъ и его должны были унести.

Обвиненная закрыла глаза рукою, и горькія слезы потекли изъ ея глазъ. Затѣмъ, она гордая, какъ Юнона, подняла голову.

Какъ только улеглось тяжелое воспоминаніе, произведенное этимъ случаемъ, одинъ изъ судей сталъ говорить:

«Милорды!

„Не имѣя возможности избавиться отъ обязанности, возложенной на меня вами, я взываю къ Богу о помощи выполнить ее.

„Послѣ преній и произнесенныхъ приговоровъ, бывшихъ при васъ, милорды, къ несчастію нельзя сомнѣваться и въ преступленіяхъ, которыя еще подлежатъ обсужденію вашему, нѣтъ возможности остановить ходъ правосудія, какъ невозможно замедлить ходъ времени.

„Простая фрейлина получила высокое назначеніе раздѣлить тронъ одной изъ могущественнѣйшихъ монархій, положеніе, возбуждившее зависть самыхъ знаменитыхъ принцессъ; цѣлый вѣкъ этотъ тронъ занимаемъ былъ добродѣтельными женщи-

нами. Доказано, что эта женщина до своего незаслуженнаго счастья, торговала своими прелестями и если она допустила себя быть нескромной даже въ глазахъ короля, то страшно себѣ представить чѣмъ она была прежде, въ продолженіи десяти лѣтъ, проведенныхъ ею при дворѣ, зараженномъ вольностію, доходящей до безстыдства.

«Мы должны теперь рѣшить вопросъ о наказаніи ея. Наши законы въ этомъ случаѣ безгласны; какъ и спартанскіе законы, они не опредѣляли наказанія за нѣкоторые преступленія, въ виду невозможности совершить оныя. Я тщательно искалъ разрѣшенія этого вопроса въ законодательствахъ и исторіяхъ другихъ націй, и вотъ что узналъ я.

«Въ одномъ изъ Манооскихъ законовъ говорится: „Женщина должна была увѣнчана волной и продана“.

«Египтяне отрѣзывали носъ обвиненной въ прелюбодѣянніи и выкалывали глаза ея сообщнику; саксы ихъ сожигали, сарматы ихъ изувѣчивали, евреи ихъ побивали камнями, а милосердый Господь нашъ Иисусъ Христосъ, прощавшій первый проступокъ, ничего не сказалъ о прощеніи послѣдующихъ. Въ Афинахъ подвергали виновныхъ публичному оскорбленію. Вотъ что дѣлали германцы, по словамъ Тацита: съ обстриженными волосами, обнаженную, въ присутствіи близкихъ, виновную выгонялъ мужъ изъ дому и погонялъ ее ударами влута. Прощенья нѣтъ опозорившей себя скромности. Ни красота, ни возрастъ, ни богатство не могутъ доставить супруга женщинѣ прелюбодѣйкѣ. Никто въ этомъ случаѣ легко не смотритъ на пороки. Римское право наказывало соперника оскорбленнаго мужа, и почти всегда смертію.

«Клавдій не подвергалъ суду Мессалину: центуріонъ ее провозилъ своимъ мечомъ. Въ царствованіи Нерона общественное мнѣніе прославило раба, хвалившася, что заволокъ книжалою въ разломную жену своего властелина:

«При Юстиніанѣ, виновныхъ женщинъ сѣкли, мужчинъ оскопляли; при Константинѣ приговаривали къ смерти; при Львѣ у такихъ отрѣзывали носъ.

«Карлъ V, въ своемъ кантуляріи, предписываетъ смерть. Его преемники, болѣе великодушные, требовали чтобъ винов-

ные были покрайней мѣрѣ опозорены, и потому приказывали водить ихъ обнаженными по городамъ, предварительно вымазать медомъ и обернуть въ перья; или привязавъ къ ослу лицомъ къ хвосту, водить всѣмъ на показъ. Мнѣ не нужно напоминать о смерти Маргариты Бургунской и Филиппа Онея; подробности о нихъ извѣстны.

«Въ Константинополѣ провинившуюся женщину связываютъ въ мѣшокъ, который развязывается только на днѣ морскомъ.

«Въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ, мужъ—верховный судья, впускаетъ раскаленное желѣзо между голенями жены, хладнокровою обсуждая послѣдствія своей мести, и доводитъ свою жертву до того, что она вслѣдствіе подобнаго околечиванія принуждена, какъ животное ходить на рукахъ и ногахъ.

«Когда Юанна, неаполитанская королева, безнаказанно наслаждавшаяся жизнью въ продолженіи сорока лѣтъ, была удушена между двумя тюфяками челоуѣкомъ мстившимъ ей за перваго мужа, нашли дѣйствіе это справедливымъ.

«Вы хотѣли, милорды, чтобъ я привелъ нѣсколько примѣровъ изъ приговоровъ, произнесенныхъ противъ прелюбодѣйства у народовъ, исторія которыхъ намъ извѣстна, — я это исполнилъ».

Легко себѣ представить, что должна была выстрадать королева при перечисленіи подобныхъ ужасовъ! Предсѣдатель отошелъ, предоставивъ ей право говорить, такъ какъ ей не назначенъ былъ защитникъ. Едва ли кто могъ бы говорить благороднѣе ея. Историкъ только блѣдно въ состояніи передать ея слова:

«Милорды!

„Что могу сказать я, какъ не то, что всѣ вы, начиная съ васъ, мой дядя—герцогъ Норфольскій, были у моихъ ногъ, во время пребыванія моего въ Витъ-Галлѣ; никакъ оскорблять женщину. Передо мною не судьи: исторія скажетъ кто вы. Я всегда была вѣрна королю, которому легче будетъ найти лордовъ, чтобъ осудить меня, чѣмъ истинно добросовѣстныхъ магистратовъ для изслѣдованія моего поведенія. Вы были бы

справедливы, еслибъ были дальновидны: вѣдь дочь моя Елизавета будетъ вашей королевой».

Послѣ этой рѣчи она сняла корону, королевскую мантию съ своихъ прекрасныхъ плечъ и гордой поступью направилась къ двери. Стража не осмѣлилась задержать ее; она возвратилась въ тюрьму.

Ея братъ, обращавшій на себя вниманіе женщинъ изяществомъ своихъ манеръ, восхваляемый мужчинами за храбрость, уважаемый учеными за свои стихи, явился тоже за перила, онъ защищался съ большимъ благородствомъ. Когда публика вышла изъ залы, нашли забившагося въ уголь человека съ блуждающими глазами, произносившаго несвязныя слова, — это былъ Вріанъ: онъ лишился рассудка.

X.

Анна не спала. Правственныя страданія и ясное пониманіе своей участи не давали ни минуты спокойствія въ продолженіи нѣсколькихъ уже сутокъ. Темнаго цвѣта платье обрисовывало ея исхудалыя формы; темныя круги оттѣняли впалыя глаза, волосы также быстро посѣдѣли, какъ въ послѣдствіи у Маріи Антуанеты. На ней еще видно было отраженіе потухшаго величія; на пальцѣ блестѣло королевское кольцо, одинъ палецъ могъ сорвать его.

Увидавъ прелата, носившаго ее когда-то въ пеленкахъ, она думала, что можетъ еще надѣяться; но эта мысль была мимолетна, какъ молнія, и вскорѣ ей пришлось убѣдиться въ ужасной истинѣ.

Краммеръ, угнетаемый воспоминавіями, вѣжностью къ личности Анны, уваженіемъ къ ея сюрбн, наконецъ непрочностью земныхъ благъ, и, можетъ быть, предчувствуя, что сама будетъ однимъ изъ такихъ примѣровъ, прочелъ рѣшаніе, по которому, она приговорена къ сожженію, или четвертованію, смотря по произволу короля. Назначеніе ужасное, замѣненное милосердіемъ короля—обезглавленіемъ. Онъ считалъ нужнымъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ для того, чтобъ участь

королевы была одинакова съ участію Ромфора, Норриса, Бреертонна и Вестона.

Смельтонъ, какъ не дворянинъ, долженъ былъ умереть на висѣлицѣ.

Она подняла руки и глаза къ небу, произнеся: «О мой Создатель! Ты путь, истина и жизнь, — Ты знаешь, что я не заслужила этой участи».

Затѣмъ преклонила колѣна.

Архіепископъ далъ ей благословеніе. Она встала, протянула ему руку, — онъ оросилъ ее слезами. Подъ тяжелыми сводами башни, за сырими и черными стѣнами, при свѣтѣ блѣдно-мерцающаго факела, готоваго потухнуть, на порогъ вѣчности — совершилось, въ эти минуты, искупленіе многихъ преступеовъ.

По уходѣ прелата, она отворила окно, чтобъ освѣжить виски, опухшіе отъ прилива крови. Въ три часа утра, голубое небо было усыпано звѣздами; только и слышны были мѣрные шаги часовыхъ, да въ интервалахъ ихъ перекликиванія, леденящія духъ. Ночь была одна изъ рѣдкихъ, когда свѣтлые міры, разсѣянные по громадному пространству, поражаютъ и озадачиваютъ человѣка своимъ величіемъ.

Плѣнница сквозь рѣшетки калы углубила свои взоры въ обширный сводъ небесъ, какъ бы вопрошая о будущей участи, какъ вдругъ была оторвана отъ великолѣпнаго зрѣлища шумомъ шаговъ и голосовъ, сначала недалева, а потомъ все ближе и ближе. При слабомъ свѣтѣ луны, она увидала, что-то похожее на волчище призраковъ, шевелившихъ руками, или чѣмъ-то въ родѣ рожеовъ громаднаго размѣра. Посреди большаго двора они опустили свои громадныя руки на землю и остались на мѣстѣ. Потомъ она видѣла, что они вставали, ходили взадъ и впередъ поднимали съ земли свои длинныя руки на верхъ, опять опускали ихъ, соединяли вмѣстѣ, и тяжелыми молотами били по нимъ.

Съ появленіемъ разсвѣта она могла распознать истину, и галлюцинація вслѣдствіе голода и бессонницы — исчезла. Призраки, походившіе на бѣсовъ въ ночномъ сборищѣ, были помощники палача. Огромныя руки, двигавшіяся надъ головами

ихъ, были материалы, принесенные для постройки эшафота. Она отвернулась и упала на постель, разбитая отъ столбнякъ потрясеній, и погрузилась въ тяжелый, какъ свинець, сонъ, оторвавшій ее, наконецъ, отъ раздражающаго кошмара.

Утромъ около восьми часовъ, два челоуѣка ожидали въ Витъ-Галль аудіенціи у короля.

Одинъ изъ нихъ олицетвореніе лукавства в жаждѣ приобрѣтенія, потомокъ странствующихъ племенъ іудейскихъ. Его костюмъ, походка, черные, маленькіе, бѣгающіе глаза, тонкія губы, жидкіе волосы напоминали библейскіе тины, всецѣло сохранившіеся до нашихъ временъ. Подъ лѣвой рукой онъ несъ шкатулку съ драгоценностями. Это былъ ювелиръ Самуэль.

Другой былъ гигантскаго роста, съ звѣрскимъ лицомъ, съ жесткими, какъ львиная грива волосами, косоглазый, съ рыжей впадающей въ кровавую цвѣтъ бородою, съ широкими угловатыми холмами и мускулами Полифема. Это былъ палачъ Калесъ.

Еврей вошелъ первый.

— А! вотъ я ты! сказалъ, засмѣявшись, король; онъ развеселился, увидавъ Самуила. Съ тобой ли оба убора, что я тебѣ заказалъ? Клянусь Вальевуломъ, старый безбожникъ, что велю тебя бросить въ Темзу, если не принесешь мнѣ чуда; я тебя ждалъ, какъ разорившійся лордъ, которому ты уже усталъ уступать въ долгъ.

— Снѣю надѣяться, отвѣчалъ снѣ Израиля льстивымъ голосомъ, что ваше величество даруете мнѣ прощеніе; я долженъ былъ отправиться въ Вѣну, чтобъ достать необходимыя камни, мнѣ ихъ не хотѣли уступать ни за какую цѣну. Я принесъ уборы для выбора вашему величеству, который изъ нихъ вы изволите взять?

— Бриллиантовый.

— Удостоите посмотреть.

— Они довольно хорошей воды.

— Извольте взглянуть, государь, какой блескъ, какіе огни! Никогда ничего лучшаго не добывали изъ рудниковъ Голконды и Вивапурн. Королева Франціи имѣетъ уборъ подоб-

ний этому, но онъ состоитъ только изъ розъ, тогда какъ этотъ изъ брилліантовъ. Вглядитесь, государь, смѣю васъ увѣрить, что самъ великій Моголь вамъ позавидуетъ. Я бралъ уроки у Людвига Беркема и работалъ по его методѣ.

— Хорошо, я отмѣняю половину сентенціи, сейчасъ мною произнесенной. Жаль было бы утопить такого искуснаго человѣка. Посмотримъ теперь другой уборъ.

Самуилъ отерлъ другой футляръ.

— Этими я менѣ доволенъ, сказалъ король, послѣ тщательнаго осмотра. Мнѣ не нравится такое расположеніе камней. Тутъ не должны быть Цейлонскіе рубины, ты ихъ переставишь сюда. Отдѣлка слишкомъ массивна; я желаю, чтобъ она была гораздо иѣжнѣе и совершенно ажурная.— Въ этой аграфѣ слишкомъ малы жемчужины, ты ихъ перемѣнишь, я желаю бы, чтобъ ты ихъ перемѣшалъ съ Сибирскими топазами, или перуанскими изумрудами.

— Вотъ два изумруда, которые я осмѣлюсь предложить для двухъ булавокъ.

— Ты ихъ придѣлаешь къ аграфу.

— Когда прикажете, ваше величество, все это принести?

— Завтра въ десять часовъ.

Несмотря на то, что сыны Израилевы не отличаются особенной чувствительностію, но Самуилъ, зная, что королева Анна еще жива, отвѣтилъ невнятно:

— Какъ, государь, завтра?

— Ну да, завтра, оглохъ что ли ты?

— Государь, вы ихъ получите.

— Будь акуратенъ, или я прикажу тебя повѣсить.

Генрихъ рассматривалъ подарки, приготовленные его новой супругѣ. Ювелиръ вышелъ, началъ вошелъ.

При появленіи вновь вошедшаго лица, физиономія короля совершенно измѣнилась. Женхъ, только что сейчасъ такъ свободно и весело разсуждавшій о расположеніи жемчуга и брилліантовъ для своего свадебнаго подарка, преобразился въ лютаго судью. Онъ самъ заперъ дверь, чтобъ никто не помѣшалъ ему быть съ своимъ новымъ собесѣдникомъ, а гигантъ, чтобъ по возможности умалиться, смиренно всталъ въ уголъ.

Эти два человека были ужасные нравственные уроды.

— Когда приехал ты изъ Калё?

— Государь, я только что приехал.

— Ты долго вкаль изъ Дувра въ Лондонъ.

— Государь, я загналъ двухъ лошадей.

— Сомнѣваюсь. Тебѣ сегодня предстоитъ отрубить вѣть голову.

— Съ кого долженъ начать я?

— Съ музыканта Смелтона, котораго ты високо и скоро повѣсяшь.

— А послѣ?

— Послѣ... Норриса, Бреттона, Вестона и Ренфюра... — Ею ты окончишь.

— Воими это письмо и отнеса къ начальнику башни. Оно содержитъ инструкціи точныя и полныя. Мѣсто, часъ казни, число стражи, мѣста для зрителей, министр, обязанный быть ассистентомъ при осуждаемыхъ, — я кажется все распредѣлилъ. Я не помню какого вѣроисповѣданія Смелтонъ? Эта проклятая собака, вѣроятно, никакого не имѣетъ, и я столь же мало забочусь о его душѣ — въ минуту смерти, какъ онъ заботился о ней при жизни.

— Все что вы повѣлили приказать, ваше величество, будетъ въ точности исполнено.

— Есть ли у тебя салыше и ловіе помощники?

— Да, ихъ двое; Андрѣвъ подниметъ лѣвой рукою батареиную пушку, и Игнацій убилъ въ мои глаза били ударомъ кулака.

— Ахъ, я забылъ: ты велишь столѣру Жоуа сдѣлать грубый сосновый гробъ. Самые дурныя доски будутъ годны: Женкина прелюбодѣица не будетъ жить другого изволенъ.

— Прошу наблюдать за послѣдними представленіями. Если который изъ осужденныхъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе, тогда желѣзная рука твоя должна согнуть его надъ тростникъ...

— Что долженъ сдѣлать я съ тѣломъ?

— Ты зароешь его въ яму и вспашешь негашеной

извѣстью, чтобы ничего не осталось. Хорошо ли ты понялъ все, что я сказала тебѣ?

— Я понялъ.

— Если я буду доволенъ тобою, ты останешься отъ меня въ Лондонѣ. Теперь убирайся.

Король отперъ дверь, палачъ отправился въ башню, мнѣе стыдась самаго себя вслѣдствіе этого разговора; теперь онъ сознавалъ себя только рукою востоящаго палача. Который изъ этихъ двухъ людей изнасиловалъ бы дочь Сеяна, прежде чѣмъ задушить ее?

Анна была въ той же самой тюремной кельѣ, гдѣ за два года передъ тѣмъ архіепископъ Фишеръ и канцлеръ Муръ, имена которыхъ написаны были еще на стѣнахъ подъ стихомъ изъ св. Писанія, бывшемъ предметомъ ихъ размышленій въ послѣднія минуты жизни. Она смирилась передъ крестомъ Божиимъ, умоляя Его о милосердіи, и ей казалось, что видитъ этихъ исповѣдниковъ кѣры, извѣщавшихъ ее о небесномъ прощевіи. Бодрость духа къ ней возвратилась и болѣе не покидала ее; говорить, будто она написала королю:

«Изъ простой дворянки вы меня дѣлаете маркизой, изъ маркизы—королевой, изъ королевы вы меня дѣлаете святою. Я васъ благодарю всякій разъ по мѣрѣ возвышенія своего; благодарю васъ и теперь».

Это письмо подлежитъ сомнѣнію. Анна—натура изысканная и гордая, едва ли бы стала писать она такъ передъ смертною казнію.

Екатерина Говардъ, ея кузина, была послѣднимъ лицомъ, допущеннымъ къ ней въ тюрьмѣ. Послѣ этого посѣщенія, она послѣднія свои минуты провела въ молитвѣ. Когда жена смотрителя башни пришла извѣстить, что наступили роковыя минуты, она встала на колѣни и обратилась къ ней съ словами: «подите и на колѣняхъ, какъ теперь я стою, испросите прощенье принцессы Маріи за все зло, причиненное мною ей и ея матери».

Проходя чрезъ толпу, она вызвала должную почтительность со стороны несправедливыхъ судей ея, клеветниковъ своихъ. Обратясь къ нимъ, она сказала: «Не смотря на ваши

нзости, я умираю вашей королевой. Съ этого момента людской гордости въ ней уже болѣе не было. Ея враги не имѣли случая злорадоваться ея униженію, она не испрашивала невозможнаго прощенья. На платформѣ эшафота она присутствовала при смерти другихъ осужденныхъ; изъ которыхъ многіе, конечно, были бы оправданы справедливыми судьями.

Когда пришла ей очередь, съ постоянно благороднымъ выраженіемъ лица, она поправила складки своего платья съ какой то дѣвственной скромностію и склонила голову на влаху, еще обогрѣнную кровью ея брата и, прямо устремивъ свой взглядъ въ глаза исполнителя казни. Послѣдній задрожалъ отъ этого взгляда, два раза выронилъ изъ рукъ топоръ, и, наконецъ, чувствуя, что его силы слабѣютъ сказалъ Томасу Кромвелю: «О! милордъ, если она будетъ на меня такъ смотрѣть, я не въ состояніи буду нанести ударъ!»

Анна, зная, что умереть необходимо, закрыла глаза и молчала на минуту отсроченный ударъ...

Въ моментъ исполненія этой жертвы, ракета, брошенная съ Лондонской башни, разожилась огненнымъ снопомъ, что было условнымъ сигналомъ для короля, ожидавшаго его на терасѣ Ричмондскаго парка; видъ съ нея ни когда не казался такимъ прекраснымъ королю, какъ теперь.

На слѣдующій день Генрихъ VIII женился на Іоаннѣ Сеймуръ.

Іоанна Сеймуръ.

Послѣ смерти королевы Анны Болейнъ, былъ созванъ новый парламентъ. Выказываемое сочувствіе къ горести короля, отчасти существовавшее еще тогда уваженіе къ нему, а въ особенности общественная развращенность, плодъ его глубоко беззастѣнливыхъ дѣйствій, были поводомъ къ избранію людей, какіе требовались при подобныхъ обстоятельствахъ. Король сѣлся въ ихъ срединѣ; распространился о своихъ несчастіяхъ въ рѣчи, въ которой выражалъ также личныя изліянія любви къ народу и гордость расы, онъ объявлялъ

о своемъ третьемъ бракѣ, давая притомъ уразумѣть, что въ немъ для Англіи, такъ и для него элементы, не существовавшіе въ двухъ первыхъ его бракахъ. Эта ложь вывела на скамьяхъ нижней палаты непритворное сочувствіе. Согласно этимъ обстоятельствамъ, ораторъ поторопился отвѣтить—насколько палата тронута, что монархъ выразилъ желанія раздѣлить съ избранными страной свои печали и радости. Затѣмъ онъ сдѣлалъ перечень всѣхъ похвальныхъ дѣяній короля, слегка коснулся прискорбныхъ воспоминаній, исключилъ могущія вызвать сатиру, преувеличивъ наоборотъ все, что могло быть лестнымъ и, согласно обычаю своей надменной страны, напелъ случай набросить тѣнь на все, что жидо виѣ Британіи. Воодушевляясь постепенно, онъ дошелъ до того, что сталъ говорить о счастіи Англіи быть управляемой государемъ, одареннымъ Провидѣніемъ мудростію Соломона, силою Гераклея, красотою Апполона, храбростію героя, великодушіемъ рыцаря и свѣтомъ науки. Эта риторика восхитила короля, расположеннаго всегда думать съ Домиціаномъ, что боги приготовили для его вѣка палтуса, даващаго изловить себя, чтобы имѣть честь быть для него изготовленнымъ. Онъ съ напускною скромностію поспѣшилъ отдать на разсмотрѣніе закона важныя статьи, бывшія главнымъ предметомъ сесіи и прошедшія безъ возраженій. Съ этого дня подобострастіе было полное.

Палата дала санкцію разводу и позору Анны Болейи, признала незаконность дѣтей отъ первыхъ двухъ браковъ и право короны за будущими дѣтьми Іоанны Сеймуръ, или другою супругою; и, наконецъ, въ случаѣ могущаго не быть потомства, предоставила волю короля назначить наследника по какому-то ни было акту, совершенному по его усмотрѣнію. Каждый, дозволившій себѣ разглашать противное этому мѣрнію и говорить возмутительныя рѣчи, подвергался наказанію какъ изменникъ.

Послѣ такого рода гласныхъ дѣйствій, стали держаться оклеветныхъ путей. На отрицаніе или несоблюденіе клятвы полагалось смотрѣть, какъ на преступленіе, которое магистраты должны были доносить и преслѣдовать. Такимъ образомъ утѣдилась тайная инквизиторская полиція, умножившая число

преступниковъ въ государство. Это послужило поводомъ къ доносамъ. Всѣ тѣ, которые своими сомнительными мѣрніями были на примѣтѣ, отдавались въ руки враговъ ихъ. Злоупотребляя вѣстостію, вскоре приняли множество другихъ мелочныхъ, придирчивыхъ мѣръ, и ловко вводя ихъ, кончили тѣмъ, что отдали въ руки тирана, какъ гражданскую власть, такъ и духовную.

Впродолженіи третьяго медоваго мѣсяца, Генрихъ VIII, конечно; мало занимался своими дочерьми,—онѣ воспитывались, какъ могли. Принцесса Марія испросила дозволеніе явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе; онѣ, чтобы не слишкомъ растрогаться, не обнявъ ее при свиданіи, но воспользовалась случаемъ прозондировать ея религиозныя убѣжденія, какъ бы онѣ сдѣлалъ съ личностію болѣе низкаго положенія и сомнительнаго взгляда.

— Отчего, принцесса, сказалъ онѣ ей тономъ упреха, вы такъ медлили придти ко мнѣ?

— Государь, я не осмѣлилась.

— Развѣ вы совершили что либо могущее заставить васъ опасаться моего королевскаго правосудія или моей духовной юрисдикціи?

— Совѣсть ни въ чемъ меня не упрекать.

— Вы, однако, имѣете друзей, которыхъ я не признаю своими,—они вамъ дадутъ дурныя совѣты.

— Я давно удалила отъ себя всѣхъ неприятныхъ для васъ лицъ.

— Продолжая принимать графиню Салисбюри и Людвигъ Вивеса?

— Назначенныхъ вами же для наблюденія за мѣнѣмъ воспитаніемъ.

— Да, но времена измѣнились.

— Графиня и мой старій профессоръ были уже оптрафованы.

— Я въ этомъ увѣренъ. Да будетъ прошедшее забыто; но съ условіемъ, чтобъ впоследствии точно исполнять предначертанныя мною приказанія. Я слишкомъ надѣюсь на вашу умъ и благоразуміе... и думаю, что вы не рѣшились бы пе-

реступить порогъ Ричмонда, еслибъ ваша душа не познала истинъ, открываемыхъ намъ слишкомъ долго неприванной вѣрой. Кромѣ того, меня нелегко обмануть, да и нельзя безнаказанно. И такъ, неужели вы думаете, что я поддамся притворству Елизаветы Бартонъ, называемой палистами Кентской святой дѣвицей, и которой вы открыто протектировали? Ваше положеніе вамъ извѣстно... оно должно бы было вамъ внушать другое поведеніе. Вы были бы достойны порицанія, недоувѣря слухамъ о развращенности этой мнимой святой. Я знаю какъ поступить съ цыганкой, воспитанной за веретеномъ и покровительствуемой викаріемъ Ричардомъ Мастерсъ съ соучастіемъ Варгамскаго архіепископа и каноника Букинга. Монахъ Дерингъ отправленъ въ вѣрное мѣсто за то, что находилъ удовольствіе распространять сборникъ откровеній этой святой Елизаветы, восторженное состояніе которой, по признанію Букинга и Мастерса, проявлялись въ нѣсколькихъ видахъ. Судьи, избранные мною, накажутъ этикъ шарлатановъ за ихъ хитрый обманъ; и францисканцы заплатятъ стоимость процесса, да кромѣ того я прикажу упразднить ихъ жилища. Да послужитъ вамъ примѣръ этотъ предостереженіемъ.

— Смѣю васъ увѣрить, государь, что я одинаково порицаю эти постыдныя дѣйствія.

— Чтобъ убѣдить меня въ достовѣрности этикъ словъ, надо присягнуть мнѣ, какъ верховной власти, и признать во мнѣ, королѣ вашему, главу англійской церкви.

— Удостоите, государь, принять приносимую мною отъ искреннаго сердца—эту присягу.

— Принимаю. Но это еще не все. Я запрещаю вамъ видѣться съ графиней Салисбюри, раздѣляющей, конечно, идею своего сына Полиса, съ Людвигомъ Вивесъ, другомъ Томаса Мура и Эразма, давно лишенныхъ моей милости, по причинамъ, близко до васъ касающимся и разумѣется вамъ извѣстнымъ. 805 правилъ, изложенныя для васъ, этимъ Вивесомъ, во многихъ пунктахъ—настоящая сатира на Англію и напротивъ похвала римскому первосвященнику, отлучившему меня отъ церкви. Еслибъ вы когда нибудь выехали въ Лондонъ этого духовидца, я бы послалъ васъ преподавать лож-

ния правила, вѣстѣ съ нимъ, на чердакѣ Лудловскаго замка, т. е. въ ближайшее мѣсто, его химерическаго небеснаго града, что то въ родѣ пандемоніума—куда этотъ сумасшедшій не побоялся ввести Нуму, Катона, Траяна и другихъ идолопоклонниковъ вѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ.

— Я не буду болѣе видѣться съ графиней Салисбюри и съ Людвигомъ Вивесъ.

— Запрещаю вамъ всякаго рода брачныя переговоры съ герцогомъ де-Клэвъ и съ принцемъ Португальскимъ; забота о вашей будущности касается меня, я попекусь о ней, и когда придетъ къ тому время, выберу вамъ въ супруги принца, политическіе виды котораго будутъ мнѣ нравиться. Наконецъ, чтобы окончательно высказать все, что я въ правѣ требовать, приказываю вамъ немедленно дать мнѣ письменное согласіе ваше не только относительно религіозныхъ догмъ, принятыхъ мною, но и о различныхъ статутахъ, измѣнившихъ ваше званіе.

— Государь, оно сейчасъ будетъ написано моею рукою. Я бы это представила вамъ прежде, еслибъ вашъ министръ Кромвель у меня не такъ спросилъ его. Для того, чтобы я не сторичилась повиноваться желаніямъ вашимъ, нѣтъ надобности передавать мнѣ ихъ въ жесткой и оскорбительной формѣ.

— Эта щекотливость оскорбляетъ меня, мой канцлеръ не выходитъ изъ границъ моихъ приказаній, и каждый изъ моихъ подданныхъ, сопротивляясь ему, не повинуется мнѣ. Я говорю это разъ на всегда и въ этой темѣ болѣе не возвращайтесь; дурной примѣръ отъ васъ былъ бы нагубителенъ, чѣмъ отъ кого либо другаго. А ватѣмъ, принцесса, я васъ не задерживаю.

Окончивъ свою проповѣдь, король-первосвященникъ великодушно далъ ей поцѣловать свою руку и отпустить.

* * *

Шатобрианъ, говоря о краткомъ царствованіи императора Августа, выражается слѣдующимъ образомъ: „Историки сказавъ о немъ только, что онъ былъ прекрасенъ“. О королевѣ Іованнѣ приблизительно тоже ничего нельзя сказать другаго. Ея портретъ, сдѣланный однимъ изъ неизвѣстныхъ художни-

ковь, находится въ Виндзорѣ, и привлекательныя черты ея лица вскользь заслуживаютъ, чтобъ пробѣжать туда посмотрѣть его.

Маленькая голова ея представляетъ геометрически правильнѣйшій овалъ, кожа на лицѣ бархатистой нѣжности, тонкія брови надъ синими блиставшими чистотой глазами, носъ съ небольшою горбиной, розовый ротикъ съ выраженіемъ задумчивости. Вотъ ея изображеніе, напоминающее Психею, ожидавшую жизни отъ дуновенія любви, и подъ этой прозрачной оболочкой виднѣлся затаенный страхъ предъ неизвѣстностію судьбы, какое то роковое предчувствіе.

Поклонники красоты во всѣхъ ея видахъ могутъ преклониться передъ нею, какъ олицетвореніемъ вѣстической красоты, освященной нравственнымъ и душевнымъ совершенствомъ. Взавъ во вниманіе юность, царскую порфиру и слишкомъ раннюю ея кончину, невольно приходитъ мысль, что Богу жаль было оставить на долго такое существо въ столкновеніи съ людьми; оттого онъ и взялъ ее къ себѣ. Иоанна Сеймуръ одна изъ тѣхъ привлекательныхъ личностей, которыхъ красота дѣлала царицами. Она явилась на свѣтъ для того только, чтобъ быть любимой, надѣть корону и быть матерью короля. Едва свадебный букетъ успѣлъ увянуть, какъ ея облекли въ пурпуръ и безупречную похоронили.

Она не успѣла видѣть охлажденіе страсти, давшей ей корону. Въ концѣ года супружеской жизни наступили для нея тяжелые, преждевременные роды. Доктора объявили, что необходимо пожертвовать матерью или ребенкомъ. Король отвѣтилъ: «Спаси ребенка».

Эдуардъ VI родился, мать испустила духъ.

* * *

Генрихъ VIII вслѣдъ за кончиной Иоанны Сеймуръ сталъ хлопотать о приславіи себѣ супруги. Репутация его не могла внушить желанія семействамъ царской крови породниться съ нимъ: но это не оставило намѣренія его, онъ, казалось,

истеричливо желалъ имѣть жену, чтобъ мучить ее и быть единственнымъ пришлромъ въ исторіи.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на герцогиню Миланскую, о которой носились слухи, что она была бы не прочь искать счастья во второмъ бракѣ, не нашедши его въ первомъ. Еслибъ этотъ прозекъ осуществился, то онъ сдѣлался бы племянникомъ императора, бывши до того его дядей. Союзъ привлекательный для развращенной и непостоянной природы его; это свойство могло бы послужить поводомъ къ разрыву и возбудить вопросъ о кровосмѣненіи, еслибъ брачныя узмы начали надѣдать ему. Принцесса не скрыла своего отвращенія къ тому, кто такъ жестоко поступалъ съ ея кузиной Екатериной Арагонской. Карлъ V не менѣе ея былъ оскорбленъ этимъ предложеніемъ.

Вдовствующая герцогиня Лонгевиль, впоследствии мать Маріи Ствартъ, была бы подходящею для него партіею; этимъ союзомъ онъ могъ бы сблизиться съ Франціей и сдѣлать неприятность Австрійскому дому. Притомъ она была такая же толстая, какъ онъ, что тоже казалось тогда ему уважительной причиною.

Не много времени спустя, онъ по портрету прельстился стройной таліей Анны де Клевъ. Но герцогиня была невѣстой Шотландскаго короля; ему предложили Марію Бурбонскую, на которой онъ не хотѣлъ жениться—неизвѣстно почему; можетъ быть, не оттого ли, что это предложеніе ему было повторяемо съ одинаковымъ занесиваніемъ, въ продолженіи того времени, какъ онъ обдумывалъ; легко достигаемыя цѣли менѣе казались ему привлекательными, чѣмъ препятствія, раздражающія его. Что же касается Маріи Лоремъ (Лонгевиль), не зная чѣмъ наказать ее за отказъ, онъ запретилъ ей провѣщать чрезъ Англію въ повѣзку ея къ Якову V, умершему вскорѣ и, оставившему ея вдовою во второй разъ.

Въ одинъ изъ фантастическихъ припадковъ, характеризующихъ его, онъ просилъ французскаго короля прибыть въ Калѣ, какъ будто для политической конференціи и вмѣстѣ съ тѣмъ привести съ собою дамъ, имѣющихъ притязаніе сопер-

начать въ красотѣ, для полученія призовъ за нея трона Англіи. Францискъ 1-й отвергнулъ эту мысль, не желая, какъ онъ выразился, походить на турецкаго торговца невольницами.

* * *

Король—первосвященникъ сталъ вымѣщать на монастыряхъ свои брачныя неудачи. Уничтоженіе монастырей принесло Генриху VIII не менѣе 700,000 милліоновъ французской монетой. Представители древнихъ жертвователей тщетно надѣялись, что конфискованныя имущества будутъ имъ возвращены; но грабитель оставилъ все за собой, хотя и случалось подчасъ, что въ немъ проявлялась расточительность, равняющаяся его жадности. Мишле говорить, будто онъ пожаловалъ, однажды, одному изъ своихъ поворовъ землю за хорошо приготовленное блюдо. Но достовѣренъ ли этотъ слухъ и на какихъ данныхъ онъ основанъ—неизвѣстно.

Королева на одинъ день.

Генрихъ VIII, обогативъ свою казну ограбленіемъ монастырей и, полагая верховную духовную власть, вполовѣ, за собою упроченною, пожелалъ вновь вступить въ бракъ. Безбрачіе тяготило его, но конечно не воздержаніе, невозможное для такого человѣка. Канцлеръ Кромвель, видя, что всѣ попытки короля найти себѣ супругу, безплодны, далъ ему мысль обратиться взоры къ Германіи, выставилъ, однако, на видъ выгоды союза съ семействомъ одного изъ конфедератовъ Шмадгальдѣнскихъ. Лига этого имени, составленная въ 1531 г. между девятью протестантскими государями и одиннадцатью имперскими городами, въ видахъ поддержки ихъ общаго вѣронсвоѣданія и независимости отъ Карла V, была возобновлена еще съ болѣе стѣснительными условіями, чѣмъ первыи Конфедераты, въ виду звѣрства противъ императора, повсюду искавшіе вспоможенія и поддержки, должны были желать возобновить сношенія съ Англіей, могущія быть полезными

объимъ договаривающимся сторонамъ. Эти государи, соединясь въ Брауншвейгѣ, приняли самымъ любезнымъ образомъ сэра Христофа Монтъ, особенно заботившагося приблизить тѣхъ лицъ, у которыхъ дочери были въ возрастѣ эта миссиа, однако, осталась безъ результата.

Король, и въ такомъ водоворотѣ мыслей, вздумалъ однажды утромъ посѣтить своего любимаго живописца Гольбейна. Онъ удостоивалъ его всегда особеннымъ благоволеніемъ и восхищался его произведеніямъ, каковы Тайная Вечера, Пляска мертвецовъ, Двѣ дѣвы радости и проч. Этотъ великій художникъ былъ вызванъ въ Лондонъ Томасомъ Муромъ. Король, чтобы привязать его къ себѣ и наслаждаться его талантомъ, приказалъ выстроить ему въ Гамптонъ — Куртѣ обширную мастерскую со всевозможными удобствами относительно свѣта, столь рѣдкаго въ такой туманной странѣ, какъ Англія. Его любовь къ нему доходила до слабости. Одинъ изъ членовъ Верхней Палаты, пришелъ жаловаться, что Гольбейнъ оскорбилъ его, Генрихъ, показавъ ему «поклоненіе пастуховъ и волхвовъ», работы знаменитаго художника, отвѣчалъ: „знайте, что я могу изъ семи простыхъ поселянъ сдѣлать въ одну минуту семь лордовъ, такихъ какъ вы, но что изъ семи подобныхъ вамъ лордовъ я не сдѣлаю ни одного Гольбейна“. Этотъ анекдотъ распространенъ, потому мы и повторяемъ его здѣсь, но нельзя не замѣтить, что имъ выражается не столько уваженіе къ художнику, какъ презрѣніе къ лордамъ, которые волей-неволей очень смѣялись этой остротѣ.

Однажды, бывши у своего любимца, онъ замѣтилъ новое приготовленное полотно.

— Чей это портретъ?

— Государи, это портретъ прицессы Анни де-Клѣвъ, сдѣланый мною два года назадъ, во время моего послѣдняго путешествія по Германіи.

— Который ей годъ?

— Двадцать лѣтъ.

Молодая дѣвушка была очень хороша. Король ушелъ задумчивъ. На другой день онъ опять пришелъ туда и приказалъ поставить портретъ въ выгодное освѣщеніе; нѣкоторые

дети хвалили, другія порицали, затѣмъ вновь вдавался въ подробное разсмотрѣніе. Онъ спрашивалъ Гольбейна о Герцогѣ Клевѣ и его дворѣ, о характерѣ принцессы, о ея обращеніи, ея вкусахъ, привычкахъ, талантахъ, объ окружающіхъ ея, но о недостаткахъ — ни слова: ихъ она не могла имѣть. Затѣмъ онъ опять уходитъ, никто не знаетъ куда... а онъ снова тамъ, въ экстазѣ предъ портретомъ, заключающимъ въ себѣ притягательную для него силу. Новыя мысли и заключенія осаждаютъ его: — Какая прелесть эти мягкіе волосы, лобъ и очертаніе губъ, да наконецъ вся голова прекрасна! Она смотритъ, кажется сейчасъ заговорить... Хочется ее слушать. Какая артистическая соразмѣрность формъ, для этого надо было соображать... Я тебя ревную, Гольбейнъ.

Его глаза бросали искры. Это былъ восторгъ юности и старика съ пробудившейся чувственностію. Наконецъ онъ уносить портретъ, не можетъ съ нимъ разстаться, онъ не даетъ ему спать до тѣхъ поръ, пока дѣйствительность не замѣнитъ плѣнительнаго образа. На слѣдующій день вечеромъ былъ отправленъ посланникъ просить руки принцессы; но отецъ ея, курфирстъ Іоаннъ-Фридрихъ, отказалъ на отрѣвъ, хотя дочь его, какъ говорятъ, желала выйти замужъ. Упрямый старикъ умеръ во время и преемникъ его, герцогъ Вильгельмъ, послалъ въ Лондонъ свое согласіе.

Сходство портрета, по точному изображенію лица, далеко не составляетъ всего. Передать это нѣчто-неуловимое, что называютъ физиономіей — самое важное; оно побуждаетъ художника, неизмѣнная черта лица, сдѣлать его привлекательнымъ, или неприятнымъ, заставляетъ всматриваться, вдумываться и прочувствовать мысль его.

Гольбейнъ, какъ художникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, не уничтоживъ сходства лица Анны Клевѣ, преобразилъ его. Ея узкій лобъ, изысканныя сухопарныя плечи и руки, отвисшая губа, плохо прикрывавшая ротъ — были далеко не плѣнительны. Волнистые по природѣ волосы, неровнаго бѣлокурого цвѣта, прехотливыми фестонами прикрывали ея вдавленные виски. Дряблость ея щекъ замѣнилась прочной кожей, краснота лица — румянцемъ; алебастровой шеѣ дана была жизнь, голубыя жилки

тащ и видѣлись сквозь тонкую, прозрачную кожу. Тѣнь отъ густыхъ рѣсницъ придавала взгляду неizmѣримую глубину. Казалось, грудь дышала избыткомъ жизни и надеждъ... Общій видъ ея представлялъ тащ германской дѣвушки, полной тайнаго томленія; подобный субъектъ долженъ оживиться жизнью богѣ мужественнаго другаго существа.

Еслибъ даже она была такою, когда художникъ снималъ съ нея портретъ, то немудрено, что два года жизни небезслѣдно прошли для нѣмецкой красоты. Болѣзни, горе, тайныя опасенія могутъ повліять на извѣстныя очертанія лица, станъ можетъ утратить стройность, волосы—красоту свою, губы—свой алый цвѣтъ, глаза—свой блескъ. Тысячу случаевъ въ короткое время могутъ наложить морщины на гладкомъ лбу, измѣнить бѣлизну зубовъ. Конечно, поле гипотезъ нескончаемо, но дѣло въ томъ, что король съ перваго раза, какъ увидалъ ее въ Рочестерѣ, куда онъ тайно прїѣзжалъ, разочаровался. Большія руки и неуклюжія ноги молодой особы не понравились ему. Онъ началъ съ ней говорить, надѣясь, что ея умъ, или хотя мелодичность голоса изгладятъ первое дурное впечатлѣніе. Онъ обратился къ ней на нѣмецкомъ языкѣ, полагая, что это ея родной языкъ, но принцесса глухо смотрѣла на него и отвѣчала на какомъ-то незнакомомъ ему языкѣ. Она знала только одно голландское нарѣчіе. Король возвратился смущенный въ Гринвичъ и горько жаловался на свое открытіе, проклиная тѣхъ, кто уговоривалъ его видѣть эту рослу, голландскую кобылу. Гольбейнъ, лишенный милостей, счелъ за нужное убѣжать. Немедленно собрали совѣтъ для обсужденія: нельзя ли принцессу обратно отослать къ брату.

Канцлеръ Кромвель, разсматривая вопросъ съ политической точки зрѣнія, исчислилъ всѣ выгоды этого союза: „Герцогъ Клевѣ пользуется большимъ авторитетомъ у лютеранскихъ государей, которые считали его главою Конфедераціи; курфиреть Саксонскій вступилъ въ бракъ съ его другою сестрою—Сабиллою. Герцоги Брауншвейскій и Люнебургскій, ландграфъ Гессенскій, принцъ Ангальтскій и графъ Мансфельдъ присягнули на открытой библіи держаться военнаго союза, едино-

вѣрнѣ и покровительствововать другъ другу въ обществен-ныхъ и частныхъ интересахъ. Подъ страхомъ вызвать общія непріятельскія дѣйствія на континентѣ необходимо было заручиться партизанами въ Германіи противъ императора, который, прибывъ въ Фландрію, чтобъ прекратить революцію галловъ, былъ въ данный моментъ хозяиномъ Франциска I-го въ Парижѣ. Онъ выхвалялъ героизмъ, выказанный королемъ, освободившимся отъ господства религіи, противорѣчащей Евангелію и оскорбительной для національной гордости; присоеди-нивъ религіозные аргументы къ политическимъ, онъ объявилъ, что народъ за одно съ аристократіей одобряетъ бракъ. Такіе справедливые доводы, если не всѣхъ убѣдили, то по крайней мѣрѣ поколебали большинство совѣтниковъ, коснувшихся какъ бы случайно блага государства, но всегда готовыхъ, при первомъ же случаѣ, отречься отъ своихъ словъ изъ собственныхъ выгодъ. Монархъ, гордость котораго была задѣта, казалось, въ ту минуту тоже уступилъ. На слѣдующій день—другое рѣше-ніе, въ противорѣчіе поговоркѣ „утро вечера мудренѣе“; на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, обошлось безъ трагедіи. Въ исторію этого царствованія занесена страница полная комизма.

И такъ, на другой день канцлеръ, встревоженный дурными признаками, попробовалъ вызвать нѣкоторую откровенность со стороны короля съ цѣлю отвратить возможное несчастіе; онъ не могъ не знать, что его благополучіе будетъ зависеть отъ участи королевы. Генрихъ его принялъ дурно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ далъ ему понять, что былъ обманутъ въ нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросахъ. По его словамъ онъ былъ бы очень смущенъ съ подобной женой послѣ вѣнца.

Паденіе Кромвеля было рѣшено. Король, чтобъ свергнуть его съ большей высоты, пожаловалъ ему орденъ Подвязки и званіе канцлера и въ тоже время титулъ графа Эссексъ, только что тогда умершаго. Этотъ канцлеръ былъ двоюрод-ный дѣдъ протектора, котораго отецъ, происходившій изъ древняго и благороднаго рода, никогда не былъ ни поваромъ, ни мясникомъ, несмотря на утверженіе многихъ историковъ, какъ это повторявшихъ памфлеты того времени.

Новый графъ Эссексъ былъ всѣми ненавидимъ. Феодальная аристократія, завидуя его громадной силѣ, обвиняла его въ смерти маркиза Эксетера, сара Эдуарда Невиль, Николая Каревъ, и лордовъ Монтоковъ де-Ла-Поль, недавно казненныхъ, какъ соучастниковъ заговора, придуманнаго кардиналомъ Полюсъ и оставшагося загадкой по случаю не приведенныхъ въ извѣстность преній; народъ упрекалъ его въ уничтоженіи монастырей и ордена рыцарей св. Іоанна; католики и протестанты сходились только въ одномъ—въ ненависти къ нему. Паденіе непопулярнаго министра было ускорено его частнымъ врагомъ герцогомъ Нотфолькъ. Этотъ господинъ, до этого воспользовавшійся вліяніемъ племянницы своей Анны Бoleynъ, чтобъ погубить кардинала Уольси, былъ лядою Екатерины Говардъ, уже замѣченной королемою, и семейство которой намѣрено было эксплуатировать такой милостивъ. Во время этихъ интригъ, королеву отослали въ Ричмондъ, гдѣ герцогъ Суффолькъ, графъ Сутемптонъ и Томасъ Вриотелли были назначены предувѣдомить ее объ ожидающей участи.

Браги Кромвеля, вспомнивъ, что во дни своей славы онъ поддерживалъ короля — пренебрегалъ законами, противопоставляли его собственныя дѣянія, когда онъ требовалъ суда у своихъ перовъ. Учредили надъ нимъ краткій, но жестокий судъ, нѣрѣдко примѣняемый имъ, самимъ относительно другихъ, и въ силу котораго нижняя палата и перы произносили приговоръ надъ обвиняемымъ безъ противорѣчивыхъ преній, и даже въ его отсутствіи. Былъ прощаль, какъ вещь самая обыкновенная въ свѣтѣ; обѣ палаты, не придерживаясь никакой юридической формы, осудили въ измѣнѣ и ереси того же самаго человека, котораго недавно онъ объявлялъ достойнымъ быть первосвященникомъ вселенной.—Презній канцлеръ былъ безъ процесса обезглавленъ черезъ девять дней послѣ своего ареста. Небесное правосудіе часто совершается гораздо медленнѣе.

Кромвель не стало, занялись разводомъ. Палата Лордовъ, совокупно съ Нижней Палатой, представила просьбу къ королю Англии и Франціи, умоляя его величество дозволить имъ изслѣдовать дѣйствителенъ-ли бракъ. Приказъ былъ отданъ приступить къ разсмотрѣнію его. Но безъ сомнѣнія, не трудно было найти причины его недѣйствительности.—Для этого придрались къ воспоминанію о томъ, что принцесса была сговорена съ герцогомъ Лоренскимъ. Правда, что принцесса и ея женихъ были тогда еще дѣтьми и соглашеніе по этому поводу, равно, какъ и разрывъ, были сдѣланы безъ ихъ вѣдома, по воли родителей. Но вѣроятно предписанныя формальности при уничтоженіи обряда помолвки не все были соблюдены; этого достаточно было, чтобъ соорудить цѣлое слѣдствіе, и бракъ короля, совершенный торжественнымъ образомъ, признанъ недѣйствительнымъ. Весь этотъ процессъ—чистый произволь государей, то по фантазіи разбивающихъ мраморную колонну, ими же наканунѣ воздвигнутую, то придающихъ незначительную прочность написанному на пескѣ.

Король дошелъ до высшей степени безстыдства и наглости, ссылаясь на то:

1-е что по совѣсти своей онъ никогда не рѣшался на бракъ.

2-е что, по собственнымъ личнымъ причинамъ, онъ нашелъ невозможнымъ его совершить.

Англійскіе епископы, ввѣваясь надъ божествомъ и человечествомъ, объявили бракъ уничтоженнымъ. Парламентъ объявилъ, что осмѣливающійся порячать это рѣшеніе будетъ считаться государственнымъ измѣнникомъ.

Сентенція была передана королевѣ съ носѣшностью, свойственною людскому недоброжелательству. Королева не произнесла ни малѣйшей жалобы, и тотчасъ же согласилась считаться только сестрою короля. Чтобы показать свою покорность, она въ письмѣ къ королю обязалась пересылать ему все письма, получаемыя ею изъ своей семьи; такая покорность, конечно, обнаруживала недостатокъ благородства и достоинства. Три тысячи ливровъ стерлинговъ въ годъ и нѣкоторыя почести утѣшили ее во вдовствѣ и потерѣ трона.

Въ жизни этой тяжеловѣсной особы впродолженіи семнадцати лѣтъ не произошло ничего особеннаго до приключенія, о которомъ мы расскажемъ, говоря о "Екатеринѣ Паррѣ". Иностранцы удивлены были, что пришлось наложить трауръ, по случаю ея смерти, въ царствованіе Маріи Тюдоръ, отказавшейся рѣшительно ея преслѣдовать, не смотря на то, что та разъ на всегда отказалась огречься отъ протестантизма.

Вотъ какимъ образомъ, принцесса Анна Клевъ была королевой Англій одинъ день.

Екатерина Говардъ.

Анна Болейнъ за нѣсколько часовъ до смерти принимала свою жужу Екатерину Говардъ. Горестное свиданіе, кончившееся раздирающимъ душу прощаніемъ! Сколькоразъ эти двѣ женщины обнимали другъ друга! Какъ торопались онѣ развѣняться своими сокровенными тайнами, сколько было высказано между ними воспоминаній и заключеній о непостоянствѣ мужчинъ! Рыванія душили юную Екатерину, но королева не плакала; несчастіе ея дошло до высшихъ предѣловъ, — глаза ея были совсѣмъ сухи; слезы иссякаютъ при громадномъ несчастіи, онѣ не облегчаютъ грудь, переполненную безысходнымъ горемъ; оно проявляется въ конвульсіяхъ, или въ мрачномъ молчаніи.

Въ концѣ этой сцены Анна сказала Екатеринѣ:

Передъ нашей вѣчной разлукой, надо тебѣ узнать, милое дитя, какой я сейчасъ видѣла сонъ. Мнѣ снилось, что король любитъ тебя.... Ты сидѣла, какъ бывало я, возлѣ него, съ короной на головѣ. Придворные, какъ и меня, окружали тебя, — поклонялись, обожали.... даже лучше этого, любили.... можетъ быть слишкомъ.... Голова твоя закружилась на вершинѣ высоты, какъ нѣкогда у меня. Но вдругъ кровавое пятно показалось на паркетѣ огромной залы; росло, росло и наконецъ покрыло весь полъ. Кровь поднималась все выше, и затѣмъ дотопила многихъ бывшихъ тамъ.... герцога Норфолька, нашего дядю, одного изъ первыхъ.... ты была уже по колѣна въ крови, когда я проснулась.

Что означает это сновидѣніе, ниспосланное Богомъ во время моего сна? Не знаю, но есть пророческіе сны.... Тѣмъ, кому предстоитъ скоро умереть, получаютъ даръ прозорливости, — у нихъ бывають минуты предвѣденія, посылаемаго вѣбомъ.... или адомъ, для нихъ открыты врата будущаго. Да, несчастное дитя!... король тебя полюбитъ.... ты будешь королевой. Дай Богъ, чтобъ моя участь не была твоей! Не облежайся никогда въ лучезарную туніку Несса, — она ослѣпляетъ, но и пожираетъ.

Затѣмъ, она упала въ обморокъ.

— Можно ли пугаться сна, отвѣчала молодая Говардъ, иѣжно объявши предвѣщательницу, — и въ особенности подобнаго этому? Что заставило тебя предполагать, что король увлечется такою слабостію. И если, не смотря на невозможность, это бы случилось, то я не захотѣла бы оскорбить твоей памяти, принимая любовь твоего.... убійцы. Да, наконецъ, прибавила она, краснѣя и опустивъ глаза въ смущеніи, полномъ невинности, развѣ ты не знаешь?..

— Знаю, съ улыбкой отвѣчала королева.

— Жоржъ такъ добръ.... мы такъ другъ друга любимъ!

— Развѣ мое сердце не любило, когда король увидѣлъ меня? Я любила Перси, но однако была побѣждена! Ты не знаешь, что значить видѣть у своихъ ногъ короля? Мраморъ оживился бы отъ словъ коронованнаго софиста; онъ расточаетъ то мольбы, то угрозы, ужасаетъ и очаровываетъ; его слова пожирають разсудокъ огнемъ, какъ волшебное питье Цѣрцей. Ты не можешь себѣ представить, какъ ослѣпляетъ вкрадчивость этого Протея; онъ говоритъ и увлекаетъ съ ловкостію змѣя, соблазнившаго Еву въ земномъ раю. Когда этотъ демонъ бросается къ ногамъ женщины со словами: я васъ люблю.... о, тогда эта женщина погибла!

Немного времени спустя, Екатерина Говардъ надѣла корону.

Объ эти королевы были племянницы третьяго герцога Норфолька, предсѣдательствовавшаго въ собраніи лордовъ, назначенныхъ судить Анну Болейнъ. Члены этой семьи были около ста лѣтъ игрушкой судьбы. Первый герцогъ Норфолькъ, ока-

завъ помощь Ричарду III въ похищеніи престола, былъ убитъ, находясь около него въ Босвортъ: парламентъ призналъ его виновникомъ и лишилъ дворянства. Второй изъ нихъ, одинъ изъ областныхъ судей въ Англии, былъ принужденъ, осудить на смерть герцога Эдуарда Страфорта Букингама, тестя его старшаго сына. Третій герцогъ былъ тотъ, о которомъ мы уже говорили. Позднѣе скажется о смерти его сына, графа Суррей. Четвертый герцогъ, сынъ графа Суррея, избѣнилъ Елизаветъ; полюбилъ Марію Стюартъ и хотѣлъ на ней жениться, надѣясь вмѣстѣ съ нею царствовать, но любовь шотландской королевы принесла ему несчастіе, какъ и Франциску II, Кастелярду, Давиду Риціо, Дарнлею, Ботвеллю и Донъ-Жуану Австрійскому. Четвертый Норфолькъ поплатился головою за свою тщеславную страсть.

Король, казалось, наслаждался спокойствіемъ духа, дополнявшимъ его счастье. Онъ приносилъ благодарственную молитву Богу, какъ публично, такъ и въ своей капеллѣ. Епископъ Линкольнъ сочинилъ для англиканской церкви, по этому случаю, гимнъ. Но тѣмъ не менѣе, обвинители и судьи не дремали. Съ колеблющимися протестантами поступали, какъ съ католиками, враждебными верховной власти.

Нѣсколько смертныхъ казней были интермедіей свадебныхъ праздниковъ.

Барнезъ, Жерардъ и Жеромъ были приговорены къ сожженію; ихъ везли въ трехъ плетеныхъ тележкахъ и возлѣ cadaго посадили по католику. Чтобъ показать безпристрастіе, они были сожжены вмѣстѣ. Смерть на всѣхъ валагала безразличное равенство. Кровобійцы, предупреждая своимъ злодѣяніемъ Вареломеевскую ночь, не теряли времени на разсматриваніе степени виновности: Богу и безъ того извѣстны свои избранные. Въ этомъ трудномъ разбирательствѣ новаго догмата, души, терзаемыя сложностію доктринъ, не могли распознать древа познанія добра и зла: онѣ были, какъ путешественники, заблудившіеся въ Африканскихъ равнинахъ, застигнутые самумомъ, который съ корнемъ вырываетъ, по дорогѣ, камни, крутя песокъ, заставляя солнце и засыпая караванъ.

Единство вѣры не могло непосредственно послѣдовать за

возстаиетъ противъ верховной власти первосвященника. Сильные новые законодатели становились во главѣ множества небольшихъ сектъ, истолковывая, каждый по своему, Священное Писаніе. Это злоупотребленіе дошло до такихъ предѣловъ, что нѣкоторые умы, убѣжденные, что всѣ секты ведутъ только къ разнообразію заблужденій, объявили, наконецъ, при полномъ собраніи парламента, что самое лучшее—не вѣрить, ни папѣ, ни Лютеру, ни Двингли; слѣдуя мнѣнію этихъ многихъ мудрецовъ, сектаторы отличались только одни отъ другихъ способами лицемерить и обманывать; между ними, дѣйствительно, царило заблужденіе ума. Пустота богословскихъ мнѣній оправдывалась многочисленностію ихъ, и только деизмъ былъ единственной національной религіей. Но эпоха эта въ особенности замѣчательна множествомъ жертвъ, съумѣвшихъ умереть, какъ первые исповѣдники, во времена языческихъ гоненій.

Кардиналъ Полюсъ, заподозрѣнный въ поддержкѣ возмущенія Джона Невилля въ Йоркширѣ, находился въ безопасности, по случаю пребыванія своего въ Италіи, и былъ наказанъ въ лицѣ своей матери графини Салисбюри.

Дочь Плянтагенетовъ, прибывъ на мѣсто казни, отказалась положить голову на плаху и геройски протестовала противъ несправедливой сентенціи.

Уклонившись отъ послѣднихъ увѣщаній своего духовника, со снятою уже одеждою и обнаженными плечами и руками, съ распущенными, развѣваемыми вѣтромъ сѣдыми волосами, она бѣгала кругомъ эшафота, какъ безумная, вырвавшаяся изъ заключенія; вызывая на борьбу палача, она говорила ему что если ему нужна голова ея, то пусть беретъ. Палачъ будучи въ небываломъ положеніи—убивать людей на бѣгу, оставался одинъ моментъ въ недоумѣніи: но, наконецъ, онъ бросился за ней, размахивая топоромъ, при смѣхѣ толпы, и принужденъ былъ свалить жертву, нанеся ей ужасныя раны.

Одинъ лордъ Грей, не поправившійся чѣмъ то, послѣ того какъ осыпали его милостями, былъ обвиненъ въ самой важной измѣнѣ, обезглавленъ и забытъ: эта смерть не оставила и слѣдовъ.

«Ихъ скоро прайдено было послѣдней личності быть жертвой.»

* * *

Во время пребыванія двора въ Іоркѣ, гдѣ и шибеники Лассель явился къ архіепископу Кентерберійскому и объявилъ безъ обвиняемыхъ, что изъ преданности королю и новой державѣ, онъ вынужденъ разоблачать преступки королевны.

Краммеръ сильно желалъ бы приказать замолчать обличителю, но доносъ былъ такъ точенъ и кратокъ, что невозможно было не выслушать его. И вотъ онъ, примасть Англія, любимецъ короля, повѣренный ужасной тайны, о подробности которой онъ не смѣлъ и спросить, боится, чтобъ какъ-нибудь не ерши его соучастникомъ съ другой же стороны, опасался своимъ молчаніемъ попасть въ немилость. Въ смущеніи онъ поторопился отправить неизявца, а самъ бросился къ канцлеру, раздѣлявшему виднѣ его сильное безпріятство. На слѣдующій день эти двѣ личности совѣщались съ графомъ Гергфордъ, когда Лассель онды пришелъ къ Краммеру, но на этотъ разъ въ сопровожденіи своей сестры, для подтвержденія показанія. Эта женщина служила у старой герцогини Норфолькъ, и потому вся жизнь Екатерины Говардъ была ей извѣстна. Что побуждало служанку передавать все относящееся къ бывшей госпожѣ своей? безсознательная болтливость, или ненависть, одушевляющая часто слугъ дѣйствовать противъ господъ? Но разъ обстоятельства такъ поставлены, надо было выбирать между смертію или откровенностію. При началѣ вопроса ея овладѣла робость. Она прикинулась ничего не знающей и примасть, чтобъ заставить ее говорить, принужденъ былъ вадогнуть, что отъ этого зависить безопасность ея жизни на землѣ и спасеніе души на томъ свѣтѣ. Вотъ что приблизительно, при такихъ грозныхъ условіяхъ, можно было извлечь изъ новости этого существа.

— Вы были изъ числа слугъ герцогини Норфолькъ?

— Да, монсеньоръ.

— Вы тамъ жили королеву?

— Да, я ее знала.

— Боги! Вы что-либо знаете изъ прошедшаго, касающагося чести короля, то скажите.

— Я ничего не знаю.

— Вы лжете.

— Монсеньоръ, избавьте меня..

Несчастная дрожала всѣмъ тѣломъ; губы ея искривляясь, зубы стучали.

— Говорите же, скажите Лессель, я не желаю бытъ обвиненною во лжи.

Архиепископъ возобновилъ свои вопросы, угрожалъ ей пинками, если она будетъ продолжать хранить молчаніе.

— Но прежде чѣмъ говорить, вы должны объявиться, не видите ли противъ королевы личной вражды?

— Никакой. Все семейство Норфольковъ благодѣтельствовало мнѣ..

— Говорите же безъ ненависти и безъ болваніи. Утановленіе и приниженіе васъ погубятъ, но королеву не спасутъ, если она на самомъ дѣлѣ виновна; мы ничего не упустимъ изъ виду, съ Божіей помощію, узнаемъ истину.

— Боже мой! я знаю только то, что известно всѣмъ служивымъ герцогини.

— Вотъ это то и надо разсказывать. Известно ли вамъ, какъ себя вела королева до своего замужества, и не вышла ли она сама съ кѣмъ нибудь изъ дворянъ. Да или нѣтъ?

Ватимъ послѣдовадо опять продолжительное молчаніе; въ присутствіи двухъ личностей, дрожавшихъ не менѣе этой бѣдной служанки.

— Неужели надо будетъ намачу разсказывать вамъ явнѣе? воскликнула Крамеръ.

— Ты мнѣ говорила это, закричала на нее обожлившійся братъ Отвѣчай же. Я самъ, монсеньоръ, отправлюсь за палачемъ, если вамъ угодно наша святая религія здѣсь замѣшана; король, вѣдь, намѣстники Іисуса Христа на землѣ,

— Да, наконецъ ножикъ ты она, едва слышныиъ голосомъ.

— Съ кѣмъ же?

— О, монсеньоръ, рыдая, воскликнула жевщина, спалтесь надо мнѣ, умоляю васъ... Вы стѣ меня требуете подлаго по-

скупка... Какъ бы думать, чтобы обвинять королеву; потеряю же и въ всегдашней добротѣ и великодушности. Это преступленіе мнѣ никогда Богъ не проститъ.

— Вотъ наказывать только за грѣхъ.

— Но безблагодарность не грѣхъ (ли тоже преступленіе)?

— Решенія и благогосударства выше всѣхъ чувствъ.

— Но мы, бѣдные люди, возвращаемся въ восторгъ, слышимся только нашей совѣсти и помогаемъ ничтогосуду. Вчера еще въ соборѣ св. Павла я слышала, какъ читали въ Евангеліи, что Иуда Искариотъ былъ самый великій грѣшникъ на землѣ и что онъ вполне заслужилъ черенку, удаленную его.

— Но теперь, послѣ того какъ ты уже сдѣлала первое признаніе, надо продолжать. Если утвердительный отвѣтъ, сейчасъ тебя выказанный; не подтвердится доказательствами, то ты будешь ожидать тебя; дыбы и клеветы разважутъ тебя язва. У меня есть для этого испанскіе сапоги, они очень хороши дѣйствовать противъ увернаго подчакія. Если доказательства не будутъ приведены тобой, то голова твоя покатится по виндѣту за клеветы противъ королевы... Ласкаю, ты знаешь гдѣ живетъ Филиппъ?

— Да, женсинабрь, а сейчасъ иду за нимъ.

— Подожди еще минутой, я опять повторю свой вопросъ. И такъ, съ кѣмъ?

— О, Боже Всемогущій, проси меня!...— съ Деррикомъ и Монномъ.

— Какого же рода эти люди?

— Два камеръ-юнкера герцога.

— Повторишь ли ты подъ присягой то, что сейчасъ сказала?

— О Господи, да.

— Теперь отправляйся и никому не говори о происхожденіи здѣсь.

— Я слышала отъ мужа своего поступка, чтобы передать о немъ кому бы то ни было.

Въ тотъ же вечеръ архіепископъ, канцлеръ и графъ Герфордъ составили совѣтъ, продолжавшійся большую часть

печати. Следствие, тайно произведенное ими, бросило свѣтъ на это темное дѣло и было положено, что приметъ наипрѣдѣ королю о томъ, чего не смѣли сказать ему. Певрикъ, не сомнѣвавшійся еще въ королевѣ, сначала отвергнулъ этотъ доносъ, и при Лордѣ Руссэллѣ, сэрѣ Антоніи Вроннѣ и Вриотсли, съ сильной запальчивостію сдѣлалъ выводы: въ свѣтъ. Положеніе принца становилось ежеминутно опаснѣе; раздѣ нечаянно въ такіа затруднительныя обстоятельства, ему было невозможно вынудатъ изъ нихъ, не подтвердивши свои доводы неопровержимымъ доказательствомъ. Этотъ человѣкъ не былъ чуждою съ первого развода короля, новыя положенія его, судьба сдѣлала изъ него почти постояннаго поставщика вѣстий: да того два; когда самому пришлось сдѣлаться его добычей.

Лассель повторилъ хранителю малой печати свое первое заявленіе и призвалъ еще въ свидѣтели свою сестру. Она въ ужасѣ убѣжала, желая скрыться подъ чужимъ именемъ, гдѣ нибудь въ селѣ или внутри графства Сусексъ. Хранитель малой печати, наизвъ на ея слѣдъ, тайно явился къ ней, и всѣми вынудительными и льстивыми мѣрами добился подробностей, не оставившихъ никакого сомнѣнія.

Манокъ и Дерхамъ, тотчасъ схваченные, признались во лжѣ, что отъ нихъ желали узнать. Первый въ особенности, подъ пьяную руку, открылъ нѣкоторымъ коллоквиумъ, сдѣлавъ секретникамъ, то, что можетъ быть вѣстно мужу или любовнику... и чему, впрочемъ, всегда можно дать вѣрности; нѣрѣдко какой нибудь негодяй хвалится, что былъ очевидцемъ узаннаго отъ свѣдѣвшей съ нимъ горничной. Какъ глаза распространяются отъ вѣтра, такъ и шпионство, подстрекаемое злобой, принимало обширные размѣры. Узнали, что три дѣвушки, служившія королевѣ, были повѣренными ея любовниками: шоклендъ; Ентернелъ; какъ говорятъ, даже была во главѣ ночныхъ оргій, достойныхъ времени и рѣзка Петроніи. Наскоро, при началѣ допроса, отреглась отъ всего; но когда ее закидали вопросами, угрожали кнжками, она созналась въ нѣкоторыхъ проступкахъ, уклонно наставляя на томъ, что могла суровѣе своего, она ни разу не нарушила строг-

ности и приличій; но въ ту минуту, когда стали было уже подаваться высказанному ея, какъ голосу правды, поставили на очию ставку съ нею нѣкоего Кулленпера, котораго увидѣли, какъ онъ выходилъ отъ нея ночью. Тогда она безсловно разсказала, что знаетъ и сознала себя виновною въ оскорбленіи Бога, короля и націи. По мнѣнію Лингарда о гибели королевы злоумышляла партія реформы, враждебная Норфолькамъ. Это дѣло возможное, но обвинителямъ не пришлось ничего придумывать, они къ несчастію могли только эксплуатировать слишкомъ очевидными проступками.

Невозможно описать оцѣпенѣніе короля, когда онъ узналъ эти подробности. Неудержимыя слезы текли изъ глазъ его. Лѣтописецъ увлекся злымъ желаніемъ обратитъ вниманіе на пунктъ, наиболѣе обружавшій этого страстнаго человѣка, имѣвшаго притязаніе быть такимъ опытнымъ въ любовныхъ дѣлахъ. Претензія, слишкомъ нескромно высказанная имъ относительно Анны Клевъ, потерѣла фіаско; его обманутая проницательность дала поводъ къ насмѣшкамъ.

Но самая замѣчательная сцена этой трагикомедіи была сыграна депутаціей отъ обѣихъ палатъ, которые, какъ шуты выказывали свои сѣтованія о брачной неудачѣ короля, и чтобъ смягчить его, нашли нужнымъ привести въ примѣръ нѣкоторые случаи такого рода съ знаменитыми историческими личностями, доказывая напр., что Юстиніана не могла обѣзчестить Теодора, и самъ Цезарь былъ вынужденъ отвергнуть Помпею, не помрачивъ отъ того своей славы. Заключеніе однако, этой рѣчи оказалось серьезнѣе ея вступленія: было положено предать суду всѣхъ, посягнувшихъ на честь короля.

Король согласился съ этимъ мнѣніемъ и биллъ, направленный противъ королевы и ея сообщниковъ, былъ принятъ; къ нему присоединили всѣхъ тѣхъ, кого обвиняли въ прікрывательствѣ, между прочимъ лорда Вильяма Говарда, дядю Екатерины, старую герцогиню Норфолькъ, ея бабушку, и графиню Бридgewater. Леди Рошфоръ была пружиной этихъ низкихъ интригъ, помогая любовнымъ отношеніямъ съ Кулленперомъ, она его съ собственного ложа втолкнула въ спальню королевы, съ намѣреніемъ погубить ее. Она была поглощена этимъ

водворотомъ. Подожительно объ нравственности тутъ не могло быть и рѣчи.

Наказаніе герцогини Норфолькъ было облегчено: ее и прочихъ манѣе компрометированныхъ личностей осудили на тюремное заключеніе; но главнымъ виновникамъ не было оказано никакого милосердія.

Королева, Леди Роульфордъ, Кулепацперъ, Дергамъ и Манокъ были обезглавлены въ одинъ день въ Товеръ - Галлѣ. Они перешли въ вѣчность такими же низкими, какими были при жизни.

Вслѣдъ затѣмъ стали изыскивать способъ предохранить короля отъ подобнаго удара судьбы. Парламентъ до Франклина, озабоченный возможностью отвратить такого рода несчастіе, обнаружилъ рѣшеніе—считать государственными преступниками тѣхъ, кто, зная невѣрность королевы, немедленно не донесетъ о ней. Другой статьей присуждалась къ смерти дѣвица, утратившая свою непорочность и осмѣлившаяся выйти за короля. О такой контрабандѣ до того времени никогда не говорилось. Такъ какъ въ Англии, въ видахъ обогащенія законодательнаго сборника, законы не отмѣняются, то статутъ 1541 г. существуетъ и теперь.

Злые языки говорили, что Генриху VIII, чтобъ избѣгнуть недоразумѣній лучше бы жениться на вдовѣ, но онъ имѣлъ уже это намѣреніе.

Екатерина Парръ.

Вдовѣвъ въ пятый разъ, Генрихъ VIII имѣлъ только пятьдесятъ лѣтъ, но страсти сдѣлали изъ него преждевременнаго старика. Тучный, совсѣмъ сѣдой, съ глубокими морщинами, онъ жестоко боролся съ своимъ возрастомъ. Одрахлѣвшее, тяжелое тѣло его представляло рѣзкую противоположность съ претензіей на безконечную юность.

Едва успѣвъ онъ предать Екатерину Говардъ суду, какъ занялся разсматриваніемъ Европейской карты и генеалогіей знаменитѣйшихъ флорид Англии съ цѣлю избрать себѣ

жену, выборъ которой могъ бы оказаться счастливымъ предъ известующихъ, принесшихъ ему горькое разочарованіе.

Въ этотъ свободный отъ брачныхъ узъ промежутокъ, онъ занялся догматическими правилами, политикой и войной, а также и принсканіемъ невесты своему сыну, только что отнятому отъ груди. Принцу Галльскому, въ послѣдствіи Эдуарду VI, минуло тогда два года, супруга, избранныя для него, была никто другая, какъ только что родившаяся Марія Стюартъ, у которой никогда не было недостатка въ женихахъ и обожателяхъ.

Около этого времени умеръ Яковъ V, король Шотландіи. Единственнымъ притязаніемъ этого умнаго и блестящаго государя было считаться отномъ своихъ подданныхъ.

Многіе изъ нихъ могли такъ назвать его и не въ метафорическомъ только смыслѣ; но плодородность этого государя никогда не могла пополнить всѣхъ жертвъ, изъ гугенотовъ, изжаренныхъ и повѣшенныхъ по его приказанію.

Нелишнимъ при этомъ вспомнить слѣдующій эпизодъ изъ жизни Якова V: онъ женился на Маріи Лоренъ послѣ смерти своей жены, нравственной и прекрасной личности, которую онъ нашелъ возможность, безъ ея вѣдома, рассмотреть съ ногъ до головы до полученія ея руки. Не смотря на легкость нравовъ XVI вѣка, такой случай выходилъ изъ ряда обыкновеннаго, но у Якова V была своя поэзія; онъ десять лѣтъ искалъ идеала и наконецъ нашелъ его. Влюбиться заочно или въ портретъ женщины было бы не въ духъ этого государя. Марія де Лоренъ, вторая супруга его, не подвергалась подобному осмотру, изъ котораго бы ей невозможно было выйти со славой; красота ея дочери была плодомъ воспоминанія Якова V о прелестной женѣ его Маделенъ, постоянно имъ обожавшей. Это было прелестной и рѣдкой прихотью природы.

Яковъ V, отважный по природѣ, переплывъ море для свиданія съ Францискомъ I-мъ, прогуливался однажды утромъ по парку въ Фонтенебдо, въ простой жакеткѣ, накинутой на охотничій костюмъ, въ пледъ и шапкѣ изъ клѣтчатой матеріи съ рогомъ изъ Ливольца, повѣшеннымъ на ремѣнь чрезъ плечо. Прогуливаясь, по своей шотландской привычкѣ, въ такомъ

костюмъ, онъ дошелъ до сосноваго сада и вывелъ разговоръ со сторожемъ этаго оазиса, отцемъ, вѣроятно, хорошенькой дочери.

— Здравствуй, мой милый.

— Мое почтеніе, господинъ, — но позвольте узнать кто вы? Боже, какъ вы похожи на шотландскаго короля, котораго я видѣлъ, какъ онъ вѣхалъ верхомъ возлѣ нашего государя.

— Ты былъ солдатомъ?

— Да, господинъ, т. е. государь.

— У тебя на лицѣ шрамъ. Гдѣ ты былъ раненъ?

— При Пави, подлѣ маршала Фуа Лескена, умершаго на моихъ рукахъ.

— Короли тоже солдаты. На, выйди-ка, товарищъ.

— Ахъ, государь, я не посмѣю.

— Ну, полно... ты гордишься передо мной, что я не имѣлъ счастья быть при Пави. Дворцовый ключникъ позаботился наполнить мою фляжку. За твое здоровье, мой храбрый товарищъ, да здравствуетъ король Франціи!

— Во славу вашу, государь, да здравствуетъ король шотландскій!

— Какъ прелестенъ этотъ сосновый гротъ, можно ли осмотрѣть его?

— Да, государь, но поторопитесь.

— Зачѣмъ? О, какое прелестное мѣстечко. Какъ милы эти фестоны изъ плюща и этотъ бассейнъ формы морской раковины!

— Сюда приходятъ купаться всякое утро... О Боже! да вотъ она и входитъ... государь, скройтесь, какъ можно скорѣе.

— И по вашей милости потеряю мѣсто и голову.

— Возьми этотъ кошелекъ и убирайся. Вѣдникъ-садовникъ отправился считать свое золото и дѣлать завѣщаніе; ему, пожалуй, остается только нѣсколько часовъ жизни. А между тѣмъ, волокита-монархъ, спрятавшись за кустомъ желтзника, притаился, какъ ягуаръ... за тѣмъ раздался легкій шумъ, она вошла въ воду... вода такъ прозрачна... воздухъ такъ ароматиченъ... Самыя знаменитыя принцессы въ такомъ же видѣ купаются, какъ и простые смертныя... Нашъ король, какъ

заслужилъ, но не индифферентности востановившаго вкуса, отдался подробному разсмотрѣнью красавицы, такъ что даже не упустилъ изъ виду родимаго пятнышка надъ лѣвой грудью. Приключеніе осталось, конечно, тайнѣ, и слухъ о немъ распространился только много лѣтъ спустя, когда заинтересованныхъ лицъ уже давно не стало. Яковъ V, изъ деликатности, чтобы не навлечь ни малѣйшаго подозрѣнія на своего невиннаго сообщника, разсказалъ, что храбрый крестьянинъ спасъ ему жизнь на охотѣ въ борьбѣ съ разъяреннымъ кобаномъ; ничего, впрочемъ, не было бы удивительнаго, если бы августѣйшій гость свадилъ свою проказу на стараго солдата, равнаго на войнѣ.

Шотландскій король поспѣшилъ поправить свои проступки; прося у Франциска I-го руки его дочери. Восемь дней, спустя послѣ этой счастливой продѣлки, прекрасная Маделена была шотландскою королевою и отправилась на кораблѣ въ свое новое государство, гдѣ она вскорѣ скончалась. Гонзартъ воспѣлъ ее въ слѣдующихъ стихахъ:

La belle Madelaine, honneur de chasteté,
A peine de l'Ecosse avait touché le bord,
Quand, au lieu d'un royaume, elle y trouva la mort.

Супругъ любилъ ее такъ чистою любовью, что даже никогда не разсказывалъ ей о сосновомъ гротѣ. Мало найдется государей, даже изъ числа тѣхъ, кому водвинуты бронзовые монументы, чтобы въ исторіи оставили такую хорошую страничку.

Перя вернуться къ англійскому царю; мы его оставили освобожденнымъ принцемъ, себѣ жены, но другимъ образомъ чѣмъ было это съ Яковомъ V, какъ сейчасъ было разсказано. Когда, наконецъ, онъ думалъ, что нашеть желаемое, то призвалъ приврата Браммера и сказалъ ему съ восторгомъ якимъ-то замѣтнаго частнику золота на днѣ своего плавленнаго:

— Господины архієпископы, объявлю вамъ о своей женитьбѣ.

— А! воскликнуль въ удивленіи прелаты, удостойте, государь, радѣвать со мною своею радостью.

— Наконецъ, я встрѣтилъ женщину, какую желалъ найти: добродѣтельную, какъ Екатерина Арагонская, прекрасную, какъ Иоанна Сеймуръ, ученую, какъ Эразмъ, пройвленную самыми здравыми идеями по части религіи и знакомую съ богословіемъ...

— Если, ваше величество, дозволитъ Крамеръ, вы мнѣ дѣлаете эту несказанную честь своимъ довѣріемъ, то осмѣлюсь ли спросить о имени принцессы, будущей нашей королевы?

— Она не царскаго происхожденія. Вы ее знаете. Я недавно слышалъ васъ разговаривающимъ съ нею; солидное образованіе и умъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, выказанные ею при избранномъ обществѣ, убѣдили меня въ ея достоинствахъ.

— Я никого не знаю изъ придворныхъ дамъ, исключая Леди Летимеръ, которая бы обладала рѣдкими качествами, только что исключенными.

— Да, это на самомъ дѣлѣ она.

— Выборъ вашего величества, во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Она—олицетвореніе добродѣтели, учености, ума и граціи.

— Оправляйтесь въ башню и прикажите приготовить комнату, гдѣ королевы помѣщаются наканунѣ ихъ коронаванія; я хочу, чтобъ эта церемонія немедленно совершилась.

Екатерина Парръ происходила изъ семьи, принявшей реформатскую религію. Она была вдовою Лорда Летимера и носила также имя того Верчестерскаго архієпископа, который ей кость скарвалъ одному изъ товарищей своихъ, замѣтивъ, что тотъ блѣднѣетъ: „будь человѣкомъ Ридлей, сегодня воскресеть отъ насъ свѣтъ неугасимый“.

Генрихъ въ минуты сознанія своихъ грѣшковъ, происшедшаго отъ потери силъ и болѣзни — предвѣстниковъ рокового дня, оцѣнилъ свою послѣднюю подругу жизни. Разъ отъ боли

въ ногѣ оны лежали въ постели и видѣли постоянно королеву у своего изголовья. Его дурное расположеніе духа и физическія страданія смягчались заботливостію, умомъ и богословскими познаніями его супруги.

Но, раздражительности его не было предѣловъ. Однажды, посѣтивъ Оксфордъ, оны приказалъ выслать ректора профессора и учениковъ, упорно отказывавшихся усвоить его провозглашеніе греческаго языка. Что же касается теологическихъ вопросовъ, слѣдующій примѣръ познакомятъ насъ съ аргументами, къ которымъ оны прибѣгалъ, когда пренія принимали оборотъ въ разрывъ съ его взглядомъ.

Нѣкто Ламбертъ, учитель одной изъ лондонскихъ школъ, будучи посаженъ въ тюрьму за безнравственныя идеи, но въ послѣдствіи выпущенъ оттуда несколько не исправившимся, продолжая пропагандировать противъ догмата пресуществленія. Выданный докторомъ Тейлоромъ, оны явился предъ Крамеромъ и Гугомъ Летимеромъ и, не согласившись съ ними во мнѣніяхъ, сказалъ, что вызываетъ напревіе самого короля. Генрихъ, въ восторгѣ блеснуть въ борьбѣ съ ораторами, принявъ вызовъ, Амфитеатръ для нѣсколькихъ сотенъ зрителей былъ приготовленъ въ Вестминстеръ-Галлѣ, и наконецъ, назначенъ былъ день и часъ турнира на словахъ.

Въ назначенный часъ, монархъ со всевозможными царскими знаками отличія, сѣлъ на тронъ, приготовленный на возвышенномъ мѣстѣ. По правую руку, немного ниже, помѣстились архіепископы, по лѣвую — бароны. Позади предаторъ сидѣли члены духовенства, магистратуры и судебной корпораціи; вѣрныя дѣры, дворяне и избранѣйшее населеніе Лондона. Глубина залы была наполнена толпою любопытныхъ — всѣхъ классовъ. Наконецъ ввели школьнаго учителя.

Засѣданіе было открыто архіепископомъ Чичестерскимъ. Въ длинной рѣчи оны объяснилъ причину и цѣль общаго созванія. Поднявъ, представительный, оны, говорилъ высокопарно и согласно обстоятельствамъ, рѣчь его дилась медоточиво, то баястала нишурнымъ ораторскимъ краснорѣчіемъ. Корона, привыкшая къ похваламъ, была удовлетворена, и по окончаніи

торжественной рѣчи, Ламбертъ получилъ приказаніе изложить его идеи. Недагогъ удалился съ замѣчательною ловкостью для чловѣка, всегда враждавагося до того въ скромной своей дѣятельности. Пыльное, убѣдительное слово слило въ одну цѣль его разсужденія; для судей менѣе предубѣжденныхъ оно послужило бы извиненіемъ во всѣхъ его заблужденіяхъ.

Краммеру нивѣнило его обычное краснорѣчіе, онъ пробовалъ опровергать его; но вялая фразеологія подрывала его почву и соперникъ поднялся во мнѣніи публики.

Король; тяготясь молчаніемъ, думалъ, что наступилъ и для него моментъ говорить, онъ не намѣревался быть только зрителемъ состязанія постороннихъ. Уже съ часъ онъ какъ бѣшеннй конь грызъ свою узду, раздражаясь, отъ всего слышаннаго и оскорбляясь сатирическою снисходительностію къ себѣ, и нетерпѣливо ожидалъ аплодисментовъ.

Не пускаясь въ разсмотрѣніе насколько справедливы, или лживы были доводы, которыми онъ опровергалъ или поддерживалъ спорные пункты, нельзя не отдать справедливости его рѣчи, выработанной долгимъ размышленіемъ и сказанной съ ясной дикціей и апломбомъ ученаго. Священное писаніе, отцы Церкви, соборныя постановленія, толкованія церковныхъ учителей снабдили его множествомъ максимъ, судебныхъ показаній и вообще доводовъ, которые поражали, убѣждали и покоряли слушателей. Величіе званія, угрозы, ясно выражавшіяся во взглядѣ, довершили успѣхъ его краснорѣчія и, наконецъ, онъ окончилъ рѣчь вопросомъ своему антагонисту, каково его мнѣніе о присутствіи самаго Иисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи.

Ламбертъ возразилъ; но удивленіе, необычайность положенія, ропоть, утомленіе, аплодисменты соперникамъ навели на него робость. Языкъ сдѣлался какъ связанный, онъ смутился, говорить невнятно и слабостію аргументовъ довершаетъ свое пораженіе.

Краммеръ, замѣтивъ его неудачу, тотчасъ старается отыграть потерянную имъ передъ этимъ партію, за нимъ торопятся добиться той цѣли Гардинеръ, Тонстель и Стокслей. Двадцать другихъ еще лицъ встаютъ противъ побѣжден-

наго, всѣ въ одинъ разъ, безъ милосердія. Въ этомъ дѣлѣ подлости не было ни одного школяра, какъ сказалъ Жанъ-Жакъ монсеньеру де Бомонтъ, который бы не искалъ случая нанести ему послѣдній толчокъ ногой.

— Наконецъ, воскликнулъ король, хочешь ты жить или умереть?

На этотъ язвительный, проникнутый злобой аргументъ, атлетъ выпрямился и съ высоты своего роста и гордости превратился уже въ мученика. Онъ смѣрился короля спокойнымъ взглядомъ чловѣка, обрѣченнаго на апостольство и отвѣчалъ:

— Располагайте моимъ тѣломъ, душа же моя не въ вашей власти.

— Если такъ, ты умрешь презрѣнный еретикъ!

Всѣ присутствующіе содрогнулись отъ ужаса. Чтобы наказать за двойное преступленіе, ересь и оскорбленіе величества, рѣшили, по примѣру Калигулы, чтобъ великій преступникъ умералъ сознательно, и потому хотѣли надъ нимъ измѣрить возможность чловѣческаго терпѣнія. Огонь для сожженія его былъ направленъ такимъ образомъ, чтобъ обугливая колѣна и мягкія мѣста оставлять туловище неприкосновеннымъ, давая головѣ полную возможность прочувствовать всю остроту мукъ. Агонія, продолженная съ искусствомъ—достойнымъ лучшей цѣли, замѣдляла исходъ души изъ тѣла. Падачи, стоя въ бездѣйствіи, казалось, въ первый разъ жизни понимали, что можно быть тронутымъ посторонними страданіями и, не смѣя послушаться приказаній судей, они, однако, теряли присутствіе духа продолжать мученія.

Стражи не могли выносить крика, стоновъ и конвульсій страдальца. Но жалость къ нему взяла верхъ, они приподняли изувѣченное туловище аллебардами и бросили въ пламя, всепожирающая сила котораго была благодѣяніемъ для осужденнаго, онъ молилъ о немъ небо.

На чемъ бы остановились эти злодѣйства? Кто могъ быть увѣреннымъ, что избѣгнетъ ихъ, даже супруга короля, не могла ручаться, какъ бы ни была любима, уважаема и достойна уваженія?

Екатерина въ поведеніи своемъ была крайне осмотри-

тежна, она окружала таковыя нѣжныя и усядчивыя заботы своего мужа, страдавшаго жестокииъ недугомъ, что могла надеяться быть неприкосновенной, но она ошибалась.

Разрушительныя инстинкты Генриха VIII, какъ мы видѣли изъ всего предшествующаго, развились отъ злодѣйской рѣшимости его пролить кровь молодости и красоты. Анна Аскверъ, супруга одного дня, пользуясь незапятнаннымъ именемъ, что было главнымъ ея преимуществомъ, увлеклась духоиъ времени и высказывала въ разговорахъ свое мнѣнiе противъ догмата пресуществленiя, слова эти были переиначены, а въ нѣсколькихъ письмахъ ея, перехваченныхъ врагами, говорено было о доктринахъ подозрительнаго свойства. Неосмотрительность возраста и пола и другiя облегчительныя причины послужили только къ вышему раздраженiю противъ нея, тѣмъ болѣе, что знали ея дружескiя отношенiя съ многими придворными дамами и съ самой королевой.

Она была посажена въ тюрьму и Вриотеслей допрашивалъ ее. Эти хитрые инвизиторы не въ состоянiи были добиться отъ нея именъ сообщниковъ (сообщниковъ молодежькой двадцатилѣтней женщины и въ такой пустой винтѣ!) и продолжали допросъ. Мучитель получилъ приказанiе пустить въ ходъ щетки (притиснуть турникетъ), но отказавшись повиноваться далъ канцлеру урокъ челоуѣволюбiя; послѣднiй же, фанатически усердный, такъ сильно прижалъ винтъ машины, что несчастную полагали уже четвертованною. Вывихъ членовъ не позволялъ держаться на ногахъ, ее повесли на носилкахъ къ костру. Священникъ, дворянинъ и портной (найденыиъ сообщники) послѣдовали ея участи. Когда они были прикованы къ столбу, имъ объявлено было помилованiе. Но глубокая душевная скорбь, энтузиазмъ къ собственной вѣрѣ, наконецъ восторженное участiе толпы, все обѣщало имъ мученическiй вѣнецъ и заставляло ихъ отказаться отъ такого милосердiя и предпочесть смерть. Пока зажигали огонь, они поддерживали другъ друга увѣщанiями и пѣлииъ псалмовъ.

Ходатайство королевы за своего друга, очень естественное съ челоуѣческой точки зрѣнiя, было перетолковано, какъ соучастничество съ еретиками. Гардинеръ и Вриотеслей возбу-

днем Алессандро Савоко половецкая, и ожесточили его противъ благодетельной супруги, ничего о томъ не подозревавшей. Они внушили ему, что истинная вѣра компрометирована, и король, всегда порывистый, приказалъ немедленно возложить обвинительный актъ.

— Чтобъ вѣроятно было вѣрнѣе, что я не потерплю никакого нарушенія невинной вѣры. Головы тѣхъ, кого высота положенія возвышаетъ надъ всеми и освобождаетъ отъ всякаго людскаго вѣда, должны добровольно преклоняться передъ невинной вѣрой, если не хотать, чтобъ строгость закона насильно согнула ихъ. Согласіе королеви, заявленное ею, есть, по моему мнѣнію, вѣтвоступленіе. Я требую, чтобъ она была приведена въ парламентъ. Слышите, Вриотеслей.

Канцлеръ на всякое дурное дѣло былъ крайне исполнителенъ. Онъ провелъ ночь въ составленіи своего предложенія и на разсвѣтъ только кончилъ свою подлую работу. Около двѣнадцати часовъ, королевская чета прогуливалась въ своемъ паркѣ, какъ вдругъ Вриотеслей явился съ 40 полицейскими солдатами, чтобъ арестовать королеву.

Но надо объяснить, что случилось накануне. Екатерина была предупреждена о заговорѣ противъ нея. Размысливъ хорошенько и, однако, не смѣя ни съ кѣмъ посоветоваться, потому что при этомъ дворѣ—надо было опасаться своей тѣни, она пошла къ своему мужу, взявъ на себя видъ полнѣйшей безопасности; выраженіе ея лица было, по обыкновенію, ясно, граціозно—спокойная и строго скромная. Она спросила о состояніи здоровья супруга съ той цѣлительной заботливостію, на какую только способна одна женщина, потомъ о средствахъ, предписанныхъ къ восстановленію его; хвалила докторовъ, преувеличивая действительность медикаментовъ, льстила его надеждѣ на скорѣйшее выздоровленіе, ссылалась на неисчерпаемую его твердость и богатство жизненной силы. Затѣмъ перешла къ другимъ предметамъ, употребивъ весь свой умъ и вѣрачную способность говорить; но всѣ предвѣтренныя пробылки были только къ тому, чтобъ заставить короля перваго заговорить о серьезныхъ вопросахъ. Она была увѣрена, что добьется этого. Онъ, точно, не замедлилъ начать разговоръ на

желаскую тему, включая намеки на процесс Анны Аскеръ, съ соболѣнованіемъ выражалась о томъ, что ея женихъ нашла поддержку въ лицахъ выше всѣхъ поставленныхъ; потомъ, распространился объ опасности отторженій съ членами еретическихъ обществъ и, наконецъ, прямо вызвалъ королеву на объясненіе и спросилъ ее, что она думаетъ о догматѣ пресуществленія прибавивъ, что онъ весьма радъ случаю съ ней поговорить объ этомъ.

Но лъву пришлось попасть въ сѣти голубя.

Тогда она, неопытная, скромная и покорная, ероникнутая чувствомъ глубочайшаго почтенія къ королю, вѣрившему во всемъ ея путеводителю, торжественно вѣлялась, что главной ея заботой было всегда согласоваться съ взглядами и мнѣніями супруга, который по своему генію и знаніямъ есть свѣтлѣннѣе вѣри. Она говорила, что никогда не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія въ его неогрѣшимости; легкія пренія, вызванныя ею, заслуживаютъ извиненія, потому что происходятъ отъ желанія невинною хитростію вызвать уясняющія возраженія для большаго подкрѣпленія ея въ правдахъ ихъ общей вѣры. „Я никогда не понимала, говорила она, дерзкой брѣбни королевы Сабо съ Саламономъ, ни притязаній на мужественность Филястрисы и ея амазонокъ, ни Сафо — црофанярующей азмыкъ поетовъ, ни Клеменція Изоръ, которая, позабывъ женскую скромность, публично раздвигала адептамы веселой науки фіалки, шиповникъ, ноготки золотые и серебряные амаранты. Еслибъ судьба не дала мнѣ высшаго положенія надъ всѣми, я выбрала бы участь римской матроны и какъ она убѣгала бѣ свѣтскаго блеска, довольствуясь скромнымъ счастіемъ Гинекея, не имѣла бы другихъ радостей, какъ тѣхъ, что дозволилъ бы мнѣ имѣть супругъ; гордилась бы его успѣхами и его славой и благодарила бѣ Бога за отраженіе этой славы на меня.

— Ради Пресвятой Дѣвы! Екатерина, мое дорогое сердце, воскликнулъ король, обнимая супругу въ сердечномъ наліаніи, ты говоришь, какъ Златоустъ. На твоихъ плечахъ одинаково хорошо была бы мантия Кембриджа, какъ и королевская. Я счастливъ видѣть въ тебѣ идеи, согласныя съ моими. Ты мо-

жизнь, болѣе чѣмъ когда нибудь, расчитывать на мою не-
вѣрность и вѣроизмѣтельность.

Неожиданное похищеніе Брютессея застало ихъ на этомъ
разговорѣ.

Можно себѣ представить до чего они были пораженъ,
когда Генрихъ бросился на него, какъ разъяренный быкъ,
пораженный осипавъ его бранью, выгнать его, какъ лжеца,
запретивъ навсегда являться къ нему на глаза.

Бѣднякъ убѣжалъ, весь дрожа, въ ушахъ у него былъ
погребальный звонъ всѣхъ лондонскихъ колоколовъ.

Другое испытаніе было впереди для королевы.

Судьба Анны Клевъ послѣ развода была извѣстна. Съ этой
эпохи она жила въ совершенномъ забвеніи у всѣхъ; лицъ,
посѣщавшихъ ее было очень мало. Но вдругъ она оставила
свое уединеніе, начала требовать, чтобъ званіе ея считалось
равнымъ званію принцессъ Маріи и Елизаветы. Тѣмъ вышед-
шая изъ Вестминстерскихъ склеповъ не произвела бы большого
удивленія, чѣмъ подобное воскресеніе. Удивленіе это еще болѣе
усилилось, когда король, по исполненіи долга вѣжливости,
становился съ каждымъ днемъ къ ней внимательнѣе. Какое
открытое и обширное поле для заключеній, надеждъ и оми-
сеній при такихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ! Въ минуты
откровенности и безразсуднаго увлеченія, надъ которыми драж-
лостъ его также мало брала верхъ, какъ прежде молодость,
онъ упрекалъ себя въ первомъ рѣшеніи. Онъ находилъ, что
ошибался, говоря, что Гольбейнъ слишкомъ польстилъ ей и
сожалѣлъ, зачѣмъ уничтожилъ тотъ драгоценный портретъ.—
Она знала теперь превосходно англійскій языкъ, и произноше-
ніе ея было прекрасно. Умъ ея, развившись отъ пристальнаго и
усерднаго изученія наукъ, уничтожилъ германскую флегму.
Наконецъ покорность внушила уваженіе.

Анна Клевъ не безъ тайнаго удовольствія смотрѣла на
неожиданное возвращеніе къ себѣ чувствъ короля, умъ ея,
подстрекаемый счастьемъ, возвышалъ ея прелесть, до того не-
извѣстна.

Благоразумная Екатерина долго не замѣчала этого сопер-
ничества. Первое, что возбудило ея подозрѣніе—былъ разго-

дору, единственый ея сирмакамъ, гдѣ слово: «король», неко произнесенное, упоминалось нѣсколько разъ. Любопытство подстрекало ея увнать, отчего такъ часто говорилось о ней; канцлеръ былъ принужденъ отвѣтить, что рѣчь шла о королѣвѣ Аннѣ Клевѣ. Король привыкала въ разговорахъ дупотрѣблять слово «королева», не называя Анны или Екатерины, предоставляя догадливости или случаю распознать о комъ онъ говоритъ, что приводило часто въ смущеніе того, къ кому оны удостоивалъ обратиться съ разговоромъ.

Любопытное вѣднще представляли эти двѣ женщины, начинавшія кокетничать, когда другія перестаютъ уже этимъ заниматься. Казалось, что оны въ первый разъ, въ тридцать лѣтъ, спросили себя, хороши оны или нѣтъ и, снѣденыя желаніемъ быть какъ можно лучше, осмаривали другъ у друга это первенство: одна, чтобъ сохранить за собой право настоящаго подожненія, — другая, чтобъ возвратитъ утраченныя ея права. Каждая изъ нихъ находила основательными свои притязанія: Екатерина, опираясь на обладаніе короной, а Анна на несправедливое похищеніе этой короны. Обѣ оны были богющны многосложности ощущеній, оживившихъ въ нихъ, подобно Пигмалиону, отъ дуновения любви.

Но для утеминагаеся жизнию султана кажда радость терзаетъ два сердца! Умирающій, оны чувствовалъ, что жизнь къ нему возвращалась, когда носилъ чистыхъ, святыхъ супруженыхъ откошеній; оны отдавался волненіямъ не совѣтъ по-свердительнаго свойства. Для придворныхъ какое недоумѣаніе! Какъ угодитъ капризамъ короля? Какъ сохранять равновѣсіе на почвѣ подземнаго вулкана?

Но одинъ интереснй процессъ далъ другой оборотъ теодоптвѣснмъ слорамъ, — оны навелъ страхъ на высшую аристократію и возволновалъ всю Англію.

Герцогъ Норфолькъ былъ значительною личностію. Оны былъ древняго рода Мовбрей, потомки котораго переродились съ Тюдорамъ; жена его, дочь герцога Вунингема, принадлежала къ роду Плантагенетовъ; ея двѣ племянницы были въ

родными, а дочь была замужемъ за герцогомъ Рандольфомъ, побочнымъ сыномъ короля. Во всей аристократіи не было знатнѣе происхожденія и болѣе сильныхъ связей. Юду приписывали честь Флоренскаго дня. Въ Гвинетатъ его конь встрѣтился съ конемъ Пренулла и Крека. Будучи лордомъ-лейтенантомъ Ирландіи, онъ устроилъ стремительный матажъ Онема. Подданные восхваляли его высадку въ Бретани, его побѣду въ Цигардіи, святеніе, распространеніе его войскомъ до самаго Париза, его прекрасное убѣжище, гдѣ онъ скрылся отъ герцога Вандомскаго, превосходныя силы котораго не могли его застичь, наконецъ, его замѣчательныя стратегическія движенія, записанныя въ военныхъ лѣтописяхъ. Самые важныя государственныя обязанности возлагались на него постоянно, а всемелыя его владѣнія увеличивались вслѣдствіе покушеній на наследство и царскихъ милостей. Кромѣ того природа щедро наградила его наружными преимуществами: высокій, стройный станъ и вся наружность обличала въ немъ человека, рожденнаго повелѣвать.

Въ эту эпоху не одинъ примѣръ былъ, что вассалы пренебрегали королями. Генрихъ VIII, не надѣясь поставить на ноги своего сына, страшился слишкомъ большаго могуществомъ, почерняющимъ всегда свою силу во время несовершеннѣйша вѣснѣданка. Что же лично касается герцога, то надо сказать, что свое присоединеніе въ англійскую вѣрѣ онъ признавалъ смирно наружнимъ, а въ истинномъ.

Его партизаны, рандѣля съ нимъ убѣжденія, напоминали о побѣдѣ его надъ католиками въ 1537 г. и о 70 часовняхъ, безъ процесса осужденныхъ на смерть; но мнѣніе публики рѣдко ошибочно, оно утверждало, что этотъ хроровый подвигъ былъ дѣйствіемъ его тщеславія, а не убѣжденій вѣри. Въ видѣ съ сильнымъ характеромъ: произленіе крайнихъ мѣръ происходитъ часто отъ совершенно противоположнаго направленія. Можетъ быть онъ и съ намѣреніемъ давалъ уразумѣть свои взгляды, приготовляясь, какъ въ послѣдствіи его внушъ, къ безрасудно-рискованнымъ поступкамъ? Прозорливые умы смотрѣли на него какъ на знамя католической партіи, и будущее оправдало ихъ мнѣніе. Нѣсколько лѣтъ спустя,

онъ былъ въ гнѣвъ, которые подвинули бракъ королеви Маріи съ Филиппомъ II, уничтожили нѣсколько поимтовъ къ возмущенію со стороны реформистовъ, между прочимъ и движеніе Томаса Віата, преслѣдовали протестантовъ, — и нивогой и даромъ слова и всѣмъ своимъ вліаніемъ служили Риму. Не вредъ, принесенный его поступками, этимъ не ограничился:

У герцога былъ сынъ, графъ Сюррей, превосходившій всѣхъ своихъ товарищей въ верховой ѣздѣ и въ военныхъ упражненіяхъ. Одинаково искусный, какъ въ дѣлахъ войны, такъ и политикѣ, свѣтской вѣжливости и храбрости, онъ изучалъ искусство и мало встрѣчалъ въ этомъ соперниковъ. Вдаваясь до излишества въ возлестство и романтизмъ, онъ предлагалъ отдавать первенство дамы сердца своимъ копьемъ на турнирахъ; въ дѣлѣ называлъ ее Геральдиной, и на рыцарскомъ своемъ конѣ носилъ ея цвѣта. Этотъ молодой герцогъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на игру, презирающій препятствія; онъ слишкомъ стоялъ далеко отъ трона, чтобъ нѣтъ возможность безъ преступленія достигнуть его, и слишкомъ близка, чтобъ не покушаться на него. Его отношенія къ кардиналу Колеру вывѣнны были ему въ преступленіе. Его равнодушіе ко всѣмъ менишкамъ, исключая одной, объ имени которой онъ такъ тщательно умалчивалъ, насколько враги его провѣдали это имя, и гербъ Эдуарда Исповѣдника (щитъ раздѣленный на четыре части) наводили на мысль, что касалъ либуль принцесса была дамой его сердца. „Геральдина никто другая, какъ старшая дочь короля, говорила шепотомъ его друзья, а друзья, желавшіе погубить его, громко разглашали подобное предположеніе.

Во всемъ этомъ было достаточно мотивовъ, чтобъ возбудить ненависть короля, не знавшаго границъ ни въ любви, ни въ ненависти; Разъ убѣдившись въ опасности для своей династіи отъ этого дома, онъ рѣшилъ уничтожить его.

Отецъ съ сыномъ были схвачены, лишены вѣнцѣ и заключены въ башню за двойное преступленіе — преданность къ папѣ и государственную измену. Палата общинъ, въ качествѣ судебнаго учрежденія, индифферентно относилась какъ къ арестамъ, такъ и къ облегченію участи подсудимыхъ, на

терия даже времени выставить доказательства и степень виновности въ фактахъ, указанных ей короной. Изъ угодливости она унижалась въ лицѣ Сюррея, котораго званіе депутата привело къ судебной ссѣмѣ. Король, узнавъ о смертномъ приговорѣ, съ проніей произнесъ древнюю поговорку: «тотъ кто любитъ боговъ, умираетъ рано».

Отель явился въ Верхнюю Палату, гдѣ онъ былъ членомъ. Двѣ женщины въ мищеніи донесли на него: герцогиня—супруга и любовница Елизавета Голландъ; одна за то, что бросила ее, другая—за свое униженіе.

Лорды, не смотря на усиленные приказы изъ Вить-Галла, затагивали процессъ; неизвестно, что было причиной,—необходимость ли соблюденія юридическихъ формальностей, отвращеніе ли къ жестокости, совѣсть ли, не дозволявшая имъ нанести собственной же своей рукой ударъ перству, а себя ли лишить безопасности на будущее время; вѣроятно, — что всё это имѣлось. Королю вѣзвили промедленія. Онъ приказалъ представить обвиненнаго въ Палату Общинъ, гдѣ безъ опасенія; конечно, присудили бы отца, какъ былъ присужденъ сынъ, къ смертной казни.

Норфолькъ непробовалъ было смягчить своего государя письмомъ; онъ въ немъ напоминалъ свои заслуги, возбуждая жалость, въ свой родъ; всегда безъ интереса преданный коронѣ, даже намекая на связи, напоминаше о которыхъ для него могло быть роковымъ. На просьбу не послѣдоважо отвѣтъ; Онъ написалъ другую, гдѣ, слушая вѣроломныхъ совѣтниковъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія. Такой безразсудный поступокъ не обезоружилъ, конечно, монарха, онъ вызвалъ въ немъ скорѣе опасенія, чѣмъ раскаяніе, и побудилъ его послать къ присяжнымъ эту грамоту, заключающую въ себѣ несомнѣнную виновность Норфолька, и тѣмъ вынудилъ ихъ къ утвердительному приговору.

Генрихъ VIII, во время этаго процесса, самъ боролся съ волей Высшаго Судьи, всегда видащаго сердца и всѣ тайныя мышленія и который одинаково съ другими призываетъ къ своему суду и королей. Приближеніе смерти обыкновенно смиряетъ людей, но его оно еще болѣе ожесточило. Этотъ

пала мертвецъ, прикованный физическими страданиями къ одаму; забывалъ ихъ, впадши, отдаваясь чувству места; его мысль была далеко отъ обращенія къ Богу, хотя онъ стоялъ уже въ предверіи гроба; онъ не жалѣлъ ничего, кромѣ возможности продолжать дѣлать вредъ. Приговоръ присяжныхъ Нижней Палаты оживилъ его умирающую физиономію; онъ безоглазательно приказалъ приступить къ приготовленіямъ къ казни, назначенной на слѣдующій день. Это было его послѣднимъ словомъ. Къ счастью для другихъ, почти тутъ же началась у него агонія. Герцогъ былъ спасенъ, но тѣмъ не менѣе оставался въ заключеніи во все продолженіе царствованія Эдуарда VI.

Вокругъ смертнаго одра толпились доктора, — ихъ наука и званенія оказались ничтожными, они обратились къ эмпиризму и чародѣйству; двѣ королевы, робкія и ревнующія другихъ женщинъ, огорченныхъ въ свою очередь лишиться возможности властвовать въ будущемъ; придворные, домогавшіеся послѣдней улыбки; министры, разговаривавшіе о государственныхъ дѣлахъ; фанатики, хлопотавшіе о религіозной строгости; интриганы высшаго и низшаго полета; прелаты скорбѣвшіе, что раскаяніе не поспѣло эту очерствѣлую душу. Всѣ еще льстили, но никто не посмѣлъ намекнуть умирающему о предстоящей скорой кончинѣ, опасаясь чтобъ новый законъ не имѣлъ предсказаніе о смерти государя въ преступленіе противъ величества. Эта кончина была отраженіемъ послѣднихъ минутъ императоровъ языческаго Рима.

Таковъ былъ конецъ этой драмы. Божественное правосудіе, въ продолженіе 40 лѣтъ терпѣло ея нечистоту, мрачныя и кровавыя перенетія.

николовну; они:справдливъ на счетъ станицы; съ обязанностию выслуживать въ пользу все употребленное на пашь; другія же станицы — а такихъ еще очень много — и теперь пользуются своими доволствами по старому, обычая, но потребности раздѣла совсѣмъ и въ нихъ, такъ, что есть надежда; гибельный обычай пользоваться землемъ свободно, скоро будетъ у насъ совершенно искорененъ. Въ нашей станицѣ земля (120 тыс. десят.) дѣлится между гражданами уже во второй разъ. Въ первый разъ она была раздѣлена въ 1865 году на 6-лѣтній срокъ. Въ нынѣшнемъ году срокъ этотъ кончился и граждане наши опредѣлили: раздѣлить землю вновь на 17 лѣтъ; каждому поселку дать надѣлъ по числу мужескаго вола, считая на каждого по 15-ю десятинамъ удобной земли. Поселки должны надѣлить 15-ю десятинами, всякаго съ 17-лѣтнаго возраста; малолѣтнимъ же, не достигшимъ 17 лѣтъ, землю не давать, а оставить ее при поселкѣ въ особомъ столбѣ и пользоваться на ней всему поселку: снать сютину, носить сѣно, можномъ часть и распахивать; и самое лучшее употребленіе, какое можно сдѣлать изъ этой земли — это сѣять на ней общественный хлѣбъ для закупа въ станицинѣ хлѣбный магазинъ. Поселокъ могъ бы и сѣять его и убирать. Когда же кто изъ малолѣтнихъ достигнетъ 17-лѣтнаго возраста, то его надѣлить 15-ю десятинами изъ этого запаса. Земля умершихъ и вдовъ, вышедшихъ въ замужество, должна оставаться при поселкѣ, чтобы ею надѣлять тѣхъ лицъ, которыя перейдутъ въ него на жительство изъ другихъ поселковъ. Вдовамъ бездѣтнымъ дать половину пая, вдовамъ, до 3-хъ дѣтей, полный пай, а вдовамъ, имѣющимъ 4-хъ и болѣе дѣтей, — два пая. Сиротамъ тоже: одному, двоимъ и тремъ — одинъ пай; четвернымъ и болѣе, — два пая. Изъ общественной земли отдѣлить три тысячи десятинамъ для пастбища конно-плодоваго табуна. Если послѣ надѣла всѣхъ гражданъ 15-ю десятинами, останется свободная земля, то она должна поступить въ общественное распоряженіе. Если этотъ раздѣлъ будетъ обществу почему либо негоденъ, то 17-ти лѣтній срокъ сократится на 10 лѣтъ. По прошествіи срока быть новому раздѣлу...

• Опредѣливъ все такимъ образомъ, граждане наши прислали

землепарты: в подражание его раздѣляли юртъ между поселенцами на участки. Платить ему условились по 1 коп. съ каждой десятины. Деньги эти должны были высылаться съ каждымъ платежомъ. Для присутствованія при наръкѣ назначено было отъ всей станицы: четыре депутата и, кромѣ того, отъ каждого поселка по два понятыхъ. Они должны были разводить границы, опредѣлять удобность и неудобность земли и наблюдать, чтобы раздѣлъ производился правильно и беспристрастно. При наръкѣ надѣла въ поселкахъ, не обходилось безъ споровъ и несогласій между ними. Главною причиною этихъ споровъ и несогласій было то, что у насъ населеніе расположено неравномерно по юрту: въ однихъ мѣстахъ оно густо, а въ другихъ рѣдко. Въдствие этого станица и мѣстѣ изъ поселковъ получаютъ землю въ двухъ мѣстахъ: тутъ же при мѣстахъ жительства и гдѣ нѣбудъ на незаселенномъ краю юрта, верстъ за 40 или 50.

Такъ какъ эту землю, за отдаленностію ея, пользоваться очень неудобно, то каждое изъ поселеній и старается или не получить ее совсѣмъ, или в получить, но какъ можно меньше. Справедливость требовала уравнивать всѣхъ, но этого сдѣлать не было никакой возможности и въ одному поселенію прирѣзывалось больше земли, а къ другому меньше. Только около одной четверти поселковъ нашихъ получили при жительствахъ отъ 8 до 12 десятинъ на душу, а остальные отъ 7 до 8 десятинъ даны имъ въ другихъ отдаленныхъ отъ жительства земляхъ.

Если въ мѣстности, отрѣзываемой какому либо поселку, находилась неудобная земля: песокъ, солонцы, яры, или ей-быки, то поселокъ объявлялъ объ этомъ избранникамъ отъ станицы депутатамъ. Они осматривали ее, опредѣляли степень ея неудобности и потомъ предлагали поселку принять ее въ половину или треть, т. е. каждую десятину за половину десятины или за треть. Если поселокъ соглашался принять ее на такихъ условіяхъ, то ему ее отрѣзывали, если же нѣтъ, то ее вырѣзывали отдѣльнымъ участкомъ. Такыхъ участковъ неудобной земли теперь у насъ нѣсколько десятковъ, заключающихъ въ себѣ тысячъ 14 десятинъ. Большею частію это си-

лучше лоси. Граждане наши хотѣли эту неудобную землю тоже дѣлить на два. На каждый пай придется по двѣ десятины изъ земли. На что они будутъ употреблять эту землю — неизвестно.

Дѣссакъ, получивъ надѣли свои, распориваются или те-перь равно. Одни дѣлятъ ихъ на три части, изъ которыхъ одну принимаетъ сиволабъ для малолѣтнихъ (изъ нихъ, какъ-вѣсно сказано, должны быть надѣлены малолѣтніе по дости-женію или 17-ти лѣтняго возраста), другая обращается подъ землей; сиволабъ называется бела, а третья дѣлится между се-вернополѣтними пашини. Этой послѣдней при посѣлкѣ бы-ваетъ отъ 5 до 10 десятинъ на каждую душу. Другіе же по-селки дѣлятъ землю только на двѣ части: одну подъ поваръ-свота, бѣгъ, а другую для раздѣла поровну на каждого па-влага; при чемъ дѣлятъ и малолѣтнимъ гдѣ золоту пай, а гдѣ и мелкий. Это крайне соблазняетъ всѣхъ имѣющихъ ма-лолѣтнихъ завязать въ чѣхъ поселкахъ, гдѣ на малолѣтнихъ отдѣляютъ особый столбъ; они требуютъ, чтобы и у нихъ столба этого не было, а были бы они раздѣлены и даны были бы малолѣтнимъ; но всѣ, не имѣющіе дѣтей, этому проти-вятся, и поэтому во многихъ поселковыхъ обществахъ идутъ шестеръ большіе споры. Такъ какъ въ одной семьѣ бываетъ иногда совершеннолѣтній только одинъ пашовой, а не совер-шеннолѣтнихъ пять или шесть, которые всѣ должны доволѣ-ствовать одному пайному совершеннолѣтняго, что для нѣхъ можетъ быть очень стѣснительно, то старичные наши прави-тели, обдумавъ это, вознамѣрились было на старичномъ сходѣ, восстановить пшѣкѣ малолѣтнихъ надѣлить по четыре деся-тины, остальныя 11 десятинъ отдѣлить въ особый столбъ. Куда же должны причисляться въ концѣ каждаго года и паш-нѣхъ умершихъ. Изъ этого столба время отъ времени доба-вляютъ по 11 десятинъ малолѣтнимъ, которые достигнутъ 17-ти лѣтняго возраста, а также и надѣлятъ 4-мя десятинами пшѣху кто родился вновь. Такъ хотѣли установить правители, но на сходѣ между гражданами оказался большой разладъ: одни кричали, что дать малолѣтнимъ по 4 десятины, а другіе не давать, а все отдѣлить особнякъ столбомъ. Властьствіе этого

приговорено каждому поселену отдавать нивы: угодное количество дастъ на налогѣтнику; а не ходитъ — не даетъ.

Каждый изъ гражданъ, выкупивъ землю своей нивы, дѣлается полнымъ его господиномъ и употребляетъ его по усмотрѣнію: одинъ обрабатываетъ самъ; другой отдаетъ въ наемъ; третій отдаетъ съ известной барозды или тѣмъ, напримеръ, что вырѣдній у него земля, пользуется ею, какъ хочетъ; а якому оудѣ и убираетъ десятину или около этого: какое либо хлѣба. Бѣтатные земледѣльцы, которые до раздѣла земли занимались земледѣніемъ въ большихъ размѣрахъ, имѣютъ возможность также и теперь вести дѣло. Охотниковъ продавать свои нивы насъ очень много, и они скупаютъ ихъ сколько угодно. Нѣкоторые изъ нихъ скупили нивы на весь срокъ раздѣла: заблаговременно до раздѣла еще, и нивы ихъ нараздѣли отдѣльными участкомъ.

За раздѣломъ всѣхъ гражданъ 15-ти десятинами нивы, у насъ осталось еще нѣсколько сотенъ удебной земли. Граждане приговорили отдавать ее въ аренду и деньги употреб-лять на общественныя нужды.

Г. Тимошенковъ жалуется на эгоизмъ казаковъ. Подобныя сѣвовагія понятны въ устахъ общинника; желаннаго болѣе правильно распредѣленія хозяйственныхъ выгодъ между членами своей общины и пишущаго подѣ впечатлѣніемъ барбара царей. Но въ доказательство слабаго развитія эриотическихъ чувствъ даже въ современномъ качествѣ можно указать на опверженное отсутствіе мысли о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки, между тѣмъ какъ для богатыхъ становителювъ главой раздѣла былъ бы несомнѣнно выгоду. И это понятно. Исторія представляла слишкомъ неблагоприятныя условія для развитія этихъ чувствъ. Частная посемельная ответственность была введена здѣсь правительствомъ лишь въ предѣломъ столѣтій, когда чиновникамъ были выдѣлены въ ихъ слѣдственное владѣніе участки земли, размѣры которыхъ обуславливались служебнымъ положеніемъ этихъ владѣльцевъ.

Что касается до отношеній къ постороннимъ, нужнымъ думать, то они отличаются враждебностью. Это объясняется изъ исторіей. Отношенія казаковъ къ сосѣднимъ государствамъ и народакъ съ самаго ранняго времени по необходимости должны

были бытъ: допривозивши Ся воевнами они вала почти безъ
 прерыванія войну и мирились (лицы для выкупа или обмена
 плѣнныхъ). Война со временемъ сдѣлалась для нихъ главнѣй-
 шимъ источникомъ средствъ существованія. Велась она съ
 такою же жестокостью, какъ и въ войну съ тушору. Но за-
 хвативши на войскахъ плѣнныхъ умерщвляли, однакожь,
 только въ тѣхъ случаяхъ, если не было возможности помѣ-
 стить ихъ на ладьяхъ. Плѣнныхъ, пойманныхъ на островѣ,
 гдѣ отъѣздъ Черкасскъ, невремѣнно убивали. Существовали,
 впрочемъ, нѣкоторые обычаи, которые уважались свято враж-
 дущими, даже во время самой свирѣпой войны и умѣряли
 снѣжестокость. Казаки заготовляли для своихъ стадъ на выку-
 пѣ сѣно, которое они оставляли среди луговъ; было условлено
 не въ какомъ случаѣ не жечь этого сѣна, и ни Крымцы,
 ни Азовцы, ни Ногайцы дѣйствительно не уничтожали его,
 тѣмъ болѣе, что казаки угрожали въ противномъ случаѣ около
 Азова все разорить. При разрывѣ мира съ Дону посылались въ
 Азовъ размирная грамота. Послѣ такого объявленія воинственныя
 дѣйствія могли быть открыты только по истеченіи трехъ дней.
 Постоянная война не мѣшала также казакамъ имѣть друзей
 между Азовцами, подобно тому какъ еще въ недавнее время
 казаки на Кавказѣ имѣли кунаковъ между враждующими съ
 ними горцами. Калмыки, приютившіе въ Задонскіи степи
 около 1650 года, напротивъ, не только не уважали никакихъ
 обычаевъ во время войны, но и въ мирную пору хватали каза-
 ковъ, скликали ихъ сѣно, угоняли стада и нередко разорили са-
 мѣе городки, и за это тѣ мстали имъ съ величайшею жесто-
 костью: поймавъ однажды нѣсколько знатныхъ калмыковъ,
 казаки привели ихъ къ хвосту лошадей и растаскали близъ
 Черкаска въ присутствіи калмыцкихъ вельможъ, предлагавшихъ
 выкупъ за каждаго плѣннаго по 200 и 300 лошадей.

Вообще въ сношеніяхъ съ посторонними людьми, прихо-
 дящими къ нимъ на время, казаки отличались недоверіемъ
 и подозрительностью. Послы, прибѣжавшіе изъ Москвы и изъ
 Константинополя, всегда окружались войскомъ; чтобы тѣ не
 могли узнать чего либо о дѣйствительномъ положеніи каза-
 ковъ. Даже запорожцевъ, постоянныхъ ополченцевъ, дои-

семья казаковъ, приходящихъ на Дону вѣчно, следовательно, они хотя и окучали почетомъ, но не пускали въ Черкаскъ въ большомъ числѣ, считая ихъ людьми непостоянными и никакимъ намъ не имѣя.

Но сравнительно съ запорожскихъ «товариствомъ» донское казачество отличалось все-таки несвободною замкнутостью. Въ запорожское «товариство», правда, какъ и въ среду донскаго казачества, вступали свободно всаки желавшіи, но во 1-хъ, они должны были быть необходимо православной вѣры; во 2-хъ, дать обѣтъ безбрачія, и въ 3-хъ, выдержать нѣкоторое испытаніе въ выносливости. Женщинъ запорожцы не допускали въ Свѣчъ совѣтъ, хотя бы то была мать или сестра. Никакихъ подобныхъ ограниченій на Дону не существовало. Такая замкнутость запорожцевъ объясняется постоянной необходимостью быть готовыми къ бою, изъ чего вытекала также и большая власть кошевыхъ и куренныхъ атамановъ сравнительно съ властью соответствующихъ начальниковъ на Дону.

XI.

Колонизаціонное движеніе русскаго народа въ Поволжье, первоначально заселенное финскими народами, началось въ самый ранній періодъ русской исторіи. Первыми поселенцами сѣвернаго Поволжья были новгородцы и «едва-ли имена финскихъ инородцевъ, призвавшихъ Варяговъ, не обозначаютъ славянскихъ колонистовъ» (Вестушевъ-Римнъ, О колонизаціи великорусскаго племени. Журн. М. Н. Пр. 1867, гл. 134). Сюда также должны были приходить переселенцы изъ Южной Россіи, спасаясь въ поволжскихъ лѣсахъ отъ частыхъ опустошеній половцевъ и разорительныхъ междоусобныхъ войнъ князей, сопровождавшихся перекочевкой князей изъ однихъ волюстей въ другія. Лѣтопись прославляетъ Юрія Долгорукова, какъ создателя городовъ Поволжской Руси, но несомнѣнно, что когда князья пришли на Волгу, здѣсь было уже русское и довольно густое населеніе. Народная память сохранила имена своихъ героевъ, которые пробивали чрезъ лѣса

Муравинъ, древнѣе русскія Брагиды, прикладываютъ мучъ, рубить дѣла, мостать мосты. «Нѣтъ, не князьями, князидло жить, почили въ васмедиіи славянскіи» племенемъ наиверо-сѣверо-востока, говорятъ с. Бѣстужевъ—Рюминъ; это дѣло народное и началось очень давно; князья помогали этому дѣлу, при-должали его, рубили города, то есть, очень часто укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ и такія же слободы ставили и на дружинники; въ эти слободы сходились сбродные люди, гулявше по московски, когда вслѣдъ былъ приискавъ нести службу или тягло, бродники по старому». Лѣтопись сообщаетъ болѣе и менѣе точныя свѣдѣнія о жизни князей, лишь иногда бросаетъ какую нибудь обмолвку о великой колонизаціонной дѣятельности народа, когда встрѣчался какой либо выдающійся случай. Однимъ изъ такихъ случаевъ представляетъ основаніе Новгородскими ушкуйниками въ 1174 году Ватской общины, существовавшей независимо отъ Москвы до Ивана III. Гораздо внимательнѣе слѣдила лѣтопись за дѣятельностью князей. Въ 1076 году верхнее Поволжье, подлѣ названіемъ Ростовской земли, переходитъ отъ Новгорода и становится волостью пятаго сына Ярослава—Всеволода Переяславскаго. Самъ Ярославъ въ началѣ XI вѣка построилъ здѣсь городъ Ярославль. Повидимому появленіе князей встрѣчено было не особенно дружелюбно здѣшнимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе что они несли съ собою христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые туземцы Ростовской области и даже „языку Славянскаго“ ушли и поселились въ Болгаріи, гдѣ они „ночевное житіе татарское, вѣры бессмернскія изволиша“ (Корсаковъ, Мера, примѣч. 63). Въ XIII столѣтіи основаны города Кострома, Юрьевецъ, Нижній Новгородъ (въ 1221 г.) и друг. Большая часть этихъ городовъ основывалась вѣрѣ слияніи рѣкъ и имѣли назначеніемъ, главнымъ образомъ, служить для защиты отъ нападений непріятелей: Новгородцевъ, Болгарь.

Нашествіе татаръ и утверженіе ихъ власти въ Поволжѣ и надъ Русью надолго остановили колонизаціонное движеніе русскаго народа на востокъ по Волгѣ. Монастыря, основанный Макаріемъ въ началѣ XV вѣка на лѣвомъ берегу Волги, противъ устья рѣки Судовака, подвергся вмѣстѣ съ жилищами

неделившихся в бытность их, крестити и соединяемому, разоретіи отъ Казанскихъ татаръ. Но колонизация правой нагорной стороны, до впадения Суры, на всей вѣроятности, продолжалась безостановочно. (Черетятковскъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ). Въ началѣ XV вѣка на рѣкѣ Сундовѣ уже существовало: Амуромъ съ московскихъ надѣловникомъ, Васильемъ III для защиты юго-восточной Казани, былъ основанъ при впадении Суры въ Волгу Васильевскій городъ.

Съ покореніемъ Казани въ половинѣ XVI вѣка колонизация Поволжья значительно усиливается. Въ видахъ поддержания порядка въ новозавоеванной области и подавленія постоянныхъ восстаній народовъ, вводимыхъ въ составъ казанскаго царства, въ XVI вѣкѣ были выстроены въ разныхъ мѣстахъ Поволжья нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ: Овянжскъ, основанный еще въ 1551 предъ покореніемъ Казани, Чебоксары, Конраискъ, Лямскъ (въ 1557 г.), Телюши и др.

Съ цѣлью обеспеченія служилыхъ людей и духовенства были розданы: землѣ въ помѣстья и вотчины. Распределение земель между служилыми людьми въ 1557 г. было произведено послѣ того, какъ Казанское царство, съ окончаніемъ смуты, пришло къ концу.

Для привлеченія населенія на эти земли прибѣгали къ тѣмъ же мѣрамъ, что и въ остальной Россіи: правительство предоставляло владѣльцамъ всякія льготы и привилегіи, которыми тѣ въ свою очередь старались привлечь на свою землю крестьянъ. Еще отъ XV вѣка (1476 г.) до насъ дошла одна грамота, въ силу которой Покровскому монастырю было предоставлено: «утлицкимъ княземъ, собирать слободу на сей (правой) сторонѣ Волги», при чемъ слобожане, привлеченные изъ другихъ княжествъ, были освобождены отъ податей на 30 лѣтъ, а «безвѣтные» на 10 лѣтъ (Черетятковскъ, стр. 115). Колонизация собственно Казанской области значительно отличалась еще тѣмъ, что здѣсь поселенцамъ не приходилось очищать почву отъ лѣсовъ, какъ на сѣверѣ, а садиться по многочисленнымъ пустымъ селамъ, оставшимся послѣ туземцевъ; частью истребленныхъ, частью бывавшихъ во время опустошительныхъ войнъ Ивана IV.

По известнымъ даннымъ Овянжскаго и Казанскаго уѣздовъ

(1686—87 г.) видно, однакожь, что не смотря на все эти выгоды русское население шло не охотно въ казанскую область, где оно попадаю неизменно въ тѣже условия, что и въ остальныхъ Россіи. Въ Свияжскомъ уѣздѣ въ 1568—67 за всѣми помѣщиками числилось всего 485 дворовъ, изъ которыхъ 34 двора (слободскихъ) не занимались земледѣліемъ, а въ Бѣлинскомъ всего 50 дворовъ. Кроме того на земляхъ дуконьскаго княжества числилось въ первомъ уѣздѣ 83 двора крестьянскихъ и 27 дворовъ непашенныхъ, а во второмъ 150 крестьянскихъ дворовъ. Недостатокъ населенія старались устранить тѣмъ, что поселяли пленныхъ: въ Ляшевскомъ посадѣ поселено было 180 „жалованныхъ“ полонниковъ, которымъ отведено около города Ляшева на каждаго по 4 четверти пашни и 14 копенъ сѣна (Перетятковичъ, 251—253). Надо замѣтить еще что въ числѣ этихъ жителей были и туземцы, хотя большая часть ихъ, судя по именамъ, были русскіе.

Послѣ Іоанна Грознаго московское правительство продолжаетъ строить города въ нагорной и луговой сторонахъ Волги (Цивильскъ, Уржумъ и Царевкопшайскъ) устраиваетъ сторожки для наблюденія за движеніями непріятелей (Ногаевъ). Народонаселеніе, хотя медленно, все таки увеличивается, причѣмъ переселенцы или присоединяются къ прежде основаннымъ поселкамъ или основываютъ новыя починки и деревни. Очень можетъ быть, что колонизація шла впереди царскихъ сторожекъ; по крайней мѣрѣ, по преданію, уже въ царствованіе Іоанна Грознаго стали появляться поселки въ нынѣшнемъ Свияжскомъ уѣздѣ, гдѣ ни городковъ, ни даже сторожевыхъ пунктовъ въ ту пору быть не могло еще. Особенно энергично принялось московское правительство за постройку городовъ послѣ того, какъ на Волгѣ стали усиливаться грабежи и разбои казачковъ, отъ которыхъ много терпѣли не только торговые караваны, но и послы. Еще при Іоаннѣ Грозномъ нападеніемъ на суда прославился Иванъ Кольцо. Главнѣйшими пунктами, гдѣ сосредоточивались преимущественно воджскіе казаки, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть здѣсь не только выходцевъ съ Дона, но вообще бѣгльцовъ изъ московскаго государства была мѣстность вблизи нынѣшняго Царицына

(Переволока) и Самарская Лука. Русский посолъ Семёнъ Матвеевъ, возвращавшійся отъ Ногайцевъ и захваченный въ плѣнъ турками, въ концѣ царствованія Юліана IV (1569 г.) говоритъ „о двухъ казачьихъ городкахъ на Волгѣ“ (Городскія населенія Россійской имперіи IV, 452 стр.).

Самарская Лука, наполненная довольно высокими горами, покрытыми густыми лѣсами и изобилующими естественными пещерами, представляла для казаковъ надежный и безопасный пріютъ, гдѣ они весьма удобно могли скрываться отъ преслѣдованій и всего лучше наблюдать за проходящими порѣжъ караванами. Небольшая рѣка Уса, пересекающая Самарскую дугу по направленію съ юга на сѣверъ, давала имъ возможность предупредить караваны, шедшіе по Волгѣ. Замѣтивъ съ вершинъ утесовъ появленіе ихъ, они на своихъ легкихъ челнахъ переплывали по Усѣ, переволакивались затѣмъ на Волгу и врасплохъ нападали на суда, которыми иногда и овладѣвали. Мѣстные жители и теперь еще указываютъ не мало становищъ, на которыхъ, по преданію, располагались въ быдлое время шайки различныхъ атамановъ, гулявшихъ по Волгѣ; между прочимъ въ нижнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской дугѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ и его товарищъ Иванъ Кольцо (Перетятковичъ, стр. 313). Для уничтоженія казачьихъ разбоевъ, а также въ видахъ защиты отъ вторженій Ногайцевъ, на преданность которыхъ нельзя было рассчитывать, весной 1586 года былъ устроенъ при впаденіи рѣки Самары въ Волгу городъ Самара. Съ послѣдней цѣлью въ то же время былъ выстроенъ еще городъ Уфа на рѣкѣ Бѣлой. Вслѣдъ за Самарой построены были на Волгѣ Царицынъ и Саратовъ. Тѣсныхъ свѣдѣній о времени ихъ основанія нѣтъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что Царицынъ выстроенъ въ 1589 г. Въ 1648 г. былъ основанъ Самбирскъ, а въ 1683 г. Сызрань.

Съ устройствомъ городовъ движеніе населенія по Волгѣ и торговля, оживившаяся послѣ присоединенія Астрахани въ 1553 г., должны были усилиться. Но заселеніе этой мѣстности земледѣльцами собственно началось только послѣ введе-

ния дробности прироста и постепенности драконов, для себя, въ периодъ, выходящій изъ круга такъ называемыхъ «Славянъ» только, что заселеніе это совершилось не по произвольной инициативѣ, а представляло собою близкое къ правительственному началу не посредственное волеизъявленіе градъ, а напротивъ старались вслѣдствіи «препятствій», покуда, затрудились наивно переселенцевъ въ степь. Прибавить еще, что послѣдствіемъ стачки поселенцевъ развивались въ то время послѣдовательности, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, населеніемъ которыхъ управлялась свободно отъ вѣнчанскія власти. Очеркъ установилась здѣсь волостная община съ захватными способамъ извѣрованія, а съ увеличеніемъ населенія ее зашла; общинное землевладѣніе съ передѣлами. (Обзоръ дѣйствій. Девятидесяти сельскаго хозяйства съ 1844—58, ч. III, стр. 56; и др.; Яковъ Соловьевъ, о поселеніи мѣстности въ Россіи. Отдѣл. Вып. 1888 г., т. 116).

XII.

Около 1577 года. Грозный выслалъ противъ «воровскихъ казаковъ», разбойничавшихъ на Волгѣ, ратныхъ людей. Рабитя ими ватаги казакодъ бросились въ разные стороны; однѣ къ Камѣ и Чусовой, другія—къ Тереку, третьи къ Яику, небольшая часть осталась на Волгѣ. Впрочемъ, поселеніе казакодъ на Яикѣ произошло лишь спустя три года послѣ описаннаго происшествія, около 1580 года *). Спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ ратныхъ людей, казаки долго укрывались въ густыхъ камышахъ устьевъ рѣки Яика. Для того, чтобы подвинуться далѣе вверхъ по теченію этой рѣки, имъ предстояло разрушить столицу Ногайцевъ, Сарайчикъ, лежавшій въ 60 верстахъ выше впаденія Яика въ море. Но нападеніе на сильный и многолюдный Сарайчикъ могли они предпринять лишь послѣ того, какъ къ нимъ присоединились новыя толпы выходцевъ. Этимъ объясняется бездѣйствіе казакодъ между

*) Лешинъ, Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казакодъ. Рабинна, Уральское казачье войско.

1577) похода, когда они бѣжали съ Волги на 1580, когда же словамъ некабала хана Урусъ обратившагося съ просьбой къ Царю, приволяя государемъ казаки сего общества въ Окрѣпчюю Обсервант. и Обсервант. Завѣдъ въ казаки; нафиниловъ вперёдъ по Яику; и послышавъ пригубитъ Орбинъ (Фубоний), она урочаща Орбинному; верстаны въ 40 миль; 80 вѣсто; вывѣннцо Уральска. Долгастъ въ 1769 году зашека; нещѣ слѣдн; око; щѣ; и саженовъ, принадлежавшихъ; она рассказавъ жителей прѣжнему городку.

Окруженныя: татарскими; населенныя; съ одной; стороны, съ другой—принужденныя; постоянно; ожидать; нападений; цар; скихъ; войскъ; сосредоточенныхъ; въ; Казани, Астрахани; и; многа; построенныхъ; городовъ; являе; казаки; жерѣ; рѣшнннцъ; признавъ; надъ; собою; власть; московскаго; правительствн; что; не; вѣзало; вннц; впрочемъ,; по; окрѣпчю; грабить; царскнн; послать. Правительство; должно; было; по; необходимости; вѣд; ствн; своей; слабости; и; въ; виду; отдаленнаго; положенн; каза; ковъ; относиться; снисходительно; къ; нхъ; внамъ; къ; тому; же, они; были; защитниками; границъ; государства.

Какъ велико было число первыхъ постоянныхъ поселенцевъ, остается неизвѣстнымъ, но, кажется, оно было незначительно. Въ челобитной поданной 16 июля 1767 года депутаты яицкаго войска между прочимъ говорили, что: „въ прошломъ и давнихъ годахъ прѣтвды и дѣды нхъ пришли и заселились по Яику рѣкѣ, вѣтнне; люди; собравшнсь, русскнѣ; съ; Дону; и; въ; нннхъ; городовъ, а; татары; изъ; Крыму; и; Кубани; и; изъ; другихъ; магометанскихъ; народовъ, челобнцъ; съ; сорожъ, кото; рому; нхъ; заселенню, влн; патѣ; же; на; Янкъ; рѣку; приходу, нннн; будетъ; гораздо; болѣе; двухсотъ; лѣтъ“ (Рябинннѣ; стр. 7). Кроме; донскихъ; казаковъ, кубанскихъ; татаръ; въ; отдаленннй; яицкнн; городокъ; стали; стекаться; толпами; крестьяне; спаса; шнсь; отъ; крѣпостнаго; права; и; раскола. Въ; 1734; году; ока; залося; при; перелнсь; 3,196; казаковъ. Въ; 1801; году; было; здѣсь; 14,618; чело; в; мужскаго; пола; и; 14,970; женскаго; въ; 1850; —; 64,761; чело; в; об; пола; въ; 1862; г. —; 82; тысячн; въ; настоящее; время; —; 113; тысячъ. По; мѣрѣ; увеличенн; насе; леннн; расширялась; и; территорнн. Такъ; какъ; въ; первое; время

отъ, спорившіе и пакатосъ: съ стороны итуркаго писавенія, ладьяи, втораго: начинались, тотчасъ же Сыртомъ: . . . . .
Полю: въ возрастаніи населеніи: одио: рыболовство: не могло уже
архоромъ: вѣхъ: жителей: часть: икално: необходимость, доходя
была: обратиться: къ: хлѣбопашеству: и: скотоводству, привлекъ
казалось: необходимыми: заводить: на: гаканъ: и: стаскъ: нашия
опредѣленныя: мѣщанскія: хутора: . . . . .

*) Необходимость охранять занятія землею заставляла казаковъ устраивать внутренніи дѣли. До начала настоящаго столѣтія, когда казенныя обязанности были съвѣтсво по низовьямъ Урала, внутри области (жилалихъ поселеній) не было. По обширности степанъ между Волгой и Яикомъ кочевали татары, башкиры и калмыки, къ которымъ подѣля: поменному: стали приходить: русскіи: поселенцы, селившіеся на казенныхъ пустошахъ: казенныхъ: земляхъ. Не имѣя: никакого: понятія: о: правахъ: собственности; население это, инакъ: хочено, таку: посидло, захватывало: всѣхъ: земель, на: маломъ: заботясь: о: дозволеніи: изъ: владѣнцямъ. Первое: же: столкновеніе: казаконъ: по: поселенцамъ: и: еще: болѣе: генеральное: именованіе, предпринято: по: просьбѣ: ихъ: самихъ: въ: началѣ: нынѣшняго: столѣтія, обнаружилось: странную: путаницу: въ: претензіяхъ: на: владѣніе: многими: дѣстами: территорій, которую: казаки: считали: своей. Споры: начались: запутанныя: тѣмъ: вѣзъ: границы: на: сушѣ: и: морѣ, которыя: не: окончены: еще: в: ко: настоящаго: времени *).

*) Что касается до вѣдшей исторіи Уральскихъ казаковъ, то она довольно однообразна и, подобно исторіи Дѣнскихъ казаковъ, состоитъ изъ набѣговъ, между которыми, по народнымъ преданіямъ, былъ особенно замѣчательный набѣгъ шайки Печелъ

*) Казаки основываютъ свои права на Уральскую область на грамотѣ дяди ихъ холопамъ Михаиломъ Федоровичемъ послѣ 1613 года, которой имъ предоставлялось право на владѣніе рѣкою Яикомъ, «съ судими при ней рѣки и протоки и со всими угольми, отъ вершинъ той рѣки и до устья съ дозволеніемъ собиратьъ на житье вольныи людыи». Но грамота эта спорна, еще до начала проваздъ областей, и потому она была выдана, предъ казакомъ, по словамъ генералахъ: ихъ: потомковъ, уронить: по: ногамъ. Впрочемъ: много: данныхъ, указанныхъ: Раббиннымъ: въ: его: книгѣ, подтверждаютъ: существованіе: грамоты, хотя de facto Яицкіе казаки никогда не владѣли Яикомъ «отъ вершинъ до устья».

на Хиву въ XVII столѣтїи (Рябовъ, Топографія Оренбургская, часть 2, стр. 73—75), въ стѣчекъ съ окружающими татарами, разбросанными однажды ихъ городокъ, вмѣсто котораго на другомъ уже мѣстѣ казаки выстроили Яицкѣ, теперешній Уральскъ, въ дѣятельнѣе участіе въ бунтахъ смутнаго времени, Разицкомъ и особенно Пугачевскомъ, пока, наконецъ, они не были включены въ составъ войскъ, какъ регулярная кавалерія.

Внутренняя исторія края *) распадается, по замѣчанію Рабинина, на двѣ части: на исторію народа и исторію правительственныхъ учрежденій, какъ и въ большей части земель русскихъ. Связь между ними только внѣшняя. Правительство преслѣдуетъ свои цѣли, народъ продолжаетъ жить своею жизнью. Какъ болѣе слабое народное начало должно было подчиниться государственному и дѣйствительно подчинилось, уступая силѣ, но сохранило внутри полное отрицаніе, полный разрывъ съ нимъ. Три столѣтія прошли въ непрерывной борьбѣ то явной, то скрытной, ознаменованной съ обѣихъ сторонъ крайними взглядами и крайними мѣрами, и только конецъ 1774 года можно принять за рѣшительный переломъ борьбы. Послѣ Пугачевщины государственное начало получаетъ огромное развитіе и силу, народное же обдѣляется и заключается въ себя (стр. 1 и 2). Сообразно съ развитіемъ этой борьбы исторія казачества сама собой раздѣляется на три періода: въ первый періодъ (1557—1680) уральское казачество представляло вольную общину съ народнымъ самоуправленіемъ, неподчинявшуюся никакимъ принудительнымъ законамъ, во второмъ, начинающемся съ конца XVII столѣтія (1680—1775), казаки были подчинены правительственному контролю, сосредоточивавшемуся сначала въ казанскомъ приказѣ, а потомъ, съ 1719 г., въ военной коллегїи. Съ 1723 года войсковые атаманъ утверждаются правительствомъ. Явилось чиновничество, которое съ перваго же раза заявило себя вѣточничествомъ и всевозможными нарушеніями народныхъ нравъ. Началась ожесточенная борьба партій консервативной (Догиновской), отстаивав-

*) Здѣсь мы имѣемъ въ виду собственно землю Уральского войска безъ Илецкаго и Сакмарскаго округовъ.

шей прежнй формы жизни, свою старую форму, в чинчинской (Меркульевской). Въ третьемъ періодѣ уральское казачество преобразовывается въ военно пограничное поселеніе и ирегулярную кавалерію; вводится обязательная военная служба, народное собраніе уступаетъ мѣсто войсковой канцеляріи. Преобразования не каснулись лишь цоземельныхъ отношеній, которыя остаются въ своихъ основаніяхъ такими же, какими были триста лѣтъ назадъ.

Общественно-экономическое устройство уральскихъ казаковъ въ самостоятельный періодъ ихъ исторіи было роже, какое мы видимъ на Дону. Въ основѣ его лежала свобода, равенство и отрицаніе принудительной власти. Всѣ общественные вопросы рѣшались въ кругахъ, происходившихъ обыкновенно на площади или у атаманскаго дома, (впослѣдствіи у войсковой изби и приказа). Народъ созывался въ это собраніе колокольнымъ звономъ. Порядокъ обсужденія дѣлъ въ нихъ отличался крайнею простотою. Письменнаго производства не существовало. Собраннымъ казакамъ разъяснялось обсуждавшееся дѣло и затѣмъ предлагалось известное рѣшеніе его съ вопросами: *либо-ль* или *не-либо?* Отвѣтъ толпы рѣшалъ или утверждалъ это рѣшеніе; войсковой атаманъ и его помощники эсалули были лишь исполнителями народной воли. „Дрво суда и расправы принадлежало, также народу и приговоры проносились всѣмъ войскомъ, при чемъ, по самому смыслу казачества, недобившаго стѣснять разгула своихъ страстей, преступленіями считались только тѣ поступки, которые наносили вредъ или самой общинѣ или кому нибудь изъ ея членовъ, напр. за измену, трусость, воровство, убійство, полагалась смерть; но совершенныя дѣянія общины, надъ лицами чот сторонними, она не считались преступленіями и не влекли за собою наказанія. Въ домѣ в общинѣ дѣятельность казака проявлялась въ грабежахъ, разбояхъ, набѣгахъ и всякаго рода насиліяхъ, въ домѣ, однимъ словомъ, что выражалось тогда общепринятымъ терминомъ „примоловъ“.

Примѣръ казаковъ доказываетъ между прочимъ, что эта вражда къ чужому, постороннему человѣку вовсе не продуктъ родового быта.

Семейная жизнь казаковъ не отличалась ни въ чемъ существенно отъ такой же жизни во всей Россіи. У Рычкова, впрочемъ, записано преданіе, будто въ первое время, — до атамана Гудца, — казаки убивали дѣвочекъ и вообще отвергали семейную жизнь, но рассказъ этотъ, по мнѣнію Левшина и Рябинина, мало заслуживаетъ вѣры, хотя аналогичное этому явленіе мы встрѣчаемъ у многихъ народовъ.

Освобожденные отъ необходимости добывать тяжелой работой средства къ существованію, казаки до послѣдняго времени относились съ презрѣніемъ ко всякому постоянному труду. «Молодые люди, писалъ назадъ тому 100 лѣтъ объ уральцахъ Падласъ, всегда препровождаютъ дни въ забавахъ, и многіе казаки вдали въ праздность и пьянство. Женскій полъ также любить увеселенія и кажется имѣть склонность къ щегольству и любви». (Путешествіе по Россіи, часть I, стр. 417). Отношенія мужа къ женѣ въ настоящее время отличаются суровостью, доходящей въ иныхъ случаяхъ до варварской жестокости; по всей вѣроятности, такими онѣ были и раньше.

По недостатку данныхъ, намъ приходится ограничиться этими немногими чертами древнихъ социальныхъ отношеній уральскихъ казаковъ.

Поземельныя отношенія, напротивъ, благодаря тому обстоятельству, что формы владѣнія и пользованія землей остаются неизмѣнными до настоящаго времени, мы имѣемъ возможность возстановить во всей ихъ полнотѣ.

Главнѣйшимъ почти исключительнымъ промысломъ уральскихъ казаковъ было и остается до сихъ поръ рыболовство. Привязанность къ этому промыслу поддерживалась не только его выгодностью сравнительно съ затратою труда, но и внѣшними обстоятельствами, ставившими казаковъ въ продолженіи 200 слѣдующихъ лѣтъ лицомъ къ лицу съ ордами кочевыхъ азіатскихъ племенъ, постоянно стремившихся занять земли между Яикомъ и Волгой. Непрерывная борьба принуждала казаковъ быть постоянно наготовѣ и заботиться лишь о настоящемъ днѣ. При такихъ условіяхъ рыболовство было наиболѣе удобнымъ занятіемъ. — Рыбы было вездѣ въ изобиліи. Въ то время Уралъ шель въ море, развѣтвляясь на множество рукавовъ, протоковъ и за-

водей, тихихъ, густо заросшихъ камышомъ и представлявшихъ, вслѣдствіе того, удобные притоки для рыбы, вливавшей въ рѣку изъ моря раннею весною и лѣтомъ. Близость приволжскихъ городовъ обезпечивала постоянный и хорошій сбытъ.

Скотоводство, какъ самостоятельная часть хозяйства развилась на Уралѣ недавно, но какъ побочный промыселъ, оно явилось одновременно съ колонизаціей Урала: лошадь была неразлучнымъ спутникомъ казака. Выгоды, получаемыя соседними кочевыми народами отъ скотоводства, должны были возбудить въ казакахъ охоту къ обзаведенію домашнимъ скотомъ, а потомъ и къ разведенію табуновъ, которые могли круглый годъ ходить на подножномъ корму по общинной землѣ. Въ настоящее время скотоводство составляетъ весьма важную статью войсковаго хозяйства.

Хлѣбопашество появилось въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но и теперь еще находится на низкой степени развитія.

Съ развитіемъ этихъ двухъ послѣднихъ отраслей хозяйства, когда нѣкоторые казаки стали захватывать обширныя пространства земли для пастбы (важировки) скота и затруднять другимъ возможность заниматься земледѣліемъ, явилась потребность ограничить въ нѣкоторой степени свободу пользованія землей. Въ этомъ, впрочемъ, только и заключается измѣненіе въ поземельныхъ отношеніяхъ казаковъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Всѣ же существенныя особенности ихъ и въ настоящее время тѣже, что и въ первую эпоху уральской исторіи.

Вся земля находилась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей занятой территоріи. Способы пользованія различными видами угодій были весьма разнообразны.

Мы постараемся возможно подробнѣе рассмотреть эти отношенія, такъ какъ, располагая весьма богатыми данными, мы имѣемъ здѣсь случай узнать всѣ особенности древнерусской формы поземельныхъ отношеній, названной нами волостной общиной.

Безъ всякаго сомнѣнія казаки принесли эту форму изъ Россіи, гдѣ она въ XVI вѣкѣ еще была распространена, осо-

бавно въ Новгородской области. Но на Уралѣ нераздѣльное пользование получило дальнѣйшее развитіе вслѣдствіе благоприятныхъ естественныхъ условий.

Въ первое время, какъ мы сказали, казаки занимались рыболовствомъ. Рыбный промыселъ и въ настоящее время составляетъ главнѣйшій источникъ ихъ благосостоянія. Раздѣлить рѣку на участки между станциями представляется совершенно невозможнымъ, не лишая всѣхъ жителей Урала, за исключеніемъ поселившихся у устьевъ рѣки, возможности жить рыболовствомъ.

Дѣло въ томъ, что рыба, подчиняясь естественному закону, весною направляется многочисленными, быстро слѣдующими другъ за другомъ косяками изъ моря въ Уралъ для метанія икры. Если бы рѣка была раздѣлена на участки достаточно, то станции, лежащія ближе къ устьямъ Урала и на побережьѣ Каспійскаго моря, главномъ рыбномъ бассейнѣ, оказались бы единственными обладательницами общаго богатства. Крімъ того, для того чтобы достигнуть возможно полнаго вылова рыбы, казаки на всемъ пространствѣ рѣки должны проаводить ловлю по возможности въ одно время; въ противномъ случаѣ, при продолжительномъ періодѣ вылова, значительная часть рыбы можетъ снова возвратиться въ море за предѣлы области.

Желаніе избѣгнуть такихъ послѣдствій вызвало общее весеннее рыболовство, въ которомъ одновременно участвуетъ все населеніе Урала, и различныя мѣры для охраненія тишины.

Распредѣленіе такихъ угодій на станичныя участки также невозможно какъ по тѣсной связи поземельнаго пользованія съ рыбнымъ промысломъ, который въ такомъ случаѣ былъ бы парализованъ, такъ и по географическому положенію и мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, вслѣдствіе концы незначительная часть войсковыхъ земель, и то только въ сѣверной полосѣ войска, удобна для хлѣбопашества; между тѣмъ какъ южная часть несравненно обширнѣйшая, но безводная и совершенно неудобная для воздѣлыванія по солонцеватому грунту, служить убѣжищемъ почти для всего войскаго скотоводства во время суровыхъ зимъ. Обѣ эти мѣстности, такъ сказать,

дополняютъ одна другую. Каждая представляется въ данное время свои удобства, составляющія общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска.

Распределение земельныя угодій на станичные мѣдѣ также представляется невозможнымъ, и угодья эти составляютъ общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска. По причинѣ плохого качества войсковыя земли, удобныя для распашки, дороговизны рабочия рукъ, часто повторяющихся неурожаявъ отъ засухъ, и въ видахъ развитія хлѣбопашатнаго хозяйства, войсковымъ обывателямъ представляется производить распашку земель подъ хлѣбъ, овощи, овесъ и пр., въ томъ числѣ десятинъ, какое каждый изъ нихъ по состоянію своему распашать можетъ; при чемъ наблюдается только, чтобы распашка не производилась въ соотвѣстствіи съ лицами не войскового сословія, или въ части засѣянаго хлѣба въ мѣстахъ луговыхъ, засѣянаго или засаженаго лѣсомъ и занущенныхъ подъ лѣсъ, а также въ мѣстахъ, назначенныхъ для выгоновъ... (Сообщеніе въ государственныи совѣтъ изъ главнаго управленія регулярныи войска 31 октября 1875 г. Посникоу, Общинное землевладѣніе, II, стр. 64). Въ первое время этихъ ограниченій, составляющихъ необходимо слѣдствіе возрастанія населенія, не существовало: каждый могъ пахать землю въ томъ количествѣ, какое находилъ нужнымъ, и на любой мѣстѣ незанятои общинной земли.

Впрочемъ, при меньшемъ развитіи общинныхъ наклонностей, всё эти природныя препятствія не удержали бы колонистовъ отъ раздѣла на землю не только на станичныя, но и на подворныя участка.

Переходя въ разсмотрѣнію способовъ пользованія каждымъ видомъ угодій отдѣльно, мы начнемъ съ рыболовства, какъ перваго по времени и главнаго промысла казаковъ.

Одни рыболовства, какъ напримѣръ, весеннее производятся сообща всѣмъ казачествомъ, другіе же, преимущественно осеннія и зимнія, ведутся каждымъ отдѣльно, или же болѣе или менѣе значительными партіями и съ облуденіемъ въ

вѣстныхъ правилъ, такъ какъ при безпорядочномъ ловѣ рыба могла бы быть распугана.

На первыхъ общихъ рыболовствахъ наблюдають: во 1-хъ, чтобы отдѣльныя лица, преждевременнымъ ловомъ не помѣшали входу рыбы въ Уралъ; во 2-хъ, чтобы каждый изъ желающихъ участвовать могъ во время приготовиться, къ предстоящему рыболовству и записавшись въ одномъ мѣстѣ, не могъ бы въ тоже время участвовать въ ловлѣ на другомъ посредствомъ ли: наемныхъ работниковъ или чрезъ доверенныхъ и; наконецъ, въ 3-хъ, чтобы никто изъ отдѣльныхъ лицъ, начиная ловлю раньше другихъ или съ лучшими сравнительно съ остальными орудіями, не воспользовался личными выгодами.

Для осуществленія этихъ требованій ежегодно точно назначается срокъ начала и окончанія лова, издается правилъ относительно рода орудій лова, движенія по рѣкѣ и т. д. Подворья за исполненіемъ этихъ правилъ, возлагается на рыболовныхъ атамановъ, которые прежде избирались самими казаками, а теперь назначаются войсковою канцеляріею.

Особенные смотрители слѣдятъ, чтобы никто не ловилъ въ запрещенное время и наблюдають за движеніемъ рыбы и мѣстами наибольшаго скопленія ея (ятовами). Прежде это дѣлалось опытнымъ рыболовами.

По времени года рыболовства располагаются такимъ образомъ. Съ вскрытіемъ льда начинается весеннее рыболовство на морѣ—курдай, на рѣкѣ—севрюжія длавы и на Черкальскомъ морцѣ. Въ началѣ іюня всякій ловъ прекращается до 15 августа, когда начинаются осенніе ловы на морѣ и въ рѣкѣ (осенній курдай, осенняя плавня, осенніе неводные ловы, осенніе побочные ловы). Въ ноябрѣ осеннія ловы оканчиваются и наступаетъ снова перерывъ, продолжительность котораго зависитъ отъ времени замерзанія Урала. После того какъ ледъ укрѣдится, начинается ловля баграми въ прорубяхъ (багрени), неводами подъ льдомъ (зимнее неводное) зимнее рыболовство въ Черкальскомъ морцѣ, въ обихѣ Уралцахъ, и ловля особенными сетями (аханами) на морѣ (аханное рыболовство).

Батренье и неводное рыболовство оканчиваются въ половинѣ января, черхальское и по узеньямъ—1-го марта. Наконецъ, въ продолженіи всей зимы съ ноября, по окончаніи осенней плавни, до послѣднихъ чиселъ марта производится по Уралу свободный ловъ рыбы.

Перечисленныя рыболовства явились на Уралѣ не въ одно время. Сначала, когда казаковъ было не много и они сосредоточивались въ Уральскѣ и его окрестностяхъ, существовали только рѣчныя рыболовства. Потомъ, когда на нижнемъ теченіи Урала былъ поселенъ правительствомъ драгунскій полкъ и устроенъ казенный учугъ и укрепленіе (сначала Устьянцкій городокъ, потомъ Гурьевъ) казаки, чтобы не лишиться рыбы, спустились внизъ по рѣкѣ, построили здѣсь для охраны границы двѣ крѣпости и завели рыболовлю въ устьяхъ рѣки и на прилегающей части моря: весеннее курхайское и зимнее аханное. Организація рыболовствъ весьма различна. Особенности ея находятся въ зависимости отъ орудій производства, времени возникновенія рыболовствъ и другихъ условий. Позднѣе явившіяся рыболовства отличаются отъ раннихъ менѣе равномернымъ распредѣленіемъ выгоды промысла и большими ограниченіями свободы участвующихъ въ немъ.

Но вообще въ этомъ отношеніи всѣ рыболовства можно раздѣлить на четыре группы: плавныя, неводныя, батренье и рыболовства съ плавными сѣтями.

Плавныхъ рыболовствъ два: весенняя северная плавня и осенняя. Первая производится на всемъ пространствѣ Урала—отъ Уральска до моря—на протяженіи 500 верстъ при участіи 6000 слишкомъ человекъ. Въ видахъ правильности лова, Уралъ раздѣленъ на нѣсколько частей, — рубежей, — границы которыхъ точно опредѣлены. Въ первый день вылавливается первый участокъ, во второй вся масса рыбацкихъ передвигается на слѣдующій рубежъ и т. д. На пространствѣ рубежа каждый можетъ выбирать любое мѣсто для лова. Но будари должны быть установлены на избранныхъ мѣстахъ до начала лова, которое обыкновенно опредѣляется восходомъ солнца и о которомъ оповѣщается выстрѣломъ изъ пушки. Съ выстрѣ-

ломъ всё будары, стоящія до того времени въ линію на Самарскомъ берегу, вталкиваются сидящими на нихъ гребцами далѣе въ рѣку, причѣмъ каждый спѣшиваетъ занять намѣченное имъ мѣсто. Ровно въ часъ (прежде въ два) выстрѣломъ изъ пушки дается знать прекратить ловлю, послѣ чего бударки немедленно вытаскиваются на берегъ, и ихъ владѣльцы въ этотъ день уже не могутъ болѣе ловить, чтобы не лишиться возможности получить долю въ добычѣ рыбачущимъ сзади или по какимъ либо причинамъ опоздавшимъ на общій ловъ. Установленіемъ такого порядка имѣли въ виду достигнуть наибольшаго уравненія шансовъ.

Въ прежнее время надзоромъ за порядкомъ лова завѣдывали выборные атаманы, теперь онъ поручается лицамъ, назначаемымъ войсковой канцеляріею. Сущность обычныхъ правилъ, впрочемъ, осталась таже, хотя назначеніе срока ловли, опредѣляемаго канцеляріею, въ прежнее время, при участіи въ обсужденіи дѣла всѣхъ казаковъ, могло быть гораздо болѣе сообразовано съ условіями жизни рыбы и обстоятельствами самихъ казаковъ. Въ настоящее время ежегодно издается войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, такъ называемое, „прочетное предписаніе“ относительно порядка севрюжьяго рыболовства. ¹⁾

¹⁾ Приведемъ для образца прочетное предписаніе 1873 г. «Хозяйственное правленіе журналомъ на 29 февраля положило:

1) Чтобы казаки, по примѣру прошлаго года, не ожидая вскрытія Урала отъ льда, выѣхали на севрюжье рыболовство 27-го марта и слѣдовали до того форпоста, гдѣ представляется возможность и болѣе выгоды служить будары на Уралъ, по вскрытіи на немъ льда, но никакъ не выше Крутовскаго форпоста, дабы на ходу не могло застигнуть ихъ половодье. Рыболовство начать съ общаго согласія рыболововъ и производить по установленнымъ рубежамъ слѣдующимъ порядкомъ: на пути слѣдованія илывать только одинъ день съ восхода солнца до 1-го часа по полудни, на каждомъ рубежѣ, а потомъ въ слѣдующій день другой рубежъ также до полудня. Если на уборку наловленной рыбы на какомъ либо рубежѣ нужно будетъ остаться на другой день, то это разрѣшается; но ловить рыбу въ этотъ день воспрещается, дабы дать проходъ для казаковъ рыболовствующимъ выше рубежа. Находящіеся выше рубежа казаки, не ближе какъ однимъ форпостомъ выше отъ рубежа, т. е. за одинъ «промежокъ», могутъ рыбачить съ восхода до заката солнца. Такимъ порядкомъ слѣдо-

Одновременно съ севрюжьей плавней въ Уралѣ производится курхайское рыболовство на Каспійскомъ морѣ. Для уравниенія

вать до Гурьева, гдѣ, согласно заявленія отдѣланнаго въ прошломъ году въ присутствіи хозяйственнаго правленія и во время самаго рыболовства начальникамъ онаго казаками, рыболовствующими вверху отъ рубежныхъ, если такое заявленіе повторится и во время нынѣшняго рыболовства большинствомъ сихъ заднихъ рыболововъ,—избрать указываемое ими мѣсто рубежа, выше Гурьева и ниже мѣстности, т. назыв., «дворянской сарни», на бывшемъ рубежѣ осенняго неводнаго рыболовства остановиться и, смотря по ходу рыбы изъ моря, продолжать ловъ рыбы чрезъ день на одномъ мѣстѣ, но отнюдь не каждодневно.

Потомъ, судя по времени и состоянію погоды, какъ признають удобнымъ промышленники, дозволяется имъ выѣзжать на побережье моря. Здѣсь какъ въ устьяхъ и противъ устьевъ Урала, такъ въ заливахъ, заливкахъ, впадинахъ и вообще въ мѣстахъ на берегу моря севрюжиники могутъ ловить рыбу порядкомъ прежнемъ, т. е., гдѣ кто какими снастями пожелаеть, кромѣ крючьевъ и распорныхъ неводовъ, но никакъ не далѣе перваго числа іюня. Съ наступленіемъ этого числа рыболовство прекращается, а море и Уралъ должны быть свободны для выхода рыбы въ плавленныя и багреныя мѣста. Во время севрюжнаго рыболовства, дозволяется по всей линіи желающихъ казакамъ рыбачить въ Уралѣ позади войска (севрюжниковъ) прежнимъ порядкомъ, положенной мѣрѣ съѣтъ, но при этомъ отнюдь не употреблять обметовъ, неводовъ и погоняевъ.

2) Курхайскимъ промышленникамъ дозволяется выѣзжать на побережье моря для рыболовства выѣстъ съ севрюжниками, но рыбачить здѣсь не иначе какъ въ бударкахъ и съ такимъ числомъ съѣтъ, какъ севрюжники.

3) Дозволить желающимъ казакамъ, какъ только съ открытіемъ весны представится возможность ловить черную рыбу по всѣмъ старицамъ и заливамъ по обѣ стороны Урала, начиная отъ Уральска и до Гурьева городка включительно, а также въ рр. Баксаѣ, Черной и Сарочинскѣ; но рыбачить собственно въ Уралѣ, впереди севрюжниковъ, воспрещается подъ отвѣтственностью строгаго взысканія по законамъ, какъ за потаенное рыболовство. Наблюденія за неприкосновенностью Урала впереди севрюжниковъ полагается на станичныхъ и форпостныхъ начальниковъ, кои обязаны, во все это время, лично сами, или чрезъ особо командированныхъ урядниковъ, дѣлать разѣзды днемъ и въ особенности ночью; точно также должны дѣлать разѣзды и послѣ въ указанныхъ каждому рыбачихахъ. Главнѣйшая отвѣтственность за всякое послабленіе возлагается на станичныхъ начальниковъ; а потому они должны объявить ва сходкахъ казакамъ, чтобы они не подъѣзжали къ Уралу съ рыболовными снастями до прихода севрюжниковъ; въ случаѣ появленія вого либо изъ нихъ, отнюдь не допускать таковыхъ къ рыболовству и задерживать если это окажется нужнымъ, конфискуя у нихъ снасти и составивъ извѣстнымъ

выгодъ, куржайшимъ промышленникамъ дозволяется ловить на бударахъ и такими же числомъ сѣтей, какъ и северожанки. Совершенно на новыхъ основаніяхъ ведется осенняя плавня!

порядкомъ, протоколами, или производа дознанія, которыя предварительно представлять въ хозяйственное правленіе.

Перевозы чрезъ Уралъ со снастями для рыболовства въ «черныхъ водахъ» на за-уральской сторонѣ дозволяется заказкамъ дѣлать подлѣ съими форпостами, подлѣ надворноу смотрителей воды (догосударственныхъ).

4) Желающіе рыбачить по Уралу, старикамъ и залукамъ, отъ Уральска до Яманкалинскаго форпоста, могутъ производить рыболовство, какъ только просѣдутъ северожанки и какъ только представится къ тому возможность; при чемъ въ теченіи 14 дней (исключ. праздниковъ) дозволяется употребить верода, какъ это и было уже объявлено; по окончаніи же этого срока рыболовство въ Уралѣ продолжать, собиравшеі, только одними плавными сѣтями, а обметовъ и неводовъ уже не употреблять.

5) Чтобы дать случай северожанкамъ окончить рыболовство въ Уралѣ до его разлива, предоставить праздникъ Пасху праздновать только въ первые 3 дня, а послѣдніе дни рыбачить; но если бы казаки пожелали праздновать всю Пасху, то это дозволить, но только тогда, когда по спросу начальникамъ североужаго рыболовства извѣститъ на это согласие большинство рыболовствующихъ казаковъ, и тогда на это время рыболовство прекращается; когда же большинство будетъ за противное, то прекращается рыболовство только на первые 3 дня; затѣмъ остальные могутъ праздновать всю Пасху и должны слѣдовать ея обрядамъ по рубечамъ, согласно данной начальникамъ инструкціи.

6) Начальникамъ североужаго рыболовства и исару, въ вознагражденіе трудовъ, предоставить дѣлать въ свою пользу на каждомъ рубечѣ, по окончаніи общаго лова, по расплаванному мѣсту, отнюдь не болѣе, какъ первымъ двѣмъ по 15 плавковъ каждому, а послѣднему по 3 плавка въ 1 разъ, безъ протяжки времени, и чтобы въ означенные плавки сдѣланы были безъ малѣйшаго промедленія, т. е., хотѣвъ по означеніи казаками лова рыбы или поднятіи воды онаженіемъ, за отлученіемъ строгаѣшаго взысканія; причѣмъ вѣнчать начальникамъ рыболовства въ обязанность на подлѣ какихъ предлогахъ, по окончаніи срочныхъ часовъ, назначенныхъ къ общему лову на рубечѣ, не дѣлать плавковъ въ видѣ «пробъ», вообще же соблюдать общій строгій порядокъ въ плавкѣ, какъ на рубечѣ, такъ и въ лавр. едѣго.

7) Начальникамъ североужаго рыболовства дозволяется возложить старшина и соглѣкъ.

Хозяйственное управленіе предписываетъ станичнымъ начальникамъ объявить это прочетное предписаніе жителямъ на сходкахъ въ вѣдомствѣ.

Осенью рыба располагается по ятовямъ, мѣста которыхъ напередъ извѣстны. Чтобы предупредить уходъ рыбы, ятови предварительно запираются переставами. Въ видахъ возможно-полнаго уравненія шансовъ, ловля начинается съ удара, по командѣ. Когда бударки уже въ водѣ, рыболовный атаманъ отводитъ ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ ятови гурьбою, не позволяя никому выплывать впередъ своей лодки и затѣмъ отплываетъ въ сторону, послѣ чего сейчасъ же начинается гонка. Всякій старается грести изъ всѣхъ силъ. Бывали случаи, говоритъ Данилевскій, что здоровые, сильные и привычные къ работѣ казаки загребались до обморока. Цѣль каждаго достигнуть прежде другихъ ятови, чтобы успѣть вычерпать изъ нея какъ можно больше рыбы до прихода остальныхъ. Выловивши одну ятову, казаки также въ перегонку направляются къ другой, дѣлая, такимъ образомъ, по техническому выраженію «второй ударъ». Черезъ день назначаются «дневки», — отдыхъ, во время котораго казаки продаютъ свою добычу идущимъ вслѣдъ за ловцами промышленникамъ. Неравновѣрность количества рыбы въ разныхъ ятовяхъ уравновѣшивается соответственнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа рыбаковъ, что достигается взаимнымъ соглашеніемъ. Работниковъ изъ постороннихъ не допускаютъ, изъ казаковъ ихъ не можетъ явиться, такъ какъ каждый изъ нихъ участвуетъ въ ловлѣ на равныхъ правахъ съ другими. Подобный же порядокъ ловли существуетъ на сѣверѣ Россіи (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ россіи, гл. XI). и въ другихъ мѣстностяхъ.

Багренье, напротивъ, составляетъ исключительную принадлежность уральскаго края. Это едвали не самое древнее рыболовство. Покрайней мѣрѣ, порядокъ, какимъ оно производится, могъ возникнуть только при чрезвычайномъ обиліи рыбы. Въ настоящее время порядокъ этотъ невыгоденъ и удерживается лишь по привычкѣ. Подобно плавнямъ багренье производится по рубежамъ и раздѣляется на большое и малое. Въ концѣ декабря или началѣ января назначается атаманомъ день, въ который съ опредѣленныхъ мѣстъ должна начаться ловля баграми. Наканунѣ лова къ этимъ мѣстамъ собираются

всѣ служащіе казаки, въ числѣ 7000 и болѣе человекъ, каждый съ длиннымъ, иногда саженъ въ 10, багромъ и цепней. На берегу у каждаго есть лошади и сани подъ присмотромъ кого либо изъ семьи для перевозки рыбы. Предъ началомъ ловли, казаки становятся на берегу, каждый на избранномъ имъ мѣстѣ. До знака никто не можетъ ступить на рѣку. Но лишь только раздастся выстрѣлъ, всѣ бросаются на ледъ, каждый старается какъ можно скорѣе пробить прорубь, и все пространство ялови—около версты длины и 50 саженъ ширины—въ нѣсколько минутъ принимаетъ видъ рѣзета. Рыбу подцепляютъ баграми. Разбагрявши одну ятову и перенеся пойманную рыбу на сани, отправляется на слѣдующую, и такъ до конца рубежа. Для уравновѣживания шансовъ при такомъ способѣ ловли, при которомъ физическая сила и случайность даютъ большія преимущества, а также съ цѣлю взаимной помощи при ловлѣ крупной рыбы (балаги или осетра) багрящими организовуются въ артели, отъ 6 до 15 человекъ каждая, члены которыхъ дѣлятъ между собою добычу, большую часть, жоррову.

Заведенное съ самыхъ первыхъ дней колонизаціи Урала, устроенное на справедливыхъ началахъ и доступное всѣмъ, благодаря дешевизнѣ требуемыхъ орудій (багра и цепней), багрянье до настоящаго времени составляетъ наиболее любимый промыселъ казаковъ.

Чѣмъ пѣзднѣе возникало то или другое рыболовство и чѣмъ сложнѣе и дороже орудія, необходимыя для производства, тѣмъ его организація болѣе уклоняется отъ общинной. Причина этого заключается въ общихъ условіяхъ, препятствовавшихъ общинному началу прогрессировать въ равной степени съ развитіемъ потребностей. Орудія производства въ русской общинѣ всѣхъ типовъ составляютъ индивидуальную собственность, — тоже самое и на Уралѣ. Это отирице доступъ капиталистическому элементу, хотя его проявленія необходимо ограничиваются въѣздными предѣлами, регламентскими общаеми. Типическимъ примѣромъ смѣшанной организаціи можетъ служить осеннее-неводное рыболовство. Невода для него преобрѣтаются казаками или отдѣльно или артелями на опредѣ-

ловныхъ, общаемъ условіякъ: Отдѣльные владѣльцы неводовъ, отдають ихъ въ пользованіе также на основаніи установленныхъ правды. Всѣ неводныя артели (въ 6 человекъ каждая) распределяются по пескамъ (мѣста, представляющія удобства для вытаскиванія невода на берегъ). Такихъ песковъ, имѣющихъ каждый особое названіе, на пространствѣ осенняго неводнаго лова насчитывается болѣе 20. Чтобы успѣть закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, каждая артель торопитъ свою предшественницу, и начальникъ рыболовства слѣдуетъ за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, подвергая штрафу виновныхъ въ умышленно-медленной тагѣ. На третью судня дѣлается отдыхъ для дѣлеса и посола рыбы, послѣ чего посредствомъ жребія намѣняется порядокъ артелей для тагц. Такой перемѣной стараются достигнуть возможно большаго уравненія шансовъ улова. Въ мѣсту болѣе уловистому приписывается и болѣе артелей, такъ что каждой приходится тагуть здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Рыба, вытнутаая артелью, принадлежитъ исключительно ей, и распределяется между приписанными къ артели такимъ образомъ, что каждый изъ участвующихъ, будутъ ли то казаки или многогородные, получаютъ по пай. Хозяинъ невода, если онъ участвуетъ въ ловлѣ, что бываетъ почти всегда, получаетъ также пай, и, кромѣ того 5 павъ на неводѣ. Въ противоположность багренью, здѣсь даются большія доли участвующимъ въ ловлѣ офицерамъ. При ничьомъ участіи оберъ-офицеры получаютъ 2 пая, штабъ-офицеры 3; многогородные работники, чужамашины и ии въ большинствѣ противъ остальныхъ казаковъ являть, берутъ также болыше павъ, чѣмъ другіе.

На зимнемъ неводномъ ловѣ рыболовцы соединяются въ пять группъ, по числу пяти участковъ, на которые раздѣляется (павъ) ловля. Приписанные къ одному участку группируются въ неводныя артели. Во всѣхъ участкахъ, тагъ производится одновременно, такъ какъ эти участки занимають пространство въ нѣсколько верстъ. Способъ распределенія добычи имѣеть дѣломъ достигнуть полнаго равенства. Въ случаѣ рожденія улова, рыбы каждой изъ пяти участковъ, заграждается на северной и южной границахъ переставами, такъ что

ловь производится тамъ бы въ сажанкѣ, въ которую нѣтъ другихъ участіевъ рыбы не можетъ быть. Понятно, что артель, получившая невыгодное мѣсто, была бы въ проигрышъ сравнительно съ другими. Въ предупрежденіе такого неравенства, уловъ всѣхъ неводовъ складывается въ общія кучи, называемыя *урсами*, которыя затѣмъ и распределяются поровну. Впрочемъ, и здѣсь начальники пользуются привилегіей: они получаютъ, безъ различія чина, по 2 пая. Въ виду большой дороговизны зимнихъ неводовъ и большой возможности для нихъ подвергнуться порчѣ отъ кочевъ на днѣ, хозяинъ невода получаетъ здѣсь не 5 паявъ, какъ на предыдущемъ рыболовствѣ, а 6. Число рыбацкихъ однимъ неводомъ ограничено и не можетъ превышать 14 человекъ. Очень можетъ быть, что такимъ ограниченіемъ старались предупредить введеніе слишкомъ большихъ и дорогихъ неводовъ, при которыхъ выгоды, распределяющіяся теперь между многими владельцами неводовъ, доставались бы лишь немногимъ и даже одному.

На тѣхъ же началахъ организовали казаки ловлю и во всѣхъ другихъ бассейнахъ своей области, если только эта ловля представляетъ выгоды.

Въ Черкальскомъ морцѣ ловля производится съ 4-хъ пунктовъ, на которые казаки сходятся изъ разныхъ краевъ нартими не менѣе 10 человекъ въ каждой. Черезъ Уралъ всѣ они переправляются въ извѣстный день. Зимній черкальскій ловъ отличается употребленіемъ при немъ большихъ неводовъ, достигающихъ при пятисаженной ширинѣ до 2½, верстѣ длины. Невода закидываются съ середины озера, верстахъ въ 7 отъ берега, къ которому тянутъ ихъ лошадьми при помощи оборота. Чтобы уравнять выгоды, участвующіе «взмѣряютъ веревками мѣста воіругъ озера, противъ которыхъ лежъ гладь, и всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждыя 100 сажень совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участку равной длины, послѣ чего мечуть жеребій о мѣстахъ для каждаго невода» (Данилевскій, Уральское рыбное хозяйство). На одинаковую длину невода приходится всегда равное число ловцовъ.

Невода отдаются ихъ владельцами въ пользованіе арте-

лимъ на такихъ условіяхъ, что на каждыя 100 сажень хозяйнъ получаетъ 6 паевъ, такъ что, наприм., владѣлецъ невода въ 1,600 сажень (самый большой неводъ въ 1852 г.) могъ получать, не участвуя въ работѣ, въ 80 разъ больше, чѣмъ всякій другой казакъ.

При ловахъ въ занорныхъ старицахъ ¹⁾, изъ которыхъ одѣя находятся въ общемъ пользованіи цѣлаго войска, другія принадлежатъ отдѣльнымъ форпостамъ, лицо, взявшее на себя трудъ заперать старицу, въ вознагражденіе или получаетъ определенное по взаимному соглашенію число паевъ или предъ замыканіемъ старицы собираетъ известную сумму пропорціонально количеству паевъ, получаемыхъ каждымъ, такъ что, напр., владѣльцы неводовъ и офицеры платятъ больше другихъ. Хозяевамъ неводовъ даютъ по 5-ти паевъ, но чтобы ссвертывать количество хозяйскихъ паевъ, принято не допускать на каждой старицѣ болѣе 4-хъ неводовъ.

Въ мелкихъ рѣкахъ и озерахъ ловъ вполне свободенъ: каждый можетъ ловить сколько и когда хочетъ.

Можно, такимъ образомъ, согласиться съ Данилевскимъ, что возможно равномерное пользованіе выгодами промысла для всѣхъ казаковъ составляетъ характеристическую черту уральскихъ рыболовствъ. Равномерность эта достигается различнымъ способомъ сообразно съ условіями рыбной ловли. Привилегіи ранга и капитала ограничены весьма тѣсными предѣлами.

Но въ некоторыхъ изъ этихъ рыболовствъ, напримѣръ въ Черхальскомъ, уже замѣтно уклоненіе отъ общинной системы распределенія. Уклоненія эти еще значительнѣе въ морскихъ рыболовствахъ: аданномъ, бурхайскомъ и прибрежномъ. Интересъ большинства здѣсь принесенъ въ жертву немногимъ богачамъ. Рыболовства эти были установлены въ 1816 году войсковымъ начальствомъ по ходатайству нѣсколькихъ богатыхъ и чиновныхъ лицъ, но смотря на общій протестъ остальныхъ казаковъ, такъ какъ морскія рыболовства препятствуютъ входу рыбы въ

^{*)} Водовѣстница, имѣющая въ отличіе отъ рукавовъ лишь одно соединеніе съ Ураломъ и запераемая съ началомъ убыванія воды.

рѣку, а пользоваться ими по дороговизнѣ имѣютъ возможность только богатые.

Разсмотрѣніе морскихъ рыболовствъ, неизвѣстныхъ въ періодъ самостоятельнаго существованія Уральскаго казачества и установленнѣхъ безъ его участія, выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

Вторымъ по важности промысломъ Уральскихъ казаковъ было и есть скотоводство. Пользованіе сѣнокосами и пастбищемъ организовано было совершенно на тѣхъ же началахъ свободы и равенства, какъ и пользованіе водами для рыбной ловли. Эта организація остается неизмѣнной, и въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ. Всѣ сѣнокосныя мѣста состоятъ въ вольномъ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи, но въ однихъ мѣстахъ,—по рѣкѣ Ураду и вообще богатымъ травою лугамъ,—эта свобода ограничена извѣстными обычными правилами, въ другихъ же—по залежамъ, степямъ и вообще удаленнымъ мѣстамъ—пользованіе неподчинено никакимъ ограниченіямъ. Въ первыхъ мѣстностяхъ сѣнокосъ производится всѣмъ войскомъ въ одно время и въ извѣстный срокъ, заранѣе опредѣляемый чрезъ почетныя предписанія войсковымъ правленіемъ, ранѣе котораго никто не можетъ выходить на жосьбу подъ опасеніемъ лишиться права на участіе въ сѣнокосѣ; наемные рабочіе или совсѣмъ не допускаются здѣсь или число ихъ ограничено по степенямъ званій ¹⁾). Въ мѣстностяхъ вольнаго сѣнокоса каждый можетъ косить, гдѣ и сколько хочетъ.

Общее войсковое сѣнокосеніе производится три раза.

Около 10 мая начинается ковыльное сѣнокосеніе. Число рабочихъ для него не опредѣляется и зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго. Передача правъ на ковыльное сѣнокосеніе постороннимъ, подобно передачѣ другихъ древнихъ правъ на пользованіе угодьями, строго запрещается подъ угрозой штрафа.

¹⁾ Служилымъ командамъ: пожарной, подводной, которыя не могутъ отлучаться отъ мѣста службы, а также киргизамъ отводятся извѣстное пространство луговъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Второе сѣнокосеніе, называемо помянутою обволочкою, начинается также въ опредѣленный день и производится по всѣмъ мѣстамъ, не входящимъ ни въ козыльскій, ни въ общій валовой сѣнокосъ. Здѣсь дозволяется имѣть рабочихъ изъ иногородныхъ, но въ первые 6 дней въ ограниченномъ числѣ — отъ 2 до 10 соответственно рангамъ.

Третье сѣнокосеніе, называемое валовымъ, производится по сѣчѣваніи луговыхъ травъ, на прѣпотоки р. Урала отъ илецкихъ дачъ до Кожухаровской редакціи и до прр. Деркулу и Иртеку. Число рабочихъ опредѣляется на тѣхъ же основаніяхъ, что и при обволочкѣ, но въ первые три дня, если сѣна уродилось мало, казаки обязаны косить лично.

Чтобы дать понятіе о самомъ порядкѣ сѣнокосенія приводимъ описаніе его въ одной мѣстности области, (Уральскія войсковыя вѣдомости, 1872, № 23). Не смотря на полный просторъ, открывающійся свободнымъ дѣйствіемъ каждаго, на отсутствіе всякаго надзора за косцами и, быть можетъ, именно вслѣдствіе отсутствія внѣшняго контроля, косьба производится въ порядкѣ и съ соблюденіемъ требованій справедливости. «Наканунѣ назначеннаго дня всѣ казаки съ своими рабочими, съ орудіями промысла и съ провизіей выѣзжаютъ въ дуга, высматриваютъ доброкачественную траву, окидывая взглядомъ пространство гдѣ намѣреваются останновиться косить, чтобы узвать, на сколько дней доставить покосить травы (главная забота, чтобы достало на первый день). Потомъ каждый смотритъ на своихъ сосѣдей, соображая насколько близко или далеко отъ него расположены эти сосѣди, кто они и какое число у каждаго изъ нихъ рабочихъ (рядовому казаку полагаются имѣть не болѣе 2 работниковъ, уряднику — 3, оберъ-офицеру — 4, майору, подполковнику — 8, полковнику — 12, генералу — 15). Выбравши мѣстность, казакъ ставитъ свою телѣгу, раскидываетъ бѣлый пологъ, — защиту отъ навойливныхъ комаровъ. Это означаетъ его *станъ*. Во время сѣнокоса вы увидите на не-обозримомъ пространствѣ раскиданныя бѣлыя точки, какъ нѣкогда печенѣжскія вѣжи, съ тою разницей, что эти бѣлыя станы рассыпаны рѣдко, на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга. Представьте при этомъ, что подобныя же точки рассы-

паны на протяженіи 700 верстъ по лѣвой сторонѣ Урала; Наканунѣ дня сѣновоса, еще далеко до заката солнца уже всѣ расположены станами; засвѣтло всѣ поужинають, чтобы послѣ небольшого отдыха, приняться за работу. Представьте тишину ночи, прерываемую крикомъ ночной совы и храпомъ сладко поѣвшихъ и еще слаще заснувшихъ рабочихъ. Повидимому все спокойно, но въ дѣйствительности всѣ казаки-хозяева, лежащіе въ пологихъ, находятся въ сильномъ волненіи. Ни одинъ казакъ не спитъ въ эти часы: каждый думаетъ, какъ бы не прозвѣвать, какъ бы его не обокосилъ сосѣдь: до сна ли тутъ? Съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивается каждый въ ночную тишину... Вдругъ чуткій слухъ казаковъ поражается отдаленнымъ, измѣнившимся шорохомъ кося о траву... Всѣ вскакивають, какъ бѣшеные, толкають рабочихъ, и въ одну минуту всѣ на ногахъ, за работой. И идетъ гулъ въ темнотѣ, будто земля стонетъ.

Казакъ-хозяинъ, въ какомъ бы возбужденномъ состояніи онъ ни находился, не теряетъ сообразительности стратега: онъ отряжаетъ одного работника въ одну сторону, другого въ другую, указываетъ имъ направленіе, по которому слѣдуетъ вести прокосъ, а самъ бѣжитъ въ третью сторону, чтобы также провести завѣтную межу острой косой. Если казакъ успѣлъ ограничить прокосами со всѣхъ сторонъ квадратъ или неправильный многоугольникъ, все равно, — онъ доволенъ: онъ очертилъ магическимъ кругомъ, за который не переступитъ къ нему ни одинъ жадный сосѣдь; тогда, обмежаванное сильной рукой, пространство дѣлается его неотъемлемой собственностью; тогда онъ коситъ какъ у себя дома, а не какъ на общественной землѣ.

Но бывають и промахи. Если казакъ почему либо замѣшался, то смѣтливый сосѣдь обокоситъ его. Напримеръ, если прозвѣвавшій предполагаетъ выкосить межу въ видѣ буквы П, то сосѣдь можетъ поставить ему въ предполагаемомъ П букву Л, а то, пожалуй, ухитрится вырѣзать и букву М. Тогда затѣвается споръ, ссора, а иногда и драка. Но такъ какъ каждая минута времени для спорщиковъ дорога, то хозяйственный расчетъ заставляетъ прекратить ссору, и враги

расходится для продолженія косыби. Прозввавшій казакъ изъ своего Н не смѣетъ, однакожь, исключить сосѣдской М; еслиби первый, полѣдствие темноты ночи, и сдѣлавъ неумышленное покушеніе на выкройку послѣдьяго, то по утру это разберется и опредѣлится съ математической точностью. Вотъ это-то и называется *обкосить*.

Если въ урожайный годъ травы густы и обильны, пространства травника обширны, слѣдовательно, всякому мѣста довольно, то обкашиванія не бываетъ *); но когда при скудной травѣ станы тѣснятся на небольшомъ разстояніи, тогда азартъ переступаетъ границы: обкашиваніе идетъ всеобщее. По темнотѣ ночи и торопливости въ работѣ, путаница обкосныхъ линий выходитъ ни на что не похожа. Какъ только солнце порядочно ввойдетъ и рабочіе пойдутъ завтракать, хозяева сходятся разбирать путаницу ночной лукавой работы. Не всякій охотникъ можетъ по слѣдовымъ метлямъ выслѣдить залца, но всякій казакъ можетъ разобратъ кто, что и гдѣ скосилъ, по наденію прокосной травы, по едва замѣтнымъ чертамъ неизбѣжно остающейся травы отъ взмаха косы и пр. Не смотря на это приглашаются эксперты изъ казаковъ, не заинтересованныхъ въ дѣлежъ скошенной травы. Она-то, рассмотрѣвъ сѣновосные гіероглифы, рѣшаютъ споръ своимъ окончательнымъ приговоромъ, на который апелляціи не бываетъ, потому что приговоренные и сами хорошо знаютъ правильность разбирательства. Послѣ этого у спорщиковъ вражды какъ не бывало, и при огребаніи сѣна ни одной травинки не будетъ присвоено изъ за чужихъ межей-.

При валовомъ сѣновосѣ выбираютъ депутаты на мѣстѣ, предъ началомъ покоса, въ каждомъ селеніи отъ 3 до 4-хъ. На обязанности ихъ лежитъ наблюденіе за соблюденіемъ общинныхъ правилъ и прекращеніе злоупотребленій.

Малолѣтнимъ, старикамъ и больнымъ предоставляется посылать за: себя рабочихъ.

*) Около Уральска вслѣдствіе относительной недостаточности покосовъ обкашиваніе обкомовеніе, чѣмъ въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ области.

Что касается до пастбищъ, то часть ихъ отведена въ отдѣльное пользованіе селеній, другая же, — гораздо большая — находится въ вольномъ и нераздѣльномъ пользованіи всей общины.

Способы пользованія общими войсковыми пастбищами носятъ на себѣ слѣды борьбы двухъ началъ: равенства и привилегій. Скотоводство получило значительное развитіе лишь въ недавнее время, съ возрастаніемъ спроса на его продукты (само), когда распоряженіе угодьями стало зависѣть отъ войскового правленія, находившагося подъ вліяніемъ чиновныхъ и богатыхъ казаковъ. Казаки эти незамедлили захватить въ свои руки новый промыселъ, обѣщавшій при дарованіи пользованія общинными пастбищами громадный доходъ. Не имѣя возможности захватить въ свое исключительное пользованіе пастбища *de jure*, они послѣ долгихъ споровъ достигли этого *de facto*.

Въ настоящее время всѣмъ казакамъ дозволяется имѣть на войсковой землѣ *безплатно* лишь опредѣленное число головъ, за лишніи же скотъ берется пошлина, называемая акцизомъ, въ пользу войска. Размѣры этой пошлины измѣнялись нѣсколько разъ и были предметомъ постоянныхъ споровъ между массою населенія, занимающею мелкою скотопромышленностью, съ одной стороны, и крупными торговцами скота, къ числу которыхъ принадлежали и нѣкоторые войсковые чиновники, съ другой. Въ послѣднее время установились на слѣдующей нормѣ: лица войскового сословія, безъ платежа акциза, могутъ имѣть на войсковыхъ земляхъ: штабъ офицеры — 1,500 барачовъ и 210 штукъ рогатаго скота, оберъ-офицеры — 1,000 штукъ перваго и 210 втораго, простые казаки и малолѣтки, несущіе повинности, по 500 барачовъ и 70 штукъ рогатаго скота. За каждую голову сверхъ этого количества берется акцизъ (10 коп. съ штуки рогатаго скота и 4 к. съ барана въ зимнее время и столько же въ лѣтнее, если табуны будутъ допущены на сѣверныя хлѣбопахатныя полосы). За лошадей пошлины не берется. Передача права на безденежное довольствіе опредѣленнаго каждому количества скота безусловно запрещена. Пастъба скота допускается въ любой

мѣстности средней и южной полосъ, за исключеніемъ хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, выгоновъ вокругъ селеній и скотопроезжихъ дорогъ; но допускъ скотопромышленниковъ въ хлѣбопахатную (сѣверную) полосу во время лѣта зависитъ отъ усмотрѣнія войсковой канцеляріи, такъ какъ бываютъ годы, когда, вслѣдствіе неурожаа травы на лугахъ, необходимо оберегать степи для сѣнокоса. Въ случаѣ потравы хлѣба потерпѣвшимъ выдается вознагражденіе изъ особой суммы, остающейся изъ акциза съ скотопромышленниковъ за право пастбы въ хлѣбопахатной полосѣ.

Строго выкая въ духъ этихъ постановленій, говорить г. Рабининъ, нельзя сказать, чтобы права общиннаго пользованія были уравновѣшены ими въ одинаковой степени между всѣми и чтобы они не допускали злоупотребленій. „Въ самомъ дѣлѣ возможна ли конкуренція между крупными и мелкими скотопромышленниками? Если налагаемый акцизъ на излишнее количество скота, обязательный для всѣхъ и снимаетъ до некоторой степени обвиненіе въ повровительствѣ богатымъ торговцамъ, то онъ, по самой ничтожности своей, не представляетъ никакихъ обеспеченій мелкимъ торговцамъ для дальнѣйшаго развитія своей торговли. Въ этомъ можно убѣдиться наглядно. Положимъ, что самый богатый изъ промышленниковъ имѣетъ сверхъ положеннаго 25 т. барановъ и 8 т. штукъ рогатаго скота; по закону онъ платитъ за нихъ не болѣе 1,800 р. акциза,—сумма для него нисколько не стѣснительная, потому что наемъ сгонныхъ мѣстъ или стѣпей въ сосѣднихъ уѣздахъ обошелся бы ему дороже: и ни въ какомъ случаѣ не дешевле; а между тѣмъ, держа свой скотъ на войсковыхъ земляхъ подъ рукою, онъ безостановочно ведетъ свои операціи ономъ, стѣсняетъ мелкихъ скотопромышленниковъ, повышаетъ и понижаетъ цѣны на ихъ товаръ почти по произволу. Допускъ въ хлѣбную полосу въ лѣтнее время въ особенности выгоденъ для богатыхъ скотопромышленниковъ, во первыхъ потому, что кормовыя травы здѣсь несравненно лучше, а слѣдовательно скотъ скорѣе нагуливается, бываетъ жирнѣе и сбывается выгоднѣе; во вторыхъ, въ этой мѣстности нѣтъ казаковъ скотопромышленниковъ, а

мелкій торговец скотомъ на нижней и средней дистанціи не погонитъ сюда скота, но немѣнно средствъ на насѣхъ лишннихъ пастуховъ, на взносъ денегъ въ обезпечивающій капиталъ и пр. Такимъ образомъ, на дѣль богатые ското-промышленники остаются полными хозяевами этихъ мѣстъ⁴.

Запрещеніе передавать право на безденежное содержаніе скота, въ сущности, не болѣе какъ фраза, такъ какъ законъ можно всегда обойти. Кто можетъ доказать, что скотъ, записанный на имя какаго нибудь казака или малолѣтняго сироты, или вдовы-казачки принадлежитъ не имъ, а родственнику ихъ, какому нибудь богатому скотопромышленнику? Видъ на это нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ. А между тѣмъ незаконное пользованіе общественнымъ достояніемъ лишаетъ общество значительнаго дохода.

Земледѣліе въ Уральской области развилось съ 30 годовъ нынѣшняго столѣтія¹⁾, когда явилась возможность сбывать хлѣбъ въ Самару и когда переселенцы изъ внутреннихъ губерній въ сосѣдній Бузулукскій уѣздъ стали наниматься въ работники къ казакамъ. Прежде всего стали заводить его чиновники и зажиточные казаки. Но и въ настоящее время распахивается незначительная часть всей годной къ обработкѣ земли (40 тыс. десят. изъ 550 тыс.). Однакожь, въ виду быстраго истощенія рѣболовства, земледѣліе въ скоромъ времени должно сдѣлаться господствующимъ занятіемъ. Этимъ объясняется та горячность, съ которою обсуждаются въ настоящее время на Уралѣ различные предположенія относительно болѣе равномернаго пользованія землею для хлѣбопашества (напр., проектъ Жигалина). Пользованіе пахатной землей въ прежнее время было совершенно свободно отъ какихъ либо ограниченій: „владѣніе землями общее, писалъ Левшинъ въ 1820 — 21 г., кто гдѣ пожелаешь, тотъ тамъ и пашетъ сколько ему угодно“. Но когда „открылась Самара“ и богатые казаки стали засѣвать въ болѣшихъ противъ прежняго разбѣрахъ, особенно на сѣверѣ области, обнаружилась необходимость ограничить зах-

¹⁾ Въ незначительныхъ разбѣрахъ земледѣліемъ занимались уже въ началѣ XVIII столѣтія (Рябининъ, стр. 238).

ваны извѣстными предѣлами (въ 1843). Но это постановленіе на первое время нѣмѣ не соблюдалось. Мѣнѣ зажиточные казаки, распахивающіе отъ одной до трехъ десятинъ, жаловались и жалуются, что сильные хлѣбопашцы стѣсняють ихъ, выпахивая ближайшіе къ семеніямъ участки, которыми и шнобѣдствіи они первые же пользуются, какъ только залежи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, вновь дѣлаются способными къ обработкѣ. Вслѣдствіе этого бѣдные казаки — хлѣбопашцы должны отъѣзжать далеко отъ своихъ жилищъ, оставляя ближайшія мѣста богатымъ.

Затрудненія увеличивались еще тѣмъ, что казаки, выбирая возможности лучшія мѣста, вспахивали землю безъ всякаго порядка доскутнями и клиньями, такъ что хлѣбъ подвергался при пригоѣ табуновъ потравамъ скота, вслѣдствіе чего возникали столкновенія скотопрогонщиковъ съ хлѣбопашцами, жалобы, ссоры и даже драки.

Съ цѣлю устранить эти неудобства комитетомъ, составленнымъ для этой цѣли, была приняты слѣдующія мѣры. Вся пахатная земля выше Уральска и по обѣ стороны отъ него по рѣкѣ Уралу и по Деркульско-Чижинской линіи раздѣлена была въ 1859 г. на 3 полосы. Въ одной, собственно пахатной, положено было распахать казаку не болѣе 20, оберъ-офицеру 30 и штабъ-офицеру 40 десят. казенной мѣры (2400 кв. саж.). Въ второй полосѣ дозволялось хлѣбопашцамъ пахатной полосы распахать въ размѣнѣ оставленной по причинѣ истощенія почвы равное количество земли, но съ тѣмъ, чтобы въ годъ это количество никакъ не превышало $\frac{1}{2}$ нормы, определенной для каждаго чина. Всѣ земли, оставшіяся за выдѣломъ этихъ двухъ полосъ, образовали вольную полосу. Здѣсь всякій кому была тѣсно въ первыхъ двухъ полосахъ могъ пахать сколько угодно. Эта же полоса назначена была для пастбищ скота. Вскорѣ опытъ показавъ, что эти постановленія комитета выгодны лишь для богатыхъ, получившихъ возможность распаханія огромнаго пространства въ такъ называемой вольной полосѣ и, напротивъ, весьма стѣснительны для бѣдныхъ, которые принуждены были распахать отдаленныя и худшія земли, притомъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду такого ре-

зультата, въ 1862 г. раздѣленіе на полосы было отменено и дозволено пахать гдѣ угодно штабъ офицеру 50 десятинъ, оберъ-офицеру — 35, казаку. — 25, малолѣткамъ; несущимъ повинности—10 д. каждому. Распахива производится слѣдующимъ образомъ: въ 1-й годъ всякій казакъ распахиваетъ опредѣленное количество десятинъ, гдѣ найдетъ удобнѣе; во второй и слѣдующіе годы онъ можетъ поднимать нови или стараго залога только половину этого количества, запахивая остальную половину на прежде вспаханной землѣ. Распахиваемая полоса принадлежитъ казаку, пока онъ ее обрабатываетъ; чрезъ годъ, по прекращеніи распахиванія, участіе поступаетъ въ общее пользованіе.

Судя по заявленіямъ, появляющимся въ печати, ¹⁾ стремленіе ограничить свободу распахиванія слѣдилось общимъ и, по всей вѣроятности, на Уралѣ скоро придуть къ мысли раздѣла земель между поселками, съ передѣломъ на равнине пав. Зачатки этой системы уже существуютъ и теперь. Если одновременно одну и ту же землю пожелають распахивать нѣсколько лицъ, то споръ разрѣшается или жребіемъ или же дѣлится на равныя доли.

Но всякое предложеніе о раздѣлѣ общественныхъ земель въ частную собственность возбуждаетъ общій протестъ. Выборные отъ селеній, собираемые съ 1862 г. для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, заявляли не разъ, что общинное пользованіе землей должно быть оставлено «на прежнемъ существованіи его издревле».

Пользованіе лѣсомъ, покрывающимъ всего 0,8^о поверхности земли уральскаго войска, ограничено точными правилами. Вообще рубка дозволяется только для обстройки дворовъ. Чтобы дать понятіе о строгости правилъ, которыми оберегаются общинныя лѣса, приведемъ распоряженіе войскаго хозяйственнаго правленія отъ 28 іюля 1872 г.

„По примѣру прошлыхъ лѣтъ, говорится тамъ, дабы дать жителямъ возможность заблаговременно до выхода на плавенное рыболовство запастись талыми и колыями для постройки

¹⁾ Уральскія войскаго вѣдомости 1867 г., № 33 и въ другихъ мѣстахъ.

и поправки надворнаго строенія, войсковое хозяйственное правленіе полагаетъ: 1) на крайне необходимую поправку надворнаго строенія и на обстройку новаго двора необходимо нуждающимся бѣднѣйшъ войсковымъ обывателямъ отпускать талы и малокатовна колья, по удостовѣреніи таковыхъ нуждъ ближайшимъ начальствомъ, а въ Уральскѣ уральскимъ полицейстеромъ; 2) отпускъ таловъ и кольевъ, выдачу билетовъ и указаніе мѣста рубки возложить въ Уральскѣ на завѣдывающаго лѣсами чиновника особыхъ порученій, въ другихъ мѣстахъ войска—на станичныхъ начальниковъ (которые обязаны доставить первому отчеты); 3) наблюденіе за правильностью рубки и надлежащимъ употребленіемъ таловъ и кольевъ, именно на обстройку и поправку дворовъ, а не на топливо, возложить непосредственно на мѣстную власть, въ ближайшемъ вѣдѣніи которой состоятъ лѣса и на полѣсовщиковъ, съ тѣмъ что если допущена будетъ рубка лѣса произвольная, то въ такихъ случаяхъ составлять объ этихъ порубкахъ протоколы, согласно 1186—1144 ст. уст. уг. судопр. 20 н. 1864 г., а равно описъ и оцѣнку, и доставить оныя въ сіе правленіе, а саміи лѣсы конфисковать до особаго о немъ распоряженія; 4) о настоящемъ разрѣшеніи жителямъ объявить: въ Уральскѣ чрезъ прочтеніе сего постановленія на рынкѣ и д. экзекутора, а въ прочихъ мѣстахъ — чрезъ прочтенія предписанія (Уральскія вѣдомости 1872, № 32).

Пользованіе усадьбами также ограничено: оныя не могутъ быть отчуждаемы. Вообще, община распоряжается усадьбами такъ же самостоятельно, какъ и другими видами угодій. Иногда въ интересахъ общины сносились весьма многолюдныя селенія. Вначалѣ прошлаго столѣтія въ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ долины Урала по обѣимъ сторонамъ его были основаны хутора. Впослѣдствіи ихъ существованіе тамъ было признано вреднымъ, такъ какъ казачество лишалось лучшихъ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстъ, занятыхъ этими воселками, и они сначала были перенесены всѣ на правую сторону Урала, а въ 1840 г. — на крайъ внутрь. Луга же и лѣса снова вошли въ составъ войсковыхъ нераздѣльныхъ угодій.

Не смотря на всѣ эти ограниченія, на различные неудоб-

ства неразрывнаго пользования, казавъ продолжартъ крѣпко держаться самаго принципа общины, старавъ лишь приспособляться къ новымъ условіямъ, и безусловно отвергаютъ всякіе проекты, направленные къ уничтоженію древней формы землепользования, ради сохраненія которой они бѣжали въ далекія степи и которая в настоящее время даетъ имъ „въ средотвѣ къ обезпеченію народнаго продовольствія, прирѣчній, жм охраненію народнаго здравія, содержанію управленія и вообще къ благоустройству войскорныхъ селеній“ (Уральскія вѣдомости 1867, № 9; 1872, № 40).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что экономическій бытъ крестьянства въ Московскомъ государствѣ предъ введеніемъ крѣпостнаго права наводился въ переходномъ состояніи къ худшей степени. Причины упадка народнаго благосостоянія заключались не въ свойствахъ природы, представляющей, напротивъ, самыя благопріятныя условія для экономическаго развитія, также не въ физическихъ и умственныхъ качествахъ народа, доказавшаго свою предприимчивость и трудолюбіе успешной колонизаціей громадной страны, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ, сдѣлалось, вслѣдствіе наложеніе тягла, невозможнымъ и народу приходилось поступиться своими вѣковыми обычаями. Но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міровоззрѣнія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы. Впродолженіе всего изслѣдуемаго періода крестьянство стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства. Тягло падало на него преимущественно чрезъ землю, и крестьяне или отказываются отъ нее совершенно, или берутъ меньшіе участки, или—въ громадномъ большинствѣ случаевъ — переходятъ съ однимъ

земель на друкія, гоняясь за льготами, хотя бы и временными. Богѣ предприимчивыя личности начинаютъ выходить за предѣлы государства. Съ цѣлью обезпечить исправное отбываніе тягла, правительство привертываетъ крестьянство сначала къ землѣ, а затѣмъ къ личности помѣщика. Усиливающійся экономическій гнетъ и ограниченіе личныхъ правъ крестьянъ вызываетъ побѣги за рубежъ, которыя постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Въгледы колонизуютъ юговосточныя ставени отъ Дона до Урала, устраивая свой бытъ на излюбленныхъ началахъ вольной общины. Продолжая усиливать мѣры взыскапія за побѣги, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится подчинить своему вліянію и выбѣжавшихъ изъ предѣловъ московскаго государства. Покореніе Казани и Астрахани дало ему возможность покрыть сторожами и городами большую часть юговосточныхъ окраинъ и оставить назначеніе въ зависимость отъ Москвы. Результатъ этотъ достигнутъ былъ послѣ долгихъ усилій и самостоятельное существованіе казачества прекращается только въ XVIII вѣкѣ. Съ этой поры оно входитъ снова въ составъ тяглой массы, хотя и на болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ.

Библіографическій указатель.

Паденіе Рима и Византіи. Очерки общественной патологіи С. Шашкова. Журналъ «Дѣло» № 5 и 6 1878 г.

Дѣло идетъ о болѣзни въ обширномъ смыслѣ слова, о болѣзни обществъ, даже цѣлыхъ сильныхъ, могучихъ государствъ. Завѣдываетъ этимъ особый департаментъ, особый отдѣлъ философско-эмпирической науки. Отдѣлъ этотъ снабженъ ярлыкомъ съ надписью: *общественная патологія*.

Въ наше время «Дарвинизмъ» получилъ громадное развитіе. Сдѣлавшіяся классическими выраженія „борьба за существованіе“ и „подборъ“ съ его различными подраздѣленіями, царятъ уже почти во всѣхъ областяхъ знанія. *Ф. Ф. Гельвальдъ* примѣнилъ теорію Дарвина къ исторіи человѣческой культуры. *Э. Геккель* написалъ весьма даровитую „исторію творенія“ (*Schöpfungsgeschichte*), съ Дарвиновской точки зрѣнія; въ недавнее время *Фр. Кирхнеръ* сдѣлалъ попытку примирить и соединить монадологическое ученіе Лейбница съ Дарвинизмомъ. Цѣль этихъ неутомимыхъ усилій состоитъ въ распространеніи Дарвиновой теоріи, для объясненія явленій не только матеріальнаго, но и моральнаго міра и доказывать такимъ образомъ *единство* того и другаго міровъ. И вотъ почему Дарвиновъ методъ изслѣдованія и вся вообще система относящихся сюда однородныхъ воззрѣній, какъ нельзя

болѣе подходитъ подъ философскій терминъ *монизмъ*. По этому возрѣнію, во всемъ мірѣ, во всей исторіи человѣчества, существуетъ одна и таже «борьба за существованіе», „подборъ“ и тѣсно соединенное съ этимъ подборомъ „вырожденіе тѣхъ расъ“, которыми, по строгому и неизбѣжному закону, суждено исчезнуть съ исторической арены. Въ мірѣ животныхъ, напримѣръ, лучше и совершеннѣе организованныя индивидуумы одной и той же породы *легче* выдерживаютъ упорную борьбу за существованіе, чѣмъ недѣлимныя той же породы, слабо организованныя, некрасивыя, глупыя. Благодаря этому процессу, измѣняются или трансмутируются и самыя породы; однѣ изъ нихъ совершенствуются, выступаютъ на первый планъ, другія отступаютъ на задній планъ, ступовываются, погибаютъ. Если примѣнять этотъ законъ къ исторіи человѣчества, вообще, то, при внимательномъ разсмотрѣніи, не трудно замѣтить, что и здѣсь, въ существѣ дѣла, совершается то же явленіе. Народы выступаютъ на сцену исторіи, но, испробовавъ здѣсь свои силы и оказавшись въ культурномъ отношеніи немощными, вытѣсняются другими, болѣе способными къ культурѣ, народами. Разница только въ томъ, что въ исторіи человѣчества и въ этотъ постоянный процессъ входитъ множество другихъ явленій; процессъ осложняется. Моральный міръ несравненно шире матеріальнаго. Въ области этики процессъ вытѣсненія всего отжившаго и немощнаго по отношенію къ мощному, полному силъ, живому, издавна выражался формулою: „вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старыя“. Это изреченіе евангельское, и его обыкновенно примѣняли къ борьбѣ устарѣващаго римскаго міра съ свѣжимъ и мощнымъ германскимъ элементомъ. Выраженіе это всегда было общепонятнымъ. Вино—это общечеловѣческая культура, которую *не все* народы одинаково способны носить. Какъ въ животномъ царствѣ, по прошествіи извѣстнаго періода времени, совершается перерожденіе, или, выражаясь новымъ терминомъ, трансмутация отжившихъ свою жизнь породъ и побѣда ихъ болѣе сильными и влиятельными молодью, свѣжею жизнью породами животныхъ, снабженными могучею организаціей,—такъ и въ человѣчествѣ даже и способнѣйшіе къ мощной

культуру народы, но уже изжившіе ее, подвергаются неизбежному процессу трансмутации, перерождения, — ослабѣваютъ, бѣваютъ побѣждаемы, наконецъ погибаютъ, уступая мѣсто другимъ. Былъ могучій, сдѣлавшій громадные услуги общечеловѣческой культурѣ, Римъ. Онъ погибъ, — хотя не вдругъ. Византія еще жила его силами, истощая его могучіе соки, пока не погибла сама. Нигдѣ въ исторіи челоѣчества этотъ процессъ трансмутации и ослабленія когда-то мощныхъ силъ не видѣнъ съ такою рельефностью, какъ на примѣрахъ Греціи, Рима и Византіи. Культура самаго Рима была слишкомъ мощна, духовная организція великаго народа, слишкомъ живуча, чтобы уступить сразу мѣсто другимъ сильнымъ народамъ въ роковой борьбѣ „за существованіе“. Продолжительная агонія умирающаго Рима раздѣляется поэтому на два огромные отдѣла: на исторію *Рима* и исторію *Византіи*, или восточнаго Рима. Для общаго изученія исторіи, такое дѣленіе представляется не вполне дѣлесообразнымъ, потому что такъ называемое «паденіе» западной Римской имперіи въ 476 г. не измѣнило ни политическихъ, ни внутреннихъ отношеній. Существовала одна Римская имперія, умиравшая въ продолжительной агоніи. Центръ имперіи, по случайнымъ причинамъ, изъ Рима перешелъ въ Византію.

Съ точки зрѣнія характеристики самого патологическаго процесса, отдѣленіе Рима отъ Византіи имѣетъ, однако, громадно-важное значеніе. Въ самомъ дѣдѣ, болѣзнь Великаго Рима въ блестящій періодъ его культуры — совсѣмъ не та, какою сдѣлалась потомъ болѣзнь Византіи. Болѣзнь послѣдней развивается и съ большею прогрессивностью, и съ большею силою поражаетъ общественный организмъ. Римъ, хотя, по общему мнѣнію, и былъ пораженъ жестокими симптомами развѣдающей болѣзни въ періодъ Цезарей, но все-таки онъ былъ великъ и возбуждалъ уваженіе борющихся съ нимъ варваровъ. „Борьба за существованіе“ принимала со стороны Рима колоссальный, величественный характеръ. Являлись великіе характеры, цѣльныя историческія фигуры, оставившія навсегда въ исторіи неизгладимое впечатлѣніе, какъ будто онѣ выдѣланы были изъ мѣди и мрамора. Напримѣръ, уже въ

періодъ наиболѣе безнадежныхъ симптомовъ римской государственной жизни, послѣ какаго-нибудь изверга Коммода, дѣлается цезаремъ великій Пертинаксъ, этотъ истый сынъ великаго народа, человекъ, въ которомъ воплотился остатокъ лучшихъ римскихъ соковъ. Сравнивая подобный же процессъ въ Византіи, мы не находимъ цѣльныхъ историческихъ фигуръ и безусловно великихъ характеровъ. Лучшие императоры и всѣ лучшие люди Византіи—это какіе то странные недоноски. Императоръ Ираклій, напримѣръ, и великъ и ничтоженъ, въ одно и то же время. Исторія этого замѣчательнаго императора полна странностей и непонятнаго смѣшенія геройскаго величія съ византійскимъ малодушіемъ и суевѣріемъ. Юстиніанъ, съ его аскетическими добродѣтелями, съ его ненавистью къ философіи, этому отверженному остатку язычества, не способенъ возбудить въ насъ никакой симпатіи. Останавливаясь, затѣмъ, передъ великолѣпною фигурой Велизарія, и недоумѣваешь: что это такое? Смѣшеніе наивной довѣрчивости ребенка—и неустрашимости и блестящихъ талантовъ воина; овецъ смиреніе тамъ, гдѣ всякій истый римлянинъ лучшей эпохи и лучшей пробы показалъ бы себя. Словомъ: въ Византіи процессъ разложенія — быстрое, болѣзнь глубокая, серьезная, борьба за существованіе со стороны выраждающейся расы гораздо безнадежнѣе, чѣмъ въ Римѣ до-Византійскаго періода. Вотъ почему для желающихъ слѣдить, съ помощію Дарвинова метода, за разлагающимся и умирающимъ государствомъ, Византія представляетъ наилучшій образецъ. Если уже задаться цѣлями изученія общественной патологіи, то этого образца не надо лучше. Византія—это всецѣло объятый болѣзнь организмъ. Непременность закона «вырожденія» изжившей свою жизнь когда-то могучей расы является здѣсь во всей силѣ. Намъ кажется, поэтому, что г. Пашкову, изучающему въ исторіи патологическіе процессы, можно бы ограничиться Византіей. До Рима, какъ мы увидимъ ниже, онъ немножко недоросъ, и ему требуется нѣсколько болѣе основательное научное подготовленіе.

Впрочемъ — спасибо за хорошую мысль и добрую цѣль...

Статья г. Шашкова, во всякомъ случаѣ, есть самый освѣжающій оазисъ въ пустынѣ нашей скучной журналистики.

Г. Шашковъ сдѣлалъ попытку провѣрки на исторіи Рима и Византіи закона борьбы за существованіе и всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій. Къ этому Дарвиновскому закону г. Шашковъ страстно привязанъ—это сейчасъ видно: ибо только страстный любовникъ рѣшится писать подобную статью съ крайне незначительными средствами и крайне бѣднымъ научнымъ подготовленіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Византія г. Шашкову удалась гораздо лучше, чѣмъ Римъ. Обострившійся процессъ болѣзни, при страшной безнадежности организма, при истощеніи всѣхъ его лучшихъ соковъ, очерченъ г. Шашковымъ рельефно, (это въ іюньской книгѣ «Дѣла»). Но нельзя назвать удавшеюся 1-ю часть статьи (въ майской книгѣ «Дѣла»). Здѣсь авторъ вводитъ своего читателя «въ свою удушливую клинику, въ которой онъ показываетъ свои незатѣйливые инструменты. При этомъ онъ путается, краснѣетъ, робѣетъ, но нисколько не извиняется (въ чемъ да простить его Богъ).

Идея «общественной патологіи» — идея далеко не новая; она существовала и прежде, хотя подъ другимъ именемъ. Всякая серьезная критика въ исторіи, называющая вещи ихъ собственными именами, даетъ уже идею общественной патологіи, — потому что сама-то исторія есть большею частію рассказъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ, „мартирологія народовъ“. Въ исторіяхъ, писавшихся прежде, примѣрно въ началѣ и срединѣ прошлаго вѣка, было больше риторики, чѣмъ дѣла; восхвалялось въ нихъ фиктивное благополучіе народовъ и разные „геройскіе подвиги“. Можно безошибочно сказать, что родовая черта исторіи, мужественно показывающей на общій позоръ человѣческіе недуги и страшныя развѣдающія авы, былъ великій англійскій историкъ Гиббонъ. Имя этого автора стоитъ у г. Шашкова *первымъ* въ перечисленіи его вспомогательныхъ источниковъ, и это обстоятельство даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о Гиббонѣ и его великомъ произведеніи. Первый томъ исторіи Гиббона („History of the Decline and Fall of the Roman Empire“) вышелъ въ Англіи въ 1776 г., слѣдовательно

уже во время полнаго развитія знаменитаго скептицизма и критицизма XVIII вѣка. Въ Англіи въ полномъ цвѣтѣ развитія стояли тогда историки Юмъ и Робертсонъ. Трудно представить тотъ шумный энтузіазмъ, съ которымъ былъ встрѣченъ первый томъ Гиббоновой исторіи. Онъ сдѣлался настольною книгою не только во всѣхъ англійскихъ салонахъ, но и въ скромномъ столѣ каждаго грамотнаго буржуа. Что-то могущественно-освѣжающее почувствовали всѣ, прочитавъ этотъ томъ. Юмъ и Робертсонъ выразили Гиббону свой энтузіазмъ и привѣтствовали въ его начинаніи новую эру историографіи. Остальные томы всѣ вышли въ свѣтъ, въ періодъ 1776—1787 годовъ. Вся тайна этого успѣха заключалась именно въ безпощадной критикѣ фактовъ, касавшихся такъ-называемаго „паденія“ Римско-Византійской имперіи, и затѣмъ, въ неподражаемо-мастерскомъ художественномъ изложеніи. Изъясвленный трупъ былъ вскрытъ ножомъ великаго хирурга, и этотъ хирургъ еще подробно объяснилъ, что вотъ тогда-то и тогда-то нанесена была язва, при такихъ условіяхъ и потому-то. Что прежде казалось здоровымъ, нормальнымъ—то оказалось больнымъ и негоднымъ. Традиція бывшаго фактивнаго величія были потрясены и уничтожены. Гиббонъ, указывая ничтожество и фальшивость, никогда не смѣется открыто, какъ смѣется Вольтеръ. Но величавый, важный эпическій тонъ его разсказа уничтожаетъ гораздо хуже всякаго Вольтеровскаго сарказма. Нѣтъ плачевнѣе состоянія больного, когда онъ увѣренъ, что онъ здоровъ, и нѣтъ плачевнѣе состоянія сумасшедшаго, воображающаго себя въ здоровомъ умѣ. Но тяжесть впечатлѣнія при этомъ усиливается, если психіатръ говоритъ больному: „хорошо, я вѣрю и признаю, что ты здоровъ, но я все-таки внимательно тебя изслѣдую“. И горемыка-больной вѣритъ искренности словъ психіатра! Точно такъ и Гиббонъ обращается съ патологическими фактами и личностями исторіи, не придавая имъ настоящихъ ихъ эпитетовъ, а какъ будто воспѣвая ихъ въ своей апопее. Но читателю, прочитавшему внимательно трудъ Гиббона, какъ въ чистомъ зеркалѣ, само собою, представляется ничтожество всего ничтожнаго и величіе всего истинно-великаго. Читатель почувствуетъ, что многое уничтожено и осмѣяно,

что во многое, во что онъ до сихъ поръ вѣрилъ, уже навсегда утратилась вѣра. Тайна подобной страшной, скрытой иронии умерла вмѣстѣ съ Гиббономъ. Но великое твореніе этого автора осталось; глубоко поучительно оно до сихъ поръ, и остается настольною книгою для каждаго, занимающагося исторіей. Внѣшній механизмъ, при помощи котораго построено знаніе Гиббоновой исторіи, отчасти понятенъ. Это—многосторонность изслѣдованія, привлеченіе къ дѣлу всего, что можетъ обрисовать фигуру изображаемаго предмета, лица, или же общую картину событія. Ни археологическія частности, ни мелочи разныхъ полузабытыхъ сказаній—ни что не пренебрегается; хотя все употребляется съ строгимъ расчетомъ. Событія и лица проходятъ предъ трибуналомъ историка, какъ живыя. Тиранны, убійцы, мачехники—до того поразительно живы, что вы какъ будто видите даже пятна крови на ихъ одеждахъ и чувствуете «запахъ крови», какъ выражается Эсхилъ въ своихъ трагедіяхъ. Всѣмъ цитуемымъ классическимъ и неклассическимъ писателямъ историкъ задаетъ множество перекрестныхъ вопросовъ, намѣренно запутываетъ ихъ въ противорѣчія, одного свидѣтеля противопоставляетъ другому, другаго третьему, пока наконецъ, въ общемъ итогѣ, не окажется истина или ложь,—что для историка представляется посидимому безразличнымъ; по видимому, даже никакихъ любимыхъ идей у него нѣтъ, а вся цѣль его—раскрыть истину, хотя бы и печальную...

Въ то время, когда Гиббонъ писалъ свою исторію, еще не существовало и въ поминѣ терминовъ «борьба за существованіе», «подборъ» «общественная патологія», не было въ поминѣ и трансмутационной теоріи, которой суждено сдѣлать такой шагъ въ наше время; существовала еще вѣра въ постоянство и неизмѣняемость видовъ. Тогда цѣнили произведеніе англійскаго историка только за его художественность, образцовую обработку источниковъ и свойственный тому вѣку скептическій «духъ и скрытую иронию». Этотъ взглядъ современниковъ выразился въ двухъ стихахъ, посвященныхъ Гиббону лордомъ Байрономъ:

«Sapping a solemn creed with 'Solemn Sneer
The Lord of Irony, that 'master-spell».

Но въ наше время Гиббоново твореніе представляется какъ будто написаннымъ нарочно для облегченія историкамъ Дарвиновскаго пошиба. Руководясь Гиббономъ, имъ уже относительно не трудно объяснить явленія древней Римской и Византійской исторіи простыми и постоянными законами. Гиббонъ не зналъ, повторяемъ, выраженій: „трансмутація“, „подборъ“ „борьба за существованіе“, (хотя терминъ „вырожденіе“ онъ употреблялъ), но онъ отлично понималъ значеніе этихъ будто бы новыхъ понятій.

Основная мысль творенія великаго историка именно и состоитъ въ томъ, что Римъ палъ отъ своей собственной тяжести. Устарѣлый организмъ римскаго государства не могъ переварить и уподобить себѣ новыя, принятые въ себя, элементы. Византія—это только жалкій выродокъ римской умирающей мощи; она интересна только какъ окончателный процессъ разложенія. Г. Пашковъ приравнялъ Римъ къ Византіи, и оттого вышла у него натажка и разладница, но отдѣлъ о Византіи представляетъ лучшую и удачнѣйшую часть его статьи.

„Римъ г. Пашкова“ мы, значитъ, оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ согласиться съ авторомъ въ основной мысли рѣзительно невозможно. Византія—другое дѣло.

Не смотря на то, что періодъ Римско-Византійской исторіи, до завоеванія Царяграда турками, громаденъ (онъ продолжался 1,058 лѣтъ, съ 305—1453 г.) съ точки зрѣнія патологическаго процесса, прогрессивнаго вырожденія и истощенія живыхъ силъ,—этотъ періодъ весьма простъ и удобопонятенъ. Тяжело, конечно, слѣдить за этой страшной, медленной смертью, за проявленіемъ дикаго варварства и суевѣрія съ одной стороны и рабскаго подчиненія этому варварству съ другой. Но все-таки это крайне печальное зрѣлище представляетъ много поучительнаго. На каждомъ шагу вы убѣждаетесь здѣсь въ непреложности закона вырожденія расы, которая изжила свою жизнь и которой суждено погибнуть подъ наплывомъ новыхъ силъ. Даже повидимому лучшія и благороднѣйшія проявленія византійской дѣятельности, (напримѣръ, получившая огромную оживленность, юриспруденція при Юстиніанѣ) были запятнаны варварскимъ грабительствомъ и взяточничествомъ.

Важѣйшая юридическая школа процвѣтала въ Беритѣ (на финикійскомъ берегу) и кончившіе въ ней 5-тилѣтній курсъ юристы всегда уже разсчитывали на быстрое обогащеніе; ибо, при всеобщемъ развращеніи, крѣпководныхъ дѣлъ было страшно много; преступленій совершалось много и была масса процессовъ. При судѣ префекта занималось обыкновенно 150 адвокатовъ. Двое изъ нихъ выбирались ежегодно для веденія казенныхъ дѣлъ, съ платою имъ по 60 фунт. золотомъ. Государственными, важѣйшими должностями завладѣли знухи. Они представляли собою самый отвратительный видъ тиранніи и деспотизма, когда-либо существовавшій въ мірѣ. Введеніе въ Римской имперіи знуховъ относится еще ко времени Діоклетіана, (въ III вѣкѣ, когда персидская роскошь впервые окружила тронъ Римскаго императора). Одинъ изъ грабителей-знуховъ, Евтропій, временщикество котораго относится къ 395—399 гг., подобно ростовщику, сортировалъ провинціи имперіи на всемъ пространствѣ отъ горъ Гемуса до Тигра. Различная стоимость Понта, Галатіи, Лидіи была опредѣлена къ тонности. За Ликию было назначено нѣсколько тысячъ, за богатую Фригію стояла высшая цѣна.

Къ числу отъявленныхъ грабителей-министровъ императора Юстиніана принадлежитъ Іоаннъ Каппадокійскій. Свѣденія объ этомъ крайне безнравственномъ, но, въ тоже время, и громадпо-даровитомъ чловѣкѣ, мы почерпаемъ, какъ и большую часть свѣденій Юстиніанова періода, изъ историка Проклія. Іоаннъ Каппадокійскій занималъ важный постъ преторіанскаго префекта на Востокѣ, былъ безграмотенъ до того, что едва-могъ подписать свое имя, но за то умѣлъ всегда давать самыя умные и изобрѣтательныя совѣты и помогалъ, вышутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Глубокая развращенность его сердца равнялась силѣ и проницательности его ума. Его поддѣляли въ чародѣйствѣ и ядическомъ суевѣріи, онъ былъ нечувствителенъ и недоуменъ для страха передъ Богомъ, не боялся также и людей. Его счастье, до мѣткому выраженію Гиббона, было основано „на смерти цѣлыхъ тысячъ, на вицетѣ цѣлыхъ миллионѣвъ, на развалинахъ городовъ и на опустошеніи провинцій“. Едва

только забрежится утро и до самаго обѣда, министр Юстиніана неутомимо работалъ, чтобы обогатить себя и своего повелителя на счетъ римскаго міра. Остальную же часть дня (послѣ обѣда) онъ проводилъ въ чувственныхъ и самыхъ грязныхъ удовольствіяхъ.

Власть императора зависѣла главнымъ образомъ отъ войска; слѣдовательно, кромѣ громаднаго вліянія эвнуховъ, продолжался еще и военный деспотизмъ. Непосредственная охрана императора довѣрялась лейбъ-гвардіи изъ 3,500 человекъ, преимущественно армянь. Войска же состояли главнымъ образомъ изъ варваровъ. Отвратительныя казни, на которыхъ лежатъ печать ужаснаго варварства, совершаются во весь длинный періодъ Византійской исторіи. Кастрація, растаптываніе ногами, ослѣпленіе, выдергиваніе и выжиганіе глазъ, отрываніе носовъ, ушей, губъ, сожиганіе живыми въ баняхъ, разрубленіе на куски, выжиганіе у дѣвиць грудей раскаленнымъ желѣзомъ, вырваніе тѣхъ же грудей тисками и пр. принадлежатъ къ казнямъ весьма обыкновеннымъ. Весьма картинно и интересно г. Пашковъ передаетъ событія при Юстиніанѣ, эпизоды съ женою и сыномъ Везиварія, занимая, конечно, все это цѣликомъ изъ Гиббона. Въ высшей степени характеристичныя для Византіи событія при Андроникѣ старшемъ переданы недурно. Но у Гиббона тѣже событія изображены съ мастерствомъ, представляющимъ верхъ совершенства. Позорная и суевѣрная трусливость Андроника характеризована Гиббономъ слѣдующими иѣткими словами: «Онъ боялся пламени войны съ какими-нибудь турками столько же, сколько—пламени геенскаго». Также точно мастерски изображена у Гиббона характерная исторія съ каррикатурою на императора и патріарха. Въ разсказѣ же г. Пашкова эта исторія представляется не совсѣмъ ясною. Съ живостью и большимъ интересомъ разсказанъ также у г. Пашкова эпизодъ о борьбѣ партій въ цркѣ, *Зеленыхъ* и *Голубыхъ*, и бунтъ, извѣстный подъ именемъ «Ники», при Юстиніанѣ, а также охарактеризованы отвратительныя безумства Михаила III. Въ XIII вѣкѣ на развалинахъ Византійской имперіи уже возникли отдѣльныя имперіи: Никейская и Трербизондская. Аенны тоже

сдѣлались отдѣльнымъ государствомъ. Подъ конецъ Византійской жизни, передъ финаломъ борьбы за существованіе, по вполнѣ справедливому замѣчанію г. Шашкова, «сыновья и внуки великихъ отцовъ вырождались въ слабыя, жалкія или же звѣроподобныя существа».

Да, общій характеръ Византійскаго вырожденія представляется болѣе безотраднымъ, чѣмъ вырожденіе Рима при Цезаряхъ.

Свѣточъ философскаго мышленія совсѣмъ погасъ въ Византіи уже со временъ Юстиніана, и въ безотрадной тѣмѣ цѣлне вѣка совершалась смерть колоссальнаго тѣла. Съ мучительной медленностью холодѣлъ членъ за членомъ. Въ Римѣ, при Цезаряхъ, даже среди разврата, лучшіе люди согрѣвали свои сердца идеалами стояческой философіи и, въ случаѣ крайности, мужественно и спокойно умирали. У Византіи и это послѣднее утѣшеніе было отнято. Вліяніе христіанства также не улучшило общественнаго положенія, хотя внѣшній блескъ и формальное благочестіе, вовсе не согласное съ духомъ Христова ученія, существовали. Юстиніанъ построилъ великолѣпнѣйшій изъ христіанскихъ храмовъ; но при Юстиніанѣ же послѣдніе гонимые языческіе философы Исидоръ, Дамасцій и Симплицій въ 529 г. отправились изъ Византіи въ Персію, ко двору Хозроя; но и тамъ они встрѣтили полнѣйшее азиатское изувѣрство и невѣжество. Тогда совершилось одно изъ трагическихъ и самыхъ трогательныхъ явленій въ мірѣ. Послѣдніе поклонники языческаго любомудрія рѣшились возвратиться домой, что бы, по крайней мѣрѣ, умереть на родной землѣ. Въ этомъ грустномъ, послѣднемъ утѣшеніи имъ, конечно, не было отказано, и съ тѣхъ поръ начинается для Византіи длинный періодъ суевѣрія и всяческихъ пороковъ.

О неоспоримыхъ достоинствахъ статьи г. Шашкова и, въ особенности, о прекрасной цѣли его статьи нечего и говорить. Но... да позволить почтенный авторъ сказать кое-что о недостаткахъ его статьи, какъ они представляются постороннему читателю. Первая выдающаяся слабость статьи г. Шашкова—это игнорированіе философской стороны дѣла и почти полнѣйшее отсутствіе освѣщенія предмета съ этой стороны.

Правда, г. Шашковъ упоминаетъ о неопиетогорейцахъ и эпикурейцахъ, но только бѣгло и, кажется, больше для декорации, чѣмъ для дѣла. Аристотель у г. Шашкова цитованъ небрежно, по рутинному приему, по которому обыкновенно взваливаютъ на Стагирскаго философа непонятное обвиненіе по поводу института рабства и подчиненія женщинъ, какъ будто, кромѣ Аристотеля, объ институтѣ рабства и положенія въ древнемъ мірѣ женщинъ намъ уже ни откуда болѣе не извѣстно. Затѣмъ, совсѣмъ игнорирована стоическая философія и ея громаднѣе значеніе для Рима, ея вліяніе на убѣжденія лучшихъ изъ римлянъ и на ихъ практическую дѣятельность. Какъ будто ничего этого не существовало, и какъ будто порицаніе распущенности римскаго общества, высказанное лучшими изъ римлянъ, высказывалось не съ точки зрѣнія того идеала, какой представляла стоическая философія, и какъ будто тѣ отрадныя явленія, которыя, такъ сказать, перегоразживали собою быстрое прогрессивное вырожденіе римскаго народа, не были обязаны своимъ происхожденіемъ стоической философіи. Всего рельефнѣе, разумѣется, это вліяніе стоицизма на нравственность видно на философѣ-императорѣ Маркѣ Авреліѣ. Но и всѣ лучшіе изъ римлянъ были „лучшими“ именно благодаря согрѣвавшему ихъ стоическому идеалу. Уже равнодушіе къ жизни (*ἀπάθεια*), сдѣлавшееся у римлянъ какъ-то догматомъ, показывается, каковымъ господствующимъ вліяніемъ на практикѣ пользовался у нихъ стоицизмъ. Это безразличіе къ страданіямъ и радостямъ, эта апатейя, закалявшая характеры, помогала римлянамъ съ мужествомъ и гордымъ достоинствомъ умирать, если тиранія Цезарей поставляла ихъ въ безвыходное положеніе. Иной изъ нихъ разрѣзываетъ себѣ вены, другой закаляется кинжаломъ, но всѣ умираютъ съ достоинствомъ и твердостью. Важно то, что стоицизмъ обыкновенно не раздроблялъ добродѣтели на части, какъ раздробляемъ, напримѣръ, мы, рисуясь доскутками нашей добродѣтели, а смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто *цѣлое, нераздѣлимое*, часть котораго не мыслима въ отдѣльности и, какъ часть, не имѣетъ уже никакой цѣны. Отъ этого происходили и важныя послѣдствія для образованія такихъ великихъ, цѣль-

ныхъ нравственныхъ характеровъ римлянъ,—характеровъ, которые, при общемъ развращеніи, уже просто поразительны. Или *добрый* или *злой*, или *честный* или *безчестный*—средины у стоиковъ не было, или, если она существовала, то называлась *сдѣлфоровъ*, т. е. ни то ни сѣ, и клеймилась безпощаднымъ презрѣніемъ, не только стоиками *ex-professo*, но и всѣми лучшими изъ римлянъ. При такомъ возрѣніи уже, конечно, не была возможна никакая сдѣлка съ совѣстью. До какой степени послужила такая стоическая доблесть римлянъ времени Цезаря тормазомъ для быстрого прогрессивнаго вырожденія? Голословно говорить объ этомъ утвердительно или отрицательно, конечно, трудно. Надо доказать то и другое. И вотъ въ этомъ, намъ кажется, состоитъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ для изслѣдователей процесса вырожденія римскаго общества,—съ точки зрѣнія дарвинизма, какъ философской системы. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать патологическими явленіями только одну поверхностную сторону фактовъ. Накватать же цитаты и выдержки изъ древнихъ писателей, и нахватать безъ критическаго сравненія ихъ между собою, и потомъ безъ церемоніи начать показывать общую картину раздѣлывшаго Римъ недуга—всего этого еще крайне, крайне недостаточно. Слова „подборъ и вырожденіе“ вовсе не такъ просты, чтобы употреблять ихъ при бѣгломъ обзорѣ массы явленій, можетъ быть, разнородныхъ по своей причинѣ и источнику. Поверхностная сторона этихъ фактовъ всѣмъ извѣстна. Вѣдь кто же не знаетъ вопіющаго разврата римлянъ въ эпоху Цезарей и разврата самихъ Цезарей? Кто не знаетъ, что это повело Римъ къ гибели? Это уже общая фраза, прожужжавшая всѣмъ намъ уши еще на школьныхъ скамьяхъ. Но вопросъ въ томъ: какъ именно происходилъ этотъ процессъ? Какъ нарисовать его настоящую картину? Вы говорите о рабствѣ и аристократіи и о безднѣ, раздѣлывшей ихъ въ Римскомъ обществѣ. Покажите же: какъ развилось рабство въ Греціи, какую форму *тамъ* имѣла аристократія, какая бездна раздѣляла *тамъ* рабовъ отъ владѣльцевъ, и затѣмъ—какія видоизмѣненія претерпѣли эти явленія въ Римѣ, не влияло-ли тутъ какое либо господствующее фи-

лософское направление? А то:—вырвать у Аристотеля нѣсколько фразъ о рабствѣ и женщинахъ, игнорировать вліяніе Платоновой философіи на политическій и общественный бытъ древности, перескочить затѣмъ въ Римъ и начать разсказывать о цезаряхъ по приставленнымъ ко лбу каждому ярлыкамъ: *вотъ это тотъ-то, сдѣлалъ то-то, погубилъ людей столько-то*, раздать имъ небрежно баллы по поведенію и назвать это громкимъ именемъ „Очерковъ общественной патологии“ въ древнемъ мірѣ. Это уже—какъ будто и не серьезная статья, хотя бы она была украшена самымъ моднымъ заголовкомъ...

Пусть бы, впрочемъ, авторъ съ простодушіемъ спеціалиста, увѣреннаго, что кромѣ специальности онъ ничего знать не обязанъ, преслѣдовалъ «попшленный подборъ», искалъ бы и находилъ его во всѣхъ разсказываемыхъ фактахъ и событіяхъ. Такъ этого не видно. Напротивъ, видно стараніе обнять дѣло глубоко и широко,—но стараніе такъ и осталось безуспѣшнымъ. Явленія естественнаго подбора приводятся г. Шашковымъ чуть-ли нѣ на одной *63 стран.* (іюньская книжка) и это очень жаль, потому что, казалось бы, слѣдовало похлопотать больше отыскать примѣровъ, отыскать во что-бы то ни стало. На 63 стран. говорится: „Міръ былъ населенъ расою *тимеревъ*, когда *мошныя титаны ствера* ворвались въ него и начали *улучшать эту захудалую породу*“. (Вотъ это еѣ дѣлу!) но потомъ (стр. 65) „варвары, на сколько они смѣщивались съ римлянами, начали вырождаться сами, *усвоивали себѣ все пороки* (слушайте!) и только тѣ изъ нихъ, которые оставались болѣе или менѣе чужды римской цивилизаціи, не подвергались этой порчѣ...“ Это бы и хорошо! Вотъ, если бы послѣдовательно выдержать такъ всю статью, отъ начала до конца, она была бы и хорошая, и самая модная статья. Но послѣ удачнаго мѣста говорится вдругъ о христіанахъ и вообще о людскихъ бѣдствіяхъ, и въ частности о бѣдствіяхъ церкви въ V вѣкѣ, то есть о томъ, о чемъ можно найдти въ любомъ, хотя бы самомъ плохомъ, учебникѣ церковной исторіи. При чемъ тутъ Дарвиновскія воззрѣнія и „подборъ“—рѣшить трудно. Положимъ, сказанія о всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ не преувеличены разными плаксивыми Іереміями—

но откуда мы знаемъ, что они не преувеличены? Берется вдругъ въ свидѣтели Сальвианъ, этотъ Іеремія V вѣка, которому можно вѣрить только съ большою осторожностью. Положимъ, Сальвианъ рисуетъ предъ нами поразительныя картины народныхъ бѣдствій и опустошенія цѣлыхъ странъ, положимъ, V вѣкъ былъ ужасный, и именно отличался подобнымъ характеромъ... Но все-таки принимать безъ критики простодушныя сказанія — не научно. Извѣстно, что и наши отечественные, простодушные, плаксы постоянно преувеличивали дѣйствительный размѣръ бѣдствій. Григорій Турскій заслуживаетъ большаго довѣрія, но и его сказанія было бы слишкомъ уже простодушно принимать безъ критики. Отвращеніе, замѣчаемое въ разныхъ авторахъ, къ критикѣ и осторожности, и увѣренность въ непогрѣшимости разъ на всегда принятаго взгляда происходятъ отъ различныхъ причинъ; но чаще всего отъ самолюбія и самоуслажденія. На развратный Римъ мы смотримъ обыкновенно свысока. Онъ былъ, при Цезаряхъ, донельзя гнилымъ и негоднымъ, точно такъ, какъ прежде наши славянофилы утверждали, что весь Европейскій Западъ безнадежно гниетъ. Во всякой нашей книгѣ или статьѣ, посвященной древне-римской исторіи, обыкновенно уже само собою подразумевается извѣстное motto: «благодареніе богамъ, что мы несравненно лучше нашихъ предшественниковъ», т. е., понимая дѣло въ обширномъ смыслѣ, мы несравненно лучше всѣхъ древнихъ народовъ. Это фарисейство далеко не безвредно для науки (настоящей, а не фиктивной). Изслѣдованіе древняго міра, древняго Рима и, въ частности, нѣкоторыхъ бликомъ уже заклеянныхъ историческихъ личностей, далеко не покончено и не спало въ архивъ. Что даже о „Римѣ при Цезаряхъ“, о развратѣ котораго рутинѣры не перестаютъ жужжать намъ въ уши, можно сказать вещи самыя противоположныя, (и сказать на основаніи тѣхъ же писателей, съ голоса которыхъ берутся самыя тяжкія обвиненія для «Рима цезарей») что все это возможно—доказываетъ существованіе особой исторической школы, считающей эпоху Цезарей кульминаціонною точкою римскаго развитія. Съ этой же точки зрѣнія несправедливо затоптанъ въ грязь, напримѣръ, Цезарь Тверій; съ

этой же точки зрѣнія, представляется не совсѣмъ рациональнымъ и основательнымъ безусловно вѣрить Тациту, ярому стороннику униженной аристократической партіи, этому защитнику интересовъ «римскаго имперства,» какъ выражается о Тацитѣ А. Штаръ...

Если принять строгую критику за правило, то, по внимательномъ изслѣдованіи, множество свидѣтельствъ древнихъ авторовъ получать для насъ, быть можетъ, совсѣмъ иной смыслъ и дадутъ совершенно иное освѣщеніе фактовъ. Но уже навѣрное можно сказать, что строгая критика всегда разрушитъ множество предвзятыхъ мнѣній.

Напримѣръ, какъ свидѣтелей римскаго безнадежнаго разврата г. Шашковъ призываетъ Катона, Сенеку, Цицерона; на свидѣтельства ихъ г. Шашковъ опирается, какъ на каменную стѣну. Конечно, и у Катона, и у Сенеки, и у Цицерона то и дѣло встрѣчаются крайне горькія и жолчныя жалобы на современный имъ порядокъ вещей. Но вѣдь эти жалобы могли просто вытекать изъ ихъ философскихъ стоическихъ воззрѣній, т. е. строго-стоическихъ у Катона и Сенеки, а у Цицерона, пожалуй—если хотите—электрическихъ. А вслѣдствіе этихъ воззрѣній уже самая обыкновенная, а вовсе даже не страстная (какая, напримѣръ, существуетъ у нашихъ современниковъ, часто не знающихъ ни какого различія между казеннымъ или общественнымъ сундукомъ и собственнымъ карманомъ) привязанность къ „земнымъ благамъ“ клеймилась презрѣніемъ и безусловнымъ осужденіемъ, какъ *adidporon*, недостойное человѣческой природы и крайне постыдное. Думаете-ли вы, что Цицеронъ произнесъ бы менѣе громкую и страстную рѣчь, если бы въ его время продѣляли свои кунштюки гг. Овсянниковъ, Горвицъ и Коганъ, Юханцевъ и т. д., чѣмъ его извѣстная рѣчь противъ Верреса? Нисколько. Напротивъ, рѣчь знаменитаго эклектика-философа и оратора кипѣла бы вѣроятнѣе ббльшимъ презрѣніемъ къ преступленію и большою скорбью за поруганный долгъ и достоинство чловѣка! Да и чѣмъ отличаются грабежи Верреса отъ грабежей Овсянниковскихъ и Юханцевскихъ?—Только одною формою, соответствующею духу того и другаго времени, да еще развѣ тѣмъ, что одни

грабеними були „міщобські“, а другіе „христіанські“!... Думаєте-таки; навоєнь, що Римъ, въ которомъ еще жила великая сила в великіи преданія древней республики,—*болыше* вырождається, утѣмъ ми сами; въ нашѣмъ современномъ состояніи?... Вы, даясь, съ увѣренностью приводите извѣстное motto изъ поэты Горация, гдѣ онъ, повидимому, ясно и прямо говорить объ общей порчѣ римскихъ нравовъ и быстро увеличивающемся вырожденіи современныхъ поколѣній. Но прямой смыслъ Горация, этого великаго аристократа (по образованію и развитію, конечно, а не по рожденію) понять не особенно легко. Въ Горациі еще жива была идея величія древней Римской республики, ея простота, величавыхъ и правомѣрныхъ учрежденій; онъ самъ орошается за ея существованіе; онъ могъ еще, совершенно искренне и положе руку на сердце, произнести свои глубоко-идеологические слова:

„Alme Sol, postis nihil urbe Roma
Visere majus!“).

(О державное солнце! Ты ничего не можешь видѣть величественнѣе Рима!).

На этому-то все противоположное древней простотѣ учрежденій могло показаться Горацию невыносимымъ и безотраднымъ и самія помилушія, удаляющіися отъ первобытныхъ нравовъ, безнадежно и быстро вырождающіися. При томъ часто высказывался Горациемъ любовь къ природѣ и сельской живни можетъ убѣдять насъ, что и въ немъ, одновременно съ Пирроновскимъ сластолюбствомъ, жила стоническій идеаль „простоты“ и онъ могъ томика, отъ часу зрѣнія этого идеала смотрѣть на такъ называемое „вырожденіе“. Вообще нѣтъ ничего комичнѣе, какъ принимать въ драматическомъ и буквальный смыслѣ то, что можетъ имѣть двойнаго даже нѣсколько смысловъ, т. е., другими словами, обходиться безъ самобитной критики и смотрѣть съ высоко на извѣстнаго явленіе только потому, что другіе на это смотрѣли съ высоко. При исследованіи древней исторіи, смотря по тому, какою сто-

*) Сатт. Seculare II.

рону предмета будетъ истеривать ваша критика, одними и теми же свидѣтельствами древнихъ писателей можно доказывать известную вещь. Другой же изслѣдователь докажетъ вещь противоположную. Для васъ, напримѣръ, Тиверій представляется „жестокимъ, трусливымъ и развратнымъ тираномъ“, а для известнаго ученаго Адольфа Штара, конечно не уступающаго вамъ въ проникательности и знаніи древнихъ источниковъ, Тиверій далеко не представляется такимъ—а человекомъ, не лишеннымъ величія и благородства характера и, главное, одареннымъ тою добродѣтью, которая никакъ не подходитъ подъ шаблонъ господствующаго порока въ процессѣ „Римскаго вырожденія“, а именно: бережливостью государственныхъ суммъ, отвращеніемъ къ мотовству и замѣчательною государственною прозорливостью. Правъ-ли г. Штаръ, можно попробовать повѣрить внимательнымъ чтеніемъ Светонія, весьма ясно представившаго психологическую возможность перерожденія великодушной и благородной природы въ невыносимаго тирана. Страшное прошедшее молодости Тиверія, произведенное надъ нимъ возмутительное моральное насліе, по простымъ психологическимъ законамъ неизбежно должно было переродить его въ тирана, и уже конечно, на основаніи того же Светонія, нѣтъ никакой возможности приравнивать Тиверія къ Калигулѣ, Кариналѣ, Эліогабалу, Коммоду, и даже къ артисту-Нерону. Но въ Тиверіи есть и другая замѣчательная черта, на которую слѣдовало бы обратить особое вниманіе, именно съ приналежностью авторомъ точки зрѣнія. Здѣсь видна наслѣдственная родовая черта въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ одного и того же рода. Это—демоническая гордость и презрѣніе ко всему окружающему, презрѣніе къ религиознымъ традиціямъ и обрядамъ. Эта черта, сама по себѣ страшная и вредная, привлекала, однако, къ себѣ симпатію всѣхъ даровитыхъ деспотовъ, напримѣръ Наполеона I, утверждавшаго, что Тацитъ былъ несправедливъ къ Тиверію. Эта черта существовала и въ предкахъ Тиверія, членахъ аристократическаго рода Клавдіевъ, изъ которыхъ Светоній упоминаетъ Клавдія Пульхера и двухъ матронъ. Изъ нихъ начальствовавшій флотомъ Клавдія Пульхеръ выра-

завъ гордое презрѣніе къ религіознымъ ауспiciямъ и брѣвнѣмъ священнымъ вѣтхумъ, не хотѣвшихъ при совершеніи ауспiciи въстать корма, въ море, произнесъ характеристическія слова: „пусть же они (вѣтхумъ) пьютъ воду, если не хотѣтъ въстать“ (*ut biberent quando esse nolent. Suet., Tiber. p. 87*) и затѣмъ Пульхеръ началъ морскую битву, но былъ разбитъ. Сенатъ требовалъ, чтобы въ такомъ критическомъ положеніи онъ назначилъ диктатора. Но гордый патрицій и тутъ выразилъ презрительную насмѣшку надъ бѣдствіемъ своего отечества; онъ назначилъ на чрезвычайный постъ своего проводника (*viator*) вольноотпущенника Глиція, конечно не обладавшаго никакими способностями. Затѣмъ Светоній же упоминаетъ объ одной благородной матронѣ, тоже изъ рода Клавдіевъ, жившей уже по смерти Пульхера. Эта аристократка, прѣвзяжая однажды на колесницѣ по городу, была окружена густою толпою народа и, въ негодованіи на такую тѣсноту, какъ выражается Светоній, *palam optaverat, ut frater suus Pulcher revivesceret atque iterum classem amitteret, quo minor turba Romae foret*¹⁾ г. Пашковъ (въ первой части своей статьи, въ майской книжкѣ) сдѣлалъ изъ этого весьма важнаго мѣста довольно смѣшную передѣлку, которая, кстати замѣтить, заставляетъ насъ сильно усомниться въ строгой вѣрности и остальныхъ цитатъ, приводимыхъ авторомъ. По г. Пашкову выходитъ, что упоминаемая Светоніемъ дама во-первыхъ шла (а не ѣхала) по площади (хотя у Светонія ясно и прямо говорится: *aegre procedente carrentibus*), во вторыхъ, говорила, въ раздраженіи, о какомъ-то *привороту*, о которомъ у Светонія не говорится ни слова. Изъ этого мы вѣрнѣе заключить, что г. Пашковъ совсѣмъ не читалъ тѣхъ классическихъ авторовъ, которыхъ цитируетъ, а судилъ изъ нѣкъ выдержки, какъ Богъ послалъ или какъ сохранила ему память, или по переводамъ гг. въ родѣ Клавдіева, называющаго Цицерону въ одной изъ превосходныхъ его рѣчей нѣкое мужицкое «что-то это не.. того»... или «какъ

¹⁾ Т. е.: «Опиратке пожелаю, чтобы братъ ея Пульхеръ оджалъ своею и сюда потерялъ флотъ, чтобы только народа было въ Римѣ меньше». Это — высокопарное поруганіе и презрѣніе достоинства народа и желаніе бѣдствій отечеству, а вовсе не угроза какому-то «эровоиспаніемъ».

этакъ.. тово». Но только можно ли такъ писать серьезные статьи!.. А рассматриваемое мѣсто очень важно именно по отношенію къ самому характеру статьи к. Шанквова. Светоній алѣсь ясно, прямо и обстоятельно говорить о наследственной чертѣ рола Клавдіевъ, переходившей отъ одного члена рода къ другому. Неужели лучше ни на чемъ не основанная натяжка и Богъ знаетъ откуда взятая характеристика такой важной личности, какъ Тиверій, чѣмъ истинна, добытая внимательнымъ чтеніемъ столь важнаго мѣста? Если бы г. Шанковъ прочиталъ Светоніеву біографію Тиверія, то онъ не сказалъ бы голословно, что Тиверій „былъ только жестокииъ, трусливыиъ, сумашедшииъ и бѣшеннииъ тираномъ“, а сдѣлалъ бы, можетъ быть, интересную характеристику: намъ въ періодъ вырожденія элементъ порчи беретъ перевѣсъ даже въ натурѣ сильной и благородной. Вообще на рѣзкіе и жесткіе этикетъ г. Шанковъ ужасно щедръ. Положивъ, для общаго вывода о патологическомъ состояніи Рима время Цезарей это и не особенно важно. Въ итогѣ все-таки Римъ будетъ безнадежно развращенъ и сверженъ, балла въ поведеніи, стало быть, абсолютно не можетъ быть ни каковаго. Но все-таки, ради метода, ради точности, намъ нуженъ непрерывный рядъ доказательствъ всѣхъ важнѣйшихъ частныхъ фактовъ. Иначе что же это за очеркъ общественной патологии въ древномъ мірѣ и гдѣ научность и серьезность подобнаго очерка?

Можно, ради снѣжности, и не проявлять сурденій до первоначальнымъ источникамъ, если есть подъ руками добросовѣстный и точный авторъ, въ родѣ Гиббона. Г. Шанковъ, дѣйствительно, говори о Византіи, добрую половину вынулъ изъ Гиббона, и поступилъ благоразумно. Можно прямо скомпиллировать, выписать, если съ своею головою епараршья прорваться. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, у г. Шанкова есть довольно забавные промахи въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, каковыя описанія онъ, очевидно, тоже цѣликомъ вынулъ изъ Гиббона. Вотъ одно изъ этихъ мѣстъ. Совершается торжественный триумфальный въѣздъ императора Аврелиана въ Римъ. Въ числѣ ведомыхъ за побѣдною колесницею плѣнныхъ идутъ царица Зеновія и императоръ Тетрихъ (по-

кому-то названнѣе у г. Шашкова (Коллекція). Топоръ и лезвѣ его г. Гуроритъ д. Шашковъ были одѣты въ тунникъ, шуршущій при движеніи и галлійскіе шпаны шабранаго цвѣта. У Гиббона шабранаго цвѣта, въ отношеніи цвѣта, не было цитировано ни въ тунникѣ (Gallic toporibus, et sabranis lignis eius agros obruebant Romani) какъ говорятъ у Гиббона. Но въ книгѣ другая странность. Г. Шашковъ говоритъ, что монетами Аврелиана была запряжена постройка сармаковъ. У Гиббона сказано: «*lignis 4-мъ оленями или 4-мя слонами*» (*). Но у Гиббона сказано: «*слѣдующая видѣ въ выноскѣ, гдѣ говорится: «вѣроятно, — оленями, потому что слово «прображеніи» на монетахъ Аврелиана, какъ и слово «или» символическаго побѣды на Востока».* Замѣтъ, какъ неосторожно, кто на монетахъ стояли часто прображеніи дробные символы и болѣе аккуратные историки всюдѣ осторожны: не смѣли вѣрить съ безспорными, реальными, доказанными фактами. Иначе, — идя по этому пути, можно принять за фактъ, что, напримѣръ, у Александра Македонскаго были на головѣ бараньи рога, такъ какъ царь этотъ на монетахъ, медаляхъ и гробницѣ былъ изображаемъ обыкновенно съ бараньими рогами и т. д.

Ничего, впрочемъ, не имѣя противъ этихъ невинныхъ заблужденій, мы упомянули объ нихъ, чтобы указать на нѣкоторую необстоятельность г. Шашкова и на слѣпность его при работѣ... Вѣстѣ съ тѣмъ, однако, мы опасаемся одного обстоятельства: что если такіа невинныя заблужденія у автора, при точной проверкѣ, нужно будетъ считать *сочиненіями*!... На грѣхъ мастера нѣтъ. Указанные сейчасъ промахи замѣтили мы только случайно, мимоходомъ...

Кстати здѣсь сказать, въ дополненіе ко всему сказанному выше, что какъ бы ни были сухи и неудобоваримы латинскія цитаты и выдержки, какъ ни утомляютъ они читателя, при вышшаго къ «легкому» чтенію, но въ данномъ случаѣ латинскимъ выдержкамъ слѣдовало бы дать предпочтеніе. А то, — положимъ даже, что цитуемая выдержка перевелъ самъ г. Шашковъ, положимъ онъ перевелъ ихъ совершенно вѣрно; но все-таки было бы лучше читать выдержки въ ихъ настоя-

*) Either by four stags, or by four elephants.

значеніи оцінюють часті (у перекладі, хоча, для повноти по латині). А це рідь, наприклад, читатель аспікує абуу (або нестачу) въ читаніи, нестачу въ вираженіи, упушеніе какого либо отъзна мысли у древінаго писателя, обличає же у этого читателя и звитое саміиіи свачево. Да войно не мудрують ли нукае г. ПИШИКОВЪ? Подумаетъ онъ, не шибайзаетъ ли чия древінаго мочае и пресачиває свои собствении измичленія и мудрочае? Чю таче и предлаженіе обосновательно — имъ уме судити зиче.

Начево, нукае еще сказать, что г. ПИШИКОВЪ, не обете-влетъ праведничкѣ видержежѣ цифровнии указании, и стиче, чю сказать, обличає съ собою велку чуждоточіи чювъ въ нѣхъ вѣрности или невѣрности.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библиографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологін.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Черкесова и К°, Невскій просп. противъ Публичной Библиотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1878.

№ 10.—Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Императорскій каналъ, 169.

1878

СОДЕРЖАНИЕ № 10-го.

- 1 Очерки древне-римской жизни. Теодора Симона переводъ М. Лютема.
- 2 Братья Орловы (Отрывокъ изъ историческаго романа). Графа Саласа.
- 3 Очеркъ исторіи Запорожскаго казачества. Н. Марковина.
- 4 Библиографическій указатель.

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 10.—Октябрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Въторяклинскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Очерки древне-римской жизни. **Теодора Симонса**
переводъ **М. Лютема** . . . . . 91—120
2. Братья Орловы. (Отрывокъ изъ историческаго романа).
Графа Салиаса. . . . . 1—82
3. Очеркъ исторіи Запорожскаго казачества **И. Марковина**. . . . . 1—78
4. Библиографическій указатель. . . . . 1—16

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Сентября 1878 г.

Свадьба въ Римскомъ Марфагенѣ.

224 г. по Р. X.

Motto: «Christianos ad leones!»

Да позволено будетъ намъ сегодня заглянуть въ храмъ красоты и юности, туда, гдѣ высокія колонны обиты роскошными вьющимися растеніями, гдѣ мраморныя дельфины выбрасываютъ толвія струи воды изъ своихъ открытыхъ пасть, и рѣзвыя ласточки мочатъ въ водоемѣ свои крылья.

Каведіумъ съ царящимъ въ немъ таинственнымъ полумракомъ открытъ сегодня для насъ. Но только надо входить тише, ибо слышашіеся оттуда голоса и веселый смѣхъ обличаютъ присутствіе молодыхъ дѣвушекъ; подобно беззаботно пасущимся сернамъ, онѣ предаются здѣсь своимъ невиннымъ восторгамъ.

Хозяйка дома Семпронія, дочь эдила Плавта, сидитъ на качеляхъ, которыя подвѣшены между двумя колоннами. Передъ ней на мраморномъ полу лежатъ веретено и прялка; но работа сегодня что-то нейдетъ ей на умъ. Двѣ служанки тихо покачиваютъ качели, а Семпронія, отбросивъ назадъ голову съ полузакрытыми глазами, вся отдалась своимъ сладкимъ грезамъ и не замѣчаетъ, какъ прохладный вѣтерокъ шаловливо играетъ ея черными локонами.

Сегодня, какъ обыкновенно, собрались въ ней подруги вмѣстѣ прать, и жужжанье ихъ веретенъ слышится изъ открытыхъ дверей дома. Прялки заткнуты у дѣвушекъ за пояса и нѣжныя пальчики осторожно тянутъ волокна изъ разцементированныхъ камышевыхъ палочекъ и врутять ихъ въ нити. День уже клонится въ вечеру; крыша имплевіума отбрасываетъ отъ себя длинную тѣнь, и молодыя дѣ-

вушки собрались всё въ кучку. Запасъ новостей дня и семейныхъ анекдотовъ исчерпанъ, и рѣчи смолкли. Спрыгнувъ съ качелей, Семпронія входитъ въ кругъ дѣвушекъ.

— Знаете-ли, милыя подруги, весело обращается она къ нимъ,—вѣдь у насъ сегодня майскія иды; давайте, погадаемъ на хлопокъ, которой изъ насъ быть невѣстой.

— Да, да! отвѣчаютъ подруги, охотно одобряя ея мысль, клянемся Юноной: майская невѣста должна быть выбрана.

Поднятый легкимъ дуновеніемъ, хлопокъ взлетаетъ къ верху и покачивается надъ головами дѣвушекъ. Всѣ, затаивъ дыханіе, наклоняются къ землѣ и внимательно слѣдятъ за хлопкомъ, который, поднявшись надъ гребнемъ имплювіума, какъ бы выбираетъ и высматриваетъ съ верху, и потомъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, медленно опускается на голову Семпроніи.

Испуганная дѣвушка быстро приподнимается и хочеть убѣжать, но подруги удерживаютъ ее;—блѣдную и дрожащую осыпаютъ ее привѣтствіями и поздравленіями. Онѣ составляютъ хороводъ вокругъ Семпроніи и украшаютъ свѣжимъ миртовымъ вѣнкомъ ея роскошныя черныя волосы. Обѣими руками старается она освободиться, но напрасно!

Дѣвушки поднимаютъ майскую невѣсту на руки и вносятъ ее въ покои дома, наскоро убранные лентами и цвѣтами.

Въ темницахъ цирка.

— Замолчите-ли вы, наконецъ, проклятое звѣрье, въ гнѣвъ кричитъ Прудентъ, смотритель за звѣриными клѣтками варфагенскаго цирка, приподнимаясь съ своего жесткаго ложа,—ни на минуту не дадите вы покоя. И доставши изъ угла желѣзную палку, онъ подходитъ къ клѣткамъ и, просунувъ ее сквозъ рѣшетку, наноситъ уда-

ры свирѣпыми львамъ и пантерамъ, которые рычатъ и щелкаютъ зубами, забиваются въ самые дальніе углы кѣтокъ,—ударяетъ мимоходомъ по головѣ медвѣдя и опрокидываетъ ведро воды на голову дикаго быка.—Чего вамъ еще надо? у васъ есть теперь что жрать,—ворчитъ онъ и опять укладывается на свою жесткую постель.

Слабый свѣтъ колеблется въ глубинѣ сводовъ—это свѣтитъ пучекъ зажженной лучины въ рукахъ невольника, который, идя передъ своимъ господиномъ, освѣщаетъ ему дорогу. А господинъ его никто иной, какъ римскій намѣстникъ Карфагена, проконсулъ Галерій. Осторожно слѣдуетъ онъ за работъ и часто останавливается испуганный своею собственною тѣнью, которая покрываетъ весь сводъ. Боязливо подходитъ онъ къ рѣшеткамъ кѣтокъ, въ которыхъ, какъ свѣчи, горятъ глаза ихъ свирѣпыхъ обитателей. Животныя рычатъ при его приближеніи, бьютъ хвостами по каменному полу и отерываютъ свои широкія пасти, обнаруживая ряды острыхъ зубовъ. Проголодавшіеся медвѣди, просунувъ сквозь рѣшетку свои лапы, какъ будто молятъ о состраданіи. Повинуясь приказанію проконсула, надсмотрщикъ моритъ ихъ голодомъ, и вотъ уже двое сутокъ не давали имъ пищи. Галерій старательно подбираетъ полы своей тоги, какъ бы боясь, чтобы не вцѣпились въ нихъ острые когти звѣрей, и, какъ бы опасаясь ихъ мести за лишеніе пищи, робко жметса въ стѣнѣ и скорѣе проходитъ дальше. Слѣдующая дверь отпирается при приближеніи проконсула, онъ беретъ у невольника фавель и входитъ въ нее.

Помѣщеніе, въ которое онъ вошелъ, тѣсно и темно; воздухъ тяжелъ и удушливъ; въ одномъ углу мигая коптитъ лампа, въ другомъ—стоитъ горшокъ съ пницей и кружка съ протухлой водой. Грязь густымъ слоемъ покрываетъ полъ и стѣны темницы. По срединѣ стоитъ на колѣняхъ женщина съ распущенными волосами и сложенной на грудь головой; въ сложенныхъ на груди рукахъ она держитъ небольшой крестъ; ея одежда промокла отъ слезъ, руки опухли и налились кровью

отъ сжимавшихъ ихъ веревекъ, дыханіе ея порывисто. Галерій дотронулся до ея обнаженнаго плеча и проговорилъ:

— Вивія Перпетуя! подними свои глаза. Это я, проконсулъ Галерій. Въ послѣдній разъ прихожу я, чтобы предложить тебѣ свободу и счастье. Оставь эту тюрьму, возлюбленная! Ты будешь жить въ пурпурѣ и шелку; только не отвергай моей горячей любви! Отрекись отъ христіанскаго Бога, обратись къ богамъ твоихъ отцовъ и принеси имъ жертвы, чтобы отвратить ихъ гнѣвъ, который ты навлекла на себя своимъ безуміемъ. Слѣдуй за мною и ты возвратишься къ жизни!

Вивія открыла свои глаза и, устремивъ ихъ на проконсула, быстро проговорила:

— Иди отъ меня прочь, соблазнитель! Ни клятвы, ни угрозы твои не заставятъ меня отрѣчься отъ моего Бога: къ нему одному обращена моя душа. Видишь этотъ крестъ въ моихъ рукахъ? ты думаешь—я уступаю это сокровище за твое золото? Нѣтъ! оставь свои старанія. Ни свободу, ни пурпуръ, ни жизнь даже не возьму я за свою вѣру. И мое тѣло и моя душа принадлежатъ Богу! Иди отъ меня! А я, когда буду ждать своей очереди, привязанная къ позорному столбу, возвѣщу о Немъ карфагенянамъ и громко во всеуслышаніе стану называть себя христіанкой.

— Когда такъ, то трепещи, несчастная! Слышишь ли ты этотъ ревъ звѣрей, которые будутъ рвать на куски твое тѣло, слышишь ли эти крики толпы, стекающей сюда со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на смерть твою и твоихъ братьевъ? Увидимъ спасетъ ли тебя Богъ, которого ты избрала себѣ въ защитники. Я хочу раздавить своими ногами грудь христіанки, которая, отрѣкшись отъ своей старой вѣры и надѣваясь надъ ней, поселяетъ въ стѣнахъ Карфагена разладъ и неповиновеніе. Вивія Перпетуя! я хочу твоей крови, потому что я тщетно добивался твоей любви!

Проконсулъ вышелъ и за нимъ заперлась дверь. Въ

какомъ-то лихорадочномъ напряженіи проходить онъ рядъ галлерей и коридоровъ и направляется по пустыннымъ городскимъ улицамъ къ жилищу эдила.

Хозяинъ почтительно встрѣчаетъ его на порогѣ своего дома.

— Я пришолъ къ тебѣ, Маркъ Плавтъ,—обращается къ нему проконсулъ,—просить руки твоей дочери, Семпроніи. Но у меня нѣтъ теперь ни времени, ни охоты говорить съ ней самому. Передай уже ты ей о моемъ выборѣ; черезъ два дня мы будемъ праздновать свадьбу. Слышишь-ли ты, Плавтъ?

Вручивъ старику обручальное кольцо, онъ уходитъ также быстро, какъ пришолъ. Озадаченный и изумленный стоитъ эдилъ нѣсколько времени у двери своего дома, глядя вслѣдъ высокому гостю. Онъ никогда не слыхалъ, чтобъ свадьбы праздновались такъ просто и съ такою поспѣшностью. Но пусть судить объ этомъ каждый, какъ умѣетъ. Отказать же проконсулу въ рукѣ дочери было-бы неблагоприятно,—такъ размышляетъ онъ про себя и, покачивая головой, отправляется въ женское отдѣленіе дома.

На слѣдующее утро.

— Проконсулъ Галерій, завтра будетъ праздновать свою свадьбу съ Семпроніей, дочерью эдила Марка Плавта,—такъ возглашаютъ глашатаи на перекресткахъ улицъ.

Невольники, повара, торговки и домохозяйки сходятся и толкуютъ объ этой новости, которая всѣмъ имъ кажется очень невѣроятной.

— Такъ скоро! да возможно-ли это? и почему именно выборъ палъ на нее? разсуждаютъ матери.

— Какое счастье и честь для такой молодой дѣвушки сдѣлаться супругой проконсула и нашей общей госпожой!—съ завистью говорятъ дочери.

— Клянемся Юноной, подозрительно перешептываются между собою старухи,—она слзала его!

Однако всѣхъ радуешь, что по случаю этой свадьбы будетъ устроено даровое угощеніе для народа и еще болѣе,—что на другой день послѣ свадебнаго торжества въ честь новобрачныхъ на аренѣ цирка будетъ происходить травля христіанъ дикими звѣрями. Галерій хочетъ устроить для народа зрѣлище, какъ то дѣлалось обыкновенно въ Римѣ.

— Пусть женится проконсулъ на комъ и когда ему угодно. Кому до этого дѣло! Только бы высылалъ намъ побольше меду, вина, мяса;—такъ разсуждаетъ простой народъ.

На рынкѣ цѣны на съѣстные припасы быстро возвышаются; яйца, зелень, рыба и всякая живность стала гораздо дороже, а къ дичи и не приступайся.

— Другой такой свадьбы не скоро дождешься; надо пользоваться случаемъ—разсуждаютъ торговцы.

— Эй! Баллій, куда такъ скоро? обливаютъ торговки быстро идущаго мимо нихъ домоправителя проконсула,—ты гоняешься въ перегонышки съ Фебомъ или у тебя болятъ зубы?

Баллій скрывается въ одномъ изъ переулковъ. У самой городской стѣны находится обширный дворъ, окруженный валомъ; на этотъ дворъ входитъ Баллій. Сегодня только что прибылъ корабль съ невольниками *). На катастѣ—деревянныхъ подмосткахъ съ вывращенными въ

---

*) Обычай невольничьяго рынка тогда были такіе же, какъ и теперь. Подмостки, на которыхъ выставлялись несчастные, назывались *catasta*. Торговцы невольниками назывались *manipones* или *venaliciarii*. На нихъ всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. Они обязаны были между прочимъ вѣщать на шею рабамъ дощечки съ обозначеніями недостатковъ послѣднихъ. Тѣ невольники, которые покупались безъ гарантій, стояли съ покрытыми головами. Вѣнокъ указывалъ на военнопленнаго, а если ноги невольника были обмазаны гипсомъ, то это значило, что онъ привезенъ изъ-за моря. Въ то время особенно охотно покупались военнопленные. Названіе *segrus* слуга оттого и происходитъ, что пленные были „сохраняемы“ (*conservati*) для невольничьей службъ. Рабы, уже происходившіе отъ вольнолюбивыхъ родителей, назывались *vernae*. Знатные держали рабовъ цѣлыми сотнями. Стоилъ невольникъ въ то время отъ 2240 до 8000 сестерціевъ.

бѣлую краску подставками выставлены на продажу обнаженные люди, принадлежащіе всевозможнымъ націямъ: бѣлые, смуглые и совсѣмъ черные; высокіе и низенькіе; молодые и старые. На шеяхъ у нихъ висятъ дощечки съ обозначеніемъ имени, возраста и происхожденія. Тутъ мы видимъ скрійцевъ, нубійцевъ, мизійцевъ, каппадокійцевъ, грековъ—и обученныхъ и грубыхъ полудикихъ людей; покупатели могутъ выбрать по желанію. Продавцы громко выхваляютъ свой товаръ. Подстрекаемые ударами кнотовъ несчастные должны подпрыгивать и изгибаться всѣмъ тѣломъ, чтобы показать покупателямъ свою ловкость и здоровое тѣлосложеніе. Хозяева грубо разжимаютъ имъ челюсти, чтобы показать зубы. Многіе изъ невольниковъ, въ особенности греки, благодаря ихъ искуснымъ рукамъ, покупаются на расхватъ и за очень большую цѣну. Баллію его господинъ, проконсулъ, поручилъ купить невольниковъ для новаго хозяйственнаго обзаведенія. Съ видомъ знатока осматриваетъ онъ выставленный товаръ, однихъ ощупываетъ съ ногъ до головы, другимъ осматриваетъ зубы, третьихъ испытываетъ въ познаніяхъ,—переходитъ въ другой кабинетъ, если на первой неудовлетворены его требованія,—и условливается съ продавцами о цѣнѣ.

— Баллій, Баллій! кричатъ ему они, лучшаго атріензиса не найдешь въ цѣломъ рынкѣ! къ тому же до невѣроятія дешевъ: всего полторы тысячи динаріевъ!

— Этотъ молодецъ—слышитъ онъ съ другой стороны, пишетъ четкимъ, хорошимъ почеркомъ и будетъ очень полезенъ, какъ либрарій.

— Баллій, милѣйшій мой! кричитъ ему третій—клянусь Юпитеромъ, ты ищешь по напрасну, только у меня найдешь хорошій товаръ. Мои молодцы здоровы, какъ рыба, эти два великана будутъ хорошими привратниками, а этотъ лекторъ можетъ читать двѣ ночи сряду, не отдыхая. Какъ ты находишь ихъ?

— Кому нужно карликовъ и шотовъ? есть рѣдкіе экземпляры.

На катастѣ этого торговца стоитъ уродливые чловѣческія фігуры, съ тупымъ выраженіемъ лицъ и толстыми безобразными головами: ихъ назначеніе развлекать знатныхъ людей своимъ тупоуміемъ.

Баллій наконецъ завушилъ свой товаръ и погналъ передъ собой, какъ стадо барановъ вновь приобрѣтенныхъ невольниковъ. Дома новыхъ слугъ сначала заставили вымыться въ банѣ, затѣмъ одѣли въ пестрыя цвѣтныя туники и приставили каждаго къ дѣлу.

Въ атриумъ жениха входитъ его старуха — мать и слабымъ дрожащимъ отъ старости голосомъ заботливо отдаетъ приказанія двумъ служанкамъ, которыя занимаются устройствомъ и установкой красивой постели для новобрачныхъ. Посреди комнаты стоитъ отороченная по краямъ золотомъ и поддерживаемая грифами брачная постель, перетянутая крѣпкими скрещивающимися тесмами, поддерживающими матрацъ, на которомъ лежатъ мягкія изъ шерстянаго хлопъа подушки, старательно взбитыя и расправленныя служанками. Паллій, съ вытѣванными по немъ символическими фигурами, служитъ одѣяломъ; старуха тщательно расправляетъ его своими сухощавыми руками, не оставляя ни одной складочки, потомъ сдуваетъ пыль, налѣвшую на шелковыя подушки, лежація въ изголовьѣ, поправляетъ пурпуровый финикійскій пологъ и останавливается, въ раздумьи глядя на брачное ложе. Слезинка выпала изъ ея тусклыхъ старческихъ глазъ. Теперь она вспомнила о старомъ давно минувшемъ времени, когда она сама съ вѣнкомъ на головѣ и лентами въ косахъ въ первый разъ вступила подъ руку съ своимъ женихомъ въ брачный покой. Его убранство не было тогда такъ роскошно, какъ сегодня, ни пурпуроваго одѣяла, ни шелковыхъ подушекъ не было тогда; не было и позолоченныхъ креселъ въ ея скромной комнатѣ; но все же счастливо прожила она съ своимъ супругомъ, пока его не похитила у ней немолимая смерть.

Концомъ своей паллы обтираетъ она на глазахъ слезы и

дрожащею рукою поджигает свѣжаго масла въ лампу, ставитъ вокругъ кровати изображения Премы, Пертуны, Пріапа и Субига. Осмотрѣвъ комнату и убѣдившись, что никто за ней не подсматриваетъ, поспѣшно кладетъ подъ матрацъ влочекъ овечьей шкуры, — это дѣлается для того, чтобы бракъ былъ плодовитѣе — и вздохнувъ выходитъ изъ комнаты.

— Сегодня выплю хорошо, — бормочетъ она, идя изъ комнаты — а въ мое время все же было лучше.

Невѣста.

Рядъ маленькихъ комнатъ окружаетъ каведіумъ Семпроніи. Его крытые ходы украшены сегодня въ честь хозяйки-невѣсты гирляндами и цвѣтами. Волнистая желтоватая занавѣсь закрываетъ входъ въ комнату невѣсты. Теплый, солнечный лучъ проникаетъ черезъ открытую кровлю, — тотъ же лучъ, который освѣщаетъ политыя съ особенной сегодня заботливостью цвѣточныя гради, окружающія небольшой постоянно бьющій фонтанъ. Домъ нынче особенно оживленъ. Служанки суетятся вокругъ невѣсты и бѣгаютъ то за тѣмъ, то за другимъ по комнатамъ. Невольницы приносятъ для своей госпожи платье и другія принадлежности туалета: невѣста сейчасъ возвратилась изъ еупальни, и «гардеробщица» (*ornatrix*) съ своими помощницами вошла одѣвать ее.

Воздухъ маленькой, богато украшенной комнаты пропитанъ благовоніемъ; молодая хозяйка въ легкой, небрежно навиннутой на ея плечи одеждѣ только что вошла туда. Въ комнатѣ царитъ пріятный полусвѣтъ и тишина, нарушаемая лишь плескомъ воды въ мраморномъ водремѣ да жужжаньемъ ночной бабочки, забившейся въ складки занавѣса. Въ одномъ изъ угловъ лежатъ рядомъ прялка, веретено и *insculpulae* *), куклы, сдѣланныя изъ глины

*) *Insculpulae* — куклы изъ глины и слоновой кости; ихъ найдено очень много въ дѣтскихъ могилахъ въ Сициліи. Въ день свадьбы онѣ вмѣстѣ съ другими игрушками приносились въ жертву пенатамъ.

и слоновой кости вмѣстѣ съ маленькими астрагалами: ими дѣвушка играла еще вчера, но сегодня они будутъ уже принесены въ жертву ненатамъ. На небольшихъ круглыхъ столикахъ съ позолоченными ножками лежатъ различныя принадлежности туалета. Изъ богато украшеннаго ящичка вынута заключающаяся въ немъ благовонная мазь. Въ порядкѣ стоятъ, одинъ воелъ другаго, флакончики съ драгоценнымъ оливковымъ масломъ, шафрановой, фіалковой водой, и ослинымъ молокомъ, которыми умываютъ лицо, такъ какъ оно придаетъ кожѣ обыкновенную бѣлизну и свѣжесть. Румяна, краска для бровей и зубной порошокъ изъ Пренесте наполняютъ алебастровыя баночки, вокругъ которыхъ лежатъ висточки, гребенки, иголки, щеточки изъ барсучьихъ волосъ.

Семпронія сѣла въ свою лежку. Ея черные волосы, еще влажны послѣ купанья, падаютъ вольцами на обнаженныя плечи; ея маленькія граціозныя ножки появляются на шкурѣ пантеры; невольница обтираетъ ихъ простыней изъ тонкаго полотна и надѣваетъ на нихъ маленькія кожаныя сандалии; свѣтло-желтыя ленты обвиты вокругъ пальцевъ; аграфъ изъ оникса украшаетъ перевивку.

Слоновымъ гребнемъ старательно расчесываетъ служанка распущенные волосы своей госпожи. Искусственной рукой выбираетъ она различныя масла и мази, растираетъ ихъ на ладони и намазываетъ волосы. Затѣмъ заплетаетъ ихъ въ три косы, связываетъ вмѣстѣ желтой шерстяной тесемкой. Головной уборъ украшается вѣнкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, которые невѣста должна была нарвать себѣ сама.

Богато украшенный нарядъ Семпронія ослѣпляетъ глаза. Своими маленькими пальчиками разбираетъ невѣста различныя золотыя вещицы, жемчугъ, и драгоценные камни, присланные ей сегодня утромъ въ подарокъ отъ жениха. То одинъ, то другой ящичекъ беретъ она въ руки, любуясь на свои подарки. Ея прекрасные дѣтски-невинные глаза горятъ отъ удовольствія при видѣ до-

рожекъ колець и серегъ, которыя она, то надѣваетъ, то снимаетъ и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ продолжаетъ за этой забавой свой туалетъ, который сейчасъ будетъ ованченъ.

Золотая сѣтка уже покрываетъ ея волосы; брови и рѣсницы слегка подрашены, блѣдныя щеки покрыты румянами. Уже надѣто свадебное покрывало *); Семпронія встаетъ съ своего мѣста, и двѣ служанки набрасываютъ на нее бѣлую региллу **). Всѣ складки на одеждѣ старательно сглаживаются. Шерстянымъ поясомъ съ геркулесовымъ узломъ перетягивается ея станъ. Тяжелыя жемчужныя серьги украшаютъ уши, дорогія кольца надѣты на руки. Блистая красотой и роскошью наряда, выходитъ невѣста, опираясь на руку служанки изъ своей маленькой комнаты, съ грустью прощаясь съ этимъ мѣстомъ, съ которымъ связано для нея столько воспоминаній о счастливой порѣ дѣтства. Съ пенатами родительскаго дома идетъ она въ стаду, со слезами на глазахъ сыплеть въ пылающую жаровню жертвенныя зерна и бросаетъ послѣдній прощальный взглядъ на ласточекъ и воркующихъ голубей, которые сидя на кровлѣ имплевіума, печально ждутъ въ послѣдній разъ корма, — вспоминаеть съ сердечной благодарностью о своихъ вѣрныхъ служанкахъ, со слезами окружающихъ ее теперь, и съ глубокимъ вздохомъ сказать «прости» всему, что было ей такъ дорого до сей поры, черезъ таблинумъ быстро идетъ въ атриумъ, гдѣ родственницы и подруги давно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ее.

*) Свадебное покрывало, *flammeum*, накидывалось на голову невѣсты— что называлось *hibere* или *obtubere*. Пламень—это былъ родъ продомговятаго шерстянаго платка, который, наброшенный на голову, прикрывала отчасти лобъ и щеки и падалъ на плечи; лицо оставалось незакрытымъ. Желтый—былъ цвѣтъ любви у древнихъ. Желтаго цвѣта были діадема невѣсты, башмаки, пламень, матрацъ, постель и даже платье ея служанки.

***) Выйдя за мужъ, дѣвушка надѣвала такъ называемую *toga recta* вѣсто прежней — *toga praetexta*. *Toga recta* или иначе *regilla* подтягивалась шерстянымъ кушакомъ, который залязывался въ геркулесовъ узелъ (*nodus Herculeus*), чѣмъ невѣста будто-бы охранялась отъ гнѣву и порчи.

На узкихъ городскихъ улицахъ, по которымъ долженъ проходить свадебная процессія, съ ранняго утра толпится народъ. Полгорода сегодня на ногахъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ процессіи. Ремесленники оставили свои мастерскія, торговцы—свои лавки, женщины и дѣти покинули свои жилища. Всѣ слѣшатъ къ дому эдила, чтобы посмотрѣть на богатую свадьбу, вѣсть о которой еще вчера распространилась по городу. Мостовая у дома невѣсты посыпана опилками и шафраномъ; двери украшены вѣнками и бантами; дымятся мѣдные треножки, наполненные смолистыми стружками и репейникомъ, имѣющимъ символическое значеніе. Гремятъ рога букцинаторовъ; въ толпѣ начинается давка; всѣ лѣзутъ впередъ: Галерій, намѣстникъ врал и теперь женихъ, появляется, окруженный толпою кліентовъ и слугъ, и почтительно привѣтствуемый народомъ, вступаетъ на порогъ дома невѣсты. Отароченная пурпуромъ тога окутываетъ его вѣрную и статную фигуру; вѣнокъ изъ розъ украшаетъ его курчавую голову.

Взоръ его суровъ и мраченъ; уста судорожно сжаты. Въ передней комнатѣ дома эдила возвышается жертвенникъ. Пронуба *) подводитъ дрожащую невѣсту къ жениху и соединяетъ ихъ руки. Подъ ножомъ жреца падаетъ жертвенная овца, идетъ паръ отъ только что вѣрзанныхъ внутренностей, и среди молитвъ къ Церерѣ и Юнонѣ начинаются ауспиціи; **) по расположенію внутренностей животнаго и по полету выпущеннаго сокола, гадатели открываютъ благопріятныя предзнаменованія. Шкура животнаго разстилается вдоль сидѣнья, и на нее усаживаются женихъ и невѣста.

*) Pronuba—сваха; подвела невѣсту къ жениху, она соединила ихъ руки; отсюда выраженіе—in manus convenire.

**) Ауспиціи происходили въ дождъ невѣсты; самымъ удобнымъ для нихъ считался *aegithus*—порода соколовъ. Гарусиціи производились надъ внутренностями животнаго; при этомъ если внутренности были чисты, безъ пятенъ, то ихъ приносили въ жертву. Ауспиціальныя божества суть: Церера, Теллусъ, Марсъ Пикунъ и Паладъ и наконецъ Юнона Пронуба.

Семпронія, невѣста, сажаетъ ладонь въ золотую жертвенную чашу и закутавъ голову покрываломъ, вспри-скаиваетъ жертвенныйъ молокомъ и виномъ. Раздается звукъ флейтъ; мальчикъ зажигаетъ горящей лучиной огонь подъ лежанкой на алтарѣ жертвеннымъ животнымъ, между тѣмъ женихъ и невѣста читаютъ обычные молитвы Теллусу и Марсу Пивумну, пославшимъ имъ благопріятныя предзнаменованія, и предшествуемья фламинномъ съ водой и огнемъ въ рукахъ обходятъ вокругъ алтара. Въ это время мальчикъ приноситъ чашу съ хлѣбными зернами и фруктами; ихъ вмсипають въ огонь. Церемонія приближается въ концу. Свадебные пирожки раздѣляются между гостями и прислугой; всѣ присутствующіе садятся за столъ.

Пиръ кончился; солнце клонится къ закату; отъ дома падаетъ длинная тѣнь, и на востокѣ зажглась уже яркая вечерняя звѣзда. *) Молодую невѣсту выводятъ изъ дома и стоящая у дому толпа привѣтствуетъ ее шумными криками; зажгли факелы; повсюду замѣтно оживленное движеніе, народъ всталъ густыми рядами по обѣимъ сторонамъ улицы; бровли, лѣстницы и столбы заняты любопытными; каждый пробирается поближе, чтобы лучше разсмотрѣть невѣсту и ея богатую свиту. Все стыхло, всѣ напряженно вытанули шею; Камиллъ съ свадебнымъ факеломъ въ рукахъ показався на порогѣ дома, и начались фесценины; за нимъ вышли одѣтые въ роскошныя костюмы музыканты. А вотъ и невѣста. Какъ блѣдна она! Какъ дрожить у ней вѣнокъ въ рукахъ, какъ трепещетъ она при крикахъ толпы! Что это? она плачетъ?.. Бѣдное дитя, силой похищенное изъ подъ родительскаго крова и отданное въ руки человѣку, котораго до сихъ норъ не знало. Какая жестокая участь! Опираясь на плечи слугъ, Семпронія сворѣе перепархиваетъ, чѣмъ пе-

---

*) Съ появленіемъ вечерней звѣзды совершалось *domum deductio* во-звращеніе невѣсты въ домъ жениха. Невѣста передъ тѣмъ однако же убѣ-гала къ матери, откуда должны были ее узодить какъ бы насильно.

реступает порогъ дома, сказавъ родительскому очагу «прости» на всегда.

Женихъ, идя возлѣ нея, слѣдуя обычаю, разбрасываетъ на всѣ стороны орѣхи и мелкую монету; толпа съ жадностью бросается на подачку. За невѣстой несутъ ея веретено, прайку и изображеніе брачныхъ божествъ: Югатина, Домидука и Мантурны. Пять молодыхъ женщинъ съ факелами въ рукахъ окружаютъ брачную чету. Къ процессіи присоединяется густая толпа народа, который, громко призывая Таласа бога плодородія, сопровождаетъ ее до самаго дома жениха.

Майскія иды, — какой несчастливый день *) для свадьбы! Не удивительно, что боги послали дурныя предзнаменованія. Принесенныя сегодня въ жертву животныя были безъ крови. Послы, пришедшіе съ юга, рассказываютъ, что въ прошедшую ночь на поля налетѣли цѣлыя тучи жучковъ и истребили весь хлѣбъ. Заблудившіеся путники слышали какіе-то странные звуки и голоса изъ расщелинъ скалъ, а мѣдная статуя Астарты издавала сегодня звонъ — что всегда бываетъ предвѣстіемъ войны или какого-нибудь общественнаго бѣдствія. Такіе толки идутъ въ народѣ.

Проконсулъ мрачно смотритъ въ землю, не осмѣливаясь приподнять глазъ, ноги его дрожатъ, руки судорожно сжаты, какъ-то машинально, безсознательно идетъ онъ вслѣдъ за невѣстой.

На поворотѣ въ одну улицу черезъ толпу пробирается, расталкивая обѣими руками народъ, какая-то женщина: это Юбея, безумная. Жалкіе лохмотья прикрываютъ ея тѣло; длинныя вьющіеся волосы обрамляютъ ея когда-то прекрасное лицо, на которое болѣзнь и нищета положили теперь неизгладимую печать. А между тѣмъ она происходитъ изъ древняго рода Сохоть-Бенотъ, и внука владѣтельнаго князя!

*) Неблагопріятнымъ временемъ считались: весь май и первая половина іюня; затѣмъ праздники — фералія, паренталія, лемуриі, а также календы, нони и иды всякаго мѣсяца.

Въ рукахъ она держитъ пучекъ тростнику, старательно обмотанный тряпками. Ея взоръ остановился на процессіи, и вдругъ съ оглушительнымъ, дивнымъ воплемъ бросается она, подобно тигрицѣ, на жениха.

— Ты мой, несчастный! кричитъ она, подступая къ проконсулу, — я купила тебя цѣной своей чести еще тогда, когда мы охотились за львами на черныхъ Сигессскихъ скалахъ. Ты клялся мнѣ въ любви и вѣрности и однако-же, когда я впоследствии больная и безъ куска хлѣба, валялась у твоего порога, ты съ презрѣніемъ оттолкнулъ меня. Въ волнахъ Баргада утопила я своего ребенка — плодъ нашей любви, когда у меня высохла грудь и мнѣ небыло кормить его. Но рѣка выбросила вонъ свою добычу, и смотри сюда, Галерій, — узнаешь-ли ты свое произведеніе?

Юбея бросаетъ къ ногамъ проконсула пучекъ камышу, который держала въ рукахъ.

— Здѣсь, измѣнникъ, твой ребенокъ, и теперь вступающая въ новое супружество, возьми его себѣ! Галерій сжалъ себѣ губы такъ сильно, что кровь полилась изъ нихъ; дрожа всѣмъ тѣломъ и едва держась на ногахъ, онъ опирается на плечи невольника; но вотъ раздается звукъ роговъ, и онъ снова овладѣлъ собой.

— Возьмите ее, кричитъ онъ; — устами этой женщины говорить безуміе, я не знаю ее.

Оглушенная ударомъ по головѣ, Юбея упала безъ чувствъ къ ногамъ зрителей.

Процессія достигла рынка. На южной сторонѣ его выступаютъ черныя стѣны амфитеатра, высокіе столбы и своды поддерживаютъ массивную постройку. На гребнѣ стѣнъ, освѣщенномъ лучами заходящаго солнца, расположена на ночлегъ цѣлая стая вороновъ. При приближеніи процессіи спугнутыя птицы поднимаются и всей стаей съ карканьемъ летятъ надъ головами идущаго за процессіей народа.

Галерій поднялъ глаза и содрогнулся при видѣ арены; кровь у него застыла въ жилахъ; подъ этими мрачными

своими томится женщина, которую онъ любилъ и которую однако-же долженъ былъ осудить на смерть. «Вива!»—чудится ему—каркаютъ вороны «Вива!» слышится ему какъ будто звъ-надъ земли. Онъ заврываетъ, тогой свое мертвенно-блѣдное лицо, онъ не видитъ почвы подъ ногами, не можетъ самъ идти, черезъ площадь его почти несутъ на рукахъ.

Глаза Семпроніи покраснѣли отъ слезъ, которыя по мѣрѣ ея удаленія отъ родительскаго дома текутъ все сильнѣе и сильнѣе. На перевресткѣ четырехъ улицъ невѣста останавливается и, слѣдуя обычаю, бросаетъ въ жертву «дорожнымъ богамъ» серебряную монету. Вдругъ надъ самымъ ухомъ слышитъ она знакомый голосъ: «Смѣлѣе, Семпронія, смѣлѣе!». Семпронія подняла глаза, радостный крикъ вырвался изъ ея устъ: передъ ней стояла Михея, ея кормилица; она не побоялась дальнаго пути изъ Сикии, чтобы посмотрѣть еще разъ на свою питомицу—и твердою поступью идетъ уже дѣвушка въ дому жениха.

Наступила ночь. Загорѣлись факелы, бросая вдоль улицы яркія полосы свѣта; слышатся громкіе крики ликующей толпы: процессія достигла дома проконсула. Повинуясь обычаю, передъ дверью своего дома женихъ останавливается и громко спрашиваетъ невѣсту:

— Кто ты, желающая вступить въ мое жилище?

Семпронія отвѣчаетъ:

— Гдѣ ты хованія, тамъ я хованія *).

Затѣмъ волчьимъ жвромъ намазываетъ она дверь, черезъ которую должна войти, и перевязываетъ шерстяной повязкой косяки. Это означало, что она отдаетъ домъ подъ покровительство ларовъ. Она входитъ въ домъ; въ передней комнатѣ ее оврапляютъ священной водой и прозуба отводитъ ее въ слабо освѣщенный брачный покой. Двери дома запираются. Родственники удалились одинъ за другимъ, поручая новобрачную покровительству пенатовъ.

*) «Ubi tu Gaius, ibi ego Gaius»—обычная на этотъ случай формула.

На рынкѣ.

— Кто идетъ съ нами смотрѣть акробатовъ—спрашиваютъ другъ друга дѣти, и цѣлая толпа ихъ заворачиваетъ въ ближайшую улицу, которая ведетъ на рынокъ. Яркій свѣтъ отъ горящихъ посреди площади огней и отъ лампъ, просвѣчивающихъ съвозъ открытыя двери лавокъ и кабаковъ, освѣщаетъ пеструю толпу народа, возвращающуюся со свадебной процессіи.

Въ харчевняхъ и мясныхъ лавкахъ идетъ сегодня бойкая торговля, ибо каждый, кому посчастливилось получить на свадьбѣ подачку, идетъ съѣсть чегонибудь горячаго. Кровяная колбаса, сало и копченое мясо съ медовыми пирожками раскупаются въ большемъ количествѣ. Медъ и вино скоро оказываютъ свое дѣйствіе, и на площади становится все оживленнѣе и шумнѣе.

Деревянная подмостки съ разстланными надъ ними канатами, на которыхъ показываютъ свое искусство смуглые, одѣтые въ короткія туники акробаты, осажены любопытными. Тутъ же развлекаютъ толпу атлеты, подбрасывая въ воздухъ различныя тяжести, — фигляры прыгаютъ въ узкіе обручи, молодыя дѣвушки ходятъ на рудахъ и изгибаются въ кольцо, получая мелкую мѣдную монету за свое искусство. Не мало привлекаетъ любопытныхъ и балаганъ мансвтарія, наполненный рѣдкими экземплярами животныхъ изъ пустынь и рѣкъ Африки: ележивыми змѣями и крокодилами, обципаными, голодными страусами, ручными обезьянами и газелями. Дреко освѣщенные деревянные лавченныя бѣдомъ набиты покупателями; у входа въ нихъ разложены для приманки различныя рѣдкіе предметы: грубо выдѣланныя изъ дерева изображенія боговъ, окрашенныя въ голубой, красный и желтый цвѣтъ; Діана съ каричневымъ лицомъ и густо нарумяненными щеками, Меркурій, Фортуна и Юнона, подвѣшенныя на ниткахъ и предназначенныя для ношенія у пояса, различныя до-

машнія божества въ деревянныхъ футлярахъ и ящикахъ; Миневра и Веста въ дорогихъ нарядахъ, и все это страшно дешево, по словамъ торговцевъ; дагѣ, Nimbi—мѣдные вѣнки, предназначаемые защищать головы боговъ отъ птицъ и летучихъ мышей; кольца съ изображеніемъ Астарты; амулеты изъ дерева и кости, за ними каррикатурныя маски, скелеты змѣй и ящерицъ, предохраняющіе будто-бы отъ злаго глаза; и наконецъ выдѣланныя изъ глины египетскіе идола съ стеклянными и жемчужными глазами; съ любопытствомъ рассматриваетъ ихъ толпа, но въ сожалѣнію кошелекы у всѣхъ уже давно пусты: деньги всѣ ушли на лакомства, и для боговъ не оставалось ни одного асса.

Не хотите-ли посмотрѣть на кулачные бои? если желаете видѣть эту дикую забаву, то пойдите въ эту толпу, только берегите карманъ, потому что здѣсь много искусныхъ «карманныхъ мастеровъ,» да остерегайтесь гнусныхъ «жрицъ Венеры,» которыя подъ арками арены открыто предаются своему постыдному пороку.

Въ толпѣ вдругъ начинается оживленное движеніе. Слышится крикъ: христіане, христіане! Быстро пустѣютъ бабаки и лавки. Всѣ стремятся туда, откуда слышатся эти крики. Идутъ окруженные стражей двое какихъ-то людей, осыпаемые насмѣшками и бранью толпы. Это христіане — Сатуръ и Фелицита; они отказались повиноваться эдикту императора и не хотѣли принести жертву богамъ. Осужденные на разстерзаніе дикими звѣрями, они идутъ теперь, изъ темницы арены. «Ко лвамъ, ко лвамъ ихъ» слышится со всѣхъ сторонъ. Слѣдующая за ними толпа все растетъ и растетъ. Достигнувъ амфитеатра, народъ взбирается на лѣстницу, чтобы лучше разсмотрѣть несчастныя жертвы; двигающіяся въ вечернемъ полумракѣ вдоль лѣстницы человѣческія фигуры съ тускло мерцающими то тутъ, то тамъ факелами походятъ на привидѣнія.

Наступила ночь. Возшелъ мѣсяцъ. Облитыя его свѣтомъ, стѣны мрачнаго зданія отбросили длинную тѣнь.

До утра еще долго, но верхняя галерея арены уже наполнена народомъ. Сегоднешнюю ночь въ Карфагенѣ никто не спитъ. До сна-ли тутъ, когда завтра зрѣлище и даровое угощеніе! Къ насмѣшкамъ и крикамъ народа присоединяется шумъ и крики вновь входящихъ. Толпа растетъ съ каждымъ часомъ, и пробуждающійся день застаётъ всѣхъ жителей Карфагена и его окрестностей на мраморныхъ ступенькахъ амфітеатра. Съ первыми лучами солнца изъ тысячи глотокъ вырывается крикъ:

Christianos ad leones!

Быстро наполняются и ложи средняго и высшаго сословія. На носилкахъ появляется знать, женщины и дѣвушки; сановники и всадники. Торговцы приходятъ со свѣжими съѣстными припасами и разставляютъ свои столики подъ сводами арены. Лучи знойнаго африканскаго солнца падаютъ отвѣсно на головы зрителей. Вѣтеръ несетъ съ пустынь раскаленный песокъ, который дождемъ падаетъ на зрителей, цѣлые рои мухъ буквально облѣпляютъ ихъ. Сидящіе на верхнихъ галереяхъ отъ страшнаго зноя распахиваютъ платье, женщины расстегиваютъ пояса; туннки сброшены съ плечъ. Многіе растянувшись на брюхѣ вдоль гребня стѣны, по цѣлымъ часамъ смотрятъ въ ту сторону, откуда долженъ появиться проконсулъ, лишь съ приходомъ котораго начнется зрѣлище.

Но напрасно это волненіе, напрасны эти нетерпѣливые крики. Карфагеняне должны еще подождать. Галерій въ это время сидитъ за завтракомъ, а Семпронія только что возвратилась изъ купаленъ, и теперь занята своимъ туалетомъ. Между тѣмъ какъ служанки завиваютъ ей волосы, подрашиваютъ брови и рѣсницы, она лакомится различными сластями, медомъ и пирожками. Вдругъ, бросивъ случайно взглядъ въ зеркало, она вскрикиваетъ гнѣвно:

— Праведные боги! Беззабета! ты завиваешь мнѣ волосы такъ, какъ будто бы я сегодня хочу нарядиться фуріей и выйти на подмостки сцены. Клянусь Юноной— вмѣсто розоваго масла ты сегодня мнѣ смазала волосы каричневымъ! Что съ тобой, несчастная? ты сегодня точно не въ своемъ умѣ.

Невольница, падая къ ногамъ своей госпожи, отвѣчаетъ:

— Какъ мнѣ не разстроиться въ мысляхъ, какъ мнѣ не болѣть сердцемъ? Видя тебя въ этихъ пышныхъ нарядахъ, тебя, сіяющую красотой юности, супругу нашего высокаго господина, я подумала, для чего облеклась ты сегодня въ эти богатая одежды? лишь для того, чтобы идти смотрѣть, какъ дикіе звѣри будутъ терзать несчастныхъ христіанъ, украсила ты діадемой свои прекрасные волосы и надѣла на себя драгоценные наряды! чтобы понравиться кровожадной толпѣ, ты должна превратить въ заваленую сталь свое сердце!

Ахъ, госпожа! Еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ, супругой проконсула, была также прекрасна и молода, какъ ты, то съ удовольствіемъ пожертвовала бы своею жизнію, чтобы спасти несчастныхъ, заключенныхъ въ темницы вмѣстѣ съ убійцами и святотатцами и долженствующихъ сегодня служить кровавой забавой для карфагенянъ. Я припала бы съ мольбой къ груди супруга и употребила бы и слезы, и всѣ доступныя мнѣ средства, чтобы смягчить его сердце. Прости, госпожа, великодушно свою рабу, осмѣливающуюся спросить тебя: что сдѣлали христіане тебѣ и твоему супругу? И не долженъ ли ихъ Богъ, за котораго они такъ охотно идутъ на смерть, быть выше другихъ боговъ?!

— Беззабета! да въ умѣ ли ты? Я должна просить за этихъ христіанъ, которые смѣются надъ нашими богами, отвергаютъ вѣру нашихъ отцевъ и смущаютъ народъ? Въ Карфагенѣ я не переродилась, въ моихъ жи-

лахъ все же течетъ римская кровь. Если мой супругъ хочетъ на глазахъ карфагенянъ на праздничномъ зрѣлищѣ примѣрно и поучительно наказать преступниковъ, то не прямой ли долгъ жены быть первой и главной свидѣтельницей его гнѣва? Сами боги будутъ радоваться наказанію христіанъ, а Семпронія—ты говоришь—должна чувствовать въ немъ состраданіе? Подай мнѣ поскорѣе поясъ и пряжки; мой благородный супругъ уже слишкомъ долго ожидаетъ меня. Слуги, мои носилки! скорѣе! Семпронія не хочетъ придти на праздникъ послѣдней!

Зрѣлище.

Городскія улицы убраны по праздничному; дома обвѣшаны лентами и вѣнками; мостовая усыпана листьями и травой.

Въ воздухѣ слышится чирканье сверчковъ; птицъ не видать: онѣ попрятались въ тѣнь; только голуби полощутся въ водоемѣ бассейна. Жара невыносимая... Но вотъ со стѣны арены раздался крикъ:

— Они идутъ!

И новая жизнь разлилась по жиламъ утомленныхъ долгимъ ожиданіемъ зрителей. Безконечные привѣтственные возгласы слышатся при появленіи проконсула, его молодой супруги и ихъ свиты. Семпронія, вчера еще скромная никому неизвѣстная двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, занимаетъ сегодня почетное мѣсто между знатнѣйшими дамами города. Глаза всѣхъ устремлены на нее.

— Какъ прекрасна она! перешептываются зрители, любуясь ею, и со всѣхъ сторонъ ей слышатся похвалы, ибо даже зависть въ безсиліи умолкаетъ при видѣ такого прелестнаго созданія. Завитые спереди волосы чуть-чуть прикрываютъ ея лобъ, падая изъ подъ золотой діадемы роскошными прядями на ослѣпительно--бѣлыя

плечи. Веселый лепет заставляет ее открыть слегка ротъ и показать свои жемчужные зубки. Длинные рѣсницы дѣлають взглядъ ея прекрасныхъ глазъ еще глубже, а многочисленныя складки ея одежды не въ состояніи скрыть полноты ея пышныхъ формъ.

Галерій неподвиженъ, углубившись въ свои подушки. Подъ его ногами, въ глубинѣ арены, ждетъ своей участи осужденная имъ на смерть Вивія, жертва его отвергнутой страсти; а рядомъ съ нимъ другая, новая жертва Семпронія. Провонсулъ судорожно сжимаетъ складки своей тоги. Разгоряченная кровь сильно бьетъ ему въ виски, у него все точно вьружится передъ глазами. Онъ почти не обращаетъ вниманія на зрѣлище, которое по звуку роговъ началось внизу на аренѣ.

Метатели диска, свороходы и фехтовальщики стараются превзойти другъ друга въ быстротѣ и искусствѣ. Полуобнаженные кулачные бойцы, со связанными на затылкѣ волосами въ пучокъ и намазаннымъ масломъ тѣломъ, осыпають другъ друга жестокими ударами. Стрѣлки и пращники бросаютъ въ цѣль камни и стрѣлы, фехтовальщики стараются, каждый, поразить ловкимъ ударомъ противника, подставляя подъ ударъ и свою незащищенную грудь. Свиститъ петля ликвеарія, показывающаго свое искусство *душитъ*. Ловкость и терпѣніе, быстрота и вѣрность взгляда поразительны... Бому недостаетъ физической силы, тотъ восполняетъ этотъ недостатокъ хитростью и искусствомъ владѣть оружіемъ. Градомъ сыплются удары, звѣнитъ желѣзо, ударяясь о гладкую поверхность щита. Какъ левъ защищается великанъ — атлетъ отъ нападающихъ на него гладіаторовъ. Копья свистятъ въ воздухѣ и скрещиваются на лету. Пораженный на смерть, боецъ лежитъ въ предсмертныхъ мукахъ на пескѣ, еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ мечтавшій о побѣдной пальмѣ. Носящіяся надъ ареной, облака пыли прикрываютъ раненныхъ и умирающихъ... Дикіе вопли, стоны и крики побѣдителей наполняютъ воздухъ. Но карфагенскій народъ мало интересуется этимъ зрѣли-

щемъ: состязанія въ бѣгѣ, булачный бой, поединки гладиаторовъ — не новость; все это слишкомъ обыкновенно и давно прѣблосъ. Да и крови мало, она течетъ тутъ лишь по капелькамъ. Зрители преспокойно ѣдятъ огурцы, грызутъ орѣхи и забавляются швыряньемъ другъ въ друга скорлупами. Трубачи и флейщики не въ состояннн больше играть на своихъ инструментахъ; отъ жары у нихъ пересохло горло, и навѣрное поднялся-бы шумъ и крики, если-бы въ это время не выпустили на арену шесть дикихъ быковъ. Высоко подбрасываютъ они песокъ копытами, вща работы своимъ рогамъ. Пришедшіе въ ярость отъ укуловъ коцьями и размахиванья пестрыми лентами, звѣри устремляются на *тавроцентровъ*, которые, уклоняясь отъ ударовъ ихъ рога, вступають съ ними въ продолжительную, опасную игру. Толпа теперь съ интересомъ слѣдитъ за новымъ зрѣлищемъ; зрители начинаютъ биться объ закладъ, то за одного, то за другаго изъ животныхъ, которыя, покрытыя пѣной и потомъ, то остоавливаются, выжидая врага, то съ ревомъ свачками преслѣдуютъ его. Одинъ изъ бойцовъ уже пронзенный острыми рогами звѣря, валяется притоптанный въ песку; вскорѣ за нимъ падаетъ и другой, пригвожденный быстрымъ ударомъ въ стѣнѣ арены. Битва началась жаркая.

По приказанію проконсула въ толпу зрителей бросаютъ хлѣбъ и мясо; изъ-за обладанія имъ въ народѣ начинается настоящая схватка, кажется будто мѣсто состязанія снизу переносится теперь на верхъ. Плоскіе сухіе хлѣбы служатъ импровизованнымъ бойцамъ прекрасными метательными снарядами. Всѣ оживились; прежней скуки, какъ не бывало.

Въ эту минуту вдругъ процищаль сверху чей то женскій голось;

— Христіанъ ко лвамъ!

— Да, да! радостно подхватили въ толпѣ, — въ чему-же мы и пришли? Прочь все другое! христіанъ намъ давайте, христіанъ!

Тысячи голосовъ вторили этимъ крикамъ и точно ураганъ пронеслись они надъ амфитеатромъ, какъ эхо повторяясь и перекатываясь на разные тоны.

А тамъ внизу подъ землей нетерпѣливо снуютъ по своимъ клѣткамъ голодные звѣри; по временамъ останавливаются и прислушиваются къ шуму извнѣ и опять, рыча и широко раскрывая свои пасти, начинаютъ ходить взадъ и впередъ. Такихъ страшныхъ животныхъ, кажется, никогда еще не видалъ Карфагенъ.

Наконецъ загремѣли рога; въ толпѣ раздались громкіе крики восторга, дрогнувъ воздухъ, оглашенный ревомъ львовъ и пантеръ; волосы на ихъ гривахъ стоятъ дыбомъ, глаза горять... Заскрипѣли выдвинутые засовы, и животныя исполинскими скачками устремились на ожидающій ихъ на аренѣ кровавой пиръ.

По срединѣ арены привязаны къ столбамъ несчастные христіане, Вивіа, Сатуръ и Филицита; въ рукахъ у нихъ деревянные кресты. Животныя, очутившись въ новой обстановкѣ, при видѣ неистово шумящей толпы сначала испугались и боязливо жмутся къ стѣнѣ арены. Но венаторы слегка рвануть дикаго быка, и животное внезапно бросается на Вивію, въ одно мгновеніе пронзаетъ несчастную рогами и тащитъ за собою вмѣстѣ со столбомъ, къ которому она привязала, по всей аренѣ, преслѣдуемое одною изъ пантеръ, оспаривающей у него добычу.

Вивіа уже бездыханна: быкъ насквозь пронзилъ ей грудь, и животныя изливаютъ теперь надъ ея безжизненнымъ тѣломъ свою ярость. Сатуръ истекаетъ кровью въ страшныхъ объятыхъ медвѣдя.. Филицита одна стоитъ невредима, устремивъ къ небу свои прекрасные глаза. Даже дикіе звѣри словно боятся исторгнуть жизнь у этого непорочнаго юнаго созданья. Животныя хлѣблютъ круги вокругъ столба, къ которому она привязана, не приближаясь къ ней. Но ненасытная кровожадная толпа, чуждая всякаго состраданія, уже кричитъ:

— Покончить съ вѣдьмой, она заколдовала себя, этотъ вѣстъ у ней въ рукахъ—талисманъ! Прудентъ, смотритель за звѣрами, наноситъ ей давно желанный ударъ, и она падаетъ бездыханная: чары исчезли...

Кончилась кровавая потѣха. Женщины и дѣвушки спѣшаютъ уйти, въ нихъ пробудилось наконецъ чувство отвращенія. Маленькія дѣти плачутъ и рученками закрываютъ свои личики. Зрѣлище стоновитса невыносимо отвратительнымъ

Вдругъ слышатся въ воздухѣ какіе то странные звуки: жужжанье и глухой шумъ, напоминающій гулъ отдаленной грозы и бряцанье оружія. Потемнѣли солнечные лучи, всѣ присутствующіе въ страхѣ взглянули на верхъ, и тысячи голосовъ уже кричатъ съ верхнихъ галлерей:

— Саранча, саранча! *) Не успѣлъ еще смолкнуть въ воздухѣ этотъ крикъ, какъ цѣлыя тучи насѣкомыхъ, пригнанныхъ бурей сюда съ юга, были уже надъ самымъ амфитеатромъ и, ударясь о стѣны зданія, цѣлыми миллионами падали на зрителей. Стало темно какъ ночью, а рои насѣкомыхъ все увеличивались и увеличивались. Саранча буквально осыпала и лѣстницу арены и публику, забиралась подъ платье и въ волосы; песокъ былъ покрытъ ими густымъ слоемъ. Народъ въ страхѣ прячется подъ сводами, но насѣкомыя проникли уже и туда. Не осталось ни одного свободнаго мѣстѣчка. Зеленая слизь отъ надавленной саранчи, облекая ноги, затрудняетъ ходьбу.

Промонсультъ Галерій давно уже у себя дома сидитъ въ кружѣ приближенныхъ лицъ, заливая виномъ недающія ему новая тѣлесныя мысли. Но напрасно! вино не помогаетъ ему забыться: три женскихъ образа

---

*) Саранча—это самый страшный бичъ жаркихъ странъ. Въ Африкѣ, Индіи и Аравіи она по временамъ появляется такими массами, что при полетѣ буквально затемняетъ солнце, а опускаясь на землю, покрываетъ ее густымъ слоемъ на нѣсколько верстъ.

Юбей, Вивія и Семпронія не выходятъ у него изъ головы. Вино — чудится ему — пахнетъ теплою кровью, въ музыкѣ онъ слышитъ ревъ звѣрей и какъ бы преслѣдуемый фуриями бѣжитъ съ громкимъ крикомъ въ свою спальню, чтобы забыть во снѣ и весь міръ и себя самого.

Язычникъ и христіанка.

Проконсулъ лежитъ полуодѣтый, размѣтавшись на постели. Правая рука его плетью свѣсилась на полъ. Грудь порывисто дышетъ, тяжелыя мрачныя грезы мучать Галерія. По временамъ онъ просыпается и поднимаетъ руки, какъ бы желая отогнать отъ себя призравъ...

— Вивія Перпетуя! невнятно бормочетъ его отягчѣвшій языкъ. Зачѣмъ ты стоишь вся въ крови передо мной? Иди къ пантерамъ и лвамъ, ты принадлежишь уже Орку. Боги отомщены, умилоствивлены... Такъ говоритъ онъ, открывъ на минуту глаза, и вѣки его снова слипаются, голова тяжело падаетъ на подушки. Изъ-за занавѣски показалась женская фигура; подойдя къ постели спящаго, женщина нѣжно положила ему руки на разгораченный лобъ и тихо проговорила:

— Галерій, вставай, дорогой мой.

— Кто зоветъ меня опять? что тамъ? Да, да! вѣдьма не боится пантеръ, и львы кружатъ вокругъ нея... Не держите больше звѣрей. Я приду сейчасъ.

Семпронія беретъ за руку своего супруга.

— Галерій, другъ мой, взгляни на меня! возлѣ тебя твоя вѣрная жена.

— Что хочешь ты? или опять несешь мнѣ мертвецовъ? Гдѣ была Семпронія? почему она не пришла раздѣлить со мною веселаго пира? Семпронія становится на колѣни передъ постелью мужа и говорить:

— Истерзанные трупы людей и животных и окровавленные одежды валялись по песку арены. Еще не придя въ себя отъ ужаснаго зрѣлища, я пошла изъ нашей ложи, опираясь на руку своей вѣрной служанки. Въ одномъ изъ темныхъ ходовъ, я упала отъ истощенія, и все у меня потемнѣло передъ глазами. Когда я очнулась, вокругъ меня уже никого не было, но скоро я услышала вблизи какіе то голоса и взглянула сквозъ рѣшетку на арену: толпа женщинъ и дѣтей подбирала на аренѣ окровавленные остатки истерзанныхъ христіанъ и бережно обвивала ихъ тонкимъ полотномъ, какъ какія нибудь совровища; затѣмъ, взявъ съ собой свою дорогую ношу, вся толпа удалилась.

Мнѣ сильно хотѣлось узнать, кто были эти странные люди и я, никѣмъ незамѣченная, отправилась за ними по городскимъ улицамъ. Послѣ недолгаго пути мы достигли Бирсы и вышли въ поле. Затѣмъ наша дорога шла все къ югу среди густаго болючаго кустарника и черныхъ скалъ. Передъ нами скоро открылась прекрасно защищенная пещера: по срединѣ ея лежалъ большой камень, а на немъ возвышался деревянный крестъ, къ которому была привѣплена человѣческая фигура съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Тусклый свѣтъ лампы освѣщала мокрая стѣны пещеры и толпу колѣнопреклоненныхъ людей. Сѣдой старикъ въ длинной широкой одеждѣ, вѣроятно священникъ, совершалъ какой то непонятный для меня таинственный обрядъ. Мертвенные останки убитыхъ онъ сложилъ въ урны и сосуды и поставилъ у подножія креста. Пещера огласилась величественнымъ пѣніемъ, которое потрясало мою душу. Больше не могло быть сомнѣній, я попала въ христіанскій храмъ!

При видѣ этихъ людей, Галерій, которые, какъ какой-нибудь праздникъ торжествовали смерть своихъ братьевъ и даже, какъ будто, завидовали имъ, въ мою душу завралась безотчетная грусть и раскаяніе. Подчиняясь какому то неиспытанному мною до того времени чувству, я упала

на колѣни; мнѣ казалось, будто спала завѣса съ моихъ глазъ, крестъ бросалъ отъ себя чудные лучи свѣта, которые озаряли все мое внутреннее существо и разгоняли мракъ сомнѣнія въ моей душѣ.

Какъ великъ долженъ быть Богъ, думалось мнѣ, которому поклоняются эти люди! Не въ силахъ больше совладать съ своимъ сердцемъ, я приблизилась къ толпѣ молящихся и громко воскликнула:

— Возьмите и меня въ свою среду, ибо у васъ я выучилась любить и прощать! Почтенный старецъ взглянулъ на меня и громко проговорилъ:

— Язычница, отъ сердца ли говоришь ты это? Не привлекло ли тебя къ намъ корыстное желаніе предать насъ въ руки враговъ нашихъ? Богъ, во имя котораго собрались мы здѣсь, не есть Богъ, сдѣланный изъ камня или мѣди,—онъ Богъ любви и утѣшенія, который укрѣпляетъ наши сердца въ борьбѣ съ нашими гонителями, и имя котораго мы радостно призываемъ въ бою съ дикими звѣрами и въ часъ смерти.

Затѣмъ старецъ возложилъ мнѣ на голову руки и продолжалъ:

— Если хочешь ты, женщина, присоединиться къ намъ, то отрекись отъ своихъ боговъ и громко исповѣдуй имя Искупителя, изображеніе котораго ты видишь на этомъ крестѣ.

Онъ окропилъ мою голову освященной водой.

— Беата будетъ твое имя, и съ этихъ поръ во имя Распятаго ты будешь называться христіанкой.

— Галерій, мой милый супругъ! я стою здѣсь передъ тобой уже окрещенной, христіанкой. Умоляю тебя не преслѣдовать моихъ братьевъ или бросить и меня также въ темницу, гдѣ я буду служить имъ примѣромъ, ибо я научилась уже вѣровать!

Проконсулъ всочилъ съ своего ложа, какъ ошеломленный:

— Жена! ужели въ своемъ умѣ говоришь ты это, ужели твоими устами гласить истина?

— Я христіанка, Галерій *).

Какъ ягненовъ отъ тигра, отскочила Семпронія отъ своего мужа: съ дикимъ вворомъ, съ пѣною у рта онъ хватается за свой мечъ, хочетъ приблизиться и поразить ее, но ноги отказываются ему служить.

— Что ты дѣлаешь, Галерій! въ ужасѣ воскликнула молодая женщина.—Галерій, опомнись!

Но было уже поздно: брошенный сильной рукою мечъ просвистѣлъ въ воздухѣ, и несчастная Семпронія, пораженная, упала на землю юной мученицей за свою новую вѣру.

При видѣ крови провонсулъ какъ бы отрезвился и... волосы стали у него дыбомъ.

— Семпронія, что сдѣлалъ я съ тобой! Семпронія, Семпронія! встань, встань-же! Такъ восклицалъ онъ въ отчаяніи, обнимая обѣими руками и прижимая къ себѣ ея уже холодѣющій трупъ.

— Она умерла! вырвался у него вопль, отъ котораго весь домъ поднялся на ноги... а онъ, какъ-бы преслѣдуемый цѣлымъ сонмомъ фурій, выбѣжалъ вонъ и пустился по городскимъ улицамъ, не зная самъ зачѣмъ, къ морскому берегу.

Тамъ, гдѣ громоздятся другъ на дружбу крутыя скалы, и высоко вьдываются, разбиваясь о нихъ, пѣнящіяся волны, онъ опустился въ безсиліи на прибрежный камень. Вдругъ схватываютъ его сзади двѣ руки:

— А! ты пришелъ наконецъ,—раздается у него надъ ухомъ женскій голосъ,—но уже поздно, поздно!

Провонсулъ поднялъ глаза. Мѣсяцъ освѣтилъ блѣдное лицо женщины.

— Ты здѣсь, Юбея!—отозвался онъ не своимъ голосомъ.

---

*) Ужасныя зрѣлища и мученія, которымъ подвергали христіанъ, не противодѣйствовали, а содѣйствовали распространенію христіанства. Мѣсто замученныхъ заступали новыя исповѣдники вѣры, и христіанская община росла и крѣпла на почвѣ, пролитанной кровью ея членовъ.

— Слишкомъ поздно пришелъ ты, Галерій! слишкомъ поздно! Въ волны Баргада бросила я нашего ребенка. Смотри, какъ поглощаютъ онѣ его. Спаси его, Галерій, нѣтъ!.. онъ ужь на днѣ.

Съ нечеловѣческой силой влечетъ сумасшедшая обезсиленнаго, полуживаго отъ страха проконсула за собою на край обрыва.

— Галерій! наше дитя! Всемогушіе боги! Но... это были ея послѣднія слова, ибо надтреснувшая скала не выдержала ихъ тяжести и рухнула, увлекая ихъ обоихъ въ водяную пропасть, и сильнѣе клоочеть и пѣнится бездна, словно радуясь добычѣ...

БРАТЯ ОРЛОВЫ.

(Отрывокъ изъ историческаго романа).

I.

Зима, морозъ трескучій, полночь, но свѣтло какъ днемъ!...

Бдали отъ жилья, среди густаго лѣса, укрываясь среди чащи, гдѣ торчать, топырятся и переплетаются голые сучья и вѣтки, обсыпанные серебристымъ снѣгомъ, стоитъ человекъ.

Среди глуши и дичи лѣса, среди тиши ночной, ярко облитой луннымъ свѣтомъ, такъ, что лиловатая тѣнь пятномъ лѣжитъ за нимъ на сугробѣ—онъ одинъ здѣсь—шевелится, дышетъ, живетъ... Все окрестъ него—мертвецъ нѣмой и бездыханный, окутанный и увитый бѣлымъ саваномъ.

Морозъ все убилъ, и все зарыли будто кованныя и закаленные снѣговья глыбы.

Круглый мѣсяцъ сіяетъ среди яснаго, синеватаго неба и только изрѣдка укрываютъ его, низко и быстро летящія, округлая и вѣпкія облака. Будто клубы дыма, облака налетаютъ на мѣсяцъ, желтѣютъ на мгновенье, слегка застилаютъ его, но тотчасъ же снова, прорѣзавъ ихъ, онъ будто самъ стремительно вылетаетъ изъ за желтой облачной паутины и будто взмахомъ шибко уносится прочь—въ ширь и синеву ночную. И каждый разъ

сѣрая тѣнь, легкая и мгновенная, — будто призракъ, безмолвно и бесслѣдно несущійся надъ землею, — мелькнетъ, скользнувъ по бѣлымъ глыбамъ снѣговъ, и исчезнетъ, умчась въ невѣдомый путь...

А ясный мѣсяцъ въ небѣ, холодно веселый, будто тоже льдистый, равнодушно глядя сюда съ великой заоблачной шири, только и находитъ, что голую, черную, шероховатую чашу лѣсную, да бѣлыя глыбы. И все здѣсь серебристо, лучисто и мертво... Только синіе и пунцовые огоньки и искры вспыхиваютъ, свербаютъ и меркнутъ, будто бѣгаютъ, играютъ по стволамъ, вѣтвямъ и сугробамъ.

Незнакомецъ стоитъ на опушкѣ, полуукрытый сосной, а предъ нимъ маленькая прогалина лѣсная, и бѣла она... Бѣла и чиста, какъ только можетъ быть бѣла снѣжная полянка, среди дремучаго бора, по которой нога человѣка не ступала еще ни разу съ начала зимы. Ни пятнышка, ни соринки, ни единой точки темной. Ясная и гладкая, какъ бы сахарная глыба снѣгу, вся усыпана искрами и алмазами и серебрится въ лучахъ мѣсяца; а утонетъ онъ на мгновенье въ облакахъ, то синевой отливаетъ начнетъ глубокий сугробъ.

Человѣкъ этотъ — охотникъ, близъ него на подачу руки стоятъ у ствола маленькой сосенки короткій мушкетонъ и длинная толстая рогатина о двухъ стальныхъ зубцахъ. Но охотникъ забылъ про оружіе и, прислонясь спиной къ большому обледенѣлому дубу, онъ отквачнулся назадъ, засунувъ руки въ карманы мѣховаго кафтана, закинулъ голову въ мѣховой шапкѣ назадъ и все задумчивое лицо его въ лучахъ мѣсяца. Высокій ростомъ, плотный, могучій въ плечахъ, удалый по лицу и взору, онъ, или забылъ, зачѣмъ стоитъ въ полночь среди дикаго лѣса, или просто усыпило его — дѣло привычное, или просто скучно стало, потому что давно ужъ онъ здѣсь. Во всей фигурѣ его есть что то осанистое и гордое, что то простое и важное и въ лицѣ и въ позѣ, и даже въ одеждѣ. Молодое обритое лицо безъ усовъ и бороды, краси-

вый профиль чистаго лица, большіе темные глаза, задумчиво слѣдящіе за игрой мѣсяца съ облаками—все говоритъ, что это не простой охотникъ, — звѣроловъ изъ за куска хлѣба.

Тишь полночная не нарушается уже давно ни единымъ звукомъ, и не мудрено было задуматься ему и заглядѣться на небо. Долго стоялъ онъ такъ, не двигаясь и опрокинувъ голову, но наконецъ шевельнулся, тихо опустилъ голову, опустилъ глаза на серебристую полянку и вымолвилъ шопотомъ:

— Эхъ, моя бы воля...

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на утоптанномъ имъ снѣгу и сталъ озираться.

Оглядѣлъ онъ полянку, голую сѣть стволовъ ее окаймлявшую, потомъ глянулъ около себя на оружіе, но казалось не вполне еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко, и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топырится кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещить, и гдѣ стоять, прислоненные къ обледенѣлой корѣ, рогатина и мушкетонъ, для любимой забавы, для боя, одинъ на одинъ — съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взявъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, отвачнулся отъ дерева и оперся на нее... ради перемѣны положенья и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движеніемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ, и его собственныя слова разбудили и его самого и окрестъ молчащій лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно какой то звукъ. Не то хрустнуло что то, не то звягнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука, снова воцарилось тоже затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожь однако... Госка какая... Да и морозно!

Нынѣ, должно быть, не задача отъ Нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ едва слышно и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ наконецъ пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ съ серебряными насѣчками. У ремня торчалъ большой турецкій пистолеть и висѣлъ длинный кривой кинжалъ. Но однако охотникъ тотчасъ же снова поднялъ голову и лицомъ къ мѣсяцу снова забылъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

Видно не легко отвязаться ему отъ тѣхъ мыслей, что наплывали, бились, роились и не укладывались въ голову его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальные, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, точь въ точь какъ вотъ этотъ мѣсяцъ пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя вучки облавовъ и рѣжетъ ихъ... Они бѣгутъ прочь, дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяцъ хотъ будто и плыветъ, а все тутъ на мѣстѣ и снова свѣтитъ и снова сіяетъ.... И мысль эта тоже, какъ мѣсяцъ въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его.

Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя одна ярче другой, одна заманчивѣе другой, — были всѣ вполне чужды всему окружающему. Чужды и обрестному дикому лѣсу, и его вооруженью и той затѣѣ, которая привела его сюда — мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ, среди этой нѣмоты ночной, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки, и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ, крѣпче обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть пристальнѣе въ чащу. Что-то хрустнуло звучнѣе и ближе, и шорохъ приближался... Охотникъ двинулся слегка изъ подъ дерева и сталъ на краю опушки

весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на противоположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальни!

— А я ужь было думалъ и онъ! отозвался тотъ.

Появившійся на опушѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого-же могучаго роста, такой-же плечистый и молодець съ виду.

И охотники-богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Оба были одинаково одѣты и вооружены, только у втораго не было рогатины. Богатыри эти были братья Орловы; первый Григорій, вновь подошедшій—Алексѣй.

II.

— Что Алеханушка? Видно чухонецъ то во снѣ видѣлъ мишку... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлюю семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ.—Ихъ тутъ на сто лѣтъ хватить и лосей и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я сглазить насъ этотъ проклятый Нѣмецъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути желаетъ да удачи... Ну и сглазилъ оказанный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдь. Да это и вздоръ... Глазь-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ... Толкуй. У тебя все вздоръ теперь, какъ за границей побывалъ. Это россійская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня такъ морозъ сталъ одолѣвать съ тоски. Пора-бы ужь въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей богу! Мало-ль что!.. Можетъ даже нужда въ насъ случится. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстоишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками. ♪

— Нашихъ-то не слышать. Словно померли всё... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимуть мишу, не намъ достанется. Пойдемъ-во къ лошадамъ. А?..

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня по истинѣ и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, да охоты... тише сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не такой медвѣдь изъ Нѣмціи пожаловалъ вдругъ, да на шею сѣлъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами и звонко раздался его смѣхъ богатырскій среди серебристой чаши.

Нѣсколько снѣжинокъ отъ смѣху и отъ движенія его посыпались съ ближайшей сосенки и засверкали при беззвучномъ паденьи.

— Тише... Чего горланишь...

— Въ лѣсу-то? Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, сказывалъ родитель, опѣнки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чашѣ.

— А тутъ теперь и опѣнокъ нѣту. Зима! шутилъ Григорій Орловъ.

— Береженаго Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Елизавета Петровна, а что ужъ воды утекло... А все этотъ принцъ. Все онъ. Государь тутъ ей-ей ни причемъ. Не пріѣзжай онъ...

— Да этотъ принцъ Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михаилъ Иванычъ Ведмедевъ, тише вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнетъ своими порядками.

— Насъ?. Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! Какъ то странно и желчно выговаривалъ онъ. Мы будемъ въ вустахъ сидѣть, да ворчать, да шишь показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу.

А стыдъ сказать, что... Лѣнь! Да, лѣнь... Все какъ то чрезъ пень володу валимъ. Походите, да обождите, да отдохните... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья — на охоту... А то за бабьемъ ухаживать... И какъ право не наскучить. Все бабы да бабы, да все разныя. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому ли теперь на умъ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка приунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его зазвучалъ какъ то нѣжнѣе, будто онъ винился. Упрекъ брата прямо относился къ нему, и онъ мысленно сознался въ правотѣ его.

— Чтожъ Алеханушка. Я не отпираюсь. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройсли. И все я брошу. И охоту, и вино и картежъ... А барынь то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ...

— Толкуй! усмѣхнулся недовѣрчиво Алексѣй. Брошишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбели бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Нивогда я имъ не бывалъ. А по половицѣ: на ловца и звѣрь бѣжить. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— И почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ. Вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за кѣмъ изъ нихъ наши козырихи такъ не бѣгаютъ. И чѣмъ ты берешь. Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца что ли за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощакъ дую. Угольки по водѣ пускаю да причитываю, размѣялся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домекъ вашимъ молодцамъ, хоть они и прѣтче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ.

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло — мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербургѣ для всякой молодежи чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть — мертвое, таѣ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его.

— А Куракина? Всему Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла, на всю столицу нашумѣть. Ея воля была. За то полсотни было такихъ, объ кои ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!.. Коли въ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче. Можетъ и теперь вотъ... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, таѣ ахнулъ бы... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ лѣсъ.

— Въ принцессу что-ль какую влюбился? размѣлся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржомъ много приѣхало изъ Голштиніи.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидаль!

— Не ври.

— Зачѣмъ. Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвилъ Григорій. Да и не ради похвальбы я рѣчь заведу. А ради тяжести душевной... Вотъ ужъ недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто жъ такая твоя новая ворожея. Такой и нѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй, но вдругъ, глянувъ въ лице брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша! Балагуришь? Во снѣ видѣлъ...

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ.

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ ину пору, чтобъ мнѣ та явь сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой... шепнулъ онъ, почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ... А коли ты самъ по догадкѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать... Я... Что ты Гриша! Да тутъ Іуда промолчить, а я тебѣ братъ... Ты самъ то... Самъ молчи. Себѣ самому въ горницѣ не сказывай... Гриша... Зачѣмъ... Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ Гриша... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь... Да и сердце нешто спрашивается. А что смертью пахнетъ, мнѣ всегда любо было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы! погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей буянить и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кулакомъ убить зря... На войнѣ, въ битвѣ, на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядашій нѣмецъ можетъ изъ пистолы уложить какъ муху... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и того гляди ухлопаютъ изъ за забора или изъ за пня... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзешь на смерть!.. А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опасѣ думать... Тутъ, когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя... твоя... Ужъ не знаю, какъ и назвать то. Вся то жизнь твоя и душа то твоя тамъ будто осталась съ вечера да опять поджидаетъ... Такъ тутъ, видишь-ли, раздумывай да опаску соблюдай... Что ты братъ! Тебя знать еще ни одна не ждала. Смертью, говорить, пахнетъ. Тогда то и любо братъ, какъ въ ночь то вы втроемъ на свиданіи: ты, она, да смерть за плечами....

Алексѣй Орловъ стоялъ, понурившись и не шевелясь, и уныло глядѣлъ въ чашу лѣсную.

— Что? Не по твоему... Ахъ, братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша...

— Чего?..

— Охъ Гриша... Что ты мнѣ сказала. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что! Любовь никому не обида! А еслибъ и такъ. Пускай!.. Ты, Алеханушка, знать еще не любилъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто ихъ снимай. Тыщу... Голову! Да я самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими руками да брошу ей въ ноги. На, молю! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукой по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ, сіявшій въ небѣ.

III.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанья Григорій Орловъ хотѣлъ снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ послышался не вдалькѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло... Потомъ опять хрустнуло что то... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто. Оба лица за мгновенье уныли — просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье! На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ сорока отъ нихъ показалось за прогалиной, на противоположной

опушѣ, что то круглое, темное, и странно двигалось оно, будто катилось клубомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ за спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять... а не бить.

• — Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ пожалуй не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рывнуло и повернуло было въ чашу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолеть, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣдь, матерый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшись въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ, и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луной прогалинѣ. Длинная синяя тѣнь легла предъ нимъ на сугробѣ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ.

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него не малая тѣнь шевелилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсъ, онъ шагнулъ широко на медвѣдѣ и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какою почтенный! Стоить погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сопѣлъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размахисто ткнувъ въ него рогатиной, глубоко всадилъ лезвее. Медвѣдь дико заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся, но дикій ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; Григорій быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлѣстнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ. Ой! шибко бѣтъ разбойникъ. Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, равшее его внутренности, топталъ подъ собой окровавленный снѣгъ ц, уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ враговъ. Паръ легкими влудами валилъ отъ него и, дымкой вился на морозѣ вокругъ мохнатой шкуры...

— Сядь, миша, сядь! весело крикнулъ Григорій.

— Полно хлопотать то, садись родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее наконецъ отъ потери крови, осунулось и слегка опустилось, поджимая заднія лапы. Только дикій ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валишь? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? не слышать. Ишь орѣтъ...

— Валишь, говорю. Не встанетъ небось...

— Рано. Ну, да въ двоємъ то, осидимъ. Не здоровѣе же онъ—Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совсѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усильемъ повалили животное навзничъ. Медвѣдь уже слабо барахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину,—не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ за пояса, быстрымъ движеньемъ нагнулся надъ животнымъ и, размахисто вонзивъ въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, миша. Такъ то лучше... весело сказалъ

Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ въ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михаилъ Ивановичъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось-бы палить. Достался бы мишка не иначе, какъ на нѣмецкій ладь. А толи дѣло эдакъ... Погрѣться. Ишь вѣдь здоровенный!.. нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй.

— Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья разсмѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Коли на зовъ горластаго мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не докличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отвѣтнаго звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было вкругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ то за музыкальнѣе время терять, сказалъ онъ. Возмись. Впрегемся мы въ мишку какъ парой въ дышлѣ, да за заднія лапы и потащимъ въ лошадамъ. Тутъ болѣе версты не будетъ.

И два богатыря, ухвативъ разпластавшуюся лохматую махину, легко потащили ее, бодро шагая рядомъ.

Кровавый слѣдъ багровой лентой вился за ними по серебру снѣговъ.

— Эхъ, кабы намъ, братецъ, дѣла наши всѣ также вотъ лихо вершить, какъ на охотѣ. Кабы сѣумѣть управиться также споро, какъ мы вотъ съ мишвами управляемся, заговорилъ Григорій Орловъ на ходу.

— Тамъ не сила, а разсудокъ да смѣлка дѣло вершать... А главное и первое всему начало—согласье.. отовался Алексѣй.

— Я все тутъ стоялъ въ лѣсу... Ждалъ вотъ этого.

А прозѣвалъ бы непременно, потому что все въ головѣ у меня Лейбъ-Компанцы прыгали... Вотъ кабы эдакъ то!.. Въ одну ночь... Безъ шуму, безъ драки... безъ убивства своего брата офицера какого или солдата.

— Вишь чего захотѣлъ! Нешто можно. Статочное ли это дѣло? Вѣдь тутъ не тетушка Леопольдовна да шестимѣсячный младенецъ на престолѣ... Да оба нѣмцы... Да и охраны никакой...

— А нынѣ то ктожь? Все то же:

— То же, да не то. Тѣже щи, да съ говядиной. Голштинское то войско глядѣть что ли будетъ. Да что голштинцы!.. Вотъ свои измайловцы да семеновцы по сю пору никакимъ голосомъ не отеликаются. Э—эхъ! Все это... сновидѣнья одни наши! вздохнулъ Алексѣй Орловъ.

— На мой толкъ, Алеханушка, прежде всего рогатиной намъ хохлацкой заручиться. Тогда все, какъ по маслу пойдетъ.

— Какой рогатиной?!

— Хохлацкой. Въ ней вся сила! смѣялся, шагая Григорій.

— Что ты прилетаешь. Какая хохлацкая рогатина?

— А гетманъ! Графъ Кирила Григорьевичъ.

Алексѣй Орловъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Мудрено. Къ Разумовскимъ и воротъ не найдешь; не знаешь съ какой стороны и подѣхать къ нимъ. Они оба доки—мягко стлать.

— Говорю—пустите меня!

— Пустите? Рано. Что зря въ петлю лѣзть! отвѣчалъ серьезно младшій братъ. Они по первому слову велѣтъ тебя арестовать и поѣдутъ къ государю. Намъ, за тобой вслѣдъ, и пересчитаютъ всѣмъ головы. Да и зачѣмъ. Мы еще я не знаемъ сами, съ какого конца взяться.

— Гетманъ не таковъ человекъ, чтобъ доносить. Да и хитеръ. Онъ, поди, давно носомъ чуетъ—чего вся гвардія желаетъ.

— Вся гвардія. Вся ли, Гриша? Кабы вся то желала, такъ мы съ тобой не болтали бы зря, а дѣло дѣляли.

— Ну, а не въ примѣръ мудренѣе, говорю, начать, коли гетмана не достанешь себѣ.

— Начинать то, Гриша, повуда нечего, а то и безъ него обойдемся. Что тутъ гетманъ. А тяжель ведь провлятый. Руки обламаешь объ него!

— Гетманъ то? Да. Лѣнивъ на подъемъ; какъ всѣ они, — сказываютъ, — хохлы.

— Вотъ этотъ гетманъ тяжель, говорю! разсмѣялся Алексѣй Орловъ и бросилъ лапу животнаго.

Братья остановились отдохнуть и молча стали надъ медвѣдемъ.

— А вотъ что, Гриша, выговорилъ вдругъ Алексѣй. Веселый и бодрый голосъ его понизился и звучалъ иначе. Ты подумалъ ли о томъ, братецъ, что нынѣ постъ идетъ. Не за горами и страстная да говѣнья. Какъ же теперь быть, если священникъ на духу, что либо такое къ нашему дѣлу подходящее спросить вдругъ.

— Не спросить, не бось.

— Не спросить? Ты всегда такъ. Ну, а спросить, говорю?

— Да съ чего жь?

— А хотъ съ того вотъ, что ужъ мѣсяцъ цѣлый, то и дѣло у насъ спрашиваетъ всякъ, что у тебя на дому за сходбища, да что мы поздно засиживаемся за полночь. Пить не пьемъ и спать не идемъ.

Григорій Орловъ глянулъ на брата и молчалъ.

— А лгутъ, Гриша, на исповѣди только перекрести изъ татарвы.

— Вѣстимо. Но и открыться на духу, Алеханушка, хотъ бы малость — избави Богъ. Не можно. Попъ изъ за камилавки — изъ мухи слона сдѣлаеть и въ набать ударить.

— Вотъ то то и есть! Я вотъ эдакъ и думаю все, какъ быть, тихо выговорилъ Алексѣй.

И два молодца богатыря задумались, стоя надъ мертвымъ мишкой. Огромное лохматое животное, сраженное въ пятиминутной борьбѣ—было для нихъ дѣло привычное и заурядное, надъ которымъ думать не приходилось. А говѣть или нѣтъ, лгать на духу или нѣтъ?—это былъ вопросъ далеко не заурядный. Было о чемъ молодецкія головы поломать.

— Чтожъ? Отложи говѣть до времени, вымолвилъ наконецъ Григорій Орловъ. Богъ простить.

— А ты, Гриша? съ изумленіемъ воскликнулъ братъ.

— Вѣстимо тоже... Я, ты знаешь, всегда за тобой. Какъ ты... А попадемся въ чемъ послѣ, такъ въ Пелымѣ ужъ и отговѣемъ, усмѣхнулся онъ. И времени-то тамъ у насъ, Алеханушка, много будетъ, Богу-то молиться. Молись себѣ да молись. Никто не помѣшаетъ. Хоть Четью-Минеею тамъ на память себѣ вычитывай.

— Гдѣ?

— А въ Пелымѣ-то или въ Соловкахъ.

Алексѣй Орловъ, въ свою очередь, весело разсмѣялся, но тотчасъ стихъ и, раздумывая, вздохнулъ.

— Такъ стало не говѣть? сказалъ онъ наконецъ, какъ-бы рѣшаясь.

— Не говѣть... Что-жъ, Богъ простить.

— Ну, ладно... Берись-ко.

Братъ снова ухватили медвѣдя за заднія лапы и снова легко поволокли лохматую махину по сугробамъ... Широкое темно-багровое пятно осталось на мѣстѣ, гдѣ лежалъ медвѣдь и снова узкій кровавый слѣдъ ложился по ихъ слѣдамъ на лѣсныхъ сугробахъ!..

IV.

Послѣ получаса ходьбы Орловы вышли изъ лѣсу на опушку, гдѣ, близъ шалаша, стояли двѣ тройки, привязанныя къ деревьямъ и нетерпѣливо двигались на мѣ-

стѣ, переваливая бубенчиками. Кучера смали въ шалаги и голосисто хранили; увернувшись въ рогожи.

Алексѣй Орловъ, растолкавъ людей, разбрашил ихъ за то, что полузамерзшіи лошади были брошены безъ надзору.

Оба кучера стали класть медвѣдя въ большіе сани, но не могли поднять его настолько, чтобъ перетащить чрезъ откосъ въ дно саней. Лошади оглядывались, крапѣли, а ближайшая пристяжная ужъ фырнула разъ и, поднимаясь, собиралась ударить...

Орловъ велѣли одному изъ кучеровъ садиться, другому держать тройку и, легко взмахнувъ медвѣдя, бро- силъ его въ сани и затѣмъ усѣлись тамъ.

Приказавъ другимъ санямъ дожидаться капитана Ласунскаго, который съ двумя крестьянами и съ проводникомъ чухонцемъ еще остался въ лѣсу—они двинулись съ своей добычей...

— Скажи Михайлѣ Ефимовичу, весело приказавъ младшій Орловъ, что мы вотъ лапу его тесни наваримъ для него подъ соусомъ въ Кабачкѣ. Чтобы скорѣе ѣхали. А если они еще долго провозятся въ лѣсу, то чтобъ не заѣзжали въ Красный, а ѣхали прямо въ городъ... Мы тамъ долго не засидимся. Ну, пошелъ!..

Лошади, прозябшія на морозѣ, охотно взяли съ мѣста вскачь. Отвязанный воловѣчій евонокъ свалился среди снѣжной равнины и скоро тройка исчезла изъ глазъ кучера, оставшигося съ другими санями ждать капитана Ласунскаго, пріятеля Орловыхъ.

Алексѣй Орловъ всю дорогу покрикивалъ на лошадей, наконецъ, недовольный ѣздай кучера, перагѣлъ на облучекъ и забралъ самъ возжя.

— Гляди, ротозѣй! Это что? Коренникъ шлепаетъ въ хомутѣ. Пристяжные то и дѣло что рвутъ да отдають. Эхъ ты, Маланья — пени алады!.. Почувявъ-ли другую руку, или по натянутымъ возжамъ прошла искра какая въ коней, но они дружно и ровно подхватили сани и лихо помчались.

— Млѣ-би въ лицикахъ бытъ, Гриша, крикнулъ Алексѣй Орловъ, обернувшись къ брату съ облучка. Какая смерть стоять на ученьи ретномъ, а тутъ гляди... Сани-то самые живыми заскуютъ! Вся тройка-то съ санями точно звѣрь какой трехъ-годовой катится по снѣгу. Въ книгѣ Апокалипсисѣ такой-то вотъ нарисовать...

Тройка неслась во весь опоръ по гладкой однообразно-бѣлой равнинѣ, окаймленной лѣсами; морозный воздухъ рѣзалъ лица и мелкимъ шумомъ снѣгомъ, какъ пескомъ, швыряло изъ подъ приставныхъ и завидывало Григорья Орлова и шкуру медвѣдя, лежавшаго въ его ногахъ. Голова, отвиснувшая съ тусклымъ глазомъ, съ кровью у оскаленныхъ зубовъ, да одна лапа съ острыми ногтями—торчала изъ саней. Григорій наступилъ ногой на локматую спину животного и пристально глядѣлъ на него; почти не слушая брата. Ему пришло на умъ.

— Куда дѣвалось теперь то, что рѣзло на весь лѣсъ подъ рогатиной; куда дѣвалась эта сила, что налегала на него, когда онъ сдерживалъ этого Мишку. Былъ страшный звѣрь, а теперь лежитъ шуба какая-то. А гдѣ же *то*... что было въ этой шкурѣ часъ назадъ?

— Еслибъ я былъ богатъ, продолжалъ брату вричать съ облучка Алексѣй, оборачиваясь и не глядя почти на несущуюся вихремъ тройку, — богатъ, вотъ какъ графъ Разумовскій, я бы не сталъ служить, а уѣхалъ бы въ вотчину, да завелъ бы сотни, тысячи коней и все наталъ бы на нихъ. А что теперь при нынѣшнемъ государѣ въ столицѣ? Утромъ ученье на ретномъ дворѣ; въ полдень ученье на полковомъ дворѣ, а тамъ сейчасъ ученье и смотръ на плацѣ, а вечеромъ артивулъ прусскій, эзерцидн. На дому еще обучаешься у нѣмца какого... Ты выучилъ какъ къ ногѣ спускать, чтобъ тыр-тыр-то этотъ выходилъ... Гриша! Ты не слушаешь?

— Вотъ погоди, не такъ еще учить начнутъ. Докопаютъ совсѣмъ! отовался Григорій.

— А что?

— Новый учитель прїѣдетъ на дняхъ изъ Берлина

отъ Фридриха. Любимецъ его, слышь. Государь его выписалъ. Ему даже цѣлый флигель, говорятъ, готовится въ Рамбовѣ. Сначала онъ государевыхъ голштанцевъ обучить, а потомъ за насъ примется.

— Кто жь такой?

— Офицеръ Фридриховскій, звать Ботцау. Онъ изъ лучшихъ тамошнихъ фехтмейстеровъ.

— Какъ? какъ?!

— Фехтмейстеръ.

— Это чтожь такое?

— Мастеръ, значить, на эспантонахъ драться и вообще на счетъ холоднаго оружія собаку съѣлъ. Какъ прійдетъ, такъ ему чинъ бригадира и дадутъ.

— Ну вотъ еще!

— Отчего же не дать? Золотаря да брильянтика изъ жидовъ— Позве, сдѣлали бригадиромъ. Спасибо скажи, что еще не командуетъ вашей какой ротой—преображенцевъ.

— А ты насъ не хай! цалмейстеръ! шутливо крикнулъ Алексѣй.

Братья замолчали.

Григорій Орловъ, задумавшись, глядѣлъ на медвѣда, щуря глаза отъ снѣжной пыли и комковъ, что били и сыпались черезъ крылья саней. Алексѣй, повернувшись къ лошадямъ, передергивалъ и подхлестывалъ пристяжныхъ, а потомъ сталъ снова учить кучера, показывая и рассказывая.

Вскорѣ снова пошелъ густой боръ; высокія ели и сосны, обсыпанныя снѣгомъ, стояли какъ въ шапкахъ. Внизу чернѣлись въ полусумракѣ толстые стволы, макушки же ярко рисовались на чистомъ небѣ и блестяли. Луна съ боку смотрѣла черезъ нихъ на тройку и деревья будто проходили подъ ней, мимо несущихся саней. Черезъ полчаса тройка была уже въ виду трехъ избъ, стоявшихъ одиноко среди лѣса. Не вдаль, отдѣльно отъ нихъ, видѣлся большой двухъ этажный домъ съ дворомъ, обнесенный тыномъ. Это былъ прежде простой

кабакъ, постепенно превратившійся въ большой постоянный дворъ. Онъ стоялъ почти на полъ пути изъ Петербурга въ Петергофъ. Здѣсь останавливались всегда проѣзжіе, ради отдыха лошадей. Здѣсь же братья Орловы отдыхали всегда, послѣ своихъ медвѣжьихъ охотъ. Этотъ постоянный дворъ остался со старымъ прозвищемъ: *Красный Кабакъ*.

V.

Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ то время, когда по указу молодого царя Петра Алексѣевича, властолюбивая Софія была схвачена въ Кремлѣ и отвезена въ Дѣвичій монастырь, — въ селѣ Преображенскомъ, мимо 18-ти лѣтнаго Петра, шли тихо, рядами, бунтовщики стрѣльцы, неся въ послѣдній разъ на плечахъ своихъ свои буйныя головы; затѣмъ на глазахъ его, кто волей, а кто неволей клали они эти головы подъ топоры работавшихъ палачей. Въ одномъ изъ проходившихъ рядовъ орлиный взоръ царственного юноши случайно упалъ на очень высокую, осанистую и богатырскую фигуру сѣдаго старика съ окладистой, серебряной бородой.

Онъ мѣрнымъ, степеннымъ, боярскимъ шагомъ безтрепетно выступалъ впередъ, среди другихъ осужденныхъ, робко шагавшихъ къ мѣсту казни и среди другихъ лицъ, запуганныхъ и искаженныхъ страхомъ наставшаго смертнаго часа, его лице глядѣло бодро, воодушевленно и почти торжественно. Будто не въ послѣдній разъ и не подъ топоръ несъ онъ свою посѣдлую голову, красивую и умную... а будто въ праздникъ большой отъ обѣдни шелъ, или въ крестномъ ходу, за святыми иконами...

Царь остановилъ старика и, вызвавъ изъ рядовъ, спросилъ какъ звать.

— Стрѣлецкій старшина, Иванъ Ивановъ сынъ Орловъ!

— Не срамное ли дѣло, старый дѣдъ, съ экими бѣ-

лыми волосами крамольничать... Да еще вичишься, страха не имѣшь; выступаешь, гляди, соколомъ, будто на пирь.

Старикъ упалъ въ ноги царю.

— Срамъ великъ, а грѣхъ еще того велий! воскликнулъ онъ. Не вичуся я, царское твое величество, и иду радостно на смерть лютую не ради озорства. Утѣшаюся, что смертью воровскою получу грѣхамъ прощеніе и душу спасу. Уважи, царь, всѣмъ намъ ворамамъ государскимъ безъ милости головы посѣчь. Не будетъ покоя въ государствѣ, пока одна голова стрѣleckая на плечахъ останется. Ни единой-то, единешенькой, не повели оставить... Попомни мое слово стариково!

Но царь молодой задержалъ старика стрѣльца разспросами о прошлыхъ крамолахъ и бунтахъ. А ряды осужденныхъ все шли, да шли мимо... и головы вляли. И всѣ прошли подъ ту бесѣду. И всѣ головы сватились съ плечь, обогрѣвая землю. И не кончилась еще бесѣда царя съ старшиной крамольниковъ, какъ пришли доложить, что все справлено какъ указалъ юный царь, только вотъ за «эвтимъ дѣдомъ» дѣло стало...

— Иду! иду! заспѣшилъ Орловъ.

— Нѣтъ, врешь, дѣдъ, сказалъ царь. Семеро одного не ждутъ. Изъ за тебя одного не приходится съизнова начинать судъ да расправу. Коли опоздалъ, такъ оставайся съ головой.

И изъ всѣхъ осужденныхъ головъ, за свои умные отвѣты, осталась на плечахъ одна голова старшины Ивана Орлова.

Сынъ его, Григорій Ивановичъ, участникъ во всѣхъ войнахъ великаго императора, даровавшаго отцу его жизнь, отплатилъ тою же монетою, не жалѣя своей головы въ битвахъ, какъ не жалѣлъ ее Иванъ Орловъ, неся на плаху. За то, когда онъ былъ уже генерал-майоромъ, великій государь собственноручно надѣлъ на него свой портретъ. А не много было такъ жалованныхъ.

Григорій Ивановичъ всюду и всегда первый въ битвахъ и никогда нигдѣ не побѣжденный и никогда нигдѣ

не полоненный—вдруг заплатилъ дань искушеніямъ мірскимъ. Уже имѣя полъ ста лѣтъ на плечахъ и чуть не полъ ста ранъ въ могучемъ тѣлѣ, былъ онъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ безъ войны завоеванъ, сраженъ къ ногамъ побѣдителя и полоненъ на вѣки. Сразило война-генерала, какъ въ сказкѣ сказывается: не царь салтанъ, не шведъ басурманъ, а царевна-красота; не мечъ булатный, не копье острое,—а очи съ поволокой, уста-вишенья да за-поясъ коса русая!

Григорій Ивановичъ былъ полоненъ безъ боя въ Москвѣ бѣлокаменной, 15-ти лѣтней дочерью стольника царскаго Ивана Зиновьева. И тутъ въ Москвѣ женился онъ и зажилъ. Прижили мужъ съ женой пять сыновъ и послѣ долгой мирной жизни близъ Нивитскихъ воротъ скончались оба и нынѣ лежатъ тамъ же рядкомъ, въ церкви Егорья что на Вспольѣ...

Сыны стали служить родинѣ, какъ училъ ихъ служить своими разсказами о себѣ Григорій Ивановичъ. Старшій изъ братьевъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ одинъ остался въ Москвѣ и, схоронивъ отца, заступилъ его мѣсто въ любви и почтеніи остальныхъ братьевъ.

Второй, Григорій Григорьевичъ былъ отправленъ еще отцемъ въ Петербургъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ и, выйдя изъ него, полетѣлъ на поля германскія, гдѣ шла упорная и славная борьба.

Двадцатилѣтній Орловъ не замѣдлилъ отличиться и послѣ кровопролитной битвы при Цорндорфѣ сталъ всѣмъ извѣстенъ отъ генерала до солдата. Онъ попалъ въ тотъ отрядъ, который неразумнѣишемъ начальства былъ заведенъ подъ пылъ и дымъ отъ обѣихъ армій и, не узанный своими, polegъ отъ огня и своихъ и чужихъ. Равенный не разъ и опасно—Орловъ до конца битвы стоялъ впереди своихъ гренадеръ. И всѣ они стояли безъ дѣла и ни одинъ не побѣжалъ и многіе polegли. Послѣ трудной компаніи 1758 года, русская армія отправилась на роздыхъ въ Кенигсбергъ и тамъ началось веселье, не прекращавшееся всю зиму. Побѣдители мужей герман-

сими объявили теперь войну жителям германским и на этомъ полѣ битвы равно не простились. Григорій Орловъ былъ первымъ и въ второй войнѣ.

Кенигсбергъ изображалъ тогда полу-русскій городъ. Русское начальство не жалѣло рублей на увеселенія и торжества, да и рубли-то эти чеканились хоть и на мѣсть, нѣмцами, но съ изображеніемъ Россійской Монархини Елизаветы.

Черезъ годъ послѣ своихъ воинскихъ подвиговъ и любовныхъ, Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ. Взятый тогда въ плѣнъ графъ Шверинъ, любимый адъютантъ короля Фридриха, былъ вытребованъ императрицей въ столицу, а съ нимъ вмѣстѣ долженъ былъ отправиться, при- ставленный къ нему поручикъ Орловъ.

Въ Петербургѣ Орловъ увидѣлъ братьевъ, служившихъ въ гвардіи, преображенца Алексѣя, семеновца Оедора и юношу—кадета Владимира. Онъ вскорѣ сошелся ближе съ братомъ Алексѣемъ и вскорѣ былъ, не замѣтно для обоихъ, подъ вліяніемъ энергической и предприимчивой натуры младшаго брата. Получивъ отъ брата Ивана, безвыѣдно жившаго въ Москвѣ, свою часть отцовскаго наслѣдства, неразлучные Григорій и Алексѣй весело принялись сыпать деньгами, не думая о завтрашнемъ днѣ. Скоро удалъ, дерзость и молодечество, неслыханная физическая сила, и наконецъ развеселое «безпросынное пированіе обоихъ господъ Орловыхъ» вошло въ поговорку.

Послѣдній парашина на улицѣ, трактирный полевой или извозчикъ, или разнощикъ Адмиралтейскаго Проспекта и Большой Морской—знали въ лицо Григорія и Алексѣя Григорьевичей, знали за щедро и часто перепадавшіе гроши, знали за какую нибудь здоровую затрещину или тукманку, полученную по башкѣ, не въ урочный часъ подвернувшейся имъ подъ руку, въ часъ беззавѣтнаго разгула, буйныхъ шалостей и тѣхъ потѣшныхъ затѣй, отъ которыхъ смертью пахнетъ.

Дерзкіе шалуны были у всѣхъ на виду, ибо дворъ и лучшее общество Петербурга давно приуныли и боялись

веселиться, какъ бывало, вслѣдствіе болѣзни¹ государини Елизаветы Петровны, которая все болѣе и чаще хворала. Баловъ почти не было, маскарады, столь любимыя прежде государиней, прекратились, поворищъ и торжествъ уличныхъ тоже не видали. Даже народъ скучалъ и всѣ ждали конца и восшествія на престолъ молодаго государя. Всѣ ждали, но всѣ боялись. Давно уже не было царя на Руси! И бояринъ—сановникъ, и царедворецъ, и гвардейцы,—бригадиръ ли, сержантъ ли, рядовой ли—и купцы, и послѣдній казачень въ дворнѣ боярина,— всѣ привыкли видѣть на престолѣ русскомъ манарховъ—женщинъ и какъ то свыклись съ тѣмъ, чтобы Русью правили хоть по виду женскія руки, женское и сердце.

Отъ наслѣдника престола и будущаго государя можно было ожидать много новаго, много переменъ и много такого, что помнили люди пережившіе Миниховы и Бироновы времена, но о чемъ молодежь только слыхала въ дѣтствѣ. Для нынѣшнихъ молодцовъ гвардейцевъ росказни ихъ мамокъ о зломъ сѣромъ волкѣ, унесшемъ на край свѣта царевну Милку и разказы ихъ отцовъ объ Биронѣ слились какъ-то вмѣстѣ, во что-то таинственное, зловѣщее и ненавидное. А тутъ вдругъ стали поговаривать, что съ новымъ государемъ—опять масляная придетъ нѣмцамъ, притихнувшимъ было за Елизаветино время.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины государини и восшествія на престолъ новаго императора, слава о подвигахъ всякаго рода Григорія Орлова дошла до дворца и наконецъ до покоевъ великой княгини.

VI.

При звукѣ колокольцевъ около постоялаго двора, въ домѣ засвѣтились и задвигались огоньки и, когда сани остановились у крыльца, человѣка четыре вышли на встрѣчу. Впереди всѣхъ былъ маленький, старый человѣчекъ, одѣтый въ кафтанъ съ нашивками и галунами.

— Абрамъ! Небось все простыло! выговорилъ Григорій Орловъ, вылѣзая изъ саней.

— Что вы, Григорій Григорьевичъ, все горячее, разпрогорячее, отвѣчалъ Абрамъ, старикъ-лакей, бывшій еще дядькой обоихъ офицеровъ.

Абрамъ отодралъ за ухо убитаго медвѣдя, нисколько не удивляясь обычному трофею барина и обратился къ другому младшему барину, сидѣвшему на облучеѣ.

— А ты опять въ кучерахъ! Экъ охота въ эдакій холодъ ручки морозить. Небось, поди, сверючило всего морозомъ-то... Ишь вѣдь зашвыряло-то какъ! Небось всю дорогу въ скокъ да прискокъ.

— Ахъ ты, хрычъ старый! весело отозвался Алексѣй Орловъ, отряхиваясь отъ снѣга. Тебя сверючило вишь, такъ ты думаешь, и всѣхъ крочить.

— Ну, ну, мнѣ-то седьмой десятокъ идетъ, а тебѣ то два съ хвостикомъ махонькимъ... А всежь таки не правда твоя. Меня не сверючило. А ты доживи-ко вотъ до моихъ годовъ, такъ совсѣмъ стрючкомъ будешь.

Сани съ медвѣдемъ между тѣмъ отѣхали и стали подъ навѣсъ.

Григорій Орловъ былъ уже въ сѣняхъ, Алексѣй, перебраниваясь и шутя съ старикомъ, вошелъ за нимъ.

Въ маленькой горницѣ былъ накрытъ столъ и среди бѣлой скатерти и посуды тускло свѣтила нагорѣвшая сальная свѣча. Тепло, и запахъ щей, доходившій изъ со- сѣдней горницы, приятно охватилъ прїѣзжихъ, простоявшихъ на морозѣ нѣсколько часовъ.

— Ну, поживѣй, Абрамъ. Проголодались мы, — приказалъ Григорій.

— Живо, живо, старая крыса! шутливо добавилъ и Алексѣй.

— Все готово-сь! Ключикъ пожалуйста отъ погребца. Онъ у васъ остался. А то-бъ ужъ давно все на столѣ было.

— Онъ у тебя, Алеша.. Ахъ, нѣтъ, тутъ!..

Григорій Орловъ досталъ ключи изъ бармана и, бросивъ ихъ на столъ, сѣлъ на лавку.

Старикъ отперъ дорожный погребецъ, купленный въ Кенигсбергѣ, въ видѣ красиваго сундучка, и сталъ доставать оттуда приборы; потомъ очистивъ отъ мелочей верхнюю часть сундучка, вынулъ за уши большую посеребренную суповую мису съ крышкой и началъ изъ нее выкладывать такіе же металлическія тарелки. Вынимая тарелку за тарелкой и дойдя до двухъ мисъ, которыя вкладывались одна въ другую, помѣщаясь такимъ образомъ въ большой суповой мискѣ съ ушами, — Абрамъ началъ качать головой и бормотать.

Алексѣй Орловъ стоялъ, подпершись руками въ бока, среди горницы за спиной Абрама и молча мотнувъ брату головой на старика, подмигнулъ. Григорій, полулежа на лавкѣ, поглядѣлъ на лакея.

— Что? Сервизъ? вымолвилъ онъ и усмѣхнулся.

Абрамъ обернулся на это слово заморское и морщинистое лицо его съежилось въ добродушно-хитрую улыбку.

— А то нѣтъ! воскликнулъ онъ. Сто лѣтъ буду перебирать и въ толкъ не возьму! Нѣтъ! Какова бестія!

И Абрамъ ткнулъ пальцемъ въ погребецъ.

— Что бы ему разложить все въ сундучкѣ рядышкомъ! Нѣтъ, вишь, анафема, что придумалъ. Одно въ одно. Соберешь со стола кучу, а уложишь, и нѣтъ ничего! Одна миска! Сто лѣтъ, говорю, буду выкладывать и эту бестію нѣмца поминать... Уложить рядышкомъ кабой вѣдъ ящивъ бы надо... саженный. Такъ нѣтъ же! Онъ, анафема, вишь... одно въ одно... Прямая бестія, плуть.

— Ну, Абраша, вот что... Соловья баснями не кормить. Давай скорѣе... терпѣливо, но угрюмо сказалъ Григорій Орловъ.

— Заразъ, пане! Заразъ! отозвался Абрамъ, почти не обращая вниманія. Какъ были мы съ вами въ Вильнѣ, помню я тоже, эдакую штуку одинъ жидъ продавалъ.

— Ты болты болтать! закричалъ вдругъ Алексѣй Орловъ громовымъ голосомъ. Пстой, болтушка! И живо подхвативъ старика за ногу и за руку, онъ поднялъ его, какъ перышко, на воздухъ, надъ головой своей.

— Ай!! Ай!! Убьешь! Ей Богу убьешь, баринъ! Золотой! заоралъ старикъ. Общался никогда этого не дѣлать. Стыдно! Григорій Григорьичъ, не прикажите. И старикъ, бояливо поглядывая съ верху на богатыря-барина и на полъ, кричалъ на весь домъ.

— Распибу объ полъ въ дребезги!.. крикнулъ Алексѣй и держалъ старика высоко надъ головой. Такъ какъ горница была низенькая, то онъ наконецъ приперъ старика къ баласинамъ потолка.

— Гриша, пощечки его...

— Батюшка! Баринъ! Ради Создате... Ай—ай!

— Пусти его, Алѣша. Ей Богу, ѣсть хочется.

Алексѣй спустил бережно старика и поставилъ на полъ, но едва Абрамъ былъ на ногахъ, онъ нагнулся и началъ щипать его за икры.

— Бери сервизъ!.. Живо... зачекочу... Болтушка старая!

Абрамъ увертывался вправо и влево, хрипиво хихикалъ и вскрикивалъ, поджимаясь для защиты икръ. Наконецъ онъ наскоро ухватилъ мисы и тарелки и, поневолѣ пятясь отъ барина задомъ напередъ, кой-какъ пролѣзъ въ двери, но разронялъ приборы на порогъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ ему руки не сверни какъ-нибудь... сказалъ Григорій, когда старикъ скрылся.

— Вотъ? Я вѣдь бережно... Зачѣмъ Абраму калѣчить. Вѣдь онъ насъ на рукахъ махонькими таскалъ.

— Бости-то у него старья... Не даромъ полтавскій ерой... Не долго и изувѣчить, замѣтилъ Григорій.

Черезъ минутъ пять Абрамъ появился съ подносомъ.

Изъ большой мисы дымилась похлебка, изъ другой торчалъ хвостъ рыбы, въ третьей маленькой мискѣ были печенныя яблоки. Абрамъ, уже не боясь затѣйника-барина съ ужиномъ въ рукахъ, разставилъ все на столѣ, подалъ тарелки и приборы и, отойдя въ сторону съ салфеткой на рукѣ, сказалъ торжественно.

— Пожалуйте... Хлѣбъ-соль, на здоровье.

Братья перекрестились и весело принялись за ужинъ.

— Вы кушайте, а я буду вамъ сказывать... что тутъ было съ часъ мѣста тому.

— Ну теперь болтай, Абрамка, сколько хочешь, весело сказалъ Алексѣй Орловъ. Ты сказывай, а мы будемъ тебя не слушать.

— Анъ вотъ и будешь... поддразнилъ его старикъ, поднимаясь и вытягивая шею впередъ.

— Анъ не буду! гримасой и голосомъ удивительно вѣрно передразнилъ его Алексѣй.

— Анъ будешь... Да еще обѣими ушами будешь слушать и кушать перестанешь отъ любопытствія того, что я сказывать буду...

— Ну, ну, говори!

— То-то вотъ... Говори теперь... Да я не тебѣ и говорить хотѣлъ! И презанимательная произшествія, Григорій Григорьевичъ, обратился Абрамъ серьезно къ своему барину.

Вообще Абрамъ хотя любилъ равно всѣхъ своихъ господъ, и маленькаго кадета Владиміра Григорьевича, и оварника, вѣчнаго спорщика и насмѣшника Алексѣя, но уважалъ только Ивана Григорьевича Орлова, старшаго изъ братьевъ, и потомъ боготворилъ своего барина Григорія Григорьевича, съ которымъ совсѣмъ не разставался уже за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ ни въ Россіи, ни за границей.

— Съ часъ тому мѣста, баринъ, сѣжу я съ содер-

жателемъ Дегтеревымъ. Хозяйка-то стало быть готовить вотъ на счетъ кушаньевъ вамъ поужинать. А мы двое сидимъ, да бесѣдуемъ. Онъ меня про нѣмцевъ землю спрашиваетъ, про Конизбергъ городъ и про прусскаго... этого... Ну, про Хредлиха, что нѣмцы королемъ своимъ считаютъ, благо у него длиненъ носъ, до Коломны доросъ, а все поди на глазахъ торчить.

Братья Орлова невольно усмѣхнулись тому, что называли «старой Абрашкиной пѣсенкой». Абрамъ не любилъ нѣмцевъ. Проживъ между ними четыре года въ Кенигсбергѣ, онъ еще пуще ихъ не влюбилъ, но короля Фридриха почему то особенно ненавидѣлъ отъ глубины души, и за что явилась эта ненависть въ добромъ старикѣ, онъ самъ не зналъ. Въ Абрамѣ какъ будто что то оскорблялось и негодовало, когда ему говорили, что Фридрихъ-король!.. монархъ. Таковой же вотъ царь нѣмецкій, какъ Петръ Алексѣевичъ былъ русскимъ царемъ. Абрамъ злобно ухмылялся, трясъ головой и не могъ никакъ переварить этого; если же бесѣда объ Фридрихѣ затягивалась и ему доказывали неопровержимо, что Фридрихъ царь прусскій, какъ и быть должно... да еще пожалуй Великій потомъ назовется... то Абрамъ, не находя опроверженій, принимался ругаться, называя своего собесѣдника—бусурманомъ и измѣнникомъ.

— Ну, ну, Фридриха ты, братъ, не тронь, сказалъ Алексѣй Орловъ. Знаешь нынѣ времена не тѣ. Это при Лизаветѣ Петровнѣ съ рукъ сходило, а теперь ты, Абраша, это брось. Скоро вотъ мы замиримся съ Хредлихомъ съ твоимъ и какъ ты его ругать, тебя и вѣлать головой ему выдать. Онъ тебя и казнить на сѣнной площади въ Берлинѣ.

— Казнить, сердито отозвался Абрамъ.

— Да. Сначала это отдеруть кнутами нѣмецкими, а тамъ влѣйма поставятъ и тоже съ нѣмецкими литерами, а тамъ ужъ и голову пожалуй долой.

— Боротки руки — литеры мнѣ нѣмецкія ставить...

— Дай ему, Алеша, сказывать, вмѣшался Григорій.

— А ты языкъ-то свой придержи, Алексѣй Григорьевичъ, жуй себя, да молчи. Ну-съ, вотъ и бесѣдуемъ мы съ Дегтеревымъ. Вдругъ, слышимъ бухъ въ двери кто-то. Меня съ лавки ажно свернуло, такъ скотина шибко ударилъ съ размаха. Точно разбойникъ какой. Ужь я его ругалъ, ругалъ потомъ за перецугъ.

— Да кто такой... спросилъ Алексѣй.

— А ты кушай, да молчи.. Ну вотъ, Григорій Григорьевичъ, отворилъ Дегтеревъ дверь... лѣзетъ дьяволъ, звенить шпорьями, внуть въ руки, верхомъ прѣизалъ. Морда вся красная, замерзъ бестія. Глянулъ я... Вижу онъ, какъ и быть должно. Всѣ они эдакіе, прости Госноди, дьяволы.

— Такъ-таки самъ дьяволъ? Что ты Абраша?!. шутливо воскликнулъ Алексѣй Орловъ.

— Постъ нонѣ. Великій постъ Господень идетъ, Алексѣй Григорьевичъ! Грѣхъ это — его поминать! Уборизненно заговорилъ Абрамъ.

— Самъ ты два раза помянулъ дьявола, Абраша.

— Я не поминалъ. Поклеповъ не взводи. Я нѣмца ругалъ, а не его поминалъ. Ну вотъ слушайте. Вошелъ и кричать....

— Да кто такой, Абрамъ? Ты же вѣдь не сказалъ, замѣтилъ Григорій Орловъ.

— А голштинецъ.

— Голштинецъ?

— Да. Солдаты изъ потѣшныхъ, изъ Аранбовскихъ. Вы слушайте, Григорій Григорьевичъ, что будетъ-то.... Хочу, говорить, а комнату занять. Эту самую вотъ. Для моего ротмейстера, кой будетъ сейчасъ за мной. Мы говоримъ: обожди, не спиши. Горница занята и ужинъ тамъ накрытъ моимъ господамъ. — Мой, говорить, ротмистеръ государевъ.

— По каковски же онъ говорить-то?

— Что по своему, а что и по нашему. Понять все можно. Русский хлѣбъ ѣдятъ ужъ давно, грамоту нашу дора выучить. Мнѣ, говорю ему, плевать на твоего рот-

местера. Мои господа, говорю, московскіе столбовые дворяне; батюшка, родитель ихъ, говорю, генералъ... Да. Вотъ что, голштинецъ ты мой! А ты, говорю, обогрѣйся въ людской, да и ступай съ Богомъ... откуда пришелъ. Онъ на это кричать, буянить... Подай ему горницу и готовь тоже закусить для его ротместера. Спросилъ Дегтеревъ: кто таковъ твой начальникъ? Говорить ему: имя я самъ не знаю. Ну, а коли ты и званья своему барину, говорю я ему, не вѣдаешь, то стало вѣрно прощельца какой. И Дегтеревъ говоритъ: господина твоего ротместера я не знаю, а вотъ его господа завсегда у меня ночлегомъ бывають съ охоты. И теперь, говоритъ, тоже горница занята для нихъ. А я, говоритъ, господь его не промѣняю на голштинца. Пословица нынѣ сказываться стала: отъ голштинца не жди гостинца. Вотъ что!...

— Ну чтожь, повяль онъ пословицу-то?

— Повяль должно, буянить началъ... а потомъ сѣлъ, отогрѣлся и говоритъ: погодите, вотъ ужотко, подѣдетъ ротместерь, всѣхъ васъ и вашихъ *героовъ официрововъ* кнутомъ отстегаетъ. Ей Богу, такъ и говоритъ! Меня со зла чуть не рѣзорвало.... Сидитъ бестія да пужаетъ... Посидитъ, посидитъ да и начнетъ опять пужать... Погодите вотъ на часъ, подѣдетъ вотъ мой-то.... Дастъ вамъ...

— Ну чтожь тотъ—подѣхалъ? спросилъ Алексѣй Орловъ.

— То то не подѣхалъ еще.

— Ну, а солдатъ?

— И теперь тутъ. Ждетъ его. И все вѣдь пужаетъ. Ей Богу. Сидитъ это, ноги у печи грѣетъ и пужаетъ. Пресмѣльный! Ну и какъ быть должно, изъ себя—рыжій и съ бѣльмомъ на носу.

— На глазу то ись.... Абраша?

— Нѣтъ на носу, Алексѣй Григорьевичъ. И все-то споришь. Ты не видалъ его, а я видѣлъ. Такъ знать ты и не можешь гдѣ. А учить тебѣ меня,—не рука.. Врать я—въ жисть не вралъ.

— Да на носу, Абраша, бѣльмы не биваютъ. Не путай!..

— У нѣнца?! Много ты знаешь! И не такое еще можетъ быть. Хуже еще можетъ быть. Ты за границу не ѣздилъ, а мы тамъ жили съ Григорьемъ Григорьевичемъ. Да что съ тобой слова тратить... И Абрамъ сердито вышелъ вонъ, хлопнувъ за собой дверью.

— Озлилъ таки Абрашку! разсмѣялся весело Алексѣй Орловъ.

VII.

Черезъ четверть часа послышался около постоялаго двора звонъ жиденькихъ чухонскихъ бубенцевъ, безъ колокольчика, а затѣмъ что-то громко и рѣзко влихнуло на дворъ хозяина.

— А вѣдь это онъ, пожалуй. Ротмейстеръ этотъ. То не наши, сказалъ Алексѣй.

— Позовемъ его съ нами поужинать, отозвался Григорій Орловъ. Я давно уже по нѣмецки не говорилъ. Поболтаю.

— Всѣ эти голштинцы, превеликаго самомнѣнья, отозвался Алексѣй.

— Ничего. Ради потѣхи по шерстеѣ его буду гладить. Объ прусскомъ артикулѣ пущуся бесѣдовать.

— Что жъ. Пожалуй. Вмѣстѣ дѣтей не крестить. Поужинаемъ и разѣдемся... Скажи ему, какъ Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ, сказалъ какому то нахалу. Тотъ напрашивался все: можно ли мнѣ къ вамъ на балъ. Онъ и отвѣтилъ: что жъ, наплевать—милости просимъ!..

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался крикъ и что-то грохнулось объ землю. Затѣмъ раздался визгливый и яростный крикъ Абрама.

— Мени свои господа вотъ ужъ тридцать лѣтъ не бивали. Вотъ что-сь.

Алексѣй Орловъ бросился на крикъ лакея, но дверь

распахнулась и Абрамъ влетѣлъ съ окровавленнымъ носомъ.

— Глядите что! завопилъ старикъ. Нешто онъ смѣетъ чужаго холопа бить.

— Düm! Wo sind diese Leute? кричалъ голосъ въ сѣнцахъ.

— А-а! Вотъ оно какое дѣло! выговорилъ Григорій протяжно и поднялся изъ за стола. Вывернувъ высоко вверхъ локоть правой руки, онъ гладилъ себя ладонью этой руки по верхней губѣ. Неровное дыханье сильно подымало его грудь.

Алексѣй Орловъ быстро обернулся къ брату. Этотъ жестъ и хорошо знакомая ему интонація голоса брата, говорившая о вспыхнувшемъ гнѣвѣ, заставила его схватить брата за руку...

— Гриша. Не стоитъ того. Стыдно! Господь съ тобой.

Григорій Орловъ стоялъ, не шевелясь, за столомъ.

На порогѣ показалась высокая и плотная полусосвѣщенная фигура голштинскаго офицера въ ботфортахъ, куцомъ и узкомъ мундирѣ съ разшивками на груди. Прежде всего бросились въ глаза его толстыя губы и крошечныя глазки подъ лохматыми рѣзкими бровями. На прибывшемъ была накинута медвѣжья шуба, на головѣ круглая фуражка съ мѣховымъ околышемъ и съ зеленымъ козырькомъ.

— Какъ вы смѣете бить моего человѣка, крикнулъ изъ за стола Григорій Орловъ по нѣмецки.

Алексѣй, не понимавшій ни слова изъ того, что говорилъ братъ—прибавилъ тихо.

— Не стоитъ связываться, Гриша. Уступимъ уголь горницы. Все таки офицеръ...

Прибывшій ротмейстеръ въ своей шубѣ едва пролѣзъ въ дверь и увидя двѣ богатырскія фигуры двухъ братьевъ, сказалъ по нѣмецки нѣсколько мягче, но все таки важно и внушительно.

— Я, какъ видите, офицеръ войска его величества. Ёду изъ Ораніенбаума къ его высочеству принцу Георгу

по важному дѣлу... Я желаю поужинать и отдохнуть. Очистите мнѣ сейчасъ эту горницу.

— Чортъ съ нимъ, шепнулъ Алексѣй брату, позвать его поужинать съ нами. Абрашкннъ носъ склѣбимъ, не купленный! разсмѣялся онъ добродушно и весело.

Ротмейстеръ, очевидно не понимавшій ни слова по русски, принялъ вдругъ смѣхъ этотъ на свой счетъ и сморщивъ брови на Алексѣя, важно закинулъ голову.

— Хотите ужинать съ нами, сказалъ Григорій Орловъ уже мягко, но улыбаясь гримасамъ брата по поводу старика Абрама, мочившаго носъ водой въ углу горницы.

— Спасибо. Danke sehr! презрительно отвѣчалъ вдругъ обидѣвшійся нѣмецъ. Я этого не ѣмъ! И онъ мотнулъ головой на столъ. Это хорошо для васъ, русскихъ.

— Ну, такъ эта комната и столъ заняты нами! грубо и рѣзко вымолвилъ Григорій Орловъ, садясь снова. Хотите, такъ займите вонъ уголокъ и ѣште тамъ свою колбасу. Только живѣе кончайте и уѣзжайте, потому что меня отъ колбаснаго запаха тошнить.

— Что? Аль онъ заупрямился, спросилъ Алексѣй, ничего не понимавшій. Мы вѣдь не въ мундирахъ, Гриша. Онъ можетъ думать: булцы проѣзжие.

— Наше общество васъ не унижатъ. Мы тоже офицеры войскъ его величества! объяснилъ Григорій.

— Русскаго войска!

— Ну, да, русскаго. Мы не въ мундирахъ, потому что заѣхали сейчасъ съ охоты.

Нѣмцу очевидно показалось послѣднее заявленіе Орлова сомнительнымъ.

— Эти двое дюжихъ парня врядъ—офицеры. Скорѣе два русскихъ бюргера! подумалъ ротмейстеръ, приглядываясь къ обоимъ и затѣмъ вдругъ крикнулъ въ дверь... Явились два рейтара голштинскаго войска.

— Уберите все это вонъ. Приказалъ онъ по нѣмецки, показывая на столъ. И вы тоже—вонъ. Fort..! Fort.

— Ruhig! Кто тронетъ этотъ столъ, тому я расшибу голову объ стѣну, крикнулъ Григорій по нѣмецки.

Рейтары остановились у дверей.

Хозяинъ Дегтеревъ показался смущенный за ними.

Офицеръ грубо захохоталъ въ отвѣтъ на угрозу и сбросилъ шубу и шапку. Затѣмъ подоидя въ столу и взявъ первую попавшуюся подъ руку миску съ рыбой, шлепнулъ ее на полъ, и взялся уже было за другую. Алексѣй и Абрамъ ахнули. Григорій Орловъ выскочилъ изъ за стола и однимъ ударомъ кулака опрокинулъ ротмейстера навзничъ на его же шубу.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Бей ихъ! закричалъ ротмейстеръ по нѣмцки.

Рейтары бросились было на Григорія, но одинъ изъ нихъ попалъ подъ руку Алексѣя Орлова и, сбитый съ ногъ, отлетѣлъ на стараго Абрама, котораго своимъ паденьемъшибъ тоже съ ногъ. Рейтаръ этотъ такъ застоналъ, что товарищъ его быстро отступилъ самъ.

Въ минуту Алексѣй вышвырнулъ обоихъ солдатъ изъ горницы и заперъ дверь на щеколду.

Между тѣмъ Григорій Орловъ уже ухватилъ толстаго ротмейстера за шиворотъ и, сѣвъ на него верхомъ, тащилъ его за шею и поддѣвжалъ на немъ въ самому столу. Голштинецъ, побагровѣвъ отъ напрасныхъ усилій, отчаянно барахтался и хрипѣлъ.

— Алеша! Держи свинью! Гни! крикнулъ Григорій, слезая съ ротмейстера. Передавъ его въ руки брата, онъ взял со стола большую миску и, опрокинувъ ее на голову ротмейстера, обварилъ его остатками горячей похлебки, а затѣмъ надѣлъ опорожненную миску ему на голову.

Вся голова офицера ушла въ нее. Григорій съ большимъ усиліемъ, сопя и крахта, бережно согнулъ на головѣ голштинца мѣдную мису и сдвинувъ края на щеки подогнулъ уши подъ его жирнымъ подбородкомъ, лишь слегка поранивъ ухо и помявъ шею. Затѣмъ онъ велѣлъ брату выпустить ротмейстера изъ подъ себя и, оттолкнувъ его въ уголь, крикнулъ, злобно смѣясь:

— Вотъ вамъ новая голштинская каска! А имя мое—Орловъ.

Офицеръ совершенно обезумѣлъ отъ всего совершеннаго вдругъ надъ нимъ и, качаясь какъ пьяный, отодвинулся и сѣлъ на лавку. Онъ притихъ съ разу и съ тѣлѣчимъ взоромъ глядѣлъ на братьевъ изъ подъ миски. Руки его поднялись было бессознательно разогнуть ушки на подбородкѣ и снять мису, но тронувъ ихъ, онъ и пробовать не сталъ. Онъ обомлѣлъ отъ изумленья, смутно понимая, что случилось что то невозможное, даже не мыслимое.

Миска, плотно обхвативъ затылокъ и темя, торчала надъ лбомъ въ видѣ чепца, а загнутые широкіе ушки держали ее и не позволяли не только снять съ головы, но даже чуть-чуть сдвинуть.

Чтобъ разогнуть миску нужна была таже сверхъестественная сила, которая надѣла ее. Голштинецъ сидѣлъ недвижно и ошалѣлымъ взоромъ глядѣлъ на одѣвавшихся на скоро враговъ.

— Гуть? А? Гуть что-ли? смѣялся, одѣваясь Алексѣй.

Абрамъ быстро и злобно собиралъ посуду въ погребецъ, изрѣдка косаясь на главную мису, не достававшую теперь въ приборѣ. Увы! Она неожиданно получила совершенно новое назначеніе.

Братья вышли въ сѣни. Рейтары вѣжливо пропустили силачей. Черезъ нѣсколько минутъ Орловы уже скакали въ саняхъ по дорогѣ въ Петербургъ.

— Свверно! Погорячился ты! Свверно! повторялъ Алексѣй брату. Имя то онъ неслыхалъ, но по мискѣ узнають, кто такіе съ нимъ пошутили. Теперь не слѣдъ было гнѣва государя на себя обращать. Ты знаешь, какъ онъ за голштинцевъ своихъ обижається всегда.

Абрамъ, сидѣвшій бокомъ на облучкѣ около вучера, бормоталъ себѣ что то подъ носъ и махалъ руками по воздуху отчаянно и злобно. Наконецъ онъ обернулся къ господамъ и сказалъ внѣ себя отъ ярости.

— Отдуть бы здорово! Такъ!! Слѣдъ!! Чтобъ помнилъ

бестія. Такъ нѣтъ! Добро свое зря портить. Финты — фанты показывать!

— Да на мисѣ то вырѣзаны еще большія литеры! *маголь* и *онз*! прибавилъ Алексѣй.

— Не будьте въ сумленіи, азвительно отозвался Абрамъ. И безъ литеръ узнается кто такое колѣно отмочилъ. Нешто всякій можетъ! воселивнулъ онъ вдругъ. Вашъ покойный родитель да вы, господа, его дѣтки! Кабы даже и не ваша посудина была, такъ всякій, глянувъ на его башку, скажетъ, что работа господъ Орловыхъ.

Оба брата вдругъ громко фыркнули и такъ расхотались на это замѣчанье, что даже пристяжные рванули шибче. Абрамъ сердито махнулъ рукой и, отвернувшись лицомъ къ лошадямъ, обидчиво молчалъ вплоть до Петербурга.

Между тѣмъ ротмейстеръ, оставшись на постояломъ дворѣ въ той же горницѣ, позвалъ солдатъ, заперся и возился напрасно съ своей новой каской. Онъ припелъ въ себя окончательно и понялъ весь ужасъ своего положенія, когда Орловы уже уѣхали, иначе онъ готовъ бы былъ просить хоть изъ милости снять съ него миску. Напрасно оба рейтара его возились надъ нимъ, и уцѣпившись за края и ушки мисы съ двухъ разныхъ сторонъ, тащили ихъ изъ всей силы въ разные стороны. Ушки не подались ни на волосъ изъ подъ толстаго подбородка офицера. Кромѣ того одинъ изъ рейтаровъ былъ гораздо сильнѣе товарища и при этой операціи, не смотря на свое уваженіе къ Негг'у ротмейстеру, ежеминутно стаскивалъ его съ лавки на себя, и валилъ на него слабосильнаго товарища. При этомъ доставалось пуще всего головѣ ротмейстера и отъ боли кровь прилиwała къ его толстой шеѣ. Онъ сталъ бояться апоплексіи.

Приходилось ѣхать къ мѣднику или слесарю распиливать свою новую каску... Но какъ ѣхать! По морозу! Отчаянне голштинца взяло, однако, верхъ надъ самолюбіемъ и онъ, выпросивъ тулупъ у Дегтярева, велѣлъ себѣ заутаты имъ голову поверхъ миски... Рейтары его

обязали наглухо, вывели подъ руки и посадили въ санки. Ротмейстеръ рѣшился въ этомъ видѣ ѣхать прямо къ принцу Георгу, дядѣ государя, жаловаться на неизвѣстныхъ озарниковъ и требовать примѣрнаго наказанія.

Дегтяревъ, разумѣется, не сказалъ ему имени силачей, отзываясь незнаемъ, а самъ офицеръ не запомнилъ русскую вскользь слышанную фамилію. Когда ротмейстеръ чудовищемъ съ огромной головой отъѣхалъ отъ постоялаго двора, Дегтяревъ, уже не сдерживая хохота, вернулся въ горницу, гдѣ жена подтирала полъ и прибирала остатки растоптанной рыбы.

— Ай да Григорій Григорьевичъ! Вотъ эдакъ-то бы ихъ всѣхъ Рамбовскихъ. Они нашего брата поѣдомъ ѣдятъ. Не хуже Бироновыхъ языковъ. Спасибо хоть этого поучили маленечко... А лихо! Ай, лихо! Ха, ха, ха!

Дегтяревъ сѣлъ на лавку и началъ хохотать, придерживая животъ руками. Вскорѣ на его громовый хохотъ собрались всѣ батраки отъ мала до велика со всего двора и слушали рассказъ хозяина.

— Горнадеры-то его... Ха, ха, ха. Одинъ въ эту сторону на себя тянетъ, а тотъ къ себѣ тащить, да оба мычать, а ноги-то у нихъ по мокрому полу ѣдутъ!.. А ротмистеръ-то глаза пучить, изъ-подъ миски-то... Ха, ха, ха! Охъ, батюшки! Животъ подвело. О-о-охъ! Животъ...

Батраки, глядя на хохотавшаго хозяина и представивъ себѣ постепенно все происшедшее сейчасъ въ горницѣ, начали тоже громко хохотать.

— Этотъ сюда тащить... А энтотъ туда... А ноги-то... ѣдутъ... ноги то—по полу ѣдутъ!.. Снова принимались повторять нѣсколько голосовъ послѣ каждой паузы смѣха, будто стараясь вполнѣ разъяснить другъ другу всю штуку. И надолго всѣ снова заливались здоровымъ хохотомъ, гремѣвшимъ на весь Красный Кабакъ.

VIII.

У воротъ большого дома Адмиралтейской площади, стоящаго между поватымъ берегомъ рѣки Невы и Галерной улицей, ходитъ часовой и отъ сильнаго мороза, то и дѣло топочетъ ногами по ужоженному имъ снѣгу, ярко облитому луннымъ свѣтомъ. Здѣсь въ больниихъ хоромахъ помѣщается прибывшій недавно въ Петербургъ принцъ Голштинскій Георгъ-Людвигъ. Хотя уже четвертый часъ ночи, но въ двухъ окнахъ нижняго этажа виднѣнъ свѣтъ... Горница эта съ освѣщенными окнами—прихожая и въ ней на ларяхъ сидятъ два рядовые преобразенца. Они часовые, но, спокойно положивъ ружья около себя, сидятъ, пользуясь тѣмъ, что весь домъ спитъ глубокимъ сномъ; даже двое дежурныхъ холоповъ, растянувшись также на ларяхъ, спятъ непробудно, опрокинувъ лохматыя головы, раскрывъ рты и богатырски похрапывая на всю прихожую и парадную лѣстницу. Рядовые эти молодые люди, красивые, чисто одѣтые и щеголеватые съ виду. Обои лѣтъ по двадцати и оба свѣтлорусые. Одинъ изъ нихъ съ лица постарше, плотнѣе, съ полнымъ круглымъ лицомъ и свѣтло-синими глазами рассказываетъ товарищу длинную, давно начатую исторію. Это рядовой преобразенецъ—Державинъ.

Другой, слегка худощавый, но стройный и высокій, съ живымъ, но совершенно юнымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, съ красивымъ орлинымъ носомъ и большими, блестящими, темноголубыми глазами. Даже въ горницѣ по-луосвѣщенной дрожащимъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи, глаза его блестятъ особенно ярко и придаютъ бѣлому, даже черезъ чуръ блѣдно—матовому лицу какую то особенную прелесть, живость и почти отвагу. Лицо это съ разу поражаетъ красотой, хотя отчасти жемственной. Онъ старается внимательно слушать товарища, но зачастую вѣваетъ и на его лицѣ видно сильное утомленіе;

видно, что сонъ давно одолеваетъ его на часахъ. Это тоже рядовой, Шепелевъ.

Державинъ кончалъ уже свой рассказъ о томъ, какъ недавно прѣѣхалъ въ Петербургъ и нечаянно попалъ въ преобразенцы.

— Такъ стало быть мы оба съ вами новички, выговорилъ наконецъ Шепелевъ. А я думалъ, что вы уже давно на службѣ.

— Какъ видите, всего безъ году недѣля. А вы?

— Я на масляницѣ прѣѣхалъ. Навѣдался прямо съ письмомъ отъ матушки, въ родственнику Петру Ивановичу Шувалову и узналъ, что онъ уже на томъ свѣтѣ... Да, прѣѣзжай я пораньше, когда государыня была жива и онъ живъ, то не мнѣлся бы какъ теперъ. Это не служба теперъ—а работа арестантская.

— Да, вымолвилъ Державинъ вздохнувъ, ужъ нынѣ служба стала, государь мой, не забава, какъ прежде была. Вы вотъ жалуетесь, что на часахъ ночь отбить надо... Это еще давай Господи. А вотъ я, такъ радъ этому, ноги успокоить. А то во сто брать хуже, какъ пошлютъ на вѣсти къ кому. Вотъ у фельдмаршала Трубецкаго, помилуй Богъ. Домочадцы его, хоть кого въ гробъ уложить послыжами. То сдѣлай, туда сходи, въ лавочку добеги, къ тетущкѣ какой дойди, который часъ сбѣгай—узнай, разнощика догони—вороти... Просто бѣда. А то еще хуже, какъ съ вечера дадутъ повѣстки разносить по офицерамъ... Одинъ живетъ на Пескахъ, знаете, деревнишка, другой на Васильевскомъ острову, третьяго чортъ угналъ въ Коломну, ради собственного дома, либо ради жизни на хлѣбахъ у родственника... Такъ, знаете, какъ бываетъ: выйдешь съ повѣстками до ужина въ сумерки, самое позднее ужъ часовъ въ шесть, а вернешься въ казармы да заснешь часа въ два по полуночи. А въ семь вставай на ротный сбой, да ученье, а тамъ пошлютъ снѣгъ разгребать у дворца, канавы у Фонтанки чистить или на морозѣ поставятъ на часы; да забудутъ снѣгу прислать...

— Какъ забудутъ?

— Да такъ! Нарочно. Меня вотъ теперь нашъ ротный командиръ ни за что пойдомъ ѣсть. Онъ меня единожды 12 часовъ проморилъ на часахъ во дворѣ у графа Кирилы Григорьевича.

— Кто такой?

— Графъ Кирило Григорьевичъ! Гетманъ. Ну, Разумовскій. Нешто не знаете? «Вся Хохландія повелитель»... зовется онъ у насъ... Теперь вотъ обоимъ братьямъ тѣсно стало при дворѣ, кажется, скоро поѣдутъ глядѣть, гдѣ солнце встаетъ.

— А гдѣ это? вдругъ спросилъ Шепелевъ съ любопытствомъ.

— Солнце то встаетъ? А въ Сибири. Это такъ называется. Да... Такъ вотъ, объ чемъ бишь я говорилъ. Да объ гоньбѣ то нашей. Пуше всего въ Чухонскій Ямъ носить повѣстки. Тутъ при выходѣ изъ города, гдѣ овражина и мостикъ, всегда бѣды. Одного измайловца до нага раздѣли да избили до полусмерти.

— Грабители?

— Да. Говорятъ, будто вотъ изъ ихнихъ... И Державинъ мотнулъ головой на внутреннія помнаты. Два голштинскаго будто бы солдата, изъ Арамбова.

— Вотъ какъ?

— Да это пустое. Нынѣ, что ни случись, сейчасъ валить на голштинцевъ, какъ у насъ въ Казани все на татаръ, что ни случись, сваливаютъ. Надо думать разбойники простые. Ихъ въ Чухонскомъ Яму любимое сидѣніе съ дубемъ.

— Что вы! Ахъ батюшки! Вотъ я радъ, что вы меня предупредили! воскликнулъ Шепелевъ. Я туда часто хожу. У меня тамъ... И молодой малый запнулся...

— Завнобушка!

— Охъ, нѣтъ! То есть да... То есть видите ли, тамъ живетъ семейство одно, княжии Тюфякины.

— Ну вотъ! Князь Тюфякинъ. Да, я ему то и носилъ прежде повѣстки. Нынѣ онъ ужъ придворный.

— Ну да, конечно. Онъ же вѣдь прежде преобразенецъ былъ и недавно только въ голштинцы попалъ. Я женихомъ считаюсь его сестры...

— Хорошее дѣло. Черезъ него и вы чиновъ нахва-таете. Да и какъ живо! Но какъ же это вы съ масляницы здѣсь, а ужь въ женихахъ?

— Ахъ, нѣтъ. Это еще моя матушка съ ихъ батюшкой порѣшили давно. Мы сосѣди по вотчинамъ и родственники тоже. Теперь, вотъ какъ меня произведутъ въ офицеры, я и женюсь. Такъ завѣщаль родитель ихъ покойный. Но одинъ Шепелевъ былъ женатъ уже на одной Тюфякиной и она приходилась золовкой что ли моей тетеѣ родной. А невѣста моя хоть и отъ втораго брака, но можетъ быть это все таки сочтется родствомъ.

— Какое жь это родство! разсмѣялся Державинъ. вмѣстѣ на морозѣ въ Миколы мерзали. Любитесь, небось, шибко... Небось дѣвица красавица и умница.

— Изъ себя ничего... Только я эдакихъ не жалею. Дѣвица должна быть смиренно-мудрая. Такъ вѣдь! А эта, на счетъ ума и другихъ прелестей — столичная дѣвица! Молодецъ на всѣ руки. Ужь очень даже шустра и словоохотлива. Она и родилась здѣсь. Батюшка мой покойникъ и матушка тоже заглазно мнѣ ее опредѣляли въ жены. Ну да это дѣло... Это еще увидится. Я отбоарюсь. Мнѣ съ вяземъ Глѣбомъ уже больно шибко не охота родниться.

— А что жь? Онъ нынѣ въ силѣ. Голштинецъ, хоть и русскій.

— Не хорошій человекъ. Я ужь порѣшилъ отбоариться отъ его сестрицы.

И молодой малый тряхнулъ головой и усмѣхнулся, съ напускной дѣтской важностью. Онъ какъ ребенокъ хвасталъ предъ новымъ знакомымъ своей самостоятельностью относительно вопроса о женитьбѣ.

— Вы одни у матушки?

— Одинъ какъ перстъ.

— И вотчины, и все имѣніе будетъ ваше.

— Да, но... Шепелевъ снова загнулся въ нерѣшительности: связать или нѣтъ? И какъ всегда совѣстливость его и прямота взяла верхъ.—Нечему переходить то... продолжалъ онъ. У матушки имѣніе хотя и есть... но покойникъ родитель ей оставилъ такой чрезмѣрный долгище, что заплатить его не хватитъ никакихъ вотчинъ. Еслибъ и весь уѣздъ былъ нашей вотчиной, такъ не хватило бы.

— И въ этомъ мы съ вами равны. У меня тоже не много. Но все таки вы не живете въ казармахъ! прибавилъ Державинъ.

— Я у дяди Квасова, на хлѣбахъ...

— Господинъ Квасовъ—гренадерской роты нашей. Знаю его за добрѣющей души человѣка... Ну-съ я не такъ счастливъ. Живу съ солдатами. Плачу за себя пять рублей въ мѣсяцъ одному унтеру Волкову и съ нимъ вмѣстѣ въ одной горницѣ и живу за перегородкой. Тяжело. Придешь иной разъ домой, уходявшись въ разсылкахъ или съ вѣстей или послѣ ученья, хочешь заснуть,— а тутъ ребятишки орутъ, бабы ихъ межъ собой ругаются, а то и въ драку полѣзутъ. А мужья ихъ мирить да разнимать—помеломъ, бревномъ, либо и кочергой. А начальство ни въ грошъ не ставятъ, кричи не кричи. Помню вотъ какъ-то ночью просыпаюсь, шумъ, гамъ въ казармѣ, а меня съ кровати кто-то тянетъ за одѣяло, да молится пусти его на постель. По казармѣ ходятъ, орутъ, ищутъ. Очнулся я совсѣмъ, смотрю нашъ же флигельманъ Морозовъ.

— Ты что? спрашиваю.—Убить хотятъ. Дежурный офицеръ отлучился на вечеринку. Не выдавайте имъ меня. Защитите родной до утра, а то убьютъ съ пьяну. Удрать не могу—ворота стерегутъ. Спасите. Васъ, какъ барскаго роду, не посмѣютъ тронуть.—Да какъ же мнѣ, говорю, тебя спасти?—Пустите, говорятъ, лечь на вашу кроватку подъ одѣяло. А сами уйдите куда нибудь. Что жь дѣлать-то. Пустилъ, а самъ всталъ и пробрался тихонько

на улицу. Всю ночь они проискали его—убить, а моей кровати не трогают... Это говорятъ, нашъ барчукъ спитъ. Такъ онъ до зари зарывшись въ мое одѣяло и пролежалъ, покуда офицеръ не вернулся и не унялъ пьяныхъ. А вѣдь флигельманъ насъ же и обучаетъ и стало быть такое же начальство—что и офицеръ. Да-съ, повиновенія у насъ мало. Буяны все да озарники. Съ жиру бѣсятся.

— Отчего жъ они буянили-то, съ пьяну?

— Да. Первое дѣло у насъ новый путало завелся, господинъ Орловъ. Слыхали я чаю, два брата, силачи эдакіе. Другой-то братъ, старшій, артиллеріи цалмейстеръ... Не знаете?

— Нѣтъ.

— Что это вы ничего не знаете. Я вотъ и недавно прибылъ, а все знаю.

— Ну вотъ этотъ Орловъ—во истину путало—зачастую угощаетъ виномъ свою роту. Такъ, зря, видно денегъ дѣвать некуда. Вотъ они въ тѣ поры и напились. А какъ флигельманъ Морозовъ больно доѣхалъ ихъ ученьемъ, то они съ пьяну и полѣзли. Да сказываютъ и Орловъ за что-то воле на Морозова и ихъ наускивалъ на него. Выйдетъ молъ шумъ, другого назначутъ флигельмана. А эдакое ему зачѣмъ-то на-руку. Двуличневый это народъ оба брата.

— Орловы?

— Да-съ. Деньги тратятъ большіе. А состоянія большаго у нихъ нѣтъ. Всякій вечеръ у нихъ сборища офицеровъ. Крикъ, гамъ, затѣи шальные. А вѣдь квартира то ихъ на видномъ мѣстѣ, не далече и до самаго дворца. Былъ ужъ, говорятъ, разъ приказъ имъ отъ принца держать себя скромнѣе. И ничего не помогло. Говорили будто даже одинъ изъ нихъ, нашъ же офицеръ Пассекъ, отвѣчалъ: у васъ де тамъ пиво пьютъ, а мы матушку сивуху тянемъ, такъ мы другъ дружѣ не помѣха.

— Однако дервостъ какаа? Что жъ на это принцъ отвѣтилъ?..

— Ну, до принца-то оно, положимъ, врядъ дошло. Кто жь эдакое пойдетъ передавать. Самъ ногъ не унесешь... Что это такое!?... вдругъ прибавилъ Державинъ, прерывая бесѣду и оборачиваясь въ окно.

— Будто подъѣхали... Слышите, половья скрипятъ по снѣгу. Оба рядовые прислушались и подъ здоровый храпъ, спящихъ на ларяхъ холоповъ, съ трудомъ разслышали шумъ половецъ и звукъ бубенцевъ. Они глянули въ окно и среди яркой бѣлой улицы, освѣщенной какъ днемъ, увидѣли сани парой съ кучеромъ-чухонцемъ, а въ саняхъ что-то огромное, странное. За санями ѣхали двое солдатъ.

— Рейтары! воскликнулъ Державинъ. Голштинцы!

— Ночью? Что жь бы это значило?

— Привезли въ саняхъ что-то. Да нѣтъ! Это живой человѣкъ, самъ встаетъ. Что за притча! Пойдемте на крыльце...

Часовые взяли ружья съ ларя и вышли.

IX.

Чудовище, вылезшее изъ саней при помощи рейтаровъ, былъ конечно, добравшійся кой-какъ въ городъ, несчастный ротмейстеръ. Солдаты ввели его подъ руки на крыльце и стали вводить на лѣстницу.

Но часовые были уже внизу и, загородивъ лѣстницу, остановили и опросили прибывшихъ.

— Къ его высочеству! загудѣло что-то по нѣмецки изъ подъ тулупа, наверхеннаго надъ медвѣжьей шубой, тамъ, гдѣ предполагалась голова.

Часовые однако не рѣшались пропускать.

— Кто вы? Мы ночью не имѣемъ приказа впускать кого либо по мимо офицеровъ вашихъ, сказалъ Державинъ также по нѣмецки.

Офицеръ раскутался при помощи рейтаровъ. Молодые люди сначала остолбенѣли отъ удивленья при видѣ

чего-то блеснувшего и не сразу разглядѣли, что именно блеститъ на головѣ пріѣзжаго. Первое движеніе Державина было гнать всѣхъ троихъ вонъ. Онъ вспомнилъ вдругъ о разныхъ глупыхъ шалостяхъ, которыя позволяли себѣ разные гвардейцы съ принцемъ Жоржемъ и которыя все учащались за послѣднее время, вслѣдствіе его доброты и безнаказанности со стороны начальства. Принявъ теперь вновь прибывшихъ за переодѣтыхъ балагуровъ, онъ быстро сообщилъ свою догадку Шепелеву. И оба часовые, отступивъ вверхъ лѣстницы, стали на порогъ самыхъ дверей съ твердымъ намѣреніемъ не пропускать ряженныхъ озарниковъ.

— Не бось тоже изъ отчаянной компаніи господъ Орловыхъ! подумалъ Державинъ. Изъ за нихъ проклятыхъ самъ въ отвѣтъ попадешь.

Между тѣмъ тоже подыавшійся офицеръ порывался рѣшительно войти въ двери и лицо его было вовсе не забавно, голосъ вовсе не шутивъ. Къ тому же и офицеръ и солдаты были очевидно не поддѣльные нѣмцы.

— Я ротмейстеръ голштинскаго войска, сказалъ офицеръ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Прикажете сейчасъ вызвать камердинера его высочества Михеля. Сію минуту...

— Послушайте! замѣтилъ на половину понявшій Шепелевъ, онъ не пьянъ ли? У него вѣдь на головѣ что-то диковинное! А мундиръ—ничего! Являться въ такомъ видѣ къ принцу и голштинцу нельзя позволить. Онъ хоть и не ряженный, но дѣло то все таки не ладно. Опрсите его толкомъ, въ чемъ дѣло.

Державинъ объяснилъ пріѣзжему тоже подозрѣнье по нѣмцамъ, спрашивая, что за причина его головного убора. Ротмейстеръ настойчиво, силой пролѣзъ въ переднюю мимо юныхъ часовыхъ, рѣзко заявилъ, что это не ихъ дѣло, и что объясненіе всего — тайна, которая касается одного принца.

Разбудивъ храпѣвшаго лакея, часовые поневолѣ вѣлѣли ему идти будить главнаго принцева камердинера

Михеля. Парень, по имени Тома, съ просонья чуть не принялъ прибывшаго офицера за самаго чорта и, перекрестившись, попытился за ларь.

— Ну, ну небось. Иди будить... сказалъ Державинъ. Ротмейстеръ, молча и угрюмо, сѣлъ на лавку около окна... Серебряная миска ярео блестяла и переливалась въ два свѣта, и въ лучахъ свѣчи и въ лунномъ свѣтѣ, падавшемъ въ обледенѣлое окно.

Рейтары почтительно стали у дверей около часовыхъ...

Державинъ и Шепелевъ, очнувшись отъ перваго удивленья и понявъ, что прибывшему не до шутокъ, переглядывались, вусая себѣ губы, и едва сдерживались отъ невольнаго смѣха.

Вышелъ наконецъ погѣвывая сонный Михель и, вытаращивъ заспанные глаза, уперся, не подходя близко къ офицеру. Этотъ всталъ и приблизился, Михель охнулъ и ругнулся по нѣмецки, затѣмъ вопиель хрипливо.

— Gott! Вы ли это господинъ Ботцау... Was hat man...

Но офицеръ его перебилъ.

— Уведите меня къ себѣ. Я вамъ все объясню. Теперь, обратился онъ къ рейтарамъ, ступайте домой. Скажите, что я остался у его высочества. Тамъ, у себя, никому ни слова. Какъ сказано! Слышите!

Рейтары вышли и уѣхали. Часовые остались въ прихожей и Шепелевъ, упавъ на ларь, началъ хохотать, закрывая ротъ руками, чтобъ не огласить хохотомъ спавшей домъ. Державинъ тоже смѣялся весело...

— Что же это такое? сказалъ наконецъ Шепелевъ.

— А вотъ на утро встанеть принцъ! объяснитса машкарадъ этотъ. Можетъ, это новый шлемъ такой голштинцамъ данъ. Не даромъ сказывали, что къ святой всѣмъ полкамъ гвардіи перемѣна мундировъ будетъ.

— Кострюля, какъ быть должно! замѣтилъ зѣвая Тома, снова укладываясь на ларѣ и не обращая вниманія на двухъ солдатъ часовыхъ. Вотъ завтра принцъ нашъ перейметъ, себѣ тоже такую надѣнетъ.

— Это же почему? спросил Шепелев, переставая смѣяться и удивленный отчасти той грубостью, съ какою парень отзывался о принцѣ, въ домѣ котораго служилъ.

— Почему! Этотъ нѣмецъ нашего вѣждодневно учить на... какъ бишь, шпатопахъ что ли? Ну вотъ, на эдакихъ на длинныхъ тесакахъ что ли.

— Какой нѣмецъ?

— А этотъ вотъ самый, что въ кастрюлю-то наря-
дился. Онъ у нашего вотъ третій день бываетъ и обучаетъ его по военному, тотъ глядитъ да перенимаетъ. Что тотъ ни сдѣлаетъ, а принцъ за нимъ тоже. Ногами такъ топчуть оба по горницѣ, что страсть! Ну, стало выходить теперь этотъ кастрюлю вздѣлъ, и нашъ стало быть за-
трево ужь цѣлый чугуунъ нацѣпить... А то и намъ всѣмъ, дворнѣ, по горшку изъ подъ ваши надѣнуть. Это вѣрно! О-ох-хо-хо.

— Хорошо вамъ тутъ жить аль дурно? спросилъ Державинъ, догадавшись по нахальному тону лакея, что онъ недоволенъ житьемъ своимъ.

— Намъ-то?.. Хорошо! лѣнливо выговарилъ Ома, поворачиваясь на ларѣ на бокъ, въ нимъ спиной. Ужъ такъ это хорошо! мычалъ онъ уже въ стѣну. Такъ то-несъ, хорошо! Что поди еще лучше вашего.

— А что?

— Нѣмцы? Что? Отъ голштинца не жди...

— Не жди гостинца. Слыхалъ я это...

Въ ту же минуту въ домѣ зашумѣли и заходили. Послышался чей-то голосъ, потомъ другой, говорившіе по нѣмцки.

— А вѣдь вѣрно разбудили принца. Стало быть дѣло то важное выходить, замѣтилъ Шепелевъ, и оба юные часовые прислушались.

Бѣ нимъ по коридору шелъ кто-то, звѣня шпорами. Они стали на мѣста, схвативъ съ ларя положенные ружья.

— Эту ночь видно не посидишь! усмѣхнулся Шепелевъ.

Въ прихожую вышелъ офицеръ тоже въ мундирѣ голштинскаго войска и обратился къ ближайшему Шепелеву на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, но съ иностраннымъ акцентомъ. Это былъ адъютантъ принца Фленсбургъ, родомъ изъ Шлезвига, служившій у принца въ качествѣ переводчика. Принявъ Шепелева за простаго солдата, онъ приказалъ ему немедленно разыскать мѣдника, слесаря или кого бы то нибыло, съ подпилвомъ и съ разными инструментами.

— Понимаешь зачѣмъ? Видѣлъ? кратко выговорилъ онъ.

— Офицера въ вострюлѣ то-исъ?.. отозвался Шепелевъ.

— Да. Ты городъ знаешь небось наизусть. А?.. знаешь? Найди же скорѣе и приведи сюда.

— Я города совсѣмъ не знаю! отозвался Шепелевъ. Я недавно прѣхалъ, а ночью..

— Русскій солдатъ по всему! рѣзко сказалъ Фленсбургъ, какъ бы себѣ самому. Въмѣсто скорого исполненія приказа офицера—болтовня. Ну не знаешь города—такъ поди узнай, а чтобы чрезъ полъ-часа слѣсарь былъ здѣсь! начальственнымъ голосомъ прибавилъ онъ. Но постепенно взглядываясь въ изящную фигуру и красивое лицо Шепелева, онъ прибавилъ мягче:—изъ дворянъ что ли?

— Да-съ.

— Ну, пожалуйста, будьте такъ добры, сдѣлайте это для принца. Тутъ несчастіе.. Глупая дерзость. Надо скорѣе помочь... Это не обязанность часоваго, но этихъ животныхъ послать нельзя! показалъ Фленсбургъ на сладко уже храпящаго Оому. Пойдетъ, провалится и ничего не найдетъ до утра. Пожалуйста. Его высочество приказалъ...

— Съ удовольствіемъ, отозвался Шепелевъ. Но я не ручаюсь, что найду ночью слѣсаря, не зная города.

— Надо найти! Я вамъ передаю наконецъ приказъ его высочества, государь мой! уже нетерпѣливо вымолвилъ Фленсбургъ.

— Постараюсь, сухо отозвался Шепелевъ. Сдѣлаю, что могу.

— Надѣюсь... усмѣхнулся Фленсбургъ презрительно.

Х.

Шепелевъ, ворча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ дома и отправился на поиски. Фленсбургъ, разбудивъ принца, тоже выѣхалъ изъ дому верхомъ.

Принцъ Георгъ Лудвигъ Голштинскій былъ родной дядя государя, извѣстный болѣе Петербургу подѣ именемъ принца Жоржа. Такъ звали его всѣ; даже солдаты и народъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ своимъ семействомъ, приглашенный Петромъ Федоровичемъ, вскорѣ по востшествіи его на престолъ.

Государь не на столько любилъ и уважалъ дядю въ дѣйствительности, на сколько старался это выказывать и особенно заботился объ оказаніи ему всевозможныхъ внѣшнихъ почестей и знаковъ отличія. Во всякомъ случаѣ принцъ былъ единственный близкій родственникъ государя.

Вскорѣ по пріѣздѣ принца указано было его именовать «императорскимъ высочествомъ». Посламъ иностранныхъ дворовъ было предложено офиціально дѣлать принцу первый визитъ и вообще во всѣхъ церемоніалахъ и торжествахъ—онъ занялъ первое мѣсто. Кромѣ того, принцъ былъ сдѣланъ, какъ шефомъ голштинскаго войска, такъ и начальникомъ всей гвардіи.

Въ Петербургѣ безъ всякой причины и безъ всякаго повода принца сразу не влюбил, какъ гвардія, такъ и общество.

— Къ намъ важничать и наживаться пріѣхали, говорили всюду про принца и его семейство. Небось у себя-то въ таратайкѣ на базаръ ѣздилъ, а тутъ цугомъ въ восемь коней поѣхалъ.

Принцъ былъ человѣкъ старообразный на видъ, но

еще почти молодой лѣтами; ему было 43 года. Онъ былъ не дальняго ума, человекъ добрый, довольно образованный, но очень вялый и лѣнливый по характеру и по привычкамъ, нажитымъ у себя на родинѣ. Съ прїѣздомъ въ Россію онъ сталъ вдругъ дѣятельнѣе.

Принцъ Жоржъ прїобрѣлъ сразу, къ собственному своему удивленію, нѣкоторое вліяніе надъ своимъ царственнымъ племянникомъ, что было однако не трудно. Прежде всего онъ собирался избрать предметомъ своихъ заботъ, совѣтовъ и реформъ исключительно петербургскую гвардію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по прїѣздѣ въ Россію инныя мысли и честолюбивыя замыслы стали обуревать принца Жоржа. Онъ уже назывался штатгальтеромъ Голштиніи, но сталъ мечтать и надѣяться съ помощью русскихъ войскъ и съ согласія своего покровителя короля Фридриха сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ.

Со времени паденія и ссылки Бирона мѣсто это было долго вакантно, затѣмъ его занялъ польскій корольевичъ противъ воли Россіи и конечно сидѣлъ не очень твердо. Поэтому не было ни единого князька нѣмецкаго, который бы не стремился въ то время и не хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ о томъ, чтобы попасть въ курляндскіе герцоги. Теперь государь Петръ Федоровичъ положительно общалъ дядѣ Курляндію, хотя бы пришлось воевать съ Польшей и съ Саксоніей и возвращаемый изъ ссылки Биронъ долженъ былъ отказаться формально отъ своихъ правъ въ пользу принца.

Принцъ Жоржъ и его семейство не говорило, конечно, по русски ни слова... Но это было и не нужно... Въ эти дни, наоборотъ, русскимъ, желавшимъ выйдти въ люди, приходилось садиться съ указкой за нѣмецкую грамоту и учиться морочить на языкѣ своихъ недавнихъ враговъ за все царствованіе, еще живой въ памяти, Елизаветы.

И дѣйствительно, многіе изъ гвардіи и изъ общества засѣли вдругъ усердно за нѣмецкій языкъ, бывшіи долго

и еще не такъ давно въ большой модѣ въ Россіи и въ общемъ употребленіи, но за время Елизаветы понавѣшій въ опалу, вмѣстѣ съ Бирономъ и Минихомъ. Теперь же, когда Минихъ уже возвращенный изъ ссылки, былъ при дворѣ, а герцогъ Биронъ ожидался также всякій день въ столицу—нѣмецкій языкъ снова съ ними вмѣстѣ вторчался какъ бы изъ нравственной ссылки. Старики цвѣторали зады и припоминали, что знавали за время царствованія Анны Іоанновны, а молодежь вновь садилась за мудреную грамоту. Всѣ вернувшіеся изъ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссіи и теперь отдыхавшей благодаря перемирію,—имѣли огромное преимущество по службѣ въ томъ, что понимали и могли говорить на языкѣ принца Жоржа. За то всѣ отличившіеся въ этой компаніи и извѣстные своей нелюбовью въ Фридриху и пруссакамъ — какъ бы ни говорили по нѣмецки—были гонимы и притѣсняемы или прямо попадали въ опалу.

Принцъ Жоржъ почти не зналъ своего племянника, русскаго государя, такъ какъ Петръ Θεодоровичъ былъ увезенъ въ Россію еще ребенкомъ. Россію и Петербургъ принцъ зналъ еще менѣе, понималъ и судилъ все съ своей, или вѣрнѣе сказать, съ Фридриховской точки зрѣнія. За это время не только такіе недалекіе люди, какъ принцъ Жоржъ, но болѣе крѣпкія головы Германіи, въ области политики, жили умомъ короля Прусскаго, будущаго «Великаго» въ исторіи.

Между тѣмъ обстоятельства навязывали принцу при молодомъ государѣ племянникѣ, отличавшемся непостоянствомъ и неровностью характера—довольно видную роль и широкую дѣятельность. Государь любилъ выслушивать мнѣнія и совѣты дади обо всемъ. И принцу волей неволей приходилось во чтобы то ни стало добывать себѣ свои мнѣнія и совѣты и имѣть ихъ на готовѣ! Положеніе было мудреное.

XI.

Когда Шепелевъ уже часовъ въ шесть утра вернулся въ домъ принца съ слесаремъ, вооруженнымъ инструментами, то Державинъ былъ уже смѣненъ и на часахъ стояли незнакомые ему рядовые семеновскаго полка. Онъ велѣлъ первому попавшемуся человѣку доложить объ слесарѣ, а самъ, захвативъ свое ружье, собрался домой.

Лакей вернулся и, пропустивъ мастераваго, вскорѣ высочилъ снова изъ дворца и догналъ на площади вышедшаго уже Шепелева.

— Эй, батюшка. Васъ! Васъ надо! кричалъ онъ догоняя. Вы тутъ ночью караулили-то?

— Я. А что?

— Пожалуйте. Васъ спрашиваютъ. Самъ, значить, его высочество, требуетъ въ покой.

Шепелевъ въ изумленьи глядѣлъ на лакея.

— Вѣрно-ли? Не путаешь-ли ты...

— Какъ можно! Сказано мнѣ васъ позвать. Да ужъ и по ихнему я разумѣть сталъ малость. Говорили по своему про ночнаго часоваго т. е. про васъ и послали меня васъ *шикнуть*.

Шепелевъ пошелъ за человѣкомъ. Снявъ верхнее платье, онъ вошелъ въ корридоръ, затѣмъ прошелъ большую залу, выходящую окнами на Неву, и наконецъ столовую, въ противоположномъ концѣ которой видѣлась дверь подъ тяжелыми драпри и около нее стоялъ уже слесарь, приведенный имъ.

— Дверь эта при звукѣ его шаговъ отворилась и на порогѣ показалась таже фигура того же камердинера Михеля, видѣннаго имъ въ передней.

Едва Шепелевъ робко переступилъ порогъ и вошелъ въ горницу, Михель указалъ ему почтительно по направлению въ горѣвшему камину и выговорилъ по русски, сильно присвистывая.

— Фоть ефо высочество шелаетъ съ фасъ кофортъ.

Шепелевъ, слегка смущаясь, быстро оглядѣлъ небольшой кабинетъ, заставленный всякой мебелью, столами и шкапами съ книгами и съ посудой и съ оружіемъ. У горѣвшаго каминна сидѣла въ креслѣ и грѣла ноги въ туфляхъ маленькая фигура въ шелковомъ темномъ плафрокѣ и въ черной бархатной ермолеѣ; въ углу у окна, согнувшись и опершись локтями на колѣна и положивъ щеки на руки, сидѣлъ недвижимо несчастный ротмейстеръ все въ той же мискѣ. У дверей за спиной Шепелева, переминаясь съ ноги на ногу, остановился впущенный слесарь.

Шепелевъ былъ сильно озадаченъ и смущенъ, не зная что будетъ и вытянулся, ожидая, что скажетъ принцъ.

Принцъ оглядѣлъ его и быстро вымолвилъ по нѣмецки.

— Вы изъ дворянъ, какъ сказалъ мнѣ Фленсбургъ, и говорите хорошо по-нѣмецки.

Шепелевъ смутился еще болѣе и, заикаясь, вымолвилъ съ отвратительнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

— Ихъ? Зеръ венихъ, Ире Кайзерлихе...

И молодой человѣкъ вдругъ смолкъ, не зная какъ по-нѣмецки: высочество. Маэстетъ—нельзя сказать, подумалъ онъ про себя.

— Вы, однако, разговаривали съ моимъ адъютантомъ и съ господиномъ ротмейстеромъ, когда онъ пріѣхалъ, замѣтилъ принцъ, опуская на рѣшетку каминна поднятую къ огню правую ногу и приводя лѣвую въ тоже положеніе, подопивой къ теплу.

— Это не тотъ, глухо отозвался ротмейстеръ, обращаясь къ принцу.

Шепелевъ понялъ слова голштинца и хотѣлъ сказать тоже:

— Это былъ не я, но пролепеталъ едва слышно:

— Дасъ варъ нихтъ михтъ!

Последнее слово явилось уже отъ большаго смущенія.

— Jesus! тихо выговорилъ себѣ подъ носъ принцъ.

И онъ повторилъ, глядя въ огонь и будто соображая: *нихтъ нихтъ!!..*

Затѣмъ онъ повернулъ голову въ ротмейстеру и сказалъ громче: *mein lieber* Котцау, лучше подождать возвращенія Фленсбурга. Съ переводчиномъ, говорящимъ: *нихтъ нихтъ*—мы ничего не сдѣлаемъ.

Ротмейстеръ промычалъ что-то въ отвѣтъ, не двигаясь, и только вздохнулъ.

Шепелевъ между тѣмъ избавился отъ перваго смущенія и услыхавъ слова принца, понялъ, что его звали для какаго-то порученія. Онъ заговорилъ смѣлѣе, но стараясь выговаривать какъ можно почтительнѣе.

— Васъ вольтъ Ире Кайзерлихе... и, пробурчавъ что-то, онъ снова запнулся на концѣ этой фразы и снова подумалъ: Экая обида! И какъ это *высочество-то* по ихнему.

— *Noheit!* шепнулъ ему догадавшійся Михель.

— Что-съ! отозвался Шепелевъ.

— *Noheit...* повторилъ Михель вразумительно.

— *Heute?* повторилъ молодой человекъ. Да-съ. Конечно. Я съ удовольствіемъ... Сегодня-же... Только, чтобъ сдѣлать-то.

Нѣмецъ скорчилъ такую гримасу, какъ еслибъ ему на ногу наступили и отошелъ отъ юноши со вздохомъ, а принцъ сталъ объяснять по-нѣмецки медленно и мѣрно, что ему нуженъ переводчикъ при работѣ «вотъ этого болвана», показалъ онъ на одутловатую и пучеглазую рожу слесаря, глядѣвшаго на принца, на все и на всѣхъ какъ-бы съ перепугу.

Онъ стоялъ у дверей, какъ деревянный, и только глаза его двигались дико съ губъ одного говорившаго на губы другого.

— Мошеть ви все таеое съ нѣмески на русски... снова нетерпѣливо вмѣшался Михель, обращаясь въ Шепелеву, но тоже запнулся тотчасъ и прибавилъ какъ-бы себѣ самому *übersetzen...*

— Ихъ? Зерь венихъ! отвѣчалъ Шепелевъ, поймавъ

по счастью знакомое нѣмецкое слово. Да что собственно желательно его высочеству? прибавилъ онъ Михелю по русски.

— Фоть это... Такъ!.. показалъ Михель рукой на Ботцау и затѣмъ сталъ двигать рукой по воздуху..

— Распилить вастрюлечку? спросилъ Шепелевъ, стараясь выразаться какъ можно почтительнѣе.

— Was?! отозвался Михель.

— Распилить, говорю, надо. И Шепелевъ тоже задвигалъ рукой по воздуху.

Принцъ согласился, сказалъ: Ia, ia! и потомъ еще что-то очень вразумительно и медленно, но Шепелевъ разобралъ только одно слово: etwas.

Наступило минутное молчаніе.

— Was etwas? уже робѣя прошепталъ Шепелевъ, чувствуя что вопросъ не вѣжливъ.

— O, mein Gott? воскликнулъ принцъ и обѣими руками шлепнулъ себѣ по волѣнамъ.

— Ти... мощно... это... такъ! вступилъ ужъ Михель въ непосредственныя сношенья съ самимъ мастеровымъ и дѣлая по воздуху тотъ же жестъ пиленія.

— Распилить? хрипло заговорилъ слесарь. Отчего-же-съ. Позвольте... Это мы можемъ.

И слесарь двинулся смѣло въ Котцау.

— Ты голову не повредишь имъ? вступился Шепелевъ.

— Зачѣмъ голову повреждать! Помилуйте. Развѣ что подпилкомъ какъ зацѣпить; а мнѣ зачѣмъ...

— То-то подпилкомъ зацѣпить?

— Коли чугуунъ плотно сидитъ, то знамо дѣло запилишь по головѣ. А то зачѣмъ... Слесарь двинулся въ ротмейстеру и прибавилъ. Позвольте-во ваше...

И слесарь запнулся, не зная какъ величать этого барина, что приходилось пилить.

Котцау приподнялъ голову и мрачно, но терпѣливо глянулъ на всѣхъ.

Слесарь оглядѣлъ миску и голову со всѣхъ сторонъ и пробурчалъ:

Ишь вѣдь какъ вздѣта. Диковина...

И онъ сталъ пробовать просто снять ее руками.

Котцау разсердился, отдернулъ голову и заговорилъ что-то.

— Такъ нельзя! Дуракъ! шепнулъ Шепелевъ.

— Диковина!.. Вотъ что ваше благородье! воскликнулъ вдругъ слесарь, какъ будто придумавъ что-то.

— Ну? Ну?.. Was? раздались два голоса Шепелева и Михеля.

— Надо пилить! Эдакъ руками не сможешь.

— Безъ тебя, болванъ, знаютъ, что не сможешь! шепотомъ, но злобно вымолвилъ Шепелевъ. Такъ пили, гѣшій!

Слесарь взялъ съ пола большущій подпильеъ правой рукой, какъ-то отгашлянулъ и повелъ плечами, но едва онъ ухватилъ миску за край лѣвой рукой и поставилъ подпильеъ—какъ принцъ и Михель воспротивились. Имъ вдругъ показалось (да и Шепелеву тоже) что этотъ слесарь въ два маха распилить по поламъ не только миску, но и самого ротмейстера.

— Ну, ну... воскликнулъ принцъ по русски и прибавилъ по нѣмецки... Не надо. Подождемъ Фленсбурга. Безъ него всегда все глупо выходитъ.

— Да-съ. Лучше подождать, сказалъ Михель.

И принцъ уже недовольнымъ голосомъ заговорилъ что-то, обращаясь къ Котцау, а затѣмъ прибавилъ Михелю, мотнувъ головой къ дверямъ. Къ чорту все это... Уведи ихъ... и подавай намъ кофе.

И повернувъ совсѣмъ голову къ Шепелеву, принцъ сдѣлалъ ручкой и вымолвилъ добродушно, но насмѣшливо:

— Lebe wohl, Herr Nichtmicht. Прошайтъ. Шпасибо.

Шепелевъ выходя, снова бросилъ уградкой взглядъ въ уголь, гдѣ свѣтилась серебряная миска и внутренно усмѣхнулся, но уже какъ-то иначе.

Случилось нѣчто трудно объяснимое.

Когда молодой человѣкъ входилъ къ принцу, онъ былъ смущенъ, но вносилъ съ собой хорошее чувство

почтенія и готовности услужить его высочеству; теперь же — странное дѣло, идя за Михелемъ по корридору и сопровождаемый слесаремъ — онъ досадливо думалъ про себя.

— Всѣхъ бы васъ такъ нарядилъ!

— Ваше благородье, слышался за его спиной шепотъ слесаря. Должно это онъ не самъ ее вздѣлъ? Ась? Бабы самъ то — ись, то онъ бы и сымать тоже умѣлъ.

— А! Ну, тебя... злобно отозвался молодой человѣкъ, срывая досаду на мастеровомъ.

Шепелевъ, выйдя отъ принца, шагаль чрезъ безлюдную адмиралтейскую площадь сумрачный, обиженный и озлобленный и направился домой въ ротныя казармы преображенскаго полка.

Чѣмъ именно оскорбили его у принца Жоржа онъ объяснить себѣ не могъ. Ни принцъ, ни Михель ничего обиднаго ему не сказали и не сдѣлали. Его позвали быть переводчикомъ по ошибкѣ, потому вѣроятно соображенью, что Державинъ хорошо говорилъ съ офицеромъ по нѣмецки. Онъ отвѣчалъ смущаясь *нихтъ михтъ*. Принцъ только усмѣхнулся, только съ едва замѣтнымъ отгѣнкомъ пренебреженья тихо повторилъ нѣсколько разъ эти слова и потомъ добродушно назвалъ его прощаясь: *геромъ нихтъ михтомъ*.

— Ну что-жь такое! бурчалъ Шепелевъ. Ну и сказалъ михтъ, вмѣсто михъ. А ты нешто не сказала: прашайтъ. Что? Развѣ мнѣ присяга велить знать всѣ языки земные и твой — нѣмецкій хриплюнъ!! Вотъ тебѣ бы, Жоржу, слѣдъ былъ за нашъ хлѣбъ знать нашу грамоту.

ХП.

Чрезъ часа два послѣ ухода Шепелева къ дворцу принца подѣхалъ Фленсбургъ и, поспѣшно поднявшись по лѣстницѣ, быстро прошелъ въ кабинетъ. Онъ нашелъ принца и ротмейстера за завтракомъ. Котцау немного

повеселѣть (привыкъ должно быть) и съ увлеченіемъ что-то рассказывая, часто поминалъ кѣнига Фридриха, Пруссію и Берлинъ.

— А! воскликнулъ принцъ при появленьи адъютанта. Was giebt es neues, mein liebster?

Разговоръ продолжался по нѣмецки.

— Я былъ правъ, Hoheit. Я навелъ справки. Это все тотъ же цалмейстеръ Орловъ. Онъ съ братомъ заѣхалъ съ охоты и встрѣтилъ господина Котцау въ Красномъ Кабачкѣ.

— Schön! Wunderbar! Отлично. Очень радъ. Очень радъ. Вотъ и случай... весело воскликнулъ принцъ, потирая руки. И вставъ, онъ началъ бодро ходить по горницѣ.

Котцау съ удивленьемъ взглянулъ на принца. Радость эта ему очевидно не нравилась. Ему было не легче отъ того обстоятельства, что Орловъ, а не кто либо другой нарядалъ его такъ.

— Что же изволите мнѣ приказать, Hoheit.

— Ничего, мой любезный Фленсбургъ. Ничего. Я дождусь десяти часовъ. Теперь восемь. И поѣду въ государю. А въ полдень господинъ Котцау будетъ бригадиромъ ради удовлетворенья за обиду. А господа Орловы поѣдутъ далеко, очень далеко... За это я ручаюсь. Я еще третьяго дня докладывалъ объ нихъ государю. И не разъ даже докладывалъ. Пора! Пора!

— Но теперь, Hoheit, развѣ вы не прикажете мнѣ обоихъ сейчасъ арестовать, спросилъ холодно Фленсбургъ.

Принцъ остановился, пересталъ улыбаться, какъ-то заботливо подобралъ тонкія губы, и наконецъ повелъ плечами.

— Я полагаю, что ваше высочество, какъ прямой начальникъ всей гвардіи, можете сами безъ доклада государю распорядиться арестомъ двухъ простыхъ офицеровъ, которые буянятъ всю зиму и безобразно оскорбили г. Котцау, иностранца, вновь прибывшаго въ Россію,

фехтмейстера, который пользуется наконецъ личнымъ расположеньемъ короля.

— Да, да... Конечно... нерѣшительно заговорилъ принцъ. Я доложу его величеству. Я все это доложу, Генрихъ. Именно, какъ вы говорите. Принцъ называлъ любимца его именемъ только въ минуты ласки.

Фленсбургъ повернулся, отошелъ къ окну и молча, но нетерпѣливо сталъ барабанить по стеклу пальцами. Толстогубый Котцау вопросительно выглядывалъ изъ подъ миски на обоихъ. При всей своей тупости, онъ замѣтилъ, что Фленсбургъ болѣе, нежели правая рука принца.

Наступило молчаніе.

Принцъ Жоржъ, пройдясь по комнатѣ, заговорилъ первый.

— Какъ ваше мнѣніе, Фленсбургъ? Скажите. Вы знаете, я очень, очень цѣню ваше мнѣніе. Вы лучше меня знаете *здѣсь все*. Принцъ налегъ на послѣднія слова.

— Ваше высочество хорошо сдѣлаете, холодно заговорилъ Фленсбургъ обернувшись и подходи, если прикажете мнѣ вашей властью и вашимъ именемъ тотчасъ арестовать двухъ буяновъ. А затѣмъ, ваше высочество хорошо сдѣлаете, если свезете г. Котцау въ этомъ видѣ къ государю.

— Какъ? воскликнулъ принцъ

— О-о? протянулъ и Котцау, которому повезалось это предложеніе чортъ знаетъ какой глупостью.

— Да, въ этомъ видѣ. Тогда все обойдется отлично. А иначе ничего не будетъ. Ни-че-го!! сказалъ Фленсбургъ.

— Почему же?

— Ахъ, ваше высочество, точно вы не знаете!!

Принцъ подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— А если они вамъ не будутъ повиноваться?

— Только этого бы не доставало, громко и желчно разсмѣялся Фленсбургъ. Да скоро мы и этого дождемся. Нынче меня слушаютъ, а завтра и васъ самага, а послѣ завтра и...

— Ну ступайте. Какъ бы вспыхнувъ, вымолвилъ

принцъ. Арестуйте и привѣжайте... сказать... Какъ все было.

Фленсбургъ быстро вышелъ, будто боясь, чтобы принцъ не перемѣнилъ рѣшенія; встрѣтивъ въ передней Михеля, онъ сталъ ему скоро, но подробно приказывать и объяснять все касающееся предполагаемой поѣздки принца во дворецъ, вмѣстѣ съ Котцау.

За нимъ раздался въ это время уже не первый разъ чей-то голосъ.

— Ваше благородіе....

Но офицеръ не обратилъ вниманія и продолжалъ говорить и приказывать, уговаривая Михеля употребить все свое вліяніе на принца и на ротмейстера. Потомъ онъ пошелъ быстро къ дверямъ своей комнаты.

Кто-то бросился за нимъ по корридору.

— Ваше благородіе! раздался за нимъ снова тотъ же жалостливый голосъ. Фленсбургъ нетерпѣливо обернулся.

— Чего тамъ?

— Ваше благородіе, оважите божескую милость. Ослобоните.

— Чего?...

— Ослобоните... Наше дѣло такое. За утро что дѣловъ упустишь. Работникъ у меня дома. Одному не управиться. А здѣсь тожмо сборы все одни.

— Да чего тебѣ надо.

— Будьте милостивы, ослобоните. А самая работа, совсѣмъ вамъ неподходящая. И голову повредить тоже можно. А вы дозвольте, я вашему благородію вашескаго уважу... нѣмца Мыльнера. Тутъ на Морской живетъ. Онъ это единымъ то-исъ мигомъ распилить. Мастеръ на это! Ей Богу. А намъ гдѣ же. И голову тоже — помилуй Богъ.

— Ты слесарь, что часовой привелъ ночью....

— Точно такъ-сь.

— Такъ пошелъ къ чорту. Такъ бы и говорилъ. Не нужно. Убирайся домой.

И Фленсбургъ вошелъ въ себѣ, чтобы переодѣться и въ полной формѣ отправиться на пріятное для него порученіе: арестъ Орловыхъ.

— И слава тебѣ Господи! весело шепталъ между тѣмъ слесарь.

Собравъ свой инструментъ съ ларя въ полу тулупа, онъ шмыгнувъ изъ дворца и бѣгомъ пустился по улицѣ.

Добѣжавъ до угла набережной Невы, онъ вдругъ наткнулся на кума.

— Эвось! Вахромей! Откуда? воскликнулъ слесарь и сталъ живо и весело рассказывать все видѣнное за утро.

— А чуденъ народъ. Ей Богу. Я вблизи то къ нимъ давно не лазалъ, закончилъ онъ рассказъ. А какъ вздѣта, куманекъ! Ахтительно! Первый сортъ—вздѣта!

Кумъ Вахромей все слушалъ и молчалъ, да все моталъ головой.

— Да и не самъ, значить. Кабы самъ вздѣлъ, такъ за мной бы пилить не послали тады! объяснилъ заключительно слесарь.

— Д-да! заговорилъ навонецъ Вахромей. А я такъ полагаю, что самъ. Что мудренаго? Вѣдь нѣмцы! Надѣть-то надѣлъ, ради озорства, а снять-то и не можетъ. Д-да! И опять тоже... На-а-ро-дець!? Нѣтъ, нашъ братъ православный, коли бы ужъ вздѣлъ, такъ и снялъ бы самъ. Да! А этоть, вишь, колѣно-то показывать взялся, да и не додѣлалъ.

— Сплоховалъ, значить... разсмѣялся слесарь.

— Сплоховалъ! Спло-хо-валъ! жалостливымъ голосомъ шутилъ Вахромей. Теперь вотъ не въ настоящемъ видѣ и ходи!..

— Въ другой разъ ужъ показывать не станетъ...

— Ни-ни... Озолоти—не станетъ. Зачѣмъ ему показывать! Ученый теперь...

XV.

Въ тотъ же день, не спавши, часу въ девятомъ, Шепелевъ зѣвая мысленно ругаясь, натянулъ длинные форменные сапоги, напялилъ мундиръ свой изъ толстаго снятаго сукна съ краснымъ подбоемъ на отвороченныхъ фалдахъ и вышелъ на ротный дворъ, гдѣ собиралась его рота на ученье.

Вскорѣ прибылъ ихъ маіоръ Воейковъ, который раздѣлилъ рядовыхъ на кучки, и каждая съ своимъ флигельманомъ занялась воинскою экзерциціей, маршировкой и новыми приѣмами съ ружьемъ и со шпагой, которые введены были съ мѣсяцъ назадъ, по примѣру голштинскаго потѣшнаго войска.

Шепелевъ встрѣтилъ въ одной изъ шеренгъ уже знакомое ему теперь лицо одного рядоваго, который весело кивнулъ ему головой и усмѣхнулся дружелюбно. Это былъ вчерашній ночной пріятель Державинъ.

Ученье, благодаря сильному морозу и тому, что маіоръ Воейковъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и не въ духѣ, продолжалось очень не долго.

Шепелевъ какъ только могъ скорѣе отдѣлался отъ своего флигельмана, простаго сдаточнаго солдата, умнаго и ловкаго востромича, прошедшаго не русскую шеолу службы. Онъ былъ въ Ораніенбаумѣ въ голштинскомъ войскѣ и назначенъ былъ теперь учителемъ экзерциціи въ преображенскій полкъ.

Шепелевъ сталъ искать глазами своего пріятели, но его уже не было. Тогда онъ пошелъ въ ту половину казармы, гдѣ могъ жить Державинъ, судя по его словамъ.

Казарма или, какъ говорилось, ротный дворъ — былъ большой домъ и являлъ странный видъ для непривычнаго глаза. Нѣчто среднее между фабрикой и богадѣльней.

Когда Шепелевъ вошелъ на большое грязное, общее крыльцо и вступилъ подъ своды корридора темнаго,

грязнаго и душнаго—то до его ушей долетѣлъ сплошной гулъ сотенъ голосовъ.

Солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и иногда даже брали, по дозволенію потворствующихъ командировъ, въ себѣ на хлѣба и постороннихъ, за довольно выгодную плату. Такимъ образомъ являлись въ казармахъ старики и старухи, драхлые, хворые, увѣчные, безъ роду и племени. Всѣ они приходились, на словахъ: тетками, дядями и родственниками солдатъ.

Маленькія загрязненные горницы казармъ, раздѣленные еще перегородками—казались не исходнымъ лабиринтомъ, гдѣ кишилъ, какъ муравейная куча, отъ мала до велика и отъ зари до зари—всякій людъ.

Шныряли взадъ и впередъ вереницы бабъ-солдатокъ, кто съ ведрами, кто съ вѣлькомъ, кто съ лоткомъ бѣлья. Ходили и сами рядовые, тычася изъ угла въ уголъ, ругаясь и крича, и не столько отъ гнѣва, сколько отъ тоски и праздности привязывались къ женамъ, другъ къ другу и перебранка скоро и часто переходила въ драку.

Тутъ же повсюду егосили, бѣгали и скакали сотни ребятишекъ, визжали и завывали грудные младенцы на рукахъ доморощенныхъ нянекъ отъ семи до десяти лѣтъ отъ роду, т. е. на рукахъ своихъ же сестреночекъ, тащавшихъ ихъ по корридору.

Тутъ же шмыгала и птица, куры, пѣтухи, индѣйки, а съ внутренняго маленькаго двора или задворка несло ржанье лошадей, мычанье коровъ и всякой домашней скотины, заведенной болѣе богатыми семьями.

Таковы были всѣ казармы или ротные дворы гвардейскихъ полковъ. Это былъ ротный дворъ двухъ гренадерскихъ ротъ. Другіе роты, и въ томъ числѣ бомбардирская, помѣщались въ другихъ концахъ города...

Шепелевъ едва могъ добиться, гдѣ живетъ рядовой Державинъ. Наконецъ одна толстая баба сама откликнулась, услыжавъ распросы Шепелева.

— Это нашъ барченокъ-то? Гаврила Романовичъ чтоль? спросила она фальцетомъ.

— Да, Державинъ.

— А вотъ я тебя провожу, родной мой.

И толстѣйшая баба съ тонкимъ дѣтскимъ голосомъ провела Шепелева чрезъ весь коридоръ, ввела по грязной и мокрой лѣстницѣ, съ хлебавшими и провалившимися спупеньками. Въ темныхъ сѣняхъ она показала ему на большую круглую щель, изъ которой падалъ ясный, бѣлый лучъ свѣта и серебрянымъ пятномъ упирался въ полъ.

— Вотъ, родненькій мой. Туточка и Гавриль твой Романычъ. Тута первый семейникъ нашего унтера Волкова и есть. Тамъ и твой Романычъ кортомить.

И баба, пропустивъ Шепелева впередъ, стала спускаться, спѣша къ своему дѣлу.

Шепелевъ хотѣлъ отворить дверь, но не находилъ шаря рукой въ темнотѣ, ни крючка, ни щеколды, ни чего либо, за что могъ бы ухватиться.

Онъ постучалъ и сталъ ждать. Никто не шелъ, онъ хотѣлъ опять стукнуть, но услыхалъ вдругъ хотя вдалекѣ отъ двери голосъ Державина, который кричалъ нетерпѣливо.

— Ну потомъ! Потомъ!!

Кто-то, очевидно женщина, отвѣчала что-то не слышное за запертою дверью.

Затѣмъ снова раздался громкій, убѣдительный голосъ Державина.

— Да я-то почему же знаю, голубушка! Ну сама ты посуди. Я то почему же знать могу... Глупая же ты баба! Право.

Шепелевъ началъ опять стучать въ дверь, но прислушавшись не идетъ ли кто отворять, услыхалъ только снова голосъ Державина, кричавшаго уже нетерпѣливо и сердито.

— А и я! А и ты! А и мы! А и онъ!... Нешто человекъ такъ говорить, это птица такъ кричить... Птица, птица, а не человекъ!...

Шепелевъ сталъ стучать булавомъ.

— Тани пальцемъ-то... За дыру-то потяни! раздался чей то басистый голосъ изъ за двери.

Шепелевъ просунулъ палецъ въ замасленные жирные края дыры и потянувъ, легко отворилъ дверь.

Предъ нимъ былъ снова небольшой коридоръ и все тѣже перегородки... Здѣсь было однако не много чище.

— Гдѣ тутъ комната Гаврилы Романыча... спросилъ Шепелевъ, увидя чрезъ первую же отворенную дверь лежащаго на кровати унтера...

— Сюда, сюда... раздался голосъ Державина изъ за другой перегородки.

И молодой человѣкъ вышелъ къ гостю въ коротенькомъ нагольномъ тулупчикѣ. За ухомъ его торчало большое гусиное перо.

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ...! Спасибо вамъ, что пришли, пожалуйста! И онъ ввелъ Шепелева къ себѣ.

— Какъ вы это пролезли въ мою харибду, въ мою камору или вѣрнѣе выразиться въ эту Гомору.

— Меня проводила баба. А то и со всѣмъ бы не добрался...

Въ маленькой горницѣ Державина, на маломъ саженномъ пространствѣ между двухъ перегородокъ стояла кровать, покрытая пестрымъ одѣяломъ, спитымъ заботливой, терпѣливой рукой изъ сотни разноцвѣтныхъ влочкивъ ситца; въ углу помѣщался маленькій столъ съ нѣсколькими вещичками, съ десяткомъ книжекъ и тетрадокъ, а посреди нихъ стеклянная баночка съ чернилами и блюдо съ пескомъ... Въ другомъ углу на полу стоялъ красный сундукъ, обитый оловянными вырѣзками и бляхами и расписанный лиловыми цвѣточками; на немъ лежали снятый мундиръ, шпага и шляпа рядового. У потолка надъ столомъ висѣла темная икона и торчала запыленная верба... Надъ кроватью припиленная булаваками къ доскамъ перегородки висѣла, загибаясь углами, сѣрая большая картинка, изображавшая Императрицу Елизавету Петровну въ коронѣ и порфирѣ.

— Вотъ-съ занимаюсь... Письмо пришла просить на-

писать, сказалъ Державинъ, указывая на женщину лѣтъ сорока, которая собиралась уходить при появлении Шепелева.

— Я изъ коридора слышалъ, какъ вы горячились...

— Я имъ часто такъ—въ сродственникамъ пишу... и всегда въ горячкѣ...

— Вы писанье-то оставьте у себя, Гавриль Романычъ! сказала женщина. Я ввечеру зайду.

— Да, да, ужь ступай, Авдотья Ефимовна! Успѣется, не горить вѣдь! отвѣчалъ Державинъ.

— А то вы и сами безъ меня отпишите. А то у насъ стирка велика. Насилу въ Благовѣщенью управимся. Вы сами-то лучше, родимый.

— Какъ можно голубушка. Развѣ я могу знать, что тебѣ писать.

— И-и батюшка, а мнѣ-то, и гдѣ же знать!.. Вы грамотѣ обучены, такъ вамъ то лучше все извѣстно. Дѣло дворянское, а я хоть и хвардейская—а все тожъ баба, деревеньщина.

Державинъ заволновался и обратился къ Шепелеву, указывая на женщину.

— Вотъ, государь мой, вѣрите ли. Завсегда такъ то... Придетъ вотъ какая изъ нихъ: напиши письмо, свекрови ли тамъ, тетеѣ ли, шурину какому... Сядешь это и скажешь: ну говори молъ, что писать... А она въ отвѣтъ: Не знаю, родненькій мой. Ты ужь самъ... И не втолкуешь вѣдь ни за что—хоть тресни.

Шепелевъ разсмѣялся.

Женщина стояла въ дверяхъ и заговорила, слегка обижаясь.

— Что жъ? Мы не навязываемся. Мой Савель Егорычъ за васъ на канавѣ вчера три часа отбылъ. Да на прошлой недѣлѣ тожъ дворъ у принца мѣлъ... За васъ же? Сами знаете.

— Я, голубушка, это знаю. Я не корю, пойми, а напротивъ того, спасибо говорю, потому мнѣ легче писать, чѣмъ дворы мести да канавы рыть... А я говорю

про то, что коли пришла ваша сестра письмо отписать, такъ сказывай—что?

— Мы люди не грамотные. Вы дворянскаго *призвожденья*, такъ вамъ лучше.

• — Да *призвожденья* - то я будь хоть *разпрорвняжескаго*, *разпроархисвѣтлѣйшаго* — а все жь таки я, голу-бушка, не могу сватымъ духомъ знать, что тебѣ нужно твоей свекрови отписать. Пойми ты это, Авдотья Ефимовна.

И Державинъ даже ударилъ себя въ грудь въ *порывѣ* одушевленія.

— Что жь! мы не навязываемся, совсѣмъ обидѣлась вдругъ женщина. Хозяинъ мой сказываетъ... На *ванавѣ* - то какъ шибко *уаживаютъ* народъ - то... Вчера онъ въ вашъ, значить, чередъ это былъ, съ морозу то пришелъ, какъ изъ бани, рубаха мокрая на емъ да и спину-ту не разогнетъ... Вотъ что, баринъ мой хорошій!. А писулю то писать не грамотному—какъ ни *взопрей*, не напишешь. — А вамъ оно что?. Тыфу, оно вамъ! Шлевое дѣло! Сидите вотъ тучочки,—да *чирикаете* по бумажкѣ... А на *ванавѣ*...

— Ну, вотъ тутъ и *разсуждай*... махнулъ Державинъ рукой.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Хошь и не пишете... Мы не навязываемся!

— Ну ладно, ладно! Авдотья Ефимовна. Не гнѣвайся. Приходи ввечеру-то все таки.

— Придемъ ужъ, коли требуете... А ужъ если милость ваша будетъ—вы сами бы, говорю... Стирка насъ съѣла... Ну, просимъ прощенья.

Женщина вышла. Державинъ снова махнулъ рукой ей во слѣдъ.

— *Порѣшенный* народъ! сказалъ онъ. Коломъ не *вдолбишь*. Пиши я, изволите видѣть, ея свекрови въ Новгородъ, что самъ знаю...

— Да, бросьте! сказалъ Шепелевъ. Гоняйте ихъ вонъ, коли скучно.

— Нельзя, сударь. Я вамъ ужъ сказывалъ про свое по-

ложе... Видите, какъ живу. Вы жалуетесь вотъ на ротныя ученья, да на смотры. А мы вѣдь и тамъ мерзнемъ, да потомъ еще насъ по городу гоняють на работы. Слышали вонъ говорила она про мужа то, что пришелъ съ морозу мокрый... Ну-съ и я вотъ такъ то двѣ недѣли горе мыкалъ. А теперь мое одно спасенье за себя кого изъ солдатъ выставлять. У меня съ ними уговоръ: я буду женамъ писули да цыдули ихъ писать, а мужья за меня отбодряивайся съ лопатой или съ метлой.

— Да, если эдакъ, то разумѣется...

— А то помилуйте, съ чего бы я сталъ время терять на такое водотолченье. Я и то, когда почитать вздумается книжку какую, ночь сижу. Свѣчу всю сожгу, да чтожь дѣлать. Нешто, будучи состоятельнѣе, пошелъ бы я въ бабы писмоводители. Вы вотъ присядьте да послушайте, чѣмъ мы занимаемся. Сюда лучше, на сундукъ. А то стуло-то мое ненадежно.

Державинъ, стоя среди горницы, сталъ читать, взятый со стола исписанный листъ.

— Ну вотъ хоть тутъ. Объ государынѣ, покойной:

Прислушайте: «Увѣдомились мы что и вы сестрица отъ Прокофія Нѣмого извѣстны, что и мы на нашъ вѣкъ несчастными въ горѣ сиротами остались. А и скончавшая себя государыня къ намъ милостями и щедротами была. А что будетъ впредь намъ, того не вѣдаемъ. Коли въ войну не пойдемъ. Благодѣтель нашъ государь Петръ Федорычъ гораздо шибко насъ не жалуетъ, а свои Ренбовскіе полки. И на прошлой масляной насъ осмотрѣлъ, все въ слѣдомости нашель. А мой Савѣль Егорычъ про то же сказывалъ и за оное отдранъ былъ. А про телка, что отписываете и рады бы мы все къ вамъ душой, да пути и холода велики — подохнуть можетъ. А и себя раззорите, а и намъ то не въ удовольствіе. А па ротномъ затѣсненіе велико отъ людства и скотинки, болѣ и мѣстовъ нѣтъ. А у Прасковьюшки отѣлилась въ Миколы, на дворъ утеръ выгналъ, сказывая, что грязнить очень. И все то изъ злобства его выходитъ, потому нравъ у

него свой. Потому случаю подохъ, что морозомъ его хватило зря... И не съѣли!.. А и я вамъ тожъ на капустѣ благодарствую. А и вы, сестрица и братецъ, про свое житье бытѣ опишите.

И Державинъ прибавилъ, смѣясь чрезъ листъ желтой бумаги, который держалъ передъ собой.

— Любопытно-съ? Только и есть что: А и я, а и онъ, а и вы...

— Да вы бы, Гаврила Романычъ, заговорилъ Шепелевъ, если ужъ необходимость съ ними возиться опросили бы ее и написали съ разу. А эдакъ вѣдь, поди, дольше гораздо.

— Зачѣмъ же я, сударь мой, буду письмоводительствовать. Она говори, а я напишу. А эдакъ ужъ я, выходитъ, въ перепискѣ съ бабьемъ всероссійскимъ окажусь самъ, коли стану сочинительствовать посланія къ нимъ.

Шепелевъ пробылъ съ часъ у своего новаго пріятеля. Державинъ передалъ ему что въ ротѣ извѣстно уже всѣмъ объ раженомъ гольштинскомъ офицерѣ и что онъ, какъ очевидецъ, рассказалъ все капитану Пассеку, который очень интересовался всѣмъ случаемъ.

Шепелевъ въ свою очередь передалъ всѣ подробности своего визита къ принцу, не скрывъ отъ Державина. нхтъ мхтъ...

Молодые люди весело хохотали. Державинъ предложилъ учить его всякій свободный вечеръ по мѣмечки.

— Нынѣ это—первое дѣло! сказалъ онъ. Знай офицеръ воинскій артикулъ, да моракуй по ихнему—и живо прямо въ фельдмаршалы попадетъ.

XVI.

Выйдя отъ Державина и проходя дворъ, Шепелевъ былъ вдругъ остановленъ среди двора капитаномъ своего

полка Пассекомъ. Этого офицера онъ только видалъ, но никогда не случилось ему съ нимъ разговаривать.

Шепелевъ зналъ, что это одинъ изъ лучшихъ и уважаемыхъ въ полку офицеровъ. Пассекъ же зналъ, что новый рядовой тоже изъ дворянъ и живетъ у вновь переведеннаго къ нему лейбъ-компанца Квасова, котораго онъ не взлюбилъ и съ которымъ онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Случилось это вслѣдствіе чрезмѣрной строгости Квасова къ солдатамъ, которыхъ вообще офицеры, въ силу установившагося обычая или преданія въ этомъ первомъ и лучшемъ полку гвардіи — держали крайне свободно и даже чрезъ мѣру баловали всегда.

Старшій офицеръ полка, недавно произведенный государемъ въ подполковники, генералъ прокуроръ и фельд-маршалъ старый князь Никита Юрьевичъ Трубецкой подавалъ самъ примѣръ легкихъ взысканій за довольно иногда важные проступки. Вообще старшіе офицеры подавали примѣръ легкаго отношенія къ тому, что недавно, по примѣру Фридриха, стали называть заморскимъ словомъ и говорили: войнскій дисциплинъ. У русскаго чело-вѣка въ родномъ языкѣ и слова такого не нашлось.

Пассекъ при видѣ Шепелева первый, противъ обыкновенья, издала поклонился ему и, быстро подойдя, заговорилъ неспокойнымъ голосомъ.

— Я очень радъ, что повстрѣчался съ вами, государь мой. Я шелъ къ вамъ съ просьбой. Вы были вчера ночью на часахъ у принца Жоржа.

— Точно такъ-съ.

— Правда ли, что я слышалъ отъ рядоваго Державина про явившагося въ ночь къ принцу офицера голштинскаго войска.

— Сушая правда.

— Въ кострюлѣ.

— Да-съ т. е. въ эдакой большой чашѣ серебряной...

— А вы знаете его имя?

— Его назвалъ камердинеръ принца. Это капитанъ или ротмейстеръ Котцау.

— Такъ это точно! Такъ это истинно! съ волне-
ніемъ выговорилъ Пассекъ, пытливо глядя въ лицо юноши.
Котцау, фехтмейстеръ прусскій?

— Да-съ.

— Приѣзжіи недавно изъ Германіи?

— Ну, этого я доподлинно не могу вамъ...

— Но имя Котцау? прервалъ Пассекъ, видимо вол-
нуясь. Вы хорошо помните? Это главное, что я желалъ
бы знать.

— На счетъ этого я навѣрное могу вамъ доложить,
потому что когда я былъ позванъ къ принцу въ каби-
нетъ, то онъ говорилъ съ нимъ...

— Какъ въ кабинетъ?!.. Такъ вы были у принца!
Державинъ этого не сказалъ. Ради Создателя, расска-
жите мнѣ все...

Шепелевъ сталъ было рассказывать подробно, но Пас-
секъ въ волненіи перебилъ его и спросилъ:

— Пожелаете-ли вы услужить мнѣ и моимъ пріятел-
ямъ Орловымъ... Это дѣло, сударь, важнѣе, чѣмъ вы
полагаете.

— Все, что будетъ вамъ угодно приказывать мнѣ,
отвѣчалъ Шепелевъ.

— Вы мнѣ сдѣлаете великую услугу, если согласи-
тесь немедля ѣхать со мной къ Орловымъ и передать
имъ самолично все, что вы знаете, все что было въ ночь.
Тамъ мы васъ разспросимъ подробно обо всемъ...

Шепелевъ, слыхавшій уже про братьевъ Орловыхъ
и про то, что у нихъ на квартирѣ вѣчное сборище всѣхъ
шалуновъ и озарниковъ гвардіи, колебался, боясь выго-
вора отъ дяди Квасова, за посѣщеніе такой отпѣтой
компаніи. Но съ другой стороны, его самолюбію льстила
мысль побывать въ обществѣ извѣстныхъ въ столицѣ
щеголей-офицеровъ.

Бывать у Орловыхъ — значило быть на виду и, ко-
нечно, ни одинъ рядовой изъ дворянъ не бывалъ у нихъ.

— Орловы будутъ очень рады познакомиться съ вами.
Они славные люди, сказалъ Пассекъ, видя, что Шепе-

левъ волеблется. Вы, наконецъ, можете и не ходить къ нимъ послѣ. Я васъ прошу теперь поѣхать, чтобы только передать имъ подробности дѣла очень для нихъ важнаго.

Шепелевъ мысленно махнулъ рукой на дядю Квасова. Онъ давно уже собирался доказать дядѣ на дѣлѣ свою самостоятельность и желаніе начать жить своимъ разумомъ. Онъ согласился и они поѣхали.

Черезъ полчаса кучеръ Пассекъ остановился у большаго дома банкира Кнутсена, помѣщавшагося на самомъ углу Невскаго Проспекта и Большой Морской, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, который выходилъ угломъ къ Полицейскому мосту.

Когда оба они входили по лѣстницѣ, то издали уже слышенъ былъ веселый гулъ голосовъ.

— Абрамъ! Всѣ господа дома? спросилъ Пассекъ показавшагося лакея.

— Всѣ-съ. Пожалуйте! сказалъ Абрамъ, снимая шубу съ гостя. И хорошее дѣло, что вы прибыли, Петръ Богданычъ! Безобразничанью помѣшаете.

— А что? усмѣхнулся Пассекъ.

— А вотъ войдите, увидите. Ноги ломать себѣ хочетъ Григорій Григорьевичъ. Да и махонькаго Владимира-то Григорьевича изколѣчить. Ужь его-то бы не трогали. Теперь вотъ черезъ полъ дюжины стульевъ выдумали прыгать. Мало вишь трехъ.

Пассекъ вмѣстѣ съ Шепелевымъ вошли въ большую горницу. Когда дверь отворилась, гулъ голосовъ цѣлаго десятка офицеровъ, хохотъ и споръ — все прекратилось съ разу отъ новаго незнакомаго лица рядоваго преображенца.

— А? Богданычъ! Здравствуй Пѣтра! Иди! Богдыханычъ! Здорово!.. И его тоже заставить надо!.. раздались голоса отовсюду.

Шепелевъ, нѣсколько смущаясь, озирался кругомъ, стараясь угадать хозяевъ, но Пассекъ тотчасъ познакомилъ его съ тремя офицерами, головами выше всѣхъ

остальныхъ и назвалъ ему цалмейстера Григорія, преобразенца Алексѣя и семеновца Θεодора.

Затѣмъ Пассежъ прибавилъ громче, какъ то налягая на слова.

— Господинъ Шепелевъ племянникъ нашего маіора Бвасова и живетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Шепелевъ замѣтилъ, что кой-кто изъ офицеровъ переглянулись, а нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Орловъ, слегка нахмурились.

— Чѣмъ прикажете угощать, сударь, спросилъ Шепелева Григорій Орловъ, настоящій хозяинъ квартиры, указывая на столъ съ виномъ и закуской.

Пассежъ перебилъ его и, объяснивъ, что Шепелевъ явился по его личной просьбѣ, просилъ всѣхъ внимательно прислушать въ чемъ дѣло.

— Разскажите пожалуйста подробно все, что вы видѣли и знаете. Только зовите того офицеромъ, а фамиліи не называйте, сказалъ онъ Шепелеву.

Молодой человѣкъ сталъ разсказывать, смущаясь не много, такъ какъ всѣ офицеры окружили его, разглядывали его и внимательно слушали.

Тутъ были Измаиловцы: два брата Рославлевы и Ласунскій, Семеновцы: Θεодоръ Орловъ и Всеволожскій; Преобразенцы: Барятинскій, Баскаковъ и Чертвовъ и Конногвардейцы: Хитровъ и Пушкинъ. Самые старшіе изъ всѣхъ лѣтами маіоръ Рославлевъ и капитанъ Ласунскій стали ближе всѣхъ къ Шепелеву и прерывали его несвязный разсказъ вопросами...

Наконецъ Шепелевъ разсказывая дошелъ до того пункта, когда его потребовали къ принцу. Алексѣй Орловъ нетерпѣливо перебилъ его разсказъ и воскликнулъ, обращаясь къ Пассежу.

— Ну, чтожь тутъ любопытнаго?... Гриша и я! И хотѣли сами сегодня всѣмъ разсказать. Ласунскій даже ужъ знаетъ. Ну, жаловаться пріѣхалъ. Ну и чортъ съ нимъ!

— А кто онъ таковъ? спросилъ Пассежъ.

— Ротмейстеръ какой-то голштинскій! сказалъ Григорій Орловъ.

— Фехтмейстеръ Котцау!! кривнулъ Пассекъ, какъ бы вдругъ разсердившись.

— Что?! Кто?! Какъ?! загудѣло десять голосовъ.

Алексѣй Орловъ, отошедшій было къ окну, молніей обернулся назадъ.

— Славно!! вскрикнулъ онъ во все горло и треснулъ въ ладоши. Славно!! Приѣзжій фехтмейстеръ. Первый ему блинъ русскій, да комомъ.

— Фридриховскій Котцау? выговорилъ Григорій Орловъ, тихо и видимо смущаясь.

— Да вѣрно-ли это, сударь мой, допрашивали Шепелева Ласунскій и Ѳедоръ Орловъ. Вѣрно-ли вы помните фамилію...

Шепелевъ поручился за достовѣрность...

Веселыя лица постепенно нахмурились, и всѣ озабоченные окружили двухъ братьевъ, виновниковъ исторіи.

Григорій Орловъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Это очень дурно! выговорилъ Ласунскій.

— Я и сообразить съ разу не могу, что будетъ теперь, воскликнулъ Пассекъ. Онъ только что приѣхалъ, представился государю, ужъ получилъ отъ него чинъ русскаго маіора.

— Онъ приѣхалъ отъ Фридриха! замѣтилъ кто-то.

— Государь за него не только тебя, Григорій Григорьевичъ, вѣлитъ судить, а и всѣмъ вамъ, да и намъ съ вами не слобровать... сказалъ старшій Рославлевъ.

— Скорѣе рѣшайте! Что дѣлать?... Скорѣе! заговорило нѣсколько человекъ.

— Ты куда? воскликнулъ Пассекъ, увидя Алексѣя Орлова въ шляпѣ.

— Я? Къ Трубецкому!!

— Зачѣмъ?

— Я беру на себя одного! Буду просить Нивиту Юрьевича поѣхать со мной замолвить словечко гетману,

а тотъ пусть отправится къ принцу и пожалуй въ самому государю. Нечего мѣшкать! А вы свое дѣлайте..

— Погоди!... Надо..

— Нечего годить... крикнулъ Алексѣй Орловъ уже въ дверяхъ. Держите совѣтъ и дѣлайте свое. А куда вы тутъ будете турусы разводить—я побываю и у Трубецкаго, и у гетмана, и у тетушки... А вы-то чѣмъ болтать-то, ѣхали бы тоже сейчасъ въ княгинѣ Еватеринѣ Романовнѣ... прибавилъ онъ, обращаясь къ Пассеку и Ласунскому.

— Обожди, Алеша, дай сговориться путемъ. Трубецкой тебя по губамъ помажетъ токмо, сказала Федоръ Орловъ.

— Помажетъ, такъ и я его мазну тоже, знаю чѣмъ. Ну, будьте здоровы, гуть морхень! махнулъ рукой Алексѣй Орловъ и вышелъ.

Оставшіеся заспорили. Всякій предлагалъ свою немедленную мѣру. Кто-то предложилъ даже ѣхать мириться съ Котцау, хоть деньгами его закупить, если можно.

Шепелевъ замѣтилъ, что онъ стѣсняетъ совѣщающееся общество, что многіе шепчутся, отходя въ углы, въ окнамъ.

Наконецъ онъ увидѣлъ нечаянно, что самъ Пассекъ сдвинулъ брови и мотнулъ на него головой Федору Орлову, когда тотъ громко посоветовалъ брату немедленно ѣхать просить заступничества у государыни.

Шепелевъ, отказавшись отъ закуски и чая, весело и любезно предложенныхъ хозяиномъ, холодно раскланялся со всѣми и собрался выходить.

Григорій Орловъ любезно провожалъ его словами:

— Милости прошу, государь мой, если будетъ когда по пути.

XVII.

Въ эту минуту, когда Шепелевъ хотѣлъ выходить, въ передней раздался ударъ хлопнутой двери, быстрые шаги,

затѣмъ и обѣ половины дверей въ горницу тоже разпахнулись съ громомъ, такъ что ключъ, высочивъ изъ замка, зазвѣнѣлъ по полу.

На порогѣ появился Алексѣй Орловъ съ оживленнымъ лицомъ и слегка задохнувшись крикнулъ:

— Скорѣе... Идите! всѣ!

Офицеры повскакали съ мѣстъ и бросились къ нему.

— Что такое? Что? былъ общій вопросъ.

— Скорѣе, говорятъ, идите. Такое... Такое увидите, чего отъ роду не видали.

— Да что?

— Слышите барабанъ... Рота Измайловцевъ съ караула идетъ. А кто впереди? А?! За простаго каправа шагаетъ. Кто?!

— Ну! Ну!

— Графъ гетманъ! Самъ Кирилушка.

Всѣ офицеры бросились въ разсыпную по горницѣ хватать свои шляпы и шпаги.

— Да вретъ онъ все... Чего вы его слушаете! крикнулъ Пассекъ. Эка выдумалъ что!

— Ей Богу же. Ей Богу.

— Полно блажить, Алеша. Тутъ важное дѣло...

— Стану я тебѣ, чортова перечница, даромъ божиться да грѣшить постомъ! крикнулъ Алексѣй рѣшительно.

— Да не можетъ статья... Гетманъ вчера еще былъ обласканъ государемъ, а это-жъ вѣдь хуже плюхи...

— Идите, говорятъ вамъ! Жалѣть послѣ будете! крикнулъ Алексѣй Орловъ и побѣжалъ внизъ.

Офицеры бросились за нимъ. Шепелевъ послѣдовалъ тоже.

Между тѣмъ барабанный бой приближался и въ виду высыпавшей на крыльцо молодежи изъ за угла Адмиралтейскаго проспекта показалась рота Измайловскаго полка.

Впереди двигалась, шагая въ тактъ барабаннаго боя, въ блестящемъ на солнцѣ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, высокая и худощавая фигура графа Кирила

Григорьевича Разумовскаго, гетмана Малороссіи, шефа и любимца всей гвардіи.

Густыя черныя брови его слегка сдвинулись, глаза были опущены въ землю и лицо немного блѣдно.

Онъ очевидно замѣчалъ останавливающійся по бокамъ народъ, столпившуюся кучку офицеровъ, изумленно и молчаливо взиравшихъ на него, но медленно, и гордо шагая передъ ротой среди улицы—поравнялся съ этой кучкой молодежи и прошелъ мимо, не поднявъ глазъ, упорно опущенныхъ въ землю.

На лицахъ солдатъ, равномѣрно шагавшихъ за гетманомъ, было замѣтно что-то особенное, не обыденное. Они будто не знали, какъ имъ смотрѣть на прохожихъ, переглядываться и смѣяться чудной оказіи, или смотрѣть тоже изъ подлобья, какъ гетманъ.

Рота завернула и скрылась за угломъ Большой Морской. За ней ѣхала большая красивая берлина, голубая съ позолотой, съ золотымъ гербомъ графовъ Разумовскихъ на темно-синемъ бархатномъ чехлѣ козелъ. Длинный цугъ красивыхъ и выхоленныхъ воней по два въ рядъ выступалъ лихо и горячась по скригучему морозу.

Глаза старика кучера на огромныхъ возлахъ говорили толпѣ то, чего не сказали опущенные глаза его барина. Берлина, качаясь на ремняхъ, тихо завернула за уголъ. Между тѣмъ прохожіе по всему пути останавливались и обернувшись, глазѣли, разиня рты. Питерцы хорошо знали гетмана и теперь имя Кириль Григорьевича было на всѣхъ устахъ, и всякій обращался къ сосѣду или вслухъ самъ въ себѣ съ вопросомъ:

— Что за притча?.. Гетманъ? Роту ведетъ?

— Что-жь это такое! вымолвилъ наконецъ и Григорій Орловъ въ кучкѣ офицеровъ.

— Указали... Ну и пошелъ! сказалъ это то.

Въ эту минуту съ подъязда дворца вышелъ адъютантъ государя Перфильевъ и, сѣвъ на лошадь, рысью пустился къ Морской.

— Стой! Стой! Стенанъ Васильевичъ, закричала вся кучка офицеровъ, бросаясь къ нему на середину улицы.

Онъ остановилъ лошадь. Офицеры, а за ними и народъ, окружили его.

— Что такое? Объясни, братецъ, притчу во языцѣхъ, сказалъ Григорій Орловъ.

— Государь приказалъ... А завтра ждите указъ всѣмъ оберъ-офицерамъ гвардіи быть въ строю и бывать на всѣхъ экзерциціяхъ и во всѣхъ караулахъ отъ послѣдняго сержанта до фельдмаршала.

— Что-о?! воскликнули всѣ въ разъ.

— Да! Ёду въ Нивитѣ Юрьичу съ указомъ привести сейчасъ на плацъ Преображенцевъ для смотра.

— Старога филина. По дѣломъ! А гетмана жаль... сказалъ Ласунскій.

— Трубецкаго? Разумѣется не жаль!

— Да онъ съ тѣхъ поръ, что генераль-прокуроръ, шпаги въ руки не бралъ! воскликнулъ кто-то.

— Вспомнить небось, какъ подъ ружье поставятъ! воскликнулъ смѣясь Перфильевъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! захоталъ Алексѣй Орловъ. Фельдмаршалы да генераль-прокуроры будутъ на плацахъ выверты прусскіе дѣлать.

— Вѣстимо! Коли укажутъ! сказалъ сухо Перфильевъ, отъѣзжая.

Въ кучкѣ офицеровъ наступило гробовое молчаніе...

Нѣкоторые переглядывались.

— А видѣли лицо гетмана? Бѣлѣ скатерти! тихо сказалъ Пассекъ.

— Да. У него теперь на душѣ кипить.

Алексѣй Орловъ наклонился къ брату и шепнулъ ему на ухо.

— А гетманъ-то, *нашъ* теперь! А?!

— Пожалуй что и такъ! отвѣчалъ Григорій вслухъ.

Офицеры взглянули на обоихъ братьевъ и, тотчасъ понявъ въ чемъ дѣло, переглянулись между собой.

— Ну... Еще врядь! сказалъ Ласунскій. Теперь золь, а въ вечеру отходится... Хохлы не злопамятны.

— Что-жь? Если и всѣхъ такъ! замѣтилъ Пассекъ. И Трубецкаго и Шувалова и другихъ... Тутъ обиды ужъ гетману не будетъ. Никитѣ Юрьевичу почти 70 лѣтъ отъ роду и онъ уже пять лѣтъ фельдмаршаломъ состоитъ...

— Ну, братцы, воскликнулъ Алексѣй Орловъ,—а теперь за свое дѣло, насъ выручать изъ бѣды.

Кучка пріятелей разошлась.

XVIII.

Черезъ полчаса Фленсбургъ подѣхалъ верхомъ въ квартирѣ палмейстера Орлова и, оставивъ у крыльца двухъ, сопровождавшихъ его, солдатъ — кирасиръ, онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ въ квартиру. Абрамъ встрѣтилъ его въ дверяхъ и веселое лицо его съ разу наступило и даже озлобилось.

— Господинъ Орловъ дома? спросилъ Фленсбургъ строго.

По его голосу уже видно было, что онъ не въ гости пріѣхалъ.

— Нѣту! рѣзко отозвался Абрамъ, зная Фленсбурга въ лицо и уже догадываясь, что не за добромъ онъ появился въ квартирѣ барина. Проклятая миска, подумалъ Абрамъ.

— Вѣрно? переспросилъ недовѣрчиво Фленсбургъ.

— Чего же мнѣ врать! А то войдите. Пошугайте сами, коли не вѣрите. Владиміръ Григорьичъ дома.

— Ну... Все равно! Не тотъ, такъ другой. Мнѣ ихъ нужно обоихъ. Доложи, что я пріѣхалъ его арестовать, по приказанію его высочества... съ плохо скрытымъ удовольствіемъ выговорилъ офицеръ, и подумалъ: какъ бы заднимъ ходомъ не ушелъ! Фленсбургъ сбросилъ плащъ въ прихожей и вошелъ въ комнаты, за нимъ слѣдомъ, злобно и хитро ухмыляясь вошелъ и Абрамъ. Старикъ

отъ досады хотѣлось хотъ потѣшиться и повлить нѣмца— офицера.

— Владиміръ Григорычъ! крикнулъ онъ изъ за спины офицера. Васъ требуютъ. Пожалуйте! Подъ арестъ ступайте!.. Эхъ жаль— мамка-то отлучилась до просвирни. А то и ее бы ужъ съ нимъ захватили.

Въ комнаты вышелъ изъ противоположныхъ дверей мальчикъ кадетъ и съ изумленьемъ, а отчасти и съ боязнью взглянулъ на Фленсбурга. Мальчикъ знавалъ въ лицо, какъ и многіе, адъютанта принца и тоже, какъ многіе, безсознательно не любилъ его.

— Ну, я здѣсь подожду, а ты вызови господина Орлова, сказалъ Фленсбургъ Абраму.

— Какого вамъ еще? искусно притворился старикъ, будто изумляясь. Вотъ онъ самый — Владиміръ Григорычъ... Мамка, говорю, жаль отлучилась до просвирни... Прикажете сбѣгать?

— Мнѣ нужно господина Орлова, сержанта Преображенскаго полка... Если нѣтъ дома цалмейстера... Понимаешь ты, старый хрычъ!

— Ихъ дома нѣтъ! Вы спрашивали Владиміра Григорыча. Вотъ онъ вамъ! Сами вы видно не знаете кого вамъ нужно.

Фленсбургъ отвернулся нетерпѣливо отъ стараго слуги и обратился къ кадету.

— Когда ваши братья вернутся домой, вы имъ скажите, мой другъ, что адъютантъ принца приѣзжалъ ихъ арестовать именемъ его высочества. Понимаете? По приказанію его высочества. Чтобы они не отлучались сегодня изъ дому. Я приѣду опять! Понимаете?

Кадетъ Орловъ, смущенный извѣстіемъ, грустно и молча глядѣлъ въ лицо офицера.

— Вы меня хорошо поняли, мой другъ? мягче спросилъ Фленсбургъ.

— Чего тутъ не понять! вмѣшался злобно Абрамъ. Они не нѣмцы, по російски знаютъ.

Фленсбургъ вышелъ озабоченный и уѣхалъ. Зная

нравы и совершенно своеобразную дисциплину всей гвардіи — онъ опасался, что предупрежденные братья Орловы что нибудь предпримуть и затѣмъ отдѣляются отъ ареста.

Едва офицеръ съ кирасирами исчезъ за угломъ и молодой кадетъ и старый слуга, быстро вышли изъ дому и пустились въ разныя стороны на поиски виновниковъ бѣды.

Послѣдніе слова Абрама молодому барину, скорѣе приказаніе, нежели совѣтъ, было сказано уже на улицѣ.

— Чтобы сюда и глазъ не казали! Хоть до втораго пришествія! На охотѣ да и шабашъ! А я прамехонько къ ней самой, къ нашей матушкѣ заступницѣ. Посмотришь еще, чья возьметъ!!

Графъ Саліасъ.

Библиографическій указатель.

Въ VIII августовской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена первая половина интересной статьи г. Пташицкаго „Лелевель какъ критикъ Карамзина“. Въ этой статьѣ весьма хорошо обрисовываются наши литературные нравы 20—30-хъ годовъ текущаго вѣка, враждебные литературные лагеря и направленія, „Карамзинисты“ и, если можно такъ выразиться, „Булгаристы“, по воззрѣніямъ на задачи и цѣли литературы родственные и кружку Сеньковского. Булгаринъ и его братья — представители самаго непривлекательнаго элемента въ исторіи нашей литературы — полицейства, сыщачества и, что всего грустнѣе, злорадства, относительно своей литературной собратіи, и даже лучшей и благороднѣйшей части этой собратіи. Карамзинъ, съ его, теперь уже конечно неправящею намъ, сантиментальностью, все-таки есть представитель всего благороднаго, возвышеннаго и прогрессивнаго въ нашей литературѣ 20-хъ годовъ, и уже, конечно, къ Карамзинской школѣ (а ни какъ не къ Булгарину или Сеньковскому) должны были применить лучшія литературныя творческія силы — Пушкинъ, Жуковский, Батюшковъ. Непрерывная цѣпь этихъ талантовъ, примыкающая къ Карамзину, убѣждаетъ каждаго внимательнаго наблюдателя, что в исторіи нашей русской литературы представляетъ нѣчто органическое, въ которомъ явленія необходимо вытекаютъ одно изъ другаго. Булгаринскій же элементъ въ нашей литературѣ представляется явле-

ніемъ отрицательнымъ, какимъ-то наростомъ, который могъ бы и не быть, и который, во всякомъ случаѣ, представляется нежелательнымъ. Дѣятельность Сеньковскаго, какъ ориенталиста, имѣеть, конечно, большое значеніе для русской науки, но сама наша литература прекрасно могла бы обойтись и безъ Сеньковскаго съеготолстымъ журналомъ („Библіотека для чтенія“), и органически необходимаго явленія въ исторіи нашей литературы дѣятельность Сеньковскаго нисколько не составляетъ. Въ разсматриваемой же нами статьѣ г. Пташицкаго г. Сеньковскій является въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. вмѣстѣ съ Булгаринимъ, онъ задался „увеселительною“ мыслью „отравить“ польскаго историка Лелевеля на Карамзина и его исторію. Эту недостойную наѣздническую роль и Булгаринъ и Сеньковскій играли съ совершенствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Статья г. Пташицкаго представляетъ неопровержимый документъ для подтвержденія этой грустной истины. Но въ особенно отвратительномъ свѣтѣ представляется въ данномъ случаѣ Булгаринъ, издававшій въ 20-хъ годахъ журналъ „Сѣверный Архивъ“ и хлопотавшій изъ всѣхъ силъ о помѣщеніи въ этомъ журналѣ „критики“ Лелевеля на „Исторію Россійскаго Государства“ Карамзина (Критическія статьи Лелевеля помѣщались въ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ). Да и профессоръ Сеньковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лелевелю, выразилъ постыдное для ученаго мужа злорадство, по поводу весьма понятнаго огорченія Карамзина и его „партіи“ на статьи Лелевеля. Партія автора, (т. е. Карамзина), пишетъ къ Лелевелю Сеньковскій, — *бѣсится съ досады. Славный поэтъ Жуковскій даже плакалъ* (II). Самъ авторъ такъ опечалился и пришелъ въ такое худое расположеніе духа, что *жена и дочь принуждены были выѣхать на время изъ дому*. Хотя они и бѣсятся, нечего на это обращать вниманія, такъ какъ это люди безъ всякой основательной науки“ и т. д. Какъ вамъ это нравится? Ученаго профессора Сеньковскаго радуеть (слышите ли?—*радуеть!*) то обстоятельство, что поэтъ Жуковскій „даже плакалъ“ и что „жена и дочь Карамзина принуждены были на время выѣхать изъ дому“. Подобное злорадство и цинизмъ въ ученомъ мужѣ,

представляются намъ въ высшей степени возмутительными. Намъ становится понятно, поэтому, необыкновенная жолчь критики Бѣлянскаго, когда ему приходилось говорить о Сецьковскомъ, Булгаринѣ и о подобной братіи. Злорадство и во всѣхъ сферахъ дѣятельности возмутительно, а въ литературѣ оно возмутительно тѣмъ болѣе. Изъ писемъ же Лелевеля, приведенныхъ въ статьѣ г. Пташицкаго, видно, что натура польскаго историка, во всякомъ случаѣ, болѣе благородная, чѣмъ натура его „земляковъ“ (заковыми именуютъ себя въ письмахъ къ Лелевелю Булгаринъ и Сецьковскій) возмущается противъ навязываемой ему, во имя „землячества“, и разныхъ наградъ и благодарностей, роли „другателя Карамзина“! Даже болѣе: изъ писемъ же Лелевеля видно, что польскій историкъ преклоняется предъ величіемъ и громадностью труда Карамзина, хотя и не высказываетъ это въ прямой формѣ (уже вслѣдствіе понятной племенной неприязненности). Въ Карамзинѣ, сознается Лелевель, — „я тѣмъ болѣе нуждаюсь, чѣмъ болѣе осмѣливаюсь о немъ говорить“. Въ другомъ же письмѣ Лелевель сознается, что уже слишкомъ *раздѣляетъ* *жизни Карамзина* и дѣлается соучастникомъ нѣкоторыхъ его недостатковъ“. Это чистосердечное сознание польскаго историка, не могло, однако, подѣйствовать на крючкотворскую и подъяческую натуру Булгарина. Послѣдній объяснилъ себѣ, что профессоръ Лобойко (профессоръ литературы при виленскомъ университетѣ) „наклонилъ Лелевеля къ похваламъ Карамзину“. Господа, подобные Булгарину, никакъ не могутъ понять, что даже для немного болѣе честныхъ и высокихъ натуръ, чѣмъ ихъ собственная, представляется крайне невыносимымъ ругать и унижать то, что высоко и прекрасно, и во всякомъ случаѣ требуетъ къ себѣ честнаго отношенія. Булгарину кто-то сказалъ, что Карамзинъ, приступая къ написанію своей исторіи, называлъ Тацита и Фукидиду *лутцами*, а грековъ и римлянъ *дикими людьми*. Булгаринъ возрадовался и возвеселился, найдя почву и предлогъ для своего «воинственнаго» похода противъ творенія Карамзина... А между тѣмъ, изъ писемъ же Лелевеля видно, что польскій историкъ долженъ былъ разжевать и въ ротъ положить редактору «Сѣвернаго Архива» школьное и элемен-

тарное понятіе о томъ, что такое «прагматическая исторія» и кто съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «прагматическимъ историкомъ». Понятно съ какимъ глубокимъ, хоти и скрытымъ, презрѣніемъ долженъ былъ относиться Лелевель къ подобнымъ рыцарямъ начавшихъ громкую и отважную, хотя и отвратительную, атаку противъ Карамзинскаго труда... И чувство презрѣнія, дѣйствительно, у Лелевеля кое-гдѣ прорывается, хотя онъ, вообще, весьма тщательно и искусно скрываетъ его подъ маскою своего въ высшей степени оригинальнаго юмора. Возмущали ли самого Сеньковскаго невѣжество и невѣроятныя претензіи Булгарина—изъ статьи г. Пташицкаго не видно. Но въ одной выдержкѣ изъ письма Сеньковскаго къ Лелевелю ясно высказывается довольно ѣдкая насмѣшка надъ мизерными и недостойными побужденіями Булгарина. „Умоляю тебя, пишетъ Сеньковскій къ Лелевелю, поторопись съ рецензіей, такъ какъ я серьезно опасаясь, чтобы Булгаринъ изъ безпокойства *«не пустилъ себя пулю въ лобъ»*... Карамзинисты торжествуютъ: говорятъ, что *или ты испугался, или пожалѣлъ о начатомъ*. Во имя твоей чести, чести Польши, Литвы, Мазовіи, чести насъ, живущихъ въ Петербургѣ, насъ твоихъ истинныхъ почитателей, друзей и земляковъ, во имя *редакторской чести, славы и кармана Бумарина*... умоляю тебя, поторопись, пришли продолженіе»... (т. е. критики на исторію Карамзина). Болѣе вѣской дружеской оплеухи Булгарину трудно было ожидать отъ руки Сеньковскаго!..

Въ «Русской Старинѣ» за августъ нужно еще отмѣтить «Записки солдата Назарова, въ иночествѣ Митрофана», (1792—1839 г.). Интересны записки своею простотою, отсутствіемъ витіеватости, свойственной многимъ русскимъ начетчикамъ. Затѣмъ, Назаровъ дѣлаетъ самого себя средоточіемъ разсказа, что очень важно, такъ какъ въ этомъ случаѣ искренность записокъ является неподдѣльною. Особенно занимательны тѣ мѣста записокъ, гдѣ Назаровъ говоритъ о битвахъ.

«Записки протоіерея Іоанна Виноградова» (1800—1836 г.) интересны въ томъ же смыслѣ, въ какомъ интересуютъ насъ всѣ записки этой категоріи—хорошо рисуютъ шнувшее время,

о которомъ, хотя и свѣжо преданье, но въ сказаніи объ немъ вѣрится уже не безъ труда. Рисуются тутъ люди минувшей формациі и въ числѣ ихъ — неизбѣжный графъ Аракчеевъ!... Въ запискахъ Виноградова сообщено объ немъ нѣсколько новыхъ чертъ.

Не безынтересны (въ смыслѣ въ первый разъ обнародованныхъ фактовъ) и остальные двѣ (объ переводныхъ) статьи «Старинны»: «Дневникъ пастора Губера» и «Польское возстаніе въ 1831 г.».

«Очерки и воспоминанія» (Ссылно-ваторжные въ Охотскѣ) удерживаютъ и въ настоящей книгѣ «Русской Старинны» прежнюю живость и занимательность разсказа.

Изъ помѣщенныхъ въ VIII книгѣ „Русск. Архива“ статей, интересныхъ въ томъ смыслѣ, что обрисовываютъ намъ минувшій бытъ, неприхотливость, простоту отношеній и проч., принадлежатъ: «Похожденіе монаха Палладія Лаврова» съ его дневникомъ, „Черта къ жизнеописанію патріарха Никона“ (Соловей въ Иверскомъ, монастырѣ), а также два письма извѣстнаго собирателя рукописей, Дубровскаго, къ А. Н. Оленину, съ присоединеніемъ записки объ этомъ собирателѣ и хранителѣ манускриптовъ. Статья „Похожденіе монаха Палладія“ составляетъ извлеченіе изъ подлиннаго объ немъ дѣла. Дѣловой приказный языкъ Екатерининскаго времени сообщаетъ статьѣ еще больше интереса. Затѣмъ, и варварство нашего русскаго быта и отношеній въ столь еще недавно прошломъ — все это рисуется весьма рельефно. Такъ напр., секундъ-маіоръ Толстой цоретъ въ деревнѣ свою жену, нагую, кнутьями и намѣревается убить брата этой своей несчастной жены, да и пріѣхавъ въ городъ Толстой дѣлаетъ въ своей квартирѣ „великіе раздоры“. Изъ всѣхъ заключающихся въ документѣ этомъ данныхъ можно заключить, что разныя проявленія нашего варварства и дикости нужно считать весьма обычными въ то время. Лавровъ, конечно, представляется дикимъ и безобразнымъ ханжю и пьяницей, который хотя, подъ конецъ жизни и оказывается „сумашедшимъ“, но прежде, въ длинный періодъ своихъ дурачествъ, до постриженія въ мона-

шество и даже бывши уже монахомъ, былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Особый историческій (и въ смыслѣ исторіи вообще, и въ смыслѣ исторіи всеобщей литературы) интересъ приобретаетъ помѣщенная въ VIII книжкѣ „Русскаго Архива“ статья г. Грота „Гриммъ и г-жа Эпине“. Занимательная статья эта служитъ прелюдией къ печатанію въ слѣдующихъ книжкахъ „Архива“ большого собранія писемъ Императрицы Екатерины II къ барону Гримму. Письма эти приготовлены къ изданію, въ французскихъ подлинникахъ „Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ“, учрежденнымъ въ Петербургѣ. Надо замѣтить, что значеніе Гримма въ исторіи литературы XVIII вѣка, представительницей которой была преимущественно Франція, съ Вольтеромъ, Руссо и энциклопедистами во главѣ, было огромное. Гриммъ былъ блестящій остроумецъ, безпощадно метавшій свои мѣткія саркастическія стрѣлы. Несмотря на нѣмецкое происхожденіе Гримма, соль его сарказмовъ—чисто французская. Болѣе лестнаго отзыва объ остроуміи Гримма нельзя было сдѣлать, чѣмъ какой былъ сдѣланъ объ этомъ предметѣ Вольтеромъ. Пробѣжавъ французскую брошюру Гримма, озаглавленную „Le petit prophète de Böhmischnbroda“, написанную въ самый разгаръ споровъ о музыкѣ партіи le Coïn du roi (сторонниковъ композитора Рамбó) и „le Coïn de la reine, (сторонниковъ итальянскихъ буффовъ), восхитившись смѣлостью и ѣдкостью брошюры, Вольтеръ воскликнулъ: De quoi s'avisé donc ce Bohémien d'avoir plus d'esprit que nous?“ (какъ осмѣлился этотъ богемецъ (цыганъ) перещеголять насъ (французовъ) остроуміемъ!) Здѣсь нужно еще замѣтить, что Русское Историческое Общество предпріяло печатать собственно переписку нашей Великой Императрицы съ Гриммомъ, (переписка эта имѣетъ дружескій характеръ), а не ту знаменитую „Литературную корреспонденцію“, которая упрочила европейскую славу Гримма. Но у насъ въ Россіи существуетъ экземпляръ и этой послѣдней корреспонденціи, хранящійся въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Къ статьямъ, предлагающимъ значительный историческій

материала, принадлежит в весьма интересное сообщение архимандрита Леониды, помещенное в VIII книжке „Рус. Арх.“, „Черта въ жизнеописаніи патріарха Никона“ (Соловей въ Иверскомъ монастырѣ). Вотъ именно такія черты реальныя, не выдуманныя, ни сколько не прикрашенныя, и нужны для обрисовки исторической личности. Еще нѣсколько такихъ реальныхъ штриховъ—и будетъ готовъ настоящій портретъ патріарха Никона. Вообще о Никонѣ существуетъ невѣрное представленіе, какъ о реформаторѣ, покровителѣ новизны (именно только на основаніи его ревностной дѣятельности по исправленію церковныхъ книгъ). Что Никонъ, собственно говоря, ненавидѣлъ западныя нововведенія и отрекся отъ нихъ всѣми силами—для доказательства этого приведены двѣ-три очень характеристичныя черты въ статьѣ г. Гиларевскаго. Никонъ готовъ былъ рвать на всѣхъ недавніе ему «богопротивные» европейскіе костюмы, въ которыхъ возвращались русскіе въ-за границы. Но въ книжномъ дѣлѣ Никонъ былъ реформаторомъ и исправлялъ церковныя книги, на основаніи греческихъ оригиналовъ, хранившихся напримѣръ въ Венеціанской бібліотекѣ. Эти двѣ черты, если всмотрѣться внимательно въ характеръ Никона, — нисколько не противрѣчатъ одна другой. Знаменитый патріархъ былъ упрямъ, запальчивъ и самолюбивъ до чрезвычайности — и вотъ гдѣ разгадка противрѣчивыхъ чертъ его характера. Сообщаемая архимандритомъ Леонидомъ черта рисуется Никона со стороны его любознательности, тѣсно слитой съ его огромнымъ самолюбіемъ. И любознательство, и самолюбіе Никона сильно раздражены не вниманіемъ братіи Московскаго Иверскаго монастыря за чѣмъ ему, „великому господину“ (жившему въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ), не описали *подробно*, какимъ манеромъ зачѣлъ въ церковь соловей, и на „какой переводѣ“ пѣлъ и т. д.

Подъ рубрикою „Русскія женщины-писательницы“ помещена въ „Древней и Новой Россіи“ біографія (по числу біографическихъ очерковъ это V) А. И. Ишиковой г. П. Вилнова. Интересъ этого очерка таковъ, что статья охотно читается и перечитывается даже два-три раза. Кто не знаетъ маститую писательницу А. И. Ишикову? По ея Русской исторіи для дѣ-

той“ училось на Руси уже нѣсколько повогнѣннй обоего пола. Поэтому-то полная драматизма судьба этой необыкновенной женщины трогаетъ насъ за живое. Дѣтство, полное борьбы, лишений, даже нищеты—и при этомъ необыкновенная настойчивость воли, непоколебимая вѣра и твердость—и все это въ томъ возрастѣ, когда женщина, особенно у насъ, чаще всего увлекается мншурой или же падаетъ въ борьбѣ съ препятствіями и невзгодами—вотъ что представляется и важнымъ, и въ высшей степени поучительнымъ въ біографіи г-жи Ишимовой. Мы не думаемъ, чтобы эта выдающаяся русская женщина была идеализирована въ очеркѣ г. Быкова; тутъ, собственно говоря, и идеализировать-то даже нечего, такъ какъ идеализація только искажала бы и испортила общую простую картину этой многогрудной и прекрасной жизни. Бываютъ случаи, когда дѣйствительность, по драматизму, нисколько не уступаетъ самому идеальному вымыслу. Намъ остается пожелать, чтобы подобныхъ біографій являлось у насъ какъ можно больше, въ виду огромнаго воспитательнаго значенія подобныхъ біографій, въ особенности для молодого женскаго поколѣнія. Литографированный портретъ г. Ишимовой, приложенный къ статьѣ г. Быкова, весьма хорошъ и, какъ нельзя лучше, дополняетъ общее впечатлѣніе отъ прочитаннаго въ біографическомъ очеркѣ. Привлекательное сосредоточенно-мыслящее лицо, нѣсколько грустное, глубокое общее выраженіе—все говоритъ о богатой натурѣ изображенной удачными штрихами старушан. Прибавимъ, что А. І. Ишимовой теперь уже 73 года, а она еще продолжаетъ дѣлать посильные вклады въ дѣтскую нашу литературу.

«Аббатъ Жоржель въ Россіи 1799—1800», въ этой книжкѣ помѣщенная, статья г. Карновича, — хотя не представляетъ какихъ-либо важныхъ данныхъ о Россіи, въ рассматриваемый годъ, имѣетъ, однако, значеніе по добросовѣстности отзыва иностранца о всемъ видѣнномъ въ Россіи. Въ особенности же аббатъ Жоржель отдаетъ справедливость Суворову, не пытаясь «развѣнчивать» нашего великаго вождя, но примѣру другихъ иностранныхъ писателей.

Затѣмъ въ августовской же книжкѣ „Древней и Новой

Россія“ помѣщена уже IV довольно обширная глава статья г. Н. Аристовъ „Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII стол.“ По видимому г. Аристовъ задался мыслью написать обстоятельное изслѣдованіе этого предмета, отчасти основываясь на новѣйшахъ сборникахъ пѣсенъ (наприм. сборникъ г. Прача), на многихъ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, памятникахъ старинной русской литературы, въ особенности же на актахъ историческихъ. Последними наиболее пользуется г. Аристовъ. Привлечены къ дѣлу и другіе важные источники, напримѣръ „Рукоп. Соловецкой библиот.“, „Акты юрид.“ и т. д. Все это прекрасно. Но, намъ кажется, въ статьѣ данъ слишкомъ большой объемъ такому предмету, какъ бродяжничество, пьянство и попрошайничество монаховъ на Руси въ XVII вѣкѣ. Этотъ предметъ представляется намъ довольно элементарнымъ и не требующимъ особенныхъ доказательствъ, какими вооруженъ съ ногъ до головы г. Аристовъ. Большой интересъ представляетъ здѣсь одно явленіе—именно: насильное постриженіе женъ своими мужьями, постепенно спускавшееся отъ высшихъ сферъ общества въ низшія. Это принадлежитъ къ общей безотрадной картинѣ соціального быта старой Руси. Что при безотрадномъ состояніи общества въ древній періодъ Руси—должно было эксплуатироваться постриженіе въ монашество для цѣлей своекорыстныхъ и безнравственныхъ—это само-собой понятно. Было бы, напротивъ, весьма странно и непонятно, какимъ образомъ развратники и лѣнтяи не воспользовались бы учрежденіемъ монашества для своихъ цѣлей; было бы, затѣмъ, странно и непонятно, какимъ образомъ при затворничествѣ нашей древней женщины не произошло бы такихъ возмутительныхъ явленій, какъ мученія и увѣченія женъ мужьями, которые въ первый разъ видѣли своихъ подругъ жизни уже въ день свадьбы, когда брачная связь была уже существующимъ фактомъ. Вотъ съ этой именно стороны, со стороны обычаевъ совершать браки и со стороны супружескихъ отношеній, явленіе, на которомъ остановился г. Аристовъ, въ высшей степени привлекаетъ вниманіе читателя. Русское монашество, само по себѣ, представ-

леть тутъ значеніе весьма небольшое. Оно было только средствомъ, которымъ пользовались и не могли не пользоваться. При томъ, эксплуатированіе монашествомъ, тунеядство и распущенность, скрытыя подъ монашеской одеждой—явленіе совсѣмъ не новое. Оно имѣетъ себѣ аналогію и въ европейской монастырской жизни. Судьба монашескихъ общинъ всегда имѣла замѣчательное сходство. Сначала строгое соблюденіе обѣта посвященія себя Богу, соблюденіе аскетическаго идеала—потомъ, быстрое пониженіе общаго уровня въ достоинствахъ аскетическихъ подвиговъ и пренебреженіе самимъ идеаломъ. Какое изумительное самоотверженіе проявляла монашеская жизнь при самомъ ея учрежденіи!.. Но уже въ VII вѣкѣ, на такъ называемомъ *пято-шестомъ* Трулльскомъ соборѣ, (бывшемъ въ 691 г.) однимъ изъ соборныхъ постановленій дѣлается строгое запрещеніе такъ назыв. „смѣшанныхъ“ монастырей, въ которыхъ *мужчины жили съ женщинами*. До Трулльскаго собора подобнаго запрещенія не было, и мы вправѣ предположить, что совмѣстное житіе мужчинъ и женщинъ въ монастыряхъ практиковалось, какъ вещь обычная, покуда эта распущенность не дошла уже весьма почтенныхъ размѣровъ, обратившихъ на себя вниманіе Трулльскаго собора. Быстрое паденіе достоинства аскетизма—явленіе весьма понятное. „Воротясь съ плотью, умерщвлять ее“, дѣло трудное и, что всего важнѣе, противное природѣ, которая, по мѣрѣ возрастающихъ угнетеній, все болѣе и болѣе предъявляетъ свои права. При первомъ появленіи христіанскаго монашества, борьба отшельниковъ со своею собственной природою привела въ ужасъ и негодованіе римлянъ, видѣвшихъ христіанскихъ подвижниковъ на о-вѣ Капраріи. Римскій поэтъ Рутилій Нумацианъ называетъ этихъ монаховъ „*rabiosi canes diaboli*“.

Что же отличнаго и самобытнаго представляетъ наше русское неудачное монашество XVII вѣка, столь не соответствовавшее идеалу св. Антонія и Θεодосія Киево-печерскихъ?—Ничего, или почти ничего. Законы „невыдержки челоуѣка въ борьбѣ съ собственной плотью“ одинаковы и для европейскаго періода (на Западѣ) и у насъ. Тѣ же ложно-юродствующіе

и мечущіеся изъ стороны въ сторону *gabiosī sales diaboli*, и здѣсь, и тамъ.

Словомъ: явленія, подробно рисующія (на основаніи почтенныхъ и достовѣрныхъ источниковъ) г. Аристовымъ, интересны сами по себѣ, какъ явленія, строго вытекающія изъ соціального порядка, а совсѣмъ не потому, что монашество и „постоянныя постриженія“ представляютъ собою нѣкоторый центръ, вокругъ котораго всѣ эти явленія вращаются.

Гораздо болѣе занимательными представляются появляющіяся отъ времени до времени въ „Древн. и Новой Россіи“ тѣ статьи, въ которыхъ читателю предлагается безыскусственный, необработанный, почти сырой матеріалъ. Въ VIII книжкѣ этого журнала есть одна подобная статья, озаглавливающаяся: «Къ исторіи противо-церковныхъ движеній въ Тамбовской губерніи», составленная на основаніи документовъ архива Тамбовскаго губернскаго правленія. Голая истина неподкрашенныхъ фактовъ, совершившихся въ относительно недавнее время (въ Тамбовской губерніи) производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. При томъ, читатель приходитъ въ мысли, что существуетъ какой-то постоянный, хотя еще далеко не выясненный, законъ, по которому извѣстной группѣ явленій съ извѣстнымъ характеромъ суждено совершаться именно только въ извѣстныхъ предѣлахъ, на извѣстномъ пространствѣ нашей территоріи. Напрямѣръ, противоцерковныя движенія нашли для себя, повидимому, самую благоприятную почву именно въ Тамбовской губерніи. Въ Тамбовской же губерніи были и есть старообрядцы разныхъ толковъ: хлысты, скопцы, субботники, молokane и духоборцы. Последніе въ собственномъ смыслѣ тамбовскаго происхожденія. Продѣлки извѣстнаго пройдохи, Ѳ. Самарина, показались бы намъ невѣроятными, если бы могли не вѣрить сообщеніямъ тамбовскихъ и владимірскихъ присутственныхъ мѣстъ. Вообще, намъ кажется, журналы, имѣющіе цѣлью освѣщать отечественную старину, группируя и сохраняя ее для будущихъ историковъ въ смыслѣ матеріала, — дѣлаютъ огромныя заслуги, помѣщая безыскусственные, сами за себя говорящіе, документы. Собственно-литературно-этнографическо-географическія статьи, въ

родѣ, напримѣръ, поѣздки на Кубенское озеро, мы можем прочесть и въ другихъ журналахъ—документы же должны составлять спеціальное приобрѣтеніе и сообщеніе ихъ—особую спеціальную цѣль такихъ журналовъ, какъ „Древняя и Новая Россія“, „Русскій Арх.“ и „Р. Старина“.

Статья „Древнерусское Паломничество“ г. *Гиляревскаго* трактуетъ о Русскихъ странствователяхъ во Святую Землю, начиная съ простодушнаго, проникнутаго благоговѣніемъ къ Іерусалимской Святыни инока Даниила до „скептиковъ“ *Суханова* и *Лукьянова*, небрежнаго и суетвѣрнаго *Полозова*, при царѣ *Федорѣ Алексѣевичѣ*, и *Василія Григоровича-Барскаго* (уже въ 1-й половинѣ XVIII вѣка). Авторъ приписываетъ наше русское паломничество вліянію Византіи, и затѣмъ задается вопросомъ объ умственномъ кругозорѣ нашихъ паломниковъ. Что кругозоръ этотъ былъ крайне узокъ—для этого не требуется слишкомъ много доказательствъ. Достаточно нѣсколькихъ цитатъ изъ того, другого и третьяго паломника. Но странно, что авторъ дѣлаетъ щепетильное дѣленіе самыхъ посѣщеній Св. мѣстъ на двѣ категоріи, или, точнѣе, различаетъ два побужденія къ странствованіямъ въ Іерусалимъ: религиозное побужденіе и потребность любовательности ума. Нечего и говорить, что о любовательности ума въ паломникѣ, вѣрашемъ даже въ несгаряемость бороды патріарха, и рѣчи быть не можетъ. Она была ничтожна до нуля, и напрасно объ ней упоминать. Любовательность есть нѣчто активное, стремящееся обнять и различить хотя какія-либо стороны предметовъ. Наши же древніе паломники, исключая *Суханова* и *Лукьянова*, относились ко всему пассивно, какъ дѣти, для которыхъ въ блескѣ разнообразныхъ красокъ не существуетъ никакого различенія. Затѣмъ, „Замѣтки и Новости“, составляющія послѣдній отдѣлъ въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“, представляютъ въ августовской книжкѣ значительное число интересныхъ данныхъ, преимущественно объ археологической дѣятельности, проявляющейся въ послѣднее время въ Россіи. При этомъ вниманіе читателя особенно останавливается на неутомимой дѣятельности извѣстнаго археолога *К. Н. Тихонова*, проектирующаго приступить къ изданію „Историко-

археологических Сборниковъ", въ которыхъ, помимо актовъ, помѣщались бы подробныя и полныя описанія памятниковъ Владимірскаго края. Такимъ образомъ, дѣятельность г. Тихонова обстоятельно и сосредоточенно направлена на опредѣленный пунктъ. Результаты изысканій, конечно, будутъ важны для исторіи, такъ какъ Владимірскій край богатъ историческими воспоминаніями и сохранившимися въ наличности памятниками.

Мы возвращаемся, затѣмъ, къ августовской книжкѣ „Русскаго Архива“. Въ ней помѣщенъ интересный документъ „Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ“ (сообщенный г. Витевскимъ). Самозванцами въ XIX вѣкѣ оказались: какой-то смѣлый выходецъ въ Тамбовской губерніи, объявившій себя великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, вскорѣ послѣ его смерти; затѣмъ какая-то дама выдавала себя за княгиню Ловичъ (супругу великаго князя) тоже вскорѣ послѣ ея смерти. Но верховомъ курьеза и невѣроятности (еслибы только это не было доказано документально) представляется фактъ, что отставной солдатъ Наумовъ, бывши „въ нетрезвомъ видѣ“, выдалъ себя за покойнаго цесаревича. Правда, самозванство этого служиваго немедля-же было обличено, но самый фактъ наводитъ насъ на мысль, до какой степени даже и не пройдохи могли у насъ являться самозванцами, просто „подъ вліяніемъ бахуса“. Нечего и говорить, что напримѣръ въ XVII вѣкѣ, при общемъ неприглядномъ суевѣрїи народной массы, была удобная почва для самозванства. Любой выскочка могъ одурачить легковѣрныхъ... Не можемъ не упомянуть здѣсь отмѣчаемой г. Витевскимъ замѣчательной черты—это той, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ и его супруга Ловичъ еще долго продолжали жить въ здѣшнемъ мірѣ, въ воображеніи народа... Надо добавить, что тоже досталось, напримѣръ, на долю Петра III и супруги цесаревича Алексѣя Петровича, Шарлотты. Наивному вѣрованію народа почему-то трудно было помириться съ мыслью о смерти этихъ личностей. Шарлотту фантазія народа перенесла даже въ Америку, за океанъ, и все-таки утверждали, что она жива... Эта черта, выдающаяся въ нашей народной психологїи, до того еще не выяснена,

что заставляет сильно задуматься; благодаря ей у насъ возможны были въ исторіи нашего народа столь многія поразительно-странныя явленія...

Новыя подробности о молодой жизни А. Петров. Ермолова (въ той же книжкѣ «Р. Архива») не столько представляютъ характеристику самого Ермолова, сколько ту тяжелую среду, въ которой приходилось вращаться русскимъ офицерамъ въ царствованіе Павла I, когда среди льстецовъ и прихлебателей было крайне опасно всякое проявленіе честнаго чувства.

Въ той же книжкѣ помѣщенная, записка о хранителѣ леноманускриптовъ, коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ, опять хорошо рисуетъ условія того времени, положеніе служащихъ лицъ и т. под. Дубровскому, во время его службы секретаремъ при нашей миссіи въ Парижѣ, удалось скупить, въ самомъ началѣ вспыхнувшей тогда революціи, за безцѣнокъ, много рукописей изъ извѣстныхъ въ то время парижскихъ библиотекъ. Рукописи эти, замѣчательныя и въ палеографическомъ, и въ художественномъ отношеніи, были уступлены Дубровскимъ въ Императорскую публичную библиотеку и послужили фундаментомъ обогащенія нашего книгохранилища. Вся суть сообщенія о Дубровскомъ и интересъ его состоитъ собственно въ канцелярскихъ хлопотахъ о содержаніи Дубровскаго и награжденіи за его заслуги.

Письмо, озаглавленное „Русская и англійская полтика“ (въ томъ же № „Р. Архива“), принадлежащее перу поэта В. А. Жуковскаго и адресованное къ князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому — составляетъ, конечно, главнѣйшій вкладъ въ августовскую книжку „Р. Архива“. Записка эта была давно извѣстна русской публикѣ по отрывкамъ, такъ какъ цѣликомъ печатать ее было запрещено, хотя и трудно понять причину этого запрещенія. Письмо Жуковскаго написано еще въ 1849 г., но выраженные въ немъ взгляды на политику Англій (замѣчаетъ редакція «Р. Архива»), такъ свѣжи, что, читая ее, испытываешь впечатлѣнія настоящей минуты. Къ этому мы должны прибавить, что статья написана съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое отличаетъ лучшія произведенія Жуковскаго. Сила чувства и составляетъ важнѣйшее достоин-

ство: письма. Поэтъ нашъ негодуеъ на Англію и, въ частности, на тогдашняго англійскаго премьера Пальмерстона, называя его „злымъ гениемъ времени“ и ставя неизмѣримо ниже его разныхъ континентальныхъ революціонеровъ, въ роли извѣстныхъ дѣятелей 1848 г. Геккера, Штруве, Генца. Жуковскій проникнуть глубокимъ благоговѣніемъ къ громаднымъ духовнымъ силамъ Англіи; признаеъ, что въ Англіи народъ понимаетъ что такое законъ и законность, что христіанство тамъ не *отрокинута безвѣріемъ* и дѣйствуетъ на всѣ состоянія, — что „Владычица морей“ могла бы властнымъ „Quos ego!“ (вотъ я васъ!) усмирить континентальныхъ революціонеровъ. Но рулемъ корабля Англіи управляетъ рука, недостойная чести и власти, рука Пальмерстона. . и т. д.

Словомъ: во всемъ письмѣ Жуковскаго представляется двойственность воззрѣнія, издавна свойственная нашимъ славяофиламъ, хотя у Жуковскаго это воззрѣніе имѣетъ свою самостоятельную форму. „Какъ бы было хорошо, если бы было то, однакоже является не то“... Съ одной стороны идеаль, съ другой дѣйствительность — вотъ какъ, въ короткихъ словахъ, можно формулировать господствующее въ посланіи Жуковскаго раздвоеніе воззрѣнія. Но изъ самаго же посланія видно, что нашъ поэтъ былъ не совсѣмъ-то политикъ, а именно, такъ сказать, поэтъ въ политикъ; онъ еще отчасти высказываетъ вѣру, что Англія исправится по его поэтическому идеалу. Ему не хочется вѣрить, что роль Англіи неизмѣнно будетъ состоять въ томъ, что она будетъ взаимно ссорить своихъ континентальныхъ собратій, чтобы навлечь выгоду для себя... А что же далѣе?.. спрашиваетъ патетически нашъ поэтъ. Да и далѣе будетъ тоже, и тоже... Всталъ бы идеальный старецъ изъ гроба и посмотрѣлъ бы,—что Англія дѣлаетъ теперь, 30 лѣтъ спустя, руками и устами Биконсфильда!... *Моложь* Биконсфильда—уже совсѣмъ не тотъ Моложь, которому служилъ Пальмерстонъ....

Въ послѣднихъ августовскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ, поставившихъ своею спеціальною цѣлью изслѣдованіе отечественной старины (какъ „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Древн. и Новая Россія“) лучшія статьи

даютъ освѣщеніе польской исторіи, или, точнѣе, отношеніямъ польской народности къ русской. Статьи: „Станиславъ Трембецкій“ проф. *Макушева* (въ „Древн. и Новой Россіи“), „Польское возстаніе 1831 г.“; воспомнанія прелата *Буткевича* (въ „Русской Старинѣ“), Лелевель, какъ критикъ Карамзина „*Пташицкаго*“ (въ томъ же журналѣ и въ той же VIII книжкѣ) „Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ“, сообщен. г. *Витевскимъ* (въ „Р. Архивѣ“). Всѣ эти статьи освѣщаютъ передъ нами весьма интересныя явленія и личности изъ польской исторіи. Г. Пташицкому (въ „Р. Старинѣ“) удаюся набросать портреты польскихъ историковъ „Лелевеля и Нарушевича. Въ статьѣ профессора Макушева (въ „Древн. и Нов. Россіи“) не только опредѣленно очерченъ портретъ таковой характеристической личности въ польской исторіи, какъ Трембецкій, но и мѣтко характеризованы другіе польскіе дѣятели, каковы: Красицкій, Нѣмцевичъ, Карплинскій, Венгерскій, Северинъ Ржевускій, Гуголь Колонтай, Княжинъ. Изъ нихъ Красицкій принадлежитъ къ числу великихъ, первоклассныхъ европейскихкихъ поэтовъ. Знакомство съ его произведеніями выяснило бы намъ множество явленій не только въ польской, но и во французской культурѣ XVIII вѣка, потому что та и другая культура въ упомянутомъ вѣкѣ тѣсно связаны. Но до какой степени жалки наши свѣденія объ этихъ важныхъ въ смыслѣ культуры явленіяхъ—доказывается тѣмъ фактомъ, что у насъ существуетъ всего—то *одно* руководство по исторіи славянскихъ литературъ (г. Спасовича) да и то, какъ указываетъ г. Макушевъ, страдаетъ весьма чувствительными недостатками въ смыслѣ безпристрастія; напротивъ, Трембецкій почему-то изруганъ и очерненъ г. Спасовичемъ.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержания, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библиографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержания, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

МК-274361

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15
ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкою и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Черкесова и К^о, Невскій просп. противъ Публичной Библиотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1878.

№ 11.—Ноябрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СЕРГИНСКАГО

Въ типографии Ф. Сергинского

1878

141

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го.

- 1 Рыцарь или дама Гр. Самарова.
  - 2 Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія Н. Барсова.
  - 3 Вопросъ о децентрализациі во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка Г. Асманьска.
  - 4 Эдуардъ VI и Иоанна Грей.
  - 5 Библиографическій указатель.
- ~~~~~

РЭФ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1878.

~~~~~
№ 11.—Ноябрь.

—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

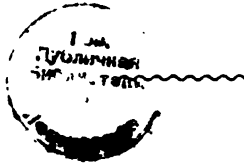
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Восторжниковый каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Рыцарь или дама Гр. Самарина. . . . . 1—112
2. Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтїи
Н. Барсова. . . . . 1—28
3. Вопросъ о децентрализациі во Франціи во второй поло-
винѣ XVIII вѣка Г. Леопольдова. . . . . 1—36
4. Эдуардъ VI и Иоанна Грей . . . . . 1—21
5. Библиографическій указатель. . . . . 1—18

Дозволено цензуромъ. С.-Петербургъ, 18 Октября 1878 г.

РЫЦАРЬ или ДАМА.

ГЛАВА I.

Разсказъ нашъ начинается въ концѣ 50-го года прошлаго столѣтiя, въ царствованiе короля Людовика XV, получившаго въ своей молодости, богатой надеждами, названiе многолюбимаго, оставленное за нимъ и впослѣдствiи. Впрочемъ въ дѣйствительности эта любовь народная выразилась только въ названiи. Людовикъ XV съ годами сдѣлался чрезвычайно апатиченъ и равнодушно относился къ управленiю государствомъ. Но въ описываемое время дѣла шли еще не такъ дурно, какъ въ позднѣйшую эпоху, подготовившую революцiю и гибель короля Людовика XVI. Тогда при дворѣ еще не имѣла влiянiя капризная куртизанка, графиня Дюбарри, которая, овладѣвъ королемъ Людовикомъ XV, привела Францiю къ такому униженiю, отъ котораго высвободить и возстановить прежнiй блескъ не удалось позднѣе благородному, правдивому Людовику XVI и гордой, мужественной Марiи Антуанетѣ. Тогда правленiе находилось въ рукахъ маркизы Помпадуръ и ея умнаго, энергичнаго друга герцога Шуазеля, графа Стенвила. Этотъ герцогъ—министръ и государственный секретарь, сначала управлялъ только иностранными дѣлами, но потомъ, съ

цѣлью твердой рукой уничтожить безпорядки, вкоренившіеся во французской арміи, взявъ на себя и управление военнымъ департаментомъ и флотомъ. Маркиза Помпадуръ была гораздо лучше портрета, дошедшаго до насъ, хотя дѣйствительно она не была чужда наклонностей и слабостей, свойственныхъ всѣмъ женщинамъ. Положеніе, занимаемое ею, какъ любовницы короля, при дворѣ часто ставило ее въ фальшивыя отношенія къ людямъ. Раздраженіе и огорченіе, которыя она испытывала вслѣдствіи своего положенія, заставляли ее дѣйствовать ошибочно, но преобладающимъ желаніемъ маркизы всетаки было сдѣлать Францію великой и могущественной. Она не ошибалась даже въ средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея умомъ, свѣтлымъ и проникательнымъ отъ природы, руководилъ ловкій придворный, герцогъ Шуазель. Маркиза даже сама проникалась свободными элементами національнаго духа и долгое время старалась руководить народнымъ движеніемъ, которое тогда только что начиналось; но или положеніе ея было слишкомъ неясно и ненадежно, или злоупотребленія администраціи слишкомъ глубоки, только и маркиза и герцогъ оказались не въ состояніи искоренить зла.

Улучшенія, введенныя Шуазелемъ, вскорѣ были отстранены графиней Дюбарри, свергнувшей министра и разрушившей всѣ порядки.

Парижъ того времени былъ средоточіемъ борьбы противуположныхъ партій, соединившихся позднѣе для революціи, и не походилъ на настоящій Парижъ, поражающій богатствомъ и великолѣпіемъ. Парижъ того времени лежалъ какъ-то въ тѣни, отодвинутый на задній планъ нерасположеніемъ Людовика XIV. Высокотѣрный Людовикъ XIV никакъ не могъ простить своей вѣрной и прекрасной резиденціи того, какъ однажды ночью принужденъ былъ бѣжать изъ стѣнъ города и укрываться отъ бунта и дворянъ, и простаго народа.

Въ то время весь блескъ королевскаго двора, состав-

живый символическое изображение солнца, заключался въ Версалѣ. Здѣсь было средоточіе монархической власти, золотыхъ залъ и блестящихъ галерей, куда стремилось все, гдѣ все великое и могущественное во Франціи стремилось отразить на себѣ лучи этого блестящаго свѣтила, служившаго образцомъ для всѣхъ дворовъ Европы.

Сильное дворянство было усмирено и оглушено праздничнымъ гуломъ, постояннымъ въ воздухѣ Версала. Прежде это дворянство возставало противъ самого короля Людовика XIII, сильнаго и грознаго кардинала Ришелье, мягкаго, коварнаго Мазарини и не боялось эшафота, устроеннаго великимъ кардиналомъ даже для одного изъ Монморанси. Но теперь, какъ пестряя стреловы, кружились вокругъ трона, великіе государственные люди, выпрашивая пріятельный взглядъ и милостивое слово короля или приглашеніе Людовика ѣхать, вмѣстѣ съ нимъ, въ Марли. Тѣ же дворяне, которые держались вдали отъ двора, непереваривавшіе любимой поговорки придворныхъ: *argés nous le déluge*, тѣ дворяне жили уединенно въ своихъ провинціальныхъ замкахъ всѣми забытые, не принимая никакого участія въ управленіи государствомъ и войскомъ. Королю были извѣстны только люди, принадлежавшіе къ тѣсному версальскому кружку, а ничтожные и презираемые провинціальные дворяне показывались не болѣе какъ на минуту на порогѣ дворца его величества, а потомъ... потомъ съ крикомъ «Vive le roi» подставляли свою голову подъ топоръ гильотины. Люди низшаго сословія Парижа не были очарованы великолѣпіемъ Версала, оставшагося для нихъ совершенно закрытымъ. Только изрѣдка имъ удавалось видѣть короля, проѣзжавшаго въ парадной одеждѣ въ соборъ Нотръ-Дамъ, съ благоговѣніемъ предъ нимъ свои колѣна передъ алтаремъ; но за то часто они встрѣчали придворныхъ въ блестящихъ экипажахъ, несущихся въ сопровожденіи фаррейторовъ по улицамъ Парижа. Придворные кавалеры и дамы пріѣзжали иногда изъ Версала въ свои парижскіе отели отдохнуть,

или прослѣдить за какимъ нибудь интереснымъ приключеніемъ извѣстныхъ имъ героевъ.

Парижане нивагъ не могли забыть того, что прежде король жилъ въ средѣ народа, и хотя ссорились съ нимъ иногда, но все таки всегда отрывали ему свои нужды и желанія. Поэтому естественно, что этотъ чуткій народъ старался теперь всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ отомстить королю за свое удаленіе отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Конечно онъ не могъ дѣйствовать съ мушкетомъ за плечомъ и шпагой въ рукахъ, такъ какъ у него не было руководителей, воинственныхъ принцевъ Бофоръ и Конти, тонкихъ дамъ, какъ были герцогиня Шеврезъ и М-ле де Монпансье, но, не смотря на это, парижане возставали противъ постановленій короля и парламента. Съ другой стороны возставали философы противъ всего государственнаго и общественнаго строя, были неутомимы въ сочиненіи ѣдкихъ куплетовъ, въ которыхъ не щадили самого короля и бросали стрѣлы въ маркизу Помпадуръ и герцога Шуазеля, хотя послѣдніе считались друзьями философовъ.

Въ это время общихъ волненій и безпорядковъ, не имѣвшихъ впрочемъ никакой опредѣленной цѣли, жилъ въ высочайшемъ старомъ домѣ, въ улицѣ Св. Отцевъ, одинъ молодой человекъ Карлъ Деонъ-де-Бомонтъ.

Отецъ его бѣдный, но знатный дворянинъ жилъ въ Бургундіи, во время мятежа, и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ въ наслѣдство сыну небольшое состояніе.

Молодой человекъ велъ жизнь тихую и уединенную, не знакомился ни съ сосѣдами и ни съ кѣмъ изъ обитателей стараго дома. Онъ занималъ три комнаты во второмъ этажѣ и довольствовался услугами старой дворничихи, носившей ему скромный обѣдъ отъ ближайшаго вухмистра. Шевалье де Бомонтъ жилъ одиноко на свѣтѣ; самой ближайшей родственницей его была вужина Луиза де Бомонтъ, бѣдная осиротѣлая дѣвушка,

жившая въ Версалѣ у своей тетки графини де Гимене. Эта знатная дама охотно взяла къ себѣ племянницу, послѣ смерти ея родителей. Деонъ де Бомонтъ владѣлъ обширными научными свѣдѣніями, съ которыми ему посчастливилось увеличить свое небольшое состояніе на родинѣ. Затѣмъ онъ пріѣхалъ попытать счастья въ Парижъ; его пылкой душѣ и развитому уму показалось не пріятнымъ уединеніе провинціи. И вотъ ужъ три года, какъ онъ живётъ въ столицѣ, занимаясь адвокатурой; но кліенты приходятъ не скоро и платятъ скупо неизвѣстному молодому адвокату, и какъ листья съ деревьевъ желтѣютъ и опадаютъ осенью, такъ разрушались съ каждымъ днемъ надежды и иллюзіи молодого человѣка. Въ Парижѣ, этомъ лабиринтѣ всевозможныхъ интересовъ, трудно пробить дорогу человѣку неопытному, молодому и почти безъ средствъ; горе и отчаяніе окватили Деона де Бомонта.

Въ числѣ огорченій Деона не послѣднее мѣсто занималъ его малый ростъ. Ему казалось, что незначительная фигура, хотя въ своемъ родѣ довольно замѣчательная, много мѣшала къ достиженію его честолюбивыхъ стремленій. Обыкновенно человѣкъ старается отыскать причину своихъ несчастій, — Деонъ находилъ ее въ себѣ самомъ. Миниатюрная фигура молодого человѣка отличалась гибкостью, стройностью, соразмѣрностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой женственностью, что каждый, увидѣвшій его первый разъ, могъ принять его за ребенка, или за переодѣтую женщину. Лицо выдѣлялось правильной красотой, а глубокіе и выразительные глаза смотрѣли умно и смѣло. Хотя ему было уже 26 лѣтъ, но на лицѣ его не находилось никакого признака мужскаго развитія, не было ни усовъ, ни бороды; голосъ — мягкій, звучный, чисто женскій. И это обстоятельство нерѣдко бывало поводомъ къ насмѣшкамъ или состраданію отъ незнакомыхъ съ острымъ умомъ Деона и силою его слова. Люди же, знавшіе Бомонта давно, не смѣлись надъ его недостаткомъ.

Онъ добровольно отказался отъ свѣта и не тратилъ

ужь болѣе время на безполезные поиски по дѣламъ адвокатуры. Онъ занялся политикой, рассматривалъ текущіе вопросы, какъ государственные, такъ и политическіе, и издавалъ объ нихъ критическія брошюры. Сочиненія его отличались острымъ, насмѣшливымъ духомъ, бывшемъ тогда въ модѣ и исключительно нравившемся публикѣ.

Единственный домъ, гдѣ любилъ проводить вечера Бомонтъ, былъ домъ графа Рошфоръ, болѣзненного, но высоко образованнаго и умнаго старика. Графъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ еще съ отцомъ Бомонта, а теперь любилъ раздѣлять время съ развитымъ и остроумнымъ сыномъ. Графъ Рошфоръ уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ женился на молодой, прекрасной и бѣдной дѣвушкѣ, носившей съ достоинствомъ знатное имя Рошфрѣ. Она питала дѣтскую привязанность къ своему мужу и неутомимо заботилась о немъ, хотя часто ея молодое и жаждавшее жизни сердце, страдало отъ капризовъ больнаго старика. Шевалье де Бомонтъ приносилъ графу новости, прочитывая вмѣстѣ съ нимъ вѣзеты и брошюры и разсуждая о политикѣ и придворной жизни. Веселое расположеніе духа молодой графини и ея остроумныя замѣчанія дѣлали ихъ разговоры оживленными. Такимъ образомъ эти вечера составляли неисчерпаемый источникъ наслажденія для старика. Между шевалье и графиней завязалась нѣжная дружба, при чемъ Деонъ не переставалъ относиться къ ней съ рыцарскою почтительностью прежняго времени. Пылкій, почти отрѣвшійся отъ міра, Деонъ при этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ конечно не могъ остаться равнодушнымъ къ молодой прекрасной женщицѣ, въ взгляду ея темныхъ, голубыхъ глазъ, блестящихъ отъ внутренняго волненія и обращенныхъ на него во время чтенія или разговора. При встрѣчѣ этого взгляда, въ сердцѣ его возникали различныя чувства: то жажда признанія, то желаніе взаимности, то страстная любовь. Молодая женщина замѣчала любовь Бомонта и была

довольна его сдержанностью. Правда, сама она не испытывала къ нему такого же взаимнаго чувства, но тѣмъ не менѣе нѣрѣдка награждала беззавѣтную привязанность взглядомъ, полнымъ сочувствія, или теплымъ пожатіемъ руки, приводившимъ Деона въ безпредѣльный восторгъ. Эта любовь составляла единственное счастье Бомонта, и всѣ его возвышенныя стремленія и надежды были направлены къ этой цѣли.

Но вскорѣ и этотъ небольшой кружокъ постигло несчастье, — старшій графъ Рошфоръ скоропостижно умеръ; шевалье былъ искренно огорченъ смертью своего друга. Онъ помогалъ вдвѣ въ похоронныхъ распоряженіяхъ. Тихая надежда наполняла сердце Деона, когда онъ увидалъ свободною ту, которой давно отдало было его сердце, но рыцарское чувство не позволяло ему выразить ни однимъ взглядомъ свою надежду въ эти печальные дни. А между тѣмъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, имъ овладѣло желаніе привести въ исполненіе мечты, носившіяся до сихъ поръ только въ его воображеніи. Графиня наследовала отъ своего мужа большое состояніе, старыя феодальныя владѣнія; это обстоятельство послужило еще большимъ препятствіемъ для Деона къ женитьбѣ, и онъ самъ не хотѣлъ осуществленія своей завѣтной мечты до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ независимаго и прочнаго положенія при дворѣ или на службѣ. Послѣ похоронъ стараго графа, Деонъ тотчасъ отдался отъ прелестной вдовы, считая неприличнымъ свои посѣщенія въ такое время.

При прощаніи графиня протянула руку Деону и со слезами на глазахъ сказала: «Я понимаю ваше удаленіе, шевалье, но, прошу васъ, не оставляйте меня долго одну. Я буду слишкомъ одинока, продолжала она съ глубокимъ вздохомъ». Тонъ ея голоса, при этихъ словахъ, былъ сердеченъ и прямо влился въ душу Деона.

Подвигъ страстной любви къ графинѣ, Деонъ упалъ на колѣни и, прижавъ пылающими губами къ ея явѣшней рукѣ, вскричалъ:

— Еслибъ я слушала только своего сердца, графиня, я не оставилъ бы васъ ни на одну минуту, — но я скоро возвращусь, и тогда первымъ порывомъ моего сердца будетъ высказать вамъ все, что чувствую.

— Я жду васъ, отвѣчала графиня.

Въ сильномъ волненіи и съ растроганнымъ сердцемъ вышелъ Деонъ изъ дома графини, перебирая въ умѣ своемъ тысячу плановъ, какъ выхлопотать мѣсто и занять видное положеніе при дворѣ.

Прошло довольно времени въ бесполезныхъ поискахъ и просьбахъ о мѣстѣ, какъ вдругъ счастье, никогда не баловавшее Деона, улыбнулось ему. Въ одно прекрасное весеннее утро Деонъ совершенно неожиданно получилъ предложеніе явиться на аудіенцію въ герцогу Шуазель, пріѣхавшему изъ Версаля въ Парижъ. Это было четыре недѣли спустя послѣ смерти стараго графа Рошфоръ, и во все это время Деонъ не видалъ графини.

Герцогъ Шуазель обладалъ популярностью, которую многіе сановники и министры не могутъ приобрести, не смотря на всѣ свои старанія. Онъ велъ постоянную борьбу съ парламентомъ, за что его преслѣдовали извѣстными вуллетами и острыми коламбурами. Обыкновенно гордые и тщеславные государственные люди, нелюбимые народомъ, находятъ одобреніе въ партіи оппозиціонной правительству, но герцогъ Шуазель былъ напротивъ любимъ народомъ и имѣлъ большое значеніе среди его. Онъ женился на дочери богатаго изъ средняго сословія банкира Кразата, и жилъ съ женой согласно и счастливо. Женитьба на дочери банкира доставила Шуазелю большое состояніе, но это не мѣшало ихъ счастью: Парижане очень гордились такою свадьбой, были очень довольны, что такой знатный дворянинъ и царедворецъ велъ съ своею незнатной женой безупречную семейную жизнь въ этотъ вѣкъ безнравственности и развратности.

Герцогъ жилъ, какъ гранъ-сеньеръ въ обширномъ значеніи этого слова, бросая золото щедрою рукою. Онъ былъ открытымъ врагомъ іезуитовъ, на которыхъ сосре-

доточивался гнѣвъ парижанъ. Иезуиты во многихъ случаяхъ оставались недовольными постановленіями правительства, но должны были подчиняться. Шуазель, ослабивши вліаніе ордена на короля, подчинилъ его гражданскимъ и церковнымъ законамъ.

Въ лихорадочномъ волненіи входилъ шевалье въ отель герцога; у крыльца стояли запряженныя лошади, бившія отъ нетерпѣнія копытами землю. Сердце Бомонта сильно билось, когда онъ проходилъ мимо ряда придворныхъ и лажеевъ, стоявшихъ на лѣстницахъ и площадкахъ двора и смотрѣвшихъ съ удивленіемъ, даже презрѣніемъ на скромнаго и бѣдно одѣятаго молодого человѣка. Наконецъ, онъ вошелъ въ переднюю герцога; здѣсь лажей спросилъ его имя и сказалъ нѣсколько словъ придворному, стоявшему по близости. Послѣдній ввелъ Бомонта въ кабинетъ министра.

Герцогу Шуазелю было тогда подъ сорокъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, гибкаго и сильнаго тѣлосложенія. На немъ былъ костюмъ изъ голубаго бархата съ голубой лентой чрезъ плечо, на которой красовался орденъ Св. Духа, въ видѣ звѣзды съ изображеніемъ голуби. Черты лица Шуазеля были довольно грубы и придавали ему мужественный видъ; большіе глаза, окаймленные густыми бровями, смотрѣли гордо и повелительно, а бѣлокурые наудренныя локоны парика, обрамляя высокий крутой лобъ, дѣлали лицо моложавѣе; чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Шевалье робко, но съ достоинствомъ, вошелъ въ рабочій кабинетъ, украшенный картинами и позолотой, и нѣвно поклонился министру. Гордое и аристократическое лицо Шуазеля внушило Бомонту, надобно сказать правду; нѣкоторый страхъ.

Герцогъ быстро оглядѣлъ вонеднаго своего большанина, пронзательными глазами, не привычными ни передъ кѣмъ опускающимся. Казалось, герцогъ былъ удивленъ нѣмымъ и дѣтскимъ личиемъ молодого человѣка; насмѣшливая улыбка заиграла было на его губахъ, но ловкій придворный тотчасъ овладѣлъ собой, и когда Бомонтъ,

раскланявшись, поднялъ голову, то на лицѣ могущественнаго министра выразалось радушное привѣтствіе.

— Я читалъ ваши послѣднія брошюры, сказалъ герцогъ глубокимъ звучнымъ голосомъ, въ нихъ вы разсуждаете о политикѣ, и между прочимъ о положеніи, занимаемомъ Франціею по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ; ваши сочиненія отличаются острымъ умомъ и основательностью вашихъ познаній.

Кровь бросилась въ лицо молодому человѣку отъ радости слышать подобныя отзывы изъ устъ такого высокопоставленнаго лица. Онъ очень смутился и безсвязно пробормоталъ:

— Господинъ герцогъ такъ добръ...

— Кромѣ остроты вашего ума и силъ вашихъ познаній, продолжалъ герцогъ, мнѣ особенно нравится то, что ваши мнѣнія во многомъ согласны съ моими. Вы считаете союзъ съ Австріею вѣрнымъ средствомъ для Франціи возвратить, да, къ несчастью я долженъ сознаться, возвратить ея прежнее вліяніе, я тоже думаю...

— Да, господинъ герцогъ, возразилъ Шевалье, я увѣренъ, что этотъ союзъ совершенно необходимъ и что только тогда...

— Я познакомился уже съ вашими взглядами изъ брошюры, прервалъ его герцогъ гордо и надменно, какъ свойственно первому сановнику. Впрочемъ онъ тотчасъ измѣнилъ свое обращеніе и болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ: Я бы очень желалъ, чтобъ ваши убѣжденія согласовались съ моими. Вы умѣете такъ сильно и краснорѣчиво выражаться. Сила вашего таланта можетъ оказать несомнѣнную услугу правительству. Я представлю васъ государю и поговорю съ его величествомъ о вашихъ замѣчательныхъ способностяхъ. Черезъ нѣсколько дней вы получите отъ меня извѣстіе, тогда прѣзжайте въ Версаль и явитесь прежде всего къ маркизѣ-де-Помпадуръ; съ ней я уже говорилъ о васъ, и она вполне готова помогать мнѣ въ добромъ дѣлѣ составить карьеру талантливому молодому человѣку.

Герцогъ живнулъ головою въ знакъ окончанія аудіенціи. Внѣ себя отъ восторга и съ гордо поднятой головой проходилъ шевалье мимо придворныхъ, стоявшихъ въ передней и низко кланявшихся Божову, вышедшему изъ кабинета министра.

Съ бьющимися вѣсвами и совершенно ошеломленный отъ счастья, такъ долго и напрасно ожидаемаго, шелъ шевалье по улицѣ. Мимо его пронеслась коляска герцога и Шуазель, замѣтивъ его, привѣливо живнулъ головою. Поклонъ министра—многозначительное явленіе; онъ тотчасъ былъ замѣченъ проходившими, и всѣ съ удивленіемъ стали оглядываться на бѣднаго адвоката, обратившаго на себя вниманіе министра.

Оправившись отъ перваго порыва радости, шевалье поѣхалъ къ графинѣ Рошфоръ; теперь, когда ему было обѣщано покровительство перваго министра, и когда будущее сулило такъ много счастья, онъ спѣшилъ увидѣться съ графиней, открыть ей свои надежды и наслаждаться такъ долго ожидаемымъ свиданіемъ.

На вопросъ молодаго человѣка: дома ли графиня, дворникъ отвѣчалъ, что уже двѣ недѣли, какъ графиня выѣхала изъ Парижа, и недавно отъ нея получено письмо изъ Версаля, послѣ чего къ ней отосланы были вещи и гардеробъ и что возвратившійся оттуда слуга получилъ приказаніе запереть на замокъ домъ графини, оставшейся жить, въ настоящее время, при дворѣ. Грустно отозвалось въ сердцѣ молодаго человѣка это извѣстіе, но скоро однако онъ снова повеселѣлъ. Чтожъ? вѣдь и ему предстоитъ блестящее будущее и служба при дворѣ, куда стремятся всѣ знатные молодые люди. Тамъ онъ ее увидитъ и, такимъ образомъ, за разъ будутъ удовлетворены и любовь и честолюбіе, игравшее не послѣднюю роль въ сердцѣ Деона.

Еще одна недѣля мучительнаго ожиданія. Онъ перебиралъ всѣ политическіе вопросы, разсмотрѣнные имъ въ послѣднихъ брошюрахъ и начиналъ ужъ сильно беспокоиться, какъ бы герцогъ совсѣмъ не забылъ о немъ;

навъ вдругъ получалъ письмо отъ секретаря министра, съ призываніемъ явиться въ Версаль къ маркизъ де Помпадуръ, а отъ нея къ герцогу; послѣдній же представить его королю послѣ обѣдни во время большого выхода.

Въ назначенный день рано по утру у подъѣзда стараго дома, въ улицѣ Ов. Отцевъ, стояла извозничья карета съ наемнымъ лакеемъ. Въ это время шевалье де Бомонтъ оканчивалъ свой туалетъ, подъ надзоромъ старой служительницы, принимавшей большое участіе въ судьбѣ молодаго человѣка и теперь очень гордившейся отправленіемъ его во дворець.

Шевалье де Бомонтъ шелъ очень къ лицу нарядный, черный, шелковый костюмъ, съ бѣлосурными, напудренными локонами и шпагою на правомъ боку. Но вотъ онъ подошелъ къ зеркалу, бросилъ послѣдній торжествующій взглядъ на себя, и лицо его снова померкло. Ему представилось, что и на новомъ пути его маленькая женственная фигура и дѣтское личіе послужатъ предметомъ насмѣшекъ блестящихъ придворныхъ вавалеровъ, или жалкаго состраданія, преслѣдующаго его всю жизнь.

Но теперь не время задумываться, необходимо было спѣшить на новый путь, открывавшійся предъ нимъ. Бомонтъ пожалъ еще разъ руку слуганкѣ, смотрѣвшей на него съ особенною важностью, и сѣлъ въ экипажъ, который долженъ былъ везти его въ Версаль.

ГЛАВА П.

Въ то время, какъ Бомонтъ съ переѣзными надеждами и опасеніями, приготовлялся къ аудіенціи министра, долженствовавшей имѣть вліяніе на всю его послѣдующую жизнь, въ Версалѣ все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Повидимому жизнь въ Версалѣ представляла свѣтлую, улыбающуюся картину, но въ сущности, подъ этою блестящею поверхностію скрывалась бездна разно-

образныхъ интригъ, страстей, зависти и людской ненависти.

При дворѣ существовали двѣ главныя партіи, постоянно враждебныя между собой: партія герцога Шуазеля съ маркизой де Помпадуръ и партія іезуитовъ. Къ первой партіи принадлежали молодые люди, надѣющіеся составить себѣ карьеру при дворѣ и молодыя вельямины дамы, — къ партіи іезуитовъ, или такъ называемыхъ «благочестивыхъ» принадлежали, болышею частью, люди отжившіе, которымъ правительство отказало въ исполненіи ихъ желаній, преимущественно же пожилыя дамы, обратившіяся на путь добродѣтели, только потому, что наследденія жизни потеряли для нихъ свою прелесть.

Эта партія, въ которой первую роль игралъ патеръ Линьеръ, духовникъ короля и членъ ордена Іисуса, выражала открыто свое недовольствіе противъ маркизы де-Помпадуръ и употребляла всѣ возможныя средства напугать короля и людскимъ осужденіемъ и наказаніемъ Божиимъ. Но не смотря на всѣ старанія, они никакъ не могли поколебать вліянія ловкой, умной маркизы де-Помпадуръ и дѣйствующаго съ ней за одно герцога Шуазеля. Съ другой стороны и эти союзники не были въ состояніи подчинять раздражительную и суевѣрную натуру короля одному своему вліянію, заставить его отрѣшиться отъ наставленій патера Линьера. Столкновенія, возникавшія между этими партіями, оканчивались миромъ, такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, а вмѣстѣ съ тѣмъ никто не одерживалъ и побѣды. Неудовольствія выражались только въ брошюрахъ и кулетахъ, въ которыхъ король не принималъ никакого участія и отдѣлялся глубокимъ молчаніемъ, обычнымъ его средствомъ всегда въ затруднительныхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

Теперь шла та же оживленная борьба; герцога Шуазель считалъ необходимымъ заключить союзъ съ Австріей. Маркиза, колебавшаяся сначала по этому поводу, впоследствии подъ вліяніемъ сарказмовъ Фридриха

Беликаго и лестнаго письма, въ которомъ гордая Марія Терезія называла ее своей кузиной, совершенно согласилась въ политическихъ убъжденіяхъ съ Шуазелемъ, но король упорно молчалъ и не приходилъ ни въ какому рѣшенію.

Замедленіе короля зависѣло отъ патера Линьера, который не желалъ союза съ Австріей, не смотря на то, что члены ордена Іисуса, къ которому онъ принадлежалъ, были въ дружбѣ съ Австрійскимъ дворомъ. Патеръ Линьеръ дѣйствовалъ противъ союза изъ противоудѣствія планамъ Шуазеля, съ цѣлью поколебать вліяніе этого могущественнаго министра.

Въ то время, какъ Бомонтъ ѣхалъ представляться ко двору, всѣ жившіе въ Версалѣ находились въ напряженномъ состояніи. Приверженцы маркизы и Шуазеля очень беспокоились: старый придворный, герцогъ Ришелье, классическій представитель интригъ того времени, который онъ умѣлъ придавать рыцарскую форму, сталъ съ нѣкотораго времени удаляться отъ маркизы. Этотъ замѣчательный человѣкъ, не старившійся, какъ казалось, съ годами, умѣлъ, въ одно и тоже время, быть блестящимъ камергеромъ и маршаломъ, высказывать безумную храбрость солдата и льстить, унижаться, какъ послѣдній придворный. Ришелье собственно не принадлежалъ опредѣленно ни къ какой партіи, а поддерживалъ мнѣнія противоположныхъ партій съ тѣмъ, чтобы во всякомъ случаѣ воспользоваться плодами побѣды той или другой стороны. Къ числу самыхъ закореѣлыхъ враговъ маркизы де-Помпадуръ и герцога Шуазеля принадлежала старая герцогиня де-Гимене, — тетя Луизы де-Бомонтъ, кузины Деона де-Бомонта. Молодая дѣвушка уже давно жила у своей тети въ Версалѣ. Старые придворные, знавшіе герцогиню въ прежнее время, увѣряли, будто въ молодости она была столько же прекрасна, какъ и любезна, но теперь герцогиня могла служить образцомъ строгой добродѣтели. Она считалась другомъ патера Линьера и усердной посѣтительницей всѣхъ молитвенныхъ

бесѣдъ и собраній. Возносясь молитвами къ Богу, она съ полнѣйшимъ чистосердечіемъ молила небо ниспослать всевозможныя несчастія на голову маркизы де-Помпадуръ, и еслибъ хоть часть ея молитвъ была услышана, то бѣдную маркизу давно бы истребилъ огненный и сѣрный дождь, упавшій съ небесъ.

Герцогиня удалалась отъ двора, но все таки она не рѣшалась совершенно оставить Версаль, — средоточіе интересовъ и интригъ придворной жизни. Въ ея отелѣ, прежде всегда наполненномъ лучшимъ и веселымъ обществомъ, теперь царствовала глубокая тишина, и двери отворались только для патера Линьера, другихъ членовъ ордена и для старыхъ дамъ, согласныхъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ съ герцогиней де-Гимене.

Луиза де-Бомонтъ чувствовала себя очень несчастливой въ блестящемъ отелѣ своей тетки. Конечно разговоры этого скучнаго и однообразнаго общества не могли имѣть интереса для семнадцатилѣтней дѣвушки. Дѣтство свое она провела въ маленькомъ, скромномъ, но прелестномъ замкѣ, расположенномъ на солнечномъ берегу Гаронны, пользуясь полной свободой и радостями ребенка. Отецъ Луизы училъ ее молиться, когда ей было не болѣе двухъ лѣтъ, и съ какимъ восторгомъ повторяла крошка священныя слова, прислушиваясь къ звону колоколовъ сосѣдней церкви. И какъ же похожи были эти молитвы на молитвы ея тетки герцогини! Отъ этихъ послѣднихъ молитвъ грудь Луизы сжимается, необъяснимый страхъ наполняетъ сердце, и губы упорно отказываются вторить голосу тетки.

Луиза де-Бомонтъ была средняго роста, но замѣтельно хорошо сложена; весь станъ ея дышалъ граціей и гнѣзностью, движеніемъ — милостью и гибкостью, а лицо наибольшаго правильностью очертаній статуи, чистотенную изъ слоновой кости, тогда какъ большіе темные глаза, освѣщенные длинными шелковистыми рѣсницами, бросали огненный южный взглядъ, нѣсколько угнѣвшагося выраженіемъ милого лукавства. Темнокаштановые волосы

Лунзы были покрыты легкимъ слоемъ пудры, наложеннымъ какъ будто для того, чтобъ сохранить подольше это драгоценное украшеніе.

Въ описываемое утро Луиза де-Бомонтъ сидѣла одна въ гостиной своей тетки, занимаясь вышиваніемъ. Отъ времени до времени она оставляла работу на колѣняхъ и мечтала. Глаза ея поочередно то съ дѣтскимъ упрямствомъ, то съ тихою грустью, останавливались на гирляндахъ цвѣтовъ, обвивавшихъ статуи богинь, разставленныхъ по залѣ.

Вдругъ тяжелая шелковая портьера, приподнялась, и какой-то молодой человѣкъ робко заглянулъ въ комнату. На видъ этому юношѣ было не болѣе двадцати или двадцати двухъ лѣтъ. Онъ носилъ элегантную форму сѣрыхъ мундкетеровъ королевскаго корпуса, съ шпагою съ золотымъ эфесомъ на боку; на тонкихъ, гибкихъ рукахъ молодаго человѣка были надѣты длинные нарукавники снѣжной бѣланы, шляпа съ бѣлымъ перомъ дополняла нарядъ юноши. Черты лица его были правильны, а дерзкое выраженіе верхней вздернутой губы умѣрялось глубокимъ задумчивымъ взглядомъ чудныхъ голубыхъ глазъ. Въ этихъ глазахъ соединялась робость ребенка съ своеволіемъ паша и храбростью солдата. Вся фигура юноши проникалась очарованіемъ, которое всегда распространяетъ вокругъ себя молодость; голосъ и манеры показывали знатное происхожденіе и хорошее воспитаніе.

Молодой человѣкъ, заглядывавшій съ нетерпѣніемъ въ комнату и искренно обрадовавшійся увидѣть Луизу одну, былъ шевалье Гастонъ де-Оринья, начальникъ сѣрыхъ мундкетеровъ королевскаго корпуса, тогда еще существовавшаго и позднѣе уничтоженнаго, не смотря на совѣты Фридриха Великаго, Людовикомъ XVI. Этотъ несчастный король вполнѣ довѣрился національной гвардіи, предавшей его резолюціи.

Гастонъ—младшій сынъ бѣднаго, но знатнаго дворянина, соотечественникъ и товарищъ дѣтскихъ игръ Луизы

де-Вомонтъ. Семейство Ориньи находилось въ давнишнихъ традиціонныхъ отношеніяхъ съ домою герцогини, вслѣдствіе чего Гастонъ и принадлежалъ къ числу немногочисленныхъ знакомыхъ герцогини де-Гимене. Молодой и веселый офицеръ конечно не сталъ бы посѣщать скучныхъ и монотонныхъ собраній герцогини, еслибъ не встрѣчалъ тамъ подругу дѣтства, предметъ любви. Являясь въ салонъ герцогини, Гастонъ долженъ былъ притворяться благочестивымъ, обманывать старуху, принимавшую частые визиты юноши за явное доказательство его молитвеннаго настроенія. Это обстоятельство благопріятствовало молодымъ людямъ, улучавшимъ всегда нѣсколько минутъ для разговора наединѣ.

Увидѣвъ Луизу одну, Гастонъ поспѣшно вышелъ изъ за портьеры, опустившейся позади его, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, сказалъ:

— Луиза, моя дорогая Луиза, вы одни, — какое счастье!

Луиза, услышавъ шумъ шаговъ молодаго человѣка и звукъ его голоса, быстро вскочила съ мѣста и, протягивая обѣ руки Гастону, съ восхитительной улыбкой отвѣчала:

— Гастонъ, вы здѣсь? Какъ это вы пришли сюда въ такое время?

— Я не занятъ сегодня цѣлое утро, — возразилъ юноша, цѣлуя ея руку — и пришелъ сюда въ надеждѣ издали взглянуть на васъ. Счастливая звѣзда доставила мнѣ случай застать васъ одну, а намъ такъ рѣдко удается поговорить по душѣ!

— Герцогиня сейчасъ придетъ, — сказала Луиза, выдергивая свою руку изъ рукъ Гастона; — обѣдня ужъ кончилась и если тетка, вернувшись, найдетъ васъ здѣсь, она очень разсердится. Меня оставили дома въ наказаніе за то, что я была недовольно внимательна за ранней обѣдней и слишкомъ часто смотрѣла въ ту сторону, гдѣ стоялъ на колѣняхъ одинъ извѣстный мнѣ мущетеръ...

Говоря это, Луиза бросила плутовской взглядъ на Гастона и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же опустила глаза.

— Какъ, вскричалъ Гастонъ, я виновникъ вашего наказанія! Позвольте же мнѣ раздѣлить его съ вами. Уединеніе вдводемъ вѣрно не покажется намъ тяжелымъ.

Онъ подвелъ Луизу къ креслу, а самъ, принесъ изъ другой комнаты табуретъ, сѣлъ у ея ногъ.

— Я буду стараться подвергать васъ наказанію, какъ можно чаще, если вы только позволите мнѣ приходить каждый разъ къ вамъ, говорилъ Гастонъ, прижимаясь губами въ ручкѣ молодой дѣвушки.

— Вы все шутите, Гастонъ, сказала Луиза, а я очень боюсь; еслибъ моя тетка замѣтила хоть что нибудь, она запретила бы вамъ бывать здѣсь. Вы знаете, если я только посмотрю на молодаго человѣка, продолжала дѣвушка, такъ тетка считаетъ это за преступленіе. Я страшно боюсь, какъ бы она не узнала о нашей любви, и тогда...

— Что-жъ будетъ тогда? спросилъ Гастонъ, глядя руку Луизы.

— Ахъ, вскричала Луиза, пугливо осматриваясь кругомъ. Я никакъ не могу понять, зачѣмъ тетка такъ настаиваетъ на моемъ поступленіи въ монастырь. Прежде я объясняла это заботливостью о спасеніи моей души, но теперь я убѣдилась...

— Въ чемъ вы убѣдились? перебилъ нетерпѣливо Гастонъ, смотря съ испугомъ въ лицо молодой дѣвушки.

— Нѣсколько дней тому назадъ, продолжала Луиза, опуская глаза подъ взглядомъ молодаго человѣка, я сидѣла въ оранжереѣ за деревьями, а тетка моя гуляла въ рошѣ съ патеромъ Линьеромъ, къ которому она имѣетъ полное, неограниченное довѣріе...

— Ну и что-жъ? сказалъ Гастонъ, начиная сильно безпокоиться.

— Патеръ говорилъ строго съ моей теткой и требовалъ, чтобъ къ концу этого года я непременно поступила въ монастырь св. Урсулы.

— Зачѣмъ это? спросилъ запальчиво Гастонъ.

— Насколько я могла понять изъ разговора, сказала

Луиза, тетка 'обѣщала предоставить свое состояніе послѣ смерти въ пользу ордена Іисуса. Патеръ боится, чтобъ я, какъ ближайшая родственница и наслѣдница тетки, выйдя за мужъ, не предъявила бы своихъ правъ на наслѣдство. Запрятавъ же меня въ монастырь, имъ будетъ очень легко завладѣть состояніемъ герцогини, которая надѣется пожертвованіемъ мірскихъ благъ купить себѣ царство небесное.

— О эти благочестивые патеры!—воскликнулъ Гастонъ съ ожесточеніемъ, — какъ они щедро расточаютъ свои заботы о спасеніи души за золото. А герцогиня тридцать лѣтъ тому назадъ сама думала иначе; но, моя дорогая Луиза, не безпокойтесь, прибавилъ весело Гастонъ, мнѣ кажется, часъ нашего счастья близокъ. Я не богатъ и вы не богаты, но мы постараемся устроить все такъ, чтобъ не рассчитывать на состояніе герцогини. Я найду могущественное покровительство..,

— Покровительство? спросила удивленно Луиза.

— Вѣрнѣе сказать покровительницу, продолжалъ Гастонъ. Маркиза де Помпадуръ старается выразить при всякомъ удобномъ случаѣ свое расположеніе ко мнѣ; она даетъ мнѣ маленькія порученія и даже въ послѣдній разъ интересовалась моими планами насчетъ будущаго.

— Маркиза де Помпадуръ,—проговорила Луиза недовольнымъ тономъ.

— Ну да, маркиза, знаете ли вы покровительницу могущественнѣе ея?

— О ней такъ много говорятъ дурнаго,—замѣтила тихо Луиза,—герцогиня ежедневно молится, чтобъ кара небесная постигла маркизу. Она любовница короля,—прибавила Луиза, покраснѣвъ.

— Моя дорогая Луиза,—прервалъ ея Гастонъ, не будемъ всматриваться въ золотое облако, окружающее короля; искры, сверкающія оттуда, могутъ ослѣпить обыкновеннаго смертнаго и уничтожить всякаго, кто ѣтъ нимъ неосторожно приблизится. Что до меня касается, то я

очень радъ, что такая вліятельная придворная дама, какъ маркиза, выказала мнѣ расположеніе и даже позволяла обращаться къ ней съ просьбою. При первомъ случаѣ я испрошу ходатайства маркизы о назначеніи меня начальникомъ какого нибудь полка въ провинціи. Тамъ, получая жалованье и маленькіе доходы съ имѣнія, мы можемъ устроиться, и тогда, моя дорогая Луиза, вы будете моей женой, если только согласитесь покинуть Версаль съ его блестящими залами и безчисленными галереями. Говоря это, Гастонъ смотрѣлъ съ любовью въ глаза дѣвушки.

— Ахъ, я готова хоть сей часъ же уѣхать отсюда, вскричала Луиза съ дѣтскою наивностью; я чувствую себя здѣсь совершенно какъ птичка въ золотой клеткѣ! И меня также занимали подобныя же мысли, добавила Луиза;—и я нашла себѣ могущественнаго покровителя, на котораго возлагаю большія надежды.

— Вы, покровителя? возразилъ Гастонъ, —и такого же вліятельнаго, какъ маркиза?

— Мой покровитель пользуется еще бѣльшимъ могуществомъ, сказала Луиза, краснѣя. — Король нѣсколько разъ говорилъ со мною и съ герцогиней, былъ какъ-то особенно любезенъ и милостивъ ко мнѣ..

— Король? спросилъ Гастонъ, задумчиво опуская глаза.

— Недавно я встрѣтила его въ галереѣ разговаривающаго съ моей теткой, продолжала Луиза, и король сказалъ мнѣ, что если я имѣю какое нибудь желаніе, то должна обратиться къ нему. Какъ только я обернусь съ силами, я испрошу согласія его величества на нашъ бракъ.

— Моя дорогая Луиза, возразилъ Гастонъ въ смущеніи, конечно это очень счастливое обстоятельство, но не... Вы не должны придавать особеннаго значенія словамъ короля; его величество осаждаютъ со всѣхъ сторонъ различными просьбами, и потому онъ легко можетъ о васъ забыть. Предоставьте лучше все устроить мнѣ одному.

Луиза была очень удивлена, отчего сообщенное ею известіе вызвало неудовольствія со стороны женика. Но она не успѣла еще сказать ни слова, какъ портьера распахнулась и вошедшій лавей доложилъ о прїѣздѣ герцога Ришелье.

Герцогу было тогда уже за шестьдесятъ лѣтъ, но выраженіе его красиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ хитраго и гордаго лица, гибкая и стройная фигура дѣлали герцога моложе своихъ лѣтъ. Онъ въ своей молодости постоянно интриговалъ, и даже противъ самого короля Людовика XIV, заключавшаго его два раза въ Бастилю, куда принцессы приносили герцогу горячіе пастеты и конфеты. Теперь герцогъ находился въ явной оппозиціи противъ правительства, а главнымъ образомъ противъ герцога Шуазеля, по милости котораго отнято было отъ Ришелье начальство надъ войскомъ за то, что, насучивъ продолжительными военными дѣйствіями, Ришелье вмѣсто полнаго уничтоженія англо-ганноверскаго войска герцога Кумберландскаго, предпочелъ взять его на капитуляцію при монастырѣ Севенъ. Отозванный отъ войска, Ришелье желалъ получить постъ посланника въ Вѣнѣ, но правительство и въ этомъ отказало ему. Такимъ образомъ герцогъ долженъ былъ возвратиться въ Версаль, озлобленный на правительство, неумѣвшее оцѣнить его. Получивъ большія контрибуціи съ ганноверцевъ, герцогъ построилъ на одномъ изъ бульваровъ Парижа прекрасный, маленькій дворецъ, существующій и по настоящее время и известный подъ именемъ Ганноверскаго Павильона. Теперь его употребляютъ только для промышленныхъ цѣлей, въ то же время Ришелье занимался въ немъ строгимъ анализомъ правительственныхъ указовъ и распоряженій, немилосердно ихъ критиковал и, не смотря на то, продолжалъ лстить королю, къ которому по воспоминаніямъ счастливыхъ лѣтъ консти имѣлъ нѣкоторую слабость.

При видѣ герцога, одѣтаго въ форму маршала Франціи съ голубой лентой Св. Духа чрезъ плечо и крестомъ Людовика на груди, Гастонъ всталъ съ мѣста и оста-

новился позадн кресла Луизы. Ришелье бросилъ быстрый, пронизательный взглядъ на молодаго офицера и по-краснѣвшую дѣвушку. Затѣмъ, подходя къ креслу легкими, едва слышными шагами, онъ почтительно поклонился Луизѣ де-Бомонтъ.

— Я пришелъ узнать о здоровьѣ ея сиятельства герцогини, сказалъ Ришелье звучнымъ, но по привычкѣ придворнаго, пониженнымъ голосомъ. Такъ какъ мнѣ не посчастливилось застать дома герцогиню, то единственнымъ утѣшеніемъ для меня служить радость видѣть ея прелестную племянницу, продолжалъ герцогъ, любезно цѣлуя руку Луизы. Вы становитесь съ каждымъ днемъ все прелестнѣе! Вы—свѣжій, едва распустившійся бутонъ среди обветшалыхъ и помятыхъ цвѣтовъ нашей придворной атмосферы.

— Герцогиня у обѣдни, отвѣчала съ смущеніемъ Луиза; я жду ея возвращенія каждую минуту.

— Мнѣ бы очень пріятно было остаться здѣсь, въ ожиданіи герцогини провести хотя нѣсколько минутъ въ вашемъ пріятномъ обществѣ, проговорилъ герцогъ. При этомъ онъ бросилъ надмѣнный и вопросительный взглядъ на Гастона де-Ориньи.

Луиза, замѣтивъ этотъ взглядъ, торопливо проговорила:

— Честь имѣю представить господину герцогу ше-валье де-Ориньи, второму покровительствуетъ моя тетка герцогиня.

Ришелье кивнулъ слегка головою и смѣрилъ молодаго человека испытующимъ взглядомъ; Гастонъ отвѣчалъ герцогу глубокимъ поклономъ, а затѣмъ, наклонившись къ Луизѣ, сказалъ:

— Будьте такъ добры, m-lle, передать герцогинѣ мое глубочайшее почтеніе и сожалѣніе, что не засталъ дома ея сиятельства. Честь имѣю кланяться господину герцогу. Онъ поклонился съ достоинствомъ Ришелье и вышелъ.

— Я никогда не видалъ этого молодаго человека, сказалъ герцогъ. Бываетъ онъ часто у герцогини?

— Не очень часто, отвѣчала Луиза, еще не совсѣмъ оправившись отъ смущенія; служба отнимаетъ у него много времени; это другъ моего дѣтства; герцогиня его очень любитъ. Мы часто болтаемъ вмѣстѣ о нашемъ дѣтствѣ.

— Голосъ его звучитъ искренно и довѣрчиво въ разговорѣ съ вами, замѣтилъ герцогъ съ веселой и добродушной миной, которую онъ такъ хорошо умѣлъ принимать на себя. Вы должны остерегаться, можно подумать много дурнаго. Вы ужъ больше не дѣти...

— Ахъ, Боже мой! вскричала Луиза, — чтожь можно тутъ думать дурнаго, если молодая дѣвушка разговариваетъ съ другомъ своей тетки и вспоминаетъ съ нимъ свое дѣтство.

— Конечно, очень похвально любить своихъ друзей, сказалъ Ришелье, смѣясь, но положеніе вещей измѣняется съ годами, m-De, когда мальчики становятся взрослыми молодыми людьми и служатъ въ отрядѣ сѣрыхъ мушкетеровъ его величества. Дѣвушка въ вашемъ положеніи и съ вашей красотой должна забыть своихъ прежнихъ друзей и думать только о блестящъ и величій, ожидающихъ ея въ будущемъ.

Луиза пугливо взглянула на герцога и, протягивая къ нему руку, прошептала съ глазами полными слезъ:

— Умоляю васъ, герцогъ, не говорите ничего моей теткѣ, — она запретитъ Гастону бывать здѣсь, а это будетъ для меня... для него, поправилась поспѣшно Луиза, большимъ горемъ.

— Не безпокойтесь ни о чемъ, милое дитя, сказалъ Ришелье, повидимому чистосердечно. Я не принадлежу къ числу нескромныхъ людей, а только позволилъ себѣ дать вамъ совѣтъ опытнаго чловѣка. Довѣрьтесь мнѣ и будьте увѣрены, что подъ моимъ покровительствомъ вы всегда найдете истинное счастье.

Сконфуженная дѣвушка не замѣтила довольнаго взгляда, брошеннаго на нее герцогомъ. Взглядъ этотъ прямо говорилъ объ удовольствіи держать въ рукахъ нити ея

тайны, и имѣть возможность запутать ее въ сѣти, если только это обстоятельство когда нибудь можетъ послужить къ достиженію задуманной имъ цѣли.

Лавей распахнулъ настежь двери гостиной. Вошла герцогиня. Не смотря на то, что она стояла нѣсколько часовъ на колѣняхъ предъ алтаремъ, въ движеніяхъ ея не было замѣтно ни малѣйшей усталости; напротивъ, герцогиня казалась болѣе сильною и энергичною, чѣмъ когда нибудь. Правильныя, но поблекшія черты герцогини сохраняли слѣды прежней красоты. Напудренные волосы придавали особенный блескъ глазамъ, но взглядъ ея былъ недобрый, пронзительный, какъ будто герцогиня хотѣла проникнуть въ самыя запертыя мысли того, съ кѣмъ говорила.

Одѣтая вся въ черномъ, герцогиня въ рукахъ держала вѣнокъ изъ розъ и молитвенникъ. При входѣ въ комнату она была очень удивлена присутствіемъ герцога Ришелье, не принадлежавшаго къ числу ея обыкновенныхъ посѣтителей.

Герцогъ съ самымъ прастодушнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу герцогини и, подойдя къ ней, почтительно поцѣловалъ ея руку, между тѣмъ какъ Луиза взяла изъ рукъ тетки мантилью и молитвенникъ.

— Я желалъ васъ видѣть, герцогиня, сказалъ Ришелье низко кланаясь, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и нѣсколько напомнить вамъ о себѣ.

Герцогиня приняла это привѣтствіе довольно холодно, и отвѣтивъ легкимъ наклоніемъ головы, тотчасъ же опустилась въ кресло.

— Поди въ твою комнату, мое дитя, сказала она Луизѣ, и почитай ту книгу, которую я дала тебѣ. Надѣюсь, твои мысли, немного разстроенныя вчера, теперь совершенно пришли въ порядокъ.

— Я засталъ m-elle Луизу, занятую благочестивыми мыслями о вѣчности и погруженною въ созерцаніе самого Бога, сказалъ герцогъ чистосердечнымъ

тономъ, бросивъ ухрадкой лукавый взглядъ на молодую дѣвушку, стоявшую позади тетки. Я счелъ за обязанность развлечь вашу племянницу, представивъ ей, что такая молодая дѣвушка, какъ она, не должна слишкомъ предаваться своимъ мыслямъ и чуждаться свѣта; она молода и успѣетъ еще примириться съ небомъ; вотъ такимъ старикамъ, какъ мы, т. е. какъ я, поправился герцогъ, замѣтивъ строгій взглядъ герцогини, пора думать о покаяніи.

Луиза покраснѣла и, удаляясь изъ комнаты, сдѣлала умоляющій жестъ герцогу.

— Молодая дѣвушка никогда не можетъ достаточно думать о небѣ, сказала глубокомысленно герцогиня. Молодость проходить такъ скоро...

— Это она знаетъ лучше тебя, подумалъ герцогъ, смотря вслѣдъ удалявшейся Луизѣ, и радуясь сдѣланному имъ открытію. Ришелье и герцогиня остались одни.

ГЛАВА III.

Ришелье выдвинулъ табуретъ, сѣлъ возлѣ герцогини и взялъ на себя мину благочестиваго сокрушенія.

— Вы были у обѣдни, герцогиня, сказалъ онъ, надѣюсь помодились также и за меня.

— Прошу не насмѣхаться, отвѣчала герцогиня строго и холодно. Я молюсь за тѣхъ, которые заблудились и желаютъ возвратиться на путь истинный, а принадлежите ли вы къ ихъ числу, объ этомъ вы сами должны знать лучше всѣхъ.

— Я нисколько не смѣюсь, герцогиня, замѣтилъ Ришелье со вздохомъ. Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе я стараюсь попасть на настоящій путь, ведущій въ царство небесное, и отъ котораго я такъ долго уклонялся. Теперь ужъ во мнѣ нѣтъ легкомыслія, напротивъ, я только и думаю о государствѣ, о благѣ Франціи и

главнымъ образомъ о церкви, такъ какъ отъ нея зависить все.

Говоря это, онъ незамѣтно бросилъ хитрый взглядъ на герцогиню.

— Вы думаете о церкви? спросила герцогиня съ удивленіемъ и насмѣшкой.

— Да, герцогиня, я думаю о ней часто и серьезно, отвѣчалъ Ришелье. Въ настоящую минуту меня, главнымъ образомъ, занимаетъ мысль оказать услугу церкви и всей Франціи.

Герцогиня покачала головой и недовѣрчиво пожала плечами. Видно было, что она сомнѣвалась въ услугѣ, которую могъ оказать Франціи маршалъ — человѣкъ легкомысленный и свептивъ.

— Человѣкъ моего имени, продолжалъ спокойно Ришелье, наблюдая за герцогиней, не долженъ жить одними свѣтскими наслажденіями; послѣ долгаго размышленія я пришелъ къ тому убѣжденію, что Франція на пути къ гибели: внутри государства безвѣріе, распространенное въ обществѣ, ведетъ къ разрушенію; извнѣ государства наше могущество низко упало, благодаря Шуазелю.

— Шуазель? спросила внимательно герцогиня, — что такое съ нимъ случилось?

— Этотъ Шуазель, продолжалъ Ришелье, креатура маркизы де-Помпадуръ.

— Которая была вашей пріятельницей, замѣтила съ ѣдкой насмѣшкой герцогиня, или, можетъ быть, вы до сихъ поръ въ дружбѣ съ нею.

— Нѣтъ, герцогиня, она была моей пріятельницей, но съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ какой голосъ она имѣетъ въ управленіи Франціею, я не могу быть ея другомъ. Я себя хорошо поставилъ въ отношеніи къ ней; я хотѣлъ командовать войсками, сохранить честь французскаго оружія и сдѣлалъ уже все, что было возможно для этого, но не забывайте, герцогиня, сказалъ герцогъ съ самодовольной миной, которую онъ такъ хорошо умѣлъ

принимать на себя во время спора, — я наследникъ великаго кардинала, основавшаго величїе Франціи на могуществѣ церкви.

— Ну, что-же Шуазель? прервала нетерпѣливо графиня. Вы говорили о Шуазель?

Герцогъ наклонился къ самому уху герцогини и прошепталъ:

— Шуазель долженъ быть свергнутъ.

— Вы говорите это серьезно? спросила живо герцогиня, смотря своими пронзительными глазами прямо въ лицо маршалу.

— Это моя первая забота въ настоящее время.

— Если вами руководятъ серьезныя причины, замѣтила тономъ сомнѣнія герцогиня, а не мимолетныя прихоти, которыхъ также у васъ не мало, то тогда...

— Я всей душой этого желаю, заговорилъ герцогъ поспѣшно, опираясь на ручку кресла герцогини, такъ какъ — самъ хочу быть преемникомъ Шуазеля. Имя Ришелье слишкомъ знаменито, прибавилъ герцогъ, закидывая голову къверху, оно можетъ спасти во второй разъ Францію и возвратить ей прежній блескъ и могущество.

— Въ такомъ случаѣ мы союзники, замѣтила герцогиня; хотя я никому не говорила о моихъ чувствахъ къ Шуазелю, но не менѣе того я чувствую къ нему глубокую ненависть за то, что онъ презираетъ церковь, повровительствуетъ философамъ и ведетъ Францію къ гибели.

Она протянула руку герцогу, которую тотъ прижалъ къ губамъ.

— Противъ нашего союза онъ не въ состояніи противустоять, сказалъ герцогъ съ легкимъ отбѣнкомъ насмѣлки, за насъ будетъ небо, а кто вступится за него?

— Вы все такой же, какъ и прежде, замѣтила съ неудовольствіемъ герцогиня, шутите о самыхъ серьезныхъ вещахъ; я по крайней мѣрѣ считаю сверженіе Шуазеля важнымъ дѣломъ; уже многіе пытались сдѣлать это, но всѣ ихъ старанія оставались безуспѣшными.

— Никто не могъ освободиться отъ могущественнаго вліянія герцога, отвѣтилъ Ришелье; положеніе Шуазеля зависитъ отъ маркизы де Помпадуръ и до тѣхъ поръ, пока она будетъ любовницей короля, Шуазель останется всемогущимъ министромъ.

— Вамъ, знающему дворъ лучше меня, возразила герцогиня, должно быть извѣстно, что маркиза, какъ волшебница, опутала короля и что свергнуть ее рѣшительно невозможно.

— Не свергнуть, герцогиня, а замѣнить...

— Можно ли это? спросила герцогиня, — маркиза завладѣла и умомъ и сердцемъ короля, да и къ тому же, чтобы мы выиграли, еслибъ и нашли кого нибудь? Мы бы предоставили судьбу Франціи случаю, или капризу новой куртизанки и болѣе ничего.

— Не надо предоставлять игру случаю, отвѣтилъ герцогъ спокойно, не смутившись отъ взгляда герцогини, мы должны найти такую женщину, которая сумѣла бы расположить къ себѣ короля и приобрести вліяніе надъ нимъ. Мнѣ кажется, для этой цѣли нужно выбрать дѣвушку молодую, красивую, незнаемую съ интригами придворной жизни; тогда намъ будетъ легко подчинить ее нашей волѣ и руководить всѣми ея дѣйствіями.

Герцогиня слушала Ришелье съ блестящими отъ удовольствія глазами, но черезъ нѣсколько минутъ лицо ея приняло выраженіе благочестивато размышленія и она сказала:

— Я не знаю будетъ ли согласоваться таковой поступокъ съ религіей и совѣстью; я должна спросить объ этомъ моего духовника.

— Патера Линьера? быстро прервалъ ее Ришелье, который, казалось, все предвидѣлъ и ко всему приготовился. Благочестивый патерь Линьеръ будетъ въ восторгѣ отъ нашего плана. Высокое и благородное стремленіе къ возвышенной цѣли оправдываетъ всѣ средства, какія бы мы не употребили!

— Но гдѣ найдемъ мы такую дѣвушку, — и если най-

демя, то согласится ли она подчиниться нашему влиянію? сказала герцогиня, примирившись съ совѣстью.

— Въ настоящемъ случаѣ, герцогиня, заговорилъ Ришелье, подымая руки къверху, само небо приходитъ намъ на помощь. Я отыскалъ такую женщину!

— Вы отыскали? гдѣ?

Ришелье осмотрѣлся кругомъ, потомъ, понизивъ голосъ до шопота, сказалъ на ухо герцогини:

— Дожидаясь васъ здѣсь, герцогиня, я имѣлъ случай любоваться чарующей красотой и восхитительной свѣжестью Луизы де Бомонтъ...

— Моя племянница? воскликнула герцогиня въ удивленіи, — это деревенское дитя, неопытное и совершенно несвѣдующее въ свѣтскихъ отношеніяхъ, какъ могли вы на нее рассчитывать? Нѣтъ, это невозможно!

— Это такъ мало невозможно, герцогиня, отвѣчалъ Ришелье, замѣтивъ подъ видомъ удивленія внутреннее довольство герцогини, что его величество уже интересовался вашей племянницей и говорилъ о ней съ большимъ восхищеніемъ. Достаточно подложить маленькую искорку къ его легко воспламеняющемуся сердцу и вспыхнетъ яркое пламя.

— Подложить эту искорку—мое дѣло.

Ришелье слѣдилъ за всѣми движеніями благочестивой и высоконравственной герцогини, дрожавшей отъ радостнаго волненія.

Помолчавъ немного, герцогиня сомнительнымъ тономъ сказала:

— Вы очень торопите меня, герцогъ, можетъ быть его величество только...

— Его величество, прервалъ ея Ришелье, былъ восхищенъ, очарованъ, остальное сдѣлается само собою.

— Но вы знаете, замѣтила герцогиня, какъ чистосердечна и дѣвна моя Луиза. Она совершенное дитя еще. И на ней вы основываете такіе серьезныя планы? Мнѣ кажется фундаментъ окажется ненадежнымъ.

— Чѣмъ независимѣе и свободнѣе духъ молодой дѣ-

вушки, продолжалъ неутомимый герцогъ, и чѣмъ больше ей чужды честолюбіе и интриги придворной жизни, тѣмъ меньше ей можетъ придти въ голову мысль играть важную нибудь роль при дворѣ. Если ей удастся завладѣть сердцемъ короля, то наше дѣло будетъ руководить ея умомъ и поступками.

Герцогиня встала съ мѣста, и раздумывая надъ словами герцога, начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Ришелье тоже поднялся съ мѣста, и опершись на ручку кресла, слѣдилъ глазами за герцогиней.

— Вы меня очень удивили, герцогъ, сказала она наконецъ; весь вашъ разговоръ такая неожиданность для меня, что я до сихъ поръ не могу ономнитья. Я забочусь о моей племянницѣ и я же должна ею пожертвовать.

— Пожертвовать, — да такую жертву сколько придворныхъ дамъ сочли бы за счастье! Къ тому жъ, герцогиня, продолжалъ Ришелье, понижая голосъ, развѣ есть такая жертва, на которую трудно было бы согласиться ради блага Франціи и торжества церкви?

— Я предоставляю это дѣло вашему усмотрѣнію и вы будете отвѣчать за него передъ Богомъ. Мои помыслы чисты и я не сдѣлаю ни шагу, не посоветовавшись съ духовникомъ, такъ какъ моя племянница посвящена Богу и назначена въ поступленію въ монастырь.

— Патеръ Десмаретъ, замѣтилъ Ришелье, совершенно основательно находить, что ваша племянница можетъ больше угодить Богу, оказавъ важную услугу государству, чѣмъ забившись въ монастырь. Что же касается до отвѣтственности, продолжалъ Ришелье веселымъ тономъ, то я охотно беру ее на себя, моя совѣсть отличается замѣчательной эластичностью и упругостью.

— Герцогъ, что вы говорите! сказала съ упрекомъ герцогиня.

— Къ несчастью я слишкомъ много грѣшилъ въ мою жизнь, сказалъ серьезно герцогъ, вспоминая свое прошлое, я прихожу къ тому убѣжденію, что однимъ грѣхомъ больше или меньше право все равно.

Итакъ ваша совѣсть останется чистою и безпорочною, герцогиня. Вы позволяете мнѣ дѣйствовать?

— Кающимся и возвратившимся на истинный путь многое простится, проговорила съ чувствомъ герцогиня. Но, герцогъ, прибавила она, снова оживляясь, вамъ будетъ не легко съ моей племянницей; у нея такія сумасбродныя, совершенно деревенскія понятія о придворной жизни. Конечно король—глава могущества, къ тому же ея сердце свободно.

«Объ этомъ я знаю лучше тебя», подумалъ Рিশелье. «Къ счастью этого сѣраго мушкетера легко будетъ удалить».

— Вы такъ давно не показывались при дворѣ, продолжалъ герцогъ; сегодня послѣ совѣта будетъ большой выходъ изъ дворца короля въ церковь, пріѣзжайте туда съ вашей племянницей.

— Я ненавижу дворъ, отвѣтила герцогиня, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ царствуетъ Шуазель.

— Скоро онъ исчезнетъ, воскликнулъ увѣренно Рিশелье, а мы, герцогиня, мы будемъ господствовать при дворѣ! Прошу васъ, присутствуйте сегодня съ вашей племянницей при выходѣ короля изъ дворца, а объ остальномъ я позабочусь.

— Я должна буду видѣть тамъ эту ненавистную мнѣ маркизу и Шуазеля, замѣтила герцогиня съ отвращеніемъ...

— Всѣ они будутъ скоро нами свергнуты, сказалъ Рিশелье, для блага Франціи и торжества церкви!

— Я буду на выходѣ, если мой духовникъ мнѣ позволитъ, сказала наконецъ рѣшительно герцогиня.

— Патеръ Десмаретъ желаетъ видѣть ея сіятельство, доложилъ лакей, стоя въ дверяхъ гостиной.

— Онъ пришелъ, какъ разъ во время, замѣтилъ Рিশелье, протягивая руку герцогини и подводя ее къ дверямъ внутреннихъ комнатъ. Теперь, герцогиня, я уйду, заняться своимъ дѣломъ, а съ патеромъ посоветуюсь послѣ; онъ будетъ въ восхищеніи отъ моего плана, а въ

этомъ увѣренъ. Ришелье почтительно поцѣловалъ руку герцогини и вышелъ.

— Смотрите, герцогъ Шуазель, будьте осторожны, говорилъ Ришелье самъ съ собою торжествующимъ тономъ, я держу въ рукѣ карту, которая разобьетъ всю вашу игру. Вашъ союзъ съ Австріей могъ состояться только при поддержкѣ сильной руки Ришелье. Вы не хотѣли сдѣлать меня посланникомъ, — сдѣлаете министромъ.

Гордый, сіяющій, и съ легкостью юноши вскопчилъ герцогъ въ свою позолоченую коляску и крикнулъ кучеру ѣхать во дворецъ короля.

Герцогиня вошла въ свой кабинетъ, въ которомъ, кромѣ роскошной мебели и разныхъ вещицъ, стоялъ деревянный аналой. Патеръ Десмаретсъ былъ однимъ изъ ревностныхъ членовъ общества, называвшихъ себя вѣрными слугами отечества и заборенѣлыми врагами министра и маркизы де-Помпадуръ.

Патеръ Десмаретсъ — молодой человекъ, высокаго роста и хорошо сложенный; лицо его было довольно красиво и производило пріятное впечатлѣніе, какъ на молодыхъ, такъ и на старыхъ придворныхъ дамъ. На губахъ его играла мягкая улыбка, а темные большіе глаза, большею частью опущенные въ землю, рѣдко прямо смотрѣли на кого-нибудь. Герцогиня, слишвомъ взволнованная, забыла состроить благочестивое и смиренное выраженіе при встрѣчѣ съ патеромъ, какъ это она дѣлала всегда.

Безъ дальнихъ околичностей рассказала она патеру свой разговоръ съ Ришелье, и потомъ спросила, можетъ ли она согласиться на предложеніе герцога, не принимая тяжелаго грѣха на свою совѣсть. Патеръ всё время внимательно слушалъ герцогиню, скрестивъ бѣлыя и пухлыя руки на груди.

— Конечно, сказалъ онъ наконецъ, выждавъ окончанія рѣчи герцогини, по правиламъ обыкновенной морали можно назвать грѣхомъ то, что должна будетъ сдѣлать ваша племянница, но если отъ этого зависать счастье нѣсколькихъ тысячъ людей, благо госу-

дарства и защита священныхъ правъ церкви, то тогда необходимо взглянуть на вашъ планъ съ высшей точки зрѣнія. Что можно считать за грѣхъ въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, то въ настоящемъ случаѣ будетъ великой заслугой. Никакое дѣло по существу не можетъ быть добрымъ или злымъ; все зависитъ отъ цѣли и намѣренія, съ которыми мы совершаемъ извѣстный поступокъ. Если мы трудимся съ доброю цѣлью, то дѣло наше будетъ угодно Богу, еслибъ даже оно нѣсколько и противорѣчило правиламъ обыкновенной морали.

Герцогиня задумчиво наклоняла голову.

— Но вы сами требовали, сказала она, чтобъ я отдала мою племянницу въ монастырь, такъ какъ только тогда она потеряла бы право на наследство, и я могла бы вполне посвятить свое имущество церкви. Заслуга—пожертвовать земными благами церкви, избавила бы меня отъ отвѣта за мои грѣхи передъ Богомъ.

— Не тревожьтесь, герцогиня, возразилъ убѣдительно патерь, если ваша племянница будетъ стоять на ступеняхъ трона, то она будетъ владѣть сокровищами міра въ излишество и будетъ считать ваше наследство за ничто. Да наконецъ, еслибъ она и потребовала свою долю, то ваша заслуга, герцогиня, во всякомъ случаѣ не уменьшится; для Бога важно намѣреніе, а не исполненіе. Къ тому же я и мои братья будемъ постоянно возносить усердныя молитвы къ Богу, чтобъ онъ очистилъ вашу душу и успокоилъ ее въ селеніи праведныхъ.

— Герцогиня облегчила свою душу глубокимъ вздохомъ.

— Хорошо, сказала она, если вы, таковой просвѣщенный и достойный служитель церкви, совѣтуете мнѣ согласиться на предложеніе герцога, то я сдѣлаю свое дѣло и буду пламенно молить Бога укрѣпить меня, слабое орудіе, должствующее послужить къ великой цѣли.

— А я, прибавилъ патерь Десмаретъ, поспѣшу къ моему достойному брату патеру Линеру и сообщу ему что извѣстный планъ ужъ близокъ къ исполненію.

Съ этими словами онъ поднялъ руку благословить герцогиню, благоговѣнно склонившуюся передъ нимъ.

Молодая дѣвушка, участь которой рѣшалась этими политическими интригами, не подозрѣвала своей гибели и сидѣла спокойно въ комнатѣ, мечтая о своемъ миломъ и перелистывая молитвенникъ, данный теткой.

Когда герцогиня вошла въ комнату и велѣла Луизѣ идти одѣваться къ большому выходу короля, сердце молодой дѣвушки радостно забилося. Она надѣялась увидѣть среди блестящей свѣты своего друга и даже, если удастся, поговорить съ королемъ, испросить у его величества позволенія на бракъ съ Гастономъ.

Съ живымъ нетерпѣнiемъ Луиза совершала свой нарядный туалетъ. Задолго до того, какъ герцогиня приказала закладывать экипажъ, она была совсѣмъ готова и дожидалась тетку въ гостиной. Сердце ея сильно билось отъ надежды и радостнаго волненiя.

Г Л А В А IV.

Маленькiй шевалье де-Бомонтъ ѣхалъ потихоньку въ своей наемной каретѣ по дорогѣ въ Версаль. На встрѣчу ему неслись блестящiе экипажи, сопровождаемые шталмейстерами, и лица, выглядывавшия изъ оконъ каретъ съ удивленiемъ смотрѣли на бѣдно одѣтаго молодого человека, ѣхавшаго по одной дорогѣ съ ними.

Но шевалье де Бомонтъ не замѣчалъ этихъ счастливицевъ, наполнившихъ Версаль; его занимала одна мысль: сегодня откроются для него двери дворца, и онъ будетъ представленъ могущественной маркизѣ, первому министру, а можетъ быть и самому королю. Вѣдь такой чести удостоиваются не всѣ молодые люди, не смотря на всѣ ихъ усилiя и таланты! Отъ впечатлѣнiя, которое онъ произведетъ на этихъ лицъ, зависитъ его дальнѣйшая судьба. Онъ перебиралъ въ умѣ различныя фразы и составлялъ подходящiе отвѣты на вопросы маркизы и короля. Еслибъ

только король могъ видѣть тѣ мысли, которыя роились теперь въ головѣ молодого человѣка, то онъ несомнѣнно призналъ бы его за великій талантъ и вывелъ бы на блестящую дорогу.

Мечты о будущности придали нѣкоторую увѣренность Бомонту и нѣсколько укрепили его. Но когда онъ остановился у параднаго подъѣзда и увидалъ роскошную лестницу, уставленную сверху до низу швейцарами и лакеями въ придворныхъ ливреяхъ, дрожь пробѣжала по тѣлу Бомонта, и онъ боязливо оглядѣлся вкругомъ. Замѣтивъ, что всѣ служители смотрятъ на него съ высоты величія, сердце его забилось сильнѣе, чѣмъ въ парламентѣ, при первомъ вступленіи его въ качествѣ адвоката.

Мужество снова возвратилось въ молодому человѣку, когда онъ стоялъ у двери помѣщенія маркизы, около которой толпились нѣсколько придворныхъ, и когда одинъ изъ нихъ, низво поклонившись, сказалъ:

— Пожалуйте, маркиза васъ дожидается.

Гордо взошелъ шевалье мимо завистливыхъ царедворцевъ, толпившихся здѣсь, и въ сопровожденіи одного лакея вошелъ въ приемную маркизы. Гостиная эта была исполнена красивыми и дорогими произведеніями искусства всѣхъ временъ и народовъ; всѣ вещи были подобраны съ такимъ вкусомъ, какъ можетъ сдѣлать только женщина изящная, владѣвшая сердцемъ неограниченнаго повелителя Франціи. Гостиная была пуста,—маркиза не выходила еще изъ уборной.

Шевалье де Бомонтъ былъ доволенъ остаться на нѣсколько минутъ одинъ, оправиться и повторить въ умѣ краснорѣчивыя и ловкія фразы, составленныя имъ для бесѣды съ маркизой. Вдругъ онъ увидалъ въ большомъ венеціанскомъ зеркалѣ, драпированномъ сверху дорогими матеріями, свой образъ—образъ слабенькаго, худенькаго мальчика съ дѣтскимъ личиномъ. Мужество и надежды его мгновенно исчезли, горькая усмѣшка свривила губы, съ нихъ сорвалось проклятіе на судьбу. Но недолго онъ

занимался своими неприглядными мыслями, дверь отворилась и послышался шелест шолового платья. Бомонтъ поспѣшно обернулся, думая увидѣть передъ собой маркизу, но испуганный и дрожащій онъ остался на мѣстѣ: передъ нимъ была не маркиза, а та женщина, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ и къ которой стремился всѣми силами души. Это была графиня Рошфоръ.

Графиня была одѣта не такъ просто, какъ въ домѣ покойнаго мужа; она сняла трауръ, — при дворѣ не носили траура, если король этого не приказывалъ. Парчевое платье съ розовыми букетами плотно обхватывало ее стройную талию и крупными складками спускалось внизъ, высокій головной уборъ съ цвѣтами, драгоценными камнями и перьями башней возвышался на головѣ и придавалъ особенный блескъ и безъ того живымъ и прелестнымъ глазамъ. Она была хороша, ослѣпительно хороша, какъ богиня молодости и любви.

Странно, но шеваье-де-Бомонтъ былъ непріятно пораженъ красотою графини. Такою она не представлялась ему въ мечтахъ, такъ прежде не блестяли ея глаза! Онъ со вздохомъ обернулся къ зеркалу, гдѣ его фигура казалась еще болѣе ничтожною въ сравненіи съ этой чарующей красотою.

Насколько страстно онъ желалъ видѣть графиню, настолько ему было непріятно встрѣтить ее въ ту самую минуту, когда онъ ожидалъ исполненія своихъ надеждъ и честолюбивыхъ стремленій.

Шеваье-де-Бомонтъ совершенно растерялся и не говорилъ ни слова.

— Какъ! Вы здѣсь? встрѣчала графиня, не мало удивленная встрѣчею съ Бомонтомъ. Насмѣшливая улыбка заиграла на ея губахъ; къ счастью молодой человѣкъ ничего не замѣтилъ, иначе это обстоятельство еще болѣе усилило бы его змущеніе.

Бомонтъ съ рыцарскою вѣжливостію и глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ протянутую ему руку графини.

— Какимъ образомъ вы, ученый, серьезный мыслитель очутились здѣсь въ салонѣ маркизы де-Помпадуръ?

— Ежелибъ я сказалъ вамъ, графиня, что послѣдовалъ за вами и прѣхалъ собственно видѣть васъ, замѣтилъ шевалье полу-шутя и полу-серьезно, — что бы вы мнѣ тогда отвѣтили?

— Не говорите этого, шевалье, отвѣтила графиня, я все равно вамъ никогда не повѣрила бы—вы... вы послѣдовали за женщиной, — продолжала она съ легкой насмѣшкой въ голосъ, откидывая складки шлейфа и бросая исвоя взглядъ въ зеркало, отражавшее фигуру Бомонта. Вы меня отыскивали! Такая мысль не приходила мнѣ въ голову! Еслибъ я была какой-нибудь рѣдкій манускриптъ или старый пергаментъ, ну тогда другое дѣло!

— Вы смѣтаетесь, графиня, сказалъ шевалье тономъ негодованія, тогда какъ вы должны были бы читать въ моихъ глазахъ.

— Я никогда не читаю ни выраженій въ глазахъ, ни записокъ, которыя мнѣ такъ часто нишутъ, отвѣчала смѣясь графиня.

Шевалье, краснѣя, опустилъ глаза въ землю.

— Отвѣчайте же мнѣ серьезно, зачѣмъ вы здѣсь? спросила еще разъ графиня.

— Герцогъ Шуазель милостиво отнесся ко мнѣ, отвѣчалъ Бомонтъ съ достоинствомъ, — онъ читалъ мои сочиненія и общалъ меня представить королю. Маркиза пожелала меня видѣть прежде, чѣмъ я буду представленъ его величеству и приказала сегодня явиться къ ней. Вы видите, графиня, продолжалъ шевалье, бросивъ восторженный взглядъ на женщину, стоявшую передъ нимъ, что будущее мое начинается свѣтлѣть, и что если только вы пожелаете раздѣлить со мною жизнь, то я въ состояннѣ буду предоставить вамъ блескъ и почести, которыхъ вы такъ жаждете. А вы, графиня, зачѣмъ оставили Парижъ и переѣхали сюда?

— Я прѣехала въ Версаль, отвѣчала графиня, по приглашенію маркизы, написавшей мнѣ тотчасъ же, какъ я осталась вдовой. Она всѣми силами старается меня развлечь, и я должна вамъ сознаться—провожу время превосходно, наслаждаясь полной свободой, этимъ драгоценнымъ даромъ небесъ. Старыя и благочестивыя дамы конечно осуждаютъ меня за то, что я въ салонѣ маркизы пользуюсь свѣжей и веселой живнью, а не молюсь вмѣстѣ съ ними и не призываю анафему на молодыхъ грѣшниковъ, главная вина которыхъ только и состоитъ въ молодости, тогда какъ тѣ стары. Но я смѣюсь надъ ними, оставляю ихъ молиться и грѣшнить. Сбросивъ цѣпи, а не намѣрена налагать на себя *новыя*,—и она сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ,—и даже ради васъ шеваляе я не измѣню моего рѣшенія, прибавила она съ ироніей, хотя я знаю, что ваши цѣпи были бы легки, неѣтчны, усыпаны цвѣтами и гирляндами, но все таки цѣпи и лишили бы меня полной свободы, которой я пользуюсь теперь. А ваше честолюбіе наконецъ пробудилось? Меня это радуетъ, замѣтила графиня, перемежая разговоръ.

— Пробудилось, графиня? да, честолюбіе было всегда главнымъ двигателемъ моихъ дѣйствій, преобладающей мечтой безсонной ночи! Конечно можетъ быть все это бесплодно, точно также, какъ ничѣмъ не увѣнчаются мои надежды на любовь.

— Оставьте въ повоѣ любовь, шеваляе, прервала его графиня, она дѣлаетъ людей слабыми и бессильными; я никогда не знала и не хочу знать любви.

— Развѣ вы совершенно забыли то время, графиня, когда вы меня такъ часто дарили сочувственнымъ взглядомъ или ласковымъ словомъ?

— Нѣтъ, шеваляе, и графиня протянула ему руку, и до сихъ поръ сочувствую вашему счастью, вашимъ надеждамъ, я радуюсь, какъ только можно радоваться другу, родственнику, брату. Я очень хорошо помню тяжелую, уединенную жизнь съ мужемъ, жизнь, въ которой, какъ

я должна сознаться, самыя свѣтлыя и радостныя воспоминанія принадлежать только вамъ.

— О благодарю, благодарю, графиня! проговорилъ шевалье въ восхищеніи, цѣлуя руку молодой женщины.

— Но, Деонъ, продолжала графиня, отодвигаясь, я все таки не нахожу въ моемъ сердечномъ участіи къ вамъ ничего общаго съ любовью. Я готова хлопотать, даже принести жертву, чтобъ сдѣлать васъ счастливымъ, знаменитымъ, но любовь... Деонъ, нѣтъ, — ее нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ кажется, я никогда не испытаю этого чувства.

Шевалье грустно опустилъ голову.

— Можеть быть я бы и узнала любовь, прдолжала графиня задумчиво, еслибъ я встрѣтила человѣка недожиннаго, который держалъ бы въ своей сильной руцѣ власть, подчинилъ себѣ твердой волей всѣхъ этихъ придворныхъ марьонстоковъ, передъ которымъ я должна была бы преклоняться боязливо и шептать: ты мой властелинъ! Но гдѣ жъ таковой человѣкъ—въ этотъ вѣкъ золотой мишуры, пустаго блеска, лицемѣрія и ничтожества? Гордо и надменно кичатся придворные передъ низшими до тѣхъ поръ, пока не явится ктонибудь изъ болѣе высшихъ,—тогда они начинаютъ кланяться и унижаться. А тотъ, передъ кѣмъ они кланяются, выше ихъ не умомъ или духомъ, а пустымъ титуломъ или глупымъ положеніемъ. Въ свою очередь и этотъ послѣдній также лицемѣритъ и низкопоклонничаетъ передъ главою правительства, передъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ женщины, всѣми ненавидимой, но которой тѣмъ не менѣе всѣ покланяются. Нѣтъ, при такихъ обстоятельствахъ, сердце мое не узнаетъ любви.

— Графиня, воскликнула шевалье, я чувствую въ себѣ мужество и твердую рѣшимость сдѣлаться такимъ человѣкомъ, какъ вы желаете: Обѣщайте только мнѣ въ награду вашу любовь и я достигну цѣли.

Графиня сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и внимательно посмотрѣла въ глаза Деону.

— Вы, шевалье, хотѣте держать въ рукахъ власть?

вы — неопытное, боязливое дитя? Вы милое, прелестное создание, но все таки дитя. Васъ просто раздавили бы колеса придворныхъ интригъ и козней. Оставайтесь лучше въ отдаленіи, назначеніе ваше быть ученымъ, а не властвовать надъ женщинами, добавила смѣясь графиня. Знаете, когда смотрю на ваше нѣжное лицо, вы мнѣ кажетесь переодѣтой женщиной.

Шевалье отвернулся отъ графини и, сердито топнувъ ногой, вскричалъ:

— О какъ вы злы, графиня! Вы были такъ милы, любезны и вдругъ такая насмѣшка. И все надъ тѣмъ же природнымъ недостаткомъ, отъ котораго я вѣчно принужденъ выносить презрѣніе мужчинъ и насмѣшки женщинъ. Но, клянусь, я сумѣю доказать—что твердая воля и рѣшимость могутъ жить и въ слабомъ тѣлѣ!

— Тихе, Деонъ, успокойтесь, сказала графиня, подходя къ испанскимъ ширмамъ и прислушиваясь въ шуму шаговъ, раздававшихся съ галлерей. Не волнуйтесь, думайте о будущемъ и приводите по немногу въ исполненіе вашъ планъ.

— Хорошо, графиня, отвѣчалъ Деонъ, вспыхнувъ отъ удовольствія. Вы увидите, на что способны рѣшительные люди.

Графиня поспѣшила уйти, а шевалье испуганно отступилъ назадъ: передъ нимъ стояла величественная маркиза де Помпадуръ.

ГЛАВА V.

Жанна-Антуанета маркиза де Помпадуръ, вышедшая замужъ за финансоваго откупщика Ленорманъ Детюль, скоро повинувшая его и сдѣлавшаяся любовницей короля, была въ описываемое время 35 или 36 лѣтъ. Ея тонкій и гибкій станъ сохранилъ еще всю эластичность молодости. Черты лица правильны и красивы, а болѣзненная блѣдность замѣнялась легкимъ искусственнымъ румянцемъ; большіе каріе глаза, полные

жизни и ума, одинаково хорошо умѣли смотрѣть страстно и нѣжно, метать молвіи гнѣва, замѣчать малѣйшіе оттѣнки въ обращеніи вора и бросать надмѣнные взгляды на смиренно кланявшихся придворныхъ. Соображаясь съ роскошью того времени, костюмъ маркизы казался очень простымъ. На ней было фіалковаго цвѣта шелковое платье, прекрасно облегавшее ея плечи и руки свѣжой бѣливны и классической формы; на волосахъ не завитыхъ, но слегка запудренныхъ наброшенъ на испанскій манеръ чернѣй кружевной платочекъ, и только нѣсколько брилліантовъ рѣдкой стоимости и поразительнаго блеска довершали ея туалетъ. Она имѣла видъ истинной принцессы, смотря на нее, становилось понятно честолюбіе маркизы возвысить Францію и сдѣлать ея великой и могущественной. Маркиза дѣятельно заботилась о своемъ образованіи; она обнаруживала рѣдкія способности и обширныя познанія въ музыкѣ и живописи.

Маркиза протянула руку графинѣ и, дѣлая видъ будто не замѣчаетъ шевалье, обратившись лѣзбно къ молодой женщинѣ, сказала:

— Здравствуйте, графиня, вы становитесь съ каждымъ днемъ все красивѣе и моложе, какъ утренняя заря, съ тою только разницею, что ваша красота прочнѣе и безопасна отъ похищенія Гигона.

— Владычество зари кратковременно, возразила графиня, вторя комплименту высочимъ тономъ; ея свѣтъ исчезаетъ, какъ только покажется блестящее свѣтило дня.

— Вы льстите, отвѣтила маркиза, но по моему мнѣнію краткое владычество и есть самое восхитительное. Утренняя заря заключаетъ въ своихъ розовыхъ сумеркахъ изобиліе надеждъ, богатство сновидѣній, между тѣмъ какъ солнце освѣщаетъ трудъ и дневныя заботы.

Маркиза вопросительно посмотрѣла на стоящаго поодаль скромнаго молодого человѣка.

— Шевалье Деонъ де-Бомонтъ, маркиза, сказала графиня, другъ моего покойнаго супруга. Я его первый

разъ встрѣтила здѣсь и онъ мнѣ сказалъ, будто вы назначили ему аудіенцію сегодня, въ этотъ часъ..

Маркиза была немного удивлена словами графини, но тотчасъ же замѣтила:

— Ахъ, шевалье Деонъ, какъ я рада васъ видѣть. Шаузелъ такъ много говорилъ про васъ. Онъ въ восхищеніи отъ вашихъ брошюръ; герцогъ хотѣлъ представить васъ его величеству, помочь вамъ сдѣлать карьеру. Я также готова покровительствовать вашему таланту, такъ какъ способные люди дѣйствительно нужны Франціи. Съ этою цѣлью я непремѣнно желала съ вами познакомиться, дожидая маркиза, любовно улыбувшись.

— Маркиза слишкомъ добра, — я надѣюсь.. пробормоталъ шевалье въ смущеніи.

— Герцогъ такъ много говорилъ мнѣ о вашей учености, объ остротѣ и вѣрности вашихъ политическихъ сужденій и я... я думала, что вы гораздо старше.. замѣтила маркиза.

Шевалье вѣдрогнулъ, когда увидѣлъ какое впечатлѣніе произвела его маленькая нѣжная фигурка на эту женщину, отъ которой зависѣла вся его будущность. Онъ увидѣлъ, какъ губы графини складываются въ насмѣшливую улыбку, и красна гнѣва бросился въ лицо молодому человѣку. Но этотъ гнѣвъ придалъ ему увѣренности и возвратилъ самообладаніе.

Твердымъ и грустнымъ голосомъ шевалье отвѣчалъ:

— Сила ума и духа, маркиза, не зависятъ отъ величины и объема тѣла, — иначе лучшихъ дипломатовъ приходилось бы отыскивать среди гренадеровъ полка его величества! Здѣсь, передъ вами, маркиза, предъизбралъ шевалье, стоитъ человѣкъ, который на дѣлѣ можетъ доказать справедливость своего мнѣнія.

Маркиза, при запальчивомъ тонѣ неизвѣстнаго молодого человѣка какъ будто оскорбилась, но при послѣднемъ его замѣчаніи она улыбулась и, покачавъ головою, сказала:

— Вы совершенно оправедливы, шевалье, простите

мнѣ мое неосторожное выраженіе. Вы такъ вѣрно преслѣдуете всѣ проявленія общественной жизни, что васъ можно назвать, какъ говорилъ мнѣ Шаузель, однимъ изъ замѣчательныхъ представителей новѣйшей философіи, волнующей въ настоящее время умы всѣхъ. Мнѣ также очень хотѣлось бы освободить отъ тягостнаго гнета нужды и бѣдности этого чудака Жанъ Жакъ Руссо, знаменитаго по тонкому уму и способностямъ. Я назначила ему житья сегодня; останьтесь здѣсь, шевалье, и вы будете въ состояніи судить объ этомъ апостолѣ новаго ученія, также ли онъ хорошо говорить, какъ пишетъ.

Шевалье поклонился, а маркиза, преслѣдуя мысль, продолжала говорить въ полголоса:

— У меня два врага, угрожающіе правительству заговоромъ, главныя вѣсти котораго находятся у меня въ рукахъ. Это духовенство, т. е. главнымъ образомъ иезуиты и философы; впрочемъ съ послѣдними я кажется скоро заключу миръ.

Шевалье удивленно посмотрѣлъ на маркизу.

— А другихъ, заговорила снова маркиза, я надѣюсь подчинить трону. Сама я стою на твердой почвѣ; — правда, Руссо и его приверженцы недоступны, — ну, да я сама съ нѣтъ поговорю.

— Жанъ Жакъ Руссо, воскликнула графиня, — это тотъ чудакъ, который въ своихъ сочиненіяхъ, удостоенныхъ награды, проповѣдуетъ новые взгляды на жизнь. Я буду въ восхищеніи его видѣть!

— Онъ списывалъ мнѣ ноты, отвѣчала маркиза и недавно прислалъ отдѣльные номера оперы своего сочиненія «Le devin du village». Опера эта написана оригинально и съ большимъ талантомъ. Жалею только, что его талантъ принужденъ постоянно бороться съ нуждами и лишеніями обывательской жизни. Я желала бы избавить его отъ нужды, желала бы отстранить отъ него препятствіе къ полному развитію его ума и способностей.

— Я боюсь, что вамъ это не удастся, маркиза, сказала почтительно шевалье.

— Не удастся? воскликнула надмѣннымъ тономъ

удивленная маркиза. Отчего? Считаете ли вы меня настолько бѣдной, не въ состоянiи удовлетворить потребностямъ господина Руссо?

— Можетъ быть вы слишкомъ богаты для этого, маркиза, замѣтилъ шевалье;— но мнѣ кажется Руссо такимъ человекомъ, который вѣчно будетъ бороться съ нуждой, до тѣхъ поръ, пока или не выйдетъ изъ нея побѣдителемъ, или окончательно не надломитъ своихъ силъ.

— Мы посмотримъ, отвѣчала гордо маркиза и позволила въ маленькiй колокольчикъ, стоявшiй на столѣ.

— Позвать господина Руссо, приказала маркиза вошедшему лакею. Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную входилъ медленными шагами Руссо, возбуждвшiй своими идеями сильное волненiе и страшный переворотъ въ обществѣ, несмотря на то, что большая часть его сужденiй не была еще понята публикою.

На Руссо былъ надѣтъ востромъ изъ сѣраго сукна, сѣрые шерстяные чулки и толстые башмаки, на которыхъ были ясныя слѣды его путешествiя нѣшномъ. На головѣ былъ надѣтъ круглый парикъ изматый, и давно уже вышедшiй изъ рукъ парикмахера.

Лицо его, блѣдное и болѣзненное, дурно выбритое, носило отпечатокъ смущенiя и досады въ одно и тоже время. Излишняя выпуклость, слѣдствiе близорукости, отнимала отъ глазъ выраженiе духовной жизни; вся фигура вообще, не смотря на свою простоту, имѣла что-то оригинальное, производила на всѣхъ прiятное впечатлѣнiе, однимъ словомъ одна изъ тѣхъ наружностей, которыя съ перваго раза располагають къ себѣ сердца людей.

Философъ, казался, не замѣчалъ любопытныхъ взглядовъ, обращенныхъ на него со всѣхъ сторонъ; онъ твердыми шагами проходилъ по комнатамъ, неся потную тетрадь подъ мышкой. Дойдя до среднiхъ комнатъ, онъ почтительно поклонился дамамъ и слегка кивнулъ головою шевалье.

Онъ заговорилъ сухимъ, педагогическимъ голосомъ, въ поучительномъ тонѣ:

— Мнѣ приказано самому принести свою работу, вѣроятно для передачи какого нибудь замѣчанія на счетъ списыванія нотъ. Я пришелъ, принесъ работу и готовъ выслушать.

Онъ посмотрѣлъ вопросительно на обѣихъ дамъ.

Графиня отодвинулась назадъ, а маркиза, подходя на нѣсколько шаговъ, сказала:

— Я просила васъ придти сюда, Руссо, не для замѣчанія насчетъ списыванія нотъ; напротивъ, я нахожу такое пустое занятіе слишкомъ недостойнымъ васъ. Я желала познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, который сдѣлался знаменитостью во всей образованной Франціи и увѣнчанъ наградами отъ академіи Дижонъ.

— Вы маркиза де-Помпадуръ? спросилъ Руссо, прерывая рѣчь маркизы.

— Да, я, отвѣчала маркиза; и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ усердныхъ почитательницъ вашихъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ сочиненій.

— Я никакъ не думалъ, заговорилъ холодно Руссо, что вы занимаетесь подобнымъ чтеніемъ.—Вы назвали мои сочиненія замѣчательными и оригинальными? Печально слышать, какъ въ настоящее время, въ свѣтъ, простую правду считаютъ за оригинальность. Главная задача моего сочиненія была—рѣшить способствуетъ ли развитіе искусствъ и наукъ къ очищенію нравовъ? Я рассмотрѣлъ этотъ вопросъ и нахожу, что науки и искусства могутъ служить къ улучшенію нравовъ только въ такомъ случаѣ, если будутъ существовать добродѣтель и трудъ—основныя начала всякой нравственной жизни. Безъ этихъ началъ наука обратится въ обманчивую игру разума, а искусство—въ невольницу воображенія. Это такая истина, которой могутъ удивляться только люди, отвыкшіе совершенно работать и утратившіе всякую добродѣтель.

— Если это такъ, Руссо, возразила маркиза, то только

мужественный и умный человекъ въ наше время могъ высказать эту правду такъ ловко и мѣтко, какъ сдѣлали вы.

— Вотъ ваша нотная тетрадь, маркиза, сказала Руссо почти невѣжливо. Есть у васъ еще работа для меня? Онъ подалъ тетрадь маркизѣ.

Маркиза положила тетрадь на столъ и сказала:

— Нѣтъ, Руссо, я и то же могу простить себѣ за то, что употребила способности и время такого человека, какъ вы, на пустую работу, которую можетъ исполнить всякій обыкновенный писецъ.

— Я сожалею, маркиза, что у васъ нѣтъ болѣе работы для меня; списываніе для васъ нѣтъ составляло значительную часть моего содержанія. Кажется я исполнилъ мою работу правильно, и съ большою тщательностію.

— Превосходно, безъ одной ошибки, отвѣчала маркиза, но какъ я уже сказала, этотъ трудъ недостойнъ васъ.

— Всякая работа достойна человека, если она доставляетъ ему средства къ пропитанію. Трудъ есть благородная цѣль нашего существованія, — онъ возвышаетъ насъ надъ тѣми праздно-шатающимися лѣнтяками, которые живутъ и наслаждаются благами міра, пользуясь трудами людей, работающихъ въ потъ лица. Я очень сожалею, что долженъ потерять работу, но конечно вы свободны, маркиза, отдавать списывать ваши ноты, кому угодно. Попрошу васъ, отдайте мнѣ должную плату, и я не буду долже беспокоить васъ моимъ прісутствіемъ.

— Вы не поняли меня, Руссо, возразила милостиво маркиза, — я далека отъ мысли лишити васъ какого нибудь заработка, напротивъ, я всѣми силами стараюсь избавити васъ отъ всякихъ попеченій, чтобъ вы вполне могли посвятить талантъ и время на радость и поученіе нашему свѣту. Ваши друзья прислали мнѣ недавно отрывки изъ вашей оперы «Le devin du village». Эта опера заключаетъ въ себѣ мѣста, которыя приводятъ меня въ

восхищеніе, — король также вамъ очень признателенъ за неѣ.

— Да, она говоритъ вашимъ ввусамъ, маркиза, и ввусамъ короля.

— Какое гордое слово, Руссо! вскричала оживленно графиня, — я не хочу васъ опровергать, но простите, — меня чрезвычайно удивляетъ, что вы такъ равнодушно относитесь, даже какъ будто отказываетесь отъ признательности короля.

— Я не отказываюсь отъ признательности короля, но только удивляюсь, почему правда кажется такою рѣдкостью теперь. Мое выраженіе не отличается гордостью, никто не долженъ гордиться силами и способностями, дарованными отъ природы. Но если я что нибудь содалъ, то самъ и могу судить, хорошо мое сочиненіе или дурно. Еслибъ моя опера не была хороша, а бы ея уничтожилъ. Та излишняя скромность, которая унижаетъ собственное произведеніе, называется ложью, а я не терплю лжи ни въ мысляхъ, ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ.

— Господинъ Руссо правъ, сказала маркиза. Умъ, создавшій великое и прекрасное, чуждъ излишней стыдливости. Но сознайтесь, продолжала маркиза съ легкой ироніей, что его величество имѣетъ изящный ввусъ, найдя ваше произведеніе превосходнымъ. Чтобъ избавить васъ отъ попеченій, мѣшающихъ развитію творческой силы вашего таланта, его величество назначилъ вамъ ежегодный пенсіонъ въ три тысячи ливровъ. Мнѣ же позвольте съ своей стороны заплатить вамъ за работу не по опредѣленной цѣнѣ, а по собственному желанію.

Она взяла со стола маленькую шкатулочку, украшенную золотыми инкрустациями и дорогими камнями, и вынувъ оттуда кошелекъ, наполненный золотомъ, подала его философу:

Руссо спокойно и холодно отклонилъ отъ себя кошелекъ и заговорилъ, пожимая плечами:

— Маркиза, вы мнѣ дайте въ тысячу разъ болѣе того, что слѣдуетъ мнѣ за списываніе нотъ. Какое право

имѣете вы отнимать эти деньги отъ бѣдныхъ нуждающихся въ хлѣбѣ, одѣяніи и кровѣ, и отдавать ихъ мнѣ.

Онъ взялъ золотую монету изъ кошелька и положилъ ее на столъ.

— Вотъ настоящая плата за мой трудъ, а если деньги въ кошелькѣ лишніи для васъ, то раздайте ихъ бѣднымъ, которые нуждаются въ необходимомъ. Такихъ вы найдете довольно.

Маркиза заговорила съ любезной улыбкой:

— Я думала, что вы горды, но все таки надѣялась, что человѣкъ, живущій самыми благородными и возвышенными свойствами человѣческой души, не откажется принять маленькую помощь отъ ревностной почитательницы его таланта. Теперь я вижу, что ошиблась, вы позволите только королю войти въ ваше положеніе и помочь вамъ въ материальномъ отношеніи.

— Я вамъ очень благодаренъ, маркиза, сказалъ Руссо покровительственнымъ тономъ, такъ какъ всякое доброе желаніе заслуживаетъ благодарности, но принять вашъ подарокъ я не могу. Я не хочу лишиться многихъ бѣдныхъ возможности получать должное вознагражденіе за ихъ трудъ. Поблагодарите также короля, маркиза, и попросите его величество употребить назначенный мнѣ пенсіонъ на какое нибудь благотворительное учрежденіе для больныхъ и убогихъ, которые не въ состояніи сами работать, а же богатъ и независимъ: я самъ могу прокормить себя.

— Какъ, господинъ Руссо, вы отказываетесь отъ пенсіона, назначеннаго вамъ его величествомъ? замѣтила съ удивленіемъ маркиза.

— Я отказываюсь отъ этого пенсіона, отвѣчалъ Руссо, потому что не заслужилъ его тѣмъ, что дѣлалъ до сихъ поръ, и не надѣюсь заслужить монимъ послѣдующими трудами.

Маркиза бросила быстрый взглядъ на шевалье, который, опершись на ручку кресла, съ живымъ интересомъ

слѣдилъ за разговоромъ. Дѣйствительно было любопытное зрѣлище видѣть дурно одѣтаго человѣка, въ запяленныхъ грубыхъ башмакахъ среди роскошной и изящной обстановки гостиной, возлѣ женщины — красавицы, пользующейся не только всѣми благами міра, но и благосклонностію самаго короля. И вдругъ этотъ бѣдный человѣкъ рѣшительно отвергаетъ предложеніе знатной женщины, привыкшей къ общему поклоненію.

Казалось, въ блестящую атмосферу двора незамѣтно проникъ духъ народа терпѣливаго и нуждающагося, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордаго и сильнаго. Обѣ дамы вздрогнули отъ невольнаго ужаса, охватившаго ихъ при появленіи этого незнакомаго духа, вѣяніе котораго впоследствии часто замѣчалось въ этихъ позолоченныхъ залахъ.

Маркиза инстинктивно чувствовала настоятельную потребность покорить себѣ этотъ духъ. Она преодолѣла неприятное чувство, возбужденное въ ней рѣзкимъ отказомъ Руссо и заговорила серьезно, но съ такою изысканною вѣжливостію, какъ будто передъ ней стоялъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ двора.

— Мнѣ кажется, что вы простираете вашу гордость слишкомъ далеко. — Развѣ это не обязанность короля возвышать все благородное, великое надъ низкимъ и посредственнымъ? Развѣ это не долгъ талантливыхъ и умныхъ людей придать своею ученостію блескъ и величіе трону ихъ родной страны? Вспомните какое прекрасное незабвенное общество сосредоточивалось вокругъ короля въ прошломъ столѣтіи. Общество это можно сравнить съ символическимъ изображеніемъ солнца, съ тою разницею, что окружающія свѣтила не только сами получали свѣтъ отъ главнаго свѣтила, но и давали его. И вотъ, я надѣялась, это была одна изъ пламенныхъ моихъ надеждъ, собрать у трона его величества таланты и умы настоящаго времени, чтобы они сообща съ могуществомъ возвратили Франціи прежніе блескъ и славу.

— Не надѣйтесь на это, маркиза, воскликнулъ Руссо. Теперь совершенно другое время; будущее идетъ не по слѣдамъ прошлаго столѣтiя, но по новому пути, который ясно виднѣтъ передъ моими глазами. Маркиза, таланты, окружавшіе престолъ Людовика XIV и принадлежавшіе въ его обществу, жили въ мирѣ воображенiя, населенномъ образами ихъ фантазiи. Всѣ благородныя чувства и побужденiя, воспѣваемые этими писателями и пороки, ненавидимые ими, принадлежали къ области наслажденiя и счастья, далеко преобладавшей въ прошломъ столѣтiи надъ бѣднымъ нуждающимся и терпѣливымъ народомъ. Тѣ писатели не проникали въ глубь человѣческой жизни и никогда не спускались въ темныя пропасти безплоднаго труда, лишенiя, униженiя и тупаго безнадежнаго горя. Что значитъ трагическое несчастье какаго нибудь героя, побитаго непрiятелемъ, среди грома пушечъ и оружія, между тѣмъ какъ его имя будетъ написано огненными буквами среди народа, — уморительныя страданiя какаго нибудь воображаемаго больного, или лицемѣрныя преслѣдованiя тартюфа, въ сравненiи съ ужасными, тупыми и мучительными страданiями народа, который съ неизмѣннымъ равнодушіемъ тратитъ свои послѣднія силы въ трудахъ, въ тщетныхъ усилiяхъ хотя нѣсколько подняться и насладиться счастьемъ и беззаботностью, которыми такъ неудержимо пользовались его предки. Бросьте взглядъ въ глубину этихъ бѣдствiй, маркиза, и вы увидите, что только одинъ сонъ подаетъ несчастнымъ силу претерпѣвать страданiя и что освободить его можетъ только смерть. Трагическіе образы героевъ и писателей прошлаго столѣтiя окружены блестящимъ сіяніемъ. Ихъ страданiя облагораживаютъ, укрѣпляютъ человѣческую душу и возвышаютъ ея безсмертіе до небснаго величiя; между тѣмъ какъ страданiя приниженаго и истомленнаго народа унижаютъ душу, уничтожаютъ умъ и гасятъ священное пламя, зажженное благодѣтельной природой въ сердцѣ каждаго человѣка. Тѣ люди, о которыхъ вы говорите,

маркиза, не знали народа, а если и видѣли его цѣпи, то старались ихъ озолотить и украсить цвѣтами, чтобы и бѣдствіе имѣло видъ благородный и красивый. Видъ красоты скрывалъ и измѣнялъ правду;—теперь же со-всѣмъ другое, просвѣщенные умы нашего вѣка имѣютъ высшее назначеніе,—ихъ задача не озолотить и отграничить цѣпи народа, но совершенно ихъ порвать!

Въ волненіи отъ чувства и убѣжденія, Руссо начиналъ говорить все пламеннѣе и живѣе, глаза его заблестѣли, а слабый и недовѣрчивый взглядъ засвѣтился яркимъ огнемъ. Но когда онъ кончилъ, то фигура его приняла прежній оцѣпенѣлый видъ, онъ оглядѣлся кругомъ и, казалось, раскаявался, что говорилъ такъ много. Шевалье посмотрѣлъ испытующимъ взглядомъ на маркизу, которая, тронутая до глубины души, стояла, грустно опустивъ голову.

— Я надѣялась, господинъ Руссо, сказала она наконецъ, приобрести въ васъ друга, а теперь вижу, что должна васъ опасаться, какъ непримиримаго врага. Но остерегайтесь, господинъ Руссо, продолжала маркиза, — лейтенантъ полиціи короля не услышалъ бы вашихъ словъ. тогда вы можете попасть въ бастилію и ни я, и никто другой не въ состояніи будетъ освободить васъ изъ подъ ея темныхъ сводовъ.

Руссо, казалось, былъ пораженъ глубокимъ сочувствіемъ, звучащимъ въ словахъ маркизы, онъ подошелъ къ ней ближе и сказалъ голосомъ болѣе мягкимъ, нежели говорилъ до сихъ поръ:

— Вы будете считать меня непримиримымъ врагомъ, маркиза? Нѣтъ! Врагомъ вашимъ я не буду, потому что ни одинъ человѣкъ не долженъ быть врагомъ другому; природа создала всѣхъ насъ братьями и самая высокая добродѣтель заключается въ томъ, чтобъ забыть самого себя изъ любви къ ближнему. Высокое евангельское ученіе прельщаетъ меня чистотою и справедливостію идей и праиль. Этого ученія и я придерживаюсь. Я сожалѣю тѣхъ людей, ко-

торымъ правда остается закрытою и неизвѣстною, но я не вражду съ ними; моими врагами могутъ быть только тѣ, которые, узнавъ правду, сознательно ея отрицаютъ и не слушаютъ. Что же касается до гячальнива полиціи, то онъ, маркиза, не имѣетъ никакого повода угрожать мнѣ крѣпостью; я не проповѣдую ни кровавыхъ битвъ, ни возмущенія противъ государственнаго порядка, какъ можетъ быть многіе это заключаютъ изъ фальшиваго пониманія моихъ сужденій. Я хочу только сдѣлать людей свободными отъ тираніи господствующихъ классовъ и отъ ихъ собственныхъ страстей и пороковъ. Я хочу привести людей къ гордому сознанію своихъ правъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ смиренному исполненію обязанностей. Мои послѣдователи будутъ также проповѣдывать это ученіе, и вотъ, когда введены будутъ добродѣтель, любовь къ ближнимъ и трудъ—основныя начала общественной жизни, тогда конечно на землѣ не будетъ мѣста вооруженнымъ стражамъ и пышному трону, но это не значить, что престоль будетъ пораженъ пламенемъ и залитъ кровью; нѣтъ, но тогда послѣдній изъ королей, съ радостными слезами на глазахъ, откроетъ свои объятія народу, потому что онъ будетъ всѣхъ считать себѣ равными братьями. Еслибъ полиція и вздумала заключить меня въ крѣпость, то я не боюсь, маркиза; меня можно сломить, но нельзя уничтожить духа, который наполняетъ мое сердце и скоро наполнитъ сердца всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. Даже суровыя и грозныя стѣны бастиліи исчезнутъ передъ вѣяніемъ этого духа, какъ разлѣтаются столбы пыли отъ дуновенія вѣтра. И вдругъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышаются мрачныя своды темницы и слышится вопль заключенныхъ, веселый и счастливый народъ, украсивъ себя вѣнками и гирляндами, будетъ справлять свой торжественный праздникъ.

— Отчего, спросила маркиза, вы, проповѣдая такое мирное и кроткое ученіе, не хотите пріютиться подъ за-

щитою трона короля? Развѣ вашъ духъ не высказывался бы свободнѣе и радостнѣе, еслибы вы, благодаря великодушію короля, были избавлены отъ ежедневныхъ заботъ о пропитаніи.

— Великодушіе короля, маркиза! возразилъ Руссо. Еслибъ это было на самомъ дѣлѣ великодушіе, то и тогда не пріятно быть обяваннымъ. Человѣкъ долженъ выказывать великодушіе только къ тѣмъ людямъ, которые не въ состояніи себѣ сами помочь, а я пока еще могу работать.

— Вы заставляете меня просить васъ о такихъ вещахъ, которыя всякій стель бы за счастье имѣть, замѣтила маркиза. Я слышала, господинъ Руссо, продолжала она, бросая проникательный взглядъ на философа, что у васъ есть семья.

Руссо удивленно посмотрѣлъ на маркизу.

— Семья въ настоящемъ значеніи слова у меня нѣтъ, отвѣчалъ Руссо; но я раздѣляю мой трудъ и удовольствіе съ однимъ существомъ, которое любитъ меня и одинаковыхъ со мною взглядовъ на жизнь.

— Но развѣ та, которую вы любите, не была бы счастливѣе, пользуясь нѣкоторыми удобствами въ жизни? спросила маркиза. И ваши дѣти.

— Моихъ дѣтей, маркиза, отвѣчалъ холодно Руссо, я отдаю въ воспитательный домъ и не забочусь объ ихъ будущности. Тамъ они получаютъ воспитаніе лучше, нежели какое я могъ имъ дать.

— Ужасно! воскликнула графиня Рошфоръ. Невозможно повѣрить, чтобъ такая жестокость соединялась съ благородными чувствами въ одномъ человѣкѣ!

— Жестокость? спросилъ Руссо, повараживаясь къ графинѣ. А это вы назвали бы менѣе жестокимъ, когда бѣдные родители заставляютъ дѣтей претерпѣвать нужду и бѣдствія, а иногда даже умирать отъ голода, или когда богатые развращаютъ чистыя души дѣтей дурнымъ при-

мѣромъ и своею безпечною. Нѣтъ, маркиза, я нахожу менѣе жестокимъ и порочнымъ отдавать дѣтей въ домъ призрѣнія, гдѣ они вырастаютъ, не зная привязанности къ родителямъ или родственникамъ и научаясь любить все человѣчество, какъ свою семью!

Маркиза, привыкшая къ всеобщей лести и поклоненію, стояла теперь въ нерѣшимости, размышляя какъ ей найти въ этомъ бѣдномъ и простомъ человѣкѣ дурныя стороны, на которыя она могла бы напасть.

Когда онъ кончилъ, маркиза заговорила мягкимъ, проникающимъ въ душу голосомъ.

— Еслибъ вы не были бѣдны, гостодинъ Руссо, и могли бы посвятить все ваше время безпрепятственно на развитіе вашего таланта и занялись бы исключительно вашими сочиненіями, то повѣрте та, которую вы любите, смотрѣла бы на васъ съ большою гордостью, нежели теперь, когда ей приходится переносить вмѣстѣ съ вами нужду и голодъ. И тогда, продолжала маркиза, приближаясь къ Руссо, вы могли бы оставить дѣтей у себя, внушать имъ ваши мысли, чувства, желанія, влиять въ сердце вашего сына любимыя вами убѣжденія и постоянно слѣдить за его развитіемъ. Мало по малу вашъ сынъ подрасталъ бы, и вы видѣли бы собственный портретъ въ молодомъ видѣ. Къ старости вы находили бы въ сынѣ подпору и утѣшеніе. Развѣ это счастье недостойно добродѣтельнаго и благороднаго человѣка?

Руссо слушалъ маркизу съ большимъ волненіемъ. Потомъ онъ протянулъ руки и, опустивъ глаза въ землю, проговорилъ съ чувствомъ.

— О мой Богъ! Мой Богъ! Какъ была бы счастлива моя Тереза, какъ заблестѣли бы ея глаза и покрылись румянцемъ щеки!—А мой дѣти, какъ жаль бываетъ всегда ихъ отрывать отъ себя и не видать никогда яснаго взгляда ихъ невинныхъ глазъ. Имѣть сына, воспитаннаго въ моихъ правилахъ, который принадлежалъ бы мнѣ не только по плоти и крови, но и по духу, воспитанію!

Печальная улыбка появилась на губахъ Руссо и онъ,

устремивъ глаза въ пространство, какъ бы разсматривая какое нибудь видѣніе, едва слышно прошепталъ:

— А это было бы хорошо, очень хорошо!

Маркиза смотрѣла съ торжествомъ на колебаніе такого твердаго и рѣшительнаго человѣка. Наконецъ приблизившись къ Руссо, маркиза взяла его за руку и голосомъ, полнымъ искренности и сочувствія, сказала:

— Не правда ли, господинъ Руссо, вы примите пенсіонъ, назначенный вамъ королемъ добровольно безъ всякихъ просьбъ.

Руссо испугался, услышавъ тонъ ея голоса, потомъ погрузился въ размышленія, причемъ лицо его становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ.

— А я такъ гордился моею силою, заговорилъ Руссо глухимъ голосомъ внутренняго страданія, между тѣмъ какъ взволнованная маркиза не спускала глазъ съ выразительнаго лица философа. Я думалъ, что суровая правда помогла мнѣ удалить отъ себя всѣ иллюзіи и болѣзненную слабость моей души, которая совращаетъ насъ съ истиннаго пути и мѣшаетъ исполненію нашихъ обязанностей. И вдругъ первое искушеніе и передо мной возстаетъ свѣтлая картина обманчиваго земнаго счастья. Теперь всѣ должны указывать на меня съ насмѣшкою и говорить: вотъ идетъ Жанъ Жакъ Руссо, который проповѣдуетъ добродѣтель, а самъ не въ силахъ слѣдовать своему ученію. Ради денегъ онъ продалъ свободу и отвергнулъ правду.

Руссо гордо выпрямился и громко заговорилъ:

— Нѣтъ, маркиза, нѣтъ, я не возьму денегъ, я останусь вѣренъ труду и свободѣ. Скажите королю, что онъ можетъ за свое золото купить полеводцевъ и министровъ, но что всѣ его сокровища не въ состояніи подкупить Жакъ Жака Руссо! А это было бы такъ хорошо, бѣдная Тереза... мои дѣти.

Руссо началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.

— Я не хочу, воскликнулъ онъ, поддаваться искуше-

нію; несчастный бѣги скорѣй, если ты такъ слабъ, что не можешь сладить съ собой! Будьте здоровы, маркиза, сказалъ Руссо, слегка поклонившись, затѣмъ, не оборачиваясь назадъ, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Когда Руссо вышелъ изъ гостиной, маркиза стояла погруженная въ глубокую задумчивость. Въ комнатѣ царило мертвое молчаніе. Бываютъ минуты, когда призраки прошедшихъ столѣтій будто встаютъ изъ давно минувшаго времени и наполняютъ страхомъ души живущихъ на землѣ, теперь же напротивъ, казалось, будто пронеслись призраки будущаго и наложили мрачную тѣнь на приближающіеся дни.

— Какой ужасный человекъ! воскликнула наконецъ графиня Рошфоръ, сильно отряхивая головою, какъ будто хотѣла освободиться отъ тяготившаго ее проклятія. Я начала ужъ испытывать симпатію къ нему, такъ рѣчь его была благородна и честна, но я не понимаю, какъ изъ пустаго упрямства отказываться принять милость короля и присуждать этимъ свою подругу терпѣть нужду, дѣтей—жить въ воспитательномъ домѣ, безъ ласкъ отца и матери! Нѣтъ, если это называется добродѣтелью, которую онъ такъ краснорѣчиво проповѣдуетъ, такъ я не хочу быть добродѣтельною, я лучше останусь такою какъ есть, сохраняя сердце добрымъ и чувствительнымъ.

Маркиза подошла къ шевалье и сказала:

— Вы правы, шевалье, я была или слишкомъ бѣдна или слишкомъ богата побѣдить этого человека! Вы вѣроятно знали его прежде, прибавила она, какъ бы не желая и допустить возможности, чтобъ шевалье могъ лучше ея повѣть философа.

— Я его сегодня видѣлъ въ первый разъ, маркиза, скромно возразилъ шевадье, и очень вамъ благодаренъ за то, что вы доставили мнѣ случай познакомиться съ философомъ, но я знакомъ съ странностями Руссо изъ его сочиненій, которыя я подробно изучалъ.

— У него характеръ отшельника, замѣтила недовольно маркиза. Онъ будетъ, вѣчно изолированъ отъ всего міра!

Тонкія, блѣдныя черты молодого человѣка оживились и онъ, бросивъ пристальный взглядъ на маркизу, заговорилъ тономъ глубокаго убѣжденія:

— Я не думаю этого, маркиза, настанетъ время, и оно можетъ быть ужъ не слишкомъ далеко, когда духъ философа не будетъ казаться страннымъ никому, а напротивъ будетъ преобладающимъ, и не только среди народа, но и въ обществѣ и при дворѣ. Тогда всѣ будутъ послѣдователями ученія Руссо.

— Такъ по вашему стало быть дѣйствительно близко то время, когда послѣдній изъ королей сойдетъ съ трона и со слезами на глазахъ отвернетъ объятія народу.

— Нѣтъ, этого я не говорю, маркиза, возразилъ шевадье серьезно, такое предположеніе—болѣе ничего, какъ фантазія богатаго воображенія философа, но можетъ случиться совсѣмъ другое.

— Стало быть вы утверждаете, что теперь король не другъ своего народа? замѣтила удивленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ тономъ маркиза.

— Клянусь Богомъ, что нѣтъ, маркиза, воскликнулъ шевадье! Я честный дворянинъ, готовъ пожертвовать жизнью и пролить кровь до послѣдней капли за его величество, но все таки скажу, развѣ король съ своей неприступной высоты принимаетъ какое нибудь участіе въ жизни и страданіяхъ народа? Совсѣмъ нѣтъ. Какая непроходимая пропасть между королемъ и народомъ! Привилегированныя сословія пользуются трудами народа, и это пользованіе не слишкомъ то благотельно для ко-

роля и всей страны. Неужели вы не замѣчаете, маркиза, продолжалъ шевалье, все болѣе и болѣе воодушевляясь и совершенно позабывъ о мѣстѣ, гдѣ онъ находится, присутствіе во Франціи таинственной и страшной силы, распустившей изъ Рима свои сѣти по всему свѣту, той страшной силы, которая въ блестящее царствованіе покойнаго короля была отвергнута, а теперь, по милости незамѣнутости правленія, снова подняла голову! Ужъ и въ настоящее время Франція поглощена проясками ордена, который, назвавшись именовъ Іисуса; пускаетъ въ ходъ только хитрость и интриги.

Маркиза была тронута свободною, теплою искренностью и твердою увѣренностью молодого человѣка.

— Я не расположена къ ордену, возразила маркизатавъ дружелюбно, какъ будто она говорила съ старымъ знакомымъ: во первыхъ я вижу стремленіе его къ владычеству, отчего недавно я должна была дать почувствовать ордену свое вліяніе, во вторыхъ, они не любятъ Шуазеля—моего друга; но все таки этотъ орденъ очень могущественъ и лучше имѣть ихъ друзьями, нежели врагами. Мнѣ совѣтовали, продолжала маркиза съ ожесточеніемъ, выбрать духовника изъ среды членовъ ордена, а говорила уже объ этомъ съ превосходнымъ и достойнымъ патеромъ де-Сази.

— Ахъ, маркиза, быстро прервалъ шевалье съ жаромъ, схвативъ руку маркизы де-Помпадуръ! Если вы только это сдѣлаете, то Франція погибла и вы также—или вы должны будете сдѣлаться орудіемъ, лишеннымъ всякой свободы въ рукахъ святыхъ отцовъ!

Графиня Рошфорть поднялась даже съ мѣста отъ удивленія.

— Какая рѣчь! Какое пылкое воодушевленіе! Такимъ шевалье я васъ никогда не видала, прошептала графиня.

Сама маркиза была поражена сильнымъ воодушевленіемъ робкаго молодого человѣка; взглядъ ея съ удовольствіемъ покоился на его лицѣ. Вскорѣ шевалье опом-

нился и, выпустивъ руку маркизы, заговорилъ болѣе ровнымъ тономъ, но безъ всякаго смущенія:

— Маркиза, вы держите въ рукахъ судьбу великой и благородной націи, — позвольте мнѣ на время позабыть, что вы вліятельная личность, отъ расположенія духа которой зависить вся моя будущность и не запрещайте мнѣ говорить съ вами, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

— Говорите, шевалье, — сказала маркиза, опускаясь въ кресло.

— Всѣ умы Франціи стремятся въ свободѣ, заговорилъ шевалье голосомъ громкимъ, спокойнымъ, безъ остановки; это не значить, чтобъ они желали освободиться отъ власти короля, который составляетъ плоть и кровь націи, который раздѣляетъ вмѣстѣ съ народомъ радость и горе, величіе и униженіе, какъ голова не можетъ отдѣлиться отъ остальныхъ членовъ тѣла, но всѣ жаждутъ отвергнуть власть, проникнувшую къ намъ изъ Рима. Эта власть не признаетъ ни государственныхъ, ни народныхъ правъ, она дѣлитъ землю на провинціи и подчиняетъ ихъ исключительно своему произволу.

— Вы думаете, шевалье, спросила маркиза, что государство можетъ существовать безъ религіи; безъ церкви?

— Я этого не говорю, маркиза, возразилъ шевалье. Я вѣрующій христіанинъ и почитаю церковь, какъ наружную, необходимую и достойную почитанія форму божественнаго служенія, но развѣ таковой могущественный и великій народъ, какъ мы, маркиза, не можетъ создать собственную церковь и въ ней молиться Богу, не отдавая ключъ нашей церкви чужому священнику, равнодушно относящемуся къ счастью и величію Франціи, въ жилахъ котораго не течетъ ни капли французской крови! Вѣдь король не поручитъ начальства надъ своими арміями, составляющими сокровище его страны, какому нибудь чужому полководцу? Зачѣмъ же онъ допускаетъ чужаго священника изъ Рима соединяться съ смертельными врагами Франціи и держать въ рукахъ могущество страны? Вліяніе его та-

готѣтъ надъ народомъ, сковываетъ духъ его въ мрачныя, неразрывныя цѣпи, лишаетъ свободы и дѣлается такимъ образомъ судьей самой священной собственности его — совѣсти и вѣрованія! И гдѣ же господствуетъ этотъ чужестранецъ, врагъ Франціи, въ странѣ потомка Генриха IV...! Не посредствомъ епископовъ, или духовныхъ лицъ церкви, можетъ совершиться переворотъ, но черезъ васъ, маркиза. Вы принимаете живое участіе въ судьбѣ Франціи, съ вами примирится духъ и совѣсть народа, но вы связаны во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, всюду проникающимъ, могуществомъ ордена Іисуса, который, какъ холодная змѣя обвиваетъ государство и церковь и держитъ ихъ въ подчиненіи Риму. Для чего? Для того, чтобы тоекратно коронованный преемникъ смиреннаго апостола могъ бы распоряжаться произвольно государствами и играть ими, какъ фигурами на шахматной доскѣ.

Маркиза опустила голову и слушала шевалье съ большимъ вниманіемъ.

— Если это и такъ, шевалье, сказала маркиза, то что-жъ дѣлать? скажите, гдѣ найти средство къ измѣненію, удрученію этого положенія?

— Тамъ, маркиза, гдѣ находятъ средства ко всему благому и великому, въ твердой рѣшимости, отважномъ самоотверженіи и гордомъ мужествѣ. Теперь свобода духа стѣснена обхватывающими, какъ желѣзными когтями, орудіями Римской власти. Но когда король очиститъ Францію отъ всѣхъ этихъ чужестранцевъ, даже родившихся на ея землѣ тогда народъ обратится къ своему королю и могущество свѣжаго національнаго духа будетъ служить самою надежною опорой его трона, между тѣмъ какъ въ настоящее время этого народнаго могущества надо опасаться. Маркиза, продолжалъ послѣ небольшой паузы шевалье, отъ васъ зависитъ вложить въ сердце короля пламенное желаніе и твердое намѣреніе совершить извѣстное намъ дѣло, — посоветуйте его величеству произнести

сильное и рѣшительное слово, изгонявшее членовъ ордена Иисуса изъ предѣловъ страны, и вы возвратите народу свободу духа и совѣсти; остальное уже сдѣлается само собою. Весь народъ столпится у трона и король будетъ настоящимъ королемъ—отцомъ народа, а вась Франція вѣчно будетъ благодарить за важную услугу.

Онъ замолчалъ и ожидать послѣдствія своей искренней и сильной рѣчи.

Маркиза поднялась съ мѣста и, приблизившись къ шеваляе, сказала:

— Вы произнесли такія слова, шеваляе, за которыя я должна вамъ открыть бастилію или, прибавила маркиза съ улыбкой, просить вась быть моимъ другомъ. Борьба, которую вы отъ меня требуете, трудна и сопряжена со многими опасностями. Хотите принимать въ ней участіе, быть моимъ союзникомъ? Она ласково протянула руку шеваляе.

— Въ этой борьбѣ, маркиза, воскликнулъ шеваляе, крѣпко цалуя руку маркизы, въ вамъ присоединятся лучшіе люди Франціи. Васполагайте мной!

— Такъ до свиданія, шеваляе, сказала маркиза, въ часъ у короля! Кстати, продолжала она, стоя у входа во внутреннія комнаты, у меня сегодня маскированный балъ, на немъ будетъ и король; я надѣюсь и вась также видѣть у себя. Это будетъ для вась удобнымъ случаемъ наблюдать за придворными и хотя нѣсколько овлима-тизироваться на той почвѣ, на которой вамъ придется дѣйствовать.

Отвѣтивъ кивкомъ головы на глубокой поклонъ молодаго челоувѣва, маркиза скрылась за тяжелой портьерой.

Шеваляе робко оглядѣлся кругомъ, какъ бы пробудившись отъ сна.

Графиня подошла въ нему и сердечнымъ тономъ сказала:

— Я желаю вамъ счастья, шеваляе, вы начали вашу придворную карьеру превосходно, и въ моемъ мнѣніи

вы уже и теперь стоите выше всѣхъ высокихъ сановниковъ и придворныхъ.

— Ахъ, графиня, воскликнулъ шевалье въ восхищеніи, вы дѣлаете меня счастливымъ, этотъ пріятливый взглядъ, эти ласковыя слова... Чувство, переполнившее сердце шевалье, до такой степени волновало его, что отъ смущенія онъ не въ состояніи былъ говорить. Къ графинѣ снова возвратилось ея капризное настроеніе.

— А для маскированного бала, шевалье, сказала графиня, поддразнивая его, я предлагаю вамъ выбрать любой изъ моихъ костюмовъ. Обманъ будетъ полный и доставить вамъ случай проиненуть въ самыя затаенныя интриги двора.

Графиня поклонилась и, громко смѣясь, вышла изъ комнаты. Шевалье посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ досадою и огорченіемъ. Но какъ то странно подѣйствовала на него насмѣшка любимой женщины; слова ея не поразили шевалье прямо въ сердце, какъ прежде. Въ разговоръ съ маркизой онъ возвратилъ себѣ силу духа, мужество и надежду; все это превратило искру честолюбія, таившуюся въ сердцѣ, въ широкое пламя.

— Вы дѣйствительно остроумно придумали, графиня, сказалъ шевалье, въ свою очередь насмѣшливо улыбаясь, я хочу обратить шутку въ серьезное. Можетъ быть дѣйствительно я выиграю что нибудь, одѣвшись въ женскій костюмъ, который во мнѣ очень идетъ. Переодеванье мое поведетъ къ разнообразнымъ и интереснымъ интригамъ и покажетъ въ новомъ свѣтѣ придворную жизнь, гдѣ мнѣ также скоро придется вращаться.

Въ глубокомъ размышленіи, слѣдуя за своими мыслями, проходилъ шевалье по галлерей, не обращая никакого вниманія на придворныхъ кавалеровъ и прелестныхъ дамъ, гулявшихъ тутъ. Онъ вошелъ въ переднюю короля, въ ожиданіи приѣзда герцога Шуазеля.

Его величество приготовлялось къ выходу изъ капеллы, гдѣ онъ слушалъ обѣдню. Множество придворныхъ толпилось во время выхода, потому что сюда имѣли право

являться даже тѣ, которымъ былъ запрещенъ входъ во внутреннія комнаты. Но бѣдный парламентскій адвокатъ не имѣлъ и этого права. Онъ тихонько помѣстился въ оконной нишѣ наблюдать за толпой. Мужество готово было снова его покинуть при взглядѣ на блестящій двигающійся потокъ, на поверхность котораго такъ трудно было проникнуть.

ГЛАВА V П.

Въ то утро, когда щевалье Деонъ де Бомонтъ отправился въ Версаль, гдѣ благодаря маркизѣ де Помпадуръ, имѣлъ съ перваго же раза большой успѣхъ, его величество Людовикъ XV, король французскій и наварскій, находился съ своимъ довѣреннымъ камердинеромъ въ комнатѣ, находящейся возлѣ приемныхъ покоевъ, во дворцѣ, избранномъ еще Людовикомъ XIV для резиденціи короля. Хотя прежній придворный этикетъ еще существовалъ до сихъ поръ, но все таки Людовикъ XV, недобившій никакихъ представленій, сократилъ число аудіенцій и рѣдко допускалъ непосредственный разговоръ съ собою. При Людовикѣ XIV камергеры и придворные лакеи проводили цѣлое утро въ спальнѣ короля; занимаясь туалетомъ его величества, какъ какимъ нибудь государственнымъ дѣломъ, теперь же при Людовикѣ XV этотъ обычай былъ уничтоженъ и входъ въ спальню дозволялся только самымъ приближеннымъ лицамъ.

Король только что отпустилъ послѣдняго камердинера и самъ отдыхалъ передъ обѣдней, такъ какъ по выходѣ изъ церкви онъ долженъ былъ принимать дворъ.

Людовику XV было тогда 48 лѣтъ; фигура его еще сохранила эластичность молодости и неподражаемое величіе короля. Продолговатое лицо Людовика съ правильными чертами могло бы назваться красивымъ, еслибы оно не выражало полнѣйшаго равнодушія. Его большіе

глаза, непривыкшіе опускаться ни передъ кѣмъ, смотрѣли гордо и величественно, но и въ нихъ замѣчалось также выраженіе нѣмага безчувствія, изрѣдка только этотъ холодный взглядъ оживлялся молніей чувства, придававшей всему лицу какую-то особую прелесть и красоту.

Король одѣвался всегда тщательно и элегантно. На немъ было платье изъ голубаго бархата съ краснымъ воротникомъ, красными обшлагами и серебряными петличками по военной формѣ. Къ этому надо прибавить голубую ленту, перетянутую черезъ плечо съ звѣздой ордена Св. Духа на груди, возлѣ звѣзды висѣлъ крестъ Людовика, военный орденъ старой монархіи; шею обвивала красная лента съ маленькимъ золотымъ значкомъ, съ которымъ король никогда не разставался.

Король сидѣлъ на покойномъ рѣзномъ стулѣ, обитомъ свѣтло-зеленою шелковою матеріею, а возлѣ него на мраморномъ столѣ съ бронзовыми львиными ножками стоялъ изящный, серебряный кофейный приборъ. Его величество съ большимъ вниманіемъ трудился надъ приготовленіемъ кофе. Изъ подъ таганчика виднѣлось пламя зажженного спирта, и король держалъ на готовѣ серебряную крышечку, чтобъ опустить ее именно въ тотъ моментъ, когда слѣдуетъ, на камфору. Людовикъ XV воображалъ себя первымъ поваромъ въ Европѣ и считалъ приготовленіе кофе за главнѣйшій пунктъ въ вулинарномъ искусствѣ. Онъ самъ варилъ себѣ по утрамъ кофе и занимался этимъ съ такимъ усердіемъ, что лицо его казалось болѣе оживленнымъ, нежели при какомъ нибудь другомъ занатіи.

Камердинеръ короля Лебель, одѣтый въ придворную ливрею, стоялъ нѣсколько шаговъ позади его величества и въ наклонномъ положеніи наблюдалъ за приготовленіемъ кофе. Черезъ плечо у него была перекинута салфетка, а въ рукахъ находился подносъ, на которомъ стояли чашка севрскаго фарфора и хрустальная сахарница, наполненная сахаромъ. Фигура Лебеля была вы-

тянутая, худая, а на лицѣ, съ маленькими бѣгающими глазами, открыто выражались глупость и упрямство.

Наконецъ ниющая влага поднялась, на поверхности показалось бѣловато-желтаѣ тѣна, и запахъ лаватинскаго напитка распространился по комнатѣ. Король поспѣшно потушилъ пламя и съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ постепенно утихало пламя. Невслышными шагами приблизился камердинеръ въ столику, налилъ чашку кофеемъ и поставилъ ея предъ королемъ; послѣдній медленно опустилъ въ чашку кусокъ сахара и, отпивъ первый глотокъ, уютно откинулся въ кресло. Но не смотря на оживляющій ароматъ любимаго королемъ напитка, черты его вскорѣ приняли обыкновенное усталое выраженіе, и его величество, вдохнувъ, заговорилъ тихимъ, подавленнымъ тономъ;

— Какъ я скучаю, Лебель! Сейчасъ только кончился пріемъ, и я принужденъ былъ снова видѣть эти личности, каждая черта и движеніе которыхъ мнѣ такъ хорошо знакомы. Вѣдь я отлично знаю, какъ они перешептываются между собой, какъ бросаютъ взгляды, полные зависти и ненависти на того, съ кѣмъ я подольше поговорю! Сейчасъ придетъ Шуазель и начнетъ говорить о политикѣ, тробующей войны и пролитія крови моихъ бѣдныхъ подданныхъ, которые не знаютъ и не въ состояніи понять за что они будутъ драться! Эта скучная, истомленная жизнь и вѣчное равнодушіе разслабляютъ духъ и тѣло!

— Ваше величество не отдадите ли приказаніе собраться на охоту? Поѣздка въ Марли можетъ быть...

— Марли, Трианонъ, Трианонъ, Марли повторилъ король, смѣясь, конечныя точки золотой клѣтки, въ которой я двигаюсь. И въ тому же сознаю, продолжалъ король съ грустью, что не все такъ дѣлается, какъ слѣдуетъ; мои финансы истощены, арміи будутъ разбиты, а какъ я могу этому помочь?

Лебель молча выслушалъ рѣчь короля, онъ уже привыкъ къ легкимъ припадкамъ грусти, случавшимся почти каждый день съ его величествомъ, и считалъ себя за пра-

вело проходить молчаливымъ важный и опасный разговоръ о политикѣ.

— Иногда, продолжалъ король, во мнѣ пробуждаются великія идеи, занимавшія моихъ вѣдшествовниковъ, — но увы! все такъ установлено и идетъ по предназначенной линіи, что мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ оставить идти все по прежнему! Великій король, оставившій мнѣ престолъ, когда я былъ еще ребенкомъ, окружилъ свой тронъ пропорціональнымъ и неизмѣннымъ колесомъ этикета, среди котораго я вращаюсь, не имѣя достаточно силъ уничтожить установленный порядокъ въ кругу маршюетокъ вмѣсто людей! О я усталъ, ужасно усталъ!

Лебелъ продолжалъ стоять неподвижно въ отдаленіи за портьерой, скрывавшей его отъ взоровъ короля. Король опустошилъ чашку съ кофеемъ.

— Лебелъ, возьми это, сказалъ король, указывая на поднось, — часъ докладовъ приближается, прибавилъ онъ со вздохомъ.

Камердинеръ воспѣшно взялъ поднось съ стоявшимъ на немъ приборомъ, и тихими шагами, какъ тѣнь, вышелъ изъ комнаты.

Король всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Шуазель, сказалъ король, не таковъ, какъ всѣ остальные, — онъ дѣйствительно любитъ Францію и заботится о ея величій, его мысли находятъ часто отголосокъ въ моемъ сердцѣ, — но онъ противникъ Риму, — хочетъ освободить Францію отъ вліянія церкви. Я вполнѣ понимаю Шуазеля и тайнѣ совершенно съ нимъ согласенъ, — но мой духовникъ доказываетъ мнѣ просто и ясно, что только бразды римской власти и могутъ удержать народъ отъ возмущенія противъ короля. Такимъ образомъ я не могу послѣдовать совѣту одного и угодить другому! Да къ тому, прибавилъ король, размышляя самъ съ собою, — я много грѣшилъ, всѣ люди грѣшаютъ, и если церковь имѣетъ власть забавлять отъ вѣчныхъ страданій...

Смерть, вѣчность — эти страшныя слова оковываютъ меня, какъ желѣзомъ, своимъ холоднымъ дыханіемъ.

Король мрачно опустилъ голову на колѣни.

— Я всегда одинъ, продолжалъ король, я задыхаюсь въ этомъ уединеніи, какъ сухое дерево безъ цвѣту и листьевъ! Маркиза, она занимаетъ меня, ея общество доставляетъ мнѣ удовольствіе, но любить ли она меня на самомъ дѣлѣ? Стала ли бы маркиза меня любить, если бы я не былъ королемъ? О мой Богъ, воскликнулъ онъ тономъ горечи и отчаянія, пошли мнѣ человѣка, свободный духъ котораго и сильное мужественное слово раздѣляли бы мое королевское могущество. Мой предшественникъ имѣлъ министромъ Ришелье, пошли мнѣ другаго Ришелье!

— Герцогъ Ришелье, доложилъ лакей, стоявшій въ дверяхъ комнаты, и маршалъ, улыбаясь, съ глазами блестящими отъ скрытой злобы и внутренняго волненія, приблизился съ глубокимъ поклономъ къ королю. Послѣдній, услышавъ, что имя, только что произнесенное имъ самимъ, было повторено лакеемъ, нѣсколько смутился и тотчасъ подумалъ:

— Неужели это голосъ судьбы? Возможно ли, чтобъ этотъ человѣкъ былъ для меня тѣмъ, чѣмъ былъ великій кардиналъ для моего предшественника?

Король наклонилъ слегка голову въ сторону герцога и, опустившись въ кресло, заговорилъ довольно ласковымъ тономъ:

— Здравствуй Ришелье! Я тебя сегодня еще не видалъ, ты пропустилъ часы моихъ утреннихъ представленій. Ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться отшельникомъ или философомъ?

— Еще нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Ришелье, смѣясь, я слишкомъ старъ для этого. Мое призваніе угождать королю и исполнять малѣйшія желанія его величества. Но что это? мнѣ кажется, сегодня ваше величество чѣмъ то разстроены, грустны. Смѣю спросить какое облако затмила ясный взоръ, отъ котораго Франція получаетъ свѣтъ и радость?

— Я скучаю, Ришелье, сказалъ король задумчиво, ужасно скучаю,—это и есть причина моей грусти! Развѣ для того быть королемъ, чтобъ влечить безотрадное, тяжелое существованіе? О въ такомъ случаѣ, я желалъ бы быть простымъ дворяниномъ, которому восходящее солнце открываетъ новыя надежды, а ночь наполняетъ сердце сладкимъ чувствомъ довольства, что долгъ исполненъ и работа окончена! Меня же постоянно окружаетъ сѣрый, холодный туманъ вѣчнаго равнодушія! Ришелье, неправда ли—то время, когда мы оба были молоды и ты былъ простымъ Фронсакомъ, а не маршаломъ и перомъ Франціи, было гораздо лучше? Тогда мы жили, надѣялись, мечтали, желали и стремились.

— И любили, ваше величество, прибавилъ Ришелье. Любовь заключаетъ въ себѣ надежды, мечты и стремленія; она даетъ жизни новую прелесть и наполняетъ сердце вмѣсто равнодушія, золотымъ свѣтомъ и пріятной теплотой.

— Да, да, Ришелье, вздохнулъ король, твоя правда, это любовь дѣлала насъ веселыми и бодрыми, но время это уже прошло, давно прошло и даже пепель совершенно погасъ, а если иногда и загорается, то все таки уже никогда не вспыхнетъ въ широкое, свѣтлое пламя, какъ въ былыя, блаженныя времена.

— Можетъ быть, ваше величество, сказалъ Ришелье, опираясь на ручку королевскаго стула, вы не нашли еще ту руку, которая должна зажечь пламя вашего сердца. Волшебный факель любви горитъ не во всякой рукѣ! Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ показалось, что граціи слили все свое очарованіе въ одномъ существѣ, какъ будто именно для того, чтобы придать ему возможность наполнить новою жизнью сердце вашего величества и сдѣлать васъ такимъ счастливымъ, какъ вы были въ тѣ времена, когда я былъ еще Фронсакомъ, и король Франціи еще не зналъ скуки.

— Кого ты подразумеваешь подъ этимъ существомъ,

Ришелье? спросилъ король, внимательно прислушиваясь къ словамъ маршала.

Молнія торжества блеснула изъ глазъ герцога и онъ, наклонившись въ уху короля, прошепталъ:

— Когда ваше величество говорили съ такимъ восхищеніемъ о дѣвицѣ де Бомонтъ, молодой племянницѣ старой графини Гимене, въ вашихъ глазахъ блестяло то пламя, которое нѣкогда согрѣвало графиню де Милли, герцогиню Катеоружъ, такое пламя не можетъ покрыться пепломъ и позвольте замѣтить, ваше величество, что въ вашей груди далеко не все еще обратилось въ пепель.

— Не правда ли, Ришелье, воскликнулъ радостно король, она прекрасна, эта маленькая Луиза...

— А онъ говоритъ уже «Луиза», замѣтилъ Ришелье про себя.

— Она такъ свѣжа и скромна, какъ лѣсной цвѣточекъ, продолжалъ король, — такъ не похожа на другихъ придворныхъ дамъ, что когда я услышалъ чистый звукъ ея голоса, то на меня вдругъ повѣяло дыханіе юности, и какъ высохшему дереву трудно выносить на себѣ дѣйствіе палющаго солнечнаго луча, такъ и въ моемъ отяжелѣвшемъ мозгу больно отозвались воспоминанія о всѣхъ бутонахъ и цвѣтахъ, разцвѣтшихъ на моихъ глазахъ. Нѣтъ, это болѣе ничего, какъ сонъ, вздохнулъ король и въ изнеможеніи опустился въ кресло. Прошло то время, когда мечты обращались въ дѣйствительность и если мы еще въ состояніи любить, Ришелье, то насъ уже никто болѣе не полюбитъ.

— Извините, ваше величество, замѣтилъ Ришелье, я не могу не удивиться, услышавъ такія слова изъ устъ короля, благодѣтеля своей страны.

— Ты остаешься вѣчно юнымъ, Ришелье, сказала грустно король, но я старъ, очень старъ.

— М-ше Бомонтъ этого не находятъ, замѣтилъ сухимъ тономъ Ришелье.

— Ты ее видѣлъ? вскричалъ король, живо вскакивая

съ мѣста и обращая голову въ сторону герцога. Ты говорилъ съ нею обо мнѣ?

— Я старый другъ графини де Гимене, замѣтилъ Ришелье медленно и спокойно, бросая искоса насмѣшливые взгляды на короля. Я курю оемямъ старымъ придворнымъ дамамъ, какъ нѣкогда египтяне поклонялись ядовитымъ змѣямъ. М-ле де Бомонтъ имѣеть ко мнѣ большее довѣріе.

— И она говорила обо мнѣ? прервалъ его нетерпѣливо король.

— Я желалъ бы, ваше величество, чтобъ вы сами слышали въ какихъ пылкихъ и краснорѣчивыхъ словахъ этотъ боязливый ребенокъ выражался на счетъ васъ. Вы изволили назвать м-ле де Бомонтъ лѣснымъ цвѣткомъ, пожалуй, но только въ настоящемъ случаѣ лѣсной цвѣточекъ, выросшій въ тѣни деревьевъ, не утратилъ своей прелести и охотно откроетъ чашечку благотворному лучу солнца.

Король въ волненіи схватилъ руку Ришелье.

— Армандъ, расскажи мнѣ, расскажи скорѣй, что она говорила?

— Король Франціи, сказалъ Ришелье, полу-серьезно, полу-насмѣшливо, не привывъ выслушивать подобныя слова черезъ посредство третьяго лица. Поговорите съ ней сами, ваше величество, и хотя это боязливый ребенокъ, и она можетъ быть боится собственного сердца и старается защититься отъ самой себя, но все таки я думаю, — она не будетъ въ состояніи противустоять вамъ, вашимъ пылкимъ взглядамъ и увлекательной рѣчи.

— Такъ ты думаешь, воскликнулъ король, дрожа отъ волненія, что она меня можетъ полюбить, — и онъ тяжело вздохнулъ, — какъ нѣкогда насъ любили. Я бы желалъ, чтобъ она меня полюбила не какъ короля, который въ состояніи ей дарить золото и брилліанты, но какъ человека.

— Я думаю, что она любитъ ваше величество, сказалъ Ришелье увѣренно, и что вамъ стоитъ только потру-

даться отдернуть покрывало, скрывающее сердце дѣвушки.

— Ахъ, Ришелье, я снова становлюсь молодымъ; жизнь пробуждается въ моей груди, мы снова будемъ надеяться... желать. Ришелье, я знаю, что ты мнѣ посоветуешь что нибудь хорошее! Но какъ я могу съ нею сблизиться? ея тетка герцогиня Гимене держится вдали отъ двора и показывается здѣсь только въ необходимыхъ случаяхъ.

— Герцогиня не любитъ маркизы и герцога Шуазеля, — вѣрныхъ слугъ вашего величества, продолжалъ Ришелье со вздохомъ. Еслибъ герцогиня не боялась встрѣтить ихъ при дворѣ, то она являлась бы сюда чаще. Герцогиня де-Гимене дружна съ палеромъ Линьеромъ, духовникомъ вашего величества, который также не любитъ маркизы и Шуазеля.

— Ришелье, Ришелье, сказала грустно король, ты говоришь о политикѣ, между тѣмъ, какъ мы рѣшили посвятить время мечтамъ о любви, розовое облако истекаетъ и передо мной снова возстаетъ сѣрый туманъ.

— Избави Боже, ваше величество, воскликнулъ Ришелье, ежась, — я не думаю о политикѣ и напротивъ стараюсь держаться вдали отъ нея; я упомянулъ объ этихъ политическихъ обстоятельствахъ единственно потому, что несносная политика удалитъ васъ отъ счастья.

— Такъ ты думаешь, Армандъ, что герцогиня... маленькая Луиза противъ маркизы...

— Ваше величество, началъ Ришелье равнодушнымъ тономъ, герцогиня возстаетъ, главнымъ образомъ, противъ политики, которой повелѣваетъ маркиза, а управляетъ Шуазель.

— Я повелѣваю политикой, вскричалъ король, герцога закидывая голову. Я — глава Франціи и могу поручить управление ея кому угодно, напримеръ, себѣ, Ришелье. Какъ ты это находишь? Но все меня такъ дучитъ...

— Я совѣтую вашему величеству, отвѣчалъ Ришелье, забыть на время политику и не отгонять съ намѣреніемъ

золотаго облака, спустившагося надъ вашей головою. На большомъ выходѣ послѣ обѣдни будетъ присутствовать герцогины съ племянницей.

— Онѣ будутъ, Рихелье, сказала король въ восхищеніи, и я ее увижу? Я такъ счастливъ, какъ давно не былъ,—я ужъ не скучаю больше,

Дверь открылась и вошедшій лакей доложилъ о приходѣ патера Лянъера.

Духовникъ, одѣтый въ простую черную форму ордена Іисуса, приближался тихими, размеренными шагами къ королю. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его величества, онъ поклонился низко, но съ достоинствомъ.

Патеру было на видѣ лѣтъ пятьдесятъ; лицо его блѣдное, строгое и серьезное напоминало старыя портреты заслуженныхъ генераловъ. Всѣ человѣческія страсти, отражавшіяся въ каждой чертѣ лица патера, были снованы сильною волею этого человѣка. Несмотря на смиренную осанку патера, глава его блестѣла мужественно и повелительно, а бѣлый выщипанный лобъ, обрамленный короткими черными волосами, красиво выдѣлялся изъ всего лица и казался вытѣченнымъ изъ мрамора. Поклонившись королю, патерь привѣтствовалъ также Рихелье взглядомъ, заключавшимъ въ себѣ, какъ казалось, вопросъ. Герцогъ отвѣчалъ патеру легкимъ виномъ головы, какъ это дѣлаютъ обыкновенно въ знакъ согласія. Король простоялъ еще нѣсколько минутъ въ задумчивости, потомъ, какъ бы пробудившись отъ сна, сказалъ:

— Мой достойный отецъ, я только что рассказывалъ Рихелье о томъ, какъ я ужасно скучаю,—значитъ моя душа и совѣсть находятся въ хорошемъ состояніи, потому что душа есть усыпленіе души, а всегда мы спимъ, то не можемъ грѣшить.

— Тонъ, которымъ вы говорите о спасеніи души, доказываетъ мнѣ, что напротивъ ваша душа и совѣсть опасно больны, да въ сожалѣнію я долженъ сказать, что это

иначе и быть не можетъ, прибавилъ патеръ спокойно и серьезно.

— Я же вамъ говорю, патеръ, что мнѣ не было времени грѣшить, такъ какъ я постоянно скучалъ.

— А развѣ не грѣхъ скучать, королю Франціи? сказала патеръ строго и выразительно. Король не долженъ предоставлять заботы о величіи государства и благодѣяніи своихъ подданныхъ въ чужія руки, тѣмъ болѣе въ руки тѣхъ людей, которые...

— Всегда одни и тѣже упреки, прервалъ его съ нетерпѣніемъ король, что сдѣлала вамъ маркиза, патеръ? Она усердная католичка и хочетъ примириться съ ордевомъ, — она даже думаетъ выбрать себѣ въ духовники патера де-Сази.

— Первый шагъ къ спасенію, со стороны маркизы долженъ состоять въ удаленіи ея отъ двора, гдѣ она занимаетъ мѣсто, не принадлежащее ей ни по рожденію, ни по положенію въ свѣтѣ, во вторыхъ, маркиза должна разстаться навсегда съ вашимъ величествомъ.

— Я не понимаю, патеръ, за что вы нападаете на маркизу, сказала король. — Маркиза, любитъ меня, она самый преданный и искренній мой другъ; вы знаете, что королева холодно отвергла мою любовь, не могу же я проводить всю жизнь въ одиночествѣ, не зная ни дружбы, ни любви!

— Церковь смягчаетъ и прощаетъ заблужденія сердца вающагося въ своихъ грѣхахъ и смиренно молящаго о прощеніи, какъ это и сдѣлала нѣкогда благочестивая герцогиня Давальеръ, но маркиза не намѣрена каяться, она продолжаетъ герцо поднимать голову передъ придворными и не довольствуется быть подругой сердца вашего величества, нѣтъ! она хочетъ управлять Франціей и подчинить духъ церкви философіи. Мало того, маркиза покровительствуетъ Шудзелю, который противопоставляетъ гражданское могущество государства церковной власти. Вотъ это все ужасный грѣхъ и такъ какъ вы

принимаете въ немъ участіе, то я никогда не перестану увѣщевать ваше величество измѣнить вашъ образъ мыслей.

— Вы очень строги, патеръ! замѣтилъ король, выслушавъ молча рѣчь своего духовника. А еслибъ я нашель себя подругу, какъ была Лавальеръ во времена моего дѣда,—цвѣтокъ, украшавшій мою жизнь, наполнявшій блаженствомъ сердце и не принимавшій нивакого участія въ политикѣ, были ли бы вы и тогда также строги ко мнѣ или дозволили бы моему сердцу наслаждаться тихимъ и спокойнымъ счастьемъ?

— На смиренно склоненныя головы церковь ниспосылаетъ благословеніе и прощеніе, сказалъ патеръ смягченнымъ тономъ,—проклинаетъ и наказуетъ только гордыхъ и самопадѣянныхъ.

— Ты слышишь, Рипелье? шепнулъ король маршалу.

— Я слышу, ваше величество, и радуюсь, что вы имѣете все:—счастіе, волненіе молодости и рѣшеніе церкви, отвѣчалъ Рипелье.

— Ваше величество изволили назвать меня слишкомъ строгимъ, продолжалъ патеръ,—я же напротивъ не такъ строгъ, какъ бы долженъ быть. Я оказываюсь болѣе слабымъ, нежели другія благочестивыя личности, преданныя вашему величеству; послѣднія глубоко возмущаются, видя, какъ властвуетъ маркиза, такъ несправедливо занявшая первое мѣсто при дворѣ и какъ она высокомѣрно относится къ древнему дворянству этой страны. Сегодня еще я слышалъ горькія жалобы одной благочестивой, старой дамы, глубоко мною уважаемой.

— Думаете ли вы, патеръ, что Франція будетъ лучше управляема, если старыя дамы вмѣшуются въ это дѣло? замѣтилъ король съ усмѣшкой.

— Терпогиня Гимене, продолжалъ спокойно патеръ, принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій и родъ ея не одинъ разъ уже принималъ участіе въ судьбѣ Франціи, но и она теперь со слезами на глазахъ говоритъ о паденіи государства, потому что дѣй-

ствительно владычество маркизы и ея министра быстро ведутъ Францію по пути къ...

— Въ настоящее время я самъ управляю Франціей, вскричалъ король, прерывая рѣчь своего духовника и я назначаю министровъ! Объ томъ, что вы мнѣ сейчасъ сказали, я подумаю, замѣтилъ король, уже болѣе спокойнымъ тономъ.

— Герцогъ Шуазель, доложилъ лакею, отворяя двери кабинета.

Г Л А В А VIII.

Дойдя до кабинета короля, герцогъ Шуазель взялъ свой портфель у секретаря, проводившаго его до дверей и затѣмъ гордо и самоувѣренно вошелъ въ комнату. Онъ низко поклонился королю и сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ герцога Ришелье и патера Ливьера. Людовикъ XV, казалось, былъ неприятно пораженъ появленіемъ министра;—онъ слегка кивнулъ ему головою и заговорилъ тономъ, въ которомъ ясно слышалась раздражительность:

— Ну, герцогъ, вы пришли снова говорить со мною о политикѣ, вѣчной моей непріятельницѣ. Позвольте мнѣ хоть сегодня свободнѣе вздохнуть и не отравляйте благоуханнаго воздуха вашими политическими идеями, сказалъ король.

— Я не отниму много времени у вашего величества, отвѣчалъ поспѣшно министръ. Король со вздохомъ опустился въ кресло, а затѣмъ, обратившись къ Шуазелю, сказалъ:

— Такъ начинайте, герцогъ! Прощай, Ришелье, ты непремѣнно долженъ присутствовать на большомъ выходѣ послѣ обѣдни, потому что мнѣ нужно съ тобой поговорить. Ришелье поцѣловалъ протянутую руку коволя и вышелъ изъ комнаты.

Шуазель открылъ свой портфель и съ удивленіемъ

посмотрѣлъ на патера Линьера, продолжавшаго неподвижно стоять позади стула короля.

— Ну, герцогъ, я слушаю! нетерпѣливо воспалинулъ король. Шуазель бросилъ вопросительный взглядъ на патера.

— Патерь Линьеръ—мой духовникъ, заговорилъ король, не глядя на герцога, и у меня нѣтъ отъ него тайнъ. Кто руководить моимъ сердцемъ и совѣстью, тотъ долженъ также знать мои мысли и желанія.

— Я не знаю будетъ ли угодно патеру принять такое же дѣятельное участіе въ благѣ и счастіи Франціи, какое онъ принимаетъ въ спасеніи души вашего величества, сказалъ Шуазель съ досадой.

— Миѣ нѣкогда не приходило въ голову отдѣлять счастье короля отъ интересовъ его народа, отвѣчалъ холодно патерь.

— Я васъ прошу, герцогъ, начнемъ, — миѣ нѣкогда, — дворъ ужъ собрался, время приѣма настаетъ, торопиль король.

Герцогъ вынулъ бумагу изъ портфеля и заговорилъ:

— Я представляю вашему величеству проектъ австрійскаго трактата, условія котораго опредѣлены мною. Если ваше величество соизволите подписать договоръ, то рѣшеніе этого важнаго для Франціи дѣла послѣдуетъ немедленно.

Онъ протянулъ королю бумагу. Тотъ взялъ ее, пробѣжалъ глазами и затѣмъ, положивъ на столъ, спросилъ:

— А больше у васъ нѣтъ бумагъ, герцогъ?

— Остальныя дѣла не имѣютъ особенной важности, отвѣчалъ Шуазель. Ваше величество изволите подписать договоръ, — уже готовъ курьеръ отвести его въ Вѣну.

— Я сегодня очень взволнованъ, сказалъ король, у насъ мало времени, дворъ ждетъ. Я долженъ прочесть на досугъ этотъ договоръ; теперь, Шуазель, оставте здѣсь листы или возьмите ихъ съ собою и принесите ихъ завтра, тогда мы еще разъ потолкуемъ.

Король всталъ съ кресла и возвратилъ герцогу бумаги.

— Но, ваше величество, — это дѣло первой важности и я, какъ самый преданный подданный, долженъ замѣтить, что честь... Къ тому же курьеръ уже давно дожидается привязаній вашего величества.

— Курьеръ можетъ подождать, закричалъ король, закидывая вверхъ голову. Завтра, герцогъ, завтра мы еще разъ поговоримъ съ вами, теперь дворъ уже собрался и меня ждуть.

— Развѣ дворъ не можетъ подождать, когда ваше величество занятъ государственнымъ дѣломъ? спросилъ насмѣшливо Шуазель.

Патеръ Линьеръ, стоявшій до сихъ поръ въ сторонѣ, понялъ, что долженъ придти на помощь королю и потому сказалъ:

— Герцогъ, вы забываете, что его величество собирается идти къ обѣднѣ.

Шуазель съ удивленіемъ взглянулъ на патера.

— Я хлопочу насчетъ союза съ Австріей, отвѣчалъ герцогъ, этого желаютъ всѣ друзья достойнаго патера.

— Патеръ правъ, подхватилъ король, служеніе Богу должно стоять выше всѣхъ земныхъ обязанностей. Обѣдня началась и такъ до свиданія, Шуазель, до завтра!

Король поввонилъ въ колокольчикъ. Вошелъ камердинеръ Лебель. Открой двери, Лебель, — сюда долженъ войти дворъ. Я сейчасъ отправляюсь къ обѣдни, сказалъ король.

Лебель открылъ главныя двери и глазамъ присутствующихъ представилась цѣлая галлерей, наполненная придворными мужчинами и дамами. Тутъ было все, что есть самаго знатнаго и великаго во всей Франціи, — безчисленное количество звѣздъ, красныхъ и бѣлыхъ лентъ и брилліантовъ. Въ ту минуту, когда блестящая толпа устремила въ комнату короля, Гостонъ де Орины — начальникъ королевской стражи, одѣтый въ парадную форму, занялъ свое обычное мѣсто у входа.

Герцогъ Аіенъ, главный церемонимейстеръ и другъ юности короля, слѣдуя этикету, подалъ его величеству молитвенникъ. Герцогъ не принималъ никогда участія въ политическихъ интригахъ и вслѣдствіе этого пользовался постоянно одинаковымъ расположеніемъ короля, между тѣмъ какъ его товарищи часто подвергались немилости его величества, благодаря проискамъ Ришелье или собственной неосторожности.

Король махнулъ рукою герцогу, продолжая со вниманіемъ разсматривать всѣхъ проходящихъ.

Вскрѣ онъ, казалось, нашелъ то, чего искалъ. Король увидалъ, что герцогиня де Гимене и ея прелестная племянница разговариваютъ съ Ришелье. Герцогъ старался провести обѣихъ дамъ поближе къ королю и, не обращая вниманіе на неудовольствіе толпы, раздвигалъ всѣхъ стоящихъ, то отпуская невинныя шуточки, то бросая высокоумѣрные взгляды.

— Благодарю, Аіенъ, благодарю, сказалъ король, взявъ молитвенникъ изъ рукъ церемонимейстера. Что можемъ мы предпринять сегодня? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь провести время?

— Вчера, ваше величество, изволили охотиться, сегодня можетъ быть поѣздка въ Марли.

— Въ Марли, со вздохомъ повторилъ король, — вѣчное однообразіе, но впрочемъ, пожалуй, мы поѣдимъ въ Марли маленькимъ обществомъ, ты, Ришелье, герцогиня де Гимене.

Герцогъ де Аіенъ въ испугѣ отступилъ назадъ, услышавъ имя такой благочестивой дамы, удалившейся отъ двора. Онъ думалъ, что не хорошо разсмѣшалъ слова короля и потому переспросилъ: герцогиня де Гимене, ваше величество!

— Прелестная дама, повторилъ твердо король, — съ нами также поѣдетъ ея племянница, m-lle Бомонтъ.

Герцогъ де Аіенъ не могъ опомниться отъ удивленія.

— А госпожа маркиза? спросилъ онъ.

— Маркиза, сказалъ король, неприятно встревожен-

ный, — ея, кажется, нѣтъ здѣсь, продолжалъ онъ, осматриваясь кругомъ — маркиза вѣроятно нездорова.

— Госпожа маркиза здѣсь, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ, указывая на шелковую портьеру, скрывавшую двери, ведущія въ покои пріятельницы короля. Въ эту самую минуту въ дверяхъ появилась маркиза съ сердитымъ лицомъ.

Король вздохнулъ, но все таки отвѣтилъ на низкій поклонъ маркизы. Потомъ, обратившись къ ней, холодно — вѣжливымъ тономъ замѣтилъ:

— Я думалъ, маркиза, что вы не такъ хорошо себя чувствуете, вы дѣйствительно должны очень беречь ваше здоровье.

— Ваше величество слишкомъ милостивы ко мнѣ, возразила маркиза, удивленная недовольнымъ тономъ короля. Я немного опоздала засвидѣтельствовать мое почтеніе вашему величеству. Затѣмъ, приблизившись къ королю, она подавленнымъ голосомъ сказала: сегодня я опять получила собраніе наглыхъ каррикатуръ, которыя мои враги не ступаютъ распространять повсюду, въ этихъ каррикатурахъ не пощадили вашего величества.

— Ахъ, это очень весело, замѣтилъ разсѣяннo король. Маркиза, вы мнѣ покажите картинки.

— Главнымъ образомъ мое негодованіе возбуждаетъ то обстоятельство, что большая часть этихъ картинъ нарисована патеромъ изъ общества Іисуса, которому я такъ недавно предлагала руку примиренія.

— Я не знаю, маркиза, затѣмъ вы примѣшиваете къ нашему пустому разговору имя благочестиваго патера. Мнѣ кажется, будто я слышу Шуазеля; послѣ, маркиза, вы мнѣ покажете картинки и мы съ вами поговоримъ, теперь же, передъ обѣдой оставимъ всѣ земные предметы въ покоѣ.

— Я имѣю въ виду предложить вашему величеству развлеченіе, сказала маркиза. У меня сегодня будетъ маскированный балъ и я надѣюсь, что вы не от-

кажитесь присутствовать на немъ. Вамъ будетъ очень весело наблюдать въ тайнѣ за придворными.

— Великолѣпно, маркиза! вскричалъ живо король, но тутъ онъ замаялся, — я поѣздка въ Марли съ моею маленькою Луизой? прошепталъ онъ про себя. Впрочемъ маскированный балъ — еще болѣе благопріятный случай для знакомства, — я непременно буду на вашемъ балу, маркиза, прибавилъ король вслухъ. — Я вамъ очень благодаренъ, маркиза, за то, что вы умѣете всегда придумать, что нибудь веселое и занимательное.

Король любезно поклонился маркизѣ и отошелъ къ герцогинѣ де Гимене, между тѣмъ, какъ маркиза подошла къ Шуазелю, стоявшему поодоль съ мрачнымъ и серьезнымъ лицомъ.

— Я очень радъ, герцогиня, видѣть васъ снова при дворѣ, сказалъ король, обращаясь къ герцогинѣ де Гимене. Меня всегда очень печалило ваше удаленіе отъ общества!

— Такой старой женщиной, какъ я, ваше величество, пора умереть для свѣта, а думать только о небѣ и вѣчной жизни, отвѣчала герцогиня.

— Вы такъ благочестивы герцогиня, что небо не можетъ отказать вамъ въ спасеніи; но когда имѣешь такую прелестную племянницу, какъ м-ле Луиза то грѣшно избѣгать общества. Не правда ли, м-ле Луиза? продолжалъ король, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, вы не особенно были благодарны вашей тетускѣ за то, что она удалила васъ отъ двора и лишила, такимъ образомъ, всѣ сердца, бьющіяся любовью къ вамъ наслажденія любоваться вашимъ прелестнымъ личикомъ.

— Я выросла въ деревенскомъ уединеніи, ваше величество, а потому чувствую себя стѣсненной и чуждой при этомъ блестящемъ дворѣ, отвѣтила Луиза, опуская глаза въ землю.

— Вы чувствуете себя чуждой! воскликнулъ король, вы, которой предназначено быть царицей нашего общества! Ваша красота и пріятность заставляютъ преклоняться

передъ собой всѣ головы, начиная съ моей. Вамъ стоитъ только взглянуть и желаніе ваше будетъ исполнено; — поднять руку и никто не осмѣлится ослушаться вашего повелѣнія!

— Ваше величество изволите смѣяться надо мной, прошептала Луиза, какъ я могу..

— Я нисколько не смѣюсь и не шушу, отвѣтилъ король, а говорю правду, правду, которую ощущаю въ глубинѣ моего сердца. Ваша красота имѣетъ надо мной громадную власть, и я думаю, что повѣлительница короля можетъ быть госпожею при дворѣ.

Король подошелъ ближе къ дѣвушкамъ и старался заглянуть въ ея глаза, смѣрзено опущенные внизъ. Луиза приняла всѣ любезности короля за простое выраженіе высочайшей милости и рѣшилась воспользоваться расположеніемъ его величества, какъ говорила Гастонау.

— Скажите же мнѣ чтонибудь! воскликнулъ король, смотря на Луизу, все еще молчавшую. Нѣтъ ли у васъ какойнибудь заботы, желанія? Король Франціи въ состояніи сдѣлать все, что вы пожелаете. Пропшу васъ вѣрьте въ мою дружбу и позвольте мнѣ высказать вамъ мои чувства.

— Такой удобный случай просить о своемъ дѣлѣ ужъ не представится больше, подумала молодая дѣвушка, — вѣдь говорятъ же, что милость королей скоропроходяща. Она собрала все свое мужество и заговорила нетвердымъ голосомъ, поднявъ глаза прямо на короля:

— Такъ какъ ваше величество изволите быть милостивы ко мнѣ, то я рѣшаюсь высказаться передъ вами. Да, у меня есть одно желаніе въ сердцѣ:

— Вы дѣлаете меня счастливымъ, прервалъ ее король, говорите, говорите скорѣй, каждая минута неизвестности становится невыносимой для меня.

— Ваше величество, прошептала Луиза, задыхаясь отъ волненія, меня не привлекаютъ блескъ и роскошь придворной жизни, но я стремлюсь къ такому, сповойному

счастью.... Я рѣшилась просить заступничества вашего величества передъ моею теткой, чтобъ мнѣ выйти замужъ.

Король въ испугѣ отступилъ назадъ.

— Выйти замужъ! воскликнулъ король, спускаясь съ высоты своей мечты. Ну, это вещь серьезная, такая серьезная, что я даже не знаю, въ состоянн ли найти партію достойную васъ.

— Шевалье д'Ориньи, ваше величество, замѣтила Луиза, мужество которой постепенно возростало по мѣрѣ того, какъ она выговорила первое слово. Онъ — честный дворянинъ и по службѣ идетъ не хуже другихъ, — докончила она съ дѣтскою наивностью.

— Шевалье д'Ориньи? спросилъ король разсѣянно, еще не совсѣмъ оправившись отъ неожиданнаго оборота всего разговора.

— Шевалье д'Ориньи, офицеръ сѣрыхъ мушкетеровъ, ваше величество.

— Сѣрыхъ мушкетеровъ, машинально повторилъ король, — вы очень торопите меня, m-lle, продолжалъ онъ коротко и холодно, мы должны еще поговорить, мнѣ надо объ этомъ подумать.

Король обернулся къ Ришелье, стоявшему въ отдаленнн и сдѣлалъ ему знакъ глазами, между тѣмъ, какъ Луиза была очень испугана быстрымъ измѣненіемъ тона короля и болевиво спрашивала сама себя, чѣмъ могла она навлечь гнѣвъ его величества?

Ришелье поспѣшилъ къ королю и спросилъ его шепотомъ:

— Что, ваше величество, довольны? Герцогиня здѣсь и вы вѣжете уже имѣли время говорить съ ея племянницей.

— Она прекраснѣе, чѣмъ прежде, сказалъ король, — маркизъ пришла въ голову великодушная мысль устроить маскированный балъ, — тамъ я буду имѣть случай познакомиться съ Луизой и говорить съ нею наединѣ, но представъ себѣ, Ришелье, продолжалъ король пониженнымъ голосомъ, она хочетъ выйти замужъ!

Не смотря на все самообладаніе Ришелье, въ голосѣ его звучало безпокойство, когда онъ спросилъ:

— Она сама вамъ это сказала?

— Она торжественно спрашивала у меня позволеніе на бракъ съ шевалье, шевалье... я забылъ его фамилію, онъ офицеръ сѣрыхъ мушкетеровъ.

— А, подумалъ Ришелье,—это тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ сегодня! Ришелье немного смутился, вспомнивъ, какъ онъ убѣждалъ короля вѣрить въ любовь Луизы де Бомонтъ, но его обычная дерзость и находчивость вывели изъ затрудненія и на этотъ разъ.

— Это доброе и послушное дитя благоговѣнно хранить память о своихъ родителяхъ. Я помню, отецъ Луизы желалъ союза ея съ родственникомъ Ориньи, и вотъ молодая дѣвушка, противъ собственнаго сердца, снѣшить исполнить волю покойныхъ родителей.

— Ты думаешь? спросилъ король, чрезвычайно довольный объясненіями Ришелье, согласными съ его собственными надеждами и желаніями.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ Ришелье твердо, на балу у маркизы, ваше величество, сами убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Сѣраго мушкетера мы постараемся удалить отсюда.

— Но только не жестокимъ образомъ, замѣтилъ король. Я не хочу огорчать Луизу, даже и въ томъ случаѣ, если, какъ ты говоришь, она и не любитъ своего вусена. Не надо запираеть его въ Бастилію.

— Она его не можетъ любить, такъ какъ сердце ея бьется единственно для вашего величества, продолжалъ Ришелье, пожимая плечами. Что же касается до Бастиліи, то ваше величество не были такъ разборчивы относительно меня.

— Развѣ можетъ быть какое нибудь сравненіе между тобою и бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, возразилъ король,—его мы можемъ забыть въ крѣпости. Отосли его куда нибудь. Постои, прибавилъ король, ослѣвленный внезапно мыслью,—сегодня приставалъ ко мнѣ Шуазель съ

подписью австрийскаго договора... я пересмотрю еще разъ эту бумагу и дамъ рѣшеніе, а ты пошли молодаго челоувѣка курьеромъ въ Вѣну. Кардиналь Фернисъ будетъ вести переговоры, а я останусь въ сторонѣ. Ты долженъ немедленно отравить въ путь молодаго челоувѣка.

Ришелье торжествовалъ. Дѣла шли еще лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Рычагъ иностранной политики самъ давался ему въ руки.

— Но что скажетъ Шуазель, ваше величество, замѣтилъ Ришелье, подумавъ съ минуту, какъ ему разсердить короля. Вѣдь это онъ заключилъ союзъ съ Австріей.

— Шуазель? подхватилъ горячо король. Развѣ смѣетъ противорѣчить моему рѣшенію Шуазель! Если онъ вздумаетъ не соглашаться со мной въ политикѣ, то я могу себѣ избрать въ министры другаго. Дѣлай, что я тебѣ говорю, Ришелье.

— Ваше величество, продолжалъ Ришелье, все еще сохраняя озабоченное выраженіе лица, кардиналь Фернисъ, имѣя точныя инструкціи со стороны министра, не повѣритъ устному порученію курьера.

— Принеси мнѣ письменный приборъ, возразилъ нетерпѣливо король и положи его на столъ. Возвратившись отъ обѣдни я напишу нѣсколько словъ. Пожалуйста, ни слова объ этомъ больше.

Ришелье скромно отошелъ и на лицѣ его не выразалось той искренней радости, которую онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ держалъ въ рукахъ нити политической интриги; съ настоящаго времени Шуазель былъ устраненъ и Ришелье чувствовалъ себя его преемникомъ, а на мѣстѣ маркизы уже представлялъ маленькую Луизу. Онъ видѣлъ исполненіе самыхъ несбыточныхъ словъ и честолюбивыхъ стремленій своей бурной жизни.

— Ты мнѣ скажешь, заговорилъ король, довольный завязкой интриги, видимо его занимавшей и шуткой, которую онъ намѣревался сыграть съ своимъ министромъ, оскорбившимъ его высокомѣрнымъ тономъ, — бакую маску надѣнетъ Луиза, тогда я могъ бы безпрепятственно съ ней

говорить. Сказавъ это, король обратился къ придворнымъ мужчинамъ и дамамъ, стоявшимъ вдоль всего коридора. Всѣ они съ удивленіемъ переглядывались и перешептывались во время разговора короля съ неизвестной молодой дѣвушкой и только успокоились тогда, когда король заговорилъ съ Ришелье—однимъ изъ первыхъ сановниковъ двора. Общество рассыпалось въ комплиментакъ другъ передъ другомъ, что не мѣшало по выходѣ отсюда еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде, наклеветать другъ на друга. Его величество былъ сегодня въ особенно веселомъ расположеніи духа и вмѣсто того, чтобы послѣ общаго поклона отправиться къ обѣднѣ, какъ дѣлалъ всегда, онъ еще разъ обошелъ всѣхъ и кризель въ восхищеніе все общество любезностью и находчивостью. Во все это время маркиза разговаривала съ Шуазелемъ, который рассказалъ ей о неожиданномъ отказѣ короля немедленно подписать австрійскій трактатъ.

— Онъ что-то задумалъ, продолжалъ Шуазель, указывая на короля, — будьте осторожны, маркиза, — посмотрите, Ришелье не въ силахъ скрыть злой радости, при взглядѣ на насъ, патеръ Линьеръ былъ сегодня неприступнѣе, чѣмъ когда либо.

— Неблагоразуміе ли помериться съ патеромъ и со всѣмъ обществомъ? замѣтила маркиза. Они — сильные и опасные враги.

— Маркиза, вы не должны высказывать никакой слабости, живо перебилъ герцогъ, — съ ними можно только заключить миръ цѣною собственнаго униженія и признанія ихъ власти надъ собою. Мы должны или твердо стоять на своемъ, или покориться. Я не позволю затоптать себя, гордо продолжалъ Шуазель, — лучше оставлю дворъ и представлю другимъ ответственность за судьбу Франціи.

Маркиза въ смущеніи осматривалась кругомъ, казалась, она искала предлога прервать разговоръ съ Шуазелемъ.

— Сегодня я принимала у себя вашего протеже, — шеваляе Деона, онъ владѣетъ живымъ умомъ, силою сло-

ва и очень мнѣ понравился, вотъ онъ, сказала маркиза, указывая на Деона, стоявшаго у входа въ галерею и смотрѣвшаго на герцога.

Шуазель подозвалъ шевалье, а когда тотъ подошелъ, министръ заговорилъ съ нимъ привѣтливо. Маркиза обошла всѣхъ придворныхъ, заговаривая, то съ однимъ, то съ другимъ, встрѣчая вездѣ льстивые комплименты и низкіе поклоны. Гастонъ д'Ориньи съ безпокойствомъ слѣдилъ за продолжительнымъ разговоромъ короля съ Луизой, между тѣмъ, какъ Ришелье все время бесѣдовалъ съ герцогиней де Гимене, и, казалось, не замѣчалъ маркизы, передъ которой прежде выказывалъ такое глубокое уваженіе.

Маркиза обратилась съ нѣсколькими ласковыми словами къ юному мушкетеру, производившему на нее пріятное впечатлѣніе молодости и красоты.

— Скажите мнѣ ваши желанія, д'Ориньи, спрашивала маркиза, — молодой человѣкъ вашего имени и вашихъ способностей долженъ мечтать о лучшей участи, чѣмъ прозябать въ вѣчномъ холодѣ при дворѣ. Вамъ можетъ открыться блестящая карьера, и если только мое вниманіе, моя протекція могутъ быть вамъ полезны...

— Ахъ, маркиза, вы такъ милостивы ко мнѣ, воскликнулъ Гастонъ, и я рѣшаюсь просить васъ объ исполненіи моего перваго и главнѣйшаго желанія. Честолюбію нѣтъ мѣста въ моемъ сердцѣ, маркиза, оно всѣцѣло наполнено любовью.

— Развѣ любовь не можетъ соединяться съ честолюбіемъ? отвѣтила маркиза, ласково улыбаясь. Развѣ любящее сердце не должно идти по тому пути, который приведетъ его къ любимому существу.

— Ийти по пути къ счастію, повторилъ Гастонъ удивленно, — да, вы правы, маркиза, любовь должна пробуждать честолюбіе и я чувствую въ моей груди это новое чувство. Да, я готовъ бороться, переносить всевозможныя лишенія, лишь бы только обладать ею!

— Господинъ Ориньи!... остановила смущенно маркиза.

— Я хочу имѣть въ вамъ полное довѣріе, маркиза, заговорилъ Гастонъ еще съ большимъ оживленіемъ, — зачѣмъ молчать, если откровенность можетъ сдѣлать меня счастливымъ...

— Я васъ прошу, Гастонъ, прошептала маркиза, бояливо озираясь, — здѣсь, — въ этой комнатѣ...

— Маркиза, продолжалъ Гастонъ, все болѣе и болѣе воспламеняясь, я люблю дѣвушку, у которой вкусы такіе же скромные, какъ и у меня, — если мнѣ дадутъ полъ въ провинціи, то этого будетъ достаточно, сдѣлать насъ счастливыми и независимыми. Маркиза, вамъ стоитъ только сказать слово королю и все будетъ исполнено. Прошу васъ, произнесите это благодѣтельное слово!

— А кого любите вы? спросила маркиза, сильно взволнованная.

— Мою возицу, м-ше де Бомонтъ, отвѣчалъ Гастонъ, бросая умоляющій взглядъ на маркизу, — племянницу герцогини де Гимене.

— А! м-ше де Бомонтъ — сказала маркиза взволнованнымъ голосомъ, — супружество дѣло очень серьезное, д'Орньи, и здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ. Имѣйте терпѣніе, мы еще успѣемъ подумать и посоветоваться, какъ намъ поступить.

Сказавъ это, маркиза холодно отвернулась, а Орньи въ изумленіи остолбѣнѣлъ на мѣстѣ.

Обойдя всѣхъ придворныхъ, король подошелъ къ маркизѣ.

— Герцогъ Аиенъ, наша поѣздка въ Марли отменяется по случаю маскированного бала, назначеннаго маркизой сегодня вечеромъ. Я не хочу пропустить этого праздника и желалъ бы, чтобъ весь дворъ присутствовалъ на немъ. Надѣюсь, герцогиня, что вы и ваша прелестная племянница не откажетесь также принять участіе въ нашемъ удовольствіи, прибавилъ любезно король, обращаясь къ герцогинѣ де Гимене.

— Я? ваше величество, бормотала герцогиня, и вслѣдъ за тѣмъ, обернувшись къ Ришелье, стоявшему возлѣ нея

прошептала: я на балу у маркизы? Нѣтъ, это невозможно!

— Вы не должны ни минуты колебаться, герцогиня, замѣтилъ король. Вы и такъ слишкомъ долго держали вашу прелестную племянницу въ удивленіи и лишили общество ея драгоценнаго присутствія. Прошу васъ, герцогиня, будьте сегодня на балу, тѣмъ болѣе, что маркиза...

— Ваше посѣщеніе будетъ большею честью для меня, сказала маркиза съ легкой ироніей въ голосѣ.

— Рѣшайтесь, герцогиня, прошепталъ Ришелье, это непременно кочеть достигнуть цѣли, тотъ не долженъ быть слишкомъ разборчивъ въ средствахъ. Своро мы свергнемъ эту заносчивую маркизу и власть будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Если ваше величество настоятельно требуете этого, то я буду имѣть честь воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ маркизы, отвѣчала герцогиня, даже не взглянувъ на маркизу.

Шуазель подошелъ къ королю и сказалъ:

— Я имѣлъ уже честь докладывать вашему величеству объ одномъ талантливомъ молодомъ человѣкѣ и просилъ позволенія представить его вашему величеству. Онъ отлично сумѣетъ примѣнить къ службѣ свои рѣдкія способности и обширныя познанія. Маркиза также очень интересуется шеваде Деономъ де Бомонтъ. Сказавъ это, Шуазель сдѣлалъ знакъ молодому человѣку, который приблизился, и съ сердцемъ сильно бьющимся отъ надежды и ожиданія, низко поклонился королю.

— Я очень радъ, герцогъ, замѣтилъ разсѣянно король, не переставая смотрѣть на Луизу, исмавшую глазами Гастона. Вы говорите, талантливый молодой человѣкъ...

— Подающій большія надежды, ваше величество, прибавила маркиза.

— Очень хорошо, очень хорошо, отвѣчалъ король,

не отрывая глазъ отъ Луизы. Вы дадите ему какое нибудь мѣсто, герцогу.

— Шевалье здѣсь, ваше величество, сказалъ громко Шуазель, рѣшившись во чтобы то ни стало обратить вниманіе короля на молодого человѣка, который ужасно смутился, замѣтивъ, что взгляды всѣхъ придворныхъ обращены на него.

Король повернулъ наконецъ голову въ сторону шевалье, и, окинувъ небрежно взглядомъ молодого человѣка, протворилъ:

— Я очень радъ васъ видѣть, шевалье... повторите, я не разслышала, какъ назвала васъ герцогу?

— Шевалье Деонъ де Бомонтъ, ваше величество, сказалъ дрожащимъ голосомъ молодой человѣкъ.

— Шевалье де Бомонтъ? переспросилъ король, удивленный услышать это имя. Не родственникъ ли вы, — онъ закнулся, но тотчасъ же поправился, герцогини де Гимене?

— Герцогиня приходится родственницей одной линіи нашей фамилии. Мы очень гордимся такимъ знатнымъ родствомъ.

— И совершенно правы, шевалье, подхватила живо король, герцогиня въ самомъ дѣлѣ почтенная и достойная дама.

Король окинулъ еще бѣглымъ взглядомъ молодого человѣка.

— Вы еще молоды, очень молоды, сказалъ король, смотря на вѣжное лицо шевалье. Герцогу, вы принцпте какое нибудь мѣсто для шевалье, продолжалъ король, обращаясь къ министру. Я увѣренъ имѣть въ немъ вѣрнаго и преданнаго слугу.

Король поклонился съ пріятной улыбкой всему двору и направился къ галлерей, которая вела въ церковь. Блестящіе мужчины и дамы представляли видъ павлиньего хвоста, слѣдуя за королемъ по галлерей. Они увлекли за собой и бѣднаго Деона, ошеломленнаго такимъ неожиданнымъ приѣмомъ короля.

Г Л А В А IX.

Печально прохаживался одиноко по галлерей Гастонъ, отдавшись различнымъ предположеніямъ о внезапной перемѣнѣ расположенія маркизы, которая прежде была такъ милостива къ нему. Не болѣе, какъ сегодня утромъ она прислала ему приглашеніе на маскированный балъ, что было большимъ отличіемъ для молодого человѣка. И вдругъ теперь она такъ холодно приняла его просьбу, тогда какъ ей стоило только сказать нѣсколько словъ, и пламенное желаніе его было бы исполнено. Легкіе шаги и шелестъ шелкового платья вывели Гастона изъ задумчивости.

Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ Луизу, покраснѣвшую отъ волненія. Она боязливо отглядывалась вокругъ.

— Я улучила одну минуту поговорить съ вами, Гастонъ, герцогиня занята съ придворными, окружившими ее со всѣхъ сторонъ. — Король былъ такъ милостивъ къ ней и ко мнѣ, — и вотъ всѣ обратили на это большое вниманіе. Послушайте, Гастонъ, вы говорили съ маркизой, — вы спрашивали ее....

Гастонъ грустно покачалъ головою.

— Мои надежды рушатся, Луиза, отвѣчалъ Гастонъ. — Моя просьба, вѣжета, оскорбила маркизу, и она холодно отвернулась отъ меня. Правда, маркиза сказала: я послѣ объ этомъ подумаю, но я ужъ знаю какое надо придавать значеніе этой глубокомысленной фразѣ знатныхъ людей.

— «Я объ этомъ подумаю» прошептала испуганно Луиза, какъ странно! — То же самое сказалъ мнѣ король.

— Король? воскликнулъ удивленно Гастонъ. Луиза, вы такъ долго говорили съ его величествомъ!

— Сначала король былъ очень любезенъ съ герцогиней и со мной, я даже удивлялась его необычно веселому и милостивому расположенію духа, но когда я

рѣшилась просить его согласія на наше бракъ, тогда король сдѣлался вдругъ молчаливъ, сдержанъ и единственными словами его были: «я объ этомъ подумаю!»

— Чемъ же тутъ думать? спросилъ Гастонъ, начиная сильно безновонтъ. Боже мой!—можетъ ли это быть! Луиза, что говорилъ вамъ еще король?

— Ничего такого, чему можно было бы придать какое-нибудь значеніе, онъ насказалъ тысячу любезностей и комплиментовъ герцогинѣ и мнѣ; но тише, кажется, идутъ сюда.

Дѣйствительно на галерею вошелъ шевалье Деонъ де Бомонтъ, мрачный и задумчивый. Онъ замѣтилъ Гастона и Луизу, когда былъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Обращаясь къ молодымъ людямъ, онъ заговорилъ насмѣшливо и съ горькой улыбкой на губахъ:

— Прошу васъ, малая Луиза, замолчите за меня словечко передъ герцогиней, этой почтенной и достойной дамой, пользующейся такимъ великимъ расположеніемъ его величества!

— Не смѣйтесь, Луизень, я и безъ того много огорчена, отвѣчала грустно Луиза. Я бы охотно хлопотала за васъ,—затѣмъ она познакомила молодыхъ людей, назвавъ каждого по имени.

— Я люблю т-ше Луизу и потому очень радъ познакомиться съ ея родственникомъ, проговорилъ открывенно Гастонъ, протягивая руку шевалье Деону.

— Вы такъ умны, прибавила Луиза, умѣете краснорѣчиво говорить,—можетъ быть ваше заступничество передъ моею теткой окажется дѣйствительнымъ.

— Мое заступничество! съ горечью сказалъ шевалье, еще бы! я такъ силенъ и имѣю такое вліяніе при дворѣ, конечно мое слово будетъ принято во вниманіе!

Не успѣла Луиза сказать ни слова, когда въ комнату вошла графиня Ромфортъ, бывшая до сихъ поръ въ покоехъ, маршисы.

— Какъ, вы здѣсь еще? сказала насмѣшливо гра-

финя, — я думала, вы ужь отличаетесь на новомъ вашемъ поприщѣ.

— У меня нѣтъ оружія отвѣчать вашей насмѣшкѣ, графиня, отозвался бѣдный шевалье тономъ горькаго разочарованія. Мнѣ ничего не остается, какъ терпѣливо выжидать, пока вы удостоите меня вашимъ вниманіемъ.

Графинѣ, вазалось, доставляло невыразимое удовольствіе мучить молодаго человѣка.

— Подождите, шевалье, продолжала графиня, — вы еще такъ молоды, вамъ всегда найдется время прославить себя безсмертными подвигами!

Шевалье съ досадою отвернулся, между тѣмъ графиня продолжала:

— Но такъ какъ ваша слава относится къ далекому будущему, то совѣтую вамъ не пренебрегать моимъ совѣтомъ: если вы въ дѣятельности не будете имѣть успѣха, настойчиво и съ достоинствомъ, какъ мужчина, то употребите въ дѣло женскую хитрость, для которой вась, какъ мнѣ кажется, и предназначила природа.

И графиня, сдѣлавъ глубокой реверансъ шевалье, съ ѣдкимъ смѣхомъ повернулась въ галлерей, которая вела въ помѣщеніе маркизы де Помпадуръ.

— Вы просите меня помочь вамъ? сказалъ шевалье, обращаясь въ Луизѣ, — вы имѣли теперь случай убѣдиться, какъ сильно мое могущество и какъ дѣйствительна была бы моя помощь! — Но я ще позволю графинѣ преслѣдовать меня своими ядовитыми насмѣшками! воскликнулъ шевалье, гордо выпрямляясь и закидывая вверхъ голову. Никогда! Я сумѣю показать, что въ моей груди бьется мужское сердце и что въ характерѣ моемъ твердость и рѣшительность мужчины! Теперь же я хочу попробовать оружіе женской хитрости. Я вамъ помогу, Луиза, обещаю поговорить о вашемъ дѣлѣ съ герцогиней. Но вы также должны оказать мнѣ одолженіе.

— Говорите скорѣй, я сдѣлаю все, что вы желаете.

— Одолжите мнѣ на сегодняшній вечеръ ваше до-

мино, я хочу его надеть на маскированный балъ маркизы.

— Домино для васъ? спросила удивленно Луиза. Вы хотите...

— Вы слышали, графиня нашла этотъ костюмъ подходящимъ для меня, отвѣчала шевалье съ горькой улыбкой. Я хочу послѣдовать ея совѣту и мнѣ кажется, что въ маскѣ мнѣ удобнѣе будетъ похлопотать о нашемъ дѣлѣ.

— Какая странная судьба! замѣтила Луиза, покачивая головкой, — но конечно я готова вамъ служить.

— Черезъ часъ я буду уже въ моемъ отелѣ и пришлю оттуда слугу въ вамъ за костюмомъ.

— А вы, Луиза, будете на балу у маркизы? спросилъ Гастонъ, удивившимъ голосомъ. Король исключительно приглашалъ васъ и герцогиню, прибавилъ онъ, между тѣмъ какъ темное облако дегло на его лобъ.

— Я должна туда пойти съ тетвой, замѣтила простодушно Луиза, — да къ тому жъ, прибавила она съ восхитительной улыбкой на губахъ, по моему маскарадъ превосходный случай поговорить на единѣ, совершенно незамѣтно для другихъ.

Темное облако слетѣло съ лица Гастона, когда онъ взглянулъ на улыбающееся личико любимой дѣвушки.

Онъ съ любовью поцѣловалъ руку Луизы и сказалъ:

— Я надѣну голубое домино съ бѣлыми перьями, а вы, Луиза, въ чемъ будете? Скажите, подъ какой маской я долженъ искать свое счастье?

— У меня нѣтъ никакого наряднаго туалета, простодушно отвѣчала Луиза, — тоже голубое домино съ бѣлыми лентами, — но я должна бѣжать, послѣдно прибавила она, испугавшись сама продолжительнаго разговора съ Гастономъ. Герцогиня меня можетъ хватиться, и что только выйдетъ тогда! Поблудившись стыдливо Гастону, Луиза выдохнула изъ комнаты, какъ испуганная птичка.

На дорогѣ Луиза встрѣтила высокаго молодого чело-
вѣка, одѣтаго въ одинаковый мундиръ съ Гастономъ.

Юноша подошелъ къ Гастону, и отдавши ему по военному чести, заговорилъ:

— Я пришелъ къ вамъ, господинъ д'Ориньи, съ приказаніемъ отъ герцога Ришелье явиться немедленно во дворецъ маршала, который хочетъ вамъ дать какое-то порученіе.

— А кто передалъ вамъ объ этомъ приказаніи, господинъ Камилларъ? спросилъ ошеломленный Гастонъ.

— Самъ господинъ маршалъ отъ имени короля.

— Отъ имени короля? Что-жь это можетъ быть?

— Вѣроятно ничего дурнаго, господинъ д'Ориньи, замѣтилъ посланный мушкетеръ. Герцога Ришелье былъ въ отличномъ расположеніи духа, когда говорилъ со мною; онъ какъ-то особенно любезно просилъ меня поторопить васъ. Дѣло идетъ о важномъ и почетномъ порученіи. Желаю вамъ счастья, господинъ д'Ориньи!

Но Гастона мало обрадовалъ приказъ герцога. Сегодня только онъ былъ наскоро представленъ Ришелье; — наконецъ, продолжительный разговоръ короля съ Луизой; неожиданное приглашеніе герцогини на маскированный балъ маркизы, все это вмѣстѣ наполнило сердце Гастона тупымъ и безотчетнымъ страхомъ, которому онъ не могъ дать яснаго и опредѣленнаго образа.

Несмотря на свое безпокойство, Гастонъ не сказалъ болѣе ни слова. Онъ молча пожалъ руку Камиллару, занявшему уже свой постъ у дверей короля, поклонился шевалье и вышелъ. Въ эту же минуту герцога Шуазель выходилъ изъ придворной капеллы, возвращаясь въ свой дворецъ.

Онъ замѣтилъ шевалье и сдѣлалъ ему знакъ подойти.

— Отчего вы такъ грустны? спросилъ герцогъ молодого человѣка, грустное лицо котораго бросилось ему въ глаза. Цѣль ваша будетъ скоро достигнута. Король, кажется, ужъ распорядился принять васъ на службу.

— Король нашелъ меня такимъ юнымъ, что я сильно боюсь, какъ бы не пришло въ голову его величеству назначить меня въ должность нажа.

— Вы шутите, шевадье, но будьте спокойны, молодость такая ошибка, отъ которой мы освобождаемся всегда и даже очень быстро. Я вамъ непремѣнно представлю случай доказать, насколько ваше умственное развитіе выше физическаго. Мы живемъ теперь во времена жестокой борьбы и вы, шевадье, также должны принимать въ ней участіе.

— Благодарю васъ, герцогъ, отвѣчалъ шевадье, эластичная натура котораго тотчасъ смятилась отъ дружескихъ словъ герцога.

— Когда я буду на мѣстѣ, вы уважите мнѣ вашихъ противниковъ, и я съумѣю имъ показать каковъ я ребенокъ.

— Противниковъ? повторилъ Шуазель. Да вонъ идетъ самый опасный изъ нихъ, ему я хочу еще дать памятный урокъ.

Шуазель указалъ на патера Линьера, который медленно съ сложенными руками и головою, опущенною на грудь, проходилъ по галлерей, направляясь въ комнату короля.

Патерь едва кивнулъ головою герцогу и хотѣлъ пройти мимо него, какъ вдругъ Шуазель загородилъ ему дорогу и съ легкой ироніей сказалъ:

— Какими благочестивыми проектами заняты ваши мысли, достопочтенный патерь? Или забота о благосостояніи государства, въѣреннаго вашему покровительству, дѣлаетъ васъ такимъ задумчивымъ? продолжалъ Шуазель уже болѣе рѣзкимъ тономъ. Не полезнѣе ли было бы облегчить тяжесть вашей души передачей управленія свѣтскими дѣлами людямъ, предназначеннымъ исключительно для этой цѣли, тогда сами бы вы только заботились о чистотѣ души и совѣсти вѣрующихъ.

— Такъ стало быть по вашему, господинъ герцогъ, дѣло управленія государствомъ не зависитъ отъ состоянія души человѣка и отъ его совѣсти? спросилъ патерь спокойно.

— Нѣтъ, я этого не говорю, отвѣчалъ Шуазель; ко-

нечно я долженъ слѣдовать той дорогѣ, которую укажетъ мнѣ совѣсть и которая ведетъ по моему мнѣнію въ счастію и благоденствію страны, но, не смотря на это, я не терплю посторонняго вліянія на мою совѣсть.

— Церковь одна должна руководить совѣстью человека, точно также, какъ одинъ Богъ управляетъ судьбами народовъ, отвѣчалъ патеръ, нисколько не волнуясь.

— Это совершенно справедливо, патеръ, отвѣчалъ Шуазель, уже разсердившись, но не всякій священникъ держитъ въ рукахъ непогрѣшимый приговоръ церкви и власть самаго Бога.

— А тѣмъ менѣе министръ, господинъ герцогъ!— Всякій священникъ проникнутъ духомъ истины, за него стоитъ церковь — домъ Божій, а она будетъ существовать вѣчно и покровительствовать своимъ служителямъ, между тѣмъ какъ могущество сильныхъ міра сего исчезнетъ отъ дуновенія времени, какъ разлетается пыль отъ вѣтра.

— Вы держитесь упорно вашего мнѣнія, возразилъ Шуазель, но вы и вашъ орденъ еще не составляете церкви. Для тѣхъ же, которые на самомъ дѣлѣ преданы Богу, могущество государства важнѣе авторитета патера Линьера!

Шуазель гордо выпрямился и, поднявъ голову, продолжалъ:

— Остерегитесь встать мнѣ на дорогѣ, господинъ патеръ, я злой противникъ и не остановлюсь ни передъ какими средствами. Вашъ орденъ осмѣливается воставать противъ законовъ и правъ государства, едва повинуется законамъ церкви и даже въ Римѣ начинаютъ чувствовать его вліяніе. Не распространяйте власть омишкомъ далеко, ужь и теперь народъ считаетъ за ничто отлученіе отъ церкви. Когда церковное проклятiе воспаменится свѣтомъ свободы и истины, тогда только всѣ народы будутъ благоговѣть передъ нимъ и считать это проклятiе справедливымъ возмездіемъ. Теперь же... но-вѣрьте мнѣ, когда духъ возрастающей свободы проявне-

сеть надъ вами приговоръ осужденія, народъ не будетъ проливать слезъ, а напротивъ вздохнетъ свободно отъ радости и благодарности. Забудьте это хорошенько, патеръ, и не отваживайтесь встать мнѣ поперекъ дороги! Поидемте, шевалье!

Шуазель быстро повернулся, не дожидаясь отвѣта, шевалье послѣдоваль за нимъ.

Патеръ мрачно посмотрѣлъ имъ въгдъ.

— Поперекъ твоей дороги я вонечно не встану, злобно произнесъ патеръ. Твой путь и безъ того вѣрно ведетъ тебя съ высоты могущества въ глубину пропасти и забвенія! Скорѣй, скорѣй надо обезсилить этого дерзкаго, осмѣливагося объявить намъ войну. — А впрочемъ, пожалуй, онъ правъ, продолжалъ раздумываясь патеръ, въ Римѣ не все идетъ, какъ слѣдуетъ. Между кардиналами замѣчаются опасныя стремленія, и можетъ случиться, что папа дѣйствительно захочетъ освободиться отъ нашего влiянiя и будетъ слушаться нашихъ враговъ. Но, нѣтъ, мы главные властители Франціи и всѣ недоразумѣнія въ Римѣ должны исчезнуть, иначе самъ намѣстникъ Христа долженъ отдавать намъ отчетъ въ своихъ дѣйствiяхъ!

Въ галерею вошелъ одинъ изъ пожилыхъ монаховъ ордена іезуитовъ. Это былъ патеръ де-Сази, рѣдко принимавшій участіе въ безконечныхъ спорахъ своего воинственнаго ордена. Ему было не болѣе 50 лѣтъ, но спина его старчески согбена, лицо умное, съ довольно правильными и мягкими чертами, а на вискахъ виднѣлись гладко приглаженные сѣдые волосы. Патеръ де-Сази составлялъ своимъ смиреннымъ видомъ совершенную противоположность съ патеромъ Линьеромъ.

— Я васъ искалъ, достойный собратъ, сказалъ вошедшій патеръ, я желаю сообщить вамъ хорошія новости.

Патеръ Линьеръ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ Камиллара, который продолжалъ спокойно стоять у дверей королевской комнаты, не обращая никакого вниманія на двухъ іезуитовъ.

— Говорите, мой собратъ, мы очень нуждаемся въ переменѣ обстоятельствъ, такъ какъ въ послѣднее время намъ приходилось испытывать однѣ неприятности и видѣть, какъ наши враги съ каждымъ днемъ становятся все болѣе сильными и могущественными.

— Маркиза де-Помпадуръ выбрала меня своимъ духовникомъ, сказалъ патеръ де-Сави, она, прежняя покровительница нашихъ враговъ, представительница власти отдаетъ себя въ наши руки. Черезъ нее мы восторжествуемъ надъ всѣми нашими противниками. Я спѣшу къ ней поговорить...

— Остановитесь, мой братъ, прервалъ его патеръ Линьеръ, вы не пойдете къ маркизѣ и я радъ, что успѣлъ васъ во время предупредить. Вы должны сначала написать маркизѣ.

— Написать? объ чемъ же?

— Вы должны ей написать, что согласитесь принять на себя заботу о спасеніи ея души только въ такомъ случаѣ, если она возвратится къ своему мужу Этиоль и что только чрезъ это примиреніе она можетъ надѣяться заслужить прощеніе неба.

— Какая мысль, мой братъ! воскликнулъ патеръ де-Сави испуганно. Это значило бы смертельно оскорбить маркизу и предоставить ей полную свободу употребить все вліяніе въ пользу нашихъ враговъ.

— Ея могущество, ея вліяніе... прервалъ его снова патеръ Линьеръ. Знайте, мой братъ, что вліяніе маркизы можетъ принести намъ только одинъ вредъ въ будущемъ. Черезъ нѣсколько дней маркиза — другъ Шуазеля и покровительница философовъ, удалится отъ нашего двора и обратится опять въ прахъ, изъ котораго ей удалось такъ высоко подняться.

— Я не могу надивиться, достойный братъ, такому странному перевороту всѣхъ обстоятельствъ! Но по всей вѣроятности вы справедливы.

— Совершенно справедливъ, возразилъ патеръ Ли-

ньеръ съ увѣренностью.—Маркиза исчезнетъ и съ ней вмѣстѣ будетъ свергнуть и Шуазель.

— Шуазель? спросилъ, патеръ де-Сази недовѣрчиво. Какъ можете вы этого желать, достойный братъ, въ настоящее время? Вы знаете, какъ настоятельно требуютъ наши собратья въ Вѣнѣ заключенія союза съ Австріей, такъ какъ только съ помощью этого союза Австрія можетъ одержать побѣду надъ королемъ Пруссіи, безбожныя дѣйствія и насмѣшки котораго не щадятъ даже и св. отца въ Римѣ. Вы знаете также, что могущественныя придворныя партіи и даже большая часть населенія противъ нашего союза съ Австріей и что только маркиза и Шуазель раздѣляютъ наше мнѣніе и могутъ привести его въ исполненіе. Что скажутъ наши братья въ Римѣ и Вѣнѣ, если я вздумаю въ такую рѣшительную минуту оскорбить маркизу и низвергнуть Шуазеля. Извините меня, достойный братъ, но я не могу послѣдовать вашему совѣту, я долженъ сообразоваться съ мнѣніемъ нашихъ высшихъ.

— Я не думаю вамъ совѣтовать, возразилъ патеръ Линьеръ строго и холодно, но я отдаю вамъ приказанія и никакіе начальники въ мірѣ не могутъ освободить васъ отъ обѣта послушанія. Вотъ предписаніе генерала.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее патеру де-Сази.

Послѣдній прочелъ написанное и съ поклономъ возвратилъ назадъ.

— Я буду повиноваться и писать маркизѣ, достойный братъ, сказалъ патеръ смиренно, но все таки я не понимаю.

— Пониманіе не есть непремѣнное условіе повиновенія, сказалъ патеръ Линьеръ съ достоинствомъ. Но такъ какъ я надѣюсь, что вы, патеръ, вѣрный и преданный служитель церкви, будете успѣшнѣе дѣйствовать, зная причину, руководящую нами, то я вамъ расскажу все подробно. Слушайте же внимательно.

— Я слушаю, достойный братъ, и буду внимать въ каждое слово.

— Наши братья въ Вѣнѣ, продолжалъ патеръ Лицьеръ, видятъ только то, что находится теперь у насъ перадъ глазами и жаждутъ поскорѣй привести въ исполненіе тѣ событія, которыя могутъ возвысить наше могущество въ настоящее время; но они не обращаютъ никакого вниманія на предшествующія обстоятельства, находящіяся въ тѣсной связи съ будущимъ и бросающія ясный свѣтъ на всю послѣдующую судьбу. Они держатъ сторону Маріи Терези, этой благочестивой королевы, вполне посвятившей себя церкви и стремятся какою бы то ни было цѣною доставить ей помощь Франціи, чтобы вывести свою королеву побѣдительною изъ борьбы съ дерзкимъ королемъ прусскимъ; но они не думаютъ о томъ, что противъ королевы можетъ возстать ея сынъ Іосифъ, который будетъ несравненно болѣе опаснымъ и злымъ противникомъ, чѣмъ король Фридрихъ. Онъ съ большею ревностью стремится по пути къ нововведеніямъ, да и къ тому же, какъ католическій король, любимый своими подданными, онъ можетъ служить гибельнымъ примѣромъ для народа. Если мы поможемъ Австріи одержать побѣду и сдѣлаемъ Іосифа, этого друга философовъ, единоличнымъ правителемъ Германіи, духовенство которой и безъ того уже начинаетъ поднимать голову, то тогда наше могущество потерпитъ серьезныя непріятности и мы едва будемъ въ состояніи удержать за собою власть. Нѣтъ, мой братъ, раздоръ между державами есть главный источникъ нашего могущества и мы можемъ только во время борьбы направлять ихъ по нашему усмотрѣнію.

— Но, достойный братъ, прервалъ его патеръ де-Саалъ, развѣ союзъ и побѣда католическаго государства не могутъ служить болѣе прочными основами нашего господства, чѣмъ постоянные раздоры, которые зависать отъ расположенія духа и въ сущности удаляютъ насъ отъ церкви.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды, мой братъ, сказалъ патеръ Линьеръ въ смущеніи, но вы сейчасъ увидите, что въ настоящемъ случаѣ они не примѣнны. Нашъ орденъ образовался для того, чтобы уничтожить реформацію и протестантизмъ. Въ этой борьбѣ охрѣпilo наше могущество и продолжительныя войны прошлаго столѣтія доставили намъ торжество видѣть протестантскихъ внязей, вступающихъ въ союзъ съ кардиналомъ Ришелье и католической Франціей, или проще сказать, сдѣлали ихъ орудіями нашей воли. Только воюющая церковь могущественна, бдительна и единодушна, — она одна нуждается въ солдатахъ нашего ордена, составляющихъ сильную и приученную къ порядку армію. Союзъ Франціи съ Австріей доставить, можетъ, быть католикамъ побѣду, но за то потомъ послѣдуетъ усыпленіе, въ Римѣ будутъ тяготиться этой арміей или найдутъ ее болѣе не нужной. Только высокимъ, просвѣщеннымъ умамъ доступенъ этотъ взглядъ и я благодаря моей власти могу вамъ сообщить свое мнѣніе, такъ какъ и вы, мой братъ, также призваны содѣйствовать намъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Подумайте хорошенько о всемъ сказанномъ мною и вы будете дѣйствовать, повинувшись не одному чувству долга, но также и живому радостному желанію достигнуть вышатаго могущества, которое можетъ принадлежать на землѣ церкви.

Патеръ де-Оазн возразилъ съ достоинствомъ:

— Я удивляюсь обширнымъ и высокимъ соображеніямъ моего достойнаго брата. Я буду стараться проникнуться тѣми же мыслями и считать ихъ путеводными звѣздами моей жизни. Повинувшись вашему приказанію, я напишу маркизѣ и перенесу съ терпѣніемъ порицаніе нашихъ начальниковъ.

— Вашими начальниками, мой братъ, руководить также невидимая высшая сила. Но скоро, повѣрьте, настанетъ то время, когда всѣ и непосвященные будутъ прославлять нашу мудрость. Маркиза и Шуазель скоро будутъ погружены въ бездну мрака и безсилія.

— И вы въ этомъ увѣрены, достойный братъ? спросилъ еще разъ патерь де-Сази, не переставая сомѣваться.

— Это также вѣрно, какъ солнце освѣщаетъ землю. Наши враги исчезнуть, какъ исчезаютъ темныя облака съ горизонта, если мы только будемъ неутомимы въ борьбѣ и нашей дѣятельности! Мы должны невидимо управлять великими міра сего, князьями и королями, дѣйствуя постоянно въ духѣ основателя нашего ордена—
ad maiorem Dei gloriam!

Патерь Линьеръ гордо выпрямился и поднялъ руку въ подтвержденіе своихъ словъ, высказанныхъ изъ глубины души и съ полнымъ убѣжденіемъ.

— *Ad maiorem Dei gloriam!* повторилъ патерь де-Сази тихимъ голосомъ, наклоня голову и скрещивая руки на груди.

Громкіе голоса слышались изъ глубины галлерей.

Это его величество возвращался отъ обѣдни въ сопровожденіи всего двора.

Ришелье, обладавшій въ высшей степени инстинктомъ царедворца, показался въ эту самую минуту изъ подъ шелковыхъ портьеръ и стоялъ ужъ у дверей комнаты короля, когда его величество проходилъ мимо.

Король поклонился двору и сдѣлалъ знакъ маршалу слѣдовать за собой во внутреннія комнаты. Цѣлая толпа блестящихъ царедворцевъ разсыпалась въ разныя стороны; всѣ чувствовали въ воздухѣ грозу, направленіе которой они теперь еще не могли угадать. Каждый спѣшилъ сообщить новости другому и заранѣе заpastись покровительствомъ сильнѣйшаго и могущественнѣйшаго. Болѣе же дальновидные предпочли ожидать въ отдаленіи, пока разсѣется туманъ.

ГЛАВА X.

Между тѣмъ какъ придворные суетились, а неприглашенные завидовали счастливымъ, получившимъ приглашеніе на маскированный балъ маркизы де-Помпадуръ, Шуазель въ тревожномъ безпокойствѣ возвращался въ свой отель. Не слѣдуя беспорядочной жизни всѣхъ придворныхъ, Шуазель продолжалъ жить счастливо съ своей женой, происходившей, какъ извѣстно уже, изъ средняго сословія. Послѣ жаркой борьбы на политической аренѣ, Шуазель радъ бывалъ отдохнуть у мирнаго семейнаго очага, какъ бываютъ рады удалиться въ освѣжающую тѣнь лѣса во время душнаго солнечнаго дня.

Герцогиня жена его, тогда еще молодая женщина, принадлежала къ числу тѣхъ кроткихъ и хорошихъ женщинъ, о которыхъ не говоритъ свѣтъ, но которыя главнымъ образомъ и составляютъ прелесть семейной жизни.

Она замѣтила мрачное расположеніе духа своего мужа, но такъ какъ ей часто случалось видѣть его такое настроеніе послѣ королевскихъ докладовъ, то она и въ этотъ разъ не придавала этому обстоятельству особеннаго значенія. Герцогиня никогда не спрашивала его, но съ терпѣніемъ ждала, пока тотъ самъ передастъ ей свои неудовольствія, — тогда ей главной заботой было стараться развлечь его.

Герцогъ любилъ хорошо покушать и кухня его была одна изъ лучшихъ въ то время, когда всѣ чрезвычайно заботились о кулинарномъ искусствѣ. Но кромѣ изысканныхъ кушаній герцогъ любилъ еще за столомъ умную, пріятную бесѣду въ маленькомъ избранномъ обществѣ; герцогиня никогда не забывала, приглашать къ столу нѣсколько человекъ. Къ этому обществу принадлежали, болѣею частью, писатели и философы, которые, хотя принадлежали къ партіи оппозиціонной правительству, но тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ посѣщали домъ умнаго, высокообразованнаго и любезнаго герцога Шуазеля. Въ

этотъ разъ, какъ и всегда, герцогъ, поздоровавшись съ женой, прошелъ въ столовую и нашелъ гостей. Тутъ былъ нѣмецкій баронъ Гольбахъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, прѣхавшій въ ранней молодости въ Парижъ и любившій этотъ городъ, какъ свою вторую родину. Мужественная фигура барона, румяное лицо и свѣтло-голубые глаза указывали на его нѣмецкое происхожденіе, между тѣмъ, какъ въ разговорѣ и манерахъ замѣчалась легкость и изящество парижанина. На лицѣ барона выражалась безпечность знатнаго и богатаго человѣка, домъ котораго служилъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ поэтовъ и писателей Парижа; въ этихъ кружкахъ барона называли въ шутку «*maitre d'hotel de la philosophie*». Кромѣ барона Гольбаха, въ гостиной сидѣлъ еще худенькій и по своему наружному виду не привлекательный Дидро; онъ былъ десятью годами старше барона, съ болѣзненнымъ и блѣднымъ лицомъ, съ саркастическимъ выраженіемъ и темными безпокойно сверкавшими глазами. Третьимъ гостемъ былъ Жанъ Леронъ Даламберъ, по возрасту занимавшій средину между первыми двумя. Онъ былъ высокаго роста и пріятной наружности; черты лица были правильныя, а глаза глубокіе и задумчивые. Благодаря своимъ математическимъ свѣдѣніямъ, онъ уже въ то время пользовался извѣстностью. Главнымъ образомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе сочиненіями о испорченности іезуитскаго ученія, которое возставало противъ вліянія Рима на ордень.

Герцогъ радужно встрѣтилъ гостей, но выраженіе лица его не измѣнилось и не изгладились морщины на лбу. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прихода герцога, всѣ сѣли за прекрасно сервированный столъ. Но не смотря на блескъ и роскошь севрскаго фарфора и хрустала, разставленныхъ на столѣ, не смотря на чудеса буллинарнаго искусства, въ видѣ различныхъ яствъ, не слышно было того веселаго беззаботнаго говора, который царствовалъ обыкновенно въ этотъ часъ въ столовой. Напрасно Даламберъ старался облечь свои глубокія

мысли въ изящныя формы, что ему такъ хорошо удавалось, напрасно Дидро бросалъ ѣдвія и острыя замѣтки, а баронъ Гольбахъ живо щелкалъ въ разсказахъ веселыхъ и остроумныхъ анекдотовъ, Шуазель продолжалъ оставаться сосредоточеннымъ. Онъ отвѣчалъ односложно и никакого участія въ разговорѣ не принималъ. Какъ и прежде всѣ гости, не докончивъ десерта, перешли въ гостиную, куда камердинеръ герцога привнесъ кофе; а герцогиня, усѣвшись на диванъ возлѣ камина, занялась вышиваньемъ. Она внимательно слѣдила за разговоромъ гостей и мужа и изрѣдка вставляя отъ себя какое нибудь удачное замѣчаніе, всегда впрочемъ въ границахъ сдержанности и женской скромности.

— Вы сегодня невеселы, герцогъ, сказалъ баронъ Гольбахъ, устанавливая пустую чашку на столѣть передъ диваномъ. Простите мою смѣлость, герцогъ, но я позволю себѣ замѣтить вамъ, что вѣрно что нибудь особенно важно таготить вашу умъ. Вы такъ хорошо умѣете равнообразить вашу бесѣду, а сегодня вы необыкновенно угрюмы. И о чемъ вамъ печалиться, герцогъ? Вы— всемогущій министръ и почти неограниченный правитель такой богатой страны, какъ Франція; вы обладаете сокровищемъ рѣдкимъ въ настоящее время.— прекрасной женой, наконецъ, вамъ удалось приобрести еще большую рѣдкость, да проститъ мнѣ герцогиня подобное выраженіе, хорошаго повара, который только что доназвалъ намъ свое искусство. Скажите мнѣ, герцогъ, чего вы можете еще желать?

— Баронъ совершенно справедливъ, подхватила Даламбергъ, подходя къ герцогу. Судьба щедро осыпала васъ своими дарами. Вы составляете свѣтло на политическомъ горизонтѣ Франціи, отъ васъ зависитъ блескъ могущества и просвѣщенія этой страны, наконецъ, продолжала Даламбергъ, никто не смѣлся и бросалъ косвенный взглядъ на герцогиню, вы можете наслаждаться теплотою любви.

— Ваша дружба заставляетъ насъ льстить мнѣ, Да-

дамберъ, замѣтилъ Шуазель вздохнувъ. Любовь дѣйстви- тельно наполняетъ мое сердце и дѣлаетъ меня до нѣко- торой степени счастливымъ, продолжалъ Шуазель искренно, цѣлуя руку герцогини, быть же двигателемъ просвѣще- нія я не могу, хотя и желалъ бы распространить лучи его по всему свѣту; но часто на пути встрѣчаются не- проходимыя тѣни, отъ которыхъ даже великое свѣтло дня прячетъ свой обликъ въ оболочку тумана. Вы гово- рите, будто отъ меня зависитъ блескъ могущества! У насъ только одно солнце во Франціи, а мы всѣ—планеты получающія свѣтъ отъ этого свѣтла, мы должны погру- жаться въ мракъ, когда оно повернется къ намъ темною стороною, и я вижу, какъ съ моей стороны начинаютъ собираться облака!

— И отъ этого вы теряете мужество, герцогъ? во- скликнулъ Дидро. Кто осмѣлится выступить противъ васъ, кто можетъ быть вамъ опаснымъ соперникомъ! Ваши враги — враги просвѣщенія, истинны, всего об- разованнаго населенія Франціи. Выступите только впе- редъ и обратитесь къ духу мыслящаго, свободнаго фран- цузскаго народа, станьте во главѣ непобѣдимой фран- цузской армии и вы будете первымъ лицомъ въ государ- ствѣ и разорвете, какъ паутину, всѣ интриги, опутавшія теперь дворъ.

— Нѣтъ, это не такъ легко, Дидро, заговорилъ Шуазель грустнымъ и серьезнымъ тономъ. Вы оши- баетесь, вы знаете людей хуже меня. Если бы я се- годня свалился съ высоты, такъ повѣрьте, сегодня же появились бы въ газетахъ и журналахъ на мой счетъ ѣдкія эпиграммы и буллеты, и всѣ стали бы работни- ствовать предъ новымъ нравителемъ; ни одинъ голосъ не возвысился бы въ мою пользу! Въ случай же, если бы я сталъ раздувать искры тлѣющаго огня въ широкое пламя, то вспыхнула бы революція, которая таетъ надъ поверхностью нашихъ дней; Революція же подожжетъ насъ: меня, васъ, Дидро, и всѣхъ!

— Вы смотрите очень мрачно на этотъ предметъ,

герцога, замѣтилъ баронъ Гольбахъ. Революціи не такъ легко вспыхнуть въ королевской Франціи, народъ возстанетъ не противъ престола короля, а противъ духовенства, которое хочетъ облечься въ багряницу сверхъ капуцинской одежды, и которое всегда было одинаково, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Нашему мужественному духу народа, въ стремленіи расщепать въ дребезги искусственныя созданія суевѣрія или религіи, принадлежитъ великое будущее. Вамъ герцога, какъ новому Прометею, слѣдуетъ зажечь фавель божественнаго свѣта и просвѣщенія. Лицедѣрная жажда духовной власти поработитъ и теперь народный духъ ложью и страхомъ;—этимъ отличались и жрецы древнихъ языческихъ храмовъ Ианды и Оаириса.

— Не хорошо съ вашей стороны такъ говорить, замѣтила вѣтро герцогиня, вы, баронъ, несправедливы, желая уничтожить религію и церковь со всѣми ея принадлежностями. Церковь древнѣе всевозможныхъ государствъ и правительствъ и, если вы хотите дѣлать преобразованія, то должны воставать противъ злоупотребленія священниковъ, ихъ властолюбія и лицедѣрія, но не противъ религіи и церкви. Религія—божественный зародокъ въ душѣ человѣка, она, какъ хлѣбное зерно, посаженное въ землю и пригрѣтое солнышкомъ, даетъ ростки,—церковь вѣрная садовница, которая оберегаетъ эти ростки, сохраняетъ ихъ и ухаживаетъ за ними. Вырвите религію изъ сердца человѣка и люди будутъ хуже хищныхъ животныхъ, свергните церковь и это искусное строеніе, которое вы называете государствомъ, послѣдуетъ за нею. Бойтесь нападать на религію и церковь, въ такомъ случаѣ мы всѣ,—женщины объявимъ вамъ войну, а мы составляемъ также сильную опору государства, прибавила герцогиня смѣясь, поднимая палецъ въ видѣ угрозы.

— Никто бы кажется охотнѣе меня не призналъ господства женщинъ въ странѣ, отвѣчалъ баронъ Гольбахъ. Я смиряюсь передъ религіей или божественнымъ

зародышемъ, какъ изволила выразиться герцогиня, но развѣ религія нуждается въ священникахъ или церквахъ? Развѣ самъ Создатель міра не устроилъ своего жилища на небѣ, не основалъ главныхъ алтарей на вершинахъ горъ и не распространилъ омірама въ видѣ разнообразнаго благоуханія тысячи различныхъ цвѣтовъ? Развѣ сами мы не можемъ быть священниками въ этомъ великомъ храмѣ божественнаго всемогущества? Для чего мы должны признавать жадную касту, отличительныя черты которой — коршостолюбіе и заносчивость?

Герцогъ покачалъ головой въ знакъ сомнѣнія.

— Баронъ, вы вдаетесь въ теоріи Жанъ-Жака Руссо, который отказался принять пенсію, назначенную ему маркизой. Берегитесь, баронъ Гольбахъ, эти теоріи опасны, вслѣдствіе своей холодной, поддѣльной сантиментальности. Эти теоріи не могутъ вести къ преобразованію, а къ разрушенію и, еслибы вамъ, послѣдователямъ Руссо, съ вашимъ аскетическимъ тщеславіемъ и надменной скромностью, пришлось бы когда нибудь властвовать въ государствѣ, то вы стали бы убивать людей и дѣлать чучелы изъ ихъ свелетовъ, и вѣстѣ съ тѣмъ философствовали бы надъ сломаннымъ стебелечкомъ фіалки.

— Такимъ образомъ, герцогъ, возразилъ баронъ Гольбахъ, Руссо — апостолъ новаго ученія, священнико-представители мрачнаго прошлаго. Слѣдовательно, будущее принадлежитъ великому мудрому сановнику, который съумѣетъ держать въ рукахъ и направлять обѣ эти силы, стараясь одну изъ нихъ подчинить законамъ государства, другую — очистить отъ безумнаго увлеченія, отыскать въ ней истину, беречь это сокровище и, по мѣрѣ возможности, развивать его.

— Какъ? Руссо отказался отъ пенсіи? воскликнулъ Дидро, — это пріятно. Значитъ онъ сохранилъ свою независимость, несмотря на соблазнительныя рѣчи маркизы.

Шуазель, погруженный въ свои мысли, не говорилъ ни слова.

— Вы правы, баронъ, сказалъ наконецъ герцогъ, не обращая вниманія на слова Дидро.

Отъ этихъ двухъ силъ зависяетъ будущее міра, — онѣ составляютъ, какъ бы двухъ коней, чернаго и бѣлаго, впряженныхъ въ громадную колесницу міра. Но, какъ трудно справиться, не то что съ громадной колесницей, а даже съ ничтожной ладьей, т. е., съ самимъ собою! Чтобъ направить весь міръ по должному пути, надо быть богомъ солнца, — чѣмъ и былъ въ прешніе счастливые дни — король. Тотъ же, кто не сумѣетъ крѣпко держать въ рукахъ вожжи, погибнетъ, и въ своемъ страшномъ паденіи увлечетъ за собой въ пропасть весь міръ. Нѣтъ, для подобнаго подвига я не чувствую въ себѣ достаточно силъ, хоть русская царица и сдѣлала мнѣ честь назвать меня «кучеромъ Европы».

— Сила бога солнца, замѣтилъ Даламберъ серьезно, будетъ въ рукахъ того человѣка, который рѣшится обратитъ свѣтъ этого блестящаго свѣтила на все человѣчество, — кто не побоялся, наконецъ, исвать покровительства въ одномъ народѣ, и, протянувъ ему руку, какъ своему единственному союзнику, будетъ громить направо и налево крупныя заговоры и мелкія интриги двора.

— Однако эти интриги настолько значительны, подхватила Шуазель, что если соединить всѣ ихъ нити, то образуется сѣть, способная запутать и самого дьява.

— Левъ долженъ имѣть мужество разорвать сѣть, отвѣчалъ Дидро, воодушевившись. Весь народъ придетъ ему на помощь.

— Мужество! воскликнула Шуазель съ блестящими глазами. Представьте лавину, готовую обрушиться на меня, или морскія волны, сильныя потопить корабль... и я все это вынесу безъ малѣйшаго страха, повторяя мою любимую поговорку: *Si fractus illabatur orbis, impravium ferient ruinae!* Но развѣ могутъ помочь силы и живое мужество въ этой борьбѣ, гдѣ надобно дѣйствовать хитростью и неутомимымъ постоянствомъ, гдѣ нельзя подставить грудь открыто благородному врагу, а надо

стараться медленно и осторожно распутывать узлы подпольных интриг, сплетенных врагами въ непроглядномъ мракѣ. Дядро, вы считаете маркизу, мою приятельницу хуже, нежели она на самомъ дѣлѣ. Увѣряю васъ, что только черезъ нее я могу, хотя медленными и нетвердыми шагами приближаться къ моей цѣли. А моя цѣль такъ велика и такъ возвышенна! Я не хочу разрушать церкви и храмы, баронъ Гольбахъ, но я хочу соорудить Франціи ея собственную церковь, свободную отъ чуждаго вліянія римскаго могущества, которое совершенно равнодушно къ величію и благу моей родины. Я желалъ бы вырвать народъ изъ оковъ и возвратить снова къ его ремесламъ и полямъ собственнаго, дорогаго отечества,—но какъ могу я это сдѣлать, если у меня не хватаетъ силъ. Я нуждаюсь въ свѣтѣ и если ясный лучъ этого свѣта проникаетъ къ намъ чрезъ туманное стекло, развѣ отъ этого уменьшается значеніе свѣта? Если мы не въ состояніи замѣнить туманное стекло свѣтлымъ, должны ли въ такомъ случаѣ совершенно уничтожать потокъ свѣта? Философы могутъ строить планы въ неограниченныхъ сферахъ свободнаго мышленія, государственный же человѣкъ долженъ заключать свою цѣль въ строго размѣренное и опредѣленное пространство.

Даламберъ подошелъ ближе къ Шуазелю и заговорилъ съ нимъ, бросивъ открытый, свободный взглядъ на министра:

— Вы стремитесь къ свѣту, герцогъ, и вся Франція благодаритъ васъ за это, но извините меня, если я предложу откровенный вопросъ: неужели союзъ съ Австріей, при дворѣ которой господствуетъ римское вліяніе, можетъ вести къ свѣту? Зачѣмъ хотите вы вести борьбу въ пользу вѣнскаго кабинета съ благороднымъ королемъ прусскимъ, который философствуетъ на тронѣ, распространяетъ просвѣщеніе и свободу въ своемъ государствѣ и готовъ протянуть руку всѣмъ просвѣщеннымъ умамъ Европы?

— Я удивляюсь королю Фридриху, Даламберъ, от-

вѣчалъ Шуазель, ни мало не сердясь, — но я боюсь его, боюсь, какъ французъ. Какъ сынъ моей родины я желаю, чтобъ Франція стояла во главѣ всего міра по своему уму и могуществу, — но если духъ, воодушевляющій короля Пруссіи и его народъ, еще оживнетъ и если ихъ острый мечъ откроветъ имъ новый путь, то скоро настанетъ время, когда Пруссія, надъ которой такъ недавно всѣ смѣялись и которая теперь уже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, захочетъ собрать весь нѣмецкій народъ около себя. Тогда неспособное римское государство исчезнетъ и вмѣсто него образуется новый нѣмецкій народъ, руководимый побѣдоноснымъ духомъ Пруссіи. И это новое государство, основаніе которому уже положилъ король Фридрихъ, будетъ смертельнымъ врагомъ Франціи, — будетъ стремиться занять въ Европѣ мѣсто, принадлежащее намъ по праву. Я не могу заранѣе предвидѣть въ состояніи ли мы будемъ выдержать эту борьбу. Для этого — то мы должны противодействовать нашему будущему врагу сначала. Побѣждая Пруссію теперь, мы убиваемъ ея будущее и ставимъ этихъ снѣжнхъ великановъ въ безсиліе. Вы видите, Даламберъ, продолжалъ Шуазель, послѣ небольшой паузы, я никогда не живу со дня на день, но заглядываю далеко впередъ. Но, продолжалъ герцогъ печальнымъ тономъ, я вижу, что и вы, мой другъ не хотите понимать меня, — чего же я долженъ ждать отъ людей, которые, не зная меня, судятъ о моихъ дѣйствіяхъ.

— Очень трудно управлять большимъ государствомъ, герцогъ, возражалъ Даламберъ, — и главный правитель постоянно находится въ уединеніи на высотѣ своего могущества.

— Въ такомъ уединеніи; прервалъ его грустно Шуазель, что оно давить меня, какъ камень и мнѣ часто приходится въ голову сбросить съ себя эту невинноимую тяжесть, отказаться отъ благъ міра и искать сочувствія, какъ частный человѣкъ.

Герцогиня подошла къ мужу и тихо взяла его руку.

— Отчего ты мнѣ не высказывалъ своего желанія ни-

когда въ этотъ вѣкъ борьбы, ненависти и неблагодарности, спросила она. Развѣ мы не связаны неразрывными узами? Зачѣмъ заставляешь меня искупать цѣлыми днями мучительнаго ожиданія и безвѣроятнаго тѣ счастливые часы, которые я провожу съ тобой? Уѣдемъ куданибудь далеко, гдѣ мы можемъ жить сами по себѣ и гдѣ ты не видѣлъ бы измѣны на веселыхъ лицахъ своихъ друзей. Живя въ довольствѣ, какъ какой нибудь принцъ, ты сталъ бы помогать бѣднымъ; за что теба бы искренно благодарили. А здѣсь, трудясь до изнеможенія и благодѣтельствуя каждому, ты видишь со стороны всѣхъ только черную неблагодарность, злобу. Господа, присоедините, пожалуйста, ваши голоса въ моей просьбѣ, продолжала герцогиня, обращаясь къ гостямъ. Вы живете постоянно въ духовномъ мирѣ и въ мирѣ науки, — помогите мнѣ перетянуть въ этотъ миръ и моего мужа, освободить его отъ оцѣпенѣлаго и одурающаго духа двора и политики.

Шуазель заговорилъ мягкимъ голосомъ, обнимая жену:

— Твоя просьба, моя дорогая, не нуждается въ поддержкѣ постороннихъ лицъ. И безъ нихъ она проникаетъ прямо въ сердце, я болѣе чѣмъ когда нибудь теперь жажду повода. Я ненавижу дворъ и всю эту обстановку.

— Не говорите такъ, герцогъ, воскликнулъ Даламбергъ, вы не должны это говорить. Кто, какъ вы, держитъ въ рукахъ судьбу цѣлой націи и распоряжается будущимъ милліоновъ людей, счастье которыхъ зависитъ отъ одного его слова, тотъ не имѣетъ уже права наслаждаться только мирнымъ семейнымъ счастьемъ, какъ какой нибудь буржуа. Не для того вы достигли вершины земнаго величія! Кто истинно заботится о томъ, чтобъ лучъ солнца проникъ въ среду народа, тотъ долженъ умѣть противустоять бурямъ и непогодѣ! Что будетъ съ Франціей, герцогъ, если вы насъ оставите?

— Богъ позаботится о Франціи, отвѣчала герцогиня, бросая умоляющій взглядъ на Даламбера, — а намъ ужъ позвольте пожить для себя.

Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтiя.

I. „Обрядъ принятiя въ ученическую степень ордена свободныхъ камельщиковъ“.

Масонство составляетъ, безспорно, одно изъ наиболее замѣчательныхъ явленiй нашей новѣйшей исторiи. Будучи перенесено къ намъ съ запада, гдѣ особенно сильно развилось въ XVIII столѣтiи, какъ протестъ общества противъ философскаго либерализма и непоумѣрнаго увлеченiя французскимъ энциклопедизмомъ; какимъ характеризуется, главнымъ образомъ, это столѣтiе западной исторiи, и оставаясь все время чуждымъ русской народности, оно, тѣмъ не менѣе, широко раскинуло у насъ свои вѣтви, увлекало интеллигентныя слои общества, поглощало его лучшия силы, и, нѣтъ сомнѣнiя, принесло значительную долю пользы нормальному ходу развитiя русскаго общественнаго самосознанiя, по крайней мѣрѣ въ первомъ періодѣ своей исторiи, въ эпоху дѣятельности Новикова, Лопухина, Гамалѣи, удержавъ или по крайней мѣрѣ парализовавъ до нѣкоторой степени напоръ „вольтерьянства“.

Въ настоящее время масонство составляетъ уже фактъ прошлаго, достоинiе исторiи, и не у насъ только, но и на западѣ, гдѣ отъ своеобразнаго теософскаго мировоззрѣнiя и соединеннаго съ нимъ, строго оформленнаго въ ритуалахъ,

культы первоначальнаго масонства сохранились лишь отрывки и клочки, въ видѣ нѣкоторыхъ обрядовъ и эмблемъ. Оно и понятно. Въ настоящее время нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ правительственная дѣятельность характеризовалась бы тѣмъ одностороннимъ направлениемъ, при полномъ абсолютизмѣ власти, какое свойственно было той эпохѣ. Органически связанная съ обществомъ и народомъ, правительства повсемѣстно нынѣ сами идутъ на встрѣчу общественнымъ и народнымъ нуждамъ, прислушиваются и къ народному голосу и къ общественному мнѣнію, и, обладая не однимъ внѣшнимъ, но и нравственнымъ авторитетомъ, имѣютъ полную возможность оказывать какъ самую широкую терпимость къ разнообразнымъ, вновь возникающимъ доктринамъ, не исключая даже такого ученія, какъ социализмъ (который на западѣ, какъ извѣстно, до того признанъ, что имѣетъ своихъ представителей даже въ парламентахъ), такъ равно покровительство и защиту ученымъ консервативнымъ, сдерживая и укрощая порывы терроризированія, къ которымъ новыя доктрины иногда бывають склонны. Тамъ, гдѣ государственныя и общественныя учрежденія, подъ эгидою верховной власти, развиваются и нарастаютъ органически, чрезъ взаимодействіе начала народнаго духа и принциповъ общечеловѣческой цивилизаціи, въ уровень съ поступательнымъ движениемъ народнаго и общественнаго самосознанія, какъ невозможенъ успѣхъ какихъ бы то ни было противогосударственныхъ — революціонныхъ движений, такъ равно нѣтъ надобности элементамъ консервативнымъ, представителемъ которыхъ въ эпоху „вольтерьянства“ было масонство, формироваться въ какой бы то ни было таинственный замкнутый въ себя орденъ.

Русское масонство, не смотря на то, что о немъ у насъ въ литературѣ имѣется уже нѣсколько хорошихъ изслѣдованій (Ешевскаго, Лонгинова, Пыпина, А. Н. Попова и др.), доселѣ еще ждетъ своего Костомарова или Забѣлина. Въ произведеніяхъ названныхъ авторовъ оно изслѣдуется больше со стороны своей внѣшней исторіи, своего социальнаго и общественнаго значенія, нежели со стороны своего содержанія. Въ Императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербурѣ и въ Румян-

цовскомъ музеумѣ въ Москвѣ хранятся, между тѣмъ, какъ извѣстно, замѣчательныя по полнотѣ коллекціи памятниковъ масонства; между прочимъ — масонскихъ ритуаловъ, въ которыхъ, совмѣстно съ образцами, налагается въ существенныхъ чертахъ и ученіе масоновъ, ихъ катехизмы; переписка, протоколы засѣданій масонскихъ ложъ и т. п., которые доселѣ еще никѣмъ не были изслѣдуемы въ указанномъ направленіи.

Въ виду такого положенія дѣла, мы сочли не бесполезнымъ для болѣе близкаго знакомства съ русскимъ масонствомъ предложить здѣсь „не мудрствуя лукаво“, объективное изложеніе содержанія одного изъ масонскихъ ритуаловъ, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, останавливаясь преимущественно на болѣе выдающихся и болѣе характеристичныхъ подробностяхъ ритуала, каковы рѣчи брата-ритора, наставленія и правила великаго мастера и т. п. Мы затрудняемся съ точностію опредѣлить, въ какой изъ извѣстныхъ масонскихъ ложъ въ Россіи практиковался этотъ ритуалъ и къ какой фамилии памятниковъ этого рода принадлежитъ онъ; одно для насъ несомнѣнно, что онъ не русскаго происхожденія, а переведенъ лишь на русскій языкъ, конечно съ нѣмецкаго, на что отчасти указываетъ и языкъ перевода, носящій слѣды барбаризмовъ (въ родѣ: *Габаомъ* вмѣсто *Гаваомъ* — названіе ханаанскаго города, покореннаго Иисусомъ Навинномъ). Мы думаемъ, что если не переводъ, то редакція ритуала въ русскомъ переводѣ принадлежитъ извѣстному Лопухину, такъ какъ въ составъ его входитъ цѣлкомъ между прочимъ „катехизисъ свободныхъ каменщиковъ“, помѣщенный въ запискахъ Лопухина (напечатанныхъ нѣкогда — въ 1863 году — въ Читеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей покойнымъ О. М. Бодяцкимъ и изданныхъ также отдѣльно) и несомнѣнно принадлежащій его перу. — Бстаети замѣтить, что авторъ извѣстнаго романа-хроники „Война и Миръ“, графъ Н. Толстой, рассказывая о вступленіи одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа, Пьера Безухова, въ ложу Пондѣва, обрядъ принятія въ ложу описываетъ до тождества сходно съ тѣмъ, какъ онъ изображается въ нашемъ экземплярѣ ритуала. Въ печатной нашей литературѣ не существуетъ матеріала, которымъ бы онъ могъ

въ этомъ случаѣ воспользоваться, и мы хотимъ думать, что высоко-даровитый романистъ воспользовался именно настоящимъ ритуаломъ, экземпляръ котораго, если составленіе его принадлежитъ дѣйствительно Лопухину, имѣются по всей вѣроятности, въ немаломъ количествѣ у старажиловъ Москвы и въ тамошнемъ музеѣ.

Каждая масонская ложа, какъ извѣстно, подъ предѣтельствомъ великаго мастера, состояла изъ троякаго рода членовъ, образовавшихъ три „степени“: низшая — учениковъ, средняя — товарищей и высшая — мастеровъ. Соответственно этому дѣленію и масонскій ритуаль обыкновенно состоитъ изъ трехъ главъ, въ которыхъ влагаются отдѣльно обряды, принадлежащіе каждой степени и та доля масонскаго ученія, на знакомство съ которою имѣли право члены каждой степени.

СТЕПЕНЬ ПЕРВАЯ.

Обрядъ принятія въ ученическую степень свободнаго каменщикства.

Мѣстомъ совершенія обряда принятія служить „темная хранина“, особеннымъ образомъ убранная: она должна изображать погребъ со сводомъ въ родѣ того, въ какомъ поставляются иногда, до погребенія, покойники. Стѣны хранины должны быть обиты чернымъ; по срединѣ въ ней стоитъ столъ; покрытый чернымъ же покрываломъ. На столѣ лежитъ человѣческій черепъ, въ отверстіе котораго вставляется зажженная лампада. На этомъ же столѣ поставленъ открытый гробъ, наполненный человѣческими костями, а подлѣ него — библія, раскрытая на первой главѣ евангелія отъ Іоанна. Кромѣ того въ хранинѣ находились: „алтарь“, жертвенникъ (у восточной стѣны хранины, противъ входа въ нее) и коверъ, на которомъ становился, во время совершенія обряда, великій мастеръ—

помѣщавшіяся между алтаремъ и жертвенникомъ. На алтарѣ— три свѣчи, три же свѣчи у того мѣста, гдѣ находится коверъ, и кромѣ того люстра, въ формѣ звѣзды, съ шестью свѣчами. Предъ открытіемъ камеры великій мастеръ и всѣ чиновники ложи (или офицеры, какъ они называются въ ритуалѣ) облачались въ присвоенныя имъ званіямъ одежды и эмблематическія украшенія, прочіе члены ложи размѣщались въ камерѣ безъ опредѣленнаго порядка, гдѣ кому хотѣлось, и зажигалась одна свѣча, изъ стоящихъ на алтарѣ. Затѣмъ слѣдовало открытіе камеры. Великій мастеръ ударялъ одинъ разъ молоткомъ, эмблемою своей власти, при этомъ всѣ занимали свои опредѣленныя мѣста, положивъ правую руку на грудь, а ноги держа особеннымъ образомъ какъ-то въ уголь. Когда водворялась общая тишина, великій мастеръ обращался къ „брату первому-надзирателю“ съ вопросомъ: братъ первый надзиратель, который часъ? Первый надзиратель передавалъ этотъ вопросъ второму надзирателю. Тотъ отвѣчалъ: ровно двѣнадцать. Отвѣтъ этотъ братъ первый надзиратель передавалъ великому мастеру. Тогда великій мастеръ снова спрашиваетъ: братъ первый надзиратель, какая первая должность истиннаго свободнаго каменщика, а особливо брата втораго надзирателя? Осмотрѣть, порядочно ли закрыта трамина, былъ отвѣтъ. Почтенный братъ, исполни свою обязанность, говорилъ великій мастеръ.

Братъ первый надзиратель или, вмѣсто него, второй надзиратель отправляется для осмотра дверей камеры. Оставшіеся въ это время пѣли слѣдующую пѣсню (или другую какую приличнѣйшую, и одобренную начальствомъ ложи):

Отъ насъ злодѣи удалитесь,
 Которы ближняго тѣснять;
 Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
 Которы правду не хранять:
 Тѣснить кто ближнихъ завсегда,
 Тому затворенъ путь сюда.
 Во двери крѣпко растворенны
 Премудрые вступаютъ къ намъ:
 Единой честью провожденны,
 Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.

Когда изъ храма вонь грядуть,
 Съ собою скромность повесуть.
 Оставьте гордость и богатство,
 Оставьте пышность и чины,
 Они устроить вамъ препятство,
 Имъ двери въ храмъ затворены.
 Здѣсь то едино веселить,
 Что добродѣтель намъ сулить.

Братъ надзиратель между тѣмъ, возвращался и доносилъ великому мастеру, что онъ осматривалъ ложу и нашелъ ее „порядочно закрытою, такъ что непросвѣщенные приближаться къ намъ и проникнуть тайнствъ нашихъ не могутъ.“ „Видшему стражу“ видствъ съ тѣмъ давалось приказаніе никого изъ тѣхъ, кто пришелъ бы въ ложу уже по ея открытіи и послѣ того, какъ въ ней начались „работы“ не впускать въ ложу до того времени, пока „дѣйствующая часть“ окончится. Затѣмъ вносился въ камеру дотолѣ отсутствовавшій коверъ великаго мастера и полагался на свое мѣсто, а братъ обрядоначальникъ получалъ отъ великаго мастера приказаніе возжечь отъ свѣчи, находящейся на алтарѣ, „тотъ свѣтъ, который съ послѣдняго нашего собранія загашенъ былъ,“ причемъ зажигались сначала три свѣчи около ковра, потомъ— свѣчи на вѣздѣ. Затѣмъ „собратели милостыни“ распространили коверъ, на который и становился великій мастеръ. Между нимъ и братомъ надзирателемъ происходилъ слѣдующій обменъ вопросовъ и отвѣтовъ.

В. Братъ надзиратель, который теперь часъ? (При этомъ вопросѣ, сопровождаемомъ великимъ мастеромъ троекратнымъ ударомъ молотка, всѣ становились въ ногу, извѣстную подъ названіемъ „ученическаго тайнаго знака“).

О. Теперь полдень.

В. Гдѣ мѣсто великаго мастера?

О. На востокѣ.

В. Для чего такъ?

О. Какъ солнце начинаетъ дневное теченіе свое съ востока, такъ и высокопочтенный мастеръ долженъ быть на востокѣ, дабы ложу освѣщать, ею управлять, и братіямъ свободнымъ каменщикамъ распредѣлять работу.

В. Гдѣ мѣсто братій надзирателей?

О. На западѣ: чтобы повиноваться достопочтенному мастеру.

В. М. „Когда такъ, то объявите братіямъ, что я намѣренъ открыть ложу (*sic* исполняется). Братія помогите мнѣ открыть ложу.“ При этомъ великій мастеръ дѣлаетъ своимъ молоткомъ дважды ученической знакъ; затѣмъ кладетъ на приготовленную подушку уголь, на него—раскрытую библию, а на библию — отверстный циркуль. Затѣмъ зажигаетъ остальные свѣчи на алтарѣ, обнажаетъ мечи и полагаетъ ихъ крестообразно съ ножнами на библию. Въ это время братья надзиратели и обрядоначальникъ также обнажаютъ шпаги и собиратели милостыни берутъ въ руки свои жезлы. Великій мастеръ трижды ударяетъ молоткомъ и повелѣваетъ брату первому надзирателю объявить, что камера открыта; и когда это исполнено, то спрашиваетъ который теперь часъ, и получаетъ въ отвѣтъ: „самый полдень“. Затѣмъ читаетъ слѣдующую молитву. „Да прострется надъ нами благодать всевышняго архитектора и да благословитъ онъ сегодняшнее собраніе наше. Да въ согласіи и братолюбіи начнутся, въ порядкѣ продолжаться и счастливо окончатся работы наши! Аминь!“ „Любезные братія, говоритъ онъ затѣмъ, обращаясь къ собравшимся: ложа теперь со всѣмъ открыта и я изъясню вамъ мое почтеніе чрезъ три раза трижды.“ Всѣми при этомъ дѣлается троекратное рукоплесканіе, послѣ чего великій мастеръ „облегчаетъ ложу“—садится самъ и позволяетъ сдѣлать тоже самое и братіи.

Между тѣмъ ищущій принятія въ ложу, приведенный въ нее часа за два до ея открытія своимъ поручителемъ, членомъ ложи, сидитъ одинъ съ завязанными глазами въ особой темной комнатѣ, размышляя о предстоящемъ своемъ избраніи, и въ ожиданіи условнаго знака—сильнаго удара въ дверь комнаты—когда онъ можетъ снять повязку съ своихъ глазъ, что, впрочемъ, происходитъ очень скоро, не больше, какъ черезъ пять минутъ по выходѣ изъ его комнаты брата—поручителя, который въ продолженіе этихъ пяти минутъ стоитъ за дверьми.

Затѣмъ еще до открытія ложи входятъ къ нему братъ-риторъ, особое должностное лицо въ ложѣ, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, приготовить ищущаго ко вступленію въ ложу. На первый разъ братъ-риторъ ведетъ съ нимъ предварительную бесѣду, касательно цѣли ордена. Примерно онъ спрашиваетъ ищущаго: 1) съ какимъ онъ намѣреніемъ вступаетъ въ орденъ? 2) что побудило его къ сему предпріятію? Такъ какъ ищущіе обыкновенно на эти вопросы отвѣчаютъ, что они желаютъ чрезъ орденъ снискать путь къ добродѣтели или премудрости или просвѣщенію, и т. п., то далѣе братъ-риторъ спрашиваетъ: 3) не имѣетъ ли уже ищущій какаго-либо понятія или предположенія о тѣхъ средствахъ, которыми думаетъ онъ въ нашемъ каменщицествѣ достигнуть своей цѣли; 4) какое понятіе имѣетъ онъ о каменщицествѣ, 5) если цѣль его есть исканіе добродѣтели, то не можетъ-ли онъ найти путь къ оной чрезъ религію и гражданскіе законы? 6) слѣдоваль-ли онъ имѣ? 7) если онъ ищетъ премудрости и просвѣщенія, то въ чемъ ихъ полагаетъ? Испытавъ такимъ образомъ мысли и сердце ищущаго, братъ-риторъ объясняетъ ему, что орденъ, принимая къ себѣ въ члены лицъ по свободному ихъ соизволенію, хочетъ, чтобы и его рѣшеніе вступить въ ложу было свободно и при этомъ дѣлаетъ краткое начертаніе цѣли ордена, слѣдующее:

„1. Главнѣйшая цѣль, а купно и основаніе ордена, на которомъ онъ утвержденъ, и котораго никакая человѣческая сила не можетъ низвергнуть, есть сказаніе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства отъ самыхъ древнихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства можетъ быть судьба цѣлаго человѣческаго рода зависить, доволѣ Богъ благоволитъ ко благу человечества открыть оное всему міру, но какъ сіе таинство такого свойства, что никто не можетъ его знать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилѣжнымъ очищеніемъ самого себя не приуготовленъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро приобрѣсти его. Орденъ нашъ можно уподобить благоустроенному воинству, гдѣ всякъ, по мѣрѣ усердія и ревности, восходитъ къ высшимъ чинамъ. Начальники вѣдаютъ расположеніе и тайну войны, но низшіе

чины и простые войны обязаны токмо повиноваться и не могутъ знать сего таинства. Для сего въ орденѣ нашемъ число хранителей таинства всегда было ограничено.“

„2. И такъ мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы приготавливать нашихъ членовъ, сколько возможно, исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты, отъ мужей, потрудившихся въ исканіи сего таинства: однако самое стремленіе ихъ уже приноситъ имъ великую пользу, приближая ихъ къ совершенству.“

„3. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся въ третьихъ исправлять и весь родъ человѣчскій, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣры благочестія и добродѣтели, сей убѣдительный способъ наученія: ибо примѣръ сильнѣе всѣхъ увѣщаній дѣйствуетъ въ сердцѣ человѣческомъ,—стараться всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ.

„Сія суть главнѣйшія цѣли нашего общества; если вы найдете въ нихъ и вашу цѣль, вы съ пользою вступите въ нашъ орденъ.“

Затѣмъ, посовѣтовавъ ищущему размыслить о предложенныхъ цѣляхъ и испытать свое сердцѣ, одобряетъ ли оно или отвергаетъ его предпріятіе,—братъ-риторъ снова оставляетъ его одного, до того времени, когда его позовутъ въ собраніе ложи для совершенія самаго обряда принятія.

По открытіи ложи братъ-риторъ снова отправляется къ ищущему и бесѣдуетъ съ нимъ „по особому, данному ему предписанію.“ Здѣсь предлежитъ ритору важнѣйшій подвигъ, замѣчается въ ритуалѣ: ибо сей первый шагъ на всегда утверждаетъ судьбу ищущаго въ свободномъ каменщикествѣ. Риторъ имѣетъ здѣсь обширное поле къ обработыванію, какаго бы свойства не была сія земля: сухая-ли, да стремится смягчить ее слезами раскаянія, болотная-ли, да осушить ее, возжегши огонь любви небесныя; дикая-ли и заросшая—да очистить ее отсѣченіемъ всѣхъ заблужденій, невѣрья и предрасудковъ: словомъ, да воздѣлываетъ онъ сію проклятую землю такъ, чтобы напоследокъ могла она произрастать райскіе

цвѣты. Сего ради риторъ да поучается всегда и недѣльно отъ начальника своего. Чѣмъ болѣе и чѣмъ прилежнѣе будетъ онъ разсуждать о своей должности, тѣмъ болѣе будетъ радоваться о важномъ званіи своемъ.“

Прибывши къ ищущему, братъ - риторъ спрашиваетъ его: размышлялъ-ли онъ объ объясненныхъ уже ему цѣляхъ общества, нашель-ли ихъ полезными и согласенъ-ли вступить въ орденъ. Когда ищущій дастъ на это утвердительный отвѣтъ, братъ риторъ предлагаетъ ему изложеніе дальнѣйшихъ обязанностей каждаго члена ордена. Обязанности эти или добродѣтели суть слѣдующія: 1) *Скромность*. „По существу главнаго нашего намѣренія, мы имѣемъ нужду скрывать наши тайности, то есть наши обряды, образъ управленія и проч. Не говорю я о таинствахъ, ибо оныхъ никто не можетъ никому отереть: они, яко таинства, тайно сообщаемы бывають отъ того, кто имѣетъ и власть и силу сообщать оныя. Вы должны обѣщать намъ соблюдать скромность, какъ словами, такъ и дѣломъ во всемъ томъ, что хотя мало касается до нашего общества. Если совниманіемъ разберемъ мы сію добродѣтель, то увидимъ, что скромность въ нашей жизни сохраняетъ насъ иногда отъ великихъ бѣдъ и несчастій. Нескромность-же часто имѣетъ ужаснѣйшія слѣдствія, нежели всякій другой порокъ. 2) *Повиновеніе*. Общество наше, не имѣя гражданскихъ правъ, наказаніями или другими какими насильственными средствами приводитъ своихъ членовъ въ повиновеніе, требуетъ добровольнаго согласія на оное отъ всякаго, вступающаго члена. Никакое общество не можетъ стоять безъ подчиненности, тѣмъ паче наше, разсѣянное по всему лицу земли, имѣетъ нужду въ строгомъ наблюденіи правилъ подчиненности. 3) *Добронравіе*. Наша цѣль есть исправлять самихъ себя, а своимъ примѣромъ и прочихъ, въѣ нашего общества находящихся, приводитъ къ познанію добродѣтели. Слѣдственно всякій нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности. Нашъ орденъ есть средняя линія между религіею и гражданскимъ закономъ. Тотъ, кто съ нами соединился, обязанъ всѣ должности, налагаемыя на него духовною и свѣт-

скою властію, исполнять во всей точности, а не по одной наружности. 4) *Любовь къ человечеству, а паче къ братіи.* Любовь къ человечеству, а паче къ братіямъ есть столбъ не токмо нашего общества, но и самой религіи. Она подобна животворному бальзаму, раздѣляющему въ душѣ человѣческой силу, крѣдость и сладкое успокоеніе. Она дѣлаетъ насъ любезными Богу и людямъ. Человѣкъ, котораго всѣ помышленія и дѣланія имѣютъ душею своею сію изящнѣйшую добродѣтель, бываетъ мужественъ въ своихъ предпріятіяхъ, твердъ въ исполненіи оныхъ. Грозный видъ тирана, муки и всѣ злосчастія не колеблютъ его душу. Вы должны стараться возрождать и усиливать въ душѣ вашей сіе благородное чувство и учинить его основаніемъ всѣхъ вашихъ дѣланій. 5) *Постоянность и мужество.* Тотъ только прямо добродѣтеленъ, кто непрестанно, во всѣхъ дѣйствіяхъ старается противиться злу. Тотъ только можетъ надѣяться достигнуть своей цѣли, кто при началѣ своего предпріятія рѣшился преодолѣть всѣ затрудненія, пренятетвія, скуку. Если сердце ваше одобряетъ ваше предпріятіе вступить въ наше общество, то вы должны съ сей минуты рѣшиться переносить всѣ безпокойства, съ какими сопряженъ путь къ добродѣтели, не совращаться съ онаго никакими соблазнами и огорченіями, никакими обманчивыми и лестными видами. Вооружитесь мужествомъ, ибо безъ него никакъ да не льстятся проницать тайнства нашего ордена. 6) *Щедрость и безкорыстіе.* Сія добродѣтель есть драгоценное украшеніе нашего ордена, каждаго брата и каждаго частнаго человѣка. Она есть первый знакъ благородной и высокой души. Низкая и подлая душа только внимаетъ безчувственно волю несчастнаго, угнетаемаго убожествомъ, или хотя и даетъ ему нѣкоторую помощь, но только изъ тщеславія; для похвалы и съ внутреннимъ нехотѣніемъ. Но да отличится истинная щедрость, происходящая изъ благороднаго побужденія челолюбія, отъ расточительности, которая часто подобна бываетъ щедрости, хотя источникъ ея есть нѣкоторая лѣнь, вѣтренность и безразсудность. 7) *Любовь къ смерти.* Непрестанное о смерти размышленіе учиняетъ насъ неустрашимыми, утверждаетъ нашу душу къ повсесѣю

всѣхъ трудностей, огорченій, препятствій, бѣдъ, опасностей, кои могутъ встрѣтиться на пути добродѣтели. Старайтесь частымъ помышленіемъ о смерти довести себя до того, чтобы не казалась она вамъ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ, который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся вашу душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія.

Послѣ преподаванія этихъ правилъ, въ бесѣдѣ брата ритора съ ищущимъ слѣдовалъ нѣкоторый перерывъ. Ищущему предоставлялось снова сообразить сказанное ему и еще разъ обдумать свое намѣреніе вступить въ орденъ. Затѣмъ братъ риторъ возобновлялъ свои наставленія. Во время второй своей бесѣды съ ищущимъ, удостовѣрясь въ твердой рѣшимости его вступить въ орденъ, онъ велъ къ нему рѣчь о *иероглифическомъ языкѣ масоновъ*.

„Орденъ нашъ, говорилъ онъ, ученіе свое преподаетъ не словами только, но и иными средствами, которые на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели дѣйствуютъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели словесное только объясненіе. Сія храмина убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе, нежели слова. Вы увидите, можетъ быть, при дальнѣйшемъ вашемъ принятіи, подобный сему образъ изъясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которые открывали ученіе свое иероглифами. Когда вы съ откровеннымъ сердцемъ и съ должнымъ уваженіемъ къ великости той цѣли, для коей вы желаете быть приняты, будете взирать на все то, что съ вами происходитъ будетъ, то, можетъ быть, вы не тѣ отъ насъ выйдете, каковы пришли“. Если ищущій не знаетъ, что такое иероглифы, то братъ риторъ объясняетъ ему, что „иероглифъ есть назваменованіе какой нибудь неподверженной нашимъ чувствамъ вещи чрезъ представленіе вещи, подверженной чувствамъ, которая содержитъ въ себѣ качества, подобныя изображаемой. И такъ для познанія изображаемой вещи и ея качествъ надлежитъ познать всѣ свойства вещи изображаемой“. Затѣмъ братъ риторъ „приступаетъ къ онитамъ“ надъ ищущимъ. Въ знакъ своего чистосердечія послѣдній

долженъ открыть главное свое пристрастіе, въ знакъ щедрости—отложить всѣ драгоценности, какія при немъ имѣются, въ знакъ повиновенія—снять съ себя верхнее платье, позволить себѣ завязать глаза, лѣвая часть груди должна быть обнажена, а также—правое колено; башмакъ на лѣвой ногѣ—замѣненъ туфлей, наконецъ отъ ищущаго отбираются всѣ вещи изъ металла. Послѣ этого братъ риторъ еще разъ представляетъ на нѣкоторое время ищущаго самому себѣ: „блаженъ тотъ, говорить онъ, кто имѣетъ случай, удалась отъ мірскихъ суетъ, и наложивъ цѣпи на свои чувства, возбуждающія волненіе страстей, обратиться на самого себя и искать источника своего блаженства въ источникѣ своей жизни—сердцѣ“.

Черезъ нѣсколько времени возвратившись къ ищущему, братъ риторъ еще разъ—въ послѣдній—спрашиваетъ его о твердости намѣренія вступить въ орденъ, совѣтуетъ ему „оставить за дверьми храма нашего всѣ предубѣжденія о своемъ знаніи, дарованіяхъ, очистить свое сердце для принатія нашего ученія, которое одно можетъ наставить его правильно видѣть, слышать и чувствовать“. Затѣмъ братъ риторъ ведетъ ищущаго къ дверямъ ложи, приставивъ къ груди его заостренную шпагу и держа его за руку. При этомъ старается сдѣлать путь ищущаго труднымъ, говоря: такъ труденъ путь къ добродѣтели, и пр. „Такъ мы странствуемъ въ жизни; прошедшее для насъ темно, будущее—неизвѣстно. Мы не знаемъ, откуда, что и куда мы: знаемъ только настоящее“. „Шпага, приставленная къ груди вашей, можетъ вонзиться въ нее, если вы сдѣлаете одинъ ложный шагъ, ибо вы не видите теперь пути, по которому идете, и преинаній, на немъ лежащихъ. Васъ ведетъ рука, коей вы однако не видите. Если вы оставлены ею будете, погибель ваша неизбѣжна. Такъ страсти и слабости наши, затмѣвая внутренній свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіи по неизвѣстнымъ намъ путямъ, и если-бы невидимая рука не путеводствовала насъ, мы давно погибли-бы. Ищите познать сего путеводителя. Старайтесь отрясти мгла страстей, увидѣть ее очами умными: тогда обратите мудрость. Ибо, мудрость есть очищеніе отъ страстей и познаніе внутренняго свѣта“.

Этимъ оканчивается приготовленіе ищущаго къ вступленію въ ложу и затѣмъ слѣдуетъ самый обрядъ принятія, весьма сложный, состоящій изъ семи отдѣльныхъ дѣйствій.

По открытіи ложи секретарь читаетъ „всеобщія учрежденія“ масонства: 1) желающій быть членомъ ордена, и имѣющій годы, не можетъ быть принятъ, если за мѣсяцъ не будетъ представленъ ложѣ и надлежащимъ образомъ выбалотированъ; впрочемъ начальники ложи чрезъ особое повелѣніе великаго мастера могутъ сократить сей срокъ. 2) Не имѣющій законной свободы не можетъ быть принятъ въ общество, развѣ — въ служащія братія. 3) Несовершенно преданный той вѣрѣ, въ которой родился, не повинующійся своему государю и отечеству и не соблюдающій благонравія не можетъ быть принятъ. 4) Ищущій долженъ клясться, что подвергаетъ себя всѣмъ уставамъ и обязательствамъ, которые ему въ свое время открыты и истолкованы будутъ. 5) Кто противъ священныхъ поученій и вообще противъ христіанской вѣры что говоритъ или писать будетъ, тотъ долженъ быть исключенъ навсегда изъ ордена; развѣ въ полномъ собраніи отъ безусловія своего клятвенно отречется и безразсудныя свои сочиненія въ раскаяніи уничтожить. 6) Истинный каменьщикъ долженъ съ чистосердечною ревностію почитать и любить Всемогущаго Строителя вселенной и исполнять должности, касающіяся до божества съ такою твердостію, которую никакая пустая корысть и никакое суевѣріе, упрямствомъ подкрѣпленное, поколебать не можетъ: ибо истинное постоянство утверждаетъ его навсегда въ томъ исповѣданіи вѣры, которое онъ исполнять обязался съ младенчества. 7) Знатнѣйшія должности кромѣ упомянутыхъ: а) искренняя любовь къ всѣмъ людямъ, а особливо къ брату чужестранцу; б) Честное поведеніе безо всякой уворазны, в) непримиримая брань съ врагами добродѣтели; г) истинное намѣреніе возстановить духовный храмъ Соломона чрезъ три раза трижды (?) д) искреннее храненіе всеобщихъ каменщицескихъ законовъ и обыменовеній. 8. Единодушіе есть знатнѣйшее правило каменщицескаго ордена. Искренность должна

царствовать въ немъ. Каменьщическое слово и обѣщаніе между нами священными почитаются и до нынѣ нарушаемы не были; посему слова и обѣщанія каменьщика предпочитаются обѣщаніямъ всякаго другого, ибо каменьщикъ долженъ быть увѣренъ о важности изрѣкаемаго имъ слова и никогда нарушить онаго не можетъ. 9. Свободный каменьщикъ, узнавъ злой умыселъ, противъ Государя и правительства предприемлемый, и надежными доказательствами совершенно въ томъ увѣрившись, долженъ тотчасъ донести о томъ мастеру ложи, который о томъ неукоснительно доносить своему начальству. Если же дѣло не терпитъ времени, то мастеръ ложи увѣдомляетъ о томъ самое правительство. 10. Братъ, не имѣющій случая донести о томъ мастеру ложи, самъ доносить Государю, если онъ въ томъ же городѣ, словесно, а въ отсутствіи — письменно. 11. Каменьщики-ученики должны, когда имѣютъ случай быть одни съ своими мастерами, прилежать къ тому, чтобы принадлежащія имъ вещи и дѣла лучше узнавать; причемъ должны имѣть предосторожность, чтобы не были подслушаны вѣтъ изъ постороннихъ. 12. Ученикъ долженъ быть совершенно наученъ въ своей работѣ: безъ того не можетъ быть возводимъ на дальнѣйшую степень.

По прочтеніи этихъ постановленій, секретарь читаетъ протоколъ предыдущаго собранія—затѣмъ братъ риторъ посылается для приготовленія ищущаго, а великій мастеръ въ это время читаетъ собранію приличную рѣчь или поученіе или катихизируетъ.

Исполнивши свою обязанность, братъ риторъ возвращается съ ищущимъ и, подойдя къ дверямъ камеры, даетъ знать о своемъ приходѣ кашлемъ. Великій мастеръ дѣлаетъ крѣпкій ударъ, при которомъ всѣ встаютъ и ставовятся вокругъ ковра. Братъ стражъ ударяетъ кулакомъ въ дверь, то же дѣлаетъ братъ поручитель и кромѣ того стучитъ по каменьщически. Братья надзиратели повторяютъ эти удары и доносятъ великому мастеру, что стучать по каменьщически. Послѣдній трижды ударяетъ молоткомъ и спрашиваетъ: кто тамъ? На отвѣтъ: ищущій, который желаетъ быть принятъ въ свободные каменьщики, великій мастеръ спрашиваетъ достоинъ ли ищущій, и

на отвѣтъ поручителя, что онъ отвѣчаетъ за ищущаго своею головою, велитъ спросить послѣдняго о его имени, отчествѣ, фамиліи, званіи, законѣ, чинѣ, отъ чего имѣеть пропитаніе, не состоитъ ли членомъ какого-нибудь общества, явнаго или тайнаго, имѣеть ли истинную ревность къ исправленію себя, не суетное ли любопытство побуждаетъ его вступить въ орденъ и т. п. Затѣмъ, когда на отвѣтъ великаго мастера слѣдуетъ ли принять ищущаго, всѣ присутствующіе даютъ посредствомъ тайнаго знака свое согласіе, дверь ложи закрывается, введшіи ищущаго беретъ отъ него свою руку и шпагу и толкаетъ его съ осторожностью впередъ къ надзирателямъ, говоря: я предаю тебя судьбѣ твоей. Братья надзиратели ставятъ его между собою. Въ ложѣ наблюдается тишина и глубокое молчаніе.

Затѣмъ начинается обрядъ принятія «съ ищущимъ, яко съ страждущимъ». Великій мастеръ предлагаетъ ему тѣ же вопросы, которые дѣлаемы ему были братомъ риторомъ и по утвердительному отвѣтѣ на нихъ, велитъ секретарю внести «сіе происшествіе въ лѣтописи ордена», и, нѣсколько помолчавъ, ударяетъ молоткомъ и обращается къ ищущему съ такою рѣчью. «Ваши, государь мой, мужественные поступки, а при томъ основанное на добромъ объ васъ понятіи, послушаніе ваше во всемъ, что уже было и что еще будетъ съ вами, удостовѣряютъ насъ, что ни свойственное женамъ любопытство, ни дѣтское странныхъ вещей воображеніе, ниже чье-либо убѣжденіе есть виною вашего дѣйствія, но паче вашею добродѣтелю подкрѣпленное побужденіе къ тому, чтобы соединиться съ нами, чтобы быть сочленомъ такого общества, которое знаменито и извѣстно по добродѣтели, дружбѣ, вѣрности и честности привлекаетъ васъ сюда; а потому спрашиваю васъ, да словомъ человека скажете, согласны ли вы во всемъ предаться намъ и по тѣмъ законамъ, коимъ мы повинемся, согласны ли быть приняты въ свободное каменщикество? Или размысливъ, жалаете возвратиться вспять?—Если вы, государь мой, могли иногда возмнить или еще и теперь опасаетесь размышляя, вѣтъ ли чего между нами противнаго Богу, вѣрѣ и узаконеніямъ правительства, установленіямъ общества или благопріию и праводушію гражданина, то я увѣряю васъ мнѣ и

всёя ложи словомъ, что сего и подобнаго тому между нами нѣтъ и не бывало... И такъ да исполнится, государь мой, хотѣніе ваше. Но знайте, что бодрость, мужество, осторожность и равнодушіе отвращаютъ опасность, а робость и колеблемость при мысляхъ не твердыхъ и разсѣянныхъ, часто дѣлаютъ человѣка сожалѣніа достойнымъ и несчастною жертвою». Спросивъ у присутствующихъ о согласіи ихъ на принатіе новаго члена и получивъ утвердительный отвѣтъ, великій мастеръ велитъ брату второму надзирателю заставить ищущаго «путешествовать по каменщицки». Надзиратель обводитъ ищущаго кругомъ ложи, позади присутствующихъ и при этомъ говорить: «примѣтили ли вы, что вы обошли теперь со мной кругъ? Безконечное есть также кругъ, описываемый всемогуществомъ изъ средоточія, которое есть первоначальный свѣтъ. Научися нынѣ, что къ сему свѣту можно приблизиться токмо мудростью и добродѣтью. Се теперь вступаешь ты на стезю, ведущую къ сей мудрости и добродѣтели; да не уклонятся стопы твои отъ сего пути, да не будутъ онѣ удержаны посторонними предметами. Хотя различныя препятствія, однако самыя опасности дѣлаютъ героя, достойнаго увѣнчанія лаврами. Тѣмъ сладостиѣ покой для ратоборца, когда онъ при достиженіи цѣли, возра на перенесенныя трудности, самъ себя можетъ сказать: я полагалъ стопы мои на терніа, прошелъ пропасти, преодолѣлъ стремнистыя высоты и каменныя крутизны; но слабая искра, блеснувшая во мнѣ при первомъ шагѣ путешествія, возгорѣлась свѣтильникомъ, приведшимъ меня къ моей цѣли».

По окончаніи перваго «путешествія» надзиратель беретъ у ищущаго свою шпагу и велитъ поклониться великому мастеру. Братъ первый надзиратель ударяетъ молоткомъ по шпагѣ. Великій мастеръ также ударяетъ своимъ молоткомъ сперва дважды, потомъ еще однажды, и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Ищущій». — «В. М.». Онъ еще не на благомъ пути: заставить его еще разъ путешествовать.

При второмъ путешествіи братъ надзиратель говорить ищущему: «Человѣческой слабости свойственно заблуждаться, но по узнаніи неправды оставаться въ заблужденіи произ-

волью есть уже неизвиняемое буйство. Если стопы твои совратились когда-нибудь съ праваго пути, если ты водимъ будучи пустымъ блескомъ, возгорающихся въ видѣ огня гнилыхъ паровъ, сбился съ пути истины, то слѣдуй нынѣ руководству предостерегающаго тебя друга и не возбрани паки поставить тебя на пути, съ котораго уклонили тебя страсти или соблазны. Для огражденія смертныхъ отъ слабости Предвѣчный строитель міра сотворилъ въ челоуѣкѣ нѣкоторое святое стремленіе къ дружбѣ. Да не отторгнетъ когда-либо рука твоя сея подпоры отъ себя и да не будетъ слухъ твой загражденъ отъ ея предостереженій. Когда же обрѣтешь ты паки предваренную тебѣ стезю, то да будетъ вождями тебѣ дружескій совѣтъ и старшій тебя опытъ. Тогда сугубо напруги стези твои и будь увѣренъ, что конечно достигнешь цѣли, какую предполагаетъ себѣ мудрый и добродѣтельный мужъ».

По окончаніи втораго «путешествія» второй надзиратель ударяетъ по плечу кандидата, а первый надзиратель—молоткомъ по шпагѣ, послѣ чего великій мастеръ снова спрашиваетъ: кто тамъ, и получивъ отвѣтъ, объявляетъ, что сей «страждущій» еще не на правомъ пути, хотя и есть надежда, что онъ вступитъ на оный, для чего слѣдуетъ ему еще разъ «путешествовать». При этомъ третьемъ путешествіи братъ риторъ обращается къ «страждущему» съ такою рѣчью. «Слабому нашему зрѣнію часто кажется конецъ теченія въ неизмѣримой отъ насъ отдаленности, чему причиною или облекающей насъ мракъ, или излишній «блескъ», ослѣпляющій очи. Но истинный герой преодолеваетъ и сіе путешествіе.. Тотъ, кто совершилъ большую половину своего теченія, обращается вспять, кто, преодолевъ величайшія опасности, страшится малыхъ и оставляетъ сраженіе—тотъ ничего не сдѣлалъ. Но кто подвизается до конца, кто въ благородномъ своемъ стремленіи къ полученію лавра лучше гибнетъ на сраженіи, нежели съ робостію бѣжитъ изъ онаго: таковой увѣренъ въ своей побѣдѣ. Да не устрашаютъ убо и тебя встрѣчающіяся съ тобою препятствія, но паче къ поставляемой тебѣ цѣли гряди мужественно, съ бодрымъ духомъ, оживляющимъ истиннаго камешника».

Дѣлаются обыкновенные удары молоткомъ и новый вопросъ великаго мастера: кто тамъ, на который братъ надзиратель отвѣчаетъ: «достойный требующій, который нашелъ путь къ добродѣтели». «Се, наконецъ, стоитъ онъ на истинномъ пути, говоритъ великій мастеръ. Желая я, да во всю жизнь свою не перестанетъ онъ по немъ идти: тогда мы всѣ вкупѣ возрадуемся». «Вы уже близко свѣта, государь мой, обращается затѣмъ великій мастеръ къ ищущему: не ослабѣвайте, вступите къ намъ и соединитесь съ нами ненарушимой клятвой. Но да будетъ твердость спутницею языка вашего и да возсіяетъ чрезъ то и обнажится предъ нами непорочная святость ваша».

Затѣмъ по распоряженію великаго мастера, съ согласія всего собранія, братья надзиратели подводятъ ищущаго къ алтарю. Прежде чѣмъ ищущій произнесетъ свою клятву, риторъ говоритъ ему привѣтствіе. «Государь мой! оказанная вами твердость въ преодолѣніи препятствій, случившихся на вашихъ путешествіяхъ, увѣряютъ насъ, что вы совсѣмъ презрѣли несправедливыя предразсужденія невѣжества. Въ награжденіе такого постоянства, вы подведены къ жертвеннику и должны вступить съ нами въ такія обязательства, коихъ истинные каменьщики нарушить не могутъ. И дабы съ вашей стороны мы были обезопасены, должны вы теперь на торжественнѣйше дать клятву предъ престоломъ молчаливости, предъ стопами правосудія и предъ Великимъ Строителемъ вселенныя, что будете не нарушимо сохранять въ сердцѣ вашемъ таинства свободнаго каменьщичества и совершенно себя подвергнете законамъ нашего ордена. Готовы ли вы къ сему? Если готовы, то совершайте вашу работу съ твердостью духа, съ размышленіемъ и уваженіемъ и повторяйте яственно клятву которую нашъ мастеръ повелитъ вамъ дать. Помните; что Строитель всего міра, по вездѣсущности своей и всезнанію, разиѣряетъ, свидѣтельствуешь и слышитъ вашу клятву».

Послѣ этой рѣчи, братья надзиратели ставятъ ищущаго обнаженнымъ колѣномъ на подушку предъ алтаремъ, великій мастеръ беретъ у ищущаго правую руку, кладетъ ее распротертою на біблію и говоритъ: вѣрите ли вы, что книга

эта—св. Писаніе и Евангеліе?... Потомъ «требующему» даютъ въ лѣвую руку раскрытый циркуль и одну ножку его представляютъ къ обнаженной лѣвой груди его. Затѣмъ братъ секретарь читаетъ по слову, слѣдующую клятву, которую ищущій повторяетъ. «Я, М, М., кланусь предъ всемогущимъ Строителемъ вселенныя, и предъ сими высокопочтеннымъ собраніемъ, въ томъ, чтобы всѣми моими силами стремиться къ сохраненію непоколебимой вѣрности къ Богу, закону, правительству, отечеству и къ сему высокопочтеннѣйшему братству; чтобы любить ихъ всѣмъ сердцемъ и помогать ближнимъ моими всѣми силами. Я обѣщаю по всѣмъ силамъ моимъ стараться быть во всѣхъ, моихъ дѣяніяхъ предусмотрительнымъ и мудрымъ, въ дѣйствіяхъ моихъ осторожнымъ, въ словахъ—умѣреннымъ, въ должностяхъ моихъ праведнымъ, въ предпріятіяхъ—чистымъ, въ сужденіи—честнымъ, въ образѣ моего обхожденія—человѣколюбивымъ, благороднымъ, добросердечнымъ и преисполненнымъ любви ко всѣмъ человѣкамъ, а наипаче къ моимъ братьямъ. Я обѣщаюсь быть послушнымъ начальникамъ моимъ во всемъ, что мнѣ для блага ордена, къ которому я обязанъ во всю жизнь сохранять вѣрность, повѣдно будетъ. Обѣщаюсь быть осторожнымъ, искреннимъ, умалчивать обо всемъ, что мнѣ повѣрено будетъ, и ничего такого не дѣлать и не предпринимать, что могло бы открыть оное; въ случаѣ же малѣйшаго нарушенія сего моего обязательства, подвергаю себя, чтобы голова моя была мнѣ отсѣчена, сердце, языкъ и внутренности вырваны, тѣло мое сожжено, и прахъ его разсыпанъ по воздуху. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и его милосердіе. Аминь».

По окончаніи клятвы, великій мастеръ говоритъ: «Боже, помози кланущемуся!» И затѣмъ обращаясь къ ищущему, прибавляетъ: «Не забывайте никогда, что свободно, непринужденно и по добромъ размысленіи дали клятву, связующую васъ съ нами, и что уже никакая власть не можетъ освободить васъ отъ исполненія оныя».

Затѣмъ требующій отводится на свое мѣсто, и по распоряженію великаго мастера, къ языку его прикладывается «печатъ соломонова, печать скромности».

Но этимъ обрядъ принятія въ ложу далеко еще не оканчивается. Олѣдуетъ за тѣмъ «открытіе свѣта ищущему», «сопращеніе его съ орденомъ», «облаченіе его по орденски».

Великій мастеръ спрашиваетъ, дозволяютъ ли братья узрѣть требующему свѣтъ, сіянія котораго не могъ онъ отъ самаго своего рожденія до сей блаженной минуты употреблять въ свою пользу. Первый надзиратель, именемъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ и всѣхъ по земному шару разсѣянныхъ братьевъ заявляетъ, что ищущій достоинъ свѣта, для пріобрѣтенія коего употребилъ прилежность и труды. Ватѣмъ свѣчи въ ложѣ погашаются, кромѣ одной, стоящей на алтарѣ, чаша съ виннымъ спиртомъ (Spiritus vini) зажигается и поставляется на постаментъ предъ алтаремъ. Надзиратели поднимаютъ нѣсколько повязку съ глазъ приедежаго, братья устремляютъ на него концы шпагъ, послѣдній членъ ложи, принятый въ нее предъ тѣмъ, стоитъ въ окровавленной одеждѣ. Великій мастеръ обращается къ приедемому съ такою рѣчью: «Всѣ сіи мечи, государь мой, которыхъ остріе противъ васъ устремлено, нынѣ и всегда готовы поборствовать по васъ, въ какой бы вы странѣ ни были, до тѣхъ поръ, пока вы будете стараться исполнять всѣ должности и добродѣтели, свойственныя свободнымъ камѣнщикамъ; но вземите при томъ и сему, что сіи же самыя мечи извлекаются и устремятся метательною десницею противъ васъ, если вы клятву свою и подобающую молчаливость нарушите; надлежитъ вамъ вѣдать, что мы и всѣ разсѣянные по вселенной братья, ставъ нынѣ искренними вашими друзьями, при малѣйшемъ вашемъ вѣроломствѣ, при нарушении вами клятвы и союза, будемъ вамъ лютейшими врагами и гонителями. Ополчимся мы тогда жесточайшимъ противъ васъ ищениемъ и исполнимъ мечь, напоминая вамъ, что вы сами предъ всемогущимъ Звѣздителемъ міра клялись, и прѣбывая обѣтъ свой въ вѣроломство, заслужили себѣ казнь. Но я уповаю, что сіи мечи, на защищеніе и оборону братьевъ нашихъ опредѣленные, не обратятся никогда кровію недостойныхъ камѣнщиковъ. Въ такомъ упованіи предложимъ мы ихъ къ полу храма сего и не хотимъ далѣе лишать васъ преимуществва увидѣть полный свѣтъ». Послѣ этого повязка снова

опускается на глаза, свѣчи въ ложѣ снова зажигаются всѣ, чаша со спиртомъ относится въ сторону. Затѣмъ повязка снимается съ глазъ ищущаго и „обыкновеннымъ образомъ дѣлается предъ приемлемымъ крестообразное пламя, при чемъ братья восклицаютъ: *Sic transit gloria mundi!* „Сіе пламя, говоритъ при этомъ великій мастеръ, научаеъ васъ, что всякая слава и высота земли переходать, яко дымъ сей“.

По нѣкоторомъ молчаніи, продолжаетъ: „когда вы такъ далеко уже дошли, что ни во власти вашей пребывать или съ честію и безопасностію оставитъ насъ, то долженъ я сказать вамъ, что есть еще нѣчто, что образу мыслей вашихъ, а паче срдцу вашему величайшее почтеніе приобрести удобно. Подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣйте клятву свою смѣшеніемъ крови вашей съ кровію братіи нашихъ: тогда окончаемъ и совершимъ мы немедленно принатіе ваше въ свободные каменщички и яко брата нашего облобызаемъ“. При этомъ великій мастеръ, какъ бы не нарочно, взираетъ на послѣдне-принятаго и спрашиваетъ: каковъ онъ, если требующій взглянетъ туда же, то великій мастеръ говоритъ ему: не будьте любопытны, государь мой! Затѣмъ посвящаемый подводится снова къ жертвеннику, ставится на правое колено, правая рука его полагается на библию, въ лѣвую онъ беретъ циркуль, одинъ конецъ котораго приставляется къ его лѣвой груди. Великій мастеръ велитъ поручителю „посадить извлеченнаго и имѣть о немъ попеченіе“ и подать чашу съ кровію. Затѣмъ торжественно провозноситъ: „силою власти моею и сана, мною отправляемаго (ударяетъ малоткомъ одинъ разъ), силою благоволенія и согласія всѣхъ здѣсь присутствующихъ и по всей землѣ разсѣянныхъ братіи (новый ударъ малоткомъ), — приемлю васъ въ свободные каменщички ученикомъ и братомъ (новый ударъ малоткомъ). Братія надзиратели, поднимите и повергните новаго брата къ вратамъ храма“. Избранный отводится на указанное мѣсто „но не спиномъ, и не по ковру“, и поставляется между надзирателями, имѣя ноги свои какъ-то „удломъ“. Затѣмъ по приказанію великаго мастера, сопровождаемому сперва двумя а потомъ еще однимъ ударомъ, секретарь читаетъ за-

писанное вмѣ въ лѣтописи ордена только что совершившееся принятіе. Всѣ присутствующіе, по распоряженію великаго мастера, влагаютъ свои шпаги въ ножны, а братъ поручитель приводитъ новопринятаго, для облаченія его въ масонскія одежды, къ жертвеннику, гдѣ его ожидаетъ братъ обрядоначальникъ, который подаетъ ему одну за другою масонскія облаченія, при чемъ великій мастеръ говоритъ: любезный братъ новопринятый! Прими сей орденскій нашъ законъ, который бѣлизною своею, прочностію и крѣпостію, ибо онъ сдѣланъ пѣзъ кожи, всегда станетъ напоминать тебѣ искренность, постоянство, и чистосердечіе нашего братства, дабы и ты о сихъ свойствахъ толпо рачиль, чтобы можно было изъ дѣяній твоихъ ощутительно примѣчать, колико ты усердія, доброты и твердости къ тому прилагаешь. Желаю, чтобы носилъ ты сей законъ яко достойный нашъ братъ и никогда не опятналъ бы какимъ либо порокомъ“. — „Прими сіи первыя мужескія бѣлыя перчатки и храни ихъ на всегда; онѣ послужатъ во свидѣтельство твоего принатія, и если нѣкогда мастера твои разсудятъ за благо подать тебѣ достаточное объ нихъ объясненіе, то тогда и дальнѣйшее объ нихъ поученіе воспримешь“. — „Сіи другія перчатки носи всегда въ братскихъ нашихъ собраніяхъ въ ложѣ“. — „И сіи женскія перчатки тебѣ опредѣлены, дабы ты отдалъ ихъ той женщинѣ, которую паче всѣхъ почитаешь. Сямъ даромъ увѣришь о неворочности твоего сердца ту, которую избралъ себѣ въ законную каменьщицу, но соблюди, да не носятъ рукавицъ сихъ и да не укрошуются ими руки нечистыя“. — „Наконецъ, прими сію невмасненную лопатку въ воспомянаніе того, съ какою прилежностію ты употреблять ее долженъ. Сія лопатка въ разсужденіи необходима въ ней надобность, имѣетъ великую свою цѣну, и для того невѣщеня она на сей ремень, да къ совершенію здѣсь производимыхъ работъ, какія и на тебя назначены будутъ, тѣмъ удобнѣе сохранена быть могла. Ты сравнительнымъ образомъ можешь весьма полезныя исправити сокровищемъ сямъ работъ; когда потытятся сердце человѣческое отъ нашествія пороковъ очистить и оградить, и погрѣшности ближняго снисходительно заглаживать“.

Затѣмъ, братъ риторъ объясняетъ нововринятому значеніе начертаній, находящихся на коврѣ. Рама, заключающая въ себѣ всѣ сіи сокровенныя фигуры, ограничиваетъ наши тайности на семь единомъ мѣстѣ. Великій Строитель міра не опредѣлилъ намъ быть въ обществѣ заключенными и неизвѣстными; но когда насиліе, хитрость и злость преодолѣли, то чистосердечіе стало погрѣшностію, молчаливость—добродѣтелию, и соединеніе противъ насилія необходимостію, что мы сими заключающими рамами изобразить намѣрены. Четыре страны свѣта, на коврѣ обозначенныя, во всѣхъ частяхъ міра разсѣянныхъ нашихъ братій знаменуютъ. Бахрама и мозаическій полъ взятъ изъ Соломонова храма: въ немъ находилась драгоценная бахрама, которую употребляли на задергиваніе завѣсы предъ святою святыхъ; тамъ же былъ прекраснѣйшій мозаическій полъ. Просвѣщенный разумъ и истинныя правила равномерно украшаютъ жизненный храмъ человѣка и священное мѣсто—человѣческое сердце. *Восстающая звезда* можетъ имѣть сравненіе съ священнымъ огнемъ, который всегда горѣлъ въ соломоновомъ храмѣ; такъ и свѣтъ ума долженъ всегда освѣщать всѣ дѣянія твои. *Солнце, луна и звезда* напоминаютъ, что ты долженъ бдѣть надъ своими дѣйствіями и просить помощи повелѣшаго въ Гаваонѣ солнцу и лунѣ оставаться, когда Навинъ гналъ враговъ своихъ. *Прямоугольникъ, отецъ, перпендикуляръ и циркуль* суть орудія, необходимыя для строителя. Памятуй, что Совершенный Великій Мастеръ далеко распростертнымъ циркулемъ своимъ разиѣряетъ и розыскаваетъ твою работу. Сего ради и ты разиѣрай дѣйствія свои циркулемъ разума; располагай поступки свои по чертѣ и уму совѣсти, полагай основаніе по отѣфу опыта, сооружай зданіе свое по перпендикуляру красоты. Сего ради служатъ сіи орудія знаками чести: первый—Великаго мастера, слѣдующіе—обоихъ надзирателей, циркуль всѣмъ братьямъ вообще, во образъ воспоминанія. *Молотокъ* въ рукахъ Великаго Мастера есть такое орудіе, которое весьма малымъ трудомъ и безъ шума все собраніе побуждаетъ къ истинѣ и вниманію. *Лопатка* напоминаетъ всѣмъ каменщикамъ, что они со всякимъ попеченіемъ сравнивали его разсѣяныя и от-

верстіе сердца, отвращали и заглаживали произведенныя вновь высокоуміе гнѣвомъ, отчаяніемъ, слабостію и пороками, заглаждали погрѣшности ближняго и братій своихъ и сердце свое столь чистымъ содѣлывали, чтобы братъ не опасался показывать сердце свое другому брату. *Камень дикій* можетъ быть очищенъ, обсѣченъ. Поступай и ты также съ своими склонностями. Для воспоминанія сей должности остается сей дикій камень тебѣ и всѣмъ ученикамъ предметомъ. *Кубическій камень* получилъ образованіе свое по углу и служить товарищамъ къ тому, чтобы они орудія свои имъ изощряли. *Чертежная доска* принадлежитъ нашимъ мастерамъ, которые дѣлаютъ на ней свои начертанія; ибо искусный строитель не начинаетъ работы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ справедливаго чертежа и разумнаго расположенія. *Столъ*—тотъ, у котораго ученики получали свою плату; слово, первая буква котораго оврочена на немъ, ученическое слово, а самый столъ есть изображеніе лѣваго столпа въ соломоновомъ храмѣ. *Три окна*—одно на востокъ, второе на западъ, третье на югъ, означаютъ три великія свѣтила, чрезъ которыя каждый свободный каменщикъ начальникомъ своимъ препровождается къ истинѣ. Любезный братъ! сіи суть знанія свободного каменщика-ученика. Старайся теперь приобретать свойства свободного каменщика-ученика. Будь трудолюбивъ, откровененъ, стремись къ постоянной честности, любви братской и благородному желанію успѣвать въ познаніяхъ нашихъ. Симъ сократишь себѣ путь и приблизишься великими шагами къ твоей цѣли, гдѣ ожидаетъ тебя истинная награда, состоящая въ изъясненіи всѣхъ іероглифовъ и аллегорій, тебѣ предложенныхъ,—награда, въ которой никогда истинный и вѣрный каменщикъ не имѣлъ недостатка.

Затѣмъ, новопринятаго обучаетъ братъ-надзиратель «знакамъ и прикосновенію его степени», безъ объясненія, пока ихъ значенія. Представъ предъ великаго мастера, новопринятый показываетъ ему достаточное знаніе сихъ вещей, послѣ чего, при троекратномъ ударѣ молоткомъ, великій мастеръ сажаетъ его подлѣ себя справа, и читаетъ ему нижеслѣдующія девять статей устава свободного каменщикства.

«О ты, учению мудрости новопосвященный, чадо добродѣтели и дружбы, внимай прилежно гласу нашему. Да раскроется душа твоя для принятія вѣднѣй истины. Мы тебѣ покажемъ путь, ведущій къ счастливой жизни. Мы тебя научимъ угождать Творцу твоему и разрѣшить съ бодростію и успѣхомъ всѣ способы, провидѣніемъ тебѣ ввѣренныя, дабы сдѣлать тебя полезнымъ сочеловѣкомъ и дабы вкусилъ ты сладости благотворенія.

I.

Храни благоговѣніе къ Существо, исполненному величества, дѣйствіемъ воли своея сотворившему вселенную и сохраняющему ее непрерывнымъ своимъ дѣйствіемъ. Повергни себя предъ словомъ воплощеннымъ и благословляя провидѣніе, произведшее тебя въ міръ сей между христіанами. Исповѣдуй божескій законъ сей на всякомъ мѣстѣ и исполняй всѣ нравственныя должности, въ немъ предложенныя. Во всѣхъ твоихъ дѣяніяхъ являй просвѣщенное благочестіе безъ лицемерія и лже святости или фанатизма.

II.

Воспоминай непрестанно, что человѣкъ есть совершеннѣйшее твореніе, потому что его одушевляетъ смѣль Богъ дуновеніемъ своимъ. Проникни въ безсмертное естество души твоей и отдѣляй рачительно оное небесное и неизмѣняемое начало отъ чуждыхъ смысленій.

III.

Первая клятва твоя принадлежитъ Богу, вторая — государю, яко образу его на землѣ. Чти правителей государства; люби отечество; исполняй со всякою точностію всѣ обязанности добраго гражданина и мни, что оныя освящены произвольными каменщичка обѣтами и, что наруша оныя, ты къ слабости придашь лицемеріе и клятвопреступство.

IV.

Провшедшій отъ единого корня, люби нѣжно всѣхъ, имѣющихъ такіе же составы, такіе же нужды и бессмертную душу, какъ и ты. Вселенная есть отечество каменщика и для него нѣтъ принадлежащаго человѣку нѣтъ ничего чуждаго. Чти общество каменщицкое, разбѣянное по всѣмъ странамъ, гдѣ разумъ и просвѣщеніе проникли, и вди въ храмы наши приносыть жертву святому человѣчеству.

V.

Богъ, могущій въ самомъ себѣ доволенъ быти, благоволилъ себя сообщить человѣкамъ. Приближа себя къ саму безпредѣльному образу, проливая на ближняго весь тукъ послѣдшаго твоего блага. Все, что разумъ человѣческій благого можетъ постигнуть, подлежитъ твоей дѣятельности. Дѣятельное и повсемѣстное благотвореніе да будетъ основаніемъ твоихъ поступковъ. Предупреди вошь ѡбдности; по крайней мѣрѣ не будь никогда къ нему нечувствителенъ. Убѣгай скупости и тщеславія. Не ищи награды за добро въ плескахъ толпы народной, но ищи ее въ глубинѣ твоего сердца, и въ то самое время, когда ты не можешь сдѣлать только счастливымъ, только бы хотѣлъ. Взирай на священный благотворенія узелъ, насъ связующій, и содѣйствуй по всей возможности твоей полезнымъ нашимъ установленіямъ.

VI.

Будь ласковъ и услужливъ. Возжигай во всѣхъ сердцахъ огонь добродѣтели. Приемли участие въ благополучіи ближняго твоего, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго сего наслажденія. Прощай врагу твоему; не мсти ему, развѣ только дѣлаемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ единую изъ высочайшихъ заповѣдей религіи, ты обрѣтешь слѣды древняго твоего величества.

VII.

Испытай сокровенные изгибы сердца твоего. Душа твоя есть днѣй камень, который ты долженъ очистить. Принеси Божеству въ жертву исправления побужденія и покорныя страсти. Бди и молися. Да будутъ нравы твои невоорочны и чисты; душа твоя—пряма, права и смиренна. Бойся горькихъ плодовъ гордости, погубившей человѣка. Изучай героглифы нашего ордена: они кроютъ въ себѣ великія и удовлетворяющія истины, и ты чрезъ размышленіе объ однихъ сдѣлаешься лучшимъ.

VIII.

Всякій каменьщикъ, какого бы христіанскаго исповѣданія, какой бы страны и состоянія ни былъ, есть твой братъ и имѣетъ право на твою помощь. Уважай законныя степени общества: въ храмахъ нашихъ мы не знаемъ никакихъ, кромя той, которая есть между добродѣтелию и порокомъ. Берегись вводить какую-либо свѣтскую отмѣну, могущую нарушить равенство, и не стылись предъ посторонними людьми честиаго человѣка, котораго ты любилъ какъ брата между нами. Лети на помощь къ нему, наставь заблуждающаго, подыми упадающаго, и не питай никогда злобы или вражды на брата. Разгони вскорѣ воздымающееся облако сіе. Единое токмо соглашеніе можетъ довершить работы наши.

IX.

Наконецъ, исполни со всякою точностію обязательства, которыя ты сдѣлалъ, какъ каменьщикъ. Почитай твоихъ начальниковъ. Повпнуйся имъ; они говорятъ именемъ законовъ. Да не выдетъ никогда изъ памяти твоей давняя тобою клятва хранить таинства наши. Если ты дерзнешь нарушить оную, то сердце твое всегда тебя укорять будетъ, и всѣ каменьщики тебя презирать».

Прочитавъ эти правила, великій мастеръ говоритъ: «почтвенный братъ поручитель! Тебѣ поручается сей новопринятый братъ, научи его всему тому, что нужно для его свѣдѣнія и исполненія его должностей; а тебѣ, новопринятый братъ, по-

велѣваю, именемъ начальниковъ нашихъ, повиноваться сему мастеру, коему ты поручаешься.

Этимъ оканчивался обрядъ принятія въ ученическую степень свободного каменщика. Слѣдовало закрытіе ложи. Великій мастеръ спрашиваетъ: не имѣли-ли кто изъ присутствующихъ предложить собранію чего-либо, относящагося къ благосостоянію ложи; къ какимъ добродѣтелямъ долженъ прилежать свободный каменщикъ (отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ отъ лица ложи второй надзиратель:—къ смиренію, скрытности, осторожности и прилежанію); «исполнили-ли мы сіи добродѣтели («мы смиренны были, ибо работали, отвѣчаетъ братъ второй надзиратель, — скрытны, ибо ни одинъ непросвѣщенный не могъ приближаться къ нашимъ работамъ, мы осторожны были, ибо входъ къ намъ запретили»). «Намъ остается, продолжаетъ великій мастеръ, исполнить послѣднюю нашу должность». Братъ-собратель милостивы обходитъ собраніе и собраніе вручаетъ казначею, который, сосчитавъ сборъ, докладываетъ о количествѣ его великому мастеру, а тотъ велитъ записать въ протоколъ. Затѣмъ, слѣдуетъ обычный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ между великимъ мастеромъ и первымъ надзирателемъ,—который мы видѣли въ началѣ: который теперь часть? Гдѣ мѣсто великаго мастера, мѣсто брата—надзирателя и пр. Великій Мастеръ поручаетъ обрядо-начальнику убрать и сохранить коверъ и погасить всѣ свѣчи, кромѣ одной изъ стоящихъ на алтарѣ, приглашаетъ всѣхъ приблизиться къ жертвеннику «и составить обмененную связующую насъ цѣпь» и затѣмъ, читаетъ въ слухъ молитву: «благословеніе небесъ да снидетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ каменщиковъ, и да украситъ и обновитъ насъ всѣми нравственными и общественными добродѣтелями», — братья говорятъ: аминь. Любезные братья! благодарю васъ за сегодняшнюю работу вашу и прошу впредь продолжать вашу ревность, заключаетъ великій мастеръ. Въ отвѣтъ на это раздаются троекратныя рукоплесканія; чиновники ложи слагаютъ свои знаки, великій мастеръ ударяетъ одинъ разъ молоткомъ и—ложа совершенно закрыта.

Ник. Бартозь.

Вопросъ о децентрализаціи во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Франція до сихъ поръ остается классическою страной централизаціи. До сихъ поръ тамъ есть много поклонниковъ этой формы государственнаго устройства; есть между ними и такіе, которые, не смотря на доводы Токвилля, не перестаютъ считать централизацію прекраснымъ наслѣдіемъ 89 года. Они не могутъ отвергать существованія централизаціи до революціи; но учрежденія 1800 года, говорятъ они, такъ много отличаются отъ учрежденій старой Франціи своею систематическою выработкою и методичностью, что ничто не мѣшаетъ считать ихъ совершенно новыми, ничто не мѣшаетъ отрицать тѣсную связь между ними и централизаціей до революціоннаго періода. Такіе голоса не принадлежатъ ученымъ поклонникамъ централизаціи; кромѣ того, они очень рѣдки, такъ что имъ не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія въ научномъ вопросѣ. Существованіе такихъ голосовъ еще въ настоящее время само по себѣ составляетъ однако фактъ, свидѣтельствующій о той силѣ, съ которою укоренилась централизація во Франціи.

На самомъ дѣлѣ учрежденія старой Франціи до такой степени по существу своему похожи на новыя, что это сходство возбуждаетъ сильное удивленіе. Если вы обратите вниманіе на городскую жизнь, которая отличалась такою самостоятель-

ностью въ средніе вѣка, которая дѣлала даже попытки подчинить своему влиянію государственную жизнь, то вы увидите въ XVIII вѣкѣ только жалкіе остатки этой прежней жизни, сохранившіе отъ прежнихъ силы и величія лишь одни названія. Вы увидите въ городахъ высшихъ муниципальных чиновниковъ, которые составляютъ такъ называемый *corps de ville*. Они покупаютъ свою должность, и въ такомъ случаѣ послѣдняя бываетъ пожизненною. Если же городъ купилъ у короля за свой счетъ всѣ установленныя продажныя должности, тогда онъ выбираетъ самъ муниципальных чиновниковъ на срокъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни самостоятельность, ни размѣры власти этихъ *officiers municipaux* (такое было ихъ названіе) не становились больше. Вѣдая городское ховайство, они вполне зависѣли отъ королевскаго совѣта, который распоряжался ими черезъ посредство интенданта.

Другое городское учрежденіе носило довольно пышное названіе: *assemblée générale*. Когда-то это было дѣйствительно общее собраніе, представлявшее собою законодательную власть въ городѣ, но XVIII вѣкъ увидѣлъ только его развалину. Составъ его измѣнился, въ немъ нѣтъ болѣе бѣдныхъ людей города; рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ изгнаны изъ этого собранія. Тамъ остались только мастера, да и то болѣе богатые, такъ что собраніе получило олигархическій характеръ. Сами мастера перестали являться въ него непосредственно, а стали посылать своихъ представителей. На сколько тѣсенъ кругъ дѣятельности *assemblée générale* и избираемыхъ имъ городскихъ чиновниковъ, видно изъ того, что городъ безъ разрѣшенія королевскаго совѣта не можетъ ни установить *octroi*, ни собирать налоги, ни продать, ни отдать въ аренду городскія имущества, ни начать искъ, ни даже распорядиться излишкомъ своихъ доходовъ надъ расходами. Всѣ общественныя сооруженія исполняются по планамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ королевскимъ совѣтомъ. Торги на нихъ производятся обыкновенно у интенданта или субдеlegates, а работы производятся подъ наблюденіемъ казеннаго инженера или архитектора (Товвилль). Очевидно, что даже въ вопросахъ чисто

хозяйственныхъ городскія власти не имѣли самостоятельнаго голоса.

Перейдемъ въ деревню. Тамъ мы встрѣчаемся съ двумя чиновниками, сборщикомъ податей (collecteur) и синдикомъ (syndic), которые когда-то были представителями общины, а въ XVIII вѣкѣ стали послушными орудіями интенданта, хотя и остались выборными. Первый собиралъ подати и сдавалъ ихъ интенданту, или кому онъ прикажетъ, второй служилъ органомъ администраціи во всемъ, что касалось поддержки порядка, производства общественныхъ работъ и примѣненія законовъ. Прежде высшая власть въ общинѣ принадлежала общинному собранію. Феодалъ наблюдалъ за нимъ, издавалъ свои распоряженія; но былъ кругъ дѣятельности, въ которомъ общинное собраніе было самостоятельно (Распоряженіе общинной собственностью). Въ XVIII вѣкѣ отъ этой сѣдой старины остались только одни формы. Сходка собиралась по звуку церковнаго колокола. Приходили всѣ и богатые, и бѣдные. Всякій могъ высказать свое мнѣніе, а нотариусъ записывалъ въ протоколъ вырвавшіяся фразы.

Эта демократическая форма прикрывала однако самое жалкое содержаніе. Собраться могла сходка лишь съ разрѣшенія администраціи, постановлять что либо она не могла, исключая того, чтобы просить начальство о томъ-то и о томъ-то. Она не могла распоряжаться общиннымъ имуществомъ, не могла рѣшить произвести какую либо постройку на общинный счетъ, хотя-бы то была починка крыши деревенской церкви, не смѣла распорядиться остатками общинныхъ суммъ послѣ выполненія всѣхъ бюджетныхъ расходовъ. На все требовалось позволеніе начальства, и не ближайшаго, а самаго королевскаго совѣта. Общинныя власти были жалкими пѣшками, которыми помыкалъ послѣдній субдеlegates (въ родѣ нашего становаго) по своему произволу. «Я велѣлъ посадить подъ арестъ, пишетъ одинъ интендантъ въ 1750, нѣсколькихъ именитыхъ членовъ тѣхъ общинъ, которые ворчали, и заставилъ эти общины заплатить путевые расходы конныхъ полицейскихъ стражниковъ *chevaliers de la maréchaussée*). Этимъ средствомъ онъ живо былъ обузданъ». Подобныя мѣропріятія практиковались въ

деревняхъ тѣмъ легче, что тамъ не существовало никакихъ гарантій личной неприкосновенности.

Ни города, ни деревни не были взяты изъ подъ надзора всевидящаго ока центральнаго правительства. Оно не только слѣдило за всѣмъ, оно рѣшало все и за всѣхъ. Оно рѣшало, сколько черепицы купить для починки деревенской крыши, оно опредѣляло, сколько употребить денегъ на починку несчастнаго мостика чрезъ какую нибудь несчастную реченку, оно входило во всѣ мелочи областного хозяйства и управленія. Для провинціи *contrôleur général des finances* былъ все. И дѣйствительно, этотъ министръ, носившій скромное названіе „общаго контролера финансовъ“ сосредоточивалъ у себя, кромѣ управленія финансами, дѣла, относящіяся теперь къ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и торговли и къ министерству путей сообщенія.

Ему подчинены были интенданты, соответствующіе нашимъ губернаторамъ. Они выросли постепенно и изъ простыхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ раскладкою податей, стали полновластными хозяевами французской провинціи. вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ власти измѣнилось и ихъ названіе. Скромное названіе *commissaire départi* исчезло, и на мѣсто его явилось названіе *intendant*. Кругъ дѣятельности этого чиновника былъ очень обширенъ. Раскладка и сборъ податей, всѣ споры, возникающіе отсюда, полиція, полицейскій судъ, постройка дорогъ, транспортировка войскъ вѣ ихъ тяжести, всѣ общественныя работы, продовольствіе населенія, особенно въ случаѣ голода, санитарныя дѣла, наконецъ сборъ рекрутъ, вотъ тѣ разнообразныя функціи, которыя требовали отъ интенданта большаго запаса знаній и огромной энергіи. Всѣ дѣла рѣшались имъ безапелляціонно, хотя всякое дѣло, непредусмотрѣнное министерскими распоряженіями, и восходило къ генераль-контролеру, а отъ него въ королевскій совѣтъ; но фактически оно рѣшалось почти всегда согласно съ мнѣніемъ интенданта, которое онъ посылалъ при своемъ представленіи. Съ другой стороны отъ него вполне зависило не давать ходу какому либо дѣлу.

Читатель видитъ, какъ обширна власть интенданта по от-

ношенію къ населенію *généralité* (названіе области, управляемой интендантомъ); но она лишена всякой инициативы. По собственному почину, безъ разрѣшенія высшаго правительства, онъ ничего не могъ сдѣлать. Много нужно было энергій и настойчивости со стороны интенданта, чтобы поторопить такое разрѣшеніе: правительство было завалено дѣлами провинцій. Но за то достаточно было самолюбивѣйшей апатіи съ его стороны, — не говоримъ о дурной волѣ, — чтобы задержать всякое развитіе провинціальной жизни. Не сдѣлать представленія, или сдѣлать, но приложивъ къ нему неблагоприятное мнѣніе, и дѣлу конецъ.

На интендантѣ мы не можемъ остановиться, спускаясь къ мелочамъ областной жизни. За нимъ слѣдуетъ его непосредственный помощникъ субделегатъ (*subdélégué*). Это даже не чиновникъ, состоящій на государственной службѣ, а служащій по найму, призываемый и увольняемый интендантомъ по его собственному произволу. Между тѣмъ онъ представляетъ въ кантонѣ то, что интендантъ въ *généralité*. Онъ единственный представитель власти, первая инстанція, съ которой начинается административное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя инстанція, которую проходитъ постановленіе высшаго правительства раньше, чѣмъ оно будетъ сообщено заинтересованнымъ лицамъ. Всѣ общинныя власти должны были заискивать у субделегата, такъ какъ онъ былъ ихъ ближайшимъ и всесильнымъ начальникомъ. Субделегатъ ничего не могъ предъ интендантомъ; но за то тѣмъ могущественнѣе онъ былъ предъ деревенскимъ старостою и даже всею деревенскою сходкою. Къ нему поступали ихъ униженныя просьбы, отъ него въ значительной степени зависило ихъ дальнѣйшее движеніе. Отъ него зависла судьба обывателей въ полицейско-судебномъ отношеніи. Сколько зла онъ могъ сдѣлать обывателямъ! Взискать *по нечаянности* лишнія подати, арестовать когонибудь *по недоразумѣнію* въ самую горячую пору, выслать на починку дороги далеко отъ деревни и продержатъ безъ толку лишнее время, все это могъ сдѣлать субделегатъ, не теряя даже своей репутаціи исполнительнаго чиновника. Всего этого конечно достаточно, чтобы мѣстное населеніе дрожало

передъ нимъ. А это вѣдь требовалось отъ тогдашней администраціи. Тотъ изъ интендантовъ и былъ на хорошемъ счету, который выставлялъ свою область обладающею большою платежною способностью. Въ томъ же положеніи стоялъ и суб-делегатъ относительно интенданта, съ тою только разницею, что ему завѣдуя непосредственно сборомъ податей, приходилось, во чтобы то ни стало, стараться объ оправданіи своихъ бюджетныхъ предвидѣній.

Нѣтъ надобности разяснять, что при описанномъ нами порядкѣ управленія, благополучіе Франціи всецѣло покоилось на мудрости и добросовѣстности извѣстнаго числа чиновниковъ. Еще въ началѣ XVIII вѣка умные люди замѣчали эту характерную черту французскаго государственнаго устройства. Ло говорилъ по этому поводу: „Я никогда не повѣрилъ бы тому, что я видѣлъ собственными глазами, когда я былъ генераль-контролеромъ финансовъ. Подумайте только, что это королевство Франція управляется 30 интендантами! Вы не имѣете ни парламента, ни сословныхъ собраній (états), ни губернаторовъ. Отъ 30 *maîtres des requêtes* ¹⁾, посланныхъ въ провинціи въ качествѣ прикащиковъ (*commisaires provinciaux*) зависитъ счастье и несчастье провинцій, ихъ благосостояніе или бѣдность.“ ²⁾ Ло былъ иностранецъ, онъ поэтому легче схватилъ самую суть французской администраціи. Слѣдуетъ однако добавить, что эти интенданты и ихъ помощники были сильнѣе въ дѣлѣ зла, чѣмъ добра. И это происходило главнымъ образомъ не по той причинѣ, что между ними было больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ людей, а вслѣдствіе сущности ихъ положенія. Нужно было очень много энергіи, чтобы добиться разрѣшенія какого либо областнаго вопроса. Стоитъ просмотрѣть документы, относящіеся къ пребыванію Тюрго въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Это относится даже къ такимъ вопросамъ, которые не касались непосредственно фискальных инте-

¹⁾ Молодые совѣтники въ парламентѣ и въ королевскомъ совѣтѣ. Изъ нихъ обыкновенно назначались интенданты.

²⁾ Тоqueville. L'ancien régime p. 54.

ресовъ центра. Если же дѣло касалось вопроса денежнаго, если требовалось ассигнованіе новой суммы на производство расхода въ провинціи (а много ли дѣлъ, которыя не связаны съ расходами?), тогда препятствія становились непреодолимыми. Даже во время голода въ Лиможѣ, Тюрго успѣвалъ выхлопотать лишь половину тѣхъ ссудъ, которыя ему были нужны. Онъ тратилъ свои деньги, чтобы противодѣйствовать злу.

Было бы неразумно рассчитывать, что всѣ, или даже большинство администраторовъ отличаются выдающеюся энергійей въ дѣлѣ общественнаго блага. По обыкновенному ходу вещей такіе люди составляютъ меньшинство и весьма незначительное. Большинство же, это обыкновенные люди, которые не вытаскаютъ платка изъ кармана. Про администраторовъ же французскихъ и этого сказать нельзя. Такіе компетентные современники, какъ Мирабо-отецъ, отыскиваются объ нихъ, какъ о волкахъ въ овечьихъ, которые грабятъ провинціи. По отзывамъ современниковъ хорошіе люди между интендантами составляли ничтожное исключеніе. И это вовсе не случайность. На такое мѣсто, гдѣ нужно употребить особенныя усилія, чтобы дѣлать добро, гдѣ, между тѣмъ, личность лишена самостоятельности и независимости, пойдетъ или человѣкъ, обладающій особеннымъ стремленіемъ къ общественному благу и большою силою воли, или же человѣкъ, которому дѣваться некуда. Если же это мѣсто доходное, то на него погѣзуютъ люди, преслѣдующіе карманныя интересы. Людей первой категоріи перечесть по пальцамъ; люди второй категоріи будутъ всегда осилены въ сонскательствѣ людьми послѣдней. Что же удивительнаго, что при деспотизмѣ и централизаціи, царившихъ въ французскомъ государствѣ, большинство администраторовъ хорошо управляли только собственными карманами?

При существованіи въ государствѣ представительнаго правленія невыгоды централизаціи значительно смягчаются, но не исчезаютъ вовсе. При этомъ порядкѣ государственныхъ отношеній администраторы, начиная съ министра и кончая ставнымъ приставомъ, чувствуютъ, что они находятся подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Провинціальный администраторъ знаетъ, что крайнія безобразія могутъ вызвать запросъ

въ палатѣ, да и министръ не захочетъ усложнять своего положенія сохраненіемъ зазорнаго администратора. Вслѣдствіе этого во Франціи послѣреволюціонной не встрѣчаются *съ той же мѣрой* преступленія администраторовъ стараго порядка ¹⁾. Но все же произволъ префектовъ очень великъ и масса мелкихъ злоупотребленій остается внѣ преслѣдованія со стороны общества. Личный составъ администраціи представляетъ сонмище покорныхъ слугъ министровъ, которое смѣняется при переимѣнъ господъ. Событія прошлаго года могутъ служить лучшею иллюстраціею нашей мысли.

Во второй половинѣ XVIII вѣка однако не представляли себѣ ясно и отдѣльно дурныя слѣдствія деспотіи и централизаціи. Одни смѣшивались съ другими и предполагалось, что введеніе парламентаризма излечитъ всѣ неудачи государственной жизни. Созерцаніе Англіи, которое вообще дало сильный толчокъ развитію общественной мысли во Франціи, соблазнало приходиться къ такому заключенію. Въ Англіи видѣли парламентъ, видѣли развитіе общественной свободы; одно связывали съ другимъ причинною связью, не подмѣчая третьяго фактора, а именно, развитія самоуправленія англійскихъ общинъ и графствъ. Какъ бы то ни было, однако, какъ только этотъ взглядъ на значеніе парламентаризма сдѣлался господствующимъ, всякое явленіе политической жизни стало оцѣниваться на основаніи того, приближало ли оно страну къ уничтоженію деспотіи или удаляло отъ него. По этой мѣрѣ стали оцѣниваться проекты провинціальныхъ представительныхъ собраній. На нихъ смотрѣли, какъ на первый шагъ къ парламентаризму и лишь не многіе подозрѣвали ихъ истинное значеніе.

Первымъ толчкомъ къ практическому развитію муниципальнаго вопроса послужилъ проектъ, составленный Турго и представленный имъ Людовику XVI. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; но онъ былъ извѣстенъ публикѣ и

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что измѣнившіеся общественныя отношенія служили поприще безобразій администраторовъ. Уже одно введеніе равенства, упраздненіе привилегій уничтожило много поводовъ для произвола и насилій.

послужилъ для нея лишнимъ возбудителемъ. Кромѣ того, онъ не остался безъ вліянія на послѣдующія дѣйствія правительства. Проектъ этотъ, озаглавленный „Memoire au Roi sur les municipalités, sur la hiérarchie qu'on pourrait établir entre elles et sur les services que le gouvernement en pourrait tirer“, составленъ въ 1775 году ¹⁾ и если не былъ написанъ самимъ Тюрго, то во всякомъ случаѣ онъ его редактировалъ и конечно сущность проекта принадлежала ему. Для своей цѣли мы считаемъ совершенно достаточнымъ остановиться только на сущности его.

Для того, чтобы порѣшить вопросъ о необходимости муниципальных собраній, вовсе нѣтъ никакой надобности, говорить Тюрго, обращаться къ прошедшему и смотрѣть, существовали ли они при нашихъ предкахъ, время которыхъ мы сами же называемъ періодомъ варварства и невѣжества. Напротивъ, для того, чтобы оцѣнить пользу или бесполезность государственнаго учрежденія, слѣдуетъ только хорошо понимать права и интересы людей. Права людей, соединенныхъ въ общество, зиждятся не на ихъ исторіи, а на ихъ природѣ. Очевидно, слѣдовательно, что для рѣшенія вопроса о пользѣ муниципальных собраній нужно знать положеніе, нужды и способности народа и знать все это въ довольно большой подробности. Сообразно со всѣмъ этимъ надо дать народу извѣстныя формы отношеній, дать извѣстную организацію. Изслѣдованіе послѣдней и составляетъ предметъ настоящаго мемуара.

Самое главное зло нашего народа, говоритъ Тюрго, заключается въ томъ, что у него нѣтъ никакой конституціи, которая бы допускала отдѣльныя личности къ общественной дѣятельности, предоставляя имъ извѣстную долю самостоятельности. Отсюда происходятъ съ одной стороны то, что *все постоянно ждетъ приказовъ и безъ приказа не позаботятся даже о себѣ*, а съ другой стороны мы видимъ отсутствіе всѣхъ общественныхъ интересовъ; существуютъ исключительно частныя интересы. Отсюда вытекаетъ необходимо

¹⁾ Oeuvres de Turgot, Ed. Guillaumin t. II. p. 502. (notice).

отсутствіе патриотизма, а также отрицательное отношеніе ко всякому государственному бремени, ко всякой государственной обязанности. Нельзя не обратить вниманія точно также и на то, что это зло происходитъ отъ отсутствія общественнаго образованія, которое бы сдѣлало человѣка гражданиномъ, которое бы дало ему возможность составить себѣ понятіе объ общественныхъ отношеніяхъ, съ заключающимися въ нихъ правами и обязанностями. Такимъ образомъ слѣдуетъ заботиться объ устройствѣ учреждений, которыя должны вызвать къ жизни общественные интересы, и съ другой стороны слѣдуетъ обратить вниманіе на народное образованіе.

Но нѣтъ необходимости дожидаться результатовъ народнаго образованія, чтобы привлечь населеніе къ общественному дѣлу, чтобы заинтересовать его государственными отношеніями. Этого можно достигнуть посредствомъ политическихъ учреждений, которыя будутъ обнимать собою все населеніе государства, начиная съ жителей деревни.

Для того чтобы устроить сельское самоуправленіе, нѣтъ надобности создавать какія либо новыя административныя единицы, потому что церковь уже создала таковыя въ формѣ приходовъ.

И такъ приходъ будетъ самою мелкою единицею деревенскаго самоуправленія. Предметы, подлежащіе вѣдѣнію управленія деревни будутъ: 1) распредѣленіе податей, 2) веденіе публичныхъ работъ и постройка проселочныхъ дорогъ, необходимыхъ спеціально для деревни, 3) призрѣніе бѣдныхъ и 4) сношенія съ другими общинами, сношенія съ высшими общественными учрежденіями по поводу предпріятій, принадлежащихъ цѣлому округу. Таковы довольно несложныя дѣла, которыя будутъ вѣдаться въ приходско-сельскихъ управленіяхъ; но вотъ вопросъ, каковы должны быть элементы, которые будутъ вліять на сельскія дѣла? Мы высказываемся за то, продолжаетъ авторъ мемуара, чтобы только тѣ лица имѣли право участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, которыя владѣютъ участкомъ земли въ данномъ приходѣ. Тѣ лица, которыя не владѣютъ землею въ данномъ приходѣ, не могутъ считаться осѣдлыми относительно послѣдняго, а поэтому едвали будутъ

полезно допустить ихъ къ участию въ общественномъ управленіи. Мы также не считаемъ возможнымъ допускать въ равной степени къ участию въ послѣднемъ и всѣхъ тѣхъ, которые владѣютъ землею, потому что не всѣ землевладѣльцы живутъ доходами съ своихъ земель; участки ихъ часто бываютъ такъ малы, что не даютъ имъ средствъ содержать свою семью поземельными доходами, и они должны прибѣгать къ постороннимъ промысламъ. По этому мы считаемъ возможнымъ предоставить право голоса въ общественномъ управленіи лишь такимъ землевладѣльцамъ, участки которыхъ достаточны для содержанія семьи, иначе говоря, даютъ 600 ливровъ чистаго дохода, или цѣнность 30 сетье хлѣба ¹⁾. Владѣльцы такого дохода пользуются правомъ непосредственнаго участія въ общественномъ управленіи, имѣя одинъ голосъ. Мы говоримъ одинъ голосъ, потому что во 1) считаемъ невозможнымъ устранить отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ доходами меньшими, чѣмъ 600 ливровъ. Эти лица должны соединяться вмѣстѣ и выбирать отъ себя представителя въ сельское собраніе. Выборъ въ этомъ случаѣ производится такимъ образомъ, что единицею, голосомъ считается 50 франковъ, такъ что человекъ, имѣющій 300 франковъ пользуется шестью голосами при выборѣ представителя; во 2) мы считаемъ возможнымъ и справедливымъ предоставить большее участіе въ общественныхъ дѣлахъ тѣмъ лицамъ, которыя владѣютъ доходами большими, чѣмъ 600 ливровъ, такъ что владѣлецъ 1,200 ливровъ поземельнаго дохода можетъ имѣть два голоса и т. д. Мы думаемъ, что при такомъ устройствѣ сельскія собранія не будутъ многочисленны, а это представляетъ въ нашихъ глазахъ залогъ болѣе рациональнаго веденія дѣла.

Результатомъ учрежденія такихъ собраній должно быть болѣе справедливое распредѣленіе податей, скорѣйшее и лучшее устройство путей сообщенія и приведеніе въ извѣстность народнаго поземельнаго дохода. Тутъ встрѣчается только одно

¹⁾ Семет — мѣра сыпучихъ тѣлъ, равнозначная во всѣхъ провинціяхъ. Въ Парижѣ она равняется 240 фунтамъ.

затрудненіе, а именно, какое отношеніе къ этимъ собраніямъ будутъ имѣть привилегированные классы, изъ которыхъ дворянство извѣщено отъ платежа *taille* а духовенство къ тому же отъ платежа *capitation* и *vingtièmes*. Нельзя не признать того, что всѣ эти изъятія отъ податей есть нарушеніе принципа справедливости и что въ концѣ концовъ эта несправедливость должна быть уничтожена. Нельзя не признать и того, что эти изъятія отъ прямыхъ податей повлекли за собою учрежденіе многочисленныхъ и разнообразныхъ налоговъ на производство и потребленіе, налоговъ, которые какъ напр. налогъ на производство мяса, падаютъ въ значительной степени на имущество привилегированныхъ классовъ, которые владѣютъ напр. $\frac{1}{5}$ всѣхъ луговъ государства; но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что полное участіе поземельныхъ владѣльцевъ изъ дворянства и духовенства въ дѣлахъ сельскихъ собраній едва ли было бы рационально. Намъ кажется, что показавъ дворянство не должно имѣть голоса въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ будетъ обсуждаться распределеніе *taille*, а духовенство, кромѣ того, не должно участвовать въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ будетъ обсуждаться распределеніе *capitation* и *vingtièmes*. Такимъ образомъ мы раздѣляемъ сельскія собранія на три категоріи: 1) на такія, въ которыхъ обсуждается распределеніе податей, дежашихъ только на среднемъ классѣ; во 2) на такія, гдѣ обсуждается распределеніе податей, платимыхъ и дворянствомъ; въ 3) большія собранія, въ которыхъ обсуждаются дѣла, касающіяся всѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ прихода. Сельское собраніе избираетъ трехъ чиновниковъ срокомъ на одинъ годъ, которыхъ оно, однако, можетъ переизбрать по окончаніи срока службы. Эти чиновники будутъ: синдикъ или мэръ, или президентъ собранія, секретарь и депутатъ, назначенный представителемъ въ окружное собраніе (*assemblée d'élection*).

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію устройства послѣдняго, мы остановимся сначала на организаціи городского управленія. Большая часть городовъ Франціи обладаетъ уже организованнымъ такъ или иначе управленіемъ; но оно настолько неудовлетворительно, что еслибы даже и не была

признана необходимость организаціи общаго земскаго управленія, то и тогда реформа городскаго управленія была бы дѣломъ первой необходимости. Предполагая же общее устройство земскаго самоуправленія, мы и подавно не можемъ оставить городскіе муниципалитеты въ ихъ настоящемъ видѣ.

Городское управленіе должно быть организовано изъ лицъ, которыхъ можно считать крѣпкими городу, а таковыми мы считаемъ только домовладѣльцевъ, такъ какъ другіе обыватели могутъ легко перенести свои занятія и свои капиталы въ другое мѣсто. Мы допускаемъ, однако, въ участію въ городскомъ управленіи не на основаніи оцѣнки доходовъ домовъ, ни даже не на основаніи стоимости самихъ домовъ, потому что капиталъ, затраченный на постройку дома, нельзя считать производительнымъ,—домъ есть убыточное удобство,—мы допускаемъ въ участію въ городскомъ управленіи на основаніи стоимости земли, занятой домами. Ценъ въ городѣ мы ставимъ болѣе высокій, но который волюнѣ соотвѣтственъ деревенскому цензу. Полный голосъ будетъ принадлежать владѣльцу земли подъ домами, которая будетъ оцѣнена въ 15,000 фр. Такихъ домовладѣльцевъ въ самомъ Парижѣ не наберется и ста, а тѣмъ болѣе въ другихъ городахъ. Остальные домовладѣльцы, также какъ и въ деревняхъ, могутъ сообща составлять голоса и такимъ образомъ черезъ своего депутата участвовать въ городскомъ управленіи. Въ маленькихъ городахъ, состоящихъ изъ одного прихода, собранія могутъ непосредственно управлять городскими дѣлами, но они могутъ выбирать и чиновниковъ, волюнѣ отвѣтственныхъ предъ собраніемъ.

Въ большихъ городахъ выборъ муниципальных чиновниковъ положительно необходимъ. Они могутъ быть избираемы по приходамъ или непосредственно, или же черезъ посредство выборныхъ. Въ очень большихъ городахъ необходимо сохранить за королевскою властію влияние на выборы муниципальных чиновниковъ, что можно достигнуть посредствомъ сохрненія за королемъ права ихъ утвержденія, или же представленія ему права выбора ихъ изъ числа представленныхъ кандидатовъ. Организованные такимъ образомъ города посылаютъ представителей въ окружное собраніе.

Вторымъ разрядомъ муниципальныхъ собраній будутъ окружныя собранія (assemblée des élections ou des arrondissements); задача ихъ быть посредствующимъ звеномъ между общиннымъ и провинціальнымъ собраніями. Уоставить только одни послѣднія, сдѣлать ихъ непосредственно слѣдующими за собраніями городовъ и деревень было-бы неудобно въ томъ отношеніи, что въ такомъ случаѣ эти собранія были бы слишкомъ многочисленны и имъ повѣдомственно было-бы много такихъ дѣлъ, которыя съ большимъ удобствомъ могли-бы быть разрѣшаемы окружными собраніями. Послѣднія составляются изъ депутатовъ городскихъ и деревенскихъ собраній по одному отъ каждаго. Главнымъ городамъ провинцій можетъ быть предоставлено имѣть двухъ депутатовъ, а Парижу четырехъ; но это увеличеніе числа депутатовъ только удовлетворяетъ стремленію большихъ городовъ быть первыми, но едва-ли въ сущности будетъ полезно. Составившееся такимъ образомъ окружное собраніе выбираетъ себѣ предсѣдателя и секретаря. Эти чиновники, избираемые на годъ, должны служить постоянными органами собранія. Кроме того, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи собраніе выбираетъ депутата для участія въ провинціальномъ собраніи. Окружное собраніе имѣетъ двѣ сессіи въ году, изъ которыхъ каждая продолжается отъ 8 до 10 дней. Депутаты въ продолженіе этого времени, а также и своей поѣздки, получаютъ жалованье отъ присланныхъ ихъ собраній. Окружныя собранія занимаются распределеніемъ контингента налоговъ между деревенскими и городскими общинами, разрѣшаютъ вопросы о постройкѣ дорогъ и вообще о предпріятіи какихъ-либо работъ въ округѣ, заботятся о скорѣйшемъ доставленіи помощи тѣмъ изъ общинъ, которыя подверглись какимъ-либо бѣдствіямъ, и, наконецъ, разрѣшаютъ споры, могущія возникнуть въ какой-либо общинѣ. Пререканія эти легко могутъ возникнуть въ томъ случаѣ, когда богатый членъ собранія, владѣющій $\frac{2}{5}$ голосовъ, удаляется составлять единоличное большинство и настаивать на предлагаемыхъ мѣрахъ. Пререканія такого рода необходимо должны быть разрѣшаемы окончательно въ окружномъ собраніи.

Провинціальныя собранія составляются изъ депутатовъ отъ каждаго окружнаго собранія, которыхъ будетъ, вѣроятно, не болѣе 80 въ каждой провинціи. Провинціальныя собранія имѣютъ въ году двѣ сессіи, изъ которыхъ въ первой они занимаются распредѣленіемъ по разрядамъ, находящихся въ провинціи, округовъ и общинъ, разрѣшаютъ вопросы объ общественныхъ сооружеціяхъ, предпринимаемыхъ во всей провинціи, вступаютъ по этому поводу въ сношенія съ другими провинціями и общимъ собраніемъ, обращаются къ общему собранію (всего королевства) въ случаѣ какихъ либо бѣдствій, постигшихъ провинцію, и, наконецъ, выбираютъ депутата въ общее собраніе. Первая сессія провинціальныхъ собраній продолжается двѣ недѣли, вторая сессія отрывается по окончаніи сессіи общаго собранія, и въ продолженіе ея собраніе занимается распредѣленіемъ между округами контингента податей, приходящихся на провинцію. Кромѣ того, тутъ же разрѣшаются тѣ вопросы, по которымъ провинціальное собраніе входило въ сношеніе съ общимъ собраніемъ. Сессія можетъ продолжаться 8 дней. Продолжая ее долѣе, депутаты не получаютъ уже жалованья отъ своихъ избирателей за остальное время. За первую сессію они получаютъ жалованье за двѣ недѣли.

Большое муниципальное собраніе, или королевское муниципальное собраніе, или общее муниципальное собраніе королевства будетъ состоять изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній по одному отъ каждаго. Кромѣ того каждый депутатъ можетъ имѣть помощника, который замѣняетъ его въ случаѣ его болѣзни и помогаетъ ему въ его работахъ. Каждое изъ этихъ лицъ получаетъ содержаніе, первый 1000 экю на шесть недѣль, а второй 1000 фравковъ.

Король можетъ лично или черезъ своего министра открыть собраніе и сообщать ему нужды государственнаго казначейства, или вообще хозяйственныя нужды государства. Валдымъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію собранія, должно оставаться совершенно свободнымъ. Министры могутъ участвовать въ собраніи и пользоваться правомъ голоса. Дѣла, которыми занимается общее собраніе, въ сущности тѣже самыя

которыя подлежатъ вѣдѣнію провинціальнымъ собраній. Главный предметъ конечно составитъ распредѣленіе всей суммы податей, необходимыхъ для государственныхъ расходовъ, между отдѣльными провинціями. Другія занятія общаго собранія королевства будутъ заключаться въ обсужденіи проектовъ улучшенія и устройства путей сообщенія, имѣющихъ государственное значеніе, а также проектовъ другихъ общественныхъ построекъ, имѣющихъ таковой же характеръ. Общее собраніе разрѣшаетъ также и вопросы объ оказаніи помощи той или другой изъ пострадавшихъ провинцій. Всѣ эти вопросы легко могутъ быть рѣшены въ продолженіи шести недѣль, назначенныхъ для сессіи общаго собранія королевства.

Таково устройство предполагаемыхъ муниципальных собраній. Къ этому проекту, говоритъ Тюрго, не лишне прибавить нѣсколько замѣчаній относительно выбора депутатовъ въ провинціальныя и въ общее собраніе, а также о порядкѣ и времени открытія отдѣльныхъ собраній.

При выборѣ депутатовъ въ провинціальныя собранія очень легко могутъ встрѣтиться затрудненія таковаго свойства, что не окажется человека, обладающаго достаточнымъ досугомъ для выполненія означеннаго порученія. Для устраненія подобнаго препятствія мы считаемъ возможнымъ выборъ депутата не непременно изъ членовъ собранія, а изъ лицъ постороннихъ, которыхъ собраніе найдетъ способными выполнить обязанность его депутата въ провинціальномъ собраніи. Также самое можно допустить и относительно выборовъ депутатовъ этихъ послѣднихъ собраній безъ того, чтобы это представляло какія либо серьезныя неудобства.

Окружныя собранія мы считаемъ наиболѣе удобнымъ открыть послѣ уборки хлѣба, затѣмъ черезъ нѣсколько дней по закрытіи ихъ сессій должны открыться провинціальныя собранія и ихъ сессія продолжится до конца октября, такъ что въ началѣ ноября можетъ быть открыто и парижское собраніе; затѣмъ, по закрытіи сессіи послѣдняго, открывається вторая сессія провинціальныхъ собраній, а потомъ окружныхъ.

Намъ кажется, что передача части государственнаго хозяйства въ руки общества принесетъ ту несомнѣнную пользу,

что налоги будутъ распредѣляться болѣе справедливо, положеніе государства будетъ извѣстно гораздо точнѣе, чѣмъ въ настоящее время, и государство избавится отъ большихъ расходовъ, которые оно производитъ на финансовую администрацію. Независимо отъ этого намъ казалось необходимымъ сейчасъ же уничтожить изъятіе привилегированныхъ сословій отъ платежа *taille*, тѣмъ болѣе, что это изъятіе не существуетъ *de facto* во всей снѣ. Кромѣ этой финансовой реформы, необходимыми являются еще и другія, которыя будутъ легко провести по волѣ самихъ муниципальных собраний, хотя, конечно, королевская власть не должна быть свѣдана ихъ нежеланіемъ,—которое мы положительно не считаемъ возможнымъ,—при выполненіи той или другой реформы, осуществить которую она сочтетъ необходимымъ. Мы смотримъ очевидно на проектируемыя нами собранія только какъ на муниципальныя, а отнюдь не государственныя, ¹⁾). Они будутъ имѣть всѣ выгодныя стороны государственныхъ собраний и не будутъ имѣть многихъ изъ ихъ неудобствъ.

Въ заключеніе мы можемъ выразить надежду, что введеніе муниципальных собраний уничтожатъ раздѣленіе народа на три отдѣльныя части, соединить ихъ въ одинъ народъ и, вмѣстѣ съ правильно веденнымъ образованіемъ, разовьютъ въ націю общественные интересы, что значительно подниметъ общее благосостояніе и благотворно подѣйствуетъ на народную нравственность. „Черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ заключаетъ Тюрго свой мемуаръ, ваше величество будетъ имѣть новый народъ, народъ верный между другими. Вмѣсто разврата, подлости и корыстолюбія, которые вы встрѣчали всюду, вы увидите мужество, безкорыстие, честность и усердіе. Тогда будутъ общимъ явленіемъ добродѣтельные люди, ваше государство, соединенное во всѣхъ своихъ частяхъ, изъ которыхъ каждая помогаетъ другой, будетъ казаться, удесятеннымъ свои силы. И на самомъ дѣлѣ оно ихъ значительно увеличитъ. Европа посмотритъ съ удивленіемъ и уваженіемъ на васъ и на этотъ народъ, чувствующій любовь къ вамъ“ ²⁾).

¹⁾ Oeuvres de Turgot. t. II. p. 547

²⁾ Ibid. p. 550.

Таковъ былъ планъ муниципальных собраній, таковы были надежды, которыя возлагали на нихъ Тюрго. Мы не можемъ признать за послѣдними довольно значительный излишекъ оптимизма: народы не передѣлываются въ нѣсколько лѣтъ. Не придавая однако значенія большей или меньшей степени оптимизма этихъ надеждъ, мы остановимъ наше вниманіе на слѣдующихъ вопросахъ: какое отношеніе имѣли собранія по своему составу ко всему населенію Франціи, какія стороны государственнаго управленія оставались за абсолютною властью и, наконецъ, насколько планъ муниципальных собраній соотвѣтствовалъ требованіямъ интеллигенціи современнаго общества.

Нельзя не остановиться на первыхъ же порахъ на малочисленности муниципальных собраній. Тюрго самъ указываетъ на то, что провинціальныя собранія будутъ состоять изъ тридцати членовъ. Могутъ ли они считаться дѣйствительными представителями интересовъ населенія провинціи, будутъ ли они достаточно знакомы съ положеніемъ ея, когда они даже не выбраны собраніями деревень и городовъ непосредственно, а только окружными собраніями? Еслибы дѣло заключалось только въ распредѣленіи податей, то тогда, конечно, подобное собраніе было бы вполне удовлетворительно, потому что оно должно было бы дѣлать его на основаніи письменныхъ документовъ; но такъ какъ провинціальнымъ собраніямъ передавалось и вѣдѣніе путей сообщенія, и другіе хозяйственные вопросы, то едва ли можно считать достаточнымъ имѣть по одному депутату отъ округа въ провинціальномъ собраніи и тѣмъ болѣе по одному депутату отъ провинціи въ общемъ муниципальномъ собраніи всего королевства ¹⁾. Независимо отъ числа депутатовъ мы не должны упускать изъ виду и того, что въ большинствѣ случаевъ это только землевладѣльцы. Мы говоримъ въ большинствѣ, потому что горожане-домовладѣльцы могли, конечно, принадлежать и къ торговому, и къ промышленному классамъ; но во первыхъ, они должны были составлять мень-

¹⁾ Нельзя не указать, что человекъ 50 или 60 должны были являться представителями интересовъ 25 милл. населенія.

шинство, сравнительно съ сельскими депутатами, а во вторыхъ, они все-таки являются представителями интересовъ домовладѣльческихъ. Промышленное и торговое сословіе не имѣли своихъ представителей въ муниципальных собраніяхъ. По мысли Тюрго это было послѣдовательно, потому что онъ не считалъ возможнымъ облагать эти классы податями, такъ какъ ихъ занятія мыслились имъ, какъ непронизводительныя; но такой значительной части населенія мало было конечно дѣла до его теорій; оно также имѣло свои интересы и, конечно, не прочь было заботиться о нихъ.

Есть извѣстіе Дюпонъ-де-Немура, что Тюрго имѣлъ въ виду обезпеченіе интересовъ людей, не владѣющихъ недвижимою собственностью¹⁾; но какими средствами и въ какой формѣ думалъ онъ осуществить это намѣреніе, остается неизвѣстнымъ. Въ настоящую минуту мы довольствуемся только констатированіемъ факта пробѣла, который намъ кажется тѣмъ болѣе важнымъ, что многіе предметы вѣдѣнія муниципальных собраній, какъ напр. сооруженіе путей сообщенія, конечно касались интересовъ промышленнаго и торговаго населенія въ такой же, если не въ болѣе степени, какъ и интересовъ землевладѣльцевъ. Независимо отъ того однако, что значительная часть населенія всего государства отстранялась отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и отъ вліянія на правительство, самая доля участія въ общественнхъ дѣлахъ, самое вліяніе общества (допущеннаго въ вліянію) на государство намъ кажется весьма и весьма ограниченными. Если мы обратимъ вниманіе на то, какія части управленія передавались въ руки общества и какія оставались въ рукахъ абсолютной власти, то окажется, что наданіе законовъ всецѣло оставалось въ рукахъ монарха, и администрація оставалась независимою отъ всякаго контроля со стороны представителей общества. Такимъ образомъ произволъ оставался въ полной силѣ; личность гражданина оставалась совершенно необезпеченною отъ него, а между тѣмъ, мы знаемъ очень хорошо, какое неудовольствіе возбуждали въ средѣ французовъ въ это время ссылки и аресты „администра-

¹⁾ Oeuvres de Turgot, t. II, p. 550 (въ примѣчаніи).

тивнымъ порядкомъ“, мы знаемъ, что одною изъ первыхъ жертвъ революціи стала Бастилія—орудіе административнаго произвола. Мы знаемъ точно также, что еще за 50 лѣтъ до Тюрго, французы прочитали уже „Персидскія письма“, а они ѣдко нападаютъ на деспотизмъ правительства. Можно ли было оставлять нетронутыми тѣ стороны государственной жизни, негодность которыхъ была очевидна?

Но и въ самомъ финансовомъ управленіи какая незначительная доля отдавалась въ руки общества. И тутъ послѣднее лишено было всякаго юридическаго вліянія на правительство. Что предоставлялось муниципальнымъ собраніямъ? Только распредѣленіе податей, общая сумма которыхъ была уже назначена правительствомъ. Общее муниципальное собраніе не имѣло права разсуждать, дѣйствительно-ли нужна та сумма, которую правительство требуетъ на государственныя нужды, словомъ, представители общества не имѣли права обсужденія бюджета ¹⁾. А между тѣмъ, если и нельзя не согласиться, что дурное распредѣленіе налоговъ составляло одно изъ выдающихся золъ дореволюціонной Франціи, то нельзя упускать изъ виду и того, что дурное распоряженіе государственными доходами довело Францію до банкротства. Злоупотребленія финансистовъ въ тоже время тяжело ложились на государственное казначейство. Все это было уже проведено въ сознаніе общества „Персидскими письмами“. Какимъ же образомъ можно было удовлетворить общество, исправляя только половину зла, какимъ образомъ, спрашивается, можно было рассчитывать возбудить интересъ къ общественнымъ или, вѣрнѣе говоря, къ государственнымъ дѣламъ, не распространяя контроль общества на составленіе бюджета въ то время, когда именно неразумное употребленіе государственныхъ суммъ и злоупотребленія финансистовъ были главнымъ источникомъ ропота и недовѣрія общества къ правительству? Тюрго не обратилъ вниманія на то, что не далѣе, какъ за три года пе-

¹⁾ Мы не говоримъ уже о налогахъ косвенныхъ, которые тоже не подлежали вѣденію муниципальнаго собранія. Объ нихъ мы не говоримъ, такъ какъ большинство, по крайней мѣрѣ, внутреннихъ косвенныхъ налоговъ Тюрго предполагалъ уничтожить.

редь тѣмъ, какъ редижировалъ свой мемуаръ, во главѣ финансоваго управленія стоялъ аббатъ дю-Террз, членъ *Rassemblement de Famine*, спекулировавшій посредствомъ государственныхъ суммъ на счетъ народнаго продовольствія. Вліяніе такихъ фактовъ было слишкомъ широко, чтобы ихъ можно было не принимать въ расчетъ при опредѣленіи степени довѣрія общества къ правительству. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что учрежденіе муниципальных собраній было бы реформою далеко не достигающею тѣхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду авторомъ мемуара ¹⁾).

Не лишенъ интереса и другой вопросъ—насколько устройство муниципальных собраній, осуществившись на практикѣ, удовлетворило бы политическія стремленія французской интеллигенціи того времени. Для разрѣшенія этого вопроса достаточно обратить вниманіе на тотъ запасъ идей, которымъ владела къ тому времени французская публицистика, и какое вліяніе она имѣла на общество. Намъ кажется совершенно достаточно указать въ данномъ случаѣ на Монтескье, такъ какъ его *Esprit des lois* имѣло въ тогдешнее время большое значеніе, какъ сочиненіе публицистическое. Сущность его идей заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что государство тогда только можетъ считаться свободнымъ, когда власть раздѣлена на законодательную, судебную и исполнительную, изъ которыхъ каждая независима отъ другихъ. Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ монарха, или, вѣрнѣе, его министровъ, которые отвѣтственны предъ представителями народа. Въ рукахъ послѣдняго находится законодательная власть, бюджетъ и контроль надъ законосообразностью дѣйствій исполнительной власти. Къ участию въ законодательной власти допускаются всѣ граждане черезъ своихъ представителей. У Монтескье, какъ мы видимъ,

¹⁾ Мы не только не можемъ согласиться съ Tissoz; но даже и понять не можемъ, какимъ образомъ онъ могъ сказать о мемуарѣ слѣдующую фразу: „это было, что легко замѣтить *suffrage universelle*, только безъ его негѣностей и опасностей“. Tissoz, „Turgot, sa vie, son administration et ses ouvrages“ р. 232. На нашъ взглядъ тутъ не только не легко замѣтать, но даже невозможно найти какое нибудь сходство между тѣмъ и другимъ учрежденіями.

нѣтъ и рѣчи объ исключительномъ правѣ землевладѣльцевъ на участіе въ государственномъ управленіи, у него нѣтъ и помину о томъ, чтобы предоставить обществу только право расирѣдѣлять подати. Онъ шелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше, и его мысль даже не совмѣщала въ себѣ идеи свободы съ соединеніемъ власти законодательной и исполнительной въ одномъ учрежденіи. Между тѣмъ мы имѣемъ колебѣвшее право считать идеи Монтескье идеями интеллигентной части французскаго общества. Уже ближайшіе современники предугадывали и признавали обширное значеніе его могущественной книги. Не далѣе, какъ въ первые полтора года она имѣла двадцать два изданія. Въ герцогскомъ архивѣ въ Готѣ хранится письмо Рейнеля къ благородной герцогинѣ Луизѣ Доротеѣ. «Нѣтъ занятія во Франціи, пишетъ онъ, болѣе пренебрегаемаго, чѣмъ государственное право (*droit public*). Нѣсколько сочиненій, которыя мы имѣемъ по этому предмету, очень плохи; но еслибы даже они были и хороши, ихъ бы не читали. Нуженъ былъ великій человекъ и главное человекъ модный, чтобы измѣнить въ этомъ отношеніи вкусъ націи. Г-нъ Президентъ Монтескье производитъ этотъ переворотъ. Его книга, озаглавленная «*Esprit des lois*, напечатанная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Женевѣ и перепечатанная тайно нѣсколькими днями спустя въ Парижѣ, вскружила головы всѣмъ французамъ. Этотъ трудъ равно встрѣчается и въ кабинетахъ нашихъ ученыхъ, и туалетахъ нашихъ дамъ и нашихъ *petits maîtres*. Я не знаю, долго ли продолжится этотъ энтузіазмъ; но то вѣрно, что дальше развиться ему уже нѣтъ возможности». Гриммъ говорилъ въ своей «корреспонденціи»: «*Esprit des lois* произвелъ совершенный переворотъ въ духѣ націи. Лучшія головы посвятили себя объясненію политическихъ вопросовъ. Политика стала теперь предметомъ философіи. Если не въ политической дѣйствительности, то въ политической наукѣ мы уже можемъ равняться съ англичанами». ¹⁾ Если этихъ свидѣтельствъ еще недостаточно для опредѣленія степени прочности вліянія идей Монтескье, то достаточно будетъ при-

¹⁾ Гезнеръ. Ист. Вс. Литтер. XVIII в. т. II стр. 191—192.

бавить тотъ фактъ, что всѣ конституціонныя работы учредительнаго національнаго собранія совершались подъ вліяніемъ идей Монтескье.

Приведенныхъ соображеній самихъ по себѣ было бы достаточно для заключенія, что учрежденіе муниципальных собраній не удовлетворило бы политическихъ идеаловъ французской интеллигенціи: общество никогда не могло считать ихъ достаточными для гарантіи свободы и рациональности государственнаго управленія. Но мы имѣемъ отзывъ о мемуарѣ Тюрго, сдѣланный человекомъ, пользовавшимся впоследствии большимъ вліяніемъ. Я говорю о Вриссо. Ему приписывается брошюра, вышедшая въ Швейцаріи въ 1787 году и озаглавленная „Oeuvres posthumes de Turgot“ ¹⁾. Говоря о собраніяхъ, учрежденныхъ Нэкеромъ, Вриссо естественно сравниваетъ ихъ съ проэтированными въ мемуарѣ Тюрго и отдаетъ послѣднимъ преимущество. Но, говоря безотносительно, онъ порицаетъ ихъ за то, что въ собраніи допускаются лишь весьма немногіе, и за слишкомъ малый кругъ дѣятельности, въ котораго оставлено слишкомъ много мѣста королевскому произволу. Онъ находитъ, что малочисленность собраній, которая такъ нравится автору мемуара, сильно препятствовала бы тому, чтобы они стали самостоятельными учрежденіями и сдѣлались переходною ступенью къ парламентаризму.

Не слѣдуетъ однако думать, что Тюрго смотрѣлъ на проэктируемыя имъ учрежденія, какъ на альфу и омегу политическихъ реформъ. Самъ онъ признавалъ, что кромѣ этихъ учрежденій будутъ введены еще и другія, онъ надѣялся, что сами собранія потребуютъ реформъ, и въ этомъ случаѣ, конечно, его уму представлялось упраздненіе королевскаго про-

¹⁾ Эта брошюра впервые опубликовала мемуаръ Тюрго, который до того былъ извѣстенъ лишь не многимъ друзьямъ послѣдняго. Она обращалась въ публикѣ тайно, что не мѣшало ей однако имѣть большой круга читателей. Продолжатель мемуаровъ Vachautmont упоминаетъ о ея появленіи и говоритъ, что она надѣлала очень много шума и что, судя по энергіи языка, ее слѣдуетъ приписать Кюндорсе. Vachautmont, *Memoires secrets pour servir à l'histoire de la republique des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours*. Londres 1780 (и позднѣе) т. XXXV p. 264.

извола. Въ его письмѣ къ Прайсу (англичанинѣ) мы читаемъ: я рассчитываю, что это письмо писано только для Васъ; я прошу даже не отвѣчать мнѣ подробно по почтѣ, потому что ваше письмо непременно будетъ вскрыто въ нашемъ почтамтѣ и меня сочтутъ слишкомъ большимъ другомъ свободы, чѣмъ сколько можетъ быть министръ, хотя бы даже отставленный». ¹⁾ Эти слова, писанныя въ 1778 году, лучше всего объясняютъ намъ, почему мы не находимъ въ мемуарѣ многого такого, что въ правѣ были бы ожидать. Тюрго не находилъ почему то удобнымъ сказать Людовику XVI прямо, что пришла пора покончить съ абсолютною властью и что предлагаемыя учрежденія будутъ служить переходомъ къ ликвидации деспотизма.

Въ томъ же письмѣ къ Прайсу мы находимъ полное сочувствіе усиліямъ американцевъ освободиться изъ подъ англійскаго владичества и довольно интересныя замѣчанія по поводу этой борьбы и американскихъ учреждений. Онъ нападаетъ на англичанъ за то, что они противодействуютъ интересамъ американскихъ колоній, и причину этого находитъ въ томъ, что англичане, выработавъ свою политическую свободу, не питаютъ достаточно уваженія къ основнымъ принципамъ свободы вообще и считаютъ пустой метафизическою фидеосефкіа разсужденія, стремящіяся установить общія начала, которыми определяются права лицъ и націй ²⁾. Какъ видитъ читатель, уже тогда дѣлали англичанамъ упрекъ, что они, ради своихъ интересовъ, преслѣдуютъ у другихъ то, что уважаютъ и чѣмъ дорожатъ у себя.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ американскихъ конституцій отдѣльныхъ колоній, Тюрго находитъ въ нихъ слишкомъ много подражанія англійской конституціи, основанной, по его мнѣнію, на распредѣленіи власти между отдѣльными корпоративными учреждениями (согр), какъ будто это уравниваніе силъ, которое могли считать необходимымъ въ монархіи для противодѣйствія громадному перевѣсу королевской власти, можетъ

¹⁾ Oeuvres de Turgot, t. II p. 811.

²⁾ Ibid. p. 806.

имѣть какое либо значеніе въ республикахъ, основанныхъ на равенствѣ всѣхъ гражданъ ¹⁾).

По поводу законодательства американцевъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе противъ излишней регламентаціи, находя ее стѣснительною для человѣка. По этому случаю онъ заявляетъ, что онъ вовсе не сторонникъ того мнѣнія, что свобода заключается въ подчиненіи законамъ, потому что «неужели человѣкъ, стѣсненный несправедливымъ закономъ, можетъ считаться свободнымъ?» Въ концѣ концовъ Тюрго выражаетъ надежду, что американцы станутъ образцомъ для человѣческаго рода. «Этотъ народъ долженъ доказать міру фактически, что люди могутъ быть свободны и въ тоже время покойны и что они могутъ обходиться безъ цѣпей всякаго рода, которыми тираны и шарлатаны всѣхъ цвѣтовъ стремятся опутать ихъ подъ предлогомъ общественнаго блага.» Тюрго думаетъ, что успѣхъ Америки на поприщѣ свободы заставитъ и европейскія правительства быть справедливыми и просвѣщенными и уничтожить рабство, тяготящее надъ народами.

Мы нѣсколько уклонились отъ нашей задачи, но это уклоненіе не лишне. Оно объясняетъ намъ, какъ далеко былъ Тюрго отъ своихъ идеаловъ въ своемъ мемуарѣ. Мы можемъ поэтому, не обвиняясь, разсматривать послѣдній, какъ проектъ первоначальной политической школы, въ которой Тюрго хотѣлъ приучить французовъ къ общественной дѣятельности, школы, которая силою вещей должна была преобразоваться въ высшее заведеніе. Школа эта была децентрализація. Основная черта мемуара заключается въ томъ, что онъ выдѣляетъ изъ вѣдѣнія центральнаго правительства мѣстныя дѣла и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ учреждений. Мы не видимъ, правда, чтобы Тюрго ясно представлялъ себѣ противоположность централизаціи и децентрализаціи, но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы его учрежденія принадлежали къ послѣдней системѣ.

Проектъ, поданный Тюрго, остался въ бумагахъ министерства и, какъ говорить Бриссо въ цитированной выше брошюрѣ,

¹⁾ Ibid. p. 807.

Нэккеръ воспользовался мыслью Тюрго, но только кастрировалъ ее въ своемъ мемуарѣ по тому же вопросу. Благодаря искренности чиновниковъ, а можетъ быть и стараніямъ лицъ, нерасположенныхъ къ Нэккеру, его мемуаръ не остался тайной для публики и подвергся серьезнымъ нападкамъ ¹⁾.

Мемуаръ этотъ считаетъ необходимымъ введеніе провинціальныхъ собраній, не какъ школы для политическаго воспитанія народа, а просто какъ новаго административнаго органа. „Ихъ (провинціальныхъ собраній) учредили вовсе не для того, говорить онъ, чтобы они вступили въ договоръ съ государемъ на основаніи какой либо имъ принадлежащей власти, но государь самъ поручилъ имъ блюсти интересы податныхъ лицъ“. Вслѣдствіе такого взгляда на дѣло, онъ допускаетъ способъ выборовъ въ родѣ того, который практиковался въ нѣкоторыхъ цехахъ. Нѣсколько дворянъ и духовныхъ, призванныхъ начальствомъ, должны были собраться и сами назначать еще новыхъ членовъ, которые вмѣстѣ съ ними и составятъ собраніе. Нэккеръ оправдывалъ введеніе такого способа выборовъ тѣмъ, что въ провинціальномъ собраніи требуются вовсе не представители народа, а люди достойные довѣрія монарха. „Еслибы члены собраній, говорить Нэккеръ, избирались по округамъ, то очень можетъ быть, что они являлись бы представителями интересовъ того или другаго кантона, а не общихъ интересовъ... Я прибавлю, что назначеніе членовъ провинціальныхъ собраній не могло бы быть предоставлено окружнымъ собраніямъ безъ риска вызвать нѣкоторые безпорядки или по крайней мѣрѣ какія либо неурядицы столкновенія, что не замедлило бы гибельно отозваться на существованіи самихъ собраній“. ²⁾ Эти мысли высказаны имъ въ сочиненіи,

¹⁾ Онъ самъ говорить, что онъ представилъ королю въ 1778 году мемуаръ о провинціальныхъ собраніяхъ и что одинъ изъ его враговъ получилъ другаго напечатать его, что и было исполнено, благодаря злоупотребленію довѣріемъ. Его напечатали тайно въ 1781 году. Necker, De l'administration des finances de la France. 3 vol. 1784. см. т. II р. 255 въ прим. Въ 1787 году этотъ мемуаръ опять напечатанъ въ брошюрѣ Брюссо *Oeuvres posthumes de Turgot*. Онъ нарочно выдалъ его вмѣстѣ съ мемуаромъ Тюрго, чтобы рѣзче представить недостатки Нэккерова проекта.

²⁾ Necker, De l'administr. des finances *ibid.* p. 292—295.

въ которомъ онъ не имѣлъ основанія быть неискреннимъ. Еще рѣзче проявляется консервативный взглядъ Неккера въ его отчетѣ 1781 года, въ которомъ особая глава посвящена провинціальнымъ собраніямъ. „Приняты всѣ мѣры, говорится въ отчетѣ, чтобы эти собранія непрестанно чувствовали, что имъ необходимо выказывать себя достойными довѣрія вашего величества и что вся ихъ сила въ этомъ довѣрїи. Это вовсе не *Paus d'états* ¹⁾, основывающіеся на своихъ древнихъ привилегіяхъ, въ простые администраторы; почтенные довѣріемъ вашего величества. ²⁾

Во всѣхъ актахъ Неккера мы видимъ особую заботливость, съ которою онъ старается успокоить короля на счетъ безопасности провинціальныя собранія и заставить общество отказаться отъ всякой мысли, что эти послѣднія могутъ быть первою ступенью къ осуществленію принципа народоправства.

Первое провинціальное собраніе было введено въ Берри постановленіемъ королевскаго совѣта 12 іюля 1778 года. По этому постановленію собраніе состоитъ изъ 12 дворянъ, 12 представителей средняго сословія и 12 духовныхъ, собирающихся подъ предсѣдательствомъ архіепископа.

Сессія собранія происходятъ не чаще одного раза въ два года и продолжаются не болѣе одного мѣсяца. Въ промежуткѣ между сессіями дѣйствуетъ управа, состоящая изъ архіепископа, семи членовъ собранія и двухъ прокуроровъ синдиковъ. Она занимается подробностями дѣлъ, находящихся въ вѣденіи собранія, и даетъ послѣднему отчетъ въ своей дѣятельности. Члены управы и синдикъ, какъ говоритъ Неккеръ въ своемъ отчетѣ, выбираются собраніемъ и утверждаются королемъ. Собраніе завѣдуетъ раскладкою податей мѣстныхъ и общегосударственныхъ. Ему же принадлежитъ завѣдываніе постройкою дорогъ. По поведѣ суммъ податей, приходящихся на провинцію, собраніе можетъ сдѣлать представленіе королю, но отнюдь не должно задерживать раскладки подъ предло-

¹⁾ Такъ назывались провинціи, сохранившія старинныя сословныя собранія, завѣдывавшія провинціальнымъ хозяйствомъ.

²⁾ *Compte rendu au roi par M. Necker. Imprimé par ordre de sa Majesté-1781. Chapitre administrations provinciales. p. 78.*

гомъ сдѣланнаго представленія. Въ своемъ отчетѣ Нэкеръ говоритъ даже, что въ случаѣ малѣйшаго промедленія въ раскладкѣ податей управа тотчасъ же устраняется отъ этого дѣла и раскладка поручается интенданту.

Собраніе и управа не могутъ произвести ни одного расхода безъ разрѣшенія короля, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, сумма которыхъ заранѣе опредѣлена. На первый разъ собраніе должно было составиться слѣдующимъ образомъ: 5 Октября 1778 года должны были собраться въ архіепископскомъ дворцѣ въ Буржѣ 16 собственниковъ, назначенныхъ королемъ. Они въ свою очередь назначаютъ 32 человѣка и представляютъ ихъ на утвержденіе короля. Послѣ утвержденія со стороны послѣдняго эти 48 человѣкъ должны были составить первое собраніе. ¹⁾ Законъ не указываетъ, какъ должны были происходить выборы въ послѣдствіи; но ясно, что не такъ, какъ въ первый разъ, потому что въ самомъ началѣ закона 1778 года былъ опредѣленъ постоянный составъ собранія совершенно не похожій на тотъ, который былъ опредѣленъ для перваго раза.

Законъ же 1787 года, въ которомъ дѣлается ссылка на Беррійскія учрежденія, говоритъ, что въ число членовъ собранія *избираются* только лица, платяція поземельныя и личныя подати въ данной провинціи. Отсюда мы заключаемъ, что въ Берри собранія составлялись при помощи выборовъ; но о томъ, какъ происходили послѣднія, мы знаемъ только то, что выборы производились каждымъ сословіемъ отдѣльно. Таѣь по крайней мѣрѣ говоритъ Нэкеръ въ цитированной нами книгѣ. Собранія, введенныя въ Берри, были постепенно вводимы въ томъ же видѣ и въ другихъ провинціяхъ. Указомъ 27 апрѣля 1779 года они были введены въ Дофине, 12 іюля того же года въ верхней Пieni, 19 марта 1780 года въ Муленѣ ²⁾. Въ этотъ же промежутокъ времени, а именно въ 1779 году лѣтомъ были изданы *lettres patentes*, которыми разъяснялись

¹⁾ Isambert. Recueil général des anciennes lois françaises. T. XXV pp. 354—356 а также и цитированный выше отчетъ Нэкера.

²⁾ Isambert. t. XXVI pp. 118, 207 и 302.

нѣкоторыя подробности устройства собраній. Начиная съ марта 1780 года, происходитъ остановка въ введеніи провинціальныхъ собраній. Потомъ, вдругъ въ іюлѣ 1781 года изданъ былъ указъ, которымъ приостанавливалось дѣйствіе провинціальныхъ собраній въ Муленѣ и Бурбонз на томъ основаніи, что регламенты для нихъ еще не готовы. Въмѣсто собраній, указъ предоставляетъ каждому сословію выбрать своихъ прокуроровъ-синдиковъ, которые будутъ ассистировать при раскладкѣ податей интендантомъ и будутъ представлять ему свои резолюціи. Послѣднія постановляются синдиками всѣхъ сословій, если касаются всей провинціи, и синдиками отдѣльнаго сословія, если распоряженіе интенданта относится къ одному сословію. Подача голосовъ при составленіи общей резолюціи происходитъ по сословію.

Мы не знаемъ причинъ, по которымъ произошло это распоряженіе, но изъ книги Нэккера (*observations...*) мы узнаемъ, что въ 1780 году рѣшено было ввести провинціальныя учрежденія въ Муленѣ на подобіе введенныхъ въ Гіени, Берри и т. д.; но тотчасъ послѣ отставки Нэккера *lettres patentes* объ этомъ были взяты изъ парламента; но „чтобы хоть нѣсколько успокоить общественное мнѣніе (*enfin de menager un moment l'opinion*), издано было распоряженіе о прокурорахъ—синдикахъ, ассистирующихъ при интендантѣ. Однако это распоряженіе, говоритъ Нэкеръ, настолько противорѣчило истинному духу провинціальныхъ учреждений, что никто не явился для осуществленія этой новой администраціи, и правительство вовсе не дало ходу своему проекту ¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ распоряженіи мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое присуще всей политикѣ Людовика XVI,—съ реакціею только что принятымъ рѣшеніямъ. Отсутствіе программы и твердой воли, вотъ два момента, сказывающіеся постоянно въ его дѣятельности. Со слезами на глазахъ и крѣпкими рукопожатіями встрѣчаетъ онъ программу Тюрго, а безъ малаго черезъ два года увольняетъ его въ отставку. «Я вижу, что только я и г. Тюрго любимъ народъ»,

¹⁾ Necker. De L'administration des finances de France t. II p. 287.

сказалъ онъ, отставая въ своемъ совѣтѣ эдиктъ объ уничтоженіи натуральныхъ повинностей, а черезъ четыре мѣсяца отмѣнялъ его. Но и въ реакціи онъ не былъ твердъ. Малѣйшее сопротивленіе общества устрашало его; и онъ готовъ былъ на отступленіе и дѣйствительно отступалъ, такъ что въ концѣ концовъ и выходило нѣчто неясное, «съ серединки на половинку». Такъ и въ данномъ случаѣ: Нэккеръ вводитъ провинціальныя собранія; отставка его влечетъ за собою отмѣну тѣхъ изъ нихъ, которыя не успѣли еще установиться. Но чтобы успокоить общественное мнѣніе, вводятъ какихъ то страннѣхъ ассистентовъ при интендантѣ. Но такъ какъ этотъ проектъ, какъ и быть должно, никого не удовлетворилъ, то прочія провинціальныя собранія остаются въ покоѣ.

Но вотъ въ 1787 году созываются нотабли, общественное неудовольствіе стало очень сильно, поднять вопросъ о совѣтѣ *états généraux*, правительство подумываетъ о финансовыхъ реформахъ. Въѣсть съ тѣмъ вопросъ о провинціальныя собранія воскресаетъ снова.

Въ юнѣ 1787 года издавъ законъ о введеніи провинціальныя учрежденія, подобныхъ Гіени и Берри во всѣхъ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ они не были еще введены до того времени. Законъ мотивируется благотворными результатами этихъ учрежденія въ названныхъ двухъ провинціяхъ ¹⁾.

Законъ 1787 года повторяетъ то, что сказано было прежними эдиктами; но заключаетъ въ себѣ двѣ особенности. Въ каждой провинціи учреждаются, кромѣ провинціального, окружнаго и общиннаго собранія (*assemblées de districts et de communautés*). Среднему сословію предоставляется число голосовъ равное суммѣ голосовъ дворянства и духовенства, причемъ подача голосовъ предписывается не посоловная, какъ это требовалъ эдиктъ 1781 года, а поголовная. Въ этомъ удвоеніи числа представителей средняго сословія и измѣненіи стариннаго способа подачи голосовъ слышатся отголоски тѣхъ споровъ, вторично волновали общество по поводу представи-

¹⁾ Edit du roi portant création d'Assemblées provinciales. Juin 1787. Versailles.

тельства tiers état въ собраніи государственныхъ чиновъ (états généraux). Нельзя не видѣть въ этихъ измѣненіяхъ вліяніе общественнаго мнѣнія, которое впоследствии такъ единодушно применило къ мыслямъ, высказаннымъ въ брошюрѣ Сіаса „Что такое средній классъ?“ Не забудемъ, что мы находимся наканунѣ созванія état généraux, которымъ пришлось сверху до низу перевернуть старый порядокъ. Подъ развалинами послѣдняго исчезли и нѣккеровскія провинціальныя учрежденія, какъ исчезло все, принадлежавшее старой Франціи.

Сравнить нѣккеровскія областныя учрежденія съ тѣми, которыя проектировались Тюрго, тѣмъ легче, что первыя созданы на основаніи послѣднихъ. Нѣккеръ воспользовался планомъ Тюрго, только урѣзаль его. По составу своему нѣккеровскія собранія отличались малочисленностью, и въ этомъ отношеніи у нихъ общій недостатокъ съ учрежденіями Тюрго. Равница однако весьма важная заключается въ томъ, что Тюрго оставилъ въ сторонѣ сословное начало, тогда какъ Нѣккеръ сохранилъ его въ полной силѣ. Только въ 1789 году онъ допускаетъ удвоеніе представителей среднего сословія въ états généraux; но и тогда онъ не разрѣшилъ поголовнаго голосованія, такъ что самое удвоеніе числа представителей лишилось всякаго смысла. А какой старинной пакостью способъ выборовъ, придуманный имъ для Беррійскаго провинціального собранія!

Кругъ дѣятельности нѣккеровскихъ собраній гораздо уже, чѣмъ предполагалъ мемуаръ Тюрго. Тогда какъ послѣдній передавалъ имъ всѣ мѣстныя хозяйственныя дѣла и налоги а также и благотворительность, Нѣккеръ ограничиваетъ дѣятельность своихъ собраній распредѣленіемъ податей и постройкою дорогъ.

Кромѣ того, онъ лишаетъ ихъ независимости и самостоятельности. Члены управы, избираемые собраніемъ, утверждаются королемъ. Всякій расходъ производится лишь съ разрѣшенія короля. Даже необходимыя расходы, производимые собраніемъ безъ предварительнаго разрѣшенія, не могутъ превышать заранѣе опредѣленной суммы. Ничего подобнаго не предполагалъ вводить Тюрго, ибо понималъ, что въ такомъ

случаѣ введеніе собраній теряетъ свой смыслъ. Всѣ указанія различія сводятся на одно принципиальное, которое существуетъ между планомъ Тюрго и учрежденіями Неккера. Тюрго смотрѣлъ на свои учрежденія, какъ на общественные органы, независимые отъ центральнаго правительства, назначеніе которыхъ, между прочимъ, заключалось въ политическомъ образованіи общества, тогда какъ Неккеръ видѣлъ въ своихъ учрежденіяхъ, только новыя колеса, приложенныя съ грѣхомъ пополамъ къ старой административной машинѣ, колеса, которыя должны вертѣться по мановенію центральнаго правительства. Онъ даже избѣгалъ называть ихъ собраніями, а охотнѣе называетъ ихъ «администраціею».

Такой существенный шагъ назадъ, такое заботливое стремленіе сохранить деспотію подъ либеральными декораціями не могли не вызвать неудовольствія. Выразителемъ этого чувства явился Бриссо въ брошюрѣ, о которой мы не разъ уже упоминали. Его брошюра появилась въ 1878 года, когда общественное мнѣніе было раздражено въ высшей степени финансовыми плутнями де-Каллона и уже устами Лафайета заявило требованіе совнанія *états généraux*. Послѣдовавшее въ 88 году призваніе Неккера сдѣлано было для успокоенія публики и обозначало поворотъ правительства въ либеральномъ смыслѣ. Въ одинъ годъ съ созваніемъ нотаблей былъ изданъ законъ о повсемѣстномъ введеніи провинціальныя собранія. Въ это время является брошюра Бриссо. Онъ поставилъ свою задачу разоблачить безпринципность надеждъ, которыя на него возлагались. Онъ опубликовалъ мемуаръ Тюрго рядомъ съ мемуаромъ Неккера и за сямъ письмо гражданина по поводу сего послѣдняго. Это письмо и составляетъ центр тяжести книги. Разборъ мемуара Неккера написанъ чрезвычайно горячо и краснорѣчиво и читается съ большимъ интересомъ. Стоять только переставить имена и числа, и можно думать, что статья писана въ наше время противъ кого либо изъ консерваторовъ, прикидывающагося либераломъ.

Сначала Бриссо разбираетъ содержаніе неккерова мемуара провинціальныя собранія и выясняетъ, на сколько послѣдній отсталъ отъ проекта Тюрго. Потомъ онъ переходитъ къ

мотивировкѣ этого проекта, заключающейся въ мемуарѣ. Особенно рѣзкой критикѣ подвергается та часть мемуара, гдѣ Нэккеръ старается убѣдить Людовика XVI, что провинціальныя учрежденія не стѣсняютъ королевской власти и останутся послушными орудіями послѣдней. Бриссо не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы залеймить лицемѣріе, стремящееся запрятать деспотизмъ подъ либеральныя формы общественнаго учрежденія. Нарадки его на Нэккера съ этой стороны были особенно чувствительны, такъ какъ слабая сторона Нэккера заключалась именно въ его политической безпринципности. Поэтому, лишь бы усюконтъ короля, онъ низвелъ провинціальныя учрежденія до простыхъ орудій деспотіи. Замячанія Бриссо были написаны такъ сильно и такъ горячо, что всю книгу приписали Кондорсе. Впечатлѣніе, производимое ею на публику, отъ этого только усилилось.

Интересна не только критическая, но положительная сторона книги, взглядъ ея автора на областныя учрежденія. Авторъ цѣнитъ ихъ, какъ проявленіе общественной свободы, которое особенно дорого при отсутствіи парламента. Эти областныя парламенты составляютъ первую ступень къ пріобрѣтенію центрального, первый шагъ въ ограниченію абсолютизма. Изъ хода разсужденій автора однакоже неясно, не потеряли-ли бы для него цѣну областныя учрежденія въ моментъ появленія парламента. Только судя потому, что Бриссо былъ впоследствии жирондистомъ, можно думать, что онъ желалъ бы ихъ сохраненія и въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Какъ бы-то ни было однакожъ, цѣнилъ ли онъ областныя учрежденія безотносительно, или же только какъ суррогатъ парламента, мы не можемъ не признать за нимъ той заслуги, что онъ требовалъ для нихъ полной самостоятельности въ широкаго круга дѣятельности.

Кромѣ брошюры Бриссо появилась въ томъ-же году еще одна книга, имѣющая въ виду заинтересовать собраніе notableй судьбою областныхъ учреждений *). Неизвѣстный авторъ этой брошюры выражаетъ недовольство тѣснымъ кру-

*) Lettre des administrations provinciales aux Notables. 1787.

гомъ дѣятельности провинціальныхъ собраній и требуетъ его расширенія. Онъ требуетъ, чтобы имъ порученъ былъ сборъ государственныхъ налоговъ, а не только раскладка ихъ, чтобы собранія сами передавали въ государственное казначейство собранныя суммы. Далѣе авторъ выражаетъ желаніе, чтобы провинціальнымъ собраніямъ поручено было заняться погашеніемъ государственнаго долга.

Нельзя не упомянуть, что около того же времени было написано еще двадцать сочиненій по тому же вопросу о провинціальныхъ собраніяхъ. Имъ не суждено было явиться на свѣтъ Божій, такъ какъ Нэкеръ запретилъ ихъ печатаніе. Они были написаны на тему, заданную Шалонской академіей ¹⁾ Надо полагать, что они остались въ академическихъ архивахъ. Изъ того факта, что академія давала тему указанного характера и что въ отвѣтъ на нее явилось двадцать сочиненій, можно видѣть, что провинціальныя собранія возбуждали порядочный интересъ въ обществѣ и что даже академическія сочиненія были на сторонѣ оппозиціи — нэкеровскимъ учрежденіямъ.

Мы подошли къ самой революціи и считаемъ возможнымъ остановиться. Намъ могутъ сказать, что XVIII вѣкъ еще не кончился, что мы не кончили своего разсказа; но на это можно отвѣтить слѣдующимъ соображеніемъ: революція 89 года составляетъ такой рубежъ не только во французской, но и въ общеевропейской исторіи, что передъ нею приличнѣе всего остановиться, говоря о старыхъ порядкахъ. Обыкновенное дѣленіе на вѣка, вообще довольно неудовлетворительное, въ данномъ случаѣ вовсе не годится. По родству явленій послѣднія два десятилѣтія XVIII вѣка ближе къ XIX вѣку, чѣмъ къ предъидущимъ десятилѣтіямъ. И такъ остановимся и поведемъ итоги.

Знакомство съ мемуаромъ Тюрго, областными учрежденіями

¹⁾ Извѣстіе объ этомъ я нашелъ въ брошюрѣ Бриссо „*Ouvrages posthumes de Turgot*“ къ сожалѣнію я не могъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ сочиненій. — Могу однако заключить потому факту, что они были запрещены и по тону, съ которымъ о нихъ говоритъ Бриссо, что они были оппозиціоннаго характера.

Нэккера и съ тѣмъ, что по поводу ихъ написано, приводитъ насъ къ выводу, что въ дореволюціонной Франціи вопросъ о децентрализаціи былъ поставленъ не совершенно ясно въ теоретическомъ отношеніи. Децентрализацію, повидимому, считали полезною лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ деспотія, и считали ее хорошимъ орудіемъ для устраненія послѣдней.

Извѣстной доля правды нельзя отрицать у этого взгляда. Между централизаціей и отсутствіемъ свободы существуетъ связь. Устанавливаясь въ центрѣ, деспотія стремится къ господству въ областяхъ, она не потерпитъ ихъ самостоятельности. Конечно можетъ случиться, и это весьма часто бываетъ въ деспотическихъ государствахъ, что областные правители достигаютъ такой независимости, что только номинально подчиняются своему владыкѣ; но такой порядокъ вещей является слѣдствіемъ несовершенства организаціи, слабости центра, или какихъ либо другихъ причинъ, но не составляетъ результата деспотіи. Это разъ. Во вторыхъ при этомъ области не *управляютъ собою сами*, такъ что тутъ едвали можетъ быть рѣчь о децентрализаціи, а скорѣе о государственномъ разложеніи. Такимъ образомъ политики XVIII вѣка не были не правы, догадываясь, что централизація благопріятствуетъ деспотіи и что, напротивъ, развитіе областной жизни ослабитъ ее. Но вотъ чего повидимому они не подозревали, что безъ децентрализаціи не мыслима дѣйствительная свобода, что при существованіи какого угодно парламента не будетъ свободы, если области ея не управляютъ собою сами, подчиняясь центру только въ общихъ дѣлахъ. Ближе всего къ этой мысли былъ Тюрго, когда онъ признавалъ областныя учрежденія общественною школою, въ которой политически воспитываются поколѣнія за поколѣніемъ. Онъ повидимому считалъ самоуправленіе необходимымъ условіемъ свободы. Его несогласіе съ Вольтеровскимъ опредѣленіемъ свободы тоже побуждаетъ насъ думать такимъ образомъ.

Что касается Нэккера, то никакого теоретическаго пониманія областныхъ учрежденій не видно ни въ его мемуарѣ, ни въ его законахъ, ни въ его книгѣ. Его дѣйствія производятъ впечатлѣніе слѣдующаго рода: человекъ хочетъ пока-

заться либеральнымъ, областныя учрежденія могутъ служить доказательствомъ либерализма. Какъ банкиръ, онъ стремится и обществу угодить, и поклонниковъ абсолютизма не ввести въ соблазнъ. И вышло ни рыба, ни мясо. Но даже и въ той несовершенной формѣ, въ какой представляются намъ учрежденія Наккера, мы видимъ, что практически вопросъ о децентрализаціи началъ осуществляться правильно, если не считать тѣ урѣзки областной автономіи, которыя дѣлались въ угоду абсолютизму; въ введеніе областныхъ учреждений стали отдавать мѣстныя дѣла.

Общественное мнѣніе, по сколько оно высказалось тогда, и сами провинціальныя собранія свидѣтельствуютъ намъ, что противъ централизаціи началась уже реакція, что немного усилій общественной мысли нужно было, чтобы додуматься до яснаго пониманія значенія децентрализаціи. Однако революція не породила послѣдней, а напротивъ послѣ нея явилась централизація въ исправленномъ и улучшенномъ изданіи. Что за причина такого страннаго повторенія прошлаго?

Прежде всего слѣдуетъ принять въ расчетъ, что мысль о децентрализаціи была, какъ мы видѣли, до революціи слаба и неясна. Нападки дѣлались больше противъ произвола власти, чѣмъ противъ централизаціи ея. Достаточно поэтому было немного благопріятныхъ условій, чтобы послѣ паденія абсолютизма централизація развилась снова. Между тѣмъ въ періодъ революціонныхъ войнъ сосредоточеніе всѣхъ силъ и всей власти въ одномъ учрежденіи оказало огромную услугу. Благодаря ему патриотизмъ французовъ выдержалъ борьбу съ коалиціей и вышелъ побѣдителемъ изъ нея. Съ какимъ кредитомъ явилась снова централизація послѣ такого испытанія! Послѣ того ей не трудно было заглушить молодые ростки децентрализаціи, появившіеся было до революціи. Общественная мысль оставила въ сторонѣ этотъ вопросъ и оставила его лишь послѣ новыхъ испытаній.

Г. Аванасьевъ.

Эдуардъ VI и Іоанна Грей.

Послѣ смерти Генриха VIII, корона Англіи перешла къ сыну его Эдуарду VI, едва достигшему десятилѣтняго возраста.

Покойный король завѣщалъ, чтобы до совершеннолѣтія своего наслѣдника, т. е. до осьмнадцатилѣтняго его возраста, правленіе государствомъ находилось въ рукахъ шестнадцати исполнителей его духовнаго завѣщанія, къ которымъ бы тоже присоединенъ былъ совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, выбранныхъ изъ дворянства. Но безусловное и униженное повиновеніе, которымъ пользуются государи при жизни, быстро и съ злорадствомъ смѣняется нарушеніемъ его по ихъ смерти; какъ будто въ отмщеніе за вынесенный гнетъ, умершаго льва сгѣшпуть оскорбить пострадавшіе отъ его когтей. Люди, призванные Богомъ, какъ исполнители Его предначертаній, забываютъ подъ шумомъ рукоплесканій, что ихъ дѣйствія болѣе, чѣмъ кого либо, вызываютъ анализъ, а не любовь.

Генриху VIII часто случалось слышать отъ своего куртизана Кромвеля: „Какое множество людей восторгается вашимъ величіемъ, государь! Ему же слѣдовало бы отвѣчать словами протектора сказавшаго позднѣе: „Еще болѣе-бъ нашлось по-смотрѣть меня повѣшеннымъ“.

Этотъ опытъ олигархическаго правленія только и возникъ для непосредственнаго своего паденія. Подобно ему и совѣты, учрежденные посмертною волею Людовика XIV, подъ реген-

ствомъ герцога Орлеанскаго подверглись той же участи. Насколько справедливо, что есть учрежденія политическія, порочность которыхъ всегда и вездѣ одинакова, не смотря на различіе странъ и временъ.

Герцогъ Гертфордъ, братъ королевы Іоанны Сеймуръ и, слѣдовательно, дядя короля, по своему происхожденію имѣлъ болѣе всѣхъ другихъ право на власть. Онъ безъ труда уничтожилъ олигархію, получилъ почетный титулъ герцога Сомерсетскаго, польстившій его тщеславію, и титулъ протектора, доставившій ему власть. Но авторитетъ его продолжался недолго. Для характеристики его достаточно привести въ примѣръ одно изъ его дѣйствій: онъ приказалъ обезглавить своего брата лорда Сеймуръ, помрачавшаго его славу и загораживавшаго ему дорогу. Но этому братоубійцѣ, вслѣдствіе такой же дворцовой интриги, какой онъ обязанъ былъ и своимъ возвышеніемъ, самому пришлось потомъ положить голову на эшафотъ ¹⁾.

Слабая рука короля-ребенка, восхваляемаго историками за кротость, упражнялась на подписяхъ смертныхъ приговоровъ католикамъ и своимъ двумъ дядямъ. Одной изъ ребяческихъ его забавъ было приказаніе—повѣсить викарія св. Фомы на колокольнѣ его церкви, облеченнаго въ духовныя одежды, съ четками на поясѣ. Только самый крайній оптимистъ могъ представить этого маленькаго тирана философствующимъ съ своей кузиной Іоанной Грей. Его жесткому сердцу недоступна была даже братская привязанность, и мы увидимъ, какъ относился онъ къ своимъ двумъ сестрамъ. Развращенность отца посѣяла ненависть и въ сердцахъ дѣтей. При Эдуардѣ VI, едва достигшемъ отрочества, введены официальныя кандидатуры въ выборахъ членовъ парламента, что можетъ служить доказа-

---

¹⁾ Герцогъ Сомерсетъ казненъ 22 января 1552 г. по проискамъ графа Варвика, пожалованнаго Эдуардомъ VI герцогомъ Нортумберландскимъ и сдѣлавшагося главою совѣта. Герцогъ Сомерсетъ былъ обвиненъ въ намѣреніи убить графа Варвика и въ государственной намѣнѣ, умелъ похитить короля и увезти его на сѣверъ Англій, что будто бы не состоялось только вслѣдствіе назначенія Варвика, герцога Нортумберландскаго, охранителемъ границъ.

тельствомъ, насколько нѣкоторые новѣйшіе государства ошибочно присвоиваютъ себѣ честь ея изобрѣтенія. Вышедшіе циркуляры, въ послѣднія времена изъ министерствъ, почти буквальные копии циркуляра 1552 г. шерифамъ, въ которомъ предписывалось—покровительствовать хорошимъ кандидатамъ. Конецъ его слѣдующій: „каждый разъ, пусть члены нашего частнаго совѣта, имѣя въ виду наши интересы и, руководствуясь званіемъ законовъ, уважутъ на нѣсколькихъ просвѣщенныхъ и умныхъ лицъ; выборъ ихъ долженъ быть принятъ и уважаемъ, какъ именно тотъ, къ которому стремились наши цѣли; такъ какъ намѣреніе наше всегда одно—это составить въ королевствѣ собраніе изъ лицъ самыхъ способныхъ давать хорошіе совѣты ¹⁾).

Знатоки подобной литературы могутъ восторгаться такимъ произведеніемъ, но къ сожалѣнію оно было послѣднимъ. Преждевременная кончина унесла автора въ могилу и лишила потомство дальнѣйшей его дѣятельности на этомъ поприщѣ. 6 іюля 1552 г. тронъ оказался опять незанятымъ.

II.

Три дня спустя послѣ смерти Эдуарда VI, въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій, Сіонъ-Гаузъ, въ древнемъ феодальномъ жилищѣ, превращенномъ новыми владѣльцами его въ убѣжище науки и семейныхъ радостей, происходила сцена, достойная описанія.

Густая чаща столѣтнихъ деревьевъ окаймляла этотъ оазисъ и недопускала до него городской шумъ.

Въ обширной комнатѣ, загроможденной картинами, гравюрами, манускриптами, научными инструментами и книгами, старикъ съ молоденькой женщиной разговаривали о предметахъ серьезныхъ и интересныхъ.

— Наконецъ-то вы возвратились, любезный докторъ,—говорила молоденькая женщина. Привязанность моя къ вамъ съ

¹⁾ Stryppe — Name.

тѣхъ поръ, какъ себя помню, казалось, удвоилась отъ нетерпѣвнiя скорѣе видѣть васъ. Вы во мнѣ развили любовь къ наукѣ и къ умственной жизни. Благодаря вамъ, я могу теперь, не обращая вниманiя на законы времени и пространства, разговаривать съ философами, историками, ораторами и поэтами Греціи и Рима. Вы меня научили понимать божественный языкъ Гомера, котораго слова безсмертны, и пѣвца Энея, котораго прахъ покоится подъ вѣчными лаврами. Вамъ я обязана счастьемъ—умѣть воспринимать все прекрасное, великое, истинное и духовное. Колонна Трояна и арка Септима Севера разрушаются, тогда какъ слѣпецъ Хиосскій, Аристотель, Платонъ, Фукидидъ, Цицеронъ, Гораций, Луціанъ и Тацитъ будутъ жить вѣчно. Мои искреннiя желанiя вамъ всевозможныхъ успѣховъ провожали васъ до самой Италіи. Довольны ли вы своимъ благоговѣйнымъ путешествіемъ въ страну искусствъ, *alma mater*! Мы тоже скоро отправимся, не правда-ли, Гилфордъ? Произнося послѣднiя слова, она обернулась къ молодому человѣку, пристально смотрѣвшему на нее и одѣтому въ шегольскій охотничій костюмъ.

— Когда вѣбудь мы непремѣнно поѣдемъ, безцѣнный ангелъ мой, но не знаю скоро ли мы можемъ предпринять такое длинное путешествіе, — твое здоровье требуетъ большаго заботы и осторожности.

Этотъ намекъ заставилъ слегка покраснѣть хорошенькую, молоденькую женщину.

— Ну, такъ на будущій годъ, правда?

— Я тебѣ это обѣщаю.

— Слышите, докторъ, я беру васъ въ свидѣтели этого обѣщанiя. Мнѣ кажется, что мнѣ гораздо будетъ легче дышать въ странѣ, гдѣ вѣчная весна; какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что я недолго проживу подъ этимъ сѣвернымъ небомъ. Вы, вѣдь, видѣли мраморные дворцы прелестной Генуи, Кампо—Санто Пизы и всѣ величавые памятники древняго Рима. Правда ли, что опасаться быть раздавленнымъ, смотря на наклоненную башню? Вы были въ Миланѣ, гдѣ такъ живы воспоминанiя della Torre и Висконти; вы видели въ Феррарѣ *Forum Alieni* отечество Савонаролы

и Строщи, любимое мѣстопребываніе Боярдо и Аріоста; во Флоренціи *Florentia Tuscorum*, дворцы которой отражаются въ зеркальныхъ водахъ Арно, гдѣ Данте писалъ Божественную Комедію, гдѣ Палласъ Строщи отыскалъ Амагесту Птолемея, жизнеописанія Плутарха и Политику Аристотела.

Но вдругъ эта пылкая, горячая рѣчь, вызвавшая у ея слушателей сочувственную и полную любви улыбку, прерывается сильнымъ шумомъ, дверь открывается и личность въ придворномъ одѣяніи стремительно подходитъ къ юной ученой, еще не успѣвшей оправиться отъ восторженнаго состоянія и, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, восклицаетъ: «мое дитя, ты королева!»

Вѣсть эта была истиной.

III.

По какой прихоти судьбы англійская корона упала, какъ бомба, въ этотъ пыльный кабинетъ, на голову женщины, едва вышедшей изъ дѣтства?

Вотъ разгадка этого:

Герцогъ Нортумберландскій, въ одно изъ своихъ частыхъ посѣщеній Ричмонда, добился отъ Эдуарда VI полной откровенности и сумѣлъ сдѣлать, что король-ребенокъ самъ просилъ его успокоить свои тайныя опасенія. Эти опасенія терзали духъ послѣдняго отпрыска Тюдоровъ, таившаго отъ изнурительной чахотки. Дѣла правленія, политическіе и догматическіе вопросы были пыткой этого болѣзненнаго дѣтства.

— Я очень страдаю, милордъ, сказалъ Эдуардъ, блѣднѣя, я хочу привести въ порядокъ мои дѣла и раздать нѣкоторыя награды.

— Дѣйствительно, государь, есть блестящія заслуги, которыя достойны вашихъ наградъ, какъ напр. графа Эссекса.

— Я дѣлаю его маркизомъ Нортamptonскимъ. Затѣмъ?

— Долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на Виконта Ливля.

— Я даю ему графство Варвикъ, а Бриотелею графство Соутемптонское.

— Должность великаго адмирала вакантна.

— Она не можетъ быть лучше замѣщена, какъ лордомъ Говардомъ.

— Съ какою предупредительностію, государь, вы оцениваете достоинство людей! Да пошлетъ Богъ вашему величеству, продолжительное царствованіе, для славы Тюдоровъ и счастья Англіи.

— Я люблю дѣлать людей счастливыми, но, вѣдь, надо угождать и Богу. Какъ вы думаете, можно ли оставить жить Іоанну Вашеръ и голландца Фовъ-Пари?

— Они очень опасные люди.

— И въ особенности скучные. Обязанность короля сдѣлалась бы нестерпимою, еслибъ необходимо было проводить жизнь въ разбирательствѣ дѣйствій подобныхъ людей. Ихъ сжечь безъ разговоровъ. Жизнь я дарю Боннеру и Гардинеру; что-же касается Геата и Деа, то я еще подожду сказать рѣшительное слово; но вы передайте Краммеру—представить мнѣ списокъ лицъ наиболѣе достойныхъ—занимать вакантныя епископскія епархіи въ Лондонѣ, Винчестерѣ и Чичестерѣ. Перейдемъ теперь къ главному дѣлу, для котораго я васъ и приказалъ сегодня позвать; но прежде чѣмъ входить въ подробности того, что я хочу вамъ довѣрить, какъ вѣрному другу, я долженъ вамъ предложить важный вопросъ: Какъ вы думаете, имѣю ли я право назначить лицо, къ которому должна перейти послѣ меня корона Великобританіи?

— Это право вамъ было предоставлено достославной памяти отцемъ вашимъ, отвѣчалъ герцогъ съ напускной грустью и притворнымъ удивленіемъ; но удаляйте отъ себя мысли, несвойственныя вашему возрасту. Займитесь лучше необходимыми условіями для возобновленія вашего здоровья. Я приказалъ привести въ ваши конюшни пони, замѣченнаго вами въ одну изъ прогулокъ въ Твикенгемъ. Это прелестное кроткое животное; когда угодно будетъ вамъ испытать его?

— По моимъ выздоровленію, мнѣ теперь нужны развлечения менѣе утомительныя.

— Угодно вамъ будетъ назначить кандидатовъ на выборы въ депутаты нижнихъ палатъ? Не пожелаете ли вы, чтобы мы назначили сира Ричара Коттона въ Гемширъ, Фитца Вилляма и сира Генри Невилля въ Беркширъ, а Генриха Беннингфильда въ Суффолькъ?

— Я совершенно полагаюсь въ этомъ на вашу свѣтлость.

— Не соблаговолите-ли распорядиться частью доходовъ Дуромской епархіи, по справедливости отнятой отъ паписта Танстала! Какъ прикажете употребить ихъ?

— Половину этихъ доходовъ я даю вамъ.

— Я положу ихъ въ свадебную корзинку Екатерины Грей, которая черезъ два дня выйдетъ за-мужъ за лорда Герберта, старшаго сына графа Пемброка.

— Въ такомъ случаѣ возьмите другую половину доходовъ Дургамы.

— Государь, глубокую свою благодарность я не могу выразить, скажу только, что домъ Нортумберландовъ никогда не забудетъ, что онъ обязанъ вамъ всѣмъ своимъ величіемъ, Томасъ Арундель, Мишель Станхопъ, Милесъ Патридже и сиръ Ральфъ Ванъ, приговоренные къ смерти, какъ соучастники Соммерсета, находятся еще въ заключеніи; какъ рѣшите вы ихъ участь?

— Пусть правосудіе идетъ обычнымъ порядкомъ. Не имѣю ли я какихъ нибудь долговъ?

— Бездѣлица, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ вамъ обязаны. Коронные кредиторы могутъ ждать, они васъ довольно обрадовали, не безпокойтесь объ нихъ. Всѣ ваши издержки нигдѣ дѣлаю общественное благосостояніе, въ сущности только обратная отдача, и я всѣ силы употребляю доказать всѣмъ юристамъ, что щедростію государь расплачивается за свои долги. Это есть элементарность всего. Продолжайте же, государь, быть щедрымъ и великимъ. Государственный казначей вложилъ въ казначейство 400,000 экю, которые вамъ должна была Франція за возвращеніе Булони, и шесть тысячъ ливровъ стерлинговъ пени, къ которой былъ присужденъ лордъ Пажетъ Звѣздной палатой, не исключая еще того,

что вы должны получить отъ продажи большаго числа должностей.

— Куда же употребить всё эти деньги, мой добрый Нортумберландъ?

— Подумавъ основательно, мы найдемъ употребленіе.

— Найдите же.

— Мнѣ едва хватило, чѣмъ обмундировать моего сына.

— Я нахожу, что давъ ему 10,000 стерлинговъ, я поступлю только по справедливости.

— О, государь, вы дѣйствительно образецъ государей... А орденъ подвязки, отнятый у лорда Пажета?

— Я имѣлъ намѣреніе наградить имъ Гильфора Дудлея; вы меня поняли?

— Вы доводите вашу славу и благодаренія до высшей степени.

— Во всемъ этомъ я только справедливъ. Но разъ, приведя въ извѣстность и должный порядокъ всё эти распоряженія, вернемся къ вопросу, предложенному мною при вашемъ приходѣ, въ нежъ заключается вся главная суть. Имѣю ли я право назначить послѣ себя преемника?

— Да, государь.

— Моя верховная воля можетъ потомъ быть не уважена?

— Преданные люди позаботятся не допустить до этого.

— И такъ приступимъ къ вопросу, единственно занимающему меня,—я непремѣнно хочу рѣшить его; которая изъ моихъ сестеръ пользуется неоспоримыми правами? Начнемъ съ старшей.

— Первое супружество короля, отца вашего, какъ вамъ извѣстно было уничтожено актомъ парламента. Къ тому же принцесса Марія очень упорно держится предразсудковъ папистовъ, и если бы она царствовала, то Англія немедленно подпала бы опять подъ римское иго.

— Вы совершенно правы, Нортумберландъ. Но подобный упрекъ не можетъ быть сдѣланъ моей сестрѣ Елизаветѣ.

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ея высочество принцесса Елизавета съ благоговѣніемъ исполняетъ всё обряды англиканской

церкви; она учена, дѣломудренна и умна.....—но она дочь несчастной королевы Анны Болейнъ.

— Я бы охотно забылъ проступки ея матери, еслибъ могъ считать ее способной поддержать торжество нашей вѣры и упрочить ее.

— Вы этого не можете, государь.

— Но вы мнѣ часто говорили, что моя власть неограничена.

— Да, но только когда она опирается на справедливость и въ особенности на уваженіе къ памяти Генриха VIII. Было бы постыдно, еслибъ тронъ достался дочери женщины, нанесшей кровное оскорбленіе королю, отцу вашему.

— А шотландская королева?

— Она была положительно исключена изъ распоряженій покойнаго короля. Религія не даетъ права престолонаслѣдія иностранцѣ. Кромѣ того, эта принцесса — католичка и створена съ дофиномъ Франціи. Развѣ вы пожелали бы, чтобъ Англія превратилась въ одну изъ французскихъ провинцій?

— Да кто же будетъ моимъ наслѣдникомъ?

— Я долженъ сказать, что не смотря на уваженіе къ тремъ принцессамъ, сейчасъ нами упоминаемымъ, причины, по которымъ онѣ не могутъ царствовать основательны; ничего не остается дѣлать, какъ обратиться къ потомству Генриха VII. Съ этой точки зрѣнія, права леди Юанны Грей на престолъ — неоспоримы, она внучка герцогини Маріи Суффолькъ, вдовы короля Франціи Людовика XII, и потомокъ по прямой линіи Генриха VII ¹⁾. Если ваше величество соблаговолите принять во вниманіе резоны, которые я имѣлъ честь вамъ представить, то, конечно, найдете ихъ вполне сообразными съ національнымъ правомъ и съ самой строгой справедливостію. Завтра я явлюсь за окончательными приказаніями вашего величества.

---

¹⁾ Изъ сестеръ Генриха VIII: 1) Маргарита, вышедшая замужъ за Якова IV шотландскаго, имѣла сына Якова V, женатаго на Мадленѣ французской, и потомъ на Маріи лотарингской: отъ послѣдняго брака родилась Марія Стюартъ и 2) Марія, вышедшая замужъ за Людовика XII французскаго, а по смерти его за Врандона, перваго герцога Суффолька. Отъ послѣдняго брака родилась Франциска, бывшая замужемъ за графомъ Греемъ, герцогомъ Суффолкомъ. У нихъ дѣти: Юанна, Екатерина и Марія.

— Это слишкомъ поздно: я могу умереть нынѣшней ночью; возвратитесь чрезъ часъ.

— Ваше приказаніе будетъ исполнено, ваше величество.

Нортумберландъ, по истеченіи этого короткаго срока, возвращается въ кабинетъ короля и подаетъ ему вмѣстѣ съ перомъ грамоту, утверждающую права Іоанны Грей дочери Франциска на престолѣ Англіи. Шаги герцога разбудили спящаго ребенка-короля; онъ съ полуоткрытыми глазами, машинально взявъ грамоту, и не имѣя силъ читать, дрожащею рукою подписалъ ее; затѣмъ уронилъ къ ногамъ перо и впалъ въ совершенное безсиліе.

Молодая женщина, разговаривавшая съ профессоромъ Оксфордскаго университета была—*леди Іоанна Грей* ¹⁾.

Эдуардъ VI испустилъ духъ прежде, чѣмъ ожидали этого. Въ продолженіи двухъ дней герцоги скрывали кончину его. Онъ съ обычной ему ловкостію употребилъ это время на распространеніе ложныхъ свѣдѣній, не переставая при этомъ подкупать совѣсть людей и застрашивать тѣхъ, кто не поддавался ему. Что же касается до принцессъ Маріи и Елизаветы, то онъ успѣлъ ихъ вызвать въ Лондонъ съ цѣлью, которую мы сейчасъ объяснимъ.

Принцесса Марія, вслѣдствіе письма отъ брата, дѣйствительно ѣхала въ Лондонъ, и была уже въ Годдесденѣ, за нѣсколько миль отъ Лондона, когда вдругъ она увидала незнакомаго, скакавшаго на бѣлой взмылившейся лошади, изнуренной отъ продолжительной и быстрой ѣзды и, упавшей, наконецъ, на колѣни. Этотъ кавалеръ былъ графъ Арундель, переодѣтый такъ искусно, что она его тогда только узнала, когда онъ обнажилъ голову, кланяясь ей.

— Что новаго въ Лондонѣ? спросила въ сильномъ волненіи принцесса, и къ чему это переодѣваніе?

— Ваше величество, смѣю просить извиненія, я въ такомъ видѣ...

---

¹⁾ Іоанна Грей была замужемъ за четвертымъ сыномъ герцога Нортумберландскаго Гильфоромъ Дудлеемъ. Во всей Англіи, говорятъ современные историки, не было чети прекраснѣе и невиннѣе.

— Король, стало быть, умеръ! воскликнула Марія, въ восторгѣ отъ титула величества и отъ удовлетвореннаго, наконецъ, продолжительнаго ожданія обладать престоломъ.

— Вы изволили отгадать.

— Но, когда?

— Два дня тому назадъ.

— Какимъ же образомъ я получила отъ него два письма, гдѣ онъ меня проситъ пріѣхать къ нему; и не дальше, какъ сегодня утромъ я еще получила депешу изъ государственнаго совѣта, въ которой мнѣ предлагаютъ торопиться.

— Я пріѣхалъ сюда собственно съ цѣлю все объяснить.

— Говорите же?

— Самый отвратительный заговоръ составленъ противъ вашего величества. Ваши враги держатъ Лондонъ въ своихъ рукахъ. Они употребляютъ всѣ средства помѣшать вамъ прибыть въ Лондонъ или получать оттуда какое бы то ни было сообщеніе, съ цѣлю обезоружить, какъ вашихъ партизановъ, такъ и самихъ васъ. Если бы не удалось мнѣ мое переодѣванье, то я не могъ бы быть здѣсь. Чтобъ имѣть возможность отвратить подобное положеніе, необходимо хорошо его знать.

— Но кто же тотъ дерзкій подданный, замыслившій такой заговоръ?

Марія Тюдоръ привнесла слово „подданный“ тономъ, обличившимъ, что она въ продолженіи долгихъ лѣтъ вричалась къ роли королевы; она, однако, могла бояться, чтобъ завѣщаніе ея отца не было уничтожено, такъ какъ по законамъ Англіи корона не должна бы переходить къ незамужней женщинѣ.

— Главный двигатель этого заговора, продолжалъ лордъ Арундель, герцогъ Нортумберландскій.

— Сынъ того самаго Ардлея, такъ справедливо наказаннаго за свое лихоимство? Человѣка, надѣлавшаго такъ много уже вреда дому Тудоровъ, и котораго мой отецъ облагодѣтельствовалъ! Я нетерпѣлива и желаю скорѣе все узнать, и могу васъ увѣрить, что преступленія получаютъ должное возмездіе.

— Герцогъ, воспользовавшись слабостію короля, за нѣ-

сколько часовъ до его смерти, принудилъ его совершить актъ, по которому онъ отлучилъ васъ отъ трона и призналъ наследницей его Иоанну Грей.

— Я удивляюсь дерзости этого недоноска, осмѣливагося уничтожить волю моего отца. Всѣ распоряженія его ничтожны во первыхъ, потому что онъ былъ малолѣтній, и во вторыхъ немощный душой и тѣломъ. Черезъ два часа я буду въ Лондонѣ, и когда мнѣ можно будетъ самой заявить свои права...

— Остерегитесь, ваше величество, продолжать свой путь.

— Почему?

— Потому что письма, полученныя вами — поддѣльныя. Нортумберландъ заставилъ ихъ написать съ цѣлю заманить васъ въ западню. Цѣлая шайка тайныхъ убійцъ, поддунленныхъ имъ, ожидаютъ васъ у Англійскаго моста, чтобы завладѣть вашей особой и отвезти въ какую нибудь отдаленную крѣпость.

— Можетъ быть в народонаселеніе Лондона участвуетъ въ посягательствѣ на мою свободу.

— Я тоже это думаю, но оно вовлечено въ заблужденіе хитрыми распоряженіями герцога Нортумберланскаго, лично нерасположеннаго къ вашему величеству.

— А палата лордовъ? А нижняя палата?

— Въ сущности онѣ ненавидятъ Нортумберланда, но онѣ его боятся. Впрочемъ, въ ихъ глазахъ право всегда на сторонѣ сильнаго.

— А если дочь и наследница Тюдоровъ будетъ посреда ихъ, по вашему мнѣнію отзовутся ли онѣ на ея призывъ?

— Конечно, еслибъ вы могли вдругъ очутиться въ срединѣ парламента; но я опять буду имѣть честь доложить вашему величеству, съ прискорбнымъ убѣжденіемъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и, имѣя въ виду препятствія, ожидающія васъ сегодня, вамъ лучше не приближаться къ Лондону.

— Мои предки, милордъ, не давали мнѣ примѣровъ отступать. Развѣ у меня нѣтъ цѣлой фаланги дворянъ, сердца которыхъ, равно какъ и оружіе закалены въ бояхъ, по ихъ ранамъ можно судить, во сколькохъ битвахъ они участвовали.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, я въ восторгѣ отъ ихъ воинственнаго духа; но смѣю спросить, сколько ихъ?

— Пятьдесятъ.

— Какъ бы ни были они храбры, что сдѣлаютъ они съ своимъ легкимъ оружіемъ, едва годнымъ для бала или турнира, противъ войска въ десять разъ многочисленнаго, и кромѣ того, обладающаго и мѣстомъ сраженія и оружіемъ. Личныя достоинства недостаточны для побѣды. Что было бы за воинское искусство, еслибъ оно ограничивалось однимъ пренебреженіемъ опасности?

— Но предупредить битву и не дать врагамъ время укрѣпиться, развѣ не можетъ быть правиломъ примѣнимымъ къ войнѣ?

— Ваши враги, къ несчастью, уже занимаютъ слишкомъ сильную позицію для того, чтобъ вы могли прямо подойти къ нимъ, не разъединяясь.

— Мнѣ покориться и бѣжать? никогда!

— Это было бы тактикой атлета, славнымъ бѣгствомъ, подобнымъ бѣгству того римлянина, который вмѣсто того, чтобы сразаться одновременно съ нѣсколькими неприятелями, нападавшими на него, побѣждалъ и, разъединивъ ихъ такимъ образомъ, поразилъ каждого въ отдѣльности.

— Но одна минута отступленія компрометировала бы мою корону.

— А преждевременное наступательное дѣйствіе погубило бы ее. Довѣряетесь ли вы, ваше величество, моей честности?

— Да.

— Вы не сомнѣваетесь ни въ одномъ изъ моихъ дѣйствій?

— Вы знаете.

— Вы не подозреваете меня въ трусости?

— Я васъ слишкомъ хорошо знаю, чтобъ сдѣлать вамъ подобное оскорбленіе; кромѣ того я считаю васъ за искренняго человѣка; но желаніе оградить меня отъ опасности дѣлаетъ васъ слишкомъ осторожнымъ.

— Я готовъ скорѣе сейчасъ умереть, чѣмъ дать совѣтъ, вредный для чести и интересовъ вашего величества.

— Предположимъ, что я согласилась бы съ вашимъ мнѣніемъ, что въ такомъ случаѣ я должна дѣлать?

— Самый серьезный вопросъ настоящаго положенія—это необходимость избѣгнуть западни, подставленной вашими врагами. Вы находитесь въ обстоятельствахъ—гдѣ одинъ только голосъ разума долженъ вами руководить. Да внушите Господь вашему великому сердцу быть сдержаннымъ!

— Изложите мнѣ вашъ планъ.

— Еслибъ ваше величество удостоили послушаться меня, я бы посовѣтывалъ вамъ удалиться, сначала въ Кеннингсгалъ въ Норфолькшпиръ, а затѣмъ въ Фремлинггалъ въ Суффолкъ, гдѣ подъ вашимъ знаменемъ немедленно соберутся графы Батъ и Суссексы, сирь Вильямъ Друзъ, сирь Генрихъ Беннингфельдъ, сирь Генрихъ Сеймуръ и толпа другихъ дворянъ съ ихъ многочисленными вассалами.

— Мнѣ кажется необходимымъ составить постановленіе о моей верховной власти. Чтобы утвердить за собой права царствовать, я хочу отсюда же написать совѣту, что смерть Эдуарда VI мнѣ извѣстна и, что я дарю свое королевское прощеніе за всѣ прошлыя вины. Я готова оказать милость тѣмъ, кто не замедлитъ признать мою власть, но упорные мятежники будутъ наказаны съ крайнею строгостію. Вы приложите на всѣхъ денешахъ мою печать, на ней вырѣзаны двѣ розы съ моимъ именемъ: *María Regina*.

— Повѣрьте мнѣ, что вамъ ни къ чему не слѣдуетъ приступать прежде вашего прибытія въ Фремлинггамъ. Тамъ ваше стратегическое положеніе будетъ превосходно, потому что черезъ портъ Ярмутъ вы можете получать подкрѣпленія отъ императора, если это будетъ нужно и вы обратитесь къ нему. Если сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилась бы неудача, чего въ войнѣ всегда можно ожидать, вы всегда легко можете переправиться на другую сторону материка, и тамъ вскорѣ найти возможность возвратитъ выгоду своего положенія. Есть еще другіе мотивы выбрать этотъ пунктъ. Я имѣю поводы думать, что сирь Эдуардъ Гастингсъ, братъ графа Гунтингдона, присоединитъ къ вамъ войска, собранныя имъ для Юанны Грей.

— Почему вы имѣете эту надежду?

— Онъ мнѣ это обѣщалъ. Что же касается до командира флота, крейсирющаго у береговъ Суффолька, то я на него также надѣюсь.

— Но какъ вы узнали всѣ эти подробности?

— Войдя самъ въ заговоръ. Это старое и всегда вѣрное средство.

Принцесса должна была сдаться на эти доводы, изложенные ей съ ясностію и воодушевленіемъ, и полная бѣшенства начала свое отступленіе, тогда какъ графъ пустился въ обратный путь въ Лондонъ слѣдить тамъ за ходомъ событій. Нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, одинъ изъ слугъ ускользнулъ изъ виду подъ предлогомъ—напоятъ у сосѣднаго ручья свою лошадь, поскакалъ ни къмъ не замѣченный по ямистой дорогѣ, предупредить заговорщиковъ о происшедшемъ въ Годесденѣ.—Это былъ шпионъ.

Продолжать хитрить было невозможно; Нортумберландъ въ одно и тоже время обнаружилъ смерть короля и актъ, по которому послѣдній назначалъ своею преемницею внучку Генриха VІІ. Затѣмъ онъ отправился въ Сіонъ—Гаузъ къ своей невѣсткѣ, въ сопровожденіи графа Пемброкъ, сира Гатесъ, сира Томаса Пальмера, и всѣхъ сколько нибудь значительныхъ лицъ, побѣжавшихъ за нимъ. Онъ нашелъ ее очень смущенною поздравленіями, расточаемыми передъ нею отцомъ и мужемъ, сдѣлалъ торжественно перечень ея правъ на престолъ и провозгласилъ ее королевой.

Юанна часто слыхала о проэктахъ, касающихся лично ея, но однако далеко не о всѣхъ; многое скрывали, не изъ опасенія ея нескромности, или изъ недовѣрія къ ея личности; нѣтъ, удивительнѣе всего было то, что боялись возраженій съ ея стороны, зная преждевременное развитіе ея ума. Разговоръ ея, переданный нами вначалѣ, могъ бы показаться неправдоподобнымъ, если бъ всѣ историки не утверждали согласно о превосходности ея знанія греческаго и латинскаго языковъ, и еслибъ наставникъ принцессы Елизаветы, Рожеръ Асгамъ, посѣтившій ее, не засвидѣтельствовалъ, что нашелъ ее за чтеніемъ діалоговъ Платона.

Вотъ нѣсколько максимъ, вышедшихъ изъ подъ пера ея: „Удаляясь отъ зла, приближаешься къ Богу.—Еслибъ Создатель неба и земли не открылся бы намъ чрезъ Священное Писаніе, я твердо увѣрена, что я сама бы нашла его. Одного небосклона достаточно для убѣжденія въ существованіи Высшаго существа. Отъ звѣздъ до вѣчнаго Бога—одинъ взмахъ крыла“.

Къ стыду столькихъ лицъ, посѣдѣвшихъ въ занятіяхъ государственными дѣлами и зловредныхъ совѣтахъ, эта дѣтская головка обладала болѣе зрѣлымъ разсудкомъ, чѣмъ они.

Юанна была выше обоянія власти. Она отвѣчала искреннимъ отказомъ; въ наружности и словахъ ея не было ни малѣйшаго признака, напоминавшаго лицемѣріе Цезаря, съ улыбкой отказывавшагося отъ короны, предложенной ему салдатами въ циркѣ. Она формулировала этотъ отказъ въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ, съ здравымъ пониманіемъ людей и вещей; она ссылалась на права двухъ дочерей Генриха VIII, на борьбу, которую вызвало бы ея согласіе принять корону, на свою неопытность, на свои вкусы, молодость, на боязнь прогнѣвить Бога, взявши на себя непосильное бремя. Она произносила своими розовыми губками слова, выразившія степенную твердость. Ея серебристый голосъ внушалъ сдержанность и разсудительность людямъ, безумно стремившимся къ предпріятію,—гдѣ всѣ они должны были лишиться состоянія, а многіе изъ нихъ и головы.

Но Нортумберландъ и его сообщники слишкомъ далеко зашли, чтобъ отступать и потому съ отчаянной энергіей рѣшились на послѣднее усиліе. Ихъ жертва (нельзя назвать ее иначе) была увезена почти насильно въ башню, согласно будто бы обычаю, принятому наканунѣ восшествія на престолъ; она была встрѣчена оваціями, подготовленными партіей Нортумберланда и затѣмъ заперта съ своими министрами. И такъ ея царствованіе началось заключеніемъ, гдѣ ему предстояло и кончиться.

Гильфордъ, оставшись наединѣ съ женой, сказалъ ей: «моя прекрасная Юанна, какъ королевская мантія пойдетъ тебѣ!»

Несчастному молодому человѣку пришлось раздѣлить бремя этой мантіи.

Королева Юанна Грей вошла на престолъ 11 Іюля.

И такъ въ Англіи очутилось двѣ королевы. Общественное мнѣніе отдалось разсмотрѣнію ихъ правъ. Одна была скитлицей и почти изгнанницей, другая провозглашена королевой, но въ сущности была плѣнницей. Которой изъ нихъ право законно? Вопросъ объ этомъ былъ очень затемненъ, потому что обѣ онѣ могли ссылаться на свои королевскія права и обращаться къ законамъ. Это было одно изъ исключительныхъ положеній, встрѣчаемыхъ въ жизни народовъ, гдѣ право зависитъ отъ успѣха; и когда допускается, слѣдуя принципу фаталистовъ, покориться передъ событіями.—Принцесса Марія ожидала успѣха отъ перевѣса правъ.

Нортумберландъ обладалъ только отвагой и ловкостью, но не имѣлъ необходимой энергіи довести до конца такое трудное предпріятіе. Опасались его вліянія на невѣстку, его дерзости, деспотическаго духа, и кромѣ того ему недоставало главнаго условія дѣйствовать на мысли—популярности.

Впродолженіи трехъ дней, наружная покорность его ослѣпила и онъ принималъ общее молчаливое недоумѣніе за полное согласіе. Удаленіе дочери Еватерины Арагонской и затруднительность сообщенія мѣшали полученію достовѣрныхъ извѣстій. Враги принцессы Маріи искусно умѣли ее обставить тайными и враждебными проясками, такъ что достигли было того, что стали считать ее безсиьной; даже пронесся слухъ, будто испугавшись первой неудачи, она переправилась водой въ Испанію или Фландрію.

Но на четвертый день узнали о возстаніи нѣсколькихъ графствъ въ пользу Маріи Тюдоръ, о заявленіяхъ покорности со всѣхъ сторонъ и о соединеніи дворянства съ народомъ подъ ея знамена. Войска, посланныя противъ нея, предла-

гаютъ ей свое содѣйствіе, и наконецъ флотъ принялъ тоже ея сторону. Обѣ палаты получили приказаніе признать ея власть и кромѣ того было объявлено, что она направляется къ Лондону съ силами значительными и достаточными для уничтоженія противодѣйствія.

Правительство Юанны, или скорѣе герцога, при самомъ начала встрѣтило уже зарождающіяся несогласія, безсиліе, враждебность, принимающія все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Ежеминутно извѣщали о переметничествѣ. Опасность положенія сдѣлали и принцессу Елизавету великодушную: она во главѣ тысячи кавалеровъ ни къмъ не останавливаемая близъ самаго Лондона пришла на помощь къ сестрѣ (преданность ея получила впоследствии плохое вознагражденіе). Шумная толпа окружила Нортумберланда, осаждала тысячью противоположныхъ мнѣній; онъ теряетъ совсѣмъ рассудокъ и становится одинаково неспособенъ къ благоразумію и дерзости. Нѣкоторые изъ вѣрныхъ лицъ уговариваютъ его къ рѣшительнымъ мѣрамъ, доказывая, что нѣтъ середины между успѣхомъ и безчестіемъ.

Напротивъ, тѣ, которые успѣли уже войти въ сношенія съ другой стороной, отличались хвастовствомъ и предлагали совѣты самые неудобовыполнимые. Необузданная толпа походила на фигурантовъ, модулирующихъ на всѣ тоны военную пѣснь, положила руку на рукоятку безвредной шпаги. Въ моментъ же, когда бы нужны были плечи, способныя взять на себя броню Роланда, нашелся только Родомондъ, съ самохвальствомъ вызывающій гиганта на поединокъ, а между тѣмъ въ битвѣ, падая въ обморокъ при одномъ видѣ копья.

Въ столицѣ королевства царствуетъ общая тревога и недоумѣніе. Каждый съ радостью сообщаетъ всѣ слухи и боится дурныхъ случайностей, высказываясь за ту, или другую сторону. Принцесса Марія радовалась, что послѣдовала совѣтамъ лорда Арунделя. Графства Суффолькъ и Норфолькъ объявили себя за нее съ перваго момента, равно какъ и сэръ Эдуардъ Гастингсъ и командиръ флота: этотъ первый успѣхъ

помогъ ей найти государственныхъ секретарей—передать ей приказанія, офицеровъ—вводитъ дисциплину въ ея войска и куртизановъ—составить ея дворъ. Серебро и золото прибывало въ ея сундуки черезъ налоги, собранныя ея именовъ. Небольшое число священниковъ ея свиты, которые скрывали свою папистскую нетерпимость къ реформатской религiи личной смиренiя, вполнѣ успокоило тѣхъ, кто страшился, чтобъ отъ этой нетерпимости не произошло переворотовъ въ законахъ страны и насилiй въ душевныхъ убѣжденiяхъ.

Въ тайныхъ собранiяхъ послѣднихъ бойцевъ королевы Юанны, рѣшили послать войско, подъ командою Суффолька, противъ принцессы Марiи.

Тогда окружаютъ бѣдную, маленькую королеву Юанну, запугиваютъ ее опасностями, угрожающими въ походѣ ея отцу, наконецъ, доводятъ ее до того, что несчастное дитя въ страшныхъ опасенiяхъ за отца, пролепетала противорѣчищiя приказанiя, окончательно деморализовавшiя остальныхъ ея приверженцевъ. Въ то же время, желавшiе избавиться отъ Нортумберланда для собственной своей безопасности, безъ всякаго труда увѣрили его, что онъ одинъ можетъ побѣдить и добились того, что вывели герцога изъ Лондона съ войскомъ на каждомъ шагу уменьшавшимся и вскорѣ совсѣмъ его покинувшимъ.

Партизаны дочери Генриха VIII, узнавши объ удаленiи главы заговора, собрались вмѣстѣ, и движенiе, немедленно, сдѣлалось общимъ; меры и альдермены изъ первыхъ присоединились къ нему. Юанна напрасно искала совѣтниковъ и защиты. Увидѣвъ, что впродолженiи десяти дней ея грустныя предчувствiя такъ пунктуально осуществляются, она отказывается отъ престола и возвращается въ Сiонъ-Гаузъ, пока Марiа Тюдоръ ѣхала въ Вить-Галль.

Королева прежде всего приказала заключить въ тюрьму Нортумберланда, Суффолька, Юанну Грей, Гильфора и тѣхъ, кого успѣли схватить. Ихъ всѣхъ предали уголовному суду.

Герцога Нортумберландскаго заперли въ башню, куда онъ вошелъ воротами Измѣнниковъ и былъ свидѣтелемъ нака-

нунѣ своей смерти зрѣлища, еще болѣе увеличившаго горечь его послѣднихъ минутъ. Новая королева войдя съ великолѣпнымъ кортежемъ черезъ Рѣшетку Львовъ, остановилась на большомъ дворѣ и приказала поочередно привести себѣ плѣнниковъ, чтобы самой судить ихъ, не давши никому предварительно понять, будетъ ли ея царская магистратура выраженіемъ милости или крайней строгости.

Первый явился герцогъ Норфолькъ партіи католической, жертва послѣднихъ капризовъ Генриха VIII и настойчивой жестокости Эдуарда VI. Старый аристократъ, не имѣя времени отдать себѣ отчета въ томъ, на что онъ могъ надѣяться и чего бояться послѣ такого продолжительнаго заключенія, спустился медленнымъ и важнымъ шагомъ съ лѣстницы Бѣлой Башни, съ полнымъ достоинствомъ преклонилъ колѣно, не въ позѣ просителя, но, какъ бы согласно съ придворнымъ этикетомъ, и молча, ожидалъ.

— Ваше мѣсто, милордъ-герцогъ, съ любезностію сказала королева, не у нашихъ ногъ, но подлѣ насъ. Я протягиваю руку помочь вамъ встать. Ваши должности и ваши имѣнія отдаются вамъ назадъ; ваша помощь нужна мнѣ, побѣдить ересь и возстановить религію нашихъ отцевъ. Забудьте ваше несчастіе. Вы будьте воспреемникомъ лорда Куртенея, которому я даю титулъ графа Давонширскаго и желаю женить на дѣвушкѣ высокаго положенія, какъ подобаетъ потомуку императоровъ Константинополя.

Возстановленіе не менѣе блестящее ожидало епископовъ Гардинера, Тонстала и Боннера, которымъ были возвращены епископальныя кathedры. Кельи, гдѣ томилась эти усердные католики, были немедленно заняты Гольгатомъ, архіепископомъ Юрка, Кавердалемъ, епископомъ Эксетерскимъ и Ридлеемъ, Лондонскимъ епископомъ.

Королева Марія Тюдоръ, въ своихъ дѣйствіяхъ, выказывала свою особенную оригинальность: не забудемъ упомянуть, что прежде чѣмъ оставить башню, она удостоила предупредить Нортумберланда, что ему дарована отсрочка на двадцать четыре часа, и что часть, полученная имъ отъ остатковъ епи-

скопскаго имущества въ Дургамѣ, была возвращена прежнему епископу, вновь введенному на прежнюю должность.

Куртизаны, немного позабывши латынь въ предшествующее царствованіе, принялись опять за изученіе этого языка, чтобы по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что понимаютъ римское богослуженіе, опять введенное въ вновь освященныхъ католическихъ церквахъ, вмѣсто славословій и молитвъ на простонародномъ языкѣ англиканскаго вѣроисповѣданія.

Библиографическій указатель.

Историческіе и критическіе опыты Николая Барсова, экстра-орд. профессора С.-П.-Б. Духовной Академіи. (532 страницы), 3 р., съ пересылкой 3 р. 25 к. *).

Содержаніе опытовъ уважаемаго профессора составляютъ статьи *историческія*: о Теофанѣ Прокоповичѣ, А. П. Волынскомъ, Арсенѣ Маціевичѣ, о русскихъ проповѣдникахъ XVIII столѣтія; проекты церковныхъ реформъ и улучшения быта духовенства въ царствованіе Екатерины II, о мистицизмѣ въ Россіи въ началѣ XIX ст. составл. по невзваннымъ доселѣ матеріаламъ; статьи *критическія*: новый методъ въ Богословіи—синтезъ богословскаго ученія Хомякова; Бѣлинскій, какъ религиозный мыслитель; преосв. Іоаннъ Смоленскій, какъ проповѣдникъ; современные проповѣдники—публицисты; типы духовенства въ нашей беллетристикѣ и пр., статьи *полемическія*: пять статей по поводу обзорѣній „Вѣстника Европы“—о вѣротерпимости въ Россіи и русскомъ клерикализмѣ, о возможности возникновенія въ Россіи церковно-политическаго вопроса, о славянофильствѣ и проч. и статьи педагогическія о преподаваніи словесности и русскаго языка, о книгѣ для народа, о народныхъ школахъ и пр.

Изъ выписаннаго содержанія трудовъ г. Ник. Барсова видно

---

*) Продается у автора, (Сиб., по Знаменск. ул., д. 39, кв. 9) и у извѣстныхъ книгопродавцевъ (преимущественно Мамонтова, въ Сиб. и Москвѣ).

уже разнообразіе и серьезность вопросовъ, разсмотрѣнныхъ даровитымъ ученымъ. Слѣдша извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ „*историческихъ и критическихъ опытовъ*“, мы оставляемъ поговорить о нихъ подробнѣе до будущаго времени—тѣмъ болѣе, что многія изъ изслѣдованій составлены по неизданнымъ матеріаламъ и, слѣдовательно, требуютъ тщательнаго соображенія съ матеріалами, имѣющимися въ печати.

Въ Сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщено окончаніе занимательной и многосодержательной статьи г. *Пташицкаго* „I. Лелевель. какъ критикъ „Исторіи Государства Россійскаго“ соч. Карамзина“. Въ достоинствѣ и занимательности эта вторая половина статьи не уступаетъ первой. Также мѣткая обрисовка характера Булгарина, являющаяся въ его собственныхъ письмахъ; тотъ же оригинальный Лелевелевскій юморъ, ярко высказывающійся, въ свою очередь, въ письмахъ самаго Лелевеля. Булгаринъ въ хвостовствѣ и чванствѣ превзошелъ здѣсь самаго себя. Но всего замѣчательнѣе то, что Булгаринъ, переводя на русскій языкъ критику Лелевеля, передавалъ ее слишкомъ свободно и безцеремонно,—что явствуетъ въ сравненіи польскаго текста критики съ Булгаринскимъ переводомъ. Видно это вольное обращеніе Булгаринскаго пера съ текстомъ Лелевеля дошло наконецъ до геркулесовскихъ столбовъ, потому что переводъ критики, наконецъ, взялъ на себя Сеньковскій. Послѣдній, въ своемъ письмѣ къ Лелевелю, отъ 3 марта 1826 года, говоритъ: „Рецензію Карамзина я самъ теперь перевожу на русскій языкъ; ты долженъ извинить, что такъ опоздали. Этому ни я, ни издатель не виноваты, а *обстоятельства*. Грѣхъ опасно заболѣлъ, и Булгаринъ остался самъ писателемъ, издателемъ и корректоромъ въ трехъ журналахъ, и ни какииъ образомъ не могъ заняться твоими статьями.“ Но переводъ критики Лелевеля, послѣ ноябрьской книжки (1824 г.) „Сѣвернаго Архива“ уже болѣе не появлялся въ свѣтъ. Тогда же, совершенно внезапно и неожиданно прекратилась и переписка по этому предмету между Лелевелемъ, Булгаринимъ и Сеньковскимъ. Г. Пташицкій замѣчаетъ, что письма Лелевеля отъ 8 іюля 1824 г. и Булгарина отъ 15 іюня того же года — послѣднія,

если только не затеряны послѣдующія. За тѣмъ, съ 1824 г. 14 августа начинается уже новый періодъ въ жизни Лелевеля. Въ это время, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ репрессивныхъ мѣръ, нѣсколько профессоровъ должны были оставить виленскій университетъ, въ числѣ оставившихъ профессуру въ Вильнѣ былъ и Лелевель, удалившійся въ Варшаву. Здѣсь начинаются мытарства съ варшавской цензурой, страшно придиравшейся къ Лелевелю при изданіи имъ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій. Лелевель состоялъ членомъ „Варшавскаго Общества любителей наукъ.“ Въ это же общество, въ качествѣ члена-корреспондента, очевидно вслѣдствіе просьбы и назойливости во имя „землячества“ принять былъ и Булгаринъ, пославшій обществу свое сочиненіе (какое же?—Г. Пташицкій не разъяснилъ, можетъ быть за недостаткомъ данныхъ); рецензентомъ присланнаго сочиненія Булгарина былъ назначенъ Лука Голембѣвскій, извѣстный изслѣдователь древняго польскаго быта. Это происходило въ 1829 г., а въ слѣдующемъ 1830 г. Булгаринъ прислалъ Лелевелю, въ видѣ благодарности, свое новое произведеніе романъ „Дмитрій Самозванецъ“ — этотъ образецъ благонамѣренныхъ „полицейскихъ“ романовъ, на равнѣ съ знаменитымъ „Иваномъ Выжигиннымъ“, достойнымъ кисти самаго строгаго и благонамѣреннаго „квартирнаго надзирателя“. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Булгарину, благодаря за подарокъ, Лелевель весьма мило и ѣдко замѣтилъ: *за чѣмъ ты, сударь мой, сдѣлалъ „Дмитрія“ такимъ мощенникомъ? (totr).*

И здѣсь мы не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу недостаточности данныхъ о томъ, какое заключеніе вывела польская интеллигенція (въ лицѣ Лелевеля и его кружка) о нашемъ русскомъ романописаніи 20-хъ годовъ. Этотъ предметъ настолько интересенъ, что можетъ послужить предметомъ особой обстоятельной статьи. Романъ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“ еще и теперь не сланъ въ архивы, а находится во всѣхъ нашихъ библіотекахъ и, можетъ быть, читается. Это 4 хъ томное произведеніе съ гравюрами лубочнаго достоинства, напоминающимъ гравюры „Англійскаго Милорда Георга“. Характерно то, что въ предисловіи къ ро-

ману Булгаринъ безцеремонно величаетъ себя „художникомъ“ и заявляетъ о высоко-моральной тенденціи своего романа. Надо сказать еще и то, что въ 20-хъ годахъ въ нашей исторической литературѣ уже не было простодушной вѣры, что самозванецъ былъ „Гришка Отрепьевъ“, а несомнѣнно подставная личность, служившая орудіемъ въ рукахъ другихъ и успѣвшая приковать къ себѣ вниманіе драматизмомъ своей судьбы. Шиллеръ избралъ русскаго самозванца въ герою своей трагедіи, и „Дмитрій“ Шиллера дѣйствительно величествененъ, какъ герой. Тенденціей нашего Булгарина не было, конечно, изображеніе мошенника—мошенникъ (лотр) вышелъ самъ собою. Особенность эта весьма характеристична для „Булгаринскаго“ времени нашей литературы, когда она еще не была согрѣта и проникнута общечеловѣческими идеями, а пробавлялась сплетнями и подъяческимъ клеузнничествомъ. Въ письмѣ Лелевеля къ Булгарину, несмотря на простодушный тонъ, заключается тонкій намекъ на это горькое для тогдашнихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей обстоятельство. Повторяемъ: эта этическая сторона развитія нашей литературы такъ интересна, что стоитъ особаго серьезнаго изслѣдованія.

Съ 1830 года для Лелевеля начинается періодъ безпокойной жизни (ибо революціонное движеніе 1831 г., какъ извѣстно, увлекло его) скитальчества, страданій, нищеты. Въ это время со сцены исчезаютъ его друзья—земляки. Булгаринъ, Сеньковский и друг. замолчали, какъ будто сквозь землю провалились. Портретъ Лелевеля въ послѣдній періодъ его жизни, когда знаменитый старецъ печально доживалъ свои дни въ бѣдной Брюссельской хижинѣ, нарисованъ г. Штапцкинымъ прекрасно.

Помѣщенія въ IX книжкѣ „Русской старины“ „Похожденія казака Ивана Мигрина, черноморскаго казака 1770—1850 гг.“ отличаются простодушіемъ, искренностью и правдивостью разсказа о Екатерининскомъ времени съ его наивнымъ суевѣріемъ и предрасудками. Укажемъ здѣсь весьма характеристичныя для того времени курьезы. Состоявшій при государыни протополь Самборскій, при священнической расѣ, брилъ

бороду и усы. Это оттого,—объясняетъ авторъ—что когда почтенный протопопъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и носилъ бороду, то каждый разъ, при появленіи его на улицѣ, мальчишки *бѣгали „за нимъ толпами, какъ за чудомъ“*. Когда протопопъ Самборскій посѣщалъ богатыхъ купцовъ-раскольниковъ, то они упрекали его, что неурожаи случаются въ Россіи въ наказаніе за то, что попы „начали брить бороды“. На это почтенный протопопъ находчиво отвѣчалъ, что у его отца, тоже попа, борода была до пояса, однако и при этомъ *неурожаи были еще сильнѣе* (!) Еще нѣсколько курьезовъ. Авторъ сознается, что онъ пользовался такимъ неограниченнымъ довѣріемъ своего непосредственнаго начальника, атамана Чепиги, что, по безграмотству его, подписывалъ, его именемъ, всѣ бумаги—и это было *не тайно, а всѣмъ извѣстно*. Тотъ же почтенный атаманъ, ходатайствуя о награжденіи чинами нѣсколькихъ черноморскихъ офицеровъ, велѣлъ помѣстить въ число назначаемыхъ къ *производству въ офицеры* своего повара и конюха (!) На продовольствіе казачьихъ войскъ нужно было получить съ казны деньги; для этой цѣли былъ отправленъ въ Варшаву казачій офицеръ съ требованіемъ; но надъ нимъ въ комиссіи только посмѣялись, какъ надъ чудакомъ, и онъ возвратился *ни съ чѣмъ* (!) Тотъ же результатъ имѣла миссія и другаго офицера, хотя тотъ былъ и гораздо расторопнѣе. Наконецъ, эта миссія была возложена на самаго автора-рассказчика, Мигрина. Онъ приструнилъ комиссію, пострадалъ Суворовымъ—и дѣло пошло на ладъ. Но зато далъ солидную взятку чиновникамъ комиссіи, да и въ свой карманъ заложилъ малую толику, а денегъ для казачьихъ полковъ все-таки осталось много—80,000 рублей,—сумма, которую, простодушно сознается авторъ,—не надѣялись получить казачьи полки. Далѣе, авторъ съ тѣмъ же простодушіемъ и чистосердечіемъ сознается, что былъ виновникомъ безчеловѣчнаго истязанія одной женщины, казачьей вдовы, за развратное поведеніе. Истязаніе состояло въ томъ, что казачку *распали на крестъ, обрызгали до пояса плащомъ и вымали съ безчестіемъ изъ города* (Екатеринодара).

Словомъ: и курьезовъ, и страшныхъ, потрясающихъ вещей,

совершавшихся съ наивною веселостью и добродушіемъ, „развлеченія ради“, не оберешься въ это доброе, старое (хотя не особенно далекое отъ насъ) время „Очакова и покоренья Крыма“. Надо въ заключеніе прибавить, что походженія казака Мигрина отличаются такою прелестью безыскусственнаго простодушнаго изложенія, что ихъ нужно считать образцовыми и документальными. Ни въ преувеличеніи, ни въ хвастовствѣ нельзя ни на волосъ заподозрить автора; онъ даже чрезвычайно скромнѣе; и чистосердечное сознаніе имъ своихъ слабостей и слабостей своего времени дѣйствуетъ на читателя чрезвычайно освѣжающимъ образомъ. Можно быть простодушнымъ Несторомъ и въ наше время, и желательно, чтобы именно въ такихъ запискахъ сохранились для насъ преданія минувшихъ дней...

Въ той же книжкѣ „Русской Старины“ помѣщено продолженіе записокъ Ив. Степановича Жиркевича (1789—1843 г.). Время еще болѣе близкое отъ насъ—но какъ многое представляется при этомъ мрачнымъ и безотраднымъ!... Въ числу очерченныхъ въ этой части эпизодовъ „Записокъ Жиркевича“ особенно поучителенъ эпизодъ баснословно быстрого обогащенія извѣстнаго туза русской промышленности, г. Бенардаки. Затѣмъ—безчеловѣчное обращеніе прежнихъ промышленниковъ-судохозяевъ до того возмутительно, что ему не хочется вѣрить... Отворачиваешься съ ужасомъ и омерзеніемъ отъ подобныхъ явленій...

Очеркъ дѣятельности нашего знаменитаго художника Ив. Константиновича Айвазовскаго представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что рисуетъ въ вѣрномъ свѣтѣ наше русское патронатство относительно художниковъ; но еще болѣе этотъ очеркъ важенъ по тщательности изображенія характера г. Айвазовскаго, этого художника съ головы до ногъ во всѣхъ деталяхъ его жизни.

Затѣмъ и всѣ второстепенныя мелкія замѣтки IX книжки „Русской Старины“ представляютъ, какъ и всегда, много интереса.

Первою статью IX книжки журнала „Древняя и новая Россія“ стоитъ окончаніе очерка профессора Арпстова „Не-

вольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII столѣтія“. Обь общемъ содержаніи статьи г. Аристова и ея характеръ мы уже знаемъ по началу его статьи. Не смотря на несомнѣнный интересъ множества приводимыхъ почтеннымъ профессоромъ фактовъ, намъ въ первой половинѣ его статьи представлялась и представляется нѣсколько излишнею масса цитатъ и свидѣтельствъ для объясненія явленій, которыя сами собою понятны въ первобытномъ простодушномъ, грубомъ, социальномъ бытѣ, каковымъ представляется бытъ нашихъ предковъ, не только до XVII, но даже и до XVIII столѣтія. Постриженіе въ монахи, какъ насиліе, эксплуатированіе монашествомъ для своекорыстныхъ цѣлей—это только одна изъ многочисленныхъ сторонъ общей картины, одинъ изъ массы элементовъ, образующихъ цѣлое. Но г. Аристовъ неожиданно и, конечно, къ большому выигрышу своей статьи, продолжилъ свой очеркъ постриженія въ монашество далеко за XVII вѣкъ, даже до настоящаго времени. Само собою разумѣется, что съ Петра Великаго наше русское монашество и постриженіе въ монашество имѣютъ свой особый колоритъ, не имѣющій ничего общаго съ колоритомъ этого явленія въ Древней Руси до XVIII в. т. е. до Петра Великаго. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что при Петрѣ Великомъ была признана *безполезность монастырей*, и монахи начали траговаться какъ *тунеядцы* и имущества ихъ стали называться *тунеблемями*, что самъ царь проектировалъ указъ, поддержанный монахомъ Теофаномъ Прокоповичемъ, о *ненужности монашества*... Да, Теофанъ Прокоповичъ, не смотря на то, что былъ самъ монахъ, былъ, по выраженію одной англійской хроники объ одномъ изъ предковъ Оливера Кромвеля, *Malleus monachorum* (молотъ для монаховъ). Но почему? Авторъ намъ нисколько не рѣшаетъ этого вопроса; тогда какъ если не рѣшить, то хотя нѣсколько освѣтить и разъяснить его можетъ аналогія разсматриваемаго явленія съ другими однородными явленіями въ Европѣ. Во всѣ времена сильныхъ ломокъ и преобразованій обыкновенно жестоко и сурово преслѣдуются элементы, считающіеся непроизводительными и даже вредными для государственнаго и

общественнаго прогресса. Такъ было въ Англіи въ эпоху Кромвеля. Даже предки Кромвеля питали въ глубинѣ души идею истребленія монаховъ, какъ класса крайне непродвигательнаго и вреднаго; отъ того-то одинъ изъ предковъ Кромвеля и назывался „Malleus monachorum“. Но отъ этого монашество и вообще вліаніе духовенства въ Англіи нисколько не пострадало; напротивъ, усилилось съ паденіемъ протектората Кромвеля и реставраціей Стюартовъ. Какъ ни различны репрессалии монаховъ при Петрѣ сравнительно съ подобными же репрессалиями въ Англіи въ эпоху Кромвеля (различны, конечно, по формѣ)—но по существу они сходны. Гоненіе и притѣсненіе монаховъ при Петрѣ не подавило самаго учрежденія, а только очистило его отъ негодныхъ элементовъ и отъ невѣждъ и бѣглецовъ, имѣло послѣдствіемъ поступленіе у насъ въ монашество усиленнаго контингента ученыхъ и образованныхъ, хотя бы и влекомыхъ честолюбіемъ. Петръ Великій сослужилъ эту службу монашеству совершенно невольно, такъ какъ онъ смотрѣлъ на монашество только какъ на одно изъ средствъ для *чисто-государственныхъ цѣлей*. И это послѣднее прекрасно доказано у почтеннаго автора множествомъ цитатъ и выдержекъ изъ „Духовнаго Регламента“ и весьма умѣстнымъ приведеніемъ фактовъ карательнаго и насильственнаго постриженія Петромъ въ монахини даже членовъ своего семейства. Да, Петръ смотрѣлъ на монастыри, какъ на исправительныя тюрьмы и богадѣлни, долженствующія служить не духовно-нравственнымъ, а государственно-полицейско-административнымъ цѣлямъ. Эту же идею, искренно или нѣтъ, раздѣлялъ и монахъ Теофанъ Прокоповичъ. Не смотря на носимый имъ клобукъ, онъ, въ качествѣ пособника Петра, явился такимъ же Malleus monachorum, какъ и одинъ изъ предковъ Кромвеля въ Англіи. Характеристика дальнѣйшихъ явленій въ монашествѣ, сдѣланная и коротко и полно г. Аристовымъ,—понятна для каждаго читателя. Но вотъ что мало понятно: какой это самостоятельный аскетическій идеалъ живетъ въ нашемъ народѣ и почему его нужно противопоставлять или ставить совершенно независимо отъ подобнаго же идеала высшаго духовенства? Сытый монахъ, въ 8 или

12-ть пудовъ вѣсомъ, конечно, уже слишкомъ лицемѣрить, когда говорить, что онъ не удалился отъ идеала Саввы Освященнаго или Антонія Великаго—и кто жь ему въ этомъ повѣрить? Нѣтъ, намъ кажется, что идеаль-то аскетизма одинъ и въ народѣ, и въ духовенствѣ; только народъ-то смотреть на этотъ идеаль прямо и открыто безъ всякихъ фальшивающихъ очковъ и стеколъ, а другая сторона, побѣжденная требованіями „грѣшной плоти“, совсѣмъ иначе.

Изъ статей IX книжки „Древн. и Новой Россіи“, представляющихъ общенсторическое значеніе, — нужно поставить на *первомъ* планѣ статью г. Карновича „*Генераль Моро въ русской службѣ, 1813 г.*“ съ приложеніемъ портрета Моро и изображеніемъ его памятника, поставленнаго по повелѣнію императора Александра I близъ Дрездена. Извѣстно, что всѣ статьи г. Карновича, не смотря на встрѣчающіеся въ нихъ парадоксы, все-таки отличаются большимъ интересомъ выбора, все-таки освѣщаютъ множество близкихъ, соприкосновенныхъ явленій въ нашей отечественной исторіи. Въ настоящемъ случаѣ авторъ задался характеристикой личности генерала Моро, поступившаго въ 1813 г. въ русскую службу, и въ частности, выясненіемъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили бывшаго республиканскаго генерала „взмѣнить Франціи“ (какъ выражался Наполеонъ I), примкнувъ къ шайкѣ генерала Пишегрю и Жоржа Кадудала. Намъ кажется, что относительно Россіи личность Моро имѣетъ интересъ второстепенный, если не принимать въ расчетъ мотивовъ, заставившихъ его поступить въ русскую службу. Относительно Россіи, Моро былъ просто одинъ изъ многихъ случайныхъ иностранныхъ генераловъ, предлагавшихъ Россіи свои услуги. Самъ г. Карновичъ насчитываетъ, что у насъ, въ теченіе 170 лѣтъ, однихъ иностранныхъ фельдмаршаловъ было 17 человекъ. Многие изъ нихъ были, конечно, истинными любящими сынами своего новаго отечества, но едва ли бы это можно было сказать о Моро, если бы смерть не помѣшала ему поступить въ русскую службу. Этотъ приговоръ можно съ полнымъ правомъ произнести, основываясь на многихъ чертахъ нравственнаго характера генерала Моро, вслѣдствіе кото-

рыхъ этотъ генераль ни въ какой странѣ не могъ быть большимъ пріобрѣтеніемъ. Нравственные мотивы, руководившіе Моро въ его дѣятельности, изображены у г. Карновича блѣдно; а потому мы попытаемся вкратцѣ дорисовать и дополнить нѣкоторыя черты этого характера, основываясь на свидѣтельствѣ Наполеона I, правда, его могущественнаго и ожесточеннаго врага, по который, однакоже, умѣлъ отдавать справедливость другимъ, возвышаясь надъ своими личными чувствами. Справедливость эту, по нашему мнѣнію, отдалъ онъ и генералу Моро. Самые источники статьи г. Карновича благодарны, хотя нѣсколько односторонни. Это свидѣтельства А. Ник. Дашкова, нашего посланника въ Америкѣ въ началѣ текущаго вѣка, и почтеннаго П. П. Свиньина, извѣстнаго основателя „Отеч. Записокъ“, бывшаго главнымъ посредникомъ между Дашковымъ и Моро. Но, повторимъ, для сколько-нибудь опредѣленной обрисовки характера Моро этихъ свидѣтельствъ недостаточно.

Намъ представляется, во-первыхъ, страннымъ, что, говоря о смерти Моро, въ сраженіи подъ Дрезденомъ, г. Карновичъ выражается довольно темно и ссылается на слухи, прибавляя обыкновенное въ такихъ случаяхъ „разсказывали“, тогда какъ важныя и обстоятельныя свѣденія объ этомъ предметѣ мы имѣемъ въ извѣстныхъ мемуарахъ Наполеона, веденныхъ имъ на О-вѣ Св. Елены («Mémoires de Sainte-Hélène»). Въ 1-мъ томѣ дополненій къ этимъ мемуарамъ, самъ Наполеонъ говоритъ о генералѣ Моро и его смерти подъ Дрезденомъ слѣдующее:

„Въ то время, когда было сраженіе подъ Дрезденомъ я приказалъ (говорить Наполеонъ), чтобы силы союзниковъ были атакованы быстро и внезапно обоими крылами моей арміи. Во время исполненія этого маневра, центръ моей арміи оставался неподвижнымъ. Въ тоже время я замѣтилъ въ неприятельскомъ войскѣ, въ недалекомъ разстояніи, столпившуюся кучу кавалерійцевъ. Я заключилъ изъ этого, что наблюдаютъ мои движенія. Я позвалъ капитана артиллеріи, начальствовавшаго паркомъ въ 18 или 20 орудій. *„Ну-ка, пощипте съ эту толпу дюжину ядеръ за одинъ разъ, сказали*

я ему; тутъ, можетъ быть, есть генералъ". (Jetez une douzaine de boulets à la fois dans ce groupe-la; peut-être y a-t-il quelque petits généraux). Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно ядро попало въ генерала Моро, оторвало у него обѣ ноги и пронизало его лошадь. Я думаю, что многие изъ окружавшихъ Моро были убиты или ранены. Александръ (императоръ) разговаривалъ съ Моро за нѣсколько минутъ передъ этимъ.

„Одну изъ оторванныхъ ногъ Моро, говоритъ далѣе Наполеонъ, —обутую въ сапогъ и оставленную хирургомъ на мѣстѣ ампутаціи, — одинъ крестьянинъ доставилъ въ палатку саксонскаго короля, прибавивъ при этомъ въ объясненіе, что „пораженъ пулею какою-то знатный офицеръ“. Король саксонскій прислалъ ногу ко мнѣ, въ надеждѣ открыть званіе офицера, по признакамъ сапога. Генералы моей квартиры подвергли сапогъ экспертизѣ; однако не могли предтъ къ положительному заключенію, потому что кожа сапога не была ни французской, ни англійской выдѣлки. На другой день мы узнали, что нога принадлежитъ генералу Моро“... и т. д.

Вотъ что говоритъ самъ Наполеонъ, являющійся въ своихъ мемуарахъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, точнымъ и строгимъ въ передачѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Изъ словъ отставнаго императора можно только заключить, что пущенъ былъ залпъ въ столпившуюся кучу кавалеріи и что о присутствіи въ этой кучѣ генерала Моро можетъ быть Наполеонъ даже и не зналъ. О смертельной ранѣ Моро Наполеонъ говоритъ только на основаніи принесенной ноги, экспертизы сапога и, уже послѣ полученнаго, извѣстія о смерти Моро. Всѣхъ французовъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ или въ войскахъ союзниковъ, Наполеонъ презрительно третировалъ, какъ „измѣнниковъ отечеству“, и, конечно, не могъ третировать иначе. Залпомъ ядеръ, со стороны французской артиллеріи, былъ пораженъ не одинъ Моро, но и еще даровитый французскій генералъ Сен-При, сражавшійся, „противъ своихъ соотечественниковъ“, въ рядахъ русскихъ. Наполеонъ видитъ какое-то опредѣленіе судьбы въ томъ обстоятельствѣ, что генералъ Сен-При убитъ ядромъ, вылетѣвшимъ изъ той

же пушки, которая прострѣлила въ Моро, и даже по распоряженію того же арсенальскаго начальника. (Mém. de Sainte-Hél. Complém. I, 292). Такое фаталистическое воззрѣніе проглядываетъ, впрочемъ; во всѣхъ воспоминаніяхъ Наполеона о виденныхъ имъ воинахъ. Затѣмъ; надо сказать и то, что жестокой обичай дѣлать пушечные залпы въ случившіяся масонскія казасмерія, повидимому; былъ въ моду въ началѣ текущаго вѣка. Наполеонъ говоритъ объ успѣшныхъ результатахъ такихъ залповъ съ жестокимъ, отрицающимъ удовольствіемъ. Развѣ сдѣлать оны; съ генераломъ Удино, чуть не одѣлалъ жертвою подобнаго сюрприза (Mém. de Sainte-Hél. Complém. I). Слѣдовательно, выстрѣлъ въ группу кавалеристовъ, дѣй находився Моро, не составлялъ какой-либо исключительной жестокости (по крайней мѣрѣ въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ), какъ повидимому старается увѣрить г. Карновичъ.

Приводимъ еще нѣсколько весьма важныхъ и интересныхъ замѣчаній: Наполеона о Моро, высказанныхъ имъ тоже на оновѣ Св. Елены.

„Моро, взявшій самъ по себѣ, безотносительно чуждыхъ на него вліяній, былъ слишкомъ добрый чедовѣкъ; но именно поэтому-то его и можно было весьма легко соблазнять и провести, кому этого хотѣлось: вотъ чѣмъ объясняются всѣ несообразности въ поступкахъ Моро. Онъ угодилъ наъ моего двора весь въ восторгѣ, а потомъ возвращался полнымъ жалчи и горечи: это значило, что онъ видѣлся съ своею женою и ребенкомъ“. Вообще Наполеонъ въ своихъ обвиненіяхъ сильно, и почти исключительно, нацараветъ на жену Моро, самаго же генерала представляетъ безхарактернымъ, мячкнемъ въ рукахъ жены, мужемъ, котораго она никогда не выпускала изъ-подъ башмака. („Mémorial de Sainte-Hél.“ T. IV. 30—31). „Моро, говоритъ Наполеонъ въ другомъ мѣстѣ, характеризуя его и какъ генерала, былъ крабръ, беспеченъ и, что называется, *bon-vivant*. Въ своей генеральной квартирѣ онъ ничего больше не дѣлалъ, какъ сидѣлъ, беспечно растянувшись на софѣ, или прохаживался съ трубкою въ зубахъ. Читалъ онъ мало. Какъ генералъ, онъ былъ одаренъ скорѣе счастливымъ инстинктомъ, чѣмъ гениемъ, что его знаменитая побѣда при

Гогенлинденъ была скорѣе сильнѣе тур-де-форомъ, нѣтъ строго-стратегически рассчитаннымъ дѣйствіемъ. Характеръ Моро былъ отъ природы добрый, но онъ поддавался влиянію своей жены и тещи, немогшихъ жить и дышать безъ интригъ. Именно я побудила Моро заниматься, продолжаетъ далѣе Наполеонъ — а сдѣлалъ это я по просьбѣ Жозефины; каждое утро всегда говорила я ему Моро, потому что та была крѣпкая, какъ и Жозефина. („Mém. de Saint-Hél. I. Chap. III, 116—117). Вообще въ мемуарахъ Наполеона встрѣчается много бодрыхъ намековъ, что оны короны попали пороку женщины; крѣпко съ нѣхъ страсти къ интригамъ, съ нѣхъ вселенческой ревностью и общенародностью; и все это благодаря крѣпкой Жозефинѣ! Вотъ почему Наполеонъ въ мемуарахъ снимаетъ почти всякую отвѣтственность съ Моро и представляетъ его дѣйствующимъ крайне-пассивно, виноватымъ безъ вѣнъ. Доказательство крайней пассивности Моро и виновности отъ жены Наполеонъ видитъ даже въ періодъ превращенія генерала изъ Амеради, что видно изъ переизвѣстныхъ французскихъ бумагъ Моро еще до бѣгства подъ Дейлингомъ. „Ну, тебѣ хотѣть усадить въ настоящее гнѣздо оселъ“ пишетъ Моро своей женѣ въ одномъ изъ писемъ („Eh bien! on m'a fait donner un véritable guérier“). Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ, обвиняя Моро съ генераломъ Гошемъ, Наполеонъ называетъ Моро человекомъ „крайне слабымъ“, „совершеннѣе рабомъ своей жены“, „генераломъ старой монархіи“ („C'était un général de vieille monarchie (Mém. de Saint-Hél. III, 318). Но далѣе Наполеонъ выставляетъ на видъ весьма привлекательную черту Моро. По свидѣтельству Наполеона, генералъ до такой степени не умѣлъ лгать и фальшивить, что при первомъ допросѣ по поводу участія въ заговорѣ Пишегрю, крайне смѣшаясь и весь покраснѣлъ, такъ что уже видѣно изъ присутствовавшихъ при допросѣ не могъ сомнѣваться въ его соучастіи въ дѣлѣ Пишегрю. (Le vainqueur d'Hœnlindeu n'était pas habitué au mensonge; une rougeur soudaine parcourut tous les traits de sa figure).

Всѣми этими чертами, заимствованными изъ мемуаровъ Наполеона, мы надѣялись дополнить и, такъ сказать, доприсо-

вать портретъ Моро, начерченный г. Карновичемъ, хотя и смѣлою и вѣрною рукою, но въ довольно неопредѣленныхъ и общихъ чертахъ. Надо согласиться съ взглядомъ Наполеона, что въ этическомъ смыслѣ всѣ поступки Моро не представляютъ чего-либо привлекательнаго. Самъ г. Карновичъ представляетъ, что „у французскихъ историковъ Моро былъ предметомъ рѣзкихъ порицаній, какъ измѣнникъ отечества“, что „поступокъ Моро поступленія въ русскую службу въ сущности былъ далеко не патриотическій“ и можетъ быть объясненъ преимущественно личнымъ раздраженіемъ противъ Наполеона.

Приложенный къ статьѣ г. Карновича литографированный портретъ Моро сдѣланъ тщательно, хотя за сходство его и трудно ручаться (притомъ свѣтотыя пятна на лицѣ исполнены не совсѣмъ артистически), въ чемъ вина уже не г. Бореля, а механической приправки литографскихъ печатниковъ! Но рисунокъ памятника Моро, рѣзанный Веберманомъ, исполненъ безукоризненно-прекрасно. Портретъ сдѣланъ съ третьихъ рукъ. Рисовалъ съ натуры Геремъ, потомъ уже съ Герена сдѣлалъ гравюру Герганъ, а съ этой гравюры рисовалъ на камнѣ Борель!...

Статья г. Пряткова „И. П. Пнинъ и его литературная дѣятельность“ (въ той же IX книгѣ „Древней и Новой Россіи“) обрисовываетъ передъ нами крайне мало-извѣстную личность весьма почтеннаго дѣятеля въ области нашей литературы въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго вѣка. И. П. Пнинъ въ 1798 г., вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бестужевымъ, (отцемъ извѣстнаго декабриста) издавалъ (представляющее теперь библиографическую рѣдкость) періодическое изданіе, называвшееся „С.-Петербургскій журналъ“. Но этого журнала вышло только 4 части. Въ 1804 г. явилась въ свѣтъ книга Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“. Соотвѣтственно своему времени это сочиненіе отличалось и свободою и смѣлою мысли, и блескомъ изложенія; а потому и понятно, что этотъ „опытъ“ возбудилъ много шума и толковъ. Г. Прятковъ справедливо замѣчаетъ, что Пнинъ вполне воспользовался тою свободой мысли, которая явилась въ первые годы царствованія Александра I. Тогда написаны были лучшія стихотворенія Пнина. Въ 1802 г. Пнинъ дѣлается сперва

членомъ, а потомъ, съ 1805 г., президентомъ „Вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ“. Въ 1804 г. онъ задумывалъ издавать журналъ „Народный Вѣстникъ“, для котораго уже была готова программа, собирався напечатать свои стихотворенія подъ заглавіемъ „Моя Лира“. Но всѣ эти замыслы не могли осуществиться, вслѣдствіе тяжелой болѣзни. Въ 1805 г. Пнинъ умеръ, очень еще молодымъ.

Приведенные г. Притковимъ многочисленные образчики стиховъ Пнина доказываютъ, что поэтический талантъ Пнина былъ далеко не дюжинный, и что еслибы не преждевременная смерть, то этотъ талантъ занялъ бы почетное мѣсто въ исторіи нашего литературнаго развитія. Въ личной энергіи, тактѣ и предпримчивости у Пнина не было недостатка. Въ своихъ статьяхъ онъ рѣшился обратить вниманіе на множество общественныхъ вопросовъ, обсудить ихъ. Весьма энергически, на примѣръ, поднять былъ имъ вопросъ о преподаваніи „мертвыхъ“ языковъ, латинскаго и греческаго; о вопиющей бѣдности русскаго сельскаго духовенства, и о средствахъ помочь этому горю. Но еще энергичнѣе былъ затронутъ вопросъ о „незаконнорожденныхъ дѣтихъ“ и ихъ безправіи передъ закономъ, въ благородномъ по мысли, хотя и не напечатанномъ, уже вслѣдствіе цензурныхъ условій, сочиненіи „Вопль невинности, отвергаемой закономъ“. Горячее участіе къ незаконнорожденнымъ психологически объясняется въ Пнинѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ онъ былъ *побочнымъ* сыномъ князя Петра Ивановича Репнина и вслѣдствіе этого не могъ получить обезпеченія отъ нелюбившаго его отца, и это было причиною ранней смерти писателя, подававшаго много блестящихъ надеждъ. Любопытно, что обстоятельныя свѣденія о Пнинѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на трагическую личность извѣстнаго Радищева. Для исторіи не только нашей еще начинавшейся литературы, но и для исторіи нашего общественнаго развитія характеристично то, что въ „Петербургскомъ журналѣ“ Пнина помѣщались извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій лицами близкими къ наслѣднику Русскаго Престола, княземъ Чаргоржскимъ, Новосильцевымъ и Строгоно-

вымъ, которые были преподавателями наследника и помѣщали въ журналѣ Пнина отрывки изъ своихъ чтеній.

IX-же книжка «Древней и Новой Россіи» содержитъ первую половину занимательной статьи г. Славутинскаго, «Брестъ-янскія волненія въ Рязанской губерніи съ 1847 по 1858 г.». Эта статья служитъ дополненіемъ разсказа того-же автора „О Дедновскомъ бунтѣ“,—разсказа, помѣщеннаго въ интересной статьѣ „Генералъ Измайловъ и его дворня“. Авторъ вдаетъ въ подробное описаніе физическихъ качествъ почвы равнинъ уѣздовъ Рязанской губерніи и въ характеристику этнографическаго элемента, усиливаясь этимъ выяснить, отчего происходили въ самое недавнее время такъ называемые бунты въ смирномъ и забитомъ населеніи нѣкоторыхъ нашихъ губерній. Большое, даже можетъ быть слишкомъ большое, значеніе придаетъ г. Славутинскій нашей общинѣ, предохранившей крѣпостниковъ отъ абсолютнаго приниженія и порабощенія. Замѣчаніе автора, что сама сила вещей, около половины текущаго вѣка, сдѣлала помѣщиковъ гуманными и человѣчными относительно своихъ крестьянъ,—можно признать вѣрнымъ, хотя и безусловно.

Остается еще статья въ IX книжкѣ „Древней и Новой Россіи“, выдающіяся достоинства которой побуждаютъ насъ сказать объ ней нѣсколько словъ, хотя покаместъ напечатана только часть этой статьи. Это „Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ) г. Есипова. Голая неподкрашенная передача фактовъ, говорящихъ краснорѣчиво объ ужасной дѣйствительности, отъ которой мы отдѣлены только двумя столѣтіями, производитъ сильное впечатленіе на читателя. Г. Есиповъ сообщаетъ на первый разъ два интересныя дѣла: I) О чародѣѣ Симонѣ Даниловѣ и бояринѣ Семенѣ Лукьяновичѣ Стрѣшневѣ и II) О колдовствѣ на царя Θεодора Алексѣевича и на царя Петра Алексѣевича. Г. Есиповъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что у насъ до Петра Великаго, убѣжденіе въ силу колдовства было принадлежностью всего русскаго народа, начиная отъ царя до послѣдняго холопа. И въ самомъ дѣлѣ, изъ приведеннаго документа (рѣшенія царя Алексѣя Михайловича, объявленнаго боярину

Семену Стрѣшневу) видно, что Алексѣй Михайловичъ твердо и искренно вѣрилъ въ чародѣйство. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ своихъ г. Есиповъ обѣщаетъ сообщенія документовъ о колдовствѣ у насъ на Руси въ XVIII вѣкѣ.

Последній отдѣлъ каждой книжки „Древней и Новой Россіи, существующій подъ рубрикою „Замѣтки и Новости“, всегда представляетъ собою агрегатъ различныхъ по содержанию и значенію, но часто весьма характеристичныхъ и интересныхъ фактовъ. Въ IX книжкѣ, въ этомъ отдѣлѣ, мы находимъ слѣдующія, достойныя замѣчанія, извѣстія. *Столѣтній юбилей г. Херсона и разъясненіе спорнаго вопроса о могилѣ князя Потемкина-Таврическаго.* Столѣтіе со дня основанія г. Херсона отпраздновано 7-го минувшаго сентября. Что касается могилы Потемкина, то для царствованія Павла I характеристично то обстоятельство, что новый императоръ былъ проникнутъ ожесточенной ненавистью даже къ жертвому Потемкину. Было отиѣнено Екатериносинское распоряженіе о сооруженіи Потемкину памятника въ Херсонѣ, было приказано перенести гробъ князя изъ ирѣпостнаго собора на обыкновенное владѣнціе, но крайней мѣрѣ существовало преданіе о такомъ распоряженіи, и до послѣдняго времени вопросъ о мѣстонахожденіи гроба оставался проблематичнымъ, пока не былъ констатированъ фактъ, что гробъ таврическаго князя помѣщенъ подъ поломъ церковнымъ, въ погребѣ, и самое мѣсто его нахожденія изглажено. Попытки проникнуть въ эту могилу были въ 1859, 1863 и 1874 годахъ и еще прежде въ 1818 году. Изъ другихъ извѣстій этого отдѣла обращаетъ на себя вниманіе замѣтка о громадной и неутомимой дѣятельности покойнаго О. М. Бодянского, бывшаго секретаря по изданію „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Покойный Бодяной издавалъ, въ теченіе 19-ти лѣтъ, съ 1858—1872 г. цѣлыхъ 78 том. „Чтеній“, а если къ этому присоединить еще прежнія чтенія, тоже издававшіяся и редактировавшіяся Бодянскимъ, то составитоя въ общемъ тогѣ 101 томъ чтеній. Такихъ неутомимыхъ геркулесами исторической дѣятельности мы имѣемъ полное право гордиться. Преемникомъ въ должности секретаря упомянутаго общества

теперь состоитъ А. Н. *Поповъ*. Новымъ секретаремъ уже до-
конченъ 1877 годъ „Чтеній“ и выпущены книги *третья* и
четвертая. Та и другая состоятъ изъ трудовъ и изъ собра-
ній покойнаго Бодянского. Бодянскому въ III книгѣ принадле-
жатъ замѣчательная рѣчь на Московскомъ съѣздѣ Славянъ въ
1868 г. и воспоминаніе о покойномъ историкѣ М. П. Погодинѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ не безъинтересныя (въ ис-
торическомъ отношеніи) для русскихъ читателей статьи пред-
ставляли за послѣдніе мѣсяцы журналы: нѣмецкій „Nord und
Süd“ и англійскіе „The Nine tenth Century“ (XIX вѣкъ) и
„The Fortnightly Review“. Майская книжка журнала „Nord
und Süd“ была украшена статью маститаго нѣмецкаго уче-
наго *Леопольда Ранке* „Zur Geschichte der italienischen Kunst“. На-
до, однако, сказать, что статья почтеннаго ученаго не от-
личается оригинальностью; въ ней нѣтъ того, о чемъ бы уже
не было говорено на разные лады критиками и эстетиками
разныхъ направленій. Трагуетъ взятый предметъ г. Ранке
слишкомъ сжато, коротко, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, а можетъ быть
именно потому—неясно. Развитие искусства Ранке рассматри-
ваетъ съ индивидуальной точки зрѣнія. По мнѣнію почтен-
наго ученаго, какъ у каждой отдѣльной личности, такъ и въ
исторіи, творческое созданіе искусства есть только одинъ
счастливыи мигъ, который можетъ и не повториться. Это
воззрѣніе не ново и не оригинально. Гораздо больше выдается
надѣлавшая, при своемъ появленіи, порядочно шуму статья
юльскаго книжки „Nord und Süd“. „О національномъ чув-
ствѣ“. (Über das Nationalgefühl), принадлежащая берлин-
скому профессору физиологій Дю-буа-Реймону. Нѣмецкій про-
фессоръ въ своей статьѣ представляется самобытнымъ и ориги-
нальнымъ, хотя многимъ основныя положенія его статьи мо-
гутъ показаться односторонними, не глубокими и, съ извѣст-
ной точки зрѣнія, быть можетъ, парадоксальными. Дю-Буа-
Реймонъ, вообще, очень не благоволилъ національному чув-
ству въ новой европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи
онъ замѣчательно строгъ даже къ своимъ землякамъ - нѣм-
цамъ. О статьѣ Дю-Буа-Реймона мы, при удобномъ случаѣ,
поговоримъ подробнѣе.

въ 1879 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которое допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подпис. цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-правственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путе-

шествія, жизнеописаніе и проч., а также игры, работы, руководѣлья, мастерства и проч. матеріаль для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; библиографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣль математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній научно-педагогическихъ основанійхъ, и т. п.). «*Педагогическая хроника*» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-П.-Б. Васильевск. остр., 15-я лин., д. № 8; кв. № 20 или адресуется просто: **Въ С.-Петербургѣ. въ редакцію журнала „Семья и Школа“** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества и фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель К. Браевичъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Иллюстрированный журналъ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣе двухъ съ половиной листовъ въ каждомъ номерѣ по слѣдующей программѣ:

- 1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и биографіи.
- 2) Драмы и драматическія сцены.
- 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.
- 4) Иллюстрированныя путешествія.
- 5) Этнографическіе очерки.
- 6) Статьи научнаго содержанія.
- 7) Статьи техническія и хозяйственныя.
- 8) Новости изъ области наукъ и искусствъ.
- 9) Телеграммы.
- 10) Объясненіе гравюръ.
- 11) Шахматный листокъ.
- 12) Картинки модъ съ объяснительнымъ текстомъ.

При подпискѣ г.г. подписчики получаютъ премію: **олеографію**, уже полученную въ редакціи. Втеченіи года г.г. подписчики получаютъ **вторую олеографію и литературную иллюстрированную премію**. Кроме того редакция выдастъ еще одну премію, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали длиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина, ширина въ 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хорошо исполнена, что можетъ служить украшеніемъ въ любой гостиной.

Въ журналѣ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: С. А. Андреевскій, Н. А. Богдановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захарьинъ, (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омупевскій, А. В. Разсказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ, (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрѣева и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ отъ 7 до 12 гравюръ въ каждомъ номерѣ.

Въ первыхъ номерахъ журнала на 1879 годъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: А. Михайлова, «Мужъ и жена» романъ, разсказъ К. М. Станюковича, Омупевскаго «Рыцарь на стражѣ» поэма, «Лѣсной хозяйство» Н. В. Шелгунова, «Козли отпущенія» очерки Н. И. Северина. Копіи съ картинъ Брюллова, Гуна, Мещерскаго, Шварца.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки . .	6 р.	3 р. 50 к.
» съ доставкой и пересылкою . .	7 р.	4 р.

При выпискѣ десяти экземпляровъ одиннадцатый выдается бесплатно, при выпискѣ двадцати—два бесплатно и т. д. по разсчету. Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата помѣсячно.

Подписка на 1879 годъ открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ Новый пресн., близъ церкви Знаменія, № 20.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библиографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

МКК - 244352

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢХЪ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова**, Певскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ издатель **П. В. Полежаевъ.**

Лит. А - 60 - 147

РЗФ

15

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1878.

№ 12.—Декабрь.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО. КАТЕРИНСКІЙ КАНАЛЪ 168.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

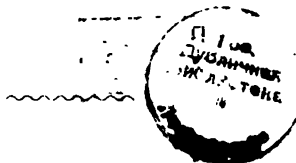
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Катеринскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Престоги и монастыри гл. I—IV III—б—слага. . . . . 1—32
2. Рыцарь или дама Гр. Самарова. (Окончаніе) . . . 113—194
3. Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края В. Новикова. 1—68
4. Библиографическій указатель. . . . . 1—18
5. Объявленія.

Нерѣдко въ редакціи получаютъ отъ Г.г. иногородныхъ подписчиковъ или порученія о высылкѣ имъ книгъ историч. содержанія, или различнаго рода вопросы, или требованія о доставленіи свѣдѣній.

Желая выполнять порученія **своихъ иногородныхъ подписчиковъ**, Редакція считаетъ необходимымъ объяснить, что она съ удовольствіемъ готова удовлетворять всѣ ихъ требованія, касающіяся спеціально къ области историческаго вѣдѣнія, по

1) при требованіяхъ должны быть прилагаемы марки для отплатъ и

2) деньги, слѣдующія какъ за требуемое изданіе, такъ и за пересылку его.

ПРЕСТОЛЪ И МОНАСТЫРЬ.

(Лѣтопись 1682 и 1689 г.).

1682 годъ.

ГЛАВА I.

Позднимъ вечеромъ послѣднихъ чиселъ августа 1681 года, въ одномъ изъ теремныхъ покоевъ Московскихъ царевенъ велся весьма оживленный разговоръ двухъ лицъ — молодой женщины лѣтъ двадцати пяти, какъ видно изъ царскаго семейства, и уже пожилаго Московскаго боярина. Молодая женщина — царевна Софья Алексѣевна, бояринъ — Иванъ Михайловичъ Милославскій.

Наружность Софьи Алексѣевны не могла назваться красивой. Станъ, при начинающейся полночѣ, нестѣсняемый костюмомъ того времени, невыказывалъ той женственности и граціи, которая такъ присущи ея возрасту. Лицо бѣло, но широко и съ чертами, невыдающимися ни тонкостью линій, ни ихъ правильностью. Только одни глаза выдѣлялись и то не пріятностью очертаній, а глубокимъ, умнымъ выраженіемъ, обильнымъ внутренней силой, умѣвшей выражать то привѣтливую, душевную ласку, то холодную власть. За исключеніемъ же этой характеристической черты, царевну можно было бы при-

нять за натуру обыкновенную, дюжинную съ сильнымъ золотушнымъ оттѣнкомъ.

Въ наружности Ивана Михайловича Милославскаго, при внимательномъ наблюденіи, сказывалась — натура эгоистическая, вѣдатель насыщенная только собственными своими интересами, глубоко изощренная въ проведеніи разнообразныхъ интригъ и придворныхъ возней, — какъ и всѣхъ почти заурядъ бояръ добраго до Петровскаго времени. Одна только черта рѣзко бросалась въ глаза въ наружности боярина и царскаго свойственника, это — сильное развитіе нижней части лица, указывавшее на преобладаніе чувственности.

— Каково здоровье государя нашего батюшки Феодора Алексѣевича? спрашивалъ бояринъ царевну.

— Плохо, Иванъ Михайловичъ, очень плохо. Ты знаешь, онъ здоровьемъ-то съ измалолѣтства былъ слабъ, а теперь еще хуже. Все еще онъ не можетъ оправиться послѣ кончины государыни Агафьи Семеновны, которой вотъ завтра будетъ только сороковой день, да къ тому-жъ, какъ ты знаешь, на другой день Ильина умеръ и сыночекъ Ильюша.

— Знаю, государыня, и болѣзную. Тяжкое это несчастіе для всѣхъ насъ.

Бояринъ задумался, потупился, изрѣдка закидывая пытливые взгляды на царевну.

— Прошлаго не воротить, царевна, мертвыхъ не воскресить. Надо подумать о будущемъ.

— Я и то думаю, бояринъ. Теперь брата лечимъ усердно, сама безъ устали хожу за нимъ, никому не до вѣряю, сама и лекарство подаю. Нѣмчинъ лекаръ изъ кожи лѣзетъ — старается, да все толку мало.

— Ну, будетъ ли толь или не будетъ, царевна, на все воля Божья. Нѣмецъ, оно конечно, лекаръ, знаетъ свое ремесло, а все же не Богъ; да вѣдь и за нимъ надо примѣчать. Помнишь, государыня, Артамона?

— Не бери лишняго на душу, Иванъ Михайловичъ, Артамонъ не былъ виноватъ. Онъ былъ лишній намъ

человѣкъ, больно ужъ стоялъ горой за мачиху и надобно его удалить, а въ умыслѣ извести царя, онъ не былъ виноватъ.

— Какъ же виноватъ? А отчего жъ не хотѣлъ самъ отвѣдывать всякаго лекарства прежде, чѣмъ подавать государю?

— Да вѣдь у всякаго лекарства, бояринъ, свое свойство. Иное приноситъ больному пользу, а здоровому вредъ.

— Оно можетъ и правда твоя, государыня, да все не мѣшаетъ быть по опасливѣй. У Нарышкиныхъ глаза зоркіе и руки длинныя.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія. Бояринъ видимо колебался, хотѣлъ спросить объ чемъ-то и нерѣшался.

— А что царевна, и голосъ боярина почти спустился до шопота, если да царь, нашъ батюшка помретъ, вѣдь всѣ мы ходимъ подъ Богомъ, — какъ ты объ этомъ изволишь?

— И полно, бояринъ, братецъ слабъ здоровьемъ, но Богъ дастъ, оправится, да и теперь ему полегчало. Я надѣюсь, онъ скоро совсѣмъ оздоровѣетъ, и тогда уговорю его жениться, да кажется у него ужъ и нонѣ есть на примѣтѣ невѣста.

— А можно спросить, государыня, изъ какого рода суженая?

— Сиротка, Иванъ Михайловичъ, Марфа, дочь покойнаго Матвѣя Васильевича Апраксина, убитаго калмыками, кажется, лѣтъ тринадцать назадъ. Братъевъ ея Петра, Федора и Андрея ты знаешь. Они комнатными стольниками у брата государя.

— Апраксина... Апраксина, повторялъ раздумчиво Иванъ Михайловичъ, ладно ли это будетъ, царевна? Вѣдь кажись Марфа - то Матвѣевна крестница Артамона, да и всѣ Апраксины не изъ нашей статьи... они нарываютъ Нарышкинцамъ и Артамонцамъ. Не по наущенію ли братцевъ суженой царь указалъ воротить Артамона изъ

Мезени въ Луховъ и обратитъ ему всё его вотчина, Московской домъ и пожаловалъ дворцовое село Ландекъ въ 700 дворовъ? Отъ Лухова и до Москвы не далеко.

— Не такъ близко, бояринъ, не ближе Мезени. Да пока живъ братецъ и я падль него, Артамону не бывать здѣсь на очахъ у царя.

Въ голосѣ царевны слышался тонъ твердой рѣшимости обдуманной и холодной.

— Думаю я, царевна, не о себѣ. Правда, Артамонъ мой ворогъ кровный, онъ меня сослалъ и отъ царскаго двора, да у насъ свои счеты и мы сведемъ ихъ современемъ. А теперь заботить меня твое царское положеніе и всѣхъ сторонниковъ нашихъ. Была наша семья въ чести и въ славѣ и въ царскомъ жалованьи при покойномъ твоёмъ родителѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а потомъ что вышло? Кто изъ насъ былъ сосланъ, а кто хоть и уцѣлѣлъ, такъ все таки долженъ былъ уступить мѣсто новымъ пришлецамъ, подручникамъ какой-то бабы бездомной, голи пережатной. Пошли новые порядки, старыхъ слугъ оттиснули, явились выскочки изъ борю да изъ подъ сосенки и забрали все въ руки, а мы царскіе ближніе должны были спивны гнуть передъ какими нибудь Нарышкиными. Вѣдь больно, царевна... Посмотри и на свое положеніе. Теперь ты въ чести, братецъ царь Федоръ Алексѣевичъ слушается тебя, ты всѣмъ заправляешь, какъ и прилично по высокому разуму твоему, а отдай братецъ Богу душу свою, что изъ тебя сдѣлаютъ вороги нашего дома... ототрутъ, какъ послѣднюю челядь, а не то такъ и совсѣмъ запрутъ въ монастырь. Не изъ какой нибудь лихой корысти говорю я тебѣ такъ, царевна, а изъ нелицемѣрной преданности твоимъ и нашимъ интересамъ.

Странно подѣйствовала рѣчь боярина на молодую женщину. Не бросилась ей краска въ лицо, не живѣе потекла по жиламъ горячая кровь, не заволохалась грудь, не дрогнула она ни однимъ нервомъ, а только какъ будто брови немножко посодвинулись, складочки верти-

кальняа обозначились на лбу, да лицо стало поблѣднѣе и холоднѣе.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, какъ обыкновенно случается послѣ живо затронутыхъ жизненныхъ, основныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ срывается въ далекомъ неизвѣстномъ будущемъ.

— Ну, сколько страховъ наговорилъ ты, Иванъ Михайловичъ, хорошо, что я не робкая. Грозень сонъ, да милостивъ Богъ! Вотъ и братецъ можетъ встанеть, жевится, будутъ дѣти, сынъ... наслѣдникъ.

— Хорошо кабы такъ, царевна, ну а если...

— Ну тогда... тогда... да кто знаетъ, что будетъ? Одно только могу сказать, что не уступлю матихъ, не дамъ ей властвовать и мудровать, какъ бывало при покойномъ батюшѣ. И у меня есть люди преданные и сильные.

— Не много ихъ, царевна, да и тѣ вѣрны только до времени, до чернаго часу. Всѣ они будутъ на сторонѣ предержавшей власти, а власть заламаютъ въ свои руки Нарышкинцы.

— Никогда, бояринъ. Сынъ у матихи ребенокъ, а мой братъ Иванъ старшій царевичъ. Если онъ болѣзненъ, слѣповать, и свудоумень, такъ вѣдь болѣзненъ и Федоръ, а царствуетъ же съ моими совѣтами. Точно также будетъ править и Иванъ подъ моимъ руководствомъ. Не читалъ ты, бояринъ, объ императрицѣ Пульхеріи?

Бояринъ молчалъ, но, казалось, остался доволенъ отвѣтомъ; даже насмѣшливая улыбка пробѣжала тайкомъ подъ рукой, гладившей усы и бороду.

— Да полно говорить объ этомъ, Иванъ Михайловичъ, продолжала царевна, скажи-ка лучше, что слышно въ городѣ?

— Все по прежнему. Посадскіе въ тревогѣ: стрѣльцы волнуются. Слышалъ я, государыня, будто мутится грибоѣдовскій полкъ и будто его поддерживаютъ и другіе полки, собираются кругами...

— Спасибо, бояринъ, что напомнилъ. Я посоветуюсь съ Васильемъ Васильевичемъ.

— Что тебѣ, государыня, дался все Василій Васильичъ, да Василій Васильичъ. Не больно ты ему доверяйся: скрытная онъ душа... Нѣтъ въ немъ нашей старинной боярской чести. Ужъ что онъ за родовитый человекъ, когда у него пошевельлся языкъ совѣтовать батюшкѣ государю уничтожить нашу службу боярскую, пожечь разрядныя книги.

— О князѣ прошу тебя, бояринъ, впередъ никогда со мной не говорить. Не понимаешь ты его, да и мало кто его понимаетъ.

— Какъ не понять! Человекъ, который отрѣкается отъ своего отца и матери, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ...

— Нѣтъ, бояринъ, неправда, съ непривычной живостью перебила его Софья Алексѣевна, не отрѣкается онъ ни отъ отца, ни отъ матери, ни отъ предковъ своихъ, а смотритъ онъ пошире, чѣмъ мы съ тобой, видитъ подальше и понимаетъ, что есть многое подороже своей корысти и чести предковъ.

— Однако прощай, царевна; прости, если я сказалъ тебѣ что не въ угоду. Повѣрь—по преданности.

— Охотно вѣрю, бояринъ. Вѣдь у насъ съ тобой общіе предки, стало быть и смотрѣнье одно, говорила Софья Алексѣевна, улыбаясь и провожая гостя.

По уходѣ боярина Милославскаго, царевна нѣсколько минутъ прислушивалась къ шуму удаляющихся шаговъ гостя, потомъ быстро пошла въ свою опочивальню и позвала къ себѣ ближнюю постельницу Федору Семеновну.

Федора Семеновна казачка, по прозванью Родмица, не заставила себя долго ждать. Это была женщина среднихъ лѣтъ, съ мелкими чертами лица, востренькимъ носикомъ и бойко бѣгавшими глазами,—вообще не красива и не дурна, не глупа и не особенно умна. Давно служившая своей госпожѣ, она свылалась, прилипла къ ней. Безграничная преданность, рѣдкое и случайное явле-

ніе нынѣ, не было рѣдкостью въ то время, когда интересы служащихъ были такъ узки и коротки, такъ поглощались интересами господскими. Ѳедора Семеновна напоминала собой тѣ вьющіяся около дерева растенія, которыя изъ волѣнецъ своихъ запускаютъ корешки въ кору своей крѣпкой опоры. Отъ госпожи своей она не отдѣляла своей личной радости, своего горя и въ ней она свила себѣ теплое гнѣздышко. Кромѣ беззавѣтной преданности, Ѳедора Семеновна отличалась еще особымъ весьма драгоцѣннымъ качествомъ: чутьемъ ищейки. Не разсуждая, не входя ни въ какія болѣе или менѣе тонкія соображенія, она какимъ-то нюхомъ ощущала все касающееся до своей госпожи, предана была друзьямъ ея, ненавидѣла враговъ и недоброжелателей. Мало того, что она ненавидѣла послѣднихъ, она чутьемъ слышала ихъ приближеніе, какъ собака чувствуетъ приближеніе волка.

— Ну что, Ѳедора Семеновна? съ тревожной торопливостью спрашивала царевна, — видѣла ты Василья Васильича? Что онъ? какъ? здоровъ?

— Видѣла, государыня матушка, князя, самого его лично видѣла, изволятъ тебѣ низко, земно кланяться. Слава Богу—здоровъ.

— Отдала ему письмо?

— Отдала самому ему въ руки. При мнѣ онъ и прочиталъ его, лицо таково просвѣтлѣло и глаза будто заиграли.

— А хорошъ онъ, Ѳедора Семеновна, краше его нѣтъ никого у насъ въ Москвѣ?

— Хорошъ-то, хорошъ, государыня, да по моему не рука онъ тебѣ, протянула постельница.

— Какъ не рука? Развѣ онъ не уменъ и не пригожъ?

— Пригожъ и уменъ, родная, да не подь-стать тебѣ. Ужъ если позволишь сказать правду, такъ не совсѣмъ у меня и сердце-то въ нему лежитъ. Первое слово—любить ли онъ тебя, какъ надо бы, а второе—судьба его ужъ покончена съ законной женой и дѣтьми.

— Такъ чтожъ что женатъ,—развѣ развести нельзя? Бывали перѣдкіе примѣры. Не захочетъ жена доброй волей постричься, такъ неволей запрутъ въ монастырь.

— Ну, государыня, это дѣло не легкое. Кого Богъ соединитъ, того человекъ не разлучаетъ. Да и то еще подумай: положимъ, онъ княжескаго рода, да все же не царскаго. И родня твоя вся не потерпитъ этаго: царь, братецъ твой и старшія твои сестрицы и тетуська Татьяна Михайловна. Какъ хочешь, а царскому роду зазорно.

— Зазорно, говоришь ты, Семеновна, да, зазорно, а по Божьему справедливо ли? съ нервнымъ раздраженіемъ заговорила царевна. Вотъ другія дѣвушки хоть въ Божій храмъ ходятъ Богу помолиться, все таки народъ живой видятъ, а мы сидимъ, вѣкъ свой сидимъ въ заперти, точно птицы въ клѣткѣ, свѣта не видимъ, волюшки своей не имѣемъ, въ церковь когда входимъ, такъ все скрытыми переходами, тишкомъ да закрывшись, а вѣдь и въ насъ такое же сердце, такъ же кровь бѣжитъ, какъ и въ другихъ. И такое заведеніе только у насъ однихъ, въ чужихъ земляхъ женщины и царскаго рода имѣютъ вездѣ свободный доступъ.

— Да вѣдь то, матушка, у басурмановъ, на то они и нехристи, а у насъ православныхъ всегда женщины, а пуще царскаго рода, какъ жемчугъ драгоценный хранились.

— Было такъ, да впередъ не будетъ, перебила ее царевна. Не у однихъ басурмановъ женщина вольная птица, вотъ и у еллиновъ въ Царьградѣ—даже царствомъ правили.

— Мнѣ не сговорить съ тобой, государыня, не моего ума дѣло. Ты обучена разнымъ наукамъ, а я человекъ темный и знаю только, что я твоя раба вѣрная: прикажешь что—все выполню по приказу безъ хитрости и лукавства, безъ жалобы и нескромнаго слова.

— Я и люблю тебя, Федора Семеновна, больше другихъ и не такъ передъ тобой ни въ чемъ.

Разговоръ затихъ.

— Поздо теперь, государыня, заговорила постельница, пора тебѣ и опочивать, — позволю я раздѣну.

— Нѣтъ, Федора Семеновна, поди, спи спокойно, а я сама раздѣнусь. Спасибо за службу.

Федора Семеновна направилась изъ опочивальни.

— А отчего, Семеновна, князь отвѣта на письмѣ не прислалъ? спросила царевна уходящую постельницу, — и когда мы свидимся?

— Нельзя было, государыня, ему отвѣта писать, какой-то непростой гость съ важными дѣлами его дождался въ приемной комнатѣ, должно быть изъ посольскихъ. А увидится онъ съ тобой завтра на докладѣ у государя.

— Ну прощай же, родная моя государыня, спокойной тебѣ ночи и золотые сны увидеть.

Постельница вышла.

ГЛАВА II.

Взволнованные нервы царевны Софьи Алексѣевны долго не могли успокоиться. Спать не хотѣлось. Быстро раздѣвшись и порывисто побросавъ въ беспорядкѣ верхнюю одежду, царевна подошла къ окошку терема и отворила его.

Освѣжающій воздухъ широкой волной хлынулъ въ душную комнату. Молодая женщина остановилась у отвореннаго окна, безсознательно любуясь на дивную панораму, раскрывшуюся передъ глазами. Съ жадностью глотая прохладу, она невольно поддавалась успокоивающему вліянію прелестной лѣтней ночи. И дѣйствительно, если что еще въ силахъ успокоивать возбужденные нервы, утишать лихорадочное волненіе крови, умнотворять бурныя страсти и тревоги человѣка, такъ это таинственная мирообильная красота отдыхающей природы. Видъ изъ окна представлялся очаровательный. Вдали въ замоскво-

рѣчи въ мягкихъ волнахъ матоваго луннаго свѣта, среди темныхъ гущъ листвы окружающихъ садовъ, видѣлись жилища слобожанъ; ближе серебристой лентой прорѣзывалась между неровными берегами рѣка, мѣстами загроможденная плотами и судами, у бортовъ которыхъ однообразно журчали набѣгавшія струи. Вираво поднимался къ небу Божій храмъ съ блестящимъ въ вышинѣ золотымъ крестомъ, какъ будто указывающимъ па единственное вѣрное упокоеніе тамъ въ недосягаемой, безконечной выси. А тамъ еще дальше, еще выше надъ крестомъ, надъ жилищами людскими, надъ вѣчно бѣгущей людской суетой безпредѣльно широко раскинулось небо, въ темной глубинѣ котораго мерцали и сверкали мириады звѣздъ. А кругомъ такой ароматный ласкающій воздухъ, такіа живительныя струи вѣтра! Тихо... беззвучно... изрѣдка только то тамъ, то сямъ послышится лай испуганной дворовой собаки. Улеглись на нѣсколько часовъ людскія волненія, затихли человѣческіе звуки, только кое-гдѣ проносятся окрики недѣльщиковъ, часовыхъ и караульныхъ, да не то пѣсня, не то брань какого нибудь запоздалаго гуляки.

И все мирнѣе и свѣтлѣе въ взволнованной душѣ царевны. Постепенно стали отодвигаться назадъ всѣ тревожные вопросы дня, блѣднѣли и умалались всѣ минутные интересы и вмѣсто ихъ возникали въ памяти до рогіе для каждаго образы прошлаго.

Припомнилось царевнѣ безцвѣтное, но вѣчно милое дѣтство на рукахъ у нянюшекъ и мамушекъ, подъ заботливымъ взоромъ нѣжной и любящей матери. Весело было это дѣтство въ кругу большаго семейства восьми сестеръ и четырехъ братьевъ, правда хилыхъ и слабыхъ, но дружныхъ между собою. Да и нельзя имъ было быть не дружными, для всѣхъ для нихъ одинакова была материнская ласка, одинаково нѣженъ поцѣлуй и для всѣхъ одинаково любящее самоотверженное сердце матери. Эта любовь отзывалась и въ ихъ ребяческихъ сердцахъ. Любили и они мать свою чисто и глубоко. Рѣзко и арбо

рисовался въ памяти царевны задумчивый обликъ матери, иѣжно-слоненной надъ ея дѣтской кроваткой, тихо шептавшей горячія молитвы и такъ любовно благословлявшей ее. Затѣмъ вспомнился царевнѣ черный и несчастный день. Въ дворцовыхъ теремахъ, всегда спокойныхъ и чинныхъ, вдругъ начались какая то необычная бѣготня и суета, потомъ все какъ-то страшно выжидательно стихло, потомъ прозвучалъ дикій раздирающій крикъ, крикъ матери ихъ и потомъ все смолкло. Новый ребенокъ явился къ нимъ въ товарищи, но этотъ ребенокъ уже былъ сирота. Больше она не видѣла лица матери, но любовь къ ней сохранилась, прошла за весь послѣдующій періодъ и теперь даже остро и болѣзненно отразилась въ захолонувшемъ сердцѣ.

Вспомнила потомъ царевна время, — хотя ей было тогда съ небольшимъ десять лѣтъ, — потанувшеея послѣ смерти матери, мѣсто которой заступила старшая верховая боярыня, царская нянька Анна Петровна Хитрова. Ласкова была и боярыня, да не лаской матери, учила и она Богу молиться и всякому добру, да какъ-то не такъ, какъ-то иначе. вмѣсто всеобильной любви явилась любовь односторонняя, любовь партій, вмѣсто асаго взгляда на жизнь явились разныя внушенія, наущенія и интриги.

Со смертью матери и любовь отца хоть не намѣнилась, но приняла другой оттѣнокъ. Подходилъ онъ по прежнему къ ея дѣтской кроваткѣ благословлять, да не такъ ужъ любовно и крото, какъ бывало прежде. Отъ государевыхъ ли дѣлъ и заботъ, но только день ото дня дальше становился отецъ отъ дѣтей, а сердце дѣвочки подмѣчало, болѣзненно ныло и тосковало.

Пришла пора усадить дѣвочку за грамоту. Она понимала бойко и быстро. Скоро и далеко опередила своихъ сестеръ и братьевъ подъ руководствомъ опытнаго наставника, приставленнаго къ брату Федору, знаменитаго Симеона Полоцкаго. Безъ особеннаго труда выучилась читать, писать, закону Божію и всякой эллинской пре-

мудрости. Но никого не радовали ея успѣхи, мало того, отцу даже отчасти непріятно было, когда дѣвочка опередила брата, старше ея тремя годами и объявленнаго наследника престола Алексѣя.

Черезъ два года послѣ смерти матери опять новая переменна: съ какою-то нескрываемою злостью боярыня Анна Петровна объявила дѣтямъ о рѣшеніи отца государя вступить въ новый бракъ съ' Натальей Кириловной Нарышкиной. «Вотъ и заведетъ новая государыня новые порядки и плохо вамъ будетъ, милыя дѣтки, отъ недоброй мачихи» жалобно говорила верховая боярыня и врѣзались эти слова въ голову развитой дѣвочки и посѣяли въ ней сѣмена непримиримой ненависти къ новой матери, ненависти еще неопредѣленной, но сильной еще болѣе по затоенности своей. Новыхъ порядковъ не наступало, но каждое незначительное измѣненіе и отклоненіе стало объясняться недоброжелательнымъ вліяніемъ новой царицы на государя въ ущербъ дѣтямъ отъ первой жены.

Да впрочемъ была и существенная переменна, но только не вслѣдствіе недоброжелательства мачихи, даже можетъ быть противъ ея желанія. Полюбивъ молодую и симпатичную Наталью Кириловну, Алексѣй Михайловичъ естественно предался ей всей душой и тѣмъ самымъ отдалился отъ болѣзненныхъ дѣтей умершей жены. Отдаленію еще болѣе способствовало рожденіе такого здороваго ребенка, какимъ былъ Петръ. И это живо понималось понятливой дѣвочкой и злобное чувство выросло все больше и больше.

Стала формироваться дѣвочка, вмѣстѣ съ ней формировалась въ болѣе опредѣленныя очертанія и ненависть къ новымъ приближеннымъ отца. Рѣже сталъ призывать къ себѣ отецъ государь больныхъ дѣтей, только по вечерамъ по приказу его являлись въ его хоромы на разныя комедійтекія представленія, на музыку и разказы бывалыхъ людей здоровья въ то время дѣти, а въ числѣ ихъ разумѣется и она Софія, болѣе другихъ бойкая и здоровая. Но не сближали эти представленія отца съ

дѣтми. Дѣвочка видѣла его постоянно окруженнымъ заклятыми врагами новой матери, а следовательно и ихъ самихъ, по объясненію матушекъ и нянюшекъ. Увидѣть же отца одного, рассказать ему свое горе, выплакать у него на груди свое наболѣвшее сердце не было возможности: всюду эти Нарышкины и этотъ исконный врагъ ихъ дома—Матвѣевъ, изъ дома котораго явилась матишка. Умиряющаго проводника не было, кругомъ все замкнуто, въ ихъ теремъ не могъ проникнуть никакой посторонній нескромный глазъ и оставалась дѣвочка вѣчно въ закодванномъ кругу тѣхъ же нянекъ и мамокъ, нашептывающихъ злобно на новыхъ появившихся людей.

Подъ такимъ влияніемъ сформировалась она уже взрослой дѣвушкой съ полнымъ, по тогдашнему времени, образованіемъ и съ хорошо развитыми способностями, дававшими ей перевѣсъ и влияніе надъ сестрами и братьями. Сознала это она сама и тѣсно ей стало въ четырехъ стѣнахъ, въ средѣ неразвитыхъ, по большей части тупоумныхъ сѣнныхъ дѣвушекъ и мамокъ. Не могли удовлетворить ее ни ихъ красивыя, затѣйливыя механическія рукодѣлья, ни ихъ обычныя сплетни и рассказы. Пробудившіяся силы требовали жизни, широкой дѣятельности и борьбы.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Вдругъ ее поразила неожиданная и негаданная вѣсть о смерти отца, бывшаго и больнымъ то только всего нѣсколько дней. Какъ подѣйствовала на нее эта вѣсть? Помнить она, что въ первое мгновеніе это несчастіе какъ-то ошеломило ее, придавило, какъ будто что-то близкое, часть своего существа оторвалось отъ сердца, а затѣмъ второе чувство, и она не можетъ этого скрыть отъ самой себя, второе ощущеніе было ощущеніе облегчающее, какъ бываетъ отъ струи свѣжаго, прохладнаго воздуха въ душной, запертой комнатѣ.

Государемъ дѣлался братъ ея Федоръ, моложе ее тремя годами, больной, слабый, одаренный способностями, но податливый къ ея влиянію. И воспользовалась она

этимъ вліяніемъ въ волю. Переступила она зверхтыя двери, вошла свободно и гордо по царскому дворку сначала подъ видомъ ухаживанія за больнымъ любимымъ братомъ, а потомъ совѣтницей его, раздѣлявшей съ нимъ бремя правленія. Артамонъ Матвѣевъ, какъ главная опора Нарышкиныхъ и самый опасный человѣкъ по уму и дарованіямъ, былъ соеланъ сначала въ Пустозерскъ, а потомъ въ Мезень. Не пропали даромъ уроки эллинской исторіи объ императрицахъ Пульхеріи и Евдокіи. Стала она присутствовать почти постоянно на докладахъ царскихъ противъ обычая, разсуждать и рѣшать вопросы по своимъ личнымъ убѣжденіямъ. На этихъ-то докладахъ въ первый разъ заговорило инымъ языкомъ ея дѣвическое сердце.

Часто встрѣчала она на совѣтѣ у брата князя Василья Васильевича Голицына, которому въ то время не было еще и сорока лѣтъ. Его ласковые, манящіе глаза, пріятныя, правильныя, ничѣмъ рѣзко не выдающіяся черты лица, мягкій, прямо западающій въ душу голосъ, непринужденныя, ловкія манеры, отдѣляющіяся отъ неуклюжихъ манеръ другихъ бояръ—производили пріятное впечатлѣніе. Часто и съ особымъ вниманіемъ вслушивалась она въ его рѣчь, съ особымъ расположеніемъ останавливались на немъ ея взгляды и безъ вѣдома ея новое чувство незамѣтно закрадывалось въ сердце.

Разъ утромъ, памятнымъ для нея утромъ, не отмѣченнымъ никакимъ важнымъ серьезнымъ событіемъ, но навсегда глубоко врѣзавшимся въ ея памяти, она сознала свою любовь и безъ всякой борьбы, безъ всякаго колебанія отдалась своему новому чувству.

Пустой, ничтожный случай.

Князь докладывалъ, государь слушалъ, вазалось, съ утомленіемъ, прищуриваясь близорукими глазами; слушала со вниманіемъ и царевна. Заглядѣвшись на докладчика, она не замѣтила, какъ съ ея колѣнъ соскользнулъ платокъ и упалъ на полъ, но князь замѣтилъ и подвѣлъ его, при этомъ рука его коснулась ея руки.

Яркимъ румянцемъ, пробившимся сквозь едва замѣтный слой бѣлилъ *), загорѣлись не только щеки, но даже лобъ и плечи ея. Съ неудержимой силой заколотилось сердце, грудь поднялась высоко подъ широкимъ покровомъ и въ глазахъ показались слезы. Она порывисто встала и вышла.

— Вотъ какъ разгорѣлась, родимая, встрѣтила ее мамушка въ свѣтлицѣ, вижу, что сглазу, дай-ко я теби умою съ уголька и надѣну на тебя монисто съ корольковою провизью **), а все оттого, что ходишь туда, не дѣвичье дѣло...

Но царевна съ уголька не умылась и глаза не побоялась.

Довлады продолжались обыкновеннымъ порядкомъ и ни разу она не пропускала ихъ. Все ближе и ближе подходила она къ нему, все чаще и чаще становились ихъ повидимому случайныя встрѣчи; все смѣлѣе и рѣшительнѣе становились они въ отношеніяхъ другъ къ другу: то снова упадетъ платокъ, то оба они вдругъ потянутся къ стлянкѣ лекарства для больного, то оба они вмѣстѣ поспѣшатъ поправить подушку у брата, то интересъ доклада заставитъ внимательнѣе вслушиваться и ближе садиться къ докладчику.

*) По общему свидѣтельству всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи XVI и XVII вѣкахъ, всѣ русскія женщины бѣлили лица и плечи, румянили щеки, въ особенности ягодицу, красили волосы, брови, рѣсницы и даже пускали черную краску въ самые глаза въ видѣ особаго состава изъ металлической сажи съ гуаифною водкою или розовою водою.

***) Монисто—шейный уборъ, золотое ожерелье съ золотыми привѣсками на гайтанѣ (сатуркѣ). Въ старинныхъ лечебникахъ о корольковомъ монистѣ говорится: «аще который человекъ на монистѣ крапки носить, того колдованіе и иное никакое вѣдовство не имѣтъ, а какъ тотъ человекъ позанеможетъ, то крапки красныя бѣлѣти ставуть, а какъ поздоровѣетъ тотъ же человекъ, такъ крапки опять ставуть черны... Отъ тѣхъ же крапковъ духъ нечистый бѣгаетъ, понеже крапекъ крестообразно растеть. Домаш. бытъ рус. царичъ И. Забѣлина. М. 1869 г.

Разъ государь, чувствуя себя особенно вехорошо, просилъ сестру прослушать князя безъ него. Царевна назначила князю быть утромъ на другой день у ней въ терему.

Памятно ей это утро и будетъ памятно и дорого до конца жизни. Съ особеннымъ тщаніемъ умывалась и убиралась она въ это утро, съ особеннымъ искусствомъ распущены были по плечамъ ея роскошные волосы, подвижные локонами. Въ назначенный часъ князь пришелъ, но объ чемъ онъ говорилъ, какой вопросъ разбиралъ, она ничего не слыхала, она только всматривалась въ милыя черты, только вслушивалась въ звуки очаровательнаго голоса.

Кончилась рѣчь князя, царевна одобрила и задумалась.

— Ты сегодня печальна, государыня, заговорилъ мягкій участливый голосъ князя.

— Да грустно, князь, братъ все хилѣеть, а съ его смертью я лишусь единственнаго человѣка, который меня любить.

— Ты ошибаешься, царевна, и въ голосѣ князя звучала особенная нѣжность, нѣтъ, ты неправа. У тебя вѣрные, преданные слуги. Я съ радостью готовъ положить за тебя и жизнь и душу свою...

И не успѣлъ договорить князь, какъ она была уже на груди его, безъ воли ея самой, руки ея обвились кругомъ его шеи и губы ихъ слились въ горячемъ поцалудѣ. Вся цѣлкомъ стоитъ эта страстная сцена въ задумчивыхъ глазахъ царевны. И теперь, когда она у открытаго окна, и теперь еще горитъ на губахъ этотъ первый страстный поцалудъ любви, хотя уже подобныхъ сценъ повторялось и послѣ не мало. Вся безповоротно отдалась царевна увлекавшей ее страсти.

Спустя долго послѣ полуночи царевна Софья Алексѣевна улеглась въ постель и заснула тревожнымъ сномъ...

По выходѣ изъ терема царевенъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій отправился домой въ каретѣ,

дождавшейся его въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ царскаго двора. Странное двойственное впечатлѣніе произвелъ въ бояринѣ разговоръ съ Софьей Алексѣевной. Въ лицѣ его проступало то удовольствіе удовлетворенныхъ надеждъ, то чувство тревожнаго безпокойства. Эта же двойственность впечатлѣнія выражалась и въ тонѣ немногихъ безсвязныхъ фразъ, вырывавшихся по временамъ у боярина... «Рѣшилась... да... врядъ ли... въ Москвѣ Пульхерія... влюбилась... надо отвести»... почти беззвучно шепталъ онъ, а между тѣмъ цѣлый рой различныхъ комбинацій и интригъ созрѣвалъ въ опытной боярской головѣ.

Карета остановилась у каменнаго дома Милославскаго, но только что успѣлъ Иванъ Михайловичъ сойти съ экипажа, какъ вдругъ испуганныя лошади круто бросились въ сторону, экипажъ подвернулся и упалъ на бокъ.

— Что за притча! удивился бояринъ, лошади смиренныя, никогда съ ними такого случая не бывало. И суевѣрный умъ его задался вопросомъ: въ добру ли?

Предметъ, напугавшій лошадей, дѣйствительно представлялъ собою необыкновенный видъ. Изъ подъ тѣни, откинувшейся отъ дома, въ свѣтлую полосу выдвигалось на четверенькахъ какое-то дикое, невиданное животное. Вглядываясь въ это странное существо, бояринъ вскорѣ узналъ въ немъ извѣстнаго по всей Москвѣ юрдиваго Федюшу.

Удивительный былъ этотъ человѣкъ Федюша и не мало толковъ ходило объ немъ по Москвѣ. Рассказывали, будто Федюша былъ сыномъ одного богатаго торговаго человѣка, красавецъ собой и извѣстенъ по грамотности и по бойкости разума, что будто по смерти родителей, лѣтъ двадцать тому назадъ, Федюша повелъ дѣла свои еще шире, еще оборотливѣе. Завидовалъ ему свой братъ торгующій и всякій изъ нихъ не прочь былъ породниться съ нимъ, назвать его своимъ сыномъ, но Федюша держалъ себя гордо, чуждался и не зарился ни на какую дѣвицу. Правда, подмѣчали сосѣди, что хоронилась у

него въ домѣ какая-то красавица, съ которой хаживалъ онъ, разговаривая въ своемъ саду въ лѣтнія ночи вплоть до утра. Кто была эта дѣвица, какъ ни старались узнать добрые сосѣди — не могли, а только замѣтили, что не очень долго продолжались эти прогулки и живыя рѣчи: дѣвица исчезла, а куда неизвѣстно. «Должно быть бѣжала, аль руку на себя наложила», рѣшили сосѣди и успокоились. Спустя нѣсколько времени въ одно прекрасное утро исчезъ и самъ Федюша, распорядившись, какъ оказалось, предварительно о передачѣ всего своего достатка въ ближайшей монастырь.

Такъ и пропалъ онъ, и вѣсти объ немъ не было въ продолженіи лѣтъ четырехъ. Потомъ по истеченіи этого времени появился въ народѣ юродивый, вѣчно бродившій по улицамъ на четверенькахъ, въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами и съ обнаженной головой, зиму и лѣто, въ трескучій морозъ, въ дождь и въ солнечный припекъ. Кто былъ этотъ юродивый, откуда онъ явился — никто не зналъ, да и трудно было признать его. Ноги отъ постоянного хожденія на четверенькахъ, неестественнаго положенія и перемѣннаго вліянія разнаго рода непогоды какъ-то выворотились и высохли, лицо обросло не то шерстью, не то волосами, взглядъ дикій и блуждающій, рѣчь безсвязная, и иногда только въ дикихъ звукахъ. Почему прозвали его Федюшей и кто именно призналъ въ немъ бывшаго богатаго, талантливаго Федора Михайловича до подлинности никто не могъ объяснить.

Народъ, пораженный неестественностью явленія, сталъ видѣть въ немъ челоуѣка божьяго, юродиваго, а въ безсвязныхъ словахъ его допытываться пророчительнаго языка будущаго. И вотъ ходитъ на четверенькахъ этотъ Федюша болѣе десяти лѣтъ по улицамъ Московскимъ и днемъ и ночью безъ пристанища и безъ призора, отдыхая на голыхъ камняхъ церковныхъ папертей. Всѣ обыватели благоговѣнно чтили Федюшу, ласкали его, разговаривали съ нимъ, полагая открыть въ его безсмысленныхъ отвѣтахъ откровеніе будущаго, но не во всѣмъ

онъ былъ одинаковъ. Замѣчали его какое-то пристрастіе къ однимъ лицамъ и на оборотъ къ другимъ отвращеніе. Въ одни дома онъ любилъ самъ заходить и бывалъ по долгу, а въ другіе дома его и силой нельзя было затащить.—пробѣжить мимо звѣрь звѣремъ.

Узнавъ Оедюшу, Иванъ Михайловичъ привѣтливо подошелъ къ нему.

— Здравствуй, Оедюша!

— У-у-у... хрюкнулъ сердито юродивый.

— Усталъ чай, Оедюша, продолжалъ ласково бояринъ.

— Поди, Оеда, ко мнѣ на дворъ, тамъ тебя накормятъ и я вышлю тебѣ алтынъ.

— У-у-у... не хочу... не хочу, зарычалъ Оедюша, трясъ головой... не хочу... у-у-у... свиньи бѣгутъ... трупъ везутъ... не хочу, боюсь... кровь-то... кровь-то... и юродивый быстро побѣжалъ отъ боярина.

— Что бы это значило «свиньи бѣгутъ и трупъ везутъ?» не молвилъ ли онъ въ свиняхъ вороговъ моихъ? раздумывалъ Иванъ Михайловичъ, поднимаясь по крыльцу.

— Былъ у меня кто нибудь, спросилъ онъ, входя во внутренніе покои, у дворецкаго Сидора Иванова.

— Какъ-же, ваша боярская милость, были Иванъ Андреичъ Толстой да племянничекъ Александръ Иванычъ. Долго было поджидали, да ужъ рѣшили пожаловать завтра.

— Хорошо, Иванычъ. Ступай спать, а во мнѣ пришли Груню.

Г Л А В А Ш.

Большой, золотушный Оедоръ Алесѣвичъ умиралъ бездѣльнымъ, проживъ только 20 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ. Съ кончиной его возникалъ важный государственный вопросъ о престолонаслѣдіи.

Въ древнія времена, въ княжескихъ волостяхъ наслѣдство волостью переходило по старшинству рода, причемъ дади имѣли преимущество передъ племянниками—сыновьями княжившаго. Съ образованіемъ Московскаго

внѣзства выдѣлился другой взглядъ: послѣдство стало переходить по нисходящей линіи отъ отца въ сына, съ соблюденіемъ старшинства и съ исключеніемъ женскаго пола. Такой взглядъ, по мѣрѣ сформированія государственнаго начала, все болѣе и болѣе укоренялся и приобрѣталъ силу обычая до начала XVII вѣка, когда старый рюриковскій домъ по прямой линіи пресѣлся.

Смутное время междоусобицъ выдвинуло по необходимости опять идею выборнаго начала, которое, по стеченію событій того времени, едва не привело къ гибели всего государственнаго строя. Быстро слѣдовавшіе другъ за другомъ Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій, Василій Шуйскій и королевичъ Владиславъ не оставили по себѣ почти никакого слѣда въ государственной организаціи и уже конечно не могли содѣйствовать къ упроченію государственной формы. Мало того, дѣятельное вмѣшательство иностранцевъ и внутренніе раздоры расшатали государство до самаго основанія, до полнаго его разрушенія и оно погнѣбло бы, еслибы вся предшествующая жизнь не выработала прочно идею національности.

Съ избраніемъ Михаила Теодоровича національное дѣло хотя и было спасено, но постуательному движенію народной жизни предстояло еще великое и трудное дѣло исцѣленія всѣхъ ранъ, уничтоженіе множества повсюду возникшихъ безпорядковъ, неустройствъ и злоупотребленій.

Какъ велики были эти неустройства и злоупотребленія, какъ тяжка была жизнь народная, можно видѣть изъ тѣхъ яркихъ явленій, которыя продолжались ветолю въ царствованіе Михаила Теодоровича, но и во все тридцати-лѣтнее правленіе сына его Алексѣя Михайловича. Отъ вѣшнихъ войнъ, бродячихъ отрядовъ шведскихъ и польскихъ, отъ вольности казацкой, отъ разбойничьихъ шаекъ шишей народъ обѣднѣлъ до крайности. Цѣлыя поселенія лыпались всякихъ средствъ къ существованію и разбѣгались кто въ степи, кто въ лѣса, кто на Волгуматушку, гдѣ становились сами разбойниками. Ощущался недостатокъ въ самомъ хлѣбѣ, такъ какъ востребовался

или въ поляхъ непріятельскими отрядами, или зарывался въ землю самими хозяевами въ запасъ для провормленія себя въ будущемъ. Въ такомъ положеніи оставшимся на своихъ мѣстахъ *людикамъ* конечно платить податей и отбывать повинность было не можно, а между тѣмъ расходы государственные на содержаніе ратныхъ людей и другія потребности возрастали въ значительномъ размѣрѣ. Затѣмъ кромѣ этихъ законныхъ поборовъ существовало еще болѣе поборовъ незаконныхъ—взатокъ мѣстныхъ правителей воеводъ, намѣстниковъ и дьяковъ, пользующихся нетвердостью правительства и потому увѣренныхъ въ безопасности. Какимъ же вліяніемъ пользовались бояре можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Юрьевца Повольскаго Терентій Копытовъ сосланъ былъ изъ Москвы въ Нерчинскъ «по приказу бояръ, безъ царскаго указу». Самъ Копытовъ сказываетъ, что на Москвѣ вся воля боярская, что бояре хотятъ, то и дѣлаютъ (Раск. дѣла Есипова, 1. 590—591).

Казна была истощена. Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, должно было прибѣгать къ различнымъ средствамъ. Оно то принимало на себя продажу богомерзкой травы (табака), то увеличивало пошлину на соль, то выпускало мѣдныя деньги, вмѣсто серебряныхъ. Подобныя мѣры конечно не только не поправляли зла, но нѣкоторые изъ нихъ положительно еще болѣе усиливали его, еще болѣе раззоряли и безъ того ободранный народъ. При такомъ общественномъ положеніи должны были являться, и дѣйствительно являлись, непрерывныя народныя волненія, восстанія и бунты, продолжавшіяся въ теченіи почти всего XVII вѣка. Въ царствованіе напр. Алексѣя Михайловича происходили болѣе или менѣе серьезныя и опасныя возстанія въ разныхъ частяхъ государства: въ 1648 году 21 іюня въ г. Сольвычегодскѣ, 8 іюня въ г. Устюгѣ, потомъ въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ (1668), на Волгѣ Стеньки Разина и наконецъ въ самой Москвѣ. И всѣ эти воз-

станія возникали положительно отъ грабительства правительственныхъ лицъ. Такъ московское волненіе 1648 г. вызвано было злоупотребленіями и взяточничествомъ приближенныхъ къ нѣкоторымъ придворнымъ вліятельнымъ боярамъ, надѣявшимся на защиту своихъ патроновъ. Народъ особенно раздраженъ былъ взяточничествомъ любимцевъ и родственниковъ тестя государева боярина Ильи Милославскаго, судьи земскаго приказа Леонтія Плещеева, завѣдывавшаго пушкарскимъ приказомъ Траханиотова, думнаго дьяка Назарія Чистаго и богатаго купца Шорина. Кромѣ того, народъ жаловался на любимца царскаго, боярина Морозова, дававшего будто-бы возможность своимъ родственникамъ наживаться на счетъ народа. Въ этомъ мятежѣ разсвирѣпѣвшій народъ убилъ Плещеева, Назарія Чистаго, разграбилъ дома Шорина, князя Львова, князя Одоевскаго и даже домъ самаго боярина Морозова. Мятежъ былъ подавленъ стрѣльцами, но при этомъ, говорятъ хроника, много невинныхъ людей побито, такъ какъ не время было разбирать, кто правъ и кто виноватъ. Всего переловлено и перебито было до семи тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 1500 человѣкъ повѣшено, до ста потоплено; остальныхъ же пытали, жгли, отсѣкали руки и ноги, или пальцы у рукъ и ногъ, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ и сѣкли кнутомъ.

Обыкновенно общественное нестроеніе сопровождается различнаго рода бѣдствіями. Въ 1654 г. въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ господствовала сильная моровая язва и смертность доходила до страшныхъ размѣровъ: изъ 6 стрѣleckихъ приказовъ не осталось ни одного стрѣльца, въ Успенскомъ соборѣ изъ многочисленнаго духовенства остались въ живыхъ только священникъ и дьячекъ, въ Архангельскомъ соборѣ весь причтъ вымеръ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ, въ Чудовомъ монастырѣ изъ 182 братій осталось въ живыхъ только 26. Изъ частныхъ лицъ умирало не менѣе. У боярина Морозова изъ 262 человѣкъ осталось 19, у князя Трубецкаго изъ 278 чел. осталось только 8. На-

родъ волновался, колодники изъ тюремъ разбѣгались, торговля превращалась.

Уничтожался родъ человѣческій Божиимъ пощещеніемъ, уничтожалось и достояніе его мечемъ вражескимъ и огнемъ. По свидѣтельству Лизека, секретаря посольства Римскаго императора, въ его бытность въ Россіи Москва горѣла шесть разъ и въ каждый пожаръ истреблялось по тысячѣ и болѣе домовъ. Такіе частые опустошительные пожары вызывали со стороны правительства энергическія мѣры, но по большей части неудачныя, по злоупотребленіямъ въ исполненіи. *)

Помочь такому бѣдственному общественному положенію конечно не могли мѣры, подобныя выпуску мѣдныхъ денегъ, когда требовалась существенная реформа, коренное истребленіе зла, вѣвшагося въ плоть и кровь народную, отреченіе отъ старыхъ порядковъ и замѣнутости, проведеніе живительныхъ началъ, развивающихъ матеріальныя и духовныя силы народа. Понималась неотложность новыхъ требованій Московскими государями XVII вѣка и дѣлали они попытки на сближеніе съ западомъ, попытки, впрочемъ, частныя и робкіе. Стали вызываться иностранцы, ученые, доктора, разнаго рода ремесленники и ратные люди. Около престола стали сгруппировываться развитые люди, понимавшіе значеніе образованія, каковы, напримѣръ, Матвѣевъ, Ординъ-Нащокинъ, Симеонъ Полоцкій и друг.; но эти лица не были симпатичны слѣпому большинству и не могли провести сами собой су-

---

*) 23 Октября 1681 года велѣно было всякое палатное строеніе крыть тесомъ, по которому насыпать землю и устилать дерномъ, людямъ же состоятельнымъ дозволялось крыть дранью на подставкахъ. Далѣе въ этомъ же указѣ повелѣвалось обывателямъ большихъ улицъ Китая и Бѣлаго города строить дома каменные, для чего разрѣшалось отпускать имъ кирпичъ изъ приказа Большаго двора по указной цѣнѣ въ долгъ съ разсрочкою уплаты на 10 лѣтъ. Мѣра эта дѣйствительно могла бы быть практична и полезна, если бы только возможно было безъ подарковъ выходить разрѣшенія изъ приказа Большаго двора.

щественныхъ измѣненій, но они дороги намъ, они подготовили новыхъ лицъ Софью и Петра, сильныхъ умомъ и вполне понявшихъ необходимость поворота въ свѣту.

Весь XVII вѣкъ—первый шагъ въ переходномъ времени и потому всегда самый тяжелый въ жизни. Народъ чувствовалъ тяжесть, но не видѣлъ пути къ улучшенію; онъ волновался и возставалъ.

Для усмиренія народныхъ мятежей и волненій, правительство обладало однимъ дѣйствительнымъ средствомъ—воинской силой въ видѣ стрѣлецкихъ полковъ, но эта сила въ извѣстныхъ условіяхъ могла оказаться съ своей стороны весьма опаснымъ оружіемъ.

До Петра Великаго наша воинская сила заключалась въ ратномъ ополченіи, которое состояло изъ помѣстниковъ—поземельныхъ владѣльцевъ, обязанныхъ по призыву царскому являться въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ, вооруженными оружіемъ по своему выбору и въ сопровожденіи такого количества воиновъ, которое обязаны были выставлять по величинѣ своего помѣстья. Дурно и разнообразно вооруженное, совершенно неопытное и обязанное продовольствоваться во время похода на свой счетъ такое сборное ополченіе, не смотря на громадность свою, доходившую до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ и на личную храбрость, не могло отличаться ни порядкомъ, ни стройностью, ни стойкостью и ни исполнительностью при выполнении военныхъ операцій. И дѣйствительно отъ такого неустроеннаго состоянія войска произошли неудачи нашихъ военныхъ дѣйствій со Шведами, Поляками и Крымцами въ XVII вѣкѣ, когда въ двухъ первыхъ государствахъ существовало уже болѣе обученное войско.

Неудовлетворительность военной организаціи сознавалась нашими государями еще въ XVI вѣкѣ и послужила поводомъ къ образованію особаго постоянного отряда, состоящаго на жалованьи и извѣстнаго подъ названіемъ стрѣльцовъ.

Въ первый разъ названіе стрѣльцовъ встрѣчается въ

1551 году въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Адашева въ Казань для водворенія на Казанскій престолъ присяжника Шигъ-Алея и оставленныхъ Адашевымъ тамъ для охраненія Алея. Потомъ стрѣльцы упоминаются въ рядахъ русскаго войска подъ стѣнами Казани и въ походѣ новгородскомъ. Впослѣдствіи стрѣльцы встрѣчаются почти во всѣхъ городахъ небольшими отрядами, но главное мѣсто ихъ расположенія находилось всегда въ Москвѣ. Въ стрѣльцы набирались люди изъ свободнаго класса съ обязательствомъ отправлять воинскую повинность безсмѣнно, за что правительство давало имъ жалованье, строило имъ дома и снабжало оружіемъ. Все стрѣлцкое войско раздѣлялось на сотни подъ начальствомъ сотниковъ, находившихся въ вѣдѣніи головъ, и управлялось стрѣлцкой избой или приказомъ. Впослѣдствіи избы или приказы были переименованы въ полки, головы въ полковниковъ, а центральнымъ мѣстомъ управленія организованался стрѣлцкій приказъ въ Москвѣ, поручавшійся обыкновенно особо надежному и знатному боярину.

Въ Московскихъ полкахъ, число которыхъ простиралось до 20,—считалось въ каждомъ отъ 800 до 1000 стрѣльцовъ, а въ городскихъ отъ 300 до 500. Этотъ комплектъ обыкновенно пополнялся сыновьями и внуками служилыхъ стрѣльцовъ, такъ какъ званіе считалось наследственнымъ и только въ случаѣ особенной необходимости принимались въ стрѣльцы охотники «рѣзвые и стрѣлять гораздые» и то не иначе, какъ съ поручною записью отъ старыхъ стрѣльцовъ въ томъ, что вновь принятый не сбѣжитъ со службы.

Составляя постоянное войско, обученное воинскому искусству, стрѣльцы образовывали ядро русской военной силы того времени и не разъ оказывали весьма важныя услуги правительству на полѣ брани и въ мирной гарнизонной службѣ. Ими одержана была Добрыничская побѣда при Годуновѣ, захваченъ Заруцкій съ Мариною, покоренъ Смоленскъ, ими прославилась защита Чигирина, ими подавлено коломенское возстаніе черни, матежъ

войска на рѣкѣ Семи, разбить Стенька Разинъ и ими производилось полицейское охраненіе Москвы, содержаніе караульныхъ постовъ у городскихъ воротъ, ночные объѣзды по городу и тушеніе пожаровъ.

Но образовывая такимъ образомъ главный оплотъ правительства, стрѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ въ организациі своей имѣли начала весьма опасныя для государственнаго устройства. Эти начала заключались въ слишкомъ широкихъ привиллегіяхъ и льготахъ. Кромѣ значительнаго для того времени жалованья (на стрѣльцовъ расходовалось болѣе ста тысячъ рублей ежегодно изъ общаго государственнаго сбора), они имѣли право заниматься торговлею и промыслами, не неся въ тоже время никакихъ посадскихъ повинностей, освобождены были по своимъ искамъ и сдѣлкамъ отъ уплаты всякаго рода судебныхъ и печатныхъ пошлинъ и наковонецъ судились только въ своемъ стрѣльцкомъ приказѣ, кромѣ разбоя и татьбы. Такая отдѣльная и самостоятельная корпорація естественно должна была представлять собою силу рѣшающую въ общественной организациі, орудіе всегда готовое и удобное въ рукахъ политической партіи.

Занятія промышленностью привело къ ослабленію воинской дисциплины, пренебреженію служебными обязанностями и къ желанію освободиться отъ нихъ, а самоуправленіе къ своеволю и буйствамъ. Если же припомнить общій упадокъ государственнаго благоустройства того времени, безнаказанность чиновническаго корыстолюбія и взяточничества, общій ропотъ и недовольство, то конечно подобныя явленія должны были проявляться у стрѣльцовъ болѣе рѣзкаго и опаснаго характера. И дѣйствительно недовольство стрѣльцовъ стало обнаруживаться въ грозныхъ признакахъ: завелись самовольные круги, гдѣ самые буйные и наглые имѣли перевѣсъ и ихъ съѣзжія избы скоро получили названіе каланчей, съ вершинъ которыхъ бунтовавшая толпа сбрасывала всѣхъ неодобрявшихъ ихъ поведеніе.

Въ концѣ царствованія Федора Алексѣевича опасное

волненіе обнаружилось въ полку Семена Грибоѣдова. Стрѣльцы жаловались на притѣсненія своего полковника, на то, будто-бы онъ недоплачивалъ имъ жалованья, заставлялъ ихъ строить ему загородный домъ, не отпуская съ работъ даже въ Свѣтлый праздникъ. По общему совѣщанію грибоѣдовцы написали челобитную, которую потомъ и подали дьяку стрѣлецкаго приказа Павлу Языкову. Къ несчастію послѣдній счелъ челобитную за вымыселъ пьяныхъ своевольцевъ и въ такомъ смыслѣ доложилъ объ ней завѣдывавшимъ тогда стрѣлецкимъ приказомъ князьямъ Юрію Алексѣевичу и Михаилу Юрьевичу Долгорукимъ. Согласно такого доклада Долгорукіе распорядились высѣчь подателя челобитной, но исполненіе не состоялось. Грибоѣдовцы напали на служителей приказа, избили ихъ и освободили товарища. Непосредственно затѣмъ явно взбунтовался весь грибоѣдовскій полкъ и увлекъ за собой другіе остальные шестнадцать полковъ. Мятежники рѣшили вытребовать отъ правительства примѣрнаго наказанія полковникамъ, а въ случаѣ отказа распорядиться самимъ.

Въ такомъ положеніи находились общественныя дѣла вообще и стрѣльція въ особенности при послѣднихъ дняхъ жизни бездѣтнаго Ѳедора Алексѣевича, когда выступилъ на сцену несчастный неопредѣленный вопросъ престолонаслѣдія. Преемственность наслѣдованія престоломъ не опредѣлялась ни закономъ, ни строго сложившимся обычаемъ. Въ актѣ избранія на царство Михаила Ѳедоровича о преемственности не было упомянуто ни слова и наслѣдники его сначала сынъ Алексѣй Михайловичъ, а потомъ внукъ Ѳедоръ Алексѣевичъ восходили на престолъ вслѣдствіе объявленія ихъ наслѣдниками при жизни государей. Но Ѳедоръ Алексѣевичъ, оставивъ послѣ себя двухъ братьевъ, одного единокровнаго и единоутробнаго Ивана Алексѣевича и другаго единокровнаго Петра Алексѣевича, не объявилъ себѣ наслѣдника ни при жизни, ни при послѣднихъ моментахъ. Возникла въ вопросъ: кто же долженъ быть послѣ него ца-

ремь? казалось бы право стояло за старшаго брата Ивана, но его болѣзненность, слабость, неспособность и слѣпота были извѣстны всѣмъ,—другой же младшій, Петръ едва только достигъ десяти лѣтъ.

Г Л А В А IV.

Гулко и заунывно звучалъ большой Московскій колоколь изъ Кремля, объявляя православнымъ о кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича 27 Апрѣля 1682 г. въ тринадцатомъ часу дня (въ 4 часа по полудни *) и народъ толпами двинулся въ Кремль для послѣдняго прощанія съ умершимъ государемъ. Конечно не могла поразить неожиданностью смерть постоянно болѣзненнаго царя, но на всѣхъ этотъ печальный звонъ произвелъ тревожное впечатлѣніе. Кто будетъ названъ царемъ и кто будетъ править въ дѣйствительности, спрашивалъ себя каждый и страшное предчувствіе грознаго будущаго невольно закрадывалось въ душу каждаго.

Между тѣмъ, какъ прощался народъ, во дворцѣ въ обширной комнатѣ со сводами собралась Государственная Дума для рѣшенія важнаго вопроса, кому быть царемъ. У одной изъ стѣнъ этой комнаты стоялъ золотой царскій престолъ съ колоннами по сторонамъ, острыми къ верху и съ острокопечной кровлей, надъ которой вверху блестялъ двуглавый орелъ, а внизу на спинѣ престола съ иконой Богоматери. На правой сторонѣ отъ престола на невысокой серебряной пирамидѣ, на золотой парчѣ лежала держава, украшенная самоцвѣтными камнями. Полъ устлала богатые пестрые ковры, стѣны украшены иконами, живописными изображеніями и серебряными подсвѣчниками съ восковыми свѣчами. Кругомъ стѣнъ тянулись на четырехъ ступеняхъ, обитыя краснымъ сукномъ скамьи,

*) Въ то время часы раздѣлялись на дневные, начинавшіеся съ восхода солнечнаго и ночные — съ заката. Слѣдовательно въ концѣ Апрѣля 13 часъ дня соотвѣтствуетъ нашему 4 часу по полудни.

на которыхъ сидѣли теперь патріархъ, митрополиты, архіепископы, бояры, окольнічы и думные дворяне.

Засѣданіе открылось рѣчью патріарха Іоаннима:

— Извѣство вамъ, бояре и думные люди, что волею Всевышняго, управляющею судьбами царей и царствъ, нашъ православный великій государь царь Феодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ уготованную ему вѣчную обитель. Помолимся же мы всѣ объ упокоеніи души его и о ниспосланіи сиротствующему царству и граду нашему новаго государя. По преемственному порядку слѣдовало бы вступить на царство и прародительскій престолъ благовѣрному царевичу Іоанну Алексѣевичу, но не снисходя на мольбы наши о томъ, онъ отрекся отъ своего права и передаетъ державу брату своему благовѣрному царевичу Петру Алексѣевичу. Излагая вамъ сіе, мѣрность наша *) съ соизволенія благочестивѣйшей царицы Наталіи Кирилловны, призываетъ Государственную Думу на общій совѣтъ объ избраніи на царство царя и государя всея Россіи.

Кончивъ рѣчь, патріархъ опустился на мѣсто, за нимъ разсѣлись по своимъ мѣстамъ и прочіе члены Государевой Думы. Наступило молчаніе. На лицахъ видны были самыя разнообразныя ощущенія и тревожнаго опасенія и удовлетворенной надежды, ясно скозившія чрезъ напускную боярскую саповитость,

Никому не хотѣлось высказаться первымъ.

Наконецъ заговорилъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій:

— Не подобаетъ намъ, вѣрнымъ слугамъ царевымъ, разсуждать объ избраніи себѣ государя, когда здравствуетъ благовѣрный царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, которому, какъ искони велось на Руси, и слѣдуетъ править государствомъ по старшинству.

— Твоя правда, бояринъ Иванъ Михайловичъ, заговорилъ одинъ изъ Нарышкиныхъ, но вѣдь святѣйшій

---

*) Титулъ, присвоенный патріархамъ.

патріархъ просилъ ужь царевича и онъ добровольно отрекся въ пользу младшаго брата.

— Просилъ святѣйшій патріархъ, отвѣчалъ Милославскій, одинъ отъ своего лица, а теперь мы будемъ просить отъ лица всей земли, — можетъ онъ и перемѣнить свою волю.

— Да вѣдь мы всѣ знаемъ немощность царевича, отозвался уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, а въ другорядъ просить, когда добровольно...

— Полно добровольно ли? съ усмѣшкой перебилъ его Милославскій, мало ли на Москвѣ ходитъ разныхъ слуховъ...

— Какихъ слуховъ? почти съ запальчивостью закричалъ Иванъ Кирилловичъ, ты, бояринъ заговорилъ о слухахъ, такъ уважи намъ прямо, безъ домековъ.

— Не мое дѣло передавать всѣ слухи, мало ли что говорятъ... а тебѣ Иванъ Кирилловичъ не слѣдъ указывать по старше себя, еще молодъ.

Споръ начиналъ принимать все болѣе и болѣе крупныя размѣры. Страсти разгорѣлись; въ спорившимъ примкнули ихъ сторонники.

Наконецъ послѣ долгихъ жаркихъ преній, по предложенію патріарха согласились: быть избранію на царство общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей. Такое рѣшеніе Думы и записали дьяки.

На площади передъ дворцемъ толпилось и колыхалось все Московское населеніе: стольники, стряпчие, московскіе и городовые дворяне, дѣти боярскіе, дьяки, жильцы, гости, купцы, посадскіе и люди черные, ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія Думы. Тутъ же на площади, примыкаясь къ самому дворцу, поставлены были вольными рядами стрѣлецкіе полки, рѣзко различающіеся между собою цвѣтами кафтановъ синихъ, голубыхъ, темно и свѣтло-зеленыхъ, малиновыхъ и алыхъ съ золотыми перемычками, съ ружьями на плечахъ, съ воткнутыми въ землю бердышами и съ развѣвающимися знаменами, на которыхъ виднѣлись изображенія то Страшнаго Суда, то Архистратига Архангела Михаила, то красныхъ и желтыхъ львовъ.

Всѣ болѣе или менѣе ясно сознавали законность старшинства царевича Ивана Алексѣевича; но всѣ также знали его невольчиму ю болѣзненность и очевидную неспособность къ личному твердому управленію государствомъ. Каково же постоянное боярское управленіе ближнихъ свойственниковъ отъ перваго брака Алексѣя Михайловича съ ихъ присѣшниками и кормильцами было слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и всѣмъ ненавистно. Правда и царевичъ Петръ былъ еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, но ребенкомъ здоровымъ, цвѣтущимъ, быстрымъ, не полѣтамъ разумнымъ, общающимся скоро освободиться отъ боярской опеки. Тысячи разсказовъ ходили въ народѣ объ остротѣ его ума, схватывавшаго все на лету и лично вникавшаго въ каждое дѣло. Затѣмъ и ближніе царицы Наталіи Кирилловны были людьми новыми, свѣжими, еще нерѣзко отдѣлявшимися отъ народа боярской спѣсью, еще не наложившими на него тяжелую кормистную руку.

Вотъ почему прислушиваясь къ глухому говору народа, нельзя было не замѣтить рѣшительной симпатіи въ юному Петру.

— Стройся! мушкетъ на плечо! Подыми правую руку! Понеси дугой! Клади руку на мушкетъ! скомандовалъ по оригинальному тогдашнему многосложному артикулу начальникъ стрѣльцовъ, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, вышедшій изъ царской Думы.

Ряды стрѣльцовъ выровнялись, ружья засверкали стройными бороздами въ лучахъ заходящаго солнца.

На красномъ крыльцѣ, предшествуемый духовнымъ синклитомъ, со святыми иконами и хоругвями и сопровождаемый Государевой Думой, появился патріархъ Іоакимъ. Всѣ головы обнажились. Воцарилась глубокая тишина.

— Богомъ хранимое Русское царство, заговорилъ патріархъ взволнованнымъ голосомъ, въ державствѣ переходило отъ родителя къ сыну: избранному всѣми чинами Московскаго государства послѣ смутнаго времени блаженныя памяти царю и государю Михаилу Теодоровичу наслѣдовалъ сынъ его государь и самодержецъ Малыя

и Бѣлыя Россіи Алексѣй Михайловичъ. По кончинѣ же государя Алексѣя Михайловича державствовалъ также сынъ его, объявленный наслѣдникомъ при жизни самаго родителя, царь и государь Феодоръ Алексѣевичъ. Нынѣ же, по преставленіи Божіею волею великаго государя Феодора Алексѣевича, не осталось ни объявленнаго имъ наслѣдника, ни сыновей, а остались братья его благовѣрные царевичи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ. Спрашиваю васъ, всѣ чины Московскаго государства, объявить единою волею: кому изъ сихъ царевичей быть государемъ и самодержавцемъ русскимъ?

— Царевичу Петру Алексѣвичу! раздался единодушный крикъ со всей площади.

Только одинъ голосъ послышался послѣ этого крика, голосъ приверженца царевны Софьи Алексѣевны, дворянина Сунбулова: незаконно обходить старшаго; слѣдуетъ быть царемъ царевичу Іоанну Алексѣвичу!

Но этотъ крикъ утонулъ, замеръ въ общемъ влѣкъ:
— Многая лѣта царю Петру Алексѣвичу!

— Гласъ народа—се гласъ Божій, проговорилъ свѣтѣйшій пастырь и, обратившись къ боярамъ, добавилъ: что же надлежитъ теперь?

— По избранію всѣхъ чиновъ Московскаго государства долженъ быть наслѣдникомъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ — отвѣчали почти всѣ бояре Государевой Думы, за исключеніемъ только немногихъ приверженцевъ царевны Софьи.

Патріархъ и бояре возвратились въ дворцовые покои, гдѣ съ такимъ живымъ нетерпѣніемъ ожидала ихъ царица Наталія Кирилловна.

Патріархъ благословилъ молодого монарха.

Рушились завѣтныя, золотыя мечты царевны! Опять таже ей ненавистная мачиха стала на дорогѣ и опять должна она войти въ запертыя двери теремной тюрьмы. Но вѣтъ, игра еще не проиграна, молодой умъ гибовъ въ изворотахъ и сдумаетъ проложить себѣ дорогу широкою... хотя бы эта дорога и залята была кровью.

Шуазель продолжалъ стоять въ нерѣшимости и даже не замѣтилъ, какъ вошелъ слуга и подалъ ему на серебряномъ подносѣ письмо. Герцогъ поспѣшно сорвалъ печать и пробѣжалъ глазами написанныя строки. Съ живымъ участіемъ слѣдила герцогиня за выраженіемъ его лица.

— Ты говоришь о мирѣ, заговорилъ герцогъ раздражительно, а вотъ сію же минуту противникъ вызываетъ меня снова на борьбу! Послушайте, Даламберъ, Дидро и вы баронъ Гольбахъ. Незнакомое мнѣ лицо пишетъ, будто патеръ Линьеръ послалъ уже гонца въ Римъ съ извѣстіемъ о моемъ паденіи и о назначеніи моимъ преемникомъ Ришелье. Сегодня вечеромъ, или самое позднее завтра утромъ, все это должно обнародоваться.

— Ришелье за одно съ иезуитами! воскликнулъ баронъ,—вотъ неслыханный заговоръ!

— Это ихъ соединила вражда ко мнѣ, отвѣчалъ Шуазель. Но подождите, любезнѣйшій патеръ, рассчитывать на успѣхъ и вы, герцогъ Ришелье, не думайте, чтобъ я вамъ уступилъ когда нибудь. Правдѣ я хотѣлъ отдаться покою, но свергнуть себя я не позволю. Я съумѣю доказать, что Шуазель не такой человѣкъ, котораго можно заставить преклонить голову и испугаться вашихъ угрозъ.

— Вы правы, герцогъ, сказалъ баронъ Гольбахъ, вступайте безбоязненно въ борьбу за просвѣщеніе, за будущее Франціи. Народъ будетъ всегда на вашей сторонѣ.

— Сегодня вечеромъ будетъ маскированный балъ у маркизы, сказалъ Шуазель рѣшительно, — я было хотѣлъ остаться дома, но теперь мнѣ необходимо быть тамъ,—мои враги должны найти меня на мѣстѣ.

— Ахъ, ужъ эта политика, вздыхала герцогиня,—это демонъ съ непреодолимой силой, кто одинъ разъ падаетъ подъ его вліяніе, тотъ никогда не освободится изъ этого водоворота.

Шуазель повидимому простился совершенно спокойно съ герцогиней и гостями:

— Досвиданія, мои друзья, завтра я можетъ быть не буду министромъ, — или Франція будетъ очищена отъ моихъ враговъ.

— А мы, друзья, добавилъ Дидро, — поспѣшимъ въ Парижъ и вызовемъ всѣ живые умы Франціи на борьбу противъ враговъ просвѣщенія и свободы!

Философы наскоро простились съ герцогомъ и герцогиней, и усѣвшись въ легкой экипажъ барона Гольбаха, уѣхали въ Парижъ, съ твердымъ намѣреніемъ, въ этотъ же вечеръ пустить въ ходъ ѣдкіе куплеты и брошюры, направленные противъ соперниковъ Шуазеля.

Между тѣмъ герцогъ, обнявъ жену, смотрѣвшую на него со слезами на глазахъ, говорилъ искреннимъ, ласковымъ голосомъ:

— Будь спокойна, моя дорогая, я боюсь побѣды моихъ враговъ собственно за Францію, а не за себя; напротивъ, я былъ бы очень счастливъ, еслибъ судьба забросила меня куда нибудь дальше, гдѣ мы могли бы вести мирную, спокойную жизнь, но... позволить врагамъ восторжествовать надъ собой безъ борьбы я не могу. Никто изъ моихъ враговъ не посмѣетъ сказать, чтобъ Шуазель отступилъ передъ опасностью. Мой взглядъ слишкомъ привыкъ различать всѣ тѣни на горизонтѣ двора, и нѣтъ иптриги, нити которой я не разгадалъ бы.

Еще разъ простившись съ герцогиней, Шуазель ушелъ въ свою комнату, гдѣ приказалъ камердинеру подать себѣ черное домино, черную шляпу съ перьями и шелковую коротенькую маску. Окончивъ туалетъ, герцогъ сѣлъ въ карету, украшенную гербомъ, и въ сопровожденіи скороходовъ и факельщиковъ, ѣдущихъ по сторонамъ кареты, отправился во дворецъ. Огня апартаментовъ маркизы блестяли огнями, а лѣстница съ верху до низу была усѣяна приѣзжими. Масса каретъ и всевозможныхъ экипажей сновали у подъѣзда.

Вся толпа разступилась и пропустила герцога, который, не смотря на маску, покрывавшую его лицо, былъ тотчасъ узнавъ, благодаря ливреи, надѣтой на его слу-

тахъ. Къ тому-жь и самъ герцогъ не потрудился измѣнить голосъ и походку. Гордо поднимался Шуазель по лѣстницѣ, освѣщенной громадными люстрами и съ горькимъ чувствомъ думалъ, какъ все это множество людей, теперь такъ низко ему кланявшихся, будетъ радоваться и ликовать, узнавъ о его паденіи.

Г Л А В А XI.

Гастонъ Орины чрезвычайно встревожился, узнавъ отъ Каммилара приказаніе явиться къ маршалу Ришелье. Онъ никакъ не могъ себя представить, какое дѣло имѣлъ до него герцогъ, давно ужъ сложившій съ себя должность начальника войска. Но молодость богата надеждами и Гастонъ скоро утѣшился,—ему представилось, что маркиза передала Ришелье его просьбу, и герцогъ именно и желаетъ его видѣть для передачи ему какого нибудь порученія. Совершенно счастливымъ своимъ объясненіемъ, Гастонъ вошелъ въ пріемный залъ отеля Ришелье. Залъ этотъ, съ нѣкотораго времени всегда оставался пустымъ, такъ какъ считали герцога въ немилости, но сегодня онъ снова былъ наполненъ посѣтителями. Всѣ замѣтили продолжительный разговоръ короля съ герцогомъ Ришелье и спѣшили заявить ему свое искреннее уваженіе и безвѣчную преданность. Гастонъ скромно усѣлся въ уголку гостиной, желая укрыться отъ постороннихъ взглядовъ. Наконецъ въ дверяхъ показался маршалъ. Всѣ присутствующіе встали и такъ низко наклонили головы, какъ это дѣлали всегда при появленіи его величества. Насмѣшливая улыбка заиграла на губахъ герцога, когда онъ гордымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ собравшихся въ его залъ, бывшей такъ долго совершенно пустой. Въмѣсто поклона, герцогъ надмѣнно кивнулъ головою всѣмъ вообще, и къ общему удивленію прямо подошелъ къ юному мушкетеру. Приветливо поздоровавшись съ нимъ, герцогъ сказалъ:

Господинъ д'Ориньи, идите за мной.

— Моя правда, думалъ Гастонъ, вспыхнувъ отъ радости, маркиза говорила съ нимъ обо мнѣ. О какое счастье! Гастонъ гордо шелъ за маршаломъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда заговорить послѣдній.

Ришелье привелъ молодаго человѣка въ прелестную маленькую комнату, занимавшую средину между будуаромъ капризной дамы, кабинетомъ дипломата и бивуакомъ солдата. Войдя въ комнату, герцогъ выпрямился, какъ солдатъ, и оглядѣвъ испытующимъ взглядомъ молодаго человѣка, заговорилъ съ нимъ, впрочемъ, любезнымъ тономъ.

— Сегодня, господинъ д'Ориньи, я васъ видѣлъ у герцогини. Присутствіе въ домѣ такой почтенной дамы чрезвычайно говорить въ вашу пользу. Я подумалъ о васъ и желаю теперь помочь сдѣлать вамъ карьеру.

Гастонъ отвѣчалъ нѣмыми поклономъ. Упоминаніе имени герцогини нѣсколько смутило его, такъ какъ онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ инициативѣ маркизы де-Помпадуръ, — но слова маршала звучали ласково и привѣтливо, и сердце Гастона не переставало радостно волноваться.

— Теперь, какъ разъ представляется къ тому превосходный случай. Король имѣетъ важное и безотлагательное дѣло съ австрійскимъ дворомъ и долженъ послать туда курьера, въ преданности котораго не можетъ быть сомнѣнія. Я вспомнилъ о васъ и доложилъ его величеству, что ваше усердіе и скромность служить ручательствомъ за удачное исполненіе этого тайнаго порученія.

Сила этого удара поразила Гастона, какъ громомъ. Все, что прежде казалось ему страннымъ и неяснымъ, теперь мгновенно разъяснилось: милость короля къ Луизѣ, о которой ему говорила молодая дѣвушка, пылкое воодушевленіе его величества во время этого разговора, лестное приглашеніе на балъ маркизы де-Помпадуръ и наконецъ приказаніе удалиться. Ясно было, что сдѣлание всѣхъ

этихъ обстоятельствъ—одна злая и заранее обдуманная цѣль. У Гастона завружилась голова, онъ покачнулся и окинулъ маршала оцѣпенѣлымъ взглядомъ, полнымъ ужаса и негодованія.

Ришелье, казалось, не замѣтилъ волненія молодого человѣка. Онъ вынулъ изъ кармана мундира большой конвертъ, запечатанный королевскою печатью, и, отдавая его Гастону, проговорилъ:

— Здѣсь, мой милый, заключается предписаніе отъ короля кардиналу. Черезъ часъ вы должны будете выѣхать и чѣмъ скорѣе вы пріѣдете въ Вѣну, тѣмъ довольнѣе будетъ король. Въ Вѣнѣ, находясь подъ покровительствомъ кардинала, вы будете ожидать новыхъ приказаній его величества.

— Но, господинъ герцогъ, возразилъ Гастонъ дрожащимъ голосомъ,—я...

— Ахъ, я совершенно забылъ, прервалъ его Ришелье, что касса молодого мушкетера не бываетъ постоянно также полна деньгами, какъ кошелекъ генерала. Вотъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ изыщной, деревянной шкатулочки кошелекъ съ деньгами, этого вамъ будетъ достаточно для дороги, а въ Вѣнѣ нашъ посланникъ позаботится недопустить васъ до нужды. Главное, уѣзжайте скорѣй и не задерживайте почтовыхъ лошадей.

— Господинъ герцогъ, прошепталъ Гастонъ,—я бы желалъ... у меня есть друзья... нельзя ли отложить до завтра. Ришелье съ удивленіемъ взглянулъ на молодого человѣка, какъ будто увидалъ что-то необыкновенное и сверхъестественное.

— Я ужъ вамъ передалъ, милостивый государь, что порученіе это особенной важности и не терпитъ отлагательства. Никто не долженъ знать о посылкѣ его величествомъ курьера.

Но какъ только Гастонъ понялъ всю глубину коварнаго плана, онъ ощутилъ въ себѣ мужество и твердую рѣшимость защищать Луизу и не бояться никакой опасности.

— Господинъ герцогъ, сказалъ Гастонъ уже твердымъ голосомъ, — благодарю васъ за ваше довѣріе. Хотя и чувствую себя достойнымъ этой чести, но принять на себя порученіе его величества не могу. Я солдатъ и никогда не обнаруживалъ способностей къ дипломатіи. Еслибы его величеству угодно было назначить меня начальникомъ полка, назначеннаго въ бой съ врагами, такъ я съ радостью повиновался бы этому призыву, но исполнить этого порученія короля я не въ силахъ. Прошу васъ герцогъ, назначьте на мое мѣсто какого нибудь дипломата, болѣе ловкаго и испытаннаго въ такихъ дѣлахъ.

Маршалъ гордо и строго оглядѣлъ молодаго человѣка, между тѣмъ, какъ на губахъ его играла насмѣшливая улыбка, выказывавшая превосходство силы.

— Исполненіе приказаній его величества не зависитъ отъ воли того человѣка, котораго король изволитъ избрать для своихъ порученій; и я удивляюсь, продолжалъ герцогъ, пожимая плечами, какъ молодой дворянинъ, имѣющій честь служить въ корпусѣ мушкетеровъ его величества, до сихъ поръ не знаетъ этого.

— Я очень хорошо знаю, возразилъ Гастонъ, не опуская глазъ передъ суровымъ взглядомъ герцога, какая великая честь получить порученіе отъ его величества, но, не смотря на это, я васъ прошу избавить меня отъ этой чести. Назначьте мнѣ какое нибудь порученіе, которое не выходило бы изъ круга моихъ обязанностей, какъ солдата.

Глаза Ришелье заблестѣли гнѣвомъ при противорѣчій молодаго человѣка, твердо настаивавшаго на своемъ, тогда какъ въ настоящее время отъ этого зависѣло исполненіе самыхъ честолюбивыхъ плановъ маршала.

— Милостивый государь, сказалъ герцогъ повелительно, всякій солдатъ прежде всего долженъ повиноваться. Я маршалъ Франціи сообщаю вамъ отъ имени короля приказаніе отправиться немедленно съ письмомъ его величества въ Вѣну. Если же черезъ часъ вы останетесь

еще въ Версалѣ, то вы будете раздумывать уже въ Бастиліи о послѣдствіяхъ нарушенія вами субординаціи.

Съ величіемъ, полнымъ достоинства, Ришелье подалъ Гастону письмо короля.

Кровь забила въ виски Гастона. Пылкое возраженіе готово было сорваться съ его губъ, — но вдругъ одна мысль, какъ молнія, поразила умъ молодаго человѣка: если онъ лишится свободы, то все будетъ потеряно. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, одного взгляда маршала достаточно заключить его въ Бастилію.

Не говоря болѣе ни слова, Гастонъ поклонился, взялъ письмо и точно во снѣ вышелъ въ переднюю, — гдѣ столько завистливыхъ взглядовъ слѣдило за нимъ, мнимымъ любимцемъ.

— Глупое дитя, сказалъ Ришелье, посмотрѣвъ ему вслѣдъ. Сантиментальныя чувства не должны играть роль въ политикѣ, въ главѣ которой стою теперь я, хоть моя пріятельница маркиза и мой искренній врагъ Шуазель и отстранили меня отъ поста начальника войскъ и посланника. Прекрасно, свѣтскія дамы въ Вѣнѣ заставляютъ его забыть ребячество, продолжаютъ смѣясь герцога, и если маленькая Луиза дѣйствительно будетъ когда нибудь всемогуща, то она меня сама поблагодарить въ послѣдствіи.

Потомъ Ришелье позвалъ своего секретаря Раффе и приказалъ ему объявить всѣмъ сидящимъ въ залѣ, что герцога слѣдуетъ занять и не можетъ никого принять сегодня. Конечно не могло не возвыситься вліяніе герцога отъ таинственности, которой онъ окружилъ себя.

Гастонъ возвратился домой въ лихорадочномъ волненіи. Во что бы то ни стало онъ долженъ былъ говорить съ Луизой, предупредить ее объ опасности, которая ей угрожала. Онъ хотѣлъ умолять молодую дѣвушку бѣжать съ нимъ, ему казалось легче переносить въ уединеніи бѣдность и всевозможныя лишенія, нежели видѣть Луизу въ безднѣ, открывавшейся передъ ней. Но какимъ образомъ спасти ее? Проникнуть теперь

во дворецъ не было никакой возможности, всѣ дамы заняты туалетомъ и приготовленіями къ вечеру маркизы, и двери отеля герцогини не раскроются предъ нимъ ни подъ какимъ предлогомъ. Единственно, гдѣ только можно было видѣть Луизу и говорить съ ней, это на балу у маркизы, — но въ рукахъ у него было письмо короля, заключавшее государственную тайну, и къ тому же строгое приказаніе герцога отправиться въ путь. Онъ зналъ, что, въ случаѣ послушанія этого приказа, его ожидаетъ вѣчное заключеніе, можетъ быть безчестіе, наказаніе и даже смерть, — и что все это тѣмъ вѣрнѣе угрожало ему, чѣмъ необходимѣе было его удаленіе для выполненія плана, приводившаго его въ глубокой ужасъ. Но на что не отважится молодое любящее сердце, если опасность угрожаетъ его чувству, — отрадѣ всей его жизни!

Гастонъ отдалъ слугѣ приказаніе нанять ему карету, упаковать его гардеробъ и черезъ часъ послѣ визита къ герцогу онъ выѣхалъ изъ города, украшеннаго дворцами, пережившими цѣлыхъ два поколѣнія и отстроенными еще во времена гордаго Людовика XIV. Въ то самое время, какъ Гастонъ садился въ карету, вдругъ появился секретарь маршала и подалъ молодому человѣку кошелекъ, наполненный деньгами и забытый имъ у герцога. Гастонъ взялъ деньги и поручилъ поблагодарить маршала. Для исполненія всѣхъ плановъ, созданныхъ его возбужденнымъ воображеніемъ, не могло быть лишнихъ денегъ, хотя онъ и имѣлъ еще собственныя кое-какія средства. Г. Раффе (секретарь герцога) внимательно наблюдалъ за отъѣздомъ юноши вонечно съ цѣлью, возвратившись, доложить своему господину. При г. Раффе веселое расположеніе духа, естественный спутникъ молодости даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, взяло верхъ надъ грустнымъ настроеніемъ у Гастона. Игривая улыбка пробѣжала по губамъ молодаго человѣка при мысли, какъ посредствомъ денегъ самаго же маршала ему удастся разрушить его же интригу. Своро однавожь

свѣтлое выраженіе исчезло съ лица Гастона. Побѣгъ съ Луизой представлялся ему единственнымъ существеннымъ средствомъ, но какой удивительный рискъ отважиться на это! Не остановиться передъ опасностью могло только юношеское мужество, страстная любовь и лихорадочный пылъ, доходящій до безумія.

Прѣбхавъ мимо павильоновъ Версаля, Гастонъ приказалъ кучеру остановиться и дожидаться его на этомъ мѣстѣ. Если же онъ не вернется до завтрашняго утра, то возвратиться въ Версаль и разказать тамъ, что отвезъ молодого человѣка на ближайшую станцію. Гастонъ великодушно снабдилъ кучера нѣсколькими золотыми монетами изъ кошелька, любезно предложеннаго ему самимъ маршаломъ.

Вынувъ изъ кареты узелъ, Гастонъ передалъ его слугѣ, ѣхавшему съ нимъ и въ сопровожденіи его отправился, черезъ паркъ, задними ходами, назадъ во дворецъ. Всѣ двери и ворота открывались настежь передъ офицеромъ, состоящимъ на службѣ его величества. Гастонъ пріютился въ уединенномъ мѣстечкѣ парка и съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія темноты, которая спускается въ апрѣлѣ не очень поздно. Здѣсь Гастонъ вынулъ изъ узла голубое домино и плотно закутался въ него, а форменную шляпу съ перьями сѣднилъ на голубую шелковую съ бѣлымъ плюмажемъ. Затѣмъ слугѣ, получившему также свою долю изъ денегъ Ришелье, Гастонъ приказалъ вернуться къ каретѣ и оставаться въ ней до утра. Если же до утра ничего особеннаго не случится, то спокойно возвратиться домой.

Такія мѣры предосторожности не возбуждали ни въ комъ удивленія въ тотъ вѣкъ, когда интриги составляли ежедневное занятіе знатныхъ лицъ. Нерѣдко случалось почталіонамъ и слугамъ, преданнымъ своимъ господамъ, принимать дѣятельное участіе въ ихъ дѣлахъ.

Къ счастью для Гастона погода была не дурна, и онъ подходилъ въ дворецъ именно въ то самое время, когда послѣдніе гости маркизы входили по лѣстницѣ.

Гастонъ виѣхался въ толпу и ни кѣмъ не замѣченный поднялся на верхъ.

Возвратимся въ шевалье де Бомонтъ. Немного успокоенный словами герцога Шуазеля и разговоромъ мнѣистра съ ватеромъ Линьеромъ, онъ возвратился домой, гдѣ нашель скромный, но вкусный обѣдъ. Когда де Бомонтъ наполниль стаканъ рѣдкаго анжуйскаго вина, такъ мало извѣстнаго за границей, его мысли приняли веселый оборотъ и въ немъ проснулась прежняя жажда честолюбивыхъ стремленій. Онъ все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ думалъ о той опасной игрѣ, на которую сначала согласился просто изъ досады,— онъ уже предвидѣль всѣ интриги, разоблаченныя имъ въ маскарадномъ костюмѣ. Подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній: робости, жажды къ необыкновеннымъ приключеніямъ и досады, шевалье послалъ слугу, съ письмомъ въ отель герцогини де Гимене за обѣщаннымъ Луизою домино. Теперь оставалось только одной судьбѣ принять участіе въ предпріимчивой шуткѣ шевалье и отъ ея каприза зависяль успѣхъ. На этотъ разъ судьбѣ угодно было сыграть оригинальную шутку съ Луизой и Бомонтъ.

Служанка, получивъ отъ Луизы распоряженіе передать изъ ея гардероба костюмъ посланному отъ шевалье, не поняла хорошенько приказанія госпожи и отдала слугѣ, Деона то самое голубое домино, которое должна была надѣть на балъ сама Луиза и о которомъ молодая дѣвушка, заранѣе говорила Гастону.

Шевалье не обратиль вниманія на костюмъ и поспѣшилъ закутаться передъ зеркаломъ въ широкій плащъ, капюшонъ котораго скрывалъ всю голову, такъ что видѣлась только черная маска и блестящіе глаза. Одѣвшись, шевалье прохаживался взадъ и впередъ передъ зеркаломъ. Вся его походка, движенія и фигура были въ высшей степени женственны и въ первый разъ молодой человѣкъ поразился неласковой игрѣ природы. Теперь подъ защитою маскарада, онъ надѣялся вполнѣ

ознакомиться со всей придворной жизнью и проникнуть во всё ея тайны.

Шевалье въ наемной каретѣ поѣхалъ на балъ къ маркизѣ и взоидя на лѣстницу, тотчасъ же смѣшался съ толпой гостей, наполнившихъ залу. Ловкій разговоръ и любезное обращеніе шевалье начали привлекать къ нему всѣ маски и многія стали съ любопытствомъ заглядывать въ темные, выразительные глаза молодого человѣка, сверкавшіе какъ двѣ звѣздки изъ подъ черной маски.

Страшно испугалась сначала Луиза, когда служанка, подавая ей бѣлое домино, доложила объ отсылкѣ голу-баго въ Бомонту, но потомъ мало по малу успокоилась. Она убѣдила себя, что недоразумѣніе во всякомъ случаѣ скоро разъяснится, что она, тотчасъ же узнаетъ Гастона и предупредить его, да и молодой человѣкъ можетъ принять за нее шевалье только на одну мибуту.

Такимъ образомъ счастливая и полная радостныхъ надеждъ на будущее проходила Луиза, въ сопровожденіи своей тетки герцогини, по освѣщеннымъ заламъ дворца, любясь ослѣпительнымъ блескомъ и роскошнымъ убранствомъ комнатъ и оглядывая безпрестанно по сторонамъ, отыскивая своего милаго Гастона.

Г Л А В А XII.

Въ залахъ маркизы можно было встрѣтить типы всѣхъ націй, вся всемірная исторія и мѣологія, въ различныхъ видахъ представлялась восхищеннымъ глазамъ зрителей. Не смотря на то, что приглашены были только избранные, общество собралось громадное и въ толпѣ почти невозможно было найти другъ друга. Тѣ же, которымъ желалось и наконецъ удалось встрѣтиться другъ съ другомъ, должны были укрываться въ оконныхъ нишахъ, или подъ тѣнью деревьевъ оранжереи, или въ самыхъ отдаленныхъ углахъ гостиной; если хотѣли безпрепятственно поговорить, хоть нѣсколько минутъ.

На самой маркизѣ былъ надѣтъ костюмъ Дианы, возбудившій своимъ вкусомъ, великолѣпиемъ и богатствомъ удивленіе мужчинъ и зависть дамъ. Греческая одежда изъ тонкой свѣтло-голубой шелковой матеріи доходила до колѣнъ и, спускаясь граціозными складками, плотно обхватывала тонкую и стройную фигуру маркизы; талія была перехвачена золотымъ кушакомъ, осыпаннымъ брилліантами и рубинами, которые такъ и искрились, и переливались разноцвѣтными огнями. Прелестныя руки и гибкая, бѣлая шея маркизы были обвиты нитями крупнаго жемчуга громаднѣйшей цѣны и достоинства. Ея густыя волосы крупными слегка напудренными локонами распались по шеѣ, а на верху головы возвышалась брилліантовая діадема. Брилліантами были также украшены маленькій золотой колчанъ, повѣшенный черезъ плечо и лукъ, находившійся въ рукахъ Дианы; высокія сандалии чрезвычайно низко сидѣли на маленькой, изящной ногѣ маркизы. Лицо маркизы покрывала узкая бархатная маска, но каждый узналъ маркизу и каждый спѣшилъ въ лобныхъ комплиментахъ выразить восхищеніе ея красотой и граціей.

Напрасно зоркіе глаза придворныхъ искали короля. Его не было этотъ вечеръ въ залѣ. Людовикъ XIV являлся въ маскарадахъ въ костюмѣ бога солнца, или Юпитера, а его преемникъ напротивъ любилъ быть не узнаваемымъ и смѣшиваться съ остальнымъ обществомъ, гдѣ ему иногда случалось услышать суровую правду. Сегодня онъ имѣлъ особенную причину скрываться и напрасно надѣялись придворные встрѣтить его величество. Поиски маркизы оставались также безъ успѣха. Въ концѣ анфилады залъ, въ которыхъ суетилось общество, находилась отдѣльная комната, предназначавшаяся каждый разъ въ распоряженіе короля, когда его величество удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ маркизу. Изъ этой комнаты былъ особенный ходъ въ помѣщеніе короля. Двери комнаты охранялись Лебелемъ, одѣтымъ этотъ разъ въ сѣрое домино. Онъ не пускалъ входить туда постороннихъ

лещь, въ томъ основаніи, что можетъ быть королю будетъ угодно провести здѣсь время одному, или съ кѣмъ нибудь изъ общества.

Маркиза казалась очень веселой. Она шутила, сибялась съ гостями, чертила на рукѣ нѣкоторыхъ вострой стрѣлой золотого колчана начальныя буквы имени и не спускала при этомъ глазъ съ комнаты короля. Лебелъ продолжалъ ходить мѣрными шагами взадъ и впередъ мимо дверей, это означало, что король непременно будетъ, — но отчего его величество не показывался до сихъ поръ?

Маркиза съ нескрываемымъ безпокойствомъ начала снова слѣдить за всеми домино и масками, — нѣсколько разъ ей казалось будто она узнавала короля, но потомъ тотчасъ же ей приходилось убѣждаться въ ошибку. Сегодня его величество хотѣлъ быть невидимымъ и это ему удавалось.

Ришелье былъ тутъ же. Онъ цѣлый день скрывался неизвѣстно гдѣ, вечеромъ же появился однимъ изъ первыхъ въ залахъ маркизы, боясь выпустить изъ рукъ нить интриги; начавшейся такъ блистательно. Герцогъ закутался въ бѣлое домино, длинныя бѣлыя перья его шляпы спускались до самаго плеча. Хотя герцогъ старался измѣнить манеры и поведѣніе, но маркиза тотчасъ же его узнала и чѣмъ болѣе старался герцогъ скрыться отъ нея, тѣмъ настойчивѣе преслѣдовала она его наблюденіями.

Шевалье стоялъ нѣсколько времени одинъ. Онъ только что отдѣлялся отъ наряднаго турка въ шелковомъ кафтанѣ, украшенномъ драгоценными камнями и теперь слѣдилъ за графиней Рошфоръ, которая въ костюмѣ нимфы Діаны проходила по комнатамъ въ кругу множества поклонниковъ. Со вздохомъ посмотрѣлъ шевалье въ слѣдъ графини, но пойти за ней не хотѣлъ, частью изъ боязни, частью по злобному чувству, не позволявшему ему забыть насмѣшекъ графини. Но вдругъ къ самому

шевалье подошла дама въ бѣломъ домино, и наклонившись къ его уху, прошептала:

— Добрый вечеръ, кузень, вамъ очень идетъ дамскій костюмъ. Вы не узнаваемы.

— Луиза, спросилъ шевалье, узнавшій голосъ своей кузины, гдѣ д'Ориньи?

— Ахъ, Боже мой! проговорила печально Луиза, я ужъ давно ищу моего бѣднаго Гастона и сколько прошло дорогаго времени, изъ котораго, хотъ нѣсколько часомъ мы могли бы провести наединѣ. Въ этомъ отчасти вы виноваты, кузень, продолжала Луиза укоризненно, мы неволью перемѣнились костюмами. Вы надѣли то домино, по которому долженъ былъ исвать меня Гастонъ. Я обошла всѣ залы, но въ этой толпѣ, такъ трудно встрѣтиться! пожалуйста, кузень, если онъ заговоритъ съ вами, скажите ему, что я надѣла бѣлое домино и съ нетерпѣнiемъ вездѣ его ищу.

Шевалье обѣщаль сдѣлать все возможное, обѣщался отыскать юнаго мушкетера, и Луиза, послѣ бѣлаго поклона, исчезла въ толпѣ, продолжая поиски. Непосредственно за Луизой, къ шевалье подошло другое бѣлое домино и на этотъ разъ мужчина. Любезно раскланявшись съ шевалье, онъ заговорилъ:

— Прошу васъ, прелестная маска, удостойте меня на нѣсколько минутъ вашимъ обществомъ.

Не дожидаясь отвѣта, онъ вложилъ руку шевалье въ свою и повелъ удивленнаго молодаго человѣка, который принужденъ былъ играть роль дамы, осторожно черезъ всю толпу въ другую комнату. Бѣлое домино нагнулось и заговорило подавленнымъ голосомъ:

— Прелестная *m-me de Бомонтъ* конечно помнитъ, что герцогъ Ришелье, ея преданный другъ и слуга, всегда готовъ исполнять ея приказанiя. Скоро, прибавилъ онъ болѣе тихимъ тономъ, вся Францiя будетъ вамъ повиноваться. Послѣднiя слова Ришелье произнесъ съ особеннымъ ударенiемъ.

Мысли шевалье перепутались. Онъ понялъ, что его

сочли за Луизу, это было очень естественно; благодаря его костюму и фигурѣ, но почему надменный герцогъ такъ усердно увѣрять въ своей преданности Луизу—это было еще загадкой для Бомонта. И какимъ образомъ герцогъ могъ знать костюмъ Луизы?

Шевалье, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ играть роль Луизы, и онъ женскимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Мои приказанія, герцогъ? Вы жестоко смѣтаетесь надъ ничею назначенной дѣвушкой.

— Ничею назначенной! воскликнулъ герцогъ. Развѣ можно назвать такъ даму, побѣдившую сердце короля и которой предназначено пролить лучъ счастья на жизнь нашего дорогаго монарха.

Въ умѣ шевалье блеснулъ свѣтъ, мгновенно все ему разъяснившій. Какъ скоро исполнялось его желаніе и его костюмъ открывалъ передъ нимъ нить одной изъ самыхъ интересныхъ интригъ, которая могла посвятить его въ мрачныя тайны двора! Правда, эти открытія подвергали опасностямъ, еще бѣльшимъ, чѣмъ кажимъ подвергаются за это въ настоящее время. Тогда еще благоденствовала тюрьма, куда бросали преступниковъ, какъ въ могилу.

Съ твердымъ мужествомъ рѣшился шевалье пренебречь опасностью, да притомъ же и возвращаться назадъ теперь было уже слишкомъ поздно; онъ дрожалъ отъ волненія и отвѣчалъ голосомъ, такимъ естественнымъ, какимъ могла бы сказать сама Луиза:

— Король, господинъ герцогъ, возможно ли это?

— Вы шутите со мной, m-lle Луиза, возразилъ Ричелье, — глава самой робкой женщины скрѣпляютъ открытіе пламя любви даже въ полуопущенныхъ взглядахъ, а тѣмъ болѣе, если это пламя зажглось въ сердцѣ короля.

— Неужели, герцогъ? спросилъ съ притворной наивностью шевалье. Король долженъ снисзойти слишкомъ низко, почтивъ меня своимъ вниманіемъ и считая меня достойной своей милости.

— Она умнѣе, тѣмъ я думалъ, сообразилъ Ришелье.

— Впрочемъ вы сами ужъ замѣтили пламенные взгляды и вздохи короля. Скоро, скоро вы услышите изъ собственныхъ устъ короля, что величайшее желаніе его величества сложить власть и могущество въ вашия ноги: въ одной улыбки, въ одного взгляда вашихъ прекрасныхъ глазъ, которые свѣтатъ мнѣ теперь изъ подъ маски...

— О Боже! воскликнулъ шевалье съ изумительнымъ притворствомъ, вы меня смущаете, герцогъ! Но герцогиня.. но моя совѣсть...

— Герцогиня? прервалъ его Ришелье, она сама вамъ скажетъ, что долгъ каждой преданной подданной угождать его величеству, а благочестивый патеръ Ланьеръ охотно освободитъ вашу душу отъ всякаго сомнѣнія. Однако время проходить, а мнѣ еще много дѣла, замѣтилъ Ришелье, я долго васъ искалъ поговорить съ вами объ этомъ важномъ предметѣ.

— То, что вы мнѣ сказали, дѣйствительно очень важно, отвѣчалъ шевалье, и каждое ваше слово запечатлѣлось въ моей душѣ.

— Когда вы сдѣлаетесь другомъ короля, Луиза, продолжалъ Ришелье, и подниметесь на ту недосягаемую вышину, куда стремятся взоры всѣхъ, тогда то будутъ въ васъ метать стрѣлы ненависти и вы будете имѣть враговъ жестокихъ, непримиримыхъ враговъ.

— Но, господинъ герцогъ, воскликнулъ шевалье чистосердечно, я никому не сдѣлала зла, никого не оскорбила.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, прервалъ его Ришелье. Еслибъ вы дѣлали зло, то васъ бы, по крайней мѣрѣ боялись, но такъ какъ вы сами говорите, что никого не оскорбили и вмѣстѣ съ тѣмъ готовитесь занять мѣсто, возбуждающее общую зависть, то васъ будутъ преслѣдовать и пускать въ ходъ всѣ оружія ненависти и злобы.

— Но, герцогъ, прошептала шевалье бояливо, какъ

могу я рѣшиться идти противъ правительства, я неопытная и слабая.

— Вы должны найти себѣ друзей, заговорилъ Ришелье покровительственнымъ тономъ, друзей, хорошо знающихъ дворъ и его интриги, которые могли бы подать вамъ совѣтъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и поддержать ваше могущество. Я, напримѣръ, готовъ вамъ во всемъ повиноваться. Потому вы должны удалить вашихъ враговъ прежде, чѣмъ они успѣютъ нанести вамъ вредъ, а ваши самые жестокие враги: маркиза и Шуазель.

— Маркиза, герцогъ Шуазель, повторилъ шевалье съ наивностью, они дѣйствительно опасны и злы. Это говоритъ моя тетка герцогиня каждый день, но какъ же, герцогъ, могу я устранить такихъ вліятельныхъ особъ?

— Его величество, продолжалъ Ришелье, наклоняясь къ уху шевалье, ждетъ только перваго пламеннаго взгляда вашихъ глазъ, и онъ падетъ къ ногамъ прелестной очаровательницы. Вамъ возможно все. Но, несмотря на это, ваше будущее счастье и прочность власти зависятъ отъ умѣнья воспользоваться одною минутой. Прежде, чѣмъ выслушать признаніе въ любви короля, вы должны поставить въ условіе немедленное удаленіе маркизы и Шуазеля. Его величество охотно пожертвуетъ вамъ маркизой, герцога же продастъ съ легкимъ вздохомъ.

— Вы меня смущаете, герцогъ, прошептала шевалье, удивительно ловко скрывая радость, испытываемую имъ въ продолженіе всей рѣчи герцога. Шевалье былъ въ восхищеніи. Этотъ ловкій, хитрый и осторожный интриганъ Ришелье открываетъ ему, другу Шуазеля и маркизы, свои затаенныя мысли!... и все благодаря чему? глупой перемиѣнѣ костюмовъ.

— Однако-жь, право, я теперь не понимаю, какъ выпутаться, подумалъ шевалье.

Они находились вблизи комнаты, предназначенной для короля. Ришелье замѣтилъ маркизу, которая все

время слѣдила за ними, дѣлая въ то же время видъ будто не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

— Вотъ маркиза, сказалъ Ришелье, лучше намъ скрыться отъ нея и не заставлять ея заранѣе задумываться. Пройдемтесь еще разъ по залѣ, m-me Луиза, короля еще нѣтъ, и мы успѣемъ еще о многомъ поговорить.

Онъ провелъ шевалье чрезъ густую толпу собравшихся масоѣ и продолжалъ шептать ему на ухо. — Молодой человекъ напрягалъ всѣ силы не проронить ни одного слова изъ интересной рѣчи герцога.

Маркиза слѣдила за этой парой и видимо старалась не терять ихъ изъ виду. Въ это время къ ней подошелъ Шуазель въ домино, слегка накинутаго на плечи, почти не скрывавшаго фигуры герцога.

— Вы волшебны хороши, маркиза, заговорилъ Шуазель, и сама богиня серебрянаго созвѣздія, явившаяся ночью Эндимиону, не могла бы сіять ярче. Ваши взгляды могутъ поднять мертвыхъ.

— Перестаньте льстить, герцогъ, возразила маркиза, взявъ Шуазеля подъ руку, — теперь не время этимъ заниматься. Мнѣ надо съ вами серьезно поговорить. Наши враги затѣваютъ какую-то интригу, вы также, я думаю, это знаете, все дѣлается у насъ на глазахъ. Войдемте сюда, герцогъ, продолжала маркиза, указывая на комнату, охраняемую Лебелемъ, здѣсь никого нѣтъ и мы можемъ поговорить свободно, не боясь подслушиваній.

Она сдѣлала знакъ Лебелю, почтительно поклонившемуся ей и вошла въ уединенное мѣстечко, совершенно отдаленное отъ шума гостей.

— Что-жъ случилось? спросилъ Шуазель. Я также чувствую какое-то необыкновенное удущье въ атмосферѣ двора.

— Вы знаете, герцогъ, заговорила маркиза, или нѣтъ, — вамъ впрочемъ это неизвѣстно, продолжала она въ смущеніи, кажется я не спрашивала вашего совѣта, — а хо-

тѣла примириться съ моими злѣйшими врагами іезуитами. Не обращая вниманія на ихъ злость, на крики и памфлеты, которые они распространяють на мой счетъ, я выбрала патера де Сазы моимъ духовникомъ...

— Слабость, маркиза, поскликнулъ неволью Шуазель, — боязнь! А страхъ и слабость самыя дурныя и непоправимыя ошибки, въ особенности для людей, которые занимають такое высокое положеніе и хотять на немъ удержаться. Примириться съ іезуитами невозможно, — вы только покажете этой попыткой, что желаете отвернуться отъ свѣта и свободныхъ умовъ, которые считали до сихъ поръ маркизу де Помпадуръ могущественнымъ другомъ и покровительницей.

— Я наказана за мою слабость, герцогъ, патерь де Сазы отвѣчалъ на мое предложеніе запиской, гдѣ онъ въ короткихъ и холодныхъ выраженіяхъ отказывается быть моимъ духовникомъ, если я не оставлю дворъ и не покажу себя такимъ образомъ достойной покаянія.

— Давно ли эти патеры сдѣлались такими благочестивыми, они, которые ради глупой формулы готовы измѣнить всякую заповѣдь, или молитву; — но впрочемъ вы правы, маркиза, тутъ что-то кроется, патерь не рѣшился бы дать такой смѣлый отвѣтъ, не имѣя сильной поддержки подъ руками. Король хотѣлъ подписать договоръ съ Австріей, продолжалъ задумчиво герцогъ, — патерь Линьеръ былъ тутъ. Колебаніе короля по этому поводу даетъ мнѣ думать, что мое паденіе близко и что Ришелье будетъ моимъ преемникомъ.

Маркиза внимательно слушала Шуазеля, хотя онъ говорилъ тихо и какъ бы про себя.

— Ришелье — измѣнникъ, не вѣрный! воскликнула маркиза. Теперь для меня все ясно. Я видѣла Ришелье въ жаркомъ разговорѣ съ голубымъ домино.. я тотчасъ узнала его, несмотря на всѣ старанія Ришелье отъ меня спрятаться. Когда мы вошли сюда, Ришелье проходилъ мимо съ этимъ же самымъ домино. Видно, что они что то затѣвають и расчитываютъ на полный успѣхъ.

Впрочемъ они и прежде часто начинали и ошибались. Подите къ гостямъ, герцогъ, скоро придетъ король и вы тотчасъ его узнаете по манерамъ и походкѣ, а я останусь слѣдить здѣсь. Они забыли, что у меня въ гостахъ и что здѣсь нѣтъ уголка, куда бы я не могла проникнуть. До свиданія, герцогъ, оставайтесь на вашемъ посту и помните, что они насъ еще не побѣдили!

Маркиза взяла подъ руку Шуазеля и пройдя мимо Лебеля, стоявшаго у входа, вмѣшалась въ группу масокъ.

Скоро маркиза оставила Шуазеля и незамѣтно исчезла за одной изъ портьеръ, скрывавшихъ входъ во внутреннія комнаты.

Въ то время, какъ все это происходило и Рিশелье прохаживался вмѣстѣ съ шевалье по залѣ, сообщая ему полезные совѣты и наставленія, которые молодой челоувѣкъ заботливо удерживалъ въ памяти, въ залу маркизы съ параднаго входа вошли двое мушкетъ, забутанныхъ въ черное домино и присоединились къ числу остальныхъ гостей. Казалось, они усердно кого то искали, въ особенности одинъ изъ нихъ безпокойно оглядывался во всѣ стороны, стараясь разглядѣть, черезъ свою бархатную маску, всѣхъ проходящихъ. Наконецъ онъ нашелъ того, кого искалъ.

— Тамъ. Аиенъ, тамъ посмотри, прошепталъ онъ своему спутнику, указывая на Рিশелье и шевалье, прохаживающихся по залѣ. Скоро онъ догналъ ихъ обоихъ, остановилъ и ударилъ по плечу Рিশелье.

Послѣдній быстро обернулся и испытующимъ взглядомъ осмотрѣлъ закутанную въ домино фигуру.

Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе головою, въ которомъ онъ, какъ старшій придворный, отлично умѣлъ выражать всѣ оттѣнки почтительности и уваженія.

— Все идетъ, какъ нельзя лучше, не угодно ли будетъ вашему величеству меня подождать здѣсь? Рিশелье отошелъ вмѣстѣ съ шевалье на другой конецъ комнаты, осторожно осмотрѣлся кругомъ, и не видя нигдѣ

маркизы, поспѣшно провелъ шевалье въ отдаленную комнату.

— Король идетъ, сказалъ Ришелье, дѣлая знакъ Лебелю, оставайтесь здѣсь, м-ше Луиза, вамъ не долго придется ждать, слѣдуйте во всемъ совѣтамъ лучшаго друга, добавилъ онъ шепотомъ.

Затѣмъ герцогъ снова отправился въ залу отыскивать короля, между тѣмъ, какъ Лебель быстро захлопнулъ дверь комнаты.

Въ эту самую минуту врывается Гастонъ. Молодой человѣкъ, измученный безпокойствомъ и продолжительными поисками, былъ очень счастливъ увидать голубое домино съ бѣлыми лентами, которое по уговору должна была надѣть Луиза. Каково же было его удивленіе, когда въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ подойти къ ней, Ришелье подаль руку голубому домино и они удалились. Смутный страхъ наполнилъ душу Гастона. То ему казалось, что подъ бѣлымъ домино скрывалась фигура короля, то по манерамъ и походкѣ онъ узнавалъ Ришелье, — кровь прилила къ сердцу Гастона и онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ снова успокоился, увѣряя себя, что чистый и возвышенный духъ Луизы не допустилъ бы такого продолжительнаго разговора ни съ королею, ни съ герцогомъ, а главное, что молодая дѣвушка не согласилась бы слѣдовать за ними въ отдѣльную комнату, не сдѣлавъ попытки освободиться, между тѣмъ, какъ это домино совершенно добровольно удалялось вмѣстѣ съ нимъ изъ залы и только издали видно было, какъ оно покачивало головою, давая утвердительные отвѣты на вопросы своего спутника. Можетъ быть это одинъ изъ тѣхъ интересныхъ разговоровъ, которые составляютъ прелесть маскированнаго бала? Несмотря на то, что довѣріе Гастона въ любимой дѣвушкѣ не поколебалось, онъ страшно безпокоился ея продолжительнымъ отсутствіемъ.

Гастонъ видѣлъ, какъ одна изъ фигуръ, закутанныхъ въ черное домино, ударила по плечу Ришелье и какъ

последній, перекинувшись нѣсколькими словами съ черной фигурой, продолжалъ путь подъ руку съ своей дамой. Слѣдуя за ними, Гастонъ наступилъ на ногу фигурѣ въ черномъ домино, сейчасъ только разговаривавшей съ спутникомъ Луизы, и хотѣлъ уже, пробормотавъ какое нибудь извиненіе идти дальше, какъ вдругъ эта фигура закричала:

— Чортъ возьми, будьте осторожнѣе, иначе вы отдадите всѣмъ ноги!

— Гастонъ окаменѣлъ при звукѣ этого голоса, онъ безсознательно наклонилъ голову и прошепталъ нѣсколько словъ въ извиненіе, затѣмъ опрометью бросился впередъ догнать Луизу и поговорить съ нею. Теперь Гастонъ ясно видѣлъ, какая бездна открывалась предъ его любимой дѣвушкой. Въ волненіи молодой человекъ не замѣчалъ, какъ какое то бѣлое домино, скрывавшее нѣжную женскую фигуру, все время слѣдовало за нимъ, протѣсняясь сквозь толпу. Луиза давно узнала Гастона по костюму и вида, что онъ принялъ за нее шевалье, идущаго подъ руку съ Ришелье, торопилась разяснить ему, какъ можно скорѣе недоразумѣніе, но всѣ старанія ея догнать Гастона не удавались.

Гастонъ видѣлъ, какъ Ришелье проводилъ голубое домино до конца залы и оставилъ на порогѣ комнаты, предназначенной для короля. Домино быстро скрылось во внутренность комнаты. Теперь Луиза была одна, это была лучшая минута ее предупредить, спасти. Гастонъ бросился впередъ, но въ ту самую минуту, когда онъ остановился у порога, Лебель захлопнулъ двери комнаты. Гастонъ схватился руками за замокъ двери.

— Сюда нельзя входить, сударь, сказалъ Лебель, строгимъ тономъ, слегка отстраняя молодого человѣка.

— Нельзя входить? грозно спросилъ Гастонъ, какъ же сейчасъ вошла сюда одна дама.

— Эта дама имѣетъ несомнѣнное право быть здѣсь, отвѣчалъ Лебель сухо и насмѣшливо, а вы не имѣете на это никакого права!

— Я гость, приглашенный на балъ къ маркизѣ и имѣю полное право ходить по всѣмъ комнатамъ, открытымъ для гостей маркизы, прервалъ его пылко Гастонъ.

— Эта комната закрыта для всѣхъ посѣтителей, отвѣчалъ Лебель.

— Но сейчасъ же дама вошла сюда! воскликнулъ Гастонъ, дама, съ которой я непременно долженъ говорить.

— Въ такомъ случаѣ, молодой человѣкъ, я долженъ вамъ сказать, перебилъ нетерпѣливо Гастона Лебель, — эта комната принадлежитъ королю! Казалось, такое рѣшительное слово должно бы прекратить эту странную сцену, но Гастонъ оставался неподвижный и какъ бы оцѣпенѣлый отъ ужаса. Онъ чувствовалъ, что эту границу не можетъ переступить никто, если не желаетъ быть уничтоженнымъ въ прахъ, — но тотчасъ же его осѣнила мысль, что его милая Луиза въ опасности, — въ опасности, обдававшей его холоднымъ ужасомъ, — какое-то облако затмило глаза Гастону, бѣшеное мужество овладѣло имъ и онъ, сжавъ, какъ желѣзными ногтями, руку Лебеля, глухимъ голосомъ закричалъ:

— А я войду, милостивый государь, и буду говорить съ этой дамой.

— Вы не осмѣлитесь!

Гастонъ рванулся уже, желая столкнуть Лебеля. Послѣдній поднялъ руку сорвать маску съ лица молодого человѣка, — всѣ маски, находившіяся по близости, сбѣжались... еще одна минута и это происшествіе имѣло бы роковую судьбу на жизнь Гастона, какъ вдругъ онъ услышалъ позади себя нѣжный женскій голосъ, боязливо и тихо звавшій его.

— Гастонъ, Гастонъ, остановись!

Гастонъ былъ пораженъ, какъ молніей. Оттуда вдругъ этотъ голосъ Луизы, этотъ милый и дорогой голосъ, который онъ легко отличилъ бы отъ тысячи.

— Гастонъ, я васъ такъ давно искала, послушайте же меня, повторяла умоляющимъ голосомъ Луиза. Медлен-

но обернулся Гостонъ въ ту сторону, откуда слышался голосъ и увидѣлъ женскую фигуру, завернутую въ бѣлое домино и протягивавшую къ нему обѣ руки.

Онъ отдалился отъ двери, и Лебель свободно вздохнулъ.

— Луиза? вы здѣсь, заговорилъ онъ, какъ будто очнувшись отъ тяжелаго сна, — кто жъ тамъ? продолжалъ онъ съ безпокойствомъ, указывая на дверь. Я сейчасъ видѣлъ, какъ туда прошло голубое домино съ бѣлымъ бантомъ.

— Шевалье, мой кузень, надѣлъ мой костюмъ, объясняла Луиза, взявъ Гастона за руку и осторожно увлекая его за собой, — неприятное недоразумѣнiе, прибавила она, но теперъ, слава Богу, все поправилось, — пойдѣмъ условиться о нашихъ будущихъ планахъ и надеждахъ.

— Все хорошо! повторилъ Гастонъ мрачно, — нѣтъ, милая Луиза далеко не все идетъ хорошо, — пойдѣмъ туда, въ оконную нишу, мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить.

Тонъ его голоса былъ грустенъ и серьезенъ, и Луиза съ невольнымъ трепетомъ шла за нимъ къ окну, гдѣ стоялъ маленькiй диванчикъ, почти совсѣмъ скрытый отъ публики шелковыми занавѣсами окна и тропическими растенiями. Укрывшись въ этомъ уединенномъ уголкѣ, Гастонъ усѣлся рядомъ съ Луизой, стараясь выяснитъ себѣ и привести въ порядокъ свои мысли. Онъ соображалъ, какъ бы деликатнѣе предупредить эту милую и неопытную дѣвушку объ опасности, грозно носившейся надъ ея головою.

Г Л А В А XIII.

Между тѣмъ шевалье остался въ кабинетѣ короля. Сердце его сильно билось, онъ затѣялъ опасную игру, начать которую его побудилъ только собственный капризъ и желанiе принять участiе въ придворныхъ интри-

гахъ. Вернуться тотчасъ—теперь было невозможно. Но вмѣстѣ съ опасностью выростало и мужество шевалье. Онъ предвидѣлъ свою судьбу, рѣшился вести дѣло дальше и ждать вдохновенія, которое внушило бы ему, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

Онъ плотно закутался въ широкое домино, длинные рукава котораго висѣли чуть не до колѣнъ, и бросилъ взглядъ на большое стѣнное зеркало убѣдиться въ послѣдній разъ, въ полномъ ли порядкѣ весь его костюмъ.

Вдругъ зеркало медленно отдѣлилось отъ стѣны, какъ дверь отъ петель, и въ полу-мрачномъ пространствѣ комнаты явился образъ маркизы де Пампадуръ, въ блестящемъ костюмѣ Діаны, безъ маски и съ глазами, сверкавшими яростью.

Шевалье остановился, какъ вкопанный отъ удивленія. Новое смущеніе овладѣло имъ: что дѣлать теперь? Маркиза гордо и твердою поступью приблизилась къ нему и заговорила гордо и надмѣнно:

— Кто вы такая, зачѣмъ отдѣлились отъ осталнаго общества и пришли сюда?

Шевалье задрожалъ при этихъ вопросахъ, но внезапно въ его головѣ промелькнула новая мысль, и онъ смѣло выступилъ на встрѣчу ослѣпительной красавицѣ.

— Я привыкла получать отвѣты на мои вопросы, закричала маркиза, топнувъ ногою, я дѣлаю вамъ честь, говоря съ вами безъ маски, тотчасъ долой съ лица вашу маску!

Она протянула руку къ лицу шевалье, но тотъ предупредилъ ея движеніе и снялъ самъ маску.

— Шевалье Деонъ! воскликнула маркиза въ необъяснимомъ изумленіи. Что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ въ этомъ костюмѣ? строго прибавила она.

Шевалье спустилъ съ плечъ домино, такъ что былъ виднѣнъ его черный придворный костюмъ, надѣтый внизу и опустивъ на одно колѣно передъ маркизой. Онъ былъ чудно хорошъ въ этомъ двойномъ костюмѣ мужчины и женщины. Съ мягкими и граціозными движеніями, на-

поминающими женщину онъ протянулъ руки къ маркизѣ, между тѣмъ, какъ въ глазахъ его выражались отвага и пламенная страсть мужчины. Маркиза невольно потупилась.

— Согласится ли строгая богиня простить заблудшему, который осмѣливается слѣдовать за ней, какъ бабочка таяется за свѣтомъ, привлекавшимъ ее своимъ яркимъ пламенемъ, которое послѣ минуты спокойнаго сіянія поражаетъ ее мертвой.

— Какъ должна я понимать ваши слова? спросила маркиза, сильно взволнованная. Вы пришли сюда, чтобъ...

— Для того, прервалъ ее живо шевалье, чтобъ видѣть ту, взглядъ которой, одинъ разъ обращенный на меня, зажегъ поражающее пламя въ моей груди и образъ которой съ тѣхъ поръ всецѣло царитъ въ глубинѣ моего сердца! И если бы мнѣ въ удѣлъ предназначено было наказаніе Актеона, то и тогда я долженъ излить мои чувства у ногъ богини и прижать мои пылающія губы къ ее рукѣ, державшей стрѣлу смерти,—еслибы даже за всѣмъ этимъ слѣдовалъ мой послѣдній вздохъ!

Онъ схватилъ руку маркизы и покрылъ ее поцѣлуями.

— Какое безуміе, шептала маркиза, задыхаясь отъ волненія, какая дерзость! Но все таки, проговорила маркиза, отвернувшись въ сторону, онъ очень хорошъ, какіе блестящіе глаза, страстные выраженія! Вы глупое дитя, шевалье, и я должна бы разсердиться на васъ...

— Дитя, маркиза? Снова вы называете меня дитяемъ! Нѣтъ, я уже не ребенокъ, но мужчина, герой, потому что люблю васъ и никто не въ силахъ удержать моей любви! Съ этими словами онъ обнялъ маркизу и страстно прижалъ ее къ груди.

Маркиза съ гнѣвомъ высвободилась изъ его объятій и отступила нѣсколько шаговъ назадъ, поправляя прическу.

— Какой вы неосторожный, шевалье! Еслибы я дѣйствительно была строга, какъ Діана, то дерзость ваша не заслужила бы прощенія.

Шевалье взял маркизу за руку. съ умоляющимъ взглядомъ.

— Маркиза, вы меня простите? виной всему моя любовь.

— Но еслибъ я согласилась простить васъ, отвѣчала маркиза, смотря влажными глазами на это прелестное и загадочное лицо, то общаете ли вы сдерживать ваши порывы и быть кроткимъ и послушнымъ?

— Я общаю вамъ исполнить все, что вы только пожелаете, отвѣчалъ шевалье, только позвольте мнѣ любить васъ и просить...

— Могу ли это запрещать? замѣтила съ улыбкой маркиза. Но здѣсь, шевалье, я не могу васъ выслушать, не смотря на ваше краснорѣчіе. — Мы не должны здѣсь дольше оставаться, вы не знаете....

Только что маркиза сказала эти слова, какъ дверной замокъ слегка щелкнулъ.

— Слишкомъ поздно! проговорила маркиза, прячась въ темное пространство позади зеркала. Я представляю васъ, шевалье, вашему счастью и ловкости, но, во всякомъ случаѣ помните, что я здѣсь и всегда гстова васъ защитить.

— Если это такъ, то я ничего не боюсь! воскликнулъ шевалье, бросая восторженный взглядъ на маркизу, и задвигая зеркало на его прежнее мѣсто. Потомъ онъ надѣлъ маску и закутался въ домино. Все это было дѣломъ одной минуты. Король, вмѣстѣ съ Ришелье, позавался на порогѣ.

— Такъ она ждетъ меня? спросилъ король, остановившись на одну минуту, и ты увѣренъ, что это непременно Луиза?

— Да, ваше величество, это Луиза, отвѣчалъ Ришелье утвердительно. Я освѣдомлялся въ отелѣ герцогини о костюмѣ, который она должна надѣть на балъ, да притомъ я долго говорилъ съ нею и узналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидаетъ того, чей образъ давно гос-

подствуетъ въ ея сердцѣ. Король вошелъ въ комнату. Лебелъ заперъ дверь, а Ришелье вернулся снова въ залу.

— Мина подведена, говорилъ Ришелье про себя, самодовольно улыбувшись, — и взрывъ послѣдуетъ непременно, но когда? этого вѣрно рассчитать нельзя. Теперь я не долженъ здѣсь оставаться долго, долженъ избѣгать встрѣчи съ моимъ старымъ другомъ маркизой и уѣхать. Мое дѣло сдѣлано!

Окончивъ этотъ мудрый монологъ въ самому себѣ, Ришелье отправился отыскивать герцогиню де Гимене, которую не трудно было узнать въ ея флоровой маскѣ на лицѣ. Герцогиня сидѣла въ покойномъ креслѣ и хоть она не желала имѣть никакихъ отношеній съ людьми окружавшими, тѣмъ не менѣе около нея образовался маленькій кружокъ придворныхъ, хорошо помнившихъ, какимъ отличіемъ она пользовалась со стороны его величества. Ришелье перегнулся черезъ спинку кресла герцогини и прошепталъ:

— Король ужъ у ногъ вашей племянницы, герцогиня, правленіе Францію въ нашихъ рукахъ и скоро эти блестящія залы, въ которыхъ царствуетъ маркиза, будутъ пустынями и всѣми повинуты.

Живые глаза герцогини заблестѣли.

— Да пошлетъ намъ Небо успѣхъ, прошептала герцогиня, жертва была слишкомъ велика! На этой почвѣ я чувствую себя, какъ на раскаленныхъ угольяхъ.

— Вы скоро освободитесь отъ этого чувства, герцогиня, отвѣчалъ Ришелье. Главное, будьте осторожны съ вашей племянницей и не позволяйте ей много думать, или говорить съ гѣмъ-нибудь. Мы никакъ не должны выпустить изъ рукъ ключъ нашего могущества.

Герцогиня обѣщала Ришелье слѣдовать его совѣту, и онъ незамѣтно, какъ тѣнь, исчезъ изъ залы и вернулся въ свой отель на свободѣ мечтать о будущемъ величій.

Въ эту самую минуту вошла въ залу маркиза, отсутствіе которой было уже замѣчено всѣми; глаза ея сверкали отъ удовольствія и она очаровывала всѣхъ, съ кѣмъ говорила, остроуміемъ и веселостью.

Какъ только Лебель закрылъ двери комнаты, король подошелъ къ шевадь. Онъ снялъ маску и заговорилъ веволнованнымъ голосомъ.

— Наконецъ-то я вижу васъ одну и могу высказать вамъ мои чувства. Онъ взялъ за руку шевадь и старался заглянуть въ его глаза, которые ярко блестя изъ-подъ черной маски.

— Долженъ ли я вѣрить словамъ Ришелье? Неужели вы меня, въ самомъ дѣлѣ, ждали? продолжалъ король.

Шевадь нѣжно высвободилъ руку и отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ королю.

— Ваше величество ожидаютъ всѣ, кого въ удостоиваете вашимъ всемилостивѣйшимъ вниманіемъ.

— Какимъ счастливымъ вы сдѣлали меня въ эту минуту! Еслибъ вы только знали, какъ я страстно стремлюсь завладѣть вашимъ сердцемъ, которое меня такъ хорошо понимаетъ. Ваше свѣжее, чистое сердце снова пробудило во мнѣ пылъ юности и заставило меня надѣяться, чувствовать и желать.

— Король такъ богатъ любовью, отвѣчалъ шевадь, сердца всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ бьются любовью къ нему многолюбимому.

— Многолюбимому, повторилъ печально король. Кто любимъ всѣми, тотъ не любимъ ни кѣмъ! Къ чему повторяете вы постоянно: король, король! прибавилъ онъ раздражительно. Мнѣ и безъ того извѣстно, что короля, который въ сослани осыпаетъ почестами и одѣлаетъ золотомъ, любятъ всѣ, но онъ самъ одинокъ на своемъ престолѣ и желаетъ только завладѣть любящимъ сердцемъ, которое могло бы сочувствовать ему и было бы чуждо лести и честолюбія. Васъ, чистое и прелестное дитя природы, я могу сравнить только съ дикимъ лѣснымъ цвѣточкомъ, выросшимъ въ уединенной чащѣ лѣса. Но зачѣмъ эта противная маска скрываетъ ваши милыя черты отъ моихъ глазъ? Король подошелъ ближе къ шевадь и хотѣлъ снять маску съ его лица. Шевадь отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ваше величество, еслибы я дѣйствительно была то лицо, отъ котораго вы такъ много ожидаете, то тогда...

— Это вы и есть, прервалъ ея живо король, кланусь Богомъ, что вы единственное лицо, заслужить любовь котораго—счастье для меня.

— Я бы сказалъ тогда вашему величеству, продолжалъ шевалье, что вы дѣйствительно найдете въ моей груди то сердце, которое вы ищите и которое готово пролить всю кровь до послѣдней капли изъ преданности вашему величеству и для славы и величія Франціи!

— Счастье и величіе Франціи! повторилъ печально король. Я желаю, чтобы меня полюбилъ кто-нибудь, какъ человѣка, а не какъ короля?

— А развѣ можно любить короля, не заботясь о счастьи и славѣ его государства. И развѣ король не составляетъ одно съ своимъ народомъ! Не течетъ ли кровь французскаго народа въ жилахъ вашего величества и слава Франціи не окружаетъ ли сіяніемъ вашу корону. Каждый вѣрный подданный долженъ любить короля и понимать, что его величество не можетъ предъ нимъ преклоняться, а онъ напротивъ долженъ считать за великую для себя милость расположеніе его величества!

— Какія слова, возразилъ удивленно король, и откуда явились такая твердость и сила духа въ этомъ боязливомъ ребенкѣ?

Шевалье снова продолжалъ громкимъ и звучнымъ голосомъ:

— Любовь и воодушевленіе не могутъ говорить иначе съ вашимъ величествомъ. Я выражаюсь такъ, потому что мое сердце полно самой чистой и возвышенной любви къ королю! Оглянитесь назадъ на предковъ вашего величества, не составляли ли они одно съ своимъ народомъ! Не сохранилъ ли Францискъ I, имя котораго заставляетъ радостно биться каждое сердце, невредимую честь Франціи, не смотря на всѣ бѣдствія, пережитыя

страною. Не освободилъ ли Генрихъ IV, вашъ предшественникъ, свой народъ отъ владычества чужеземныхъ интригъ и отъ мрачной тираніи вѣрованій. И неужели Габріель Дестре меньше любила Генриха IV, оттого, что онъ властвовалъ надъ умами и сердцами своихъ подданныхъ, а не только надъ ихъ имуществомъ.

Эти слова, казалось, задѣли короля за живое.

— Такъ и должно быть, прервалъ онъ шевадье, я хочу быть другимъ королемъ, чѣмъ какимъ былъ до сихъ поръ, такимъ, какъ были мои предки и если я найду любовь... Король снова приблизился къ шевадье снять съ него маску.

Шевадье немного отодвинулся.

— Я желаю посвятить весь пылъ моего воодушевленія королю, мои глаза должны слѣдить за его врагами и рука моя поражать ихъ. Святая и возвышенная любовь направитъ мою руку и укрѣпитъ ее на этомъ пути, какъ это было съ Жанной д'Даркъ.

— Вы восхищаете меня, прервалъ его король, вы очищаете мою душу и дѣлаете ее такой возвышенной..

— Но, ваше величество, заговорилъ снова шевадье, я не хочу, чтобъ мои святые чувства были игрою чьего бы то ни было каприза и не желаю, чтобъ плоды моего сердца, послѣ минутнаго наслажденія, были бы брошены и потоптаны. Мое сердце богато любовью, но оно также гордо и сильно и можетъ сломиться, если плоды его не будутъ посвящены королю, который, какъ Францискъ I, подниметъ высоко къ облакамъ знамя чести и славы Франціи и какъ Генрихъ IV защититъ очагъ престолюдина и дастъ свободу совѣсти каждому человѣку.

— Клянусь небомъ, возразилъ король, я чувствую, какъ въ моихъ жилахъ волнуется кровь.— Вы зажгли въ моей груди чистое благородное пламя, которое я считалъ давно, давно обратившимся въ пепель!

— И такъ, ваше величество, заговорилъ шевадье торжественно, примите мой обѣтъ посвятить вамъ всю жизнь и что никакой образъ не возвысится наравнѣ съ

вашимъ въ моемъ сердцѣ; но, ваше величество, не простирайте руки къ этому бѣдному цвѣточку, который можетъ распространять свѣжесть и благоуханіе только въ тѣни лѣса, а не тогда, когда онъ, сорванный, будетъ лежать у ногъ вашего величества. Я не то лицо, за кого вы меня принимаете. Я не Луиза Бомонтъ и прошу прощенія вашего величества, что пользуясь этимъ обстоятельствомъ, высказываю правду, накипѣвшую на сердцѣ. Онъ всталъ на одно колѣно и снялъ маску, не спуская еще съ плечъ домино.

— Мой Богъ, воскликнулъ король, какое заблужденіе! Такъ вы не Луиза Бомонтъ! Но, кто вы такая и какимъ образомъ пришли сюда?

— Вы обращаетесь ко мнѣ, какъ къ жепцинѣ, ваше величество, прошепталъ шевалье и въ первый разъ и радуюсь имѣть такое нѣжное, женственное лицо. А сколько разъ я проклиналъ себя! Герцогъ Ришелье привелъ меня сюда, прибавилъ шевалье съ достоинствомъ.

— Ришелье счелъ его за Луизу, подумалъ король; ваше имя? добавилъ онъ вслухъ.

Шевалье овладѣло смущеніе при этомъ вопросѣ. Долженъ ли онъ разрушить иллюзію? Молодому, бѣдному адвокату король не простилъ бы никогда, никогда? а сказать чужое имя онъ боялся. Вдругъ его изворотливому уму представился удачный выходъ. Въ католическихъ земляхъ былъ обычай выбирать также и мужчинамъ въ покровительство женскія имена.

— Не будетъ ложью, если я назову также имя св. Женевьевы, подумалъ шевалье, между тѣмъ я этимъ отсрочу гнѣвъ короля и окажу услугу моему покровителю и другу Шуазелю.

Медленно отвѣчалъ онъ нетерпѣливо выжидавшему королю.

— Меня зовутъ Женевьева Деонъ де Бомонтъ, ваше величество.

— Женевьева Бомонтъ? прошепталъ тихо король, между тѣмъ какъ шевалье стоялъ передъ нимъ на ко-

лѣняхъ съ головою, опущенною внизъ. Но, право, я не знаю жаловаться мнѣ на этотъ странный случай, или благодарить его. Какія благородныя черты! Клянусь Богомъ, она прекраснѣе той маленькой Луизы и сердце ея также чисто и чуждо лести и придворныхъ интригъ. Какой благородный и смѣлый умъ видѣлся въ ея словахъ, какое искреннее воодушевленіе!

Король подошелъ къ шевалье. Встаньте, м-ше, сказалъ онъ съ рыцарскою вѣжливостію, вы не на своемъ мѣстѣ.

Шевалье поднялъ умоляющій взоръ на короля и заговорилъ:

— Я не встану съ колѣнъ прежде, чѣмъ ваше величество изволите простить мою смѣлую рѣчь и обманъ...

Король подаль руку шевалье и самъ поднялъ его.

— Васъ простить? возразилъ король, да я долженъ благодарить за то, что вы вывели меня изъ заблужденія. Она прелестна съ этими блестящими глазами, въ которыхъ плутовское выраженіе соединяется съ нѣжностью и кротостію голубя! прибавилъ король про себя.

— Ваши слова, сказалъ громко и серьезно король, запали мнѣ глубоко въ душу, но вы говорили за другое лицо, не перемѣнили ли бы вы вашего мнѣнія, если бы говорили за себя.

— Я чувствую всегда то, что чувствовали бы другіе, отвѣчалъ шевалье.

— А глубокое и пылкое чувство, очаровавшее меня...?

— Оно принадлежитъ королю, отвѣчалъ шевалье, тому королю, который умѣетъ властвовать надъ всѣмъ, что Господь подчинилъ его власти—надъ подданными и самимъ собою. Онъ великъ, онъ великодушно охраняетъ и бѣдный маленькій цвѣточекъ, который только и можетъ цвѣсти и благоухать на свободѣ и въ неизвѣстности!

— Да... ваше сердце возвышенно и благородно, вамъ необходимо спѣшить удалиться изъ этой испорченной и одуряющей атмосферы двора! Но если я обѣщаю вамъ, продолжалъ король, быть достойнымъ королемъ, велико-

душнымъ къ другимъ и строгимъ къ самому себѣ, согласитесь ли вы тогда быть моимъ другомъ?

— Мое счастье будетъ посвящать всю жизнь королю, отвѣчалъ шевалье торжественно, но ваше величество удостойте обратить вниманіе на мои слова. Въ моей женской слабой оболочкѣ мужской умъ и сила; я чувствую въ себѣ силу разорвать всѣ интриги, которыя жадность и властолюбіе сплели вокругъ короля и сковали, какъ цѣпями, руки его величества, которыя должны бы свободно управлять судьбою государства и народа.

— Мои руки скованы въ цѣни? спросилъ король, гордо закинувъ голову. Что хотите вы этимъ сказать? Кто можетъ распорядиться помимо моей воли?

— А если они ужъ почти достигли этого, ваше величество? Вы изволили счесть меня за другую, за мою кузину Луизу де Бомонтъ?

— Да, да, за вашу кузину, подхватилъ живо король, но дальше?

— Если ваше величество изволили ошибиться, то понятно, что и герцогъ Ришелье точно также обманулся и принялъ меня за Луизу, которую хотѣлъ заставить дѣйствовать по своимъ цѣлямъ, заставить ненавидѣть Шуазеля и идти по совѣтамъ благочестиваго патера, герцогини де Гимене и...

— Довольно, довольно, перебилъ король съ досадой. Этотъ Ришелье измѣнникъ... а я считалъ его своимъ другомъ! Онъ раздулъ во мнѣ чувство, онъ привелъ во мнѣ герцогиню и патера Линьера, который такъ снисходительно смотрѣлъ на мое заблужденіе. О теперь я понимаю все! Вы правы m-ше, нити этихъ интригъ тонки, какъ паутина и крѣпки, какъ десять желѣзныхъ цѣпей, скованна въѣсть.

— А между тѣмъ, какъ Шуазель, ваше величество, считаетъ главною цѣлью своей жизни заботиться о величїи и благѣ Франціи, патерь Линьеръ и его собратіа

стараятся только распространить владычество Рима въ королевской Франціи, во Франціи Генриха IV, даровавшаго своему народу свободу совѣсти и вѣрованія.

— Вы знакомы съ философами, спросила король, съ Дидро, Даламберомъ?

— Я знаю ихъ, ваше величество, отвѣчалъ шевалье спокойно, но ихъ ученіе не мое. Они хотять разрушать церкви, я же смиренно склоняюсь передъ крестомъ церкви, точно также, какъ и передъ короной, возвышающейся на головѣ вашего величества. Король, блестящій образъ котораго представляется теперь моимъ глазамъ, долженъ беречь церковь, какъ свою драгоценность и какъ вѣчное и непоколебимое основаніе своего могущества, но церковь не должна служить орудіемъ тѣхъ людей, которые обращаютъ ее въ лагерьъ чужеземнаго господства. Дайте вашему народу свою церковь между родными епископами страны, которымъ самъ Богъ вложить посохъ въ руки; освободите Францію отъ римскихъ легионовъ, удерживающихъ въ вѣдѣніи свѣтлыя умы вмѣсто того, чтобы руководить ими и возвышать ихъ. На собственной землѣ и собственными руками долженъ каждый народъ строить свой храмъ.

Король стоялъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, потомъ подошелъ ближе къ шевалье.

— Я напелъ то, чего искалъ, заговорилъ онъ искреннимъ тономъ, великій, свободный умъ, теплое сердце и мужество для своего короля. Вы не должны никогда оставлять меня!

— У меня нѣтъ другаго желанія, какъ посвятить всю жизнь до послѣдняго дыханія моему королю, отвѣчалъ шевалье съ восторгомъ.

— Но можно ли это? проговорилъ тихо и задумчиво король.

Въ головѣ шевалье промелькнула смѣлая мысль. Онъ самъ въ первую минуту испугался, но быстро рѣшился привести ее въ исполненіе, такъ какъ только смѣлостью и можно было надѣяться на успѣхъ:

— Ваше величество не въ этомъ видѣ я бы долженъ былъ предстать предъ королемъ.

— А какъ же? удивился король.

— Существуетъ на свѣтѣ нѣкто шевалье Деонъ де Бомонтъ, ваше величество.

— Шевалье Деонъ де Бомонтъ, повторилъ король, проводя рукою по лбу, я вспоминаю теперь. Шуазель говорилъ мнѣ о немъ и даже, кажется, представлялъ его. Онъ вашъ родственникъ?

— Онъ мой братъ, ваше величество и рожденъ въ одинъ день со мной. Его черты и фигура такъ похожи на мои, что насъ почти невозможно различить.

— Неужели?

— Онъ бѣдный парламентскій адвокатъ, ваше величество, никому неизвѣстный. Герцогъ Шуазель представлялъ его вашему величеству. Выведите его изъ неизвѣстности, назначьте капитаномъ драгунъ и приблизьте къ себѣ.

— Ну а тогда? спросилъ король.

— Тогда, ваше величество, продолжалъ шевалье, я явлюсь въ его образѣ предъ вами, буду служить, работать и никогда, ваше величество не найдетъ болѣе сильнаго духа и мужественнаго сердца.

— Что скажетъ шевалье? замѣтилъ король.

— Я его такъ хорошо знаю, какъ самое себя, отвѣчалъ шевалье увѣренно. Онъ меня очень любитъ и клянусь вашему величеству, онъ никогда не выдастъ нашей тайны.

— Пусть будетъ такъ, м-ше, сказалъ король, внѣ себя отъ восхищенія, черезъ часъ будетъ выданъ патентъ, а завтра...

— Завтра, докончилъ шевалье, опускаясь на колѣни, я предстану предъ лицомъ вашего величества и посвящу всю жизнь на служеніе моему королю и отечеству!

Король наклонился къ шевалье и поцѣловалъ его въ лобъ.

— И онъ найдетъ во мнѣ того короля, котораго ищетъ и любить, проговорилъ король съ чувствомъ.

Онъ бросилъ еще послѣдній взглядъ на лицо шеваля, горѣвшее неподдѣльною преданностью и быстро вышелъ изъ комнаты.

Шевалье медленно, какъ бы пробуждаясь отъ подавляющаго сна, поднялся съ колѣнъ и проводилъ глазами короля.

Взглядъ шеваля свѣтился восторгомъ.

— Благодарю тебя, милостивое Провидѣнiе! прошепталъ онъ, прижимая руки къ сильно бьющемуся сердцу. По милости женскаго платья я сдѣлался человѣкомъ и достигъ всего, къ чему стремилась моя душа, обширное поле дѣятельности открыто для моего ума и духъ мой можетъ парить высоко! Но, заговорилъ шеваляе торжественно, поднимая руки къверху, это долженъ быть мой верный и послѣдній обманъ! Я долженъ сдержать клятву — посвятить всю жизнь королю и Францiи!

— Теперь же, закончилъ онъ, поправляя маску на лицѣ, необходимо скорѣе уйдти, здѣсь больше дѣлать нечего!

Онъ вышелъ изъ комнаты и прошелъ мимо Лебеля, отвѣсившаго глубокій поклонъ.

Въ послѣдней комнатѣ шеваляе очутился лицомъ къ лицу съ Шуазелемъ, внимательно за нимъ наблюдавшимъ.

Герцогъ узналъ короля, нѣсколько минутъ тому назадъ гордо прошедшаго мимо него и увидя теперь передъ собою голубое домино, о которомъ ему говорила маркиза, старался сквозь маску разсмотрѣть незнакомое лицо.

Шевалье подошелъ ближе къ Шуазелю и, поклонившись ему, сказалъ:

— Герцогъ Шуазель.

— Вы знаете меня, прелестная маска? спросилъ герцогъ.

— *Ex ungue leonem*, отвѣчалъ шеваляе, льва легко

узнать во всякой одеждѣ, въ особенности тому, кто ужъ пользовался его великодушнымъ покровительствомъ. Естественно узнать великаго Шуазеля, но не мѣнѣе понятно и то, что великій Шуазель не узнаетъ смиреннаго Деона де Бомонта.

— Шевалье де Бомонтъ, удивился герцогъ, въ этомъ костюмѣ! и это вы съ такимъ жаромъ и такъ долго разговаривали съ моимъ врагомъ, герцогомъ Ришелье? прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ недовѣрія въ голосѣ.

— Я васъ прошу, герцогъ, отвѣчайте шевалье, не спрашивайте меня и довѣряйте мнѣ. Хотѣли льва запутать въ сѣть, но благодарная мишь явилась перегрысть нитку! Послѣ я вамъ все объясню, но теперь прошу васъ уходите и оставьте меня.

— Шевалье, въ этомъ голубомъ домино, повторялъ удивленно герцогъ, а между тѣмъ маркиза, король, — нѣтъ это такая путаница... я увѣренъ вамъ придется увидѣть много любопытныхъ исторій, пока все это кончится!

— Я васъ оставляю, шевалье, хоть я все таки ничего не понимаю.

— Уходите, герцогъ, перебилъ его шевалье, вѣрьте мнѣ, какъ преданному другу, васъ не должны видѣть вмѣстѣ.

Съ легкимъ поклономъ шевалье исчезъ изъ комнаты, оставивъ Шуазеля одного удивляться странной завязкой интриги, такъ недавно безпозволившей маркизу.

Г Л А В А XIV.

Луиза, уютно ухѣстившись въ гостиной маркизы на диванѣ, окруженномъ экзотическими растеніями, боязливо взглядывала на Гастона, медливнаго начать разсказъ. Они были одни въ этомъ уголѣ.

Но вотъ Гастонъ взялъ ея за руку и заговорилъ своимъ обаятельнымъ выразительнымъ голосомъ:

— Представьте себѣ, Луиза, до чего судьба преслѣдуетъ меня. Сегодня возвращаясь отъ васъ съ сердцемъ, полнымъ надеждъ на будущее счастье, я получилъ приказаніе отъ короля отправиться немедленно въ Вѣну, съ депешей его величества. Теперь я долженъ бы находиться въ дорогѣ, но, не боясь наказанія за непослушаніе, я поспѣшилъ сюда видѣться съ вами.

— Боже! прервала его Луиза испуганно, неужели вы сегодня должны уѣхать, какъ это грустно! Но все таки, Гастонъ, это для васъ счастье, честь. Вы отличитесь, получите награду и можете быть небольшая разлука будетъ средствомъ въ нашему браку.

— Честь, отличіе небольшая разлука, перебилъ ее живо Гастонъ; нѣтъ, Луиза, это не то, неожиданное порученіе надобно считать за немилость, за изгнаніе.

— Изгнаніе? спросила Луиза въ сильной тревогѣ, да зачѣмъ? я ничего не понимаю.

— Но я, Луиза, очень хорошо все понимаю, продолжалъ Гастонъ, и хочу вамъ высказать все, что наполняетъ смертельнымъ ужасомъ мое сердце. Теперь не время скрывать отъ васъ опасность, которая грозитъ вамъ въ близкомъ времени. Луиза, меня отсылаютъ отсюда съ цѣлью разлучить насъ!

— Разлучить насъ, повторила Луиза, начиная сильно тревожиться, видя волненіе своего милаго Гастона. Неужели моя тетка....

— Ваша тетка и Ришелье составили заговоръ съ цѣлью погубить васъ, сказалъ Гастонъ глухимъ голосомъ. Помните вы мнѣ рассказывали, какъ король былъ съ вами особенно любезенъ, старался выказать вамъ свою дружбу.

— Такъ что-жь?

— Ахъ, Луиза, не вѣрьте въ эту дружбу, король любитъ васъ! Понимаете ли теперь для чего меня стараются удалить.

— О, мой Богъ, Гастонъ! вскричала Луиза, за-

дрожавъ отъ испуга и волненія, можетъ ли это быть. Вы, право, ошибаетесь...

— Нѣтъ, въ несчастію не ошибаюсь, Луиза. Если я до сегодня еще могъ сомнѣваться, то теперь это совершенно невозможно. Вы перемѣнились костюмомъ съ шевалье, похожимъ на васъ ростомъ и фигурой, и Ришелье, принявъ его за васъ, предложилъ ему руку и увелъ въ отдѣльную комнату. Знаете ли, что въ ту минуту, когда вы меня позвали, я въ ослѣпленіи гнѣва и отчаянія, терялъ уже всякую надежду спасти васъ.

— Я все таки ничего не предпринимаю.

— Но вы, надѣюсь, поймете, когда я вамъ объясню, что комната эта предназначена исключительно для короля, что Ришелье хотѣлъ васъ съ намѣреніемъ оставить тамъ и что я наконецъ готовъ былъ бы пожертвовать жизнью, чтобы вырвать васъ оттуда.

— О, какое несчастіе, прошептала Луиза, прижавшись въ своему другу, какъ будто ища у него защиты.

— Да, страшное несчастіе, повторилъ Гастонъ: Еслибъ на васъ было голубое домино, то я не былъ бы въ состояніи спасти васъ.

— Но, слава Богу, теперь это недоразумѣніе спасло насъ, успокоивала Луиза.

— Да, но на короткое время, Луиза. Заблужденіе короля скоро разсѣется. Онъ узнаетъ шевалье и бѣдный шевалье сильно пострадаетъ за невольное участіе въ нашемъ дѣлѣ. Да, Луиза, если сегодня, вы незапутались въ сѣти, разставленные вамъ, то завтра попадете непремѣнно, а меня не будетъ здѣсь защитить васъ.

— Это ужасно, сказала Луиза, но что жъ дѣлать?

— Если вы меня любите, Луиза, отвѣчалъ Гастонъ, то мы можемъ быть спасены.—Моя карета стоитъ у парка и мы дойдемъ до нея въ четверть часа. У меня есть письмо отъ короля и паспортъ съ правомъ свободного проѣзда по всѣмъ городамъ, но, только скорѣй, каждая минута замедленія можетъ быть гибельна для

насъ обоихъ. Пока насъ ищутъ, мы вѣрно доберемся до границы, а тамъ уже легко спастись. Пойдемте, Луиза, я васъ жду. Онъ порывисто поднялся съ дивана и схватилъ Луизу за руки.

— Но, проговорила нерѣшительно Луиза, какъ доберемся мы до выхода?

— Очень просто, по большой лѣстницѣ мы сойдемъ внизъ и никому не придетъ въ голову насъ остановить. Всѣ подумаютъ, что мы идемъ къ каретѣ.

Молодая дѣвушка трепетала передъ рѣшительнымъ шагомъ, который долженъ былъ измѣнить ея спокойную, тихую жизнь на бурное существованіе, полное опасности.

— Вѣжать? прошептала она, такъ скоро и въ этомъ востюмѣ?!

— Луиза, перебилъ ея Гастонъ твердымъ голосомъ. Если вы еще промедлите, хоть одну минуту, значить вы меня не любите! Луиза, продолжалъ онъ, наклонясь къ молодой дѣвушкѣ, долженъ ли я думать, что васъ вовсе не пугаетъ судьба, которая васъ ожидаетъ здѣсь. Если такъ, то я срываю маску съ лица и добровольно подвергаю наказанію, за ослушаніе королевской воли. Будь это смерть, мнѣ все равно, для меня въ жизни не остается ничего...

— Перестаньте, Гастонъ, прервала его Луиза, меня ничто не испугаетъ, если отъ этого зависитъ наше счастье, пойдемте. Я иду за вами всюду, куда вы меня поведете.

Гастонъ прижался губами къ рукѣ Луизы. Луиза взяла его подъ руку и они медленно проходили по залѣ, продолжая по видимому безопасно разговаривать другъ съ другомъ и незамѣтно все болѣе и болѣе приближаться къ выходу. Занятые собой, они не замѣтили герцогини де Гимене, сидѣвшей у дверей залы въ покойномъ креслѣ и отыскивавшей глазами племянницу. Сильно забилося сердце Гастона, когда войдя въ швейцарскую, онъ почувствовалъ, какъ рука Луизы задрожала. Онъ быстро обер-

нулся и увидѣлъ возлѣ милой дѣвушки герцогиню де Гимене, въ черной флеровой маскѣ.

— Я тебя искала, мое дитя, сказала герцогиня обычнымъ строгимъ голосомъ, не терпящемъ никакихъ возраженій, я устала и хочу ѣхать домой.

Луиза испуганная стояла передъ герцогиней. У Гастона потемнѣло въ глазахъ и онъ, прижавъ крѣпче къ себѣ руку дѣвушки, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто хотѣлъ, не обращая вниманія на герцогиню, добраться скорѣй до выхода.

Герцогиня съ удивленіемъ посмотрѣла на Гастона.

— Мнѣ очень жаль, милостивый государь, сказала герцогиня холодно-вѣжливымъ тономъ, но я должна увести отъ васъ даму. Желая вамъ скорѣе замѣнить и другою.

И не дожидаясь отвѣта, герцогиня повернулась спиною къ молодому человѣку и пошла къ выходу.

Гастонъ пошелъ за нею, вмѣстѣ съ Луизой.

— Намъ невозможно скрыться, прошептала молодая дѣвушка, — безъ большаго скандала....

— Который бы все испортилъ и заперъ бы меня въ тюрьму, отвѣчалъ Гастонъ съ отчаяніемъ. Въ головѣ его роилось безконечное множество неопредѣленныхъ мыслей. Еслибъ онъ могъ однимъ словомъ убить герцогиню, то конечно ни минуты не задумался-бы.

— Луиза, заговорилъ Гастонъ, наклонившись къ молодой дѣвушкѣ, вы должны теперь идти за теткой.... Можетъ быть, такъ даже лучше... вашъ выходъ скоробы открылся... теперь-же я буду слѣдить за каретой и ждать васъ у отеля герцогини. Будьте мужественны, моя дорая, сыпьте золото, не скупясь и оставьте дворецъ тотчасъ, какъ герцогиня заснетъ. Возьмите съ собой служанку, если нужно, но во всякомъ случаѣ, приходите скорѣй. Какъ только выйдете изъ дверей, вы будете уже подъ моимъ покровительствомъ. Вотъ возьмите!

Съ этими словами Гастонъ подалъ Луизѣ кошелекъ, наполненный деньгами.

— Вы придете... поклонитесь, что вы непременно придете? спросилъ Гастонъ, еще разъ.

— Клянусь вамъ, отвѣтила едва слышно Луиза, крѣпко пожавъ руку Гастона.

Они стояли у дверей швейцарской.

— Позовите слугу герцогини де Гимене, сказала герцогиня, обращаясь къ швейцару, который тотчасъ же поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Герцогиня обернулась и съ удивленіемъ увидала позади себя Гастона.

— Я вамъ очень благодарна, милостивый государь, сказала герцогиня рѣзкимъ тономъ, но я больше не нуждаюсь въ вашихъ услугахъ.

Гастонъ медленно выпустилъ руку Луизы и отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, продолжая шептать Луизѣ:

— Моя жизнь зависитъ отъ васъ... помните, черезъ часъ вы обѣщали быть со мной.

— Карета г-жи герцогини! доложилъ лакей, и герцогиня, опираясь на руку Луизы, сошла внизъ по лѣстницѣ.

Гастонъ вошелъ въ залу отдохнуть и хотѣ немного успокоиться. Онъ то строилъ тысячу плановъ о будущемъ, то вспоминалъ, какъ близки онъ былъ съ Луизой къ свободѣ, еслибъ не герцогиня, и снова начиналъ волноваться.

Вдругъ онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Шевалье Деонъ! проговорилъ Гастонъ, какъ будто передъ нимъ стояло привидѣніе.

— А вы, господинъ д'Ориньи? если я не ошибаюсь.

Гастонъ утвердительно наклонилъ голову.

— Какъ я радъ встрѣтить васъ здѣсь. Въ моемъ дамскомъ костюмѣ мнѣ невозможно вѣхать одному, да я и не долженъ снимать здѣсь маску. Не будете ли вы добры распорядиться на счетъ моей кареты и проводить меня.

— А король? спросилъ Гастонъ.

— Король? Да приче́мъ же тутъ король? повторилъ шевалье.

— Онъ все открылъ... онъ знаетъ? Онъ вѣдь будетъ искать Луизу? горячился Гастонъ.

— Искать Луизу? переспросилъ шевалье такимъ тономъ, какъ будто ему не совсѣмъ были понятны слова Гастона.

— О, мой Богъ, шевалье! воскликнулъ молодой человекъ, сильно волнуясь, вы видѣли короля, говорили съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ, вы должны все знать и понимать въ какомъ я отчаяніи. Вы родственникъ Луизы, научите же меня, какъ дѣйствовать. Мы всегда яснѣе видимъ затруднительныя обстоятельства другихъ, чѣмъ собственныя.

— Хорошо, д'Ориньи, отвѣчалъ шевалье спокойно, что еще болѣе поразило Гастона. Вы все мнѣ расскажете, только здѣсь не мѣсто... посмотрите, за нами наблюдаютъ. Дайте мнѣ вашу руку и пойдете въ паркъ, тамъ мнѣ можно будетъ сбросить съ себя домино и сѣсть въ карету. Но я васъ предупреждаю, что у меня мало времени, я спѣшу возвратиться въ Парижъ.

— Мнѣ точно также нельзя терять ни минуты, сказалъ Гастонъ, вспомнивъ, что Луиза будетъ ждать его.

— Что же, идемъ мы? спросилъ шевалье. Мнѣ кажется, чѣмъ меньше времени для объясненія, тѣмъ легче бываетъ покончить его.

Онъ взялъ Гастона за руку и они вмѣстѣ стали спускаться по лѣстницѣ. Пройдя черезъ дворъ, они вскорѣ достигли тѣнистыхъ аллей парка. Быстрымъ движеніемъ шевалье сбросилъ съ себя домино и свернулъ его въ небольшой свертокъ.

— Теперь я снова мужчина, сказалъ онъ съ легкимъ отгѣвкомъ насмѣшки надъ собою. Начинайте вашъ рассказъ, д'Ориньи.

Гастона въ высшей степени взумила дерзкая увѣренность шевалье, котораго онъ не дальше, какъ сегодня утромъ видѣлъ такимъ робкимъ и скромнымъ, но за—

платный собственнымъ дѣломъ, онъ не долго думалъ о перемѣнѣ шевалье и началъ свой рассказъ, съ тѣмъ волненіемъ, въ которое ставила его грозившая опасность. Онъ не забылъ прибавить, что почтовая карета ждала его на другой сторонѣ парка и что онъ обѣщался Луизѣ ожидать ее у отеля герцогини и потому бѣжать вмѣстѣ за границу.

Шевалье слушалъ молодаго человѣка съ большимъ вниманіемъ и изрѣдка насмѣшливо улыбался.

— Хорошо сыграно, герцогъ Ришелье, говорилъ онъ какъ будто самъ съ собою. Вы думали, все будетъ по вашему желанію, а тутъ явился я, я, о которомъ никто не думалъ и не подозрѣвалъ! Герцогъ Шуазель покровительствовалъ мышкѣ, и мышка явилась во время пергрысть сѣтъ, опутавшую льва.

— Что вы говорите, шевалье? спросилъ Гастонъ, ничего не понявъ изъ этихъ словъ. Я долженъ уходить, прибавилъ онъ съ безповойствомъ, а то Луиза будетъ напрасно ждать меня. Шевалье, вы должны быть нашимъ повѣреннымъ, постарайтесь навести герцогиню на фальшивый слѣдъ, доставить намъ возможность безпрепятственно доѣхать до границы. Сообщайте намъ новости, какъ пойдутъ дѣла безъ насъ и можно ли намъ будетъ когда нибудь надѣяться заслужить прощеніе и вернуться изъ изгнанія.

И онъ съ нетерпѣніемъ потащилъ за собой шевалье.

— Вы удостоили меня вашимъ довѣріемъ, д'Ориньи, сказалъ наконецъ шевалье Гастону, который все еще не снималъ маски. Стало бытъ вы позволите мнѣ подать вамъ совѣтъ въ настоящемъ важномъ обстоятельствѣ.

— Я васъ объ этомъ прошу! воскликнулъ Гастонъ, еще нетерпѣливѣе дернувъ своего спутника. Я буду вамъ очень благодаренъ за такую услугу.

— Я долженъ вамъ сказать, что планъ вашъ очень опасенъ, замѣтилъ шевалье.

— Я готовъ пренебречь всякой опасностью для спа-

сенія, счастья и чести моей дорогой Луизы! пылко перебилъ его Гастонъ.

— Не успеете вы добраться до границы, продолжалъ спокойно шевалье, какъ король пошлетъ за вами погоню и конечно его лошадямъ не трудно будетъ догнать вашихъ почтовыхъ влячь.

— Да, что-жъ дѣлать, когда нѣтъ другаго средства спастись, живо перебилъ его Гастонъ.

— А затѣмъ въ перспективѣ Бастилія, продолжалъ шевалье. Но я знаю другое болѣе вѣрное средство.

— Другое! Укажите мнѣ вѣрное мѣсто, гдѣ можно было бы укрыться, если только такое существуетъ.

— Слушайте меня, д'Ориньи. Думаете ли вы, что я сколько нибудь дорожу своей свободой и жизнью?

Гастонъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на шевалье; онъ былъ озадаченъ и не въ состояніи отвѣчать на такой неожиданный и странный вопросъ.

— Если да, то я вамъ ручаюсь собственной головою и жизнью, съ важностью продолжалъ шевалье, что вы живите на Луизѣ съ согласія короля и ея тетки, получите начальство надъ полкомъ въ провинціи и даже приданое вашей невѣстѣ отъ короля.

— А когда? перебилъ его Гастонъ, ослѣпленный такой заманчивою картиною.

— Тогда, когда вы совершенно успокоитесь и сдѣлаете все, что я вамъ посоветую.

— Что же я долженъ дѣлать? спросилъ Гастонъ.

— Прежде всего вы проводите меня до отеля герцогини.

— Ну, а потомъ?

— Я войду туда, вызову кухню и посоветую ей спокойно спать до завтра, такъ какъ планъ вашего бѣгства не удался.

— Потомъ дальше? волновался Гастонъ.

— Далѣе я васъ попрошу поѣхать со мной въ Парижъ въ вашей почтовой каретѣ, которая вѣроятно

скорѣе доставить насъ въ городъ, чѣмъ мои наемныя влячи.

— Что-жъ мы будемъ дѣлать въ Парижѣ? снова спросилъ Гастонъ.

— Въ Парижѣ вы проводите меня къ хорошему портному. Я навѣрное знаю, что у васъ есть такой на примѣтѣ.

— Конечно, но...

— Вы поможете мнѣ разбудить его и потребовать, чтобъ онъ сшилъ мнѣ къ завтрашнему утру форму драгунскаго капитана.

— У него есть готовое платье. Еслибъ я понялъ, хоть слово изъ всего вашего разговора! воскликнулъ нетерпѣливо Гастонъ.

— Значить ему нужно будетъ только немного перешить платье для меня. Затѣмъ мы поспѣшимъ сюда... до пробужденія короля, мнѣ необходимо быть на моемъ посту.

— Но, милостивый государь, прервалъ его Гастонъ, я имѣю приказаніе отъ короля отправиться въ Вѣну, у меня даже есть письмо отъ его величества къ кардиналу. А вы знаете какому строгому наказанію можно подвергнуться за нарушеніе военной дисциплины. И если меня спросятъ...

— Въ такомъ случаѣ вы должны отвѣчать, что шевалье Деонъ де Бомонтъ сообщилъ вамъ новый приказъ его величества оставаться здѣсь. Что же касается до письма, то передайте его мнѣ.

— Вы смѣтаете, шевалье, сказалъ Гастонъ сердитымъ голосомъ. Мысли его совершенно перепутались.

— Я говорю серьезно, д'Ориньи, продолжалъ спокойно шевалье. Неужели вы думаете, что для меня не открылись бы двери Бастиліи, еслибъ я осмѣлился отдать вамъ подобное приказаніе безъ вѣдома короля? И наконецъ, неужели вы считаете меня способнымъ жертвовать своею жизнію и будущимъ изъ забавы? Гордая увѣренность слышалась въ словахъ шевалье и невольно убѣждала Гастона.

— Неужели вы рѣшились говорить съ королемъ объ насъ и вамъ удалось его убѣдить?

— Не спрашивайте меня ни объ чемъ теперь, отвѣчалъ шевалье серьезно, довѣряйте мнѣ и я даю вамъ слово, что все случится такъ, какъ я вамъ обещаю. Но я требую слѣпago повиновенія до завтрашняго дня.

Непоколебимая твердость, увѣренность въ самомъ себѣ и превосходство силы выражались въ тонѣ голоса и манерахъ робкаго до сихъ поръ молодаго человѣка. Довѣріе къ нему Гастона быстро выросло. Да притомъ же едва ли было рискованнѣе слѣдовать совѣту шевалье, чѣмъ отважиться на побѣгъ, успѣхъ котораго оказывался вполне сомнительнымъ.

— Не забудьте, милостивый государь, что дѣло идетъ о счастіи и чести Луизы де Бомонтъ, вашей кузины.

— И также о моей жизни и свободѣ, прибавилъ шевалье. Мнѣ хорошо извѣстна ставка игры, и я увѣренъ въ выигрышѣ.

Гастонъ уступилъ твердой и рѣшительной волѣ шевалье. Его свѣжему молодому духу пріятнѣе было бороться съ опасностью, чѣмъ бѣжать при встрѣчѣ съ ней. Да и притомъ же побѣгъ обрекалъ ихъ на безпокойную, скитальническую жизнь въ чужой странѣ можетъ быть на всегда...

Они подошли въ отелю герцогини де Гимене.

Шевалье вошелъ туда и вызвалъ къ себѣ Луизу, которая въ страшномъ волненіи ожидала времени, когда ей можно будетъ оставить домъ. Въ немногихъ словахъ рассказалъ онъ дѣвушкамъ, что дѣла идутъ хорошо, побѣгъ ея съ Гастономъ совершенно не нуженъ и что она можетъ спокойно спать до утра, а завтра присутствовать вмѣстѣ съ герцогиней на выходѣ короля. Онъ не забылъ прибавить, что желанія молодой дѣвушки будутъ скоро исполнены.

— Но вы не знаете, кузень, перебила смущенная и испуганная Луиза.

— Я знаю все! отвѣчалъ шевалье, цѣлуя руку Луизы.

Я сейчас говорилъ съ д'Орнны... Онъ доверять мнѣ, и вы должны доверять. У меня нѣтъ времени для объясненій.

Луиза не успѣла еще высказать новаго вопроса, какъ шевадье уже не было въ комнатѣ. Съ безповойствомъ ушла она въ свою комнату, а шевадье воспѣшалъ, вместе съ Гастономъ, добраться до конца парка, гдѣ стояла почтовая карета, въ которой они наняли вѣжко спавшихъ почталіона и слугу. Лошади, послѣ долгой стоянки на одномъ мѣстѣ, быстро понесли ихъ по дорогѣ въ Парижъ.

Послѣ разговора съ шевадье, король, не узнавшаго никѣмъ, присоединился къ остальному обществу. Черезъ нѣсколько времени онъ подошелъ къ маркизѣ, зоркіе глаза которой узнали его, не смотря на заботливую маскировку. Онъ заговорилъ съ ней, не измѣнивъ своего голоса.

— Богиня луны перемѣнилась сегодня ролью съ своимъ братомъ и распространяетъ вокругъ себя блескъ и очарованіе дня.

— Но это фальшивый день, возразила маркиза, низко кланяясь, онъ померкнетъ, какъ только настоящее свѣтило повернется къ намъ свѣтлой стороной.

Король снялъ съ себя маску. Всѣ последовали его примѣру, и чрезъ нѣсколько минутъ во всѣхъ залахъ не осталось ни одного лица въ маскѣ. Всѣ ждали пройти впередъ, ближе къ королю.

Король былъ необыкновенно веселъ и обращался со всѣми любезно и ласково.

— Ваше величество изволили особенно пригласить герцогиню де Гимене и м-ше де Бомонтъ, сказала съ улыбкой маркиза, а, мнѣ кажется, онѣ уже оставили нашъ прадникъ.

— Очень жаль, отвѣчалъ король равнодушно, обращаясь съ какимъ то вопросомъ къ Шуавелю.

Но вдругъ король сдѣлался какъ то нетерпѣливъ и задумчивъ; вскорѣ онъ уѣхалъ съ вечера, который кончился та-

кимъ образомъ въ одиннадцать часовъ, тогда какъ те- перь въ это время только что начинаются бѣги.

Скоро кругомъ Версаля распространились ночной покой и тишина, но многія изъ лицъ, живущихъ въ дворцахъ и палатахъ, не могли сомкнуть глазъ во всю ночь.

Ирраде всѣхъ мы можемъ назвать короля, умъ и сердце котораго были сильно возбуждены воспоминаніями о счастливо прожитыхъ дняхъ своей молодости; потомъ маркизу, приятно мечтавшую, сидя на своей шелковой постели, обшитой алагонскими кружевами; Шевалье, который не могъ забыть во всю ночь, вспоминая разговоръ свой съ королемъ, и свои краснорѣчивые монологи, и свое критическое положеніе; Шуазеля, обдумывавшаго средство уничтожить своихъ враговъ: Ришелье и патера Линьера; герцогиню де Гимене, тѣшившую себя надеждой видѣть маркизу, приниженной и удаленной отъ двора; наконецъ Луизу, переходившую постоянно отъ страха въ надеждѣ. Одинъ Ришелье спалъ спокойно; его крупная, эластичная натура, казалось, была выкована изъ стали и не допускала ни до какихъ сильныхъ потрясеній отъ страха или надежды.

Но высоко надъ этимъ свѣтомъ блеска и величія, зависти и ненависти, желаній и надеждъ, бодрствовало вѣчно стирное око Провидѣнія, мудро руководившее судьбами людей, иногда страннымъ и не понятнымъ для насъ образомъ, что называемъ мы «случаемъ».

ГЛАВА XV.

На слѣдующее утро Ришелье, какъ усердный придворный, первый вошелъ въ переднюю короля. Дверь въ комнату его величества была отворена, но въ ней прохаживался одинъ Лебелъ, шагая неслышными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Замѣтивъ герцога Ришелье, онъ остановился и отдалъ ему почтительный поклонъ.

— Ахъ, Лебелъ, мой другъ, я васъ искалъ, сказалъ маршалъ тономъ доверчиваго снисхожденія.

— Я готовъ выслушать приказанія господина герцога, возразилъ Лебелъ, его величество давно встали, кушаютъ кофе въ своей комнатѣ и пожелали остаться одни и каждую минуту жду звонка отправиться туда.

— Только на нѣсколько словъ, Лебелъ, заговорилъ сцова Ришелье, я вчера очень усталъ и рано уѣхалъ. Король также не долго оставался тамъ, и праздникъ не пріятно скоро кончился. Я въ страшномъ нетерпѣніи узнать, въ какомъ расположеніи вернулся вчера король и какъ онъ настроенъ сегодня?

— Господинъ герцогъ могутъ быть совершенно спокойны, отвѣчалъ Лебелъ, его величество были вчера очень веселы, долго сидѣли, задумавшись въ спальнѣ, и что то говорили про себя.

— Превосходно, превосходно! прошепталъ Ришелье, потирая руки. Пламя скоро загорится яркимъ огнемъ.

— Его величество были также серьезны и растроганы, продолжалъ Лебелъ.

— Луиза говорила съ нимъ о Шуазель, пробормоталъ про себя Ришелье, и ему совѣстно было высказать разомъ рѣшеніе, — какъ умна и ловка эта маленькая Луиза.

— Наконецъ, отвѣчалъ Лебелъ, его величество написали нѣсколько словъ на бумагѣ, запечатали королевской печатью и послали курьера отвезти это письмо немедленно въ Парижъ.

— Письмо? спросилъ Ришелье удивившись, съ королевской печатью? Въ такое позднее время? Лебелъ, я увѣренъ, что вы очень любопытны, и ваша ловкость помогла вамъ удовлетворить любопытству. Къ кому было письмо? Адресъ его стоитъ брилліанта въ моемъ кошелькѣ. Онъ снялъ съ руки кольцо и вертѣлъ его передъ глазами Лебеля, выказывая блескъ драгоцѣнныхъ камней, переливавшихся разноцвѣтными огнями.

Лебелъ взялъ съ глубокимъ поклономъ кольцо отъ герцога и сказалъ:

— Господинъ герцогъ знаетъ, что я преданный его слуга. Адресъ письма былъ слѣдующій: шевалье Деону де Бомонту.

— Шевалье, Деонъ де Бомонтъ! повторилъ задумчиво Ршелье. Я совершенно не помню этого имени. Это, должно быть, тотъ незначительный, бѣдный адвокатъ, котораго Шуазель представлялъ королю.

— Нѣтъ, Лебель, вы ошибаетесь. Въ эту минуту слышался звонокъ изъ спальни короля.

— Его величество зовутъ меня, сказала Лебель, я имѣю честь кланяться господину герцогу.

И быстро, какъ тѣнь, проскользнула Лебель въ спальню государя, — даже не слышно было шума отворившейся и затѣмъ снова затворившейся двери.

Въ то время, какъ Ршелье раздумывалъ объ извѣстїи Лебеля, дворъ началъ мало по малу собираться, т. е. приходили тѣ, которые имѣли свободный доступъ въ покои короля.

Прежде всѣхъ пришелъ герцогъ Аиенъ, довѣрчиво поклонился Ршелье и занялъ свое мѣсто у дверей спальни короля, остававшейся сегодня закрытой для всѣхъ, такъ какъ король объявилъ желаніе быть однимъ.

Тутъ были сливки двора. Герцогиня де Гимене съ строгой и благочестивой физиономїей и побѣдоносно блестящими глазами, возлѣ нея Луиза, блѣдная, утомленная дурно проведенной ночью. Скоро на губахъ Луизы заиграла счастливая улыбка: она увидала Гастона, одѣтаго въ военную форму на своемъ постѣ у входа въ галерею. Здѣсь мы встрѣчаемъ графиню Рошфоръ, прелестную и изящную, какъ всегда, но этотъ разъ, грустную и задумчивую, какъ бывало въ то время, когда она сидѣла у постели своего больного супруга и вмѣстѣ съ тѣмъ прислушивалась въ тихому говору шевалье. Маркиза показывалась въ покояхъ короля только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда его величество былъ особенно хорошо настроенъ, большею же частью король самъ приходилъ къ ней провести въ прїятной бесѣдѣ часокъ вре-

мени. Иногда маркиза посѣщала короля во время доклада какаго нибудь министра, прислушиваясь, повидимому, равнодушно къ ихъ разговору, но на самомъ дѣлѣ, стараясь забрать въ руки всѣ нити текущей политики, какъ это дѣлала нѣкогда очень ловко графиня де Монтенонъ. Шуазель держалъ себя гордо съ придворными и являлся къ королю только по поводу важныхъ государственныхъ дѣлъ, за что приобрѣлъ, если не симпатію, то уваженіе короля, которому гордый духъ Шуазеля и сознаніе собственнаго достоинства, тѣмъ болѣе нравились, чѣмъ рѣже онъ встрѣчалъ эти свойства въ кругу окружающихъ его придворныхъ.

Ришелье замѣтилъ герцогиню де Гимене и ея племянницу.

— Вонъ, подумалъ онъ, новая звѣзда, восходящая надъ нашимъ дворомъ, свѣтлый путь которой хорошо извѣстенъ только мнѣ одному. Но какой кажется она тихой и скромной; искусство притворяться вложено въ женщину самой природой. Подойдя къ герцогинѣ, Ришелье съ изысканною вѣжливостью раскланялся и заговорилъ:

— Какъ я счастливъ, герцогиня, что вы отказались отъ уединенія и доставили удовольствіе его величеству видѣть васъ сегодня.

— Вы знаете, герцогъ, я приношу великую жертву для блага государства и церкви, отвѣчала герцогиня торжественнымъ голосомъ.

— Жертву, перебилъ ее герцогъ, цѣна которой у насъ въ рукахъ,—побѣда надъ маркизой и Шуазелемъ. Весь Римъ и Франція будутъ васъ вѣчно благодарить за это! Привѣтствую также милостивую богиню сердца, продолжалъ герцогъ, обращаясь къ Луизѣ, и надѣюсь, что она, достигнувъ золотой высоты и наслаждаясь новыми прелестями жизни, все таки, не забудетъ преданнаго слуги, и, прибавилъ герцогъ почти шепотомъ, не забудетъ вспоминать вчерашній вечеръ, въ который на ея долю выпало столько счастья.

— Да, господишь герцогъ, вчерашній вечеръ былъ

счастливы для меня, онъ богатъ надеждами, отвѣчала наивно Луиза. Сначала я была очень грустна, король отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ... но потомъ...

— Отказалъ въ вашей просьбѣ? удивился герцогъ.

— Вы знаете, герцогъ, почти шопотомъ говорила Луиза въ смущеніи, вы обѣщали мнѣ быть скромнымъ. Я просила у короля позволенія выйти замужъ...

— Да, да, я знаю, какая мысль! сказала Рিশелье, громко засмѣявшись.

— Но со вчерашняго вечера я снова полна радости и надежды, продолжала Луиза, мнѣ обѣщали устроить нашу свадьбу съ Гастономъ.

— Кто жъ далъ вамъ это обѣщаніе? спросилъ удивленный герцогъ.

— Мой кузень, господинъ герцогъ, отвѣчала гордо Луиза, шевалье Деонъ де Бомонтъ!

— И снова это проклятое имя, подумалъ герцогъ сильно раздосадованный. Какой негодяй! Но извѣстно ли вамъ, м-де, что вашъ милый Гастонъ теперь на дорогѣ въ Вѣну? прибавилъ Рিশелье насмѣшливымъ тономъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, герцогъ, отвѣчала Луиза, онъ здѣсь, вонъ посмотрите.

И она указала на то мѣсто у двери, гдѣ стоялъ Гастонъ.

— Какъ? Что это такое? Какимъ образомъ это могло быть? бормоталъ Рিশелье, оцѣнивъ въ отвѣтъ ужаса и гнѣва.

Онъ подошелъ къ Гастону и грозно сказалъ ему:

— Господинъ Оринья, вы еще здѣсь? Такъ-то вы нарушаете обязанности вашей службы? Развѣ вы не получили приказаніе отъ короля отправиться еще вчера вечеромъ.

— Я получилъ приказаніе его величества, возразилъ спокойно Гастонъ, но вслѣдъ за тѣмъ мнѣ прислано было распоряженіе отложить повѣзду.

— Но кто, милостивый государь, кто осмѣлился от-

дать вамъ такое распоряженіе, явно противорѣвившее воли короля?

— Шералье Деонъ де Бомонть.

У Ришелье отнялся языкъ отъ изумленія и ярости.

— Онь сумасшедшій, подумалъ герцога, но это такой эгоистъ, шеваля, котораго имя на губахъ у всѣхъ. Я тутъ ничего не понимаю, а между тѣмъ знаю двора, какъ самаго себя.

Въ эту минуту Лебель открылъ двери спальни короля.

— Король! воскликнулъ герцогъ Аленъ и послѣдовалъ на встрѣчу его величеству.

Людовикъ XV вошелъ въ комнату и съ герцогъ, но пріятной улыбкой поклонился всему собранію.

Лицо его не носило того равнодушнаго и случайнаго выраженія, которое обыкновенно привыкли замѣчать на немъ. Напротивъ, король казался пріятно возмущающимъ и съ восторженнымъ оглядѣніемъ вокругъ.

— Ея нѣтъ здѣсь, прашептала онь, а мнѣ бы очень хотѣлось увидать ее еще разъ.

— Здравствуйте, герцогиня, сказала король скороговоркой. Ришелье, прибавилъ онъ, обращаясь въ герцогу. Фальшивый! проворочала онь про себя, на твою дружбу я надѣялся, а ты мнѣ намѣняешь, но я заставаю еще тебя раскатысь въ этомъ.

Съ сияющей улыбкой Ришелье выступилъ впередъ и въ полголоса сказалъ: — Надѣюсь, вчера вечеромъ всѣ желанія вашего величества были исполнены. Юный и свѣжій дѣтенокъ любви короля расернулъ свою чашечку.

— Да, сказала король, вчера вечеромъ я видѣлъ, ясно видѣлъ, продолжала онь съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ, какъ я люблю!

— Но, ваше величество, переспросилъ Ришелье, не догадшій двойственнаго смысла этого словъ, неужели у васъ не найдется ни одного ласковаго взгляда, или для m-ше Луизы, которая сегодня прекраснѣе и скательнѣе, чѣмъ когда либо, и которая съ нетер-

пѣніемъ, какъ солнечнаго луча, ждетъ милости его величества?

Король съ досадою отвернулся. Лавей приблизился къ герцогу Алену и что то прошепталъ ему на ухо. Герцогъ ушелъ въ галлерюю.

— Должно быть король хочетъ сохранить тайной, подумалъ Ришелье. Но мгновенная перемена во всемъ существіи Луизи такъ же сильно его заботила; нужны были большая ловкость и осторожность—удержать въ рукахъ начатую игру.

— Если м-ше де Бомонтъ желаетъ, ваше величество, снова заговорилъ Ришелье....

— Хорошо, Ришелье, хорошо, прервалъ его раздражительно король, у меня нѣтъ времени, я жду.

— Кто осмѣливается испытывать терпѣніе его величества и заставить ждать короля? спросилъ Ришелье.

— Я жду шеваляе Деона де Бомонта, отвѣчалъ король, быстро обернувшись, онъ долженъ быть здѣсь.

Решеле отъ изумленія отступилъ на нѣсколько шаговъ.— Положительно весь дворъ имъ очарованъ. Ужъ не сидитъ ли самъ чортъ въ этомъ шеваляе, подумалъ онъ съ досадою.

Сомнѣніе все болѣе и болѣе беспокоило герцога, онъ понималъ, что тутъ кроется тайна, ему еще неизвѣстная, а при этомъ дворѣ, полномъ интригъ, каждая тайна представляла серьезную опасность.

Онъ начиналъ сильно тревожиться.

Герцогъ Аленъ возвратился изъ галлерей и подошелъ къ его величеству.

— Шеваляе Деонъ де Бомонтъ проситъ доложить о немъ вашему величеству, онъ увѣряетъ, будто у него какое то особое порученіе; сказалъ герцогъ Аленъ.

— Гдѣ, гдѣ онъ? спросилъ живо король, отчего онъ не войдетъ сюда?

— Я ужъ думалъ объ этомъ, возразилъ герцогъ Аленъ, но шеваляе не имѣетъ права присутствовать на болѣекихъ выходахъ.

— Ахъ, опять даютъ себя чувствовать оковы этого придворнаго этикета! раздражительно сказалъ король. Онъ не имѣетъ права бывать на большихъ выходахъ, ну, герцогъ, скажите, что я дамъ ему это право! Приведите его сейчасъ сюда! Герцогъ Аиенъ поспѣшилъ въ галерею.

Съ величайшимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ взгляды всѣхъ придворныхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ показался герцогъ Аиенъ вмѣстѣ съ Деономъ де Бомонтомъ.

На маленькомъ шевалье была надѣта красивая, бѣлая форма драгуновъ съ голубыми обшлагами и серебряными шнурами, волосы были завиты и напудрены на военный манеръ, маленькую вышитую серебромъ шляпу онъ держалъ въ рукѣ.

Фигура его въ этой одеждѣ казалась еще меньше, чѣмъ обыкновенно, но мина и обращеніе шевалье совершенно измѣнились. Гордо и мужественно блестяли его глаза; надменнымъ взглядомъ окинулъ онъ всѣхъ присутствовавшихъ, слѣдившихъ за нимъ съ величайшимъ вниманіемъ, и твердыми шагами приблизился къ королю.

— Это дитя! непонятно! сказалъ Ришелье, все еще не отыскавшій ключа къ этой таинственной загадкѣ, начинавшей его сильно мучить.

Немало удивилась также и графиня Ропшфоръ, когда она увидала маленькаго, робкаго адвоката, мгновенно преобразившагося въ капитана драгуновъ, пользовавшагося отличіемъ короля и вступившаго съ такою увѣренностію въ кругъ придворныхъ. Теперь она не обращала вниманія на женственную фигуру шевалье, она видѣла только его высокий крутой лобъ, блестящіе глаза, насмѣшливо-вздернутую губу, и въ глубинѣ души графиня не могла не сознаться, что этотъ маленькій шевалье былъ гораздо пріятнѣе и привлекательнѣе и пріятнѣе всѣхъ знатныхъ придворныхъ, среди которыхъ онъ готовился занять видное мѣсто.

Шевалье остановился передъ королемъ, почтительно склонивъ голову.

— Какъ она прелестна, прошепталъ король, смотря в-
 ший на шевалье восторженными глазами, и какъ горда!

— Я пришелъ повергнуть къ ногамъ вашего вели-
 чества благодарность за пожалованье мнѣ патента, кото-
 рый даетъ мнѣ право носить шпагу во имя моего короля!

— Я очень радъ принять такого прекраснаго кавале-
 лера на мою службу, отвѣчалъ милостиво король.

Быстрыми шагами проходилъ по галлерей, съ порт-
 фелемъ въ рукахъ, герцогъ де Шуазель. Онъ подошелъ
 прямо къ королю, не окинувъ даже взглядомъ всѣхъ
 присутствующихъ.

— Здравствуйте, Шуазель, сказалъ король, какъ-то
 особенно мягко, вы пришли, какъ разъ во время.

— Ваше величество, отвѣчалъ Шуазель, изволили
 вчера приказать мнѣ двинуться снова съ моимъ тракта-
 томъ; кромѣ того есть важныя новости.

— Совершенно справедливо, Шуазель, отвѣтилъ ко-
 роль, мы будемъ работать! Кстати вы представили мнѣ
 вчера шевалье Деона де Бомонта, я очень доволенъ ва-
 шей рекомендаціей и позабочусь самъ о дальнѣйшей
 судьбѣ молодаго человѣка!

— Я вѣрноподаннически благодарю ваше величество,
 сказалъ Шуазель, низко кланаясь.

Онъ посмотрѣлъ на шевалье, одѣтаго въ форму ка-
 питана драгуновъ и не могъ опомниться отъ удивленія.

— Герцогъ Аиенъ, сказалъ король, распустили дѣуръ.
 Я пойду работать съ Шуазелемъ!

Въ знакъ поклона король кивнулъ головой всѣмъ
 присутствующимъ, которые успѣшили удалиться въ гал-
 лерею.

— Шевалье, оставайтесь здѣсь! приказалъ король,
 Опять новое, неслыханное отличіе! Этотъ шевалье,
 котораго прежде никто не зналъ, останется теперь въ
 комнатѣ короля во время доклада гордаго недоступнаго
 министра Шуазеля! Какъ испуганная стада голубей сдѣ-
 тается вмѣстѣ въ минуту опасности, такъ и теперь со-

брались въ одинъ кружокъ всѣ придворные толковать объ этомъ удивительномъ событіи.

Задумчиво смотрѣла на красиваго драгуна графиня Рошфоръ. Шевалье сдержалъ свое слово, и теперь она съ удовольствіемъ была бы въ нему внимательна, но онъ уже отвернулся отъ нея. Онъ въ это время, наклонясь къ уху Шуазеля, шепталъ:

— Мужество, герцогъ, мы побѣждаемъ!

Ришелье былъ совершенно внѣ себя, что съ нимъ случилось очень рѣдко. Король не сказалъ ни слова съ Луизой, потому этотъ измѣнникъ шевалье, креатура Шуазеля, захватилъ нить интриги, которую, какъ казалося Ришелье, онъ вѣрно держалъ въ рукахъ.

Въ глубокой задумчивости Ришелье остановился въ галлерей.

— Я долженъ отыскать патера Линьера, проговорилъ герцогъ и потомъ тутъ же съ саркастическимъ юморомъ, свойственнымъ ему, прибавилъ.

— Они хорошо умѣютъ обращаться съ церковными тайнами, можетъ быть патеръ пролетѣть свѣтъ и на это дѣло.

И не обращая вниманія на герцогиню, которая только что прошла мимо него, герцогъ вышелъ изъ галлерей.

ГЛАВА XVI.

Король оставался съ Шуазелемъ въ своей комнатѣ, двери которой заперъ Лебель. Въ этотъ день король не имѣлъ усталаго и апатичнаго вида, какъ всегда, но напротивъ казался свѣжимъ, веселымъ и съ большимъ интересомъ слушалъ докладъ министра. Шевалье скромно помѣстился за стуломъ короля.

— Ну, Шуазель, сказалъ король, вы вчера хотѣли представить мнѣ на разсмотрѣніе новый трактатъ...

— Сегодня я долженъ еще настоятельнѣе просить, ваше величество, обратить вниманіе на мой проэктъ, потому что новыя облака собираются на политическомъ горизонтѣ, которыя дѣлаютъ вдвойнѣ необходимымъ имѣть опору въ крѣпкомъ союзѣ съ Австріей.

— Мы не очень были счастливы въ союзахъ съ Австріей! замѣтилъ король. Шевалье, вы какъ думаете? спросилъ король, поворачивая голову къ шевалье. Герцогъ, вы хвалили мнѣ сужденіе шевалье, я буду сообразоваться съ его мнѣніемъ, продолжалъ король.

Шевалье сдѣлалъ умоляющій жестъ герцогу.

— Шевалье Деонъ, началъ Шуазель, изучалъ политику, и я не сомнѣваюсь, что онъ скоро пріобрѣтетъ ваше довѣріе.

— Что жъ, шевалье? спросилъ король мягкимъ, почти просительнымъ тономъ.

Шевалье подошелъ ближе къ стулу короля и заговорилъ.

— Такъ какъ ваше величество удостоиваете меня вопросомъ, то я поспѣшу высказать мое мнѣніе въ немногихъ словахъ.

— Могущество и величіе Франціи зависятъ отъ раздѣленія Германіи. Вашему величеству извѣстно, какъ трудно было Франциску I въ борьбѣ противъ Германіи, не смотря на то, что Карль V съ трудомъ соединялъ власть въ своихъ рукахъ, и какъ возрасло напротивъ могущество Франціи, когда Германія раздѣлилась на части. Въ настоящее время могущество Пруссіи достигло высшей точки, и Франція не должна этого терпѣть. Необходимо отодвинуть Пруссію на задній планъ; она достаточно сильна угрожать Австріи и стараться ослабить королевское владычество, но все-таки слишкомъ слаба, подчинить Австрію совершенно своей власти. Потому, ваше величество, Франція должна теперь протянуть руку Австріи, спасти домъ Габсбурговъ отъ сильныхъ поражений. Я готовъ посвятить всю жизнь и сердце на слу-

женіе королю и Франціи и, по моему, это единственный путь возвратить странѣ прежнее величіе.

Выслушавъ шеваляе съ большимъ вниманіемъ, король замѣтилъ:

— Вы правы, шеваляе, мое заключеніе сдѣлано. Шуазель, подайте трактатъ, я подпишу.

Въ ту самую минуту, какъ Шуазель вынималъ изъ портфеля бумаги, двери отворились и патеръ Линьеръ, пользуясь, какъ духовный отецъ короля, правомъ свободного входа во всякое время въ комнаты его величества, вошелъ и этотъ разъ безъ доклада.

Патеръ принесъ съ собою какую-то картину, завернутую въ черный бархатъ; его пронизательный взоръ на секунду обратился на шеваляе съ цѣлью испытать послѣдняго, затѣмъ онъ подошелъ къ королю, поклонился и съ спокойнымъ достоинствомъ проговорилъ:

— Я привѣтствую короля съ молитвою о спасеніи души его величества.

— Ну, хорошо, святой отецъ, отвѣчалъ холодно король, я вамъ очень благодаренъ за ваши попеченія, но я занятъ теперь свѣтскими предметами, — что составляетъ также обязанность короля. Шуазель, дайте бумаги.

Шуазель подаль королю трактатъ о заключеніи союза съ Австріей.

— Вы хотите подписывать договоръ о союзѣ съ Австріей, воскликнулъ патеръ, забывшись и положивъ руку на бумаги. Никогда, ваше величество!

Король быстро поднялся.

— Патеръ, вы забываете, гордо замѣтилъ король, что ваше царство не отъ міра сего и что глава Франціи я, а не вы!

— Ваше величество связали вчера... возразилъ патеръ Линьеръ, задѣтый за живое раздражительностью короля.

— Я обѣщаль вчера разсмотрѣть дѣло, перебилъ его король и, дѣйствительно, сдѣлалъ это, а теперь поступаю съ полнымъ сознаніемъ своего долга.

Король подошелъ къ столу, подписалъ бумагу и отдалъ ее назадъ Шуазелю.

— Я чувствую себя гордымъ и счастливымъ, я вижу настоящаго короля на его блестящей высотѣ! сказалъ шевалье.

— Что случилось? прошепталъ патеръ, онѣмѣвъ отъ удивленія. Кто такой этотъ шевалье?

Дверь, соединявшая покои короля съ помѣщеніемъ маркизы, отворилась, и сама маркиза показала на порогъ.

Хотя появленіе маркизы въ этой комнатѣ было обыкновеннымъ дѣломъ, но тѣмъ не менѣе король казался немного удивленнымъ.

— Маркиза, проговорилъ тихо король, бросая взглядъ на шевалье.

Онъ пошелъ на встрѣчу маркизѣ и съ отѣнкомъ смущенія стѣтилъ на ея поклонъ.

— Маркиза, подумалъ шевалье, значить игра будетъ довольно затруднительна.

— Ваше величество, начала маркиза, такъ рано оставили вчера мой праздникъ, что я, не смотря на милостивое увѣреніе, не переставала тревожиться. Вѣрно, я не сумѣла чѣмъ-нибудь угодить его величеству и навлекла на себя неудовольствіе короля.

— Совсѣмъ нѣтъ, маркиза, отвѣчалъ король, я вамъ очень благодаренъ. Вашъ праздникъ былъ великолѣпенъ. Онъ научилъ меня наслаждаться неизвѣстною до сихъ поръ прелестью уединенія и сдѣлалъ меня счастливымъ, веселымъ, быстро поправился король.

Въ эту минуту маркиза замѣтила шевалье, приложившаго какъ бы случайно палецъ къ губамъ.

— Шевалье Деонъ! сказала маркиза, смущенно опускавъ глаза.

— Вы знаете шевалье? спросилъ ее король.

— Шуазель представилъ мнѣ шевалье, отвѣчала маркиза нетвердымъ голосомъ, и я очень рада, что ваше величество оцѣнили его заслуги.

— Она ничего не предполагает! подумалъ король и, быстро прерывая рѣчь маркизы, замѣтилъ:

— Маркиза, вы, вѣроятно, рады будете узнать, что я подписалъ договоръ о заключеніи союза съ вашей высокопоставленной пріятельницей Маріей-Терезіей.

— Я сильно сомнѣвалась въ этомъ, возразила маркиза, такъ какъ патеръ Линьеръ находится у вашего величества.

— Я не зналъ, маркиза, замѣтилъ король съ колостью, что патеръ Линьеръ можетъ вмѣшиваться въ рѣшеніе короля и судьбу Франціи.

— Король Франціи, ваше величество, заговорилъ съ достоинствомъ патеръ, — есть сынъ церкви, а церковь должна заботиться о всѣхъ душахъ, къ ней принадлежащихъ. Она должна также руководить рѣшеніями своихъ дѣтей.

— Церковь заботится о душахъ своихъ сыновъ? спросила маркиза тономъ сомнѣнія. Мнѣ кажется, патеръ, это правило не всегда служитъ основою вашего ордена, такъ какъ на этихъ дняхъ патеръ де Сази, вашъ достойный собратъ, положительно отказался принять участіе въ спасеніи моей души. А я, не смотря на мою грѣховность, все-таки хотѣла отдать себя церкви и вашему покровительству.

— Какъ! живо перебилъ король. Патеръ де Сази отказалъ въ просьбѣ маркизы?

— Патеръ де Сази, ваше величество, есть просвѣщенный, достойный и благочестивый служитель церкви. Вѣроятно, его дѣйствіями руководили уважительныя причины, совершенно понятныя для меня, отвѣчалъ патеръ Линьеръ съ полнымъ спокойствіемъ. Церковь протягиваетъ руку только кающимся грѣшникамъ, а маркиза пріятельница философовъ—смертельныхъ враговъ вѣры, не можетъ считать себя смиренной рабой церкви.

— Мнѣ кажется, патеръ, замѣтилъ строго король, что у васъ грѣхи имѣютъ не всегда одинаковый вѣсъ и

мѣру. Такъ напр. вчера вы были очень милостивы ко мнѣ.

— Я сужу грѣхи людей по той мѣрѣ, возразилъ спокойно патерь, по которой будутъ судить на небѣ ихъ дѣла и мысли. Тамъ подвергнуть ихъ страшнымъ мученіямъ и вѣчному проклятію.

Патерь снялъ черное покрывало съ картины, находившейся у него въ рукахъ и показалъ ее королю. На этой картинѣ была изображена человѣческая фигура съ выраженіемъ глубочайшаго отчаянія и смертельной блѣдности на лицѣ; воелѣ фигуры лежала, разорванная въ клочки, пурпуровая мантия и корона, упавшая съ головы. Черты съ оскаленными зубами рвали мантию желѣзными когтями и тащили ее въ пропасть, откуда поднималось сѣрное пламя, и высказивали чудовищные драконы и змѣи.

Картина отличалась художественною отдѣлкою; ужасныя терзанія души и содраганія тѣла были представлены великолѣпно.

— Посмотрите сюда, ваше величество, сказалъ патерь, подставляя картину глазамъ короля. Здѣсь боговдохновенный отецъ сумѣлъ представить эти страшныя мученія глазамъ вѣрныхъ ясныѣ, чѣмъ ихъ можно выразить языкомъ. Посмотрите на тѣло этого человѣка, пораженнаго гнѣвомъ Божиимъ и охваченнаго пламенемъ. Сила мученій приводитъ его въ бѣшенство, онъ ищетъ милости Божіей, но она отъ него далека. Между тѣмъ прежде голова эта, обвитая змѣями, носила на землѣ блестящую корону. Въ тѣлѣ этомъ жила душа князя, гордо противившагося законамъ церкви. Мы всѣ испытываемъ долготерпѣніе небесъ и будемъ за это наказаны.

— Ужасно! повторилъ король и съ отвращеніемъ отвернулся.

Съ лицомъ, пылавшимъ отъ негодованія, цевалье подошелъ къ королю и сказалъ:

— Какая дерзость! Вотъ удобная минута, ваше величество, порвать оковы, тяготившія вашу душу уже столько лѣтъ! Покажите этому дерзкому священнику,

что вы истинный король! Что сказать бы на эту рѣчь Людовикъ XIV?

Король продолжалъ стоять въ задумчивости, шевалье между тѣмъ подошелъ къ патеру.

— Возьмите картину, патерь, сказалъ онъ ему, она годна только пугать женщинъ и дѣтей! Высоко надъ этимъ пламенемъ я вижу другую картину, облитую яркимъ свѣтомъ. Это священная голова Того, Кто заключаетъ въ себѣ само милосердіе и любовь и принимаетъ на себя грѣхи всѣхъ людей, чтобъ примирить ихъ съ небомъ. Въ глазахъ этого лица свѣтится прощенье, и Онъ отворачивается только отъ тѣхъ, кто злоупотребляетъ именемъ Его.

— Кто смѣетъ говорить за короля? спросилъ патерь Линьеръ рѣзкимъ тономъ.

Взгляды маркизы и Шуазеля слѣдили съ большимъ любопытствомъ за королемъ. Онъ слушалъ съ видимымъ волненіемъ рѣчь шевалье, затѣмъ еще разъ посмотрѣлъ на страшную картину, глубоко вздохнулъ и, одержавъ побѣду надъ самимъ собою, заговорилъ тономъ холоднаго величія:

— Шевалье правъ! Священникъ, проповѣдующій кротость и уступчивость сегодня, а завтра за тоже самое проклятіе и смерть, дѣлаетъ непростительное преступленіе. Это не тотъ путеводитель, въ чьихъ рукахъ я желалъ бы видѣть спасеніе моей души. Служители церкви моей страны покажутъ мнѣ лучший путь къ небу!

— Я благодарю, ваше величество, за это рѣшеніе отъ имени всей Франціи, сказалъ Шуазель, глубоко взволнованный. Со всѣхъ сторонъ слытся жалобы на этотъ орденъ. Патерь Лавалетъ въ Мартиникѣ отказался платить вознагражденіе за убытки дому Ліоне, между тѣмъ, какъ по уговору онъ обьяванъ былъ это платить. Теперь же этому уважаемому дому грозитъ раззореніе. Домъ Ліоне обратился въ правосудію вашего величества. Злоупотребленія открыты, и если жалобы будутъ доказаны, то

справедливость требует подвергнуть орденъ строгому наказанію.

— Генералъ ордена, прервалъ патеръ Линьеръ, бросивъ мрачный взглядъ на короля, поступить по праву и справедливости и отъ его приговора будетъ зависѣть рѣшеніе Рима.

Король принялъ повѣлительный видъ и бросилъ грозный взглядъ на патера. Послѣдній почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ.

Голосомъ Людовика XIV король сказалъ:

— Именемъ моихъ совершается правосудіе во Франціи, и Римъ не можетъ судить моихъ подданныхъ!

— Герцогъ Шуазель, мой парламентъ долженъ внимательно и строго разсмотрѣть жалобы и если орденъ не выкажетъ полного повиновенія, то для него нѣтъ болѣе мѣста на почвѣ Франціи!

— Ваше величество, вы осмѣливаетесь! прервалъ патеръ Линьеръ видъ себя.

— Вы отставлены отъ вашей должности, отвѣчалъ холодно король. Мой парламентъ будетъ васъ судить!

— Проклатіе небесъ поразитъ нечестивцевъ, чьи безбожные совѣты помутили рассудокъ короля, отвѣчалъ патеръ Линьеръ, поднимая руки и съ достоинствомъ выходя изъ комнаты.

Какъ ни былъ тяжелъ ударъ, поразившій патера, но онъ не доставилъ торжества своимъ противникамъ видѣть его голову понижшею.

Шуазель въ изумленіи не говорилъ ни слова, марензатож молчала; оба они не могли понять откуда взялось у короля такое рѣшительное мужество, между тѣмъ какъ прежде ему такъ трудно было придти къ положительному рѣшенію. Патеръ Линьеръ имѣлъ большое вліяніе на короля, угрожая ему гнѣвомъ небесъ за ослушаніе.

— Вы сдѣлали великое дѣло, ваше величество, замѣтила маркиза.

— И всѣ просвѣщенные умы Франціи возносятъ

благодарность вашему величеству вмѣстѣ съ нами, прибавилъ шевадьё.

— Точно также, какъ я благодарю голосъ, пробудившій во мнѣ это чувство! отвѣчалъ тихо король, обращаясь къ шевадьё. Онъ откинулся на спинку кресла и продолжалъ: Что еще скажете вы мнѣ, Шуазель? Вы упомянули о какихъ то неблагоприятныхъ новостяхъ. Что случилось? Къ какой бѣдѣ я долженъ готовиться?

Маркиза очень удивилась, когда король продолжалъ разговоръ о политикѣ, между тѣмъ, какъ прежде онъ старался удалить отъ себя все, что могло несприятно взволновать его.

Маркиза сѣла на табуретъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля. Шевадьё очутился между ними.

— Ваше величество изволите помнить, что императрица Елизавета долго колебалась прежде, чѣмъ вступить въ союзъ противъ Пруссіи, началъ Шуазель.

— Да, да, перебилъ король, но что-жъ далѣе?

— Король Фридрихъ, ваше величество, продолжалъ Шуазель, сумѣлъ чрезъ свое вліяніе и чрезъ тайныхъ агентовъ склонить на свою сторону императрицу. Мои извѣстія на этотъ счетъ вполне достовѣрны. Удаленіе отъ насъ императрицы Елизаветы и союзъ ея съ Пруссіей можетъ быть очень опасенъ для насъ. Чтобы предотвратить этотъ тяжелый ударъ, мы должны дѣйствовать быстро и осмотрительно.

— Что-жъ можетъ отъ этого случиться? спросилъ король.

— Отпаденіе Россіи поведетъ за собой наше пораженіе.

— Теперь настала пора показать побѣдоносную силу французскаго оружія! прибавилъ король.

— И усмирить прусскаго короля, перебила живо маркиза. Онъ своими ѣдкими и острыми эпиграммами волнуеть всю Европу.

— Необходимо послать въ Россію какъ можно скорѣе ловкихъ и дѣятельныхъ агентовъ. Они должны проникнуть въ сношенія императрицы съ Пруссією и постараться

приобрѣсти вліяніе на Елизавету, въ честь не особенно успѣлъ маркизъ де Шетарди, замѣтилъ Шуазель.

Шевалье съ надиреженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разговоромъ.

Счастливымъ случай возвелъ его на недосыгаемую высоту, но какъ трудно и почти невозможно, казалось ему, теперь удержаться на этой высотѣ! Положеніе, въ которомъ онъ находился въ настоящее время, не могло долго продолжаться; надо было придти къ какому нибудь рѣшенію. Послѣднія слова Шуазеля навели шевалье на новую мысль.

— Нужно вызвать маркиза де Шетарди изъ Россіи, рѣшилъ король.

— Ваше величество, перебилъ Шуазель, это возбудило бы общее вниманіе и только повредило бы нашимъ интересамъ. Нѣтъ; мы должны дѣйствовать тайно и послать какого нибудь ловкаго человѣка въ Берлинъ.

— Совершенно справедливо, герцогъ, замѣтила маркиза; но гдѣ найдемъ мы человѣка для этого посольства?

Шевалье выступилъ между королемъ и маркизой и сказалъ:

— Онъ найдемъ! Если только его величество проститъ мнѣ мою дерзость и удостоитъ меня милостивымъ доверіемъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Послать васъ такъ далеко! проговорилъ нерѣшительно король.

— Онъ! тихо повторила маркиза. Неужели онъ можетъ такъ скоро все забыть!

— Клянусь Богомъ, отозвался Шуазель, шевалье именно такой человѣкъ, какового намъ нужно для этого порученія!

Оправившись отъ изумленія, король сказалъ:

— Вы, вы, шевалье, хотите оставить Францію и безъ сожалѣнія покинуть вашихъ друзей.

— Покинуть, ваше величество? спросилъ шевалье. Развѣ значитъ покинуть отечество уѣхать съ твердымъ

намѣреніемъ употребить всѣ силы для славы и чести родной страны? А что касается до друзей, то какіе же у меня друзья, ваше величество?

— Я перемѣю ихъ! перебилъ король. Всякій долженъ знать, что дружба короля принадлежитъ вамъ.

Шевалье преклонилъ колѣно предъ королевемъ.

— Мой языкъ слишкомъ бѣденъ выразить мою глубокую благодарность вашему величеству. Но, продолжалъ онъ, высочайшая милость можетъ тяготить меня до тѣхъ поръ, пока я не покажу себя на дѣлѣ достойнымъ ея. И если ваше величество не будете относиться ко мнѣ сурово, то мнѣ можетъ удасться оказать пользу Франціи и защитить ее отъ опасности. Но, ваше величество, имѣете ли вы достаточное довѣрія ко мнѣ? Не служу ли я только забавой въ вашихъ рукахъ и дружба не есть ли слѣдствіе минутнаго каприва? тихо проговорилъ шевалье, наклонясь къ вороту.

— Довѣріе, шевалье? отвѣчалъ король, да! полное.

— Въ такомъ случаѣ, ваше величество, зачѣмъ вы держите такого человѣка при себѣ и не посылаете его туда, гдѣ онъ можетъ сражаться за славу своей родной страны. Ваше величество осуждаете меня на бездѣйствіе, между тѣмъ какъ душа моя стремится къ славѣ.

Король съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на шевалье.

— Такъ скоро! повторилъ онъ. И я васъ никогда больше не увижу.

— О, маркиза, помогите мнѣ, сказалъ шевалье. Заговорите за меня хоть слово предъ его величествомъ. Или вы тоже не доворачаете маленькому шевалье, котораго въ насмѣшку принимали за ребенка? прибавилъ шевалье маркизѣ шепотомъ, заставившимъ сердце ея забиться сильнѣе.

— Я не могу совѣтовать королю отослать васъ отъ вашихъ друзей.

Въ глубокомъ изумленіи слѣдилъ Шуазель за этою сценой.

Король и маркиза, не знаяшіе вчера шевалье, сегодня не могли отъ него оторваться. Какимъ волшебствомъ приковалъ онъ ихъ къ себѣ!

Шевалье между тѣмъ продолжалъ говорить, обращаясь попеременно то къ королю, то къ маркизѣ.

— Я прошу, ваше величество, позволить мнѣ уѣхать и тамъ на сѣверѣ послужить Франціи и уничтожить торжество нашихъ враговъ. Образъ короля, продолжалъ онъ, наклоняясь къ самому уху короля, запечатлѣнный глубоко въ моемъ сердцѣ будетъ меня всюду сопровождать и дастъ мнѣ силы возвратиться домой съ побѣдою и увидать удовольствіе и благодарность въ глазахъ моего повѣителя. Затѣмъ, обращаясь къ маркизѣ, шевалье прибавилъ: я постараюсь состязаться съ королемъ Фридрихомъ и поразить его за насмѣшки стрѣлою Діаны, которую я вѣчно буду носить въ рукѣ.

Король поднялся со стула и сказалъ:

— Пусть будетъ такъ, шевалье, я даю вамъ это порученіе. Приготовьте уполномочіе, герцогъ. Вашъ умъ, шевалье, найдетъ средство счастливо выполнить миссію и скоро вернется назадъ.

Король наклонился къ шевалье.

— Не правда-ли, король умѣетъ владѣть собою? спросилъ его король.

— Король долженъ властвовать надъ міромъ, всѣ сердца Франціи, какъ и мое бьются за него! отвѣчалъ пылко шевалье.

— Ваше величество, не позволите ли идти къ обѣднѣ, замѣтилъ Шуазель. Дворъ дожидается вашего величества.

— Еще одна просьба, сказалъ шевалье.

— Что такое? спросилъ король. Говорите! Заранѣе я общаю все, чего бы вы ни пожелали.

— Шевалье д'Ориньи получилъ вчера отъ герцога Ришелье приказаніе немедленно отправиться въ Вѣну, но я надѣялся, я зналъ, что ваше величество скоро по-

кончите съ Австрійскимъ трактатомъ и потому осмѣлился его задержать.

— Вы поступили хорошо, прервалъ король, слегка смутившись. Онъ долженъ отвести трактатъ.

— Но онъ любитъ м-ше де Бомонтъ, ваше величество, мою возину, племянницу герцогини Гимене.

— Я знаю, успѣвши замѣтить король, м-ше де Бомонтъ уже говорила мнѣ объ этомъ. Кажется вы можете быть довольны, шеваляе! Мнѣ пора идти къ обѣднѣ. Пусть войдетъ дворъ, прибавилъ онъ, живо претращая разговоръ.

Герцогъ Шуазель успѣвши увѣдомить Лебеля отъкрыть двери.

— Я удаляюсь спокойно, и съ увѣренностію, что никакой Эндиміонъ не похититъ у меня взгляда прелестной богини! сказалъ тихо шеваляе, обращаясь къ маркизѣ.

— Взглядъ Діаны, отвѣчала маркиза, будетъ слѣдовать всегда за храбрымъ и мужественнымъ воинномъ въ борьбѣ съ врагомъ.

Шеваляе скромно отошелъ. Король принималъ дворъ.

Г Л А В А XVII.

Рѣдво собирался дворъ на выходъ короля въ такомъ множествѣ, какъ это случилось сегодня. Съ электрическою быстротою разнеслась по всему Версалю вѣсть о грозѣ, сбиравшейся въ атмосферѣ двора. Говорили о многихъ событіяхъ: о низверженіи Шуазеля, о немилости маркизы. Другіе толковали о паденіи патера Линьера, послѣдовавшемъ тотчасъ послѣ его послѣдняго визита къ королю. Всѣхъ вообще занималъ шеваляе Доонъ, появившійся вдругъ на высоту, какъ метеоръ. Каждый перетолковывалъ всякій слухъ по своему, прибавляя многое и отъ себя. Скоро составилъ хаосъ различныхъ мнѣній, надеждъ и опасеній и самыя осторожныя изъ

придворныхъ размѣнивались съ своими друзьями только необходимыми и холодными изъявленіями вѣжливости, изъ боязни себя скомпрометировать.

Когда Лебель открылъ двери королевской комнаты, самые знатные придворные вошли туда: герцогиня, Луиза, графиня Рошфоръ и Ришелье; тонкій инстинктъ герцога почувалъ несчастье, хотя онъ не видалъ еще патера Линьера, подосланнаго имъ въ королю. Жалая не пропустить безъ вниманія никакой бездѣлицы, при появленіи короля всѣ взгляды съ величайшимъ любопытствомъ обратились на его новаго любимца — капитана драгунъ.

Вошелъ герцогъ Аиенъ. По установленному этикету онъ подалъ его величеству молитвенникъ.

Король ввѣлъ книгу и заговорилъ громко среди глубокаго молчанія.

— Герцогъ Аиенъ, прошу васъ послать за архіепископомъ въ Парижъ; я желаю говорить съ нимъ послѣ обѣдни и выбрать изъ его пастыи себѣ въ духовники достойнаго священника. Подано столько серьезныхъ жалобъ на орденъ патера Линьера, что я не могу долѣе пользоваться его благочестивыми совѣтами! Все собраніе, казалось, слушало не перевода дыханія эту рѣчь, произнесенную твердымъ тономъ и безъ остановки.

Патеръ Линьеръ имѣлъ такое большое вліяніе на короля и вдругъ свергнуть теперь! Но это обстоятельство было только началомъ переменъ при дворѣ. Оно, подобно молніи, бросало свѣтъ на грозныя облака, непроницаемыя до сихъ поръ. Герцогъ Шуазель, врагъ ордена и патера Линьера, являлся теперь въ глазахъ всѣхъ побѣдителемъ и каждый старался выразить на лицѣ и во взглядѣ преданность и глубокое уваженіе гордому министру, спокойно стоявшему въ отдаленіи.

Ришелье въ недоумѣніи молчалъ. Все происходившее до того противорѣчило его планамъ и надеждамъ, что онъ не могъ ничего себѣ объяснить. Онъ чувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Онъ

невольно опустилъ глаза, встрѣтивъ пронзительный взглядъ герцогини, ясно выразавшій и глубокий упрекъ и вопросъ.

Король осмотрѣлся кругомъ. — Господишь д'Ориньи! громко позвалъ король.

Гастонъ оставилъ свое мѣсто около двери и вошелъ въ залу. Король ласково заговорилъ съ нимъ:

— Шевалье Деонъ передалъ вамъ мое приказаніе замедлить отъѣздомъ. Я заключилъ съ ея величествомъ императрицей, продолжалъ король, возвышая голосъ, — новый союзъ и вы, милостивый государь, будете имѣть честь отвезти этотъ трактатъ въ Вѣну.

— Ваше величество, какая милость, бормоталъ смущенно Гастонъ.

Графиня Рошфоръ чувствовала себя также странно взволнованною. Каково ей было видѣть, какъ шевалье, надъ которымъ она прежде подсмѣивалась, получать теперь приказанія лично отъ короля!

— А вамъ, m lle, не придется долго ждать, сказалъ король, любезно обращаясь къ молодой дѣвушкѣ. Я подумалъ о вашей просьбѣ и рѣшилъ. Тотчасъ же по возвращеніи Ориньи изъ Вѣны, я буду имѣть удовольствіе назвать васъ его женою. Приготовленіе свадебной корзинки будетъ моимъ дѣломъ.

— Все потеряно, думалъ Ришелье и мысленно соображалъ ужь обратиться къ маркизу, но взглядъ ея такъ прямо былъ обращенъ на короля, что она не могла замѣтить стратегическаго поворота мыслей маршала.

— Я не знаю, какъ благодарить ваше величество, сказала Луиза, радостно взволнованная, бросая взглядъ глубокой благодарности на шевалье, который такимъ блестящимъ образомъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Король продолжалъ:

— Я надѣюсь доказать этимъ рѣшеніемъ герцогинѣ, какъ высоко я цѣню ея благочестивый образъ жизни и ваше искреннее участіе и принимаю въ частіи ея семьи!

— Милость вашего величества дѣлаетъ меня гордой

и счастливой, отвѣчала герцогиня глухимъ голосомъ. А, Ришелье измѣнникъ! Никогда моя нога не переступитъ этого проклятаго порога! процѣдила герцогиня севозъ зубы.

Въ то время, какъ король разговаривалъ съ герцогиней и Луизой, маркиза подошла къ Гастону.

— Я подумала о вашей просьбѣ, д'Орени, сказала она смѣясь, король согласенъ исполнить желаніе вашего сердца. Я позабочусь о дальнѣйшей вашей карьерѣ!

— Какъ, маркиза, бормоталъ Гастонъ, столько счастья вдругъ! Я не могу опомниться.

— Герцогъ Ришелье! позвалъ король.

— Рогъ изобилія милостей короля изсякъ, прошепталъ онъ, приближаясь къ королю. Посмотримъ какую картину представляетъ обратная сторона медали.

— Герцогъ, началъ король строго и холодно, я нахожу, что вина, вывезенная изъ вашихъ Бордосскихъ имѣній потеряли свой букетъ и вы хорошо сдѣлаете, если будете наблюдать сами за хозяйствомъ въ вашихъ владѣніяхъ.

Ришелье низко поклонился королю и молча отошелъ въ сторону.

Король бросилъ долгій взглядъ на шеваляе, какъ-бы спрашивая его, доволенъ ли онъ? Затѣмъ король раскланялся со всѣмъ дворомъ и въ сопровожденіи герцога Аіена направился къ капеллѣ. Цѣлая толпа придворныхъ слѣдовала за ними. Между тѣмъ Ришелье подошелъ къ маркизѣ, которая, замѣтивъ герцога, съ насмѣшливой веселостью смотрѣла на него.

— Маркиза, сказалъ Ришелье тономъ глубокаго сокрушенія, неужели у васъ не найдется ни одного слова для меня, вашего прежняго союзника.

— И моего новаго врага! добавила маркиза со смѣхомъ. Нѣтъ, герцогъ, для фальшивыхъ друзей существуетъ наказаніе.

Маркиза исчезла за шелковой портьерой, соединявшей эту комнату съ ея отдѣленіемъ.

Ришелье обратился къ герцогинѣ дѣ Гимене.

— Я не понимаю, герцогиня.

— Отойдите отъ меня, герцогъ, сказала старая дама; мое мѣсто между благочестивыми и смиренными людьми, а не тамъ, гдѣ играютъ роль комедіанты. Герцогиня скрестила на груди руки и вышла изъ комнаты.

— Я послѣдую приѣру Ноа, проговорилъ задумчиво Ришелье, буду воздѣлывать свой виноградъ и ждать не появится ли благодѣтельный вощегъ, въ которомъ я могъ бы спастись бѣгствомъ отъ немилостей короля. Со вздохомъ послѣдовалъ Ришелье за остальными придворными, вышедшими изъ комнаты вмѣстѣ съ королею. Затѣмъ онъ намѣревался проѣхать къ себѣ въ отель и какъ можно медленно приготовляться къ отъѣзду, надѣясь, что прежнее расположеніе короля къ нему возьметъ верхъ надъ гнѣвомъ и избавитъ его отъ изгнанія. Но на этотъ разъ надежда его обманулась.

Лебелъ заперъ дверь королевской комнаты, галерея опустѣла, дворъ согласно этикету проводилъ короля до дверей капеллы. Многіе остались здѣсь ожидать возвращенія его величества, другіе же напротивъ спѣшили разносить интересныя новости, или появиться первыми въ покояхъ маркизы и Шуазеля. Эти пестряя стрекозы всегда толпились на мѣстѣ, ярче другихъ обликомъ лучами королевской милости.

Шевалье остался одинъ въ галереѣ.

— И такъ передо мной открылось наконецъ широкое море жизни, богатой подвигами и надеждами! проговорилъ шевалье. Счастливая волна увлекла меня за собой и я не долженъ выпускать изъ рукъ руля, а долженъ постоянно стремиться впередъ и впередъ! Жажда славы и почестей будетъ руководить мною, даже и въ томъ случаѣ, если сирава, или слѣва откроется зияющая пропасть!

Вдругъ послышался шелестъ шелковой портьеры позади него. Онъ обернулся и увидалъ графиню Рошфоръ, сильно смущенную.

— Графиня! проговорилъ тихо шевалье. Исчезнувшій сонъ! Поблекшая надежда!

— Я пришла пожелать вамъ счастья, шевалье, сказала графиня, обращая на него влажные отъ слезъ глаза. Вы такъ быстро пошли впередъ, достигли такой высоты, что я должна слѣдить за вами издалека, не желая потерять васъ изъ виду.

— Я же долженъ благодарить за это васъ, графиня, возразилъ шевалье спокойно дружественнымъ тономъ. Вы разбудили во мнѣ силу и гордость! Вы указали мнѣ тотъ путь, который привелъ меня сюда.

— И, спросила, немного помедливъ, графиня—ваше сердце ужъ не стремится съ холодной и неприступной высоты къ тихому и спокойному счастью—любви, которыми такъ недавно было полно ваше сердце?

— Нѣтъ, графиня, отвѣчалъ шевалье серьезно. Пути, открытому предо мной предстоятъ бури и непогоды, для борьбы съ ними необходимо облечь сердце въ тяжелую броню! Любовь, графиня, это сонъ, а я долженъ оберегать себя отъ подводныхъ скаль и водоворотовъ. Любовь—это оковы, какъ вы мнѣ сами когда то сказали, графиня, мои же руки должны быть свободны.

— Стало быть вы не простили еще моей глупой насмѣшки? спросила графиня умоляющимъ тономъ и со слезами на глазахъ.

— Отъ всего сердца, графиня, прервалъ ее шевалье, да и какъ бы могъ я не простить, когда эта насмѣшка указала ребенку путь сдѣлаться человекомъ! Испытайте меня, графиня. Если вамъ когда нибудь понадобится добрая услуга, то располагайте мною; какъ вамъ угодно. Воспоминанія о васъ останутся для меня въ будущемъ, точно также какъ и теперь, самыми священными и дорогими.

— Воспоминанія... печально вдохнула графиня. Я потеряла его! прошептала она съ горечью. Онъ поднялся гораздо выше, нежели мой тщеславный умъ могъ вообразить.

Графиня бросила на шевалье кроткій взглядъ, ясно выражавшій душевную тоску.

Шевалье былъ глубоко растроганъ, счастье манило, и онъ сдѣлалъ даже движеніе, какъ будто хотѣлъ протянуть къ графинѣ руки, но въ ту же минуту опомнился, взглянулъ холодно и твердо и сказалъ суровымъ, почти грубымъ голосомъ.

— Нѣтъ—моя клятва священна. Мое сердце должно принадлежать королю и Франціи!

Графиня продолжала смотрѣть на него серымъ и умоляющимъ взоромъ.

— Идетъ герцогъ Шуазель, сказала она тихо, указывая на галерею. Такъ это послѣднее ваше слово, шевалье?

— Да, графиня, отвѣчалъ шевалье прямо и твердо. Прощайте, графиня, прибавилъ онъ, низко кланаясь и цѣлуя ея руку:

Графиня смертельно поблѣднѣла.

— Прощайте, шевалье, сказала она дрожащимъ голосомъ и затѣмъ отвернувшись, быстро проговорила съ горькой усмѣшкой: теперь мнѣ придется играть людьми мелкими и ничтожными въ сравненіи съ нимъ.

Герцогъ Шуазель вошелъ въ комнату. Онъ поспѣшно поклонился удалявшейся графинѣ и радушно пожалъ руку шевалье.

— Я васъ искалъ, шевалье, сказалъ онъ теплымъ, сердечнымъ тономъ. Какъ могу я васъ отблагодарить? Всѣ мои враги побѣждены,—удаленіе патера Линьера и судъ надъ орденомъ возбуждаютъ толки во всемъ Парижѣ. Дидро, Даламберъ ужъ громко призываютъ мнѣ на помощь общественное мнѣніе, но мы и безъ этого много сдѣлали... гораздо больше, чѣмъ я надѣялся. Какимъ образомъ вамъ удалось, шевалье, такъ скоро завладѣть колеблющимся умомъ короля и достигнуть въ нѣсколько минутъ того, въ чемъ я начиналъ ужъ сомнѣваться.

— Не спрашивайте меня, герцогъ, возразилъ шевалье серьезно. Духовнику вѣтра легче привести въ колебаніе тоненькій листъ, чѣмъ гордые куполы собора Нотр—

Дамъ. Благодарная мысль перегрызла сѣть, въ которую заключили льва его враги, но, герцогъ, теперь на свободѣ левъ долженъ показать всю свою силу, враги его не намѣрены сдаться безъ бою.

Онъ указалъ на патера Линьера, который медленно и погруженный въ свои мысли, проходилъ по галлерей.

Патеръ приблизился къ двери королевской комнаты и хотѣлъ войти туда.

— Лебель загородилъ ему дорогу.

— Король еще у обѣдни, сказалъ онъ.

— Я подожду его величество, отвѣчалъ патеръ и подвинулся еще впередъ. Лебель не трогался съ мѣста.

— Я не имѣю позволенія отъ его величества впустить васъ сюда, сказалъ Лебель довольно тихо.

На одну минуту глаза патера засвѣтились гнѣвомъ, но тотчасъ же онъ опомнился и улыбка холодного презрѣнія показалась на лицѣ. Онъ замѣтилъ Шуазеля и хотѣлъ ужь пройти мимо, какъ вдругъ его остановилъ патеръ де Сазв. Послѣдній, задыхаясь отъ волненія, заговорилъ:

— Какая удивительная новость пронеслась по всему двору! Вы отставлены отъ короля, достойный собратъ, и ордену нашему угрожаетъ преслѣдованіе. Ахъ, зачѣмъ вы ватаюли лукъ слишкомъ туго! Что скажете теперь наше высшее начальство?

— Лукъ никогда не можетъ быть слишкомъ туго натянутъ, возразилъ патеръ съ спокойной торжественностью; — его стрѣлы всегда должны быть направлены на враговъ церкви. Но тише, мой братъ, сюда идти. Они не должны видѣть склоненными наши головы.

Шуазель подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Вы еще здѣсь, патеръ! Мнѣ кажется вы лучше бы сдѣлали, еслибъ подумали, какъ будетъ защищаться вашъ орденъ, предъ парламентомъ, который будетъ судить его безотлагательно.

— Вы побѣдили сегодня, господинъ герцогъ, замѣтилъ патеръ Линьеръ холодно и съ достоинствомъ, но что значить побѣда одного дня въ исторіи народовъ,

продолжающейся цѣлми столѣтiа! Кто встаетъ противъ церкви, тотъ впадаетъ въ адскую пропасть. Если вы будете продолжать идти по преступному пути, то Францiя предеть въ упадокъ, и побѣдителями среди общаго разрушенiя все жъ таки выйдемъ мы—непреодолимые поборники церкви. Пойдемъ, мой братъ! Отрясемъ прахъ отъ ногъ нашихъ. Въ залахъ этихъ царить гибель.

И патерь медленно вышелъ, гордо закинувъ голову, патерь де Сази послѣдовалъ за нимъ.

Шуазель задумчиво смотрѣлъ ему въ слѣдъ

— Онъ правъ, сказалъ наконецъ герцогъ, на пути, выбранномъ мною, друзей едва ли не болѣе слѣдуетъ бояться, чѣмъ враговъ. Но еслибъ даже всѣ духи тьмы сошлись на моей дорогѣ, то и тогда я буду стремиться впередъ и впередъ! Черезъ густой туманъ проникаетъ свѣтлый лучъ солнца на землю, и высоко надъ темными облаками царствуетъ Господь. Онъ, побѣдоносно управляя и надъ невидимыми духами, произнесъ сильное слово: да будетъ свѣтъ!

Сверкавшiе глаза Шуазеля читали будущее.

— Пойдемте, шевалье, сказалъ герцогъ, намъ нужно о многомъ поговорить до вашего отъѣзда. Мы должны прочесть вмѣстѣ всѣ рапорты, присланные изъ Россiи, хорошенько изучить почву, на которой намъ придется дѣйствовать.

— Я уѣзжаю, герцогъ, съ твердымъ желанiемъ употребить всѣ силы противъ внѣшнихъ враговъ Францiи.— Вамъ же желаю побѣдить внутреннихъ враговъ государства и сдѣлать снова королевскiй тронъ средоточiемъ славы и блеска нашего отечества.

Шевалье пошелъ за герцогомъ и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ карету.

Всѣ происшествiя этого дня живо сохранились въ памяти лицъ, принимавшихъ въ нихъ участiе. Шевалье, любимецъ короля, вскорѣ исчезъ отъ взоровъ придвор-

ныхъ. Получивъ еще одну аудіенцію у короля, онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Туда явился онъ въ женскомъ платьѣ и подъ именемъ m-lle Деонъ приобрѣлъ милость императрицы Елизаветы. Милость эта еще болѣе усилилась, когда императрица узнала о настоящемъ имени шевалье. Благодаря расположенію императрицы въ шевалье, вскорѣ былъ заключенъ союзъ между Россіей и Франціей, между тѣмъ какъ дипломатія долго тщетно трудилась по этому поводу.

Вскорѣ потомъ шевалье Деонъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ герцога Бругли и пріѣзжалъ на одинъ день въ Версаль. Выказавъ необыкновенную храбрость и ловкость въ Семилѣтней войнѣ, онъ получилъ крестъ Людовика. Затѣмъ отправился въ Лондонъ, гдѣ былъ произведенъ въ совѣтники министровъ, въ чрезвычайные послы, а наконецъ и въ могущественные министры. На этомъ поприщѣ онъ оказалъ Франціи также важныя услуги и проходя всѣ эти степени, онъ продолжалъ вести аккуратную и оживленную переписку съ Людовикомъ XV. Король одинъ только умѣлъ разбарать шифръ Деона и тотчасъ же по прочтеніи пряталъ обмененно въ ящикъ, ключъ отъ котораго носилъ при себѣ.

По вошествіи на престолъ Людовикъ XVI узналъ о таинственной корреспонденціи своего дѣдушки и отдалъ шевалье Деону странный приказъ, немало удивившій все общество въ Парижѣ и Лондонѣ: снять мужское платье и надѣть снова женское. Послѣ долгаго протпворѣчія, шевалье согласился на требованіе короля, не смотря на то, что Англійское правительство давно предлагало ему вступить въ нимъ въ службу. — И такъ шевалье Деонъ, одѣтый въ женское платье съ крестомъ Людовика, появился при дворѣ и былъ удостоенъ всевозможныхъ отличій короля. — Вскорѣ послѣ этого онъ былъ сосланъ на мѣсто своего рожденія — городъ Тоннеръ. Позднѣе потребовали выдачи его бумагъ, но онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ. Его заключили, какъ государственнаго преступника, въ замокъ Дижонъ, но вскорѣ освободили и онъ

переехалъ въ Англію. Здѣсь онъ жилъ во время начала французской революціи, похитившей у него его доходы (король продолжалъ ему платить назначенную пенсію). Теперь всё средства къ жизни у шеваля составили плата получаемая за переводы и уроки фехтованія. До самой смерти онъ упорно отказывался принять покровительство англійскаго парламента. Онъ умеръ 21 Мая 1810 г. оставивъ до конца жизни предметомъ неудовлетвореннаго любовннства для всѣхъ. Тайнственныхъ бумагъ онъ не выдалъ, несмотря на то, что это обстоятельство могло бы спасти его отъ нужды. Шевалье Деонъ, умеряя, оставался вѣренъ отечеству и королю, которому служилъ всю жизнь.

Шуазель продолжалъ бороться съ придворными интригами, и поддерживаемый маркизомъ де Монпадуръ, старался возобновить внутренній и вѣншній порядки во Франціи. Изъ борьбы съ іезуитами Шуазель вышелъ побѣдителемъ.

Розски, произведенныя по повелю короля во время, открыли много злоупотребленій и ордену предписано было измѣненіе статутонъ. Но генералъ Лоренце Ричи отказалъ слѣдующими замѣчательными словами: *Sunt ut sunt, aut non sunt*. И такъ королевскимъ декретомъ орденъ былъ высланъ изъ Франціи и Шуазель, заключивъ союзъ съ Бурбунами, изгналъ его изъ Испаніи, Неаполя, Парми и Мальты. Мужественно выступилъ также Шуазель въ своимъ величественнымъ дѣломъ національной французской церкви и имѣлъ большую поддержку изъ лицъ французскихъ епископовъ. Возставая противъ папы Клементя XIII, Шуазель занялъ французскими войсками польскія области и Авиньонъ, такъ что папа Клементъ XIV, чтобы заключить миръ съ Франціей вынужденъ былъ издать буллу *Dominius ac redemptor*, совершенно уничтожавшую орденъ іезуитовъ. Вообще Шуазель всѣми силами старался укрѣпить внутреннее могущество Франціи, поддерживалъ авторитетъ парламента и суда и преобразовалъ французскую армію по образцу арміи Фридриха II. Онъ откидалъ патенты и производилъ повышенія по старшинству

порядку. Шуазель учредилъ превосходныя военныя школы и можетъ, по справедливости, считаться основателемъ французской артиллерии, выказавшей поздне при Наполеонѣ I громадные успѣхи: Шуазель принималъ участіе въ горячій стреленіяхъ народа и ему, можетъ быть, удалось бы уничтожить шумъ революціи, еслибы не вліяніе графини Дюбарри, занявшей мѣсто маркизы де Помпадуръ при дворѣ Людовика XV.

Людовикъ XV. подъ старость сдѣлался совершеннымъ обжоркою. Утомленный записками графини Дюбарри, глупо и ненавѣдливой герцога Шуазеля, онъ далъ своему министру отставку. Послѣдній удалился въ замокъ Шантеза, стоящій на берегу Луары, и жилъ тамъ, окруженный королевскою пышностію. — Съ тѣхъ поръ Франція быстро стала клониться въ катастрофѣ.

Ришелье укладѣ въ свои владѣнія въ Бордо и долго мучился, отыскивая ключъ непонятнаго для него поворота политической лирики. Черезъ три мѣсяца герцогъ Ришелье вслухъ позвадіе возвратиться ко двору, но держался убо въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ. Изрѣдка только, желая повредить своему врагу Шуазелю, Ришелье ссодблялъ съ графиней Дюбарри. Герцогъ Ришелье обладалъ обширнымъ умомъ, промкимъ именемъ и рыцарскимъ предствомъ, но отдавалъ эти рѣдкіе дары природы въ распоряженіе случайностей, почему имя его не имѣетъ особеннаго значенія въ исторіи.

Счастливая судьба вывала на долю Гастона д'Ориньи и Луизы де Бомонъ. Король сдержалъ слово.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Вѣны, Гастонъ получилъ мѣсто въ провинціи, а Луиза богатое приданое и молодые люди, насмѣдаясь тѣмъ радостію, благословляли шекава. Добра, выжилиа ихъ счастья. Они одни знали тайно все; о странномъ сдѣвленіи обстоятельство и счастливомъ окончаніи интриги. Но тогда Луиза вспоминала о томъ странномъ днѣ, Гастонъ закрывалъ ея ротъ и забываемъ и шетада: забудомъ то, что опасно и...

Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края.

ГЛАВА I.

Обитатели мѣстностей, занимаемыхъ нынѣ Уфимской губерніей, во времена Ивана Васильевича IV. Происхождение Башкиръ, привагіе ими подданства Россіи; возникновеніе въ Башкиріи русскихъ городовъ, административное дѣленіе Башкиръ.—Уфимскіе воеводы; подчиненіе Уфимской провинціи Оренбургу, соединеніе ея съ Оренбургскою областію.—Отдѣленіе Уфимской губерніи отъ Оренбургской.

Первые русскіе колонисты въ краѣ, заключающемъ нынѣ Уфимскую и Оренбургскую губерніи, при Іоаннѣ Грозномъ, покорившимъ царство Казанское и овладѣвшимъ примыкавшими къ нему землями Башкиръ, состояли: изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Имъ обязаны своимъ возникновеніемъ города Уфимской губерніи, они были первыми проводниками русской цивилизаціи въ пустыняхъ, населенныхъ невѣжественными дикарями, первыми стражами восточныхъ окраинъ Россіи.

Во время покоренія царства Казанскаго, въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нынѣ Уфимской губерніей и смежными съ ней Оренбургской, Пермской и Самарской, обитали Башкиры. Народъ этотъ населялъ все лѣсное и степное пространство по рѣкамъ Камѣ, Бѣлой и по обѣ стороны верховьевъ Яика. Въ сказаніи князя Курбскаго, (1) Башкиры упоминаются въ числѣ

В различныхъ языковъ „кромѣ татарска“, бывшихъ въ подчиненіи царства Казанскаго. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ знатнѣйшихъ старшинъ башкирскихъ, Оренбургской экспедиціи, (2) (въ бытность командиромъ ея ст. сов. Кирилова), Башкиры считали себя частью ногайскаго племени, оставшагося на мѣстахъ прежняго жительства, послѣ того, какъ большинство ногайцевъ, жившихъ около сибирскихъ границъ, подъ властію Сибирскихъ хановъ, вслѣдствіе тяжелаго управления послѣднихъ, подъ предводительствомъ своего хана Тюрея, удалилось за Уралъ и Волгу. Название своего племени Башкиры производили отъ слова „башкуртъ, степной волкъ“, или „воръ“, каковымъ прозвищемъ наградили ихъ ухотившіе единоплеменники ногаи за несогласіе идти вмѣстѣ съ ними. Изъ актовъ, относящихся къ времени царствованія Ивана Васильевича, видно, что ногайскіе владѣтели кочевали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ городъ Уфа (3). Это подтверждается прозваніемъ многихъ, лежащихъ близъ г. Уфы, урочищъ ногайскими. Въ жалованныхъ грамотахъ вся мѣстность, лежащая отъ г. Уфы за р. Бѣлой, называется ногайской стороною. Башкиры, во времена Грознаго, были народомъ бѣднымъ, малолюднымъ, промышлявшимъ звѣроловствомъ и пчеловодствомъ и сильно разоряемымъ непомерными поборами своихъ властителей Казанскихъ и Сибирскихъ хановъ. Точныхъ историческихъ данныхъ, когда они приняли подданство Россіи, нѣтъ. Когда Казань была взята, Іоаннъ разослалъ по всемъ улусамъ чернымъ асачнымъ людямъ жалованныя грамоты и писалъ, чтобъ шли къ нему безъ всякаго страха, онъ ихъ пожелаетъ и они бы платили ему асакъ, какъ и прежнимъ Казанскимъ царямъ. Арскіе люди и луговая черемиса прислали съ челобитьемъ, (4) но прислали ли такое челобіе Башкиры—неизвѣстно. Хотя Рычковъ и говоритъ „какъ царь Иванъ Васильевичъ въ лѣто 1553 Казанское царство взялъ и онымъ совершенно овладѣлъ, то спустя года съ три оны Башкирцы, видя съ казанскими татарами добропорядочные поступки и невозможна болѣе терпѣть чиненныхъ имъ отъ Сибирскихъ хановъ и отъ Кзйсакъ притѣсненій, въ руссійское подданство пришли, (5) но вѣрнѣе Башкиры приняли русское подданство,

послѣ слѣдовавшей за взятіемъ Казани пятилѣтней, опустошительной войны московскихъ воеводъ, посланныхъ для усмиренія народовъ, отъ Казанскаго царства зависѣвшихъ, подъ влияніемъ страха, наведеннаго на инопородцевъ царскими воеводами, которые, по словамъ Курбскаго, съ немалымъ войскомъ, „вѣще нежели 30 тысячей по шестомъ лѣтѣ“, по взятіи царства Казанскаго, громили князей и воинства бусурманскія, „гоняху за ними, ажъ за Уржумъ и Мешь рѣку, за лѣсы великіе и оттуду ажъ до Башкирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ до Сибири протягается, и что ихъ было остались тѣ покоршася“. Естественно, что пораженія инопородцевъ, о которыхъ говоритъ Курбскій, (6) „бо тогда больше 10 тысячей воинства бусурманскаго погубихомъ съ атамани ихъ“, скорѣе могли заставить Башкиръ обратиться съ челобитьемъ къ русскому царю, нежели слухи о добронпорядочныхъ поступкахъ съ побѣжденными казанцами. Также думалъ и Карамзинъ, который въ своей исторіи государства російскаго (т. VIII гл. V стр. 135), на основаніи выписки, относящейся къ 1557 г., гдѣ выражено „а изъ Казани писалъ К. П. Ив., что Енебязъ съ товарищи добила челомъ, а башкирцы ясакъ поплачали“, говорятъ, что самыя отдаленныя Башкиры приносили дань, требуя милосердія. Иванъ Грозный въ духовномъ завѣщаніи своемъ, написанномъ между 1572 и 1578 годами, поручаетъ сыну своему Казанское царство уже „съ Башкирдою“ (7).

По показанію Рычкова, по принятіи Башкирами подданства, „не только тѣ земли, гдѣ они прежде подданства своего, будучи еще въ малолѣдствѣ (8) и крайнемъ убожествѣ, жили, а именно за Камою рѣкою и около Бѣлой волошки (коя послѣ рѣкою Бѣлою названа) имъ башкирцамъ подтверждены, но и разными выгодами (они) пожалованы“. По принятой тогда системѣ всѣ земли инопородцевъ, вступавшихъ въ подданство Московскаго государства, дѣлались государственной собственностью. По изслѣдованіямъ Н. А. Ойрсова, изложеннымъ въ его сочиненіи „Положеніе инопородцевъ въ Московскомъ государствѣ“: „великій государь почиталъ себя полнымъ собственникомъ земель казанскихъ, астраханскихъ, ногайскихъ,

верскихъ и всѣхъ сибирскихъ, это видно изъ того, что московская власть давала земли на этомъ пространствѣ, кому хотѣла и на условіяхъ, какія признавала нужными, не спрашивая на то согласія прежнихъ обладателей. Такъ Иванъ IV въ 1558 г. отдалъ во владѣніе Строгановыхъ огромный участокъ по берегамъ Камы. Изъ жалованныхъ грамотъ видно, что правительство не признавало за прежними владѣльцами инородческихъ земель права собственниковъ, сами инородцы должны были признать за государемъ право владѣть ихъ землями и искать утвержденія верховной власти въ нравѣ владѣнія и пользованія землею, которая до тѣхъ была ихъ собственностію⁹. (9) Они обращались къ государямъ съ челобитными объ охраненіи своихъ правъ на пожалованныя имъ земли и угоды и получали царскія грамоты и оберегательныя памяти. (10)

Обложено были Башкиры ясакомъ въ меньшемъ, противу другихъ инородцевъ, размѣрѣ съ обязательствомъ доставлять его въ Казань, куда ходили на лыжахъ и гдѣ имъ давалась соль, выдача которой потомъ впрочемъ уничтожена. Указанія о размѣрѣ ясака, платимаго Башкирами по распоряженію правительства о сборѣ ясака, а также по просьбамъ ясашниковъ о пониженіи его встрѣчаются и во многихъ царскихъ грамотахъ, копии съ которыхъ сохранились въ дѣлахъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія⁽¹¹⁾. Въ нихъ упоминается также о нѣкоторыхъ повинностяхъ, кромѣ взноса ясака, отправлявшихся Башкирами натурою. Такъ напримѣръ объ обязанности давать подводы лицамъ, посылавшимся для исполненія порученій правительства. Само собою разумѣется, что завѣдующіе такимъ отдаленнымъ краемъ, дозволяли себѣ при сборѣ ясака нѣкоторыя притѣсненія и къ числу натуральныхъ повинностей прибавляли многія, не требовавшіяся правительствомъ, почему послѣднее вынуждено было посылать повелѣнія о недопускѣ подобныхъ злоупотребленій, служившихъ предлогами къ жалобамъ и недовольству Башкиръ. (12) Впослѣдствіи изъ Башкиръ, вмѣстѣ съ другими инородцами, формировалось ополченіе, которое, вмѣстѣ съ служилыми людьми изъ инородцевъ, составляло особые отряды въ русское

войскѣ подѣ начальствомъ русскихъ головъ. Такимъ образомъ Башкиры стало быть были обязаны и къ отправленію воинской повинности. На исполненіе этой повинности постоянно указываютъ Башкиры, при ходатайствахъ своихъ объ утвержденіи за ними земель, которыми они владѣли и о выдачѣ имъ оберегательныхъ грамотъ, приводя въ основаніе своихъ просьбъ свои службы великому государю. (13) Въ разрядныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ опредѣленіе числа людей, которое обязаны были выставлять Башкиры, для выполненія воинскихъ службъ.

Въ 1586 году въ самомъ центрѣ Башкиріи, при рѣкѣ Бѣлой, построенъ городъ Уфа. Академикъ Пекарскій въ статьѣ своей, „Когда и для чего основаны города Уфа и Самара“, приводитъ извлеченія изъ письменныхъ памятниковъ сношеній русскаго правительства съ ногайскими владѣльцами въ 1586 году, изъ которыхъ видно: 1) что весной 1586 года ногайскій князь Урусь получилъ первое извѣстіе о намѣреніи русскихъ построить 4 города на Уфѣ, на Бѣлой, на Самарѣ и на Увекѣ; 2) что князь этотъ возражалъ противу построенія помянутыхъ городовъ, высказывая въ своей грамотѣ къ царю Федору Ивановичу, посланной лѣтомъ 1586 года, что землями, на которыхъ хотѣло русское правительство ставить тѣ города не владѣли до того времени, ни дѣды, ни отцы Московскаго царя и 3) что въ наказѣ посланцамъ, отправленнымъ въ сентябрѣ 1586 года въ Астрахань въ Ногаи было велѣно наспросъ „для чего государь на Самарѣ и волошкѣ города поставилъ“, отвѣчать относительно постройки г. Уфы: „А на Уфѣ, на Бѣлой волошкѣ государь велѣлъ городъ поставити, что бѣглою изъ Сибири Кучумъ царь, пришедъ въ государеву отчину въ казанскій уѣздъ, въ башкирцы, учелъ кочевати и ясакъ со государевыхъ людей зъ башкирцожъ почелъ бытъ имати, и нынѣ государь на Уфѣ велѣлъ городъ поставити и людей своихъ въ немъ устроити для обереганія казанскаго уѣзда башкирцевъ и для того, что государевни люди города многіе поставили въ сибирской землѣ. И изъ того города за Бѣлой воложки казанекими людьми многими ходитъ на Сибирь. А тотъ городъ сталъ на дорогѣ, да и по-

тому, чтобы казаки бѣгли съ Волги на Бѣлую воложку не ходили и ногайскимъ улусамъ убытковъ никакихъ не чинили".

Такимъ образомъ дѣль построенія г. Уфы была созданіе въ центрѣ вновь покоренной страны укрѣпленнаго пункта, должествовавшего служить къ утверженію въ ней русскаго владчества надъ инородцами князя Уруса. Построеніе городовъ въ земляхъ, доселѣ принадлежавшихъ инородцамъ, во все не нравилось послѣднимъ, хорошо понимавшимъ, что съ этимъ построеніемъ и заселеніемъ новыхъ городовъ и ближайшихъ къ нимъ мѣстъ русскими, инородческія племена утратятъ и ту долю независимости, которую они, не смотря на подданство Россіи, все-таки сохраняли.

Одновременно съ построеніемъ г. Уфы построена и Самара; въ 1586 г. въ ней уже былъ свой воевода, которому писались грамоты отъ имени царя, относительно города на Увекѣ. Пекарскій полагаетъ, что къ постройкѣ его въ 1586 году приступлено не было.

Въ концѣ своей статьи г. Пекарскій высказываетъ предположеніе, что четвертый изъ городовъ, поминаемыхъ княземъ Урусомъ вѣроятно былъ Бирскъ, построенный также на р. Бѣлой воложкѣ, и что нѣтъ никакихъ данныхъ къ предположенію, чтобы Бирскъ былъ основанъ ранѣе Уфы, (14) какъ то утверждаетъ Татищевъ, напротивъ, ибо въ такомъ случаѣ, если бы это бы'o такъ, то построеніе Уфы въ недалекомъ разстояніи отъ города, уже существовавшаго на башкирскихъ земляхъ, не должно бы было такъ обезпокоить князя Уруса.

Въ наказѣ царя Алексѣя Михайловича стольнику Федору Ивановичу Сомову, присланному воеводой въ Уфу «на князь Андреево мѣсто Волковскаго,» писанномъ лѣта 7172 (1664 г.) мая въ 15 день есть положительныя свѣдѣнія, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ г. Бирскъ, было дворцовое село Архангельское и что въ 7171 году, «Уфинскія башкирцы государево дворцовое село Архангельское, а Вирь тожь, раззорили и церковь Божию и дворы крестьянскіе пожгли и многихъ крестьянъ побили и въ полонъ поймали и раззорили безъ остатку и били де челомъ великому государю тѣ крестьяне, что бы великій госу-

даръ пожаловалъ имъ велелъ ихъ въ томъ селѣ и на прежнихъ мѣстахъ построится и около того села поставить острогъ и дать имъ для обороны отъ измѣнниковъ отъ Уфинскихъ башкирцевъ ружья, и зелья и свинцу.» На распросы воеводы крестьяне тѣ заявили, что съ ними вмѣстѣ хотятъ строить городъ на Бирю ближайшіе Черемисы и Мещераки, и что удобнѣе быть городу надъ самою рѣкою Бѣлою къ берегу выше устья Биря рѣки «и отъ того мѣста вверхъ по Бѣлой рѣкѣ къ городу Уфѣ струговымъ ходомъ семь днищъ, сухимъ путемъ въ полтора днища, а отъ Уфы до того мѣста струговымъ ходомъ на низъ по Бѣлой рѣкѣ въ 3-хъ днищахъ, а отъ Камы рѣки то мѣсто до Уфы водянымъ ходомъ на половинѣ дороги и стало промежъ Уфинскаго уѣзду и зимняя и лѣтняя дорога на тожъ мѣсто, а Уфинскія де всякихъ чиновъ градскія люди ему Федору сказали, что на томъ мѣстѣ острогу быть пристойножъ стало, межъ Уфинскаго уѣзду и въ угрожѣ мѣстѣ.» Въ слѣдствіе этихъ соображеній по великаго государя грамотѣ, посланной въ 7171 г., Уфимскому воеводѣ вѣлено въ селѣ Архангельскомъ и Бирь тожъ острогъ строить. Погѣленіе немедленно было приведено въ исполненіе, а чтобы городовое дѣло было прочно посланы въ городокъ и ружья, и свинець, и зелье. Такимъ образомъ, хотя на мѣстѣ Бирьскя и прежде существовало русское селеніе, но какъ городъ онъ основанъ лишь въ 1663 году, 77 лѣтъ спустя послѣ основанія г. Уфы, а къ устройству его въ видѣ укрѣпленнаго города побудили правительство подробныя соображенія о необходимости укрѣпленнаго форта на среднѣй пути отъ Камы къ Уфѣ. Въ этомъ году вѣлено еще въ Уфимскомъ уѣздѣ на р. Усолѣ въ Табынскомъ городкѣ для воинскаго береженья устроить острогъ тутошними жителями людьми, гдѣ помѣстить конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ.

Третій по старшинству основанія городъ Уфимской губерніи былъ Мензелинскъ. Изъ приведеннаго наказа стольнику и воеводѣ Сомову видно, что онъ былъ назначенъ въ Уфу на мѣсто князя Андрея Волонскаго, которому велѣно было ѣхать въ Мензелинскъ, въ то время получившій уже значеніе города, товарищемъ къ тамшнему воеводѣ князю Федору

Федоровичу Волконскому. Мензелинскъ былъ сначала устроенъ въ видѣ небольшой крѣпостцы. Въ воеводскомъ наказѣ царя Алексѣя Михайловича, отъ 14 сентября 1645 года (т. IV акты археографической экспедиціи стр. 2) о Мензелинскѣ упоминается лишь какъ объ острожеѣ «писалъ изъ Мензелинскаго острожеу Василій Останковъ приходили де калмыцкіе воинскіи люди по Ику рѣкѣ, на усть Мензели рѣки.» Въ документахъ, относящихся къ времени поселенія въ Мензелинскѣ польскихъ шляхтичей чернаго знамени, онъ называется уже пригородкомъ, а въ указѣ царя Алексѣя Михайловича Тимофею Мещерякову городкомъ.

По постройкѣ Уфы явилось дѣленіе Башкирцевъ по дорогамъ: жившіе къ Сибири названы были сибирскою дорогою, къ Казани—казанскою, къ пригородку Осѣ, основаніе котораго Татищевъ относитъ къ 1557 году,—осинскою, къ степнымъ народамъ ногайскою; въ каждой дорогѣ жило въ особыхъ волостяхъ по нѣскольку большихъ родовъ, которые дѣлились на меньшіе, называемые аймаками. За заслуги Московскому правительству послѣднее жаловало тарханами. ⁽¹⁵⁾ Тарханы собственно не принадлежали къ служилымъ людямъ, а состояли нѣчто среднее между служилымъ и ясачнымъ, или тяглымъ инородцемъ. Они обязаны были нести воинскую службу и въ разрядныхъ книгахъ помѣщались въ числѣ служилыхъ инородцевъ, но не получали за службу опредѣленнаго корма, а имѣли предъ ясачными Башкирами преимущество въ томъ, что, живя на однихъ съ ясачными земляхъ, не платили ясака, или годати и «гдѣ бы хотѣли землею владѣть, сѣно косить и рыбу ловить, въ томъ ясачники спорить не могли, только бортовыхъ угодій и бортовыхъ гонъ не касались.» Изъ тархановъ вышли многіе дворянскіе роды: такъ башкирскіе княжескіе роды Аптуловы, Турумбетевы, Девлетшины, Кудюковы пользовались прежде тарханствомъ. Въ архивѣ депутатскаго собранія сохранился списокъ такимъ тарханамъ, составленный при окольномъ и воеводѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Скуратовѣ въ 1681 году. ⁽¹⁶⁾

По словамъ Рычкова строителемъ г. Уфы былъ Иванъ Нагай. Изъ хранящихся же въ архивѣ Уфимскаго дворянскаго

депутатскаго собранія документовъ о родѣ дворянъ Артемьевыхъ и родословной этой фамиліи видно, что родоначальникъ ея Иванъ Васильевичъ Артемьевъ, по просьбѣ Башкирцовъ, посланъ, для очерчиванія и построенія города Уфы, но времени его послыки не обозначено, и самаго распоряженія правительства объ этой послыкѣ не найдено. Изъ наказа воеводѣ Сомову видно, что Уфа была обнесена тыномъ, что въ 1663 году старый городъ и острогъ въ Уфѣ весь подгнилъ и развалился, и что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1664 году велѣно устроить на Уфѣ городъ земляной, или деревянный и городовому строенію прислать роспись въ приказъ казанскаго дворца. Изъ напечатанной же въ Уфимскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1875 г. 6 сентября № 36) грамоты царя Федора Иоанновича, относящейся къ 1593 году сказывается, что въ то время въ Уфѣ существовала соборная церковь во имя Казанскія Божія Матери и что по челобитью протопопа этой церкви Андріана той церкви пожалована земля около города Уфы «отъ мѣста, глаголемаго Усолья, до р. Уфы и городища.

Съ самаго основанія Уфы, она управлялась воеводами (17) и дѣла рѣшались въ приказныхъ и съѣзжихъ избахъ. Воеводы Уфимскіе вѣдали и Уфимскій уѣздъ, въ составъ котораго входила вся нынѣшняя Уфимская губернія, большая часть Троицкаго, Верхнеуральскаго и Челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губерніи и Осинскій уѣздъ Пермской губерніи, и были поставлены въ зависимость отъ казанскаго дворцоваго приказа. Когда въ 1708 г. русское государство раздѣлено было Петромъ Великимъ на 8 губерній, городъ Уфа, вмѣстѣ съ уѣздомъ, приписанъ былъ, какъ подвѣдомственная провинція къ Казанской губерніи; 20 лѣтъ спустя провинція эта, по просьбѣ Уфимскихъ Башкиръ, подчинена была непосредственно сенату, а по указу императора Петра II 27 іюля 1788 года и изъ вѣденія казанскаго губернатора исключена. По основаніи тайнымъ совѣтникомъ Неплюевымъ Оренбурга въ 1743 году и по открытіи въ томъ городѣ, согласно повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, Оренбургской губерніи въ 1744 году 15 марта, Уфимская провинція, со всѣми башкирскими

дѣлами, причислена къ Оренбургской губерніи. Управление губерніей вѣрено губернаторамъ, а городомъ Уфой и Уфимской провинціей завѣдывали по прежнему воеводы и ихъ товарищи. Съ 1733 года по 1791 завѣдываніе это вѣрено было кромѣ того еще особымъ комендантамъ, а съ 1798 по 1802 годъ городничимъ.

Въ 1782 году, по указу императрицы Екатерины II, въ Уфѣ открыто было намѣстничество, въ составъ котораго вошло 8 уѣздовъ: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Бугульминскій, Бугуруславскій, Белебеевскій, Стерлитамакскій и Челябинскій; при этомъ административными центрами уѣздовъ: Белебеевскаго и Стерлитамакскаго сдѣланы бывшее село Белебей и Ашкадарская приставъ. Белебей былъ населеніемъ крещеныхъ чувашъ и возникъ въ 1757 г., а Ашкадарская приставъ, называвшаяся иначе Стерлитамацкою, устроена въ 1766 году на устьѣ рѣчки Стерли по проекту купца Тетюшинова для сплава по р. Бѣлой Илецкой соли.

Изъ разрядныхъ книгъ, царскихъ грамотъ, и документовъ, имѣющихся при дѣлахъ о дворянскихъ родахъ Уфимскаго депутатскаго собранія, видно, что съ 1615 по 1719 г. въ главѣ управленія Уфюю и Уфимскимъ уѣздомъ стояли слѣдующіи лица.

7123 (1615 г.). Стольничъ и воевода князь Борисъ, князь Андреевъ сынъ Хилковъ.

Воевода Гаврило Васильевъ сынъ Хлоповъ съ 7124 (1616 г.) по 7128 (1620 г.), а въ 1620 г. „велѣно быти къ Москвѣ, а на его мѣсто велѣно быти Осипу Прончищеву“.

Воевода Григорій Васильевъ сынъ Измаиловъ съ апрѣля 7129 (1621 г.) по 7130 (1622 г.).

Воевода Семень Гавриловъ сынъ Коробинъ 7131 (1623 г.), а въ 7132 (1624 г.) велѣно ему ѣхать къ Москвѣ, а на Уфу посланъ Семень Меньшовъ сынъ Волинскій“.

7133 (1625 г.). Онъ же Волинскій, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 31 человекъ, новокрещеновъ 2 ч., слободскихъ татаръ 3 ч., толмачей 10 ч., пушкарей 4 ч., вожь 1 ч., воротниковъ 1 ч., переводчикъ 1 ч., лютвинъ 1 ч., вѣмецъ 2 ч., черкасъ 2 ч., съ головою, да съ 2 ч. сотники, 218 ч. стрѣльцовъ пѣшихъ.

7134 (1626 г.). Воевода Семень Ивановъ сынъ Волынскій и Семену велѣно ѣхать къ Москвѣ, а на Уфу послать Иванъ Ивановъ сынъ Чичеринъ, и съ нимъ дѣтей боярскихъ 31 ч., новокрещеновъ 2 ч., слободскихъ татаръ 3 ч., толмачей 10 человекъ, пушкарей 4 ч., вожь 1 ч., воротникъ 1 ч., переводчикъ 1 ч., литвинъ 1 ч., нѣмецъ 2 ч., черкасъ 2 ч., съ головою, да съ 2 ч. сотники, 218 ч. стрѣльцовъ пѣшихъ.

7135 (1627 г.). Иванъ Ивановъ сынъ Чичеринъ, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 31 ч., новокрещеновъ 2 ч., слободскихъ татаръ 3 ч., толмачей 10 ч., пушкарей 4 ч., вожь 1 ч., воротникъ 1 ч., переводчикъ 1 ч., литвинъ 1 ч., нѣмецъ 2 ч., черкасъ 2 ч., съ головою, да съ 2 ч. сотники, 218 ч. стрѣльцовъ пѣшихъ.

7136 (1628 г.). Иванъ Ивановъ сынъ Чичеринъ. Иванъ отпущенъ къ Москвѣ, а на Уфу посланъ Иванъ Григорьевъ сынъ Желябужскій, а съ нимъ голова у стрѣльцовъ 1 ч., дѣтей боярскихъ 36 ч., нѣмецъ 2 ч., черкасъ 2 ч., новокрещеновъ 2 ч., переводчикъ 1 ч., слободскихъ татаръ 3 ч., толмачей 10 ч., пушкарей 4 ч., сотниковъ стрѣleckихъ 2 ч., пѣшихъ стрѣльцовъ 219 ч.

7137 (1629 г.). Иванъ Григорьевъ сынъ Желябужскій, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 36 ч., нѣмецъ и черкасъ 4 ч., съ головою, да съ 2-мя сотники, стрѣльцовъ 219 ч., пушкарей 4 ч., новокрещеновъ и толмачей и переводчиковъ 11 ч., служилыхъ татаръ 3 ч. Въ Уфимскомъ уѣздѣ ясашныхъ башкирцовъ 888 ч., а бываетъ имъ служба, какъ посылаютъ всѣхъ понзювыхъ городовъ служилыхъ людей въ большую повальную службу, а съ тѣхъ башкирцевъ емлютъ въ тое пору на службу съ 3-хъ дворовъ по человекъ“.

7138 (1630) 7139 (1631) 7140 (1632) 7141 (1633 г.). Иванъ Григорьевъ сынъ Желябужскій, а съ нимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 36 ч., нѣмецъ и черкасъ 4 ч., съ головою стрѣльцевъ, да съ 2 сотники, стрѣльцовъ 219 ч., пушкарей 4 ч., новокрещеновъ и толмачей съ переводчикомъ 11 ч., служилыхъ татаръ 3 ч. Въ Уфимскомъ уѣздѣ, ясашныхъ башкирцевъ 888 ч., и бываетъ имъ служба, какъ посылаютъ всѣхъ понзювыхъ городовъ служилыхъ людей въ большую повальную службу; а

съ тѣхъ башкирцевъ емлютъ въ тое пору на службу съ 3-хъ дворовъ по человѣку, пушкарей 3 ч., новокрещеновъ 25 ч., толмачей 3 ч.

7143 (1635 г.). Воевода Микита Дмитриевъ сынъ Вельяминовъ, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 48 ч., съ головою, да съ 3 ч. сотники, 100 ч. стрѣльцовъ конныхъ, да 200 ч. стрѣльцовъ пѣшихъ, переводчикъ да 9 ч. толмачей, пушкарей 4 ч., новокрещеновъ и татаръ 13 ч., черкасъ 3 ч., воротниковъ и сторожей и дѣловыхъ людей 42 ч., посацкихъ людей 9 ч., на Уфу жь послано по калмыцкимъ вѣстямъ изъ Казани дворянъ и дѣтей боярскихъ 84 ч., литвы и черкасъ 40 ч., стрѣльцовъ 200 ч., велѣно имъ на Уфѣ быти до тѣхъ мѣстъ, покамѣста про воинскихъ людей вѣсти минующа, перемѣняся въ три перемѣны. Всего на Уфѣ всякихъ людей и съ тѣми, которые посланы изъ Казани по вѣстямъ ... ч. Въ Уфимскомъ же уѣздѣ ясашныхъ башкирцевъ съ земель 2217 ч., на службу по государеву указу имано съ нихъ съ 3-хъ дворовъ по 1 ч.

7144 (1636 г.). Микита Дмитриевъ сынъ Вельяминовъ, да подъячей Пахомъ Лучниковъ и Микита Вельяминовъ и подъячей Пахомъ отпущены въ Москвѣ, а на Уфу посланъ князь Петръ, князь Ѳедоровъ сынъ Волконской, а съ нимъ дѣтей боярскихъ 48 человѣкъ, съ головою да съ 3 сотники, 100 ч. стрѣльцовъ конныхъ, да 200 ч. пѣшихъ, толмачей 4 ч., пушкарей, цренной мастеръ, слесарь, сторожь, воротникъ, винокуръ, 37 ч. дѣловыхъ людей, 10 ч. новокрещеновъ, 3 ч. татаръ, 3 ч. черкасъ, 9 ч. посацкихъ людей. Да на Уфу жь по калмыцкимъ вѣстямъ послано изъ Казани дворянъ и дѣтей боярскихъ 84 ч., литва и черкасъ 40 ч., стрѣльцовъ 200 ч. А велѣно имъ быти на Уфѣ до тѣхъ мѣстъ покамѣста про воинскихъ людей вѣсти минующа, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и литвѣ и черкасамъ, перемѣня жь въ три перемѣны. Да въ Уфимскомъ уѣздѣ съ земли ясашныхъ башкирцовъ 2217 ч., а на службу имано съ трехъ дворовъ по человѣку.

7147 (1639 г.). Стольникъ и воевода князь Петръ Ѳедоровичъ Волконскій.

7148 (1640 г.). Воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.

7149 (1641 г.). Стольникъ и воевода Левъ Афанасьевичъ Пещеевъ.

7153 (1644 г.). Стольникъ Петръ Дмитріевичъ Пожарскій.

7154 (1646 г.), 7155 (1647 г.). Воевода Ѳедоръ Андреевичъ Алябьевъ.

6156 (1648 г.). Стольникъ и воевода Иванъ Семеновичъ Пачулидзевъ.

7158 (1650 г.). Стольникъ и воевода Ѳедоръ Яковлевичъ Милославскій.

7162 (1654 г.). 7163 (1655 г.). Съѣзжей избы воевода Иванъ Андреевичъ Франзбековъ.

7164 (1656 г.). Воевода Афанасій Самойловичъ Нарбековъ.

7165 (1657 г.). Стольникъ и воевода Алексѣй Ивановичъ Головинъ.

7169 (1661 г.). Стольникъ и воевода Александръ Тимофѣевичъ Измайловъ.

7172 (1664 г.). Стольникъ Андрей Волконскій, а на мѣсто его 15 мая 7172 г. великій государь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ быть на Уфѣ столникомъ и воеводой Ѳедору Ивановичу Сомову, а ему Андрею велѣно быть въ Мензелинскомъ, въ товарищахъ съ бояриномъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ. Въ наказѣ воеводѣ Сомову и дьяку Родіонову, писанномъ въ 1664 году, копія съ котораго сохранилась въ архивѣ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія, весьма подробно излагаются обязанности воеводъ, по управленію вѣрными имъ воеводствомъ. (18)

7176 (1668 г.). Стольникъ и воевода Петръ Тимофѣевичъ Ковдыревъ.

7180 (1672 г.). Стольникъ и воевода Иванъ Петровичъ Ковдыревъ.

7185 (1677 г.), 7186 (1678 г.). Стольникъ и воевода Венедиктъ Яковлевичъ Хитрово.

7188 (1680 г.), 7189 (1681 г.). Окольный и воевода Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ.

7190 (1682 г.). Стольникъ и воевода князь Андрей Михайловичъ Коркодиновъ.

7192 (1684 г.). Окольнічій и воевода, а въ послѣдствіи бояринъ Данила Афанасьевичъ Борятинскій.

7193 (1685 г.). Думный дворянинъ и воевода Иванъ Петровичъ Кондыревъ.

7195 (1687 г.), 7196 (1688 г.). Стольникъ и воевода Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій.

7198 (1690 г.). Стольникъ и воевода Иванъ Андреевичъ Толстовъ.

7200 (1692 г.), 7202 (1694 г.). Ближній окольнічій и воевода Василій Ѳедоровичъ Стрѣшневъ.

7203 (1695 г.), 7204 (1696 г.). Стольникъ и воевода Дмитрій Някятичъ Головинъ.

7204 (1696 г.). Стольникъ и воевода Василій Ѳедоровичъ Леонтьевъ.

7205 (1697 г.). Стольникъ и воевода Дмитрій Ивановичъ Молостовъ.

7207 (1699 г.) 1700 г. Стольникъ и воевода Иванъ Калиничъ Пушкинъ.

1700 г. Борисъ Ѳирсовичъ Аничковъ.

1701 г. 1702 г. 1703 г. Стольникъ и воевода Ефимъ Понкратьевъ Зыбинъ.

1703 г. Стольникъ и воевода Гаврила Яковлевичъ Тухачевскій.

1719 г. 1720 г. Стольникъ и воевода Иванъ Ефремовичъ Бахметевъ.

Въ напечатанномъ въ памятной книгѣ Уфимской губерніи 1873 года спискѣ воеводъ Уфимскихъ показаны возводами съ 1723 года слѣдующія лица:

1723—1725. Подполковникъ Василій Васильевъ Ложкаревъ.

1726—1730. Надворный совѣтникъ Шабуневъ.

1730—1733. Бригадиръ Алексѣй Александровичъ Батуринъ.

1733—1739. Надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

1740—1748. Надворный совѣтникъ Шашмаревъ.

1749—1757. Секундъ маіоръ Можаровъ.

1758—1763. Бригадиръ Семенъ Протасовъ.

1766. Надворный совѣтникъ Спиридовъ. При немъ 1766

года воспослѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи комисіи, для сочиненія проекта новаго уложенія и произведены выборы депутатовъ въ ту комиссію, а также предводителей дворянства.

1771. Полковникъ Веніаминъ Алексѣевичъ Гончаровъ.

1772—1776. Коллежскій совѣтникъ Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ.

1776—1779. Полковникъ Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

1779 — 1782. Надворный совѣтникъ Василій Ивановичъ Павловъ.

Въ 1782 году открыто Уфимское намѣстничество, при чемъ произведены дворянскіе выборы на 1 трехлѣтіе. Уфимскими намѣстниками и въ то же время генераль-губернаторами Уфимскими и Симбирскими были:

1782—1784. Генераль-поручикъ Иванъ Варфоломѣевичъ Якобій.

1784. Генераль-поручикъ Акимъ Ивановичъ Алухтинъ.

1793. Генераль-поручикъ баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ.

Съ 1793—1795. Генераль-поручикъ Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ.

Съ 1790—1795. Правитель намѣстничества генераль-поручикъ Александръ Александровичъ Шеутлингъ.

Въ 1796 году Уфимское намѣстничество переименовано въ Оренбургскую губернію и тогда находившіеся въ г. Уфѣ намѣстники переименованы въ званіе Оренбургскихъ губернаторовъ и переведены въ Оренбургъ, куда переведены были изъ Уфы и присутственныя мѣста.

Первымъ Оренбургскимъ губернаторомъ былъ прежній правитель намѣстничества тайный совѣтникъ князь Иванъ Михайловичъ Баратаевъ по 1800 г. Съ 1800 года по 1802 г. губернаторомъ былъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Онуфріевичъ Курпсъ.

Въ 1802 году Уфа была объявлена губернскимъ городомъ, губернскія присутственныя мѣста снова переведены сюда и Оренбургскимъ губернаторамъ велѣно находиться въ Уфѣ, съ подчиненіемъ военнымъ, а впослѣдствіи генераль-губернато-

ранъ Оренбургскимъ и называться гражданскими губернаторами.

Въ 1865 г. послѣдовало отдѣленіе Уфимской губерніи отъ Оренбургской, съ подчиненіемъ обѣихъ Оренбургскому генералъ-губернатору. Въ составъ Уфимской губерніи вошли уѣзды: Уфимскій, Белебеевскій, Бирскій, Мензелинскій, Стерлитамакскій и Златоустовскій. Уѣзднымъ городомъ послѣдняго сдѣланъ Златоустовскій заводъ, основанный между 1751—1754 годами.

Г Л А В А II

Боярскія дѣти, дворяне и стрѣльцы.—Первые русскіе колонисты въ Башкирію.—Мѣста первыхъ русскихъ дворянскихъ поселеній въ нынѣшней Уфимской губерніи.—Старѣйшія селенія другихъ сословій.—Поселеніе Смоленской и Полоцкой шляхты въ Мензелинскѣ, Занскѣ и Шешминскѣ.—Уфимскія дворянскія фамиліи, происшедшія отъ шляхтичей.—Крестьянскіе поселки въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ XVII столѣтіи.—Экономическое положеніе Уфимскихъ землевладѣльцевъ.

Первоначальное населеніе г. Уфы составляли служилые люди: боярскія дѣти, дворяне, стрѣльцы, присланные для постройки города и защиты. Личный составъ ихъ время отъ времени усиливался присылками новыхъ партій съ вновь назначенными воеводами. Обыкновенно подкрѣпленія прислались во время волненій въ краѣ, когда правительство убѣждалось, что наличныхъ Уфимскихъ боевыхъ силъ недостаточно, чтобы справиться съ бунтующимися инородцами. Такъ изъ предвѣдущей главы видно, что въ помощь Уфимскимъ служилымъ людямъ командировались довольно значительные отряды въ періодъ времени съ 1628—1639 г., въ слѣдствіе калмыцкихъ вѣстей, т. е. дошедшихъ до правительства слуховъ о намѣстіяхъ Калмыковъ, которые въ теченіи означеннаго времени съ Башкирцами и другими инородцами дѣйствительно не разъ нападали даже на самый г. Уфу.

По принятой тогда системѣ вознагражденія за службу, боярскія дѣти, дворяне и нѣкоторые изъ стрѣльцовъ получали

земли въ окрестностяхъ вновь построеннаго города. (19). Изъ этихъ служилыхъ людей вышли родоначальники многихъ Уфимскихъ дворянскихъ фамилій и возникло здѣсь общество дворянъ-землевладѣльцовъ. Такимъ образомъ возникновеніе Уфимскаго дворянскаго общества произошло одновременно съ началомъ русской колонизаціи въ Башкиріи, центромъ которой явился г. Уфа и его уѣздъ. Отсюда эта колонизація начала распространяться въ другія мѣстности, входящія въ составъ нынѣшней Уфимской губерніи, что служитъ яснымъ доказательствомъ того, что Уфа былъ старѣйшимъ изъ городовъ, построенныхъ здѣсь. Въ сохранившихся въ архивѣ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія спискахъ Уфимскихъ служилыхъ людей встрѣчается много лицъ, бывшихъ, или родоначальниками, или членами старѣйшихъ дворянскихъ родовъ, внесенныхъ въ послѣдствіи въ родословную книгу Уфимской губерніи. Въ списокъ 1635 года, присланномъ по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи указу, при памяти Ѳеодору Ивановичу Коловскому, да съ нимъ уфимцамъ дѣтямъ боярскимъ, да коннымъ стрѣльцамъ, показаны лица, фамиліи которыхъ значатся въ числѣ древнѣйшихъ Уфимскихъ дворянскихъ родовъ, именно: Аничковы, Артемьевы, Волковъ, Гладышевы, Зыковъ, Каловскіе, Лопатинъ, Писемскіе, Савины, Сумароковы, Тарбѣвы, Телятевъ, Ураковы, Щиголевы, Вавиловъ, Третьяковы, Жуковы, Каржацкія, Кишненцевы, Черкашенинъ, Вязмитиновы.

Въ списокъ 1668 года, составленномъ воеводой Кондреевымъ Уфимскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которымъ идти дди повску на Чучалея царевича, показаны дворяне и дѣти боярскія «съ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ» а также стрѣльцы. Въ числѣ значущихся въ нихъ, кромѣ нѣкоторыхъ, фамилій коихъ помѣщены въ списокъ 1635 г., есть еще нѣсколько лицъ, роды которыхъ вошли въ составъ Уфимскаго дворянства, какъ-то: Черпизовы-Анучины, Вреховы, Карповы, Пекарскіе, Таганаевы, Ветовниковы и Лутохины.

Въ списокъ служилыхъ людей, относящемся къ 1681 году, составленномъ при окольничемъ и воеводѣ Петрѣ Дмитриевичѣ Скуратовѣ, въ числѣ боярскихъ дѣтей и Уфимскихъ

дворянъ, поверстаныхъ помѣстными и денежными окладами, а также и въ позднѣйшемъ, дописанномъ, при стольникѣ Молостовѣ, бывшемъ воеводою въ Уфѣ въ 1697 г., спискѣ упоминаются еще новые, невошедшіе въ предъидущіе списки старѣйшіе члены Уфимскихъ дворянскихъ фамилій: Куровскіе, Непейцины, Курчевы, Протопоповы, Уржумцовъ, Рѣшетниковъ, Погорскіе, Янгозины, Кадомцевы, Ргвовишниковы, Козырскіе, Кипичевковы, Найденовы, Сокуровы, Ахметевы, Чертковы, Смирновы, Жиливъ и Ъзиковъ. Изъ приведенныхъ списковъ, а также дворянскихъ десятней и царскихъ грамотъ, относящихся ко времени царствованія Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, видно, когда, гдѣ и въ какомъ количествѣ означеннымъ въ нихъ лицамъ давались помѣстья.

Первые изъ присланныхъ въ Уфу дворянъ и боярскихъ дѣтей получали земли и помѣстья около города. Это вполнѣ подтверждается существованіемъ около Уфы селеній, доселѣ сохранившихъ названія, происшедшія отъ фамилій первыхъ владельцевъ земель, на которыхъ они возникли, а также помѣстными документами, находящимися въ архивѣ Уфимскаго депутатскаго собранія.

Такъ водъ самымъ городомъ Уфой и въ ближайшихъ его окрестностяхъ есть слѣдующія селенія, называющіяся по фамиліямъ боярскихъ дѣтей и дворянъ, поименованныхъ въ приведенныхъ нами спискахъ, именно: Аничкова, Волкова, Вавилова, Карнова, Жилвна, Таганаева, Тарбѣева, Брехова, Пекарская, Уракова, Лопатина, Каловка, Гладышева, Уракова-Князена, Третьякова.

Изъ грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны 7195 года іюня 25 видно, что Рудаль Мурза, по крещеніи Андрей Ѳеолоровъ Ураковъ (родоначальникъ князей Ураковыхъ), поверстанъ землей въ 7099 (1691) году, а изъ отказной книги 7195 г. (1685) оказывается, что по отдѣльнымъ книгамъ 7137 (1629) года земля эта отведена ему на рѣкѣ Бѣлой, близъ Сосноваго озера (въ 10 верстахъ отъ г. Уфы).

По концѣ съ отказныхъ книгъ 7134 (1625) г., выданной

при выписи Уфимскаго завѣщательства изъ книги гражданскаго суда 14 января 1790 г., въ 1592, 1600 и 1594 годахъ въ числѣ Уфимскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣщено Толмачу Кондратью Кузьмину Сакурову изъ сибирской дороги, на великомъ полѣ, вдоль извокрещенаго Рудая Федорена пашни «по 7 четей въ полѣ, а въ двѣ потонузь, да обнннхъ покосовъ за рѣкою за Вѣлою вѣлошкой противъ города и около его пашни на 30 копень»; въ деревнѣ Шугуровкѣ, существующей доселѣ и выходящей въ 15-верстахъ отъ г. Уфы «у Кондратья Толмача подъ дворомъ на 20 сажень вдалѣ и поперекъ томъ да противъ его усадь распашни пашни 5 четей въ полѣ, а вду потонузь».

По отдѣльнымъ книгамъ 1607, 1612, 1618, 1619, и 1626 годовъ Уфимскому жильцу Оярсу Александровичу Аничкову отдѣлено въ помѣстьѣ земли на большомъ полѣ, что было дано Василію Ведревскому 30 четей, да подлѣ той же земли помѣстьѣ Таратинское Чемадурово на 25 четей, на дѣкомъ полѣ пустня залежныя земли по Шугуровкѣ рѣчкѣ, подъ усадь выше Рудавона лежи на 25 четей, да обнннхъ покосовъ по Шугуровкѣ рѣчкѣ и за Вѣлою рѣкою на 850 копень.

Изъ отказныхъ книгъ 7121 (1613) года января 21 видно, что по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея величїя и малши и бѣды Россїи самодержца указу и по грамотѣ и по наказу государева воеводы Гаврилы Васильевича Тузалева, да въ томъ указѣ Гаврилу Артемьеву, да съ нимъ подьячему Ивану Вѣловерцову въ Уфимскій уѣздъ за Уфу рѣку вверхъ Юрману рѣчку отдѣлить и отназь учинить Ивану Иванову сыну Каловскому нѣ отцовскаго помѣстья, что дано было отцу его Иванову, Ивану Ермолаевичу Каловскому, въ его окладѣ 450 четей, „286 четей вполѣ, а вду потонузь, есва и двѣу совѣсми угоды, заросли и пустоши и прирѣдно и землед по Авлазю рѣчкѣ, по выше рѣчки Камниши и другимъ урочищамъ“. Въ слѣдствїе сего Артемьевъ съ подьячимъ Вѣловерцовымъ, „въ то Ивановское помѣстье вдалиг и то помѣстье отда его по рѣчкѣ Авлазю 286 четей по старнимъ границамъ и урочищамъ совѣсми угоды справилъ и отдалъ Ивану Иванову Каловскому“.

Въ отдѣльныхъ книгакъ 7121 (1648) году написано: данна панна сыну боярскому Василію Зыкову, на Туровъ полъ двѣ пощны, материя бѣлая двѣ въ пощотѣхъ двѣмъ боярскимъ Ивану и Василію Васильевичемъ, въ свѣдѣности съ пашинимъ Уфимскимъ ефендикомъ и сыномъ боярскимъ Федоромъ Тарбѣевымъ, да ему же Василію Зыкову на томъ же Туровъ полъ двѣ панна Ивановская, да Васильевская въ свѣдѣности съ Федоровъ Тарбѣевымъ.

Въ отдѣльныхъ книгакъ Василія Артемьева 7136 (1629) г. отдѣлено Василію Зыкову за Балею рѣкою сѣвнннхъ покосовъ на 300 копенъ, а межи и грани тѣмъ покосомъ на двѣ Федоровыхъ граней Тарбѣевыхъ.

Въ отдѣльныхъ книгакъ Уфимца Данила Тарбеева (1648) г. 7151 г. июля 21 написано: отдѣлить отъ Данила Уфимца Григорію Зыкову въ Уфимскомъ уѣздѣ пустой валенной земли подлѣ помѣстныхъ земель Василія Зыкова на 5 четей въ полѣ а въ дву вотомуъ, а межи той земли поставитъ отъ Нисильевой Зыкова земля на низу по ручью подлѣ Сутолокъ рѣчки и на одной рѣчкѣ въ государеву поля (примыкающей къ Сутолокъ лѣсовъ и по настоящее время носить названіе Зыкова поля).

Приведенныя данныя достаточно подтверждаютъ высказанное выше доположеніе, что предки нашихъ Уфимскихъ дворянъ стояли въ главѣ колонизаціи губерніи. Обыкновенно въ помѣстьяхъ раздавались земли пустошорокнн, не составляя въ чемъ либо непосредственномъ подданннн. О правѣ собственности, Бандаръ на жалуюмую землю не могъ бытъ и рѣчи, потому что, какъ выше замѣчено, земли инородцевъ, принявшихъ подданство Россіи, считались собственностью великаго государя. Предварительно, отсюда въ помѣстьяхъ земли дѣлалось разслѣдованіе невладѣть ли кто жалуюною землею, не отдали ли она въ оброкъ, нѣтъ ли споръ о ней, затѣвъ, если по разсудку оказывалось, что земля лежитъ въ пустѣ много годъ и съ оброку вылажена, производилось описаніе и измѣреніе ея и уже потомъ она вѣрстается въ окладъ лицу, которому назначалось помѣстье. Такъ ио указу царя Алексея Михайловича гвта гвта 7152 мая 11, а по наказу стольника и воеводы.

Царя Тимофеяна Кондырева, Уфимцу Матвею Васильеву сына Талатова велено: «Ихать въ Уфимской уѣздѣ за долу рѣку на пустою землю, которую земля икзакъ Алонта «Алабукиничъ», и «прелазы на тое землю вѣсть есобою велено тутошнихъ стороннихъ людей, которые тое землю знаютъ и про тое землю сказать околнени людямъ вѣднхъ илювъ; про то, тое землю не владѣть ни кто и владѣть и ввотчину и воброщъ та земля кому не отдана ли и спору о тое земли нети сметь, и не будеть тое землю ни кто не владѣть и впоместе и ввотчину и воброщъ та земля ницкому не отдава и спору ебней нетъ живемъ в тое землю измерать вчетверти и вдесятины а измеравъ тое землю описать вкниже сколько вчетей и десятины будуть, а описать отказать впоместе Семену Куравскому на пятдесятъ четей вполе, а вду ветоуать; въ ево окладѣ вчетыреста, а внадесять четей, да и той земле сенныхъ покосовъ на сколько копенъ пригоже до указу великаго государя, петру что та земля абалкирской мещерой дѣлать впуште многіе годы и воброчу вложена, а ови дворникъ и дѣти боярскія скудные и безалобныя и хлебаго жалованья нѣве имъ нѣтъ, а что за тою дачею тое земли лишние будеть и тое лишнюю землю сколько ее будеть описать на великаго государя, да нтр тое земли на великаго государя отпшеть и Семену Куравскому впоместе несколько ветои и сенныхъ покосовъ отказать и въ всторницъ мѣстахъ и урожаныхъ, сметь та земля сметь, написати вотказные книги и кнжино, да и те отказные книги, за свесю и тѣхъ людей, которые на отказъ будуть за руками, аривестъ въ городъ на Уфу и отдать въ приказной вобъ стольнику и воеводѣ Петру Тимофеевичу Кондыреву. Во исполненіе этого указа Уфимецъ Матвей Талатовъ призвать на тое землю и везеъ съ собою тутошнихъ стороннихъ людей, которые тое землю знаютъ да про тое землю сказать тое землю не владетли кто и впоместе и въ ввотчину и воброщъ та земля не отдана ли и спору о той земле нети ли сметь. А вомеку Уфимскіе Петръ Миниминъ сынъ Пушваревъ, да Камышскаго взыма Толмачъ Федоръ Пушкаревъ, да донской казанъ Андрей Кузнецъ, новокрещенъ, да конные стрѣльцы Андрей да Михайло да Иванъ Колобыно-

цѣновъ, да деревни Булбасы: тамъ же черемиса Емилъ Обидимовъ, Тинный Аммальдинъ сѣзали, что тою землею никто не владѣеть и ввѣстѣе вквотчину и вобротъ никому не отдала и спору о той землѣ нѣтъ ни скѣмъ, а прѣжъ сего тою землю пахивалъ до башкирской вѣзени носачвой чело-вѣкъ Алексѣй Алабуженниковъ, а на другой стороне Деми рѣки та земля пересжая дикое поле, а вмежахъ та земля, что та земля, что прѣжде сего пахивалъ Алексѣй Алабуженниковъ, воле помѣстныхъ земель Степана Тарбеова, Алексѣя Витезова, да на другой стороне Деми рѣки порозжая земля, дикое поле вмежахъ воле помѣстныхъ земель уфинцовъ Ивана, да Гавриловская земля Писемскихъ, да воле дачи Петра да Федора Пушкаревичъ, а тою землю вобѣихъ межахъ писемску и помере ему Семену Куровскому отивалъ впомесѣе на пятдесятъ четей вполе, а вду потомужъ, въ ево окладъ въ четиреста вятдѣсать четей, да ктой землѣ сѣнныхъ покосовъ за Пушкаревичъ осеромъ вобщѣ сПетромъ да Федоромъ Пушкаревичи, да емужъ Семену сѣнныхъ покосовъ, да подругую сторону дороги Дементя Шепелева отъ сѣнныхъ покосовъ Алексѣя Витезова воле большой дороги едучи вгородъ на правой сторонѣ до Красного яру, а съ Краснаго яру на ольхи, а воле олковъ ктой же дороге Шепелевъ помогагу.

Такимъ образомъ почти всѣ мѣстности на пространствѣ 30—40 верстъ около города Уфы занаты были дворянскими помѣстьями, селенія другихъ сословій на этомъ пространствѣ и не далѣе 100 верстъ отъ Уфы встрѣчается въ XVII вѣкѣ лишь весьма малое число. Въ историческихъ документахъ, относящихся къ этому времени, упоминается село Красный яръ (въ 12 верстахъ отъ г. Уфы), основанное въ 1635 г. дворянскими крестьянами, Богородское (въ 18 верстахъ отъ г. Уфы), существовавшее уже въ 1647 г., Государственные Дуванскіе, заселенные около 1647 г. переселенцами изъ с. Богородскаго и отставными уфимскими стрѣльцами, Монастырскіе Дуванскіе, пожалованные при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Успенскому мужьскому монастырю, Сорвика, Старый Енгальтъ, заселенный крестьянами изъ Пензенской губерніи, Вознесенское (Чесно-

говка въ 12 верстахъ отъ Уфы) и Емашевка, гдѣ поселились въ 1677 г. бѣглецы изъ внутреннихъ русскихъ губерній. (30).

Въ то время, какъ Уфа сдѣлалась разсадникомъ помѣстного дворянства нынѣшняго Уфимскаго и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ и средоточіемъ, откуда русская колонизація распространялась въ Башкиріи, въ другомъ, ближайшемъ къ Камѣ углу ея возникла крѣпость (острожекъ) Мензелинскъ. Острожекъ этотъ, скоро получившій значеніе города и управлявшійся въ которое время отдѣльными воеводами, сдѣлался подобно Уфѣ центромъ, около котораго группировались поселенія служилыхъ людей, присланныхъ сюда и въ близкіе къ нему острожки Занскъ, Шешминскъ, устроенные по закамской чертѣ, для утвержденія и охраны здѣсь русскаго владычества. Потомки этихъ служилыхъ людей составили дворянство нынѣшняго Мензелинскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностей. Служилые люди, бывшіе первоначальными поселенцами и гарнизономъ означенныхъ городковъ, происходили изъ Смоленской и Полоцкой шляхты 4-хъ знаменъ, присланной въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1655 году и принявшей подданство Россіи, по взятіи Смоленска. Изъ нихъ 124 чловѣка при черномъ знамени поселены въ Мензелинскъ, 128 при красномъ знамени въ Шешминскъ. Земли, отведенныя Мензелинскимъ шляхтичамъ, вмѣсто денежнаго хлѣбнаго жалованья, окончательно раздѣлены между ними въ 1674 году по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича указу и наказу боярива и воеводы князя Юрія Ивановича Ромадановскаго, Ивана Павловича Акинфова и дьяковъ Якова Протомовнина, Калиты Патрикеева Тимофею Ивановичу Мещерякову да въ приказные палаты подъячому Анисиму Чередуеву. Въ отводной книгѣ показанъ и списокъ надѣленныхъ землями. Отъ многихъ изъ нихъ произошли потомки, внесенные по личнымъ заслугамъ въ дворянскую родословную книгу губерній. Такъ напримѣръ: Харькевичи, Пироговскіе, Пьянковичи, Суворовы, Филиповичи, (Бардовскіе) Брудинскіе, Богдановы, Ворозны, Бывовы, Тиханы, Тетеревниговы, Тихановскіе, Сипайловы, Дудары.

Въ числѣ поселенныхъ въ Шешминскъ и надѣленныхъ

землей отъ Шешминскаго, города вверхъ по Шенгѣ до обѣ стороны шляхтичей краснаго знамени упоминаются предки фамилій, частію утвержденныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ по шляхетскому происхожденію, частію вошедшихъ въ послѣдствіи по личнымъ заслугамъ ихъ потомковъ въ число дворянскихъ родовъ Уфимской губерніи, именно: Сверкузовы, Ждановы, Мальковскіе, Щуцкіе, Лобановы, Корабцовы, Жакоты, Романовскіе, Хавратовы, Кублицкіе, Муровцевы, Филиповскіе, Сушковы, Есиповы, Григоровскіе.

Тоже самое можно сказать и о Смоленской шляхтѣ, поселенной въ Зайнскѣ. Въ спискѣ, помѣщенномъ въ копіи низовыхъ городовъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, вноземцамъ, присланнымъ на службу въ закамскіе пригороды закамской черты, относящемся къ 7195 году написаны также многіе съ фамиліями, потомство которыхъ встрѣчается въ числѣ здѣшнихъ дворянъ: Бардовскіе, Сарвиловы, Савиничи, Шванскіе, Шемановскіе, Шестаковы, Головы, Абражеевы, Буткевичи, Диньковы, Ермаковскіе, Спытковы, Зубовы, Шестаковскіе.

Всѣхъ дворянскихъ фамилій, поселившихся въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нынѣшней Уфимской губерніей въ XVI и XVII столѣтіяхъ, было 101, считая въ числѣ ихъ и тѣ шляхетскія, потомки которыхъ внесены въ дворянскую родословную книгу по личнымъ заслугамъ.

Изъ древнѣйшихъ поселеній другихъ сословій упоминаются въ Мензелинскомъ уѣздѣ Токшокуъ и старый Пьяный Боръ, существовавшій уже въ 1678 году.

Боярскія дѣти, дворяне и стрельцы, поселенные въ Башкиріи въ первые полтора вѣка, по принятіи ея въ русское подданство, явились и первыми земледѣльцами въ краѣ, обитатели котораго были звѣроловы и кочевники, чуждые понятія объ осѣлости и земледѣльческой промышленности. Предкамъ нашихъ колонизаторовъ время свободное отъ службъ и походовъ приходилось употреблять на добываніе себѣ куска насущнаго хлѣба, обрабатывая собственноручно пожалованнымъ дикимъ поля и досель впустѣ лежавшія земли. Хотя есть акты, доказывающіе, что нѣкоторые изъ нихъ владѣли крѣ-

постырни людьми, но число поселенцевъ было весьма незначи-
тельно. Такъ, по показанію Рычкова въ топографіи: «въ ин-
савной уже въ 1760 году, во всѣмъ собственно Уфимскомъ,
т. е. служившими по городу дворянами числится въ то
время только 636 душъ. Крѣпостные образовались, частью
изъ жалованныхъ вмѣсто денежныхъ окладовъ крестьянскихъ
дворовъ, частью изъ сходцевъ (бѣглыхъ людей) изъ другихъ
русскихъ городовъ и уѣздовъ».

Въ жалованной грамотѣ, писанной изъ Москвы дѣтя 7165
мая въ 30 день отъ царя и великаго князя Алексея Михай-
ловича, на отведенное въ Уфимскомъ уѣздѣ за Уфой рѣкой
вверхъ по Таушу рѣчкѣ въ помещіи уфимскому новопо-
щену Ивану Иванову сыну Кадомцову и дикое поле, сказано:
„а вотделныхъ книгъ каковы присланы съ Уфы отъ мѣла Уфимца
Федора Головкина прошлаго 160 году июля въ 5-9 день на-
писано отделено посылку уфимскому новокрашени Ивану, Ива-
нову сыну Кадомцову в Уфимскомъ уѣздѣ дикое поле, порез-
жая земля, за Уфой рѣкою вверхъ по Таушу рѣчкѣ на пед-
десятъ четьи вполѣ, а рѣку потомуждѣ, и выбѣ все мрестьяне,
которые втой ево помещной земле ныне живутъ и впредѣ
учнутъ жити, помещика своего Ивана Кадомцова слушали
нашню на него пахали и доходъ ему платили“.

Изъ грамоты 21 октября 1692 года видно, что въ 1692
году по указу царя Феодора Алексѣевича велѣно было „Уфим-
цомъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ“ вмѣсто денежнаго жа-
лованья давать въ уфимскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ селъ и де-
ревень, кромѣ селъ Каракулица и Цыбаного Бору, „за кото-
рыми дворяны и дѣтьми боярскими по одному двору крестьян-
скому или задворныхъ кабалныхъ людей и тѣмъ полва дво-
ра, а закоторми крестьянскихъ или задворныхъ кабалныхъ
людей по два двора и тѣмъ давать по одному двору, а ну-
стопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ давать вмѣсто денежнаго жа-
лованья по три двора крестьянскихъ и бобыльскихъ по чело-
вѣку зземлею и совсѣми угодыи заверставъ всѣмъ поровну“.
Эти жалованные люди были крѣпостною собственностію дво-
рянъ вполнѣ. Что же касается до кабалныхъ людей, образо-
вавшихся изъ сходцевъ и бѣглыхъ, то послѣдніе, поселясь

добровольно, во притѣвленіи помѣщиковъ въ ихъ владѣніяхъ, старались оставить себя далеко не въ то положеніе, въ которое въслѣдствіи очутились крѣпостные люди. Доказательствомъ того, что вступленіе въ крѣпостныя отношенія было результатомъ договоровъ, обуславливавшихъ такія отношенія и дававшихъ яваторныя права селившимся на помѣщичьихъ земляхъ бѣглымъ и вообще свободнымъ людямъ, которыхъ нужда заставляла дѣлаться крѣпостными, встрѣчаются во многихъ актахъ, относящихся къ XVII и началу XVIII столѣтія. Такъ въ записи 1704 года сказано: „Уфинецъ Василій Петровъ сынъ Шенелевъ далъ на Уфѣ сію на себя запись вдовѣ бывшаго уфинскаго коннаго казака Прасковѣ Дмитріевой дочери сговорилъ а Василій ее Прасковью за крестьянина своего за Тита Васильева сына замужъ, а свадьбѣ бытъ..... а что Божь дастъ у нихъ дѣтей — дочерей и тѣхъ дочерей по возрасту выдавать мнѣ на волю безвыводно, а сыновьямъ бытъ во крестьянахъ“.

Иногда вольные люди не закрѣпощались вовсе, а навѣмаясь на продолжительный срокъ, сохраняли свою свободу. Вотъ образецъ такого условія: „Лѣта 1704 февраля въ 20 день вольной гулящей человекъ Дмитрій Федоровъ сынъ Новокрещевъ далъ на Уфѣ сію запись Уфинскому конному казаку Ивану Иванову сыну Подковырину, въ томъ зговорилъ а Дмитрій у него Ивана природную дворовую дѣвку Марью Иванову за себя замужъ а женится мнѣ на ней Марья въ нынѣшнемъ же году всемъ февралѣ мѣсяцѣ и женясь жить мнѣ Дмитрію у него Ивана Ивановича вженою своею впредь до срока двенадцать лѣтъ а живучи мнѣ Дмитрію у него Ивана Ивановича не пить, не бражничать, карты и зерню не играть, и табаку не тянуть, и своровскими людьми не знатца, и воровскихъ людей не подвести, и надъ домомъ ево, и надекотомъ, и надъ животомъ дурна никакова и хитрости не учинять, и не покрасть, а ево Ивана Ивановича и домашнихъ ево слушать спору и очурства никакова мнѣ Дмитрію вженою своею нечинить и всякая ево домашняя и отъѣзжая работа работать безослушанія и за вину мою и за ослушанія вольно ему Ивану Ивановичу и домашнимъ

ево мене Дмитрія и жену мою смирять съ наказаніемъ доволнѣе смиреніемъ смотря по вѣнѣ а на приходѣ мнѣ Дмитрію взять у него Ивана Ивановича: лошадей кобылу двухъ лѣтъ, да ителъ дву же лѣтъ, да овцу, а что вѣнѣ урочные двѣнадцать лѣтъ отъ того скота будетъ приходу и те все мнѣ Дмитрію, а какъ урочные двѣнадцать лѣтъ а Дмитрій изжевою своею у него Ивана Ивановича отгнаю и послѣ того сроку мнѣ Дмитрію и женою своею Марьяю и дѣтьми битъ свободну, также и до надѣльнаго скота и доприходнаго ему Ивану Ивановичу дѣла нѣтъ, и послѣ срока ему Ивану Ивановичу, и женѣ ево, и дѣтямъ, и родственникамъ до меня Дмитрія и до жены моей Марьи и до дѣтей дѣла также нѣтъ, и до скота, что писано всей записи, дѣла нѣтъ, ни о чемъ противъ сей записи Великому Государю не битъ челомъ, а не доживъ до срока мнѣ Дмитрію отъ него Ивана Ивановича не отходить и ни о чемъ не отимада и во всемъ мнѣ противъ сей записи устоять, а буду я, Дмитрій, противъ сей записи въ чемъ не устою, или покрадчи живота ево збѣгу, и гдѣ меня въ бѣгахъ смыцеть, взять на мнѣ ему Ивану Ивановичу, или женѣ ево и дѣтямъ меня Дмитрія и женою моею възбѣговъ, взять по сей записи къ себѣ по прежнему, а за покраденныя скосные пожитки по ево Ивана Ивановича и жены ево и дѣтей скаскѣ взять на мнѣ же Дмитрію и на женѣ и на дѣтяхъ, по ево Ивана Ивановича и жены ево и дѣтей скаскѣ, что скажутъ тому и вѣрять, а буде жъ въ бѣгахъ я Дмитрій сколько лѣтъ буду, тѣ лѣта мнѣ Дмитрію у него Ивана Ивановича и у жены ево и у дѣтей заковать послѣ урочные лѣта".

Само собою разумѣется, что въ то время, когда земля не имѣла почти никакой цѣнности, владѣніе участкомъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, 200 или 300, или 400 четей, при невозможности обработать его весь, по недостатку рабочихъ рукъ, почти не вліяло на большую или меньшую зажиточность семьи. Эта зажиточность зависѣла отъ личнаго труда владѣльца и умѣнія привлечь къ себѣ помощниковъ для обработки земли изъ разныхъ складовъ. А такъ какъ означенныя качества могли доставить обладателю ихъ

лишь обремененное отъ гонимого существованіе, ибаъ обитъ оро-
дующимъ земледѣліи, кромѣ злѣотнаго рнчка, была; иабула, го
секо, ите ардота догмашинна. мшоннаторова была не
блестяща. Въ челобитныя икъ, о которыхъ упоминается въ
дворскихъ грамотахъ безпрестанно читаемъ фразы: о скудости
и бѣдности прислугей, которые были несчастны и тѣмъ, если
въ участіе въ походѣ и бою, а иногда и оза полученіемъ въ
оружіи тяжелую рану, подумали прибавку къ своему окладу
въ размѣрѣ 2-хъ рублей и 50 четей земли. Такъ по грамотѣ
7172 года (1664) великаго государя дворянину, Юрью Артемь-
еву за уфимскую службу 171 года, за то, что онъ былъ въ по-
слѣднѣ съ стодольникомъ и воеводою съ княземъ Дмитріемъ Бол-
жонскимъ и на бою раненъ, придати ему учинено помѣстнаго
50 четей и денегъ 2 рубля. Однофамильцу его Матвѣю Арте-
мьеву за тяжелую рану дано 50 четей земли въ 1701 году.

Столь же дешево, какъ и военныя службы и подвиги
одни еще надежнее, цѣнился ихъ трудъ по веденію гражд-
данскихъ дѣлъ, хотя послѣднее требовало и специальной
подготовки и высшаго развитія и знакомства съ законами.
Доказательствомъ этому служатъ записи, относящіяся къ
1704 году, по которой дворяне Амичковъ и Артемьевъ при-
няли на себя за 20 рублей обязательство съѣздить въ Москву
и ходатайствовать о томъ, чтобы доверителямъ ихъ шестеро
дворянамъ даровался на Уфѣ вѣчныя ихъ оклады.

На скудость средствъ указываютъ и нѣкоторые акты, за-
ключенныя дворянами между собою. Въ оговорной записи,
относящейся къ 1707 году, заключенной между представи-
телями 2 старѣйшихъ Уфимскихъ дворянскихъ родовъ Алек-
сѣемъ Лукьяновымъ Савиннымъ и Дмитріемъ Константино-
виномъ Лодатинымъ написано: «(AYS8) 1707 году января
въ (81) 16 день оговорилъ я Алексѣй Лукьяновъ сынъ
Савинъ дочь свою девицу Меланью Алексѣевну за Дмитрія
Константинова Лодатина в свадьбу бнча мнѣйшнаго же году
въ недѣлю сырныя недѣли а буде я Алексѣй на тотъ выше-
писанный срокъ день свой за нево Дмитрия дать не покочу
и да мнѣ Алексѣе датиъ ему Константину и сыну ево Дмитрію
часть евою и съ убитыа и благословленіа а дочь свою Божіей

милосердіа образъ Казанскія Богородици на красне; роспись приданому телогрею китайчатая, телогрея куманная съ круживомъ, кокошникъ жемчужной половраку, два кокошника золотыхъ, борозы жемчужной, два креста серебряные, двое сергъ одни съ жемчугами, а другіе . . . четыре перстня серебряныхъ, семь рубахъ, шапка соболья, перина сголовьемъ, одъядо баранье, меряны бурой пяти лѣтъ, нагелъ рина, стальва, двѣ овны".

Нынѣ такое приданое за дочерью, если принять въ расчетъ не высокую цѣнность въ то время соболей и жемчуга, посовѣстися бы дать мало мальски зажиточный крестьянинъ, а между тѣмъ Лопатинъ, такъ цѣнившій его, что для обезпеченія полученія обещаннаго, счелъ нужнымъ оформить дѣло актомъ, за подписомъ свидѣтелей, былъ не изъ родовыхъ дворянъ. Отецъ его Константинъ Никитичъ пользовался довѣріемъ воеводѣ Тухачевского на столько, что получалъ порученія большой важности, какъ на примѣръ въ 1704 г. по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича посланъ былъ онъ, Константинъ Лопатинъ, въ Уфимскій уѣздъ по ногайской дорогѣ во всѣ башкирскія волости и деревни, гдѣ стоятъ мельницы, тѣ мельницы переписать и оброчить. Дѣдъ же Никита Алексѣевичъ былъ головою и въ этомъ рангѣ командовалъ отдѣльными отрядами и сторожевыми постами.

Владѣніе и пользованіе такими скрутными и тяжелымъ трудомъ добытыми средствами не было покойнымъ и обезпеченнымъ. Безпрестанныя нападенія башкирскихъ, калмыцкихъ и другихъ иновѣрческихъ сконящъ, сопровождавшіяся грабежемъ, сожженіемъ и разрушеніемъ помѣщичьихъ усадебъ, срубленныхъ и устроенныхъ лично владѣльцами, не могли конечно не препятствовать увеличенію достатка послѣднихъ, дѣлая въ то же время не безопасною самую жизнь поселенцевъ и ихъ семействъ. Такимъ образомъ надолго ихъ выпало не только непрерывной вооруженной борьбой удерживать господство надъ новымъ краемъ, но и завоевывать каждый шагъ экономическаго развитія его путемъ упорнаго, усиленнаго личнаго труда, безъ увѣренности въ своевременнѣйшемъ пользованіи результатами послѣдняго.

Г Л А В А III

Переходъ отъ системы правительственной колонизаціи Башкиріи къ колонизаціи свободной.—Усиленіе дворянскаго элемента въ Уфимской губерніи.—Новое запрещеніе пролази башкирскихъ дачъ.—Отмѣна его указомъ 1832 и положеніемъ 1863 года.—Увеличеніе состава владельцевъ помѣщи и приобретателей башкирскихъ земель на льготныхъ правахъ.—Послѣдствія перехода башкирскихъ земель въ руки помѣщиковъ.

Въ XVI, XVII и началѣ XVIII столѣтія поселеніе въ мѣстностяхъ нынѣшней Уфимской губерніи боярскихъ дѣтей и дворянъ происходило по инициативѣ правительства, находившаго необходимымъ колонизацію Башкиріи русскими людьми, способными защищать ее и содѣйствовать къ упроченію власти Московскаго государства надъ одной изъ недавно приобретенныхъ провинцій. Пустопорожнія башкирскія земли правительство жаловало само преимущественно въ награду за военныя заслуги. Башкирамъ права продавать свои земли было не предоставлено, даже право отдачи ихъ въ оброкъ было ограничено короткимъ срокомъ и могло имѣть мѣсто лишь въ такомъ случаѣ, если земля отдавалась въ наймъ Башкирацѣ же. Русскимъ людямъ и инородцамъ не только покупка, но и аренда башкирскихъ земель были воспрещены. Въ наказѣ царя Алексѣя Михайловича Уфимскому воеводѣ Сомову повелѣно учинить запретъ крѣпкіи Башкирамъ всѣхъ дорогъ и волостей, „чтобъ они вотчинъ своихъ и бортныхъ.... и никакихъ угодій русскимъ людямъ и черемиса и чуваше.... и татаромъ не продавали и въ оброкъ не отдавали для того, чтобъ оттого межъ ими ссоръ большыхъ не было и владѣли бы башкиры своими вотчинами, а будетъ что башкирамъ доведется отдать воброкъ и имъ отлавать своей братьѣ башкирамъ на годъ и на два, а больше дву годовъ не отдавать, а русскимъ людямъ никому отнюдь не отдавать, да будетъ .....спухъ людей закладная, или ниня какія крѣпости и будутъ тѣ имъ крѣпости не въ крѣпости, а деньги ихъ пропадутъ даромъ“.

Такое воспрещеніе въшло въ силу только на установленіе препятствій къ распространенію русской колонизации въ край, но было вызвано злоупотребленіями русскими осужденными людьми, захватывавшихъ въ свое владеніе башкирскія земли. Случай эти были вѣроятно нередки, судя по множеству челобитныхъ, приносившихся Башкирцами правительству на неправильное завладеніе ихъ землями. Съ другой стороны, запрещая продажу земель всѣмъ, вообще русскимъ, а также иноподданамъ, правительство хотѣло въ виду ограничить заселеніе края элементами ему враждебными. По изслѣдованіямъ Н. А. Ойрсова, послѣ того, какъ пали муроманскіе юрты, казанскій, астраханскій и сибирскій, доборинин общественнаго строя, основаннаго на господствѣ ишакей и муръ, ревнители вѣры Магомета обратили вниманіе на башкирскій край, какъ на сподручный для себя притонъ. Туземное населеніе его, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ башкирскихъ семействъ, вслѣдствіе бѣдности и совершеннаго отсутствія какого либо образованія, скоро поддалось вліянію этихъ выходцевъ, не находившему нигдѣ соперничества, тѣмъ болѣе, что они навсегда поселились въ краю этомъ, увеличивъ тѣмъ количество его населенія, до тѣхъ ничтожнаго по численности и презираемаго за его грубость и невежество мусульманами. Башкирцы въ какія-либо 50, 60 лѣтъ, оформившись на магометанскій ладъ и являясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ потомковъ прежнихъ татарскихъ хановъ и муръ, не хотѣвшихъ примириться съ новымъ порядкомъ вещей, который былъ необходимымъ послѣдствіемъ зарожданія русскими магометанскихъ восточныхъ ханствъ, а тѣмъ охотнѣе принимали ихъ сторону въ борьбѣ съ Россіей, что имело враждебное дѣйствіе ихъ противъ русскихъ обѣщало имъ покаяну, до которой такъ падки полудочевые народы. Такими врагами порядка и русской власти явились и иноподданы ихъ Чуваши, Мордвы и Черемисы, жившіе прежде въ предѣлахъ царства Казанскаго и ушедшіе послѣ покоренія послѣдняго въ Башкирію, чтобы здѣсь на привольѣ имѣть возможность уклониться отъ исполненія повинностей, налагаемыхъ правительствомъ.

Есть чисту земля" и "вредныя" колонистовъ въ Башкиріи присобидились и бѣжные люди изъ русскихъ. Очевидно, что при безпрестанныхъ волостаняхъ и бунтахъ въ краѣ, правительство не могло болѣе доволѣннѣе увеличеніемъ состава населенія новой провинціи такими поселенцами и старалось ограничить притокъ имъ въ Башкирію воспрещеніемъ отчужденія имъ башкирскихъ земель и строгими указами, направленными противу бѣжнцевъ и самовольныхъ выходцевъ.

Запрещеніе покупать у Башкирцевъ земли и уголья долго оставалось въ своей силѣ и лишь въ 1736 году по указу 11 генваря императрицы Анны Ивановны Казанскому губернатору Румянцову и статскому совѣтнику Кирилову повелѣно, для лучшей пользы Башкирцевъ то запрещеніе отбѣнать и впродъ съ указы земли и уголья здѣшнимъ жителямъ дворянамъ, офицерамъ и мещеракомъ покупать и за себя крѣпить позволять. Такое же позволеніе на покупку башкирскихъ земель дано тестарамъ и бобылямъ. Это разрѣшеніе подтверждено указомъ 11 февраля 1736 г., по коему продажи башкирскихъ земель повелѣно записывать и крѣпить единственно въ 2-хъ провинціальныхъ канцеляріяхъ Уфимской и Исецкой, причемъ поручалось „весьма смотрѣть,“ чтобы оныя чинены были отъ всей волости“. Указомъ 20 августа 1739 г. опредѣлены между прочимъ и права поселившихся на башкирскихъ земляхъ, изъ разныхъ инородцевъ и велѣно „такимъ мещеракамъ, татарамъ и чувашамъ, которые на башкирскихъ воровскихъ земляхъ живутъ и прежде башкирцевъ оброки платили, оными землями владѣть имъ и оброковъ башкирцовъ не платить, о чемъ куда надлежитъ послать указы изъ Уфимской и Исецкой провинціальныхъ канцелярій, которые же изъ нихъ поселились и живутъ на земляхъ вѣрныхъ и не прастававшихъ къ воровству башкирцовъ тѣмъ оброки платить по прежнему, буде же оныхъ платитъ не похотятъ, тобъ шли и селились на пустыхъ бунтовщичьихъ земляхъ особыми деревнями, ибо у вѣрныхъ башкирцовъ на ихъ земли право отнимать не сходно и было бѣ неправосудно, то есть, чтобъ вѣрнаго съ бунтовщичьимъ сравнять, чего для предупомянутымъ обонимъ канцеляріямъ собрать достойно вѣрныя вѣдомости и освидѣтельствовать сколько, на

накати вселеніи, объявляющій, какия земли и какія обширности земли и размеры те по еякъ предписаннаго указа и разсуденія уличить отъ оныхъ канцелярій скорѣйшее исполненіе, ибо отъ продолженія времени даже указы могутъ въ томъ такия неудобольствія претерпѣть, что въ дѣйство оное производить будетъ затрудненіе“.

Отнимъ указомъ дозволенъ также русскимъ и другимъ людямъ дарить уголія башкирскія, при чемъ имѣлось въ обязанности провинціальными канцеляріями наблюдать накрѣпко «о запискѣ оныхъ отдачь въ ближнихъ городахъ, гдѣ способно дозволеніе чинить, такъ какъ иманнимъ указомъ опредѣлено, и въ томъ башкирцамъ командиры должны всякую справедливость показывать, не чиня ни малѣйшихъ обидъ и удержаній, подъ онесеніемъ жестокаго штрафа».

Принаденными распоряженіями правительства положено начало новому виду колонизаціи края, колонизаціи свободной, основанной на сознаніи выгоды поселенія въ мѣстахъ приближающихся дарами природы мѣстностяхъ. Въ то время, когда даже въ ближайшихъ русскихъ губерніяхъ и областяхъ земли получали уже значительную цѣнность, Башкиры не имѣли понятія о стоимости своихъ богатыхъ дѣлственныхъ степей и лѣсовъ. Они уступали ихъ за ничто предпринчивымъ русскимъ выходцамъ. Обращеніемъ дешевой пріобрѣтенія башкирскихъ дачъ не только того, но даже послѣдшаго времени, можетъ служить совершенная въ 1775 г., покупка туйскаго кунцомъ Лучининымъ огромнаго пространства земли гуванакской волости около 200 т. десятинъ за четыреста рублей. (21)

Въ плодороднѣйшей части Бугурусланскаго уѣзда (нынѣшней Самарской губерніи) за такую же сумму и кармазинскаго сунца кафтанъ было куплено въ доковнѣ XVIII столѣтія сившкомъ 70 т. десятинъ.

Такая дешевизна плодородныхъ земель, орошаемыхъ рѣками, снабждаемыхъ рыбой, лѣсовъ, представляющихъ превосходный готовый строительный матеріалъ, перешолченныхъ дорогами, худшимъ взрѣмъ и дичью, все это принадлежало

своя дворянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, которые селились здѣсь и переводили своихъ крестьянъ.

Выгоды поселенія были такъ велики, что переселившиеся забывали опасность жить въ краю далеко не умиротворенномъ, гдѣ то тамъ, то самъ безпрестанно вскизывала волхвенія все еще неугомонившихся Башкарь.

Такии образы большинство ивнѣи Уфимской губерніи образовалось на приобретенныхъ покупкою у Башкарь земляхъ и составъ дворянскаго общества увеличился перечисленіемъ къ нему пріобрѣтателей означенныхъ земель. Возникли заводы и фабрики мѣдныхъ рудъ въ Башкари, въ Уральскихъ горахъ и по обѣимъ сторонамъ ихъ оказалось много. «Для смысу и плавки оныхъ», говоритъ Ричевъ въ своей топографіи, «явился первый въ тамошнихъ мѣстахъ охотникъ, симбирянинъ Иванъ Борисовъ сынъ Твердышевъ, и получа, по опредѣленію правительствующаго сената, тѣ казенные рудники, для которыхъ еще въ 1735 и въ 1736 годахъ при статскомъ совѣтникѣ Кириловѣ зачатъ былъ мѣдный заводъ (но за бывшихъ башкирскими замѣшаніемъ покинуть) и въ немъ приславъ еще многія и достойныя руды на рѣкѣ Торѣ, впадающей въ Нугушъ (а сія пала въ рѣку Вѣлюю) построилъ первый заводъ, именовалъ его Воскресенскимъ, такъ какъ и при Кириловѣ застроенный назывался. Потомъ имъ же Твердышевымъ съ компаньоникомъ его симбиряниномъ же Иваномъ Мясниковымъ построены мѣдные же заводы, а именно въ 1748 году на рѣкѣ Урманѣ Еллярѣ, впадающей въ Сакмару, Преображенской, въ 1751 году на рѣкѣ Барметѣ, впадающей въ Зиганъ, а сія пала въ рѣку Вѣлюю, Богоувленскій, въ 1752 году на рѣкѣ Авъ-Симу, кою ниже пригорода Табынска пала въ Вѣлюю жъ, Архангелогородской, да на рѣкѣ Торѣ отъ Воскресенскаго въ 9 верстахъ Верхоторской. Всѣ оныя заводы строены имъ Твердышевымъ по заключеннымъ имъ въ Оренбургской губернской канцеляріи контрактамъ въ силу указа, состоявшагося въ правительствующемъ сенатѣ апрѣля 16 числа 1744 года, и вѣдатель въ правномъ дѣйствиіи. Сверхъ оныхъ ему же Твердышеву въ 54 году отъ государственной бергъ-коллегіи дано позволе-

ніе еще построятъ заводъ на рѣкѣ Сукавѣ, и такъ за нимъ-общее съ компанейщикомъ его Масниковымъ имѣеть быть шесть мѣдныхъ заводовъ.

Кромѣ оныхъ Твердышевскихъ, мѣдные жъ заводы состоятъ: за туланами Максимомъ да Иваномъ Масаловыми, съ 1751 года на рѣкѣ Канѣ, впадающей въ рѣку Бѣлую, Каноникольскій; за сибиряниномъ Матвѣемъ Масниковымъ на рѣкѣ Укашлѣ Благовѣщенской, за балаховцемъ Иваномъ Осокинымъ съ 1752 года на рѣкѣ Кидашѣ Троицкой, ему же Осокину позволено строить заводъ на рѣкѣ Усенѣ; за туланами Петромъ да Григорьемъ Красильниковыми на рѣкѣ Шаранѣ, впадающей въ рѣку Сюнь, съ 1752 году Архангельской; за заводчикомъ Герасимомъ Глазовымъ на рѣкѣ Кичуѣ Богословской; да съ 1754 года по даннымъ изъ государственной бергъ-коллегіи указамъ построены мѣднне жъ заводы ихъ сіятельствъ графа Петра Ивановича Шувалова на рѣчкахъ Курдуть и Урѣскѣ три; графа Александра Ивановича Шувалова въ вершинахъ большаго малаго Ику Покровскій; графа Карла Ефимовича фонъ Сиверса на рѣкѣ Иргизлѣ Вознесенской; еще жъ назначено строить на рѣчкахъ Тувлѣ, Шерманкѣ, Еркулѣ и Сылу мѣдицлавительный заводъ его превосходительству Александру Ивановичу Глѣбову. Всегоже въ половинѣ XVIII ст. было въ дѣйствиіи и разрѣшенныхъ къ постройкѣ въ Башкиріи одного Уфимскаго уѣзда 18 мѣдныхъ заводовъ.

Въ желѣзныхъ рудахъ также не было недостатка. Во времена Рыкова въ Башкиріи считалось уже 13 желѣзодобывательныхъ заводовъ: Каслинскій, Кнштинскій, Назепетровскій, Авзянскій, Уздяскій, Багинскій, Саткинскій, Аргинскій, Катавъ, Ивановскій, Юргенскій, Симскій и другіе.

Всѣ перечисленные заводы перешли въ собственность фамилій: князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Балашевыхъ, Дашковыхъ, Пашковыхъ, Суховацевъ, графовъ Кассаковскихъ и другихъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла въ мѣстностяхъ, близьшихъ къ Бѣлой, Уфѣ и Камѣ, развилось земледѣіе. Впустѣ лежащія земли покрылись обработанными

вашими, часть пустынныхъ лѣсовъ вырублена и пошла на-востройки помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадебъ, кочевья дѣланныхъ дигарей уступили свои мѣста осѣдлымъ трудолюбивымъ земледѣльцамъ. Типъ большей части страны совершенно измѣнился.

Къ концу XVIII столѣтія насчитывалось уже болѣе 150 вновь поселившихся родовъ, владѣвшихъ помѣстьями. Въ число ихъ вошли лица, происходившія отъ древнѣйшихъ и богатыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ.

Покупка земель у Башкиръ конечно не всегда обходилась безъ злоупотребленій. Невѣжественные владѣльцы ихъ, не понимая значенія поземельнаго владѣнія, чуждые заботы о будущности своего поколѣнія, готовы были, подъ вліяніемъ угощенія и подарковъ, спустить за даромъ всё свои владѣнія. Количество продаваемой земли въ десятнахъ большею частію не обозначалось, какъ по отсутствію средствъ къ приведенію его въ вѣдѣтность, такъ и по совершенному незнанію Башкирами поземельныхъ мѣръ. Въ описаніе границъ, покупаемыхъ участковъ, допускались неточности. Все это послужило поводомъ къ многочисленнымъ процессамъ и возбудило опасенія обезземеленія будущихъ башкирскихъ поколѣній.

Этимъ объясняется указъ 11 Октября 1818 г., которымъ продажа башкирцамъ земель была вовсе запрещена. Само собою разумѣется, что прямымъ послѣдствіемъ такого воспрещенія была приостановка колонизаціи башкирскихъ земель. Хотя высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ 10 Апрѣля 1832 года, повелѣно прекратить дѣйствіе указа 11 Октября 1818 года, которымъ воспрещена была продажа башкирскихъ земель, но призваніе незаконными актовъ, совершенныхъ на земли въ періодъ времени между 1818 и 1832 годами, а также сложныя формальности, копми была обставлена продажа и кортома башкирскихъ земель; сдерживало желаніе покупать ихъ до введенія положенія о башкирахъ 1863 года.

Положеніемъ 1863 г. установлены положительныя и ясныя правила о продажѣ башкирскихъ дачъ. Съ установленіемъ этихъ правилъ земли башкирскія начали быстро раскупаться. Въ числѣ приобрѣтателей ихъ были лица всѣхъ со-

ской. Въ 1871 г. 4 июля состоялось высочайшее повелѣніе, вошедшее въ сводъ законовъ (приложеніе къ 76 ст. т. VIII ч. 1 по продолженію 1872 г.) по которому въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской допущена продажа безъ торговъ, на льготныхъ условіяхъ участковъ казенныхъ земель служащимъ какъ въ томъ краю, такъ и въ другихъ частяхъ имперіи лицамъ, водвореніе которыхъ будетъ признано для края полезнымъ. Послѣдствіемъ этого закона было приобрѣтеніе многими дворянами разныхъ губерній земельныхъ участковъ въ Уфимской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перечисленіе ихъ въ составъ дворянства. Отчасти благодаря этимъ двумъ правительственнымъ распоряженіямъ, списки дворянъ Уфимской губерніи въ послѣдніе 15 лѣтъ увеличались многими фамиліями новыхъ землевладѣльцевъ.

Всего въ Уфимской губерніи числятся въ настоящее время до 800 дворянскихъ фамилій. Земля, принадлежащая дворянамъ, занимаетъ пространство въ 1,957,332 десятины, что составляетъ почти $\frac{1}{4}$ часть территоріи губерніи.

Самыми крупными помѣщиками являются владѣльцы металлическихъ заводовъ. Изъ нихъ Пашковъ, Сухозанетъ, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Балашевъ и графъ Кассаковскій владѣютъ каждой дачами, пространствомъ свыше 50 т. десятинъ. Землевладѣльцевъ дворянъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи отъ 10 до 50 т. десятинъ, считается 17, отъ 1 до 10 т.—273. Дворянъ, владѣющихъ участками отъ 500 до 1000 десятинъ—150, отъ 250 до 500 десятинъ 115. Остальные, въ числѣ 416 лицъ, имѣютъ дачи размѣромъ менѣе 250 десятинъ.

Сравнивая эти цифры съ цифрами поземельнаго владѣнія дворянъ 1869 года, оказывается, что въ этотъ періодъ времени пространство дворянскихъ владѣній, не только не уменьшилось, но увеличилось.

Въ 1869 г. земель дворянскихъ въ Уфимской губерніи числалось 1,360,267 десятинъ, следовательно въ 1878 г. произошло увеличеніе ихъ на 600 тысячъ десятинъ, что можно объяснить лишь приобрѣтеніемъ дворянами новыхъ земель.

Самое общее замѣчаніе, что порождаетъ эти новыя

земель, которых владельцы оставляли непродуцательными, въ руки людей, способных эксплуатировать эти земли, не могъ не оказывать благотворнаго вліянія на усиленіе производительности края. Новые владельцы стали, частію обрабатывать приобретенныя ими земли, частію раздавать ихъ въ аренду, или перепродавать мелкими участками крестьянамъ внутреннихъ Россіи, толпами хлынувшимъ въ край.

При невысокой покупной цѣнѣ земли, землевладельцы были въ состояніи, не теряя своихъ выходовъ, назначить арендную плату и продажную цѣну весьма невысокихъ размѣровъ и такимъ образомъ оказали прямое содѣйствіе колонизаціи губерніи, трудящемуся люду, который покупалъ возможность къ дешевой покупкѣ земельныхъ участковъ, въ разлѣрахъ, обеспечивающихъ быть крестьянской семьей. Въ послѣдствіе пяти, шести лѣтъ построилось много новыхъ поселковъ на арендованныхъ и преимущественно на приобретенныхъ крестьянскими обществами отъ землевладельцевъ въ собственныя земли, притомъ по такимъ цѣнамъ, по которымъ во внутреннихъ губерніяхъ нѣтъ возможности снять земли даже на одну пашню.

ГЛАВА IV.

Заслуги предковъ старинныхъ Уфимскихъ родовъ на пользу отечества и края.

Не даромъ дозвались Уфимскіе родоначальникамъ земли и привилегіи, передавая имъ залогами. Трудящійся принадлежалъ горсти русскихъ людей, удерживавъ владычество Москвы надъ краемъ, сдѣлавшимся впрочемъ волею враніе добрымъ Московскому государству людей, потерявшихъ съ наденіемъ царевъ: Московскаго, Астраханскаго и Сибирскаго и дѣломъ камунистическими князьями и владѣвшими князьями поставленныи оспасаніемъ за свободу и неприкосновенность своихъ религиозныхъ убѣжденій. Не мало кровавыхъ разъ и потерь вынуждены были: предкамъ нашимъ: утвержденію судебной коло-

инвалидъ на влѣвъ заросланой долины. Исторія казанскаго князя старика Уфимскаго казанскаго воеводы вполнѣ подтверждаетъ это. После взятія Казани нужно было еще 5 лѣтъ войны, для усмиренія народовъ, отъ Казани вышедшихъ, а только тогда вся Казанская земля упоконлась. До 1572 г. въ прикамскихъ волостяхъ все было тихо. Но уже въ 1572 году воссталъ съ Пермь князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ писалъ великому государю, прикладывая къ нему донесеніи Черемиса на Каму о срокъ деловъ, да съ князи да Олпакъ и Башкирцы и бунды рейбою и побоя: да я на Камѣ Пермь торговыхъ людей и встанковъ, семьдесятъ, семь челоѣкъ. Въ слѣдствіе этого донесенія царской грамотой Якову и Григорью Строгановцѣмъ повелѣвалось послать ратныхъ людей, для приведенія въ покорность вояродовъ, вояродившихъ грабежи по Камѣ, Домско помогать вояромъ, что воя встанъ вояродовъ. Строгановъ зашли даже, чѣмъ желало Московскаго правительствъ, потому что мѣлѣану думалось удерживать рвеніе Пермией, чѣмъ видко въ указѣ великаго государя Михаила Сеодоровича, по слѣдованію въ 1614 г., которымъ в слѣдствіе донесенія Уфимскаго воеводы князя Бориса Хилкова, что Уфимскіе, башкирскіе, Киргисскіе волости, перевелась за Каму рѣку, для того, брѣвъ отъ Пермий войми, воспрещалось казанскимъ дядемъ Уфимскимъ башкирцевъ, воснать вробъ дакъ отъ данней царскихъ милости не отгонять". 22)

Бари: единація въ Башкирціи вѣдѣи мѣсто тогда, вѣдѣи бранди правленія русскою землею быди въ рукавъ Юанна Васильевича: в это времяцовъ Сеодера и Бориса, то едмо со брѣмъ разудѣтосъ, что смузи въ періодѣ междунаретнѣи даки ниръ вѣдѣиность въ бѣдѣ рѣдѣиъ вѣдѣиновѣиъ. Историче- сиръ докумантѣи, отъосаціи къ началу царствованія, Михаила Сеодоровича, увѣдѣиють на участіе Негевъ и дѣлаторныхъ вѣдѣиновъ прикамскихъ и въ шайкѣ Зарудѣи. Но и, доскѣ этотъ тѣмѣлато для Россіи времени, владенія въ Башкирціи были почти безвѣдѣиновъ, вѣдѣиновъ и вѣдѣиновъ удобнѣи случѣи и вѣдѣиновъ законодательно, казѣи съ погумеріиновъ Нугалскаго бунта, въ вѣдѣиновъ Башкирціи и вѣдѣиновъ Уфимскаго вѣдѣиновъ (вѣдѣиновъ) даже, дѣлѣиновъ участіе. Прѣдѣиновъ

тайникъ Вилнои было, имъ имѣе смелость съ одной стороны стремленія населенія Башкирн, составившаго имъ вращебныиъ Московскому государству элементъ, въ ослабленнѣ господства русскихъ, съ другой вращебнѣ точнѣе внородннѣ изъ грабежамъ и насилнѣмъ и въ 3-хъ подстрекательствѣ внородческнѣ сибирскнѣ царевичей, князей, муртъ и татарскаго духовенства.

Первнѣе возмущающнѣ приходамъ поднрнзакнѣ отъ Калнннѣвъ и тогда восстаннѣ принимали обнѣмнѣе разнѣмнѣ. Калнннѣ мочевали вннѣ по обнѣмнѣ сторонамъ рѣкн Яма и въ степнѣ, враснравнѣющнѣ отъ Янцкаго города къ городу Самнѣрѣ. „Калнннѣ тайнкѣ были въ родственннѣмъ и дружелюбннѣмъ отношеннѣмъ съ Бучннѣмнѣмъ, мѣтннѣмнѣмъ (говорнѣтъ Опреевъ въ своей стнѣтѣ въ положеннѣ внородннѣмъ въ Московскомъ государствѣ) о востаннѣмнѣ сибирскаго царствѣ и употреблннѣннѣмъ всѣхъ уснѣмъ къ возмущеннѣмъ протнѣву русскнѣмъ внороднѣскнѣмъ элементѣмъ, обнѣмнѣмнѣмъ въ соеднѣствѣ съ Снѣбнѣрнѣю“. Въ наказѣ Астраханскнѣмъ воеводѣмъ, князюмъ Ивану Голнцннѣму и Семѣну Пожарскому, относнѣющнѣмъ къ 1649 году (25) напнѣснѣно: что „тайнкѣ въ Снѣбнѣрскнѣмъ городѣ и на Уфу дресннѣмнѣмъ послонѣмъ свонѣхъ, бнѣтъ челомѣ государю, чтобъ ннѣмъ бнѣтъ подѣ отѣ царсконѣ вноспонѣмъ рунѣю и вѣдѣтъ бнѣ ннѣмъ двѣмъ въ государнѣмъ городѣмъ побѣмѣмъ торгѣ, а воеводѣмъ ннѣмъ на государнѣмъ городѣмъ и уѣзднѣмъ не приходѣтъ; и на томѣмъ оннѣ тайнкѣ и воеводѣмъ ннѣмъ блаженнѣмъ намнѣмъ вѣннѣмъ государю отѣ царсконѣмъ вноспонѣмъ шертонѣмъ, и съ торгонѣмъ Калнннѣмъскнѣмъ; лнѣмъ въ Снѣбнѣрскнѣмъ городѣ и на Уфу приходнѣмъ; и послѣ того оннѣ тайнкѣ на той своей шертѣ не успѣмъ, учѣмъ приходнѣмъ вѣдѣ снѣбнѣрскнѣмъ городѣ, и подѣ Уфу, и вѣдѣ Саратовѣ, и вѣдѣ Астраханѣ, и на Еднѣмнѣмъскнѣмъ и на Ногнѣмнѣмъскнѣмъ улусѣмъ воеводнѣмъ приходѣмъ городѣмъ и уѣзднѣмъ воеводѣмъ и села, и деревннѣмъ муртъ, и Еднѣмнѣмъскнѣмъ и Ногнѣмнѣмъскнѣмъ улусѣмъ развнѣмъ, и шнѣмъмъ воеводнѣмъ и въ челомѣмъ шнѣмъмъ“. Во второй колоннѣ XVII вѣкѣ Уфнѣмнѣскнѣ Черѣмнѣскнѣ, Татарнѣ, Башкнѣрнѣ, Вовулнѣмъмъ востаннѣ также во шнѣмъмъ Бучннѣмнѣмъ и бнѣмъмъ востаннѣмъмъ востаннѣмъ и калнннѣмнѣмъ тайшнѣмъ. Такъ въ ноябрѣ 1661 года ннѣмъ Московскнѣмъ воеводнѣмъ и воеводѣмъ князю Внѣмнѣмъскнѣмъ доноснѣмъ (26) шнѣмъмъ двѣ

правую руку въ дѣлѣхъ жбетахъ, да въ спину. Нѣзъ охраня-
 шекса въ дѣлѣ о родѣ Каловскихъ пашати Федору Ивановичу
 Каловскому, писанномъ въ июлѣ 1636 г., которому приказывалось
 ему съ боярскими дѣтми и конными стрельцами ѣхать по
 сибирской дорогѣ въ Куштинскую, Вѣлекотайскую, Каратабин-
 скую и Айскую волости за Уралъ гору проводить въ про-
 Сибирскихъ царевичей Аблая съ братіемъ и съ Калмыцкими во-
 янскими людьми видно, что нападеніе это было предусмотрѣ-
 но и что Уфимскіе воеводы находились постоянно на сторожкѣ,
 ожидая непріятельныхъ дѣйствій со стороны иногородцевъ.

Приходъ Калмыцкихъ людей подѣ Уфу повторился въ 1640
 году при воеводѣ Салтыковѣ, посланномъ для отраженія
 ихъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и Артемя Шиголева,
 убившаго въ бою мушкетра. Въ слѣдующемъ году воеводѣ Лаву
 Плещееву вновь пришлось ходить на бой съ Калмыцкими
 людьми, шедшими на Уфу. Въ сраженіи этомъ опять уча-
 ствовалъ Шиголевъ съ 2 сыновьями, изъ которыхъ одинъ
 былъ убитъ, самъ же Шиголевъ раненъ въ лѣвую грудь.

Въ дѣлѣ объ Уфимскихъ дѣвкахъ Саввинихъ есть доку-
 менты, въ которыхъ упоминается о сраженіяхъ съ Калмыками,
 происшедшихъ въ 1633, 1636 и 1644 годахъ и объ участіи
 въ нихъ предка Саввинихъ Луки Ефимовича, въ каждой изъ
 битвъ, убившаго на одному мушкетру и жалованнаго за тако-
 вые подвиги прибавкамъ къ его окладу.

Въ 1662 году возмущалъ такъ называемый севтоскій бунтъ.
 Предводителемъ возстанія явился башкирскій старшина Сеитъ
 Возмутитъ Башкирцевъ, Сеитъ соединился съ Киргизъ-каса-
 вами разорялъ замѣские пригороды, жогъ и опустошалъ се-
 ления, уничтожалъ пашни и убивалъ жатей. Возстаніе Баш-
 киръ и иногородцевъ, напавшихъ Уфимскій край, сдѣлалось
 всеобщимъ. Въ немъ приняли участие и сосѣдніе Сибирскіе
 племена и Калмыки. Въ 190 году (1663) 18 Июля съ Уфѣ
 съезжали и воевода князь Коргодитовъ вѣсела въ воеводѣ
 Кунгурскому, что по свидѣніямъ, сообщеннымъ ему Верхо-
 днвову Казакевичу воеводою бояривичъ Шереметьевскимъ
 пріѣхали де на Царицынъ довскіе черкасскіе городи на-
 залы и воевдѣ тамъ Михайломъ сивиланъ, въ черкаскаго го-

родна въ Калмыцкіи улусы къ Аюкю и въ нимъ тайшамъ, для дѣлъ великихъ государей, и для своихъ, и въ Калмыцкіихъ де улусовъ ѣхали они до Царцина восемь дней, и ѣздиши видѣли въ калмыцкіихъ улусѣхъ, что Аюка и Соламъ Сереть и ламы тайши, собравши съ своими ратными людьми, поехали наудъ Казанскіе и Уфимскіе уѣзды войною, по призыву веровскихъ башкирцовъ и ваванскихъ татаръ, и братъ де его Аюкитъ Замса съ своими Калмыка поехали отъ ними же, а пошло де съ ними воинскихъ людей Калмыковъ и Татаръ съ сорокъ тысячъ и въ Крымъ де при нихъ послали они отъ себя посмидниковъ, а для казны дѣлъ послали, того де они не вѣдаютъ, и въ улусы де свозятъ она Калмыки жоны своихъ и дѣтей отпустити за рѣку Яикъ, въ дальне мѣста, и съ черными де Калмыки они вѣнѣ въ мору-тъ, и братъ де его Аюкитъ Замса получаетъ съ своими улусы съ черными-жъ калмыки: агѣстѣ, а поехали де Аюка съ братомъ и съ иными тайшами изъ улусовъ свозилъ Юныя со 2 числа, и прикомъ де ихъ будетъ въ Казанской и въ Уфимской уѣздахъ вскорѣ. По свидѣніямъ, собраннымъ воеводою Коробовичемъ въ 1663 году въ Юнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ, казанскіе и осенскіе дороги Мещерки, которые были съ веремъ въ немѣнѣ ѣздили по сибирской дорогѣ вверну по Ар-рѣкѣ и въ сибирскіе уѣзды и призывали Башкирцовъ и ваванцъ иновѣрцевъ на веровство, „чтобъ они шли къ вору Сенту возвать выверѣ“.

Приведенные документы ясно указываютъ на продолжительность и размеры восстанія, а также на сочувствіе къ нему всѣхъ инородцевъ, обитающихъ въ Башкиріи и въ соседствѣ съ нею. Почти одновременно съ нимъ на Волгѣ возникла шайка наивсѣднѣе разбойника Степана Разина. Уфимскіе, боярскіе дѣлать, дворянскіе и Мещеринскіе плахты приключе прѣшко состоятъ за себя и за славу русскаго имени. И что они дѣйствительно вѣрно, вѣрѣю и правдою служили, но шайка себя, отягасту и государю видне въ носилихъ за-делашамъ грамотъ, которыми Алексей Михайловичъ и сего преемники награждали ихъ за подвиги, совершенные въ этомъ періодѣ времени.

Въ 1663 г. происходила бой съ Ваванцами воеводичи.

Уфимскимъ воеводой княземъ Ефимовскимъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ предковъ рода Артемьевыхъ Юрій. Онъ былъ раненъ въ бою и получилъ за то отъ великаго государя Алексѣя Михайловича въ прибавокъ къ своему окладу 50 четей и 2 руб. денегъ.

Въ томъ же 1663, а также 1664 годахъ поручено было головѣ Василю Лопатину (предокъ рода Лопатинныхъ) съ ратными людьми идти противъ измѣнниковъ Башкирцевъ. Онъ имѣлъ съ ними сраженія и былъ раненъ. Другой изъ предковъ этого же рода Никита Лопатинъ участвовалъ въ дѣлахъ противу Башкиръ и другихъ инородцевъ сряду 5 лѣтъ съ 1663 по 1669 годъ, а въ 1671 г. былъ посланъ для завѣдыванія сторожевыми постами въ дворцовыхъ селахъ на Бирю, въ Каракунинѣ въ Иванцовѣ и въ Пьяномъ Бору, при чемъ ему велѣно вѣдать тѣхъ крестьянъ, охранять ихъ отъ прихода измѣнниковъ Башкирцевъ и собирать свѣдѣнія о шайкѣ Степки Разина и недопускать Казанскихъ Черемисъ селиться въ Уфимскомъ уѣздѣ.

Третій Лопатинъ Евдокимъ убитъ въ сраженіи въ приходѣ измѣнниковъ Башкирцевъ. Въ этихъ же годахъ отличался, въ числѣ другихъ дворянъ, отправляя воинскія службы, одинъ изъ членовъ рода князей Ураконыхъ Василій Ивановичъ, которому за уфимскіе службы 1663, 1664, 1665, 1666 годовъ и за осадное сидѣніе и за разныя посланки и за раны и за убитыхъ мужиковъ къ прежнему его окладу учинено придача помѣстнаго 50 четвертей.

Въ 1668 году противъ Чучалея царевича и измѣнниковъ Башкиръ были посланы головы Никита Фирсовичъ Аничковъ и Иванъ Черниковъ-Анучинъ, предки родовъ Аничковыхъ и Черниковыхъ-Анучинныхъ, съ ратными людьми на Илсецѣ и на Кундурчинскія устья. Въ этомъ походѣ участвовали многіе изъ предковъ и другихъ Уфимскихъ дворянскихъ семействъ.

Въ 1676 году бунтовщики осадили Меззелинскъ, но Меззелинскіе служилые люди, съ помощію подослѣннаго отряда Ядичинхъ казаковъ, съ успѣхомъ отразили ихъ, сдѣлавъ удачную вылазку, и теперь мѣсто, гдѣ происходила вылазка—со-

вѣста: «Казанской Лукой» а тамъ, дѣль былъ киргизскій станъ—
«Киргизской Горой».

Изъ царской грамоты Пермскому воеводѣ Борятинскому (историческіе акты т. V, стр. 135) отъ 25 Мая 1682 г. видно, что вслѣдствіе донесенія Казанскаго воеводи Петра Васильевича Шереметьева и съ Уфы стольника и воеводи князя Боркидинова о приходѣ наемниковъ Башкирцевъ въ заданскую черту и въ иные Уфимскія мѣста, великій государь указалъ „по тѣмъ вѣстамъ быти полковникъ воеводамъ съ казанскимъ реардомъ, боярину нашему и воеводамъ Петру меньшому Васильевичу Шереметеву, да окольничему нашему князю Давиду Афонасевичу, да стольнику князю Петру княжю Иванову сыну Барятинскому, да дьякомъ, изъ Казани Ивану Кучечкому, изъ Свияжска Таврилу Федоровичу, а съ ними въ полку быти нашимъ великаго государя ратнымъ многымъ людямъ, боярскимъ и цѣпнымъ, моровскаго чину, и городовымъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и копейцкимъ и рейдаромъ съ полковники и съ начальными людьми, и солдатомъ, съ пушки и съ пушечными припасы, и надъ тѣми ворами надъ башкирцы промыслъ чинить, сколько милосердый Господь Богъ помощи подастъ, и съ Москвы околничей машъ и воеводи отпущенъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ воеводѣ Барятинскому повелѣвалось «соликамскихъ и чердынцевъ солдатъ 18 человекъ выслать на великаго государя службу въ Казань, въ полкъ боярина нашего и воеводи Петра меншого Васильевича Шереметова съ товарищи, тотчасъ, безовсякаго мотчанія, со всею полною службою и съ запасы».

Такимъ образомъ оказывается, что правительство вынуждено было выслать на помощь мѣстнымъ служивымъ людямъ войско изъ Казани для подавленія восстанія.

Въ томъ же мѣсяцѣ 1682 года, т. е. почти одновременно съ приведеннымъ распоряженіемъ, стольникомъ и воеводой княземъ Боркидиновымъ посланы, съ Уфы, по вѣстамъ, „на воровъ на наемниковъ Башкирцовъ и на иныхъ иновѣрцовъ, на казанскую дорогу, уфимцы, дворяне и дѣти боярскіе, и иныхъ чиновъ служилые люди, для промыслу; и они де

тѣхъ измѣнниковъ Банкирсонъ и нѣмцы спешивъ въ мѣсто ихъ побѣды, и самое слово измѣнника и злодѣя: раздѣли; а какъ томъ же бою она измѣнники говорили, чтобы бѣжали: токъ на битвы и съ ними переговоры; и на переговоры да бѣжалъ ихъ слова, чтобы великій государь къ нимъ ко-звѣтъ, которые къ тому вору пристали, и въ завѣсники городки, приступали, и села и деревни разорили, и имѣть свои поля, заль, въ мѣнѣхъ ихъ пошалоуать, а для подлинного-бы-де-говору послать къ нимъ... съ Уфы; а въ томъ же; они и куряи даи муръ, поалайста въ Москва въздаты и у великого государя мнози звѣнники своимъ упрасахъ, да тѣмъ жѣсть государевнѣхъ людей не воевалъ и къ городкамъ не приступать, жети въ старикъ иртыкъ свои, а мѣдъ которашиде городки ихъ воинские люди стоять, и тѣмъ людей вѣнны отъ тѣхъ городковъ возрѣи отослать; а они де уфимские-тенные головы и всѣ ратные люди съ ними иртыкъ жед, чтобы и ихъ до узнау великаго государя не воевалъ жед; а осинские де и сибирские дороги Банкирсонъ, и дѣше-аномѣрны къ тому воровству, и звѣнны не пристаали.

Въ томъ же 1682 году одинъ изъ предковъ рода Пенарскихъ Семень Григорьевичъ, участвовавшій прежде этого въ двухъ крымскихъ походахъ, находился въ дворцовой селѣ Караулинѣ, „нестройлъ городовъ и сидѣлъ въ томъ городѣ въ осадѣ многое время, и въ многыи бояхъ бился и вылазъ на Уфу отсылалъ. Да съ-же-де у нихъ; измѣнниковъ Банкирсонъ, поймалъ подговорщана Абыза Илметайку, который посланъ былъ отъ вора Семъ-Садирпа подговаривать Казанскій и Уфимскій уѣзды всѣхъ своихъ братьевъ измѣннѣ. И, поймавъ, отослалъ оны въ городъ на Уфу. Да у нихъ жеу измѣнниковъ, на бою она отбѣлъ крестъ и евангеліе и кадѣ-кола и всякую церковную утварь. Да съ-же-де у нихъ; измѣнниковъ, побралъ аманатовъ и къ шертѣ ихъ пошурну иривель подъ великихъ государей великодержавную руку. Да въ ту-же-де банкирсонъ звѣнну брать его родной убитъ набою“.

Къ означенному періоду времени относятся и боевыи подвиги предковъ дворянъ Курсовыхъ, упоминаемые въ царской грамотѣ, относящейся къ 1695 году.

... Но: окончивъ заповѣдь для Казани, не забыть оспрашивать Уфимскихъ служивыхъ людей надъ бунтовщиками все тогда, на что можно унителить востаніе. Въ царской грамотѣ Верховнаго воеводы Микиту Толстова отъ 8 июля 1683 года читаны вновь извѣстія о сборникахъ Башкиръ съ Калмыками для приближенія войны. По полученнымъ Уфимскимъ воеводой княземъ Барятинскимъ отъ послѣдняго имъ въ Уфимскій уѣздъ уфимца Осипа Гладышева (одного изъ предковъ Уфимской дворянской фамилии Гладышевыхъ) свидѣніемъ, Калмыцкія караваны Дидубаки Бокаевъ съ воинскими людьми, съ Башкирами являлись отъ башкирскихъ воеводъ въ пяти дни, иодъ озера Чертакал, а съ ними Калмыковъ сорокъ тысячъ, а съ Амакамъ тайшею у нихъ посланое, что имъ нѣтъ никакой востои на государевы города и на уѣзды войною встанъ имѣть; а часть де они Башкирами изъ дамыцкаго приходу на уфимской и сибирскихъ городовъ на уѣзды.

... Если эта подтвердилась и г. Уфа вновь быдъ осаждаема въ томъ же году Калмыками, какъ видно изъ памяти Верховнскаго воеводи Толстова отъ 12 августа 1683 года (24).

... Въ 1684 году городъ опять подвергся опасности нападенія: изорудленъ и Уфимскимъ воеводой высланъ голова Васильей Донатинъ съ ратными людьми воль село Богородское, чтобы не допустить Калмыковъ, Ногайцевъ и Башкирцевъ, шедшихъ на Уфу, переправиться черезъ рѣку Уфу, что имъ и было исполнено, при чемъ происходилъ бой съ означенными изорудцами (тотъ же Донатинъ и въ 1689 году бидся съ Башкирами и былъ еще разъ раненъ).

... Не видя конца бунту, правительство прислало съ Москвы полковаго воеводу Федора Васильева сына Зеленина (25) съ стрельцкими полками, у котораго въ командѣ Донскіе, Яцкіе и Украинскіе казаки находились, а едва оной видъ бунта не претерпѣнія безчисленныхъ убитковъ успокоена безъ веденнаго гдѣмъ злодѣямъ отищенія.

... Успокоеніе это не было продолжительно. Въ началѣ XVIII столѣтія, изъ видныи новый мятежъ въ Башкиріи. На этотъ разъ главными мотивами къ нему были притѣсненія Башкиръ русскими поселенцами и злоупотребленія воеводъ, достигшія

иши воеводѣ Сербѣвѣ крайнихъ предѣловъ. Бѣда на странѣ
 лось Московское правительство ограждать Башкиръ отъ при-
 тѣсеній, какъ на вѣдувало, не отгонять ихъ отъ великихъ
 государей, какъ на предписывало хорошее обращеніе съ на-
 вами подданными и огражденіе ихъ правъ, но права эти без-
 престанно нарушались со стороны русскихъ выходцевъ за-
 частую захватывавшихъ башкирскія угодья и со стороны до-
 вольно забывавшихъ при сборѣ ясака и требованіи отбыва-
 нія повинностей и свои личные интересы, удовлетвореніе ко-
 торныхъ было сопряжено съ излишнимъ обремененіемъ нало-
 гами и съ требованіемъ службъ не указанныхъ закономъ.

Иногда притѣсенія Башкиръ не ограничивались и эми-
 грами дѣльня и доходили до варварскихъ поступковъ съ пре-
 жними обладателями страны. Рельефнымъ доказательствомъ та-
 кого варварства и противодѣйствія, которое встрѣчало стрѣ-
 леніе Московскаго правительства привязать къ себѣ Башкиръ
 милостивымъ обращеніемъ и снисходительностью, является
 слѣдующій фактъ, извлеченный изъ царскихъ указовъ, отно-
 сящихся къ 1698 году: въ 1696 году Уфимскіе Башкиры,
 которые въ прошлыхъ давнихъ годахъ откочевали въ калмыцкіе
 орды, вспомявъ великаго государя милость, самовольно пришли
 и къ нашу великаго государя руку семен двести и зимовали
 на Янке и къ великому государю прислали бить челомъ съ
 Янку лутчихъ своихъ людей и по великаго государя милости-
 вому указу тѣмъ Башкирцамъ ведено жить по прежнему въ
 Уфимскомъ уѣздѣ впрежнихъ своихъ мѣстахъ и къ Янскимъ
 казакамъ о томъ великаго государя грамота послана велѣно
 ихъ на Уфу отпустить и проводить и затѣмъ великаго госу-
 даря указомъ янцкіе казаки атаманъ Ивашко Меншиковъ де
 есаулъ Ивашка Вакуръ и все казаки забыть Бога и презрѣвъ
 великаго государя милость тѣхъ Башкирцовъ всѣхъ полюбивъ
 а женъ ихъ и дѣтей и доятки побради какъ великому госу-
 дарю учинилось о томъ вѣдомо отъ Башкирцовъ же которые
 съ Янку отъ казаковъ уметались и ушли на Уфу всего только
 46 человекъ.

Очень естественно, что возможность такихъ насилій не
 могла благоприятно повліять на отношенія иноземцевъ къ

русскимъ и укрѣпить въ нихъ довѣріе къ русскому правительству, особенно когда мѣстные представители его злоупотребляли своими правами, чѣмъ особенно отличался, бывшій въ Уфѣ съ 1701 по 1706 годъ Сергѣевъ. Вотъ, что разсказываетъ Н. Поповъ въ своемъ сочиненіи „Татшцевъ и его время“ о подвигахъ этого воеводы. „Воевода Александръ Саввичъ Сергѣевъ еще при вѣздѣ въ Уфимскую провинцію, собиравъ съ Башкирцевъ многія подводы, даялъ знать о характерѣ будущаго управленія своего. Явившись въ самый городъ, онъ, по обычаю предшественниковъ, объявилъ призывъ выборнымъ старшинамъ, батарямъ и тарханамъ башкирскимъ; но не по обычаю устроилъ для нихъ грозную встрѣчу. Путь къ воеводскому дому уставленъ былъ пушками, какія нашлись тогда въ городѣ, и строемъ вооруженныхъ солдатъ: „и всѣхъ ихъ мирскихъ людей промежъ такихъ храбростей провели“. Напуганные такимъ пріемомъ, башкирскіе старшины ударили челомъ грозному воеводѣ и подвели ему 22 лошади, цѣною въ 409 рублей. Сергѣевъ этимъ не удовольствовался. Заявивъ себя ревностнымъ приверженцемъ системы кормленія, новый воевода выступилъ съ небольшимъ отрядомъ для осмотра ввѣренной ему провинціи. Башкирцы, другіе ясашники и сельчане, слышавъ о путешествіи своего отца и командира, бросали жилища по мѣрѣ приближенія къ нимъ Сергѣева, и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми уходили въ дѣса и степи: много людей оттого померло, а позитки ихъ утратились. Воевода вернулся въ Уфу и снова потребовалъ къ себѣ выборныхъ: тѣ являлись неохотно, да и то немногіе. Тогда разсвирѣпѣвшій Сергѣевъ велѣлъ собирать всякой народъ съ базаровъ, съ улицъ, съ постоянныхъ дворовъ; досталось и посадскимъ. Заперѣвъ собранныхъ въ крѣпкій огородъ, онъ разставлялъ кругомъ караулъ, выкатилъ изъ воеводскихъ погребовъ одну бочку вина и меду и, положивъ въ него зелья, неволею всѣхъ повѣлъ, кто и вѣкъ свой меду и вина не пивали, а ежели-де кто не станетъ пить, тѣхъ, бивъ палками, повѣлъ насильно и они, напившись, лежали безъ памяти; и лежащихъ людей порохомъ нзалилъ, солому подъ ними огнемъ зажигалъ, въ руки свѣчи прилѣплялъ, инымъ въ горсти насыпавъ по-

роху огонь въ палилъ; потомъ въ тотъ же огородъ велѣлъ внести десять пушекъ и стрѣлялъ изъ нихъ до вечера, стращаль тѣмъ, что велѣлъ всѣмъ вѣшать и рубить: такъ продержалъ ихъ съ утренней зари до шестаго часа ночи. И какъ они пьяные лежали, въ то время рассказывая по огороду, онъ подходилъ ко всякому и, держа противъ солнца зеркало, рожи и головы имъ жегъ, и который тронется, тѣхъ еще поилъ, чтобъ поморить. Такъ рассказывали въ послѣдствіи Башкирцы присланнымъ въ 1720 году слѣдователямъ. Но Сергѣевъ не хотѣлъ поморить Башкирцевъ: вся сцена эта была устроена для того только, чтобъ взять съ нихъ сказки о выдачѣ его императорскому величеству 5,000 лошадей, да 1000 бѣглыхъ людей; они тѣ сказки давали поневолѣ“ (26).

Въ 1707 г. начался новый бунтъ въ Башкиріи, получившій названіе Алферовскаго или Кучумовскаго отъ именъ главныхъ предводителей мятежниковъ. Всѣ Башкиры возстали поголовно, къ нимъ присоединились Татары, Мещеряки и другіе иновѣрцы, обитавшіе въ краѣ. Мятежники мстили жестоко своимъ притѣснителямъ, русскихъ истребляли, жгли села, подступали къ городамъ, къ Уфѣ, Бирску и Мензелинску, сильныя приступы чинили и пошли было и на Казань, но тамошній губернаторъ Кудрявцевъ распорядился выслать противъ нихъ Казанскихъ Татаръ, забравъ предвѣрительно въ заложники жевъ и дѣтей послѣднихъ. Татары отбили бунтовщиковъ и вмѣстѣ съ другими высланными губернаторомъ отрядами прогнали ихъ внутрь Башкиріи. Бунтъ окончательно усмирень въ мартѣ 1708 года командированнымъ, для потушенія его, близкимъ бояриномъ, княземъ Хяванскимъ съ 8-ю полками. Мятежники упорно защищались и имъ удалось разбить одинъ изъ полковъ, бывшій подъ командою Хохлова близъ Табынскаго солеварнаго городка, съ другимъ же полкомъ, предводительствуемымъ Аристовымъ, она имѣли сраженіе близъ г. Бирска. По усмиренья бунта, виновнымъ объявлено всеобщее прошеніе. Въ дѣйствительности впрочемъ полнаго успокоенія страны не послѣдовало, волненія продолжались то тамъ, то сямъ, а въ 1724 г. Башкиры затѣвали новое возстаніе и послали нарочныхъ въ Калмыцкіе и Ку-

Банскіе угусы и въ Крымъ подварадаютъ къ члвечу протдн русскнхъ, по посланннхъ уснблн перехватнхъ, а прннатымн мѣрами бунтѣ былѣ предупреденѣ. Онѣ вснхнхуѣ, по прнѣдѣ въ Уфу экспеднціи, подѣ заѣднваннємъ Кнрнкова, для оснваннн Оренбурга на устѣ р. Орд. Въ 1735 г. Башкнрцѣ поразнла вѣстѣ обѣ этѣмъ распорнженн, въ слду котораго всн Башкнрнн явлнлась окруженноу русскнми слдми, а по-тому окончателно терла н послѣдню тѣмъ самостѣятелн-ности, котороу все такн пользовалась, не смѣтра на подчнненнє русскому владчеству. Главннми начннателямн н зачннцн-камн въ этѣмъ возстаннн былн старшннн Кнльмнхъ Абнзѣ н Акнн сынѣ Кучума предводнтеля возстаннн 1707 года, а такжѣ Башкнрнн Аладза, Ансула, Уразкей н Тадамѣ-Мудла. Прн усмнреннн этѣмъ бунта особенно выдающемоу явлнется дѣятелн-ность одного изѣ предковѣ подковннка Алекснн Иванѣовнча Тевкелева. Татарскаго происхожденн Мурза Тевкелевѣ, унаст-вовалѣ въ передскаомѣ походѣ Петра великаго н былѣ назна-ченѣ вмѣстѣ съ Кнрнковымѣ въ составѣ экспеднціи, потому что его особенно слшшалн Башкнрцн. Ему вмѣстѣ съ Кнрнко-вымѣ удалось прнвестн къ повнннѣ всѣхъ зауральскнхъ Баш-кнрцевѣ н захватнть нхѣ предводнтелей Юсула Арнскова н Сабана Безрукаго.

Пугачевскнй бунтѣ завершнлѣ собѣмъ волченнн краѣ, въ составѣ котораго входнла Уфнмская губерннн, вызвалѣ вноуѣ Уфнмскнхъ дворянѣ къ боевой жнзнн н подвнгамѣ на зачнату родннхъ мѣстѣ. Вноуѣ прншлось нмѣ отстаивать своѣ дома, семьи н нмущества отѣ наснлнй н грабежей, на этѣмъ рнзѣ прѣтнвъ слдѣ, въ сравненнн съ которнми нхѣ средства н слдн казались совершенно ничтожннми. Въ прѣжннхъ борбѣхъ съ Башкнрнми н ннородцамн все русское населеннє краѣ сплнчалось съ дворянствомѣ н шло за ннмѣ прѣтнвъ враговѣ, те-перь же значнтельная чѣстѣ русскаго населеннн, заводскнє крѣстьяне, крѣпостные, были прѣтнвъ ннхѣ н массамн шлн къ бунтовщнку, увелнчнвая его полчнща. Несмѣтннми массамн двнгалнсь этн полчнща, грома н дннчнтожалъ все встрѣчавшесн нмѣ на нхѣ пути. И, прѣтнвъ ннхѣ, все такн, устоялн города Уфа, Менделннскѣ, неукрѣпленнє, съ ничтожннми гарннзѣонамн,

недостаточныхъ запасовъ оружія и боевизъ снарядами. Въ
Уфѣ въ боевизъ силъ собралось въ 200 человекъ; роты кавка-
тала Пискунова, хераской роты Пемарскаго 200 человекъ,
въ томъ числѣ и Казановъ, 100 человекъ ищанъ, купцовъ и
казановъ подъ начальствомъ Купца Дюкова и 104 человекъ
отставныхъ солдатъ и разношцедевъ. Пушка было 40; при
нихъ присланныхъ изъ Оренбурга артиллеристовъ и отстав-
ныхъ солдатъ 58 человекъ подъ командой воеводы Воратова;
всего 882 человека. Въ октябрь 1773 года въ Уфѣ узнали, что
на югъ идутъ многочисленныя толпы калмыковъ съ двухъ
сторонъ, съ Оренбургскаго и Сибирскаго трактовъ. Одной изъ
нихъ, установленнейшей въ селѣ Чепыковѣ, въ 15 верстахъ
отъ Уфы, начальствовалъ Чика-Зарубинъ, а другой, прибывшей
въ село Богородское, въ 18 верстахъ, командовали Уфимскій
казакъ Губановъ. Въ продолженіе всего октября мятежники
ограничились лишь тѣмъ, что устрѣили разбави съ цѣлю
не допустить въ городъ продовствственныхъ припасовъ и голо-
домъ вынудить его къ сдачѣ, а въ ноябрь Чика повелъ пере-
говора съ воеводиножъ и воеводой; требуя сдачи города и
града, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, вѣстивцевъ и
и избѣженіе войскъ Уфимскихъ. Но угрозы не подвѣствовали
и доблестные защитники Уфы на предложеніе Чика отвѣчали
отъякомъ. До 25 января 1774 года Чика не рѣшился на при-
ступъ и не было рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, кромѣ
мелкихъ стычекъ и двухъ артиллерійскихъ дѣлъ 22 октября
и 21 ноября, кончившихся ничѣмъ, благодаря неуступчивости
Уфимскихъ, такъ и непримиримыхъ артиллеристовъ. Ежеднев-
ныя стачки, по большей части, обаячивались благоприятно
для Уфимцевъ, мужество которыхъ укрѣпилось въ видѣніи
этихъ условіяхъ, а также твердости, храбрости и непоколеби-
мости Уфимскихъ дѣлчанъ, которые почти все время въ раз-
дѣлъ воеводъ, вѣдѣвшихъ родной городъ подъ предводитель-
ствомъ Пекарскаго, въ командовавать дѣлчаномъ роты 1751
января Чика, заранее условившись съ Тубоковимъ, по рѣшенію
черезъ Вязу и Воратова въ Уфу и въ тоже время съ про-
тивоположной стороны вторгся Губановъ. Начался бой въ са-
момъ городѣ и, не смотря на неравенство силъ, осажденные

отряды протопуть и вставили матежниковъ отступать. Послѣ этого, Чика уже ни разу не нападалъ на Уфу въ продолженіе февраля и марта. Принасы однакожь въ городѣ начали истощаться. Уфимцы голодали и требовали, чтобы ихъ вели въ Чесноковку, вретру Чики, на что конечно не могли согласиться воевода и комендантъ, понимавшіе невозможность небольшою горстью людей разбить громадный отрядъ. Такъ танулось время до 25 марта, когда во время заутрени въ Уфѣ было получено извѣстіе, что Чика разбитъ наканунѣ подполковникомъ Михальсономъ, а Губановъ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ изъ Богородскаго. Въ тотъ же день въ Уфу вступилъ отрядъ правительственнаго войска изъ 3000 человекъ, и она была освобождена окончательно отъ осады. Чика и Губановъ были скорѣ пойманы Михальсономъ и казнены на другой годъ въ Уфѣ же.

Почти въ одно время съ Уфой—въ декабрѣ 1773 г. шайки забунтовавшихся русскихъ, башкиръ и другихъ иновѣрцевъ осадили Мензелинскъ. Войска въ Мензелинскѣ въ это время не было, но все-таки Мензелинцы рѣшились защищаться и со своими крайне незначительными силами, предводительствуемые нѣсколькими храбрыми дворянами, бывшими тутъ, какъ и всегда впереди всѣхъ. Матежники не предпринимали до 23 декабря ничего, а въ этотъ день открыли сильное бомбардированіе, продолжавшееся до 25 числа включительно, но причинившее весьма мало вреда Мензелинцамъ, а 26-го рѣшились на приступъ, который былъ удачно отбитъ осажденными. Затѣмъ до 12 января 1774 г. матежники только высылали партии въ 200—300 человекъ, для того, чтобы тревожить защитниковъ города, не позволять имъ выѣзжать за дровами и сѣномъ и недопускать обозы съ съѣстными припасами. Видя это, начальствовавшіе въ Мензелинскѣ майоръ Петровъ и прапорщики Дударь и Самарцовъ рѣшились 12 января на вылазку, результатомъ которой было пораженіе шайки осаждавшихъ, и освобожденіе города отъ осаднаго положенія.

Съ потушеніемъ Пугачевского бунта кончились и волненія въ Уфимской губерніи и Оренбургской области. Правительство предприняло рядъ мѣръ къ лучшему устройству

управленія краемъ, призвавъ мѣстное дворянство, въ качествѣ организованнаго общества, къ участию въ администраціи и судѣ. Дворяне явились ревностными исполнителями мѣръ правительства къ развитію благоустройства и благосо стоянія края, въ которомъ такъ долго и такъ храбро боролись за русское владичество.

2217, за 1739—1792 двора съ 19,266-ю душами, за 1748 г.—8395 дворовъ, крокъ того тархановъ найдено было 1451 дворъ, да Мещераковъ, поселившихся на башкирскихъ земляхъ 1511. Тептарей и бобылей по переписи, производимой по распоряженію Неплѣва, оказалось 5655 дворовъ (сог. Опрсова—инородческое населеніе прежняго казанскаго царства и положеніе инородцевъ въ московскомъ государствѣ). По рапортамъ, присланнымъ въ Уфимскую провинціальную канцелярію въ 1772 году всѣхъ Башкиръ показывается 14,092 двора, а о душахъ исчисленія нѣтъ. (Историческо-административныя свѣдѣнія о башкирскомъ народѣ, составленныя по приказанію графа П. И. Павина въ 1775 году).

(*) Приведенное г. Опрсовымъ положеніе подтверждается еще и слѣдующимъ документомъ, извлеченнымъ изъ архивныхъ дѣлъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Въ копіи съ грамоты 7157 года, выданной изъ Оренбургской палаты — гражданскаго суда 21 іюня 1823 года Башкирамъ Юрматынской волости на землю имъ принадлежащую написано: августа 21 дня прислана отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца на Уфу въ приказную избу стольнику и воеводѣ Льву Афанасьевичу Плещееву грамота, а въ грамотѣ писано: пришли четыре человека отъ Башкирцевъ, а именно: Титегачъ, Азная, Ильчакъ, — Темиръ и Кармышъ, и пришедши себя объявили и рабствомъ своимъ приложились, что насъ триста домовъ и просили: оставшіяся отъ перешедшихъ нагаевскихъ башкирцевъ земли, по обе стороны Бѣлой рѣки, верхнее урочище — отъ устья Нугушъ рѣки, а нижнее урочище — кугульковой горе къ Бѣлой рѣкѣ мысомъ кургунтомъ къ назву по обе стороны Бѣлой рѣки текущими мелкими рѣчками и вращками и степями слѣсными угодьями и горами, за которой платить имъ въ казну сто кунницъ и по тому царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ Титегачъ бы, Азная, Ильчакъ—Темира, Кармышъ съ триста домами за приклоненіе рабствомъ своимъ всѣхъ ихъ пожаловалъ нагаевскими землями и чтобъ платить ежегодно сто кунницъ, а Титегача пожаловалъ мурзою чиномъ,

Азная пожаловалъ старостой и пожаловалъ ихъ кармазиннымъ кафтаномъ⁴.

(10) „Лѣта ⁷¹⁴⁸/₁₈₄₀ г. марта въ 3 день били челомъ государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи, а воеводѣ Ивану Ивановичу Салтыкову подали челобитную уфимскаго уѣзду, енейскіе волости, ясашные башкирцы Ямбахтычко Кудабактинъ сынъ, Магозячко Байбактинъ сынъ, стоварищи, а въ челобитной ихъ написано: вотчина де дедовъ и отцевъ ихъ и внизъ по Ику рѣкѣ по обе стороны бортные ухожія и всякіе зверевые ловли и созеры, а межи де той вотчине по Ику реке вверхъ Тадума озера истокъ, да нижняя межа той вотчинѣ по Ику рѣкѣ внизъ заводъ Уртаря, да второй же вотчинѣ озера Таралы и сыстоками и совсякими угодья, и втое де ихъ вотчину приѣзжаютъ изъ Казани русскіе люди и чуваша и черемиса и вотяки и второй де ихъ вотчине возерахъ и выстокахъ рыбу ловать и борти выдирають и насильства де имъ всякое чинять, а они де той вотчины дають твоего государева ясаку на Уфу десять куницъ, да в. . . . . девять куницъ, да поддевета батмана меду, и ижде отъ тѣхъ приѣзжихъ людей жити стало невозможно и государева де есаку добыти негде и государь бы ихъ Ямбахтычко стоварищи пожаловалъ, велѣли бъ имъ дать оберегательную память, чтобъ казанцы русскіе люди и чуваша и черемиса и вотяки, приѣзжая, имъ насильства ни каково нечинили и по государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи указу воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, уфимскаго уѣзду, енейской волости, башкирцевъ Ямъ Бахтычку стоварищи даль оберегальную память, чтобъ ихъ башкирскіе вотчины вѣкъ реку и возера для рыбные ловли и для всякихъ обидъ ни приѣзжали, а будетъ приѣзжать учнуть безоброчныхъ паметей имъ тѣхъ людей не впускать. Ксей оберегальной памети государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи печать уфимскаго города приложилъ воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ“.

11) Лѣта . . . . . Алексѣеви . . . . . и Малыя и . . . . . жца на У . . . . . и воеводѣ В . . . . . чу Хитрово въ прошломъ въ рмк (182) году писалъ къ отцу

нашему государеву блаженные памяти къ великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу съ Уф . . . . . никъ нашъ и воевода Петръ Тимофѣевичъ Кондыревъ послышалъ де онъ въ Уфимскій уѣздъ посмщниковъ для переписки и сбору ясаковъ съ ясашныхъ бобылей и въ которыхъ этотъ ясакъ былъ и кто безъясачно жилъ также ихъ дѣтей и братью и племянниковъ которые живутъ себѣ дворами и которые башкирцамъ въ ясакѣ помогаютъ, а денежнаго и куничнаго ясаковъ не платили и по перепискѣ де соскандилось ясачныхъ людей шесть сотъ сорокъ девять человекъ, а ясаку платять стараго по разнымъ статьямъ по рублю и подвадцати пошти алтынъ по четыре деньги и по двадцати по три алтина по двѣ деньги и по двадцати по шестнадцати алтынъ по четыре деньги счеловѣка на годъ и сверхъ того стараго денежнаго ясаку прибавилъ на нихъ куничнаго ясаку на человекъ по кунницѣ, итого шестьсотъ сорокъ девять кунницъ, потому что въ тѣхъ ясакахъ они умалены и стою новою прибавкою тотъ имъ ясакъ будетъ не вьягость да безъясашныхъ де бобылей, которые отъ башкирскаго раззорѣнія съѣзжаютъ выныгъ мѣста смскано и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ, которые отдѣлилися и живутъ себѣ дворами—шесть сотъ двадцать три человекъ, и на тѣхъ вновь наложилъ денежнаго ясаку по двадцати пошти алтынъ по четыре деньги на человекъ, итого четыреста девяносто восемь рублей тринадцать алтынъ двѣ деньги, да куничнаго по кунницѣ на человекъ, да въ ясачныхъ книгахъ написано: двѣсти двенадцать человекъ, а ясака платять по восьми алтынъ по двѣ деньги, да одинъ человекъ платять десять алтынъ, четыре человекъ платять по тринадцати алтынъ по двѣ деньги, итого пятьдесятъ четыре рубля тридцать алтынъ на годъ и сверхъ того прибавилъ на нихъ денежнаго по тому же, да сверхъ того ясаку противъ ихъ же братью ясачныхъ людей прибавилъ по кунницѣ на человекъ, итого двѣсти семнадцать кунницъ, да которые де бобыли девятьсотъ семдесятъ два человекъ платили по двѣ кунници съ человекъ, итого тысяча девятьсотъ сорокъ четыре кунници.—и онъ де сверхъ той ихъ дрежняго куничнаго ясаку.

прибавилъ на нихъ денегъ триста сорокъ рублей шесть алтынь четыре денги, по одинадцати алтынь по четыре денги на человека, да пачебать восемь человекъ платили по кунничъ съ человека и онъ де сверхъ того ихъ платилу прибавилъ вновь на нихъ по кунничъ жъ на человека, итого пятьдесятъ восемь кунничъ, да денегъ двадцать рублей десять алтынь, по одинадцати алтынь по четыре денги на человека, да чужаши пятьдесятъ два человека, которые воекладномъ — асакъ Башкирцамъ за вочинные ихъ земли помогать а противъ своей братьи денежного и кунничата асаку не платили и положижъ онъ на нихъ денежный и кунничной асакъ противъ ихъ братьи бобылей денегъ по двадцати пошти алтынь по четыре денги на годъ, итого сорокъ одинъ рубль двадцати алтынь, да по кунничъ на человека, итого пятьдесятъ два кунничъ, потому что у Башкирцевъ вочинные земли они бобыли сами и въ асакъ имъ помогать сами изъ воли для своихъ прибылей и та де прибыль намъ великому государю прочна, потому что асаки на нихъ бобыляхъ были умалены и нынѣ умалены великій государь Уфимскаго уезда съ асачныиъ людей прежние и ново наклады денежные и кунничные асаки явили по прежнему и какъ къ тебе съ наша великаго государя грамота предеть и ты о зборъ прежнихъ и ново накладыхъ денежныхъ и кунничныхъ асакыхъ учинилъ поному нашему великаго государя указу о томъ къ намъ великому государю писалъ, а отъяску велѣлъ подать въ приказъ Казанскаго двора боярину нашему князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову да дьякамъ нашему думному Афонасыю Ошкову, да Петру Самойлову, да Михаилу Прокофьеву, да Леонтью Мелыкову. Писанъ въ Москвѣ лѣта 7186 (1786) февраля въ 4 (1) день послѣдкамъ подписалъ дьякъ Михайло Прокофьевъ, справилъ Васка Татариновъ. На оборотѣ написанно: на Уфу столынику нашему и воеводѣ Венедикту Яковлевичу Катрову (1867 г.) 11 февраля въ 10 (10) податъ грамоту великаго государя Корнаго Вилкова.

(12) Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и облыи России самодержавца на Уфу столынику нашему воеводѣ Ивану Калининчу Пушкину

Былъ человекъ намъ великому государю Уфимскаго уѣзду Нагай, скіе да Сибирскіе дорогъ разныхъ деревень новокрещени и горные Татары и Черемисы и Чуваши Досака Турбазъ, Тетечко Теникашевъ, старарищи обими дорогами, вотъ стары да они платятъ на Уфе вѣдану великаго государя казну бобильскій ясакъ на годъ по двѣ кунды счеловѣка безподобу во вся годъ, также Іамскіе и подомные и подымные деньги, и всакіе наши великаго государя подати, да онижде ходятъ на нашу великаго государя службу на камышенну камозному воловому дѣлу, да ихъ же берутъ на Уфѣ на нашу великаго государя наделья, весной и осенью на Урмацкую Инаштуровскую и на нѣме медьняцы для печиножъ и вселоварной городокъ на асакіа наделья, также I на Уфе на воеводѣ сѣно возять и лошадей ихъ въ деревняхъ своихъ кормятъ, и оттого да они разорочились безостатку, и намъ великому государю пожаловати бы ихъ, наведати имъ на Уфѣ на воеводѣ сѣна возять и лошадей кормитъ, также и вселоварномъ городкѣ I на Урмацкую и на Шугуровскую и на иныхъ медьняцахъ никакихъ подѣлокъ дѣлать, чтобъ имъ въ конецъ не разорочили, и асакіа и всакіахъ податей . . . . . и врознь наразобрестись, и отомъ дати . . . . . великаго государя грамоту съ прочеюми и дакъ чтобъ ся наша великаго государя грамота . . . . . и въ дѣлѣ и тѣбъ ихъ Уфимскихъ уѣздныхъ людей иногородцевъ и Татаръ и Черемисъ и Чуваши на воеводскію ни на какую рѣню богу и вселоварной городокъ и намельничную подѣлку имать наведати и никакой работы ницѣ, впрелѣ работати ихъ не заставлявати, а прочесть сю нашу великаго государя грамоту, и списавъ съ нею списокъ велѣлъ оставить на Уфѣ въ казенной кибѣ за своею рукою, а подлинную сю нашу великаго государя грамоту отдать имъ челобитчикамъ спискомъ впрелѣ для иныхъ дѣлныхъ воеводѣ . . . . .

(18) Положеніе вводить въ Московскомъ государствѣ —

Өпрсова . . . . .
 (19) Что на Уфа, на Бирскѣ не существовали въ градостро-
 ваніи Ивана Васильевича доказывается тѣмъ, что до нынѣ
 не обнаружено ни одного государственнаго дела, чѣмъ бы
 . . . . .

мѣсь его царствованія, въ которомъ бы упоминались тѣ города.

(15) Офіціальное изслѣдованіе вопроса о тарханахъ произведено въ 1777 г. Источники для изученія тарханства: записка Императорской Академіи Наукъ 1864 г.

(16) Списокъ иманной уфимскаго уѣзда князьямъ и тарханамъ и дувавамъ при окольникѣмъ и воеводѣмъ при Петрѣ Дмитриевичѣ Скуратовѣ нивѣшняго Р П Θ (189) году.

Нагайскія дороги Минскія волости Алтѣи Болтинъ, Урейъ Балтинъ, Курпа табинскія волости живутъ на Ику Коскалдеи Акыровъ, Бокачермышевъ, Лукьянъ Коскалдеевъ. Копчатскіе волости, Кусапъ-пердей Бакбулатовъ,—Сабинъ Балбулатовъ . . . . . Кутюковъ . . . . . деереевъ. . . . . Токмометевъ, Хождеметъ Утемышевъ, Бозюкъ Кочикаевъ, Имамъметъ Девлетъбаевъ, Бозказъ Девлетъбаевъ, Баки Качанаевъ, Амонай Кутюковъ, Ковкяльда Кишевъ, Мрясь Кусюкеевъ, Девеней Девлетъбаевъ, Куданзлъ Коненинъ, Сенеенъ Аккузевъ, Вазидъ Карасеевъ, Чура Беккуловъ, Танатаръ Тлековъ, Кулукъ Бабашевъ, Сулукъ Бабашевъ, Акейкаль Икасоевъ, Курасъ Чуринъ, Мышай Чуринъ, Янгулъ Базяковъ, Козмекей Юлаевъ, Салтанай Такаловъ, Анзекулъ Тешметевъ, Бугкаль Чувашевъ; Актонай Тешнаовъ, Иттиня Ателеевъ, Кизиеа Бишевъ, Утекъ Бишевъ, деревни Томьякъ: Тегбердей Башаевъ, Ивалъ Юшуровъ, Юманей Козебердеевъ, Кокчей Тгѣйбер-Утемъ Акковаковъ, Тамьянскія волости: Текай Икбаевъ, Суергуль Салтанаевъ, Шамсугуръ Утешевъ, Вексентей Шербердеевъ, Бучукъ Юлаевъ, Колзалъ Таслометевъ, Ягусъ Кузелбердеевъ, Девлетурка Иналаевъ, Юмагуль Ялкбеевъ, Иускиихъ волостей Килкей Инеевъ, Тобякъ Тенеевъ, Бурвелъскія волости: Ахмедъ Семикеевъ, Алкымалжа Аллырбетъ Байтнинъ, Изъкей Уварласамышевъ . . . . . Уварлагамышевъ.

(17) Очерки Уфы Александра Пекера. Вѣстникъ императорскаго русскаго географическаго общества 1860 г. кн. 8.

(18) Въ началѣ наказа Сомову и дѣяку Родіонову—указываются порядокъ приѣма дѣлъ; книги, казны, военныхъ снаряждоу и хлѣбныхъ запасовъ, отъ князя Волконскаго, вмѣжѣ Оедору и Ивану взяти на Уфѣ у стольника и воеводы .

... Андрея Волконскаго въ государевѣ казнѣ прежнихъ воеводъ государевы наказы и указныя грамоты и уложивную печатную книгу и книги приходу и расходу, и уфимцомъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ именные списки и уфимскаго уѣзду дворцовымъ крестьянамъ и башкирскихъ всѣхъ волостей ясащныя книги почему збашкирцевъ збираются всякія государевы доходы и ясачную мелкую рухледь и доимочныя росписи на комъ что донять государевыхъ доходовъ на прошлыя годы и на нынѣшній . . . . . и всякія государевы дѣла, авзявъ пересмотрѣть . . . . . и на остроге нарядъ и въ государеве казнѣ деньги . . . . . и свинець и всякіе пушечныя запасы и велѣти деньги перечесть а зелье и свинець перевести . . . . . хлебныя всякіе запасы перемерять передсобой . . . . . только и воеводу князя Андрея Волконскаго въ деньгахъ. . . . . лѣтъ и всякой государевѣ казнѣ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ и посмѣтнымъ спискамъ счесть Ѳедору о томъ о всемъ отписать великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и росписныя щетныя списки деньгамъ и хлѣбу и всякой казнѣ ему Ивану за своею рукою прислать и велѣтъ подать въ приказъ казанскаго дворца боярину князю Юрею Алексѣевичю Долгорукову да . . . . . думному Ларіону Лапухину, да Андрею Немиреву, да Тимофѣю Безсонову, а прислать имъ Ѳедору и Ивану р . . . . . вые списки всякимъ государевымъ дѣламъ и счетныя списки всякимъ государевымъ денежнымъ доходамъ и хлѣбу и меду списки, написавъ порознь по статьямъ, а вмѣстѣ тотъ счетъ . . . . . наклентъ для того что въ приказѣ казанскаго дворца всѣхъ понизовыхъ городовъ росписныя списки . . . . . государевымъ дѣламъ и наряду и всякимъ пушечнымъ . . . . . вѣдаютъ вразрядномъ столѣ, а счетныя сии . . . . . денежнымъ всякимъ доходамъ вденежномъ столѣ . . . . . всякимъ запасамъ вхлебномъ столѣ“. Далѣе излагаются правила, коимъ долженъ слѣдовать воевода при сборѣ доходовъ и перечисляются источники ихъ какъ то: пошлинныя деньги, взимаемыя съ судебныхъ дѣлъ, ясачныя оброки, доходы отъ продажи нитій, причемъ

вмѣняется въ обязанность строго слѣдить за сборщиками и дѣловальниками и ограждать отъ обидъ и притѣсненій уфимскихъ всякихъ людей и Татаръ и Башкирцевъ, а также отъ взысканій съ нихъ посулъ и поминковъ. Затѣмъ предписывается принятіе охранительныхъ мѣръ особенно отъ калмыцкихъ людей и наблюденіе за производствомъ ими торговли“ а въ городъ и вострогъ калмыцкихъ людей ни для чего не пущать и заповѣдныхъ товаровъ продавать имъ однолично не велѣть и ставить ихъ за острогомъ гдѣ такіе послы ставали прежде сего, а вгородъ къ себѣ пословъ пущати втѣ поры какъ они въ городъ по просятца для посольскаго дѣла, а въ городъ и востроге вто время было людно и бережно и осторожно. Послѣ этого указывается того и какъ изъ служилыхъ людей верстать окладами и какими боевыми припасами они должны быть снабжены. Далѣе идутъ наставленія о мѣрахъ предосторожности отъ огня, о составленіи списка заключеннымъ въ тюрьмѣ, о наблюденіи за правильнымъ производствомъ продажи вина и пива, о воспрещеніи продажи и потребленія табаку. На послѣднее обстоятельство обращается особенно строгое вниманіе.

По изложеніи строгихъ мѣръ противъ распросраненія табаку предписывается принятіе мѣръ къ недопущенію казачьихъ и закладныхъ записей на людей, а также продажи земель Башкирами, указываются отношенія Уфимской администраціи къ Башкирамъ и Калмыкамъ, предписывается объ укрѣпленіи города Уфы и городомъ устройствѣ Бурска и Табынска, и о выдачѣ государева жалованья новогородкамъ золотыми Башкирцамъ за службу противу Сибирскихъ царевичей. Въ концѣ наказа указываются мѣры противъ бѣдныхъ Уфимскихъ служилыхъ и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей, повѣляется заботиться объ охраненіи правъ владѣнія и пользованія землями, въ заключеніе говорится объ отпускѣ изъ Москвы съ Головкинымъ разныхъ предметовъ, необходимыхъ для служилыхъ людей.

¹⁹⁾ Помѣстья давались служилымъ людямъ, — вмѣсто жалованья, въ различныхъ размѣрахъ, смотря по чину или служебному разряду каждаго, давались для того, чтобы они могли

годержать, и по призыву государя, отбывать служебныя военныя обязанности. При чемъ въ огражденіе интересовъ правительства и самой службы, помѣстные участки давались жалованными отъ государя грамотами во владѣніе только лицамъ, способнымъ къ военной службѣ, какъ по возрасту, такъ и по физическому ихъ здоровью и нравственному развитію. Отсюда прямо слѣдуетъ, что только тотъ могъ имѣть помѣстье, кто служилъ т. е. совершеннолѣтнее годное для службы мужскаго пола лицо. Когда у служалаго челоуѣка достигали сыновья 18-лѣтняго возраста, то по удостовѣреніи въ видимой годности въ ихъ назначенію, они верстались, записывались въ государеву службу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаали право на помѣстный окладъ. Въ основаніе расчета при назначеніи величины помѣстья, отводимаго сыновьямъ каждаго изъ служилыхъ людей, принимаемы были только служебныя чины или разряды, къ коимъ принадлежали отцы, т. е. принималось въ соображеніе, были ли они въ разрядѣ Московскихъ дворянъ, или дворянъ городовыхъ, изъ которыхъ послѣдніе подраздѣлялись еще на три статьи на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ, или же состояли они въ разрядѣ дѣтей боярскихъ, которыхъ—также было три статьи—большая, средняя и меньшая. (Очеркъ исторіи русскаго дворянства соч. И. А. Порай Кошница стр. 106—106)

²⁰⁾ «Лѣта 7143 (1635) года іюня въ 20день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея Россіи указу память Федору Ивановичу Каловскому да съ нимъ Уфинцомъ дѣтямъ боярскимъ и конымъ стрѣльцомъ ехати имъ по Сибирской дорогѣ въ Кудинскую и въ Балынтайскую и въ Челзоутскую и въ Карытабынскую и въ Айскую влоости ва Уралъ гору и прѣйхавъ имъ въ тѣ волости велѣти выслати Башкырцевъ по сюсторону Урала горы качевати вкрѣпкіе мѣста а самимъ имъ Федору собрався то сибирскіе дороги съ башкырцы съ ратными людьми столати въ крѣпкихъ мѣстахъ осторожно и отъ себя имъ Федору досылати въ подеажіе станицы дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и башкырцовъ во сколько челоуѣкъ пригоже смотря по тамошнему дѣлу проводитьъ про сибирскихъ царевичовъ про Аблая збратьсю съ калмыцкими воинскими людьми или про нихъ

вакихъ воинскихъ людей потому что приходили тѣ сибирскіе царевичи съ калмыцкими воинскими людьми въ башкирскіе волости войною небольшими людьми и пововавъ башкирскіе волости и навадъ пошли а говорили де оне навадъ пошедши такъ какъ де сарана поспеетъ капать и они де Сибирскіе царевичи Аблай збратъею изъ калмыцкими воинскими людьми хотели бытъ въ то время въ Уфимской уѣздъ въ Башкирскіе волости войною и буде станичники въ подезжей станицѣ похъ вѣтять тѣхъ сибирскихъ царевичей Аблу збратъею съ калмыцкими воинскими людьми и ему Федору свѣстями отписати тотъ часъ на Уфу, въ городъ къ воеводѣ къ Микитѣ Дмитріевичу Вельяминову да къ подъячему Пахому Лучникову и самимъ ему Федору сратными людьми прося у Бога милости надъ тѣми сибирскими царевичи и надъ калмыцкими воинскими людьми разсмотря вѣтти полюдямъ поискъ чинити сколько милосердый Богъ помощи подасть чтобъ калмыцкихъ людей побить а себябъ и ратныхъ людей отнихъ уберечь и Уфимскій уѣздъ Башкирскіе волости пововавъ недать а одноличнобъ Федору сратными людьми поискъ чинити съ великимъ раденьемъ безовсякіе оплошки а самому ему Федору и караули и подъѣзды учинити вѣрніа съ великимъ береженьемъ а карауловъ дозирати самому по часту чтобъ на карауловъ стояли вѣрнко и осторожно съ великимъ береженьемъ не оплошно и впробъзжіе станицы послати по часту и подъѣздъ учинити осторожно съ великимъ береженьемъ по сколькоу человекъ пригоже.

Списокъ Уфимцомъ дворяномъ и дѣтямъ Боярскимъ. Петръ Никитинъ сынъ Каловскій, Василій Алексѣевъ сынъ Телятевъ, Михай Александровъ сынъ Аничковъ, Федоръ Федеровъ сынъ Тарбѣевъ, Андрей Ивановъ сынъ Приклонскій, Юрій Александровъ сынъ Аничковъ, Янурусъ Ивановъ сынъ Каловскій, Федоръ Кириковъ сынъ Тарбѣевъ, Антонъ Андрѣевъ сынъ Ураковъ, Иванъ Федоровъ сынъ Сумороковъ, Михайла Гавриловъ сынъ Артемѣевъ, Потеха Рудаковъ сынъ Ураковъ, Гордей Ивановъ сынъ Гладышевъ, Алексѣй Сидоровъ сынъ Лопатинъ, Ефимъ Ивановъ сынъ Савинъ, Андрей Федоровъ сынъ Сумароковъ, Григорій Ивановъ сынъ Шигаевъ, Лукьянъ Ефимовъ сынъ Савинъ, Володиміръ Константиновъ сынъ Голубцовъ, Иванъ Ивановъ сынъ Васильчининъ, Семенъ Рудаковъ сынъ

Ураковъ, Алексѣй Антоновъ сынъ Ураковъ, Гаврило Пягово сынъ Писемскій, Матвѣй Ивановъ сынъ Васильчичинъ, Григорій Васильевъ сынъ Зыковъ, Семенъ Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Юрей Ефимовъ сынъ Савинъ, Максимъ Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Степанъ Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Иванъ Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Микита Ивановъ сынъ Кашкинъ, Василій Гавриловъ сынъ Артемьевъ Федоръ Васильевъ сынъ Волковъ, Иванъ Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Артемей Гордѣевъ сынъ Гладышевъ, Иванъ Федоровъ сынъ Ростовцевъ, Степанъ Екимовъ сынъ...

143 Году марта въ 25 день имена Уфимскимъ коннымъ стрѣльцамъ Богданова приказу Еремлевача Завороткова:

Пяттидесятникъ Артемей Андреевъ Дежновъ, Федоръ Ивановъ Страмниковъ, Потаня Касимовъ Жуковъ, Степанъ Ивановъ Писаревъ, посланъ вкамыкъ, Андрей, Григорьевъ Брызгаловъ, Афонасей Васильевъ Саловичниковъ, Дмитрей Игнатьевъ Брызгаловъ, Трифонъ Кузинъ Чеботовъ, Григорей Игнатьевъ Погорелскаго, Дмитрей Ивановъ Ериновъ, Десятникъ Елистратъ Ивановъ Вязмитинъ, Иванъ Игнатьевъ Вязмитинъ, Игнатей Федоклевъ Третьяковъ, Логинъ Ивановъ Ериновъ, Кирила Ивановъ Каржацкой, Тихонъ Клементьевъ Колесниковъ, Михай Степановъ Вязмитинъ, Иванъ Игнатьевъ Доловоулакъ, Федоръ Федоровъ Наугородцевъ, Вавила Фроловъ Новокрещенъ, Десятникъ Василей Федоровъ Мещерякъ, Михайла Касимовъ Жуковъ, Андрей Астафьевъ Заволоцкой, Третьякъ Федоровъ Сонцовъ, Родивонъ Понтелеевъ Арановъ, Иванъ Ильинъ Зубовъ, Алексѣй Филиповъ Ржевятинъ, Дмитрей Ильинъ Зубовъ, Петръ Федоровъ Сонцевъ, Ермолай Родіоновъ Веляниновъ, Десятникъ Андрей Ивановъ Чебоксарець, Пролофей Ивановъ Рошковъ, Лука Ивановъ Уфинець, Шестакъ Ильинъ Зубовъ, Смирной Кириловъ Зубцовъ, Тихонъ Еремеевъ Костромитинъ, Терентей Филиповъ Ржевятинъ, Василей Семеновъ Болмогорець, Сапожникъ, Микита Степановъ Пустаржанцевъ, Десятникъ Семенъ Ивановъ Суздалецъ, Третьякъ Семеновъ Костромитинъ, Иванъ Обрамовъ Казанцевъ, Андрей Ипатьевъ Долгово, Осипъ Борисовъ Масленниковъ, Михайло Ипатьевъ, Федоръ Борисовъ Балахонцевъ, Василій Ивановъ Савиновъ, Осипъ Андреевъ Панковъ, Томило Семеновъ Подья-

ковъ, Пятдесятникъ Павелъ Елфимовъ Чебоксарецъ, Федоръ Клементьевъ Устежанинъ, Давило Офонасьевъ Мязцовъ, Квирло Ильинъ Зубовъ, Борисъ Васильевъ Колобынщиковъ, Давидъ Якимовъ Повдяковъ, Автропъ Куптеряновъ Балахонецъ, Кузнецъ, Яковъ Федоровъ Коровенковъ, Герасимъ Васильевъ Нефастеевъ, Иванъ Андреевъ Потшвваловъ, Десятникъ Андрей Микитинъ Черкаменннъ, Тимофей Осиповъ Уфинецъ, Игнатей Михайловъ Канменцевъ; Докучай Афонасьевъ Туленнновъ, Герасимъ Григорьевъ Брызгаловъ, Мѣхило Григорьевъ Казанцевъ, Степанъ Ивановъ Ершовъ, Иванъ Ивановъ Савинновъ, Тошило Яковлевъ Теленевъ; Микифоръ Григорьевъ Брызгаловъ; Десятникъ Артемей Акатьевъ Ливенецъ, Богданъ Серглевъ Лялинъ, Иванъ Даниловъ Бусринъ, Иванъ Григорьевъ Брызгаловъ, Черво Петръ Михайловъ Пустаржевецъ, Лума, Матвеевъ Нижегородецъ, Свфонъ Семеновъ Пермитинъ Черепакъ, Афонасей Степановъ Вязмитинъ, Иванъ Самойловъ Михайловецъ Глаткой, Семень Денисовъ Нерехчаннновъ, Десятникъ Герасимъ Дмитріевъ Вязмитинъ, Гаврило Захаровъ Вязмитинъ, Кузьма Григорьевъ Вязмитинъ, Осипъ Борисовъ Вязмитинъ, Федоръ Павловъ Колесникъ, Матерей Федоровъ Коровенковъ, Ермолай Даниловъ Черкаменннъ, Кречка, Наумъ Левонтьевъ Вязмитинъ, Емела Ивановъ Устежаниновъ Надежка, Десятникъ Степанъ Тимофеевъ Вязмитинъ, Емела Артемьевъ Коптялинъ, Гаврило Лукьяновъ Свиридовъ Оскольской, Христонъ Дашковъ жерка черка, менннъ, Микита Артемьевъ Ушбачевъ, Алексей Артемьевъ, Уфинецъ, Кузьма Федоровъ Мощеровъ, Петръ Ивановъ Яновъ, Лука Власовъ меншей Уфинецъ, Сава Дмитриевъ Москвитинъ. Наподлинной памяти на оборотѣ подписалъ Похомъ Лучниковъ.

22) Грамота Якову и Григорью Строгановннмъ 1572 г. августа 6 т. 1-й дополненіе къ актамъ историческимъ, изданнымъ археографическою комисією стр. 175. Царская грамота 1661 г. іюня 14. Акты археографической экспедиціи т. 3 стр. 116.

23) Акты историческіе т. IV стр. 110.

24) Акты историческіе т. IV стр. 336.

25) Историческіе акты т. V стр. 178.

26) Татищевъ и его время Н. Попова стр. 165 и 166.

Библиографическій указатель.

Victor Hugo. Histoire d'un crime.

Печатающійся въ различныхъ нашихъ литературныхъ органахъ новыи романъ Виктора Гюго „Histoire d'un crime“, произвелъ въ послѣднее время впечатлѣніе въ различныхъ сферахъ европейскаго общества,—не только благодаря художественному таланту и громкому имени автора, но и потому, что знаменитый поэтъ сводитъ въ этомъ романѣ итоги Декабрьскаго переворота, названнаго имъ „преступленіемъ“ (crime), подкрѣпляя историческія даты своими собственными воспоминаніями, такъ какъ онъ присутствовалъ при всѣхъ перипетіяхъ кровавой и преступной драмы, за которой послѣдовала навѣстная (4-я по числу) ссѣлка Виктора Гюго. Во время совершенія Coup d'Etat Наполеона III, когда еще для республиканскаго правительства Франціи, учрежденнаго съ 1848 г., не совсѣмъ потеряна была надежда — надежда эта въ значительной степени покоялась на Викторѣ Гюго, такъ что уличныя восклицанія „Vive la République!“ и „Vive Victor Hugo!“ представлялись одновременными и нераздѣльными*). Даже болѣе: одинъ изъ членовъ семейства Бонапартовъ серьезно обращался къ Виктору Гюго, съ предложеніемъ сдѣлать энергическій шагъ, арестовать Луи-Бонапарта и та-

*) См. VI гл. I части Histoire d'un Crime „Eae Blanche, № 70“.

нимъ образомъ предупредить незаконное Coup d'Etat во имя „salutis populi“ et „supremae legis“. Викторъ Гюго отказался отъ этого, во имя высшихъ принциповъ морали и, въ добавокъ, во имя крайняго безсилія средствъ, которыми располагала лѣвая сторона для борьбы съ Наполеономъ *). Самъ Викторъ Гюго, причисляя себя къ пресловутой, получившей затѣмъ комическій оттѣнокъ, партіи „Burgraves“, называетъ себя „Burgrave rouge“. Изъ этого уже видно, что для разъясненія событій, непосредственно предшествовавшихъ основанію Второй Имперіи, новое произведеніе Виктора Гюго несомнѣнно имѣетъ огромную важность. Преступленіе Наполеона, сдѣланное имъ для воздвиженія своего трона, изображено гениальнымъ французскимъ поэтомъ со всею силою его художественнаго таланта. Фактъ насилія грубаго, по бездушности, безжалостной жестокости имѣющаго себѣ мало примѣровъ даже во всей всемірной исторіи, изображенъ въ самой конкретной формѣ, и оттого-то онъ представляется такъ поразительнымъ... Увлекающая сила, истина изображеній, психологическая вѣрность мотивовъ, управлявшихъ дѣйствіями лицъ, участвовавшихъ въ декабрьской трагедіи, таковы, что страницы книги Гюго незамѣтно пробѣгаютъ предъ глазами читателя; онъ даже не чувствуетъ, какъ перебѣгаетъ отъ страницы къ страницѣ, а переживаетъ всѣ неожиданности перипетій драмы.

Но въ подобномъ преступленіи, увѣчавшемся услѣхонъ, философствующіе умы обыкновенно приписываютъ смягчающія обстоятельства. О Наполеонѣ III говорили, что онъ просто только воспользовался обстоятельствами,—воспользовался достигнутою во Франціи до апогея всеобщей потребностью восстановленія династіи Наполеонидовъ. Употребляя нѣсколько тримилліонное выраженіе, на «Наполеонизмъ», существовалъ настоятельный запросъ во Франціи, и Людовикъ-Наполеонъ явился, съ своей стороны, только олицетвореннымъ «предложеніемъ» на этотъ запросъ.

Но есть и другія уже болѣе отвлеченно-философскія опраш-

*) См. объ этомъ въ X главѣ II части. Hist. d'un Crime „Le devoir peut avoir deux aspects“.

дана Couv d'Etat Наполеона и вообще всей его политической системы, его конституцій, подвергавшейся во все его царствование некоторымъ, впрочемъ несущественнымъ, измѣненіямъ. Такое философское оправданіе исходитъ отъ мыслителей Гегелианскаго пошиба, вродѣ, напримѣръ, покойнаго Прудона. Обзорѣвая, съ своимъ обычнымъ мастерствомъ, рядъ французскихъ конституцій съ 1789 г. до конституцій Луи-Наполеона включительно, Прудонъ предрасполагаетъ и читателя къ признанію фаталистической необходимости всего совершающагося въ политической жизни государствъ. Человѣкъ, по выраженію Аристотеля, *политикъ Ζῷον* не можетъ выйдти (по Прудону) изъ закодированнаго круга политическихъ формъ и идей, въ которыхъ вращается; крайности автократизма и демократизма чрезвычайно часто въ исторіи соприкасаются другъ съ другомъ, переходятъ другъ въ друга; и провозглашенный въ новое время „суверенитетъ“ *) народа преобладающимъ принципомъ политической жизни новыхъ государствъ въ существѣ дѣла нисколько не доказываетъ преимущественнаго усвоенія этого „суверенитета“ народомъ, а не правителемъ. Напротивъ, и до сихъ поръ суверенитетъ продолжаетъ быть только какимъ-то балансомъ между властью народа и властью правителя. Надо замѣтить, что самое обиліе смѣняющихся конституцій во Франціи неизбежно родилось вслѣдствіе идей XVIII вѣка, подвергавшихъ радикальной критикѣ вообще государственное устройство. Сильнѣйшій импульсъ дала въ этомъ отношеніи идея Руссо объ общественномъ договорѣ, со всею поражающею силою выразившаяся въ его «*Contrat Social*». Руссо считаетъ совершенно ложнымъ то положеніе, (на которомъ, однако, и зиждутся всѣ современные конституціи) чтобы кто-либо въ парламентъ былъ «представителемъ воли другаго», ибо чужую волю *представлять нельзя*. Эта мысль Руссо до сихъ поръ еще не была подвергнута глубокой философско-государственной критикѣ, какой бы заслужи-

---

*) У насъ этотъ терминъ переведенъ словомъ „верховенство“, каковое выраженіе и получило право гражданства въ русской наукѣ государственнаго права.

вала и мы увидимъ далѣе, что Прудонъ нисколько не проникаетъ въ глубину вопроса, затронутого Руссо, а только представляется діалектикою Гегеля. Для характеристики дѣла нужно знать, что Гегель считалъ конституціонную монархію самою совершеннѣйшею политическою формою.

По поводу романа Виктора Гюго, — намъ представляется случай сравнить *два* точки зрѣнія на государственный переворотъ Людовика-Бонапарта: точку зрѣнія Прудона и точку зрѣнія Виктора Гюго. *Первая* даетъ намъ случай сообщить характеристику конституцій Франціи по гегелианисту-Прудону, *вторая* даетъ случай, — на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ Викторомъ Гюго и другими историками, писавшими о государственномъ переворотѣ 2 декабря, охарактеризовать непригодность объясненій и отчасти оправданій философско-государственными теоріями грубыхъ и возмущающихъ фактовъ насилія.

Послѣ извѣстной грубой и дерзкой расправы Наполеона I съ парламентаріями Директоріи, 18 брюмера, никто не рѣшался даже думать, что подобный фактъ вопіющаго насилія надъ законными представителями страны когда-либо еще совершится въ будущемъ. Однако же, въ половинѣ XIX вѣка, въ либеральнѣйшей странѣ Европы, въ той странѣ, въ которой совершилось и насиліе 18 брюмера, — совершился фактъ новаго подобнаго же насилія, но громадно-далеко превзошедшій его своею дерзостью, презрѣніемъ не только парламентарныхъ, но и просто человѣческихъ правъ. Надо прибавить, если уже сравнивать дядю «съ племянникомъ», то Наполеонъ I могъ до нѣкоторой степени загладить и ступенчатъ свою дерзость и безграничный деспотизмъ своимъ высокимъ гениемъ. Но его ничтожный „племянникъ“ не могъ этого сдѣлать даже на сотую, даже на тысячную долю...

Начнемъ сначала... съ разсужденій Прудона о конституціяхъ.

По обстоятельному вычисленію и весьма подробнымъ доводамъ Прудона, во Франціи, начиная съ 1789 г., было 15-ть конституцій, при чемъ, однако, если исчислять эти конституціи въ хронологическомъ порядкѣ, то можно убѣдиться, что рациональной связи между ними не существуетъ,

и следовательно не только нельзя доказать, что одна конституція вытекала изъ другой, но, напротивъ, есть возможность убѣдиться, что одні изъ конституцій взаимно вытѣсняли и ограничивали другія. Самая автократичная и самая логическая и послѣдовательная изъ французскихъ конституцій есть конституція 1804 г. (при Наполеонѣ I). Затѣмъ, по своему автократическому характеру, къ ней приближается конституція 1802 г., тоже при Наполеонѣ I, и между ними, какъ родственное примиряющее звено, стоитъ конституція 1852 г. (при Наполеонѣ III). Это была конституція империалистская и автократическая, но значительно смягченная, (сравнительно съ конституціей Наполеона I). Исходнымъ пунктомъ сравненія всѣхъ 15-ти конституцій Прудонъ беретъ самую автократичную 1804 г.; располагая, затѣмъ, всѣ остальные конституціи въ ряды, онъ находитъ, что конституція 1793 г., по своему демократическому характеру, совершенно противоположна первой (1804 г.). Конституція же, извѣстная подъ именемъ *Charte*, которую такъ превозносили французскіе талантливые конституціоналисты, между прочимъ гг. Гизо и Тьеръ, представляетъ истинную золотую средину между двумя крайностями — автократической и демократической конституціи — и даже золотую средину въ ряду и другихъ конституцій. Но, по странному закону, эта-та конституція и заключала въ себѣ зародышъ всякихъ возможностей къ революціоннымъ движеніямъ. Она вызвала июльскую революціонную бурю въ 1830 г. и затѣмъ, по тѣсной внутренней связи, (хотя по прошествіи значительнаго времени) и другую бурю въ 1848 г. Конституція 1814 г., была „доктринерная“, каковой характеръ, имѣла и вообще направленіе проникательнѣйшихъ и первоклассныхъ политиковъ тогдашней Франціи. Этою конституціей создавалась конституціонная монархія, представительная и парламентарная, съ полнымъ осуществленіемъ принципа легитимизма, съ законною династією и съ возвышеннымъ избирательнымъ цензомъ. Разница конституція 1830 г. съ сейчасъ характеризованною состояла лишь въ *невозможности* набирательнаго ценза, въ болѣе точномъ опредѣленіи королевской прерогативы и въ избирательномъ характерѣ династій. Теперь — какой же шагъ

отъ этой конституціи къ конституціи 1848 года? Эта послѣдняя является республиканскою, демократическою, съ всеобщемъ и прямымъ подачею голосовъ, съ одною палатою и однимъ президентомъ. Повидимому, это было шагомъ впередъ; но дѣйствительно ли было шагомъ?—Съ исторической точки зрѣнія, допускающей принципъ усовершенствованія, повидимому, — да! Но историческую серію усовершенствующихся послѣдовательныхъ конституцій отвергаетъ Прудонъ, признавая, вслѣдствіе этого, серію конституцій рациональную, всегда представляющую извѣстный циклъ, въ какомъ вращается народъ, ища соотвѣтственной себѣ и болѣе совершенной политической формы существованія. Но этого каждый данный народъ никогда не въ состояніи достигнуть. Политическому организму,—утверждаетъ Прудонъ,—какъ въ его ансамблѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фазисахъ или формахъ, присуща *антиномія*, присуща *противоположности*, и отсюда слѣдуетъ, что всякій политическій организмъ „существенно подвиженъ“. Для квіетистовъ-политиковъ въ этомъ гегелиански-смѣломъ ученіи Прудона заключается много страшнаго и во всякомъ случаѣ, крайне-непріятнаго. Съ этой же точки зрѣнія, какъ и вообще съ точки зрѣнія гегелианской, не представляется чѣмъ-либо особенно ужаснымъ и чудовищнымъ наполеонидское „преступленіе“ 2 декабря 1851 г. Это не болѣе, какъ извѣстное звено въ циклѣ конституцій, переживавшихся французскимъ народомъ. Народный суверенитетъ при этомъ не былъ обманутъ, ибо самъ этотъ суверенитетъ воплотился въ деспотической волѣ виновника переворота 2 декабря; ибо общество всегда бываетъ занято „самосозданіемъ“, постоянно творитъ само для себя извѣстныя политическія формы, при этомъ представляется безразличнымъ—идетъ ли общество впередъ, или отступаетъ назадъ. Всякій читатель статьи Прудона „о конституціяхъ“ съ первой же страницы замѣтитъ, что здѣсь вѣетъ духомъ „Экономическихъ противорѣчій“ того же автора. Всякое явленіе содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; во всякомъ явленіи заключается „его антиномія, или внутренній элементъ противоположности“; во всякомъ явленіи заключаются противоположащіяся одна другой крайности, которыя не могутъ ни по-

глотать, ни исключить другъ друга“. По этому-то Прудонъ и говоритъ, что въ самомъ *автократическомъ* государствѣ всегда заключается элементъ *демократическій*—уже потому, что не можетъ быть государя безъ подданныхъ, и на оборотъ—во всякой демократіи проявляется элементъ *автократическій*, потому что государству всегда присуще „единство власти“. Потому—у Прудона подробнѣе доказываются положенія: безусловнаго „суверенитета“ (народнаго) нѣтъ; затѣмъ — политическому организму, какъ въ его ансамблѣ, такъ и въ фазисахъ и формахъ, всегда присуща антиномія, или противоположность; всякій политическій организмъ существенно подвиженъ. Эта-то необыкновенная подвижность и постоянная смѣна явленій, стремленій и цѣлей въ политическихъ организмахъ и препятствуетъ правильному ихъ наблюденію и, затѣмъ, установленію власти на общихъ и постоянныхъ законахъ, такому уравновѣшенію элементовъ власти, которое давало бы возможность по крайней мѣрѣ найдтись что дѣлать въ тысячахъ разнообразныхъ случайностей. На этомъ основаніи Прудонъ справедливо замѣчаетъ, что затрудненія въ изслѣдованіяхъ явленій физической природы составляютъ ни что, въ сравненіи съ трудностями изслѣдованія, встрѣчающимися въ области наукъ нравственныхъ и политическихъ... Затѣмъ, Прудонъ доказываетъ, что всѣ конституціи въ сущности *тождественны*, не смотря на различіе по тону и цвѣту, и вся разница между конституціями (даже самыхъ разнообразнѣйшихъ родовъ) состоитъ въ томъ, что въ одной конституціи центръ правительства составляетъ *одинъ* человекъ, въ другой *собраніе*, въ третьей—*два* палаты съ королемъ... Есть ли же, наконецъ, хотя какая-либо надежда на поправленіе и усовершенніе такого безотраднaго порядка вещей? Существуетъ ли возможность выбраться изъ этого бѣднaго колеса? Прудонъ на это отвѣчаетъ слишкомъ отвлеченно-философски, и потому нельзя сказать чтобы въ утѣшительномъ для читателя смыслѣ.

Народы, говоритъ онъ, «увлечены въ правительственный *циклъ*, который можно разсматривать какъ *примитивный фазисъ*» (т. е. для вѣрнаго и надежнаго развитія и усовершенствованія разнообразныхъ конституцій?..) Но самый-то

raison d'être конституцій еще не бесспоренъ, какъ это показывалъ Руссо. «И съ этой точки зрѣнія», продолжаетъ Прудонъ, «можно сказать, что въ исторической послѣдовательности нашихъ конституцій есть вѣчто въ родѣ *прогресса*» (т. е. конечно, условнаго существующаго, покажѣсть, только въ возможности).

Покажѣсть, слѣдовательно, существуетъ чрезвычайно плохая и слабая, — потому что слишкомъ отдаленная, — надежда на усовершенствованіе и прогрессъ конституцій, не смотря на провозглашенный во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, принципъ *perfectibilité* (усовершенваемости). Возможны ли, однако, хотя нѣкоторые палліативы, чтобы шансы на прогрессъ конституцій нѣсколько увеличились? — Прудонъ указываетъ на органическій порокъ современныхъ политическихъ системъ, заключающійся въ томъ, что провинціи и города, изъ которыхъ состоитъ государство, и которыя, въ качествѣ *естественныхъ рунъ*, должны были бы пользоваться цѣльною и полною автономіею, управляются не сама собою, какъ бы слѣдовало вошедшимъ въ ассоціацію городамъ и провинціямъ, а *центральной властью и какъ завоеванное населеніе*. При этихъ условіяхъ, рѣшительно не можетъ выйдти никакого толку отъ переиѣнъ правительства, хотя бы и частыхъ; ничего тутъ не помогутъ хотя бы и тысячи усовершенствованій въ конституціяхъ; ибо усовершенствованіе конституцій не можетъ восполнить собою уничтоженныя вольности общественныя...

Эта послѣдняя черта Прудоновской критики французскихъ конституцій принадлежитъ къ самымъ сильнымъ даже, «уничтожающимъ» пунктамъ критики. Это положеніе, повидямому простое, но представляющее страшный, грозный выстрѣлъ, пробившій брешь въ толстыхъ, повидямому связанныхъ прочнымъ цементомъ, стѣнахъ французскихъ конституцій. Отправившись отъ этого положенія, автору уже ничего не стоило снять блестящіе покровы съ Хартіи 1814—30 годовъ и конституціи Луи-Филиппа; но это же обстоятельство привело Прудона къ сравнительному возвышенію политической системы Наполеона III, относительно системъ предшествовавшихъ ему правительствъ. Система Наполеона, правда, нѣсколько не лучше ея предшественницъ, но

за то *личитъ*. Понятно?.. Наполеонидъ имѣлъ за собою логику своего гениальнаго „Дяди“,—не самъ же онъ изобрѣлъ эту логику, до этой изобрѣтательности ему было „какъ до звѣзды небесной далеко“. То, что представляется въ системѣ Наполеона III, повидимому, самостоятельнымъ, представляетъ яркіе доскутія, нашитые на готовый поношенный плащъ. Одинъ доскутъ уже просто позоренъ—это доскутъ беззастѣячивой лжи и обмана, выразившагося въ дарованіи французскому варолю всеобщей подачи голосовъ (Suffrage universel) и, слѣдовательно, прямаго и недвусмысленнаго «суверенитета.»

Съ точки зрѣнія философской критики конституцій, какою задался Прудонъ, подъ вліяніемъ своего учителя, идеалиста-философа Гегеля, не возможно было порпцать „*Coup d'Etat*“ 2 декабря 1851 г., какъ личное преступленіе недостойнаго выходца, руководившагося эгоизмомъ, жадностью и другими далеко негероническими качествами. Съ точки зрѣнія Прудона, какъ и его учителя Гегеля, преступленіе это ничтожно, сравнительно съ вѣчнымъ процессомъ развитія человѣчества, и авторъ преступленія не можетъ подлежать большой виѣняемости. И какъ же иначе? „Все, что дѣйствительно, то разумно“,—изрекъ Гегель. „Все, что возможно—законно“—изрекъ, какъ бы комментирюя мысль германскаго философа, французскій клерикаль Монталамберъ... Очевидно, что „*Coup d'Etat*“ Людовика Бонапарта разуменъ, ибо совершился въ дѣйствительности. Не порпцаетъ, и, конечно, съ высоты идеи, не можетъ порпцать этого „*Coup d'Etat*“ и Прудонъ. Затѣмъ, уже нечего и говорить, что поступокъ Луи-Бонапарта, (по Монталамберовскому изреченію) законенъ, доблеленъ, ибо *возможенъ*; ибо возможность его доказывается тѣмъ, что онъ есть «осуществившійся фактъ»; но возможностей подобной категоріи и въ будущемъ, разумѣется, можетъ еще представиться цѣлая бездна... Человѣчеству, въ виду этого, никогда не выпутаться изъ массы возмутительнѣйшихъ преступленій, потоковъ невинной крови, боенъ и т. под...

Но—довольно. Обратимся лучше къ тѣмъ писателямъ которые не жалуютъ идеалистической философіи, а предпочитаютъ *юли*, реальныя факты.

Гораздо гуманнѣе взглядъ этихъ другихъ историковъ и публицистовъ (и даже романистовъ, къ каковымъ причисляется и Викторъ Гюго) направляемый на „*Coup d'Etat*“ Наполеона III не съ высоты идеи общаго развитія и неизбежныхъ антиномій въ великомъ процессѣ развитія государствъ и ихъ устройствъ,— а съ точки зрѣнія обычной и всѣмъ понятной морали. Въдъ никакими же вышними дѣлами и соображеніями нельзя оправдать убійство, а тѣмъ болѣе рядъ безбожныхъ, хладнокровныхъ, безчеловѣчныхъ убійствъ...

Соотвѣтственно этому воззрѣнію, является и новое, часто шодробное и скрупулѣзное, освѣщеніе фактовъ, и игнорированіе государственной мудрости Наполеона III, мудрости выразившейся въ его конституціи и поправкахъ къ конституціи,— потому что, строго говоря и государственная-то мудрость у Наполеона III была не своя, а дѣлкомъ чужая, взятая на прокатъ, какъ уже сказано выше.

Кромѣ великаго художника Виктора Гюго, представителями, охарактеризованнаго сейчасъ воззрѣнія на „*Coup d'Etat*“ и конституцію Людовика-Бонапарта являются со стороны Франціи, наиримѣръ, Лагероньеръ и дѣлая партія честныхъ историковъ и публицистовъ; со стороны Германіи I. Шерръ и многіе историки либеральнаго направленія.

Первый встрѣчающійся, съ этой точки зрѣнія, вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что же подготовило благоприятную почву для торжества власти Наполеона III, отчего его преступленіе такъ удобно было прикрыто правомъ, законностью?

Внутреннихъ причинъ этого явленія очень много. Каждая изъ нихъ интересна сама по себѣ, и затѣмъ эти частныя причины можно объединить и подчинить общей. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь еще впереди, и для этого намъ нужно вернуться къ болѣе раннему періоду,—къ 1848 году. Но, затѣмъ, были еще вышнія формальныя причины Наполеоновскаго успѣха. Это именно игра въ конституцію, въ каковой игрѣ Наполеонидъ былъ необычайно искусенъ, и могъ своими приѣмами въ подобной игрѣ отвести глаза людей далеко не близорукахъ. Постараемся здѣсь намѣтить эту формальную

вѣшнюю причину успѣха Наполеона III, представляющую только оболочку причины внутренней.

Послѣ ряда конституцій, слѣдовавшихъ во Франціи, начиная съ знаменитаго 1789 г., и не имѣвшихъ одна съ другою иной связи, какъ той, что одна конституція противопоставляла себя другой, исключала эту другую по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ началахъ, — послѣ всего этого насталъ 1848 годъ — собственно для Франціи обнаружившій дѣйствіе какого-то страшнаго вулкана, потрясшаго всю континентальную Европу. Для Франціи настало, повидимому, полное *торжество демократіи*. Возстанавливается прямая и всеобщая подача головъ — имѣвшая медленное и постоянно тормозившееся развитіе въ конституціяхъ: 1789 г., Жирондистской, Якобинской (1793 г.) Робеспьеровской и, наконецъ, повидимому, постигнутая смертью, при неограниченномъ самовластіи Наполеона I, эта всеобщая подача головъ была восстановлена, повидимому прочно и твердо. Законодательное собраніе представлялось *единымъ*; президентъ былъ ему подчиненъ; единственнымъ основаніемъ выборовъ представлялось населеніе. Однако же, всматриваясь внимательно въ отдѣльныя детали этой такъ блистательно усовершенствованной конституціи, не трудно было замѣтить, что и здѣсь лежало глубоко сокрытое внутреннее ослабленіе народнаго *суверенитета*, или верховной власти народа, потому что допускался принципъ самоусиленія правительства — на счетъ власти народа, такъ что, при извѣстной смѣлости какого-нибудь выхода, власть эта могла спуститься до нуля. Вотъ этимъ-то и воспользовался Наполеонъ III; на основаніи этой-то, повидимому законной, возможности нарушить, прижать, придавить власть народа, Наполеонидъ сдѣлалъ свой узурпаторскій шагъ, совершилъ не только „безнаказанное“, но даже оказавшееся „легальнымъ“ декабрьское преступленіе 1851 года. Предварительныя лицемѣрно-скромныя исканія власти, возникавшіе по этому поводу аресты, процессы, курьезныя объясненія самого принца изображены подробно въ разныхъ англійскихъ, жевевскихъ, брусельскихъ и французскихъ брошюрахъ, между прочимъ у Ла-Героньера, ватѣмъ — изъ гер-

манских писателей у Шерра и въ послѣднее время, набросаны мощною кистью В. Гюго.

Плебисцитомъ 1861 г. Людовикъ-Наполеонъ былъ провозглашенъ президентомъ французской республики на 10-ть лѣтъ, съ предоставленіемъ ему права выработать конституцію на началахъ 1789 г. Годъ спустя послѣ этого, тотъ же Людовикъ-Наполеонъ возстановилъ императорскую власть съ *сенатус-консультомъ*, который имѣлъ цѣлю сблизить конституцію 1862 г. съ конституціей 1804 г. (при Наполеонѣ I) или, по крайней мѣрѣ, согласовать ее съ духомъ этой послѣдней. Но, не смотря на это, между двумя имперіями, *первою* (при Наполеонѣ I) и *второю* (при Наполеонѣ III), по отзывамъ всѣхъ наиболѣе проникательныхъ государственныхъ людей и политиковъ, не существовало никакой связи, кромѣ рабскаго и неудачнаго подражанія. Вторая имперія относится къ Первой какъ въ высшей степени робкая, неудачная, бездарная копія относится къ оригиналу, исполненному твердою, смѣлою рукою. По мѣткому выраженію Виктора Гюго, вторая имперія— это рабскій плагиатъ, и самый *Сoup d'Etat* Наполеона III— тоже рабскій плагиатъ переворота 18 брюмера, за исключеніемъ звѣрской рѣзни на Монмартрскомъ бульварѣ (отъ подобныхъ возмутительныхъ явленій представляется во всякомъ случаѣ чистымъ переворотъ, произведенный Наполеономъ I). И вотъ отъ этого-то власть Наполеона III не только не утвердилась и не пускала корни прогрессивно (какъ слѣдовало бы ожидать, по аналогіи съ Первою Имперіей) но, напротивъ, власть эта даже суживалась, становясь въ высшей степени отяготительною для самого властителя. Это естественное суженіе власти вызвано было глухимъ ропотомъ на унылую политическую омертвѣлость всей страны. Деспотамъ, драпирующимся мантией либерализма, подобное явленіе не можетъ не представляться невыносимымъ. Оттого-то Наполеонъ III, послѣ усмѣховъ въ Крымской и Ломбардской войнахъ, вдругъ слагаетъ съ себя долю власти, какъ *бремя*. Это сложеніе доли „тяготящей“ власти весьма осозательно выразилось въ императорскомъ декретѣ, обнародованномъ 24 ноября 1860 г. Декретъ этотъ предоставлялъ французскому сенату и законодательному

жорнису нѣкоторые изъ правъ, обезпеченныхъ за этими учрежденіями еще въ силу Хартіи 1830 г. при Карлѣ X. Конституція 1852 г. отняла эти права; но декретъ 1860 г. возвратилъ ихъ. Затѣмъ еще у всѣхъ представляются въ свѣжей памяти отдѣльные сенатусъ-консулыты Наполеона III (составившіе опять-таки робкій и рабскій плагиатъ относительно твердыхъ, опредѣленныхъ и классически-суровыхъ сенатусъ-консулытовъ Наполеона I), явившіеся въ свѣтъ года за 2—3 до франко-прусской войны. Этими сенатусъ-консулытами тоже возвращалась народу (державному, но опекаемому!...) власть послѣ опеки, и высказывалось осозательное обѣщаніе возвратить эту власть, въ руки французскаго народа, *всцѣло*. Какъ и въ какой формѣ возвратилась бы эта власть «державному народу», пережившему опеку узурпаторства,—этого никому изъ безпристрастныхъ наблюдателей не суждено было видѣть, ибо вскорѣ послѣдовалъ страшный ударъ Немезиды при Седанѣ,—ударъ, сокрушившій въ прахъ могущество „декабрьскаго героя“...

Многие даровитые французскіе политики-публицисты, а въ числѣ ихъ и Прудонъ, о возрѣвнѣяхъ котораго мы говорили выше, думаютъ, что въ 1848 г. страна и власть (представителемъ страны было республиканское правительство) издавая декретъ о *возвращеніи* династіи Бонапартовъ во Францію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изгоняя изъ Франціи династіи Бурбоновъ и Орлеановъ—хорошо понимали послѣдствія подобной рискованной мѣры, не могли не предвидѣть (иначе уже нужно предположить крайнюю близорукость) повторенія попытки переворота въ родѣ 18 брѹмера и затѣмъ—попытки утвержденія Имперіи и династіи Наполеонидовъ—это тѣмъ болѣе, что политическія убѣжденія „Макіавеллиста“ Людовика-Наполеона не были безъизвѣстными (особенно послѣ свѣдѣній о принцѣ, явившихся во время Гамскаго заключенія; эти свѣдѣтельства мы приведемъ ниже); хитеръ былъ сынъ Гортензій Вогарне; но и въ немъ была доля искренности, дававшая каждому «неблизорукому» политику ариаднину нить для опредѣленія его будущаго поведенія. Да, страна, правительство, власть не могли не предвидѣть всего этого. Но отчего не ока-

залось уже никакой другой альтернативы, кромѣ возвращенія власти въ руки династїи Наполеонидовъ?—Отвѣчаютъ на этотъ вопросъ и французы, и нефранцузы различно; но болѣею частью сходятся въ томъ, что успѣхъ Наполеонида обусловливался „бездомощнымъ“ положеніемъ Франціи, неспособностью республиканскаго правительства, отсутствіемъ творческихъ и организующихъ талантовъ; „попращеніемъ гевія французскаго народа и достоинства націи“, какъ выражается Прудонъ. „Мы, французы, пали въ нашей революціонной задачѣ“,—сознается откровенно Прудонъ, „мы вырождаемся 89 года“... Дѣйствительно, даже въ экономическомъ отношеніи Наполеонидъ имѣлъ „всѣ шансы“, а республиканское правительство Франціи 1848 г. нисколько не имѣло ихъ. Деньги въ пользу предпрїятія Наполеонида сыпались отовсюду, даже отъ континентальныхъ, а уже не только англійскихъ, банкировъ, даже отъ банкировъ нѣмецкихъ,—хотя нѣмцы въ настоящее время и отверпеваются всѣми силами и осуждаютъ „недостойное поведеніе“ своихъ соотечественниковъ, какъ дѣлаетъ, напримеръ, I. Шерръ. Такихъ простыхъ, естественныхъ экономическихъ, такъ сказать „стихійныхъ“, фактовъ никто не въ состояніи ни предотвратить, ни передѣлать. Всѣ возможные банкиры, всѣхъ временъ, странъ и народовъ всегда ссужали, ссужаютъ и будутъ ссужать средствами тѣхъ, въ чьихъ предпрїятіяхъ они видятъ устойчивость, „реальность“, хотя бы и грубую, и никогда не удостоятъ кредитомъ неспособныхъ идеологовъ-идеалистовъ...

Кромѣ того, что республиканское правительство Франціи 1848 г. было *бѣдно*, оно еще было и крайне *неспособно*. Но здѣсь уже трудно рѣшить, какое изъ этихъ качествъ было причиной другаго. Допускаютъ здѣсь даже парадоксъ, т. е. столкновеніе обоюдныхъ причинъ: „бѣдность“ дѣлала правительство „неспособнымъ“ и на оборотъ: „неспособность“ дѣлала его „бѣднымъ“. „Но самую неспособность“, конечно, нельзя здѣсь повимать въ вульгарномъ смыслѣ тупости и дубоватости.

Республиканское правительство 1848 г. не было правительствомъ способнымъ, во первыхъ, къ творческой государ-

ственной организаціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно нѣсколькихъ самыхъ общихъ соображеній. Задача, возложенная самою силою обстоятельствъ на это правительство была громадна, велика, колоссальна. Но гигантская тяжесть положена была на хилыя плечи карликовъ и, конечно, раздавила ихъ собою... У людей, не только гениальныхъ, но вообще обладающихъ недюжинными силами, всегда найдется, конечно, много средствъ удержать свою задачу на ея высотѣ, призвать для этого всѣ рациональныя средства. Готовыхъ рецептовъ для этого нѣтъ: нужны умъ и талантъ государственнаго организатора. Однако же есть и для подобныхъ случаевъ, такъ сказать, готовые формулы, по которымъ можно пользоваться какими бы то ни было рецептами. Вожди республиканскаго правительства во Франціи могли дѣйствовать въ данномъ случаѣ двоякимъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ: или они должны были распространять идею революціи во-внѣ государства, работать для обезпеченія ей гражданственности, распространять мысль, во имя чего она произошла; доказывать логическую связь ея съ другими предшествовавшими явленіями исторіи французскаго народа. Или же: правительство должно было осуществить идею демократіи внутри государства. Последнее представляется болѣе важнымъ и необходимымъ и требуетъ большихъ талантовъ. Но правительство французской республики 1848 г. не поняло и не сдѣлало ни того, ни другого. Даже во внѣшнихъ, хотя бы нѣсколько цѣлесообразныхъ, признакахъ оно обнаружило замѣчательную неумѣлость; не умѣло оно хотя нѣсколько охранить и обезпечить существованіе демократіи. Для этого нужно было распустить армію, освободить отъ ея гарнизоновъ многіе города. Никакія значительныя реформы не совершаются безъ распущенія или же реорганизаціи войска, смотря потому, въ какую сторону направляется реформа. Нужно было, далѣе, децентрализовать управленіе, уничтожить бюрократизмъ этого управленія; лишить государственныхъ и общественныхъ должностей всѣхъ роялистовъ, способныхъ противодѣйствовать совершаемому перевороту. Ни на волюсь правительство ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи: никакого энергическаго шага, никакой твердо и опредѣ-

ленно выраженной системы не обнаружилось. Все это, конечно, обусловило удачу, подготовило почву для Coup d'Etat Наполеона III.

Съ другой стороны, нельзя, однако, не согласиться, что это временное правительство искренно и глубоко желало добра французскому народу; было убеждено, что, въ социальномъ смыслѣ, дѣйствуетъ въ его пользу и сдѣлаетъ для него все, что возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Но вотъ это временное правительство смѣняется исполнительной комиссіей (такова ужъ участь всѣхъ крутыхъ горячечныхъ переворотовъ, что слѣдуетъ при этомъ совершаются рѣзко, быстро и неожиданно)—назначенною собраніемъ 4 мая 1848 г. національнымъ собраніемъ; эта комиссія заговорила грубо и даже обнаружила, что она вовсе не желаетъ церемониться съ своимъ народомъ. Комиссію составляли 5-ть членовъ: Араго, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Марн и Гарнье-Паже. Эти господа, можетъ быть, и были даровиты каждый въ своей сферѣ (напримѣръ—Ламартинъ въ поэзіи) но въ данномъ случаѣ оказались одинъ неспособнѣе другого. Здѣсь встаетъ остановиться на одномъ изъ членовъ комиссіи, г. Гарнье-Пажесѣ. Недавно иностранная газета извѣстила насъ о его смерти (на 76 г. жизни) и въ некрологѣ сдѣлала перечень важнѣйшихъ событій жизни этого дѣятеля. Надо вообще сказать, что Гарнье-Паже не всегда оставался вѣренъ республиканскимъ убѣжденіямъ. Во время избирательныхъ движеній, когда являлся протестъ противъ режима Наполеона III, каково, напримѣръ, было избирательное движеніе въ 1857 г., Гарнье-Паже всегда являлся на сторонѣ этого протеста. Въ минуты опасности, однако, напримѣръ во время ожесточенныхъ уличныхъ битвъ во время постройки баррикалъ парижскимъ пролетаріатомъ, затѣмъ—во время горячаго обсужденія вопроса объ уничтоженіи національныхъ мастерскихъ, Гарнье-Паже настойчиво провозносилъ все одну и ту же фразу: „правительство приняло энергическія мѣры, и, если представится надобность, оно приметъ еще болѣе энергическія мѣры, чтобы положить всему этому конецъ“. Надо замѣтить далѣе, что исполнительная комиссія, въ составъ которой, какъ сказано выше, входилъ вмѣстѣ съ Гарнье-

Нажесомъ и извѣстный социалистъ Луи-Бланъ, продолжала влечь свое безрезультатное, светливое, горячее существованіе до самыхъ тѣхъ поръ, когда она формальнымъ образомъ сознала свою бесполезность и вручила генералу Кавеньяку неограниченную исполнительную власть, диктатуру, или, выражаясь мягче, *rouvoir exécutif*, такъ что и самъ Кавеньякъ именовался *chef de rouvoir exécutif*^а. И Кавеньякъ дѣйствительно, не безъ большой павности, вѣрилъ, что исполнительная власть находится въ его рукахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она находилась въ рукахъ роялистовъ и іезуитовъ, представителей которыхъ былъ г. Тьеръ и Фалу. Вотъ по этому-то и представляется довольно комическимъ то обстоятельство, что, по усмиреніи пролетаріата и разрушеніи баррикады, Кавеньякъ воображалъ еще, что полномочіе власти онъ возвращалъ „дѣльнымъ и неповрежденнымъ“ въ руки національнаго собранія. Въ существѣ дѣла Кавеньякъ могъ передать только одну жалкую тѣнь этой прословутой *rouvoir exécutif*, да и то еще нѣтъ... Вся власть во время крайняго ожесточенія уличной борьбы съ „красными“, уже ео ipso проскользнула между пальцами генерала. Вслѣдствіи надъ этимъ вдоволь пошамсялся Наполеонъ III, процѣживая ѣдкіе сарказмы сквозь свои «классическіе усы», какъ художественно рисуетъ эту черту Наполеоновскаго портрета великій художникъ Викторъ Гюго.

Существуетъ, кажется, вѣрное мнѣніе, что будущій герой 2 декабря преимущественно въ Гамскомъ заключеніи обдумывалъ свой кровавый планъ. Въ этомъ заключеніи принцъ написалъ свое извѣстное сочиненіе «*Idées Napoléoniennes*»; онъ весьма хитро придалъ этому произведенію какую-то социалистическую оболочку, такъ что уже въ этомъ произведеніи видна попытка оправдать, какъ нельзя болѣе, извѣстный афоризмъ «языкъ данъ намъ для того, чтобы скрывать мысли». Въ Гамскомъ заключеніи посѣтилъ принца и извѣстный глава французскихъ социалистовъ, г. Луи-Бланъ. По собственному признанію Луи-Блана, онъ засталъ молодого Наполеонида «*révant, dans l'amertume de sa captivité, le retour de l'astre impérial, et rabaisant, jusqu'à le faire tenir tout entier dans le culte d'un nom, le culte de la patrie*». Далѣе Луи-Бланъ упо-

известно, что молодой авантюрист, родственникъ геніальнаго Борсигианца,—тутъ же, при немъ, высказался за всеобщую подачу голосовъ, за это пресловутое «Suffrage universel», которымъ онъ впоследствии такъ умѣлъ отуманить глаза французской націи. По поводу этой всеобщей подачи голосовъ, принцъ высказался Дуа-Влану, что онъ ожидаетъ отъ «общей подачи» многого, «à sauve de ce qu'il en attendait», но что «республика для Франціи невозможна и бесполезна». Въ этомъ же смыслѣ молодой Наполеонидъ писалъ изъ Гамскаго заключенія къ известной Аврорѣ-Дюдеванъ (Жоржъ-Сандъ) отъ 24 января 1845 г.: «Я стремлюсь—писалъ принцъ,—къ свободѣ, можетъ быть, даже къ *моушеству*; но я согласенъ лучше умереть въ тюрьмѣ, чѣмъ *возвыситься посредствомъ лжи*... Я не республиканецъ, потому что я вообще не вѣрю, чтобы республика могла существовать теперь, на глазахъ монархической Европы, да еще при такомъ разнообразіи партій...» Пусть читатель рѣшить самъ, какая въ этихъ словахъ принца удивительная смѣсь притворства и искренности!!» Надо добавить, что въ Гамскомъ заключеніи любимому настоянню книгою принца было известное твореніе Макиавелли «*Il principe*». Квинт-эссенцію, содержаніе этой книги молодой Наполеонидъ умѣлъ понять превосходно.—Насмѣшники впоследствии увѣряли, что лучшимъ переводомъ и комментариемъ на французскій языкъ книги Макиавелли было именно 2-е декабря 1851 г., такъ что за такой геніальный переводъ и комментарий былъ-бы глубоко благодаренъ переводчику самъ авторъ онъ обнялъ бы переводчика, если бы могъ встать изъ своего гроба... Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Макиавелли имѣлъ огромное вліяніе на развитіе самаго плана «*Coup d'Etat*» въ головѣ племянника славнаго «Дяди» и даже на образованіе и развитіе его характера. Это образованіе и развитіе предпринчивающаго Наполеонидъ довершилъ еще въ Англіи, этомъ отечествѣ лести, лицемерія, притворства,—этомъ образцовомъ питомникѣ несовершеннѣйшихъ въ мірѣ олигарховъ. И вотъ, путемъ этихъ-то разнообразныхъ, но въ сущности родственныхъ другъ другу, вліяній изъ принца и образовался тотъ

чудовищный нравственный, или точнѣе—безнравственный, конгломератъ, который, на довольно значительное время могъ даже овладѣть Европою...

Выждавъ „удобный случай“, послѣ разныхъ скромныхъ заявленій и «отказовъ», хитрый расчетливый и пропитанный ученіемъ Макиавеллизма Наполеонидъ явился въ французское національное собраніе 20-го декабря 1848 г. Всѣхъ присутствующихъ поразилъ незначительный физическій ростъ принца, блѣдность его лица, какая-то общая «мертвенность» въ движеніяхъ—точно этотъ пришлецъ сознавалъ, что совершалъ преступленіе... Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ глаза его блестѣли холоднымъ металлическимъ блескомъ—блескъ свойственный глазамъ тѣхъ людей, которые, во что бы-то ни стало, рѣшили достигъ предположенной цѣли. Это обстоятельство запало въ умы всѣхъ внимательныхъ членовъ національнаго собранія. По прошествіи съ этого эпизода около 3-хъ лѣтъ, когда уже выборъ Луи-Бонапарта въ «президенты республики» былъ обезпеченъ большинствомъ 5,434,226 голосами изъ 7,324,672 Наполеонидъ уже съ большимъ торжествомъ былъ встрѣченъ въ національномъ собраніи. Это было въ маѣ 1852 г. Президентъ собранія Маррâ продекларировалъ принцу обычную формулу присяги: „Предъ лицемъ Всемогущаго Бога и французскаго народа“ и т. д. Принцъ, однако, не удовольствовался произнесенною подъ диктовку Маррâ клятвою, а вошелъ на трибуну, прочелъ еще, съ своей стороны, нѣсколько словъ для выраженія своихъ намѣреній сохранять республиканскую форму французскаго правительства неприкосновенною. „Воля народа и произнесенная мною клятва, (счелъ за нужное, хотя и нѣсколько глухимъ голосомъ, произнести принцъ) опредѣляютъ мой образъ дѣйствій. Мой долгъ уже предначертанъ, и я постараюсь исполнить его какъ честный человѣкъ (je le tenterai en homme d'honneur“). Я буду смотрѣть какъ на враговъ отечества, на всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлаетъ попытку незаконными путями взмѣнить существующій во Франціи порядокъ.“ Безпристрастные очевидцы увѣряютъ, что эти слова были произнесены съ мрачнымъ, какъ будто недовольнымъ,

выраженіемъ лица, и какъ будто вынужденно, и притомъ глухимъ и хриплымъ голосомъ. Очевидно, обычная формула жалбы не была произнесена искренно. Очевидно, что сознаніе тяжести отвѣтственности прорвалось даже въ холодный, разсчетливый, хитрой натурѣ Наполеонада.

ВЪ 1879 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНІЯ,

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которое допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путе-

шествія, живописаніе и проч., а также игры, работы, руководѣнья, мастерства и проч. матеріаль для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; библиографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогик; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). *«Педагогическая хроника»* даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-П.-Б. Васильевск. остр., 15-я лин., д. № 8; кв. № 20 или адресуется просто: Въ С.-Петербургѣ. въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества и фамиліи и того почтоваго учрежденія, изъ губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель К. Краевичъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Иллюстрированный журналъ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣ двухъ съ половиною листовъ въ каждомъ номерѣ по слѣдующей программѣ:

- 1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и биографіи.
- 2) Драмы и драматическія сценки.
- 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.
- 4) Иллюстрированныя путешествія.
- 5) Этнографическіе очерки.
- 6) Статьи научнаго содержанія.
- 7) Статьи техническія и хозяйственныя.
- 8) Новости изъ области наукъ и искусствъ.
- 9) Телеграммы.
- 10) Объясненіе гравюръ.
- 11) Шахматный листокъ.
- 12) Картинки медъ съ объяснительнымъ тавлотою.

При подпискѣ г.г. подписчики получаютъ премію: олеографію, уже полученную въ редакціи. Втеченіи года г.г. подписчики получаютъ вторую олеографію и литературную иллюстрированную премію. Кроме того редація выдастъ еще одну премію, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали длиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина, ширина въ 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хороша исполненіемъ, что можетъ служить украшеніемъ въ любой гостиной.

Въ журналѣ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: С. А. Андреевскій, Н. А. Богдановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захарьинъ, (Якунинъ), С. М. Крапачина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Курѣдовъ, Л. Левада, А. Майновъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омурскій, А. В. Разсказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ, (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ отъ 7 до 12 гравюръ въ каждомъ номерѣ.

Въ первыхъ номерахъ журнала на 1879 годъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: А. Михайлова, «Мужъ и жена» романъ, рассказъ К. М. Станюковича, Омурскаго «Рыцарь на стражѣ» поэма, «Дѣловое хозяйство» Н. В. Шелгунова, «Ковли отпущенія» очерки Н. И. Саворина. Копія съ картинъ Брюлова, Гуна, Мещерскаго, Шварца.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки . . .	6 р.	3 р. 50 к.
» съ доставкой и пересылкою . . .	7 р.	4 р.

При выпискѣ десяти экземпляровъ одиннадцатый выдается безплатно, при выпискѣ двадцати—два безплатно и т. д. по расчету. Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата помѣсячно.

Изданіе на 1879 годъ отиража и приписаніемъ издателей редакціи въ С.-Петербургѣ Новый прессъ, близъ церкви Знаменія, № 20.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНАЯ ЗВЪЗДА“

1879. (годъ третій).

Въ годъ пятьдесятъ два №№ и кромѣ того, двѣнадцать №№ безплатнаго приложения «ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ», всего-же въ годъ 64 нумера.

Годовая цѣна съ пересылкой	8 р. — к.
» » безъ пересылки	7 р. 50 к.
Полугодовая цѣна съ пересылкой	5 р. — к.
» » безъ пересылки	4 р. 75 к.

Лица, бывшія подписчиками прошлаго 1878 г., если пожелаютъ продолжать свою подписку въ настоящемъ 1879 г. благоволятъ сообщать свои заявленія съ присылкой причитающихся денегъ, и № за которымъ высылался журналъ, чтобы можно было тотчасъ-же отправить комплекты по адресу. Адресъ-же и фамилія должны быть написаны особенно четко и разборчиво.

Если Гг. подписчики на 1879 годъ изъявятъ желаніе, по примѣру 1877 и прошлаго 1878 годовъ, получить, кромѣ прочихъ премій, **олеографическую** картину, то прилагаютъ на ея уплатку и пересылку 85 к. деньгами или почтовыми марками.

Лица, желающія приобрести журналъ 1877 и 1878 годовъ, могутъ получить ихъ и теперь со всеми приложениями и преміями за 8 р. 85 к., а въ переплетѣ за 10 р. 85 к., но благоволятъ посвятить своими требованіями, такъ какъ эти годы остались въ незначительномъ числѣ экземпляровъ.

Въ журналу 1877 года принадлежатъ особо пять большихъ картинъ, а именно: 1) Парижская всемирная выставка 2) Современное русское войско, 3) Живописные виды Константинополя, 4) Турецкій броненосный флотъ и 5) экстренная премія—роскошная **олеографическая** картина, печатанная въ 24 цвѣта, а также карты театра войны: а) Балканскаго Полуострова, на 2 большихъ листахъ, б) Карта Болгаріи и Румелии, в) карта Сербіи, г) карта Азіатской Турціи.

Въ двѣнадцати тетрадяхъ особыхъ приложенийъ, за 1877 годъ, помѣщены два большихъ романа: 1) «Фромонъ и Рислеръ», Альфонса Доде и 2) «Людовикъ XVI и Революція», Александра Дюма.

Въ журналу 1878 г. принадлежатъ: 1) Роскошная **олеографическая** картина «Сендгилломъ», 2) Вольная хромолитогр. карта Россіи съ новыми границами Бессарабіи и Батумскаго округа, а также другія преміи. Въ двѣнадцати-же тетрадяхъ особыхъ приложенийъ два большихъ романа „Фабианъ Бонде“, пер. съ испанскаго А. П. Молчанова и „Кавалеръ Краснаго Замка“ пер. съ французскаго М. Л. Дубельта.

Въ журналѣ 1879 года войдутъ, между прочимъ, два большіе романа, а въ числѣ премій, кромѣ *эксцентрической* мартишки, будетъ разослана Гг. подписчикамъ большая хромолитографированная карта Афганистана и Британской Индіи съ пограничными владѣніями Россіи (Туркест. и Ферганск. областями), а также владѣніями Персіи, Кашгара, Келата и пр.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и деньги исключительно: Н. И. Зуеву, въ С.-Петербургѣ, Колом. части, Екатерингофскій просп. подлѣ части, д. № 26, кв. № 8 или въ контору журнала, по Невскому просп. д. № 110, квар. № 6, и по Казанской улицѣ, домъ № 3, квар. № 60.

Петербургскіе подписчики, кромѣ трехъ означенныхъ мѣстъ, могутъ подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ же, подписка принимается у г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ и у г. Живарева въ Охотномъ ряду.

КРОМѢ ТОГО НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

	Цѣны общія.		Цѣны для подписчиковъ.	
			<i>имѣть съ пересылкою</i>	
Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рислеръ“	1 р.	10 к.	— р.	90 к.
Романъ Дюма „Людовикъ XVI и Революція“	1	60	1	20
Вареолюмеевская ночь	—	60	—	50
Желѣзная маска	—	40	—	30
Иллюстрир. описаніе Австраліи	—	85	—	65
Большая и подробная Карта Афганистана и британск. Индіи съ пограничными владѣніями Россіи, (Туркест. и Ферганск. областямъ), а также Персіи, Кашгара, Келата и пр.	—	80	—	50
Иллюстр. Физич. географія въ 3 част. 1000 гравиров. рисунковъ	6	50	3	50
Иллюстриров. географія Россіи	2	25	1	50
Карта Балтискаго полуострова	1	10	—	85
> Сербіи	—	35	—	25
> Болгаріи	—	45	—	35
> Ав. Турціи	—	40	—	30
Кавалеръ Краснаго Замка	1	60	1	20

Гг. подписчики журнала, желающіе приобрести изданія по означенной здѣсь, значительно удешевленной цѣнѣ, благоволятъ, кромѣ точнаго адреса, сообщать непременно тотъ №, подлѣ котораго высылается имъ журналъ для удостовѣренія, дѣйствительно-ли требованіе адресовано отъ подписчика. Приобрѣтеніе изданій по удешевленной цѣнѣ предоставляется не только вышнимъ подписчикамъ, но и подписчикамъ прежнихъ годовъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.“

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, журналъ и въ будущемъ 1879 г. будетъ вестись въ томъ-же духѣ и направленіи и съ помощію тѣхъ-же Гг. сотрудниковъ какъ и въ прошлыя десять лѣтъ и всѣми силами постарается сохранить то сочувствіе со стороны публики, какимъ онъ пользовался до сихъ поръ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣ семи печатныхъ листовъ, со многими политпажами въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома, каждый болѣе 600 страницъ.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для возрастныхъ бібліотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій, Главн. Уврам. Воспит. Учебн. заведеній для возрастныхъ бібліотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ бібліотекъ женскихъ учебн. заведеній и Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для училищъ и фундаментальныхъ бібліотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія новѣсти, рассказы и стихотворенія, этнографическіе и др. очерки, рассказы въ всеобщей и отечественной исторіи, біографіи замѣчательныхъ людей, статьи по естествознанію, путешествіямъ, техническія производства и промыслы, занятія, игры, ноты, задачи, шары, ребусы пр.

При журналѣ издается «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей), большая часть статей котораго посвящается домашнему и школьному воспитанію и разбору вновь выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ сочиненій. За 10 лѣтъ существованія Педагогическаго Листка рассмотрѣно до 600 названій книгъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается *исключительно* въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ Редакціи журнала «Дѣтское чтеніе», уголъ знаменской и Баскова пер., Городскіе же подписчики могутъ подписываться въ отдѣленіяхъ конторы при книжномъ магаз. Исакова, гостинный дворъ № 24; Мастерской учебныхъ пособій, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., Невской книжной торговлѣ, Вас. Остр. 5-я лин. д. № 6.

Подписная цѣна на 1879 г. прѣжняя:

Безъ доставки 5 р. съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За своевременную доставку Редакція отвѣчаетъ только передъ подписчиками, подписавшимися непосредственно въ главной конторѣ.

За Педагогическій Листокъ (четыре книжки въ годъ) особо 1 руб.

Дѣтское Чтеніе за 1869 и 1870 г. все распродано.

За 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. продается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ (2 тома); пересылка 6 ф. За 1876—5 р.; за 1877—6 р. пересылка за каждый годъ по 8 ф. по разстоянію; цѣна за 1878 г. 6 руб. за тисненый золотомъ переплетъ прилагается особо 1 р. 50 к. за годъ (2 книги). Подробное объявленіе и программа журнала по требованію высылаются бесплатно.

Издатель В. Н. Бородинъ.

Редакторъ В. Н. Острогорскій.

„НЕВА“ 1879.

(Не слѣдуетъ смѣшивать съ „Нивой“).

Иллюстрированная газета для всѣхъ и обо всемъ, самое разнообразное по содержанію и самое дешевое по цѣмъ изданіе состоитъ въ сущности изъ 3-хъ журналовъ.

1) «Нева» Современная жизнь въ описаніяхъ и иллюстраціяхъ. Разказы и повѣсти русскихъ писателей. Политика. Внутреннее обозрѣніе. Фельетонъ. Смѣтая передача всѣхъ замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ. Путешествія. Біографіи. Историческія записки и нумуары. Судебная хроника. Театръ. Изобрѣтенія, открытія и обзоръ всего, что только является замѣчательнаго въ области науки, литературы, художествъ, политики, торговли, ремеслъ и т. д. Текстъ сопровождается бездной роскошныхъ иллюстрацій, составляющихъ собственность газеты «Нева». Ежемѣсячно: каррикатуры и юмористическій фельетонъ 50 ММ въ годъ, 2,400 столбцевъ текста.

2) «Семейное чтеніе»: собраніе романовъ и повѣстей. Даются лучшія и новѣйшія произведенія иностранныхъ писателей. 50 ММ въ годъ, 1,200 столбц. текста.

3) Совершенно самостоятельный и самый полный модный журналъ, подъ названіемъ «Парижскія Моды». (Моды выписываются дѣйствительно изъ Парижа). Ежегодно 12 ММ.

ДАРОВЫЯ ПРЕМІИ:

4) «Насхальный» № съ соответственными картинами и текстомъ.

5) «Рождественскій» № съ соответственными картинами и текстомъ.

6) «Воспоминаніе о берлинскомъ конгрессѣ». Большая картина въ 1,750 квадр. сантим., съ 23 чрезвычайно вѣрно схваченными, изящно выполненными портретами членовъ конгресса. (Вудеть разослана при первомъ № «Невы»).

7) «Въ память вѣвшихъ умершихъ и современныхъ выдающихся дѣятелей»:

а) «Выжившіе дѣятели», 12 портретовъ, роскошно выполненныхъ на стали, съ біографіями. (Для лицъ не подписавшихся на «Неву» 4 р.).

в) «Современные деятели». 12 портретовъ, роскошно выполненныхъ на стали, съ биографіями. (Для лицъ не подписавшихся на «Неву» 4 р.).

Имена 24 лицъ, портреты которыхъ войдутъ въ изданіе, будутъ своевременно опубликованы въ газетахъ.

Въ нападѣ на благосланный приѣздъ публики, подписная цѣна назнач. самая низкая.

Цѣна «Несвм».

	Безъ дост.	Съ дост.	Оъ перес.
На годъ	4 р. 50 к.	5 р. 50 к.	6 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	2 > 25 >	2 > 75 >	3 > — >
На 3 мѣсяца	1 > 15 >	1 > 40 >	1 > 50 >

Цѣна «Невы» съ «Вѣстникомъ».

На годъ	7 р. 50 к.	8 р. — к.	9 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 > 75 >	4 > — >	4 > 50 >
На 3 мѣсяца	2 > — >	2 > 15 >	2 > 25 к

НВ. Только годовые подписчики получаютъ даровыя преміи.

Имя издателя, основателя иллюстрированныхъ газетъ въ Россіи, ведущаго свое предпріятіе уже двадцать слишкомъ лѣтъ, можетъ служить ручательствомъ за прочность изданія и самое точное выполненіе предначертанной программы.

Доплативъ 1 р., подписчики могутъ получить съ пересылкою «Иллюстрированный Календаръ» Баумана на 1879 годъ въ красивой папкѣ. За роскошный, тисненый золотомъ переплетъ прибавляется 50 к. Требованія адресовать на имя Алексѣя Осиповича Баумана, въ Петербургъ—Вознесенскій просп., № 6.

Иллюстрированный вѣстникъ (годъ 7-й) 1879.

Ежемесячное изданіе, заслужившее чѣломъ благожелательное вниманіе публики.

Онъ содержитъ въ годъ до 1,200 столбцовъ текста и много, много иллюстрацій. Въ немъ помѣщаются, кромѣ различныхъ статей, касающихся всѣхъ вопросовъ современной жизни, избранныя романы любимыхъ авторовъ нашего времени. Съ 1-мъ № годовые подписчики получаютъ даровую премію, состоящую изъ 2-хъ гравированныхъ на стали портретовъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Цѣна: на годъ безъ доставки 3 р., съ дост. и перес. 3 р. 50 к.; 6-мѣс. 1 р. 50 к., съ дост. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; за 3-мѣсяца 75 к., съ дост. и перес. 1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Русскую Правду“

1879 года.

Газета «Русская Правда» въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата; въ случаѣ надобности, редакция будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлаютъ всѣ большія газеты. Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ отдѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и завѣщанному желанію публики. Редакция постарается постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т. е. разказы, повѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ Петербургѣ — въ Главной Конторѣ газеты (Невскій пр., 44, противъ Гостиннаго двора). — Изъ-городныя адресуютъ письма и деньги: Слб.—Газетѣ «Русская Правда». — Редакция отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просить заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты. — Просить подписчиковъ писать четко свой адресъ и адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовые учрежденія. — Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ Петербургѣ — въ главную контору «Русской Правды» (Невскій пр., 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доплаткой въ Петербургѣ — уплачиваютъ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ юня 5 р.; безъ доставки—уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Подписная цѣна въ Россіи:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкою.
На годъ, съ 1-го января	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
> 11 мѣсяцевъ	14 > — >	15 > — >	16 > — >
> 10 >	13 > — >	14 > — >	15 > — >
> 9 >	11 > — >	12 > — >	14 > — >
> 8 >	10 > — >	11 > — >	13 > — >
> 7 >	9 > — >	10 > — >	12 > — >
> 6 >	8 > — >	9 > — >	10 > — >
> 5 >	7 > — >	8 > — >	9 > — >
> 4 >	5 > 50 >	6 > — >	7 > 50 >
> 3 >	4 > 50 >	5 > — >	6 > — >
> 2 >	3 > — >	3 > 50 >	4 > — >
> 1 >	1 > 50 >	1 > 80 >	2 > — >

Подписная цѣна за-границею, съ пересылкою.

(Въ рубляхъ).

На годъ	Въ Европу, Сѣвер. Амер. и Египеть.	Въ Китай, Индію и Японію.
	> 9 мѣсяцевъ	26
> 6 >	21	38
> 3 >	14	25
> 2 >	8	15
> 1 >	6	11
> 1 >	3	6

Съ 1879 года газета „Русская Правда“ уже не будетъ разсылаться бесплатно никому изъ подписчиковъ превратившихся газетъ. Редація еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Годъ VI.

въ 1879 году

Годъ VI.

будеть издаваться на прежнихъ основаніяхъ; т. е. будутъ включаться въ себя отдѣлы: церковный, внутренній, иностранный, судебный и биографическій (отчеты о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ) и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По прежнему задачею «Церковно-Общественнаго Вѣстника» будетъ: содѣйствовать поддержанію въ обществѣ религіозно-нравственнаго начала, сближенію духовенства съ обществомъ, уясненію правъ и обязанностей духовенства въ сферѣ общественной и церковной, огражденію ближайшихъ интересовъ духовенства, маноболье, правильному и цѣлесообразному рѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, преуспѣванію духовной школы, уясненію путей и средствъ для сближенія съ православіемъ различныхъ неправославныхъ оществъ внутри Россіи и за границей, разработкой вопросовъ благотворительности, общественной нравственности, народнаго образованія и прочихъ входящихъ въ программу газеты и интересующихъ общество и духовенство.

Въ каждомъ № помѣщается не менѣе трехъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ. Въ наступающемъ году, кромѣ другихъ заготовленныхъ уже статей, будутъ помѣщены два обширныя изслѣдованія покойнаго Д. И. Ростиславова, доставленныя въ редакцію по разборѣ бумагъ: 1) «О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлыми духовенствомъ», и 2) «О русскомъ ученomъ монашествѣ» и будетъ продолжаться періодическое обзорѣніе русскаго проповѣдничества.

Въ №№, выпускаемыхъ по средамъ, печатается полный сводъ распоряженій по духовному вѣдомству за истекшую недѣлю, въ томъ числѣ и епархіальныхъ, представляющихъ общій интересъ.

Съ № 1 «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на наступающій годъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, по примѣру первыхъ пяти лѣтъ, будетъ разосланъ, въ видѣ бесплатнаго приложенія, «Календарь для духовенства» на 1879 годъ, въ

составъ котораго войдутъ, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, сводъ указовъ и опредѣленій Св. Синода по церковному управленію и учебному вѣдомству, различныя инструкціи, правила и постановленія, имѣющія руководственное значеніе, свѣдѣнія историческія, бібліографическія и др.

Цѣна газеты съ бесплатнымъ приложеніемъ: за годъ 6 р., за полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р., за одинъ мѣсяць 1 р. съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», на Пескахъ, по Конногвардейской улицѣ, д. № 59.

Въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» можно получить изданный ею

АДРЕССЪ-КАЛЕНДАРЬ

ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА.

Центральныя учрежденія. — Главное духовное управленіе. — Придворное и военное духовенство. — Цензурные комитеты. — Ставропольскіе монастыри. — Епархіальн. управленіе. — Консисторія. — Почетныя общества. — Мѣстные комитеты. — Братства. — Миссіи. — Благочинные. — Духовно-учебныя заведенія. — Академіи, семинаріи, женскія и мужскія училища. — Редакціи духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.

первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаній всѣхъ должностныхъ лицъ духовной администраціи.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкой.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

„ГРАЖДАНИНЪ“

на 1879 годъ.

Журналъ литературы, политики, наукъ, искусства, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ знаій; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ. Всѣ годовые подписчики на 1879 г., бесплатно получаютъ при журналѣ: 1) Два тома «Русскаго Сборника» или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и замѣательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ «Сборника». 2) Ежемѣсячное приложение «Книжный Листокъ», или обзоръ болѣе замѣательныхъ, вновь выходящихъ въ свѣтъ, книгъ. 3) Большую (стѣнную) изящную картину, исполненную по заказу редакціи замѣательными художниками *за границу* (будетъ разслана въ январѣ). — Всѣхъ этихъ премій не нужно смѣшивать съ тѣми, которыя еще будутъ разсланы подписчикамъ сего 1878 г. — Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкою.

Желаю способствовать распространенію въ средѣ учащихся и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ знаій, редакція *понижаетъ* (при подпискѣ на весь годъ) подписную плату на журналъ 79 г. *со всеми преміями*: а) для священноцерковно-служителей преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и почти блюстителей — съ 8 до 6 р. за годъ; б) для народныхъ-же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ *заблаговременно*. Адресъ: Спб. въ редакцію «Гражданина». Ред.-Изд. В. О. Пущинвичу.

Съ 29 № «Гражд.» вычета не платятъ только что появившагося въ Германіи «соціального романа»: *Выси и Глуби* — извѣстнаго писателя *Грегора Самарова*, автора имѣвшихъ повсюду такой успѣхъ романовъ: «За скипетры и короны»,

«Европейскіи мнѣя и контр-мнѣя» виду. — Въ этомъ интересномъ романѣ выведется на сцену вредоносители *социализма, коммунизма, казеннаго* и др. важнѣйшихъ партій на Западѣ Европы и изображаются какъ высшіе слон общества, такъ и подонки его. Романъ Самарова будетъ печататься въ видѣ приложенія въ «Гражд.» и въ 1879 г. Новымъ подписчикамъ на 79 г. при самой подпискѣ будутъ разсылаться въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ главы романа, которыя будутъ напечатаны до 1 января 79 г. Каждый *новый* подписчикъ, т. е. не получавшій «Гражд.» въ 1878 г., получить эти главы немедленно послѣ высылки въ редакцію своего адреса (написаннаго на отдѣльномъ листѣ) съ приложеніемъ 8 коп. марки. 2—1

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБЗОРЪ“

будетъ издаваться въ г. Тифлисѣ въ 1879 году по той же программѣ, въ томъ же направленіи, въ тѣ же сроки и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ издавалась въ 1878 году.

Подписная цѣна, съ пересылкою или доставкою: на годъ—15 руб. с.; на полъ-года—8 р., на три мѣсяца—4 р. 25 к. и на одинъ мѣсяць—1 р. 50 к. Желавшіе подписаться съ **разсрочкою** на цѣлый годъ вносить по пяти руб. сер. въ началу января, апрѣля и августа.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ г. Тифлисѣ, на Головинскомъ проспектѣ, д. № 7. Иногородные адресуютъ свои требованія просто: „Въ Г. ТИФЛИСѢ, въ редакцію газеты ОБЗОРЪ“.

Редакторъ Н. Николадзе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1831 Г.

ВАЗА

СУЩЕСТВУЕТЪ 47 ЛѢТЪ.

Женскій литературный руководѣльно-модный иллюстриро- ванный журналъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала 12 руководѣльно-модныхъ и 12 литератур-
ныхъ (романы; повѣсти, стихотворенія; путешествія, анекдоты,
домашнее хозяйство и т. п.).

1000 полетившей въ текстъ.

24 модныя гравюры.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

6 раскрашенныхъ узоровъ (во вторыхъ полугодіи).

КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1879 годъ.

Каждый подписчикъ 1879 года получитъ
ШЕСТЬ ПРЕМІЙ а именно:

- 1) Коверъ къ письменному столу или ролю; на плетеной корич-
невой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матерьялъ тонкій.
(Канва и раскрашенный узоръ — по моделямъ съ Парижской
выставки). Цѣна оконченному въ отдѣльной продажѣ 10 руб.
- 2) Бортовикъ большой въ визитному платью. Работа изъ минь-
ярдизы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна го-
тового въ отдѣльной продажѣ 3 руб.
- 3) Абжуръ на большую ланну, состоящій изъ 12 частей; весьма
изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Часъ работы. Цѣна
въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

- 4) **Нажъ для платья, фигурный, высеребранный, Парижской работы со шнуромъ. Новость необходимая для вышшихъ костюмовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.**
- 5) **Подчасникъ изъ специально для этого приготовленной, тисненой съ вырѣзкою, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.**
- 6) **Перевязь для ружья, годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матерьялъ полный.**

Всѣ преміи предназначенныя для подписчиковъ 1879 года; отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ Января по порядку поступленія подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше, должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.—47-ми лѣтняя извѣстность журнала служитъ ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :

- На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.
 На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.
 На 3 мѣсяца безъ премій . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.

Съ преміями 5 рублей дороже.

На упорку премій Редація проситъ выслать 40 к. (марками)

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редацію журнала „ВАЗА“,
 Разъѣзжая, д. 32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1879 годъ.

Газета «НОВОСТИ» выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «НОВОСТИ», по поднесеной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ въ нѣмнѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого номера «НОВОСТЕЙ» съ номерами другихъ газетъ, выподшивши въ одинъ и тотъ же день. Редакція газеты «НОВОСТИ», не прекращая ежедневно своей дѣятельности раньше 2-хъ часовъ ночи, имѣетъ возможность помѣщать въ каждомъ ближайшемъ номерѣ газеты даже такіе извѣстія которые появляются въ другихъ газетахъ днемъ позже. Затѣмъ Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія, какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ прочитавшіи внимательно даже одинъ или два номера газеты могутъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающийся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не остается безъ освѣщенія; что заимствованія изъ другихъ изданій подчинены санону строгому критическому выбору и приурочиваются въ текущія, наиболѣе популярныя вопросы. Тамъ, гдѣ прихвѣръ, подъ,

рубрикою «Русская печать», Редакция не только знакомит своих читателей со взглядами и суждениями текущей периодической печати, но старается вкратце освещать эти взгляды и суждения съ научной и общественной точки зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣнь» наиболее выдающіяся явленія общегосударственной и общественной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практической матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Благодаря этому приему, газета освобождается отъ упрека въ служеніи праздному любопытству и грубымъ инстинктамъ массы. Напротивъ, газета обращается постоянно только къ уму и сердцу читателя.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то Редакция усилѣла уже до первой половины сентября помѣщать въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболее популярныхъ и серьезныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «*Барбарусса*», ром. П. Гейзе. — «*Трубачъ золушки изсаровъ*», Эрнана Шатриана. — «*Тысяча одна брачная ночь*», нѣсколько разсказовъ Батреля. — «*Тактика маркиза*», романъ Уида. — «*Исторія преступленій*», В. Гюго. — «*Блудный сынъ*», І. І. Каршевскаго (еще печатается). — «*Банкиръ воробъ*», романъ де-Лоней. — «*Романъ кляпны*», Поля Бонно. — «*Отправительница*», разсказъ. — «*Открытіе*», разск. — «*Драматическій эпизодъ изъ истории Ватикана*», — «*Не стала королево слеталась*», орг. очеркъ. — «*Среди милостивыхъ государей*», оригинальный очеркъ. — «*Подъ шумъ войны*», орг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — «*Среди мормоновъ*», очеркъ Пашино. — «*Изъ области преступленій*», орг. разск. — «*Передъ подпиской*», орг. очеркъ. — «*Кавалеръ на часъ*», орг. разск. — «*Въ прямомъ погонѣ*», орг. сцены. — «*Букетъ изъ пленныхъ турокъ*», орг. очеркъ Пашино. — «*Осада Индѣевъ*», разск. — «*Воспоминанія о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ*», Пашино. — «*Невидимые крѣпости*», орг. разск. — «*Набобъ*», разск. Додэ. — «*Семидесятилетняя годовщина Чарльза Дарвина*». — «*Наспиритическомъ сеансѣ у Следа*», орг. очеркъ. — «*Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Следа*», орг. очеркъ. — «*Возможна ли погоня въ Индію?*», Пашино. — «*Герои Стэнли*», очеркъ. — «*Возращеніе Стэнли*», очеркъ. — «*59-я годовщина с.-петербургск. университета*». — «*Умственное движеніе во Франціи*». — «*Очеркъ деятельности общества Бера*». — «*Суетня, какъ точнѣе преступленій*». очеркъ. — «*Практическій взглядъ на предстоящую царскую реформу*». — «*Культъ усомнѣнъ*», ст. Литрова. — «*Муасси-*

«*Вой поэта*» (характеристика Некрасова). — Статьи «*Деруа-Болле и Петтенкофера*». — «*Походные письма сестры милосердія*» (8 пис.). — «*Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества*». — «*Письма о парижской выставке*». — «*Первая любовь Подде*, разсказ Поля Феваля. — «*Семейная драма*», рядъ романовъ Монтана. — «*Около жуликовъ маммоновъ*», ориг. очеркъ. — «*Дневникъ молодой женщины*», романъ Октава Фелье. — «*Розовые домино*», романъ Буве (печатается). — «*Интригантки*», романъ Г. Яковлева (печатается). — «*Улодно-иттендантскіе мемуары*». — «*Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ*» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «*Ядовитая трава*», разс., перев. съ китайскаго «*Мелочи арміерейской жизни*», рядъ очерковъ Дѣскова—Стебницкаго (печатается), «*М. М. Антасовскій*», бюгр. въ Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными прозаическими извѣстными писателями, Редакция знакомитъ читателей, посредствомъ компіляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися прозаическими нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подешеной цѣнѣ, газета «*НОВОСТИ*» даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ въсѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

Условія подписки:

	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ:	8	7 50	7	6 50	6	5 50
	на 6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ:	5	4 50	3 80	3	2	1
	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
Съ пересылкою:	9	8 25	7 50	7	6 50	5 75
	на 6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ пересылкою:	5	4 50	4	3	2	1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ 11 р. 50 к., съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря—9 р. 75 к.

Газетная плата допущается чрезъ посредство назначенъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты «*НОВОСТИ*».

СВѢТЪ и ТѢНИ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КАРРИКАТУРНЫЙ

Успѣхъ предлагаемаго издаванія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончатія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи приѣма подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ, экземпляровъ служивъ лучшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которою редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ парахъ, затрудненій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій—неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ—устранено тѣмъ, что редакція вышла всемогущимъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкций и открыть при Главной Конторѣ собственныя Хромохитографическое и Типографское заведеніе, въ которыхъ съ 15 ноября этого года и будутъ производиться всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала „Свѣтъ и Тѣни“ было помѣщено:

1) Шесть страницъ бол. форм. каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академикъ—К. А. Трутовскій, А. К. Сопрасовъ, каррикатуристы—Н. А. Богдановъ, Н. Н. Клангъ, М. А. Виноградовъ, и др.—2) Около пятидесяти отдѣльныхъ оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.).—3) Шесть ежемѣсячныхъ премій—большихъ (около $\frac{3}{4}$ арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыхъ вошли: два большихъ оригинальныхъ романа Историческій „Драма на Дубнякѣ“. И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ—„Глухомъ вѣчью“. Знаменитая поэма Кольриджа „Мѣсяцъ старгае шерана“ иллюстрированная 12-ю большими рисунками Густава Доре; множество рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, юморстическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторія происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обичаевъ, художественныхъ и театральныхъ обзорѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поминувших картинъ, карикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминированы красками и, что кромѣ того всѣ гг. годовые подписчики получаютъ еще бесплатную годовую премію — большую олеографическую картину, — то успѣхъ журнала сдѣлается поватентъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года въ видѣ такой преміи редакція предлагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шума, картина академика Ж. А. Трутовскаго: „Ночь на Ивана Кувалу въ Малороссіи“. Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ гг. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, параллельно съ изданіемъ журнала „Свѣтъ и Тѣни“, намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе:

МІРСКОЙ ТОЛКЪ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и Тѣни», чтобы такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необлающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественное иллюстрированное изданіе и даже журналъ карикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, „Мірской Толкъ“ будетъ тоже, какъ и „Свѣтъ и Тѣни“, выходить еженедѣльными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи, извѣстія и обзорѣнія по предѣтамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія.
- 2) Статьи, извѣстія и обзорѣнія по предметамъ внѣшней политики.
- 3) Беллетристика — оригинальные, и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе рассказы, сцены и стихотворенія.

творенія.—4) Театры и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.—6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности.—7) Критика и библиографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденція, русскія и иностранныя.—10) Судебная хроника.—11) Семья.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіяся на журналъ „Мірсной Толкы“, кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ бесплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На журналъ „СВѢТЪ и ТѢНЬ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 9 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 6 „

На журналъ „МІРСНОЙ ТОЛКЪ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 7 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 4 „

Лица подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-ть мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Москвѣ въ Главной Конторѣ редакціи (*Стрѣтенка д. Шагаева*) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ С.-Петербургѣ: При книжномъ маг. О. И. Бакста. 3) Въ Казани: При книжномъ маг. „Восточная Лира“. 4) Въ Одессѣ: Въ собств. отд. конторы (*Дерибасовская ул., д. киними Ди-Санъ-Лоренцо*). 5) Въ Парижѣ: Въ Генеральномъ Агентствѣ редакціи (*Rue Lafayette 142*).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакціи журнала „Мірсной Толкы“ и „Свѣтъ и Тѣнь“.

Редакторъ-Издатель Н. Пушкаревъ.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

Включаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библиографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

открыта подписка на 1879 годъ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакцію журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

